

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

МАЙ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- | | | | |
|---|-----|--|-----|
| I. Осипъ Ивановичъ Сенковский (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія Е. Н. Ахматовой. | 273 | VIII. Матеріалы для исторіи русской цензуры, 1809—1815 гг. | 459 |
| II. Литовскій митрополитъ Іосифъ Станиско въ 1839—1844 гг. Сообщ. г. Ж.—изъ | 313 | IX. Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка М. И. Семевского по Россіи въ 1888 г.: Москва.—М. Г. Черлаевъ.—Троице-Сергіева лавра и люди науки. | 489 |
| III. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-биографическій очеркъ. Составилъ П. О. Бобровскій. Гл. III. | 325 | X. Матеріалы и откъоты: ген.-фельдцейхм. Минихъ 1730 г. (458).—А. С. Шишковъ 1824 г. (466).—Къ сатиры «Домъ сумасшедшихъ» (468).—А. П. Лакомте, 1812—1842 гг. (471).—Михаилъ Шумскій (473).—Н. П. Огаревъ (388).—Поэты Цедлицъ (474).—М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (475).—Н. О. Сухожанецъ, 1861 г. (477).—Къ Воспомин. Сорокина (480).—Н. М. Пржевальскій (482).—Т. П. Пассекъ, † 24-го марта 1889 г. (485).—Дождь М. П. Погодина въ Москвѣ (511).—300-лѣтіе Саратова (512).—Поправки. | |
| IV. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Гл. IV. | 357 | XI. Библиографическій листокъ. | |
| V. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг. 389 | 389 | | |
| VI. Последний бой за Шипу. По поводу воспоминаній В. В. Верещагина. Очеркъ ген.-майора Л. Н. Соболева. 1877—1879 гг. | 411 | | |
| VII. О кончинѣ царевича Симеона и о саняхъ, употребленныхъ при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ. Сообщ. А. Н. Труворовъ. | 451 | | |

П Р И Л О Ж Е Н І Е: Портретъ Михаила Кирилловича Бобровскаго, греко-униатскаго каноника; гравировалъ художникъ Н. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.



1889.

V-я книга „Русской Старинки“ вышла 1-го мая 1889 г.

Рейнгольдъ Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изд. Археографич. комиссіи. Сиб., 1889 г., въ 8 д., стр. LXXXVI+309+29.

Названный здѣсь трудъ принадлежитъ писателю, прославившемуся въ польской историографіи многими историческими произведеніями, и весьма важенъ въ русской исторической литературѣ, какъ сказаніе, появившееся вскорѣ послѣ окончанія войны царя Ивана Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ изъ-за обладанія Ливоніей,—сказаніе, почти современное событіямъ. Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайной точности и тщательности перевода, довольно сказать, что книга эта принадлежитъ къ числу изданій археографической комиссіи; переводу «Записокъ» предпослано обширное и весьма хорошо составленное послѣдованіе объ авторѣ комментаріевъ, о судьбѣ его труда, обратившаго вниманіе многихъ ученыхъ и государственныхъ людей Европы XVI и XVII вѣковъ и, наконецъ, о цѣли, такъ сказать, литературѣ дневниковъ, записокъ, актовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ изданнымъ вышѣ мемуарамъ Гейденштейна. Русскій ихъ переводъ обставленъ примѣчаніями и сопровождается указателями личныхъ именъ и географич. названій. Переводъ исполненъ П. П. Виноградовымъ, подъ редакцію извѣстнаго ученаго проф. В. Г. Васильевскаго, которому принадлежитъ и введеніе къ книгѣ.

Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 78.

Оттискъ изъ «Извѣстій» университета св. Владиміра, монографія уважаемаго профессора этого университета. Въ этомъ изслѣдованіи и очеркѣ матеріаловъ и трудовъ, посвященныхъ характеристикѣ личности и дѣятельности патр. Никона,—съ замѣчательною полнотою и обстоятельностью обозрѣно все, что появилось въ печати о знаменитомъ патріархѣ, людяхъ и событіяхъ, до него относящихся. Историкъ-профессоръ изъ своего прекраснаго труда дѣлаетъ тотъ выводъ, что «въ изданныхъ по настоящее время матеріалахъ накопилось уже достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ становится возможнымъ составленіе обстоятельной и всесторонне

разработанной монографіи о патр. Никонѣ. Полный сводъ и оцѣнка свидѣтельствъ современниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, оказывающихся болѣе многочисленными, чѣмъ обыкновенно пользуются ими, повѣрившихъ фактами личной дѣятельности и взглядами знаменитаго патріарха, сопоставленныхъ съ разнообразными отношеніями и интересами, съ которыми приходилось ему соприкасаться или вести борьбу, религіозными, умственными, общественными и политическими, наконецъ, дополненными многочисленными бытовыми чертами, выступяющими съ такою рельефностью въ знаменательный періодъ борьбы стараго порядка съ новымъ—такова, по мнѣнію уважаемаго В. В. Иконникова, задача, предстоящая будущему изслѣдователю, который рѣшится посвятить на это свой досугъ и трудъ,—задача, вполне заслуживающая вниманія и сочувствія».

Кубанское казачье войско 1696—1888 гг. Сборникъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. Е. Д. Фелицынъ. Воронежъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 438, съ иллюм. красками картою города Екатеринодара, портретами и полтипажами.

Заботливо изданная и хорошо составленная книга, въ которой собраны свѣдѣнія къ исторіи возникновенія Черноморскаго войска, переселенія его на Кубань, самоуправленія и землевладѣнія черноморскихъ казаковъ, даннымъ объ ихъ экономическомъ бытѣ, линейной службѣ, борьбѣ съ горцами, характерные ея эпизоды и проч.; затѣмъ помѣщены біографич. замѣтки о двадцати пяти атаманахъ этого доблестнаго войска, за время съ 1788-го по 1888 г., съ ихъ портретами.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министертва Юстиціи.—Книга пятая.—Москва, 1888 г., въ 6. 8 д., стр. XIII+508+156. Цѣна 3 руб.

Архивъ ми—ства юстиціи неуклонно продолжаетъ дѣло описанія своихъ историческихъ и юридическихъ сокровищъ. Выпустивъ въ 1869 году первую книгу этого описанія, архивъ нынѣ издалъ пятый томъ; въ него вошли слѣдующіе труды: Исторія Разряднаго архива (1711—1812), А. А. Годово-Голомбьевскаго. Исторія Вотчиннаго арх. до 1812 г., Н. Н.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ

(баронъ Брамбеусъ).

Воспоминанія Е. Н. Ахматовой.

Помѣщая вслѣдъ за симъ интересный очеркъ изъ воспоминаній Елизаветы Николаевны Ахматовой, очеркъ, въ которомъ ярко обрисовывается личность крупнаго и блестящаго, по таланту и учености, русскаго писателя и журналиста Осипа Ивановича Сенковскаго, мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ настоящаго разсказа.

Елизавета Николаевна Ахматова принадлежитъ къ числу старѣйшихъ по времени и весьма заслуженныхъ въ средѣ русскихъ современныхъ писательницъ. Она, если можно такъ выразиться, была изъ числа тѣхъ пионеровъ женскаго интеллигентнаго труда, который вслѣдъ затѣмъ, мало по малу, получилъ, уже въ наши дни, право полной гражданственности въ русскомъ образованномъ обществѣ. Тѣмъ симпатичнѣе заслуги Елизаветы Николаевны на литературномъ поприщѣ.

Е. Н. Ахматова родилась 2-го декабря 1820 года, въ селѣ Началовѣ, Черепаша то-жъ, въ 12 верстахъ отъ Астрахани. По происхожденію она принадлежитъ къ старинной русской дворянской фамиліи. Отецъ ея, Николай Ѳедоровичъ, былъ сыномъ контръ-адмирала Ѳедора Антиповича Ахматова и Маріи Ивановны Ахматовой, рожденной Соловцовой. Эта Соловцова была племянницей Никиты Аеапасьевича Бекетова, прославившагося, между прочимъ, въ качествѣ отличнаго хозяина, положившаго начало винодѣлію въ Астраханской губерніи. Матерью Елизаветы Николаевны была Александра Михайловна Ахматова, рожденная Гарновская, дочь ближайшаго наперсника князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, полковника Михаила Антоновича Гарновскаго, обширныя и

весьма интересныя записки котораго были помѣщены въ «Русской Старинѣ»¹⁾. Записки Гарновскаго представляютъ, какъ извѣстно, въ высшей степени цѣнный матеріалъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, а самая личность этого человѣка крайне характерна, такъ какъ онъ отличался замѣчательнымъ, по своему времени, умомъ, образованіемъ и энергіей. О томъ же Гарновскомъ еще не такъ давно на страницахъ «Русской Старины» были любопытныя извѣстія въ запискахъ Александра Михайловича Тургенева²⁾. Память о томъ-же Гарновскомъ сохраняется въ Петербургѣ, соединенная съ громаднѣйшимъ зданіемъ казармъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, у Измайловскаго моста, на Фонтанкѣ, каковой домъ былъ нѣкогда дворцемъ Гарновскаго и до сихъ поръ именуется его фамиліей.

Елизавета Николаевна Ахматова, внучка Гарновскаго, получила отличное домашнее образованіе и, увлекаемая необыкновенною склонностью къ литературнымъ занятіямъ, продолжала его чтеніемъ множества книгъ, какія только могли быть ею добываемы. Она особенно хорошо ознакомилась съ иностранными языками (англійскимъ и французскимъ) и слѣдила внимательно за современной ей европейской литературой.

Въ мѣстномъ губернскомъ обществѣ рано замѣтили ея отличное образованіе и ея красоту. Пылкая, увлекающаяся, она не могла между литературными свѣтилами своего времени не замѣтить блестящаго по уму барона Врамбеуса и обратилась къ нему съ письмомъ. Тотъ, въ свою очередь, быстро откликнулся на обращеніе къ нему даровитой провинціалки, и вотъ завязалась въ высшей степени интересная переписка, въ которой О. И. Сенковскій вполне обрисовывается.

Въ 1845 г. Елизавета Николаевна отправилась въ Петербургъ и здѣсь познакомилась съ Сенковскимъ. Въ концѣ 1848 г. она окончательно переселилась на берега Невы и стала трудиться на литературномъ поприщѣ. Любовь ея къ литературѣ выразилась не въ однихъ трудахъ переводныхъ и оригинальныхъ. Она пожертвовала на это дѣло весь свой небольшой капиталъ, отдавъ его въ распоряженіе редакціи «Библіотеки для Чтенія». Въ 1851 году она уѣзжаетъ за границу, а съ конца 1853 г., по возвращеніи въ Петербургъ, продолжаетъ усердно заниматься переводами преимущественно въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Съ 1856 г. появляется ежемѣсячное изданіе: «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ» въ переводѣ на русскій

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томы XV и XVI.

²⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 545 — 559, LIX, стр. 8 и 230.

языкъ. Это періодическое изданіе производилось первоначально на средства Андрея Александровича Краевского. Е. Н. Ахматова была только редакторомъ этого сборника; съ 1863 г. Елизавета Николаевна, оставаясь редакторомъ Собранія романовъ и повѣстей, сдѣлалась его издателемъ.

Тридцать лѣтъ продолжалось это изданіе и прекратилось лишь въ 1885 году.

Въ 1864—1866 гг., включительно, Елизавета Николаевна издавала дѣтскій журналъ «Дѣло и Отдыхъ».

Эта многолѣтняя, неустанная, энергическая литературная дѣятельность даровитой русской женщины, рано обратившейся къ самостоятельному литературному труду, всеконечно заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія, именно потому, что эта дѣятельность была вполне плодотворна. При отличномъ образованіи, Елизавета Николаевна имѣла полную возможность, и прекрасно пользовалась этою возможностью, останавливать вниманіе своихъ многочисленныхъ читателей и читательницъ на лучшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ Франціи, Германіи и Англіи. Дѣйствительно, на страницахъ ея сборника читатели постоянно находили всѣхъ лучшихъ писателей Европы текущаго столѣтія; но, вмѣстѣ съ произведеніями знаменитыхъ писателей, Елизавета Николаевна Ахматова представляла множество произведеній и мало извѣстныхъ у насъ европейскихъ авторовъ, произведеній вполне пригодныхъ для семейнаго чтенія, къ какому она, главнымъ образомъ, и предназначала свой сборникъ. Что касается до извѣстныхъ европейскихъ авторовъ, то Е. Н. Ахматовой безспорно принадлежитъ заслуга, что она одна изъ первыхъ по времени ознакомила русскую публику съ произведеніями Уильяма Коллинза, Андре Лео, Троллопа (почти всѣ лучшіе его романы переведены въ ея изданіи), Чарльза Риды, Генри Удъ; ею же издано множество романовъ Бульвера, Диккенса, Теккерея, Эдварда Дженкинса, Джорджа Эліота, Виктора Гюго, Жоржа Занда, Эрмана Шатріана, Октава Фелье и многихъ другихъ, даже современныхъ французскихъ романистовъ, каковы Гюи Мопассанъ и Золя включительно. Не остались внѣ ея вниманія романы новыхъ американскихъ писателей; таковы были также ею переведены въ достаточномъ количествѣ.

Языкъ переводовъ самой Е. Н. Ахматовой, при ея отличномъ знаніи языковъ англійскаго и французскаго и языка отечественнаго, и при ея чрезвычайной опытности въ трудѣ переводчицы, всегда отличался чистотою и изяществомъ. Сотрудницъ у нея, въ 30 лѣтъ ея труженнической жизни, было немного, но онѣ были высоко образованныя женщины.

Всѣ эти труженицы — русскія женщины — вкладывали въ свои переводы массу добросовѣстнаго и усерднаго труда. По свидѣтельству Е. Н. Ахматовой, каждое выраженіе, относящееся къ какой бы то ни было отрасли знанія, каждый намекъ на историческую или въ какомъ бы то ни было отношеніи замѣчательную личность, провѣрялись специалистами; множество примѣчаній, разъясненій, замѣтокъ разсыпано на страницахъ трехъ сотъ сорока четырехъ (344) объемистыхъ томовъ «Собранія романовъ», изданныхъ въ русскомъ переводѣ Е. Н. Ахматовой и ея сотрудницъ. Добросовѣстныя труженицы совѣтовались въ этихъ случаяхъ со многими уважаемыми писателями и учеными, и тѣ не отказывали имъ въ своихъ совѣтахъ и разъясненіяхъ.

Какая масса труда вообще поднята этой писательницей — о томъ свидѣтельствуетъ прилагаемый вслѣдъ за симъ перечень ея оригинальныхъ произведеній, переводовъ и отдѣльныхъ изданій.

Теперь, когда женскій трудъ получилъ право почти полной гражданственности въ нашемъ отечествѣ, когда во всѣхъ сферахъ знанія, науки, литературы, искусствъ мы имѣемъ многочисленныхъ и притомъ нерѣдко весьма образованныхъ и даровитыхъ труженицъ, когда въ числѣ европейскіхъ свѣтилъ науки блестятъ такія славныя русскія имена, какъ, напр., профессоръ Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, еще недавно получившая наивысшую награду за ученые заслуги въ области математики, награду отъ парижской академіи наукъ; когда мы имѣемъ такой высоко-художественный талантъ, каково дарованіе госпожи Хвощинской (по мужу Заіончковская), (псевдонимъ Крестовскій) или даровитыхъ писательницъ для юношества, каковы графиня Е. В. Салиасъ (Евгенія Туръ), Е. Н. Семейская (Водозова) и другія; когда, наконецъ, возникаютъ цѣллыя артели или общества литературныхъ труженицъ, какъ, напр., общество въ Харьковѣ, прославившееся изданіями превосходнаго, обширнаго труда «Что читать народу», и т. д., — «Русской Старинѣ» вполне подобаешь останавливать вниманіе современныхъ читателей и читательницъ на первоначальницахъ женскаго русскаго литературнаго труда въ нашемъ отечествѣ..

Мы съ особымъ удовольствіемъ даемъ въ настоящей книгѣ «Русской Старинѣ» мѣсто весьма интересному разсказу Е. Н. Ахматовой объ Осипѣ Ивановичѣ Сенковскомъ, весьма извѣстномъ въ свое время литературномъ дѣятелѣ, подъ псевдонимомъ баронъ Брамбеусъ.

Еще два слова.

Надо отдать справедливость русскимъ людямъ 1840 годовъ. Они встрѣтили съ полнѣйшимъ сочувствіемъ литературныя начинанія и затѣмъ дальнѣйшія труды Е. Н. Ахматовой; они поддерживали ее одобреніями, своимъ участіемъ, своею дружбою. Въ первые же годы по пріѣздѣ и водвореніи Е. Н. Ахматовой въ Петербургъ, въ ея скромной гостиной, на ея литературныхъ вечерахъ весьма часто можно было встрѣтить А. В. Никитенко, А. В. Дружинина, А. А. Краевского, В. П. Гаевского и другихъ видныхъ литературныхъ дѣятелей ея времени.

То были ближайшіе друзья тогда молодой, красивой и высокообразованной русской дѣвушки, которая, смѣло оставя предрасудки своихъ современницъ, выступила на литературное поприще и рѣшилась отвоевать себѣ самостоятельное положеніе въ современномъ ей обществѣ исключительно литературнымъ трудомъ. Личность Елизаветы Николаевны настолько тогда-же выдвинулась и умою, и дарованіемъ, что Николай Ивановичъ Пироговъ, познакомившись съ ней, сохранилъ къ ней чувство дружбы и уваженія во всю свою жизнь.

Михаилъ Семеновій.

Литературные труды и изданія Е. Н. Ахматовой

1847—1888 гг.

I.

Оригинальные.

- 1848 г. Замосковская хѣтопись, въ «Библіотекѣ для Чтенія».
- 1849 г. Вторая замосковская хѣтопись, тамъ-же.,
- 1850 г. Третья замосковская хѣтопись, тамъ-же.
- 1851 г. Мачиха, тамъ-же.
- 1853 г. Кандидатки на званіе старыхъ дѣвъ, тамъ-же.
- 1854 г. Современный разсказъ, тамъ-же.
- 1855 г. Приключенія моея пріятельницы, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».
- 1857 г. Вторая жена, въ «Сынѣ Отечества».
- 1858 г. Блестательная партія, въ «Сынѣ Отечества». Эта повѣсть была написана въ 1852 г. для «Отечественныхъ Записокъ», но запрещена цензурой и тамъ, и въ «Библіотекѣ для Чтенія».

- 1858 г. Помѣщица, въ «Литературномъ Сборникѣ въ пользу Смирдина».
 1831 г. Три дня въ жизни молодого человѣка, въ юбилейномъ номерѣ «Собранія Романовъ».
 1882 г. Завѣщаніе, въ «Собраніи Романовъ».

II.

Переводы.

- 1842—1855 гг. Множество романовъ и мелкихъ статей въ «Библиотекѣ для Чтенія» и нѣсколько романовъ въ «Отеч. Запискахъ».
 1860 г. Четыре Георга, Теккерей, съ примѣчаніями, въ «Русскомъ Вѣстникѣ».
 1856—1835 гг. Богѣе трехъ сотъ большихъ романовъ въ «Собраніи Романовъ».
 1885 г. Маленькій герой, отдѣльная книжка, изданная А. С. Сувориннымъ.
 1887 г. Игорище судьбы, съ англійскаго, въ «Русской Мысли».

III

Изданія Е. Н. Ахматовой.

- 1856—1885 гг. «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ въ переводѣ на русскій языкъ»
 1864—1866 гг. Дѣтскій журналъ «Дѣло и Отдыхъ».
 Изъ числа разныхъ другихъ вѣщъ, изданныхъ Е. Н. Ахматовой, должно упомянуть объ исторической повѣсти Н. И. Костомарова: «Сынъ» и книгѣ «Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и странъ, сочиненіе Чарльза Уильяма Геркертора», переводъ съ англійскаго.

I.

Годы моей молодости.—Первыя письма О. И. Сенковского ко мнѣ до моего личнаго знакомства съ нимъ.

Мои воспоминанія объ О. И. Сенковскомъ тѣсно связаны съ моею собственною литературною дѣятельностью, и я должна прежде всего извиниться, что мнѣ придется много говорить о самой себѣ, а для того, чтобы письма Осипа Ивановича ко мнѣ, такъ ярко характеризующія личность этого замѣчательнаго, въ свое время, человѣка, были вполнѣ понятны для читателей, необходимо упомянуть о первыхъ годахъ моей молодости и о той средѣ, въ которой я росла.

Я родилась, воспитывалась и жила до двадцатитрехлѣтняго возраста на одной изъ дальнихъ окраинъ Россіи, въ прелестномъ уголкѣ въ двѣнадцать верстахъ отъ Астрахани.

Село Началово, Черепаха то-жь, помѣстье моего отца Николая Федоровича Ахматова, славилось винодѣліемъ, шелководствомъ и фруктовыми садами. Въ то время, когда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, и сообщенія съ чужими краями были затруднительнѣе, чѣмъ теперъ, виноградъ изъ сада села Черепахи посылался ко двору.

Черепаха была оазисомъ среди степей, un morceau tombé du ciel, какъ выразился одинъ французъ, и главная ея прелесть заключалась въ томъ, что въ ней не было никакихъ барскихъ затѣй, ни статуй, ни мостиковъ, ни искусственныхъ прудовъ, ни изукрашенныхъ бесѣдокъ,—вся красота ея громаднаго великолѣпнаго сада заключалась въ роскошныхъ виноградныхъ лозахъ и въ чудесныхъ кустахъ розъ. Это прелестное мѣсто, которое представляется мнѣ теперъ какимъ-то видѣніемъ изъ Тысячи одной ночи, какимъ-то волшебнымъ сномъ, я тогда такъ мало цѣнила, что рвалась изъ него въ далекій и холодный Петербургъ.

Казалось бы, что роскошная обстановка, согрѣтая жаркимъ солнцемъ юга, полное приволье деревенской барской жизни должны располагать къ лѣности и нѣгѣ, а во мнѣ, напротивъ, съ каждымъ годомъ развивалась любовь къ труду. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ я не знала что значить лѣность, во мнѣ кипѣла жажда дѣятельности, стремившейся, однако, не туда, куда должна бы направлять ее окружавшая меня среда. Сельское хозяйство, чрезвычайно интересное на Черепакѣ, меня не привлекало, во всѣмъ красотахъ и прелестяхъ черепашенскаго сада я оставалась равнодушна и уже долго спустя, по оцѣнкѣ, сдѣланной памятью моего сердца, я поняла какъ Черепаха была мнѣ дорога.

Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, во мнѣ преобладали двѣ наклонности—любовь къ чтенію и уединенію, хотя уединяться я не имѣла никакого повода, я росла въ дружной семьѣ. Мать моя—отецъ мой умеръ, когда мнѣ минуло пять лѣтъ—души во мнѣ не слышала и я сама горячо ее любила; братья и кузина, воспитывавшаяся вмѣстѣ съ нами, не только любили меня, но и уважали—я была старше ихъ не столько по лѣтамъ, сколько по своей серіозности—и, не смотря на разность нашихъ характеровъ, а можетъ быть именно поэтому, мы уживались очень хорошо. Александръ Мартенъ въ своемъ сочиненіи *L'éducation du caractère* говоритъ, что человѣкъ рождается ни добрымъ, ни злымъ, ни лѣнивымъ, ни трудолюбивымъ, ни лгуномъ, ни великодушнымъ. Это нелѣпое мнѣніе, которое можетъ опровергнуть всякая умная и внимательная мать, наблюдающая за природными наклонностями своихъ дѣтей съ ихъ младенчества, вполне опровергала и наша семья. Мы росли подъ однимъ надзоромъ, въ одной

обстановкѣ, у насъ были одни наставники, одни учителя, а между тѣмъ по наклонностямъ и характерамъ мы не имѣли никакого сходства между собой. Я, молчаливая и серьезная не по лѣтамъ, съ дѣтства пристрастилась къ умственнымъ занятіямъ; братъ Михаилъ, спокойный, хладнокровный, съ жилкой остроумія и юмора, имѣлъ страсть и способность къ музыкѣ; братъ Федоръ былъ задумчивъ и религиозенъ; кузина Феликитана—или, какъ мы ее называли, Фелица—мастерица на всѣ женскія работы и права очень веселаго. Наша домашняя жизнь, направляемая свѣтлымъ умомъ и разумной любовью къ намъ моей матери, производила на меня самое благотворное вліяніе, и въ обществѣ мнѣ было хорошо. Въ Астрахани въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ много веселились, и хотя одно время я увлеклась вихремъ свѣтскихъ удовольствій, я все-таки считала себя вполне счастливой только въ своей комнатѣ за книгой, и наединѣ сама съ собой.

Хотя я имѣла самыхъ лучшихъ учителей, какихъ можно было имѣть тогда въ отдаленномъ губернскомъ городѣ, по ученіе не удовлетворяло мою любознательность. Въ то время заучиванье наизусть играло въ урокахъ главную роль, и я училась съ пользой и охотно только языкамъ. Потомъ чтеніе окончило мое образование; у насъ была обширная бібліотека, устроенная еще моимъ дѣдомъ, пополняемая новыми русскими журналами; въ астраханскомъ обществѣ выписывались въ складчину французскіе беллетристы, и я, любя дѣлиться моими впечатлѣніями, часто читала моей матери, которая иностранныхъ языковъ не знала, французскую книгу по русски, какъ читають ноты, à livre ouvert. Легкость, съ какою мнѣ давались эти словесные переводы, внушила мнѣ желаніе попробовать мои силы на бумагѣ и я принялась усердно дѣлать выписки и переводить.

Но, наконецъ, мои дилетантскія занятія литературой перестали меня удовлетворять, и въ одинъ прекрасный день, достопамятный для меня на вѣки, 1 октября 1842 г., я послала въ редакцію «Бібліотеки для Чтенія», на имя Осипа Ивановича Сенковского, письмо и переводъ повѣсти графини Дашъ, «Мальтійскій кавалеръ». Повѣсть была послана какъ образецъ моего слога, а въ письмѣ заключалась просьба помѣстить въ «Б. для Ч.» большой историческій романъ, переведенный мною съ французскаго, «Фрейлина», или продать его книгопродавцу, чтобы издать отдѣльно. Конечно, это было очень наивно съ моей стороны. Можно ли было надѣяться, чтобы на просьбу неизвѣстной переводчицы изъ отдаленной провинціи обратилъ вниманіе петербургскій журналистъ? Однако, именно это и случилось. Я до сихъ поръ приписываю мою удачу какому-то невѣроятному счастью; фаталисты назвали бы это судьбой; я не фата-

лястка, въ судьбу никогда не вѣрила и не вѣрю, а должна сказать, что письмо, написанное въ удачную минуту, имѣло вліяніе на всю мою остальную жизнь и доставило мнѣ то, что я выше всего цѣнила, а именно, честь сдѣлаться членомъ, хотя и самымъ младшимъ. литературной семьи. Черезъ полтора мѣсяца послѣ отправленія послыжи и письма я получила отъ О. И. Сенковскаго слѣдующій отвѣтъ:

3 ноября 1842 г.

«Мил. гос. Лизавета Николаевна. Я легко представляю себѣ, какое убѣждающее выраженіе умѣете вы придать голосу и словамъ вашимъ при личномъ объясненіи, суди по любезности строкъ, которыхъ вы меня удостоили. Вы справедливо были увѣрены заранѣе, что я ни въ чемъ не буду имѣть жестокосердія отказать вамъ, когда вы станете просить такъ мило и такъ плѣнительно. Благодарю васъ за довѣріе, которымъ вы меня почтили, и обѣщаю употребить всѣ мои усилія, чтобы исполнить ваши желанія. Прежде всего долженъ я объяснить вамъ два обстоятельства, которыя, по отдаленности мѣстъ, могутъ быть неизвѣстны вамъ. Послѣ паденія Смирдина у насъ рѣшительно нѣтъ ни одного книгопродавца, который бы издавалъ на свой счетъ книги и былъ въ состояніи покупать рукописи. Эти люди живутъ и торгуютъ безъ капиталовъ и безъ кредита. Что касается до «Б. для Ч.», то она имѣетъ отдѣльную редакцію, а я тутъ только директоръ и руководитель, выборъ матеріаловъ я предоставилъ совершенно редакціи, оставивъ за собою только право одобренія или неодобренія. Въ такомъ положеніи дѣль вы напередъ уже знаете, что я сдѣлаю: я употребляю мое предстательство у редакціи, чтобы она нашла мѣсто для вашего «Мальтійскаго кавалера», если эта повѣсть не была уже напечатана ни въ какомъ другомъ журналѣ и если къ напечатанію ея нѣтъ важныхъ препятствій. Во всякомъ случаѣ, помѣщеніе ея въ «Б. для Ч.» не можетъ исполниться немедленно: мѣсто всегда занято заранѣе на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Но я поговорю, попрошу: ахъ! если бы я умѣлъ просить такъ мило, какъ вы, все сдѣлалось бы сейчасъ по первому слову и согласно моему нетерпѣнію доставить вамъ удовольствіе!...

Что касается до «Fille d'honneur», то не думаю, чтобы этотъ романъ могъ найти мѣсто въ моемъ журналѣ: во первыхъ, онъ уже не новъ, во вторыхъ, его нужно было бы сократить. За это можетъ быть не возмущаться, да и вы сами вѣрно не согласитесь. Содержанія этого романа я не знаю, но чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ можно

было бы употребить его, я прочитаю книгу и увижу самъ. Остаются затѣмъ книгопродавцы, на нихъ мало имѣю надежды, однако-жь, буду стараться всѣми силами найти для васъ издателя между ними, если редакция не возьметъ вашей рукописи. Я дѣйствую вопреки моему удовольствію, общая вамъ съ перваго слова сдѣлать все, что только можетъ быть пріятнымъ для васъ и будетъ зависѣть отъ меня; мнѣ слѣдовало бы поторговаться съ вами, то естѣ выторговать у васъ еще два или три такихъ же милыхъ писемъ, какъ это. Но я полагаюсь на вашу добросовѣстность. Не правда ли, вы не обманете меня? Не правда ли—это не послѣднее письмо ваше? Я готовъ даже притвориться разсѣяннымъ и лѣнтяемъ для вѣрности. Да! я ужасно разсѣянъ: не забудьте, безконечно любезная Лизавета Николаевна, что меня надо побуждать, надо часто напоминать мнѣ мое общіе и все точно такими жъ остроумными и любезными письмами, какъ это первое, непремѣнно такими же! Это—единственное средство со мной, таковой я—разсѣянный. Сенковскій».

Адресъ: Его высокородію Осипу Ивановичу С—му, на большой набережной Васильевскаго острова, домъ Усова, № 21.

Можно себѣ представить мой восторгъ. Я, конечно, выразила всю мою признательность въ новомъ письмѣ. Оно вызвало такой отвѣтъ, который чуть не свелъ меня отъ радости съ ума. Надо вспомнить, что я жила, такъ сказать, на краю свѣта, и хотя въ обществѣ образованномъ, но не литературномъ; надо вспомнить также всю мою любовь къ умственнымъ занятіямъ, чтобы понять—какъ я оцѣнила это чудесное письмо.

3 декабря 1842 г.

«Когда я вамъ писалъ, остроумная, милая и—я хотѣлъ сказать почтенная, нѣтъ, вы, вѣрно еще не почтенная, Лизавета Николаевна, что я очень разсѣянъ и что меня нужно понуждать прелестными и плѣнительными письмами, подобными вашимъ, а только шутилъ и можетъ быть неумѣстно: и ни мало не забылъ вашего порученія и сегодня сяду уже писать вамъ объ успѣхахъ моего старанія, какъ вдругъ, къ великой радости моей, получаю очаровательную розовую бумажку изъ Астрахани и на этой бумажкѣ столько ума, столько тонкости, столько добраго и благороднаго чувства, что все это показалось мнѣ вторымъ волшебствомъ Наины, вторымъ замкомъ Черномора, вылитымъ изъ воды, огня, золота и воздуху, наполненнымъ розами и мечтами, которые я вчера видѣлъ или, скорѣе, слышалъ, сквозь живописные звуки музыки Глинки. Это письмо тронуло меня:

я говорю вамъ откровенно. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно меня смутило. Почему-жъ вы считаете меня такимъ тщеславнымъ, такимъ самодовольнымъ, что предполагаете, будто я заранѣе разсчиталъ эффектъ моего письма и отпривилъ его къ вамъ въ той увѣренности, что оно васъ какъ вы говорите, осчастливитъ? Такой волшебной силы я никогда не приписывалъ моимъ посланіямъ, и я имѣю привычку менѣе о себѣ воображать, нежели какъ вы думаете. Я очень сожалѣю, что не пользуюсь счастіемъ быть вамъ лично знакомымъ. Вы тогда убѣдились бы совершенно, что самонадѣянность—не мой порокъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. За будущее не отвѣчаю: напротивъ, очень боюсь, что ваши обворожительныя письма, исполненныя такихъ лестныхъ для меня выраженій, дѣйствительно, сдѣлаютъ меня тщеславнымъ и самонадѣяннымъ. Клянусь вамъ, ничего больше какъ одна неизъяснимая прелесть вашего письма заставила меня отвѣчать вамъ, меня, врага переписокъ, чловѣка, вовсе не расположеннаго вдаваться въ корреспонденціи, которыя поглотили бы все мое время, если бы я сталъ отвѣчать на всѣ письма, сыплющіяся на меня каменнымъ дождемъ ежедневно. Дѣлая безпримѣрное въ моихъ нравахъ и обычаяхъ изъятіе для вашего милого письма, я только искалъ моего личнаго удовольствія. Мой отвѣтъ былъ невольнымъ выраженіемъ того наслажденія, которое доставилъ мнѣ вашъ прелестный умъ. Я хотѣлъ только продолжить для себя это наслажденіе, бесѣдуя съ вами. Одно только я сдѣлалъ съ разчетомъ и надѣюсь, вы не упрекнете меня за него. Вида васъ «на краю свѣта», въ Астрахани, съ такимъ образованнымъ умомъ, съ такими проблесками дарованія, съ такою жаждою благороднаго и изящнаго занятія для души и воображенія, мнѣ показалось, что я обязанъ помочь вамъ и что вамъ, заброшенной за три-девять земель въ царство царя Берендея, будетъ пріятно найти въ Петербургѣ исполнителя вашихъ порученій, для которыхъ у васъ, навѣрное, немного здѣсь приказчиковъ. Это удовольствіе я, дѣйствительно, хотѣлъ вамъ доставить и я увѣренъ, что если бы вы жили въ Петербургѣ, а я въ Астрахани, и я бы обратился къ вамъ съ какойнибудь просьбою въ родѣ того легкаго порученія, котораго вы меня удостоили съ такой добродушной довѣренностью, вы, конечно, сдѣлали бы то-же самое для меня, хотя я былъ и вовсе не извѣстенъ вамъ. Я васъ такъ понимаю и даже не хочу понимать иначе. Торжественное доказательство того, что ваши письма доставляютъ мнѣ положительное и несомнѣнное удовольствіе вы имѣете въ той готовности, съ какой я, занятый до крайности и не спавшій уже нѣсколько ночей сряду, привимаюсь снова за переписку съ вами—даже въ самой величинѣ листа бумаги, который

взялъ я для этого письма, а надобно вамъ знать, что я пишу всегда на самыхъ крошечныхъ бумажкахъ и славлюсь лаконизмомъ моего эпистолярнаго слога на весь Петербургъ, отвѣчая всегда на самыя длинныя письма однимъ или двумя словами. Но за этимъ листомъ я нарочно ходилъ въ шкафъ: мнѣ казалось, что у меня такъ много чего сказать вамъ! что я никогда не выплачу вамъ того долга, который наложилъ на себя, требуя вашего новаго письма, новаго моего удовольствія, и получивъ отъ васъ снова столько милыхъ словъ, столько любезныхъ выраженій, сказанныхъ съ такой прелестью и, какъ мнѣ кажется, чистосердечно отъ полноты прекрасной души, притворяться невиннымъ не стану; скажу вамъ откровенно, что и довольно, даже слишкомъ привыкъ къ письмамъ обоего пола, наполненнымъ незаслуженной лестью, или по крайней мѣрѣ тѣмъ, что могло бы льстить моему тщеславію, если-бъ тщеславіе принадлежало къ числу моихъ недостатковъ. Письма этого рода уже мнѣ прискучили и я имѣю слабость думать, что съ тою долей проникательности, которую получилъ отъ природы, могу довольно вѣрно опредѣлить характеръ и сердце человѣка по его письму.

Если я отвѣчалъ вамъ и опять отвѣчаю, это ясно доказываетъ, что вашихъ писемъ, на основаніи сказанной доли проникательности, я отнюдь не смѣшиваю съ тѣми, о которыхъ только что шла рѣчь у насъ; что сквозь ваши письма, подъ этой прелестью ума, подъ этимъ розовымъ облакомъ тонкости и остроумія я вижу доброе сердце, теплую и благородную душу. Если я ошибаюсь, Лизавета Николаевна, то моя проникательность слѣпа и глупа и я больше употреблять ее не стану. Вотъ уже послѣдняя страница, а я еще не началъ собственно моего письма. Придется идти за вторымъ листомъ. Ничего! пойду!—я нахожу—не знаю какъ и почему—несказанную пріятность писать къ вамъ какъ можно долѣе, бесѣдовать съ вами безконечно. Знаете-ли, что эта фантазія—она фантазія!—даже обольщаетъ меня? Теперь уже пятый часъ ночи — все спитъ — кругомъ мертвая тишина—и и черезъ всю длину широкой и далекой Россіи разсуждаю, говорю, болтаю — не знаю съ кѣмъ — не знаю о чемъ! Это почти — бесѣдовать съ мечтой. И можетъ быть еще лучше! — какъ женщина вы заключаете въ себѣ всѣ условія мечты съ прибавкою опредѣленной формы. Если принесеннымъ удовольствіемъ, оказанною услугою и отсутствіемъ притязаній на благодарность можно пріобрѣтать себѣ друзей въ дальнихъ странахъ міра Вожьаго, то — почему знать! — можетъ быть буду я имѣть одного друга на «краю свѣта», именно въ той, которая увѣряетъ меня, будто я ее «осчастливилъ!» Дружба двухъ человѣкъ, которые не знаютъ другъ друга въ

лицо, ничего не знаютъ взаимно, другъ о другѣ, раздѣлены четвертью вселенной и, вѣроятно, никогда не увидятъ другъ друга — вещь довольно любопытная. Почти стоило бы испытать! А можетъ быть это гораздо лучше, чѣмъ дружба двухъ знакомцевъ, которые видятся каждый день, наблюдаютъ другъ за другомъ, дурно хранятъ тайны одинъ другаго и пріятельски злословятъ другъ друга за глаза. Въ этихъ короткихъ дружбахъ всегда съ одной стороны бываетъ скрытый эгоизмъ, съ другой довѣрчивая и добродушная преданность, эгоизмъ овладѣваетъ преданностью, держитъ ее подъ гнетомъ чаръ слова «дружба», какъ гремучая змѣя птичку, становится ея тираномъ, обращаетъ ее въ свою жертву и, наконецъ, платитъ ей неблагодарностью. О дружбѣ хорошихъ знакомцевъ я имѣю весьма жалкое понятіе—увы! по опыту. Это гораздо меньше, чѣмъ счастье, и немножко больше, чѣмъ глупость. Напротивъ, дружба двухъ человѣкъ, вовсе другъ другу неизвѣстныхъ, отдаленныхъ и не надѣющихся никогда увидаться, какъ я теперь соображаю, представляетъ большія удобства. Если-бъ это, наиримѣръ, были мы съ вами? Мы не похитимъ одинъ у другаго никакой тайны, не оклеветаемъ другъ друга изъ участія, измѣна между нами невозможна, а удовольствіе заслужитъ уваженіе и преданность взаимныя равняются всему, что люди называютъ счастьемъ. Вы говорите, что вамъ часто очень скучно на «краю свѣта». Я дамъ вамъ очень хорошее занятіе или развлеченіе. Когда вамъ станетъ очень скучно, вспомните, что вы можете наполнить удовольствіемъ на другомъ краю свѣта человѣка, который почти не знаетъ удовольствій и ведетъ жизнь очень тяжкую и трудную, и въ такія минуты, прекрасная Лизавета Николаевна, пишите ко мнѣ одно изъ тѣхъ прекрасныхъ писемъ, которыя вы пишете такъ прекрасно! Для меня отвѣчать вамъ будетъ всегда наслажденіемъ, продолженіемъ того наслажденія, которое доставитъ мнѣ вашъ очаровательный умъ и ваше доброе, ласковое слово. Одно только условіе полагаю я въ этомъ, безъ сомнѣнія, взаимномъ удовольствіи: не показывать никому моихъ писемъ, какъ я не показываю тѣхъ, которыми осчастливляютъ меня: счастье одно изъ святыхъ таинствъ. И притомъ я не люблю, чтобы обо мнѣ говорили люди, они обыкновенно не умѣютъ сказать ничего умнаго! Когданибудь вы нарисуете мнѣ своимъ прелестнымъ языкомъ и слогомъ свой собственный портретъ, наружный и внутренній. Это будетъ такъ умно, такъ тонко написано, что я буду знать васъ совершенно. Если вы тоже, когданибудь, спросите меня, что я о себѣ думаю, я скажу вамъ откровенно, хоть и не такъ мило, какъ вы. Не правда-ли, что это очень интересное занятіе для ума и прекрасная защита противъ

скуки? Вы будете имѣть случай упражнять свой талантъ, слогъ, остроуміе, всё свои прекрасныя способности. Пишите все, что вамъ ни придетъ въ голову, вѣдь вы теперь меня «не бойтесь, нисколько не бойтесь». А тутъ и подавно нечего бояться: то, что вамъ придетъ въ голову, не можетъ не быть очень мило и изящно. Въ другія времена переводите, потому что вы любите переводить. Я буду доставлять вамъ для переводовъ вещи, достойныя вашего труда, и сдѣлаю такъ, что вашъ трудъ будетъ всегда употребленъ. Я прочиталъ *La fille d'honneur*. Это—прекрасный романъ. Я дамъ его въ Б. для Ч. Оканчивайте его смѣло. Книгопродавца, который бы взялся издать его отдѣльно, я не нашелъ ни одного, не смотря на всё мои усилія. Остается Б. для Ч., и она возьметъ его съ удовольствіемъ. Вы говорите, что не умѣете сокращать и въ Астрахани вамъ не съ кѣмъ посоветоваться: присылайте романъ, какъ онъ есть, а самъ сокращу его для васъ, а тамъ вы увидите, какъ это дѣлается, и съумѣете сами. Дѣло простѣе и легче, нежели какъ вы думаете. Я пособлю вамъ моими совѣтами. Объ одномъ только буду просить васъ, пощадите мои глаза, прикажите, если можно, переписать свой переводъ четко и хорошими чернилами. День весь похищаютъ у меня люди безъ дѣла: я работаю всегда при свѣчахъ, по ночамъ, и большой трудъ, писанный очень мелко, съ нѣкотораго времени утомляетъ мнѣ зрѣніе. Если у васъ переписывать некому, не затрудняйтесь этимъ нисколько: я прикажу переписать здѣсь. Поступайте всегда дружески со мною и докажите на дѣлѣ, что вы меня уже не бойтесь, нисколько не бойтесь. Не совѣститесь: для васъ это можетъ быть затруднительно. Для меня—стоитъ только сказать: перепишите!—и будетъ переписано. Вашъ «Мальтійскій Кавалеръ» напечатается въ Б. для Ч.: нельзя не напечатать такого милаго перевода! Вы начинаете совершенно такъ, какъ начала мой покойный другъ Зенеида Р*** (Елена Андреевна Ганъ), которой имя такъ хорошо вамъ извѣстно и какъ астраханской жительницѣ, и какъ читательницѣ Б. для Ч. Она была моею литературной ученицей и я, по справедливости, могу гордиться такой ученицей: ея удивительный талантъ развился, такъ сказать, въ моихъ рукахъ. Точно съ такой же довѣренностью обратилась она ко мнѣ, незнакомая, и тоже съ переводомъ: почему знать, можетъ быть, я буду содѣйствовать въ развитію для русской словесности другаго столь же блистательнаго таланта, помогая вамъ защищаться отъ скуки! Я могу ошибаться — фраза для вашей скромности—но дѣло очень возможное. Она начала далеко не съ такой образованностью и не съ такимъ приготовленіемъ, какъ вы. Когда дрожащая, несмѣлая, искала она во мнѣ помощи и руковод-

ства на поприщѣ умственного труда, ей было только двадцать два года; она не знала даже правописанія своего языка, имѣла очень слабыя свѣдѣнія во французскомъ языкѣ и никакого другого языка не знала. Воспитаніе ея было очень небрежно, чтобъ не сказать болѣе—идеи дикі, способности ничего не обѣщали. Чтобы помочь ей, надлежало прежде всего научить ее писать: изъ участія, не смотря на мои занятія, я принужденъ былъ пройти съ нею грамматику Греча, толковать каждое правило языка и показывать ей ошибки въ собственномъ трудѣ ея, грубомъ переводѣ «Годольфина», романа lady Charlotte Bygu. Я уговорилъ ее потомъ написать что-нибудь оригинальное, потому что переводить она рѣшительно не могла. Первую свою повѣсть написала она почти въ моемъ домѣ, подъ моимъ руководствомъ. Я долженъ былъ поправлять ей каждое слово. Въ короткое время этотъ самородный талантъ развернулся такъ счастливо и сдѣлалъ такіе успѣхи въ образованіи, что русская словесность пріобрѣла въ немъ чрезвычайно примѣчательную писательницу. Когда я сравниваю вашу образованность, вашъ слогъ, вашъ тонкій вкусъ и милый умъ при первомъ началѣ съ началомъ Е. А. Ганъ, я не могу не прельщаться самой лестною надеждою на то, чѣмъ вы быть можете, и не ободрять васъ къ усовершенствованію вашего дарованія, если у васъ есть довольно времени для этого. Не зная вашихъ мнѣній объ Е. А. Ганъ, я спѣшу прибавить маленькое объясненіе слова «мой другъ», употребленнаго возлѣ ея имени. Она, дѣйствительно, долгое время питала ко мнѣ, могу сказать, живѣйшую признательность и почти романтическую преданность, что весьма понятно при восторженности ея характера, пользовалась дружбой моего семейства, ея родные были мои друзья и ея даровитая молодость, ея неопытность привлекали къ себѣ мое полное участіе: она была тогда мнѣ другомъ, потомъ уже не знаю чѣмъ была. Миръ праху ея! Я имѣю въ моемъ характерѣ тотъ важный недостатокъ, что никогда не измѣняю моихъ чувствъ къ тѣмъ, кому однажды даю мою дружбу. Вы видите, что и втораго листа не достало. Теперь только примѣчаю, что и я тоже не боюсь васъ, нисколько не боюсь! О. Сенковскій.

P. S. Позвольте мнѣ быть вашимъ поставщикомъ англійскихъ книгъ. Завтра поѣду къ книгопродавцамъ, выберу для васъ, что найду лучшаго и пошлю къ вамъ на «край свѣта».

Вообразите, семь часовъ утра!

A propos, êtes vous dame ou demoiselle? Quant à moi, je suis dame.

Vous m'écrirez très souvent, n'est ce pas?

Je vous écris cela en français, car le français prend moins de place.

Excusez moi, si je vous envoie une lettre remplie de ratures. Je suis si fatigué, que je ne vois pas ce que j'écris. Et je vous dirai pourquoi: vous m'en louerez dans votre bon coeur. Vous lirez dans la livraison de décembre de la «Библия для Чит.» un article sur le nouvel opéra de Glinka. Lisez-le, je vous en prie. C'était le 30: la livraison devait paraître le jour suivant. Par les intrigues des malveillans, à la tête desquels s'était mise la «Съверная Пчела», la plus belle musique qu'on ait écrite de nos jours était fort mal reçue à la première représentation et l'Abeille du Nord avait insulté l'homme de génie, le compositeur dont la Russie à juste titre peut s'enorgueillir. J'en fus affligé profondément. L'excellent Glinka était au désespoir. Je crus de mon devoir d'employer tous mes moyens pour réparer son échec et pour lui faire rendre justice. Il fallait expliquer au public ignorant ce que c'est que l'opéra de Glinka, quelles sont les beautés de cette grande oeuvre, quelles sont les conditions d'une musique de féerie et de quelle manière on doit composer et écouter un tel opéra. J'ai travaillé quatre jours et quatre nuits sans relâche, j'ai dû examiner toute la partition qui est immense, revoir plusieurs ouvrages anciens de ce genre avec Koukolnik qui s'est dévoué pour m'aider dans cette bonne action, j'ai ajouté à la livraison du journal cet article, qui est grand et le libretto de l'opéra, Glinka, de son côté, a fait des coupures et des abréviations sur lesquelles nous avons insisté et tout est réparé. Le public a compris son magnifique ouvrage musical. Je reviens du théâtre. Après une chute complète, succès complet, furibond! Glinka a été applaudi à outrance. Il doit être heureux à présent. J'avoue que de mon côté je ne me possède pas de joie. J'en suis tout heureux et c'est au milieu de ce bonheur que je vous écris. C'est doubler le bonheur et vous voyez que je sais m'y prendre. Partagez ma joie à l'autre bout du monde et mon bonheur sera triplé».

[Переводъ]. Кстати, вы дама или дѣвица?

Что касается меня, то я дама.

Вы очень часто будете писать ко мнѣ, не правда ли?

Я пишу вамъ это по французски, потому что французскій языкъ занимаетъ меньше мѣста. Извините, что я посылаю къ вамъ письмо наполненное помарками. Я такъ усталъ, что не вижу, что пишу. И я вамъ скажу почему. Вы меня похвалите въ вашемъ добромъ сердцѣ. Вы прочтете въ декабрьской книжкѣ «Библия для Читен.» статью о новой оперѣ Глинки. Прошу васъ прочесть ее. Это было 30. Журналъ долженъ былъ выйти на слѣдующій день. По интригамъ не-

доброжелателей, во главѣ которыхъ встала «Сѣверная Пчела», прекраснѣйшая музыка, написанная въ наше время, была дурно принята на первомъ представленіи и «Сѣверная Пчела» оскорбила гениальнаго человѣка, композитора, которымъ Россія по справедливости можетъ гордиться. Я былъ глубоко этимъ огорченъ. Добрѣйшій Глинка былъ въ отчаяніи. Я счелъ своей обязанностью употребить всѣ силы, чтобы поправить его неудачу и заставить оказать ему справедливость. Надо было объяснить невѣжественной публикѣ, что такое опера Глинки, каковы красоты этого великаго произведенія, каковы условія волшебной музыки и какимъ образомъ слѣдуетъ сочинять и слушать такую оперу. Я работалъ четыре дня и четыре ночи безъостановочно, я долженъ былъ просмотрѣть всю партитуру, которая громадна, и нѣсколько старинныхъ сочиненій въ такомъ же родѣ, съ Кукольникомъ, который вызвался помочь мнѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ; я прибавилъ къ журналу эту статью, которая велика, и либретто оперы. Глинка съ своей стороны сдѣлалъ урѣзки и сокращенія, на которыхъ мы настояли, и все поправлено. Публика поняла его великодушное музыкальное произведеніе. Я сейчасъ изъ театра. Послѣ полного паденія успѣхъ полный, неистовый! Глинкѣ анлодировали безъ конца. Онъ теперь долженъ быть счастливъ. Признаюсь, что я, съ своей стороны, не помню себя отъ радости. Я совершенно счастливъ и среди этого счастья пишу къ вамъ. Это значитъ удвоить счастье. И вы видите, что я умѣю это дѣлать. Раздѣлите мою радость на другомъ краю свѣта и мое счастье утроится.

Черезъ два дня послѣ этого я получила третье письмо на англійскомъ языкѣ:

December 5, 1842.

«I beg Your pardon for sending no more than some twelve volumes. I found nothing else that may deserve your attention, or your simp'e curiosity among the new english publications. The booksellers expect for some novelties. As soon as these new works will be received, I hope I will be able to furnish you with a more interesting lecture. May these trifles, which I send you to day, spare meanwhile a particle of ennui to the most spirited woman that has ever inhabited the extremity of the world and to the most enchanting writer of delightful letters, that have ever been read by truly yours J. S.».

Декабрь 5, 1842.

[Переводъ]. Прошу у васъ извиненія, что посылаю не болѣе двѣнадцати книгъ. Я не нашелъ ничего другаго, заслуживающаго вашего вниманія или простаго любопытства, между новыми англійскими изданіями. Книгопродавцы ждутъ

новостей; какъ только эти новыя сочиненія будутъ получены, я буду имѣть возможность доставить вамъ болѣе интересное чтеніе. Пусть эти бездѣлицы, которыя я посылаю вамъ сегодня, разсѣяютъ пока хоть частичку скуки самой остроумной женщины, когда либо обитавшей на краю свѣта, и самой очаровательной писательницы восхитительныхъ писемъ, когда либо читанныхъ искренно вамъ преданнымъ.

II.

Оцѣнка О. И. Сенковскимъ его собственной дѣятельности.

Отвѣтъ мой на второе письмо О. И. Сенковскаго вызвалъ отъ него четвертое письмо на двадцати страницахъ, гдѣ онъ высказался такъ, какъ, по его собственному признанію, не высказывался никогда и никому.

Я приписываю это исключительно той наивной искренности, которою отличались мои письма. Могу сказать по чистой совѣсти, что во всѣхъ моихъ письмахъ, словахъ и поступкахъ я всегда была искренна и мнѣ кажется, что именно эта черта моего характера понравилась ему.

Спб., февраля 14, 1843 г.

«Уже по одному формату этой бумаги вы можете догадываться сколько истиннаго, глубокаго, живѣйшаго удовольствія нахожу я писать такой милой и умной особѣ, какъ вы, и самая немедленность моихъ отвѣтовъ въ состояніи доказать вамъ какое неизъяснимое наслажденіе доставляютъ мнѣ ваши очаровательныя письма. Зачѣмъ же каждый разъ грозите мнѣ, что слѣдующее письмо я получу не скоро, зачѣмъ повторяете эти огорчительныя увѣренія, что не закидаете меня своими письмами? Закидайте меня ими, ради Бога! Я хочу быть закиданнымъ вашимъ прелестнымъ умомъ, вашими добрыми и благородными чувствованіями, всѣми этими обворожительными порывами и движеніями теплой, прекрасной души, которыми оживлена каждая ваша строчка. Кто не захочетъ, чтобы его закидали счастьемъ? А читать ваши письма, писать къ вамъ—конечно, для меня счастье, большое счастье: скажу даже—потребность души. Думаете ли вы, что столько умственной прелести, столько умѣнья чувствовать тонко и прекрасно встрѣчаются на этомъ свѣтѣ при всякомъ шагу, что эти вещи такъ обыкновенны, что я не знаю ни цѣны ихъ, ни возвышенности, ни рѣдкости, ни той чудесной свѣжести, которая удваиваетъ и цѣну ихъ, и возвышенность, и рѣдкость! О! нѣтъ, нѣтъ, только въ ваши лѣта, когда свѣтъ кажется еще весною и сія-

нѣмъ можно и простиительно не знать этого. Я старѣе васъ двадцатью годами и горькая опытность жизни научила меня очень высоко цѣнить подобныя качества, считать открытіе ихъ важнѣе открытіемъ всякаго кладу и возможность пользоваться ими ставить выше всѣхъ земныхъ наслажденій,—наравнѣ съ блаженствомъ ангеловъ. Будьте увѣрены, мой невидимый другъ, невидимый и добрый, какъ тѣ таинственныя существа, которыя воображеніе наше любитъ почитать хранителями человѣка, будьте увѣрены, что ни одно изъ этихъ святыхъ движеній вашей души къ доброму и прекрасному для меня не потеряно; что каждое изъ нихъ находитъ себѣ въ моемъ сердцѣ правосуднаго и опытнаго цѣнителя, и каждое умножаетъ привязанность мою къ такому сердцу и уму, какъ ваши, и преданность мою къ такимъ чистымъ, безкорыстнымъ, небеснымъ чувстваваніямъ. Съ такимъ умомъ, съ такимъ сердцемъ я считаю величайшимъ благомъ состоять въ сообщеніи: мнѣ легче, просторнѣе съ ними; мнѣ съ ними привольнѣе; кажется, какъ будто бы я здѣсь въ той стихіи, которою дышетъ духъ, истеченіе божества, и въ которомъ уже нѣтъ ничего земнаго—все свѣтло и свято. Вашъ прекрасный умъ пойметъ это лучше и яснѣе, нежели какъ я могу выразить словами. Я прибавлю только, что, по моему, мудрость человѣческая именно и состоитъ въ умѣннѣ перенестись въ эту свѣтлую стихію, если судьба позволяетъ намъ открыть ее въ туманахъ нашей жизни, или если счастливый случай приводитъ насъ къ ней неожиданно: тамъ только и сосредоточены истинныя наслажденія души; тамъ только она и свободна отъ тяжелыхъ узъ житейской положительности и совершенно предается своимъ божественнымъ волненіямъ. Жить въ лучахъ вашего воображенія—развѣ это не значить жить уже въ эфирной области духа? Существовать въ прекрасныхъ чувствахъ вашей дружбы, носиться въ святыхъ звукахъ вашей чистой молитвы—развѣ это уже не то бытіе, которое обѣщано праведнымъ и добродѣтельнымъ? О! я живо, глубоко умѣю чувствовать такое завидное положеніе и то рѣдкое счастье, которое вы въ своей душѣ такъ прелестно создаете для моей. Не скрою отъ васъ, что послѣднее письмо ваше, полученное мною вчера, невыразимо тронуло меня. Вы явились въ нежѣ съ новой, еще болѣе очаровательной, стороны, и съ этой минуты вся дружба, какую только я могу чувствовать,—а я могу чувствовать много, очень много и сильно, вся эта дружба, лучшее и возвышеннѣйшее изъ всѣхъ земныхъ чувствованій—ваша, совершенно ваша. Вотъ вамъ моя рука: во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, всѣхъ случаяхъ, которые хранятъ для васъ будущность и судьба, если только сочтете меня способнымъ оказать вамъ малѣйшую услугу, помощь, облегченіе,

умножить ваши радости, усладить ваши печали—располагайте мною и полагайтесь на меня совершенно, пока я живъ. У меня нѣтъ дѣтей, вы мое возмечтанное дити и я даю вамъ надъ собою всѣ права довѣренности и упованія, какія могъ бы дать родному дитяти. Надѣюсь, что не отвергнете приношенія, даннаго отъ полноты тронутой вами души. Если у васъ есть родители—это сохранится вами и мною для невѣдомой будущности. Не забывайте только, что я никогда не отнимаю однажды отдавнаго мною чувства: не перемѣняйтесь; вы жестоко огорчите меня и, можетъ быть, сдѣлаете меня злымъ, потому что это уже будетъ *la dernière de mes illusions*: и послѣ того я не стану вѣрить никому и ничему. Да благословить васъ Богъ въ вашихъ прекрасныхъ чувствованіяхъ, въ вашей ангельской дружбѣ и да сдѣлаются они сокровищемъ и утѣшеніемъ вашей жизни; вотъ чего я желаю вамъ и себѣ!

Замѣтилъ ли и ваше продолжительное молчаніе? Какъ могли вы и спрашивать объ этомъ? Тысячу разъ благодарю васъ за ту плѣнительную самоувѣренность, съ какою вы заранѣе предполагаете, что я непременно замѣтилъ: значить, вы уже меня понимаете. Не могу высказать вамъ, какъ меня это обрадовало и очаровало. Можно ли не замѣтить отсутствія такихъ умныхъ, добрыхъ, прелестныхъ писемъ? Я уже составилъ изъ нихъ мое тайное наслажденіе, постоянное, исключительное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое, и жду ихъ съ нетерпѣніемъ; и вы меня глубоко огорчите, если заставите ждать ихъ долго и если лишите меня такихъ сладостныхъ минутъ долѣе предполагаемаго срока. Пишите ко мнѣ хоть каждую недѣлю, а въ двѣ недѣли разъ непременно, когда вы здоровы и не влюблены. Не только замѣтилъ, но даже безпокоился. По истеченіи двадцати шести дней отъ моего послѣдняго письма, каждое утро, входя въ кабинетъ, я—первое дѣло—перебиралъ письма, принесенныя съ почты, ища между ними вашего. Прежде у меня было это послѣднее дѣло. Видите ли, какія чары заключаются въ вашихъ письмахъ! Переворотъ въ человѣкѣ!.., признаюсь, я не зналъ чему приписать ваше молчаніе. Болѣзнь ваша, которую я такъ опечаленъ теперь, не приходила мнѣ въ голову. Я остановился на другаго рода предположеніи, согласитесь, тоже очень естественномъ и правдоподобномъ: письма ваши показывали мнѣ своимъ слогомъ и особенными, едва уловимыми, оттѣнками разныхъ оборотовъ, разныхъ выраженій, что вы вовсе—не почтенная. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ было сказано, что вы ужасно самолюбивы. Это, по моему соображенію, могла только сказать или молодая женщина, пользующаяся успѣхами въ обществѣ за свой необыкновенный умъ безъ красоты, или большая красавица, или, наконецъ,

умная и прекрасная шалунья, которой позволительно обвинять себя во всемъ въ той увѣренности, что ей все простится. Не смѣя имѣть никакого сужденія о вашей красотѣ, пока вы сами не скажете, что долженъ думать я объ этой статьѣ, я просто и скромно предполагалъ васъ молодою женщиною, дамою или дѣвицею, это все равно— и на этомъ основаніи, для утѣшенія себя въ вашемъ безконечномъ молчаніи, составилъ совершенно логическое умозаключеніе, что вы должны быть влюблены и что вамъ теперь не до переписокъ съ посторонними. Неправда ли, когда вы будете влюблены, когда будете страдать, когда будете счастливы — вы все это скажете мнѣ, какъ своему лучшему другу? Я ожидаю отъ васъ этой откровенности. Изъ дважды повторенныхъ вами словъ — одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни, я готовъ былъ даже заключить, что вы уже любили и были любимы: что за такой океанъ жизни—двадцать два года! и какіе тутъ могутъ быть счастливейшіе дни другаго рода? Скажите сами, не ясно ли было это? Но я не стану придираться далѣе къ разнымъ выраженіямъ вашихъ писемъ: чтобъ не быть разгаданной, вы готовы впередъ взвѣшивать каждое слово и ваши письма потеряютъ половину своей прелести. Не дѣлайте этого. Будьте всегда такъ же милы и беззаботны въ своихъ выраженіяхъ, какъ были до сихъ поръ. Пусть ваши письма всегда будутъ зеркаломъ вашей души, она прекрасна и можетъ смѣло глядѣться въ стекло, въ присутствіи доброй и нѣжной дружбы. Словомъ, я васъ предполагалъ занятою такимъ чувствомъ, которое отвлекаетъ отъ всего посторонняго, заставляя забывать даже о лучшихъ друзьяхъ своихъ. Что касается до опасенія вашего, будто я преувеличиваю ваше дарованіе и откажу вамъ въ дружбѣ, въ моихъ письмахъ, если бы паче чаянія оно не сбылось на дѣлѣ, то не страшитесь ни того, ни другаго. Если вы найдете, что я не чуждъ проникательности въ другихъ вашихъ отношеніяхъ, то можете смѣло повѣрить той же проникательности и касательно своего дарованія: у меня есть нѣсколько опытности и сноровки въ этомъ дѣлѣ. А если дарованіе не сбудется, то есть если вы не захотите сами, или обстоятельства, любовь, замужество, здоровье не позволятъ вамъ развить и усовершенствовать его, то вамъ уже нечего дѣлаться достойною моей дружбы, потому что она ваша собственность по праву, вы ее вполне заслужили и я считалъ бы себя посрамленнымъ въ собственныхъ глазахъ моихъ, если бы не зналъ цѣны такихъ благородныхъ чувствованій, какъ ваши, и не заплатилъ бы вамъ за нихъ той преданностью, какой они достойны предъ людьми и передъ Богомъ. На этотъ счетъ оставайтесь совершенно спокойною—не будете обмануты.

Изъ вашихъ писемъ я уже имѣю достаточное понятіе о вашемъ характерѣ и мнѣ кажется, что въ немъ много сходства съ моимъ: можетъ быть, это обстоятельство и прельстило меня въ васъ; во всякомъ случаѣ вѣрно то, что вы можете совершенно полагаться на меня и не смѣшивать меня съ толпою, ни моихъ чувствованій съ ея чувствованіями.

Я очень сожалѣю, что портретъ, по которому вы меня такъ хорошо знаете, совсѣмъ не похожъ на меня, до того не похожъ, что Карлъ Брюлловъ не позволилъ Смирдину выставить на этой гравюрѣ своего имени. Аэварель Брюллова, съ котораго скопированъ этотъ портретъ въ Лондонѣ, совершенно исковеркана тамошними граверами, такъ что не осталось никакого сходства. По причинѣ его негодованія дважды переправляли гравюру и еще хуже испортили ее. Но еще болѣе сожалѣю о томъ, что по объявленію вашему я никогда ничего знать о васъ не буду. Почему-жъ бы вамъ не писать ко мнѣ о себѣ все, что могло бы дать мнѣ настоящее понятіе о моемъ невидимомъ другѣ? Я не вижу ни малѣйшаго неприличія въ этомъ. Подобными подробностями вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе. Впрочемъ, это вполнѣ зависитъ отъ вашей воли. Умоляю васъ, берегите свое здоровье; я не позволяю вамъ переписывать самимъ своего перевода; выправьте его, прочтите и присылайте въ черновой ко мнѣ: я прикажу переписать здѣсь и самъ займусь имъ. Не спѣшите окончаніемъ его; книгъ я вамъ пришлю, сколько угодно: глотайте ихъ, будьте веселы, будьте здоровы и пишите ко мнѣ какъ можно чаще, пишите часто и длинно: это—условіе нашей дружбы. Друзья тоже должны, обязаны и любить другъ друга: такъ любите же меня за мою дружбу, пока не влюбитесь въ кого-нибудь; а какъ влюбитесь, тогда, разумѣется, я останусь въ сторонѣ: но когда пройдетъ, то опять любите меня за мою дружбу; *et ainsi de suite*. Вѣрное средство — никогда не страдать ужаснѣйшею изъ болѣзней—пустотою въ сердцѣ. Я не имѣю никакого права сомнѣваться въ искренности вашихъ словъ и вѣрить имъ—мое счастье, сладчайшая награда за труды и усилія всей моей жизни, самое упоительное изъ моихъ опущеній; я вамъ вѣрю: вы говорите, что «писать ко мнѣ для васъ—блаженство» и что когда вы читаете мои письма и пишете ко мнѣ, вы тогда не чувствуете скуки. Что же мѣшаетъ вамъ наслаждаться этимъ «блаженствомъ» безпрестанно? Переливайте какъ можно чаще ваши добрыя чувствованія, ваши добрыя мысли, ваши радости, печали, надежды въ это дружеское сердце, гдѣ онѣ всегда найдутъ чистое и нѣжное сочувствіе, и блаженствуйте. А что касается до скуки, то ужъ я постараюсь преградить ей приступъ къ ней цѣлымъ валомъ моихъ писемъ,

потому что писать къ такой умной, доброй особѣ, повторяю вамъ, для меня тоже—блаженство. Въ эти минуты я удивительно счастливъ: передъ моимъ невидимымъ другомъ я, какъ передъ невидимымъ судьей моей души — Богомъ, я одинъ въ цѣломъ мірѣ и она одна меня слушаетъ, понимаетъ и судитъ съ добротою и кротостью ангела, въ всѣхъ житейскихъ страстей, отношеній и мѣрилъ. Это сообщеніе душъ, отдѣляющихся отъ всего вещественнаго, земнаго и входящихъ другъ съ другомъ въ гармоническія волненія чрезъ невѣдомое пространство, дѣйствуетъ на меня съ силою могущественнѣйшихъ чаръ. Пишите же! Я уже говорилъ вамъ и еще разъ говорю, что для образованія своего слога, сужденія, таланта вы много выиграете въ постоянной перепискѣ съ другомъ, которому все можно сказать, до самыхъ тайныхъ сотрясеній сердца и души, не считая уже нашего общаго удовольствія: вы научитесь здѣсь выражать легко, ясно и тонко свои мысли, живописать свои ощущенія, разсуждать о многомъ, чего бы вы иначе не приняли въ соображеніе; научитесь хорошо чувствовать, хорошо мыслить и хорошо говорить на бумагѣ. Если потомъ захотите написать что-нибудь оригинальное, все это послужитъ вамъ могущественнымъ пособіемъ къ красотѣ изложенія вашихъ идей, которыя не могутъ не развиться въ постоянномъ сообщеніи съ человѣкомъ, много мыслившимъ, много перечувствовавшимъ и много опытнымъ въ жизни и искусствѣ. Простите меня: это похоже на похвалу самому себѣ, но съ вами я могу говорить безъ стыда все, что о себѣ думаю. Сто десять томовъ «Библіотеки для Чтенія» доказываютъ, что огромная масса идей прошла чрезъ мою голову, и дѣятельныя сношенія съ людьми разныхъ умовъ, разныхъ понятій, характеровъ, званій, путешествія, наблюденія, изслѣдованія, все это не могло не познакомить меня довольно хорошо съ человѣкомъ во всѣхъ его видахъ. Таковыя преимущества, которыя можете вы найти въ вашихъ очаровательныхъ сношеніяхъ со мною, и при вашемъ чудесномъ умѣ нельзя вамъ не извлечь изъ нихъ никакой пользы для себя и своего юнаго дарованія. Пока вы любите переводить, то есть заниматься чужими идеями: переводите, я вамъ помогу; послѣ у васъ наберется много своихъ идей и вы почувствуете въ себѣ мученія таланта, который рвется осуществить созданіемъ накопившейся въ душѣ запасъ своего прекраснаго, потому что настоящій талантъ состоитъ весь изъ идей. Но скажите мнѣ, милый и юный другъ мой, какъ это случилось, что вы въ ваши лѣта, когда женщины любятъ только чувствовать и веселиться, вы очень любите переводить, то есть любите серіозныя занятія, трудъ, уединеніе, чтеніе, общество съ идеями? въ Астрахани долженъ быть страшный недостатокъ въ пріятныхъ

молодыхъ мужчинахъ! Я не могу объяснить себѣ иначе этого необыкновеннаго явленія. Въ вашихъ письмахъ, въ вашихъ мысляхъ, въ вашихъ выраженіяхъ, въ вашемъ слоgбѣ я вижу подлѣ самыхъ свѣжихъ чувствъ молодаго сердца обороты, тонкости, отгѣнки, изложенія, свойственные уже твердому тридцати-лѣтнему уму, который упитался наблюденіемъ жизни и долго жилъ въ дружбѣ съ идеями. Вы скучаете! Это понятно; женщины съ вашимъ умомъ не можетъ быть весело въ Астрахани. Но какъ образовали вы этотъ чудесный умъ въ такомъ возрастѣ, когда женщины незамужнія, не испытавши жизни лично, еще и мыслить не начинаютъ ¹⁾. Не льщу вамъ: я удивился, узнавъ, что вамъ только двадцать два года: по вашимъ письмамъ я полагалъ — около двадцати осьми. Почему вы говорите, что черезъ два три года будете «старою дѣвою»: развѣ вы рѣшились не выходить замужъ? Скажите, скажите все, что у васъ въ мысляхъ, въ душѣ, въ сердцѣ. Я хочу знать.

Какъ вы милы! какъ вы добры, вы такъ живо приняли мою сторону въ дѣлѣ Глинки, что хотите даже ненавидѣть Булгарина. Благодарю васъ за этотъ плѣнительный порывъ благородной дружбы вашей. Но Булгаринъ не стоитъ ни любви, ни ненависти. Это чело-вѣкъ безъ характера, безъ всякаго правила въ поведеніи, несчастная игрушка своихъ собственныхъ страстей, которыя попеременно дѣлаютъ его то ужаснымъ, то смѣшнымъ, то довольно порядочнымъ. Въ одно и то же мгновеніе онъ въ состояніи сдѣлать и величайшую низость и прекрасный подвигъ благородства, самъ вовсе не зная этого. Я давно принялъ съ нимъ и его братьей роль хладнокровнаго наблюдателя, котораго уже не обижаютъ ихъ мерзости, но который всегда готовъ отдать справедливость ихъ хорошимъ сторонамъ. Эта роль бѣситъ ихъ. Они называютъ меня гордецомъ, прославили чело-вѣкомъ неприступнымъ, надменнымъ, возмутили противъ меня цѣлую тучу завистливыхъ посредственностей, которая терзала и еще терзаетъ меня своей глупою злобою и всѣми гнусностями клеветы. Но моя непоколебимость въ предначертанной себѣ роли побуждаетъ всѣ эти мутныя волненія мелочныхъ и грязныхъ страстей: когда я захочу, они все-таки сдѣлаютъ по моему и тотчасъ смиряются, чтобы помириться со мною. Я обыкновенно довольствуюсь тѣмъ, что, удостовѣрившись во власти своей надъ ними, снова дѣлаю для нихъ неприступнымъ и держу ихъ въ отдаленіи отъ себя. Тогда они снова начинаютъ бранить меня: а я этого и хочу. Мнѣ это очень нужно. Я не могу смѣшиваться съ ними и не желаю, чтобы смѣшивали

¹⁾ Писано сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ.

меня съ такими людьми въ публикѣ. Оттого вы видите, что всё наши журналы попеременно то поносятъ меня, то восхищаются мною. Когда я ласковъ съ которымъ нибудь изъ нихъ, тотчасъ является въ немъ великолѣпная похвала моему уму, моимъ познаніямъ и прочая. Но для меня не выгодно, чтобы эти люди долго хвалили меня: порядочная часть публики тотчасъ подумала бы, что я уже веду съ ними дружбу и компанію. Давъ имъ время явиться моими льстецами, я вдругъ оборачиваюсь къ нимъ спиною и они въ бѣшенствѣ снова начинаютъ терзать меня до новой вѣжливости съ моей стороны. Это—моя забава и моя тактика. Независимость моего положенія даетъ мнѣ всё средства играть съ ними эту немножко жестокою комедію, но они не стоятъ ничего лучшаго: они вполне заслуживаютъ ее. Для нея я даже жертвую очень многимъ, между прочимъ, и моимъ состояніемъ. Но иначе нельзя! Они думаютъ, всё думаютъ, что я очень богатъ. Я одинъ знаю, что это неправда: но пусть ихъ думаютъ!... это располагаетъ ихъ къ готовности продать себя мнѣ при первомъ изъявленіи съ моей стороны охоты купить ихъ и такимъ образомъ я всегда въ состояніи показать свѣту всю мѣру ихъ низости, всю причину ихъ злобы и ихъ раболѣпства. Когда мнѣ нужно сорвать маску ожесточенія съ котораго-нибудь изъ этихъ людей, я умѣю очень искусно бросить ему поживу, пять, десять тысячъ рублей—и онъ у ногъ моихъ, пока я самъ не оттолкну его. О! они дорого мнѣ стоятъ! Но надо выдержать свою роль. Вы не знаете здѣшнихъ обстоятельствъ и многое для васъ потеряно, между тѣмъ какъ для петербургской и даже для московской публики оно совершенно ясно: поэтому я дамъ вамъ ключъ къ послѣдному происшествію, которое надѣлало здѣсь большого шума и которое, конечно, проскользнуло передъ вашими глазами, не будучи примѣченнымъ. Въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» за нынѣшній годъ вы вѣрно видѣли, а можетъ быть и читали, «Лѣтопись» въ странной формѣ водевиля-трагедіи. Вы совсѣмъ не поняли ея, неправда ли? Это потому, что надо знать имена. Были и необылицы—сочиненіе Полеваго. Это—самъ Полевой, котораго драма «Елена Глинская» наполнена покражами изъ Шекспира и который всегда живетъ чужимъ умомъ. Прочія имена не важны: Опять—это сумасшедшій Брандтъ, который десять разъ ползалъ передо мною и десять разъ поносилъ меня, все въ печати. Томъ Стихотвореній это—Молчановъ, ничтожная и завистливая посредственность; Изслѣдованіе—это Морошкинъ, бездарный педантъ; Голосъ за родное это—М. В. Кологривова, умная и даровитая дама, но нѣсколько приторная въ своихъ напыщенныхъ и жеманныхъ сочиненіяхъ: впрочемъ, она пошла сюда въ эту честную компанію безъ всякой цѣли,

случайно. Сила вся—въ Вяляхъ и небылицахъ, въ Полевомъ. Прочитайте теперь эту трагедію-водевиль: вы лучше поймете ее и можетъ быть она разсмѣшитъ васъ. Согласенъ, что Полевой осмѣянь, отдѣланъ и униженъ въ ней жестоко. Но я, отвѣчая всегда презрительнымъ молчаніемъ на всѣ его бѣснованія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могъ теперь не объявить всей русской публикѣ моего образа мыслей объ этомъ человѣкѣ, которому Богъ далъ талантъ, большой талантъ, какъ бы для того, чтобы показать все ничтожество такого дара при неблагородной душѣ. Въ этой же самой книжкѣ напечатано и его сочиненіе «Ломоносовъ»: въ публикѣ, которая вообще презираетъ его какъ человѣка, нерѣдко уважая какъ писателя, тотчасъ бы подумали, будто я сблизился съ Полевымъ, будто и съ нимъ подружился, будто онъ уже мой сотрудникъ и пріятель и будто я ничѣмъ не лучше Булгарина, Греча и имъ подобныхъ, которые вчера бранились съ Полевымъ, сегодня съ нимъ закладные друзья и превозносятъ другъ друга похвалами, завтра опять будутъ къ ссорѣ и станутъ ругаться, какъ извозчики. Положеніе мое было тѣмъ опаснѣе, что въ то-же время, какъ я снова позволилъ открыть мой журналъ Полевому, онъ напечаталъ великолѣпную похвалу мнѣ въ другомъ журналѣ, думая, что принятіе его сочиненія въ «Библ. для Чт.» ведетъ уже къ дружбѣ со мною. Я рѣшился показать въ той-же самой книжкѣ, что я смѣюсь и надъ остервененіемъ и надъ лестью Полеваго, что я могу всегда имѣть его восторги за деньги, его совиѣсть за копѣйку, и что, отдавая справедливость его таланту открытіемъ ему моего журнала, я тутъ же торжественно обнаруживаю презрѣніе мое къ нему, какъ къ человѣку, который уже нѣсколько разъ былъ моимъ злѣйшимъ врагомъ, настоящимъ Донъ-Кихотомъ литературнаго ожесточенія, и столько же разъ заставлялъ меня краснѣть посредствомъ своихъ низкопоклонныхъ восторговъ, когда онъ попадалъ въ бѣду, въ несчастіе, въ нищету и я спѣшилъ протянуть ему руку помощи и поднять его передъ публикою и литературою: а надо намъ знать—Е. А. Ганъ была свидѣтельницею этого—что этотъ человѣкъ, когда я содержалъ его съ семействомъ въ самые бѣдственныя годы ихъ существованія, подъ гнетомъ преслѣдованій, когда я одинъ имѣлъ смѣлость защищать его противъ сильнаго угнетенія, этотъ человѣкъ писалъ и печаталъ, что онъ обожаетъ во мнѣ человѣчество (его собственная фраза); и когда я же поставилъ его въ возможность обойтись безъ моей милостыни и снова явиться въ приличномъ и почетномъ видѣ передъ обществомъ, онъ въ то-же мгновеніе, не проглотивъ еще послѣдняго куска моего хлѣба, заплатилъ мнѣ самой черной неблагодарностью, объявилъ себя моимъ

непримиримымъ врагомъ, публично обѣщаль смести меня съ лица земли, кричалъ: я или онъ, и простеръ свое безстыдство до того, что писалъ и печаталъ, будто онъ вовсе меня не знаетъ, ничѣмъ мнѣ не обязанъ, и даже не знаетъ, чтѣ я за человѣкъ. Какія послѣ того употреблялъ онъ средства, чтобы, какъ самъ говорилъ, смести меня съ лица земли, этого я даже не стану описывать, изъ уваженія къ чистотѣ вашего воображенія, къ счастью, не догадывающагося еще о всей превратности и чернотѣ людей. Но вы сами видите, что я долженъ былъ оттолкнуть отъ себя всякое подозрѣніе въ дружескихъ сношеніяхъ съ такимъ отвратительнымъ характеромъ. Когда въ Новый годъ явилась первая книжка Библ. для Чт., съ сочиненіемъ Полеваго и съ этимъ водевилемъ, признаюсь, многіе ахнули, и вы не можете представить себѣ впечатлѣнія, какое произвелъ въ литературныхъ интригантахъ этотъ неожиданный ударъ. Но ударъ былъ хорошо рассчитанъ: всѣ въ публикѣ поняли, что ни мало я не намѣренъ становиться рядомъ съ людьми, недостойными уваженія, что я выше ихъ мелочныхъ расчетовъ, отдѣляю себя торжественно отъ ихъ общества, ограждаюсь даже отъ предположенія связи съ ними и всѣ литературные интриганты съ горечью и страхомъ почувствовали, что я знаю цѣну чувствъ каждаго изъ нихъ на деньги. Самъ Полевой, говорятъ, былъ нѣсколько дней какъ будто убитый: онъ старался видѣться со мною, объявилъ мнѣ, что признаетъ себя виновнымъ, что онъ (будто бы!) не понималъ какъ должно вести себя и что совершенно переимѣнитъ свой образъ дѣйствованія. Я притворился, будто вѣрю этому. Богъ съ нимъ! Я даже не любопытенъ знать—въ чемъ будетъ состоять исправленіе грѣшника, и прощаю ему оптомъ все прошедшее и все будущее. Я предварилъ Полеваго нѣсколько разъ черезъ его друзей, чтобы онъ не полагался на мою терпѣливость и на то непоколебимое молчаніе, которое донинѣ служило единственнымъ отвѣтомъ на всѣ его публичныя поношенія и всѣ тайныя козни, что въ брань, разумѣется, я съ нимъ не вступаю; но выжду удобную минуту, и если она представится, то дамъ ему страшный урокъ. Этотъ урокъ онъ получилъ и полно: отнынѣ я о немъ забываю навсегда; можетъ вести себя со мною какъ угодно, какъ ему совѣтуетъ собственное его благоразуміе.

Зная теперь этого человѣка, одного изъ трехъ дюжинъ того же разбора человѣкъ, вы можете легко вообразить, что преслѣдованіе, подвѣятое ими противъ Глинки, изъ самыхъ неблагородныхъ побужденій, должно было наполнить меня негодованіемъ. Я не думаю, чтобы характеръ Глинки былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, или чтобы пріятели его были самыя очаровательныя люди; но все же это

не оправдывает гнусной затѣи этикъ господъ, изъ за личностей стараться унижить талантъ, которымъ Россія можетъ гордиться, убить на первомъ шагу шестидѣтній трудъ, уронить славу русскаго композитора, которому всякій изъ насъ долженъ оказывать уваженіе, какъ человѣку истинно гениальному. Къ счастью, статья, которую вы читали (благодарю васъ за это), спасла оперу Глинки, исполненную большихъ недостатковъ, но все-таки достойную стоять въ ряду лучшихъ волшебныхъ оперъ: театръ до сихъ поръ всегда полонъ, пьеса благополучно достигла двадцать пятаго представленія, и число любителей этой оригинальной и остроумной музыки нынѣ уже огромно. Притомъ, благодаря употребленію моего личнаго вліянія на моихъ любезныхъ друго-враговъ, которыхъ я поспѣшилъ поласкать, они тоже унялись и перестали поносить «Руслана и Людмилу». Теперь уже отъ самого Глинки зависитъ поддержать свою репутацію новымъ твореніемъ, написаннымъ съ лучшимъ расчетомъ театралныхъ эффектовъ¹⁾.

¹⁾ Привожу замѣтку, которую я вырѣзала изъ какой газеты и когда—теперь не помню. Она озаглавлена «Мелочи» и подписана Библиофилъ. Прошу извиненія у невѣстнаго автора, что привожу ее цѣликомъ, но мнѣ такъ пріятно привести нѣсколько добрыхъ словъ о человѣкѣ, о которомъ такъ мало сказано добрыхъ словъ.

«Копаясь въ старыхъ журналахъ, я нашелъ диковинку, о существованіи которой едва ли многіе знаютъ, даже изъ числа людей заинтересованныхъ. Дѣло идетъ о музыкѣ вообще и специально объ оперѣ «Русланъ и Людмила». Извѣстно, что опера эта извлечена изъ небрежнаго забвенія настойчивыми напименовленіями здравствующихъ гг. Стасова и Кюи и сдѣлалась, дѣйствительно, едва ли не самою любимую оперою по прелести и роскоши музыки. Но кто еще говорилъ объ этой оперѣ съ восторгомъ?—Сенковскій, знаменитый въ свое время баронъ Брамбеусъ. Онъ написалъ, послѣ первыхъ представленій этой оперы, статью, дышащую и умомъ, и вкусомъ, и увлеченіемъ, хотя, быть можетъ, ему и доставало кое-какихъ специальныхъ знаній и хотя онъ былъ не правъ, требуя сокращеній въ такихъ мѣстахъ, которыя того отнюдь не заслуживали, но требовалъ ихъ для обезпеченія большаго успѣха оперы, для того, чтобы публика не скучала въ тѣхъ прекрасныхъ мѣстахъ, которыми можетъ наслаждаться знатокъ, но которыя совсѣмъ недоступны массѣ. Стало быть, и то, что онъ совѣтовалъ сократить, онъ считалъ прекраснымъ и глубокимъ, но не для всѣхъ понятнымъ. Въ оцѣнкѣ же цѣлаго и подробностей онъ по большей части вѣрно опредѣлялъ значеніе оперы. «Русланъ и Людмила» — *chef-d'oeuvre*, говорятъ онъ, въ полномъ смыслѣ слова, отъ первой до послѣдней ноты. Это—прекрасно, величественно, безподобно. Никто лучше нашего композитора не владѣлъ и не владѣетъ оркестромъ; никто не развивалъ въ одномъ сочиненіи такого множества смѣлыхъ, счастливыхъ и оригинальныхъ мыслей: ни въ одной оперѣ не найдется такого разнообразія красотъ, рождающихся одна изъ другой безконечною цѣнью». «Мы имѣемъ въ Глинкѣ одинъ изъ

Вы страстно любите музыку! какъ я люблю васъ за это! Играете-ли вы на чемъ нибудь?—то есть натурально на фортепіано? Въ такомъ случаѣ я пришлю вамъ хорошихъ и новыхъ нотъ. Поете-ли вы? Тогда я пришлю вамъ партіцію «Руслана и Людмилы» для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано. Въ началѣ будущаго мѣсяца я пошлю вамъ также нѣсколько новыхъ книгъ для глотанія.

Не могу вамъ сказать, какъ опечаленъ я тѣмъ, что не знаю—какъ удовлетворить вашу милую просьбу. Вы хотите, чтобы я прислалъ вамъ какое-нибудь изъ моихъ сочиненій и именно то, которое люблю я болѣе всѣхъ прочихъ. Я чувствую всю деликатность, всю нѣжную тонкость вашей просьбы, но затрудненіе, во первыхъ, въ томъ, что я не люблю ни одного изъ моихъ сочиненій; я такъ глупо распорядился моимъ временемъ, столько трачу его для другихъ, чтобы получать въ награду за это неблагодарность, что никогда не могу обдѣлать своихъ собственныхъ произведеній, какъ слѣдуетъ и какъ бы мнѣ хотѣлось. Всѣ они написаны наскоро и далеки отъ того вида, который я желаю придать имъ, какъ скоро исполнѣ освобожусь отъ нынѣшнихъ моихъ занятій и обязанностей. Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что я почти ничего не напечаталъ донинѣ отдѣльно. Все разбросано по разнымъ періодическимъ и не періодическимъ изданіямъ; а объ изданіи моихъ сочиненій я до сихъ поръ еще и не подумалъ. Не найдется, можетъ быть, во всемъ литературномъ мірѣ человѣка, болѣе равнодушнаго къ своимъ сочиненіямъ; едва они напечатаны, я не вижу ихъ болѣе, не читаю, забываю ихъ навсегда. Что почитаю я лучшимъ изъ всего написаннаго мною? Клянусь вамъ честью—не знаю и не могу сказать! Мнѣ кажется, что все нигде не годится. Надо вамъ знать, что я—ужасный мотъ: мои труды, мои идеи, плоды моихъ соображеній и изысканій я бросаю горстями куда ни попало, очень часто въ чужія сочиненія, вовсе не думая о возможности и даже обязанности извлечь изъ нихъ пользу для моей личной славы. Я помню, что отдѣльно книгою напечаталъ я нѣкогда «Фантастическія путешествія». Ихъ хвалили во время

огромнѣйшихъ талантовъ, какіе только существовали въ музыкѣ и владѣли орудіями звука». «Четвертый актъ—колоссальное созданіе, которое навсегда останется въ музыкѣ памятникомъ того, что можетъ сдѣлать великій талантъ со звуками, гаммами и инструментами, и какъ все тутъ повинуетъя могучей волѣ». Мы могли бы привести много подобныхъ сужденій изъ этой статьи, напечатанной въ 1842 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» и по газетнымъ разѣткамъ составляющей добрыхъ два фельетона. Пускай хоть музыканты помянутъ добромъ С. Н. Сенковского, которому много досталось отъ литераторовъ».

Ж. А.

бно, но что въ нихъ заключается—теперь не помню ни одного слова. Я издалъ также отдѣльно нѣсколько сочиненій ученыхъ, т. е. очень скучныхъ; но такъ какъ эти сочиненія интересны и понятны исключительно ученымъ читателямъ, педантамъ, то я писалъ ихъ на французскомъ языкѣ и на другихъ, смотря по сущности предмета. Этихъ сочиненій я вамъ не рекомендую: прочитавъ двѣ—три страницы, вы, пожалуй, подумаете, что я—старый книгоѣдъ въ синихъ очкахъ и въ рижемъ парикѣ, образецъ всего скучнаго и непонятнаго. Въ ученомъ свѣтѣ хвалили ихъ: явное доказательство, что они очень, очень скучны. Я не хочу показывать вамъ себя съ такой невыгодной стороны. Мнѣ кажется, что вы и безъ того уже не чужды нѣкоторыхъ предубѣжденій противъ меня. По тону, которымъ вы просите прислать вамъ самое любимое изъ моихъ сочиненій и по другимъ выраженіямъ вашихъ писемъ, я вижу, что вамъ тоже наговорили, будто я гордъ, надмененъ, неприступенъ. Выкиньте это изъ вашей умной головы: увѣряю васъ, что нѣтъ въ свѣтѣ чловѣка болѣе готоваго оказать каждому услугу, угодность, одолженіе; но вытерпѣвъ уже много отъ людской превратности, узнавъ на опытъ, какъ злы и опасны двуногія существа безъ перьевъ, я всѣми мѣрами отдѣляю себя отъ нихъ—не по гордости, Богъ мнѣ свидѣтель!—а со страху. Я боюсь людей, боюсь ихъ злобы и ограждаю себя отъ сопривосновенія съ ними и съ нею, оцѣпляюсь какъ среди чумы. Не употребляйте со мною такихъ предисловій: когда чего пожелаете, требуйте отъ меня со всею довѣренностью искренно раздѣляемой дружбы. Видите, какъ я уже люблю васъ, когда пишу къ вамъ такія безконечныя письма! Но сказать вамъ по правдѣ, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ писать, въ первый разъ и нашелъ я истинное удовольствіе въ этомъ занятіи—угадайте, когда и какъ?—Я увѣренъ, что вы уже угадали? Тутъ не нужно даже быть ужасно самолюбивою, какъ вы изволите выражаться. Доказательства у васъ передъ глазами. Не влюбленъ-ли я въ вашъ прелестный умъ, въ ваше чудесное сердце? Какъ вы думаете.... Я очень боюсь за себя! Но я знаю, что вы отвѣтите, вы отвѣтите: «о! нѣтъ!... Вы это дѣлаете только для того, чтобы уменьшить мою скуку.... просто по добротѣ вашего сердца!» Пусть и такъ!

Между тѣмъ, вы видите и самъ я примѣчаю, что я не только пишу къ вамъ съ истиннымъ удовольствіемъ и очень длинно, но и пишу обо всемъ. Благодарю васъ очень за обѣщаніе никому изъ постороннихъ не сообщать моихъ писемъ: это обѣщаніе я считаю залогомъ вашей дружбы, святымъ залогомъ и только подъ его защитою могу откровенно изливать мои мысли, мнѣнія, чувство-

ванія, огорченія. На счетъ послѣднихъ, то есть огорченій, я очень гордъ: я никогда не люблю признаться, что огорченъ кѣмъ бы то ни было, готовъ скорѣе заболѣть, скрывая тайную рану, чѣмъ обнаружить, что я получилъ ее. Если бы мы были лично знакомы съ вами, я вѣроятно, даже навѣрное, не былъ бы вполнину такъ отеро-вененъ. Но вы—мечта; вы—невидимый ангель-хранитель. Отъ невидимыхъ духовъ ничего нельзя скрывать. И какъ сладостно хоть разъ въ жизни ничего не скрывать! Какъ приятно излить все сердце передъ такой душою, какъ ваша! Вы живете далеко, уже на востокъ: мнѣ кажется, будто вы живете въ Перистанѣ и сами вы—Пери. Храните же, моя милая Пери, кладъ, который я вамъ вѣраю. Спрячьте его въ вашей слезѣ, въ біеніи вашего сердца и еще глубже. Пусть никто его не видитъ кромѣ вашей прекрасной и благородной мысли.

Я тоже по нѣскольку разъ перечитываю ваши письма.

Ne signez pas vos lettres. J'ai effacé votre signature et votre adresse dans vos premières lettres, par précaution et par prudence. Si je venais à mourir, personne ne saura de qui proviennent ces délicieuses pages, auxquelles j'aurais attaché tant de prix durant ma vie. Vous réclamerez votre correspondance auprès de mes héritiers, si je n'avais pas le temps de vous la renvoyer avant de mourir. Ainsi vous pouvez m'écrire très-sûrement tout ce qui passera par votre tête et par votre cœur, sans crainte d'être jamais compromise par ces honnêtes et ravissantes effusions de la plus belle des âmes. Adieu, je vous serre la main. Je ne vous écrirai pas avant de recevoir une lettre de vous. Ne me faites pas languir, ma charmante amie: n'est-ce pas, c'est ainsi qu'il faut désormais vous nommer? Adieu, adieu, il fait jour et je ne me suis pas encore couché, sans songer que je dois sortir à dix heures du matin. J. S.

Le 15 février.

Depuis la délicieuse nuit que j'ai passée à vous écrire ces pages, une journée s'est écoulée, une triste journée, et voici derechef minuit.. Cette lettre ne partira que demain: il m'est si doux de causer avec vous encore quelques instants. Tâchez de me faire parvenir une charmante lettre de votre part pour le 19 mars, jour de mon anniversaire. Ce jour-là j'aurai quarante trois ans—c'est déjà si près de la tombe!—et je souhaite de tout mon cœur avoir la consolation de lire ce jour-là quelques bonnes lignes, tracées par la main de la spirituelle et excellente amie que le ciel vient de m'envoyer. Je ne saurais vous

dire, comme je passe tristement mon temps: nous sommes aujourd'hui au mardi du carnaval; je n'ai vu personne depuis longtemps, je ne reçois personne, je ne sors pas. Une tristesse indicible m'accable tout cet hiver. Je n'ai jamais tant désiré mourir, que cet hiver. Oh! avec quelles délices j'aurais quitté la vie en ce moment-ci! J'aurais au moins été vivement regretté par beaucoup de personnes; ma mort prématurée serait d'un si grand avantage pour moi-même; une vie, interrompue tout à coup au milieu de son été, aurait laissé dans beaucoup de cœurs qui me sont dévoués, des souvenirs pleins de charme; je sens tout cela, et je sens aussi que si je vis plus longtemps, si je dure jusqu'à la vieillesse, tout cela s'usera, se fânera, se decolorera, se perdra sans retour. Personne ne s'avisera de regretter un vieillard qui n'aura pas satisfait aux attentes exagérées qu'avait inspirées sa jeunesse à bien des imaginations. Je serai dépouillé de tout ce prestige qui m'environne encore. Est-ce la peine de mourir alors... Savez-vous que c'est précisément votre charmante demande de vous envoyer celui de mes ouvrages, que j'aime le plus, qui a redoublé ma tristesse et mon vif désir de mourir. Je me suis mis à passer dans ma mémoire tout ce que j'ai produit jusqu'à ce jour; et je vois, que décidément je n'ai rien fait qui vaille, qui puisse rester après moi, qui donne la mesure de l'immense travail que je m'étais imposé depuis ma tendre jeunesse pour me préparer à bien travailler et à être utile: j'ai si mal employé ma vie, mes études, mes moyens; je me suis engagé dans une voie où mon caractère m'a porté forcément à dépenser tout cela pour les autres, à tout sacrifier aux autres, sottement, car je n'en ai recueilli qu'ingratitude et calomnie, et à ne rien faire pour moi-même, pour la solidité de ma propre gloire, pour mes intérêts positifs enfin, car les intérêts positifs ont aussi leur valeur quand on approche de la vieillesse. Que restera-t il après ma mort? Une foule de travaux épars, à peine ébauchés, inachevés, que j'avais toujours entrepris avec l'intention de les lier ensemble, de les perfectionner, de leur donner de grands développements, d'en faire des ouvrages solides et remarquables; et toujours en me laissant aller follement à cette malheureuse dissipation de mes idées et de mes moyens au profit des autres, je les ai laissés incomplets et oubliés, faute de temps et par suite de cette complication d'occupations, dans laquelle je me suis enfoncé sans y songer et dont il m'est si difficile aujourd'hui de sortir, malgré tous les efforts, que je fais pour y parvenir, afin de me rendre à moi-même et de travailler à ce qui doit me survivre. Le succès qu'ont eu toutes ces ébauches, tout ces riens, plus au moins brillants, ne m'aveugle nullement: je sens mieux que qui ce soit qu'ils n'ont aucune valeur

réelle, et la haute idée qu'ils ont donnée de mes moyens au public, est un poids qui m'écrase, car je crains, je vois, que la mort me surprendra avant que j'aie les coudes libres pour prouver à mes concitoyens que je valais réellement l'estime qu'ils m'avaient accordé d'emblée, et qu'ils ne s'étaient pas trompés sur la force de mes capacités. Avouez que pour un homme, qui sait bien sentir, pour un homme de coeur, pour quiconque n'est point dépourvu d'un peu d'ambition généreuse, l'idée de tromper toutes les attentes, et de les tromper par sa propre faute, ne peut qu'être accablante. Vous concevez à présent la cause de ces cruelles tristesses qui m'assaillent de temps à autre, et de ce désir, je dirais même, de cet amour, que j'ai pour une mort prématurée, qui me ferait disparaître sans anéantir tout le prestige. Si je ne réussis pas à sortir de ma position actuelle et à trouver du temps pour terminer mes ouvrages, pour démontrer ma vraie valeur, je donne gain de cause à mes ennemis, à tous ceux qui aujourd'hui ravallent mon talent par envie. C'est déjà humiliant que de penser qu'une telle canaille puisse un jour avoir raison contre moi, grâce à mon imprévoyance! On a dit, que je n'ai que des ennemis acharnés ou des amis fanatiques: si cela est vrai, je me moque bien de mes ennemis acharnés, je leur prouve bien tous les jours, que je me moque d'eux et que je ne les crains pas; mais je sens en même temps, et très-vivement, que j'ai de grandes obligations envers ceux qui m'honorent de leur fanatisme amical, et que je dois avant tout justifier leurs préventions honorables en ma faveur par des productions dignes d'eux et de moi-même. Vous ne sauriez croire quels sacrifices je fais pour acheter ce temps précieux qui m'est si nécessaire pour bien mériter de mes amis; et jusqu'à présent rien ne me réussit: au commencement de chaque année je me dis: enfin, me voilà libre, presque libre, et je pourrai m'occuper tranquillement de mes propres ouvrages! Vain espoir!—peu-à-peu tous les travaux retombent sur moi, et à la fin de l'année, le sacrifice est consommé et le poids de mes occupations n'a point diminué d'un cheveu. Cette année-ci j'ai fait des sacrifices plus grands que jamais: et je vois déjà que cela ne va pas sans moi et que tout mon temps sera peu-à-peu dépensé pour aider les autres: aider—c'est tout bonnement faire soi-même!—Vous me direz peut-être: «mais ces cent gros volumes de la «Библ. для Чт.» sont déjà d'assez bon titres à la gloire; vous y avez semé une foule d'idées neuves sur une foule de choses; ils ont produit plus d'une impulsion salutaire». Supposons que cela soit vrai, puisque cela a été dit et redit cent fois par mes amis et même par mes ennemis: mais qu'est-ce que la «Библ. для Чт.»! C'est une chose

éphémère; il ne reste même pas un seul exemplaire de ces cent volumes dans le commerce; tout a été acheté, lu, déchiré, perdu; on ne les réimprimera jamais, et la mémoire de tous mes travaux immenses, de toutes ces impulsions, de toutes ces révolutions intellectuelles s'effacera bien vite: il ne restera de moi qu'une vague tradition. Dans une dizaine d'années d'ici, vous oublierez vous-même tout ce qui s'y trouvait et vous-vous demanderez peut-être avec étonnement: mais qu'a-t-il donc fait cet homme, pour m'avoir jadis inspiré tant d'estime et tant d'amitié!—Parvenir à un tel résultat, après avoir tant travaillé, c'est affreux, rien qu'à y songer! Votre coeur généreux saura comprendre la tristesse, la mélancholie, l'abattement, qui souvent en découlent pour moi. Tout cela exerce même une grande influence sur ma manière de vivre. Je tiens ici une maison fort élégante, une des plus belles de la ville, et montée de manière à pouvoir y recevoir tous les jours quarante ou cinquante personnes; souvent aussi ma maison à été citée comme une des plus brillantes et des plus agréables de St.-Petersbourg; une société d'élites, toutes les célébrités, des hommes et des femmes d'esprit, s'y pressent et s'y amusent: on brigue alors la faveur d'y être admis; puis, au milieu de tout cela, mes idées sombres, le mécontentement de moi-même, s'emparent de moi: ma maison se ferme, je ne vois personne, je deviens invisible pour tout le monde; et, me rappelant de la méchanceté des hommes, je commence à les craindre et à les éviter; on me traite d'orgueilleux, on me déchire, on fait toutes sortes de sottises suppositions sur mon compte, tantôt on me représente comme un avare qui amasse des richesses, tantôt on m'attribue des vices dégoûtans que je craindrais de trahir; et moi, en attendant, je me débats contre une tristesse extrême; contre une espèce de désespoir involontaire d'avoir si mal employé ma vie qui aurait pu être si heureuse et si facilement glorieuse, glorieuse pour longtemps et à l'abri de toutes ces haines, de toutes ces envies, de toutes ces mauvaises passions qui s'agitent sur mon chemin et qui ne me laissent pas libre de m'appartenir à moi-même, car enfin je ne pouvais pas abandonner la partie dans la lutte acharnée qu'elles avaient soulevée contre moi: plus elles s'agittaient, plus je devais montrer du courage, et mon honneur m'imposait le devoir d'en sortir vainqueur à force de persévérance, de sang-froid et de travail utile. On me croit heureux, on m'envie, et souvent je succombe sous le fardeau de ce bonheur imaginaire: souvent des larmes amères baignent mes joues et une affreuse mélancholie m'obsède dans la brillante solitude de ma belle maison; le travail et la musique sont alors les seules choses que j'aime et le désir de mourir devient l'unique souhait de mon coeur.

L'hiver actuel est précisément un de ces mauvais quart-d'heures. Je vis dans un désert. Vous m'avez créé un plaisir inconnu, c'est de vous écrire et de songer avec tendresse à votre touchante amitié, et je vous en remercie: vous êtes ma bienfaitrice. Que c'est heureux d'ailleurs, que vous êtes à l'autre bout du monde et que je ne vous connais pas: je vous aurais peut-être fuie, comme je fuis ceux qui m'entourent! Toute-fois, ce que je vous dis, vous ne devez pas le prendre pour une façon de vous refuser l'objet de votre aimable demande: je songerai, j'examinerai mes travaux précé lents, et si j'y trouve quelque chose qui me plaise aujourd'hui, je vous l'enverrai comme un souvenir de mon amitié. Mais écoutez: ne serait-ce pas mieux de me donner un peu de temps? En effet, attendez quelques mois, un an tout au plus: j'écrirai quelque chose exprès pour vous; cela me réussira peut-être, sous votre inspiration, sous l'étoile de votre charmant esprit, de votre excellent coeur. J'ai tant l'envie de vous plaire, que, ma foi, je crois que cette fois-ci j'écrirai quelque chose de bon. Bénissez-moi avec votre coeur dans vos prières, et le ciel me bénira dans cette entreprise. Adieu. J. S.

P. S. A propos: recevez-vous la «В. для Чт.» cette année-ci? Si vous ne la recevez pas, je vous l'enverrai. Marquez moi le jour et l'année de votre naissance: je vous enverrai votre horoscope en arabe, puisque vous aimez déjà l'arabe,—même l'arabe!. Vous êtes incomparable de bonté!

[Переводъ].

«Не подписывайте вашихъ писемъ, я зачеркнулъ вашу подпись и вашъ адресъ въ вашихъ первыхъ письмахъ изъ предосторожности и благоразумія. Если я умру, никто не узнаетъ, кто написалъ эти восхитительныя страницы, которыя я такъ цѣнилъ во время моей жизни. Вы потребуете ваши письма у моихъ наслѣдниковъ, если я не успѣю самъ отослать ихъ вамъ передъ смертью. Такимъ образомъ вы можете писать мнѣ все, что придетъ вамъ въ голову и сердце, не боясь быть компрометированной честными и восхитительными изліяніями прекраснѣйшей души. Прощайте, жму вамъ руку. Я не стану къ вамъ писать, прежде чѣмъ получу письмо отъ васъ. Не заставляйте меня томиться, мой очаровательный другъ,—не правда-ли, теперь такъ надо васъ называть? Прощайте, прощайте, уже разсвѣло, а я еще не ложился, не подумавъ о томъ, что долженъ выѣхать въ десять часовъ утра.»

[Переводъ съ французскаго].

15 февраля.

Послѣ восхитительной ночи, въ которую я написалъ вамъ эти страницы, прошелъ цѣлый день, день печальный, и вотъ опять полночи. Это письмо отправится только завтра, а мнѣ такъ пріятно поговорить съ вами еще нѣсколько минутъ. Постарайтесь прислать мнѣ очаровательное письмо къ 19 марту, дню моего рожденія. Въ этотъ день мнѣ мианетъ сорокъ три года—это уже такъ близко къ могилѣ! и я желаю отъ всего моего сердца имѣть утѣшеніе прочесть въ этотъ день нѣсколько добрыхъ строкъ, начертанныхъ рукою остроумнаго и добрейшаго друга, посланнаго мнѣ небомъ. Не могу сказать вамъ, какъ печально провожу я время: сегодня у насъ вторникъ масляницы, я давно уже никого не видалъ, никого не принимаю, не выхожу. Неописанная грусть гнететъ меня всю эту зиму. Я никогда не желалъ такъ умереть, какъ въ эту зиму. О! съ какимъ наслажденіемъ оставилъ бы я жизнь въ эту минуту! Обо мнѣ, по крайней мѣрѣ, сильно пожалѣли бы многіе; моя преждевременная смерть была бы очень выгодна для меня; жизнь, прерванная вдругъ, среди своего лѣта, оставила бы во многихъ преданныхъ мнѣ сердцахъ воспоминанія, исполненныя очарованія; я знаю все это и чувствую также, что если проживу дольше, если протяну до старости, все это изотрется, завянетъ, обезцвѣтится, пропадетъ безвозвратно. Никто не станетъ сожалѣть о старикѣ, который не удовлетворилъ преувеличенныхъ ожиданій, внушенныхъ его молодостью воображенію многихъ. Я не буду лишень всего престижа, который окружаетъ меня еще. Стоитъ ли умирать тогда?... Знаете ли, именно ваша очаровательная просьба прислать вамъ то изъ моихъ сочиненій, которое я люблю больше всего, увеличила мою грусть и мое сильное желаніе умереть. Я принялся перебирать въ моей памяти все, что написалъ до сихъ поръ, и вижу, что рѣшительно не сдѣлалъ ничего хорошаго, что могло бы остаться послѣ меня, что было бы соразмѣрно съ тѣмъ громаднымъ трудомъ, который я наложилъ на себя съ ранней юности, чтобы приготовить работать хорошо и быть полезнымъ; я такъ дурно распорядился моею жизнью, моими познаніями, моими способностями; я вступилъ на такой путь, который принудилъ меня насильно тратить все это для другихъ, всѣмъ жертвовать для другихъ,—глушо, потому что я получилъ за это только неблагодарность и клевету, и ничего не сдѣлалъ для себя самого, для прочности моей собственной славы, для моихъ матеріальныхъ интересовъ, наконецъ, потому что и матеріальные интересы имѣютъ также свою цѣну, когда приближаешься къ старости. Что останется послѣ моей смерти? множество работъ, разбросанныхъ,

едва начатыхъ, не конченныхъ, которыя я всегда предпринималъ съ намѣреніемъ связать ихъ вмѣстѣ, усовершенствовать, придать имъ большее развитіе, сдѣлать изъ нихъ произведенія прочныя и замѣчательныя; и всегда предаваясь сумасбродно несчастной тратѣ моихъ идей и способностей на пользу другихъ, я оставлялъ не конченными и забытыми по недостатку времени и вслѣдствіе того усложненія занятій, въ которое я вдался, необдуманно, и изъ котораго мнѣ теперь трудно выбраться, не смотря на всѣ мои усилія достигнуть этого, чтобы отдаться самому себѣ и работать надъ тѣмъ, что должно пережить меня. Успѣхъ, который имѣли всѣ эти наброски, всѣ эти пустяки, болѣе или менѣе блестящія, нисколько не ослѣпляетъ меня; я знаю лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что они не имѣютъ настоящаго достоинства и высокое понятіе, какое они дали публикѣ о моихъ способностяхъ — тяжесть, подавляющая меня, потому что я боюсь, вижу, что смерть постигнетъ меня прежде, чѣмъ я сдѣлаюсь свободенъ, чтобы доказать моимъ согражданамъ, что я дѣйствительно стоилъ того уваженія, которое они отдали мнѣ сразу, и что они не обманулись въ моихъ способностяхъ. Признайтесь, что для человѣка, умѣющаго чувствовать сильно, для человѣка съ сердцемъ, для того, кто не лишенъ благороднаго честолюбія, мысль обмануть всѣ ожиданія и обмануть по своей собственной винѣ не можетъ не быть убійственной. Вы понимаете теперь причину этой жестокой грусти, которая овладѣваетъ мною время отъ времени, и этого желанія, я скажу даже этой любви къ преждевременной смерти, которая заставила бы меня исчезнуть, не уничтоживъ всего престижа. Если я не успѣю выйти изъ моего настоящаго положенія и найти время, чтобы кончить мои сочиненія, чтобы показать свои истинныя дарованія, я дамъ одержать надо мною верхъ моимъ врагамъ, всѣмъ тѣмъ, кто теперь унижаетъ мое дарованіе изъ зависти. Уже и то унижительно думать, что такая сволочь можетъ когда нибудь одержать надо мною верхъ, благодаря моей непредусмотрительности. Говорили, что у меня есть только ожесточенные враги или фанатическіе друзья; если это такъ, я насмѣхаюсь надъ моими врагами, я доказываю имъ каждый день, что насмѣхаюсь надъ ними и не боюсь ихъ; но чувствую въ то же время и очень сильно, что имѣю большія обязательства къ тѣмъ, кто удостоиваетъ меня своимъ дружескимъ фанатизмомъ, и что я прежде всего долженъ оправдать ихъ лестное пристрастіе произведеніями, достойными ихъ и меня. Вы не можете повѣрить, какія жертвы я приношу, чтобы купить то драгоцѣнное время, которое мнѣ такъ необходимо, чтобы заслужить уваженіе моихъ друзей, и до сихъ поръ ничто не удается мнѣ: въ началѣ каждаго года я говорю себѣ: наконецъ. я свободенъ,

почти свободенъ, и могу спокойно заняться моими собственными произведеніями! тщетная надежда: мало по малу всё работы сваливаются на меня и въ концѣ года жертва принесена, а тяжесть моихъ занятій не уменьшилась ни на волосъ. Нынѣшній годъ я принесъ еще большіи жертвы и уже вижу, что безъ меня не идетъ и что все мое время будетъ истрачено на помощь другимъ, а помогать — просто значить дѣлать все самому!—Вы мнѣ скажете, можетъ быть: но эти сто толстыхъ томовъ Б. для Ч. уже довольно хорошіи права на славу; вы разсыпали тамъ множество новыхъ идей о множествѣ предметовъ; они произвели не одинъ умственный переворотъ въ нашей странѣ; они дали не одинъ спасительный толчекъ. Положимъ, что это правда, потому что это было сказано и повторено сто разъ моими друзьями и даже моими врагами: но что такое Б. для Ч.? Это вещь эфемерная; въ продажѣ не осталось даже ни одного экземпляра изъ этихъ ста томовъ; все было прочитано, изорвано, потеряно, этого не перепечатаютъ никогда и память о моихъ громадныхъ трудахъ, обо всѣхъ этихъ толчкахъ, обо всѣхъ этихъ умственныхъ переворотахъ изгладится очень скоро: обо мнѣ останется только одно смутное преданіе. Лѣтъ черезъ десять вы сами забудете все, что тамъ находилось, и можетъ быть спросите себя съ удивленіемъ: но что же такое сдѣлалъ этотъ человекъ, внушившій мнѣ когда-то столько уваженія и дружбы? Достигнуть такого результата послѣ столькихъ трудовъ—объ этомъ страшно подумать! Ваше благородное сердце стумѣетъ понять грусть, меланхолю, увныіе, часто овладѣвающее мною отъ этого. Все это имѣетъ даже большое влияніе на мой образъ жизни. Я живу здѣсь очень изящно, мой домъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ и устроенъ такимъ образомъ, что я могу принимать каждый день человекъ сорокъ или пятьдесятъ; часто также о моемъ домѣ говорили какъ объ одномъ изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ пріятныхъ въ Петербургѣ; избранное общество, всѣ знаменитости, умные мужчины и женщины любятъ бывать у меня и находить удовольствіе; добиваются быть принятымъ у меня; потомъ, среди всего этого, мои мрачныя идеи, недовольство самимъ собою овладѣваютъ мною, мой домъ закрывается, я не принимаю никого, я дѣлаюсь невидимъ для всѣхъ; и вспоминая злость людей, я начинаю бояться и избѣгать ихъ; меня называютъ гордецомъ, меня поносятъ, дѣлаютъ всякаго рода глупыя предположенія на мой счетъ; то меня представляютъ скупцомъ, который копитъ богатства, то приписываютъ мнѣ отвратительные пороки, которые я боюсь обнаружить; а я между тѣмъ преодолеваю крайнюю грусть, какое-то невольное отчаяніе, что такъ дурно употребилъ мою жизнь, которая могла бы быть

такъ счастливо и такъ легко достославна, достославна надолго. и внѣ всей этой ненависти, всей этой зависти, всѣхъ этихъ дурныхъ страстей, которыя мечутся на моей дорогѣ и не даютъ мнѣ возможности принадлежать самому себѣ, потому что, наконецъ, не могъ же я отстать въ той ожесточенной борьбѣ, которую они подняли противъ меня; чѣмъ болѣе они бѣсновались, тѣмъ болѣе я долженъ былъ выказать мужества и моя честь предписывала мнѣ обязанности выйти изъ этой борьбы побѣдителемъ, посредствомъ настойчивости, хладнокровія и полезнаго труда. Меня считаютъ счастливымъ, мнѣ завидуютъ, а я часто изнемогаю подъ тяжестью этого воображаемаго счастья; часто горькія слезы орошаютъ мои щеки и ужасная меланхолія гнететъ меня въ блестящемъ уединеніи моего роскошнаго дома; тогда я люблю только трудъ и музыку, и желаніе умереть становится единственнымъ желаніемъ моего сердца. Нинѣшняя зима именно одно изъ такихъ непріятныхъ для меня временъ. Я живу въ пустынѣ. Вы создали мнѣ невѣдомое удовольствіе—писать къ вамъ и думать съ вѣжностью о вашей трогательной дружбѣ, и я благодарю васъ за это. Вы моя благодѣтельница. Какое счастье, впрочемъ, что вы находитесь на другомъ краю свѣта и что я васъ не знаю: я, можетъ быть, бѣжалъ бы отъ васъ, какъ бѣгу отъ тѣхъ, кто окружаетъ меня! Впрочемъ, то, что я вамъ говорю, вы не должны принимать за отказъ на вашу любезную просьбу, я подумаю, рассмотрю мои прежніе труды и если найду что-нибудь по моему вкусу—пришлю вамъ на память о моей дружбѣ. Но послушайте: не лучше ли дать мнѣ немножко времени? Въ самомъ дѣлѣ, подождите нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть годъ; я напишу что нибудь нарочно для васъ, это можетъ быть мнѣ удастся подъ вашимъ вдохновеніемъ, подъ звѣздою вашего очаровательнаго ума, вашего превосходнаго сердца. Я такъ желаю угодить вамъ, что право думаю, что на этотъ разъ напишу что нибудь хорошее. Благословите меня вашимъ сердцемъ въ вашихъ молитвахъ и небо благословитъ меня въ этомъ предпріятіи. Прощайте. О. С.

«P. S. Кстати, получаете ли вы «Б. для Ч.» нинѣшній годъ? Если не получаете, я вамъ пришлю.»

«Скажите мнѣ день и годъ вашего рожденія, я пришлю вамъ вашъ гороскопъ по арабски, потому что вы любите уже арабскій языкъ—даже арабскій!... Доброта ваша безпримѣрна!»

Письмо это окончательно скрѣпило дружбу, начатую такимъ не обыкновеннымъ образомъ и не прерывавшуюся никогда. Все, что Осипъ Ивановичъ общалъ въ порывѣ великодушнаго чувства незнакомой,

онъ сдержалъ свято, и во всю мою жизнь у меня не было друга преданнѣе его. Восторженное чувство, основанное на глубокой признательности и вполне понятное съ моей стороны къ человѣку, отдавшему свое довѣріе женщинѣ, которую онъ только по письмамъ считъ способною его понять, чувство, укрьпившееся при личномъ знакомствѣ, долго составляло главное счастье моей жизни и служило утѣшеніемъ этому достойнѣйшему человѣку, которому до сихъ поръ не отдано надлежащей справедливости и который былъ одаренъ всѣми лучшими качествами сердца и ума.

Е. Н. Ахматова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИТОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ ІОСИФЪ СЪМАШКО

въ 1839—1844 гг.

Въ мартѣ 1839 года въ церковно-исторической жизни западной Россіи произошло событіе первостепенной важности—это воссоединеніе униатовъ съ православною церковію. Главнымъ двигателемъ воссоединенія униатовъ былъ литовскій митрополитъ Іосифъ Съмашко, пламенной ревности и неутомимой дѣятельности котораго западно-русскіе униаты обязаны своимъ обращеніемъ въ лоно православной церкви.

Въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ принималъ живое и горячее участіе самъ императоръ Николай Павловичъ, который потому уже самому не могъ не оцѣнить заслугъ Іосифа Съмашки. Дѣйствительно, не далѣе какъ въ самый день воссоединенія униатовъ, 25-го марта 1839 года, Іосифъ получилъ званіе архіепископа, а 30-го марта 1852 года онъ былъ пожалованъ въ митрополита.

Не смотря на великія заслуги, оказанныя митрополитомъ Іосифомъ и русской православной церкви, и русскому государству, не смотря даже на личное благоволеніе къ нему самого государя, онъ не всегда пользовался со стороны высшаго духовнаго начальства вполне заслуженнымъ имъ уваженіемъ и почетомъ. Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія высшая духовная власть Россіи представляла изъ себя слѣдующее зрѣлище. Кресло первенствующаго члена синода занималъ тогда слабый и духомъ и тѣломъ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Антоній Рафальскій, ни по образованію, ни по дѣятельности нисколько не соответствовавшій званію старѣйшаго и вліятельнѣйшаго первосвященника русской церкви. Оберъ-прокурорство въ синодѣ находилось тогда въ рукахъ столь

извѣстнаго въ исторіи синодальнаго управленія—графа Протасова. Путемъ нѣкоторыхъ интригъ, удаливъ безвозвратно изъ синода двухъ самыхъ вліятельныхъ его членовъ—Филарета, митрополита московскаго, и Филарета, митрополита кievскаго, Протасовъ, чрезъ слабого и больнаго митрополита Антонія самымъ безцеремоннымъ образомъ владычествовалъ надъ русскою церковію. Конечно, такой новый и вліятельный членъ синода, какимъ выступилъ преосвященный Іосифъ, не могъ нравиться деспоту оберъ-прокурору, а потому между тѣмъ и другимъ скоро установились очень натянутыя отношенія. Протасовъ, питомецъ и слуга іезуитовъ, держалъ себя очень двусмысленно по отношенію къ преосвященному Іосифу. Послѣдній, самъ много лѣтъ борвшійся съ іезуитами и съ католичествомъ, отлично понималъ настоящій смыслъ поведенія оберъ-прокурора и, конечно, также не могъ быть имъ доволенъ. Впрочемъ, нерасположеніе графа Протасова къ преосвященному Іосифу имѣло болѣе глубокія основанія. Преданный всей душою интересамъ православной церкви и ведшій постоянную борьбу съ латинствомъ, Іосифъ Сѣмашко и здѣсь не только не получалъ надлежащей поддержки со стороны оберъ-прокурора, но даже, напротивъ, встрѣчалъ почти систематическое противодѣйствіе. Въ оберъ-прокурорѣ св. синода находили себѣ покровителя скорѣе католяки, нежели православные. Происходило ли это дикое и уродливое явленіе непосредственно отъ самого Протасова, очень симпатизировавшаго католичеству, или же отъ его довѣреннѣйшаго чиновника Сербиновича, тайнаго католяка, неизвѣстно, но что это было такъ, подтвержденіе тому можно находить въ письмахъ митрополита Іосифа къ московскому митрополиту Филарету. Въ одномъ изъ своихъ писемъ литовскій архипастырь такъ выражался: «поляки и римляне считаютъ приобрѣтшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя тамъ именно, куда всякій православный долженъ обращаться съ полною довѣренностію».

Въ маѣ 1844 года литовскій архіепископъ Іосифъ написалъ обширное конфиденціальное письмо къ московскому митрополиту Филарету, въ которомъ и изложилъ свое тягостное положеніе, созданное недоброжелательствомъ къ нему со стороны оберъ-прокурора св. синода.

— «Еще не время, писалъ въ этомъ письмѣ литовскій владыка, чтобы ходъ и обстоятельства благополучно совершившагося воссоединенія къ православной церкви бывшихъ въ имперіи уніатовъ могли быть вполнѣ раскрыты, и я не могу ожидать, чтобы оцѣнено было по всей справедливости участіе мое въ совершеніи сего дѣла. Думаю,

однако жъ, что участіе это не столь безызвѣстно, чтобы я не могъ на него указать и призвать Бога въ свидѣтели чистоты моихъ намѣреній и побужденій. Въ порывѣ пламенной ревности я считалъ себя какъ бы призваннымъ свыше для совершенія этого дѣла, и если иногда мечталъ о земной наградѣ, то она представлялась мнѣ лишь въ мирномъ уединеніи, защищенномъ высшею властію отъ предстоявшихъ мнѣ неприятностей. Этой мечты или, лучше сказать, постояннаго желанія не припишите, высокопреосвященнѣйшій владыка, недостатку твердости и усердія къ дальнѣйшему служенію церкви,—кто прошелъ подобное моему пятнадцатилѣтнее поприще, кажется, долженъ быть свободенъ отъ такового обвиненія. Но устраненіе мое я считалъ всегда необходимымъ послѣдствіемъ моего поприща. Естественно, совершеніе уніатскаго дѣла возбудило ко мнѣ ненависть господствующей въ западныхъ губерніяхъ политическо-религіозной партіи поляковъ и римлянъ, ненависть тѣмъ сильнѣйшую, что она сопровождалась опасеніемъ дальнѣйшаго моего вліянія на его участь—и я никогда не ожидалъ имѣть отъ правительства столько покровительства, чтобы оно могло меня обезопасить противъ этой партіи. Напротивъ, я всегда думалъ, что, наконецъ, и ему наскучить меня поддерживать, а его чиновники будутъ и рады пожертвовать мной, и тѣмъ заслужить тысячи благодарностей. Въ церкви православной я не ожидалъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, ни столько сочувствія, ни столько довѣренности, сколько нужно для полезнаго служенія въ вѣдрахъ ея—и это тоже естественно. Я новый пришелецъ, котораго дѣйствія въ пользу церкви мало кому и то неполнѣ извѣстны, а иными даже превратно толкуются, да притомъ чуждое воспитаніе и привычки, изъ дѣтства вкоренившіяся, на всякомъ шагу будутъ оправдывать предубѣжденія противъ меня слабыхъ, невѣдущихъ. Возможно ли въ подобномъ положеніи дальнѣйшее полезное мое служеніе? И не должно ли было поприще мое кончиться необходимо паденіемъ, тѣмъ болѣе для меня позорнымъ, а для враговъ моихъ и православныя церкви утѣшительнымъ, что оно совершилось бы посредствомъ самой сей церкви и правительства? Съ другой стороны, я думалъ, что назначеніе на мое мѣсто достойнаго древле-православнаго архіерея замѣнитъ меня съ сугубою пользою. Поддерживаемый полною довѣренностію церкви, не имѣя противъ себя никакихъ предубѣжденій, онъ не только сталъ бы твердою ногой въ средѣ иновѣрцевъ, но и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ бы на утвержденіе и устройство воссоединенной паствы. Убѣжденный въ семъ исполнѣ, я при самомъ довершеніи уніатскаго дѣла подалъ при-

лагаемую при семь всеподданѣйшую просьбу отъ 26-го февраля 1839 г. объ увольненіи меня совершенно отъ дѣлъ, послѣ упроченія послѣдовавшаго воссоединенія. Четыре, протекшіе отъ сего, года не только не поколебали прежнее мое убѣжденіе, но, напротивъ, воплія оное оправдали. Посему отношеніемъ отъ 18-го декабря 1842 г., а еще съ большею настойчивостію отношеніемъ отъ 26 февр. 1843 г., просилъ я, посредствомъ г. синодальнаго оберъ-прокурора, объ окончательномъ удовлетвореніи означенной выше всеподданѣйшей моей просьбы. Въ отношеніяхъ этихъ, прилагаемыхъ у сего въ спискѣ, съ полною, думаю, для всякаго убѣдительною изложены причины, по которымъ дальнѣйшее мое служеніе было и безнужно и едва ли возможно. Однако-же, причины сіи не были уважены—я даже не получилъ отвѣта на мои отношенія. Между тѣмъ, улучшилось ли положеніе мое со времени отправления оныхъ? Можетъ быть, я теперь болѣе прежняго могу полагаться на участіе ко мнѣ православнои церкви? Напротивъ, поляки и римляне считаютъ пріобрѣтшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя тамъ именно, куда всякій православный долженъ обращаться съ полною довѣренностію; а обстоятельства, въ которыхъ я не только не участвовалъ, но о которыхъ даже не зналъ, едва ли не усилили предубѣжденій противъ меня между православнымъ духовенствомъ. Можетъ быть, я болѣе прежняго могу теперь заставляться покровомъ правительства? Напротивъ, увольненіе меня отъ должности предсѣдателя бѣлорусско-литовской коллегіи съ ея закрытіемъ, а также обстоятельства, сему сопутствовавшія и послѣдовавшія, заставляютъ думать всѣхъ, что меня прогнали. И послѣ этого, когда все направлялось къ тому, чтобы меня уронить въ общемъ мнѣніи, замарать, когда я не вижу, откуда мнѣ надѣяться помощи и покровительства, когда, напротивъ, всюду ожидаютъ меня недоброжелательство и противодѣйствіе, мнѣ предстоитъ преобразование паствы, исключительно составленной изъ воссоединенныхъ, — отступившей болѣе другихъ мѣстъ отъ древняго церковнаго порядка, — перемѣшанной на пространствѣ трехъ губерній съ преобладающимъ непріязненнымъ римско-католическимъ населеніемъ, раздраженнымъ новыми рѣзкими преобразованиями и ожидающимъ еще дальнѣйшихъ! Мнѣ предстоитъ устройство новой епархіи, съ матеріальными средствами, съ гораздо скуднѣйшими противъ другихъ западныхъ епархій. На меня возложено перенесеніе епархіальнаго управленія съ кафедральнымъ и училищными штатами въ городъ Вильно, кипящій ненавистнымъ фанатизмомъ противъ православныхъ, — лежащій виѣ круга право-

славнаго населенія, съ крайнимъ отягощеніемъ для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ этому управленію, и для большей части прочаго духовенства! Не простительна ли для меня мысль, часъ отъ часу болѣе утвердившаяся, что меня высылаютъ туда, дабы только сбыть съ рукъ,—предать вѣрной гибели, съ поруганіемъ предъ врагами православія, бросить въ лужу, дабы пройти по мнѣ сухой ногой?

«Я не хочу обвинять никого лично—боюсь приписать одному то, что, можетъ быть, произошло совершенно отъ кого другаго; тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, я получалъ неоднократно удары, не зная, откуда они направлены. Я не знаю: кто дѣйствовалъ противъ меня по личному недоброжелательству, а кто по заблужденію; кто какъ орудіе польско-католической партіи, а кто по собственнымъ видамъ или мелочной зависти и самолюбію? Да судить ихъ Господь и собственная ихъ совѣсть!

«Но когда я ожидаю одного лишь страданія, однихъ препятствій съ той именно стороны, откуда долженъ былъ ожидать помощи и защиты; когда за приготовленную гибель подарятъ меня развѣтвѣннатою фарисейскаго сожалѣнія; когда, вѣроятно, будутъ чернить самое имя мое и станутъ преслѣдовать его клеветой даже за гробомъ: извинительно для меня оставить хотя нѣсколько строкъ въ единственное теперь возможное оправданіе. Вотъ причина, по которой рѣшился я изложить вашему высокопреосвященству прописанныя вами обстоятельства. Если мнѣ суждено запечатлѣть кровію настоящее поприще, если сподобитъ меня Всевышній положить страдальческую голову тамъ, гдѣ покоятся мощи трехъ первыхъ мучениковъ православныя церкви, пострадавшихъ въ Ляввѣ за вѣру Христову: помолитесь, владыко, о грѣшной душѣ моей и поручите меня сочувствію православныя церкви! Если-жъ мнѣ предстоитъ долготѣвее гоненіе и отъ своихъ, и отъ враговъ, то еще больше прошу молитвы вашихъ, да подкрѣпятъ меня Всемогущій твердостію, не допустить предаться унынію въ предстоящей тяжелой борьбѣ и избавить меня отъ клеветы человѣческой! И вы, владыко, отдайте мнѣ иногда справедливость предъ людьми, какъ я отдаю ее, съ полнымъ упованіемъ, предъ судомъ правильнымъ Божиимъ! Впрочемъ, личную мою участь я всегда подчинялъ пользамъ службы, и всѣ страданія, всѣ непріятности постоянно скрывалъ въ глубинѣ моего сердца, такъ что даже о бумагахъ, препровождаемыхъ нынѣ къ вашему высокопреосвященству, никто до сихъ поръ не знаетъ, по крайней мѣрѣ, отъ меня. Посему прошу и васъ, владыко, сохранить ихъ, какъ мое завѣщаніе, не предавая преждевременному разглашенію,

дабы жребій, приготовленный одному человѣку, не повредилъ дѣламъ общественнымъ, церкви и государства. Богъ видитъ, страдать и умереть отъ враговъ церкви и государства для меня не страшно, я на это всегда былъ готовъ и ожидалъ. Но видѣть себя оставленнымъ, если даже не преданнымъ тѣмъ-же врагамъ отъ правительства, отъ начальства православныя церкви — грустно, весьма грустно. Впрочемъ, облегчивъ сердце симъ душевнымъ признаніемъ предъ архипастыремъ, къ личнымъ качествамъ коего и высокимъ заслугамъ церкви питалъ я всегда высокое уваженіе, я иду петрепетно, безъ малодушія по пути, предназначенному мнѣ Провидѣніемъ. «Да будетъ святая воля Его! и да поможетъ мнѣ Богъ быть еще полезнымъ сколько нибудь церкви православной!»

P. S. «Утѣште меня, высокопреосвященнѣйшій, увѣдомленіемъ о полученіи сей бумаги, а то я подумаю и ее къ вамъ не допустили»¹⁾.

Митрополитъ Филаретъ, получивъ исполненное глубокой горести о своей судьбѣ письмо литовскаго архипастыря, не замедлилъ преподать своему унывающему собрату слово утѣшенія. Не далѣе, какъ по прошествіи всего лишь нѣсколькихъ дней по полученіи письма архіепископа Юсифа, митрополитъ Филаретъ уже послалъ ему отвѣтное письмо.

«Преосвященнѣйшій владыко, многочтимый о Господѣ братъ, — такъ писалъ московскій архипастырь. По требованію вашего высокопреосвященства, извѣщаю, что отношеніе отъ 7-го мая за № 757 получено мною 28 дня, съ признаками вѣрнаго доставленія²⁾. Съ участіемъ скорби взираю на изображаемое вами трудное положеніе, вмѣсто успокоенія, заслуженнаго долговременнымъ, труднымъ и полезнымъ для православной церкви и отечества подвигомъ.

«Дабы облегченіе ваше соединить съ пользою общею, по моему мнѣнію, не устраненіе ваше отъ дѣлъ надобно, а другія средства. Не простирайтесь о семъ къ разсужденію пѣть для меня права....

«Если дѣло ваше и не совсѣмъ понятно: видить оное Сердцевѣдецъ и православная церковь сохранить о немъ правую память. Должно уповать, что и православное правительство благочестивѣйшаго государя, по мѣрѣ трудности подвига, будетъ поддерживать васъ своимъ подкрѣпленіемъ.

¹⁾ Записки митрополита Юсифа, изд. академіею наукъ.

²⁾ Значить, при оберъ-прокурорствѣ графа Протасова не пренебрегли іезуитскимъ способомъ вскрывать даже чистую переписку членовъ синода.

«Небеснаго Пастыреначальника моля о всякомъ вамъ благопо-
спѣшеніи, паче ихъ же просимъ или разумѣемъ, и себя молитвамъ
вашимъ поручая, съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ
пробываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга, Фила-
ретъ, митрополитъ московскій» ¹⁾.

Къ сожалѣнію, и на мѣстѣ своего служенія, въ Вильнѣ, преосвя-
щенный Іосифъ также встрѣчалъ много непріятностей со стороны
начальниковъ западнаго края, которые вмѣсто поддержки литовскаго
архіепископа, какъ борца православія и русской народности въ за-
падномъ краѣ, вредили и ему лично и тому святому дѣлу вѣры и
русской народности, за которое онъ стоялъ. Въ концѣ 1840-хъ и въ
началѣ 1850-хъ годовъ виленскимъ генераль-губернаторомъ былъ
И. Г. Вибиковъ 2-й, человекъ, по отзыву одного изъ преданныхъ
ему чиновниковъ (котораго, значитъ, нельзя заподозрить въ преувели-
ченіи), отличавшійся, при весьма ограниченномъ, если только не
больше, умѣ, крайнею надменностію, безтактностію, неограниченнымъ
самолюбіемъ и крайнею невоздержностію на слова. Такими вопію-
щими недостатками Вибиковъ совершенно уронилъ себя въ обще-
ственномъ мнѣніи и потерялъ всякое уваженіе въ краѣ до того, что
его словамъ никто не вѣрилъ. Понятно, такой недостойный началь-
никъ края только позорилъ русское имя....

Однако, такой-то ничтожный человекъ, на первыхъ же порахъ
своей дѣятельности въ краѣ, выступилъ противникомъ преосвящен-
наго Іосифа и при каждомъ удобномъ случаѣ унижалъ его, дорогое
для каждаго истинно-русскаго и истинно-православнаго человекъ,
имя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то святое дѣло православной вѣры и рус-
ской народности, за которое онъ стоялъ въ западномъ краѣ. Без-
тактный И. Г. Вибиковъ доходилъ до того, что публично, никого
не стѣсняясь, называлъ преосвященнаго Іосифа «простымъ, но хит-
рымъ попомъ».

Около трехъ лѣтъ преосв. Іосифъ молчаливо сносилъ выходки гене-
раль-губернатора, но, наконецъ, въ октябрѣ (20 числа) 1851 г. вынужденъ
былъ обратиться съ конфиденціальнымъ письмомъ къ оберъ-прокурору
св. синода графу Протасову. И замѣчательно, въ то самое время,
какъ Вибиковъ открыто унижалъ литовскаго архіепископа, публично
позволялъ себѣ противъ него оскорбительныя выходки, преосвящен-
ный Іосифъ даже въ конфиденціальномъ письмѣ, которое предостав-

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, изд. Академіею наукъ.

ляло болѣе простора для слова, не коснулся личныхъ счетовъ: онъ если и писалъ противъ И. Г. Бибикова, то только по поводу направленія его административной дѣятельности, весьма вредно отзывавшейся на положеніи православія и русской народности въ западномъ краѣ. Вотъ самое письмо архіепископа Іосифа къ оберъ-прокурору св. синода графу Протасову.

— «Бытность вашего сіятельства въ Вильнѣ, прошлый годъ, должна была убѣдить меня въ хорошихъ отношеніяхъ вашихъ къ Ильѣ Гавриловичу, а слѣдовательно, обнадежить о добромъ съ его стороны участіи въ дѣлахъ православныхъ церкви. Хотя я вскорѣ увидѣлъ, что дѣйствія Ильи Гавриловича имѣютъ совершенно другой характеръ, и что нѣкоторыя мои попытки поправить дѣло не только не принесли пользы, но даже были употреблены во зло; за всѣмъ тѣмъ, изъ уваженія къ вамъ, Николай Александровичъ, я болѣе уже полутора года воздерживался отъ явной борьбы; а теперь, когда дальнѣйшее съ моей стороны молчаніе было бы преступно, я отправляю при семъ въ ваши руки шесть рапортовъ св. синоду и одно конфиденціальное отношеніе, за №№ 3,400, 3,403, 3,434, 3,436, 3,449, 3,455 и 3,462. Они нѣсколько компрометируютъ Илью Гавриловича, и я предоставляю вашему сіятельству дать симъ бумагамъ такой ходъ, какой признаете полезнѣйшимъ для службы.

«Эти бумаги относятся только къ нѣкоторымъ дѣламъ, но и онѣ, кажется, достаточно убѣждаютъ, что нельзя вовсе полагаться на пособіе со стороны Ильи Гавриловича, дѣйствующаго скорѣе на разстройство, нежели на упроченіе дѣлъ православныхъ. Илья Гавриловичъ избралъ легкій путь, хотя, по евангельскому слову, легкій путь не есть лучшій. Ему хочется заслужить любовь и довѣренность сильной, богатой, польской партіи, по примѣру всѣхъ пріѣзжающихъ сюда, чтобы удобно и пріятно пожить, а не послужить съ пользою. Жаль, что Илья Гавриловичъ не хочетъ видѣть, что для него не все то полезно и прилично, что полезно и прилично для его секретарей и адъютантовъ, что едва ли онъ можетъ заслужить любовь и довѣренность партіи, которая и существуетъ только жизнью, непріязненною русскимъ и Россіи, и что, даже въ случаѣ возможности этого, Ильѣ Гавриловичу, брату Димитрія Гавриловича, должно для сего двоякнѣ предательствовать противу службы, нежели кому другому.

«Какъ бы то ни было, Илья Гавриловичъ отдался сказанной партіи и окружилъ себя людьми, дѣйствующими въ ея пользу. Онъ уви дѣлъ, что самый вѣрный способъ понравиться сей партіи есть дѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, прикидываться дѣйствующимъ про-

тивъ православныхъ; а чтобы поддержать за собою славу и ревностнаго православнаго, онъ, подобно многимъ у насъ великороссамъ, покровительствуетъ нѣсколькимъ древлеправославнымъ попамъ и порицаетъ воссоединенное вѣдомство. Жалкое, смѣшное фиглярство, достойное какого-нибудь мелочнаго полицейскаго, а не высокаго государственнаго сановника.

«Достойна сожалѣнія и приманка, на которой держатъ здѣсь теперь Илью Гавриловича, подобно другимъ великороссамъ. Ихъ успѣли увѣрить, что здѣсь въ особенности любятъ и уважаютъ великороссыя—и они тому повѣрили. Никому не придетъ на мысль, на чемъ основывается это мнимое предпочтеніе. Въ трехъ губерніяхъ не найдется и сотни чиновниковъ изъ великороссыя. Нѣкоторыхъ изъ нихъ задобрить лестію, другихъ деньгами, а всѣхъ обмануть, какъ здѣсь новыхъ, гораздо легче, нежели всю массу здѣшнихъ русскихъ православныхъ, нежели духовенство воссоединенное, которое, приведя свою паству на лоно православной церкви, честію и совѣстію обязано пещись объ утвержденіи оной въ единеніи и въ охраненіи противъ вражды и посягательства преобладающихъ въ здѣшней странѣ вновѣрцевъ.

«Извините, Николай Александровичъ, нѣкоторыя рѣзкія выраженія—я слишкомъ долго терплю, чтобы не имѣть права высказать правду на отрѣзъ. Притомъ же я пишу только для васъ, а вы обязаны отвѣтственностію по нашимъ дѣламъ столько же, какъ я, если не болѣе. Вы имѣете возможность и средства помочь имъ; я же долженъ по большей части только терпѣть безмолвно, когда меня топчутъ и предають въ жертву партіи непріязненной Россіи и церкви православной. Я знаю давно, что мнѣ не ожидать другой участи, но все же больно»¹⁾.

Графъ Протасовъ, получивъ письмо преосвященнаго Юсіфа, отнесся къ нему, какъ слѣдовало ожидать, не съ должнымъ довѣріемъ, хотя оно и снабжено было документальными доказательствами. Онъ взглянулъ на письмо литовскаго архіепископа и изложенныя въ немъ обстоятельства, какъ только на плодъ личныхъ счетовъ между представителями духовной и гражданской властей въ Вильнѣ, и потому вздумалъ секретно, подъ рукою, надлежащимъ образомъ узнать, какія отношенія существовали между литовскимъ архіепископомъ и виленскимъ генераль-губернаторомъ. Результатомъ секретныхъ розысканій Протасова былъ слѣдующій, находящійся въ рас-

¹⁾ Записки митрополита Юсіфа, изд. академіею наукъ.

пораженіи редакціи «Русской Старины», документъ, переданный ей изъ бумагъ самого графа Протасова.

«М. г. графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ ¹⁾! Г. начальникъ штаба сообщилъ мнѣ, что вашему сіятельству угодно знать, какія существуютъ отношенія между виленискимъ архіепископомъ Іосифомъ и мѣстнымъ генераль-губернаторомъ Бибиковымъ 2-мъ, и чтобы объ оныхъ я донесъ вашему сіятельству.

«Отношенія эти, почти съ самаго начала управленія генераль-адъютантомъ Бибиковымъ симъ краемъ, не были хороши. Архіепископъ человекъ характера твердаго и самостоятельнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ властолюбиваго и скрытнаго, далеку отъ того, чтобы напоминать о своихъ заслугахъ и о томъ вниманіи, которымъ почтило его правительство, но не проститъ тому, кто бы это забылъ и показалъ ему хотя малѣйшій знакъ неуваженія.

«Невидимый туземнымъ дворянствомъ, за содѣйствіе въ возвращеніи увн къ православной церкви, тѣмъ болѣе вправѣ ожидать почтительности отъ высшихъ правительственныхъ лицъ и отъ всѣхъ насъ русскихъ. Въ этой-то почтительности Илья Гавриловичъ постоянно ему отказывалъ, отзываясь о немъ, какъ о обыкновенномъ, простомъ, но хитромъ попѣ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ имѣетъ личные виды ²⁾). Конечно, нашлись люди, передавшіе архіерею такое мнѣніе о немъ главнаго начальника края, родилось же это мнѣніе или по интригамъ дворянства, или по внушеніямъ окружающихъ генераль-губернатора, которымъ необходимо было отвлечь его вниманіе на какой либо предметъ, чтобы самимъ болѣе было свободы распорядиться дѣлами.

«Цѣль достигнута какъ нельзя лучше!

«Я бываю иногда у преосвященнаго Іосифа, но по его осторожности и недоувѣрчивости, онъ никогда мнѣ и намеку не сдѣлалъ на непріязненные свои отношенія съ генераль-адъютантомъ Бибиковымъ, тогда какъ послѣдній, въ сужденіяхъ своихъ о немъ, ни предъ кѣмъ и никогда не стѣсняется, что особенно слѣдуетъ отнести къ необыкновенной его словоохотливости, заносчивости и пренебреженію рѣшительно ко всему.

«Такъ прошло болѣе года.

«Въ недавнее время, генераль-адъютантъ Бибиковъ 2-й предположилъ въ трехъ церквахъ военнаго вѣдомства: домовоі Александров-

¹⁾ Орловъ.

²⁾ Собственными слова Ильи Гавр. Бибикова.

ской, госпитальной и вновь освященной Благовѣщенской (собственно для воинскихъ командъ г. Вильны) назначить благочиннаго; не говоря ничего съ мѣстнымъ архіепископомъ, онъ уладилъ это посредствомъ своихъ сношеній съ оберъ-священникомъ арміи и флота.

«Такое распоряженіе, повидимому, огорчило преосвященнаго Іосифа; онъ отзывался предъ нѣкоторыми, что у насъ въ Вильнѣ есть другой архіерей. Илья Гавриловичъ, болѣе и болѣе приходилъ въ конфузное и раздражительное положеніе—полагали, что ему пишутъ изъ столицы, чтобы ладилъ съ преосвященнымъ.

«14-го ноября возвратилась супруга генераль-губернатора изъ С.-Петербургa. 17-го она отправилась съ визитомъ къ архіерею, и поднесла ему въ подарокъ четки, и когда онъ ее спросилъ: что же она привезла своему мужу? Получивъ отвѣтъ, онъ ей сказалъ: Напрасно, и его превосходительству слѣдовало бы привезти четки, и тутъ высказалъ вмѣшательство его въ дѣла церкви и проч. и проч. и проч.

«Варвара Петровна Бибикова, послѣ такого разговора, поѣхала въ первый ближайшій знакомый домъ ¹⁾ и огорченная въ волненіи, рассказала все и совѣтывалась передать ли такой пріемъ мужу. Вѣроятно, она его передала, потому что на другой день, т. е. 18-го ноября, Илья Гавриловичъ былъ у преосвященнаго и провелъ у него около двухъ часовъ. Что было за объясненіе между ними—положительно неизвѣстно: архіерей ни съ кѣмъ объ этомъ не говоритъ, а генераль-адъютантъ Бибиковъ 2-й, что бы ни рассказывалъ, никто ему не вѣритъ.

«Нигдѣ какъ здѣсь, а особенно къ такой личности, какъ личность преосвященнаго Іосифа, подобныя отношенія главнаго начальника края на многое имѣютъ весьма вредное вліяніе.

«4-го ноября было торжественное освященіе возобновленнаго храма въ Троицкомъ монастырѣ; генераль-губернаторъ не былъ на церемоніи. 22-го августа, когда вся Россія праздновала 25-тилѣтіе царствованія Монарха Благодѣтеля, наконецъ 20-го ноября, день восшествія на престолъ, у насъ послѣ литургіи всѣ разошлись по своимъ угламъ и говорятъ потому генераль-губернаторъ и въ церковь не ходитъ и обѣдовъ въ высокоторжественные дни не дѣлаетъ, чтобы не встрѣчаться съ преосвященнымъ Іосифомъ. Я не сомнѣваюсь, что г. Бибиковъ въ душѣ убѣжденъ, что во многомъ неправъ, потому что онъ не такой уже дурной человѣкъ, какимъ кажется, но его надмѣнность,

¹⁾ Помощнику попечителя учебнаго округа, коллежскому совѣтнику П. Н. Батушкову, нинѣ (1889 г.) почетн. опекунъ, дѣйст. тайн. совѣтн.

безтактность, неограниченное самолюбие и весьма вредная невоздержность на слова ¹⁾ много здѣсь его уронили, и препятствуютъ ему обнять какъ бы слѣдовало ввѣренное управленіе и смотрѣть на вещи съ надлежащей точки.

«Почтительнѣйше доводя о семъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, имѣю честь быть съ безпредѣльнымъ уваженіемъ и искреннею душевною преданностію ваш. сіят. и проч. Андрей Куцынскій.

1 декабря 1851 г.

г. Вильно.

Ж.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ О чемъ и я осмѣлился нѣсколько разъ ему говорить и просить не быть такъ откровеннымъ и такъ довѣрчивымъ къ людямъ.

МИХАИЛЬ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

III ¹⁾.

Богословское образованіе, ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ и занятія на кафедрѣ св. писанія въ виленскомъ университетѣ (1808—1833 гг.).

Ученныя степени.—Рукоположеніе 1814 г.—Вступленіе на кафедру священнаго писанія, 1814 г.—Назначеніе брестскимъ каноникомъ.—Ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ (1817—1822).—Предложенныя Бобровскимъ реформы въ главной духовной семинаріи, 1823.—Неудовольствіе базилианскихъ монаховъ.—Отрѣшеніе отъ кафедры и удаленіе въ Жировицы, 1824.—Переписка съ Кеппеномъ, 1825 и 1826 гг.—Возстановленіе на кафедрѣ.—Школа слагно-вѣдѣнія въ Вильнѣ съ 1826 г.—Занятія профессора въ Вильнѣ до преобразованія главной семинаріи въ римско-католическую академію.—Главнѣйшіе труды М. К. Бобровскаго.—Избраніе въ члены ученыхъ обществъ.—Предложеніе графа Сперанскаго.—Бобровскій ищетъ спокойнаго угла.—Отставка.—Характеристика личности профессора ²⁾.

Не желая затруднять читателя подробностями, имѣющими спеціальныя значенія для исторіи греко-уніатской церкви XIX ст.), мы ограничиваемся

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116; т. LX, стр. 333—352.

²⁾ Арх. св. сино. по 2-му депар. 1809 г. № 4, 1815 г. № 6, 1817 г. № 34, 1819 г. № 40, 1823 г. № 61, 1826 г. № 11, 1827 г. № 47, 1828 г. № 73, 1829 г. № 123, 1833 г. № 153. Арх. мин. нар. просв. Карт. 1087 г. № 6659. Послужн. списки отъ университета виленскаго, составленные въ 1833 г. П. Янковскаго «Протоіерей Михаилъ Бобровскій», Холм. мѣсц. на 1867 г. «Древняя хартеіная псалтирь», Лят. епарх. вѣд. на 1866 г. № 20 и 21. Ягича «Письма Добровскаго и Копитара», изд. 1883 г. Сборникъ собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго.

въ этой главѣ біографическаго очерка перечисленіемъ главнѣйшихъ фактовъ, собственно для связи предыдущаго нашего разсказа съ послѣдующими событіями, относящимися къ эпохѣ воссоединенія.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира супрасльская епархія вошла въ составъ брестской, изъ которой въ 1809 году образована виленская митрополичья. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь остался попрежнему независимымъ отъ Литовской базилианской провинціи, управленіе которой находилось въ виленскомъ Св. Троицкомъ монастырѣ. Между тѣмъ, для высшаго богословскаго образованія духовенства римскаго и греческаго обрядовъ, по мысли и настоянію попечителя виленскаго учебнаго округа, образована была, при виленскомъ университетѣ, главная духовная семинарія на 50 клириковъ, въ томъ числѣ 15 греко-уніатскихъ. Учрежденіе главной духовной семинаріи встрѣчено было враждебно всѣми монашескими орденами западной Россіи (а ихъ было до 30), потому, во 1-хъ, что расходы на ея содержаніе были отнесены на счетъ доходовъ монастырей, по раскладѣ, сдѣланной въ 1805 г. архіепископомъ Лисовскимъ и митрополитомъ Сестреничичемъ, и во 2-хъ, она не была подчинена не только епархіальному начальству, но и высшему духовному учрежденію. Такое изыятіе соотвѣтствовало тому направленію, которое господствовало въ дѣлахъ католической церкви въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ, когда свѣтская власть папы была подорвана. Русская грекоуніатская церковь въ эпоху Тильзитскаго мира была подавлена господствомъ базилианскаго ордена, который, какъ и іезуитскій, пользовался покровительствомъ нашего правительства. Престарѣлый Лисовскій не могъ поэтому дожидаться исполненія своего проекта. Между тѣмъ, по настоянію князя Чарторыйскаго, главная семинарія была открыта въ 1808 г. Бобровскій рѣшился вступить въ духовное званіе и, имѣя отличныя рекомендаціи отъ своего епархіальнаго начальства, поступилъ въ числѣ 17 греко-уніатскихъ клириковъ перваго приѣма. Закрытое заведеніе и строгій внутрений порядокъ охраняли семинарскую молодежь отъ крайняго увлеченія патріотическо-польскими чувствами, коими заражены были преимущественно студенты университета. Напротивъ, многія условія поддерживали въ этомъ богословскомъ инсти-

тутъ отличный нравственный духъ и согласіе во взаимныхъ отношеніяхъ учащихся (Антоній Зубко). Богословское преподаваніе велось въ духъ реакціонномъ, противоположномъ фанатизму богословскихъ студій римско-католическихъ и базилианскаго орденовъ; профессора каноническаго права Алонзій Капелли и пастырскаго богословія Иванъ Конти Ходани, оба италіянца, съ безпощадною критикою относились къ злоупотребленію римскихъ папъ и къ фанатической нетерпимости ультрамонтанъ. Въ томъ же направленіи преподавалъ догматическое богословіе каноникъ Клонгевичъ (зам. Іосифа Сѣмашки, Плавиды Янковскаго). Профессоръ св. писанія Голянскій способствовалъ развитію способностей къ изложенію проповѣдей.

Нельзя тутъ не замѣтить, что епархіальное начальство съ самаго начала отнеслось большею частію небрежно къ выбору клириковъ въ гл. семинарію, оттого въ первоначальный періодъ ея существованія было много неудачниковъ: изъ 17 человекъ перваго приѣма окончили курсъ съ успѣхомъ только 7 человекъ (изъ нихъ 3 со степенью магистра).

Михаилъ Кирилловичъ прошелъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ съ полнымъ успѣхомъ и при выпускѣ въ 1812 году удостоенъ ученыхъ степеней магистра богословія и философіи, кромѣ того онъ еще 23 апрѣля 1811 г. выдержалъ экзамень по словесному факультету наукъ изъ литературы, поэзіи, греческаго и латинскаго языковъ и признанъ совѣтомъ университета въ степени „магистра свободныхъ художествъ“ (*Magister Artium Liberalium*). Строго философскій умъ Бобровскаго отличался многосторонними познаніями. Немедленно по по окончаніи отечественной войны, онъ снова явился въ Вильну, гдѣ посѣщалъ въ университетѣ курсы уголовного и гражданскаго права и продолжалъ заниматься еврейскимъ и италіанскимъ языками. Въ 1814 г. Бобровскій былъ приглашенъ къ занятію должности профессора св. писанія (на мѣсто Голянскаго), а въ слѣдующемъ году, послѣ защиты диссертациі, утвержденъ въ должности профессора. Только въ 1815 году (на 31 году жизни) онъ принялъ священство (29 іюня), затѣмъ назначенъ членомъ виленской консисторіи, а въ 1817 году возведенъ въ санъ брестскаго каноника.

Надо замѣтить, что послѣ заключенія священнаго союза и

возстановленія власти римскаго папы въ западныхъ губерніяхъ замѣтно усилилась латино-польская пропаганда, чему въ значительной степени способствовали библейскіе комитеты и школы, бывшія во власти монашескихъ орденовъ. Само правительство посредствомъ университета поощряло (до 1822 г.) польскую цивилизацію въ обширномъ виленскомъ округѣ.

Между тѣмъ, римско-католическое духовенство и базилианы, руководимые провинціалами и нѣкоторыми епископами, подъ предлогомъ раззоренія и упадка монастырей послѣ отечественной войны, противились возобновленію главной духовной семинаріи. 1-й департаментъ римско-католической коллегіи, основываясь на донесеніяхъ визитатора виленскаго греко-уніатскаго епископа Адріана Головни, вошелъ съ представленіемъ о закрытіи навсегда главной семинаріи. Эту ревизію онъ производилъ, когда въ семинаріи не было учениковъ. Князь Голицынъ предложилъ попечителю дать свое заключеніе на представленіе 1-го депар. коллегіи. Не смотря на противодѣйствіе монаховъ, главная семинарія была возобновлена въ 1816 г. и совѣтъ университета, поддерживаемый княземъ Чарторыйскимъ въ своемъ мнѣніи, представляя объ упадкѣ богословскаго образованія въ епархіальныхъ семинаріяхъ, управляемыхъ епископами, находилъ необходимымъ сохранить этотъ полезный институтъ, между прочимъ и для того, чтобы поднять въ духовенствѣ сколько нибудь богословское образованіе. Въ первые четыре года своего существованія главная семинарія доставила епархіямъ 34 достойныхъ іереевъ, изъ коихъ „нѣкоторые употребляются въ учительскимъ должностямъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, другіе преподаютъ слово Божіе, значительно сіе званіе отличая, а младшіе, пріобрѣтая спасительное воспитаніе, занимаются своими приходами съ истинно христіанскою ревностью ¹⁾).

Неудавшаяся интрига монаховъ и епископа Головни усилила только злобу монашескихъ орденовъ противъ семинаріи. Это обна-

¹⁾ Арх. мн. нар. проsv. Карт. 1087, № 6559: «А что такое епархіальная семинарія за послѣднія 20 лѣтъ? въ нихъ упало благовоспитаніе, въ епархіяхъ не много способныхъ проповѣдниковъ и ученыхъ богослововъ. Совѣтъ семинаріи долженъ былъ вернуть по неспособности къ наукамъ и дурному поведенію 36 клириковъ» и т. д.

ружилось, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая: когда въ день св. Троицы для привѣтствія своего епископа въ монастырь явился профессоръ М. Бобровскій съ греко-уніатскими клириками, обучавшимися въ главной семинаріи, настоятель монастыря Цезарій Каминскій встрѣтилъ ихъ такими словами: „Зачѣмъ вы сюда пришли? Походите прочь, это нашъ епископъ, а не вашъ, вашъ архіепископъ схизматикъ въ Полоцкѣ“. Послѣ такого приѣма Бобровскому оставалось одно—отвести воспитанниковъ въ главную семинарію ¹⁾... Вообще неудовольствіе виленскихъ базилианъ и другихъ монаховъ противъ главной семинаріи обратилось, можно сказать, въ систематическое преслѣдованіе обучавшихся въ ней клириковъ. Оно выражалось особенно въ крайне неаккуратномъ взносѣ денегъ на ея содержаніе и въ представленіяхъ объ ограниченіи правъ ея воспитанниковъ для занятія епископскихъ мѣстъ.

Желая поднять богословское образованіе главной семинаріи на ту высокую степень, на которомъ оно находилось въ современныхъ подобныхъ же учрежденіяхъ за границею, попечитель предложилъ совѣту университета командировать въ Европу одного изъ профессоровъ богословскаго отдѣленія. Выборъ совѣта палъ на профессора Бобровскаго, который выдѣлялся отъ другихъ своими способностями въ языкознанію (кромѣ древнихъ языковъ, онъ основательно былъ знакомъ съ языками нѣмецкимъ, французскимъ и италіанскимъ). Бобровскому поручено было ознакомиться съ состояніемъ богословскаго образованія за границею и усовершенствовать себя въ знаніи восточныхъ языковъ, какъ необходимаго пособія для преподаванія библейской археологіи, а въ виду основательнаго его знакомства съ церковно-

¹⁾ Разсказъ очевидца Василія Лужинскаго (въ его «Запискахъ»). Въ то время обучались въ главной семинаріи Игнатій Пильховскій, Августинъ Бѣлиновичъ, Иванъ Игнатовичъ, Василій Лужинскій и Іосифъ Сѣмашко. Последніе двое, какъ извѣстно, были главными дѣятелями по воссоединенію униі съ православіемъ. Можно сказать, само Провидѣніе готовило ихъ исподоволь къ этому поприщу. Въ одинъ и тотъ же 1822 годъ оба попали въ столицу: Лужинскій личнымъ секретаремъ при архіепископѣ Красовскомъ, противъ котораго базилианъ и митрополитъ Булгакъ воздвигли систематическое преслѣдованіе, Сѣмашко—членомъ коллегіи. Оба были ближайшими свидѣтелями перехода въ правительственномъ взглядѣ при Шишковѣ на греко-уніатскую церковь и т. д. Но Сѣмашко превосходилъ своего товарища-соперника практическимъ тактомъ, служебною выдержкою и настойчивостію въ работѣ.

славянскимъ языкомъ совѣтъ призналъ полезнымъ поручить ему-же ознакомиться и съ славянскими нарѣчіями. Какъ видно изъ многихъ примѣровъ, командированіе преподавателей въ заграничные университеты для усовершенствованія въ наукахъ тогда входило въ систему подготовки профессоровъ для всѣхъ русскихъ университетовъ.

Михаилъ Кирилловичъ пробылъ за границею около пяти лѣтъ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны 17-го сентября 1817 года и вернулся лишь въ августъ 1822 г. Въ это время Вѣна славилась своими профессорами богословскаго факультета, академіей восточныхъ языковъ и обществомъ ученыхъ ориенталистовъ. Бобровскій засталъ еще въ живыхъ знаменитаго Яна (Jah, Gantz), прославленнаго своими изслѣдованіями по восточной литературѣ и искусствамъ и своимъ классическимъ трудомъ по библейской археологіи; онъ прослушалъ курсы Оберлейтнера (ученика знаменитаго Ариды), Руттенстоха, Ценгерле, Аккермана и другихъ, усовершенствовалъ свои познанія въ библейской археологіи, герменевтикѣ (правилахъ толкованія св. Писанія) и церковной исторіи, изучилъ языки еврейскій (и ранѣе ему знакомый), сирійскій, халдейскій и собралъ свѣдѣнія объ устройствѣ вѣнской главной семинаріи, куда поступали воспитанники, окончившіе курсъ лицеевъ и университетовъ. Изъ отчета Бобровскаго и изъ послѣдующихъ событій въ его жизни видно, что виленская семинарія во многихъ отношеніяхъ стояла ниже вѣнской, и при всемъ томъ главная семинарія въ Вильнѣ была лучшимъ духовнымъ институтомъ въ западно-русской окраинѣ. Въ Вѣнѣ же Бобровскій воспользовался богатствомъ древнихъ рукописей славянскихъ (12,000 рук.) въ императорской библіотекѣ и въ библіотекѣ графа Оссолинскаго и развилъ еще болѣе свои познанія въ славянской филологіи. Здѣсь же, пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ извѣстнаго филолога Вареоломея Копитара, Михаилъ Кирилловичъ свелъ знакомство съ учеными славянами, посѣщавшими столицу австрійской монархіи.

Съ начала 1819 года начинается путешествіе М. К. Бобровскаго по славянскимъ землямъ Чехіи, Моравіи, Краинѣ, Хорватіи и пр. и посѣщеніе извѣстнѣйшихъ библіотекъ—въ Прагѣ, Веллеградѣ, Люблянѣ, Рагузѣ, Дубровникѣ, Задрѣ, Венеціи, Болоніи, Флоренціи, Римѣ. Въ Прагѣ онъ познакомился и

сблизился съ „отцемъ славянства“ Іосифомъ Добровскимъ, съ молодымъ ученикомъ его Венцеславомъ Ганкою, съ Юнгманомъ, въ Венеціи съ Павломъ Соларичемъ „радостію и милотою сербскою“, въ Дубровникѣ съ хорватскими филологами и литераторами Маріемъ Францискомъ Аппендини, Павломъ Міосичемъ и проч. Въ октябрѣ 1820 г. Бобровскому привелось принять участіе на съѣздѣ свѣдущихъ славянъ, собранныхъ въ Задрѣ, съ разрѣшенія правительства, для составленія однообразнаго письменнаго языка въ руководство при печатаніи учебныхъ книгъ въ Далмаціи. Древнѣйшіе памятники—рукописи и старопечатныя книги—становились существеннымъ матеріаломъ для филологической критики языка, для обработки словарей и грамматикъ, провѣрки историческихъ фактовъ и оцѣнки этнографическихъ особенностей соплеменниковъ. И Михайлъ Кирилловичъ съ увлеченіемъ ученаго, проникнутаго величіемъ задачи славянъ, стремившихся къ объединенію въ области литературы, занялся изученіемъ и собираніемъ знаменитѣйшихъ памятниковъ Кирилловскаго и Глаголическаго письма, повсюду, особенно же въ Прагѣ, Вѣнѣ, Римѣ, а потомъ въ Парижѣ. Свои филологическія и библиографическія замѣтки, какъ видно изъ дневника, онъ въ каждомъ городѣ записывалъ аккуратно въ особыя тетради, прилагая къ нимъ снимки. Въ Римѣ, пользуясь вниманіемъ Ангела Майя (Angelo Mai), Бобровскій составилъ на латинскомъ языкѣ ученый каталогъ древнѣйшимъ славянскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ Ватиканской бібліотеки, подъ заглавіемъ „Codicis Slavici“. Кромѣ библиографическаго описанія, которое сопровождается справками, онъ имѣлъ у себя снимки (fac simile) съ каждой рукописи, заслуживающей его особаго вниманія. Весьма древнюю хорватскую рукопись, помѣщенную въ описаніи подь № 1-мъ, онъ списалъ всю сначала до конца; онъ считалъ ее древнѣйшею послѣ Несторовой и полагалъ впоследствии издать (Ягича „Письма Добровскаго и Копитара“). Описаніе ватиканскихъ рукописей, первый намъ извѣстный трудъ Бобровскаго, относящійся къ 1820 г., напечатанъ въ 1830 г. въ извѣстномъ сборникѣ Ангела Майя, подь заглавіемъ: „Nova Collectio Veterum“. О своихъ открытіяхъ Бобровскій сообщалъ Копитару, Добровскому и Ганкѣ и посылалъ къ нимъ снимки

изъ Рима и Парижа. Познакомившись гдѣ-то за границею съ ваяцлеромъ графомъ Румянцевымъ, Бобровскій сообщалъ ему о предметахъ болѣе всего интересовавшихъ знаменитаго покровителя славянской науки и служилъ посредникомъ для снятія копій и пересылки цѣлыхъ рукописей въ Россію, а также нѣкоторыхъ древнѣйшихъ книгъ.

Въ концѣ 1821 года мы застаемъ Бобровскаго изучающимъ въ Парижѣ, у знаменитаго ученаго де Сасси, арабскій языкъ. Въ маѣ 1822 года онъ двинулся въ обратный путь, черезъ Бауденъ (Будышинъ), гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Іосифомъ Добровскимъ для совмѣстнаго путешествія по странѣ лужичанъ (вендовъ или сербо-лужичанъ); но обстоятельства задержали Добровскаго въ Прагѣ и Бобровскій, пользуясь радушнымъ приемомъ представителей угасавшей сербско-лужицкой литературы— Лоцке, Фульке и Лубенскаго, могъ дать впоследствии отчетъ о состояніи этой горсти славянъ, такъ много пострадавшихъ подъ вліяніемъ своихъ побѣдителей германцевъ.

Послѣ восторженной встрѣчи на своей родинѣ, старѣйшими представителями Брестскаго капитула, Гавриломъ Янковскимъ, Тупальскимъ, Сосновскимъ и окрестнымъ духовенствомъ, Михаилъ Кирилловичъ въ августѣ 1822 года явился въ Вильну и открылъ въ университетѣ рядъ публичныхъ чтеній о священномъ Писаніи и его источникахъ. Предложенія ученаго богослова выходили изъ разряда обыкновенныхъ: онъ предъявилъ совѣту университета совершенно новую программу для преподаванія богословскихъ наукъ въ тѣсной связи съ обученіемъ восточнымъ языкамъ, не исключая, разумѣется, славянскаго, указавъ новые методы толкованія св. Писанія, основаннаго на первыхъ источникахъ (а для этого требуется знаніе греческаго, еврейскаго, халдейскаго, сирійскаго и даже арабскаго языковъ), и, наконецъ, устроить главную духовную семинарію на широкихъ основаніяхъ (съ семилѣтнимъ курсомъ). Лекціи профессора греко-уніата и предложенныя имъ радикальныя реформы богословскаго курса, причемъ лекторъ являлся на кафедрѣ съ запасомъ громадной ученой эрудиціи, взволновали латинское духовенство, особенно виленскихъ монаховъ, болѣею частію послѣдователей моднаго, но поверхностнаго ученія библейскаго общества о „внутренней церкви“, которое было подѣ особымъ покровительствомъ въ то

время еще всемогущаго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына.

Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія Бобровскаго за границею, въ западныхъ губерніяхъ Россіи произошли большія перемѣны: подѣ покровительствомъ (библейскихъ) комитетовъ развилась между греко-уніатами латино-польская пропаганда; епископы и базилиане, поддерживаемые митрополитомъ Булгакомъ, вице-предсѣдателемъ російскаго библейскаго общества, распространяли въ русскомъ народѣ польскіе азбуки, молитвенники, новый завѣтъ и, наконецъ, библию (московскаго изданія); епископы разрѣшали печатаніе книгъ несоотвѣтственныхъ духу греческаго обряда: въ Почаевской базилианской типографіи напечатанъ былъ славянскій служебникъ съ возмутительными нововведеніями¹⁾; въ греческихъ обрядахъ появились несвойственные Кирилло-Меодіевскимъ книгамъ латинскіе возгласы, пѣлись польскіе рожанцы, кантики и т. д.

Протесты Брестскаго капитула противъ злоупотребленій базилианскихъ монаховъ (съ 1810 по 1820 г.) въ греко-уніатской церкви не встрѣчали въ столицѣ поддержки: князь Голицынъ, вопреки намѣреніямъ императора Александра I, не только не способствовалъ разрѣшенію вопросовъ, обусловленныхъ упраздненіемъ нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей, но, напротивъ, обращалъ всѣ жалобы въ митрополиту Булгаку, который, будучи во власти базилианскихъ коноводовъ - провинціаловъ, Каминскаго, Смыковича и своего секретаря іеромонаха Мудровича, всѣми способами противоудѣйствовалъ реформамъ въ униі, намѣченнымъ еще митрополитомъ Лисовскимъ. Однако, съ конца 1821 года въ правительственныхъ сферахъ столицы произошла крутая реакція. Предложеніе 28-го октября 1822 года, вызванное категорическимъ повелѣніемъ императора Александра о приведеніи въ исполненіе его прежнихъ указовъ объ униатахъ,

¹⁾ Въ славянской литургіи львовскаго изданія 1776 г. было такое моленіе въ ектеніи: «Подать папѣ мирное церковей правленіе, разореніе же злохульныхъ ереси, вѣстребленіе раздоровъ и всякаго отступническаго, алобнаго, неприязненнаго католическому исповѣданію умышленія и ученія искорененіе, и вознести повсюду истинную вѣру». — Викарный епископъ Сѣроцкскій разрѣшилъ ее напечатать въ Почаевской типографіи, выбросивъ только три слова: «неприязненнаго католическому исповѣданію».

оживило надежды блага духовенства Брестской и Виленской епархій въ устройству епархіальныхъ семинарій и улучшенію быта блага духовенства. Въ этомъ отношеніи русскіе греко-уніаты находились несравненно въ худшемъ положеніи, чѣмъ австрійскіе и даже чѣмъ польскіе (Холмской епархіи).

Крайній упадокъ монашеской дисциплины (какъ можно видѣть во многихъ дѣлахъ архива бывшей римско-католической коллегіи), очевидно, былъ слѣдствіемъ роскоши и тунеядства. Въ 400 монастыряхъ (въ томъ числѣ до 90 базилианскихъ) монахи большею частью вели жизнь праздную, занимались политическими интригами, тяжбами. Въ своихъ проповѣдяхъ брестскій капоники Бобровскій не могъ скрывать неодобренія фанатизму, которымъ превозносились тогда виленскіе монахи. Многие изъ латинскихъ монаховъ (а изъ базилианъ даже епископъ суффраганъ Головня) были членами масонскихъ ложъ, библейскихъ комитетовъ и разныхъ благотворительныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ политическія цѣли. Все это возмущало духъ строго-религіознаго уніата. До сихъ поръ вовсе еще не изслѣдованы подстрегательства виленской учащейся молодежи духовными властями, враждебно относившимися къ виленскому университету вообще и въ частности къ главной семинаріи. Поэтому въ нашей литературѣ сужденія о виленскихъ событіяхъ въ 1823, 1824 и 1825 годахъ лишены полноты и критики.

Какъ бы то ни было, въ Вильнѣ образовалась сильная партія, враждебная ученію профессора Бобровскаго, который, будучи горячимъ приверженцемъ греко-восточнаго обряда, не могъ одобрять ни латинской вульгаты (Пл. Янковскій), ни особенно перевода ея на польскій языкъ, ни распространенія польскихъ богослужебныхъ книгъ въ греко-уніатскомъ духовенствѣ, обязанномъ совершать богослуженіе по греческому обряду на славянскомъ языкѣ, ни латинизаціи греческихъ обрядовъ въ уніа....

М. К. Бобровскій былъ удаленъ изъ Вильны подъ предлогомъ оскорбительнымъ для его внутренней совѣсти, какъ преступникъ, безъ слѣдствія и суда ¹⁾, и поселенъ въ Жаровицахъ,

¹⁾ «Для пресѣченія вреднаго вліянія, которое возмѣла противудѣйствующая университетскому начальству партія». Указъ 14 августа 1824 г. См. разъясненіе событій въ виленскомъ университетѣ въ учебномъ 1823—24 году, въ брошюрѣ Онацевича «Nowosilzow w Wilnie 1823—24», изд. 1831 г.

въ маленькой кельѣ базилианскаго монастыря, подъ надзоромъ духовнаго начальства.

Пишущіе о событіяхъ въ Вильнѣ по поводу университетскихъ беспорядковъ, по нашему мнѣнію, не обращаютъ вовсе вниманія на партіи, бывшія въ виленскомъ обществѣ, особенно-же на ту партію клерикаловъ, которая опасалась упраздненія монастырей. Самъ Новосильцовъ, какъ кажется, былъ орудіемъ этой партіи и польскихъ магнатовъ: въ то время крѣпостное право управляло всѣми дѣйствіями нашей администраціи въ западной Россіи; поэтому и во многихъ распоряженіяхъ Новосильцова видна непослѣдовательность и явное потворство шляхетскимъ интересамъ; отсюда, вѣроятно, и враждебное отношеніе попечителя къ бѣлому греко-уніатскому духовенству, между тѣмъ какъ это духовенство стремилось къ восстановленію чистоты греческаго обряда, защищало свои права по управленію дѣлами церкви, возставало противъ распространенія богослужебныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, вмѣсто славянскихъ! Новосильцевъ отрицалъ пользу богословскаго образованія священниковъ, пользу особыхъ семинарій, а тѣмъ менѣе училищъ. А если нужно готовить священниковъ, то это дѣло слѣдуетъ предоставить базилианамъ!..

Въ жириковомъ изгнанникѣ приняли горячее участіе: графъ Румянцевъ, графъ Остерманъ-Толстой, ученый Кеппелъ, профессоръ російской литературы въ университетѣ Лобойко и даже самъ адмиралъ Шишковъ. Въ началѣ февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, Бобровскій былъ восстановленъ на кафедрѣ св. писанія, съ воспрещеніемъ, однако, говорить проповѣди. Но спустя годъ, въ апрѣлѣ

Въ этомъ дѣлѣ Новосильцовъ слѣдовалъ по стопамъ Магницкаго въ Казани и Рунча въ Петербургѣ, Сухомлиновъ «Матеріалъ для ист. просв. въ Россіи»; Пшчинъ, Россійское библейское общество, «Вѣст. Европы»; Стоюнинъ, Адмиралъ Шишковъ, и др. Непосредственнымъ поводомъ къ удаленію профессора Бобровскаго изъ Вильны была проповѣдь, сказанная въ день св. Иосифа Обручника, кромя того онъ защищалъ пользу преподаванія философіи. Самое преподаваніе герменевтики (т. е. толкованія св. писанія) по первымъ источникамъ вѣдилось въ вину ученому богослову-слависту. См. у Шмида, «Исторія средн. учебн. заведеній», какъ смотрѣли на преподаваніе «герменевтики» нѣкоторые изъ членовъ правленія училищъ и ученаго комитета, напримѣръ—Стурдза.

1827 года, отмѣнено было и это ограниченіе. Напротивъ, ректоръ университета Пеликанъ—„авторъ прегрѣшенія“ Бобровскаго, въ своемъ ходатайствѣ призналъ за проповѣдями ученаго профессора полезное для юношества воспитательное значеніе!...

Уединеніемъ въ Жировицахъ (съ сентября 1824 г. по апрѣль 1826 г.) Бобровскій воспользовался для занятія славистикой, для приведенія въ порядокъ своихъ путевыхъ записокъ и продолженія своихъ филологическихъ изслѣдованій открытыхъ имъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей. Издатель библиографическихъ листовъ Кеппенъ, черезъ посредство профессора Лобойки, вошелъ въ переписку съ Бобровскимъ; послѣдній думалъ даже выйти изъ духовнаго званія и переселиться въ столицу, чтобы сблизиться съ источниками славянской старины въ публичной библиотекѣ; онъ доставилъ Кеппену, кромѣ разныхъ библиографическихъ замѣтокъ и справокъ, свидѣнія объ открытой имъ знаменитой Супрасльской рукописи. Эта любопытная переписка хранится въ императорской академіи наукъ. Къ сожалѣнію, значительная часть жировицкаго труда Михаила Кирилловича (по его словамъ годичный запасъ), отъ неосторожно оставленной свѣчи, сдѣлалась жертвою пламени, при чемъ едва не погибла подлинная Супрасльская рукопись. Но составленный имъ и уже переписанный набѣло отчетъ о путешествіи по Европѣ, къ величайшему сожалѣнію, погибъ и уже не могъ быть возстановленъ. Остались черновыя записки, весьма краткія, но это ихъ сохраняетъ—неизвѣстно. Нервная болѣзнь довершила рядъ несчастій, постигшихъ нашего ученаго, который, по словамъ его ученика Янковскаго, послѣ такой болѣзни, не обладалъ уже тою колоссальною памятью, какою надѣленъ былъ отъ природы.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ Михаила Кирилловича на кафедрѣ богословскихъ наукъ, министръ Шишковъ возложилъ на него преподаваніе славянскаго языка греко-уніатскимъ клирикамъ; открытая имъ въ Вильнѣ школа славяновѣдѣнія въ маѣ 1826 г. была первою въ Россіи. Въ его вступительной лекціи выражена надежда на возстановленіе языка церковно-славянскаго, пришедшаго въ забвеніе въ школахъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства не благопріятствовали укорененію занятій славянской филологіей подъ руководствомъ даровитаго ученаго въ западно-русской окраинѣ; занятія славяновѣдѣніемъ прекрати

лись съ послѣднимъ выпускомъ греко-уніатовъ, окончившихъ курсъ главной семинаріи; послѣ того Бобровскій писалъ къ Востокову въ 1831 году: „нѣтъ никого въ Вильнѣ—да простятъ мнѣ сказанное—кто могъ бы эту древнюю рукопись (супрасльскую) правильно прочитать и переписать“... Клирикамъ профессоръ акуратно, съ археологическою точностію, показывалъ въ Николаевской церкви каждому особо, какъ должно совершать богослуженіе по греческому обряду. И эти приемы не остались безплодными, ибо чинъ богослуженія въ уніатской церкви былъ искаженъ множествомъ заимствованій у латинянъ.

Слушавшіе профессора Бобровскаго за послѣдній періодъ профессорской дѣятельности сохранили воспоминаніе о плодотворныхъ занятіяхъ его герменевтикою и библейской археологіей. „Рѣдкій изъ наставниковъ пользовался наравнѣ съ нимъ такимъ общимъ уваженіемъ и любовію учениковъ“. „Съ особенною попечительностію онъ заботился о соблюденіи греческихъ обрядовъ и самъ руководилъ ими въ церкви, работая съ каждымъ клирикомъ по заведенной очереди“. „Онъ насъ научилъ цѣнить великое значеніе славянской науки, призывалъ насъ къ участию по работѣ источниковъ и памятниковъ“. (Зам. протоіерея Пл. Янковскаго, архіепископовъ Филарета (Малишевскаго) и Михаила (Голубовича). Сердечное отношеніе профессора къ церковно-славянскому богослужебному языку тѣмъ болѣе было благотворно для греко-уніатскихъ воспитанниковъ, что на преподаваніе его въ базилианскихъ школахъ не обращалось никакого вниманія, многіе монахи просто его не знали.

Послѣ возстанія въ Варшавѣ, которое нашъ профессоръ въ своихъ письмахъ къ Тупальскому называетъ „беззаконнымъ и безумнымъ конституціоннымъ неистовствомъ, измѣною“ (nikczepna zdgrada), становилось неизбѣжнымъ паденіе русской униі. Поэтому Бобровскій не видѣлъ никакой необходимости въ образованіи особой комиссіи для исправленія богослужебныхъ книгъ и греческихъ обрядовъ, какъ предлагали нѣкоторые представители въ уніатской іерархіи.

Кромѣ ряда статей, помѣщенныхъ въ виленскихъ періодическихкихъ изданіяхъ того времени ¹⁾, изъ коихъ большая часть

¹⁾ Dzieje Dobroczynności (Дѣяніе благотворительности), Dziennik wilenski (Денникъ Виленскій) издавались при главной семинаріи и универ-

помѣщена была вслѣдъ за симъ Каченовскимъ въ „Вѣстникъ Европы“, Бобровскій составилъ: „Записки славянской библіографіи“ (предполагалъ ихъ издать), „Записки герменевтики (не изданныя); въ 1829 г. онъ напечаталъ переведенную имъ же съ нѣмецкаго на латинскій языкъ Библейскую археологію по Яну („Archaeologia Biblica.“ Т. Wilna, 1829), съ значительными дополненіями (вторая часть издана въ 1836 г., при его же участіи); затѣмъ Бобровскій составилъ, по высочайшему повелѣнію, „враткій катехизисъ“ для римско-католическаго юношества въ Россіи и большую часть пространнаго катехизиса, для того же юношества. Наконецъ, онъ готовилъ къ изданію и знаменитую супральскую рукопись ¹⁾.

Кромѣ трудовъ на своей кафедрѣ, Бобровскій принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ ученыхъ работахъ, какъ членъ совѣта главной духовной семинаріи и цензурнаго комитета. Съ 1828 г. онъ былъ настоятелемъ русской Св. Николаевской церкви и виленскимъ благочиннымъ, въ 1829 г. назначенъ соборнымъ протоіереемъ Жировицкаго кафедральнаго собора, въ 1830 г. въ качествѣ члена Жировицкой комиссіи завѣдующимъ митрополичьими имѣніями, Ваккою и Шешолями. Нельзя не упомянуть о поддержкѣ Бобровскимъ офиціала Антонія Сосновскаго въ его полемикѣ съ базилианскими властями, при чемъ оба брестскіе каноники содѣйствовали рѣшимости министра Шишкова къ обнародованію извѣстнаго указа 9 октября 1827 г. относительно воспрещенія принимать въ монахи

ситетѣ. Въ нихъ Бобровскій помѣстилъ нѣсколько статей, относящихся къ его путешествію по славянскимъ землямъ: въ Далмацію, въ Лузацію и проч. Тутъ-же и его публичныя лекціи о св. писаніи, о значеніи арабскаго языка и литературы, о существѣ Бога по пятнадцатой Моисея, переводъ съ итальянскаго языка книги Совича, «О незнаніи славянскаго литературнаго языка въ Далмаціи» и проч.

¹⁾ Въ 1833 году графъ Сперанскій предполагалъ привлечь Бобровскаго къ составленію сравнительнаго словаря славянскаго языка. Въ своемъ отвѣтѣ Даниловичу по этому поводу Михаилъ Кирилловичъ, разобравъ состояніе словарей и грамматикъ у всѣхъ славянъ, приходитъ къ выводу, что такая работа преждевременная. Удивляется, почему для этой цѣли избрана Прага, а не Москва или Петербургъ? Сборн. писемъ М. К. Бобровскаго. Письмо отъ 16 февраля 1833 г. Это и нѣкоторые другія письма Бобровскаго по славянскій мы печатаемъ въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» изд. В. В. Комарова, № 12 и слѣд.

лицъ, не знакомыхъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и греческими обрядами. Этотъ указъ легъ въ основаніе доклада 22 апрѣля 1828 года, коимъ намѣчены реформы въ греко-уніатской церкви, при чемъ Бобровскому полагалось поручить устройство полоцкой греко-уніатской академіи. Его же совѣтами пользовались Антоній Зубко и Тупальскій, для выбора преподавателей въ жировицкую семинарію (открытую въ 1828 г.) и при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, относившихся къ реформамъ. Юсіфъ Сѣмашко велъ дѣятельную переписку съ Бобровскимъ.

Для исправленія обрядовъ греко-уніатской церкви предсѣдатель консисторіи Тупальскій предлагалъ созвать въ Петербургѣ особый комитетъ въ составѣ митрополита Булгака, епископовъ Мартусевича, Сѣроцинскаго и Сѣмашки, предсѣдателя литовской консисторіи Тупальскаго, профессора Бобровскаго и двухъ провинціаловъ (литовскаго и польскаго). Планъ этотъ остался безъ послѣдствій. Неудачу его Тупальскій приписывалъ профессору Бобровскому. По этому поводу Тупальскій писалъ ему, 8 января 1830 г., слѣдующее: вы, *illustvssimus*, послали епископу Сѣмашкѣ свое мнѣніе, поэтому я и вижу, что мой проектъ долженъ остаться безъ послѣдствій, и такимъ образомъ долго еще останется хаосъ въ нашемъ служебникѣ, отъ чего могутъ быть дурныя послѣдствія.“ — На это Бобровскій, между прочимъ, отвѣчалъ Тупальскому (18 января 1830 г.), что его проектъ о комитетѣ не удался, потому вѣроятно, что не согласуется съ цѣлью реформъ, что въ своихъ двухъ послѣднихъ письмахъ къ Сѣмашкѣ онъ даже не касался служебниковъ и что готовъ прислать Тупальскому свои замѣчанія на уніатскій служебникъ. „Но ради чего намъ давать себѣ лишнюю работу и хлопотать надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, когда таковыя имѣются и давно уже исправлены великимъ критикомъ патріархомъ Никонимъ и многими другими православными, и изданы тщательно въ Москвѣ и Кіевѣ“. (Сборн. собственноручныхъ писемъ М. К. Бобровскаго).

Еще ранѣе закрытія виленскаго университета и образованія изъ богословскаго факультета и главной семинаріи римско-католической академіи, Бобровскій получилъ, взаменъ Николаевскаго прихода въ Вильнѣ, Шерешевскій приходъ, близъ Пружанъ

(Гродненской губ.), съ деревнею Обрубъ въ пожизненное пользованіе. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны, 3 ноября 1833 года, Бобровскій писалъ епископу Іосифу Сѣмашкѣ, по поводу поданнаго имъ прошенія министру Блудову о пенсіи: „Удаленіе меня изъ университета почти на два года покрыто великодушнымъ помилованіемъ Государя Императора, который всемилостивѣйше возстановилъ меня въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ профессора.“ „Не имѣя въ Вильнѣ никакого дѣла, забравъ свою бібліотечку, завтра выѣзжаю въ Шерешево, на службу своему приходу, гдѣ, при настоятельскихъ занятіяхъ, надѣюсь имѣть спокойный кусокъ хлѣба, и буду имъ довольствоваться, хотя бы и не удалось получить эмеритуры, безъ нея же не для чего мнѣ и заниматься исполненіемъ дальнѣйшихъ обязанностей“ ¹⁾.

Извѣстнѣйшія иностранныя ученые общества приняли нашего филолога и богослова въ число своихъ сочленовъ: въ 1822 г. ему присланъ дипломъ на званіе члена Римской академіи древностей и свидѣтельство на званіе члена Парижскаго азіатскаго общества, въ 1827 г. на званіе члена Лондонскаго азіатскаго общества, въ 1828 г. Бобровскій избранъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Труды профессора Бобровскаго на богословскомъ факультетѣ и въ области славянской филологіи, а равно его заслуги для греко-уніатской церкви еще ждуть историка. Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ ученыхъ людей своего вѣка и справедливо считался украшеніемъ университета и свѣточемъ іерархіи греко-уніатской церкви своего времени.

При отъѣздѣ Бобровскаго изъ Вильны академіи поднесли любимому ученѣйшему и достойнѣйшему профессору портретъ, гравированный на камнѣ съ латинскою надписью, приведенною нами въ самомъ началѣ настоящаго біографическаго очерка. (Введеніе, примѣч.: *Hanc viri doctissimi, graeceptoris suis carissimi*). Бобровскому тогда было 49 лѣтъ. (Снимокъ съ портрета приложенъ къ этой книгѣ „Русск. Стар.“) Онъ еще сохранилъ свѣжія силы и многіе годы могъ бы служить наукѣ. Но providѣніе устроило иначе.

Къ этому изображенію виленскаго ученаго богослова и сла-

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 23 на оборотѣ. Не можемъ догадаться о какихъ здѣсь «обязанностяхъ» говоритъ профессоръ.

ванскаго филолога считаемъ умѣстнымъ присоединить характеристику личности профессора, данную бывшимъ ученикомъ его, протоіереемъ Янковскимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, полныхъ глубокаго чувства и совершенно правдивыхъ:

„Ей (т. е. природѣ) угодно было, чтобы покойный только исподволь и, такъ сказать, шагъ за шагомъ завоевывалъ себѣ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, отъявленный врагъ тщеславія, гордости и вообще двоедушія, Бобровский легко могъ казаться слишкомъ требовательнымъ и тяжелымъ человѣкомъ. А какія-то антично-суровыя черты лица и какъ-бы къ нимъ подобранная интонація голоса, въ свою очередь, не предупреждали вовсе въ пользу обходительности. Между тѣмъ подъ этою причудливою оболочкою скрывалось—и то не въ глубинѣ, а тутъ же на поверхности—столько теплаго чувства, доброты и теплоты сердечной, что, при одномъ видѣ подобной находки, обезоружилась бы самая непримиримая обида, не только что предубѣжденіе. Но могъ ли кому либо нанести личную обиду тотъ, кто такъ глубоко почиталъ таинственную святыню человѣческой совѣсти, что никогда, во всю свою жизнь, не коснулся, не только укоромъ, но даже подозрѣніемъ, этого единственнаго изъ правъ ближняго, поставленнаго внѣ нашего взаимнаго суда и контроля? Настаиваемъ съ намѣреніемъ на этой благородной особенности характера профессора Бобровскаго. Она довольно рѣдка, и, что прискорбнѣе сказать, почти никогда не оцѣнивается по достоинству, при жизни человѣка, не смотря на то, что она то именно составляетъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ мира на землѣ, заповѣданнаго намъ нѣвогда самими небожителями. Вотъ отъ чего, между прочимъ, общество Бобровскаго имѣло для всѣхъ рѣшительно какую-то безсознательно притягательную силу, а для него самого было такъ легко и естественно примѣняться ко всѣмъ отношеніямъ жизни, и на всѣхъ ея ступеняхъ сохранять достоинство правдиваго человѣка». „Письма покойнаго профессора Бобровскаго, говорить въ другомъ мѣстѣ Янковскій, мы хранимъ какъ святыню. Въ нихъ онъ весь, какъ человѣкъ. Благородная душа, безцѣнное сердце, неподдѣльная веселость и слогъ, какъ во всемъ, что выходило изъ его пера, золотой ¹⁾.“

¹⁾ Біографія замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между униатами: І. Протоіерей Михаилъ Бобров-

IV.

Возсоединеніе съ православіемъ.

Спокойный уголь въ Шерешевѣ.—Михаилъ Кирилловичъ слѣдитъ за реформами обрядовъ въ уни.—Продолженіе переписки съ епископомъ Сѣмашкою и протопресвитеромъ Тупальскимъ.—Цѣль поѣздки Іосифа Сѣмашки по епархіи въ 1834 г.—Первыя подписки.—Объясненіе хода униатскаго вопроса вилевскому базилианцу Босяцкому 1835 г.—Критическое время въ уни.—Графъ Остерманъ Толстой въ Шерешевѣ, поѣздка съ нимъ Бобровскаго въ Варшаву къ Паскевичу.—Поѣздки по епархіи съ епископомъ Антоніемъ.—Ревніа Бобровскимъ Любешовскаго благочинія 1837 г. и его отзывъ.—Поѣздки въ Жировицы.—Успѣшный ходъ подписки духовенства на возсоединеніе въ Литовской епархіи.—Отклоненіе вызова въ коллегію осенью 1837 г.—Письмо Сѣмашки.—Представленіе Бобровскаго въ званіе старшаго соборнаго протоіерея и отзывъ о немъ Сѣмашки 1838 г.—Послѣдній часъ пробылъ для уни.—Сужденія Бобровскаго по поводу Полоцкаго акта возсоединенія 12 февраля 1839 г.—Участіе протоіерея Бобровскаго въ торжественномъ богослуженіи въ Вильнѣ 3 сентября 1839 г.

Жизнь въ деревнѣ и занятія приходскаго священника въ соединеніи съ заботами по хозяйству служили наградою трудолюбивому заслуженному профессору и доставили ему спокойный кусокъ хлѣба и нравственное удовлетвореніе. Ничего болѣе онъ не желалъ и ни къ чему болѣе не стремился. Въ обстановкѣ сельскаго уединенія онъ находилъ себѣ успокоеніе. Какимъ онъ представляется въ письмахъ къ своему другу И. Н. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ, такимъ и остался онъ во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ жизни, не соглашаясь на заманчивыя предложенія и оставаясь довольнымъ своей скромной участію сельскаго пастыря. Съ переселеніемъ въ м. Шерешево „заслуженный профессоръ университета и членъ корреспондентъ

скій. Холм. мѣсяц. на 1867 г., стр. 115. Мы обращались къ дочери протоіерея Янковскаго съ просьбою доставить намъ копія съ имѣющихся у нея писемъ, но, къ сожалѣнію, она ихъ еще не розыскала, и гдѣ теперь эти письма—ей неизвѣстно.

разныхъ заграничныхъ и отечественныхъ ученыхъ обществъ принимается за отписку номерной корреспонденціи; а знаменитый философъ ориенталистъ, знавшій, при томъ, въ совершенствѣ всѣ новѣйшіе языки Европы, начинаетъ аккуратно, по воскресеніямъ и праздникамъ, произносить поученія на народномъ (червоно-русскомъ, или галицкомъ) нарѣчїи, именуемомъ съ нѣкотораго времени вовсе неправильно бѣлорусскимъ". (Янковскій).

Въ сельской обстановкѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ, въ заботахъ о своей паствѣ, объ украшеніи церкви, о семьѣ своего большаго брата, поселившагося въ деревнѣ Обрубѣ (предоставленной Михаилу Кирилловичу въ пожизненное пользованіе), незамѣтно для ученаго міра прошли послѣднія пятнадцать лѣтъ этого перваго труженика русской науки въ западной Россіи. Великимъ людямъ дана способность находить въ самомъ себѣ источникъ для счастья своего и своихъ окружающихъ. Бобровскій счастливъ былъ тѣмъ, что могъ и въ своемъ скромномъ положеніи благодѣтельствовать другимъ, а какъ ученый богословъ ориенталистъ быть полезнымъ духовному начальству и своимъ ученикамъ въ жгучемъ вопросѣ воссоединенія. Какъ пастырь, онъ оказывалъ духовной власти полное повиновеніе и для исполненія ея велѣній, случалось весьма щекотливыхъ и серьезныхъ, не отказывался отъ помощи, когда къ нему обращались за нею. Въ письмахъ къ духовнымъ особамъ, не одобравшимъ реформы обрядовъ въ униі, а тѣмъ болѣе стремленій къ воссоединенію, протоіерей Бобровскій старался внушать необходимость поворотиться волѣ Божіей и дѣлать то, что велитъ совѣсть и долгъ вѣрноподданнаго. Общее благо онъ ставилъ выше всякихъ личныхъ интересовъ. Реформы обрядовъ въ странахъ католическихъ, напимѣръ въ Австріи, не могли поколебать унию, но у насъ, напротивъ, возстановленіе греческаго обряда, рано или поздно, должно было привести къ воссоединенію съ православіемъ.

Вчитываясь въ письма Михаила Кирилловича къ людямъ различныхъ партій и положеній, мы можемъ только до нѣкоторой степени открыть внутреннее міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, одно слово котораго, казалось, могло бы создать въ это тревожное время большія затрудненія для достиженія цѣли, скрытой въ апрѣльскихъ указахъ 1828 года; но эта цѣль, какъ мы знаемъ, была ясна для Бобровскаго, и онъ съ покорностію волѣ Божіей шелъ на встрѣчу событій.

„Существованіе уніи въ Литвѣ или ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Нужно покораться Божественному промыслу. Его пути не досягаемы. Быть и существованіе уніи зависитъ не отъ преобразованиемъ обрядовъ, но отъ той цѣли, къ которой стремятся правительственныя реформы. Подписка на воссоединеніе, данная епископами, возвѣщаетъ, что уже пробилъ послѣдній часъ уніи. Дѣло священниковъ повиноваться своимъ пастырямъ, которымъ верховная власть вѣрила свое стадо. Если нужно, я готовъ служить своему архипастырю до послѣднихъ дней своей жизни, но при этомъ не желаю занимать въ іерархіи выдающагося положенія: для этой роли берите достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ, я же ничего не желаю, кромѣ того, что мнѣ дано Высочайшею волею Государя. Нашъ мудрый Государь одинаково покровительствуетъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и никого не принуждаетъ къ измѣненію своей вѣры, добровольный переходъ въ православіе все не означаетъ нарушенія вѣротерпимости. Отвѣтъ Богу дадутъ только тѣ, которые принуждаютъ къ перемѣнѣ религіи простыхъ людей или корыстными видами, или обѣщаніями, или подстрекательствами“.

„Паденіе базилианскаго ордена и угасаніе уніи не подлежатъ сомнѣнію. Кто причиною тому—узнають наши потомки.“ „Убѣждены ли вы, что можете воскресить прежнюю славу вашего Св. Троицкаго виленскаго монастыря, который держался уніи и поддерживалъ унію. Если имѣете охоту заглядывать въ архивныя свитки, покрытыя плѣсенью, то раскопайте вашъ монастырскій архивъ и тамъ найдете матеріалы для рѣшенія занимающаго васъ вопроса.“ (Письмо къ базилианину).

Въ другомъ письмѣ, по поводу закрытія базилианскихъ монастырей, ученый уніатъ замѣчаетъ, что упраздненію вообще монастырей у насъ удивляться нечего: „во время путешествія за границую, въ самыхъ могущественныхъ государствахъ, я встрѣчалъ монастыри въ развалинахъ, которыя теперь служатъ только убѣжищемъ для совѣ („Słyszałem jak sowy huczą“).

„Что касается до меня, то я желалъ бы остаться до могилы въ той вѣрѣ, въ которой родился, но вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю быть вѣрнымъ слугою своего монарха, котораго считаю самымъ лучшимъ отцемъ своихъ подданныхъ, насъ всѣхъ“.

Таковъ общій смыслъ всей хранящейся у насъ и еще не опубликованной переписки М. К. Бобровскаго.



МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ

БРЕСТСКІЙ ГРЕКО-УНИАТСКІЙ КАНОНИКЪ, ПРОФЕССОРЪ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ВЪ 1814 — 1832 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

Библиотека "Руниверс"

Протопресвитеръ Тупальскій, согласно желанію Сѣмашки и самого Бобровскаго, аккуратно доводилъ до свѣдѣнія Михаила Кирилловича о всѣхъ новостяхъ изъ столицы и всѣхъ предпріятіяхъ правительства. Сообщая съ своей стороны о болѣе важныхъ событіяхъ протоіерею Сосновскому, который перешелъ впослѣдствіи въ оппозицію, Бобровскій видимо желаетъ успокоить своего стараго пріателя тономъ убѣжденнаго, что „унія приходитъ къ концу“, что „послѣдній часъ уніи уже пробилъ“, что „уже все кончено“. Къ сожалѣнію, отношеніе къ событіямъ дня у Антонія Сосновскаго не имѣло того равновѣсія и той широты взгляда, той многосторонней критики, какія мы видимъ въ свѣтломъ умѣ отца Михаила Бобровскаго; поэтому о. Сосновскій, съ такою ревностію заботившійся о реформѣ обрядовъ церкви, остановился на полудорогѣ и запутался въ интригахъ противниковъ воссоединенія.

Покорность волѣ Божіей, промыслу Божію, провидѣнію—господствующій мотивъ въ отвѣтахъ Бобровскаго ученому базилианину, вызывающему его на откровенность по вопросу о воссоединеніи уніатовъ съ православіемъ и дѣлающаго ему упреки. „Я сколько могъ отстаивалъ монашество, когда Брестскій капитулъ требовалъ упраздненія лучшихъ монастырей, но вы-то сами—въ состояніи ли вы удержать свой орденъ отъ наденія, а безъ монашества духовенство подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на одну или на другую сторону“.

Впечатлѣніе на читателя могло бы быть болѣе полнымъ, если бы мы имѣли всѣ тѣ письма къ профессору Бобровскому, на которыя написаны его отвѣты.

Передача полного содержанія чрезвычайно интересныхъ писемъ Бобровскаго къ епископу Сѣмашкѣ, протопресвитеру Тупальскому, игумену Св. Троицкаго монастыря Босацкому, протоіерею Сосновскому въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ расширила бы до значительныхъ размѣровъ объемъ нашего труда. Но, не желая лишитъ читателя возможности ознакомиться съ отношеніями ученаго, весьма вліятельнаго въ клирѣ уніата, въ нѣкоторыхъ явленіяхъ—въ послѣдній періодъ существованія греко-уніатской церкви, мы въ подтвержденіе сказаннаго выше дѣлаемъ изъ недавно доставленнаго намъ сборника писемъ Михаила Кирилловича самыя существенныя извлеченія.

Спустя два мѣсяца по прибытіи въ м. Шерешево, 6-го января

1834 года, протоіерей Бобровскій написалъ два письма: одно протопресвитеру Тупальскому, другое епископу Сѣмашкѣ. — „Я получилъ письмо отъ епископа (Сѣмашки) съ увѣдомленіемъ о назначеніи мнѣ эмеритуры въ 750 руб. Въ письмѣ дѣлается намекъ, что епископъ будетъ радъ служить со мною для блага клира. Эта добавка для меня какая-то министерская загадка. О происходящихъ перемѣнахъ епископъ предлагаетъ ожидать увѣдомленія изъ Жировиць. За доставленіе же таковыхъ я вамъ буду благодаренъ. Надѣюсь самъ скоро быть въ Жировицахъ“¹⁾.

Въ письмѣ къ епископу Сѣмашкѣ, выразивъ радость по случаю назначенія новыхъ епископовъ (Василія Лужинскаго, Антонія Зубки и Іосафата Жарскаго), чѣмъ умножается наша небольшая іерархія, Бобровскій благодаритъ за его содѣйствіе о назначеніи ему эмеритуры. „Мнѣ извѣстны были препятствія, которыя нужно было преодолѣть въ двухъ министерствахъ; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія моимъ ходатаемъ былъ князь Долгоруковъ (виленскій военный губернаторъ), но въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго больше зависѣлъ исходъ моего дѣла, я никого не имѣлъ, кто могъ бы оправдать прежнія моя прегрѣшенія—прости Господи автору ихъ Пеликану,—кромѣ вашего преосвященства, за что готовъ платить вамъ вѣчною благодарностью и готовъ служить клиру при своемъ владыкѣ, заботящемся о его благѣ“²⁾.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 года собравшіеся въ столицѣ греко-уніатскіе епископы составили постановленіе о введеніи въ богослуженіи уніатовъ церковно-славянскихъ книгъ московской печати и выработали извѣстнаго рода программу, относительно очищенія обрядовъ и обычаевъ, измѣненныхъ въ русской церкви, вслѣдствіе вліянія латинизаторовъ, преимущественно базилианъ. Наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе предположеній, клонившихся къ воссоединенію уніи съ православіемъ, возлагалось въ литовской епархіи на епископа Іосифа Сѣмашку, а въ

¹⁾ Сборникъ писемъ Михаила Кирилловича Бобровскаго съ 1830 по 1847 годъ. Л. 29.

²⁾ „I zato wdzięcznością się wypłacać będę do ostatniego tchu życia mojego, a mając za czem będzie mi z zaszczytem służyć klerowi przy boku starającego się o dobro swoich Pasterza». Тамъ же, л. 29 об.

Бѣлоруссіи на викарнаго епископа (Оршанскаго) Василія Лужинскаго ¹⁾.

У М. К. Бобровскаго, на поляхъ письма къ Іосифу Сѣмашкѣ (отъ 16-го октября 1834 года), записано слѣдующее: „Епископу Іосифу Сѣмашкѣ назначено 1000 руб. сер. изъ суммы, определенной на будущую полоцкую академію, для обозрѣнія своей епархіи съ цѣлю введенія обрядовъ восточной церкви. Обозрѣніе свое онъ началъ въ іюль. 2-го іюля былъ въ Пружанѣ (14 в. отъ Шерешева), 3-го въ Кобринѣ, далѣе на Волини. 3-го августа въ Высоко-Литовскѣ, 4-го въ Клецеляхъ, 5-го въ Бѣльскѣ, 6-го въ Супрасли, потомъ въ Гроднѣ, въ первыхъ числахъ сентября навѣстилъ благочинія Лидскаго и Новогродскаго уѣздовъ. Вездѣ присутствовалъ при отправленіи литургіи, исправлялъ сдѣланныя въ ней измѣненія, поручалъ священникамъ держаться уставовъ восточной церкви, чтобы бросили обряды латинниковъ, органы, колокольчики, присѣданіе на колѣнахъ (przysłękanie), чтобы для ознакомленія съ церковными уставами обращались въ Жировицы, чтобы согласно восточной церкви устроили иконостасы, ризы и церковные сосуды, чтобы посылали своихъ сыновей въ духовныя училища: Жировицкое, Кобринское и Супрасльское. Благочиннымъ поручалъ наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе этихъ и имъ подобныхъ распоряженій или изъ коллегіи присланныхъ, или имъ данныхъ“ ²⁾.

Въ началѣ сентября Іосифъ Сѣмашко возвратился со своей поѣздки въ Жировицы и пожелалъ видѣться съ протоіереемъ М. Бобровскимъ. Но болѣзнь глазъ воспрепятствовала послѣднему удовлетворить желанію епископа. Отвѣчая съ соболѣзнованіемъ Сѣмашкѣ, Михаилъ Кирилловичъ не теряетъ надежды видѣть своего пастыря будущею весною. „Я буду счастливъ,

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, т. I, стр. 79, прил. № 55, стр. 663, 661.—«По униатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества наданій, тѣмъ болѣе между собою разветвляющихся, чѣмъ они позднѣе. Важнѣйшій недостатокъ этихъ книгъ—небрежность въ отношеніи обрядовъ богослуженія. Величественные и прекрасные обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены, внутреннее устройство церкви и самыхъ священныхъ облаченій и церковной утвари измѣнено, выведены изъ употребленія нѣкоторые церковныя моленія». Сличн это мѣсто съ письмомъ Бобровскаго къ Тупальскому въ январѣ 1830 г. по поводу богослужебныхъ книгъ.

²⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 30. Сравни въ «Запискахъ митрополита Іосифа», т. I, стр. 664.

если мнѣ Богъ позволить видѣться съ своимъ пастыремъ, вмѣстѣ съ другими, стремящимися привести къ единству вѣры нашихъ предковъ и къ миру во Христѣ *)“.

Но Сѣмашко не пріѣхалъ въ Жировицы ни въ 1835, ни въ 1836 годахъ. Многія обстоятельства были тому причиною.

Съ прошедшаго 1833 года начались подписки на воссоединеніе: первыми подписались епископы: Сѣмашко, Лужинскій, Зубко и Жарскій (последній, не смотря на то, что принадлежалъ базилианскому ордену). Затѣмъ, во время лѣтней поѣздки 1834 г. для ревизіи полоцкой семинаріи и выше намѣченнаго объѣзда литовской епархіи, Сѣмашкѣ удалось получить еще подписки, но не болѣе какъ отъ десяти лицъ: отъ засѣдателя коллегіи В. Маркевича, предсѣдателя Литовской консисторіи А. Тупальскаго, вице-предсѣдателей обѣихъ консисторій, М. Голубовича и Конюшевскаго, ректоровъ жировицкой и полоцкой семинаріи, И. Гомолицкаго и М. Шелепина, и еще отъ четырехъ. Подписавшіеся на воссоединеніе занимали извѣстные посты и были большею частію воспитанниками главной духовной семинаріи; согласіе свое на подписку шесть духовныхъ особъ, изъ 10, обусловливали общимъ воссоединеніемъ всѣхъ униатовъ, по примѣру своего епархіальнаго начальства, „которому, по словамъ св. Писанія, должно повиноваться“, и дозволеніемъ оставаться безъ бороды и въ нынѣшнемъ платьѣ. Въ числѣ подписавшихся былъ только одинъ благочинный (Дорогичинскій) Горбацевичъ, занимавшій тогда мѣсто засѣдателя консисторіи.

Такой результатъ нельзя было назвать успѣшнымъ и это обстоятельство, какъ увидимъ, имѣло не совсѣмъ хорошія послѣдствія, особенно въ бѣлорусской епархіи.

Слухи о подпискѣ, данной епископами и только нѣкоторыми изъ духовныхъ должностныхъ лицъ въ 1834 г., не могли оставаться тайною въ епархіяхъ. Настоятель виленскаго Св.-Троицкаго базилианскаго монастыря Викторъ Босацкій въ письмѣ къ Михаилу Кирилловичу отвѣтственность за паденіе русской униатской церкви приписывалъ бѣлому духовенству и призывалъ оное

*) Сборн. пис., л. 30. — Письмо къ епископу І. Сѣмашкѣ 16-го сентября 1834 г. изъ Шерешева. Въ концѣ приписка: «Посылаю вашему преосвященству послѣднюю мою виленскую работу, изд. въ 1834 г. подъ заглавіемъ: «Katechizm większy» (Катехизисъ большій) въ такомъ переплетѣ, какой можно было сдѣлать въ Шерешевѣ».

къ покаянію. Такое обвиненіе не понравилось шерешевскому отшельнику. Бобровскій послалъ къ Босацкому отъ 21 января 1835 г. (№ 3) длинное посланіе. Въ виду большой важности этого документа мы должны познакомить читателя съ содержаніемъ отвѣта Бобровскаго пѣскольکو подробно. Кромѣ историческаго интереса, его посланіе къ монаху базилианину объясняетъ взглядъ перваго на близившійся къ разрѣшенію вопросъ о воссоединеніи и его личное отношеніе къ этому вопросу.

Свое посланіе протоіерей Бобровскій начинаетъ обращеніемъ къ настоятелю въ такихъ выраженіяхъ, какія употребляли „наши предки“ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ:

„Преподобному отцу Босацкому отецъ Михаилъ Кирилловичъ желаетъ здравія“.

„Наклоненіе къ упадку базилианскаго ордена и самой уніи, преподобный отецъ, кажется, приписываешь дѣйствіямъ свѣтскаго клира греко-уніатской церкви, между которыми и меня считаешь, такъ какъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, упомянувъ о нынѣшней реформѣ обрядовъ нашей церкви, восклицаешь тономъ, взывающимъ къ покаянію: „Uderzcie się w piersi za wasze robotki“ (что значитъ: „ударьте себя по груди за ваши дѣлашки“).

„Это несправедливо. Когда дѣло шло о секуляризаціи самыхъ значительныхъ монастырей, виленскаго и жировицага, и объ обращеніи въ приходскія церкви мелкихъ монастырей, я совѣтовалъ, насколько могъ, офиціалу Тупальскому щадить орденъ базилианскій, какъ единственную опору уніи, съ паденіемъ или ослабленіемъ котораго клиръ не въ состояніи будетъ остаться при уніи: „разсыпанный мелкими семьями и приниженный нищетою, онъ, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склонится на ту или другую сторону“. Мнѣ извѣстны, однако, настоятельныя дѣйствія, особенно предсѣдателя капитула Янговскаго и бывшаго офиціала Сосновскаго, подавшихъ представленія въ столицу о возвращеніи захваченныхъ базилианами фундушей, съ цѣлію устройства брестской каедры, епархіальной семинаріи, брестскаго капитула и проч. Я даже читалъ нѣкоторые изъ этихъ отзывы, но эти отзывы, по своему положенію, я не подписывалъ.

„Въ Жировицахъ, въ качествѣ вице-предсѣдателя консисторіи, я былъ приглашенъ (январь 1826 г.) для рѣшенія спора между клиромъ и орденомъ, относительно фундушей семинаріи: покойный Каминскій упорно отстаивалъ неприкосновенность фундушей

своего ордена. Тѣмъ дѣло и кончилось. Были отзывы въ столицу отъ Сосновскаго о неудобствахъ соединенія униатовъ съ латынянами въ главной семинаріи, отъ чего семинаристы-униаты пріобрѣтають наклонность къ латинскимъ обрядамъ и такимъ способомъ латинизируютъ и отмѣняютъ греческіе обряды, которые уже давно искажены латинниками и которые поѣтому должно исправить, возвратясь къ обрядамъ, сохраняемымъ въ греко-восточной церкви“.

„Вопросы эти разрѣшились: сначала отдѣленіемъ греко-униатскихъ клириковъ отъ латинскихъ, потомъ прекращеніемъ пріема ихъ въ главную семинарію, проектомъ устройства полоцкой академіи, а для образованія дѣтей священниковъ для духовнаго или свѣтскаго состоянія устроены семинаріи жировицкая и полоцкая и духовныя училища въ Кобринѣ, Супрасли, Борунѣ и т. п. Къ чему стремится жировицкая семинарія—можно видѣть изъ рѣчи ея инспектора Фердинанда Гомолицкаго, напечатанной въ Гроднѣ въ 1834 г. Хотя къ секуляризаціи базилианскихъ монастырей и къ реформѣ обрядовъ церкви привели недоразумѣнія и споры между орденомъ и свѣтскимъ клиромъ, но эти обстоятельства могутъ служить только предлогомъ къ кореннымъ перемѣнамъ, истинныхъ же причинъ мы не знаемъ и знать намъ объ этомъ не годится. Пусть же сами латинники скажутъ, почему закрываютъ ихъ монастыри? уменьшаютъ ихъ приходы? Почему намъ, греко-униатамъ, воспрещается совмѣстная служба съ католиками? Все это дѣло промысла Божія. Его пути не досягаемы. Только наши потомки объ этомъ узнаютъ. Существованіе уни и ея паденіе въ рукахъ Божіихъ. Быть и существованіе ея зависитъ не отъ реформы обрядовъ, но отъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится реформа“....

Разсказавъ исторію упадка уни со временъ Лисовскаго и до настоящаго времени (1835 г.), когда теперь дѣло сближенія ея съ греко-россійской церковью подвигается гигантскими шагами, и упомянувъ объ отзывѣ холмскаго епископа, который не соглашается на предложеніе — о совмѣстномъ дѣйствіи съ русскими униатами въ Литвѣ, Бобровскій заключаетъ: „если справедливо, что наши епископы, не исключая Жарскаго, дали подписки на присоединеніе къ православію — то уже насталъ конецъ уни въ Литвѣ—„to juz po unii w Litwie“.

Въ заключеніе, упомянувъ о вѣротерпимости государя, не

принуждающаго мѣнять свою религію, и осудивъ принужденіе народа къ перемѣнѣ религіи разными льстивыми обѣщаніями—чѣмъ нарушается общественное спокойствіе—Михаилъ Кирилловичъ такъ заканчиваетъ свое посланіе: „Тебѣ вѣрнѣй Свято-Троицкій монастырь, который постоянно держался уніи и удерживалъ унію, и тебѣ, какъ настоятелю, слѣдуетъ поступать по своему убѣжденію: защищай—если можешь спасти славу своего ордена. Однако, ты сдѣлалъ бы большую услугу, если бы собралъ матеріалы, относящіяся къ дѣламъ падающаго своего ордена и угасающей церкви уніатской. Имѣешь подъ рукою архивъ и можешь обо всемъ знать лучше всякаго другаго; при хозяйскихъ хлопотахъ это будетъ служить развлеченіемъ для любящаго заглядывать въ архивные свитки, покрытые плѣсенію. Пишу тебѣ откровенно, сохрани все для себя, потому что можетъ быть нѣкоторыя вещи преждевременно вырвались изъ-подъ моего пера“¹⁾.

Опасенія Михаила Кирилловича о распространеніи волненія въ народѣ и духовенствѣ, по поводу распространенныхъ слуховъ и частныхъ обращеній уніатовъ въ православіе (при чемъ не обходилось безъ насилій), особенно въ мѣстахъ, прилегавшихъ къ православнымъ епархіямъ, къ сожалѣнію, оказались справедливыми. Помѣщики и латинскіе священники, особенно монахи, раздражали народное спокойствіе. Въ народѣ они распускали смутныя толки. Въ эту интригу вовлекались нѣкоторые уніатскіе священники; къ числу ихъ принадлежали даже протоіереи, какъ, на примѣръ, А. Сосновскій. Онъ полагалъ, конечно, ошибочно, что съ паденіемъ базилианскаго ордена унія все-таки можетъ существовать, и сталъ возбуждать духовенство бѣлостоцкой области къ противодѣйствию.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прихожане уніаты крестили новорожденныхъ въ римскую вѣру, чтобы таковые не были православными. Толки о насильномъ обращеніи уніатовъ доходили до столицы и возбуждали колебанія въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ правительственныхъ органовъ. Самъ Іосифъ Сѣмашко, чувствуя неустойчивость положенія уніатскаго вопроса, готовился принять православіе и, лѣтомъ 1836 года, уполномочилъ

¹⁾ Сборникъ писемъ Бобровскаго, л. 31, 32. Письмо 21 января 1836 года къ Шерешеву: Превзлѣбному отцу Виктору Бозяцкому, настоятелю Св.-Троицкаго базилианскаго монастыря.

своего викарнаго епископа Антонія Зубку дѣйствовать въ литовской епархіи по своему усмотрѣнію.

Время съ 1835 года было крайне тягостнымъ для протоіерея Бобровскаго, который лично желалъ оставаться греко-уніатомъ, хотя паденіе уніи считалъ неизбѣжнымъ; рѣшеніе, принятое въ Жировицахъ нѣкоторыми его друзьями, его учениками, казалось ему преждевременнымъ и, главное, неосторожно оглашеннымъ. По своему авторитету профессора и по тому глубокому уваженію, которымъ онъ повсемѣстно пользовался, Бобровскій, однако, не могъ не сознавать, что ему нельзя долѣе остаться совершенно въ сторонѣ отъ дѣла, такъ близко касавшагося интересовъ всего духовенства и спокойствія сотней тысячъ народа. Обстоятельства оказались сильнѣе его доброй воли. Жировицкій кружокъ, имъ навѣщаемый и такъ имъ любимый, и посѣщавшіе шерешевское его уединеніе ученики его должны были вызвать въ почтенномъ профессорѣ рѣшимость обнаружить болѣе твердо свой образъ мыслей. Его согласіе на подписку несомнѣнно должно было привлечь сотни колебавшихся священниковъ. Дѣло становилось весьма серіознымъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы будемъ слѣдовать письмамъ и фактамъ, не подлежащимъ сомнѣнію, чтобы объяснить поводы къ принятому протоіереемъ Бобровскимъ рѣшенію въ зиму съ 1836 по 1837 годъ.

Въ ноябрѣ 1835 г. Михаилъ Кирилловичъ, совершенно неожиданно, получилъ письмо отъ графа Остермана-Толстаго, который жилъ въ своемъ имѣніи Остермановѣ, Рогачевского уѣзда, Могилевской губ. Графъ Остерманъ приглашалъ Бобровскаго проѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву, чтобы навѣстить намѣстника Царства Польскаго графа Паскевича. Бобровскій отвѣчалъ: „Въ своей жизни я ничего не имѣлъ болѣе желаннаго, какъ получить отъ васъ письмо съ выраженіемъ теплаго участія“.

Далѣе Михаилъ Кирилловичъ поздравляетъ графа Остермана съ высочайше пожалованнымъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, говоритъ, что самъ собирался писать къ нему ранѣе и изъявляетъ готовность исполнить что ему будетъ угодно и сопроводить его въ Варшаву.

„Не богатъ мой домикъ, но какъ я счастливъ тѣмъ, что вы желаете навѣстить въ немъ слугу своего. Съ живѣшимъ нетер-

пвнїемъ буду ожидать этой минуты, драгоценной для моего благодарнаго сердца“.

Въ тотъ же день Бобровскій написалъ письмо къ Іосифу Сѣмашевѣ, о разрѣшенїи ему отпуска, съ передачею, на время отсутствїя, управленїя приходомъ викарному свящ. М. Савинскому, человѣку испытанному.

„Извѣстный своимъ самоотверженїемъ подъ Кульмомъ генераль Остерманъ Толстой приглашаетъ меня сопутствовать ему въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, для засвидѣтельствованїя своего почтенїя князю Варшавскому, и выражаетъ намѣренїе проѣздомъ остановиться на ночлегъ въ моемъ шерешевскомъ домикѣ. Отсюда онъ меня возьметъ съ собою. Помня исключительное вниманїе этого героя, когда я сопутствовалъ ему изъ Рима въ Неаполь, и его высокое покровительство, благодаря которому я возвращенъ былъ къ обязанностямъ профессорскимъ (1825—1826 гг.) я не могъ не согласиться на его предложенїе, съ тѣмъ, однако, условїемъ, если получу на то разрѣшенїе моего духовнаго начальства“ и проч. ¹⁾).

Имѣло ли путешествїе Бобровскаго съ Остерманомъ-Толстымъ къ графу Паскевичу какое-либо отношенїе къ движенїю части униатскаго духовенства въ холмской епархїи — сказать не можемъ но должны замѣтить, что въ польскомъ греко-униатскомъ духовенствѣ вовсе не было той подготовки къ реформамъ въ церкви съ цѣлью возстановленїя чистоты греческихъ обрядовъ, каковую получила исподволь извѣстная часть духовенства въ русской униї вслѣдствїе борьбы съ базилианами. Благодаря такой подготовкѣ, особенно благодаря условїямъ образованїя въ главной духовной семинарїи, въ литовской Руси могло совершиться спойно преобразование въ обрядахъ, подготовившее пути къ соединенїю. Въ необходимости реформъ съ цѣлю возстановленїя чистоты греческаго обряда были убѣждены наиболѣе просвѣщенные изъ униатовъ, особенно же бывшіе воспитанники главной семинарїи; массу необразованнаго духовенства необходимо было, однако, убѣдить, что реформы обрядовъ не одно и то-же, что возсоединенїе съ православіемъ и что, напротивъ, сохраненїе ла-

¹⁾ Сборникъ писемъ, т. 33, 34. Письма изъ Шерешева 15 ноября 1830 года графу Остерману-Толстому и епископу Сѣмашевѣ.

тинскихъ обрядовъ въ униі только искажаетъ смыслъ греко-униатской церкви, какъ церкви греко-славянской, устроенной въ IX ст. Епископъ Антоній Зубко, жившій въ Жировицахъ, въ этомъ центрѣ интеллигенціи греко-униатской церкви того времени, съ ревностію глубоко убѣжденнаго о преимуществахъ греческихъ обрядовъ передъ латинскими, совершалъ многократныя поѣздки по литовской епархіи, съ цѣлію объясненія таковыхъ и для указаія, что они происходятъ преемственно отъ древней апостольской церкви. Но случалось, что и ему не подъ силу было бороться съ предубѣжденіемъ упорствовавшихъ скептиковъ. Въ такихъ случаяхъ епископу приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ ученому слависту. „При объѣздѣ моемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, говоритъ Антоній Зубко, я бралъ съ собою знаменитаго въ то время протоіерея Михаила Бобровскаго, бывшаго профессора виленскаго университета. Изъ Рима рапортовалъ онъ объ упадкѣ просвѣщенія въ папской области и о господствующемъ тамъ фанатизмѣ. Мнѣ рассказывали ученики Бобровскаго, что онъ публично въ аудиторіи, когда одинъ изъ учениковъ назвалъ греко-россійскую церковь схизматическою, отозвался: „они ли, или мы схизматики, объ этомъ Богу, а не намъ, судить“. Впрочемъ, по многостороннему образованію и добродушію, онъ былъ уважаемъ и просвѣщенною польскою публикою. Уважало его и гордилось имъ, какъ своимъ, и бѣлое греко-униатское духовенство. Бобровскій, при разъѣздахъ со мною, подтверждалъ своимъ авторитетомъ мое ученіе и руководилъ священниковъ въ практическомъ исполненіи греческихъ обрядовъ“¹⁾).

Но къ содѣйствію протоіерея Бобровскаго приходилось прибѣгать и въ болѣе важныхъ случаяхъ. Въ концѣ 1836 года ему поручено было произвести ревизію Любешовскаго благочинія (Пинскаго уѣзда) для его усмиренія и введенія порядка въ управленіи богослуженія по греческому обряду, а также для устраненія какихъ-то злоупотребленій. Въ концѣ февраля мѣсяца 1837 года протопресвитеръ Тупальскій писалъ Бобровскому слѣдующее: „Вѣроятно, ваша ревизія церквей приходитъ къ окончанію, необходимо вмѣстѣ съ Любешовскимъ благочиннымъ

¹⁾ Антоній Зубко. О греко-униатской церкви въ западномъ краѣ, «Русск. Вѣстн.» 1864 г., стр. 330, 331.

составить списокъ церквей всего благочинія и раздѣлить оное на три или четыре округа, назначивъ въ каждомъ вице-благочиннаго, изъ числа достойнѣйшихъ священниковъ. Мнѣ кажется, что должно было обнаружиться много беспорядковъ, какъ то: не употребляется 5 просфоръ въ проскомидіи; богослуженіе отправляется по старымъ служебникамъ въ прежнихъ короткихъ ризахъ; послѣ возгласа „вонмемъ! святая святыхъ“ не вливаютъ въ вино теплоты; не закрываютъ царскихъ вратъ, согласно описанію въ служебникѣ; служатъ литургію читанную и не соблюдаютъ на выходахъ кажденія; причастіе даютъ по прежнему, а не въ царскихъ вратахъ; послѣ „со страхомъ Божиимъ“ вытираютъ чашу въ алтарѣ, а не у жертвенника и т. д. Но, какъ слышно, за эти отступленія хорошо платятъ благочинному; черви большею частію запущены; благочинный, будучи самъ вотчиннымъ владѣльцемъ, допускаетъ всѣ эти послабленія, за что и пользуется благодѣянiami помѣщиковъ“. Въ заключеніе Тупальскій извѣщаетъ Бобровскаго, что именнымъ указомъ уніаты подчинены оберъ-прокурору св. Синода, которымъ назначенъ графъ Протасовъ, знакомый ему по Жировицамъ, и проситъ Михаила Кирилловича прибыть въ Жировицы для различныхъ объясненій послѣ такой важной ревизіи, иначе придется его беспокоить перепискою.

Письмо председателя консисторіи Тупальскаго (отъ 27-го февраля) не захватило Бобровскаго въ Гнѣвчицахъ и доставлено благочиннымъ Олешкевичемъ въ Шерешево. Въ своемъ отвѣтѣ (18-го марта) Михаилъ Кирилловичъ сожалѣетъ, что несвоевременное полученіе имъ письма лишило его возможности заѣхать въ Жировицы, чтобы удовлетворить любопытству господъ (рапоу). „Кто это тавія удивительныя вещи разбарабанилъ о Любешевскомъ благочиніи? я же въ немъ нашель соблюденіе всѣхъ консисторскихъ указовъ, относящихся къ реформѣ нашихъ обрядовъ; напротивъ, священники тамъ болѣе склонны къ нимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чѣмъ даже въ нашемъ Пружанскомъ благочиніи. Правда, они не дѣлаютъ только одного: не вливаютъ теплой воды (теплоты) въ чашу передъ употребленіемъ евхаристіи, но и въ каедрѣ Жировицкой этого не дѣлали, когда я былъ у васъ осенью; вливаніе теплоты въ чашу съ виномъ введено еще не давно, о чемъ не только не

было указа, но такой обычай не существуетъ въ древнихъ греческихъ служебникахъ, а введенъ на литургіи въ холодномъ климатѣ, чтобы распустиль замерзшее вино въ чашѣ. При введеніи реформъ нашихъ обрядовъ начали требовать такихъ мелочей, какихъ нѣтъ у самихъ православныхъ. Мнѣ рассказывали въ Пинскѣ, что епископъ Антоній Зубко, будучи тамъ проездомъ изъ Торованъ на ревизію церквей Слуцкаго благочинія (въ январѣ сего года), замѣтилъ на престолѣ въ церкви Пинскаго православнаго монастыря чашу (puszka), а не кивотъ. На его указаніе архимандриту объ отступленіи, не согласномъ съ обрядами восточной церкви, получилъ отвѣтъ, что это вполне прилично. Точно также архимандритъ нашель, что старшій нашъ (греко-униатскій) служебникъ вполне согласенъ съ порядкомъ службы (здѣсь все на ряду). „Надлежало бы желать, чтобы и у насъ (православныхъ) издавались подобныя служебники, тогда не надобно было бы во время литургіи переворачивать нѣсколько книгъ Tibi solo.

Въ заключеніе своего посланія Бобровскій энергично защищаетъ благочиннаго Олешкевича. «Распорядительностію и осторожностію въ своихъ требованіяхъ онъ достигъ того, что всѣ священники его благочинія приняли рѣшительно все то, чего желало начальство, и онъ ни одного не скомпроментировалъ, подобно другимъ благочиннымъ, поступавшимъ неосторожно, съ горячностію и поспѣшностію. Ни одинъ священникъ не заявилъ мнѣ жалобы на него о взяточничествѣ. Въ прежнія времена, пожалуй, водилось, что священники давали подарочки даже и ревизующимъ. Теперь же бѣдные священники сами должны пахать и косить сѣно.... Ктиторы, лишившись своего права, не дають имъ теперь даже работниковъ» ¹⁾.

П. О. Бобровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 36, 37.—Письмо Тупальскаго (подлинное) 27-го февраля 1837 г. Письмо Бобровскаго, 18-го марта 1837 г.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

IV ¹⁾.

Изъ предшествовавшей главы мы видѣли, что послѣдними дѣйствіями Н. И. Евдокимова русская власть окончательно утвердилась на значительной части плоскости большой Чечни. Что касается малой Чечни, то тамъ все пространство между Сунжею и предгоріями давно уже было въ нашихъ рукахъ; но небольшая часть жителей, не пожелавшая остаться въ расположенныхъ на плоскости покорныхъ аулахъ, ушла на передовые уступы Черныхъ горъ, въ рѣчныя ущелья, и тутъ въ мѣстахъ малодоступныхъ основала новые поселки, куда укрывались и бѣглецы изъ мирныхъ обществъ, преслѣдуемые за разныя преступленія. Такимъ образомъ, въ этихъ притонахъ скопилось населеніе изъ самыхъ враждебныхъ намъ элементовъ, отличавшееся своею воинственностію. Шамиль очень дорожилъ этими людьми, какъ надежною преградой на пути движеній нашихъ въ горы, какъ джигитами, всегда готовыми тревожить нашу кавказскую линію; ближайшимъ къ нимъ аргунскимъ обществамъ онъ приказалъ, въ случаѣ опасности, немедленно оказывать имъ помощь.

Николай Ивановичъ, держась своей постоянной системы: не увлекаться впередъ, не обезпечивъ своего тыла и фланговъ, и предвидя, что вышепомянутые удалцы могутъ сильно навредить

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; томъ LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506.

намъ при имѣвшемся въ виду овладѣніи Черными горами, рѣшился, во что бы то ни стало, истребить ихъ гнѣздо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближе ознакомиться съ занимаемымъ ими участкомъ нагорнаго пространства, которое въ недалекомъ будущемъ могло сдѣлаться театромъ еще болѣе серіозныхъ дѣйствій.

Около середины октября 1857 г. онъ исподволь стянулъ отдѣльныя части своихъ войскъ въ кр. Грозную, Бердыкель и въ ауламъ: большой Чечень и Алханъ-Юртъ, и сталъ распускать слухи о намѣреніи своемъ двинуться на р. Бассъ (т. е. въ совершенно противоположную сторону отъ намѣченнаго пункта). Непріятель вдался въ обманъ и стянулъ туда всѣ свои силы, оставивъ прочія мѣста почти безъ наблюденія; а тѣмъ временемъ войска наши, выступивъ изъ мѣстъ своего расположенія, ночью на 19 октября, къ разсвѣту уже соединились на переправѣ черезъ р. Гойту, подъ общимъ названіемъ Гойтенскаго отряда (10½ баталіоновъ, 22 сотни казаковъ и милиціи, при 26-ти орудіяхъ). Благодаря отвлеченію горцевъ въ другую сторону, отрядъ этотъ безпрепятственно дошелъ до Гойтенскаго ущелья, у самаго входа въ которое открылись враждебныя аулы, густою цѣпью покрывавшіе все нагорное пространство между рр. Мартаномъ и Энгеликомъ.

Ключемъ къ обладанію всею окрестною мѣстностію являлся аулъ Чижногой, на который Н. И. Евдокимовъ и повелъ (20 октября) главную атаку двумя колоннами, подъ предводительствомъ гемераль-маіоровъ: Мищенко и Кемпферта. Давно уже войскамъ нашимъ не приходилось встрѣчать такого сопротивленія, какое ожидало ихъ здѣсь: абреви, настигнутые въ своемъ мнимо-недоступномъ убѣжищѣ, дрались какъ изступленные; выбиваемые изъ ауловъ, они не отступали, но, сплотившись, снова бросались въ шашки и гибли на штыкахъ. Вопреки ихъ отчаянной храбрости наши солдаты неудержимо стремились впередъ, овладѣли ауломъ Чижногой и добрались до самаго хребта лежащей за нимъ высоты, гдѣ Н. И. Евдокимовъ остановилъ ихъ, приказавъ занять позицію и укрѣпиться. Подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ непріятели устроено было нѣсколько заваловъ и редутовъ; много ауловъ было предано пламени; перестрѣлка продолжалась до поздняго вечера.

Бой 20 октября хотя стоилъ намъ не дешево (болѣе 100 чел.

выбыло изъ строя), но за то онъ сильно озадачилъ противниковъ и рѣшилъ судьбу неповорнаго населенія, гнѣздившагося между Аргуномъ и Мартаномъ. Успѣхъ сего дня послужилъ основою для послѣдующей удачности дѣйствій нашихъ въ этомъ періодѣ экспедиціи.

Слѣдующіе три дня были посвящены истребленію враждебныхъ ауловъ и рекогносцировкамъ окрестной мѣстности, при чемъ упавшіе духомъ чеченцы почти не оказывали намъ сопротивленія мало-мальски энергическаго. Тогда Н. И. Евдокимовъ, покончивъ съ передовымъ горнымъ пространствомъ между Мартаномъ и Гойтою, рѣшился сдѣлать то-же самое и на сосѣднемъ восточномъ участкѣ, вплоть до Воздвиженской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмотрѣть мѣстность, для проложенія прямаго пути отъ названной вѣрности до мартановскаго ущелья, по самымъ подошвамъ Черныхъ горъ.

Съ 23 по 26 октября войска занимались рубкою лѣса между рр. Гойтою и Энгеликомъ, устройствомъ переправъ, рекогносцировками и т. п. Шамиль, встревоженный нашими послѣдними дѣйствіями въ горахъ Малой Чечни, послалъ на помощь мѣстнымъ жителямъ нѣсколько тысячъ тавлинцевъ съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ сына своего, Джемаль-Эдина; но послѣдній, вѣроятно убѣдившись въ бесполезности всякаго серьезнаго сопротивленія, не пошелъ далѣе верховьевъ ущелья рѣки Гойты, ограничивался наблюденіемъ за нами и легкою перестрѣлкою съ дальняго разстоянія.

Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ, добравшись до Энгелика, сталъ распоряжаться тамъ такъ же, какъ на Гойтѣ и Мартанѣ, не смотря на то, что непріятель успѣлъ собрать противъ него довольно крупныя скопища. Благодаря искусному развлеченію силъ и вниманія горцевъ, ангеликскіе аулы были заняты нами почти безпрепятственно и преданы пламени. Непріятель такъ упалъ духомъ, что даже не преслѣдовалъ нашихъ войскъ во время ихъ отступленія въ отрядный лагерь, расположенный у разрушеннаго аула Устархана (на Гойтѣ). Столь же спокойно прошелъ отрядъ и въ кр. Воздвиженскую (28 числа), прямою дорогою по подошвамъ горъ, гдѣ мѣстность представляла чеченцамъ всѣ удобства для нанесенія намъ вреда.

Князь Барятинскій, получивъ донесеніе объ одержанныхъ

Евдокимовымъ успѣхахъ, привѣтствовалъ его слѣдующимъ письмомъ:

„Поспѣшаю, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, душевно благодарить васъ за блестящее начало вашихъ зимнихъ дѣйствій и посылаю вамъ при семь добрую горсть георгиевскихъ крестовъ, для возложенія ихъ на достойнѣйшихъ изъ вашихъ сотрудниковъ; благодарите также всѣхъ отъ меня участвовавшихъ въ прекрасныхъ дѣлахъ въ Малой Чечнѣ, и въ особенности благодарю генераловъ Кемпферта и Мищенко; васъ же, любезный Николай Ивановичъ, обнимаю сердечно, и увѣренъ, что дѣйствія ваши въ Аухѣ, о которыхъ донесеніе ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ, будутъ также увѣнчаны полнымъ успѣхомъ ¹⁾).

Хотя въ Малой Чечнѣ оставалось еще не мало работы, но необходимость подать руку войскамъ Прикаспійскаго края, при современныхъ ихъ дѣйствіяхъ на сѣверо-востокѣ Кавказа, заставила Н. И. Евдокимова направить туда же свои главные силы. Малую Чечню онъ, однако, изъ виду не выпускалъ, и рѣшилъ посѣтить ее опять еще въ теченіи текущей зимы.

29-го октября войска его перешли въ Бердыкелю, а 1-го ноября двинулись по направленію на аулы: Чухумъ-Барзъ и Агшпатай; въ то же время, другой отрядъ, подъ начальствомъ барона Николаи, стоявшій на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и занялъ съ боя Эспенъ-ауль. Направленіе, данное нашимъ войскамъ, заставило Шамиля предполагать, что мы затѣваемъ экспедицію въ глубь Большой Чечни и движемся или вверхъ по Мичику, или по старой дорогѣ генерала Граббе. Вслѣдствіе сего имамъ стянулъ туда свои главные силы и принялъ личное надъ ними начальство. Къ какому нибудь серьезнымъ дѣйствіямъ онъ, однако, не приступалъ и ограничивался болѣе наблюденіемъ за нами; такъ что войска Н. И. Евдокимова почти безпрепятственно подавались впередъ, рубя лѣсъ и производя рекогносцировки.

Шамиль, уже имѣвшій случаи оцѣнить своего противника по достоинству, конечно, опасался и на этотъ разъ какой нибудь неожиданной съ его стороны выходки и съ особюо бди-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43. Письмо кн. Барятинскаго отъ 16-го ноября.

тельностью слѣдилъ за всѣмъ, что предприметь „Учгѣзъ“. Последній, имѣя въ виду двинуться въ земли ауховскаго общества, также хорошо понималъ, какъ важно было упредить тамъ непріятеля и какъ необходимо было для этого ускользнуть, хотя на время, отъ его бдительности. На сей конецъ, прибывъ къ вечеру 4-го числа на Хоби-Шавдонъ, онъ оставилъ тамъ на ночлегъ соединившуюся съ нимъ колонну барона Николаи, а самъ съ остальными войсками перешелъ, подъ покровомъ ночной темноты, къ укрѣпленію Куринскому. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня присоединилась къ нему опять остававшаяся на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ колонна, и весь отрядъ двинулся къ Яманъ-Су.

Тутъ только Шамиль разгадалъ настоящія наши намѣренія. Выбравъ изъ своего скопища всѣхъ добродѣтельныхъ, онъ бросился съ ними въ Аухъ, надѣясь предупредить насъ тамъ, но было уже поздно: мы очутились на цѣлый переходъ впереди его.

Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ, прибывъ 6-го ноября въ Хасавъ-Юртъ, присоединилъ ожидавшія его здѣсь войсковыя части къ своему главному отряду, принявшему названіе „Ауховскаго“ и состоявшему теперь изъ 17^{1/2} баталіоновъ, 2 дивизіоновъ драгунъ и 20 сотенъ казаковъ и милиціи, при 28 орудіяхъ и 4 мортирахъ. Войска эти расположились лагеремъ на пространствѣ отъ аула Ярыкъ-Су-Ауха до извѣстныхъ уже намъ Гойтемировскихъ воротъ. Ущелье это хотя и оказалось укрѣпленнымъ сильнѣе прежняго, но и на этотъ разъ было оставлено непріателемъ безъ защиты. Скопища, набранныя Шамилемъ въ Чечнѣ, сюда еще не успѣли, а дагестанцы были отвлечены дѣйствіями войскъ Прикаспійскаго края.

Распорядившись прорубкою отсюда просѣки назадъ, на Хасавъ-Юртъ, Н. И. Евдокимовъ, 10-го ноября, перевелъ свой отрядъ къ аулу Кишень, затѣмъ произвелъ рекогносцировку по направленію на Зондакъ и, между обоими названными аулами, на заранѣ намѣченномъ пунктѣ, составлявшемъ узелъ дорогъ изъ Ауха въ Салатавію, заложилъ укрѣпленіе. Работы по устройству этого укрѣпленія, равно какъ по вырубкѣ окрестнаго лѣса и проложенію новой дороги на протяженіи 8 верстъ, продолжались 10 дней (съ 13-го по 23-е число); при чемъ для устраненія помѣхи со стороны непріятеля высмалались ежедневно, по

разнымъ направленимъ, наблюдательныя колонны. Впрочемъ, ауховцы не оказывали никакого существеннаго противодѣйствія нашимъ работамъ: имъ, въ это время, было не до того, потому что Шамиль, убѣдившись, что страна эта для него потеряна, сталъ повуждать мѣстныхъ жителей къ переселенію въ дальніе горныя участки, при чемъ, по обыкновенію, не стѣснялся прибѣгать къ насилію. Каждый день получались у насъ извѣстія объ истребленіи тавлинцами того или другаго аула и объ уводѣ обывателей въ Ичкерію.

Подобный образъ дѣйствій имама былъ, въ сущности, весьма для насъ выгоденъ. Такъ какъ для прочнаго утвержденія въ Аухѣ предполагалось устроить тамъ новую штабъ-квартиру для одного изъ пѣхотныхъ полковъ, то сдѣлать это было гораздо удобнѣе въ странѣ обезлюдѣвшей, гдѣ не приходилось бы вступать въ пререканія съ мѣстными жителями изъ-за разныхъ угодій; съ другой же стороны, при чрезмѣрномъ скопленіи переселенцевъ въ горахъ, необходимо долженъ былъ вскорѣ ощущиться тамъ недостатокъ въ средствахъ къ существованію, а это, въ свою очередь, вело къ упадку энергіи и къ сознанію необходимости покориться русской власти.

Въ виду этого Н. И. Евдокимовъ не только не мѣшалъ хозяйничанью Шамиля въ Аухѣ, но, чтобы побудить его къ ускоренію насильственныхъ мѣропріятій, сталъ распускать слухи о своемъ намѣреніи идти къ аулу Біймеръ-Курганъ, гдѣ стоялъ самъ имамъ съ своими тавлинцами, и атаковать его. Къ концу ноября онъ, повидимому, рѣшилъ, что Аухъ уже достаточно очищенъ и что пора самому горному владыкѣ оттуда убраться, а потому, 28-го числа, сообщилъ лазутчикамъ, что на другой-же день двинется къ Біймеръ-Кургану. Извѣстіе это, конечно, сейчасъ же дошло туда, и Шамиль, съ своимъ скопищемъ, поспѣшно бѣжалъ изъ занятаго имъ аула, даже не попытавшись оказать намъ какого либо сопротивленія.

Положеніе имама, въ это время, сдѣлалось весьма тяжелымъ: продолжительное напряженіе силъ въ текущемъ году (сначала противъ войскъ Прикаспійскаго края, а потомъ противъ отряда Н. И. Евдокимова) такъ утомило и ослабило его приверженцевъ, что трудно было ожидать, въ ближайшемъ будущемъ, новаго собранія крупныхъ скопищъ. Между тѣмъ, жители Большой

Чечни, ожидая появленія русскихъ войскъ, настойчиво требовали помощи; но на этотъ разъ имамъ долженъ былъ ограничиться высылкою въ нимъ лишь нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, утѣшая чеченцевъ тѣмъ, что при множествѣ дѣлъ, предстоявшихъ русскимъ въ Аухѣ, они врядъ ли управятся тамъ ранѣ весны.

Николай Ивановичъ, зорко слѣдившій за своимъ противникомъ, зналъ объ истощеніи его силъ въ данный моментъ и не преминулъ воспользоваться этимъ, для нанесенія новаго рѣшительнаго удара Большой Чечнѣ.

Здѣсь остатки неповорнаго населенія плоскости сгруппировались на низовьяхъ рр. Хулхулау и Шавдонъ, среди сплошной чащи орѣшниковъ, представлявшихъ войскамъ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ самые старые лѣса. Тонкія прибрежья Шавдона дѣлали эту мѣстность почти недоступною.

Отдѣливъ отъ своего отряда войска, взятая на Кумыбской плоскости, Н. И. Евдокимовъ, 5-го декабря, перешелъ въ окрестности Куринскаго укрѣпленія, 6-го прибылъ на Мичикъ, а 7-го, искусно замаскировавъ свое дальнѣйшее движеніе, неожиданно появился въ самой срединѣ хулхулаускихъ ауловъ. Нападеніе было столь внезапно, что жители даже не успѣли спасти своего имущества. Обычное истребленіе ихъ жилищъ и вырубка окрестнаго лѣса не оставляли чеченцамъ другаго исхода, какъ или удалиться въ негостепримныя горы, или покориться русской власти. Они избрали послѣднее, и въ слѣдующую же ночь явились въ начальнику отряда депутаты отъ всего населенія долины Хулхулау съ изъявленіемъ покорности и готовности переселиться въ наши предѣлы; при этомъ они просили только о томъ, чтобы переходъ ихъ туда былъ прикрытъ нашими войсками, такъ какъ Шамиль, которому особенно не нравились подобныя переселенія, приказалъ своимъ набамъ всячески тому препятствовать; на сей конецъ собраны имъ были и высланы въ Чечню новыя партіи тавлицевъ.

Н. И. Евдокимовъ, съ своей стороны, не замедлилъ принять всѣ надлежащія мѣры для обезпеченія новыхъ русскихъ подданныхъ, такъ что мюриды, пытавшіеся нападать на переселенческіе таборы, повсюду встрѣчались съ нашими войсками и были отгоняемы. Для содѣйствія главнымъ силамъ, щедшимъ на аулъ Сартали, двинуть былъ туда же, изъ кр. Воздвиженской, отрядъ

генер.-маіора Мищенко. Вездѣ на пути движенія нашихъ войскъ валились вѣковые лѣса. Наибы, въ отчаяніи, писали Шамилю: „Чечня горитъ! Владыко, приходи гасить ее!“

Но съ этимъ пожаромъ имамъ уже не могъ справиться. Н. И. Евдокимовъ не давалъ ему ни отдыха, ни срока, и истребивъ хулхулаускіе аулы, немедленно двинулся противъ тѣхъ, которые расположены были на Шавдонѣ и его притокахъ. Здѣшняя мѣстность оказалась невообразимо-трудною и пересѣченною; но на наше счастье непріятель и тутъ былъ захваченъ врасплохъ, а потому и результаты оказались тѣ-же, что при дѣйствіяхъ на р. Хулхулау: жители стали массами заявлять покорность и готовность къ выселенію. Такимъ образомъ, въ теченіи одной недѣли перешло въ наши предѣлы около 2,000 семей. Блестящій результатъ этотъ достался намъ за весьма недорогую цѣну: съ 7-го по 14-е декабря вышло изъ строя около 60 челов. нижн. чиновъ.

„Большая чеченская плоскость поворена, — пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ донесеніи, — ни одной сабли въ ней не осталось. Немногіе десятки упорныхъ должны были уйти въ горы. Такъ кончилась ожесточенная война на чеченской плоскости, продолжавшаяся почти 18 лѣтъ и стоившая намъ столько крови“.

„Войскамъ, мнѣ вѣрнымъ, предстоитъ теперь новый подвигъ — покореніе Черныхъ горъ, прилегающихъ къ плоскостямъ, уже намъ неотъемлемо принадлежащимъ. Мы, съ благословеніемъ Божиимъ, скоро приступимъ къ совершенію подвига этого.“

„Съ 19-го октября длится настоящая кампанія. Продолжительные труды и частые бои, бывшіе въ теченіи этого времени и имѣвшіе результатомъ покореніе главнѣйшей части нагорья Малой Чечни, ауховскаго общества и всей плоскости Большой Чечни, даютъ войскамъ право на кратковременный отдыхъ, для исправленія матеріальной части и освѣженія“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, войска чеченскаго отряда, послѣ почти двухъ-мѣсячныхъ непрерывныхъ трудовъ, возвратились, 14-го декабря 1857 года, въ кр. Грозную, а 17-го числа распущены были по станицамъ, чтобы тамъ отдохнуть и собраться съ силами для новыхъ, важныхъ предпріятій.

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,597 б.

Декабрьскія дѣйствія Н. И. Евдокимова въ Большой Чечнѣ были послѣднимъ актомъ драмы, разыгрывавшейся до тѣхъ поръ на плоскости, и имѣли важное для насъ значеніе: разгромляя аулы по Хулхулау и Шавдону и приводя въ наше подданство массы непокорныхъ чеченцевъ, онъ имѣлъ въ виду до послѣдней возможности ослабить силы Шамиля и тѣмъ облегчить предстоявшія въ наступавшемъ 1858 году дѣйствія. Расчетъ былъ вѣренъ: уводя изъ-подъ власти имама до 2,000 покорныхъ ему дотолѣ семействъ, онъ отнималъ у нихъ такое же, если еще не большее, количество добрыхъ воиновъ и значительно подрывалъ его матеріальные ресурсы, періодически извлекавшіеся изъ жителей, въ видѣ денежныхъ, хлѣбныхъ и т. п. поборовъ.

Кампанію 1858-го года Н. И. Евдокимовъ предполагалъ открыть давно имѣвшимся въ виду прорывомъ въ Аргунское ущелье, составлявшее ключъ стратегической позиціи Шамиля въ Чечнѣ. Овладевъ имъ, мы, ранѣе или позже, становились фактическими хозяевами Черныхъ горъ, могли открыть себѣ путь въ тылъ главнымъ убѣжищамъ имама, угрожать его сообщеніямъ съ Дагестаномъ и прервать таковыя же съ Малою Чечнею.

Но прорваться въ Аргунское ущелье было крайне трудно; прежнія противъ него попытки всегда оканчивались неудачею и стоили намъ большихъ потерь.

Ущелье это, лежащее въ 5-ти верстахъ къ югу отъ вр. Воздвиженской, представляетъ собою тѣснину, огражденную съ обѣихъ сторонъ, у входа въ нее, высокими горами, которыя въ то время были покрыты густымъ лѣсомъ; между ними, въ отвѣсныхъ почти берегахъ, имѣющихъ отъ 10 до 15 саж. высоты, съ бѣшеною быстротою стремится Аргунъ ¹⁾). Разстояніе между контрфорсами, образующими самое ущелье, не превышаетъ пистолетнаго выстрѣла. Дорога изъ Воздвиженской тянулась по лѣвому берегу рѣки и, вступая въ ущелье, плотно прижималась

¹⁾ Рѣка Аргунъ образуется изъ слиянія двухъ рѣкъ: Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, соединяющихся почти передъ самой южной оконечностью тѣснины, нѣсколько ниже находящагося тутъ же большаго аула Дачу-Барзой.

къ горѣ; въ недалекомъ разстояніи отъ входа она пересѣкалась глубокимъ оврагомъ и только по переходѣ черезъ оный становилась нѣсколько удобнѣе. Эта, уже сама по себѣ малодоступная, мѣстность была, сверхъ того, усилена искусственными преградами, такъ какъ еще съ осени 1857-го года между горцами стали носиться темные слухи о намѣреніи нашемъ овладѣть Аргунскимъ ущельемъ; вдоль всего праваго берега тѣснины, по краю обрыва, былъ устроенъ заваль, изъ-за котораго всѣхъ, идущихъ другимъ берегомъ, по дорогѣ, можно было бить на выборъ, хоть изъ пистолета; перпендикулярно къ нему, при входѣ въ ущелье, тянулся отъ вершины горы до самаго обрыва другой заваль, съ глубокимъ и широкимъ рвомъ впереди; дорога по лѣвому берегу рѣки была совершенно преграждена уничтоженіемъ переправы черезъ оврагъ, на противоположномъ берегу котораго возвышалось два завала; три яруса таковыхъ же заваловъ, сложенныхъ изъ толстыхъ бревенъ, защищали крутой подъемъ на высоты, ограждающія ущелье съ западной стороны. Очевидно, всѣ мѣры были приняты для самой упорной обороны.

Какъ ни громадна была опытность, приобрѣтенная Н. И. Евдокимовымъ во время различныхъ видоизмѣненій кавказской войны, но тутъ и ему пришлось серьезно призадуматься; тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы оправдать безграничное къ нему довѣріе кн. Барятинскаго, для котораго, какъ мы видѣли, взятіе Аргунскаго ущелья составляло завѣтную мечту. Князь Барятинскій зналъ, что туда готовится движеніе и, конечно, не безъ душевной тревоги ожидалъ результатовъ онаго. 19-го января, когда въ Тифлисѣ еще не получено было извѣстіе объ исходѣ экспедиціи, начальникъ штаба кавказскихъ войскъ, между прочимъ, писалъ Николаю Ивановичу слѣдующее:

„Его сіятельство съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ перваго отъ васъ курьера съ донесеніемъ объ успѣхѣхъ предпринятаго вами движенія. Въ настоящую минуту, вѣроятно, существенное дѣло уже рѣшено. Дай Богъ, чтобы оно совершилось успѣшно и сколь можно съ меньшею потерею. Но вамъ остается еще труднѣйшее дѣло—утвердиться въ занятомъ пунктѣ и дать ему то значеніе, которое можетъ измѣнить совершенно наше положеніе въ цѣломъ краѣ. При всѣхъ трудахъ и заботахъ, которые

ваше п—во теперь выносите, вы имѣете утѣшеніе—надѣяться на великіе результаты вашихъ предпріятій ¹⁾“.

Мы видимъ изъ этого, какое крупное значеніе придавалось высшимъ кавказскимъ начальствомъ занятію Аргунскаго ущелья. Тѣмъ тяжелѣе была нравственная отвѣтственность, падавшая на Н. И. Евдокимова, который и самъ, лучше чѣмъ кто либо, понималъ важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшную трудность предлежащей ему задачи. Атаковать ущелье при тѣхъ силахъ, которыя—какъ намъ было извѣстно—были сосредоточены для его обороны, значило бы, даже въ случаѣ успѣха, пожертвовать массою людей; съ другой же стороны, и обмануть Шамиля какими либо демонстраціями тоже немного представлялось надежды, такъ какъ старый имамъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не раскусить тактики своего противника по прежнимъ его дѣйствіямъ, а потому сталъ еще вдвое осмотрительнѣе и недовѣрчивѣе. Тѣмъ не менѣе, Николай Ивановичъ порѣшилъ опять прибѣгнуть къ своей обычной снаровкѣ—развлечь вниманіе врага,—и она, какъ мы увидимъ, опять увѣнчалась удачею.

„Руководствуясь моимъ правиломъ,—пишетъ онъ—достигать предположенной цѣли съ возможно меньшею потерею, планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы оттянуть непріятельскія силы на другой какой либо пунктъ; броситься быстро и неожиданно въ ущелье, при чемъ распределить свои войска такимъ образомъ, чтобы лишить непріятели возможности вредить намъ съ праваго берега“ ²⁾.

Для достиженія намѣченной цѣли Н. И. Евдокимовъ сталъ распространять слухъ о намѣреніи своемъ строить укрѣпленіе въ Автурахъ (въ Большой Чечнѣ). Чтобы придать этому слуху болѣе вѣроятія, онъ приказалъ часть фуража перевезти изъ Воздвиженскаго къ аулу Шали, заподрядить подводы для доставки сѣна къ отряду въ Автуры, а 15-го января даже сосредоточилъ большую часть своихъ войскъ ³⁾ у Бердыкеля, на правомъ берегу Аргуна, какъ бы готовясь двинуться въ восточномъ направленіи

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо генер. Милютина, отъ 19 янв. 1858 г

²⁾ Воен. Уч. Арх., отд. 2, № 6602, в.

³⁾ Для змѣнныхъ дѣйствій въ 1858 г. состояло подъ начальствомъ Евдокимова 19 1/2 баталіоновъ, 4 эскадр. драгунъ, 17 1/2 сотенъ казаковъ и милиціи при 28 орудіяхъ. Войска эти собирались въ Чергугаѣ, Грозной и Воздвиженской.

ген.-маіору Мищенко, находившемуся съ отрядомъ въ Воздвиженскомъ, тоже было приказано перевести обозы на правый берегъ рѣки.

Всѣ эти слухи и подготовительныя мѣры въ концѣ концовъ ввели непріятеля въ новое заблужденіе: уже въ началѣ января сторожившія Аргунское ущелье партіи андійцевъ, чаберлоевцевъ и ичкеринцевъ потянулись въ ущелья Басса и Хулхулау; охрану же завѣтной тѣснины Шамиль поручалъ шубутовскому наибу Батока ¹⁾, подъ начальствомъ котораго осталось около 2-хъ тыс. человекъ.

Заручившись, такимъ образомъ, удаленіемъ значительнѣйшей части противниковъ, Н. И. Евдокимовъ, не теряя времени, приступилъ къ выполненію своего предпріятія. Атака ущелья назначена была на 16-е января; вести ее положено двумя колоннами, по обимъ берегамъ Аргуна. Первая колонна, которой предстояло совершить значительный обходъ по правому берегу, по весьма трудной мѣстности и безъ дорогъ, поручена была начальству ген. маіора Кемпферта и выступила изъ лагеря у Бердыкеля еще наканунѣ, въ 9 ч. вечера, дабы одновременно съ второю колонною подоспѣть ко входу въ ущелье. Вторая же колонна, ввѣренная ген. маіору Мищенко, должна была выдти изъ Воздвиженскаго утрома 16-го числа.

Войска Кемпферта, двигавшіяся по колѣно въ снѣгу, только въ 5-ти часамъ утра подошли на высоту Воздвиженскаго и, не останавливаясь, двинулись далѣе. Такъ какъ и дальнѣйшее движеніе предстояло имъ совершать лѣсомъ и по крайне трудной мѣстности, то колонна Мищенко тронулась впередъ только въ 7 ч. утра. Когда, около 9 ч., она приблизилась къ ущелью, то, по сигнальнымъ выстрѣламъ горскихъ пикетовъ, завалы на обихъ берегахъ Аргуна немедленно наполнились толпами защитниковъ. Между тѣмъ, лѣвая колонна наша, замедляемая въ своемъ движеніи невѣроятными мѣстными препятствіями, еще не показывалась.

Осмотръ непріятельской позиціи еще болѣе убѣдилъ Н. И. Евдокимова (находившагося при колоннѣ генерала Мищенко),

¹⁾ Шубутовское или шатовское общество составляли лежація по верхнему теченію Чавты-Аргуна аулы: Варанды, Зонахъ и др.

что атака оной съ фронта,—даже при совмѣстномъ дѣйствіи обѣихъ колоннъ, — поведеть къ страшнымъ потерямъ, и что потому надо предпринять обходное движеніе. На сей конецъ, расположивъ вправо и влѣво отъ дороги 10 орудій и разсыпавъ по лѣвому берегу рѣки сводно-линейный стрѣлковый баталіонъ, онъ приказалъ артилеріи громить непріятельскіе завалы и отвлекать на себя вниманіе ихъ защитниковъ. Между тѣмъ, въ обходъ лѣваго фланга непріятельскихъ укрѣпленій двинуты были 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, съ командою охотниковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Рихтера ¹⁾.

Въ теченіе двухъ часовъ шла неумолкаемая канонада; гранаты наши сильно донимали горцевъ и заставляли ихъ временно покидать то тотъ, то другой заваль. Въ 11 ч. утра замѣчено было у насъ, что непріятель очищаетъ завалы праваго берега, изъ чего можно было заключить о приближеніи колонны Кемпферта; а вскорѣ за симъ, противъ лѣваго непріятельскаго фланга, на высотѣ, командующей горскою позиціею, появилась наша обходная колонна. Стоявшіе тутъ горцы, пораженные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать; оставленные ими завалы заняты были 1-мъ баталіономъ куринцевъ, между тѣмъ какъ стрѣлковый баталіонъ направленъ былъ прямо по дорогѣ, дабы преслѣдовать, или, если возможно, отрѣзать спускавшіеся съ горъ партіи. Къ сожалѣнію, всякое дальнѣйшее преслѣдованіе оказалось невозможнымъ, такъ какъ переправа черезъ оврагъ, пересѣкавшій дорогу, была уничтожена и на восстановленіе ея, хотя бы только для одной пѣхоты, потребовалось бы слишкомъ 2 часа времени. Не смотря, однако, на невозможность преслѣдованія, горцы, подъ вліяніемъ паники, отступили такъ поспѣшно, что даже оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ.

По устройствѣ, на скорую руку, переправы черезъ преграждавшій намъ дорогу оврагъ, котораго непріятель и не покушался отстаивать, Н. И. Евдокимовъ перевелъ свои войска къ южному выходу изъ ущелья; но далѣе идти въ этотъ день они уже не могли, — такъ велико было общее утомленіе. О трудностяхъ, которыя должны были наши солдаты преодолѣть въ пути,

¹⁾ Нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ главной квартиры е. и. величества.

можно судить по тому, напр., что колонна ген.-маіора Кемпферта на прохожденіе 8-ми верстнаго разстоянія отъ Воздвиженской до Аргунскаго ущелья употребила 7 часовъ времени; колоннѣ полковника Рихтера, во время обходнаго движенія ея, тоже приходилось бороться на каждомъ шагѣ со страшными мѣстными препятствіями.

Такъ кончился первый актъ покоренія грознаго Аргунскаго ущелья. Оплаченъ онъ былъ—благодаря искусству начальника—потерею ничтожною: всего вышло изъ строя 1 оберъ-офицеръ и 7 нижн. чиновъ.

„Войска, — пишетъ Н. И. Евдокимовъ, въ своемъ донесеніи, — рвались въ бой и горѣли желаніемъ пролить свою кровь, и не одной просьбѣ атаковать съ фронта завалы долженъ былъ я отказать, въ полномъ убѣжденіи, что результатъ, приобретенный безъ пролитія крови, будетъ болѣе цѣннымъ, нежели самые блистательные подвиги храбрости, ведущіе за собою бесполезную трату людей“¹⁾.

На слѣдующій день колонна Кемпферта безъ выстрѣла заняла обширный аулъ Дачу-Барзой, лежащій нѣсколько южнѣе извѣстнаго уже намъ оврага, на просторной полянѣ, дающей проходы въ два ущелья, изъ которыхъ выбѣгаютъ Шаро и Чанты-Аргунъ; прочія же войска приступили къ рубкѣ просѣкъ вдоль горъ, ограждающихъ главную тѣснину, и къ разработкѣ дороги; между тѣмъ самъ начальникъ отряда съ частью кавалеріи производилъ рекогносцировку лежащихъ далѣе къ югу ущелій. При обратномъ движеніи его къ лагерю, на лѣвомъ берегу Чанты-Аргуна, появилась было непріятельская конница; но пущенные въ атаку казаки и милиціонеры заставили ее поспѣшно убраться.

Донесеніе о взятіи Аргунскаго ущелья было для кн. Барятинскаго, конечно, однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ извѣстій, которыя онъ когда либо получалъ: осуществилась, наконецъ, его давнишняя, завѣтная мысль, и довѣріе къ исполнителю его предначертаній опять блистательно оправдалось. Признательность свою Евдокимову онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Вы меня сколько обрадовали, столько и удивили, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Николай Ивановичъ. Обрадовали заня-

¹⁾ Воен.-уч. архивъ, отд. II, № 6602, в.

тѣмъ Аргунскаго ущелья, потому что всѣмъ и каждому на Кавказѣ извѣстно, какое съ этимъ словомъ связано прошедшее и будущее. Удивили неизмовѣрно-малою потерею людей: полтытки туда до сихъ поръ всѣ были неудачны и кровопролитны. Душевно васъ благодарю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправляю сегодня же курьера къ государю императору со всеподданнѣйшею просьбою достойно оцѣнить вашу подвигъ. Его величество въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ отъ 14-го января изъясняетъ особенное свое удовольствіе за первый періодъ вашихъ дѣйствій и жалуетъ вашему отряду по рублю сер. на человѣка. Я же съ своей стороны обнимаю васъ дружески, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и желаю вамъ счастья и успѣховъ въ нынѣшнемъ году, будучи увѣренъ впередъ, что съ умѣніемъ и опытностію вашими вы окажете вновь основательныя услуги, которыя приблизятъ паденіе Шамиля“....

....„Баронъ Врангель назначается на мѣсто князя Орбеляна и побѣдетъ въ Т. Х. Шуру черезъ Грозную, чтобы имѣть свиданіе съ вами, можетъ быть въ Аргунскомъ ущельѣ. Основываясь на глубокомъ знаніи вашемъ Дагестана и той связи, которая существуетъ между тѣми и войсками лѣваго крыла, я просилъ барона Врангеля ѣхать къ вамъ на совѣщаніе“....

....„Полковника Старичкаго посылаю къ вамъ съ изъясненіемъ монаршей милости и съ 17-ю знаками отличія за Аргунское дѣло. Въ общемъ итогѣ вы получили отъ меня, во время зимнихъ дѣйствій, уже 114 крестовъ. Затѣмъ надѣюсь имѣть еще случай послать вамъ такого рода гостинцы и предоставляю вамъ, въ свою очередь, при общихъ представленіяхъ увеличить еще число кавалеровъ“....

„Ожидая съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ вашихъ извѣстій и военныхъ предположеній, касательно новыхъ вашихъ завоеваній, прошу принять увѣреніе искренней моей благодарности и чувствъ полнаго уваженія къ блистательнымъ вашимъ заслугамъ“¹⁾.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43. Письмо кн. Барятинскаго отъ 26-го января 1858 года.

Хотя первый и самый главный шагъ былъ сдѣланъ, но за тѣмъ Чеченскому отряду предстояло впереди еще много трудовъ для того, чтобы утвердиться на покоренной мѣстности, проникнуть далѣе, въ ущелья Шаро и Чанты-Аргуна, гдѣ продолжали гнѣздиться крупныя непріятельскія партіи, и уже потомъ, согласно прежде начертаннымъ планамъ, приступить къ окончательнымъ предпріятіямъ противъ послѣднихъ убѣжищъ Шамиля. Въ виду сего Н. И. Евдокимовъ, воздерживаясь, до поры до времени, отъ дальнѣйшаго движенія, занялся устройствомъ прочныхъ сообщеній между отряднымъ лагеремъ и кр. Воздвиженскою, а также возведеніемъ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ полевыхъ укрѣпленій. Не смотря на одержанный блестящій успѣхъ, онъ былъ въ это время сильно удручаемъ безчисленными дѣлами и заботами, какъ о настоящемъ, такъ и о будущемъ. Это видно, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ его къ полковнику Бѣлику, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Въ работахъ нашихъ въ Аргунскомъ ущельи хотя много успѣха, однако, много еще и работы. Это обстоятельство сильно меня безпокоитъ; ибо время бѣжить, а впереди занятій много и кромѣ Аргунскаго ущелья. Не знаю, какъ мнѣ Богъ поможетъ со всѣмъ этимъ управиться“¹⁾.

Между тѣмъ, непріятель, на первыхъ порахъ озадаченный и потерявшійся, успѣлъ оправиться и сталъ опять заявлять о своемъ существованіи: 18-го января прибылъ въ ущелье Шаро-Аргуна сынъ Шамиля, Кази-Магома, съ партіею тавлинцевъ и двумя пушками; въ то-же время скопище наиба Батоки стало вновь собираться въ верховьяхъ Чанты-Аргуна. Вслѣдъ затѣмъ, горцы, приближаясь къ нашему расположенію, ежедневно отрывали артилерійскую пальбу по авангардному лагерю ген.-маіора Кемпферта и вели перестрѣлку съ нашими цѣпями. Хотя стрѣльба эта причиняла намъ очень мало вреда, но Н. И. Евдокимовъ, желая нѣсколько осадить дерзость горцевъ, рѣшился уничтожить лежавшій недалеко отъ авангарднаго лагеря ауль Чалги-Ирзау, служившій притономъ для передовыхъ непріятельскихъ партій, а при этомъ сдѣлать и рекогносцировку праваго берега

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 1. Письмо 28-го января 1858 г. (Бѣликъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Евдокимова, по дѣлу водворенія переселенцевъ и надзору за ними).

Шаро-Аргуна. Оба эти предпріятія исполнены были 3-го февраля безъ всякой съ нашей стороны потери; при чемъ, изъ собранныхъ свѣдѣній и обзорѣній оказалось, что главныя силы Кази-Магомы расположены вверхъ по помянутой рѣкѣ, въ аулахъ: Измаиль-юртъ, Дуютень и Улусъ-Керты. При подобномъ сосѣдствѣ, отрядъ Кемпферта, равно какъ и рабочіе, занимавшіеся у Дачу-Барзоя возведеніемъ новаго укрѣпленія — Аргунскаго, не могли ни одного дня рассчитывать на совершенное спокойствіе; а потому рѣшено было отогнать скопища Кази-Магомы куда нибудь подальше, и главные притоны ихъ истребить. Для выполнения этого предпріятія, двинуты были, 5-го февраля, вверхъ по обоимъ берегамъ Шаро-Аргуна, двѣ колонны, подъ начальствомъ ген.-маіоровъ: Рудановскаго и Кемпферта. Мѣстность, по которой имъ пришлось идти, представляла много хорошихъ оборонительныхъ позицій для горцевъ; тѣмъ не менѣе, отпоръ со стороны послѣднихъ былъ весьма слабъ; рѣшительному наступленію нашему они, повидимому, не считали возможнымъ сопротивляться и, по взятіи послѣдняго аула, Улусъ-Керты, разбѣжались въ разныя стороны, бросивъ на произволь судьбы своего предводителя, который едва успѣлъ спастись, съ небольшимъ числомъ мюридовъ, въ лѣсистой оврагѣ. Вся экспедиція эта стоила намъ 20-ти чел. ранеными.

Хотя разбѣжавшіеся горцы стали, вслѣдъ за тѣмъ, опять собираться и даже предпринимать на насъ нападенія, но ихъ враждебныя попытки не имѣли никакого успѣха. Къ концу февраля работы въ Аргунскомъ ущельи уже настолько подвинулись впередъ, что намъ представлялась возможность въ скоромъ времени обратиться къ новымъ предпріятіямъ.

Предпріятія эти уже давно были обдуманы Н. И. Евдокимовымъ. Еще въ самомъ началѣ названнаго мѣсяца онъ представилъ кн. Барятинскому нижеслѣдующую записку:

„По занятіи Аргунскаго ущелья, представляется два пути дѣйствій для завоеванія полосы Черныхъ горъ“.

„1) Повернувъ правое плечо впередъ, прорваться окончательно черезъ лѣсную полосу (около 6 верстъ), взять направленіе черезъ Ведень или Дарго, на Кишень-Аухъ, и линію полковыхъ штабъ-квартиръ и укрѣпленій отрѣзать Ичкерію отъ Дагестана, а затѣмъ съ разныхъ сторонъ дѣйствовать для

окончательнаго покоренія отрѣзаннаго пространства. Планъ этотъ въ настоящее время неудобно исполнимъ, ибо суровое время года до крайности затрудняетъ дѣйствіе въ безлѣсной полосѣ; нужно выждать іюня мѣсяца. Еще болѣе важное неудобство, при непосредственномъ исполненіи этого плана, состоитъ въ томъ, что, врываясь далеко въ горы, мы оставляемъ въ тылу нашемъ, съ одной стороны, Малую Чечню и немирныя общества, живущія въ верховьяхъ Ассы и Чанты-Аргуна, а съ другой стороны—нагорную часть Большой Чечни и Ичкерію; такимъ образомъ, дѣйствуя въ горахъ, въ значительномъ разстояніи отъ линіи, мы подвергнемъ опасности наши поселенія по Сунжѣ и Тереку и нашу операціонную линію.

2) Другое предположеніе состоитъ въ томъ, чтобы утвердиться при выходѣ изъ Аргунскаго ущелья, окончить сперва завоеваніе горнаго пространства между Тереконъ и Аргуномъ и, обезпечивъ такимъ образомъ тылъ свой съ одной стороны, обратиться къ исполненію перваго плана. Второе предположеніе, давая вначалѣ менѣе блистательные результаты, послужитъ за то прочнымъ основаніемъ къ будущему завоеванію Ичкеріи и всего пространства до Андійскаго хребта.

Планъ этотъ можно будетъ приводить въ исполненіе въ слѣдующей постепенности. Нынѣ же приступить къ рубкѣ просѣки вверхъ по ущелью Чанты-Аргуна (около 10 верстъ), дабы приготовить къ лѣту свободный доступъ въ безлѣсное пространство, и затѣмъ броситься въ Малую Чечню, чтобы очистить отъ враждебнаго намъ населенія всѣ горныя ущелья притоковъ Сунжи; если окажется необходимымъ, то у подножія горъ заложить одно центральное временное укрѣпленіе, до окончательнаго устройства края. Съ наступленіемъ лѣта направить военныя дѣйствія въ общества, лежащія въ верховьяхъ Ассы и Чанты-Аргуна, въ смыслѣ окончательнаго завоеванія этихъ обществъ. Если время и обстоятельства дозволятъ, то въ то-же время сдѣлать рекогносцировку по направленію къ Веденю, и даже утвердиться въ безлѣсной полосѣ“.

На приведенной запискѣ кн. Барятинскій сдѣлалъ (7 февраля) слѣдующую надпись:

„Планъ этотъ утверждаю, но съ тѣмъ, чтобы просѣка въ направленіи къ Веденю была бы непременно исполнена теперь-

же, шириною не менѣе 500 сажень, съ совершеннымъ истребленіемъ вырубленнаго лѣса ¹⁾“.

Во исполненіе воли главнокомандующаго, Н. И. Евдокимовъ, едва управившись съ необходимыми работами по утвержденію нашему въ Аргунскомъ ущельи, немедленно приступилъ къ проложенію оттуда пути, по направленію на Ведень. Пунктомъ для выхода въ тылъ ущелий Большой Чечни онъ, соображаясь съ имѣвшимися свѣдѣніями, избралъ лежавшую на юго-востокъ отъ нашихъ позицій гору Даргинъ-Дукъ, имѣющую до 6,000 фут. высоты и покрытую въ то время вѣвовымъ лѣсомъ. О неизмѣрнѣйшихъ трудностяхъ предстоявшаго восхожденія Николаю Ивановичу, вѣроятно, мало было извѣстно; видѣлъ онъ только ясно, что дѣйствовать надо было сколь возможно быстрѣе, дабы пройти лѣсную полосу прежде, чѣмъ могли собраться тамъ непріятельскія партіи, занявшія, въ значительномъ числѣ, ущелье Чанты-Аргуна и ауль Шари-Хатой, по дорогѣ къ р. Бассу.

28 февраля, еще до разсвѣта, войска наши двинулись по указанному направленію. Авангардомъ, выступившимъ ряѣе, начальствовалъ ген.-маіоръ Кемпфертъ; за нимъ, верстахъ въ двухъ, шли главные силы подъ командою ген.-маіора Мищенко; при нихъ же находился вьючный обозъ съ 10 дневнымъ провіантомъ. Не смотря на адскую мѣстность, движеніе это было произведено столь быстро и, главное,—неожиданно для непріятеля, что онъ узналъ о дѣйствительномъ направленіи, взятомъ нашими войсками, только тогда, когда колонна Кемпферта успѣла занять вершину Даргинъ-Дука, гдѣ уже кончался дремучій лѣсъ и начиналась болѣе открытая мѣстность. Здѣсь Н. И. Евдокимовъ, прибывшій къ авангарду, остановилъ его, а самъ, съ состоявшею при отрядѣ конницею и частію пѣхоты, предпринялъ рекогносцировку ближайшихъ окрестностей, гдѣ непріятель, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, уже успѣлъ собраться и сталъ зажигать отдѣльные хутора и склады сѣна. Быстро атакованные нашими милиціонерами, горцы разбѣжались, въ то-же время нѣсколько семей, уведенныхъ мюридами въ горы изъ разоренныхъ нами ауловъ, явились съ изъявленіемъ покорности, и были, подъ прикрытіемъ войскъ, переведены въ нашъ лагерь.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 43.

Въ виду трудности доставки на Даргинъ-Дукъ фуража и за недостаткомъ воды, Н. И. Евдокимовъ на другой же день спустиль въ Дачу-Барзою ¹⁾ всю конницу, всѣхъ вьючныхъ и большую часть артиллерійскихъ лошадей, оставя при отрядѣ только необходимую упряжку для 4 горныхъ орудій и сотню милиціо-неровъ; пѣхота же наша должна была, не теряя времени, приступить къ рубкѣ просѣки назадъ и трассировкѣ отлогой дороги по склонамъ Даргинъ-Дука, отъ Гамагинскаго оврага до вершины горы. Благодаря усердію войскъ, уже къ 21 марта прорублена была просѣка такой ширины (смотря по свойствамъ мѣстности, отъ 300 до 500 сажень), что отряды наши могли двигаться по ней безопасно; въ то-же время, на протяженіи 9¹/₂ верствъ, разработана была дорога, удобная для полевой артиллеріи.

За все это время непріятель мало насъ тревожилъ. Изъ орудій онъ—по условіямъ мѣстности—дѣйствовать не могъ, а заставить врасплохъ наши сторожевыя цѣпи тоже было мудрено. Не видя возможности предпринять что либо рѣшительное на Даргинъ-Дукъ, или противъ Дачу-Барзою, горцы стали дѣлать покушенія противъ колоннъ, высылаемыхъ для поддержанія сообщеній между обоими отрядами нашими; но и здѣсь попытки ихъ кончались полною неудачею, благодаря бдительности нашихъ начальниковъ. Особенно несчастливо было ихъ предпріятіе, затѣянное противъ колонны маіора Эррота (1 батал. съ 2-мя горн. орудіями), которая, 9-го марта, отправлена была въ Дачу-Барзою за разными припасами. Н. И. Евдокимовъ, лично слѣдившій за движеніемъ оной и замѣтившій, что непріятель, ожидая ея возвращенія, устроилъ засаду въ лежащемъ на пути оврагѣ, немедленно выслалъ ей на встрѣчу сильное подкрѣпленіе, и горцы, сами неожиданно атакованные, поспѣшно разсыпались по своимъ трупамъ.

Дѣйствуя противъ Шамиля оружіемъ, Н. И. Евдокимовъ, какъ мы знаемъ, не упускалъ изъ виду и другихъ средствъ для ослабленія его силъ. Имѣя обширныя знакомства между горцами, онъ, въ настоящемъ случаѣ, воспользовался ими, чтобы завязать сношенія съ шубутовскимъ наибомъ Батока. Послѣдній,

¹⁾ Въ этомъ аулѣ оставался особый отрядъ, подъ начальствомъ полковника Кауфмана.

въ виду нашихъ необычайныхъ успѣховъ, конечно, сознавалъ, что паденіе имама должно совершиться въ недалекомъ будущемъ; а потому непрочъ былъ, на такой конецъ, подготовить себѣ наиболѣе выгодный исходъ изъ дѣла, т. е. удержать свое наибство и подъ русскою властью. Заявленіе готовности покориться со всѣмъ своимъ обществомъ сдѣлано было имъ (конечно, подъ покровомъ глубочайшей тайны) еще въ началѣ марта, но переговоры затянулись вслѣдствіе движенія нашего въ Малую Чечню; а пока русскія войска были далеко, Батока, разумѣется, тщательно скрывалъ свои замыслы, потому что Шамиль, при малѣйшемъ подозрѣніи, имѣлъ еще возможность расправиться съ нимъ по своейски. Тѣмъ не менѣе, разъ завязавшіяся сношенія съ набомъ, задумавшимъ измѣнить своему владыкѣ, могли отразиться выгоднымъ для насъ образомъ при послѣдующихъ дѣйствіяхъ, и кн. Барятинскій былъ очень доволенъ этимъ дипломатическимъ ходомъ ¹⁾).

Напряженная дѣятельность Николая Ивановича, за послѣднее время, далеко не ограничивалась лишь борьбою съ непріателемъ и природою. Соединенныя съ этимъ заботы о снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ, при ихъ поистинѣ гигантскихъ трудахъ, усложнялись безконечными хлопотами и безпокойствами по устройству и администраціи ввѣреннаго ему обширнаго края, и особенно Большой Чеченской плоскости, только что, поневолѣ, смирившейся, но непрерывно посѣщаемой партіями мюридовъ, которыхъ Шамиль высылалъ туда для развлеченія нашего вниманія и для воспрепятствованія выселенію остальныхъ жителей въ наши предѣлы. Заботъ по водворенію переселенцевъ тоже была масса: неудачное распредѣленіе между ними земель могло бы повести къ новымъ волненіямъ, и это сильно тревожило Н. И. Евдокимова. Изъ огромной текущей переписки его съ ген. Кемпфертомъ, полк. Бѣликомъ и др. лицами можно видѣть что за бездна сложныхъ, разнообразныхъ, крупныхъ и мелкихъ заботъ обременяла его въ эту эпоху. Кромѣ того, хотя онъ и имѣлъ могучую поддержку въ кн. Барятинскомъ, но съ другой стороны не могъ не знать, что, по мѣрѣ одержанія имъ новыхъ успѣховъ, возрастала и безъ того уже крупная цифра его завист-

¹⁾ См. приложенія.

никовъ и недоброжелателей, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли сильныя связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и которые готовы были, при первомъ промахѣ или неудачѣ, сломить ему шею. Приходилось постоянно быть насторожѣ, каждый шагъ дѣлать съ оглядкою.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если подобное физическое и нравственное напряженіе приходилось иногда не подъ силу даже такому закаленному жизнью человѣку, каковымъ былъ Николай Ивановичъ, и его обычное душевное равновѣсіе подчасъ распатывалось, особенно если ему по чему либо представлялось, что высшее начальство не вполне довольно его дѣйствіями. Любопытнымъ примѣромъ подобной раздражительности, или мнительности, является отвѣтъ его начальнику штаба Кавказской арміи, по поводу письма отъ 10-го февраля 1858 г., въ которомъ тотъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Сегодня полковникъ Старицкій привезъ реляцію послѣдняго дѣла, происходившаго на Шаро-Аргунѣ. Желательно было бы задать еще болѣе острастки непріятелю, для нравственнаго вліянія и на туземцевъ, и на наши войска. Пусть успешное занятіе Аргунскаго ущелья будетъ громовымъ ударомъ для горцевъ“¹⁾.

Какъ отнесся Н. И. Евдокимовъ къ этимъ безобиднымъ словамъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго отвѣта его начальнику штаба, на другое письмо послѣдняго, отъ 27-го февраля. Поблагодаривъ за поздравленіе по случаю награжденія его орденомъ Бѣлаго орла (за взятіе Аргунскаго ущелья), онъ продолжаетъ такъ:

„Въ письмѣ отъ 10-го февраля, писанномъ вами по полученіи донесенія моего о дѣлахъ при взятіи ауловъ Улусъ-Керты и Дуютень, ваше письмо выразило желаніе, чтобы дать непріятелю еще болѣе острастки, для нравственнаго вліянія и на туземцевъ, и на наши войска. Ужъ не думаете ли вы въ самомъ дѣлѣ, что я уклоняюсь отъ боя ради излишней осторожности?—Выхожу изъ предѣловъ постоянного правила молчать о собственныхъ своихъ дѣлахъ и постараюсь, въ опроверженію такого мнѣнія,—если оно въ самомъ дѣлѣ есть,—привести здѣсь нѣ-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

сколько фактовъ, совершенно достаточныхъ для разрѣшенія подобнаго обстоятельства“.

„Не при мѣ ли прорублены просѣки черезъ всѣ важнѣйшія мѣста Большой Чечни? Давно ли Малая Чечня, гордая воспоминаніемъ прежнихъ своихъ успѣховъ, потерпѣла поражение, укротившее ея кичливость? Не я ли открылъ дорогу до Зондака? Не мною ли выведено 2 т. семействъ чеченцевъ изъ такихъ мѣстъ, куда никто доселѣ проникнуть не рѣшался?—и, наконецъ, не со мною ли прошли войска черезъ всю лѣсистую полосу Черныхъ горъ и сдѣлали себѣ дорогу въ обходъ неприступныхъ ихъ ущелій!—Потрудитесь развернуть карту, посмотрите на театръ войны и на успѣхи прошедшихъ лѣтъ, сравните то и другое съ невѣроятными успѣхами послѣднихъ экспедицій, и вы получите убѣжденіе, что подобныя дѣйствія не могли быть исполнены безъ рѣшимости къ бою; а если его не было въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бывало прежде, то это единственно отъ того, что, занимаясь настоящимъ дѣломъ, я не искалъ бою тамъ, гдѣ желалъ непріятель; а тотъ, въ свою очередь, не находилъ выгоднымъ драться безъ надежды на успѣхъ. Какъ бы ни было, однако, война въ Чечнѣ недавно измѣнилась; чеченцы стали бояться русскихъ войскъ, а духъ солдатъ нашихъ, увѣрившихся въ возможности сокрушать и преграды, и жилища непріятельскія безъ значительныхъ утратъ, возвысился. Это скажетъ каждый, кто вслушивался въ ихъ нынѣшній голосъ. Давно ли заботы наши стремились только къ упроченію за собою плоскостей, а нынѣ положено уже основаніе покоренію Черныхъ горъ, за которыми вскорѣ можетъ исполниться и завоеваніе остальной страны. Все это совершилось въ такой короткій срокъ, который достаточенъ для засвидѣтельствованія, что при исполненіи не было упускаемо благоприятныхъ обстоятельствъ; а, не смотря на это, отъ меня требуется еще больше. Отъ чего это? Неужели я сдѣлалъ меньше другихъ?“

„Легко теперь идти и послѣдовательно отнимать у Шамиля его способы къ войнѣ съ нами. Онъ самъ видитъ это съ безпокойствомъ, но, вѣрный своей системѣ, терпѣливо ждетъ нашихъ ошибокъ, чтобы, улучивъ благоприятное ему время, вдругъ лишить насъ торжества и отодвинуть назадъ. Сохрани насъ Боже отъ подобнаго несчастія; но оно можетъ случиться: излиш-

нее, несвоевременное увлеченіе и пренебреженіе къ врагу, сильному еще на крѣпкомъ основаніи могущества своего у горцевъ, можетъ имѣть большое влияніе на дальнѣйшіе успѣхи нашихъ предпріятій. Судите безпристрастно все, что высказалъ я выше, но будьте, ради Бога, снисходительны къ простотѣ слога стараго кавказскаго солдата, не посвященнаго въ тайну дипломатической мудрости. Побужденный необходимостью оправдать предполагаемую, какъ видно, во мнѣ нерѣшительность, я сказалъ въ письмѣ этомъ можетъ быть больше, чѣмъ бы слѣдовало; но какъ же поступить иначе, когда я вижу, что отъ меня требуется свыше моихъ силъ, а для обсуждения исполненнаго выбирается худшая сторона“.

„Приказывать легче, чѣмъ выполнять, ибо не всегда видны тѣ препятствія, какія долженъ преодолевать исполняющій; а если сей послѣдній лишенъ при этомъ и довѣренности, то затрудненія удесятятся, и дѣло отъ того не выиграетъ. Теперешнюю войну нельзя сравнивать съ войною на плоскостяхъ. Каждый нынѣшній шагъ, кромѣ рубки лѣса, требуетъ проложенія дорогъ, на что необходимо иногда болѣе средствъ и времени, чѣмъ на первое. Я совершенно добросовѣстно бралъ на себя дальнѣйшую работу по занятіи Аргунскаго ущелья; но вырубкою просѣвки на Ведень князю угодно было увеличить урокъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$ всего дѣла. Не знаю, хватитъ ли времени и силъ выполнить остальное, ибо надо же подумать и о людяхъ, трудящихся безъ отдыха, и о работахъ, предстоящихъ лѣтомъ“¹⁾.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ поспѣшилъ, съ свойственною ему деликатностью, успокоить стараго кавказца, очевидно, чѣмъ-то задѣтаго за живое. Въ письмѣ своемъ, отъ 22-го марта, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„...Признаюсь вамъ, сколько порадовало меня письмо, заключавшее это извѣстіе (о готовности шубутовскаго наиба изъяснить поворность), столько же удивило другое, отъ 14-го марта, въ коемъ ваше п—во сочли нужнымъ оправдывать свои дѣйствія противъ дѣлаемыхъ будто бы упрековъ въ нерѣшительности ихъ.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо Д. А. Милютину, отъ 14-го марта 1868 г.

Право, не понимаю, что могло подать повод къ подобнымъ съ вашей стороны объясненіямъ, особенно теперь, послѣ послѣднихъ вашихъ движеній, столь отважныхъ и счастливыхъ, что самъ Государь Императоръ, въ письмѣ къ главнокомандующему отзывался въ чрезвычайно лестныхъ для васъ выраженіяхъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ваше неудовольствіе могло быть вызвано одною фразою моего письма, написаннаго безъ малѣйшаго намека, въ совершенной простотѣ души. Согласитесь сами, что всякій знающій Аргунское ущелье и что значить занятіе такого пункта былъ въ правѣ выразить надежду, что теперь-то вы и „зададите непріятелю острастку.“ Развѣ въ этомъ заключается малѣйшій упрекъ вашимъ прежнимъ дѣйствіямъ? Сохрани Богъ, если подобная мысль западетъ въ ваше сердце, и я никакъ не ожидалъ, чтобы моимъ словамъ могло быть дано подобное истолкованіе. Еще менѣе можетъ придти кому нибудь въ мысль—упрекнуть васъ въ томъ, что вы не ищете кровопролитныхъ сраженій; напротивъ того, всѣ прославляютъ именно тѣ успѣхи, которые достаются безъ пожертвованій. Занятіе горы Дарга—есть безспорно отважный шагъ; всѣ, не исключая и самого Шамиля, убѣждены въ томъ, что вы стали теперь на открытой дорогѣ къ Веденю и, конечно, не покинете уже этой дороги, не дадите непріятелю укрѣпиться на ней и, образумившись, принять мѣры къ загражденію вамъ въ другой разъ этого труднаго доступа. Мнѣ кажется, что позиція, вами занятая, можетъ быть удержана оставленіемъ тутъ двухъ или трехъ баталіоновъ Куринскаго полка, въ томъ же видѣ, какъ занятъ Кишень, т. е. въ видѣ временнаго передоваго пункта, впредь до окончательнаго выбора мѣста для будущей штабъ-квартиры. Точно также и въ Шубутѣ,—въ предполагаемое вами укрѣпленіе можетъ быть выдвинуто баталіона 2 или 3 Навагинскаго полка, впредь до выбора въ томъ краѣ штабъ-квартиры для этого же полка. Тогда Малая Чечня отрѣзана будетъ окончательно отъ Шамиля и едва ли даже онъ можетъ удержаться по сю сторону Андійскаго хребта“.

„Всѣ эти соображенія я излагаю совершенно какъ мои личныя мысли; простите, если я не угадалъ вашихъ собственныхъ видовъ, и убѣдительно прошу васъ, Николай Ивановичъ, на будущее время не искать въ моихъ письмахъ никакихъ изворотливыхъ намековъ, а принимать мои слова за чистосердечное выра-

женіе моего горячаго соучастія въ вашихъ успѣхахъ, столь важныхъ для будущности края и для собственной вашей славы ¹⁾“.

Окончательныя работы на Аргунѣ и Даргинѣ-Дукѣ продолжались съ 21-го по 29-е марта; во время производства ихъ, непріятель попрежнему тревожилъ насъ мало, обыкновенно по ночамъ. Между тѣмъ, Н. И. Евдокимовъ уже соображалъ дальнѣйшія свои дѣйствія, главнымъ объектомъ которыхъ, согласно прежде составленному плану, являлась Малая Чечня ²⁾. Прежде, однако, чѣмъ выступить туда, онъ призналъ нужнымъ отодвинуть еще дальше отъ Аргунскаго укрѣпленія передовые пункты непріятеля и для сего уничтожить ближайшіе аулы, лежавшіе по теченію рѣчки Вашинь-Дара (впадающей въ Аргунѣ) и рѣки Чанты-Аргунѣ. Закончивъ это предпріятіе въ теченіи двухъ дней (29 и 31 марта), онъ, не теряя времени и не давая отдыха, ни себѣ самому, ни войскамъ, бросился въ Малую Чечню.

31-го марта выслана была на р. Энгеликъ передовая колонна (3 бат., 2 сотни, 4 орудія), подъ начальствомъ полковника Рихтера. На другой день двинулся туда же самъ начальникъ чеченскаго отряда, съ главными силами (10½ бат., 5 сотенъ конницы, 6 орудій). Въ Аргунскомъ укрѣпленіи оставленъ былъ 1 баталіонъ, а для предупрежденія всякихъ покушеній изъ ущелья Чанты-Аргуна расположено было на этой рѣкѣ 4½ бат. и 1 сотня съ 4-мя горными орудіями.

Въ послѣдніе пять дней положеніе Чеченскаго отряда было, по словамъ Н. И. Евдокимова, „самое крайнее“ ³⁾. Отъ сильной оттепели и проливныхъ дождей дорога, проложенная въ мягкомъ грунтѣ, испортилась до такой степени, что движеніе по ней не только обозовъ, но и самыхъ войскъ сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Вода въ обѣихъ Аргунахъ поднялась такъ высоко, что унесла во второй разъ временный мостъ на Чанты-Аргунѣ и сдѣлала прежніе броды опасными: только пѣхота могла пробраться по кладкамъ, наскоро накинутымъ на сваи, вбитыя для постояннаго моста. Въ довершеніе затрудненій, обвалъ съ горы, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Аргунскаго

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

²⁾ См. выше, записку отъ 3 февр., представленную имъ кн. Барятинскому.

³⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій Чеченскаго отряда, съ 21-го марта по 2-я апрѣля 1858 г. (Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,602 в).

ущелья, разрушилъ дорогу и сдѣлалъ проходъ тамъ повозокъ почти невозможнымъ. Неймовѣрныхъ усилій стоило войскамъ перевозить черезъ ущелье артиллерію; такія же задержки встрѣчала доставка припасовъ изъ Воздвиженскаго къ Дачу-Борзою. Огромнаго запаса энергіи, настойчивости и знанія дѣла требовалось и отъ начальника, и отъ его подчиненныхъ, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы съ природою, послѣ только что понесенныхъ почти двухъ-мѣсячныхъ тяжкихъ трудовъ, но Н. И. Евдокимовъ, всегда скупой на кровь своихъ солдатъ, не оказывалъ пощады тамъ, гдѣ это считалъ необходимымъ, ихъ физическимъ силамъ. Трудясь самъ почти безъ передышки, онъ заставлялъ и солдата работать до послѣдней крайности.

Важныя причины заставляли его торопиться движеніемъ въ нагорную часть Малой Чечни: 1) переноса главныя дѣйствія въ самыя нѣдра Кавказскихъ горъ, надо было разъ навсегда покончить съ мало-чеченскимъ населеніемъ, гнѣздившимся въ труднодоступныхъ ущельяхъ притоковъ Сунжи, на пространствѣ отъ Аргуна до р. Ассы, откуда такъ легко было непріятелю тревожить набѣгами наши линіи и волновать мирныя аулы, 2) упадокъ нравственныхъ силъ непріятеля, вслѣдствіе предшествовавшихъ успѣховъ нашихъ, подавалъ надежду, что это нѣкогда необузданное населеніе, при первомъ появленіи русскихъ войскъ, изъявитъ покорность и выселится на плоскость.

Чтобы приготовить почву для выполненія своего плана, Н. И. Евдокимовъ уже заранѣе, находясь еще въ Аргунскомъ ущельѣ, послалъ довѣренныхъ изъ туземцевъ въ нагорную полосу Малой Чечни, поручивъ имъ возвѣстить почетнѣйшимъ жителямъ тамошнихъ ауловъ, что на будущее время онъ не будетъ терпѣть въ этой странѣ присутствія непокорныхъ и что онъ предоставляетъ имъ на выборъ или поворотиться намъ добровольно и исполнить его требованія, или, оставивъ свои жилища и поля на разореніе, уходить далѣе въ горы, гдѣ въ скоромъ времени мы ихъ тоже неминуемо настигнемъ. Всѣхъ добровольныхъ выходцевъ Николай Пвановичъ обѣщалъ надѣлать землею на плоскости; тѣмъ же, которые будутъ упорствовать и не принесутъ немедленной покорности, приказалъ объявить, что впослѣдствіи покорность хотя и будетъ отъ нихъ принята, но что, при выходѣ изъ горъ, къ чему неминуемо принудать ихъ обстоятель-

ства въ весьма скоромъ времени,—они лишатся права какъ на получеиe земли, такъ и на всякое снисхожденiе начальства.

Вопросъ о переселенiи, какъ видимъ, былъ поставленъ ребромъ, и чеченцы знали, что „Учгезъ“ не такой человекъ, чтобы угрозы и обещанiя стали пускать на вѣтеръ. То и другое подействовало на нихъ магическимъ образомъ. 1-го апрѣля, едва лишь прибылъ нашъ главный отрядъ на р. Энгеликъ, какъ отъ гойтинскаго общества, обитавшаго между этою рѣкою и р. Мартаномъ, явились депутаты съ изъясненiемъ покорности и просьбою прикрыть ихъ переселенiе отъ враждебныхъ скопищъ, появившихся между истоками Гойты и Энгелика. Н. И. Евдокимовъ обласкалъ депутатовъ и хотя помянутыя скопища состояли въ распоряженiи наиба Батока, съ которымъ уже были завязаны сношенiя, однако, не довѣряясь вѣроломному татарину, онъ разставилъ войска свои такъ, чтобы куда ни сунулся противникъ, вездѣ встрѣтилъ должный отпоръ ¹⁾). Попытки прорваться сквозь цѣпь нашихъ отрядовъ и напасть на переселенцевъ точно предпринимались, но неприятель дѣйствовалъ при этомъ весьма нерѣшительно и при первыхъ съ нашей стороны выстрѣлахъ обращался въ бѣгство. Благодаря столь удачному стеченiю обстоятельствъ, переселенцы успѣли въ теченiи трехъ дней вывезти все свое имущество изъ прежнихъ ауловъ, которые вслѣдъ за тѣмъ предавались пламени.

Примѣру гойтинцевъ немедленно послѣдовали и сосѣди ихъ, гехинцы. На пространствѣ отъ р. Гойты до р. Теньги повторилось то-же, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, происходило въ верховьяхъ Гойты и Энгелика. Не смотря на крайне дурное состоянiе дорогъ, къ 15-му апрѣля переселенiе было вполне закончено. Всего вышло на плоскость болѣе 2,500 семей; ауловъ сожжено 96. Уронъ нашъ, при стычкахъ съ шайками Батока, ограничивался 2-мя убитыми и 9-ю ранеными нижн. чинами.

Итакъ, расчеты и ожиданiя Н. И. Евдокимова и на этотъ разъ тоже вполне оправдались.

¹⁾ Батока, очевидно, поколебался въ своихъ прежнихъ намѣренiяхъ, если только они были искренни, потому что, какъ увидимъ ниже, продолжалъ дѣйствовать противъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не добрались до самой его резиденци.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ такимъ почти безкровнымъ успѣхомъ и на донесеніи начальника Чеченскаго отряда ¹⁾) собственноручно начерталъ: „Весьма утѣшительный результатъ, за что объявить мое благоволеніе въ приказѣ ген. Евдокимову и всѣмъ начальникамъ; нижнимъ чинамъ по $\frac{1}{4}$ р. сер.“.

Не менѣе доволенъ, конечно, былъ и кн. Барятинскій: еще на одинъ и весьма крупный шагъ подвинулись мы въ дѣлѣ покоренія восточнаго Кавказа.

„Вы не перестаете радовать меня блестящими успѣхами вашими, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ,—писалъ онъ Евдокимову. Спѣшу благодарить васъ отъ всей души. Дѣйствіями и совѣтами вы мощно помогаете мнѣ къ низверженію власти Шамиля. Посылаю вамъ 28 крестовъ, дабы украсить достойныя войска ваши и тѣмъ изъяснить сколько я цѣню ихъ труды и мужество. Я рассчитываю, что недѣли двѣ, не болѣе, вамъ предстоитъ еще быть въ тревогѣ отъ покушеній Шамиля; затѣмъ настанутъ полевныя работы, которыя отнимутъ у него средства къ большимъ сборамъ.... Обнимаю васъ дружески и благодарю еще разъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили“ ²⁾).

Одновременно съ симъ, новое изъясненіе полного довѣрія главнокомандующаго къ Н. И. Евдокимову выразилось въ письмѣ къ послѣднему отъ начальника штаба.

„Его сіятельство,—пишетъ онъ,—изволилъ поручить мнѣ сообщить вашему п—ву, что не только во время предстоящаго вамъ въ нынѣшнее лѣто движенія въ горы, но и во всѣхъ вообще случаяхъ дѣйствія и распоряженія ваши отнюдь не должны быть стѣснены несвоевременнымъ испрашиваніемъ разрѣшеній. Князь Александръ Ивановичъ имѣетъ столько довѣрія къ вашей опытности и благоразумной твердости, что вполне предоставляетъ вамъ принимать на мѣстѣ, по собственному усмотрѣнію вашему, всѣ мѣры, какія по ходу военныхъ дѣйствій признаете вы полезными и нетерпящими отлагательства“.... ³⁾).

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. II, № 6,602 в.

²⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 96. Письмо кн. Барятинскаго, отъ 25-го апрѣля 1858 г.

³⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 50. Письмо А. Д. Милютна отъ 25-го апрѣля 1858 г., № 76.

Къ сожалѣнiю, выраженная кн. Барятинскимъ (въ вышеприведенномъ письмѣ) надежда, что Шамиль, въ теченiи предстоящихъ весны и лѣта, будетъ обреченъ на невольное бездѣйствiе, далеко не оправдалась. Не смотря на одержанные нами въ послѣднее время необычайные успѣхи, престарѣлый имамъ не терялся, не падалъ духомъ, рѣшилъ бороться до конца и, пустивъ въ дѣло всѣ находившiяся еще въ его распоряженiи средства, натворилъ Н. И. Евдокимову множество хлопотъ и безпокойствъ, отчасти съ такой стороны, съ которой тотъ менѣе всего ихъ ожидалъ.

И. О.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Приложенiя къ гл. IV.

Письмо Н. И. Евдокимова начальнику главн. штаба Кавказской армiи, отъ 15-го марта 1858 г.

1.

«Наибъ шубутовскiй, Батока, имѣеть расположенiе къ принатию покорности съ дѣлмъ обществомъ, на условiи, что его оставятъ наибомъ и обезпечать содержанiемъ. Вчера являлся ко мнѣ его довѣренный, а надняхъ мы повидаемся лично.

Я съ своей стороны полагаю весьма полезнымъ воспользоваться подобнымъ предложенiемъ, ибо примѣръ наба въ одномъ обществѣ можетъ найти послѣдователей въ другихъ, и это облегчитъ и ускоритъ паденiе горцевъ.

Въ Шубутѣ необходимо построить крѣпость, сдѣлать переправу черезъ Аргунь и обезпечить ее башнею. Это также входитъ въ предложенiе Батока. Эту самую мысль имѣю я въ виду при выполненiи экспедицiи къ Шубуту, и какъ при этомъ самые пункты укрѣпленiя и переправы посланный Батока указалъ тѣ, которые замѣчены у меня нзъ разспросовъ, то и остается вѣрить въ истину намѣренной сказаннаго наба.

Покорнѣйше прошу ваше п—во доложить сказанное выше обстоятельство его с—ву г. главнокомандующему и исходатайствовать у него наставленiя: какъ поступить въ настоящемъ случаѣ и какъ дѣйствовать въ подобныхъ будущихъ.

Наибъ Батока знаетъ, что старшiй надъ нимъ будетъ русскiй начальникъ и, для обезпеченiя довѣренности къ себѣ, готовитъ отдать къ намъ аманатомъ собственнаго сына. Отвѣта буду ожидать съ нарочнымъ»...

2.

Въ отвѣтѣ отъ 22-го марта на вышеприведенное письмо начальникъ штаба Д. А. Малютинъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Сообщаемое вами извѣстіе о желаніи шубутовскаго намба покориться мнѣ съ цѣлымъ обществомъ—есть одна изъ самыхъ пріятныхъ новостей, какую только можно было ожидать послѣ счастливаго занятія Аргунскаго ущелья. Князь Александръ Ивановичъ былъ чрезвычайно обрѣдованъ этимъ результатомъ вашей блестящей кампаніи, и вмѣстѣ съ симъ, въ особомъ письмѣ, я сообщаю вашему п—ву разрѣшеніе главнокомандующаго по этому предмету. Заранѣе поздравляю васъ, Н. И., съ этимъ новымъ успѣхомъ»...

3.

Въ тотъ же день Д. А. Милютинъ, особымъ официальнымъ письмомъ (за № 62) сообщаетъ Н. И. Евдокимову слѣдующее:

«Въ письмѣ отъ 15-го сего марта ваше п—во изволяетъ сообщать мнѣ извѣстіе о желаніи шубутовскаго намба Батока покориться съ цѣлымъ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы: 1) онъ былъ оставленъ наибоиъ означеннаго общества, 2) чтобы ему было назначено содержаніе и 3) чтобы при его содѣйствіи была возведена въ самомъ Шубутѣ крѣпость съ обезпеченнымъ мостомъ на Аргунѣ

Главнокомандующій, узнавъ о столь важномъ оборотѣ дѣла по вѣренномъ вамъ краѣ и приписывая это рѣшительнымъ и успѣшнымъ вашимъ дѣйствіямъ въ Аргунскомъ ущельи,—поручитъ мнѣ изволикъ сообщить вашему п—ву, что его с—во совершенно одобряетъ ваши предположенія, и не только разрѣшаетъ вамъ принять покорность шубутовскаго намба на вѣшеозначенныхъ условіяхъ, но даже проситъ васъ непремѣнно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы положить прочное начало покорности нагорной Чечни. Построеніе крѣпости на Аргунѣ есть необходимое условіе покоренія Шубута. Относительно же содержанія намбу Батока ваше п—во сами можете лучше сообразить, въ какомъ размѣрѣ оно должно быть назначено, такъ, чтобы, не обременяя казны слишкомъ большою издержкою, если-бъ и другіе наобы послѣдовали примѣру шубутовскаго,—можно было бы, однако жъ, надѣяться, что Батока будетъ вполнѣ доволенъ назначеннымъ ему содержаніемъ. Этимъ средствомъ онъ будетъ привязанъ къ нашей службѣ сильнѣе, чѣмъ крѣпостію и аманатами.

Всѣ прочія подробности принимаемой покорности г. главнокомандующій предоставляетъ на собственное ваше обсужденіе и о послѣдующей развязкѣ этого важнаго дѣла будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать вашего донесенія».

4.

Письмо это застало Н. И. Евдокимова уже въ Малой Чечнѣ, въ лагерѣ на р. Эвгеликѣ, откуда онъ, 4-го апрѣля, отвѣчалъ генер. Милютину:

«На отзывъ вашъ отъ 22-го марта спѣшу увѣдомить васъ п—во, что сношенія мои съ набомъ Батока только въ началѣ, и развязка ихъ не можетъ быть такъ скоро, чтобы я могъ увѣдомить теперь же. Развязка этой прѣжде и ожидать нельзя, какъ по вступленіи войскъ нашихъ въ Шубугъ, а до того времени сношенія мои съ Батокою должны оставаться тайною.

Найдя въ вышеупомянутомъ отзывѣ вашего п—ва тѣ указанія г. главнокомандующаго, которыя были необходимы мнѣ для руководства въ столь важномъ дѣлѣ, я теперь только могу приняться за него съ необходимою увѣренностію. Плоды этого начала спѣшу представить его с—ву въ свое время» (Арх. гр. Евдокимова, № 50).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLII ¹⁾.

На могилѣ друга.

[посвящено іерею михаилу].

Я посѣтилъ твою могилу,
 Твой юный прахъ благословилъ,
 И вспомнилъ: нѣкогда тапла
 Твоя душа въ пылѣхъ силъ
 Зерно высшихъ помышлений,
 И полный сильныхъ убѣжденій
 Его ты въ колосъ возрастилъ.
 Но бурей вдругъ перенесенный
 Въ страну безплодную степей
 Какъ злакъ на почвѣ раскаленной
 Стареетъ—такъ въ огнѣ скорбей,
 Такъ въ пламени негодованья
 Сгорѣлъ п ты въ твоимъ изгнаньи
 Межъ чуждыхъ для тебя людей.

И вотъ, когда служитель Бога
 Среди разбросанныхъ могилъ
 Къ твоей мнѣ указалъ дорогу—
 Твой прахъ слезой я оросилъ
 И далъ въ твое воспоминанье
 Меня приведшему лобзанье:
 Какъ я, и онъ тебя любилъ...
 И вѣрилъ въ это я мгновенье,
 Что ты насъ свыше увидалъ,
 И неземное утѣшенье
 Въ любви друзей твоихъ узналъ.
 А мы домой пошли угрюмо
 И каждый молча грустной думой
 Твой ликъ забытый воскрешалъ.

Твой черный крестъ символъ страданья,
 И примиренія символъ,
 На вѣкъ въ моемъ воспоминаньи
 Черту глубокую провелъ.
 Теперь уже изъ вѣдръ могилы
 Тебя спасительною силой
 Къ духовной жизни онъ возвелъ.

Н. П. Огаревъ.

Саратовъ. Августъ 1839 г.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1838 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; чад. 1889 г., т. LXI, стр. 335, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ

въ 1870—1882 гг. ¹⁾.

Скобелевъ былъ годомъ моложе меня. Онъ перешелъ на службу въ Туркестанъ въ бытность мою тамъ, но когда именно—не помню. Много слышавши объ его извѣстномъ дѣдѣ, я ничего не зналъ ни объ его отцѣ, ни о немъ самомъ, пока не страхась надъ нимъ исторія, надѣлавшая въ свое время не мало шума въ Туркестанскомъ краѣ. Какъ теперь помню мое первое знакомство съ Скобелевымъ, въ 1870 году, въ единственномъ ресторанѣ города Ташкента. Нѣкто Жираре, очень милый французъ, учившій дѣтей тогдашняго генералъ-губернатора Кауфмана, подвелъ ко мнѣ юнаго, стройнаго гусарскаго штабъ-ротмистра.

— Позвольте вамъ представить моего бывшаго воспитанника Скобелева.

Я пожалъ руку офицерика, почтительно поклонившагося и въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ рассыпавшагося въ чувствахъ уваженія и проч.

Фигура юнаго Скобелева была такъ привлекательна, что нельзя было отнестись къ нему безъ симпатіи, не смотря на то, что исторія, висѣвшая въ это время на его шеѣ, была самага некрасиваго свойства. Дѣло въ томъ, что, возвратившись изъ рекогносцировки по бухарской границѣ, онъ донесъ о множествѣ разбитыхъ, преслѣдованныхъ и побитыхъ бухарскихъ разбойниковъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, какъ оказалось, и которые были имъ просто сочинены для реляціи.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LX, ноябрь, стр. 445—463, и декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., томъ LXI, мартъ, стр. 587—630.

Дѣло разыгралось бы, пожалуй, «въ ничью», какъ множество подобныхъ дутыхъ донесеній, если бы не замѣшалась личная месть. Скобелевъ въ запальчивости ударилъ одного изъ бывшихъ съ нимъ уральскихъ казаковъ и хотя послѣ представилъ его въ урядники, но уралецъ-«дворянинъ», какъ они себя величаютъ, на этомъ не помирился, а сталъ громко говорить, что «офицеръ сочинилъ, отъ начала до конца, всю исторію о разбойникахъ, вовсе и не видѣнныхъ ими».

Вышелъ великій скандалъ, не только для высшихъ, но и для нашихъ слоевъ общества офицеровъ; выразителемъ первыхъ явился генералъ-губернаторъ, вторыхъ—двое офицеровъ изъ золотой молодежи Ташкента: кирасиръ Г., сынъ извѣстнаго генерала Г. (кончившаго жизнь въ Варшавѣ всѣмъ извѣстною трагическою смертью), и П., адъютантъ генералъ-губернатора — оба вызвали Скобелева на дуэль.

Я готовился въ это время ѣхать въ Коканъ и, живя временно въ гостиницѣ, видѣлъ всѣ совѣщанія и приготовления къ поединкамъ, разумеется, не имѣя права вмѣшиваться въ нихъ; мнѣ жаль было юношу, увлекшагося въ погонѣ за отличіемъ до такой некрасивой продѣлки, и я говорилъ П.:

— Да перестаньте вы конспирировать, пощадите малаго-то!

П. рассказывалъ послѣ, что Скобелевъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ во время дуэли, такъ что по окончаніи ея они пожали другъ другу руки. Г. получилъ рану, кажется бывшую впоследствии причиною смерти этого милаго, симпатичнаго юноши. Привуждены были, какъ говорю, отозваться на этотъ шумъ и сверху: генералъ-губернаторъ, онъ же и командующій войсками Туркестанскаго края, экстренно созвалъ офицеровъ въ большой залъ своего дома и сурово, жестко распекъ Скобелева.

Затѣмъ Скобелевъ долженъ былъ оставить Туркестанъ, гдѣ его положеніе сдѣлалось со всѣхъ сторонъ невыносимо. Передъ отъѣздомъ онъ былъ до того жалокъ, что, признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему:

— Да плюньте вы, все перемелется...

Десять лѣтъ спустя этотъ осрамленный, ошельмованный штабъ-ротмистръ былъ генераломъ отъ инфантерій, командиромъ небольшой, отдѣльно опервровавшей, арміи, и необходимо сейчасъ же добавить, что отличія свои взялъ не по протекціи, а съ бою, грудью; только одинъ разъ, не утерпѣвши, сдѣлалъ опять промахъ, не такой, правда, большой, какъ въ 1870 году, но, однако, и не малый: онъ повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы съ одной стороны въ то самое время, какъ съ другой—городская депутація выходила съ хлѣбомъ-

солью, для выраженія командующему войсками полной и безусловной покорности.

Генераль Кауфманъ рассказывалъ мнѣ, что, зная уже о сдачѣ города и готовясь вѣхать въ него, онъ былъ пораженъ и возмущенъ, услышавъ ружейные залпы и крики «ура», словомъ, настоящій штурмъ, затѣянный Скобелевымъ и Шъ.

* *
* *

Справедливо сказать, что въ этомъ же самомъ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ, дѣйствительно, отличился, выдвинулся изъ ряда товарищей дерзкой-молодецкимъ поступкомъ. Какъ ни посмѣивались потомъ П. и другіе надъ тѣмъ, что Скобелевъ все таки не докончилъ, не довелъ до конца предпринятаго, я считаю, что онъ выкинулъ такую ляхую штуку, за которую Георгіевскій крестъ былъ только справедливою наградою. Не вѣрю, чтобы, какъ утверждали досужіе люди, онъ хлопоталъ только объ этомъ крестѣ, который ему не давалъ покоя и статутъ котораго, по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ наизусть еще съ юныхъ лѣтъ. Скобелевъ былъ всегда лихой офицеръ и я вѣрю, что въ поступкѣ его было не мало «искусства для искусства».

Вотъ что онъ сдѣлалъ: изъ трехъ отрядовъ, посланныхъ на Хиву, одинъ кавказскій, подъ начальствомъ полковника Маркова, не дошелъ до мѣста назначенія; слишкомъ торопясь прійти раньше другихъ, они измучили лошадей и заморили вьючныхъ животныхъ, такъ что въ концѣ концовъ должны были, во избѣжаніе гибели въ степи, воротиться, не дойдя до Хивы 70 верстъ. Это пространство въ 70 верстъ осталось, такимъ образомъ, не разслѣдованнымъ, а для пополненія пробѣла въ свѣдѣніяхъ имѣлось въ виду снарядить небольшой отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Скобелевъ вызвался сдѣлать одинъ эту поѣздку, также какъ и глазомѣрную съемку не пройденнаго пути.

Генераль Кауфманъ согласился.

Переодѣвшись въ туркменское платье, Скобелевъ поѣхалъ съ двумя джигитами и, дѣйствительно, изслѣдовалъ путь и набросилъ разспросную карту, не дойдя лишь 15—17 верстъ до тѣхъ колодець, отъ которыхъ кавказцы повернули назадъ и у которыхъ въ это время, по свѣдѣніямъ, былъ расположенъ сильный туркменскій отрядъ въ 15,000 человекъ.

— Неужели вы никого не встрѣтили на пути, кто бы призналъ въ васъ русскаго? спрашивалъ я Скобелева.

— Конечно, встрѣчался народъ, но я всегда высылалъ впередъ моихъ джигитовъ; они заводили разговоры о томъ, о семъ, главнымъ образомъ, разумѣется, объ урусахъ, рассказывали при нуждѣ и не-

былицы, чѣмъ отвлекали ихъ вниманіе, а я тѣмъ временемъ про- скальзывалъ стороною впередъ...

За эту рекогносцировку Скобелевъ прямо по статуту получилъ давно желанный имъ Георгіевскій крестъ. Генералъ Кауфманъ раз- сказывалъ мнѣ въ 1874 году въ Петербургѣ, что, поздравляя Скобе- лева съ крестомъ, онъ прибавилъ:

— Вы исправили въ моихъ глазахъ ваши прежнія ошибки, но уваженія моего еще не заслужили.

Жестко!

* *

Это уваженіе почтеннаго Константина Петровича Кауфмана Скобе- левъ заслужилъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ же Коканскомъ по- ходѣ, во время котораго онъ окончательно выдвинулся какъ боевой офи- церъ, отлично приготовленный, разумный, храбрый и предприимчивый.

Будучи въ Коканѣ во время вспыхнувшего тамъ мятежа противъ хана, онъ, начальствуя конвоемъ русской миссіи, отступилъ отъ гор. Кокана къ русской границѣ, охраняя и русскихъ чиновниковъ, и самого хана со свитою, не потерявъ ни одного человѣка. Одной не- ловкости, одного выстрѣла со стороны горсти отступавшихъ было достаточно, чтобы вызвать рѣзню; Скобелевъ понималъ, что десятки тысячъ наступавшихъ со всѣхъ сторонъ узбековъ, конечно, разда- вили бы его ничтожную силу, если бы дѣло дошло до кровопролитія, почему предпочелъ дѣйствовать на непріятеля страхомъ, импониро- вать дисциплиною, и совершилъ отступленіе съ полнымъ успѣхомъ.

Конечно, не трусость, какъ нѣкоторые говорили, и не недоста- токъ охоты подраться побудили его къ этому миролюбію — открыв- шаяся затѣмъ кампанія противъ возставшаго Кокана служить тому лучшимъ доказательствомъ.

Скобелевъ, занимая въ этомъ походѣ должность начальника кавалеріи, поспѣвалъ всюду и рубилъ, рубилъ, рубилъ съ азартомъ, съ упоеніемъ, рубилъ безъ усталы, безъ конца...

Въ битвѣ подъ Махрамомъ онъ сдѣлалъ такое кровоупусканіе коканцамъ, что К. П. Кауфманъ, любившій иногда щеголять сло- вами, выразился въ донесеніи государю: «Дѣло сдѣлано чисто!»

Во время этой кампаніи Скобелевъ повторилъ маневръ, просла- вившій многихъ кавалеристовъ, включая израильянина Гедеона и великаго могола Индіи Акбара: извѣстясь о томъ, что по близости расположилось большое скопище коканской конницы, рассчитывавшей ударить на насъ врасплохъ, онъ съ отборною сотнею оренбург- скихъ казаковъ, подъ начальствомъ лихаго молодца Машина, под- крадся ночью къ непріятельскому стану, и безъ факеловъ и крик-

«мечъ Бога и Кауфмана!», съ однимъ «ура», такъ налетѣлъ на крѣпко спавшихъ непріятелей, что они въ паникѣ, давя и убивая другъ друга, разбѣжались во все стороны, не проявивши ни малѣйшаго сопротивленія.

По словамъ Скобелева, на другой день было собрано на полѣ битвы 2,000 чалмъ. Даже если и 1,000 чалмъ только, то дѣло сдѣлано было недурно, т. е. опять таки «чисто».

Мнѣ нравится въ разсказѣ Скобелева ¹⁾ объ этой лихой атакѣ черта искренности: онъ откровенно сознавался, что въ темнотѣ потерялъ Машину изъ виду и только слышалъ шумъ пронесшейся сотни, какъ бы шумъ вихря, такъ что попалъ на поле битвы уже когда все дрогнуло и побѣжало. Это сознаніе было, очевидно, слѣдствіемъ той относительной честности военной, которую М. Д. сталъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе усвоивать. Конечно, и подъ Геокъ-Тепе цифры силъ и потерь непріятеля не свободны еще отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, но уже переходъ къ нимъ отъ бухарскихъ разбойниковъ разительнъ: да къ тому же, надо сказать, что военные всехъ народовъ и временъ прибавляли, прибавляютъ и будутъ прибавлять, т. е. подвирали, подвираютъ и будутъ подвирать. По словуца «сухая ложка ротъ дереть» и офицеры, и солдаты любятъ начальника, который прикрашиваетъ реляціи, потому что тогда выходитъ больше наградъ и отличій и, въ концѣ концовъ, врядъ ли кто изъ военныхъ будетъ въ правѣ въ этомъ отношеніи бросить камень въ Скобелева послѣднихъ годовъ, т. е. Скобелева, строгимъ присмотромъ за собою значительно исправившагося.

Не мѣшаетъ сказать, что К. П. Кауфманъ былъ послѣ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со Скобелевымъ и письма покойнаго начальника Туркестанскаго края, полученныя Михаиломъ Дмитриевичемъ во время турецкой кампаніи—нѣкоторыя мнѣ доводилось читать—дышали все искреннимъ расположеніемъ и дружною.

Мимоходомъ сказать, одно изъ этихъ писемъ, написанное до начала нашихъ плевненскихъ неудачъ, было чисто пророческимъ: Кауфманъ находилъ лживую нашихъ силъ слишкомъ растянутою, не довольно сильною и высказывалъ опасеніе за необезпеченность фланговъ....

* *

На поле русско-турецкой войны Скобелевъ явился генераль-маіоромъ, уже съ Георгіемъ на шеѣ, и хотя въ началѣ надъ туркестан-

¹⁾ Разсказывалъ онъ мнѣ, Струкову, Лыжкову и Васильчикову, во время послѣдней турецкой кампаніи, когда мы стояли въ городѣ Чару. В. В.

скою его славою смѣялись, говорили, что онъ еще долженъ заслужить эти кресты, что, пожалуй, и роту солдатъ опасно довѣрить этому мальчишкѣ — онъ взялъ таки свое и кончилъ войну съ репутаціею перваго боеваго офицера, храбраго изъ храбрыхъ, народнаго героя-воина!

Помню, какъ неловко было положеніе его до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и нѣкоторое время послѣ того. Какъ мучился онъ тѣмъ, что оставилъ Туркестанъ, снова хотѣлъ проситься туда. Сколько разъ слушалъ я его горькія жалобы, утѣшалъ и обнадеживалъ, совѣтовалъ подождать. «Буду ждать, Вас. Вас., я ждать умѣю», отвѣчалъ Скобелевъ.

Посланный, въ явную немилость, начальникомъ штаба къ своему отцу, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему казачьему дивизію, онъ спустилъ всю работу очень разумному офицеру капитану генеральнаго штаба Сахарову, а самъ проводилъ большую часть времени или въ составленіи разныхъ проектовъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ не мало надѣдалъ многимъ, или пребывалъ въ Бухарестѣ, гдѣ веселился потопику, поколику позволяли ему скудные средства, доставляемыя разсчетливымъ отцомъ, и на деньги, перехватываемыя направо и налево съ отдачею и безъ отдачи.

И то сказать, генераль-маіору, бывшему начальникомъ огромной области и командовавшему войсками въ ней, командировать надъ штабомъ дивизіи далеко не привлекательно.

Отъ бездѣйствія Скобелевъ выкинулъ было опять штуку, которая могла стоять многихъ сотенъ жизни, если бы не здравый смыслъ казачьихъ командировъ. Онъ сталъ увѣрять своего отца въ возможности переправить казачьи полки черезъ Дунай вплавъ. Положимъ, дѣлъ была резонная: кавалерія на той сторонѣ была крайне нужна, но вѣдь рѣка-то была въ разливі, около трехъ верстъ въ ширину!

Осторожный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ — «паша», какъ его называли у насъ — собралъ на совѣтъ полковыхъ командировъ, прося высказаться по этому вопросу. Пріятель мой Кухаренко, командиръ Кубанскаго полка, первый объявилъ со своимъ обычнымъ заиканіемъ: «не-е-е-возмо-о-ожно! всѣ-ѣ перето-о-о-немъ!»

Бравый Левисъ, командиръ владикавказцевъ, сказалъ, что «попробовать можно», но вѣроятно большая часть людей перетонетъ». Въ томъ же смыслѣ высказались Орловъ и Панкратьевъ.

Тогда Михаилъ Скобелевъ вызвалъ охотниковъ — явилось нѣсколько офицеровъ и казаковъ. Всѣ воротились или только окунувшись въ глубь, или проплывши около $\frac{1}{2}$ версты до настоящаго дѣваго берега Дуная, начавшаго показываться изъ воды и образовывавшаго въ это время длинный островокъ.

Михаилъ Дмитріевичъ одинъ поплылъ далѣе, хорошо понимая, что кому другому, а ему повернуть назадъ немислимо — засмѣютъ.

Отецъ его все время стоялъ на берегу и, пока голосъ его могъ быть слышенъ, кричалъ: «Воротись, Миша, утонешь! Миша, воротись!» Но тотъ не послушалъ, не вернулся и почти доплылъ до противоположнаго берега, недалеко отъ котораго его, уже совсѣмъ измучившагося, приняла лодка; лошадь же, освободившись отъ всадника, сначала державшагося за гриву, а потомъ за хвостъ, благополучно добралась, хотя лошадь эта была не изъ особенно замѣчательныхъ, ни по силѣ, ни по красотѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что казаки на своихъ тяжелыхъ пузатыхъ лошадекахъ не отдѣлались бы такъ благополучно и по всей вѣроятности, какъ говорилъ Кухаренко: «пер-е-етону-ули-бы»!

Для Скобелева лично этотъ опытъ переправы былъ не первый — онъ дѣлалъ его, хотя и не въ такомъ крупномъ, рискованномъ видѣ и прежде и послѣ.

Какъ я слышалъ, незадолго передъ смертью, управляя маневрами своего корпуса, онъ приказалъ одному кавалерійскому полку переправиться черезъ рѣку.

— Люди замылись, полковой командиръ позволилъ себѣ выразить боязнь — не перетонули бы! Тогда Скобелевъ взялъ изъ строя первую попавшуюся лошадь, сѣлъ на нее и, какъ та ни бросалась, ни фыркала, заставляя переплыть на тотъ берегъ и назадъ.

— «Вы видите, братцы, какъ это дѣлается, сказалъ онъ людямъ, — теперь сдѣлайте то-же самое». Полкъ переплылъ туда, переплылъ обратно и не потерялъ ни людей, ни лошадей. Правда, что рѣка была не въ три версты шириною.

* *

Передъ переправою за Дунай Скобелевъ-отецъ лишень былъ командованія дивизіею, такъ что сынъ остался рѣшительно не при чемъ, между небомъ и землею. Во время переправы онъ, на свой страхъ, пристроился къ генералу Драгомирову, какъ ординарецъ, и тутъ буквально поразилъ всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и безстрашіемъ; гуляя въ огнѣ какъ на бульварѣ, разнося приказанія, присматривая за ходомъ битвы, ободряя молодыхъ сфицеровъ и солдатъ, онъ велъ себя по истинѣ блистательно, какъ вполнѣ опытный боевой офицеръ, и это по отзыву самого генерала Драгомирова, репутація котораго у насъ была и есть очень высока.

Какой же вагоняй былъ потомъ Скобелеву, отъ высшаго начальства, за то, что онъ суется туда, «куда его не спрашиваютъ».

Потомъ ему приказано было сдѣлать рекогносцировку въ сторону

Рущука, но такъ какъ не дали въ его распоряженіе никакихъ силъ, то онъ уклонился отъ доли простаго «согладатая обѣтованной земли» и за это обрушилъ на себя цѣлую бурю гнѣва.

Во время второй атаки на Плевну Скобелеву рѣшились довѣрить кромѣ казаковъ еще одинъ баталіонъ пѣхоты—съ этимъ однимъ баталіономъ онъ положительно спасъ наши отбитыя, разбитыя войска и князь Шаховской оффиціально донесъ, что корпусъ его отошелъ сравнительно благополучно, только благодаря своевременной, энергической диверсіи, произведенной Скобелевымъ.

Съ горстью людей онъ дошелъ до самой Плевны и крѣпко нажалъ на турокъ, никакъ не полагавшихъ, что они имѣютъ дѣло лишь съ нѣсколькими сотнями людей, ни кѣмъ не поддерживаемыхъ.

Отвлечши на себя вниманіе непріятели, онъ, конечно, отступилъ, когда разстроенные полки корпуса Шаховскаго отошли.

Здѣсь кстаті привести рыцарскую черту характера Скобелева: онъ призвалъ покойнаго брата моего Сергѣя, которому обыкновенно довѣрялъ самыя опасныя порученія, и сказалъ: «довѣряю вамъ убрать всѣхъ раненыхъ; я не отступлю, пока не получу отъ васъ извѣщенія, что всѣ подобраны». Уже поздно было, когда братъ мой съ одной стороны и сотникъ Ш... съ другой явились къ Скобелеву и донесли что: «ни одного раненаго не осталось на полѣ битвы».

— «Я вамъ вѣрю», отвѣтил Скобелевъ, и только тогда приказалъ отступать.

Братъ мой, убитый потомъ 30-го августа 1877 г., состоялъ при М. Д. волонтеромъ; онъ былъ съ нимъ все время этой дерзкой атаки и Скобелевъ рассказывалъ, что когда подъ нимъ убили лошадь, юный художникъ соскочилъ съ сѣдла и расшаркнулся: «ваше превосходительство, не угодно-ли взять мою?»

— «Смотрю, говоритъ Скобелевъ—дрянная гнѣдая с....ва!—Не хочу, вѣтъ-ли бѣлой?»

Однако, пули и гранаты сыпались въ такомъ количествѣ, а турки нацпмили такъ сильно, что пришлось-таки сѣсть и на гнѣдую с.....ву, которая, въ концѣ концовъ, вынесла изъ огня не хуже бѣлой.

* * *

Битва подъ Ловчею была первою, въ которой Михайлъ Скобелевъ, 34-хъ лѣтній генералъ, самостоятельно распоряжался отрядомъ въ 20,000 человекъ. Онъ былъ подъ началомъ генерала князя Имеретинскаго, хорошаго, благоразумнаго генерала, не стѣснявшаго Скобелева въ его распоряженіяхъ.

Когда форты, которые, пожалуй, никто другой изъ русскихъ генераловъ не осмиллъ бы, были таки взяты, послѣ самаго крово-

прелитнаго боя, князь Имеретинскій въ своемъ донесеніи главно командующему назвалъ Скобелева «героємъ дня».

Справедливо прибавить, что у М. Д. былъ въ свою очередь неоцѣненный помощникъ въ лицѣ умницы офицера, капитана Куропаткина.

Для меня лично — можетъ быть я и ошибаюсь — нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Скобелевъ взялъ бы Плевну 30-го августа. Но что было дѣлать! Когда съ ничтожными сравнительно силами онъ занялъ, послѣ трехдневной битвы, турецкій редутъ, буквально висѣвшій надъ городомъ и орудія котораго до того беспокоили Плевну, что Османъ-паша рѣшилъ отступить, если не удастся отобрать его, когда онъ умолялъ о посылкѣ подкрѣпленій—ему не дали ихъ, а прислали лишь небольшую поддержку. Разумѣется, Османъ-паша, никѣмъ не безпокоемый съ другихъ сторонъ, съ огромными силами напалъ на бѣднаго «бѣлаго» генерала, въ продолженіе многихъ дней безъ усталости побѣдоносно водившаго солдатъ на штурмы, разбилъ, выбилъ и прогналъ его даже за старыя позиціи....

Офицеры генеральнаго штаба говорили, что Скобелевъ занялъ не тотъ редутъ, который слѣдовало, что его во всякомъ случаѣ выжали бы оттуда огнемъ съ сосѣдняго болѣе возвышеннаго и болѣе свѣзнаго укрѣпленія, но я не вижу бѣды въ томъ, что Скобелевъ схватилъ покаместъ меньшій редутъ, — во-время подкрѣпленный, онъ взялъ бы и сосѣдній.

По печальной для меня необходимости я проѣзжалъ 31-го августа мѣстами расположенія нашихъ войскъ.

31-го, т. е. на другой день третьей атаки плевненскихъ редутовъ, узнавъ отъ адъютанта главнокомандующаго Дерфельдена, воротившагося съ лѣваго фланга, что одинъ братъ мой раненъ, другой убитъ, самъ еще безногий—я бросился въ отрядъ Скобелева, чтобы привезти перваго и отыскать, коли возможно, тѣло втораго.

Проѣзжая мимо всѣхъ нашихъ позицій, я видѣлъ массу войска, ружья въ козлы, прислушивавшагося къ трескотнѣ на лѣвомъ флангѣ.....

Не часто случалось мнѣ слушать такую непрерывную дробь выстрѣловъ, приправленныхъ отчаянными воплями: ура, ура!.. Алла! Алла! Алла!..

Пріѣхавъ на Зеленныя горы, я нашелъ князя Имеретинскаго съ Паренцовымъ, Грековымъ и нѣсколькими другими офицерами, лежавшими, сидѣвшими и прогуливавшимися. Генералъ, какъ разъ

закусывавшій, предложилъ мнѣ остатокъ бывшей передъ нимъ вареной курицы и стаканъ краснаго вина, причѣмъ спросилъ: «не знаю ли я, намѣрены имъ сегодня помогать или нѣтъ?»

Я не отказался съѣсть курицу и выпить вино, но на вопросъ могъ только отвѣтить, что въ главной крартирѣ о распоряженіи помогать имъ не слышалъ, да и по дорогѣ хотя совершенно готоваго войска видѣлъ не мало, кажется, расположенія идти къ нимъ на помощь не замѣтилъ.

— Ну, такъ намъ будетъ плохо, очень плохо! сказала генераль.

У Скобелева въ это время было что-то невозможное: р, р, р, р, р, р, р, р, р!!!

За душу щемила меня эта полная безпомощность браваго лѣваго фланга, точно забытаго, брошеннаго, подъ впечатлѣніемъ вчерашнихъ неудачъ и потерь. Страдая сильно отъ раны, еще незатянувшейся, я ѣздилъ въ колясочкѣ, нанятой въ Бухарестѣ, и поэтому двигался только по дорогамъ, т. е. медленно, иначе, конечно, я бросился бы къ главнокомандующему, можетъ быть и не знавшему объ истинномъ положеніи дѣла.....

Я настаиваю—какъ многимъ не покажется смѣло и безавторитетно мое настаиваніе—на томъ, что подкрѣпленный Скобелевъ взялъ бы и сосѣдній редуть, послѣ чего туркамъ не оставалось бы ничего иного, какъ очистить городъ, расположенный прямо подъ нашими выстрѣлами.

Три съ половиною мѣсяца спустя, когда Плевна пала, я ѣздилъ со Скобелевымъ на панихиду, заказанную имъ по защитникамъ несчастнаго «скобелевскаго редута». Тяжелыя воспоминанія передалъ мнѣ тогда Михайлъ Дмитріевичъ.

Чтобы легче было идти на штурмъ, взбираться на высоты, солдаты побросали шанцевыя инструменты, такъ что, когда пришлось послѣ рыть траншею, со стороны наступавшихъ турокъ, они пустили въ дѣло штыки и свои пятерни! Конечно, не успѣли вырыть и ничтожнаго прикрытія, какъ турки влетѣли, навалились и кучку нашихъ храбрыхъ, сжавшихся для послѣдней защиты за траверсомъ, въ углу редута — подняли на штыки.

Указывая мнѣ эту канавку, рытую пальцами, Скобелевъ буквально залился слезами и потомъ во время панихиды опять горько плакалъ. Признаюсь, всплакнулъ и я вмѣстѣ съ болѣею частію присутствовавшихъ.

Въ жарь, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь,

когда вспоминаю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я «холоднымъ умомъ сочиняю небылицы».....

*
* *

Въ концѣ 1878 года, въ Петербургѣ, братъ мой какъ-то пришелъ сказать, что Скобелевъ очень, очень проситъ придти къ нему, — что-то нужное.

Прихожу: — «что такое?»

— Очень, очень нужно, увидите!

Затворяетъ двери кабинета и таинственно:

— «Дайте мнѣ дружескій совѣтъ, Василій Васильевичъ, вотъ въ чемъ дѣло: князь Болгарскій (Батенбергъ) предлагаетъ мнѣ пойти къ нему военнымъ министромъ; онъ даетъ слово, что какъ только поставитъ солдатъ на ноги, не позже чѣмъ черезъ два года, затѣветъ драку съ турками, втянетъ Россію, будетъ снова большая война—принять или не принять?»

Я расхохотался. — Признайтесь, говорю, что вы не равнодушны къ бѣлому перу, что болгарскіе генералы носятъ на шапкахъ, вамъ оно было бы къ лицу!

— «Чортъ знаетъ, что вы говорите! Я у васъ серьезно спрашиваю совѣта, а вы смѣетесь, толкуете о какомъ-то перѣ—вѣдь это не шутка».

— Знаю, что не шутка, отвѣчалъ я, и серьезно напалъ на него за безнравственную легкость, съ которою онъ тамъ съ какимъ-то княземъ болгарскимъ рассчитываютъ втянуть Россію въ новую войну.

— Что Батенбергъ это затѣваетъ, оно понятно—онъ авантюристъ, которому нечего терять; но что вы, Скобелевъ, такими страшными усилями добившійся теперешняго вашего положенія, поддаетесь на эту интригу, это мнѣ не понятно. Плюньте на это предложеніе, бросьте и думать о немъ!

— Да что же дѣлать, вѣдь я уже далъ почти свое согласіе!

— Откажитесь подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, скажите, что васъ не отпускаетъ начальство...

— Онъ обѣщаль говорить объ этомъ съ государемъ.

— Ну вотъ и попросите, чтобы государь отказалъ ему.

Въ концѣ концовъ Батенбергу было сказано, что Скобелевъ нуженъ здѣсь; на этомъ дѣло кончилось. Военнымъ министромъ въ Болгарію былъ назначенъ другой генералъ.

Что мнѣ случалось слышать отъ Скобелева въ дружескихъ бесѣдахъ, то теперь, конечно, не приходится рассказывать. Довольно замѣтить, что онъ былъ сторонникомъ развитія Россіи и движенія ея впередъ, а не назадъ.

*
* *

Скобелевъ очень много занимался, много читалъ, еще болѣе писалъ. Писалъ не совсѣмъ кругло и складно, но весьма убѣдительно. Владищевъ, бывшій начальникомъ награднаго отдѣленія во время турецкой кампаніи, говорилъ мнѣ, что нѣтъ возможности отказать въ наградѣ по представленію Скобелева, такъ наглядно излагалъ онъ заслуги своихъ подчиненныхъ и такъ хорошо подгонялъ ихъ подъ статуы орденовъ, которые отлично зналъ.

Записки, поданныя Михаиломъ Дмитриевичемъ во время этой войны главнокомандующему, о положеніи офицеровъ и солдатъ и вѣроятной причинѣ нашихъ неудачъ, полны наблюдательности, вѣрныхъ, мѣткихъ замѣчаній. Живя вмѣстѣ со Скобелевымъ въ Плевнѣ, я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, по словамъ его, нѣкоторымъ лицамъ очень не понравившихся.....

Скобелевъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и литературу этихъ странъ, въ особенности военную, зналъ отлично. Иногда вдругъ обратится со словами:

— А помните, Василій Васильевичъ, выраженіе Наполеона I?

Въ серединѣ Шейновскаго боя, напр., онъ такимъ образомъ цитировалъ что-то изъ Наполеона и, не желая обезкураживать его, я отвѣтилъ:

— Да, что-то помню въ этомъ родѣ.

Но когда онъ вскорѣ опять спросилъ, помню ли я, что Наполеонъ сказалъ передъ такой-то атакой, я ужъ положительно отвѣтилъ:

— Не помню, не знаю.

Надобно сказать, что онъ высоко цѣнилъ военный талантъ Наполеона I, а изъ современныхъ Мольтке, который, съ своей стороны, повидимому, былъ равнодушенъ къ юному, бурному, но многоталантливому собрату по оружію; по крайней мѣрѣ, когда я говорилъ съ Мольтке о Скобелевѣ, послѣ смерти послѣдвѣяго, въ голосѣ «великаго молчальника» слышалась нѣжная, отеческая нота, которой я не ожидалъ отъ прусскаго генерала.

О большинствѣ нашихъ дѣятелей во время турецкой войны Скобелевъ отзывался не важно—по меньшей мѣрѣ.

* *

Скобелевъ очень любилъ мѣняться Георгіевскими крестами—это родъ военнаго братства, практикуемаго обыкновенно съ выборомъ, имъ же направо и налево,—со всѣми. Когда онъ пріѣхалъ къ арміи въ Румыніи еще, то предложилъ мнѣ помѣняться крестиками, я согласился, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать это послѣ перваго дѣла, въ

которомъ оба будемъ участвовать. Много спустя, кажется въ Плевно, мы разбѣжались-таки, но такъ какъ на другой же или на третій день онъ уже рѣшилъ опять съ кѣмъ-то побрататься, то я вытеревилъ чой крестяшко назадъ, подѣ предлогомъ, что онъ мнѣ дорогъ, какъ подаренный Кауфманомъ. Всученный имъ мнѣ былъ прескверный казенный, а мой прекрасный, хорошей эмалы, чуть ли не «изъ французскаго магазина»¹⁾.

Послѣднее время, впрочемъ, онъ пересталъ практиковать это военное братство со всѣми, сталъ болѣе цѣнить себя.

Надобно сказать, что Скобелевъ положительно совершенствовалъ свой нравственный характеръ. Вотъ, напр., образчикъ военной порядочности изъ его дѣятельности послѣднихъ лѣтъ: на третій или четвертый день послѣ Шейновской битвы я засталъ его за письмомъ.

— Что это вы пишете?

— Извинительное посланіе; я при фронтѣ распеку этого бѣднаго Х., какъ вижу, совершенно напрасно, поэтому хочу, чтобы мое извиненіе было также гласно и публично, какъ и выговоръ...

Начальникъ отряда, извиняющійся передъ неважнымъ офицеромъ (это былъ майоръ Владимірскаго полка), да еще письменно — это такой фактъ, который, конечно, не часто встрѣтишь въ какой бы то ни было арміи.

* *
*

Хотя извѣстно, что Скобелевъ не проживалъ, а увеличивалъ свое состояніе, но скрупулезнымъ онъ никогда не былъ, скорѣе, напротивъ, могъ быть названъ слишкомъ тароватымъ. Однако, въ денежныхъ дѣлахъ, по славянской его натурѣ, у него былъ всегда великій беспорядокъ, въ особенности при жизни отца, когда ему никогда не хватало денегъ, и когда забывать отдать небольшіе долги случалось частенько таки. При встрѣчѣ съ нищимъ онъ иногда приказывалъ кому-либо изъ бывшихъ съ нимъ молодыхъ людей «дать золотой», и такъ какъ эти подачи обыкновенно забывались, то выходило, что встрѣчи съ нищими для бравыхъ ординарцевъ его были страшнѣе столкновеній съ непріятелемъ.

¹⁾ Когда генералъ Кауфманъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія II-го класса, этотъ крестъ былъ подаренъ ему однимъ высокопоставленнымъ лицомъ и никто ничего не замѣтилъ неладнаго въ крестѣ, очень изящно исполненномъ: но когда генералъ представлялся покойному Государю, Его Величеству, зоркій на самыя малѣйшія неправильности формы, замѣтилъ: «А ты крестъ, Кауфманъ, гѣбрио, купилъ во французскомъ магазинѣ—Георгій-то не въ ту сторону скачетъ!»

Встрѣчаетъ разъ Скобелевъ младшаго брата моего на Невскомъ проспектѣ.

— Верещагинъ, пойдемъ вмѣстѣ стричься.

Тотъ очень доволенъ честию продѣлать эту операцію вмѣстѣ съ генераломъ, который ведетъ его къ своему знакомому парикмахеру. Около нихъ суетятся, ухаживаютъ, а они сидятъ себѣ рядкомъ, шутятъ, смѣются. При выходѣ, М. Д. спрашиваетъ счетъ старый и новый, оказывается 30 рублей.

— Верещагинъ, заплатите, пожалуйста, и заплатилъ бѣдняга, да только и видѣлъ свои денежки.

Помню, разъ въ Парижѣ, въ гарготкѣ, гдѣ мы завтракали, Скобелевъ размѣнялъ билетъ въ 1,000 франковъ и, вѣроятно, по этому случаю вздумалъ оставить дѣвушкѣ, намъ прислуживавшей, 100 фр. Лишь послѣ самаго энергическаго вмѣшательства моего онъ положилъ только 20 фр.

Мнѣ извѣстно, что не мало народу обращалось къ Скобелеву за помощью и что онъ многимъ помогалъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ завѣщать капиталъ на устройство богадѣльни, но навѣрню этому не суждено было осуществиться, ему помѣшали.....

* * *

Передъ началомъ туркменской экспедиціи я засталъ Михаила Дмитриевича въ бесѣдѣ съ полковникомъ Гродековымъ; онъ прочилъ его себѣ тогда въ начальники штаба, какъ хорошо изучившаго мѣстности, по которымъ и близъ которыхъ предстояло дѣйствовать нашимъ войскамъ—извѣстно, что Гродековъ одинъ изъ хорошихъ знатоковъ Средней Азии, ибо ѣздилъ даже по Афганистану и смежнымъ съ нимъ степямъ. Они обсуждали права, которыя имъ слѣдовало выговорить для себя у министерства иностранныхъ дѣлъ, на случай возможныхъ переговоровъ съ индійскимъ правительствомъ.

— Что такое, что такое, сказала я Скобелеву,—о какихъ это переговорахъ съ индійскимъ правительствомъ толкуете вы? Ничего этого вамъ не нужно...

— Какъ не нужно, а если мы дойдемъ...

— Ничего не нужно; вамъ надобно вздуть хорошенько туркменъ, сломать ихъ сопротивленіе и больше ничего. Хотите слышать мой совѣтъ?

— Пожалуйста, отвѣтилъ Скобелевъ. Потрудись, обратился онъ къ Гродекову, вынуть записную книжку, занеси то, что онъ будетъ говорить—навѣрное все будетъ практично.

Гродековъ благополучно здравствуетъ, сколько я знаю, и, вѣроятно, помѣетъ еще въ своей памятной книжкѣ замѣтку эту, весьма впрочемъ не длинную.

— Во-первыхъ, вамъ нужны верблюды, во вторыхъ—верблюды и въ третьихъ, еще верблюды. Будутъ у насъ верблюды, т. е. перевозочныя средства, вы побѣдите; не будутъ—васъ прогоняютъ, не смотря на всю вашу храбрость, какъ гоняли прежде посылаемые отряды, храбрость тутъ не поможетъ. Не жалѣйте денегъ на верблюдовъ; достаньте ихъ, сколько нужно, во что бы то ни стало.

При этомъ я сообщилъ главную, по моему мнѣнію, причину недо-вѣрія населенія при поставкѣ вьючныхъ животныхъ. Въ началѣ откры-вающейся кампаніи объявляютъ обыкновенно, что нужно столько-то животныхъ за такую-то цѣну. По окончаніи войны, во время кото-рой, разумѣется, большинство верблюдовъ падаетъ, уплату оттяги-ваютъ до тѣхъ поръ, пока не удастся внушить старшинамъ и бѣямъ, т. е. почетнымъ людямъ, что было бы актомъ хорошаго подданни-чества ударить челомъ суммою въ 300 или 400,000 рублей, причи-тающеюся за верблюдовъ. Тѣмъ что—верблюды не ихъ, а бѣдныхъ людей, они получаютъ награды и отличія, а байгуши плачутъ и ужъ, конечно, когда снова понадобится сгонять животныхъ, ухо-дять, откочевываютъ въ степь или, силою заставленные, разбѣ-гаются, при первомъ удобномъ случаѣ, съ первыхъ же приваловъ войскъ.—Не довѣряйте ни подрядовъ, ни денегъ интендантскимъ чиновникамъ, говорилъ я Скобелеву, распорядитесь и платите деньги или сами вы, или черезъ начальника штаба, чтобы онѣ не прилипали къ пальцамъ.

Мнѣ пріятно было слышать потомъ отъ брата моего, котораго Скобелевъ ваялъ съ собою въ походъ, что именно такъ и было сдѣ-лано, что даже осуждали Скобелева за излишнее бросаніе денегъ на верблюдовъ. Поставщикъ вьючныхъ животныхъ, лихой купецъ Гро-мовъ (бывшій прикащикъ архи-лихаго Хлудова), призвавши вла-дѣльцевъ верблюдовъ, объявилъ имъ, что къ такому-то сроку ему нужно столько-то животныхъ, и лишь только тѣ начали чесать затылки, прибавилъ:

— Заплачено вамъ будетъ сейчасъ-же по доставкѣ, а покамѣстъ вотъ вамъ на чай,—при этомъ высыпалъ къ ихъ ногамъ мѣшокъ золота.

Черезъ короткій срокъ верблюды были доставлены.

Для заказа и закупки провіанта, какъ я слышалъ, ѣздилъ въ Персію самъ Гродековъ. Встрѣтившись съ нимъ въ самый день отъ-ѣзда его изъ Петербурга, я, прощаясь, шепнулъ таки еще на ухо:

— Не давайте воровать!

— «Не дадимъ, будьте покои, отвѣтилъ онъ». Возможно, что: настоянія мои бы и не лишни, не безполезны.

Скобелевъ подарилъ мнѣ на память свой боевой значекъ, бывшій съ нимъ въ 22 сраженіяхъ, съ приложеніемъ списка этихъ сраженій, имъ самимъ обстоятельно составленнаго. Значекъ этотъ виситъ теперь у меня въ мастерской. Это большой кусокъ двойной красной шелковой матеріи, съ желтымъ шелковымъ же крестомъ, набитый на казацкую пикю, порядочно истрепанный пулями и непогодами. Уѣхавши въ послѣдній свой туркменскій походъ, онъ хватился значка и просплъ или отдать старый, или прислать въ замѣнъ новый.

Старый я положительно отказался отдать, но и новый не рѣшался послать—вдругъ не понравится и онъ отдастъ его солдатамъ на портянки! Однако, послалъ таки, наконецъ, очень нарядную штуку: съ одной стороны индійская шаль, купленная мною въ Кашмирѣ, въ самомъ Шринагурѣ, съ другой—красная, атласная китайская матерія, перерѣзанная голубымъ Андреевскимъ крестомъ, буквами М. С. и годами 1875—1878. Я самъ кроилъ и налаживалъ значекъ, жена моя шила его.

Узнаю отъ брата моего, бывшего ординарцемъ у Скобелева, что значекъ очень понравился всѣмъ: и генералъ и мирные туркмены не наглядятся на него.

Но тутъ бѣда, неудача: изъ Геокъ-Тепе дѣлаютъ вылазку, убиваютъ у пастъ много народа, захватываютъ много ружей, пушку, знамя!

Скобелевъ въ отчаяніи—отдай я ему старый значекъ, новый приноситъ несчастья!—Я не отдаю.—Новая вылазка, новый уронъ и потери съ нашей стороны—новыя требованія отдать счастливый значекъ и взять вазадъ несчастливый! Не отдамъ! отвѣчаю.—Наконецъ, Скобелевъ беретъ штурмомъ Геокъ-Теке, въ свою очередь убиваетъ, крошитъ множество народа, беретъ массу оружія и всякаго добра, однимъ словомъ торжествуетъ и значекъ мой снова входитъ въ милость, снова и генералъ, и туркмены любятъ наряднымъ подаркомъ моимъ—теперь осѣзняющимъ гробницу Скобелева въ селѣ Спаскомъ, Рязанской губерніи.

Очень интересна также, какъ рисующая характеръ Скобелева, присланная имъ мнѣ въ подарокъ карта — планъ атаки французами Опорто, препровожденный Михаиломъ Дмитриевичемъ начальнику инженеровъ подъ Геокъ-Тепе, для изученія и руководства ¹⁾. На поляхъ имъ изложены мотивы, заставившіе его предложить этотъ чертежъ къ руководству нашимъ войскамъ, а въ правомъ углу характерная надпись: «Глубокоуважаемому, сердцу русскому дорогому Ва-

¹⁾ Объ этой картѣ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., томъ LXI, артъ стр. 629—630

силію Васильевичу къ свѣдѣнію, не безызвѣстной гордости моей. Скобелевъ. 4-го августа 1881 г. Село Спасское». Какъ человѣкъ, искренно любящій свое дѣло, онъ рассказывалъ мнѣ потомъ о при-чвѣѣ, побудившей прислать мнѣ этотъ документъ—желаніе показать пріятелю, что онъ помнитъ примѣры и уроки исторіи (о чемъ у насъ былъ разговоръ равнѣ).

* * *

Сувѣріе этого милого симпатичнаго человѣка было очень велико. Онъ вѣрилъ въ счастливые и несчастные дни, счастливыя встрѣчи и предзнаменованія. Онъ ни за что не сталъ бы сидѣть за столомъ въ числѣ тринадцати человѣкъ, не допустилъ бы трехъ свѣчей на столѣ, а просыпанную соль считалъ всегда за дурное предзнаменованіе.

Онъ вѣрилъ, что будетъ болѣе невредимъ на бѣлой, чѣмъ на другой масти лошади, хотя въ то-же время вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь.

Я никогда не спрашивалъ Скобелева о его жевитьбѣ, такъ какъ понималъ изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, что это его больное мѣсто. Но я положительно подмѣтилъ у него стремленіе къ семейной жизни и когда онъ разъ горячо сталъ оспаривать это, я прибавилъ:

— Необходимо только, чтобы жена ваша была очень умна и съумѣла бы взять васъ въ руки.

— Это, пожалуй, вѣрно, согласился онъ.

Другой разъ, помню, въ Плевнѣ я смѣялся, что мы еще увидимъ маленькихъ Скобелятъ, которые будутъ ползать по его колѣнямъ и таскать его за бакевбарды. М. Д. хоть и проворчалъ: «что за чушь вы говорите, Вас. Вас.», однако, предобродушно смѣялся надъ моею картинною.

Незадолго передъ смертью, Скобелевъ хотѣлъ, какъ я слышалъ, жениться на бѣдной, но образованной дѣвушкѣ, чему помѣшала, однако, его разводъ,—извѣстно, что онъ развѣхался со своею женою и, во что бы то ни стало, настоялъ на разводѣ, такъ что ему пришлось принять на себя грѣхъ дѣла, со всѣми его стѣснительными послѣдствіями. Я говорю объ этомъ потому, что Скобелевъ считался, да и любилъ, чтобы считали его отчаяннымъ противникомъ не только жевитьбы, но и всякой прочной связи съ женщиною.

Я не могу расстроиваться о томъ, какъ Скобелевъ умеръ. Очень ему хотѣлось умереть на полѣ чести, на полѣ настоящей битвы! Что дѣлать, «повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить»—не могъ помириться Михаилъ Дмитріевичъ съ фактомъ, что ему уже не 20 лѣтъ!

Онъ былъ ребячески наивенъ въ своихъ похожденіяхъ, на которыя

обыкновенно настойчиво зазывалъ и послѣдствій которыхъ крѣпко боялся. Въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Туркменскій походъ, встрѣчаю Скобелева на Невскомъ проспектѣ. Я утапываю тротуаръ, онъ ѣдетъ на парѣ сѣрыхъ.

— Стой, стой! Василій Васильевичъ! поѣдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ?

— Поѣдемъ, самъ Богъ васъ послалъ.

— Да что такое?

— Увидите; самъ Богъ посылаетъ васъ.

Пріѣзжаемъ.

М. Д. насилу выходитъ изъ экипажа, брюзжитъ на прислугу, грозитъ прогнать всѣхъ, распекаетъ адъютанта и ординарца—какъ страшно попало бѣдному Баранку, я долженъ былъ вступиться—запираетъ двери.

— Вас. Вас., голубчикъ, я боленъ. . я себѣ пушу пулю въ лобъ.

Я ужаснулся. Разспросилъ его—онъ, какъ младенецъ невинный, подробно рассказалъ все, видимо ничего не скрывая. Я потребовалъ только, чтобы, по крайней мѣрѣ, на три дня онъ легъ въ постель.

— Не могу, забушевалъ Скобелевъ, что вы говорите! Я каждый день долженъ ѣздить на работу съ военнымъ министромъ и начальникомъ штаба—и думать объ этомъ нечего!

— Знать ничего не хочу, отвѣчалъ я, на три дня въ постель безъ разсужденій! и представлялъ ему серьезно подумать о томъ, какой будетъ результатъ его дѣятельности на войнѣ, если онъ принужденъ будетъ уѣхать не выздоровѣвши.

Это подѣйствовало.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ моему пріятелю профессору Чудновскому, силою схватилъ его и привелъ къ герою. Тотъ еще разъ выслушавши, что опаснаго ничего нѣтъ, но что покой въ нѣсколько дней абсолютно необходимъ, ворча, недовольный, улегся въ постель и, чтобы не терять золотаго времени, принялся читать «Нана», извѣстя, разумѣется, начальство о внезапномъ нездоровьѣ своемъ.

* * *

Кто не былъ въ огнѣ со Скобелевымъ, тотъ положительно не можетъ себѣ понятія составить о его спокойствіи и хладнокровіи среди пуль и гранатъ,—хладнокровіи тѣмъ болѣе замѣчательномъ, что, какъ онъ сознавался мнѣ, равнодушія къ смерти у него не было; напротивъ, онъ всегда, въ каждомъ дѣлѣ, боялся, что его прихлопнуть и, слѣдовательно, ежеминутно ждалъ смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое безпрестанное напряженіе нервовъ, чтобы побороть страхъ и не выказать его!

Благоразумные люди ставили въ упрекъ Скобелеву его без-

оглядную храбрость; они говорили, что «онъ ведетъ себя какъ мальчишка», что «онъ рвется впередъ какъ прапорщикъ», что, наконецъ, рискуя «безъ нужды», онъ подвергаетъ солдатъ опасности остаться безъ высшаго командованія и т. д. Надобно сказать, что это все рѣчи людей, которые заботятся прежде всего о сбереженіи своей драгоценной жизни—а тамъ что Богъ дастъ; пойдетъ солдатъ безъ начальства впередъ—хорошо, не пойдетъ—что тутъ подѣлаешь: не для того же дослужился человекъ до генеральскихъ эполетъ, чтобъ жертвовать жизнью за трусовъ.—А почему бы и нѣтъ! разсуждалъ Скобелевъ; понятіе о трусости и храбрости относительное; тотъ же самый солдатъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ быть и трусовъ, и храбрымъ, смотря по тому, въ какихъ онъ рукахъ. Одно вѣрно, что солдатъ обыкновенно не дуракъ: увлечь его можно, но заставить идти, не показавши примѣра, трудно. Этотъ-то примѣръ и солдатамъ, и офицерамъ Скобелевъ и считалъ себя обязаннымъ показывать.

Я видѣлъ не мало умниковъ, уговаривавшихъ солдатъ идти впередъ, указывавшихъ путь къ славѣ и проч., и проч.—ничего не беретъ! пройдетъ или пробѣжитъ отрядъ нѣсколько шаговъ, да и засядетъ въ канавѣ, а въ реляціи напишутъ: «атаковали въ штыки, но были отбиты, не совладѣли съ численнымъ превосходствомъ»—благо численное-то превосходство непріятеля можетъ провѣрить одинъ Богъ.

Никогда не рисковалъ Скобелевъ жизнью попусту, всегда онъ показывалъ примѣръ безстрашія и презрѣнія къ жизни, и примѣръ этотъ никогда не пропадалъ даромъ: однихъ приводилъ въ совѣсть, другихъ училъ, увлекалъ, перерождалъ!

* *

Всегда толковый, разумный, увлекательный на полѣ битвы, Скобелевъ въ частной жизни былъ хотя и симпатиченъ, но часто нервенъ, капризенъ. При разговорѣ онъ рѣдко сидѣлъ, это видимо стѣсняло его; онъ шагаль, какъ звѣрь въ клеткѣ, какъ бы мала ни была комната, даже тогда, когда, какъ въ Парижѣ, кабинетъ его, дѣйствительно, уподоблялся клетушкѣ. Когда же онъ сидѣлъ, то непременно вертѣлъ что-нибудь въ рукахъ, что попадалось подъ руку; за обѣдомъ всегда усиленно мялъ хлѣбный мякишъ. Случалось, видя эту нервную непрерывную работу пальцевъ, взять его за руку и остановить со словами: «хоть теперь-то успокойтесь!» Но приостановка всегда была не надолго, черезъ нѣсколько секундъ ужъ опять пальцы мнутъ, дѣплютъ, изъ силъ выбиваются.

Такъ чертовски храбрый на полѣ битвы, Скобелевъ былъ порядочный трусъ передъ очень высокопоставленными лицами, какъ будто съживался въ ихъ присутствіи, принималъ жалостливый видъ. Всегда заново одѣтый и надушенный передъ солдатами, подъ пулями,

въ главной квартирѣ онъ ходилъ какимъ-то отчаяннымъ, шинель на боку, фуражка на затылкѣ—точно онъ боялся, чтобъ не засмѣяли, не поставили ему въ вину щегольство одеждою, какъ ставили въ вину храбрость.

Когда, послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ, я, снова возвращаясь на Дунай, зашелъ къ матери Михаила Дмитріевича—мимоходомъ сказать, весьма милой и умной женщинѣ—она просила доставить сыну ящичекъ, очень нужный. На границѣ вскрыли ящикъ и онъ оказался биткомъ набитымъ стеклянками духовъ.

* * *

Выходки Скобелева противъ австрійцевъ и нѣмцевъ не были такъ неосновательны, какъ многіе думали и у насъ, и особенно за границую. Никто, конечно, такъ крѣпко какъ я не распекалъ Скобелева за эти рѣчи, но надобно сознаться, что съ его точки зрѣнія онъ имѣлъ основаніе «кликнуть кличъ славянамъ». Я положительно не соглашался съ нимъ, не раздѣляя его увѣренности въ томъ, что вотъ-вотъ на носу у насъ война съ нѣмцами, которые будто бы перестали уже церемониться, скрываться и прямо угрожаютъ намъ.

Но Скобелевъ возвратился съ маневровъ германской арміи совершенно проникнутый увѣренностію, что столкновение наше съ нѣмцами близко.

Въ Парижѣ, въ своемъ крошечномъ кабинетѣ, онъ съ возбужденіемъ рассказывалъ мнѣ, какъ отпускалъ его въ прощальной аудіенціи старый императоръ германскій. Рассказывая, М. Д., какъ тигръ, бродилъ изъ угла въ уголь, останавливаясь по временамъ, чтобы представить сидящаго на лошади покойнаго Вильгельма или нѣкоторыхъ лицъ свиты его.

Его германское величество сидѣлъ-де подбоченившись на ковѣ и отъ него, въ обѣ стороны, тупымъ угломъ, стояла громадная, безконечная свита изъ нѣмецкихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ и военныхъ агентовъ всѣхъ государствъ. Когда Скобелевъ выѣхалъ, чтобы откланяться, Василій Ѳедоровичъ (какъ называли русскіе престарѣлаго императора) сказалъ ему:

— Vous venez de m'examiner j'usqu'aux mes boyaux. Vous venez de voir deux corps, mais dites à Sa Majesté, que tous les 15 saurons au besoin faire leurs devoir aussi bien, que ces deux là...

(Вы меня проэкзаменовали до моихъ внутренностей. Вы видѣли два корпуса, но скажите его величеству, что всѣ 15 съумѣютъ, въ случаѣ надобности, исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два).

Можетъ быть, я ошибаюсь въ одномъ или нѣсколькихъ словахъ, но смыслъ рѣчи былъ таковъ—Скобелевъ тогда же занесъ эти слова въ свою записную книжку, откуда онъ и читалъ ихъ мнѣ. Этого смысла, признаюсь, и казался мнѣ очень простымъ и естественнымъ въ устахъ стараго монарха; но Скобелевъ думалъ иначе: по его убѣжденію, и самыя слова, и интонація ихъ, особенно въ виду обстановки, т. е. множества иностранныхъ, по большей части далеко не дружественно расположенныхъ къ намъ офицеровъ, указывали на враждебный умыселъ.

Еще болѣе усилилъ въ Скобелевѣ увѣренность въ томъ, что намъ не избѣгнуть въ близкомъ будущемъ разрыва съ нѣмцами изъ-за австрійцевъ, покойный принцъ Фридрихъ-Карлъ, должно быть, на правахъ лихаго кавалериста, считавшаго возможнымъ говорить то, о чемъ дипломаты помалчивали. Дружески ударивъ Скобелева по плечу, принцъ вдругъ выпалилъ:

— Lieber Freund! macht was ihr wolt—Oesterreich muss nach Saloniki gehen.

(Любезный другъ! дѣлайте, что хотите—Австрія должна занять Салоники).

— Такъ такъ-то! говорилъ мой Михаилъ Дмитріевичъ, бѣшено шагая по своей клѣтушкѣ; такъ это значить уже рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ Салоники—они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть—нѣтъ, врешь, мы этого не допустимъ!

Интересно, что только въ послѣдніе годы своей жизни Скобелевъ всецѣло отдался славянской идеѣ, вытѣснившей въ его умѣ мысль о необходимости исключительной заботы о развитіи нашего могущества въ Азіи, походѣ въ Индію и проч., и мнѣ, кажется, довелось повліять въ значительной степени на эту пережѣну въ его мысляхъ.

Нѣсколько разъ случалось мнѣ охлаждать его «туркестанскій» пылъ и разъ я прямо высказалъ, вѣрно ли, нѣтъ ли, что въ настоящую минуту средне-азіатскія наши владѣнія важны для насъ политически потонку, поколику они даютъ возможность угрожать изъ нихъ нашимъ европейскимъ врагамъ, сѣющимъ славянскую рознь; иначе, прибавилъ я, «игра не стояла бы свѣчь». Скобелевъ внимательно отнесся къ этимъ доводамъ, хотя не вязавшимся съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ Туркестану, но видимо поразившимъ его.

— «Можетъ быть, вы и правы, сказалъ онъ мнѣ тогда»; впоследствии же настолько усвоилъ эту мысль, что въ извѣстномъ письмѣ къ Каткову цѣликомъ повторилъ ее, только вмѣсто словъ: «игра не стояла бы свѣчь», сказалъ: «овчинка не стояла бы выдѣлки».

Я говорилъ объ этомъ М. Н. Каткову, когда толковалъ съ нимъ о Скобелевѣ.

* *
*

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ дорогимъ Михаиломъ Дмитриевичемъ въ Берлинѣ, куда онъ прѣхалъ послѣ своихъ извѣстныхъ словъ въ защиту братьевъ босняковъ-герцеговинцевъ, сказанныхъ въ Петербургѣ. Мы стояли въ одной гостинницѣ, хозяйинъ которой сбился съ ногъ, доставляя ему различныя газеты съ отзывами. Кромѣ переборки газетъ, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, такъ какъ заказывать не было времени; масса этого добра была принесена изъ магазина и приходилось выбирать по росту, виду и цвѣту.

— Да посмотрите же, Вас. Вас.! говорилъ онъ, поворачиваясь передъ зеркаломъ. — Ну, какъ? — Какая это все нѣмецкая дрянь, чортъ знаетъ!

Съ грѣхомъ пополамъ, остановился онъ, съ одобренія моего и еще стараго пріятеля его Жирарде, который съ нимъ вмѣстѣ прѣхалъ, на какомъ-то гороховомъ облаченіи; признаюсь, однако, послѣ, на улицѣ, я покаялся—до того несчастно выглядѣла въ немъ красивая и представительная фигура Скобелева.

Послѣ камешка, брошеннаго имъ вскорѣ въ огородъ нѣмцевъ, нѣкоторые берлинцы, видѣвшіе насъ вмѣстѣ, спрашивали меня потомъ:

— Такъ это-то и былъ Скобелевъ?!

Во время этого послѣдняго свиданія я крѣпко журилъ его за несвоевременный, по мнѣнію моему, вызовъ австрійцамъ; онъ защищался такъ и сякъ и, наконецъ,—какъ теперь помню, это было въ зданіи Панорамы, что около Главнаго штаба,—осмотрѣвшись и увѣрившись, что кругомъ нѣтъ «любопытныхъ», выговорилъ:

— «Ну, такъ я тебѣ скажу, Василій Васильевичъ, правду — они меня заставили»; кто они, я, конечно, помолчу.

Во всякомъ случаѣ онъ далъ мнѣ честное слово, что болѣе такихъ рѣчей не будетъ говорить; но вслѣдъ за тѣмъ, попавши въ среду французовъ, увлекся и снова заговорилъ...

Прощай, милый симпатичный человекъ, высокоталантливый воинъ—до скорого свиданія!

В. В. Верещагинъ.

ПОСЛѢДНІЙ БОЙ ЗА ШИПКУ

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

Очеркъ ген.-маіора Л. Н. Соболева.

1877—1878.



1877—1878.

[«Русская Старина» изд. 1869 г., т. LXII, май].

ПОСЛѢДНІЙ ВОЙ ЗА ШИПКУ

По поводу воспоминаній В. В. Верещагина.

Очеркъ ген.-маіора Л. Н. Соболева.

1877—1878 гг.

Нашъ геніальный художникъ, В. В. Верещагинъ, составляющій нашу народную гордость, желая подѣлиться съ обществомъ тѣми впечатлѣніями, которыя онъ испыталъ во время славной нашей войны съ турками, написалъ воспоминанія о набѣгѣ русскихъ войскъ на Адрианополь, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» (изд. 1888 г., томъ LX, ноябрь).

Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ, между прочимъ, упоминаетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали отправленіе меня изъ Казанькиа въ Петербургъ для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору шипкинскаго дѣла.

Въ великолѣпной кисти этого художника мы привыкли видѣть великую правду, часто доходящую до суровой строгости. Начавъ читать замѣтки В. В. Верещагина, я думалъ, что онъ будетъ отличаться тѣми же достоинствами, какъ и произведенія его кисти. Но вышло не такъ, и писатель въ этомъ отношеніи не идетъ въ сравненіе съ художникомъ. Воображеніе его, какъ писателя, пошло гораздо далѣе того воображенія, которое свойственно ему, какъ художнику. Онъ невѣрно принимаетъ за вѣрное,—такъ онъ говоритъ, что увѣренъ, что я представилъ Государю Императору все дѣло «швороть на выворотъ».

Для того, чтобы подобная увѣренность не была ошибочною, не достаточно еще обладать широкимъ воображеніемъ, надо знать и человѣка, о которомъ рѣшаешься говорить, и тѣ обстоятельства, которыя сопровождаютъ извѣстныя его дѣйствія.

Такъ какъ почти все, что пишетъ В. В. Верещагинъ обо мнѣ въ ноябрьской книгѣ «Русской Старинны» изд. 1888 г., не заключаетъ въ себѣ даже приблизительной правды, а на страницахъ такого уважаемаго историческаго

изданія, какова «Русская Старина», не можетъ не господствовать одна только правда, то я съелъ необходимымъ возстановить истину, и представляю вслѣдъ за симъ очеркъ тѣхъ событій, которыхъ касаются воспоминанія В. В. Верещагина.

Очеркъ мой состоитъ изъ двухъ частей—въ трехъ главахъ; въ первой излагаются въ общихъ чертахъ обстоятельства славной обороны Шипки, а во второй—мои возраженія на замѣчанія В. В. Верещагина. Первая часть (глава I) составлена мною для лучшаго уясненія личныхъ моихъ возраженій. Ко второй части (главы II и III) приложена копія съ моего рапорта, въ которомъ описанъ путь моего слѣдованія отъ Тырнова въ Казань въ іюлѣ 1877 года.

По этому самому пути чрезъ Балканы, въ концѣ декабря того же года, прошла колонна князя Святополка-Мирскаго 2-го.

Есть чудная русская пословица: «нѣтъ худа безъ добра». Воспоминанія В. В. Верещагина имѣютъ ту добрую сторону, что даютъ поводъ отгнѣять нѣкоторыя подробности событій 1877—1878 гг., какъ это сдѣлалъ В. Панютинъ въ своей замѣткѣ: «Къ воспоминаніямъ В. В. Верещагина», напечатанной въ январьской книгѣ «Русской Старины», т. LXI, за нынѣшній годъ, и какъ дѣлаю теперь я; съ другой стороны, В. В. Верещагинъ своими очерками знакомитъ насъ съ новыми сторонами въ своемъ характерѣ и жизни, а знаетъ что либо новое о великомъ художникѣ и любопытно, и полезно.

Л. Н. Соболевъ.

28 февраля 1880 г.
С.-Петербургъ.

I.

Одинадцать слишкомъ лѣтъ протекло со дня послѣдняго боя за Шипку. Геройская безпримѣрная оборона этой балканской выси ждетъ своего историка, который разскажетъ намъ объ отвѣдномъ духѣ русскаго солдата, оборонявшаго снѣжныя горы отъ многочисленнаго и мужественнаго непріятеля, и повѣдуетъ намъ о томъ, что этотъ солдатъ перенесъ такія страданія, которыхъ не можетъ даже себѣ представить тотъ, кто не раздѣлялъ съ нимъ этихъ страданій.

Въ ноябрѣ 1877 года мы осаждали турокъ подъ Плевною, а турки осаждали насъ на Шипкѣ. Русцевская армія прикрывала съ востока всѣ наши операціи за Дунаемъ.

Главнoкомандующій турокъ, Сулейманъ-паша, рѣшился од-

нимъ ударомъ освободить Плевну отъ осады и заставить русскихъ очистить шипкинскіе Балканы. 14 ноября онъ атаковалъ насъ подъ Мечкой и Тростеникомъ, намѣреваясь пробиться чрезъ наши линіи, стать на сообщенія нашей арміи съ Дунаемъ и заставить тѣмъ снять осаду Плевны и отступить отъ Шипки; но онъ былъ разбитъ 12 корпусомъ великаго князя Владиміра Александровича. Тогда Сулейманъ бросился подъ Елену, занялъ этотъ городъ, но дальнѣйшій его успѣхъ былъ остановленъ сосредоточеніемъ значительныхъ русскихъ силъ къ востоку отъ Тырнова.

28 ноября пала Плевна и Османъ-паша съ его арміею были взяты въ плѣнъ.

30 ноября армія Сулеймана-паши сдѣлала третью отчаянную попытку прорваться чрезъ ряды рущукской арміи, но была на голову разбита его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ.

Эти побѣды оказали рѣшающее вліяніе на ходъ войны. Вся сѣверная Болгарія отъ Дуная до Балканъ переходила въ нашу власть. Сознавая это, правительство султана предложило Сулейману-пашѣ перевести его армію въ Румелію и оставить въ главныхъ крѣпостяхъ сѣверовосточной Болгаріи лишь необходимые для непосредственной ихъ обороны гарнизоны. Армія эта, перейдя Балканы, должна была стать въ резервъ турецкихъ корпусовъ, занимавшихъ позиціи у Арабъ-Конака и Шипки.

Тотчасъ же послѣ паденія Плевны и побѣдъ на правомъ нашемъ флангѣ, его императорское высочество главнокомандующій дѣйствовавшей арміею принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ переходу арміи чрезъ Балканскій хребетъ и къ внесенію войны въ Румелію.

Планъ его высочества, лично ему принадлежавшій, заключался въ движеніи чрезъ Балканы широкимъ фронтомъ правымъ крыломъ впередъ. Ранѣе всѣхъ долженъ былъ перейти сильный отрядъ генерала Гурко, за нимъ отрядъ генераль-маіора Комаровскаго, дивизія генерала Карцева и, наконецъ, войска 8-го корпуса. Для облегченія выхода послѣднихъ двухъ отрядовъ изъ горъ, было предположено отдѣлить за Балканами одну гвардейскую дивизію и направить ее долинами Гюпса и Тунджи.

Въ виду же того, что противъ генерала Радецкаго былъ расположенъ сильный турецкій корпусъ, его высочество повелѣлъ усилить 8-й корпусъ 3-ю стрѣлковою бригадою и 16-ю пѣхотною дивизіею.

Такимъ образомъ у генерала Радецкаго составлялся значительный корпусъ войскъ, силою въ четыре пѣхотныя дивизіи, двѣ стрѣлковыя бригады и болгарское ополченіе.

Чтобы точнѣе уяснить послѣднія событія геройской обороны Шипки, кончившіяся рѣшительнымъ переходомъ въ наступленіе и плѣномъ турецкой арміи, я приведу нѣсколько телеграммъ, относящихся до сего дѣла, которыя не были еще преданы гласности.

Въ телеграммѣ отъ 8 декабря, въ которой начальникъ штаба арміи сообщаетъ генералу Радецкому о предположенномъ переходѣ генерала Гурко чрезъ Балканы и о движеніи одной дивизіи въ долины Гюпса и Тунджи, сказано: „Кромѣ того, на поддержку вамъ будутъ направлены 3-я стрѣлковая бригада и 16 пѣхотная дивизія отъ Плевны. Полагаете ли вы необходимымъ выждать прибытіе этихъ послѣднихъ частей, или найдете возможнымъ начать операціи для овладѣнія Шипкою со своими силами. Прошу телеграфировать. 3-я стрѣлковая бригада выступаетъ изъ Плевны въ Ловчу 9 декабря, а 16-я пѣхотная дивизія съ 9-мъ казачьимъ полкомъ 10 декабря. Послѣдняя прибываетъ въ Сельви 13 декабря“.

Въ тотъ же день генералъ Радецкій отвѣтилъ слѣдующею телеграммою. „Движеніе одной дивизіи по долинѣ Тунджи я считаю крайне рискованнымъ, ибо она можетъ встрѣтить всю балканскую армію, которая, какъ извѣстно, занимаетъ горы только передовыми частями. Поэтому не признаете ли ваше высокопр—во болѣе полезнымъ усилить 3-ю пѣх. дивизію 16-ю дивизіею и 3-ю стрѣлковою бригадою, тѣмъ болѣе, что Тетевенскій, Троянскій и Росалитскій перевалы въ нашихъ рукахъ и теперь было бы весьма удобно направить эти части изъ Ловчи прямо на соединеніе съ генераломъ Карцевымъ. Движеніе же здѣсь, въ обходъ шипкинской позиціи, большими силами, которымъ негдѣ развернуться вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, болѣе чѣмъ въ полторы сажени, въ настоящее время, невозможно, а потому я предпочитаю въ то время, какъ генералъ Карцовъ зай-

меть окрестности Шипки, форсировать проходъ съ фронта, для чего силъ у меня будетъ достаточно“.

Въ тотъ же день была послана генераломъ Радецкимъ другая слѣдующая телеграмма: „Я предполагалъ овладѣть деревнею Шипкою, обойдя съ горной артиллеріей турокъ съ обѣихъ фланговъ—Иметли и Сельцы. Занятіемъ Шипки, откуда туркамъ подвозится ежедневно на позицію все продовольствіе, непріятель долженъ немедленно сдаться или разбѣжаться. Въ настоящее время, имѣя въ виду, что со стороны Арабъ-Конака будетъ направлена въ долину Тунджи пѣхотная дивизія, я считаю движеніе моего отряда до появленія ея въ окрестностяхъ Шипки преждевременнымъ, почему прошу ваше высоч—во не оставить меня увѣдомленіемъ когда можно рассчитывать на прибытіе дивизіи въ окрестностяхъ Шипки. Во всякомъ случаѣ я ничего не начну ранѣе прибытія 3-й стрѣлковой бригады и 16-й пѣх. дивизіи“.

Изъ этой телеграммы видно, въ чемъ собственно заключался планъ генерала Радецаго. Онъ состоялъ изъ движенія чрезъ Балканы, въ обходъ Шипки, двухъ колоннъ. Колонны эти, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, переваливъ горы, могли соединиться и стать на сообщеніе турокъ. Дабы воспрепятствовать такому соединенію, туркамъ пришлось бы принять бой за Балканами. Въ случаѣ нашего успѣха они были бы поставлены въ самое критическое положеніе; имъ бы предстояло два исхода: или пробиться, во что бы то ни стало, или положить оружіе. Въ случаѣ, если-бы турки не дали соединиться обходнымъ колоннамъ, то все же положеніе ихъ было бы крайне затруднительно, ибо ихъ сообщенія были бы непрестанно подъ ударами отрядовъ, которые расположились-бы въ выходахъ балканскихъ проходовъ.

Для достиженія рѣшительнаго успѣха на Шипкѣ необходимо было направить чрезъ горы обходные отряды такой силы, чтобы они могли хотя-бы нѣкоторое время дѣйствовать самостоятельно, такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ Балканы, вслѣдствіе господствующихъ снѣжныхъ бурь, становятся почти непроходимыми.

Необходимо знать, что происходило на Шипкѣ въ то время, когда происходилъ обмѣнъ телеграммъ о переходѣ черезъ ту часть хребта, которая была занята арміею Весселя-паши. Должно

также знать, въ какомъ положеніи въ то время находился Шипкинскій гарнизонъ.

5-го декабря 1877 г. на Шипкѣ начались крѣпкіе морозы и снѣжная мятель. Мятель, переходившая въ бурю, продолжалась 5-го, 6, 7, 8, 9 и 10-го декабря; 11-го новая сильнѣйшая мятель; 12-го сильный вѣтеръ и морозъ; съ 14-го на 15-е мятель; въ ночь съ 16-го на 17-е начался снѣжный ураганъ.

Войсковыя части таили. Полки обращались въ баталіоны, баталіоны въ роты. Горная батарея лишилась всей своей прислуги, до одного человѣка. Къ 13-му декабря, еще до урагана, въ шести полвахъ, занимавшихъ Шипку, было больныхъ 90 офицеровъ и 8,968 нижнихъ чиновъ.

Въ артиллеріи, мужественно оборонявшей вѣрныя ей позиціи, оставалось среднимъ числомъ по пяти номеровъ на орудіе.

Тысячи рукъ и ногъ были отрѣзаны въ Габровѣ, какъ болѣе негодныя къ употребленію.

Положеніе людей на позиціи, особенно на Николаѣ, было болѣе чѣмъ ужасное. Тѣ, кто не видалъ этого положенія, просто склонны не вѣрить рассказамъ очевидцевъ.

Вотъ что пишетъ комендантъ Николая, полковникъ Духонинъ, въ своемъ донесеніи отъ 17-го декабря: „Въ ночь съ 16-го на 17-е поднялась снѣжная буря, достигшая на верхнихъ скалахъ горы св. Николая степени урагана. Баталіоны 55-го и 56-го пѣхотныхъ полковъ поднялись на гору съ величайшими затрудненіями гуськомъ; проводники едва могли отыскать среди снѣжной бури свои ложементы и довести роты. Всю ночь и до настоящаго времени (10 час. дня) всѣ люди въ движеніи. Гг. офицеры не смыкали глазъ, ободряя людей, и наблюдали лично, чтобы не было дремлющихъ; и только благодаря такому высокому и самоотверженному исполненію долга при 12° мороза на позиціи и 20° на верхнихъ скалахъ, охватывающихъ со всѣхъ сторонъ порывами вѣтра, удалось спасти людей отъ замерзанія, хотя ознобившихся не мало, но все это легкіе ознобы носа, щекъ, ушей и пальцевъ, всѣ эти люди немедленно отправлены съ позиціи въ околдовъ. Счастливый исходъ сегодняшней ужасной бури, въ отношеніи спасенія людей, долженъ быть отнесенъ къ безконечному усердію офицеровъ, проявленному ими въ эту трудную минуту—высокому сознанію своихъ обязанно-

стей; о семъ по долгу службы обязаннымъ себя считаю засвидѣтельствовать передъ в. п—мъ. Въ теченіе сегодняшней ужасной бури верхнія и нижнія передовыя скалы занимала 1-я рота 55 пѣх. Подольскаго полка и на разсвѣтѣ смѣнена ротою Брянскаго полка. Возвращаясь по смѣнѣ, 1-я рота 55 полка въ полномъ составѣ была свалена вихремъ вѣтра и покатилаь. Люди, кое-какъ удерживая другъ друга, поднялись и дошли до своихъ теплыхъ помѣщеній въ порядкѣ и даже съ неудавшеюся попыткою затянуть пѣню. Такому высоко-примѣрному духу и состоянію этой роты она обязана командиру роты, подпоручику Войницкому—рота его возвратилась со спасенными людьми и всего съ двумя легко ознобленными. Въ настоящую минуту положеніе людей на верхнихъ скалахъ выше описанія и потому послѣ всего перенесеннаго 1-ю ротою 55 полка люди сняты съ верхнихъ скалъ и удерживаются въ нижнихъ ложементакъ передовыхъ скалъ, верхніе же будутъ занимать лишь по тревогѣ по всей позиціи; ни въ одной траншеѣ огня развести нельзя; одежда всѣхъ офицеровъ и солдатъ изображаетъ изъ себя сплошную ледяную кору (напримѣръ, башлыковъ развязать нельзя; при попыткѣ сдѣлать это—куски его отваливаются); для отправления естественной..... .. ружья покрыты сплошной ледяной корой и съ чрезвычайнымъ усиленіемъ поддерживаютъ въ хорошо смазанныхъ масломъ ружьяхъ исправное дѣйствіе затвора и выбрасывателя, постоянно приводя ихъ въ движеніе своими окоченѣлыми пальцами. При испытаніи стрѣльбы винтовки Крынеа дѣйствуютъ исправно; Берданки, тщательно смазанныя керосиномъ, даютъ первые выстрѣлы осѣчки, а затѣмъ дѣйствуютъ исправно. Отъ траншей къ секретамъ выставлены люди, чтобы подать необходимую всякаго рода помощь выдвинутымъ впередъ постамъ. Перестрѣлка идетъ только ружейная противъ скалъ и жолоба. Энергическая служба офицеровъ поддерживается неизмѣнно; буря еще сильна и опасность еще не миновала“.

Все сказанное не есть преувеличеніе. Это голая самая вѣрная картина той непрерывной драмы, которая происходила на Шипкѣ.

Это эпопея русскаго солдата. Разбирая Шипкинское сидѣнье, невольно приходятъ на память слова способнаго офицера генеральнаго штаба германской арміи, видѣвшаго часть позиціи:

„на позиціи этой трудно продержаться три дня“. Если-бы кто либо изъ обучающихся въ военной академіи выбралъ такую позицію при рѣшеніи тактической задачи, его исключили-бы изъ академіи. Если-бы нашелся такой профессоръ, который, принявъ во вниманіе значеніе на войнѣ нравственнаго элемента, сталъ-бы утверждать, что такую позицію можно защищать при хорошихъ войскахъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ противъ превосходнаго числомъ и мужественнаго непріятеля, въ холодную осень и крайне суровую зиму, его признали бы умалишеннымъ.

Шипкинская позиція походила на длинную, вытянутую въ концахъ подкову, сплюснутую почти на половинѣ своей длины. Какъ съ востока, такъ и съ запада позиція обстрѣливалась съ командующихъ высотъ. Навысшая точка позиціи, гора св. Николая, была подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на командующихъ высотахъ. На позиціи вообще не было точки, которая не обстрѣливалась-бы съ двухъ, а иногда и съ трехъ сторонъ. Сообщение позиціи съ Габровымъ проходило по единственному узкому шоссе, которое на значительномъ протяженіи пролегалo подъ выстрѣлами непріятеля. Тутъ, то есть въ тылу позиціи, была знаменитая райская долина. „Войдешь, значить, въ эту долину—тотчасъ попадешь въ рай“—поговаривали солдаты. Днемъ было опасно ходить здѣсь. На полъ-горѣ отъ позиціи къ Габрову была расположена не менѣе знаменитая „Шипкинская Италия“. Въ этой Италіи сравнительно было тепло: когда снѣжный ураганъ завывалъ на Николаѣ и морозъ достигалъ—20° Р., въ ней была снѣжная мятель съ болѣе слабыми порывами вѣтра и всего при 10° Р.

Начавшаяся съ 5-го декабря въ Балканахъ мятель совершенно ослабила и безъ того слабый составъ 24-й пѣх. дивизіи. 14-я пѣхотная дивизія тоже была въ слабомъ состояніи; и 9-я пѣх. дивизія, входившая въ составъ 8-го корпуса, была слаба: Брянскій полкъ этой дивизіи стоялъ на Шипкѣ и подвергался общей шипкинской участи; полки Орловскій и Сѣвскій понесли, 22-го ноября, въ дѣлѣ подъ Еленой, значительныя потери и не были еще укомплектованы.

Все это взятое вмѣстѣ даетъ объясненіе слѣдующей телеграммѣ генерала Радецаго начальнику штаба арміи: „движеніе

на деревню Шипку прямо по дорогѣ я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣпляется турками съ начала августа, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестной обороной во многихъ мѣстахъ. Поэтому при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть Шипкою и долиною Тунджи движеніемъ сильнаго отряда отъ Тетевена или Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла. Вслѣдствіе этого я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій его высочества. Для полученія приказаній я командирую въ Боготъ начальника штаба генерала Дмитровскаго“.

Въ тотъ же день, 10-го декабря, его высочество главнокомандующій послалъ слѣдующія двѣ телеграммы генералу Радецкому. 1-я: „Сообщаю вамъ только что полученныя свѣдѣнія. Сулейманъ получилъ приказаніе двинуть свою армію въ Румелию, оставивъ въ крѣпостяхъ лишь необходимые гарнизоны. Онъ прибылъ въ Константинополь, чтобы присутствовать на совѣтѣ, разрабатывающемъ операціонный планъ“.

2-я телеграмма: „Изъ получено свѣдѣніе, что Мегмедъ-Али прибылъ въ Константинополь и объявилъ, что Турціи остается одно—вступить въ мирныя переговоры непосредственно съ Россіей, ибо всякое вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно считаю необходимымъ ускорить наступленіе сколь возможно, дабы усилить давленіе на Турцію, не теряя времени“.

Изъ предыдущаго было видно, что генералъ Радецкій не имѣлъ достаточныхъ силъ для начатія рѣшительнаго движенія за Балканы. Хотя его корпусъ усиливали пѣхотною дивизіею и стрѣлковою бригадою, но усиленіе это было условное, такъ какъ 24 пѣхотная дивизія, пришедшая въ крайне слабый составъ, была снята съ Шипки и расположена въ резервѣ, на отдыхъ въ Сельви.

Такъ что въ 17 декабря въ составѣ 8-го корпуса въ сущности было 3 пѣхотныхъ дивизіи; 2 стрѣлк. бригады, 2 казачьихъ полка и болгарское ополченіе. И съ этими силами приходилось защищать Шипку и произвести обходное движеніе за Балканы. Силъ этихъ было недостаточно для рѣшительнаго наступленія противъ турецкихъ войскъ, стоявшихъ на Шипкѣ

и въ ея окрестностяхъ; но ихъ хватало на производство демонстраціи за Балканами и для угроженія коммуниваціонной линіи турокъ, при условіи, конечно, что непріятель не произведетъ за это время атаки нашей позиціи.

17-го декабря, въ ту самую ночь, когда страшный снѣжный ураганъ чуть было не погубилъ Шипкинскій гарнизонъ, генералъ Радецкій даетъ приказаніе генералу Скобелеву выступить немедленно изъ Сельви и расположиться близъ Зеленаго дерева и Топлица, противъ Иметлійскаго перевала. Елецкій полкъ съ горною батареею былъ вызванъ изъ Хаинкюйскаго перевала и направленъ въ Травно, гдѣ сосредоточивалась лѣвая обходная колонна подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Святополка-Мирскаго 2-го. Выступленіе этой колонны, а равно и правой, подъ начальствомъ генерала Скобелева 2-го, первоначально было назначено на 20-е декабря, но засимъ отложено на 24-е число.

20-го декабря генералъ Радецкій телеграфировалъ слѣдующее его высочеству главнокомандующему: „Ранѣе 24-го числа, какъ я уже телеграфировалъ вашему высочеству, движеніе начать не могу, такъ какъ къ этому только числу, по заявленію генерала Скобелева, будетъ готова его колонна. Эту колонну составятъ: 16-я пѣх. дивизія съ 2 ротами саперъ, 3-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе, 9-й казачій полкъ, уральская сотня и 2-я горная батарея. Со стороны Травны, въ колонну князя Мирскаго войдутъ 3 полка 9-й пѣхотной дивизіи, 4-я стрѣлковая бригада, 23-й казачій полкъ, рота саперъ и горная батарея. Колонну эту считаю слишкомъ слабою, потому прошу прислать еще дивизію. Если удастся перевалить на ту сторону, то буду ожидать появленія генерала Гурко и ни въ какомъ случаѣ атаковать армію Сулеймана, если она спустится ранѣе прихода генерала Гурко, не буду. 14-я дивизія и Брянскій полкъ (9-й дивизіи) останутся для занятія шипкинской позиціи. Прошу прислать также телеграфный паркъ въ Дряново и устроить тамъ станцію съ тѣмъ, чтобы связаться линіей съ отрядомъ Мирскаго. За здѣшними ураганами будетъ весьма затруднительна доставка чрезъ горы продовольствія и снарядовъ. Дѣлая движеніе чрезъ горы ранѣе прихода отряда генерала Гурко, исполняю приказаніе вашего императорскаго высочества, но по

долгу совѣсти доношу, что съ своей стороны движеніе за горы ранѣ прибытія генерала Гурко считаю преждевременнымъ и рискованнымъ“.

21-го декабря его высочество телеграфировалъ генералу Радецкому, что генераль Гурко не пойдетъ въ долину Тунджи, а съ главными силами направится по долину Марицы. Къ сему его высочество добавилъ: „Каждая минута намъ дорога“.

Генералу Радецкому не было извѣстно, куда направилась армія Сулеймана. Она могла выйти къ Сливнѣ и затѣмъ быстро появиться у Шипки. Тогда противъ 8-го корпуса могла образоваться армія въ 120 таборовъ при 200 орудіяхъ, противъ которой во всякомъ случаѣ слѣдовало дѣйствовать крайне осмотрительно. Сообразно этому даны инструкціи генераламъ Скобелеву и Мирскому.

Генералу Скобелеву было предписано перейти Балканы, занять Иметли, укрѣпиться и ждать приказаній. Къ сторонѣ Лысой горы—выслать боковой авангардъ.

Генералу князю Мирскому—наступать отъ Травны до Янины; двигаться крайне осторожно въ виду того, что Сулейманъ переходитъ Балканы. При чемъ, если въ составъ колонны не будетъ добавлена дивизія, ограничиться демонстраціею, дабы привлечь на себя Сулеймана и не допустить его до Шипки. Если же будутъ свѣдѣнія, что изъ Сливны не идетъ непріятель, то занять Янину. Если будетъ дана дивизія, то все же двигаться осторожно, прикрывая себя сильнымъ боковымъ отрядомъ со стороны Маглиша.

Эти инструкціи даны были начальникамъ колоннъ до 20-го декабря 1877 г. Въ ночь съ 20-го на 21-е генераль Радецкій получилъ телеграмму отъ великаго князя главнокомандующаго о томъ, что генералу Делинстаузену приказано отправить, 23-го декабря, въ составъ 8-го корпуса 30-ю пѣх. дивизію взаменъ 24-й, которая, какъ мы уже знаемъ, 17-го числа была спущена съ Шипки и поставлена въ Сельви. 30-я дивизія была направлена изъ Тырнова въ Травно и поступила въ составъ лѣвой обходной колонны.

23-го декабря начальникъ штаба арміи телеграфировалъ генералу Радецкому о томъ, что начальнику 1-й кавалерійской дивизіи приказано имѣть три поля собранными въ Сельви и

ожидать приказаній отъ Радецкаго куда, когда и сколько направитъ, и что гренадерскій корпусъ 25-го направляется на Габрово въ шесть переходовъ поѣшелонно, въ каждомъ эшелонѣ по бригадѣ.

Распоряженія эти совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ районѣ Шипки. Въ составъ 8-го корпуса поступали двѣ свѣжія дивизіи, пѣхотная и кавалерійская. Въ его тылу, въ резервѣ, становился гренадерскій корпусъ. При такихъ обстоятельствахъ не было страшно и появленіе у Шипки всей арміи Сулеймана. Генераль Радецкій быстро рѣшается на самое смѣлое наступленіе, зная хорошо, что быстро и правильно направленный ударъ есть залогъ для успѣха военнаго дѣла, ранѣе обдуманнаго со всѣхъ сторонъ.

Того же 23-го числа онъ мѣняетъ инструкціи, данныя начальникамъ обходныхъ колоннъ.

Генералу Скобелеву онъ предписываетъ начать наступленіе вечеромъ 24-го числа и двигаться на селеніе Шипку. По приходѣ въ Иметли онъ долженъ былъ устроиться и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, не дожидая прихода генерала Карцова, атаковать Шипку одновременно съ княземъ Мирскимъ. При этомъ командиръ корпуса увѣдомлялъ его, что лѣвая колонна начнетъ свою атаку не ранѣе 27-го декабря.

Князю Мирскому того же 23-го числа послано новое, слѣдующее приказаніе: 24-го, утромъ, выступить изъ Травны. Первый переходъ сдѣлать до Крестца. Далѣе двигаться черезъ горы, энергично. Если, по прибытіи въ Гузово, уже перейдя Балканы, станетъ извѣстно, что къ Шипкѣ идутъ турецкія подкрѣпленія, то цѣль отряда—не допустить ихъ соединиться съ арміею Веселя-паши; если же со стороны Сливны не будетъ непріятеля, то въ случаѣ, если генераль Скобелевъ будетъ атакованъ турками въ Иметли или самъ атакуетъ—атаковать правый флангъ турокъ. При этомъ генераль Мирскій былъ поставленъ въ извѣстность, что 24-го числа въ Травну, въ составъ его колонны, будетъ 30-я пѣхотная дивизія.

Въ дополнительномъ приказаніи генерала Радецкаго дано было знать князю Мирскому, что движеніе генерала Скобелева основано на расчетѣ, что лѣвая колонна 26-го подойдетъ въ Гузову и 27-го будетъ въ состояніи поддержать атаку правой колонны.

Такимъ образомъ, турецкую армію предположено было атаковать съ обонхъ фланговъ и тыла, при чемъ инициатива предоставлена была генералу Скобелеву.

Движеніе обходныхъ колоннъ началось согласно даннымъ командиромъ корпуса приказаніямъ.

Объ колонны, при перевалѣ черезъ Балканы, испытали страшныя затрудненія, какъ отъ того, что имъ пришлось двигаться по горнымъ тропинкамъ съ необыкновенными крутизнами, такъ и потому, что мятели, господствовавшія въ Балканахъ, покрыли горы глубокимъ пластомъ снѣга. Но мужество русскихъ войскъ было также велико, какъ велики были трудности. Войска, воодушевленные начальниками, боролись съ суровою природою и побѣдили ее. Въ лѣвой колоннѣ, въ самыхъ глубокихъ снѣжныхъ заносахъ, въ снѣгу были прорыты траншеи такой глубины, что мѣстами не видать было пива казака, ѣхавшаго по траншеѣ. Придя къ Крестцу, лѣвая колонна, чтобы не задерживаться въ движеніи, бросила свою полевую артиллерію, оставивъ лишь 7 горныхъ орудій. Правая колонна хотѣла во что бы то ни стало перетящить на салазкахъ легкую полевую батарею, для чего была употреблена пѣхота. Обстоятельство это задержало движеніе колонны генерала Скобелева, которая вышла за Балканы позже колонны генерала князя Мирскаго, хотя путь движенія послѣдней колонны былъ втрое длиннѣе. Оно измѣнило первоначальныя предположенія объ атакѣ турокъ за Балканами и инициатива дѣйствій перешла изъ рукъ Скобелева въ руки Мирскаго.

Не имѣя достаточнаго матеріала для всесторонней и вполне точной оцѣнки двухдневнаго боя за Балканами, за обладаніе Шипкою, мы пока воздержимся отъ этой оцѣнки. Замѣтимъ, что положеніе генерала Радецкаго, стоявшаго съ небольшими силами противъ фронта непріятели, было самое тагостное. Приказаніе его высочества о проведеніи телеграфной проволоки въ отрядъ князя Мирскаго не было исполнено, и колонна генерала Скобелева не была связана съ Шипкою, а слѣдовательно, не имѣла сообщенія съ колонною Мирскаго. Между тѣмъ, если бы телеграфное дѣло было поставлено надлежащимъ образомъ, то вся операція эта была бы исполнена такъ, какъ было предположено, и наша потеря за 27 и 28 декабря была бы не 5,000 человекъ,

а, вѣроятно, не болѣе половины. Неизмѣнне телеграфнаго сообщенія съ обходными колоннами отнимало у генерала Радецкаго возможность судить вполне правильно о взаимномъ положеніи колоннъ. Командиръ корпуса крайне сожалѣлъ объ этомъ и въ телеграммѣ отъ 26-го декабря говорить, между прочимъ, слѣдующее: „Не смотря на всю переписку, доношу вашему высочеству, что телеграфной линіи не устроено отъ Дрянова къ Травнѣ и далѣе за отрядомъ князя Мирскаго“.

Судя по донесеніямъ, которыя получалъ генералъ Радецкій въ первые три дня движенія обходныхъ колоннъ, онъ имѣлъ полное основаніе полагать, что все будетъ исполнено такъ, какъ было предположено. Колонна князя Мирскаго, оставивъ свою полевую артилерію по сѣверную сторону Балванъ, и не взирая на встрѣченные страшные снѣжные заносы, шла какъ бы по маршруту, данному въ мирное время. Съ этой стороны, повидимому, не ожидалось никакихъ особыхъ затрудненій въ перевалу чрезъ хребетъ, тѣмъ болѣе, что выходы изъ ущелій были слабо заняты турками.

26-го декабря генералъ Скобелевъ послалъ донесеніе генералу Радецкому, начинавшееся словами: „Сосредоточиваюсь для дебушированія съ огромными трудностями“, и кончавшееся такъ: „Завтра (27-го), въ полдень, атакую Шипку съ тѣми силами, которыя могу собрать. Если бы Мирскій атаковалъ ранѣе, то во всякомъ случаѣ поддержку его со всѣмъ, что будетъ подъ рукою“.

Въ ночь съ 26-го на 27-е генералъ Скобелевъ донесъ генералу Радецкому, что 2-я бригада 16 пѣх. дивизіи снущена въ долину, засимъ онъ говоритъ: „туда же направляю всѣ прибывающія войска, при чемъ сдѣлаю распоряженіе объ укрѣпленіи позиціи впереди дебуше. Быть готовымъ къ атакѣ въ 12 часовъ дня завтра (27-го) со всѣми силами оказывается почти невозможнымъ, такъ какъ, по страшной трудности дороги, главныя силы до сихъ поръ еще не спустились. Сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы атаковать турокъ завтра (27-го) въ вечеру, но во всякомъ случаѣ и въ которомъ часу бы ни было, если увижу атаку лѣвой колонны, поддержку ее какими бы силами я ни располагалъ. Считаю все-таки предпочтительнѣе атаковать позже и буду дѣйствовать въ этомъ смы-

слѣ, если обстоятельства не измѣнятся. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю ваше превосходство, что если придется атаковать, то буду это дѣлать самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ считаю отступление по той же дорогѣ, по которой наступалъ, если не невозможнымъ, то весьма и весьма затруднительнымъ“.

Генералъ Радецкій рѣшился повончить съ этимъ дѣломъ. Ровно въ одиннадцать часовъ дня 27-го декабря къ князю Мирскому, развернувшему свои войска въ боевой порядокъ, прискакалъ казакъ и подалъ записку отъ корпуснаго командира. Генералъ Радецкій приказывалъ князю Мирскому наступать рѣшительно на Шипеу, при чемъ увѣдомлялъ, что генералъ Скобелевъ дебушируетъ успѣшно и поддержитъ атаку.

Приказаніе это было исполнено въ точности. Черезъ нѣсколько минутъ по полученіи записки въ колоннѣ князя Мирскаго все пришло въ движеніе. Началось общее наступленіе войскъ колонны. Войскамъ, поставленнымъ въ первую линію, отдано было категорическое приказаніе идти впередъ безостановочно, безъ выстрѣла и, сблизившись съ противникомъ, перейти въ наступленіе въ штыки и овладѣть укрѣпленіями, видѣвшимися по обѣимъ сторонамъ шоссе. Всѣ двинулись впередъ. Горная батарея вскорѣ опередила вторую линію и выѣхала впередъ, почти въ цѣпь, въ разстояніи 350 не болѣе саженой отъ противника. Удачнымъ залпомъ этой батареи на большомъ турецкомъ передовомъ курганѣ, вооруженномъ артиллерією, былъ взорванъ зарядный ящикъ. Войска, осыпаемая градомъ пуль и артиллерійскими снарядами, двинулись на это и сосѣднія укрѣпленія, и къ половинѣ втораго пополудни укрѣпленія эти были взяты. Дрались въ рукопашную и съ крайнимъ остервенѣніемъ. Бросали ружья и хватались руками. У одного солдата были вырваны глаза. Мы понесли громадную потерю, въ общемъ превосходящую 1,800 человекъ. Это была настоящая штыковая атака.

Ровно черезъ полчаса послѣ этой атаки колонна генерала Скобелева сосредоточилась за Балванами. „Сегодня, доноситъ генералъ Скобелевъ отъ 27 декабря, часа въ два пополудни вѣреннѣйшій мнѣ отрядъ дебушировалъ почти цѣликомъ. Не атаковалъ рѣшительно турокъ только потому, что ждалъ появленія въ долинѣ колонны князя Мирскаго“. Генералъ Скобелевъ не

зналъ, конечно, что въ эту минуту лѣвая колонна, окончивъ свою атаку, занялась усиленно переноскою раненыхъ, на время атаки остававшихся, за неизбѣннѣмъ людей, безъ всякой помощи. Будь исполнено категорическое повелѣніе его высочества главнокомандующаго относительно телеграфа, этого бы, конечно, не случилось. Генералъ Скобелевъ въ своемъ рапортѣ отъ 3 января 1878 г. за № 11 слѣдующимъ образомъ доноситъ генералу Радецкому о томъ, почему онъ не вступилъ въ бой 27 числа: „Предпринять въ этотъ же день (27) что либо противъ Шейнова я считалъ невозможнымъ, во 1-хъ, вслѣдствіе поздняго времени дня, во 2-хъ въ виду необходимости укрѣпиться на занятой позиціи и, наконецъ, въ 3-хъ, въ виду необходимости сосредоточить мои силы, такъ какъ отъ вашего высокопроба получилъ лично приказаніе не начинать боя, не собравъ весь отрядъ“.

27 числа генералъ Радецкій въ сопровожденіи генерала Петрушевскаго, командовавшаго войсками шипчинской позиціи, отправился на гору св. Николая, откуда въ ясную погоду отлично была видна долина Казанлыка. Къ счастью, въ этотъ день погода была ясная. Часовъ въ 10 утра генералъ Радецкій слышалъ выстрѣлы, доносившіеся изъ обѣихъ обходныхъ колоннъ ¹⁾. Засимъ съ Николая было ясно видно движеніе войскъ лѣвой колонны. „Въ 12 часовъ, говоритъ генералъ Радецкій въ своемъ донесеніи его высочеству главнокомандующему отъ 5 января 1878 г. за № 25, колонна эта развернулась для атаки и стала упорнымъ боемъ наступать на непріятельскія укрѣпленія. Со стороны колонны генераль-лейтенанта Скобелева хотя и слышны были выстрѣлы, но приближенія войскъ этой колонны къ сторонѣ Шипки не замѣчалось“. Получивъ донесеніе отъ генерала Скобелева, что 27-го послѣдній не можетъ атаковать, генералъ Радецкій послалъ ему приказаніе атаковать непріятеля 28-го утромъ. „Я надѣялся, пишетъ онъ въ томъ же рапортѣ, что эта колонна (князя Мирскаго), удачно атаковавшая непріятеля 27-го, въ состояніи будетъ удержаться 27-го и ночь на 28-го, до прихода колонны ген. Скобелева“.

¹⁾ Часть колонны Мирскаго въ это время занимала съ боемъ селеніе Янну.

Между тѣмъ генералъ Радецкій получилъ отъ генерала князя Мирскаго крайне тревожное донесеніе. Донося, что колонна его дралась цѣлый день, никѣмъ не поддержанная, что потери большія, что въ войскахъ недостатокъ въ патронахъ и продовольствіи и что онъ рѣшился ночевать передъ турецкими траншеями въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, онъ просилъ выручить его изъ его такого крайняго положенія. „О генералѣ Скобелевѣ ничего не знаемъ“, говоритъ онъ въ этомъ донесеніи. Въ донесеніи, посланномъ въ корпусному командиру въ 3 часа 45 мин. утра 28-го, онъ говоритъ, что патроновъ хватитъ всего на одинъ день и добавляетъ: „а все телеграфъ“.

Да, именно телеграфъ былъ причиною тому, что нельзя было ни донести, ни приказать своевременно. Даже за отсутствіемъ телеграфа, 27-го числа, въ виду ясной солнечной погоды, колонны могли бы переговорить между собою и съ генераломъ Радецкимъ, если бы въ войскахъ имѣлся гелиографъ. Къ сожалѣнію, гелиографы лежали гдѣ-то въ складахъ на берегу Дуная.

Генералъ Радецкій рассчитывалъ, какъ это онъ доноситъ въ своемъ рапортѣ № 25, что генералъ Скобелевъ начнетъ атаку Шейнова въ 8 часовъ утра и къ 12 успѣетъ дойти до селенія Шиппи.

Для поддержанія этой атаки и удержанія турокъ въ горахъ, онъ рѣшился, въ 12 час. дня 28-го числа, атаковать съ фронта непріятели.

Въ 5 часовъ утра 28-го передовыя части колонны генерала Мирскаго были атакованы турками. Перестрѣлка была слышна на Николаѣ. Генералъ Радецкій ждалъ атаки Скобелева. Наступило 12 часовъ и онъ перешелъ въ наступленіе, направивъ съ Николая внизъ бригаду пѣхоты 14 дивизіи. Атака была стремительная и кровавая. Началась атака; была мертвая тишина, продолжавшаяся четверть часа. Засимъ послышалось громкое ура!—это подольцы овладѣли первою траншеею. Но вотъ открылся жестокой огонь со стороны турокъ. Наши имъ отвѣчали тѣмъ же. Черезъ 5 минутъ загремѣла страшная артиллерійская канонада съ обѣихъ сторонъ. Турецкія гранаты и бомбы съ мортирныхъ батарей, стрѣлявшихъ залпами, ложились на Николай и вдоль узкаго (всего 7 шаговъ) шоссе, по которому

двигалась наша бригада въ атаку. Послѣ первой траншеи взята была вторая, но уже съ громадными потерями, а въ третьей траншеѣ очутились одни тѣла.

„Много пало храбрыхъ, говорить въ своемъ рапортѣ генералъ Радецкій, бригада потеряла 1,700 человекъ и половину офицеровъ, но великую пользу принесла она дѣлу, удержавъ противъ себя 22 табора, всю артиллерію и поставивъ турокъ въ безвыходное положеніе, окончившееся безусловнымъ ихъ плѣненіемъ“.

Войска генерала князя Мирскаго, не взирая на потери, понесенныя 27-го, 28-го утромъ, частями перешли въ наступленіе. Вскорѣ штурмомъ было занято селеніе Шипка и шоссе, идущее отъ Казанлыва въ Габрово. Такимъ образомъ, та часть турецкой арміи, которая стояла въ долинѣ, была разобщена съ 22 таборами, расположенными въ горахъ. Телеграфная проволока турокъ была порвана. Въ 11 часовъ дня отрядъ князя Мирскаго услышалъ громкое ура! со стороны Иметли, послышались звуки русской музыки; ружейная и артиллерійская перестрѣлка усилилась.

То была атака колонны генерала Скобелева. Началась атака шейновскаго лагеря со стороны обѣихъ обходныхъ колоннъ. На Николаѣ было спокойно. Сражавшіеся внизу по временамъ поглядывали на вершины Балкана. Но туманъ, сгустившійся съ утра, мѣшалъ наблюденію. Въ началѣ перваго часа, когда внизу кипѣлъ страшный бой, на перевалѣ послышались частые ружейные залпы, а засимъ открытъ былъ огонь изъ 200 орудій. Это была такая минута, которую трудно описать. Никто, ни одинъ человекъ, участвовавшій въ обходныхъ колоннахъ, не зналъ, что генералъ Радецкій рѣшится атаковать турокъ въ лобъ.

Атака эта считалась просто невысказанною. Глядя на балканскія выси, покрытыя густымъ туманомъ, въ нашемъ воображеніи рисовались самыя страшныя сверхъестественныя картины. „Что это тамъ?“ „Господи!“ „Взгляните!“ „Это адъ, настоящій адъ!“ „Это Радецкій атакуетъ!“ „Ну рѣзня!“—такія восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ. Многие крестились. Возбужденіе было всеобщее. „Что-то тамъ, на Николаѣ“—думалось, а самимъ было дѣло по горло. Идя въ атаку, мы то и дѣло что взгляды вали на верхъ.

Очевидно было, что тамъ настоящій адъ випить. И у насъ былъ адъ, но тамъ, тамъ неизвѣстность, тамъ глубокая тайна, которую мы не въ силахъ были разгадать. Залпы десятковъ тысячъ ружей, издававшіе какой-то отрывистый звукъ, сухой звукъ, и гулъ сотенъ орудій—все это сливалось во что то страшное, загадочное; временами намъ слышенъ былъ въ горахъ чрезвычайный шумъ, точно буря тамъ гудѣла, а среди бури раздавались точно крики людей и бряцанье ихъ оружія.

Рѣшительная атака генерала Скобелева, поддержанная такою же атакою генерала Мирскаго, увѣнчалась блестятельнымъ успѣхомъ.

Къ двумъ часамъ пополудни турки были сбиты съ позицій и значительная часть ихъ, нѣсколько тысячъ, сосредоточилась на большомъ курганѣ, расположенномъ въ центрѣ всей позиціи.

На курганѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ и турецкій главнокомандующій, Вессель-паша, сдался и послалъ приказаніе таборахъ, расположеннымъ въ горахъ, положить оружіе передъ побѣдителями. Генералъ Скобелевъ, которому передалъ Вессель-паша свою пашку, послалъ на Николай генерала Столѣтова въ сопровожденіи турецкихъ штабъ-офицеровъ.

На Николаѣ не знали судьбы дѣла обходныхъ колоній; тамъ, какъ генералъ Радецкій, такъ и всѣ офицеры и солдаты, спокойно выжидали донесеній. На Шипкѣ всегда было спокойно и ея защитники всегда были увѣрены, что не сдадутъ ея иначе, какъ положивъ за нее свои головы. Какова же была ихъ радость, когда среди нихъ появился генералъ Столѣтовъ и заявилъ, что турецкая армія сдается и владеть передъ ними оружіе. Въ Балканахъ Шипки и его окрестностяхъ наступила мертвая тишина и люди, привыкшіе къ боевымъ тревогамъ, не слыша выстрѣловъ и не зная куда преклонить голову, чтобы отдохнуть, почувствовали какую-то непонятную, неопредѣленную тоску.

Точно кончилось веселье и наступила скука. Но это чувство было вскорѣ заглушено заботами о дальнѣйшемъ наступленіи въ долину Тунджи и далѣе къ Адрианополю.

Сдавшаяся турецкая армія состояла изъ 41 табора. Взято 93 орудія и 6 знаменъ.

Наши потери простирались до 5,302 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 136 офицеровъ. На долю колонны князя Мир-

сваго пришлось: 70 офицеровъ и 2,030 нижнихъ чиновъ; въ колоннѣ генерала Скобелева — 44 офицера и 1,430 нижнихъ чиновъ; въ войскахъ, спустившихся съ Николая — 22 офицера и 1,706 нижнихъ чиновъ.

Воспоминанія объ этомъ славномъ двухдневномъ боѣ подъ Шипкою, имѣвшемъ самое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи 1877 — 1878 гг., навсегда останутся славными страницами военной исторіи нашей доблестной арміи.

Оборона же Шипки — это эпопея русскаго офицера и солдата. Съ такими офицерами и солдатами полководецъ можетъ на все рѣшиться. Необыкновенныя ихъ мужество и выносливость, особенно въ трудныя минуты, тянутся непрерывною чертою чрезъ рядъ многочисленныхъ войнъ, въ которыхъ призвана была Россія, начиная съ Великаго Петра, и которыя возвеличили и укрѣпили русскій народъ и прославили его державныхъ вождей.

II.

В. В. Верещагинъ говоритъ, что я искажилъ, въ виду явобы моего недоброжелательства къ покойному генералу М. Д. Скобелеву, истину послѣдняго шипкинскаго боя. В. В. Верещагинъ выражаетъ увѣренность, что при личномъ моемъ докладѣ объ этомъ дѣлѣ въ Божѣ почивающему государю императору, я представилъ его величеству все дѣло „шиворотъ навыворотъ“. Эту свою увѣренность онъ доказываетъ тѣмъ, что М. Д. Скобелевъ получилъ за эту блистательную битву маловажную награду.

О дѣйствіяхъ генерала Скобелева за время войны 1877—1878 гг. у меня составилось опредѣленное мнѣніе, какъ полагаю у большинства лицъ, близко знакомыхъ съ событіями прошлой войны. Мнѣнія этого я не имѣлъ случая высказать г. Верещагину. Впрочемъ, если бы я его высказалъ, то ничего бы новаго, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, онъ бы отъ меня не узналъ. Скобелева цѣнила вся Россія; покойный же Государь императоръ наградилъ его за его службу щедрою рукою и настолькоъ зналъ его выдающіяся способности, что довѣрилъ ему

ведение трудной и крайне щекотливой въ политическомъ отношеніи турьменской экспедиціи.

Не въ этомъ, однако, дѣло, а дѣло въ томъ, что все, что говоритъ г. Верещагинъ по поводу послыки меня его высочествомъ главнокомандующимъ въ Петербургъ — есть плодъ его воображенія.

Генераль Скобелевъ, по словамъ Верещагина, предлагалъ послать къ государю своего начальника штаба, полковника графа Келлера, „но, говоритъ г. Верещагинъ, такъ какъ боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, чего именно не хотѣли, то выбрали, напротивъ, С. (Соболева), офицера генеральнаго штаба при отрядѣ Мирскаго и болѣе другихъ возстававшего противъ Скобелева“.

Кто это боялся? Кто это не хотѣлъ?

Чтобы разъяснить это обстоятельство, а также и то, почему именно меня послалъ въ Петербургъ главнокомандующій дѣйствующей арміи, а не кого другаго, считаю необходимымъ разсказать нѣсколько подробностей по этому вопросу.

Въ половинѣ іюля 1877 г. я былъ посланъ, по повелѣнію главнокомандующаго, переданнымъ мнѣ княземъ Черваскимъ, съ тремя офицерами и тремя казаками, вслѣдъ за отрядомъ генерал-лейт. Гурко. Дабы пройти Балканы новымъ путемъ, неизвѣстнымъ войскамъ, я рѣшился на свою отвѣтственность прослѣдовать проходомъ, ведущимъ изъ Травны на Сельцы и Гузово. Попытка оказалась удачною и вскорѣ мы достигли гор. Казанлыка. Обратномъ мы перешли горы, слѣдуя чрезъ шипкинскій переваль. Вскорѣ послѣдовали грозныя атаки Сулеймана-паша на балканскую нашу позицію. Въ это время я былъ въ Тырновъ. Генерал-лейтенантъ Гадецкій пригласилъ меня слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ на Шипку, и я имѣлъ честь состоять въ его свитѣ въ ту знаменательную минуту, 11-го августа 1877 г., когда появленіемъ передовыхъ частей 8-го арм. корпуса спасена была Шипка и наша кампанія. 15-го августа я былъ въ глазной квартирѣ, въ Горномъ Студенѣ, и часть дороги отъ Тырново сопутствовалъ тяжело-раненому на Шипкѣ ген.-лейт. Драгомирову. Тотчасъ по приѣздѣ я имѣлъ честь доложить его высочеству главнокомандующему о шипкинскихъ бояхъ.

Изъ-за Шипки остановлены были операціи къ Ловчѣ и Плевнѣ.

Къ Габрову были стянуты сильныя резервы. Его высочество повелѣлъ мнѣ высказать мое мнѣніе по шипкинскому дѣлу, и я рѣшился замѣтить, что по моему мнѣнію Сулейманъ-паша, разстроенный своими атаками, попался въ ловушку, ибо если двинуть дивизію пѣхоты чрезъ Травну и Сельцы къ Казанлыку, то легко напасть на тылъ Сулеймана и заставить его отступить. Въ тотъ же день я обѣдалъ у великаго князя. За обѣдомъ его высочество сказалъ начальнику штаба арміи, генералъ-адъютанту Неповойчицкому, что онъ, по высочайшему повелѣнію, долженъ ѣхать тотчасъ же послѣ обѣда на Шипку. «Съ вами отправится полковникъ Соболевъ», добавилъ великій князь, обращаясь ко мнѣ. Чрезъ часъ послѣ обѣда начальникъ штаба арміи съ своимъ сыномъ выѣхалъ въ экипажѣ въ Габрово (болѣе 100 верстъ). Я поѣхалъ за нимъ верхомъ, о дву-конь. На слѣдующій день 16-го утромъ въ Габровѣ на военномъ совѣтѣ былъ разсмотрѣнъ вопросъ о движеніи дивизіи за Балканы чрезъ Сельцы.

Рѣшено было не переходить въ наступленіе до разрѣшенія вопроса о Плевнѣ.

Началось шипкинское сидѣніе, продолжительность котораго зависѣла отъ исхода атаки, а за сямъ — обложенія Плевны. Плевна пала 28-го ноября. Его высочество главнокомандующій немедленно повелѣлъ привести въ исполненіе свой планъ перехода арміи чрезъ Балканы, въ то время покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

11-го декабря съ Шипки, въ главную квартиру, въ Боготъ, послана была телеграмма генераломъ Радецкимъ, въ которой онъ проситъ о моемъ пріѣздѣ на Шипку. 14-го числа великій князь главнокомандующій, призвавъ меня къ себѣ и повелѣвъ мнѣ ѣхать немедленно къ генералу Радецкому, объяснилъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ свой планъ перехода чрезъ Балканы и дальнѣйшаго движенія по Румелии къ Филиппополю и Адрианополю. Въ юртѣ его высочества въ это время находились генералы: Неповойчицкій и Левицкій. Его высочество приступилъ къ обсужденію вопроса о томъ, какимъ порядкомъ можно атаковать шипкинскія позиціи турокъ. Спрошенный, я доложилъ почти то-же, что докладывалъ въ Горномъ Студенѣ 15-го августа. Великій князь главнокомандующій зналъ, что одна изъ колоній генерала Радецкаго, именно лѣвая, будетъ .

направлена по тому пути, который был мною обследованъ еще въ іюль мѣсяцѣ ¹⁾ и планъ котораго мною былъ представленъ главнокомандующему и генералу Радецкому. Пожелавъ счастливаго успѣха и приказавъ передать командиру 8-го корпуса все, о чемъ была рѣчь, великій князь отпустилъ меня. На слѣдующій день я выѣхалъ верхомъ изъ-подъ Плевны и 16-го прибылъ въ Габрово. Дорогою была страшная гололедица. 17-го я представился генералу Радецкому въ его домикѣ, въ Шипшинской Италіи.

24-го декабря 1877 г. лѣвая колонна, подъ начальствомъ князя Святополка-Мирскаго 2-го, выступила изъ Травны. Преодоливъ страшныя затрудненія, пройдя два огромные перевала и утопая въ глубокомъ снѣгу, на протяженіи 60 почти верстъ, колонна эта 27-го, въ полдень, атаквала съ тыла турокъ и послѣ короткаго, но упорнаго боя овладѣла передовою укрѣпленною позиціею. Я находился все время при этой колоннѣ. 28-го числа послѣ лихой атаки правой колонны генерала Скобелева и отчаянной атаки въ лобъ генерала Радецкаго, турецкая армія сдалась цѣликомъ на капитуляцію.

Черезъ два или три дня, точно не помню, я поѣхалъ на шипшинскій перевалъ, сопровождая плѣннаго турецкаго главнокомандующаго Вессель-пашу. Мы ѣхали на встрѣчу великому князю. Когда его высочество, спустившись съ Балканъ въ долину розъ, вступилъ на то мѣсто, гдѣ происходилъ бой 27-го и 28-го, онъ приказалъ мнѣ рассказать о ходѣ движенія лѣвой колонны и, какъ теперь помню, дивился и посмѣялся тому, что наши траншеи, вырытыя 27-го вечеромъ, состояли почти цѣликомъ изъ снѣга. Тутъ же его высочество мнѣ сказалъ, что посылаетъ меня къ государю императору въ Петербургъ для доклада его величеству всего хода шипшинской операціи и представленія трофеевъ.

Вотъ какъ произошла моя посылка курьеромъ въ Петербургъ. В. В. Верещагину, описывающему впечатлѣнія войны лишь на память и не знавшему того, что знали лица, непосредственно у дѣла стоявшія, конечно, не могли быть извѣстны тѣ побудитель-

¹⁾ Въ приложеніи помѣщается мой рапортъ отъ 28-го іюля 1877 г за № 4, въ коемъ описанъ этотъ путь.

ныя причины, которыми руководился главнокомандующій, посылая меня, а не кого либо другаго къ государю императору. Если бы вопросъ шелъ лишь о томъ, чтобы послать наиболѣе отличнагося офицера, наиболѣе достойнаго награды, ибо посылка курьеромъ къ государю сама по себѣ считается высокою наградою, то, конечно, предпочтеніе было бы отдано многимъ другимъ, а въ томъ числѣ и полковнику графу Келлеру, но посылая меня, его высочество имѣлъ особня цѣли, о коихъ будетъ упомянуто вслѣдъ засимъ.

Когда узнали въ Казань о моей командировкѣ, начались происки. Кто ихъ началъ, въ чемъ именно они заключались—я этого не зналъ. Но я услышалъ, что генералъ Скобелевъ просилъ о посылкѣ, взаменъ меня, своего храбраго начальника штаба, полковника графа Келлера. Я не предпринялъ рѣшительно ничего, дабы отклонить эти происки, хотя мнѣ страстно хотѣлось побывать дома, гдѣ моя жена, похоронивъ нашу единственную дочь, умершую во время войны, ждала меня съ нетерпѣніемъ. Я прошу меня извинить за эту подробность, ничего общаго не имѣющую съ великими событіями войны 1877—1878, но что-же дѣлать: всѣ мы люди и всякій изъ насъ желаетъ себѣ лучшаго. Я желалъ ѣхать въ Россію и былъ опечаленъ, узнавъ, что начались противъ этой поѣздки происки.

Генералу Скобелеву ставили въ упрекъ то, что онъ не поддержалъ, 27-го декабря, атаку князя Святополка-Мирскаго 2-го тѣми силами, которыя у него были подъ рукою. Упрекъ этотъ, по моему крайнему разумѣнію, вполне основателенъ, и я имѣлъ случай какъ въ Казань, такъ и послѣ войны нѣсколько разъ высказываться въ этомъ смыслѣ предъ покойнымъ генераломъ Скобелевымъ. Кто не дѣлаетъ ошибокъ и особенно на войнѣ? Да и что такое война? Не есть ли это рядъ ошибокъ и не остается ли въ выигрышѣ тотъ, кто сдѣлалъ ошибкою меньше?

Его высочество главнокомандующій не измѣнилъ своего рѣшенія и, позвавъ меня къ себѣ, сказалъ, чтобы я немедленно ѣхалъ, не останавливаясь, въ Петербургъ. При этомъ онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

— „Посылаю тебя къ государю еще потому, что ты можешь представить его величеству всю картину шипкинской обороны и особенно дѣль 27 и 28-го, а также можешь доложить даль-

нѣйшій планъ кампаніи, тебѣ извѣстный. Писать мнѣ некогда, тороплюсь къ Адрианополю. Да вотъ что, непременно сдѣлай это, ступай къ Скобелеву и выслушай подробно его разсказъ о томъ, что онъ дѣлалъ до соединенія съ княземъ Мирскимъ, и доложи государю такъ, какъ онъ тебѣ разскажетъ“.

Въ тотъ же вечеръ я былъ у Скобелева и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Я выразилъ ему волю главнокомандующаго и онъ, съ свойственною ему логикою, разсказалъ мнѣ все, что онъ сдѣлалъ съ 24 по 29-е декабря 1877 г.

Я просилъ его начертить планъ его движенія.

Онъ тотчасъ же это сдѣлалъ.

Я просилъ его написать на поляхъ плана тѣ главныя мысли, на которыхъ онъ настаиваетъ.

Онъ это сдѣлалъ также охотно.

Я ему сказалъ, что доложу Государю императору все такъ, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, и представлю его величеству его планъ.

Скобелевъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Да и кто изъ насъ въ то время не былъ въ возбужденномъ состояніи? У всѣхъ первы были крайне напряжены. Скобелевъ говорилъ безъ умолку, краснорѣчиво, убѣдительно, умно. Онъ такъ умѣлъ доказывать, что съ нимъ нельзя было не согласиться. И съ нимъ соглашались. Это былъ бесспорно выдающійся человѣкъ, обладавшій многими талантами, человѣкъ усидчиваго труда, увлекавшійся и увлекавшій другихъ. Въ разговорѣ со мною онъ увлекся и сказалъ мнѣ слѣдующее:

— „Наконецъ, я желаю, чтобы ты констатировалъ передъ государемъ императоромъ, что я, понимаешь, я, взялъ въ плѣнъ армію Весселя-паши!“

Сознаюсь откровенно, что я не утерпѣлъ и отвѣтилъ ему слѣдующее: „никогда я этого не скажу, такъ какъ это неправда“.

Онъ мнѣ ничего на это не отвѣтилъ, а я ему началъ горячо доказывать, что не онъ взялъ въ плѣнъ турецкую армію, а войска 8-го корпуса, которыя караулили ее всю осень и зиму, а лѣтомъ отразили всѣ ея атаки, что слѣдовательно всѣ войска, окружившія турецкія позиціи, заслужили славу, но что если

ужь приписывать одному лицу славу всего этого шипкинскаго дѣла, то этотъ человѣкъ есть генералъ Радецкій.

Когда я окончилъ, Скобелевъ мнѣ сказалъ: „ты совершенно правъ, и я вполнѣ съ тобой согласенъ“.

В. В. Верещагинъ, принимавшій, какъ можно думать изъ его воспоминаній, самое дѣятельное участіе въ крупныхъ дѣлахъ войны 1877—1878 гг., къ удивленію вмѣшался въ такое въ сущности мелкое дѣло, какъ послѣдка того или другаго лица съ донесеніемъ въ Петербургъ. Онъ говоритъ слѣдующее: „я указалъ Скалону на то, что докладъ Государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ, и тотъ, хотя и самъ не долюбивалъ Скобелева, сказалъ, однако, С. (Соболеву): „смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю и что за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать противоположное вашему, если вы увлечетесь“.

Не знаю навѣрное, говорилъ-ли В. В. Верещагинъ Д. А. Скалону о томъ, что мой докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ, но положительно заявляю, что я не получалъ отъ Д. А. Скалона того именно напутствія, которое г. Верещагинъ вложилъ въ его уста. А. Д. Скалонъ говорилъ со мною, при моемъ отправленіи изъ Казанька, и, сколько могу припомнить, лишь по поводу надписей, которыя были сдѣланы на отбитыхъ у турокъ знаменахъ.

В. В. Верещагинъ, какъ уже упомянуто выше, выражаетъ свою увѣренность, что я представилъ государю императору все шипкинское дѣло „шиворотъ навыворотъ“. Я удивляюсь его смѣлости утверждать то, о чемъ онъ совершенно не могъ знать.

Чтобы объяснить эту неумѣстную увѣренность автора „Набѣга на Адрианополь“, я расскажу въ краткихъ словахъ мой докладъ государю императору о шипкинскихъ бояхъ. Расскажу это не на память, а на основаніи обстоятельно и своевременно составленной записки.

III.

3-го января 1878 года вечеромъ, забравъ съ собою отбитыя у турокъ знамена, я выѣхалъ верхомъ изъ Казанлыка. 4-го переправился Балканы. 5-го—выѣхалъ изъ Габрово. 6-го и 7-го сидѣлъ въ Систовѣ: по Дунаю шелъ ледъ. 8-го числа, два часа спустя по остановкѣ ледохода, я перешелъ по льду. Впереди шли люди, пробуя прочность льда дровками знаменъ. Дунай миновали благополучно. Медленно двигаясь по желѣзнымъ дорогамъ Румыніи и засимъ двигаясь по русскимъ дорогамъ, я прибылъ въ Петербургъ въ 10 часовъ утра 15 января 1878 г. Въ половинѣ одиннадцатаго я подѣхалъ къ Салтыковскому подѣзду Зимняго дворца; распавовавъ знамена, поднялся наверхъ, въ приемную залу и заявилъ о себѣ дежурному флигель-адъютанту.

— „Васъ ждетъ государь, сказалъ онъ, сейчасъ доложу“.

Спустя минутъ пять, меня позвали къ Государю. Его величество встрѣтилъ меня, подалъ руку, которую я поцѣловалъ, и сказалъ: „ты присланъ съ личнымъ докладомъ?“

— „Такъ точно, ваше императорское величество. Великій князь главнокомандующій повелѣлъ мнѣ всеподданнѣйше доложить шипкинскую операцію и особенно послѣдніе бои, а также планъ дальнѣйшей кампаніи въ Румелин“—отвѣтилъ я.

Выслушавъ меня, государь императоръ подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него красную коробку и, вынимая изъ нея Георгій 4-го класса, сказалъ: „благодарю тебя за хорошую службу“. Я принялъ Георгіевскій крестъ изъ рукъ государя.

— „Сядишь и расскажи о вашемъ славномъ дѣлѣ на Шипкѣ!“ сказалъ государь, садясь.

Я сѣлъ противъ его величества и началъ докладъ по отчетной картѣ, составленной мною еще въ Казанлыкѣ.

Очертивъ весьма кратко общую операцію на Шипкѣ и сосредоточеніе обходныхъ колоннъ, я приступилъ къ разсказу о движеніи чрезъ Балканы лѣвой колонны князя Святополка-Мирскаго 2-го и боя 27 декабря 1877 г. Засимъ, вынувъ чертежъ, составленный генераломъ Сьобелевымъ, я доложилъ государю императору все то, что мнѣ говорилъ генераль въ Казанлыкѣ.

Смѣю увѣрить В. В. Верещагина, что я былъ правдивъ и, между прочимъ, сказалъ государю императору, что генералъ Скобелевъ, о чемъ онъ особенно поручилъ мнѣ доложить, не начиналъ атаки, до сосредоточенія всей своей колонны, въ виду того, что полагалъ имѣть дѣло со всею арміею Сулеймана-паши, которая, какъ онъ думалъ, могла къ тому времени подойти на выручку Весселя-паши.

Доложивъ о Скобелевѣ лишь то, о чемъ онъ просилъ меня доложить, и вратко рассказавъ его атаку 28-го декабря и о плѣненія турецкой арміи, я представилъ его величеству докладъ объ атакѣ генерала Радецкого въ лобъ турецкой укрѣпленной позиціи.

Его величество слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣсколько разъ прерывалъ меня восклицаніями: „славно! экіе молодцы!“ Особенно понравилось государю: атака князя Мирскаго передовыхъ турецкихъ позицій, веденная безъ выстрѣла, въ штыки; атака Скобелева всѣми силами и геройская рѣшимость генерала Радецкого атаковать турокъ съ фронта.

— Я думаю, ваше величество, сказалъ я, быстрота этого дѣла и конечный результатъ были не ожиданны.

— „Да.. все это вышло блистательно... и какіе результаты воскликнулъ государь и затѣмъ прибавилъ: Какой большой процентъ убили офицеровъ! Хорошіе офицеры!“

Взглянувъ пристально на меня, государь сказалъ: „а у тебя готово на груди мѣсто для Георгія“? Дѣло въ томъ, что я забылъ повѣсить на мундиръ Владимір 4-й степени и началъ было привѣшивать на его мѣсто Георгій, но это выходило неловко. Государь быстро подошелъ ко мнѣ. Я уже стоялъ. Взявъ крестъ изъ моихъ рукъ, его величество сказалъ: „дай, я на тебя его надѣну!“ Руки у государя дрожали. Надѣвъ на меня крестъ, государь обнялъ меня; я поцѣловалъ его руку.

— А ты зналъ, что представленъ къ Георгію?

— Не зналъ, Ваше Величество, отвѣтилъ я.

По окончаніи доклада я представилъ Государю чертежи мои и Скобелева. Его Величество, взявъ ихъ, сказалъ:

— „Эти планы я оставлю у себя; когда получатся подробныя донесенія, они мнѣ пригодятся“.

Я сказалъ Государю, что не докладываю Его Величеству

плана главнокомандующаго за-балканскаго похода, ибо все то, что его высочество предполагалъ исполнить, уже исполнено и войска ушли далѣе, чѣмъ предполагалось.

Дорогою въ Петербургъ я былъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Мнѣ все казалось, что я не буду въ силахъ представить докладъ Государю Императору въ настоящемъ видѣ. Знамена, которыя я везъ, и унтеръ-офицеръ, состоявшій при нихъ, доставили мнѣ много самыхъ непріятныхъ хлопотъ. Въ Румыніи не хотѣли ихъ принимать въ вагоны; требовали, чтобы я ихъ сорвалъ съ древокъ и чтобы послѣднія бросилъ. На нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, благодаря комендантамъ, дѣло обошлось благополучно, но въ тѣхъ вагонахъ, гдѣ были положены знамена, путешественники были крайне стѣснены. Изъ Казанька я ѣхалъ въ Петербургъ 12 дней. Спалъ я очень плохо и мало. При всякомъ непривычномъ стукѣ я просыпался въ тревогѣ; мнѣ все казалось, что гдѣ-то вдали стрѣляютъ изъ орудій, а иногда я слышалъ отчетливо ружейные залпы. Передъ Москвой, гдѣ я полагалъ встрѣтить семью, я не могъ сомкнуть глазъ въ теченіе сутокъ.

Какъ теперь помню, когда я взошелъ къ Государю Императору въ кабинетъ, я весь дрожалъ. Мнѣ казалось, что у меня дрожатъ всякій мускулъ моего тѣла, всякая жилка. Но странное дѣло: послѣ первыхъ словъ Государя во мнѣ все разомъ успокоилось. Точно будто что-то мнѣ подсказало, что я долженъ во что бы то ни стало овладѣть всѣми моими чувствами. Вѣдь я стоялъ предъ всемогущимъ монархомъ, власть коего простирается отъ Бѣлаго до Чернаго моря и отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана.

Я сдѣлалъ докладъ Государю Императору отчетливо, отгвѣняя каждую крупную черту послѣднихъ боевъ на Шипкѣ. Особенно точно я выражался, когда очерчивалъ дѣйствія М. Д. Скобелева. И это сдѣлалъ я въ виду категорическаго повелѣнія главнокомандующаго. Нервы мои были страшно возбуждены. Когда я кончилъ, я почувствовалъ крайнюю усталость.

— „Пойдемъ, я представлю тебя Государынѣ,“ сказалъ Государь. Дверь отворилась и послышался голосъ: „Ея Величество изволила выдти“. Государь взялъ меня за руку и повелъ въ сосѣднюю комнату. Императрица стояла близъ двери. За нею сто-

яли великіе князья: Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ.

— „Полковникъ Соболевъ, сказалъ Государь, пріѣхалъ съ Шипки“.

Ея Величество дала мнѣ поцѣловать руку и что-то сказала; я отвѣтилъ, но что мнѣ было сказано и что я отвѣтилъ—рѣшительно не могъ вспомнить.

Второй вопросъ я вспомнилъ вечеромъ и записалъ. Государыня спросила: „Трудно вамъ было на Шипкѣ?“

Я отвѣтилъ: „Да, Ваше Величество, но благодаря милостямъ вашимъ и вниманію почти всей Россіи шипкинскія войска во всемъ были облегчены ¹⁾“.

Затѣмъ Государыня мнѣ что-то еще сказала, я отвѣтилъ, но не помню что. Она вновь подала мнѣ руку поцѣловать.

— „Подожди здѣсь, сказалъ мнѣ Государь, послѣ обѣдни я тебя опять позову“.

Въ приемной залѣ къ 12 часамъ собралось до 30 генераловъ и такое-же почти число штабъ-офицеровъ. Тутъ же были представлены привезенныя мною знамена. Я сталъ на лѣвомъ флангѣ. Въ залѣ были великій князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ, генераль-адъютантъ Д. А. Милютинъ. Государь Императоръ вошелъ къ намъ тотчасъ-же по окончаніи обѣдни. Начался приемъ.

— „Новый георгіевскій кавалеръ“, сказалъ Государь, указывая на меня. Окончивъ приемъ, Его Величество сказалъ мнѣ: „пойдемъ ко мнѣ“.

Въ кабинетъ вошли великій князь Константинъ Николаевичъ и военный министръ. Государь предложилъ сѣсть. Взявъ мой чертежъ, Его Величество приказалъ мнѣ рассказать дѣло. Я началъ, но Государь тотчасъ же перебилъ меня и началъ рассказывать великому князю и военному министру все то, что я докладывалъ до обѣдни.

Великій князь задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, относящихся до подробностей.

— „Такъ значитъ Мирскій цѣлые сутки дрался съ турками

¹⁾ Я разумѣлъ здѣсь помощь, оказанную защитникамъ Шипки Краснымъ Крестомъ.

до появленія Скобелева?⁴ спросилъ, между прочимъ, меня великій князь.

— Цѣлый день 27-го, ночь и утро 28-го, отвѣтилъ за меня Государь.

Мы оставались въ кабинетѣ цѣлый часъ. Наконецъ, доложили о прибытіи государственнаго канцлера. Отпуская меня, Государь сказалъ: „ну, отдыхай себѣ“.

Смѣю еще разъ увѣрить В. В. Верещагина, что напрасно онъ полагалъ, что я представилъ Государю Императору все дѣло „швороть навыворотъ“. Шипкинскіе бои 27 и 28 декабря 1877 г. настолько ясны, что правду нельзя было представить неправдой. Участіе колоннъ въ этихъ бояхъ можно сосчитать по часамъ. Самое тяжелое дѣло выпало на непосредственныхъ защитниковъ Шипки, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Радецкій—это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Колонна князя Мирскаго, пройдя путь втрое длиннѣйшій пути, по которому шла колонна генерала Скобелева, вступила въ бой съ турецкою арміею въ полдень 27 декабря. Это тоже не подлежитъ сомнѣнію. Генералъ Скобелевъ вступилъ въ бой около полудни 28 числа. Его атака, горячо поддержанная генераломъ Радецкимъ и Мирскимъ, продолжалась не болѣе двухъ часовъ; потери его были меньше потерь каждой изъ колоннъ. Это точно такъ-же не подлежитъ сомнѣнію. Въ чемъ же дѣло? И какимъ образомъ можно было представить эти вполне ясныя и точныя событія „швороть навыворотъ“?

Л. Н. Соболевъ.

Приложенія.

I.

Завѣдующему гражданскими дѣлами при Его Высочествѣ главнокомандующему дѣйствующею арміею. Репортъ отъ 28-го іюля 1877 года за № 4.

15-го іюля утромъ, согласно словеснаго приказанія вашего сіятельства, я выѣхалъ изъ Тырнова въ объѣздъ южныхъ частей занятаго нами края. При мнѣ слѣдовали: полковникъ Домети, штабсъ-капитанъ Ширманъ, штабсъ-капитанъ Стахievъ и поручикъ Кутеповъ. При насъ находились три казака.

Черезъ часть по выѣздѣ нашемъ изъ Тырнова мы прѣбыли въ селеніе Дебелецъ. Прекрасно устроенное, это селеніе имѣетъ школу и церковь, расположенную близъ дороги, на видномъ мѣстѣ. Зданія весьма хорошей постройки, крыты черепицею. Большая часть зданій двухъ-этажныя, низъ выложенъ изъ камня, верхъ постройки каррасной. Селеніе тонетъ въ садахъ, обнесенныхъ каменными заборами. По улицѣ, ведущей отъ Тырнова въ Дреново, расположено нѣсколько корчмъ и лавокъ. Селеніе имѣетъ видъ богатаго населеннаго мѣста, во всемъ виденъ достатокъ и благосостояніе. Въ селеніи считается свыше 200 домовъ, изъ коихъ 27 турецкихъ. Турки бѣжали всѣ, оставивъ дома пустыми, а хлѣба въ поляхъ не убранными. Хлѣбъ этотъ убирается болгарами.

За селеніемъ Дебелецъ, по дорогѣ къ Дренову, на разстояніи слышномъ четырехъ верстъ, гнутся виноградники. Урожай хлѣбовъ превосходный.

По близости хана Ганчовеца, въ пяти верстахъ отъ шоссе, расположено селеніе Ялово, изъ котораго бѣжали всѣ турки, оставивъ 120 домовъ пустыми. Хлѣбъ ихъ убирается болгарами изъ Дренова.

До Дренова всего ѣзды 3 часа 52 минуты, что опредѣляетъ разстояніе отъ Тырнова въ 21 версту.

Мѣстечко Дреново имѣетъ 560 дворовъ, изъ коихъ 510 болгарскихъ и 50 турецкихъ. Мѣстечко расположено въ долинѣ, окруженной горами. Большая часть домовъ двухъ-этажныя, крытыя камнемъ, а не черепицей. Камень для крышъ берется изъ соседнихъ горъ, заключающихъ въ числѣ породъ, изъ которыхъ слагаются, разные сланцы: кремнистые, глинистые и друг. Мѣстечко имѣетъ видъ богатаго села, съ значительнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ лавокъ. Населеніе на видъ гораздо развитѣе физически населенія горъ Тырнова. Причиной этому обстоятельству, какъ надо полагать, хорошій горный воздухъ, а быть можетъ нѣкоторая обособленность отъ турокъ, которыхъ такъ много находилось въ Тырновѣ.

Въ пять часовъ пополудни того же дня въ конакѣ была собрана временная административная коммиссія: мухтары, учителя школы, духовенство и значительное число домохозяевъ. Временная коммиссія образовалась сама собою, безъ правильныхъ выборовъ, тотчасъ же по уходѣ турецкихъ войскъ. Большинство членовъ состоятъ изъ людей богатыхъ (перенменопанъ составъ управленія).

Въ Дреновѣ находится болгарскихъ школь: мужскихъ три и женскихъ одна. Учениковъ и ученицъ насчитывается до 450. (Учителей 5, учительница 1).

Въ мѣстечкѣ находятся 3 православныхъ храма и 1 мечеть. Замѣчательно, что въ большей части мѣстечекъ и селъ находится много священниковъ. Такъ, въ Дреновѣ ихъ 14.

Временная комиссія заявила мнѣ, что съ появленіемъ русскихъ войскъ главная забота ея заключалась въ удовлетвореніи ихъ потребностей, а со времени бѣгства турокъ—въ сохраненіи тишины и въ водвореніи порядка.

Комиссіи, мухтарамъ и населенію многу въ главныхъ чертахъ разъяснены начала будущаго управленія Болгаріею, при чемъ подробно объяснены тѣ постановленія, которыя къ тому времени уже получили утвержденіе высшаго правительства. Выяснилось, между прочимъ, что жители не знали о высочайшей милости—отгнѣнѣ навсегда бедела. Объяснивъ имъ эту милость, я подробно разъяснилъ основанія взысканія деньгами десятины, при чемъ большинство стоявшихъ спросило меня—будеть-ли приниматься въ податъ турецкая монета бешликъ? Имѣя въ виду, что съ этимъ вопросомъ ко мнѣ обращались во многихъ мѣстахъ и что разрѣшеніе его, по множеству обращающихся въ населеніи бешликъ, составляетъ вопросъ общій для края, я заявилъ, что представлю его на разрѣшеніе вашего сіятельства.

Вечеромъ того же дня я имѣлъ случай говорить отдѣльно со многими болгарами, при чемъ изъ разговоровъ съ ними вывелъ заключеніе, что временная комиссія, состоя изъ людей богатыхъ, не популярна между населеніемъ. Повидимому, болѣе интеллигентные болгары желаютъ обратиться съ просьбою о производствѣ правильныхъ выборовъ. Населеніе понимаетъ ясно начала самоуправленія и, при извѣстномъ веденіи въ этомъ направленіи дѣла, выдвинетъ способныхъ и вмѣстѣ съ симъ практическихъ дѣятелей. Въ настоящее же время всѣ временныя комиссіи, которыя мнѣ пришлось видѣть, состоятъ изъ людей, весьма мало опытныхъ въ практическомъ веденіи дѣлъ управленія. Многие даже не знаютъ какъ приступить къ дѣлу.

Въ Дреновѣ мнѣ рассказали, что по занятіи гор. Тырнова русскими и бѣгства турокъ изъ мѣстечка (Дренова) молодые люди, въ числѣ 60 человекъ, заявили рѣшимость вступить въ ряды болгарскихъ дружинъ и сдѣлаться такимъ образомъ борцами съ заклятыми врагами родины, турками. Между этими молодыми людьми были дѣти богатыхъ гражданъ мѣстечка. Не желая дозволить своимъ сыновьямъ подвергаться опасностямъ войны, зажиточные граждане употребили всѣ завѣщанія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы разстроить задуманное молодежью дѣло, а такъ какъ никому не было объявлено о пополненіи дружинъ до штата, то старанія богатыхъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и дѣло, дѣйствительно, разстроилось.

При полиціи Дренова находится 10 ружей системы Пибоди, оставленныхъ турками, и 320 патроновъ. Прекрасныя ружья эти содержатся очень небрежно.

Изъ 50 турецкихъ домовъ Дренова только 6 остались занятыми хозяевами, 44 дома брошены.

Выше я имѣлъ честь доложить вашему сіятельству, что изъ сосѣдняго съ Дреновымъ селенія Ядово всѣ турки бѣжали. Примѣру этому, однако, не всѣ послѣдовали; такъ въ сел. Канджикъ изъ 90 турецкихъ домовъ опустѣло только 4. Изъ сел. Ялари (80 турецкихъ домовъ) бѣговъ не было. Община этого турецкаго селенія обратилась къ временной дреновской комиссіи съ просьбой о

назначені къ нимъ трехъ сторожей изъ болгаръ съ платою отъ общества каждому сторожу по 150 піастровъ въ мѣсяцъ.

16-го іюля утромъ мы оставили Дреново и направились въ мѣстечко Трявна. Въ 5½ верстахъ отъ Дренова, у хана Царево-Ливадія, дорога раздѣлилась на двѣ части: одно шоссе идетъ на Габрово, другое на Трявну.

Отъ Дренова до Трявны всего два часа ѣзды (верхомъ), т. е. разстояние—11 верстъ. Шоссе между этими двумя мѣстечками устроено чрезвычайно некусно; мѣстами оно проходитъ среди лѣса; все время оно идетъ горами, которыя значительно возвышаются надъ долинами многочисленныхъ горныхъ ручейковъ. Культура превосходная, окрестныя горы обработаны; даже на вершинахъ горъ, гдѣ нѣтъ лѣса, земля засѣяна хлѣбами, урожай которыхъ повидному очень обильный. Воды изобиліе. Отъ Царево-Ливадіи превращается культура виноградниковъ. Замѣчу кстаті, что шоссе, не доходя пяти верстъ до Трявны, на всемъ этомъ протяженіи вырублено въ горахъ и укрѣплено съ одной стороны правильно обдѣланными каменьями.

Того же 16-го іюля въ Трявнѣ были мною собраны временная коммисія, духовенство, мухтары и населеніе. Такъ какъ у конака собралось почти все населеніе мѣстечка, то я распорядился немедленнымъ выборомъ мухтаровъ. Мужское населеніе (домохозяева) трехъ кварталовъ мѣстечка (горный махале, средній махале и долинный махале) было разставлено въ три отдѣльныя группы и каждой группѣ предложено было выбрать въ мухтары человѣка наиболѣе уважаемаго, дѣятельнаго, обладающаго извѣстнымъ достаткомъ и вполнѣ честнаго; (далѣе говорится о выборахъ и о заявленіи жителей быть причисленными къ Тырнову).

Въ Трявнѣ находится двѣ мужскія школы съ 220 учениками и двѣ женскія съ 110 ученицами. Учителей 5, учительницъ 3.

Въ мѣстечкѣ двѣ православныя церкви и одинъ архимандритъ и 10 священниковъ....

Такъ какъ ваше сіятельство приказали мнѣ осмотрѣть въ возможной подробности эксплуатируемыя каменно-угольныя копи, то изъ Трявны, оставляя шоссе, идущее на перевалъ Сельчанскій, мы направились въ горы, по горнымъ тропинкамъ. Вечеромъ 16-го мы прослѣдовали Боневъ-ханъ, Пеню-Аладже-ханъ, кулибы: Стеговцы и Баарецы и остановились на ночлегъ въ Станчевъ-ханъ. Крутые подъемы, таковыя же спуски, каменная тропа—составляютъ характеристику этого горнаго пути.

Станчевъ-ханъ составляетъ центръ окружающихъ его кулибъ (выселки), имѣетъ церковь, священника и школу на 70 учениковъ. Хлѣбопашество составляетъ главную отрасль промышленности. Впрочемъ, скотоводство, благодаря обилію горныхъ пастбищъ, какъ мнѣ объяснили жители, развито въ значительной степени.

Въ эти мѣста никогда не заходили русскія войска.

Такъ какъ мы находились внѣ района нашихъ развѣздовъ, а жители еще недавно укрывались отъ значительныхъ шаекъ баши-бузуковъ, то я потребовалъ отъ мухтара, чтобы онъ приказалъ явиться ко мнѣ четыремъ болгарамъ, вооруженнымъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, системы Пибоди.

Въ Станчевъ-ханъ и окрестныя кулибы не доходили вовсе свѣдѣнія о какихъ бы то ни было прокламаціяхъ Государя Императора и Его Император-

скаго Высочества главнокомандующаго. Удивленными глазами смотрѣли на меня жители, когда я имъ объяснилъ, что произошло за послѣднее время въ Болгаріи; они знали, что русскія войска пришли воевать съ ихъ врагами турками, знаютъ, что отъ нихъ требуютъ рабочихъ на Шипкинскій перевалъ, но не знали, что русскіе пришли водворить въ странѣ человѣческіе и болѣе сираведливые порядки управленія, что русскіе навсегда желаютъ прекратить неправду турокъ. (Далѣе слѣдуетъ описаніе Бѣльковрагскихъ каменно-угольныхъ копей, осмотровыхъ 17-го числа, способы добычи угля, перевозки его и т. д.).

Получивъ разрѣшеніе вашего сіятельства посѣтить Казанлыкъ, я рѣшился перейти Балканы не Шипкинскимъ переваломъ, а переваломъ Сельчанскимъ, какъ потому, что этимъ сокращался значительно мой путь въ долину Тунджи, такъ главнымъ образомъ потому, что этимъ путемъ не проходили никто изъ русскихъ.

Изъ Станчева-хана я направился прямо на кулибу Мрозецъ, вдоль ручья Шуреканке.

Отъ Станчева-хана до урочища Кресцы разстояніе $3\frac{1}{2}$ версты.

Кресцы—пересѣченіе дорогъ.

Отъ Трявны до Кресца весьма порядочная колесная дорога; тутъ готовилось шоссе, полотно дороги сдѣлано во всю ширину, половина щебня положена на полотно, половина лежитъ по сторонамъ дороги въ кучкахъ.

Отъ Кресца на $1\frac{1}{2}$ версты къ югу полотно дороги разработано, камень приготовленъ въ видѣ щебня и лежитъ по сторонамъ дороги.

Марковъ-токъ есть небольшая вершина горъ (къ югу отъ водораздѣльной линіи Балканъ, въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи). Отъ границы Казанлыкской вазы дорога значительно ухудшается: здѣсь могутъ пройти пѣхота и кавалерія, но безъ колеснаго обоза. При незначительной разработкѣ колесный обозъ и артиллерія пройти могутъ. Отъ Маркова-тока идетъ небольшой спускъ на протяженіи не болѣе 100 саженой, затѣмъ на протяженіи 25 минутъ ходьбы (около 2 версты) идетъ тяжелый подъемъ, дорога впрочемъ удобна, довольно широка, мѣстами крута. На площадку Пидицу мы вѣхали въ 11 ч. 20 мин. дня. Это самая высшая точка Балкановъ Сельчанскаго перевала.

Отъ Пидицы идетъ спускъ посредственный, затѣмъ маленький подъемъ на голую гору Улей. Съ горы Улей спускъ крутой, длинный (до 25 минутъ), скверный.

Вплоть до самой горы Улей, горы покрыты густымъ буковымъ лѣсомъ; деревья достигаютъ очень значительной высоты и толщины. Почти весь сѣверный склонъ хребта покрытъ лѣсомъ, главную породу котораго составляетъ исключительно букъ. Отъ Кресцовъ къ сѣверу букъ перемежается съ дубомъ, а къ Трявнѣ дубъ является преобладающей древесной породой.

На протяженіи всего Сельчанскаго перевала самое трудное мѣсто это спускъ съ горы Улей, затѣмъ тяжелъ подъемъ на Пидицу. По рассказамъ жителей Трявны оба эти препятствія легко обойти проведеніемъ боковой дороги прямо отъ Сельци къ западу отъ этихъ подъема и спуска такимъ образомъ, что дорога выйдетъ изъ Сельци прямо на Марковъ-токъ. Турецкое правительство имѣло въ виду это новое направленіе и нѣсколько лѣтъ тому назадъ австрійскіе инженеры дѣлали здѣсь свои измѣренія. Провожавшій меня болгаринъ

(изъ Трявны) говорилъ мнѣ, что на проведеніе по этому направленію шоссе не потребовалось-бы болѣе двухъ мѣсяцевъ работы.

Если соображеніе это дѣйствительно имѣетъ серьезное основаніе, то въ виду того, что въ этой части Балканскаго хребта существуютъ значительныя залежи каменнаго угля, необходимо обратить на этотъ вопросъ самое обстоятельное вниманіе и рассмотретьъ его въ будущемъ, въ связи съ попросомъ о возможномъ пересѣченіи Балканъ желѣзною дорогою.

Въ селеніи Сельци (Селци) мы прибыли въ часъ пополудни и оставались въ немъ до половины пятаго.

Мы были первые изъ русскихъ, посѣтившихъ это селеніе. Намъ встрѣтили съ чрезвычайнымъ радушіемъ и даже съ нѣкоторымъ торжествомъ. Почти каждый изъ сельчанъ (все болгары) подходилъ къ каждому изъ насъ, не исключая казаковъ, и привѣтствовалъ насъ горячимъ рукопожатіемъ. Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ болгаре слушали мои объясненія о тѣхъ порядкахъ, которые предполагались въ дѣлѣ переустройства Болгаріи. Нѣсколько разъ они изъявляли всеобщее сочувствіе, и особенно за отмену военной поголовной подати и за измѣненія порядковъ взиманія десятиннаго налога.

Въ половинѣ пятаго пополудни мы выѣхали прямо по направленію на городъ Казанлыкъ, оставляя къ востоку Маглишь и монастырь.

Отъ самаго селенія мы начали взбираться на боковой перевалъ Балканскихъ горъ. Подъемъ оказался крутой, тяжелый, протяженіемъ до 20 минутъ (до 1½ версты). Затѣмъ пошли въ гору, съ небольшимъ подъемомъ. Въ половинѣ 6-го, ровно чрезъ часъ по выходѣ изъ Селци, мы стояли на перевалѣ и увидѣли городъ Казанлыкъ съ его бѣлыми минаретами, роскошными садами, а за неширокою долиною Тунджи цѣпь горъ, окаймляющихъ долину этой рѣки съ юга.

Спускъ съ этого боковаго перевала скверный, крутой, каменистый, протяженіемъ до 2¼ версты. Затѣмъ продолженіе спуска болѣе отлого съ песчанымъ грунтомъ.

Въ 7 часовъ вечера мы спустились въ долину, къ среднему Гувову, сожженному селенію турокъ. Однако, населеніе все было въ сборѣ и группами было расположено близъ дороги.

Чрезъ полтора часа мы выѣхали въ Казанлыкъ. Дорога отъ средняго Гувова идетъ ровная, степная.

Хотя днемъ 18-го іюля я собралъ въ конакъ представителей болгаръ и турокъ города, но пушечная канонада, доносившаяся до насъ съ востока, и полученныя свѣдѣнія о томъ, что городу грозитъ нападеніе съ востока и запада, побудили меня ограничиться лишь краткимъ знакомствомъ съ собранными туземцами.

По просьбѣ коменданта Казанлыка, маіора Попова, наша коммиссія въ тотъ же день занялась укрѣпленіемъ города съ востока и запада. Городъ находяся въ полночь волненіи, все болгарское населеніе высыпало на улицу. На всѣхъ лицахъ были изображены тревога и недоумѣніе. Турецкое населеніе спокойно ожидало событій; имущество турокъ и ихъ семейства были подъ охраною русскихъ консуловъ.

Немедленно все мужское болгарское населеніе вооружилось ружьями, пистолетами, саблями и ятаганами. Нѣсколько сотъ человѣкъ явился съ лоя-

тами и кирками. Ихъ направили за городъ и заставили рыть ложементы. На ночь вокругъ города было поставлено до 700 вооруженныхъ болгаръ въ видѣ аванпостной дѣли.

Городъ Казанлыкъ весьма представительный городъ. Улицы его широки, дома хороши, есть прекрасные трехъ-этажные. На краю города выстроены православный монастырь. Въ турецкой части много мечетей и минаретовъ. Въ городѣ очень много садовъ. Лучшіе изъ нихъ принадлежатъ туркамъ. Воды въ городѣ изобиліе, благодаря множеству проведенныхъ оросительныхъ каналовъ. Водопроводы расположены густою сѣтью: въ каждый домъ проведена струя свѣжей, чистой воды; во дворахъ большей части домовъ устроены особенные бассейны, обдѣланные мѣстами бѣлымъ красивымъ мраморомъ.

19-го іюля днемъ въ Казанлыкѣ была получена записка о дѣлѣ подъ Іеня-Зягрой. Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали въ Тырновъ, слѣдуя чрезъ Шипкинскій переваль.

21-го мы вернулись въ Тырновъ.

Докладывая о вышеозначенномъ вашему сіятельству, я имѣю честь представить, въ видѣ приложений къ этому рапорту, нѣкоторые дополнительныя свидѣнія о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ комиссіею, собранныя гг. офицерами, состоявшими въ моемъ распоряженіи.

Видѣть съ симъ я имѣю честь представить вашему сіятельству въ переводѣ записку, составленную по моему порученію Славейковымъ (отцомъ) о Травнейской нахіи.

Генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ.

Примѣчаніе. Дѣлан обходная колонна, подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Святополка-Мирскаго, обходившая въ концѣ декабря правый флангъ шипкинской турецкой арміи, слѣдовала чрезъ Балканы тою самою дорогою, которою прослѣдовалъ я съ упомянутыми выше офицерами. Мнѣ было приказано указывать путь этой колоннѣ, для чего меня и вызвалъ генералъ Радецкій изъ Богота на Шипку. При мнѣ начальникъ штаба генерала Радецкаго, генералъ Дмитровскій, находившійся на позиціи съ 10-го августа до 29-го декабря 1877 г., писалъ окончательныя приказанія генераламъ Святополку-Мирскому и Скобелеву.

Л. С.

II.

Телеграмма изъ Шипки отъ 6-го декабря 1877 года № 52. Боготъ. Правителю канцеляріи завѣд. гражд. частью при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, полковнику Соболеву.

Вслѣдъ командиръ корпуса поручилъ просить васъ прибыть, если возможно, въ Габрово.

Генераль-маіоръ Дмитровскій.

III.

Телеграмма изъ Шипки отъ 10-го декабря 1877 г. № 89. Боговъ. Полковнику Соболеву.

Хотя теперь дороги и занесло снѣгомъ, но можетъ быть представится возможность дѣйствовать, то я вмѣстѣ съ симъ телеграфирую князю Черкасскому, прося его командировать васъ прѣменно мое распоряженіе.

Генераль-лейтенантъ Радецкій.

IV.

Записка отъ генераль-лейтенанта Скобелева отъ 2-го января 1878 г.

Милый Леонидъ Николаевичъ. Ради Бога, забѣгите ко мнѣ поужинать сейчасъ. Мы переговоримъ.

Васъ любящій М. Скобелевъ.

Сообщ. Л. Н. Соболевъ.

О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саниахъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Русь особъ ¹⁾).

Въ статьѣ «О саниахъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ», помѣщенной въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» за 1887 годъ, намъ пришлось, за неимѣніемъ документальныхъ свѣдѣній, оговориться, что требовались ли сани при погребеніи царевичей и царицъ — неизвѣстно, такъ какъ единичное указаніе, бывшее тогда въ виду, что тѣло царицы Татіаны Михайловны «несли на одрѣ, а не на саниахъ», не говоритъ положительно ни за, ни противъ.

Вслѣдъ этому возникло, по поводу нашей статьи, сообщеніе профессора Д. И. Анучина «Объ употребленіи различными народами саней, лодокъ и коней при погребеніи покойниковъ», прочитанное имъ въ засѣданіи императорскаго московскаго археологическаго общества, 22-го января текущаго года ²⁾, которое дозволяло намъ надежду найти въ немъ разрѣшеніе нашей оговорки, но, къ сожалѣнію, надежда наша не оправдалась.

Между тѣмъ, по поводу той-же нашей статьи къ намъ прислано заявленіе, что въ нее слѣдовало бы включить извѣстіе о томъ, что для оказанія почестей высокимъ духовнымъ властямъ ихъ ввозили въ Москву въ саниахъ; не смотря на лѣтнее время; такъ, напр., митрополита Филарета Никитича, при возвращеніи его изъ польскаго плѣна, ввезли въ Москву въ саниахъ, и что вообще сани въ древней русской жизни имѣли, очевидно, глубокій смыслъ. При этомъ ставились вопросы: не были ли сани, употребляемыя при погребеніи, какого янго устройства, и почему именно сани удостоивались такого почета?

¹⁾ Читано въ Археологическомъ институтѣ 25-го октября 1888 г., въ третью годовщину кончины основателя его — Николая Васильевича Калачова.

²⁾ „Московскія Вѣдомости“, января 24-го дня 1888 г., № 24.

Все это въ совокупности наложило на насъ обязанность содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, къ разрѣшенію затронутыхъ вопросовъ, но только не на основаніи произвольныхъ выводовъ, а по документальнымъ даннымъ. — и теперь, благодаря, во-1-хъ, открывшейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ Разряднаго приказа, въ «Записныхъ книгахъ» записи о погребеніи царевича Симеона Алексѣвича, во 2-хъ, сообщенію о царевнѣ Ксеніи Годуновой, помѣщенному въ «Исторіи Государства Россійскаго» и, въ 3-хъ, рисункамъ, входящимъ въ «Сказаніяхъ о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ», можно сообщить болѣе или менѣе опредѣлительные отвѣты.

Съ тѣмъ, что гробы съ тѣлами царевичей, не то что взрослыхъ, но и скончавшихся въ младенчествѣ, переносились до мѣста погребенія въ санихъ, знакомитъ упомянутая записъ о погребеніи царевича Симеона Алексѣвича, которую, ради заключающихся въ ней свѣдѣній: о совершеніи выноса и отпѣванія, а также и о придворной, по тогдашнему времени, обрядности, приводимъ буквально:

«Юня въ 12-й д. (1669 г.), за 2 часа до свѣта, изволеніемъ Всесильнаго Бога, великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, сынъ благовѣрный государь царевичъ и великій князь Симеонъ Алексѣвичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, отъ житія сего отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, отъ рожденія своего въ 4-е дѣто.

«И того жъ числа, въ 4-мъ часу дни, тѣло его благороднаго государя царевича, по нѣхъ государскому обыкновенному чину, положено въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ соборной церкви Архистратига Матаніла, вшедъ въ церковь на правой сторонѣ, съ прочими нѣхъ государскими средствами.

«А изъ царскихъ хоромъ до переградныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣвича несли столники комнатные.

«А тѣло благовѣрнаго государя царевича и гробъ покрыто было обьярью золотною.

«А у переградныхъ дверей изготовлены были сани, обиты сукномъ червчатымъ, и гробъ, и тѣло поставлены въ тѣ сани по тѣмъ же (sic) покровомъ; а сверхъ того прежняго покрыва покрыто было бархатомъ золотнымъ.

«А у переградныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича, Постельнымъ и Краснымъ крыльцами, на середнюю лѣстницу, до церкви Собора Архангела Михаила несли столники, перегибаясь.

«А изъ хоромъ до церкви Архангела Михаила передъ тѣломъ государя царевича шли священники и діаконы со святыми иконами; а за образы шли пѣвчіе діаки и пѣли надгробное.

«А потомъ шли митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимариты и игумены, прежь съ низяго чину.

«А послѣ того тѣло государя царевича несли.

«А за тѣломъ государя царевича шель отецъ его государевъ, благовѣрный великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, въ печальномъ въ смирномъ платьѣ.

«А за нимъ, великимъ государемъ, шли царевичи: грузинской Миколай Давыдовичъ, сибирской Алексѣй Алексѣевичъ, да бояря, и околничіе и думные и ближніе люди, и столники, и страпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы въ однорядкахъ и въ окобняхъ въ черныхъ, со свѣщами.

«А какъ тѣло благовѣрнаго государя царевича принесено къ церкви Михаила Архангела, и у палертныхъ дверей тѣло благовѣрнаго государя царевича встрѣтили: святѣйшій папа и патріархъ киръ Пансіей александрійскій, великій господинъ святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всеа Росіи.

«А встрѣтя, въ церковь шли передъ тѣломъ благовѣрнаго государя царевича.

«А у церковныхъ дверей изъ саней гробъ съ тѣломъ благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, до мѣста несли столники комнатные.

«А въ церкви литоргію и погребальная дѣйствовали святѣйшіе патріархи: папа и патріархъ киръ Пансіей александрійскій и судія вселенныя¹⁾, великій господинъ святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій и всеа Росіи, да съ ними митрополиты, и архієпископы, и епископы, и нныя власти и священники.

«И съ того числа, по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, у гроба блаженныя памяти благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Симеона Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, бояре, и околничіе, и думные люди, и діаки дневали и ночевали по росписи, а съ ними столники, по 10-ти человекъ, перемѣняясь»²⁾.

Дневанье и ночованье, или дежурство, состояло изъ бояръ, окольныхкихъ, и думныхъ дворянъ и дьяковъ, по одному отъ cadaго сословія, а съ ними

¹⁾ О титулѣ «Судія Вселенныя», принадлежащемъ патріархамъ александрійскимъ, объясняется въ «Сказаніи антиохійскаго патріарха Теодора Валсамана о томъ, почему александрійскій патріархъ носитъ золотую лиру и называется судіей вселенскимъ», слѣдующее: Теофилъ патріархъ александрійскій былъ призванъ греческимъ царемъ Василіемъ Багрянороднымъ и константинопольскимъ патріархомъ Евстафіемъ, чтобы разсудить ихъ въ сеорѣ, случившейся во время спора. Теофилъ учинилъ судъ, которымъ остались довольны оба, и царь и патріархъ, и за умиротвореніе Василій снялъ съ себя царскій вѣнецъ и возложилъ его на Теофила, а Евстафій надѣлъ на него свой эпитрахиль.—См. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Н. Гиббонета, 1882 г., ч. I, страница 113 и 114.

²⁾ Записныя книги № 16, лл. 262—265, Московскаго стола, Разряднаго приказа, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

при десяти столбикахъ, что и продолжалось до 28-го июля, т. е. до исхода сорока дней послѣ кончины царевича.

Ознакомясь по содержанію приведенной записи съ тѣмъ, что сани употреблялись и при погребеніи царевичей, при чемъ обивались сукномъ, можно съ полною увѣренностью сказать, что сани употреблялись и при погребеніи царевенъ, и что отмѣтка, сдѣланная въ записи о перенесеніи тѣла царевны Татіаны Михайловны, о томъ, что гробъ ея «несли на одрѣ, а не на саняхъ», служить указаніемъ на исключеніе изъ общаго правила относить гробы съ усопшими царевнами не иначе, какъ въ саняхъ.

Заявленіе же, присланное намъ, что въ статью нашу о погребальныхъ саняхъ слѣдовало бы включить сообщеніе, что для оказанія почестей высокимъ духовнымъ лицамъ, при вѣздахъ ихъ въ Москву, употреблялись и въ лѣтнее время сани, мы дополнимъ тѣмъ, что почестью этою пользовались не одни высокія духовныя лица, но что она предоставлялась и особамъ царствовавшего дома; такъ, напримѣръ, при перенесеніи тѣла царя Бориса Годунова, жены его, царицы Маріи, и сына его Феодора, изъ Варсонофьевскаго въ Троицко-Сергіевскій монастырь, бывшая царевна Ксенія Борисовна, находившаяся при проводахъ, ѣхала, не смотря на лѣтнее время, въ закрытыя саняхъ ¹⁾. Подобная же почесть была оказана, послѣ погребенія царя Алексѣя Михайловича, вдовѣ его, бывшей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, которую отъ церкви Архангела Михаила несли въ Верхъ, т. е. во дворецъ, въ саняхъ, о чемъ и упомянуто въ нашей первой статьѣ.

Замѣтлю, что при описаніи перенесенія тѣла царя Бориса, его жены и сына, взятаго нашимъ знаменитымъ историографомъ Н. М. Карамзинымъ изъ записокъ Бера и Петрея, онъ самъ или же, быть можетъ, редактору XII тома «Исторіи Государства Россійскаго», вышедшаго послѣ смерти Николая Михайловича, графъ Д. Н. Влудовъ какъ бы усумнился въ вѣрности сказанія Бера и Петрея, что царевна Ксенія, участвуя въ проводахъ, ѣхала лѣтомъ «въ саняхъ», а потому начечатавъ это слово курсивомъ.

Запросъ же, сдѣланный намъ, что не были ли сани, употребляемыя при погребеніи царствовавшихъ особъ, какого янаго устройства, разрѣшается сличеніемъ существующихъ нынѣ саней съ рисунками древнихъ саней, на которыхъ переносились и перевозились мощи святыхъ: великаго князя Владиміра Святославича и сыновей его, князей Бориса и Глѣба, для чего помѣщаются здѣсь три рисунка, взятые съ фотографическою точностью изъ «Сказаній о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ». Сказанія эти рукописныя, и по словамъ издателя ихъ, Измаила Ивановича Срезневскаго, любопытны, какъ остатокъ письма и рисовки первой половины XIV вѣка, письма тщательнаго, рисовки грубой, но письмо и рисовка такихъ лицъ, которыя передавали изводъ рукописи и рисун-

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго, т. XII, стр. 36, изданіе 4-е, Смирдина.

ковъ безъ нарочитыхъ измѣненій и подновленій. А такъ какъ первое сказаніе, по словамъ же г. Срезневскаго, написано лѣтописцемъ Несторомъ около 1113 года, а другое приписывается черноризу Іакову, писавшему около 1074 года, то не подлежитъ сомнѣнію, что рисунки саней, относящихся къ событіямъ 1015 года, вѣрны тогдашнему виду саней, сходственному съ видомъ саней настоящаго времени, то обстоятельство это указываетъ на то, что устройство саней для перенесенія на нихъ гробовъ съ тѣлами скончавшихся царей, царицъ и ихъ дѣтей было одинаковое съ санями, на которыхъ переносились и перевозились гроба съ скончавшимися великими князьями и съ ихъ дѣтьми.

Первый, помѣщаемый ниже, рисунокъ съ надписью: «Святополкъ потаи смерть отца своего», относится къ сказанію о приходѣ къ князю Борису, бывшему въ то время въ походѣ противъ печенѣговъ, вѣстника, сообщившаго ему: «како представися отецъ его Василии (въ се бо ния быше нареченъ въ святомъ хрѣщенъ), и како Святополкъ потаи смерть отца своего, и ночью, прогнавъ поможь на Берестовомъ, и въ коверъ оберетьѣвше, свѣсивъше оужи на землю, везше на саняхъ, поставиша въ церкви Святыя Богородица» ¹⁾.



Слѣдующій за этимъ рисунокъ съ надписью: «Несутъ святого Бориса на погребенье», относится къ тому мѣсту «Сказаній», гдѣ говорится о святомъ

¹⁾ Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, столбецъ 43; рисунокъ же между страницъ 56—57. Изданіе И. И. Срезневскаго, 1860 г.

Борисъ: «И тако окончыся и въсприятъ неувядомый вѣнецъ. И положиша тѣло его, принестьше тая, Вышегородѣ оу церкви святого Василия, въ земли погребоша и»¹⁾).



Последній рисунокъ съ надписью: «Везуть святого Глѣба на санкахъ въ рацѣ каменѣ»,—относится къ перенесенію мощей святыхъ Бориса и Глѣба во вновь сооруженную великимъ княземъ Изяславомъ церковь, при чемъ совершилось по «Сказаніямъ» слѣдующее чудо: «По семь же, взявше оуки, повезоша. И яко быша въ дверехъ, ста рака, не поступащи. И повелѣша народу звати: Господи, помилуй!.... И моляхуся Господеви и святыма—и абіе повезоша²⁾).

Что-же касается до заявленнаго намъ предположенія, что сани въ древней русской жизни имѣли, очевидно, глубокой смыслъ, а черезъ это имъ приданъ былъ особый почетъ, то въ этомъ можно усумниться. Мы смотримъ проще. Намъ кажется, что переносить и перевозить покойниковъ на саны въ доисторическія времена заставляла, просто, нужда, такъ какъ въ той глубокой древности у народцевъ славянскаго племени, до сплоченія ихъ въ Русь, переноска и перевозка покойниковъ производилась исключительно на санахъ

¹⁾ См. тамъ же, столбецъ 52; рисунокъ же на страницѣ 19-й.

²⁾ См. тамъ же, столбецъ 76; рисунокъ же на страницѣ 128-й.

потому, что другихъ повозокъ не было еще изобрѣнено. Съ такимъ остаткомъ древности можно повстрѣчаться и въ настоящее время на дорогѣ отъ города Повѣнца, Олонецкой губерніи, на Сумскій посадъ при Вѣломъ морѣ, гдѣ зане-

искутъ стѣгогаѣвана
санка хуѣвращѣка
мелѣ.:-



могшихъ въ пути богомольцевъ, идущихъ изъ С.-Петербурга и другихъ мѣстъ въ Соловецкій монастырь, перевозать и теперь, не взирая на лѣто, также въ саняхъ, за неизбѣиємъ телѣгъ. Но при развитіи у славянъ знаній и мастерства, или въ періодъ появленія у нихъ двухколесныхъ и четырехколесныхъ колъ (первообразъ теперешнихъ телѣгъ) ¹⁾, Русь, какъ и прочіе народы, по привязанности къ старинѣ, продолжала переносить и перевозить покойниковъ по прежнему въ саняхъ. И это вошло въ коренной обычай. Обычай же, переходя изъ рода въ родъ, освятился давностью вѣковъ и сталъ примѣняться къ важнымъ событіямъ, для выраженія особаго почета къ лицамъ, нѣвшимъ на это право при жизни, какъ великіе князья и цари, а за ними и ихъ семьи, или заслуживающимъ такой, при встрѣчѣхъ ихъ, отличительной торжественности, какъ высокія духовныя лица.

Аскалонъ Ник. Труворовъ.

25-го октября 1868 г.

¹⁾ Отзвукъ о существованіи „колъ“ сохранился нынѣ, во 1-хъ, въ наименованіи двухколесной повозки одноколкою и, во 2-хъ, въ поговоркѣ про бобыля: „у него ни кола, ни двора, ни мила живота“. А. Т.

Генераль-фельдцейхмейстеръ Миннихъ

1730 г. ¹⁾.

I.

«1730 г. іюня въ 12 день, по указу ея императорскаго величества, канцелярія главной артиллеріи и еортиенкаціи, по репорту артиллерійскаго купчины Михаила Вихарева, сего іюня 10 дня, приказали: приторгованныя имъ Вихаревымъ въ артиллерійскій лазаретъ для паренія больнымъ сосновыѣхъ нишекъ, корчагъ десять у купецкаго челоуѣка Григорія Иванова, цѣною каждая по три копѣйки, купить и отдать подпорутчику Лутовскому съ роспискою, а деньги по торгованной цѣнѣ, всего тридцать копѣекъ, для отдачи оному продавцу выдать означенному купчинѣ Вихареву отъ артиллерійской казначейской должности, записавъ въ расходъ съ роспискою, а ему купчинѣ, отдавъ тому продавцу и взявъ въ приѣмъ оныхъ росписку, объявить тое росписку ко оной казначейской должности, и о томъ къ той должности послать указъ». Münnich.

II.

«1730 г. іюля въ 31 день, по указу ея императорскаго величества, канцелярія главной артиллеріи и еортиенкаціи по рапорту артиллерійскаго купчины Ивана Иванова сего іюля 21 дня, приказали: приторгованныя имъ Ивановымъ, по требованію подполковника Фонзаса, для умягченія чугуныѣхъ пушекъ нижеозначенныя припасы, а именно: у компанейщика Ивана Маркова пива десять анкерковъ по штидесяти копѣекъ, у дворцоваго крестьянина Зиновья Агафонова дровъ березовыѣхъ три сажени по рублю по тридцати копѣекъ купить, и деньги по сторгованной цѣнѣ всего девять рублей девяносто копѣекъ для отдачи онымъ продавцамъ выдать отъ артиллерійской казначейской должности оному купчинѣ, записавъ въ расходъ съ роспискою, а ему Иванову тѣ деньги роздать помянутыѣмъ продавцамъ, съ росписками-жъ, и тѣ росписки для отчета подать къ казначейской должности и о томъ ко оной должности послать указемъ». Münnich.

Сообщ. А. И. Савельевъ.

¹⁾ Копія съ указовъ, см. Архивъ генераль-фельдцейхмейстера, № 157, св. 23 дѣла 1730 года.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1809—1815 гг.

I.

Комическая опера «Дидона на изнанку».

Въ 1809 году 14-го ноября на Петрозаводскомъ театрѣ, находившемся подъ наблюдениемъ олонецкаго гражданскаго ¹⁾ губернатора, была представлена недавно сочиненная комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ «Дидона и Эней» или «Дидона на изнанку». Поставлена была на сцену эта опера, по всей вѣроятности, по личному желанію губернатора, а потому дѣло обошлось безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, представителемъ которой въ Петрозаводскѣ былъ директоръ олонецкихъ училищъ. (Цензура въ то время находилась въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія). Уже по представленіи оперы, мѣстный цензоръ офиціально просилъ губернатора прислать ему рукопись для разсмотрѣнія, но не получилъ отвѣта на свое отношеніе. Подобное нарушеніе цензурныхъ правилъ олонецкимъ губернаторомъ было не въ 1 разъ. Въ 1805 году, 30-го августа, на петрозаводскомъ театрѣ была представлена пьеса «Прологъ на всерадостнѣйшій день тезоименитства его императорскаго величества», напечатанная въ типографіи олонецкаго губернскаго правленія безъ разрѣшенія цензуры, при чемъ олонецкое губернское правленіе не исполнило даже просьбы своего цензора, состоявшей въ томъ, чтобы ему прислать экземпляръ книги, а также увѣдомить, сколько экземпляровъ этой книги напечатано, по чьему приказанію и кто авторъ, «для подробнѣйшаго о семъ донесенія цензурному комитету». Впрочемъ, «Прологъ» былъ воплотѣ

¹⁾ Олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ В. Ф. Мертен съ съ 1804—1821 г., см. памятн. книжку Олон. губ. 1868 г., ч. III, стр. 214.

благонямѣренъ по содержанію, а потому цензоръ оставилъ это дѣло безъ послѣдствій. Въ послѣднемъ же случаѣ нарушеніе цензурныхъ правилъ было болѣе серьезное, такъ какъ пьеса едва ли могла получить одобреніе, а потому цензору ничего не оставалось, какъ донести объ этомъ нарушеніи с.-петербургскому цензурному комитету.

Комитетъ, признавъ жалобу вполне основательной, сдѣлалъ донесеніе своему ближайшему начальнику попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцеву, а послѣдній министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому.

Послѣ этого рукопись была вытребована отъ олонецкаго губернатора и передава для разсмотрѣнія въ цензурный комитетъ, который высказался о ней такъ въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія отъ 12-го іюня 1810 года.

«Во-первыхъ: Пьеса сія не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ и каковая есть даже въ «Русалкахъ» и другихъ имъ подобныхъ комическихъ операхъ, не говоря уже о томъ эпизодѣ Виргилиевой Энеиды, которая служитъ оригиналомъ сей пародіи.

«Во-вторыхъ: Вся пьеса пренеполнена выраженной слишкомъ подлымъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо, если ихъ произносить Эней или Дидона, или другія важныя особы, напр.: вся глотка пересохла и проч.; а послѣ они насъ такъ взбудетенили, что небо съ овчинку показалось и проч.; Охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется.

«Въ третьихъ: Комитетъ почитаетъ неприличнымъ выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и непристойномъ видѣ. Даже въ Русалкахъ князья и княгини не забываютъ своего достоинства и приличной важности.

«Въ четвертыхъ: Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности, напр., Эней говоритъ ему: «Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя суеть», также: «сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро» и проч.

Въ пятыхъ: Пьеса сія вообще ни къ чему иному служить не можетъ, какъ только къ поврежденію вкуса, распространенію подлымъ выраженной въ народѣ и оскорбленію тонкаго чувства благородныхъ зрителей. «Въ уваженіе прописанныхъ причинъ и основываясь на 15 и 18 статьяхъ устава о цензурѣ, коими предписано при цензорскомъ разсматриваніи сочиненій наблюдать, чтобы въ оныхъ не было мыслей и выражений, оскорбляющихъ нравственность и благопристойность; также на 2 статьѣ того же устава. коею постановлено: главнымъ предметомъ разсматриванія цензурою сочиненій имѣть доставленіе обществу книгъ и сочиненій, способствующихъ къ истинному просвѣ-

щенію ума и образованію правовъ и удаленію книгъ и сочиненій, противныхъ сему намѣренію....., комитетъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что означенная пьеса не заслуживаетъ быть одобрена ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ».

II.

Донесеніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета министру народнаго просвѣщенія графу А. Н. Разумовскому о рукописи: «Описаніе достопамятныхъ происшествій въ Арменіи, случившихся въ послѣдніа 30 лѣтъ, т. е. отъ патриаршества Симеонова (1779) до 1809 года. Сочиненіе князя Егора Хубова, переводъ съ армянскаго.»

9 го сентября 1810 года.

«1) Судя по заглавію, въ рукописи сей должны бы содержаться происшества, случившіяся въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ; но въ самомъ дѣлѣ въ ней описаны только дѣйствія главнокомандовавшаго въ тѣхъ странахъ генерала князя Циціанова съ 1803 по 1807 годъ; предшествовавшихъ же обстоятельствъ авторъ коснулся только слегка.

2) Рукопись сія преисполнена мыслей и выражений оскорбительныхъ для чести покойнаго князя Циціанова, коего дѣйствія, виды и предпріятія во многихъ мѣстахъ представлены въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

3) Все сочиненіе вообще писано слабымъ и недовольно обработаннымъ слономъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаетъ и смыслу.

Цензурный комитетъ, основываясь на правилахъ высочайше подтвержденнаго устава о цензурѣ, коимъ запрещены книги предосудительныя для чести гражданина и сверхъ того имѣя въ виду предписаніе главнаго правленія училищъ отъ 19-го февраля сего года касательно до всеобщаго наблюденія за чистотою языка въ книгахъ, на разсмотрѣніе комитета представляемыхъ, нужнымъ находить, чтобы вышепомянутая рукопись была исправлена надлежащимъ образомъ господиномъ переводчикомъ, ежели онъ имѣетъ намѣреніе оную напечатать».

Князю Хубову разрѣшено было напечатать его книгу лишь съ высочайшаго разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы «при печатаніи всѣ листы были доставляемы въ цензурный комитетъ для поправленія погрѣшностей въ чистотѣ слога».

III.

Донесеніе въ с.-петербургскій цензурный комитетъ цензора Яценкова 17 декабря 1812 г.

«Представленную въ здѣшній цензурный комитетъ отъ г. Волынскаго рукопись подъ заглавіемъ «Новый Россійскій и Нѣмецкій Букварь» съ нѣмецкимъ переводомъ разсматривалъ я еще въ іюнѣ мѣсяцѣ и возвратилъ сочинителю для исправленія замѣченныхъ мною мѣстъ. Нынѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ сочинитель представилъ оную вторично, яко-бы исправленную. Почему я и разсматривалъ ее вновь въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, какъ учебную книгу, назначаемую для обученія множества, и во вторыхъ, по предмету содержащихся въ оной статей. Въ обоихъ сихъ отношеніяхъ нашелъ я въ сей книгѣ слѣдующіе недостатки:

1. Какъ учебная книга, она содержитъ въ себѣ ложныя правила русскаго языка, превратное правописаніе онаго и неправильный слогъ, а также совершенное незнаніе нѣмецкаго языка и неправильный переводъ на оное. Въ доказательство чего представляю слѣдующее: 1) Въ Россійскій алфавитъ введены буквы иностранныхъ языковъ, которыхъ въ нашемъ совѣщѣ нѣтъ, какъ-то: іотъ, иксъ, цѣтъ; также диеголасныя: ä, ö, ü.

2) Въ нѣмецкомъ алфавитѣ введены буквы русскія, коихъ въ нѣмецкомъ совѣщѣ нѣтъ, какъ то: ч, ш, щ, ъ, ѝ, џ.

3) Въ русскаго правописаніи вводится такія новости, которыя нѣкъмъ еще не приняты, а посему не могутъ быть приличны въ книгѣ учебной, назначаемой для учащагося юношества, напр.: сочинитель предлагаетъ писать «Гэврай, мѡбли, дубекъ, княгиня».

4) Вымышлены новыя совѣщѣ неслыханныя въ русскомъ языкѣ буквы: тзсг, зсг, зсгзсг, для которыхъ сочинитель общаетъ вырѣзать особыя фигуры или знаки.

5) Неправильность слога, неясность и вообще незнаніе русскаго языка видны на каждой страницѣ, особенно же въ собственныхъ его сочиненіяхъ.

6) Незнаніе нѣмецкаго языка видно также на каждой страницѣ; нельзя найти ни одной строчки, которая была бы чисто и правильно написана по нѣмецки.

Всѣ такыя погрѣшности и неприличныя нововведенія могли бы привести въ заблужденіе учащихся и напять умы ихъ ложными правилами языка, если бы рукопись сія была напечатана.

II. По предмету содержащихся въ сей рукописи статей я замѣтилъ въ оной множество ложныхъ правилъ правствонности, несогласіе съ церковными нашими книгами, незнаніе исторіи, выраженій предосудительныхъ чести Петра I

и другіхъ противныхъ правительству статей. Въ доказательство чего приведу слѣдующее: стр. 8, «говорить приносить честь»; стр. 32, «если ты великъ и властенъ безъ науки, то ты больше ничего не значишь, какъ деревянный болванъ въ крапормомъ храмѣ»; стр. 34, «однѣ знакомыи не цѣлый рай», также «остерегайся тѣхъ людей, которые краснорѣчивы». Вообще во всѣхъ молитвахъ есть несходства съ церковными, иныя менѣе важныя, другія существенныя. Я приведу здѣсь только нѣкоторыя: стр. 16, «Царю небесный утѣшителю душей истинныхъ, иже вездѣ сѣя». Что сѣе не есть описка при перепискѣ это доказывается нѣмецкимъ переводомъ: *Tröster der wahren Seelen*», стр. 18; «Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣхахъ роди мѣ мати моя», также «научу беззаконія путемъ твоимъ». Сочинитель вездѣ пишетъ амень вмѣсто аминь и прѣсно вмѣсто присно. Стр. 15, въ символѣ вѣры сѣи слова: «единосущна Отцу, имже вся быша» переведены такъ: *der mit allem was da war des Vaters Wesens ist*. Также сѣи слова: «Господа животворящаго и славимаго, глаголавшаго пророки», переведены такъ: «*der den Herrn belebte und dessen Profecelungen verherrlichtet werden*». Стр. 46. Императора Трояна сочинитель счелъ за короля Троянскаго и перевелъ его такъ: «*der Kaiser von Trojaner*». Стр. 64 и далѣе. Астрономическія наблюденія Волинскаго не сходствуютъ съ тѣми, которыя преподаны ученѣйшими въ сѣмъ родѣ мужами. Неприлично ввухать молодымъ ученикамъ такое ученіе, которое еще не доказано за истинное и можетъ поселить въ незрѣлыхъ умахъ ложныя мысли. Стр. 66. То же сказать слѣдуетъ о мнѣніи сочинителя, объ обитателяхъ неба и земли, гдѣ также предлагается ученіе о герригутерахъ, довольно предосудительное. Всѣ прочія повѣсти, въ сей рукописи приведенныя, преисполнены нелѣпностей, съ здравымъ разсудкомъ несогласныхъ, особенно же предосудительна статья: Побѣда подъ Полтавой; наконецъ, на стр. 85 и далѣе сочинитель приводитъ въ подозрѣніе пользу отъ прививанія коровьей оспы, что совершенно противно благотворнымъ намѣреніямъ правительства о распространеніи сего полезнѣйшаго открытія.

Въ предисловіи къ сей книгѣ сочинитель порицаетъ всѣ изданныя въ сѣмъ родѣ сочиненія, поставляетъ свое, можно сказать, на ряду съ богодухновенными твореніями.

По всѣмъ такимъ уваженіямъ признаю я рукопись сію достойною запрещенія. О чемъ представляю на усмотрѣніе ¹⁾ комитета.

1812 г., декабря 17, цензоръ Г. Яценковъ.

¹⁾ Комитетъ согласился съ мнѣніемъ Яценкова.

IV.

Донесеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю С.-Петерб. округа С. С. Уварову на запросъ его, почему не пропущены цензурой басни Измайлова „Раскольникъ Аввакумъ“ и „Кошка, превращенная въ женщину“. 21 апр. 1812 года.

Цензурный комитетъ имѣеть честь донести, что онъ въ 1-ой изъ сихъ двухъ басенъ не находитъ съ своей стороны ничего противнаго правиламъ устава о цензурѣ, но какъ имѣеть словесное приказаніе его сіятельства господина министра нарочнаго просвѣщенія, объявленное чрезъ г. директора департамента въ прошломъ генварѣ мѣсяцѣ, чтобы въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволялось ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры, по какой причинѣ въ одной книгѣ выкинута цѣлая статья о раскольникахъ, не заключающая въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры—то комитетъ въ исполненіе таковой воли г. министра принужденнымъ нашелся означенную басню Раскольникъ Аввакумъ запретить печатать.

Что же принадлежитъ до другой басни: Кошка, превращенная въ женщину, то въ оной замѣчены для исправленія сіи три стиха, заключающіе въ себѣ мысль слишкомъ вольную:

„И кошка женщина спать съ мужемъ ужъ легла,
Онъ съ ветерѣніемъ, бѣдвяжка, дожидался минуты роковой“...

по смягченіи которыхъ оная басня къ напечатанію дозволена быть можетъ.

V

„Сынъ Отечества“: объ англійскомъ парламентѣ.

С.-Петербургскому цензурному комитету.

Въ № 50 журнала «Сынъ Отечества», въ статьѣ объ англійскомъ парламентѣ, замѣтивъ нѣсколько неосторожныхъ выраженій, предлагаю комитету обратить свое вниманіе на выписки изъ листковъ и на рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ. Нерѣдко находятся въ нихъ изреченія и извѣстія, которыхъ въ нашихъ журналахъ обнародовать невсможно. При семъ случаѣ предлагаю также имѣть въ виду смягчать мало по малу колкій и грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ Европѣ и къ намъ. Журналисты, писавшіе въ 1812 году, должны иначе писать въ 1815-мъ. мало по малу согласоваться съ намѣреніями правительства и содѣйствовать къ распростра-

ненію мирныхъ сношеній, слѣдую такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей. Само собой разумѣется, что сіе правило должно быть хранимо между членами комитета и при каждомъ случаѣ наблюдаемо столько, сколько благоразуміе и опытность каждому цензору внушить могутъ.

12 декабря 1814 года. Попечитель Слб. учебнаго округа Сергій Уваровъ.

VI.

Принятіе Александромъ I титула короля польскаго.

Отношеніе министра нар. просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову.

10 мая 1815 года.

Милостивый государь мой Сергій Семеновичъ! Въ вышедшемъ вчера листочкѣ подъ заглавіемъ «Къ читателямъ Сына Отечества» напечатанъ высочайшій его императорскаго величества рескриптъ на имя президента варшавскаго сената графа Островскаго о принятіи его величествомъ титула короля польскаго. Хотя въ семъ листочкѣ и сказано, что рескриптъ почерпнутъ изъ чрезвычайнаго прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ», однако жъ ваше превосходительство безъ сомнѣнія сами видите, сколь неприлично помѣщать въ частномъ журналѣ извѣстіе о столь важномъ политическомъ событіи, до Россіи касающемся, когда наше правительство не признало еще за благо обнародовать оное. Весьма непріятно для меня напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ о ихъ обязанностяхъ. Въ настоящемъ случаѣ прошу васъ, милостивый государь мой, сдѣлать строжайшій выговоръ, какъ цензору, одобрявшему помянутый листокъ, такъ и самому издателю «Сына Отечества», которому надлежало бы знать, что подобныхъ статей въ его журналѣ помѣщать не слѣдуетъ; на будущее же время предписать цензурному комитету, дабы отнюдь не позволялъ помѣщать въ частныхъ изданіяхъ ни официальныхъ статей, особенно, высочайшихъ рескриптовъ, ни извѣстій о важныхъ происшествіяхъ, до Россіи относящихся, ежели не будутъ оныя напередъ обнародованы отъ правительства. Пребываю и проч. графъ Алексѣй Разумовскій.

Примѣчаніе. Изъ донесенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю округа отъ 18 мая 1815 года видно, что «никто изъ цензоровъ означеннаго листка не одобрялъ своею подписью и онаго прежде напечатанія не выдалъ. Издатель-же для скорѣйшаго сообщенія читателямъ его журнала извѣстія, напечатаннаго въ Варшавѣ съ дозволенія російскаго-же тамъ учрежденнаго правительства, не усумнился напечатать оное, не представивъ цензору въ рукописи для разсмотрѣнія и подписанія».

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

1824 г.

11 сентября 1824 года бывший министр народных просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ произнесъ въ главномъ правленіи училищъ рѣчь, весьма характерную для лица, занимавшаго въ то время постъ главнаго насадителя просвѣщенія въ народѣ. Рѣчь эта была въ свое время напечатана въ «Запискахъ департамента народнаго просвѣщенія», 1825 г., кн. I-я:

«Милостивые государи! Благоугодно было его императорскому величеству облекъ меня честію предсѣдательства между вами. Чувствую и сожалѣю, что болѣзни и старость лѣтъ моихъ, измѣняя моему усердію, не допускаютъ меня дѣйствовать съ тою подвижностію и быстротою, съ какою желалъ бы я священной воли его быть исполнителемъ. Но я ниѣю въ васъ, почтенные сотрудники мои, надежныхъ помощниковъ, и потому твердо увѣренъ, что недостатокъ силъ моихъ вознаградится вами къ общей пользѣ ревностію. Ваши труды и старанія облегчатъ мое бремя; ваше попеченіе и прозорливость подкрѣпятъ мою мерцающую память и слабѣющіе взоры. Намъ поручено дѣло важное: надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ россійскаго юношества. Мы дадимъ Богу и отечеству отвѣтъ, если незначительно будемъ исполнять долгъ свой и обязанность. Благодарность или справедливыя укоризны родителей, счастье или злополучіе дѣтей ихъ готовятся изречь надъ нами судъ свой въ будущія времена. Перенесемъ воображеніемъ чрезъ 6 или 7 пятилѣтій впередъ, и взглянемъ мысленно на послѣдствія нашихъ дѣяній. Мы увидимъ великое число разсѣянныхъ по пространству Россіи мужей, иныхъ ратующихъ въ полѣ, иныхъ засѣдающихъ въ судѣ, иныхъ упражняющихся въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ. Всѣ они, въ юныхъ лѣтахъ своихъ, наставляемы были людьми, подъ нашимъ смотрѣніемъ находившимися. Наставленія въ маломъ возрастѣ, подобно цѣлебнымъ или вредоноснымъ, для тѣлеснаго здравія, сокамъ, дѣйствуютъ на человѣчскій разумъ, нравъ и душу, и часто остаются до самой глубокой старости неизгладимыми. Итакъ, если воспитываемое во множествѣ

училищъ юношество отъ нерадѣнія нашего возрастеть и возмужаетъ съ вѣкоторыми недостатками и пороками, если неутвержденное въ благоговѣніи въ Богу, въ преданности государю и отечеству, въ любви къ правдѣ, въ чувствованіи чести и человѣколюбія заразится оно лжемудрыми умствованіями, вѣроглагольными мечтаніями, пуллою гордостію и пагубнымъ самолюбіемъ, увлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ, и чрезъ то дѣлающимъ его въ старости юношею, если, говорю, подобныя небреженія допустятся быть существующими въ училищахъ, или не возьмутся къ отвращенію ихъ всѣ возможныя мѣры, то сколько впоследствии времени произойдетъ отъ того зла и въ воинскихъ ополченіяхъ, и въ судебныхъ засѣданіяхъ, и въ исполненіи всякихъ должностей, и въ семействахъ, и вообще въ пользахъ общезитія. Науки, изощрающія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго. Онѣ сколько полезны въ благоправномъ человѣкѣ, столько же вредны въ злонаправномъ: ибо служатъ ему способами къ изобрѣтенію и удобнѣйшему исполненію внушаемыхъ въ него страстями побужденій и къ развращенію тѣхъ, кои безъ коварныхъ его совѣтовъ остались бы въ простотѣ ума и сердца своего добродушными. Сверхъ сего науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. Наставлять земледѣльческаго сына въ риторикѣ было бы приуготовлять его быть худымъ и бесполезнымъ или еще вреднымъ гражданиномъ. Но правила и наставленія въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ доброй нравственности, нужны всякому, не выводить никого изъ опредѣленнаго ему судьбою мѣста и во всѣхъ состояніяхъ и случаяхъ дѣлаютъ его и почетнымъ, и кроткимъ, и довольнымъ, и благополучнымъ. Благочестивый поселянинъ, прилежный въ дѣлѣ своемъ, добрый мужъ, чадолюбивый отецъ, мирный сосѣдъ, утѣренный въ своихъ желаніяхъ, не скучающій въ потѣ лица доставать себѣ насущный хлѣбъ, несравненно просвѣщеннѣе для меня, нежели хитрый мудрецъ, знающій всѣ науки, но который, послѣдуя движенію безнравственныхъ страстей своихъ, мучитъ самъ себя безпрестанными мечтаніями и совращаетъ другихъ съ истиннаго пути спокойной жизни. Я увѣренъ, милостивые государи, что сіи понятія мои объ истинномъ просвѣщеніи не различествуютъ съ вашими, и надѣюсь, что на семъ основаніи, творя волю поспышаго насъ, можемъ мы усердіемъ и попеченіемъ своимъ призвать на себя благодать Божию, удостоиться монаршаго благоволенія и принести посильныя услуги отечеству».

Сообщ. А. В. Смирновъ.

Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ: „Домъ сумасшедшихъ“.

1825 г.

Балагурь, что все святое ¹⁾
 Въ смѣхъ и шутку обратилъ,
 И безсмысліе пустое
 Въ видъ блестящій нарядилъ.
 Ничего не давъ въ замѣну
 Имъ осмѣянныхъ даровъ,
 То какую же дать цѣну
 Остротъ пустыхъ лишь словъ?
 Сердцу злomu и безъ вѣры —
 Гордому при томъ безъ мѣры,
 Даръ витійства будетъ то-жъ,
 Что разбойнику дать ножъ.
 Дать видъ глупой и нелѣпой
 Вѣкъ нашъ красящимъ умамъ
 Лишь злодѣи одинъ свирѣпой
 Можетъ, не краснѣя самъ.
 Скаловубъ нашъ забавляетъ
 Слабоумныхъ лишь людей —
 Просвѣщенныхъ удивляетъ
 Только дерзостью своей.
 Здѣсь являясь не съ защитой
 Просвѣщенныхъ тѣхъ мужей;
 Въ старости моей маститой
 Жаль младыхъ моихъ друзей.
 Стрѣстью молодость набита
 Къ остротъ пустыхъ лишь словъ:
 Не составила бы свита
 Остроумнѣйшихъ ословъ.

¹⁾ Ибо цѣль сочиненій почтеннаго друга человѣчества и истиннаго сына отечества г. Шишкова доказать красоту и пользу церковныхъ священныхъ нашихъ книгъ представлена тутъ въ шутовскомъ нарядѣ—читая то, одинъ только Адромелехъ можетъ съ удовольствіемъ улыбнуться. Авторъ (1825 г.).

Послѣ мерзкой сей утѣхи
 Не послѣдовалъ бы плачь?
 А пресѣчь такіе смѣхи
 Лучшій цензоръ есть палачъ!
 Не кричи, поэтъ любезный,
 Что безграмотный старикъ
 Смѣетъ дать совѣтъ полезный.
 Вреденъ зтотъ тебѣ крикъ.
 (Отъ насмѣшекъ пользы мало
 Или вовсе ничего;
 Есть острѣй твоего жало;
 Такъ ужалать самого.
 Ты имѣешь даръ поэта —
 Данъ тебѣ онъ не на смѣхъ:
 Имъ блистай ты къ пользѣ свѣта,
 А кошунствовать есть грѣхъ.
 Не болтай, что я не мастеръ,
 Такъ какъ ты, писать стихи.
 Я имѣю добрый пластырь
 Залечить твои грѣхи.
 И безъ правилъ стихотворства
 Можетъ чистая душа
 Шалунамъ не дать потворства,
 Къ нимъ любовію дыша.
 Не болтай того ты мнѣ,
 Что пригрѣзилось во снѣ.
 Во дни думай лишь благое,
 Не пригрѣзится пустое ¹⁾.
 Если мой совѣтъ сномъ новымъ
 Усипитъ тебя когда,
 Уголокъ мнѣ дать съ Хвостовымъ
 Для меня то не бѣда.
 Но что-бъ въ явѣ онъ не сбился
 Надъ твоею головой,
 Даруй, Богъ, чтобъ озарился
 Свѣтомъ истины умъ твой!!!
 Умъ безъ вѣры есть гнилушка,
 Что блистаетъ по ночамъ;
 Но при свѣтѣ то игрушка
 Не прелестная очамъ.
 Брось изъ черепа химеры ²⁾
 И пустова не труби,
 Питай сердце духомъ вѣры,
 Бога чтить и всѣхъ люби!!!

¹⁾ Молись, да и соннымъ безмолвіемъ просвѣтятся, зрѣніемъ судебъ Твоихъ, Господи.

²⁾ Химеры избрали себѣ въ жилахъ не умныя головы, а пустые черепа.

Автор (1826 г.).

Не съ ежиднымъ яда жаломъ,
 Какъ сокрытая змѣя —
 Воспаленъ къ добру бывъ жаромъ,
 Написалъ въ любви къ вамъ я.

М. Жуковъ,

а не Жуковский, котораго окуталъ ты длиннымъ саваномъ, сельской
 житель, 77-ти-лѣтній старикъ, помѣщикъ села Благовѣщенскаго.

Примѣчаніе. Авторъ препроводилъ это стихотвореніе къ А. С. Шиш-
 кову, называя его „другомъ протекшей юности“, при письмѣ, въ которомъ,
 между прочимъ, пишетъ: „Довольно уже протекло времени, какъ духъ мой
 (слившійся вѣкогда во едино съ духомъ вашимъ) сосредоточился только въ
 самомъ себѣ. Я находился нѣсколько лѣтъ, такъ сказать, въ пріятной для
 меня спячкѣ, услаждаясь удовольствіемъ не мѣшать благородному духу
 вашему дѣйствовать на пользу общую,—особенно же въ настоящемъ вашемъ
 званіи министра просвѣщенія. Но отъ сей пріятной спячки разбудили меня
 стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ Домъ Сумасшедшихъ (sic)“.

9-го марта 1825 г.

Сообщ. 7-го іюля 1876 г. Н. П. Барсуковъ.

Отъ Редакціи. Курьезное посланіе нѣкоего Жукова къ Шишкову,
 1825 года, извлеченное нами изъ архива „Русской Старины“, въ сообщеніи
 Николая Платона Барсукова, является однимъ изъ интересныхъ примѣ-
 чаній къ тексту весьма извѣстной шутки-сатиры А. Ѳ. Воейкова: „Домъ
 Сумасшедшихъ“; полный текстъ ея напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, по
 двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одна писана рукою самого автора. См.
 „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ IX, стр. 579—604; изд. 1875 г., томъ
 XII, стр. 584—590.

Алексо́й Ива́новичъ Лакоте́

въ 1812—1842 гг.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., томъ LX, въ «Повѣсти о самомъ себѣ»,—посмертныя записки академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, гл. XIV—XV, на стр. 305-й и далѣе, упоминается объ Алексѣѣ Ивановичѣ Лакотѣ. Я сынъ упоминаемой личности, и былъ пріятно изумленъ и польщенъ тѣмъ, что прочиталъ здѣсь о моемъ отцѣ. Въ первый разъ въ жизни я встрѣтилъ печатный отзывъ о личности моего отца. Мнѣ тѣмъ болѣе это пріятно, что отзывъ о личности моего отца весьма хорошій. Мнѣ лестно, что мой отецъ, какъ я узнаю изъ «Записокъ», пользовался расположеніемъ, даже болѣе, пріязнью такихъ высокоуважаемыхъ лицъ, какъ покойный профессоръ и академикъ А. В. Никитенко.

Отецъ мой, по мѣсту своей службы, занималъ весьма скромное общественное положеніе, и я никогда бы не вздумалъ самъ говорить о немъ печатно, если бы не сдѣлано было о немъ упоминаніе въ «Запискахъ». Понимая всѣми высокоцѣнный журналъ «Русская Старина» какъ хранилище фактовъ истины и правды, я рѣшаюсь напечатать въ немъ въ дополненіе, разъясненіе и исправленіе напечатаннаго о моемъ отцѣ.

Отецъ мой былъ сынъ роляиста-эмигранта, Ивана Петровича Лакоте, прѣбывшаго въ Россію въ свитѣ принца Конде; Ив. Лакоте принятъ былъ въ русскую службу съ чиномъ надворнаго совѣтника и находился при дворѣ въ качествѣ учителя (какого-либо предмета или искусства—не знаю). Дѣдъ мой женатъ былъ на воспитанницѣ графа Разумовскаго. Родители моего отца скончались въ Петербургѣ скоропостижно. Осталось послѣ нихъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ мой отецъ и братья его, мой дядя Адрианъ Ивановичъ. Мальчики были присланы, по высочайшему повелѣнію, на воспитаніе въ Москву въ университетскій благородный пансіонъ. Надо полагать, что отецъ вышелъ изъ пансіона (вѣроятно, по окончаніи курса) во время войнъ Россіи съ Франціею, впрочемъ, гораздо позже 1812 года. По выходѣ изъ пансіона, бумагъ отца не оказалось: можетъ быть, онѣ совсѣмъ не были присланы изъ Петербурга, можетъ быть затерялись въ Москвѣ въ 1812 году. Начальство пансіона выдало ему аттестатъ, написавши его по памяти «Лакоте»; дядѣ позже былъ выданъ аттестатъ съ буквою н, «Лакотѣ». Такъ и впоследствии

ствѣи меня и брата, воспитывавшихся въ гражданскихъ заведеніяхъ, писали: Лакомте, а двухъ другихъ братьевъ, воспитывавшихся въ военныхъ заведеніяхъ, писали: Лаконте.

Не знаю, служилъ-ли мой отецъ въ военной службѣ въ качествѣ вольноопредѣляющагося, какъ пишетъ А. В. Никитенко, но онъ дѣйствительно участвовалъ въ походахъ противъ французовъ и имѣлъ медали за кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ. Братъ моего отца, Адрианъ Ивановичъ, служилъ также въ военной службѣ, на Кавказѣ, во время войны Россіи съ Персією, 1826—1828 гг.; отличился и былъ награжденъ за храбрость при взятіи Ахалцыха.

Свѣдѣнія о воспитаніи отца и о первыхъ годахъ его службы я имѣю, какъ преданіе, отъ моей матери. По смерти отца я остался 10-ти лѣтъ.

Послѣ походовъ противъ французовъ отецъ, надо думать, находился хотя и при военномъ генералѣ Юзефовичѣ, но занимался гражданскими дѣлами, былъ бухгалтеромъ штаба 1-й уланской дивизіи, какъ значителенъ въ выданномъ уже мнѣ метрическомъ свидѣтельствѣ.

Женился отецъ въ Москвѣ на падчерницѣ Дмитрія Петровича Смирнова, роднаго дяди Николая Михайловича Смирнова, бывшаго калужскимъ, а потомъ петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ (его супруга, А. О. Смирнова, хорошо извѣстна многочисленнымъ читателямъ «Русской Старины»).

Хорошее образованіе отца, основательное знаніе французскаго языка, владѣніе русскимъ языкомъ—были извѣстны нѣкоторымъ авторитетнымъ лицамъ въ Москвѣ; мнѣ приходилось слышать уважительные отзывы о моемъ отцѣ отъ бывшаго директора главнаго педагогическаго института, впоследствии сенатора, И. И. Давыдова, и отъ историка М. П. Погодина; они помнили отца по университетскому пансіону. Вѣроятно, благодаря этимъ лицамъ, мой отецъ, не имѣя никакого диплома на званіе преподавателя французскаго языка, въ 1830-хъ годахъ получалъ мѣсто учителя французскаго языка и надзирателя при существовавшемъ въ то время (послѣ закрытомъ) мужскомъ отдѣленіи московскаго воспитательнаго дома, а въ 1840-хъ годахъ получилъ такое же мѣсто при московскомъ коммерческомъ училищѣ. На этомъ послѣднемъ мѣстѣ своей службы мой отецъ скончался въ 1842 году, 42-хъ лѣтъ.

Какъ преподаватель и воспитатель, отецъ мой пользовался любовью и уваженіемъ своихъ учениковъ; такой отзывъ мнѣ, напр., сдѣлалъ директоръ гимназій императорскаго человеколюбиваго общества А. А. Голыцынскій, бывшій воспитанникъ московскаго воспитательнаго дома.

Михаилъ Лакомте,

преподаватель исторіи и географіи реальнаго училища и женской гимназій въ г. Иваново-Вознесенскѣ, бывшій директоръ Саратовской гимназій.

Михаилъ Шумскій,

МНІМЫЙ СЫНЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1878 г. помѣщена весьма интересная замѣтка о гр. Аракчеевѣ и Шумскомъ, т. XXI, стр. 180—184, статья покойнаго тайн. совѣтника Боричевскаго; къ его статьѣ присоеди- нилъ мое воспоминаніе изъ весьма дальнихъ лѣтъ о Шумскомъ.

На южномъ краю Витебска, за шоссеинымъ мостомъ черезъ протокъ Витьбы, стоялъ каменный католическій костель тринитарьевъ; а нѣсколько далѣе за нимъ небольшая деревянная церковка или часовня кладбищенская. Здѣсь погре- бены два мои малолѣтніе братья. Родители мои пожелали поставить ограду и крестъ на ихъ могилахъ, и въ одинъ лѣтній день пошли на кладбище со мною. Тутъ мы нашли большую пережѣну. Когда погребали виною втораго моего брата, то налѣво, т. е. къ востоку отъ могилы его, была ограда, и въ ней стоялъ крестъ съ надписью, теперь же не стало ни ограды, ни креста. Пер- вый я замѣтилъ эту пережѣну и сталъ спорить, что мы стоимъ не у могилы братьевъ. Въ спорѣ этомъ мать моя приняла мою сторону, потому что хорошо помнила сосѣдственную ограду. Какъ вдругъ отецъ спросилъ у нея, а не пом- нить ли она, чья это была ограда и чья могила?

— «Какъ же, хорошо помню. Могила сына Шумскаго», — отвѣтила мать.

— «Ну, такъ, найди же теперь, гдѣ она», — сказалъ отецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не нашлось креста съ такою надписью.

— «Куда же дѣвались и крестъ, и ограда Шумскаго?» — спросила мать.

— «Да негодяй Шумскій продалъ мертваго сына какому-то пріѣзжему генералу за 500 руб. Вотъ и все тутъ», — отвѣчалъ отецъ.

— «Какъ? На что же этому генералу мертвый мальчикъ?» — спросили мы оба съ удивленіемъ.

— «Да не онъ самъ, а дворянскія бумаги его. Онъ-то лежитъ на мѣстѣ, вотъ тутъ, и никому не нуженъ, а бумаги его пошли въ ходъ, и послужатъ кому нужно. Пропойца Жабко (служившій въ губернскомъ правленіи) хлопо- талъ объ этомъ мѣсяца два или три тому назадъ и смастерилъ все дѣло исправно и гладко. Получилъ-то онъ за труды дѣлую сотнягу; да, кажется, уже проинялъ ее до послѣдней копѣйки. А Шумскій взялъ въ аренду какую- то небольшую деревушку и уѣхалъ изъ Витебска; а чтобъ почище спрятать концы, уничтожилъ и крестъ, и ограду на могилѣ сына. Пошлый пройдоха». Таковъ былъ отвѣтъ моего отца.

Стараго Шумскаго я зналъ и помню очень хорошо. Онъ былъ бѣдный шляхтичъ и содержалъ въ Витебскѣ гостиницу, или, правильнѣе сказать, жалкій постоялый дворъ съ биліардомъ. У него, кромѣ умершаго старшаго

Михаила, были еще два сына. На арендѣ, по его же словамъ, онъ выигралъ какъ на мылѣ, и потомъ лѣтъ черезъ десять опять былъ въ Витебскѣ и содержалъ ученическую квартиру. И онъ, и дѣти его поступили въ однодворцы, потому что ни петербургская герольдія, ни учрежденное потомъ отдѣленіе ея въ Кіевѣ не утверждали никакихъ дворянскихъ документовъ безъ надлежащаго приложения; а у Шумскаго, не то что у Аракчеева, приложенийъ этихъ быть не могло.

Посланный Аракчеевымъ генералъ Бухмейеръ надержалъ 500 руб. ассигнаціями или, по тогдашнему курсу, 166 руб. 66 коп. 1 деньгу и 1 полушку серебромъ на всю порученную ему комиссію....

М. Маркозъ.

Енисейскъ

1888 г. 11 октября.

П о э т ь Ц е д л и ц ь .

Обращаемъ вниманіе на одну распространенную ошибку, встрѣчающуюся во всѣхъ хрестоматіяхъ и въ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго и Лермонтова; послѣ заглавія стихотвореній «Ночной Смотръ» и «Воздушный корабль» обыкновенно въ скобкахъ приводится невѣрное обозначеніе имени нѣмецкаго поэта, у котораго они заимствованы. Имя славнаго автора «Nächtliche Heerschau» и «Geisterschiff» было не Зейдлицъ, а Цедлицъ (Zedlitz, см. напр. «Deutsche Literaturgeschichte» von Robert König, elfte Auflage (1881), 622—623).

В И. Шенрокъ.

М. В. Буташевичъ - Петрашевичъ

† 7-го декабря 1866 г.

Въ LVI томѣ (1867 г., октябрь) «Русской Старины» на страницѣ 421, въ примѣчаніи отъ редакціи сказано, что Петрашевскій умеръ въ 1867 г., 7-го декабря, въ Минусинскѣ. Это требуетъ исправленія.

5-го января 1867 г. я прибылъ въ Енисейскъ и 6-го вечеромъ видѣлъ двухъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ села Бѣльскаго съ похоронъ Петрашевскаго; Бѣльское лежитъ по староачинскому тракту, въ 100 верстахъ отъ Енисейска, и похороны совершались 4-го января. Слѣдовательно, невѣрность здѣсь, кромѣ мѣста, еще и во времени, простирается на цѣлый годъ, потому что смерть Петрашевскаго послѣдовала 7-го декабря 1866 г.

Въ 1857 г. онъ находился въ Иркутскѣ и тамъ, по надѣлавшей много шуму дуэли чиновника Беклемишева съ другимъ чиновникомъ Неклюдовымъ, указавъ, при осмотрѣ трупа, на направленіе пули, якобы невозможное при дуэли. Это очень не понравилось тогдашнимъ властямъ въ Иркутскѣ, и потому его привлекли къ отвѣту и заключили въ тюремный замокъ; отсюда, не смотря на заступничество архіерея, отравили въ Усолье, а потомъ въ Минусинскій округъ, подъ надзоръ полиціи, съ запрещеніемъ вѣзда въ городъ.

Страдая болѣзнію сердца, Петрашевскій неоднократно просилъ дозволенія пріѣхать въ городъ, хотя на время, для медицинскаго совѣта съ окружнымъ врачомъ.

Между тѣмъ засѣдатель помѣстилъ его на особенной квартирѣ, съ которой онъ не долженъ былъ отнюдь отлучаться. Квартира эта состояла изъ отдѣльной избышки, которая, къ несчастію, не была проморожена предъидущею зимою.

Одну изъ многихъ египетскихъ казней въ Сибири составляютъ насѣкомыя — тараканы. Это не европейскіе тараканы (*Blotta orientalis*), темнобурые, большіе и тяжелые, а прусаки (*Bl. germanica*), зеленоватые, малые и проворные. Крестьяне, чтобы избавиться отъ нихъ, хотя на время, въ самые жестокие морозы, градусовъ въ 40, выселяются изъ своихъ избъ куда нибудь по соседству, отворяютъ двери, выставляютъ окна и наваливаютъ на полъ груды сѣнгу. Это называется вымораживаніемъ, безъ котораго насѣкомыя до того размножаются, что ни потолка, ни стѣнъ, ни стола, ни полатей, ни наръ совсѣмъ бываетъ не видно; а полъ весь застилается мягкимъ ковромъ скинутыхъ тараканами при лннаніи кождъ и долпившихъ яичныхъ мѣшечковъ. Въ такой избѣ събснаго ничего держать нельзя. Все будетъ съѣдено въ нѣсколько часовъ. Даже промоченные сапоги и съ подошвами уничтожаются бмстро, а о залозаніи подъ бѣлье, въ носъ, въ глаза, уши и ротъ, и объ укусахъ ихъ и говорить нечего. Въ такой квартирѣ долженъ былъ жить Петрашевскій.

Пріѣхавъ въ деревню исправникъ и, наглядно убѣдившись въ справедливости его жалобъ на таракановъ и на засѣдателя, предавшаго его имъ на съѣде-

ніе, дозволилъ перебраться на другую квартиру и отпрапортовалъ о томъ г-ну губернатору Замятнину, брату министра юстиціи. Сейчасъ же послѣдовало переимѣненіе Петрашевскаго въ Енисейскій округъ, въ село Бѣльское, съ запрещеніемъ въѣзда въ городъ. Черезъ Енисейскъ провезли его ночью... Въ Бѣльскомъ же онъ и умеръ.

Окружной врачъ, А. И. Вицннъ, пріѣзжалъ изъ города вскрывать трупъ Петрашевскаго, какъ скоростижно умершаго. Смерть была послѣдствіемъ поврежденія клапановъ сердца. Врачъ былъ пораженъ, какъ рѣдкостью, величиною вскрытаго мозга, вѣсившаго несравненно болѣе пяти фунтовъ.

Въ 1882 году на могилѣ Петрашевскаго поставленъ временно деревянный крестъ ¹⁾.

Gravis fuit vita, laevis sit ei terra!

М. Маршъ.

Примѣчаніе. Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій — кончившій полный курсъ наукъ въ Александровскомъ лицей въ С.-Петербургѣ и затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ, былъ сынъ штабъ-доктора, на рукахъ котораго скончался графъ М. А. Милорадовичъ, сраженный пулею декабриста Каховскаго въ день смуты 14-го декабря. Милорадовичъ весьма былъ привязанъ къ своему другу, доктору, дѣйствительному статскому совѣтнику, Василю Буташевичъ-Петрашевскому: ему онъ подарилъ самыя драгоценныя изъ своихъ бумагъ, т. е. высочайшіе рескрипты, грамоты и проч. Бумаги эти (какія лишь, конечно, уцѣлѣли) подарены были намъ, въ 1865-мъ году, покойною вдовою доктора Петрашевскаго — Феодорою Дмитріевною, женщиною весьма умною, образованною, но крайне скупой и холодною къ сыну. Мы, въ свою очередь, по составленіи статьи по этимъ бумагамъ, каковая и была напечатана въ «Военномъ Сборникѣ», изд. 1869 г., книга 10, принесли эти историческіе матеріалы въ даръ библіотекъ е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, во дворцѣ города Павловска, въ библіотекѣ котораго они и находятся.

Для генеалогіи фамиліи М. Буташевичъ-Петрашевскаго отмѣтимъ, что онъ имѣлъ трехъ родныхъ сестеръ—нынѣ всѣ три вдовы. Старшая, Софья Васильевна была замужемъ за генераль-лейтенантомъ П. О. Деморомъ; вторая, Ольга Васильевна, за генераль-маіоромъ Нлк. Поповымъ; третья, и много ихъ моложе, Александра Васильевна, въ 1862 г. вышла замужъ за Александра Ивановича Семеновскаго († 15 іюля 1879 г.), достопамятнаго и при жизни весьма уважаемаго земскаго дѣятеля въ Псковской губерніи, гдѣ оставилъ онъ по себѣ самую добрую память горячимъ участіемъ и починомъ въ основаніи народныхъ школъ, реального училища въ Великихъ Лукахъ, банка, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проч.

Ред

¹⁾ Проживавшимъ въ Бѣльскомъ г. Никитою Всеволожскимъ.

НИКОЛАЙ ОНУФРІЕВИЧЪ СУХОЗАНЕТЪ

въ 1861 году.

Мы весьма признательны уважаемому Владиміру Дмитріевичу Философову за сообщеніе подробностей интереснаго дѣла, о растратахъ въ Дивабургскомъ арсеналѣ,—подробностей въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ подлинномъ производствѣ онаго; равно интересно указаніе на мало извѣстныя черты доброты и благодушія въ характерѣ Н. О. Сухозанета («Русск. Стар.» изд. 1889 г., т. LXII, апрѣль, стр. 131). Должно, однако, замѣтить, что, быть можетъ, это благодушіе,—а вѣрнѣе старость и ослабленіе умственныхъ силъ низвели Н. О. Сухозанета—въ кратковременную бытность его во главѣ Царства Польскаго—до поведенія, вызвавшаго взрывъ негодованія его современниковъ и полное осужденіе его нравственной личности въ потомствѣ.—На страницахъ «Русской Старины» разсказано было объ этомъ не мало; довольно упомянуть о запискахъ генераль-лейтенанта П. С. Лебедева («Русская Старина» 1874 г., томъ XI: «Послѣдняя польская смута»—«Записки очевидца», «Время генерала Сухозанета 1861 г.» стр. 116—130. Тогда-же, въ 1861—1862 гг., сложилась пѣсня-шутка, многія строфы каковой посвящены были Николаю Онуфріевичу Сухозанету и его дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ отрывки изъ этой шутки-пѣсни:

Вотъ пріѣхалъ. Казаками
Окружился, да войсками.
Занялся старикъ смотрами.
Чтобъ покончить все заразъ,
Вздумалъ онъ отдать приказъ
Оскорбительный для насъ:
«Если васъ де будутъ бить,
Молча все переносить
И обидчикамъ не мстять».

Что ему конфедеративъ?
Онъ заглядывалъ въ палатки,
Чистилъ тюфяки да матки.

Караулилъ не съ проста
Онъ отхожій мѣста —
Чтобъ была въ нихъ чистота.

К—новъ генералъ
Адъютанта роль игралъ:
Чуть шинель не подавалъ.

«Я законъ», намъ молвилъ онъ,
(А невѣстно, что законъ
Мертвой буквой начиненъ),

Къ нуждамъ нашимъ нѣмъ и глухъ,
Одного м—ра другъ,
Съ нами гордъ былъ, какъ пѣтухъ.

А вотъ съ «совѣстью жолнерской»
Показался съ рожей звѣрской
М—вичъ толпѣ дерзкой.

Да потомъ уже узнали,
Что такъ страшны не бывали
Черти, какъ ихъ малевали.

Служить онъ безъ укоризны,
Не гнететь своей отчизны,
Ляхъ доволенъ имъ капризный.

Словомъ, всё адѣсь не мѣшали
Тяжко обижать москалей
(Популярности псвали).

Въ бунтъ народный не мѣшались,
Но къ народу подбивались:
«Коцей музыки» боялись.

Подъ конецъ, Сухозанетъ
Осрамился на сто лѣтъ,
Распотѣшилъ бѣлый свѣтъ.

Въ праздникъ матушки царицы
Ляхъ затѣялъ отложиться,
Не хотѣлъ о ней молиться.

А кто окна освѣщаль,
Вензель царскій выставялъ,
Тѣмъ окошки выбиваль.

Стало жаль министру пули,
Проглотилъ за то илюлю
Тридцать перваго іюля.

Ляхи стали межъ собой
Праздникъ праздновать иной,
День слиянія съ Литвой.

А министръ былъ убѣжденъ

Что коль слово молвить онъ,
Въ мигъ порядокъ водворенъ!
За войсками причесъ съ страхомъ,
Крикнулъ онъ мятежнымъ ляхамъ,
«Пропадайте вы всѣ прахомъ!
Праздникъ праздновать не смѣть,
По костеламъ гимнъ не пѣть,
Иль--въ работѣ будетъ плеть;
Лавокъ чуръ не запирать,
Оконъ вамъ не освѣщать,
Или--штыкъ пойдетъ гулять!»
Лихи хвостъ предъ нимъ задрала,
Съ громкимъ смѣхомъ совершали,
Все то, что имъ запрещали.

По костеламъ мшу служили,
Магазиновъ не открыли,
Ночью городъ освѣтили.
Розадовскій не отсталъ:
Самъ примѣръ всему подалъ,
Лампы, люстры зажигалъ.

Молча, старецъ перенесъ
Тотъ щелчокъ, что дали въ носъ,
Лпшь почувствовалъ
А царю доносить самъ:
«Миръ я давъ бунтовщикамъ,
Тотчасъ въ чистую подамъ».

И смѣется ляхъ надъ нами;
Въ плѣнъ опять сдались мы сами
Вмѣстѣ съ пушками, штыками.
Опорочена, измята
Слава русскаго
Кланяйся-жь скорѣй, ребята!

Къ Воспоминаніямъ В. М. Сорокина.

„Русская Старина“ изд. 1888 г., книга XII.

[Замѣтка бывшаго студента с.-петербургскаго университета].

Въ статью В. М. Сорокина вкрались нѣкоторыя неточности, на которыя нижеподписавшійся, какъ бывший студентъ историко-филологическаго факультета (1855—1859 гг.) с.-петербургскаго университета, считаетъ долгомъ указать.

Профессоръ М. И. Касторскій былъ, въ концѣ 1850-хъ гг., весьма уже пожилой человѣкъ и дѣйствительно не безъ странностей, но до страсти любившій свой предметъ. Онъ читалъ филологамъ не только древнюю исторію, но и древнюю географію, представлявшую въ запискахъ Касторскаго одну номенклатуру. Русскую же исторію мы, филологи, слушали у Устрялова, а не у Касторскаго. Одною изъ самыхъ рѣзкихъ странностей послѣдняго было то, что онъ прерывалъ свою лекцію вмѣстѣ со звонкомъ, хотя бы послѣдній заставлялъ его на полупраздѣ, причемъ рѣзко обозначалъ въ своей тетради мѣсто, на которомъ остановился. Такъ, я очень хорошо помню, какъ одну изъ своихъ лекцій М. И. Касторскій началъ словомъ—«Однако»...

Баронъ Мих. Ос. Косинскій не былъ еще инженернымъ офицеромъ, когда положилъ начало или, по крайней мѣрѣ, участвовалъ въ устройствѣ таврической школы. Это, вѣроятно, описка В. Л. Сорокина; къ числу такихъ описокъ должно отнести и заявленіе о данномъ будто-бы въ гимназій прозвищѣ Д. И. Писареву—«дѣвочка». Классъ, въ которомъ былъ приходящимъ ученикомъ Д. И., былъ на годъ моложе и на два или на три старше тѣхъ, въ которыхъ были пансіонерами я и В. Л. Сорокинъ. Приходящимъ ученикамъ вообще рѣдко даются прозвища, потому что они сталкиваются съ своими товарищами пансіонерами только на время уроковъ. Такъ было и въ 3-ей гимназій, гдѣ одновременно, хотя и въ разныхъ классахъ, воспитывались Д. И. Писаревъ, В. М. Сорокинъ и я. Классъ Писарева отличался особеннымъ обиліемъ отличныхъ учениковъ, такъ что при выпускѣ, въ 1856 году, начальство затруднялось, кому дать золотую медаль. Первые три ученика, Д. И. Писаревъ, Я. Я. Цвѣтковъ (бывшій профессоръ механики въ Петр. Разум. академіи) и К. Ф. Ординъ (бывшій вице-директоръ какого-то департамента), имѣли совершенно одинаковыя баллы, по 5 изъ всѣхъ предметовъ и притомъ со дня поступленія въ гимназію. Въ концѣ концовъ старшинство дано было, кажется, по времени

пробыванія въ классахъ гимназій, такъ что золотая медаль была присуждена Ордину, большая серебряная—Писареву, а малая—Цвѣткову..

Характеризуя общее направленіе студентовъ своего времени и указывая совершенно справедливо на избытокъ оживленія студентовъ надвигавшимися реформами, которымъ они не только шли, но даже бѣжали на встрѣчу, В. М. Сорокинъ въ своихъ воспоминаніяхъ забылъ упомянуть объ одномъ изъ самыхъ рьяныхъ ораторовъ въ курительной комнатѣ и въ XI аудиторіи, впоследствии известномъ этнографѣ П. И. Чубинскомъ, о борьбѣ образовавшихся въ то время въ средѣ студентовъ двухъ партій: либерально-демократической и сдержанно-аристократической. Представителями послѣдней былъ покойный П. П. Демидовъ и Бенардаки. Нечего и говорить, что первая была гораздо многочисленнѣе, въ виду чего послѣдняя и рѣшилась сдѣлать первый шагъ къ слиянію обѣихъ партій и затѣяла обѣдъ. У меня до сихъ поръ сохраняется пригласительный билетъ на этотъ обѣдъ, присланный мнѣ Бенардаки, съ которымъ мы даже не были знакомы. Однако, цѣль, съ которою было сдѣлано это приглашеніе, побудила меня явиться на этотъ яко-бы товарищескій обѣдъ, послѣ котораго Всев. Крестовскій, тогда еще студентъ 2-го курса, читалъ свои стихи, а затѣмъ подъ аккомпанементъ роля мы хоромъ пѣли марсельезу и пили брудершафтъ, обаявавшій, какъ известно, говоритъ другъ другу ты. Мнѣ пришлось выпить его съ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, но практиковать налагаемую нами добровольную обязанность говорить другъ другу ты намъ съ нимъ не пришлось, ибо и скоро оставилъ университетъ и съ тѣхъ поръ мы нигдѣ даже не встрѣтились.

В. Н. Р.

Замѣтки и поправки.

Послѣднія книги „Русской Старины“ изд. 1866 г. чрезвычайно интересны, отъ первой страницы до послѣдней, и я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Но въ воспоминаніяхъ В. М. Сорокина верались двѣ небольшія неточности: „Русское Слово“ было запрещено въ одинъ годъ съ „Современникомъ“, т. е. въ 1866 г., а не въ 1862 г., а именно: „Русское Слово“ по первой книгѣ, а „Современникъ“ по четвертой книгѣ были запрещены именно въ 1866 году; тогда-же Д. И. Писаревъ былъ заключенъ въ крѣпость. Писаревъ сотрудничалъ въ „Русскомъ Словѣ“ въ послѣдніе годы его существованія, слѣдовательно, главнымъ образомъ, при Г. Е. Благовѣщенскомъ и лишь началъ при графѣ Г. А. Кушелевъ-Безбородко—основателѣ и первомъ издателѣ «Русскаго Слова».

Проф. протоіерей Полисадовъ оставилъ университетъ въ 1870 или 1871 годахъ, а не около 1858-го или 1862 г.

В. И. Шекрожь.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

(Сентябрь 1888 г.).

Не далѣе какъ въ половинѣ сентября 1888 года, помню, въ субботу вечеромъ, усѣлся я въ вагонъ московско-брестской желѣзной дороги, чтобы отправиться на станцію «Голицыно» (вторая отъ Москвы), провести воскресенье у хорошаго моего знакомаго, живущаго тамъ ферму.

Едва двинулся поѣздъ съ московской станціи, узнаю, что въ сосѣднемъ отдѣленіи нашего вагона ѣдетъ генераль Н. М. Пржевальскій.

Съ Николаемъ Михайловичемъ Пржевальскимъ я одновременно учился въ смоленской гимназіи и отлично его помню по 1850, 1851, 1852 и 1853 гг. Упоминаемые Николаемъ Михайловичемъ, въ его автобіографіи, напечатанной въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., учителя: Федотовъ, Дьяконовъ, Домбровскій, священникъ Доронинъ, инспекторъ Соколовъ, хорошо знакомые мнѣ люди.

Въ декабрѣ 1853 года, увлекаемый теченіемъ, я поступилъ въ военную службу, затѣмъ, по окончаніи войны, служилъ въ 8 стрѣлковомъ баталіонѣ, расположенномъ въ городѣ Житомирѣ.

Здѣсь въ 1858, 1859, 1860 и 1861 годахъ любовь къ охотѣ сблизила меня съ страстнымъ охотникомъ Аркадіемъ Семеновичемъ Беневскимъ, офицеромъ того же баталіона ¹⁾, а въ послѣдствіи товарищемъ Н. М. Пржевальскаго по Николаевской академіи генеральнаго штаба, куда оба они поступили въ концѣ 1861 года.

Слушая лекціи въ академіи, А. С. Беневскій и Н. М. Пржевальскій были неразлучны въ охотничьихъ походахъ.

Въ 1864 году, когда я служилъ въ Кіевѣ, въ штабѣ кіевского военнаго

¹⁾ Нынѣ амурскій губернаторъ и наказной атаманъ амурскаго казачьяго войска.

округа, А. С. Беневскій по окончаніи курса въ академіи, назначенъ былъ на службу въ тотъ же штабъ и отъ него въ продолженіи пяти лѣтъ я много слышалъ о Николаѣ Михайловичѣ, такъ какъ А. С. и Н. М. были между собою въ постоянной перепискѣ.

Еще въ академіи А. С. и Н. М. рѣшили посвятить себя далекимъ путешествіямъ. Сначала Африка и охота на тигровъ была ихъ мечтою, впоследствии въ письмахъ изъ Польши Ник. Мих. выражалъ влеченіе къ Восточной Сибирѣ.

Чтобы приготовить себя къ перенесенію трудностей путешествій, Ник. Мих. и Арк. Сем., изъ Петербурга, въ мартѣ, забирались въ лѣса Финляндіи и проводили тамъ недѣли три, охотясь на глухарей, не имѣя сношеній съ населеніемъ, ночуя на снѣгу, и все необходимое: запасы снарядовъ, сѣстныхъ припасовъ и платья, переносили на себѣ.

Со времени поступленія моего на службу мнѣ не приходилось встрѣчаться съ Ник. Мих., поэтому, услышавъ, что онъ ѣдетъ въ одномъ вагонѣ со мною, я воспользовался случаемъ повидать извѣстнаго всему міру путешественника, котораго я зналъ мальчикомъ.

— «Извините, ваше превосходительство, что я позволяю себѣ заговорить съ вами. Вы, кажется, въ дѣтствѣ, воспитывались въ смоленской гимназіи и не помните ли ученика Я....?».

Николай Михайловичъ вспомнилъ и любезно усадилъ противъ себя.

Поговоривъ о давнемъ гимназическомъ времени, названныхъ выше учителяхъ, я передалъ, что зналъ, объ А. С. Беневскомъ, слышать о которомъ Ник. Мих. былъ весьма радъ.

— «Жалью, сказалъ Николай Михайловичъ, что мнѣ не по пути, а я бы не подѣлился сдѣлать лишнихъ 1,000 верстъ, чтобы повидаться съ Аркадіемъ Семеновичемъ».

Перешолъ разговоръ къ охотѣ.

На мои слова, что для него не могутъ быть интересны мѣста, которыми мы довольствуемся, Николай Михайловичъ сказалъ:

— Знаете, я бы съ удовольствіемъ поохотился въ мѣстахъ возлѣ Петербурга и Москвы. Меня не разъ и приглашали, но я отказывался и, какъ вы думаете, почему? Неприятно мнѣ отдавать себя на потѣху и обирательство здѣшнихъ мужиковъ, а безъ соприкосновенія съ ними обойтись тутъ трудно. Въ Тибетѣ, изъ особыхъ побужденій, могутъ быть нападенія, но открыто, разъ же я взялъ дикаря къ своему конвою, я могу быть вполне увѣренъ, что онъ ничего у меня не тронетъ, не обманетъ и, въ случаѣ надобности, положитъ даже за меня свою голову. Нѣтъ, лучше пообождать.

О предстоящемъ путешествіи Николай Михайловичъ, между прочимъ, говорилъ:

— Я пошелъ особою дорогою и свернуть съ нея не въ правѣ. Долженъ

послужить наукѣ и обществу, пока въ силахъ. Богъ дастъ, вернусь тогда на покой, въ родныя мѣста Смоленской губерніи.

Поездъ сталъ замедлять ходъ. Николай Михайловичъ вѣдалъ тоже до станціи «Голыцыно», проститься съ своимъ братомъ и его семьей, жившими тогда неподалеку на дачѣ.

Пожелавъ искренно Николаю Михайловичу счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, я выразилъ надежду встрѣчи съ нимъ, когда онъ будетъ жить въ родныхъ мѣстахъ.

Надеждѣ этой, къ прискорбію общему, не суждено было сбыться.

Дня два, три спустя я прочелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о выѣздѣ Николая Михайловича изъ Москвы.

П. Н. Яковл.

10 ноября 1888 г.
Москва.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАСЕКЪ ¹⁾

† 24 марта 1889 г.

I.

26-го марта 1889 г., въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ, опустили въ могилу одну изъ талантливѣйшихъ русскихъ женщинъ, Т. П. Пасекъ. Ея похороны были болѣе, чѣмъ скромны. Покойная, вообще, любила простоту.

Всѣ друзья и родные покойной окружали простой крашеный гробъ Татьяны Петровны. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, М. И. Семевскій произнесъ глубоко прочувствованную рѣчь, которая приводится здѣсь полностью.

— «Новая могила сокрыла въ себѣ русскую женщину-писательницу, труженицу, обладавшую замѣчательнымъ умомъ и дарованіемъ. Нѣкогда супруга также писателя Вадима Вас. Пасека,—Татьяна Петровна была средоточіемъ кружка, окружавшаго ея мужа въ Москвѣ, въ концѣ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, кружка мыслящихъ русскихъ людей, пламенно любившихъ дорогое отечество, желавшихъ ему преуспѣванія и усиленно для него трудившихся. Въ этомъ кружкѣ—яркою звѣздой горѣло имя профессора Грановскаго. Самъ Вадимъ Вас. Пасекъ—былъ писатель даровитый и во всеоружіи научныхъ знаній, что дало ему возможность составить нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ о Россіи. Смерть рано лишила Татьяну Петровну горячо любимаго ею мужа и друга. Молодая вдова осталась съ двумя малютками-сыновьями и съ незначительными средствами, но она обладала замѣчательною энергіею и двигательницею ея была любовь, глубокая любовь... Она взростила своихъ дѣтей и дала имъ превосходное образованіе,

¹⁾ Газета «Новости», 27-го марта 1889 г.

прямо подготовивъ къ поступленію въ университетъ московскій, всегда ея особенно почитаемый, такъ какъ изъ-подъ сѣни этого разсадника наукъ и знаній вышли лучшіе, сердечно любимые друзья ея и ея мужа, все люди науки и обширныхъ заслугъ во славу и преуспѣяніе Россіи...

«Изъ сыновей ея—старшій, Александръ, проявилъ свою дѣятельность нѣсколькими трудами, въ особенности, находясь при князѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Орловѣ, впоследствии русскомъ послѣ во Франціи. Труды эти, при мощномъ у престола Царя-Освободителя предстательствѣ князя Орлова, привели къ отмѣнѣ въ Россіи тѣлесныхъ наказаній (указъ 17-го апрѣля 1863 г.). Другой сынъ Татьяны Петровны,—Владиміръ Вадимовичъ, явился усерднымъ и весьма способнымъ дѣятелемъ въ новой области служенія,—именно, въ акцизномъ управленіи, замѣнившемъ, ко благу русскаго народа, прежнюю, не доброй памяти, откупную систему. Въ этой области труда Владимиръ Вадимовичъ Пассекъ явился не только честнымъ, способнымъ чиновникомъ министерства финансовъ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, но и составителемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ записокъ, относящихся къ улучшеніямъ въ сферѣ того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ.

«Исполнивъ священный долгъ матери-руководительницы, воспитавъ въ своихъ сыновьяхъ честныхъ, усердныхъ и способныхъ слугъ отечеству, Татьяна Петровна имѣла ужасъ лишиться обоихъ сыновей и, именно тогда, когда ей оставалось лишь наслаждаться плодами своихъ заботъ о нихъ...

«Она пережила этотъ ударъ...

«Мало того, ничѣмъ другимъ, какъ трудомъ, исполненнымъ ума и дарованія, она спѣшила заглушить свое ужасное горе. Татьяна Петровна взялась за перо ¹⁾ и вотъ на страницахъ историческаго журнала «Русская Старина» съ 1872 года стали появляться ея обширныя Записки... Онѣ обратили на себя общее вниманіе живостью очерковъ русскаго общества 1820—1850 годовъ и талантливостью характеристикъ длиннаго ряда замѣчательныхъ русскихъ людей, подвижниковъ преуспѣянія русскаго народа... Записки эти явились затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи и имѣли также большой успѣхъ; послѣдній, третій томъ этихъ замѣчательныхъ мемуаровъ русской женщины былъ ея предсмертнымъ трудомъ...

¹⁾ См. Воспоминанія Т. П. Пассекъ 1810—1874 гг. въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. VI; 1873 г., т. VII; 1876 г., т. XV; XVI; XVII; изд. 1877 г., т. XVIII; XIX; XX; изд. 1878 г. т. XXI; XXII; изд. 1879 г., т. XXVI; изд. 1882 г., т. XXXIV; изд. 1886 г., т. XLIX; LII; изд. 1887 г., т. LVI.

«Съ замѣчательной энергіей Татьяна Петровна, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, удрученная горемъ, величайшимъ изъ всѣхъ скорбей,—горемъ матери, оплакивающей своихъ взрослыхъ, умныхъ, прекрасныхъ сыновей, предпринимаетъ въ 1880 году изданіе дѣтскаго журнала «Игрушечка». Она осуществляетъ мысль, которая одушевляла ее еще въ началѣ 1850 годовъ, мысль объ изданіи журнала для отрочества, которая не могла тогда осуществиться по обстоятельствамъ, не отъ нея зависѣвшимъ... Нынѣ журналъ ея для дѣтей былъ принятъ обществомъ съ любовью и участіемъ, имѣлъ несомнѣнный успѣхъ—и это тогда, когда для самой издательницы, дожившей до маститой старости, виденъ былъ уже, по ея собственному выраженію, «другой берегъ»!... Безтрепетно, съ глубокимъ сознаниемъ исполненныхъ своихъ обязанностей матери и дѣятельницы общественной, Татьяна Петровна ожидала конца своей труженнической жизни... Присутствующіе здѣсь—люди ей близкіе, ея друзья и почитательницы,—а у нея ихъ было множество,—никогда не забудутъ этой замѣчательно умной, пріятливой и всегда отзывчивой къ чужому горю женщины. Ея бесѣда была услѣдою; сколькихъ она ободрила, утѣшила и вразумила, во дни скорби къ ней обращавшихся... Смерть смежила ея уста, но имя ея останется въ ряду нашихъ труженицъ и писательницъ, служившихъ честию и украшеніемъ современнаго имъ рускаго общества».

II.

«Русская Старина», съ глубокою признательностью вспоминая, что мы имѣли истинное удовольствіе видѣть въ средѣ своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ незабвенную Татьяну Петровну Пассекъ не разъ еще возвратится къ этой истинно замѣчательной русской женщинѣ. Въ данное время мы напоминаемъ ея строки, внесенныя покойной писательницей въ нашъ альбомъ «Знакомые».

«Татьяна Петровна Пассекъ родилась 1810 года, 25-го іюля, въ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда, въ имѣніи своего дѣда,—селѣ Новоселѣ, гдѣ провела первое дѣтство—и первый разъ увидѣла, еще младенцемъ, близкаго родственника своего Александра Ивановича Герцена. Въ ребячествѣ—до восьмилѣтняго возраста часто видалась съ Александромъ Ивановичемъ и вмѣстѣ играли. Съ девяти лѣтъ до 13—воспитывалась въ пансіонѣ г-жи Донквартъ въ Москвѣ и въ пансіонѣ г-жи Воше; потомъ семь лѣтъ провела въ домѣ отца А. И. Герцена и вмѣстѣ съ Сашей училась до своего замужества съ Ва-

днѣмъ Васильевичемъ Пассекъ, съ которымъ прожила 10 лѣтъ и осталась послѣ него съ двумя сыновьями, Александромъ и Владиміромъ. Дѣти мои воспитались дома до поступленія въ московскій университетъ, гдѣ кончили курсъ кандидатами. По участіи графа Сергія Григорьевича Строгонова и графа Уварова, просила разрѣшенія издавать журналъ для отроческаго возраста. Въ это время была Крымская война, императоръ Николай Павловичъ—журнала не разрѣшилъ. Я съ дѣтьми уѣхала за границу въ 1869 году,—гдѣ прожили слишкомъ два года. Въ 1871-мъ году, находясь съ дѣтьми моими въ Петербургѣ, познакомилась я въ квартирѣ Ивана Михайловича Сѣченова съ редакторомъ только что начавшагося періодическаго изданія «Русская Старина», Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ, который пригласилъ меня участвовать въ его изданіи,—помѣстить въ немъ мои воспоминанія «изъ дальнихъ лѣтъ», гдѣ и появились онѣ въ первый разъ—но вскорѣ были запрещены.

«Спустя два года, по желанію и совѣтамъ Михаила Ивановича, я получила разрѣшеніе снова печатать въ «Русской Старинѣ» мои записки, гдѣ и печатались онѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Потомъ изданы были отдѣльно съ прибавленіемъ, въ двухъ частяхъ. Впослѣдствіи разрѣшено было изданіе для отроческаго возраста—періодическое изданіе «Игрушечка», принято въ обществѣ съ любовью и участіемъ и это—когда мнѣ 70 лѣтъ и видѣвъ другой берегъ. 16-го октября 1880 года.

«Прошло шесть и сколько пережито въ это время, сколько тяжелаго, сколько хорошаго ушло въ вѣчность, но чувство дружбы къ тѣмъ, съ которыми сблизила меня судьба, живо, и мое сердечное участіе къ начавшемуся при мнѣ изданію «Русской Старины», оно дорого и близко мнѣ, сохранилось и дружеское чувство къ ея уважаемому издателю.

Татьяна Пассекъ.

12-го февраля 1886 г.

(Альбомъ М. И. Семевскаго «Знакомые» рукопись, томъ II, стр. 47—49).

Примѣчаніе. Т. П. Пассекъ скончалась въ С. Петербургѣ 24-го марта 1889-го года, въ 2^{1/2} часа пополуночи, погребена въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ 26-го марта 1889 г.

М. С.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

II ¹⁾.

Москва.

X.

О Москвѣ и о посѣщеніи въ ней различныхъ лицъ въ замѣткахъ нашихъ оставляемъ мы многое не напечатаннымъ, иначе долго не довелось бы выбраться изъ Бѣлокаменной, а между тѣмъ предъ нами еще дистанція огромнаго размѣра—вся матушка Волга. Но перечисляя выше лицъ въ Москвѣ, мною посѣщенныхъ, я упомянулъ о посѣщеніи Михаила Григорьевича Черняева. Ему и бесѣдѣ съ нимъ отведу двѣ три страницы въ настоящихъ моихъ наброскахъ.

Михаилъ Григорьевичъ, вашъ одноклассникъ по Дворянскому полку, гораздо, впрочемъ, насъ старшій по выпуску,—лицо, всегда насъ живо интересовавшее. У него мы видѣли цѣлый алтарь, созданный изъ образовъ, и шкапъ для храненія щитовъ, копій, мечей, шашекъ, блюдь, ковшей, чашъ, братинъ и прочихъ предметовъ, ему поднесенныхъ въ Россіи, Сербіи, въ предѣлахъ Средней Азии и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ только гремѣло его имя. Личность Черняева въ высшей степени характерная, и что бы ни говорили его многочисленные противники, но это имя останется не только на скрижаляхъ русской исторіи, но, что еще важнѣе, въ памяти народной; никогда, между прочимъ, не забудется то, что Михаилъ Григорьевичъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262.

былъ первый вождь въ побѣдоносномъ вторженіи Россіи въ Среднюю Азію; никогда не забудется, что съ ничтожной горсточкой славныхъ русскихъ воиновъ—и съ запретомъ въ карманѣ о томъ, чтобы не двигаться впередъ, съ запретомъ, который онъ такъ и оставилъ въ карманѣ,—Черняевъ двинулся и взялъ твердыни Ташкента. То былъ первый ударъ славнаго русскаго витязя, и затѣмъ Россія изъ года въ годъ, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, заполонила цѣлыя пространства необъятнаго царства. Кто съ той поры и понынѣ въ Россіи не знаетъ Михаила Григорьевича! Это—человѣкъ, весь изъ нервовъ состоящій, человѣкъ движенія, беззаветной отваги, пламенно любящій отечество, глубоко сознающій его мощь, достоинство и значеніе.... Мы далеко бы отвлеклись отъ нашихъ путевыхъ замѣтокъ, если бы послѣдовали за нимъ въ его воспоминаніяхъ, охотно, въ живой и увлекательной рѣчи намъ излагавшихся въ московской нашей съ нимъ бесѣдѣ, далеко ушедшей за полночь. Я позволю себѣ здѣсь привести лишь нѣсколько самыхъ отрывочныхъ штриховъ изъ его сказанія, причемъ ограничиваюсь лишь нѣсколькими данными къ періоду его юности; его воспоминанія о близкомъ къ намъ времени, 1875—1878 годахъ, оставляемъ въ замѣткахъ нашихъ, въ архивѣ «Русской Старины», до того времени, когда наступитъ для нихъ хотя бы относительная историческая давность.

Михаилъ Григорьевичъ родился въ 1828 году, въ Бендерахъ, гдѣ отецъ его служилъ. Родомъ Черняевъ изъ Новгорода и въ эпоху разгрома Велико-Новгородской державы предокъ Черняева былъ сосланъ въ одинъ изъ остроговъ обширнаго Московскаго царства. При двоецарствіи Петра и Іоанна Черняевы значатся въ числѣ дворянъ. Отецъ Михаила—Григорій Черняевъ въ 1805 году кончилъ курсъ въ шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ Новингерманландскомъ полку, дослужился до майора и, оставя военную службу, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Могилевской губерніи; ему покровительствовалъ князь М. С. Воронцовъ, въ корпусѣ котораго во время войны служилъ Григорій Черняевъ. Женатъ онъ былъ на французкѣ. Михаилъ Григорьевичъ воспитывался въ могилевской губернской гимназіи, въ которой дошелъ до IV класса, откуда перешелъ въ Дворянскій полкъ въ 1841 году, гдѣ шелъ все время очень хорошо и фамилія его постоянно была на красной доскѣ. «Прохожденіе четырехъ классовъ гимназіи, говорилъ намъ М. Г., очевидно, послужило хорошимъ залогомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ моимъ въ наукахъ». Мальчикъ, подобно отцу своему, постоянно являлъ порывы къ самостоятельности, за что неоднократно разжаловывали его изъ ефрейторовъ въ рядовые кадеты, но юноша ни мало не падалъ духомъ и шелъ въ

наукахъ превосходно. На 17-мъ году онъ выдержалъ послѣдній выпускной экзаменъ съ правомъ поступить въ артиллерію съ прикомандированіемъ къ генеральному штабу; оставшись, однако, по собственному желанію, еще на годъ въ Дворянскомъ полку, М. Г. вышелъ въ гвардію, именно въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, прапорщикомъ.

«Объ образѣ тогдашняго воспитанія въ Дворянскомъ полку могу замѣтить, рассказывалъ намъ М. Г., что оно было жестокимъ; но за то тамъ вырабатывались характеры сильные. Я помню своихъ товарищей,—все они прошли школу жизни чрезвычайно суровую. Командиръ нашъ, генералъ Пущинъ, считался человѣкомъ образованнымъ, но образованіе это, по моему, не простиралось далѣе знанія французскаго языка и поверхностной начитанности ¹⁾. Приведу примѣры его обращенія съ воспитанниками. Однажды насъ вводятъ въ столовое зало (это было вскорѣ послѣ моего поступленія въ Дворянскій полкъ). Мертвая тишина. Является Пущинъ и начинаетъ рѣчь держать.—Я, говоритъ, восемь лѣтъ командую полкомъ, и т. д., и кончилъ тѣмъ, что scomандовалъ: «Конвойные, введите арестантовъ!» Эти арестанты были изъ предшествовавшаго выпускному классу—Сброжекъ и Облущкій. Преступленіе ихъ заключалось въ томъ, что у Облущкаго нашли въ салогѣ нюхательный табакъ, а Сброжекъ что-то такое отвѣтилъ не ладно ротному командиру, Ч***, который сначала пожаловался, а когда увидѣлъ, какъ принялъ эту жалобу Пущинъ,—хотѣлъ было на попятный дворъ, но уже было поздно. Эти несчастные кадеты идутъ блѣдные какъ смерть.

— Лѣсу! закричалъ Пущинъ.

Принесли двѣ скамейки и ворохъ розогъ. Кадетъ разложили на двухъ скамейкахъ, какъ разъ противъ нашей роты, и начали ихъ сѣчь. Я смотрѣлъ сначала на эту экзекуцію съ какимъ-то любопытствомъ, но затѣмъ у меня потемнѣло въ глазахъ, я упалъ и, не помню какъ, очутился у фельдшера. Съ тѣхъ поръ такой страхъ былъ у меня и такое отвращеніе къ этому дому воспитанія, что ужасъ!

Другой образчикъ нашего воспитанія.

Вел. князь Михаилъ Павловичъ былъ за что-то разсерженъ на Пущина. И вотъ однажды повели Дворянскій полкъ въ первый кадетскій корпусъ на репетицію майскаго парада. Пріѣзжаетъ вел.

¹⁾ Въ обширномъ архивѣ «Русской Старины» давно лежатъ записки покойнаго Веригина, одного изъ сослуживцевъ по гвардіи съ Пущиннымъ; въ этихъ запискахъ много, между прочимъ, для характеристики этого человѣка.

князь (онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ) и начинаетъ распекаеть, что шевелятся во фронтѣ. Затѣмъ, обратившись къ Пущину, говорить:

— Вы, кажется, сами прошли хорошую школу, а между тѣмъ не умѣете служить!

Пущинъ когда-то былъ разжалованъ въ солдаты.

Кадеты съ репетиціи, обыкновенно, возвращались прямо въ свои камеры, а тутъ, видимъ, ихъ повели прямо въ манежъ. (Я въ то время былъ въ перанжированной ротѣ и въ строй не выходилъ). Потомъ рассказывали, что Пущинъ поступилъ ужасно, а именно: онъ предложилъ ротнымъ командирамъ вызвать тѣхъ, кто, какъ было замѣчено, шевелился во фронтѣ; чтобы смягчить наказаніе, ротные вызвали лучшихъ кадетъ. Но Пущинъ точно также закричалъ: «лѣсу!» Принесли семь скамеекъ, розогъ, и началась порка. Одного заporоли такъ, что онъ не могъ уже встать. Его за-мертво принесли въ нашу роту и положили на кровать; затѣмъ пришелъ докторъ и засѣченнаго замертво перенесли въ лазаретъ. Это былъ кадетъ Яниковъ; этотъ-то случай, впрочемъ, и сгубилъ Пущина, хотя онъ еще цѣлый годъ у насъ оставался послѣ этого. Дѣло въ томъ, что кадетъ Яниковъ имѣлъ какихъ-то родственниковъ при императрицѣ, которые и довели до свѣдѣнія ея величества о всемъ случившемся. Послѣ экзекуціи у Яникова стала постоянно болѣть грудь, вслѣдствіе чего его взяли изъ корпуса и опредѣлили въ гражданскую службу. Такимъ образомъ это дошло, черезъ императрицу, до свѣдѣнія государя Николая Павловича, и тогда Пущину приказано было быть осторожнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было наказывать розгами не иначе, какъ по рѣшенію комитета, составленнаго изъ инспектора классовъ и ротныхъ командировъ, подъ предсѣдательствомъ Пущина, и это нѣсколько его сдерживало. И что только не выдѣлывалъ у насъ этотъ бѣшеный человѣкъ! Бывало, поѣдетъ въ городъ, тамъ у него выйдетъ какая нибудь неприятность, онъ прїѣзжаетъ въ столовое зало и всѣхъ, кто за чернымъ столомъ, начинаетъ пороть безпощадно.

Изъ учителей моего времени, продолжалъ М. Г., припоминаю Ирнарха Ивановича Введенскаго, онъ оживлялъ нашъ классъ и превосходно говорилъ; Бычкова, Афанасія Федоровича; это былъ также преподаватель съ обширными знаніями, въ высшей степени добросовѣстный и отлично читалъ русскую словесность. Фортификацію преподавали намъ Загоскинъ и А. И. Шмидтъ. Законъ Божій читалъ свящ. Рождественскій,—человѣкъ сердечный и хорошій преподаватель; и Исторію—Мих. Ив. Касторскій, педантъ въ высшей степени; надъ нимъ подтрунивали.

Товарищество въ наше время было удивительное. У насъ, между прочимъ, не было обыкновенія бить новичковъ; суровость нравовъ была такъ велика, что у насъ и подъ розгами считалось за безчестье выдать товарищей. Батальоннымъ командиромъ былъ Грунтъ, живодерь въ высшей степени; такъ однажды онъ въ лагеряхъ какого-то воспитанника вздумалъ пороть. А вѣдь считалось молодецествомъ закусить палець или что нибудь и не кричать подъ розгами. Онъ его пореть — ни звука.

— «А! тебя не пробираетъ. Переверните его на животь!»... Но тутъ между кадетами произошелъ бунтъ... Результатомъ его было то, что семь человекъ сослали на Кавказъ въ линейные батальоны юнкерами.

Что касается до Пущина, то ему предложено было ѣхать за границу, и тамъ онъ сначала ослѣпъ, а потомъ и умеръ.

Любовь къ военному дѣлу, какъ ни странно это сказать, прививалась у насъ самою суровостью воспитанія.

Въ каждой ротѣ было у насъ по два старыхъ унтеръ-офицера, все большею частію изъ золотой роты; они получали отличное содержаніе и назывались «дядьками». Назначеніе этихъ унтеръ-офицеровъ было рассказывать кадетамъ про походы и сраженія, дабы возбуждать охоту къ военному дѣлу.

Государь Николай Павловичъ сердечно обращался съ кадетами. Я до сихъ поръ помню, какъ мы все заплакали, когда онъ поздравилъ насъ съ производствомъ въ офицеры.

— «Поздравляю васъ офицерами, сказалъ государь. Если кто изъ васъ будетъ въ несчастіи, обращайтесь прямо ко мнѣ, а я съ своей стороны надѣюсь, что вы, въ случаѣ нужды, не выдадите вашего стараго петергофскаго товарища».

Я поступилъ въ военную академію въ 1849 г., когда во главѣ ея стоялъ ген.-адъют. И. О. Сухозанетъ. Расскажу эпизодъ про него. Государь Николай Павловичъ замѣтилъ, что на выходахъ во дворецъ весьма мало бываетъ академическихъ офицеровъ. И вотъ мы получаемъ (это было во время Рождества) повѣстки въ 8 часовъ утра прибыть въ академію и дожидаться прибытія директора. Мы все собрались, ждемъ. Вотъ 12 часовъ уже, проголодались ужасно. Намъ разрѣшили на пять минутъ выдти, чтобы что нибудь съѣсть. Выбѣжали мы въ кондитерскую, захватили пирожковъ и маршь назадъ. До 8 часовъ вечера дожидались, когда пріѣхалъ отъ Сухозанета курьеръ и сказалъ, что генераль сегодня не будетъ и что его пр—во приказали завтра собраться въ 8 часовъ и ожидать его. Такимъ образомъ онъ въ свое-

образной формѣ оставилъ насъ безъ обѣда. На другой день онъ пріѣхалъ въ 4 часа пополудни и разругалъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Онъ требовалъ, чтобы каждый день былъ дежурный отъ академіи и писалась бы вице-директору репортничка—кто не былъ, какія лекціи были, и приказано было пріѣзжать къ нему въ домъ къ 8-ми часамъ вечера, послѣ лекцій, и дожидать, пока онъ потребуеть къ себѣ; а если выйдетъ, то не подходить и не рапортовать ему, пока онъ самъ не скажетъ. Со мной былъ такой случай у него. Я пріѣхалъ въ 8 часовъ и стою съ репортничкой. Онъ отправляется въ театръ; проходить мимо меня, показывая видъ, что не замѣчаетъ, и уѣзжаетъ. А приказъ былъ такой: въ 8 часовъ пріѣхать и до 12 дожидать, если не будетъ раньше отпущенъ. Въ 12 часовъ Сухозанетъ возвратился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «извольте». Подходить нужно было по всѣмъ правиламъ и рапортовать».

Михаилъ Григорьевичъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ сообщилъ намъ множество интересныхъ подробностей объ участіи своемъ въ войнѣ на Дунаѣ въ 1854-мъ году, въ Севастополѣ 1855 г., въ Средней Азій 1865—1866 гг. и въ Турецко-Сербской войнѣ 1876 г., вызвавшей на борьбу всю Россію и имѣвшей такія громадныя послѣдствія... Передача этихъ подробностей завлекла бы насъ слишкомъ далеко и мы ограничимся сообщеніемъ здѣсь одного эпизода изъ эпопей среднеазиатскихъ походовъ Черняева... Эпизодъ этотъ вполне характеризуетъ не только его мужество и рѣшительность, давно, впрочемъ, извѣстныя, но главное—его отличное знаніе свойствъ среднеазиатскаго населенія и какъ надо съ нимъ дѣйствовать.

— «Когда заходитъ рѣчь о дѣйствіяхъ нашихъ въ Азіи, въ обществѣ ли, или въ печати, то обыкновенно думаютъ, что стоитъ намъ только двинуться по направленію къ Индіи, какъ тамъ все возстанетъ противъ англичанъ,—непростительное самообольщеніе. Каждый народъ тяготеетъ чужеземнымъ господствомъ, какъ бы оно мягко ни было, и всегда готовъ воспользоваться случаемъ, чтобы его сбросить. За приѣрами ходить не далеко. Возьмемъ вассальныя отношенія Сербіи и Румыніи до послѣдней войны. Чего, повидимому, нужно было обѣимъ странамъ, а между тѣмъ сколько обоими народцами было пролито крови, чтобы достигнуть официальной независимости, тогда какъ фактически они давно уже ею пользовались. Въ данномъ случаѣ то же самое. Если индійцы въ тайнѣ недовольны англичанами, то и среднеазіяты совсѣмъ не прочь вернуться къ своему прошлому родному. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что если мы двинемся на англичанъ, то индійцы тотчасъ же ударятъ на нихъ съ тылу, а среднеазіяты подымутъ знамя бунта противу насъ. И тѣ и другіе будутъ

ожидать результата единоборства, чтобы со всёхъ концовъ устремиться на побѣжденнаго. Такимъ образомъ вопросъ о движеніи противъ Индіи есть вопросъ о преобладаніи надъ всёмъ азіатскимъ материкомъ съ его миллиарднымъ населеніемъ. По этому поводу разскажу я,—говорилъ намъ М. Г.,—одинъ изъ эпизодовъ, который случился немедленно послѣ взятія мною Ташкента. Послѣ взятія этого города я не смѣлъ вступить въ него, не смотря на то, что онъ покорился, оружіе было отобрано и всё пушки намъ были сданы. Кстати объ ихъ пушкахъ. Надо замѣтить, что передъ этимъ ташкенцы напали на уральскихъ казаковъ, при которыхъ было всего лишь два горныхъ орудія: ташкенцы, которыхъ было до 10,000 человекъ, окружили сотню нашихъ казаковъ со всёхъ сторонъ; они двое сутокъ отбивались отъ нихъ, ожидая помощи. Последняя, дѣйствительно, была выслана, но, увидя огромное скопище враговъ, помощь вернулась назадъ и оставила казаковъ на жертву ташкенцамъ. Тогда казаки бросили двѣ пушки и рѣшились пробиваться сквозь эту толпу; лошадей своихъ зарѣзали и рѣшили, что раненыхъ не будутъ подымать. Результатомъ было то, что изъ 100 человекъ вернулось 47, и всё раненые, которые могли идти, остальныхъ же раненыхъ, требовавшихъ помощи, они бросали на мѣстѣ и видѣли, какъ ихъ убивали враги. Захвативъ два брошенные орудія, въ теченіи зимы отледили, по ихъ образцу, 48 орудій, а такъ какъ у нихъ мѣди не было, то они употребили въ дѣло самовары и другую мѣдную посуду.

Такимъ образомъ, повторяю, я не смѣлъ войти во взятый городъ въ виду его крайне многолюднаго населенія, въ которомъ утонула бы горсточка моихъ витязей, и стоялъ я около Ташкента лагеремъ. Крѣпостная стѣна тянулась на 24 версты. У насъ было войска 1,100 человекъ и 10 пушекъ. Между тѣмъ бухарскій эмиръ, еще не зная о взятіи Ташкента, двинулся ему на помощь, предварительно собравъ до 70,000 человекъ. Когда я взялъ Ташкентъ, эмиръ дошелъ до переправы черезъ Сыръ-Дарью и оттуда прислалъ ко мнѣ посольство съ весьма грознымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, требовалъ немедленнаго моего отступленія, грозя иначе истребить всёхъ до послѣдняго человека. — «Ты, писалъ онъ мнѣ, долженъ помнить, что не только Ташкентъ принадлежалъ моимъ предкамъ, но и Россія до города Владиміра». — Положеніе мое было критическое. Имѣя 85 раненыхъ на рукахъ, я находился у громаднаго города, на вѣрность котораго никомъ образомъ не могъ положиться, а между тѣмъ скопища враговъ какъ тучи надвигались на меня.

Положеніе мое, однако, облегчалось нѣсколько тѣмъ, что въ самой средѣ многочисленнаго населенія Ташкента была довольно значи-

тельная партія недовольныхъ прежнимъ азіатскимъ управленіемъ страны; тамъ еще до приближенія моего къ этому городу стала образовываться партія въ пользу присоединенія его къ Россіи.

Итакъ, получаю я письмо отъ эмира бухарскаго; въ отвѣтъ ему я высказалъ, что пока у меня останется хоть одинъ солдатъ, онъ, эмиръ, не увидитъ Ташкента, и не совѣтывалъ ему ссориться съ Россіей. Въѣствъ съ тѣмъ тотчасъ послалъ нарочнаго въ Оренбургъ; то было время, когда купцы съ караванами бухарскихъ товаровъ были на нижегородской ярмаркѣ; я просилъ всѣхъ этихъ купцовъ задержать. Затѣмъ я созвалъ старшинъ городскихъ и объявилъ имъ, что посольство прибыло, будучи вполне увѣренъ, что они уже знаютъ какъ о посольствѣ, такъ и о содержаніи письма эмира, такъ какъ они имѣли открытыя сношенія съ Бухарой (такой огромный городъ, имѣющій въ окружности 24 версты, невозможно было блокировать).

«Да, говорятъ, мы слышали».

— А знаете, что эмиръ пишетъ?

«Нѣтъ, не знаемъ», но, конечно, они отлично знали въ чемъ состояло письмо.

Я говорю: «переводчикъ, читай». И вотъ фзіономія старшинъ стали вытягиваться при чтеніи письма. Надо вамъ замѣтить, что нашествіе бухарскаго эмира обыкновенно сопровождалось крайними непріятностями не только для мужчинъ, но и для женщинъ мѣстнаго населенія.

Когда письмо было прочтено, я сказалъ старшинамъ:

— Теперь вы отправляйтесь домой, заложите всѣ городскія ворота и не пускайте никого ни въ городъ, ни изъ города, а я пойду на встрѣчу эмиру. Если я одержу верхъ, тогда между нами все останется по старому. Если же верхъ одержитъ бухарскій эмиръ, тогда совѣтую вамъ напасть на меня съ тылу и тѣмъ приобрѣсти его благоволеніе.

Они обѣщали съ точностію все исполнить.

Между тѣмъ бухарскій эмиръ, получивъ мое письмо, повернулъ на Коканъ, и тогда установилось между мною и населеніемъ Ташкента самое полное довѣріе. Мы понимали другъ друга».

Но оставимъ Москву и москвичей и ѣдемъ далѣе въ Троице-Сергіеву лавру ¹⁾.

¹⁾ Между многими книгами и брошюрами, трактующими объ этой обители, укажемъ на «Историческое описаніе Святотроицкой Сергіевой лавры». М. 1882 г., въ 8 д. Время основанія монастыря относится къ 1350-мъ годамъ. Изъ источниковъ къ исторіи обители одинъ изъ важнѣйшихъ есть изданная академикомъ А. Ф. Бычковымъ: «Лѣтопись Троице-Сергіева монастыря».

III.

Троице-Сергіева лавра.

I.

На пути вспоминаемъ, что эти 60 верстъ, отдѣляющія древнюю обитель отъ первопрестольной столицы, проходимы были, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, безчисленными богомольцами и богомолицами—пѣшкомъ, при чемъ шли на поклоненіе чисто великорусскому московскому святому угоднику не только простые люди, но и верховные вожди нашего отечества. Сама великая Екатерина II, очень хорошо знавшая, какъ высоко стоитъ и чтится народомъ память святаго Сергія, не только осыпала его обитель всевозможными дарами и приношеніями, главнымъ образомъ въ признательность за счастливое восхождение свое на престолъ государства Россійскаго и за упроченіе ея державной власти, не только она посылала сюда дары, но совершала въ угоднику благоговѣнное хожденіе пѣшкомъ съ блестящею свитою, подобно тому, какъ сюда же шествовала, и неоднократно, ея предшественница и тетюшка императрица Елисавета Петровна. Это поклоненіе со стороны Екатерины, почитательницы Вольтера и другихъ скептиковъ-философовъ XVIII вѣка, весьма знаменательно.— Намъ нынѣ не доводится ни уставать, ни обливаться потомъ въ качествѣ паломника: мы съ полнымъ удобствомъ катимъ сюда по чугункѣ. Вотъ и лавра.

Путь отъ вокзала къ ея стѣнамъ свершаемъ въ очень плохенькихъ дрожкахъ; клячки дрянныя, экипажи скверные; сбруя чуть не рогожная; извозчики ободранные. Невольно думается: что бы сдѣлалъ сосѣдь нашъ нѣмецъ въ такомъ бойкомъ мѣстѣ и такъ много посѣщаемомъ, какъ Троице-Сергіева лавра? Дорога бы лежала у него отъ вокзала скатертью; экипажи были бы щегольскіе, извозчики были бы настоящіе бюргеры, съ сигарой въ зубахъ, съ газетой въ рукѣ,—словомъ сказать, такъ бы и блистало тою чистотою, тѣмъ комфортомъ, которые составляютъ неизмѣнные спутники общенароднаго развитія за рубежомъ нашего отечества. Но у насъ тутъ, почти подъ самой Москвой и, повторяю, въ мѣстѣ, въ которомъ въ сутки перебиваются тысячи всякаго люда, ничто еще не напоминаетъ о цивилизаціи. Самый посадъ при Лаврѣ представляетъ большія залежи грязи, безобразной булыжной мостовой. Въ гостиницѣ монастырской

мы встрѣчаемъ толпу оборванныхъ, грязныхъ служителей, словомъ, Европы нѣтъ и не видно.

Спѣшимъ въ монастырь. Тутъ во всѣхъ постройкахъ видна новизна или старина, далеко не отдаленная. Все, надо, впрочемъ, признать, чисто, все выбѣлено, все лоснится, все блеститъ. Народъ такъ и кишитъ повсюду. Миѣ объясняютъ, что такъ какъ еще май мѣсяцъ и полевая работа только лишь въ началѣ, то народъ спѣшитъ выслать сюда своихъ богомольцевъ и въ особенности богомолковъ. Въ церквахъ, предъ главнымъ алтаремъ и въ придѣлахъ, идетъ ужасная давка и пробиться къ алтарю нѣтъ возможности. На трапезѣ, устраиваемой ежедневно монастыремъ народу, море головъ... Вокругъ церквей, виднѣется ли колодезь, стоитъ ли монументъ какой съ незначительной чугушной оградой изъ цѣпи и каменныхъ тумбъ, вы видите многихъ ползущихъ на колѣняхъ и благоговѣнно лобзающихъ либо эту цѣпь, либо ковшикъ съ чистою водою. И думаютъ эти простые, эти добрые русскіе люди, что всѣ эти предметы были при самомъ чудотворцѣ Сергіи, что ко всему этому св. угодникъ прикасался своими устами, а потому всѣ эти предметы виѣщаютъ въ себѣ живительную силу, которая и воспріимется при благоговѣнномъ прикосновеніи къ этимъ священнымъ яко-бы предметамъ; и къ чему было бы разубѣждать этихъ простыхъ людей: они пришли сюда издалика, нѣкоторые тысячи за двѣ версты, преодолевая тяжкую нужду, нерѣдко пытаясь Христовымъ именемъ, либо борясь съ тяжкимъ тѣлеснымъ недугомъ... И пусть уйдутъ съ тѣмъ же чувствомъ безпредѣльнаго благоговѣнія къ памяти святаго подвижника, который предъ ними вырастаетъ въ какомъ-то мнѣнческомъ образѣ. Эта сѣрая масса не знаетъ ни вѣка, когда жилъ святой Сергіи, ни его подвиговъ, во славу отечества и церкви имъ совершенныхъ; эта масса не можетъ даже прочесть сказанія о его дѣяніяхъ: она погружена во мракъ безграмотности; но она по преданію и инстинктивно чтитъ въ немъ святаго мужа, любившаго отечество, молившагося и благословлявшаго народъ русскій на все доброе, на все благое, а нынѣ предстательствующаго у престола Всевышняго за всѣхъ бѣдствующихъ, страждущихъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ... И эта масса молится и поминаетъ въ своихъ молитвахъ его святое имя.

Мы спѣшимъ къ намѣстнику Лавры. Радужно встрѣчаетъ онъ насъ и съ чувствомъ искренняго уваженія приближаемся мы къ этому почтенному старцу.

Архимандритъ Леонидъ, въ мѣрѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, воспитанникъ перваго московскаго кадетскаго корпуса 1835—1840 гг., прекрасно кончивъ курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи,

поступилъ въ лейбъ-гвардію Волинскій полкъ и усердно несъ въ немъ полковую службу въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, съ 1840 по 1852 годъ. Онъ уже былъ капитанъ гвардіи; предъ нимъ лежала блестящая дорога дальнѣйшей карьеры—полковникъ, генералъ, командиръ бригады, дивизіи, быть можетъ, корпуса. Между тѣмъ въ воздухѣ пахло порохомъ, надвигались грозныя тучи восточной войны и ополченія противъ насъ всей Европы, а съ этой бурей, конечно, явились бы и боевыя отличія для браваго капитана, — но онъ уже пресыщенъ свѣтскою жизнью и суетой суетъ; ничто въ немъ его не соблазняетъ; и вотъ Л. А. Кавелинъ удаляется въ Оптину пустынь, въ Калужской губерніи, и въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1852 по 1857 годъ, въ иноческихъ подвигахъ готовить себя къ отреченію отъ міра, къ постриженію въ монахи. Этотъ постригъ человѣка, съ глубокимъ сознаниемъ всей важности предпринятаго подвига, человѣка, покидавшаго въ мірѣ и почетъ, и блестящее положеніе, человѣка глубоко и искренно религіознаго, совершается 7-го сентября 1857 года, въ той же пустыни. Въ томъ же году новый инокъ Леонидъ отправляется на дальній востокъ членомъ іерусалимской духовной миссіи, въ званіи іеромонаха. Въ 1864—1865 годахъ мы его видимъ тамъ начальникомъ помянутой миссіи; съ 1865 по 1869 годъ онъ занимаетъ постъ настоятеля Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря; наконецъ, съ 1877 г. онъ занимаетъ высокій постъ намѣстника Троице-Сергіевой лавры и съ честью и величайшимъ достоинствомъ несетъ труды, съ этимъ высокимъ званіемъ сопряженныя; его чтутъ, его уважаютъ. Съ тою отзывчивостью на все хорошее, съ тѣми способностями, которыми отличались и отличаются очень многіе питомцы корпусовъ, архимандритъ Леонидъ издавна посвятилъ себя, кромѣ трудовъ служебныхъ, съ его духовнымъ званіемъ сопряженныхъ, трудамъ въ области науки. Это искренній и, какъ подобаетъ вообще монаху, вполне безкорыстный подвижникъ въ области научнаго труда. Его сообщенія, его очерки, его изслѣдованія по археологін, исторіи церкви и исторіи государства русскаго, его труды по отношенію къ жизнеописаніямъ достопамятныхъ дѣятелей русскихъ, наконецъ, по обзорнѣю разныхъ книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ и цѣнныхъ для науки въ нихъ открытій,—всѣ эти труды, если ихъ перечислить, доходятъ до цифры 700 нумеровъ; вы ихъ найдете въ историческихъ и археологическихъ повременныхъ изданіяхъ, сборникахъ и извѣстіяхъ, въ разныхъ духовныхъ органахъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ, наконецъ, во множествѣ отдѣльныхъ брошюръ. Въ какой бы обители о. Леонидъ ни былъ, онъ всюду принимался, прежде всего, за обзорнѣе ея древлехранилища, за исторію той обители, за изслѣдованіе

о тѣхъ или другихъ достопамятностяхъ, съ этимъ монастыремъ соединенныхъ. А пріобыкъ онъ владѣть перомъ давно; мы помнимъ, еще въ юныхъ годахъ, переглядывая «Журналъ военно-учебныхъ заведеній», очень полезный для своего времени журналъ для юношества, мы въ немъ нашли, подъ 1839 годомъ (сентябрь), статью Льва Кавелина, нынѣ архимандрита Леонида, о бородинскихъ маневрахъ. Любилъ и любить архитектуру и науку архимандритъ Леонидъ и всегда внимательно и дружественно относится онъ къ подвижникамъ словесности и исторіи. Нашъ предшественникъ, въ качествѣ издателя историческаго повременнаго сборника, О. М. Бодяевскій, былъ наиболѣе близкимъ человѣкомъ, даже другомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, архимандрита Леонида. «Императорское московское общество исторіи и древностей» видитъ въ почтенномъ архимандритѣ одного изъ самыхъ усердныхъ своихъ членовъ. Любопытно, что, будучи еще въ міру, писалъ онъ и стихи; въ архивѣ «Русской Старины» мы съ удовольствіемъ находимъ слѣдующій переводъ архимандрита Леонида изъ его любимаго нѣкогда поэта Мицкевича. Переводилъ, конечно, не архимандритъ, а еще бравый гвардейскій офицеръ Левъ Александровичъ Кавелинъ, въ то время, когда онъ печатался въ «Иллюстраціи», издававшейся А. П. Башуцкимъ въ началѣ 1840-хъ годовъ.

Достоуважаемый отецъ архимандритъ, вѣроятно, не посѣтуетъ, если мы выпишемъ одинъ изъ его поэтическихъ переводовъ за время 1840 года.

Вилія.

(Переводъ изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкевича).

Вилія, рѣкъ родныхъ царица,
Вилія славится давно;
Лишь ея свѣтлѣй денницы,
Золотое кроетъ дно...

У литвинки лякъ нѣжнѣе,
Сердце чище и свѣтлѣе (припѣвъ).

* * *

Вилія ковенской долиной
Протекаетъ межъ цвѣтовъ.
Предъ литвиночкой-богиней
Цвѣтъ литовскихъ молодцовъ:
Всѣ красивѣй и милѣй
Розъ, тюльпановъ и яблей.

* * *

Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Мчится съ ней черезъ скалы,
 Къ груди холодной прижимаетъ,
 Плещутъ мутные валы.
 И вотъ оба мчатся дружно
 Въ море съ пѣною жемчужной.

* *

Отъ цвѣточковъ отдалилась,
 Вилья къ Нѣману спѣшить,
 А латышка загордилась,
 Нашпихъ юношей бѣжать:
 Чужеземецъ ей по сердцу,
 Предалася пловѣрцу.

* *

Но грозить напрасно рокъ;
 Глухо сердце и потокъ;
 Сердце любить и страдаетъ.
 Вилья къ Нѣману спѣшить,
 Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Лаской, нѣгою полъ.
 Дѣва плачетъ и страдаетъ,
 Въ кельѣ грусть свою талъ.

* *

Такъ латынку молодую
 Чужеземецъ увлечетъ
 Въ страну дальнюю, чужую,
 Въ бездну горя и заботъ.
 И въ забвеніи, въ слезахъ
 Ты потонешь, какъ въ волнахъ.

Застали мы отца архимандрита за большимъ трудомъ: онъ занимался составленіемъ научнаго обзора описанія громаднаго собранія рукописей незабвеннаго археолога графа А. С. Уварова. Это собраніе заключаетъ въ себѣ до 2,250 манускриптовъ, изъ которыхъ лишь до 750 было нѣкогда описано П. Строевымъ, остальные не были изслѣдованы, и значеніе ихъ не было опредѣлено. Архимандритъ Леонидъ, съ обычной своей пытливостью и знаніемъ дѣла, трудится надъ составленіемъ этого весьма важнаго для науки обзоренія и описанія. Рукописей много есть въ этомъ собраніи вполнѣ драгоценныхъ и древнѣйшихъ изъ нихъ, хотя, конечно, весьма немногія, восходятъ до конца XV-го и начала XVI-го столѣтій. О важности этого труда мы можемъ убѣдиться изъ небольшого сообщенія, которое, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ архимандритъ Леонидъ на страницахъ «Русской Старины» (изданіе 1888 года, т. LIX, июль), въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Откуда родомъ святая великая княгиня Ольга» (стр. 215 и слѣд.). Извѣстно, что на основаніи свидѣтельства соста-

вителя пространнаго житія святой Ольги въ Степенной книгѣ, т. е. въ памятникѣ русской письменности XVI-го вѣка, утвердилось мнѣніе, что святая Ольга «изъ плесковской страны, иже отъ области царствія русскія земли», т. е. разумѣлась псковская страна («Русская Старина», стр. 216), между тѣмъ, въ одномъ изъ историческихъ сборниковъ второй половины XV-го вѣка, принадлежащихъ собранію графа А. С. Уварова, архимандритъ Леонидъ нашель, подъ 903 годомъ, въ обрывкѣ изъ древняго лѣтописца такіа строки: «Игоря же (Олеги) жени въ болгарѣхъ; поять за него княжну именемъ Олгу. И бѣ мудра вельми». Далѣе слѣдуетъ описаніе похода Олега на Царьградъ. Въ замѣткѣ, составленной по нашей просьбѣ архимандритомъ Леонидомъ, въ развитіе разъясненія своей находки, авторъ приводитъ весьма любопытныя соображенія, подтверждающія указанія найденнаго имъ списка XV-го вѣка о томъ, что Ольга только въ воображеніи составителя ея житія, относящагося, по времени созданія сего житія, на цѣлыя 100 лѣтъ позже вынѣ найденнаго лѣтописца, была изъ псковской страны, между тѣмъ какъ она именно была не кто другая, какъ княжна болгарскаго рода, въ каковой странѣ и былъ древній городъ Плесковъ, основанный еще Константиномъ Великимъ.

Не пойдѣмъ, однако, на этотъ разъ за розысканіями архимандрита Леонида въ сокровищницу рукописей, имъ нынѣ описываемыхъ; отправимся въ монастырскую бібліотеку.

Бібліотека Лавры приведена въ отличный порядокъ и многочисленное собраніе рукописей описано однимъ монахомъ, каковое описаніе, составляющее обширный томъ, помѣщено въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ». Это описаніе—вполнѣ солидный вкладъ въ отечественную науку—весьма долго оставалось неизданнымъ, и, слѣдовательно, могло подвергнуться всякой случайности утраты; благодаря только энергіи и настоянію архимандрита Леонида обязаны мы, что помянутое описаніе явилось, наконецъ, на страницахъ «Чтеній общества исторіи и древностей російскихъ» и сдѣлалось достояніемъ всѣхъ тѣхъ лицъ, для которыхъ особенно важно знать сокровища бібліотеки Троице-Сергіевой лавры.

Многихъ подвижниковъ науки взростила и влелѣяла эта обитель какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и подъ своею сѣнью! Не вспоминая длиннаго ряда опочившихъ ея тружениковъ, главнымъ образомъ подвизавшихся въ стѣнахъ московской духовной академіи, въ этой же лаврѣ находящейся, упомяну лишь о нѣсколькихъ лицахъ, нынѣ живущихъ въ Троице-Сергіевомъ посадѣ и извѣстныхъ въ учевой

литературѣ русской и славныхъ своей профессорской дѣятельностью въ духовной академіи, таковы, напр., Евгеній Евстигнеевичъ Голубинскій, ординарный профессоръ помянутой академіи, небольшого роста, коренастый, сильный мужчина; онъ живетъ въ своемъ собственномъ домикѣ, заботливо и прекрасно выстроенномъ, въ которомъ, конечно, бібліотека занимаетъ, какъ говорится, красный уголъ. Онъ не словоохотливъ, но въ немъ видна мощь ума глубокаго, видна сила трудолюбца замѣчательнаго; его исторія русской церкви въ древнѣйшемъ ея періодѣ занимаетъ чрезвычайно почетное мѣсто не только въ литературѣ русской, но и въ сферѣ науки всего славянскаго міра. Николай Ивановичъ Субботинъ, профессоръ той-же духовной академіи; мы его посѣтили также въ его собственномъ домикѣ, видѣли его громадвую бібліотеку и длинные ряды его собственныхъ изданій.

Николай Ивановичъ родился въ 1827 году, получилъ образованіе во владимірской семинаріи, прошелъ духовную московскую академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1852 году; въ 1862 году онъ выступилъ, во всеоружіи знаній раскола, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ силъ своихъ, трудится неустанно на этомъ поприщѣ; сдѣлано г. Субботиннымъ чрезвычайно много. Его историко-полюемическія статьи, его біографическіе этюды и характеристики вожаковъ раскола, въ его недавнемъ прошломъ и въ современномъ быту, сослужили большую службу отечеству. Онъ является носителемъ свѣта въ тотъ густой мракъ, который, къ вящему упроченію и развитію на Руси раскола, окутывалъ дѣятельность его многочисленныхъ вожаковъ и многомиліонную паству... Любопытно, что до 1862 г. цензура своимъ запретомъ писать о расколѣ была охранительницею этой болѣзни русскаго народа; она, т. е. та-же цензура, не доброй памяти дореформеннаго быта, съ близорукостью невѣжества, была лучшею помощницею вождей раскола; но вотъ въ 1862 году Н. И. Субботинъ, тогда еще молодой профессоръ, срываетъ эту завѣсу; его изслѣдованія, основанныя на массѣ добытыхъ документовъ, вводятъ грамотную Россію во всѣ тайники и лабиринты истинно мертваго царства русскаго раскола и оказывается, что именно гласность есть самое лучшее и самое сильное оружіе для борьбы съ этимъ страшнымъ противникомъ, въ теченіи 200 лѣтъ чрезвычайно далеко раскинувшимъ свои сѣти. Николай Ивановичъ Субботинъ не ослабѣваетъ и понынѣ въ своей публицистическо-ученой дѣятельности. Кромѣ отдѣльныхъ монографій и журнальныхъ статей и сообщеній, онъ въ теченіе уже тринадцати лѣтъ издаетъ журналъ «Братское Слово»; это изданіе, по два выпуска въ мѣсяцъ, является весьма важнымъ источникомъ для каждаго, кто пожелалъ бы познакомиться

съ положеніемъ и движеніями въ области раскола, а въ то-же время и сильнымъ органомъ для борьбы съ нимъ. Сердечно желаемъ, чтобы труды Н. И. Субботина, повторяю, значительные и по количеству, и по ихъ значенію для государства, продолжали бы встрѣчать сочувствіе въ правящихъ сферахъ и, если не поддержку, то, по крайней мѣрѣ, не встрѣчали бы себѣ, хотя бы и по какимъ нибудь недоразумѣніямъ, препятствія. Вообще дѣятельность этого человѣка, какъ мы ее понимаемъ, заслуживаетъ признательности каждаго русскаго, желающаго свѣта въ области мрака, въ которомъ погрязаютъ многомиліонные послѣдователи раскола. Познакомились мы съ молодымъ подвижникомъ науки И. Н. Корсунскимъ (род. въ 1849 году). Онъ интересовалъ насъ въ томъ отношеніи, что вся его научно-историческая дѣятельность посвящена изученію трудовъ и изясненію значенія многочисленныхъ заслугъ Филарета, митрополита московскаго (Дроздова), этого великаго свѣточа православной русской церкви. Г. Корсунскій—воспитанникъ тульской духовной семинаріи и московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1874 году. Занявши въ академіи мѣсто бібліотекаря и приватъ-доцента по кафедрѣ греческаго языка и словесности, онъ выступилъ, если не ошибаюсь, на ученую дѣятельность въ 1882 году, когда за свое сочиненіе «Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта» удостоенъ былъ степени магистра богословія и когда вслѣдъ затѣмъ занялъ кафедру, въ качествѣ доцента академіи по тому же предмету. Въ его учено-литературной дѣятельности, какъ мы уже выше замѣтили, видное мѣсто занимаютъ труды, посвященные памяти Филарета, митрополита московскаго. Назову нѣкоторые изъ нихъ:

«О подвигахъ Филарета, митрополита московскаго, въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ» (М. 1883 г.).

«Филаретъ, митрополитъ московскій, въ своихъ катехизисахъ» (Москва, 1883 г.).

«Проповѣдническая дѣятельность Филарета, митрополита московскаго» (1884—1886 г.).

«Филаретъ, митрополитъ московскій, въ его отношеніяхъ и дѣятельности по переводу библіи на русскій языкъ» (1886 г.).

«Дѣятельность митрополита московскаго Филарета въ холеру 1830—1831 гг.» (Москва 1887 г.) и проч.

Надо признать, что И. Н. Корсунскій избралъ благую часть, отдавъ свой талантъ, какъ ученаго труженика, на ознакомленіе многочисленныхъ читателей съ разнообразною и глубочайшаго значенія для православной русской церкви дѣятельностью Филарета Дроздова; онъ же, какъ государственныи человѣкъ и какъ ученый и,

наконецъ, какъ іерархъ-администраторъ, представляетъ своими трудами источникъ для изученія не для одного ученаго и писателя, а для цѣлаго ряда изслѣдователей. Въ подтвержденіе этого стоятъ лишь напомнить объ издающемся нынѣ, по мысли и по плану обер-прокурора святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцева, превосходномъ сборникѣ: «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. Моск. и Колом., по учебн. и церк.-государств. вопросамъ». (О первыхъ томахъ этого монументальнаго изданія были отзывы въ «Русской Старинѣ» 1886 и 1887 гг.) Какой неизсякаемый источникъ мудрости и результатовъ великаго опыта духовнаго правителя и мыслителя! ¹⁾.

II.

Нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ провелъ пишушій эти строки въ посадѣ Лавры, у Анны Дмитріевны Бантышъ-Каменской. Весьма образованная женщина, Анна Дмитріевна есть старшая дочь извѣстнаго историка Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго и внука въ высокой степени замѣчательнаго архивиста и ученаго Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. Она удалилась отъ суеты мірской весьма давно и вотъ уже 23 года живетъ въ Сергіевскомъ посадѣ. Въ маленькой квартиркѣ Анны Дмитріевны, нанимаемой ею въ деревянномъ домикѣ какого-то обывателя посада, все дышетъ стариной: стѣны украшены портретами, писанными на эмали и полотнѣ, портретами ея именитыхъ родичей и предковъ: тутъ и Кантемиры, и Кантакузены, и разные другіе бояре и боярыни XVIII и начала XIX вѣковъ; и говоритъ Анна Дмитріевна о нихъ точно о вчерашнихъ знакомыхъ, ее посѣтившихъ; живая рѣчь ея исполнена крайне интересными и характерными замѣтками,—такъ бы и хотѣлось все запечатлѣть въ своей памяти, но карандашъ нашъ не успѣваетъ слѣдить за ея бойкими разказами. Съ особенною любовью говоритъ Анна Дмитріевна о своемъ отцѣ, который былъ дѣйствительно чело-вѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ: высоко-образованный, весьма гуманный, Дмитрій Николаевичъ былъ отличнымъ губернаторомъ въ предѣлахъ отдаленной Сибири въ 1826—1830-хъ годахъ,

¹⁾ Въ архивѣ «Русской Старины» довольно много копій съ помннутыхъ мнѣній и отзывовъ іерарха русской церкви; мы начали было помѣщать ихъ въ очеркѣ о его жизни, но какъ только сталъ являться въ свѣтъ, выпускъ за выпускомъ, превосходный сборникъ К. П. Побѣдоносцева, то мы прекратили тисненіе нашихъ рукописей-копій Филарета,—такъ какъ въ сборникѣ, съ перваго же его тома, стали являться онѣ съ подлинниковъ, а потому несравненно въ болѣе точномъ и полномъ видѣ. Ред.

вѣрнымъ другомъ своихъ друзей, и помощникомъ и защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ страдающихъ. Гораздо раньше, чѣмъ отъ Анны Дмитриевны, мы слышали воспоминанія о Дмитріи Николаевичѣ Бантышъ-Каменскомъ, съ какой сострадательностью онъ относился къ тѣмъ изгнанникамъ - декабристамъ, которые были привозимы въ 1826—1828-хъ годахъ въ Тобольскъ и отправляемы далѣе. А какъ любилъ онъ свое отечество, какъ много потрудился для него, между прочимъ въ качествѣ историка: взращенный въ атмосферѣ московскаго главнаго архива, въ члѣнъ котораго стоялъ его отецъ, Дмитрій Николаевичъ очень рано посвятилъ себя изслѣдованію въ области исторіи Россіи; какъ составитель исторіи Малороссіи, какъ составитель разныхъ біографій достопамятныхъ людей земли русской, онъ приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Великій Пушкинъ считалъ его «настоящимъ историкомъ» и обращался къ нему за совѣтами и указаціями, когда составлялъ исторію Пугачевскаго бунта. Несравненно бѣльшій авторитетъ въ области науки отечественной исторіи—безсмертный Карамзинъ писалъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Жизнь его или, лучше сказать, дѣятельность его, какъ администратора въ отдаленной Сибири, вызвала нареканіе и преслѣдованіе со стороны сильныхъ враговъ его: начальника, генералъ-губернатора Капцевича, а во главѣ этихъ враговъ стоялъ всемогущій въ 1830 годахъ графъ Сперанскій. Эпоху этихъ гоненій Бантышъ-Каменскій подробно разсказалъ въ обширной рукописи, озаглавленной имъ «Шемакинъ судъ въ XIX столѣтіи». Съ словоохотливостью чело-вѣка, извѣдавшаго утѣсенія и горе и ищущаго въ судѣ потомства найти возмездіе своимъ утѣснителямъ, Бантышъ-Каменскій съ горячностью подробно разсказалъ объ этомъ судѣ. Лишь извлеченіе напечатано нами въ «Русской Старинѣ» 1873 года, томъ VII, стр. 735—784. Впрочемъ, что же мы говоримъ о немъ и его трудахъ: еще недавно, именно въ ноябрѣ 1888 года, по поводу столѣтняго юбилея дня рожденія Дмитрія Николаевича, мы посвятили, смѣемъ думать, довольно живой очеркъ его памяти. Для насъ лично эта память особенно дорога. «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», трудъ Бантыша-Каменскаго, былъ одинъ изъ первыхъ по времени трудовъ изъ русской исторіи и изъ жизнеописаній русскихъ дѣятелей, нами не то что прочтенный, но, можно сказать, проглоченный: до того онъ показался интереснымъ мнѣ, бывшему еще 17 лѣтнимъ юношей; кто знаетъ, быть можетъ, чтеніе именно этого труда и дало намъ толчекъ посвятить себя нашей скромной дѣятельности въ области отечественной исторіи вообще и изученію ея за XVIII и XIX вѣка въ особен-ности.

Любопытень, между прочими рассказами Анны Дмитріевны, дочери нашего историка, рассказъ о вскрытіи могилы князя Александра Даниловича Меншикова; онъ, впрочемъ, мало различествуетъ съ тѣмъ, что было напечатано нами изъ записокъ самого Вантыша-Каменскаго (см. «Р. Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 735—784).

Курьезенъ поступокъ правнука, сподвижника Петра Великаго, именно генераль-адъютанта князя А. С. Меншикова, который поспѣшилъ доложить императору Николаю Павловичу о присылкѣ тобою ль своимъ губернаторомъ къ нему, кн. Меншикову, брови и нѣсколькихъ лоскутковъ отъ одежды Александра Даниловича; докладъ этотъ много повредилъ нашему историкъ въ его служебной карьерѣ и, можно сказать, былъ со стороны Меншикова одною изъ странностей. Вообще этотъ человѣкъ—мы говоримъ о князѣ А. С. Меншиковѣ,—отличавшійся большимъ умомъ, былъ, если такъ можно выразиться, не на высотѣ своего положенія. Въ ряду многочисленныхъ лицъ, говорившихъ намъ объ этомъ дѣятелѣ эпохъ Александра I, Николая I и Александра II, мы слышали о немъ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ; русское общество знаетъ Меншикова по безчисленнымъ его острословіямъ и анекдотамъ, но въ то же время признаетъ въ немъ крайняго себялюбца, эгоиста, не только не сжувѣшаго, при своемъ громадномъ умѣ, стать въ ряды подвижниковъ великихъ освободительныхъ идей Александра II, а, напротивъ, дѣлавшаго все, что было въ его силѣ, къ противодѣйствию великимъ реформамъ Государя-Освободителя. Любопытно, что князь, какъ извѣстно, велъ обширныя записки, а между тѣмъ, какъ утверждаютъ, послѣ его смерти проданъ былъ домъ въ одной его усадьбѣ, а вмѣстѣ съ домомъ проданы и эти записки, при чемъ, конечно, не позаботились узнать объ ихъ существованіи; если этотъ слухъ несправедливъ, то пріятно было бы услышать его опроверженіе. Всю жизнь князь А. С. Меншиковъ собиралъ и собралъ громаднѣйшую бібліотеку; въ ней было множество книжныхъ сокровищъ либо по крайней рѣдкости изданій, либо вообще по значенію содержанія книгъ и брошюръ. Мы помнимъ эту бібліотеку: она занимала обширное зало въ томъ домѣ, въ которомъ обиталъ старый вождь севастопольскаго гарнизона; но вотъ умираетъ князь; для перевозки изъ его квартиры вещей вся бібліотека сбрасывается въ беспорядочныя кучи среди обширной залы; изъ этой кучи прислуга, а за ней и букинисты растаскиваютъ на стороны навболѣе цѣнныя изданія, при чемъ въ невѣжествѣ своемъ разрозниваютъ томы; все остальное сгребается въ безобразныя груды и новый владѣлецъ бібліотеки князя Меншикова недоумѣваетъ, куда сдать всѣ эти залежи книжныхъ сокровищъ; затѣмъ не придумы-

вають ничего лучшаго, какъ пожертвовать это книгохранилище юнкерскому училищу въ Ставрополь Кавказскій. По какой ассоціаціи идей обширное книгохранилище человѣка весьма просвѣщеннаго, интересовавшагося самыми разнообразными областями знанія и собравшаго весьма много изъ того, что появлялось лучшаго въ его жизни на книжныхъ рынкахъ, предназначено было въ даръ одному изъ военныхъ училищъ, каковымъ являлось юнкерское училище въ Ставрополь — это объяснить невозможно! Просто слѣпой случай. И вотъ множество ящиковъ съ книгами отправляется на окраину Россіи. Къ счастью, въ Тифлисъ, во главѣ археографической комиссіи состоялъ незабвенный ученый и труженикъ по исторіи Кавказа Адольфъ Петровичъ Берже. Его настоянію предъ мѣстными просвѣщенными властями Кавказа мы обязаны тѣмъ, что библиотека свѣтлѣйшаго кн. А. С. Меншикова была доставлена въ Тифлисъ, тамъ, насколько возможно, разобрана, и то, что необходимо для тифлискаго общественнаго книгохранилища и музея, то оставлено въ Тифлисъ, а въ Ставрополь направлены либо дублиеты, либо книги дѣйствительно полезныя для образованія военной молодежи.

Весьма дорогъ былъ архивъ князя А. С. Меншикова, уже не говорю о временахъ, когда онъ дѣйствовалъ на государственномъ поприщѣ, какъ лицо, довольно близкое къ императору Александру I, и въ особенности близкое къ императору Николаю, но архивъ родоначальника князя А. С. Меншикова, А. Д., питомца Петра I. Самъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, жившій въ 1887 г. въ Баденъ-Баденѣ, сообщалъ намъ, чрезъ посредство В. И. О—й, объ этомъ архивѣ славнѣйшаго изъ птенцовъ Петра, но намъ неизвѣстно—отправленъ ли этотъ архивъ въ какое-либо общественное книгохранилище, и мы опасаемся за судьбу этого собранія драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ...

Но вотъ предъ нами представитель тоже вполне исторической фамиліи, прямой потомокъ одного изъ крупныхъ дѣльцовъ и птенцовъ Петра Великаго—это графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой. Мы встрѣтили почтеннаго старца и провели у него вечеръ въ одномъ изъ номеровъ монастырской гостиницы Троице-Сергіевскаго посада, въ которомъ и мы остановились. Мы увидѣли предъ собою румянаго свѣжаго старика семидесяти шестилѣтняго. Графъ Михаилъ Владиміровичъ родился 23-го мая 1812 года; рано, подъ руководствомъ своей просвѣщенной матери, полюбилъ онъ церковную старину дорогаго отечества и впоследствии посвятилъ многіе свои досуги на изученіе ея древностей. Ему, какъ извѣстно, принадлежать изслѣдованія о древностяхъ Ростова Великаго (1848 года), Пскова, роднаго намъ

города (1860 г.); изъ подъ-пера гр. М. В. Толстаго вышли рассказы изъ истории русской церкви (1865—1872 гг.),—вообще трудовъ, принадлежащихъ ему, много, и гр. М. В. совершенно напрасно отмѣтилъ въ нашемъ «Альбомѣ—знакомые», что «таланту ему далъ Богъ мало»; что это напрасно, мы видѣли изъ празднованія 50-лѣтняго юбилея этого почтеннаго писателя: читатели помнятъ, конечно, изъ газетныхъ статей тотъ длинный рядъ телеграммъ и самыхъ сочувственныхъ вообще привѣтовъ, которыми чествованъ былъ графъ М. В. Толстой въ помянутый правдикъ его научно-литературной дѣятельности... А интересенъ, въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что фамилія Толстыхъ дала Россіи чуть-ли не дюжину писателей, и притомъ вполне даровитыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ этой плеядѣ работниковъ въ области науки и литературы мы должны отнести изъ графовъ Толстыхъ графа Федора Петровича († 1883 г.),—великій художникъ скульптуры, медальеръ, живописецъ; графа Дмитрія Николаевича († 1885 г.); графа Алексѣя Константиновича — романиста и поэта; графа Дмитрія Андреевича, историка и президента императорской академіи наукъ; гр. Ивана Ивановича, весьма даровитаго и хотя еще молодого, но вполне справедливо почитаемаго за свои труды археолога; историка и изслѣдователя церковной старины графа Михаила Владиміровича Толстаго, съ которымъ мы въ настоящую минуту бесѣдуемъ въ Троице-Сергіевомъ посадѣ; но въ челѣ этой плеяды даровитыхъ русскихъ людей, конечно, всякій русскій поставитъ графа Льва Николаевича, высокохудожественными произведеніями котораго въ области словесности русской и, наконецъ, нравственными и философскими идеями и ученіемъ котораго заинтересованъ не только міръ русскій, но и западная Европа. А еще изъ Толстыхъ, не графовъ, нельзя не назвать покойнаго Юрія Васильевича, бывшаго товарища обер-прокурора святѣйшаго синода, писателя трудолюбиваго въ области истории и принадлежавшаго къ старшей вѣтви Толстыхъ, ведущей свой родъ тоже отъ одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго, воеводы покореннаго Азова.

Позвольте, однако, мы засиживаемся съ людьми науки; отмѣтимъ же хоть чтонибудь изъ предметовъ, насъ заинтересовавшихъ въ Лаврѣ.

Въ комнатахъ митрополита все дышетъ воспоминаніями о высокопреосвященномъ Филаретѣ Дроздовѣ. Мы здѣсь съ любопытствомъ обозрѣли также большое собраніе живописныхъ портретовъ русскихъ государей и іерарховъ, остановились мы въ особенности передъ портретомъ царицы Прасковьи, каковой портретъ нѣкогда воспроизвели въ снимкѣ, приложенномъ въ нашей монографіи о жизни этой въ высшей степени характерно-типичной женщины эпохи преобразованія Россіи. Въ ризницѣ, которая занимаетъ 4 большихъ покоя, множе-

ство вещей необыкновенно интересных: тут иконы XIII—XVI вѣковъ; антиминсы холщевые XVI и XVII столѣтій; псалтырь Іоанна IV, его кафтаны, его сѣдельный приборъ, уздечка, пороховница; тут разныя плащаницы, работы особъ царской фамилиі XVII и даже XVI вѣковъ... Впрочемъ, всѣ эти предметы перечислять не доводится, такъ какъ въ путеводителяхъ и описаніяхъ Лавры обо всемъ этомъ упомянуто съ достаточной подробностью. Здѣсь и ризы, пожертвованныя Іоанномъ IV, а также многіе вклады императрицы Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Екатерины II: разныя церковныя сосуды, пелены, архіерейскія, митрополичьи мигры, шапки; чрезвычайно интересный покровъ царя Василя Іоанновича, лазоревый камчатный 1525 года; въ монастырѣ же находятся малыя пушки 1608—1609 годовъ, чугуныя ядра и картечь, называвшаяся «Троицкій чеснокъ». Тутъ и ковры, вышитые, какъ я уже сказала, различными царицами и княгинями, и древній портретъ знаменитаго защитника «въ смутное и прискорбное время», архимандрита Діонисія; превосходный, по сходству съ оригиналомъ, портретъ Филарета Дроздова, за семь лѣтъ до смерти святителя, исполненный кистью художника Шпревича (портретъ хранится подъ стекломъ, въ рамѣ). Рукописей въ библиотекѣ 823, а каталогъ ихъ печатный, оттискъ изъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей,» озаглавленъ такъ: «Описание славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры» (Москва 1878—1879 гг., части I, II и III).

Изъ могилъ въ оградѣ Лавры, могила дѣятелей близкаго къ намъ времени, насъ остановила передъ собою могила почтеннаго Степана Алексѣевича Маслова, съ 1820 по 1860 годъ бывшаго секретаремъ императорскаго московскаго общества. Родился онъ въ 1793, умеръ же въ 1879 году и стяжалъ себѣ память челоуѣка въ высшей степени просвѣщеннаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Не далеко отъ него могила народнаго трибуна нашихъ дней Ивана Сергѣевича Аксакова: глыба гранита съ водруженнымъ на ней крестомъ и уже съ потускнѣвшею и вывѣтрившеюся надписью, въ которой не безъ труда читаемъ: «блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся; блаженни чистиі сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ» и проч.

За стекломъ въ одномъ изъ шкаповъ ризницы мы нашли слѣдующее письмо Петра Великаго:

— «Аннушка и Лизенька, здравствуйте. Мы съ матерью, слава Богу, здоровы и съ сего моменту идемъ въ путь свой. Дай Боже васъ паки въ радости видѣть; а когда будете въ Петербургѣ, тогда большую сестру Натальюшку и внучатъ поцѣлуйте за насъ. У Коломны въ 17-го мая 1722 года. Петръ.»

Приводимъ одинъ изъ документовъ собранія А. Д. Баятышъ-Каменской, сообщенныхъ ею намъ въ бытность у нея въ посадѣ Лавры:

— «Николай Николаевичъ! ¹⁾ Въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, сколько мнѣ извѣстно, должны быть свѣдѣнія о прежнемъ, во времена еще государя императора Петра Великаго, проеکتѣ канала для соединенія рѣки Оки съ Дономъ подъ названіемъ Ивановскаго. Я прошу васъ собрать и доставить мнѣ въ спискахъ какъ начальныя предположенія, до устройства сего канала относящіяся, такъ начертаніе, съ какимъ намѣреніемъ онъ былъ назначенъ и для чего потомъ оставленъ. Есть-ли могутъ въ архивѣ отысканы быть и еще какіе-либо проеқты тогдашняго времени, касательно устройства водныхъ сообщеній во другимъ мѣстамъ имперіи, то примите на себя трудъ прислать мнѣ и объ нихъ сколько можно обстоятельное свѣдѣніе. Вручитель сего, г. инженеръ подполковникъ Апухтинъ, представитъ вамъ о томъ, что теперь наипаче для меня по Ивановскому каналу нужно и что я прямо отъ васъ ожидать буду. Съ возвращеніемъ его изъ Тулы въ Москву онъ можетъ, съ дозволенія вашего, заняться собраніемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, есть ли бы первыя, по мѣстной ему навѣстности сего канала, нашлись не во всемъ полны. Вообще удовлетвореніемъ желанію моему вы особенно меня обяжете. Пребываю съ отличнымъ къ вамъ уваженіемъ. Принцъ Георгій Голштинскій.

Тверь.

30 ноября 1810 г.

№ 4063.

М. И. Семевскій.

Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ.

[Къ «Путевымъ запискамъ», напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» 1889 г., томъ LXI, апрѣль, стр. 238].

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ мой дѣдъ М. П. Погодинъ, никому не проданъ и принадлежитъ его невѣстѣ Аннѣ Петровнѣ Погодиной, вдовѣ его старшаго сына Ивана Михайловича, которая въ немъ и живетъ. Что же касается больницы душевнобольныхъ (Совой Мотлевича), то она помѣщается въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, который принадлежалъ покойному дѣду, но послѣдній въ немъ не жилъ.

А. Д. Погодинъ.

Примѣчаніе. Владѣнія М. П. Погодина начинались съ угла Савинскаго переулка и доходили почти до Плющихи; на этомъ большомъ пространствѣ было около шести домовъ, принадлежавшихъ Михаилу Петровичу и имъ приобретенныхъ, если не ошибаемся, въ 1836 году; по крайней мѣрѣ, о своей покупке онъ, подъ этимъ именно годомъ, писалъ къ Н. В. Гоголю, приглашая его прѣхать изъ Сиб. и поселиться у него на Дѣвичьемъ полѣ. Ред.

Кн. П. П. Вяземскій.

Въ статьѣ моей «Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ», напечатанной въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» 1889 г., вкрасалась описка. Князь Вяземскій, въ началѣ 1860 годовъ бывшій попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, на стр. 102 названъ Петромъ Андреевичемъ, что невѣрно: у этого князя Вяземскаго, съ которымъ я былъ лично знакомъ, было имя и отчество—Павелъ Петровичъ. Профессоръ Н. Эхрзовъ.

¹⁾ Баятышъ-Каменскій, началн. главн. арх. и. н. д. въ Москвѣ, † 1814 г.

Трехсотлѣтіе города. Саратова.

Саратовская ученая архивная коммисія, въ ознаменованіе приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Саратова, постановила издать сборникъ статей и матеріаловъ, относящихся до исторіи Саратовскаго края. Въ первомъ томѣ сборника предположено перепечатать безъ исключенія все, что писалось о край отъ Геродота до 1700 года включительно, и затѣмъ въ этотъ же томъ войдутъ матеріалы и статьи о край, появившіеся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, пріобрѣтеніе которыхъ для бібліотеки коммисіи, или для каждаго изъ ея членовъ сопряжено, по ихъ рѣдкости, съ трудно-устраняемыми препятствіями. Во второмъ томѣ предполагается издать нѣсколько монографій по мѣстной исторіи.

Такъ какъ въ бібліотекѣ коммисіи и книгохранилищахъ Саратова не имѣется многихъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые необходимы для изданія «Саратовскаго историческаго сборника», то коммисія поручила мнѣ обратиться ко всѣмъ любителямъ старины съ покорнѣйшею просьбою: не оставить коммисію увѣдомленіемъ объ имѣющихся у нихъ рукописяхъ, рѣдко встрѣчающихся книгахъ и статьяхъ, а такъ же и о всѣхъ другихъ матеріалахъ по археологін, исторіи и этнографіи Саратовскаго края и затѣмъ ихъ высылкой во временное пользованіе коммисіи.

Коммисія будетъ искренно благодарна тѣмъ лицамъ, которыя сообщеніемъ матеріаловъ окажутъ ей содѣйствіе въ изданіи «Сборника».

Предсѣдатель коммисіи, князь Л. Голицынъ.

П о п р а в к и

къ очерку «Болгарское ополченіе и его сформированіе».

[«Русская Старина» изд. 1889 г., томъ LXII, книга апрѣль].

Приводимъ исправленія нѣкоторыхъ мѣстъ въ текстѣ нашего очерка:

		Напечатано:	Читай:
На стр.	151 строка 17	достигать этого не неприятно-стью	достигалъ этого неприятно-стью
	156 30	но если Д. Г. Анучинъ не могъ познакомиться съ моею лично-стью	но если Д. Г. Анучинъ, состоя помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, не могъ познакомиться съ моею лично-стью
	156 33	что я, П. С. Ивановъ, состоя помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами	что я, П. С. Ивановъ, въ началѣ войны состоялъ при полковомъ штабѣ
	157 10	ия кн. В. А. Черкасскій его помощникъ	кн. В. А. Черкасскій, не его помощникъ.
			И. С. И.

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870—1889.

Изъ двадцати лѣтъ изданія этого журнала семи годовъ вовсе не имѣется въ продажѣ, ни одного экземпляра, а именно: изд. 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1882 и 1887 гг.—Это обстоятельство вызываетъ многократныя сѣтованія, къ намъ обращаема со стороны тѣхъ лицъ, которыя желали бы имѣть возможно полный экземпляръ этого журнала, украшеннаго гравюрами лучшихъ художниковъ и необходимаго для любителя отечественной исторіи, а равно весьма полезнаго для различныхъ справокъ въ области родной старины и жизнеописаній многочисленныхъ русскихъ дѣятелей.

Но если уже нельзя имѣть въ настоящее время помянутыхъ годовъ этого историческаго журнала, то мы долгомъ считаемъ предупредить нашихъ читателей, что въ близкомъ будущемъ нельзя будетъ приобрести и еще семи годовъ „Русской Старины“, а именно изданія: 1870 г. (третье изданіе), 1877, 1878, 1879, 1881, 1883 и 1886 гг. Нѣкоторыхъ изъ этихъ годовъ осталось менѣе десяти экземпляровъ, и ни одного изъ нихъ не осталось болѣе пятидесяти экземпляровъ; поэтому кто изъ читателей „Русской Старины“ желалъ бы имѣть еще этотъ журналъ въ возможно большемъ числѣ годовъ, и имѣя въ виду, что новыхъ изданій минувшихъ лѣтъ не предвидится дѣлать вслѣдствіе дороговизны таковаго тисненія, то помянутыя лица благоволятъ поспѣшить приобрести названныя годы „Русской Старины“.

При выпискѣ единовременно трехъ и болѣе годовъ „Русской Старины“ возможна, по соглашенію съ редакціею, уступка; въ противномъ случаѣ цѣна каждаго года журнала „Русская Старина“ прежнихъ лѣтъ девять руб. съ пересылкою.

Завѣдующая конторою «Русской Старины» А. Н. Писарена.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки историографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пинара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Банланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Стряковымъ рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

☞ На лицо —50 экземпляровъ.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Иринея Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Водянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“, за 1879-й, десятый годъ изданія,— между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Мурамна;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ полка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варунъ-Секрета, А. И. Рикордъ, М. С. Валевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нынѣ археолога И. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертуара русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недель при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варягагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассея;—Воспоминанія М. И. Вемкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки И. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Млоайскаго;—В. И. Семовскаго;—И. Мизио;—Г. Тальберга;—Г. Лисенио;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Ивонникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—И. М. Востонова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голыцынъ: П. Д. Киселевъ и управленіе имъ Валахій и Молдавій въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Половъ: Очеркъ биографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-Мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшескаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Иринея въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,— всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,— 8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

На лицо 33 экземпляра.

33*

12-я книга „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Стрѣкова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищева-Нутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона Гейсмара;—архіепископа Филарета Гумилевскаго.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственнооручныя отиѣтки императора Александра II на Запискахъ Словьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлаева.—Записки Д. И. Завалишина.—Записки князя М. С. Голыцина.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографія. очеркъ профессора Бертенсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. М. Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,— историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографія. очеркъ.—И. П. Голевъ 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ глѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій— бывшего крѣпостнаго крестьянина Н. И. Шилова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академичскіе граверы: Л. А. Стрѣловъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Пожалостинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. И. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Мулинова.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. Е. Селванова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румицовъ,— историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Варсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусства помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой. Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старинѣ“.

На лицо 43 экземпляра.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Феодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марьи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Вакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: прежняго памятника на могилѣ Артемія Волынскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирной; — Зап. де-Санглена; — Зап. адм. П. В. Чичагова; — Воспом. Беккера о раззореніи Москвы, 1812 г.; — Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.; — Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.; — Восстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ; — Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.; — Архіерейскій хоръ при арх. Смараглѣ, 1837 г.; — Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.; — Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.; — Имп. военная академія въ 1831—1841 гг. воспом. кн. Н. С. Голицына; — Гр. Н. П. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г. воспом. В. В. Струве; — Воспом. О. А. Пржедлавскаго; — Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова; — Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.; — Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова; — Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ; — Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.; — Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова; — Воспом. черногорца Драговича; — Воспом. Людмила Ив. Рикордъ; — Въ Прибалтійскомъ краѣ; — Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его рассказахъ изъ прошлаго; — Зап. А. Л. Фед. Ваггоута, 1806—1883 гг. — Очерки: Ближній бояринъ Ае. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова; — Первенци имп. російск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова; — Петровская бригада, 1683—1883 гг.; — Коронація русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.; — Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I; — Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отзывѣхъ о немъ русскихъ людей; — М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.; — Як. Петр. Баклановъ; — Ос. Сем. Ганчаръ; — Гр. Егоръ Франц Капринъ; — Ник. Ив. Широковъ; — Нина Алекс. Грибоѣдова; — Филаретъ, митроп. московскій; — Макарій, митроп. московскій и коломенскій; — Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій; — Иринея, архіеп. иркутскій; — Иннокентій, архіеп. херсонскій; — Амвросій, архіеписк. тверской; — Историческій памятникъ въ Переславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ; — Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. П. Берже; — Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.; — Могила Артемія Волынскаго; — Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Дonato; — Имп. Юсифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ; — Александръ I и Николай I, въ 1812—1854 гг.; — Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.; — Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.; — Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г.; — кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.; — Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.; — Поездка подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго. — В. А. Жуковскій, — К. Н. Батюшковъ, — В. К. Кюхельбекеръ, — А. С. Пушкинъ, — М. Ю. Лермонтовъ, — Г. Г. Шевченко, — А. С. Хомяковъ, — Вас. и Ив. Кирѣевскіе, — Н. В. Гоголь, — гр. А. К. Толстой, — Ф. М. Достоевскій, — и проч. и проч. въ письмахъ, воспоминавіяхъ и очеркахъ, и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

На лицо 7 (семь) экземпляровъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1886 г.

Содержаніе: Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Состав. Гельбигъ.—Зап. Ад. Мих. Тургенева.—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.).—Э. И. Стогова,—Ө. Я. Мирковича (1840 г.).—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.).—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. П. М. Колмакова.—Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1850 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учил. правобѣднія, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунаѣ и въ Севастополѣ, 1854—1855 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Крыжановскаго.—Воспом. декабристовъ А. П. Бѣльева и М. И. Муравьева-Апостола.—Воспом. Татьяны Петр. Пассежъ.—Польская смута, 1861—1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго.—Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петербур. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевненское сраженіе 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1831—1833 гг.—Записки композ. Гавр. Як. Ломанина,—артиста Л. Д. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Книгани.—Феофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1706—1741 гг., очеркъ И. Я. Морозкина.—Митроп. Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Андр. Гавъ, біографъ очеркъ Е. С. Некрасовой.—Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семейскаго, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ.—Н. И. Широковъ, очеркъ жизни и рассказы о немъ.—В. И. Водовозовъ, воспом. о немъ и посмерт. стихотв.—Проф. живоп. И. И. Кѣлеръ.—Гр. Дм. Ав. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже.—Война съ Польшею въ перенесѣнн. Николая I съ гр. Дибичемъ, 1831 г.—Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ К. К. Мердеру.—Рассказы объ имп. Николаѣ I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собранъ П. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.,—С. Т. Аксакова, 1857 г.,—С. П. Шевырева, 1858 г.,—Н. М. Яковлева,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолинскаго,—Н. Добролюбова,—Н. А. Некрасова,—Походъ русской арміи въ Индію, проеетъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штукенберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щенкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.,—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди Ө. А. Мѣркина.—Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Як. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матюшинъ.—Генер. Н. И. Евдокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матъ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣевъ Милютинъ, гравир. на мѣди акад. И. И. Пожалостинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломанинъ, грав. В. В. Матъ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ.—Ад. П. Берже и В. И. Водовозовъ, грав. на мѣди Ө. А. Мѣркинъ.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.,—проф. И. И. Кѣлеръ, грав. И. И. Матюшинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 іюня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятники Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Широкова;—памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хруцова, сооруженъ въ 1836 г. и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матъ;—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Спб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

 На лицо 10 экземпляровъ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общество это сообщило нижеслѣдующій отчетъ съ просьбою его напечатать:

Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1 январю 1889 г. располагало капиталомъ въ 136.555 р. 85 к. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6.008 р. 48 к., израсходовано 5.374 р. 11 к. Срочная ссуда въ 100 р. за поручительствомъ выдана 1 лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1 лицу въ 100 р. и 1—въ 300 р. Единоновременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1.220 р. (1 лицу 300 р., 1—150 р., 3—по 100 р., 1—75 р., 1—60 р., 6—по 50 р., 3—по 25 р., 1—17 р., 1—10 р.). На погребеніе одного лица назначено 50 р. Продолжительныя пособія назначены 2 лицамъ по 180 р., 1—300 р., а вмѣстѣ съ равнѣ назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіи января и февраля: 1 лицу—50 р., 1—45 р., 2 по 30 р., 1 по 20 р., итого 175 р. Семѣ 1 умершаго писателя назначена пенсія въ 300 р. и единовременное пособие въ 200 р., вмѣстѣ же съ назначенными равнѣ выданы пенсіи въ теченіи января и февраля 28 лицамъ, а именно: 2 лицамъ по 150 р., 12 по 100 р., 1 лицу—80, 2 лицамъ по 75 р., 1—67 р., 3—по 75 р., 5 по 50 р., 1—45 р., 3—по 40 р., а всего выдано пенсій на сумму 2.437 р. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 р. (одного 125, другаго 45 р.), всего же въ теченіи января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплачено 895 р. Выдано стипендій въ теченіи января и февраля 1 студенту—150 р.; 6 студентамъ по 45 р., а всего 420. Дочери двухъ лицъ зачислены на бесплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель пожитиенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9-е изданіе стихотвореній Надеона въ количествѣ 6000 экзempl. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе комитета 2 бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи. Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе комитета въ память А. Я. Герда, 1 бесплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ въ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Ватеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества, въ видѣ «дружливинской копѣйки» 4 р. 8 к. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены общества. Признаны также пожизненными членами общества В. М. Соболевскій, П. И. Влараибергъ, А. С. Посняковъ, Г. А. Джаншиевъ, М. А. Саблинъ, Д. Н. Анучинъ, А. П. Дукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ, въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».—Предсѣдатель общества Конст. Конст. Арсеньевъ (Сби. Васильевскій остр., 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ 10¹/₂—12 ч. утра; казначей Як. Григ. Гуревичъ (уголъ Лиговки и Бассейной, Гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11 до 12 час.; секретарь Васил. Ив. Семеновскій (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 13, кв. 16) по вторникамъ отъ 5¹/₂ до 7 часовъ. Членъ комитета въ Москвѣ С. А. Муромцевъ (Поварская Скатертный переулокъ, домъ Муромцевой).

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество.

I.

Конкурсъ на соисканіе Кирилло-Меодіевской преміи въ 1,500 и 500 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества сямъ объявляетъ, что въ торжественномъ собраніи гг. членовъ, состоявшемся 13-го мая 1885 г., по случаю исполнявшагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ, съ двумя преміями, одной—въ 1,500 р. и другой—въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (италіанскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка: у словаковъ, у поляковъ,—польскаго въ Западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ,—сербскаго у хорватовъ. Прослѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцевъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужичанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатахъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народнаго славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англій, Германіи литературной ивѣтной обработки отдѣльных нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, нескчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Прежній срокъ представленія сочиненій на вышензложенную тему нынѣ продолженъ до 11-го мая 1890 года, причеъ сочиненія должны быть доставлены въ Совѣтъ Славянскаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7) безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами въ одномъ изъ торжественныхъ общихъ собраній.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 руб., за второе же, по достоинству, 500 руб.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ известнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если С.-Петербургское Славянское Благотворительное общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премированное сочиненіе,—то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя бы оригиналъ былъ и не русский.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества: точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

II.

Конкурсъ на сомнаніе преміи имени А. Θ. Гильфердинга въ 1,000 р.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что на соисканіе преміи имени покойнаго А. Θ. Гильфердинга предлагается слѣдующая тема: представить географическій и этнографическій очеркъ современной Македоніи, причеиъ, въ особенности, остановиться на характеристикѣ говоровъ ея славянскаго населенія; изложить, на основаніи источниковъ, историческія судьбы Македоніи съ VI—VII вѣка по XV вѣкъ; приложить указатель урочищъ и краткое описаніе сохранившихся въ нынѣшней Македоніи памятниковъ византийскаго и славянскаго стариннаго за указанное время.

Сочиненія на эту тему должны быть доставлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, № 7), не позже 11-го мая 1890 года, безъ означенія имени автора, но съ девизомъ или эпитафией.

Означеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ, конвертѣ, на которомъ долженъ быть прописанъ девизъ или эпитафій рукописи.

За сочиненіе, удовлетворяющее всѣмъ вышеназваннымъ требованіямъ, автору будетъ выдана полная премія—въ тысячу (1,000) рублей.

Эта премія можетъ быть раздѣлена на двѣ—въ 700 р. и 300 р.

Авторы сочиненій, неудовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ предлагаемаго конкурса, награждаются премією въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 700 или въ 300 р.,—смотря по достоинствамъ сочиненія.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество оставляетъ за собою право перваго изданія премированнаго сочиненія, съ предоставленіемъ въ распоряженіе автора отъ 300 до 400 экземпляровъ.

Вышелъ въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ первый томъ сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА)

(ИЗДАНИЕ АВТОРА)

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШАГО ПЕРВАГО ТОМА: Губернскіе очерки.—Невинные рассказы. Въ послѣдующіе томы войдутъ слѣдующія соч.: Т. II: Сатиры въ прозѣ.—Признаки времени.—Письма изъ провинціи.—Итоги.—Т. III: Исторія одного города.—Помпадурн.—Въ средѣ умѣренности.—Т. IV: Господа ташкентцы.—Дневникъ провинціала.—Культурные люди.—Т. V: Господа Головлевы.—Благонамѣренныя рѣчи.—Т. VI: За рубежемъ.—Письма къ тетенькѣ.—Сборникъ.—Т. VII: Современная идиллія.—Круглый годъ.—Пошехонскіе рассказы.—Недоконченныя бесѣды.—Т. VIII: Сказы.—Пестрыя письма.—Мелочи жизни.—Т. IX: Пошехонская старина. Все изданіе печатается въ девяти томахъ большого формата, куда войдутъ, кромѣ новыхъ, всѣ 22 книги отдѣльныхъ изданій (отъ 400 до 450 л. журн. формата), стоявшія свыше 38 р., безъ пересылки.

Все изданіе будетъ окончено въ декабрѣ 1889 г.; желающіе получить изданіе, по мѣрѣ отпечатанія отдѣльныхъ томовъ, не ожидая его окончанія, могутъ нынѣ же подписываться на него; вышедшіе томы будутъ доставляемы имъ немедленно.

ЦѢНА для подписавшихся: 15 р. безъ пересылки, и 20 р. — съ пересылкою; въ продажѣ—по выходѣ въ свѣтъ послѣдняго тома: 20 р. безъ пересылки, и 25 р. съ пересылкою.—Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія при типографіи М. М. Стасюлевича въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2 лин., д. № 7.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжн. складѣ типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., д. № 7). и въ книжн. магазинѣ Н. И. Карбасникова (Литейная, 48), Риккера (Невск. просп., 14) и Цинзеинга (Невск. просп., 46); въ Москвѣ: въ книжн. магазинѣ Н. И. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (на Кузнецкомъ-Мосту); иногородные высылаютъ по почтѣ исключительно въ книжный складъ типографіи М. М. Стасюлевича (Спб., Вас. Остр., 2 л., 7).

РАЗСРОЧКА подписки допускается на слѣдующихъ условіяхъ. 1) для городскихъ—уплачивается, при полученіи перваго тома, 5 руб., и за снѣгъ при полученіи слѣдующихъ 5 томовъ, по 2 рубля за каждый, а всего 15 руб.; на бесплатное полученіе остальныхъ трехъ томовъ выдается билетъ; 2) для иногородныхъ—при подпискѣ 5 р., по доставкѣ перваго тома 3 р., а второго и слѣдующихъ до седьмого—по 2 р., всего 20 рублей; остальные два тома будутъ доставлены бесплатно съ почтою по адресу подписавшихся, немедленно послѣ ихъ выхода въ свѣтъ.

Первый томъ этого изданія вышелъ въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1889 г.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Въ редакціи „Русской Старинны“ можно получить Собраніе его очиненій, а именно: томъ III—Боснія, Герцеговина и старая Сербія, и томъ IV—Исторія балгійскихъ славянъ.

Вдова покойнаго писателя, Варвара Францевна Гильфердингъ, предоставила подписчикамъ „Русской Старинны“ получить эти обширныя книги за весьма умеренную цѣну, а именно по цѣнѣ 1 р. 35 коп. каждый томъ, съ пересылкою.

Томы I и II, также бывшіе въ распоряженіи ред. «Русской Старинны» разошлись до послѣдняго экземпляра, да и томовъ III и IV осталось весьма мало экземпляровъ, а именно: всего лишь по восемь экземпляровъ.

Поступила въ продажу въ книжныхъ магазинахъ «Новаго
Времени» и др. новая книга:

С. И. ЗАРУДНЫЙ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

Историко-биографическій эскизъ Гр. Джаншіева.

Цѣна **ОДИНЪ** руб.

Его-же:

«ВЪ ЕВРОПѢ»

Впечатлѣнія и мысли туриста.

Цѣна **ДВА** руб.

ВЪ МАГАЗИНѢ АВГ. ФЕД. ЦИНЗЕРЛИНГА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

новую книгу

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБѢВА

(1780—1809)

російскаго дворянина и военно-служилаго человѣка.

Спб., 1888 года, изд. «Русской Старины», въ 8 долю, стр. 168.

Рукопись изъ собранія А. А. Титова.

Записки Толубѣва, при рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ русскихъ людей XVIII-го вѣка, составляютъ интересный вкладъ въ собраніе записокъ и сказаній о временахъ минувшихъ. Написаны Записки Толубѣва съ добродушнымъ юморомъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о бытѣ дворянъ-помѣщиковъ; много въ нихъ подробностей и о бытѣ крестьянъ конца XVIII-го вѣка, объ ихъ увеселеніяхъ, предрассудкахъ и повѣрьяхъ русскаго народа; о магнатахъ южной Россіи, о всѣхъ тягостяхъ военно-служилаго быта конца прошлаго и первыхъ лѣтъ текущаго столѣтій, много интересныхъ данныхъ о кровавой кампаніи противъ французовъ 1806—1807-хъ годовъ, участникомъ которой былъ Толубѣвъ, и проч., и проч. Записки Толубѣва впервые являются въ печати.

Цѣна книги **ДВА** рубля съ пересылкой.

Для подписчиковъ на «Русскую Старину» цѣна книги: «Записки Толубѣва» **ОДИНЪ** рубль съ пересылкой.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старинны»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами.

Цѣна ТРИ рубля съ пересылкою.

II. Первое прибавленіе къ этой Росписи 1885—1887 гг. съ 12-ю гравюрами. Цѣна ОДИНЪ руб.

III. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

IV. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОИСѢ“ историческій очеркъ М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старинны» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за ДВА рубля съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.

VI. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна ОДИНЪ руб. съ пересылкою.

VII. Русскіе достопамятные дѣятеля въ гравированныхъ лучшими художниками портретахъ, **третье собраніе.** Спб., 1889 г., въ 8 д. Цѣна для подписчиковъ «Русской Старинны» — ДВА рубля съ пересылкою.

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:
ТРЕТЬЕ СОБРАНИЕ
ПОРТРЕТЫ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВИЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
[НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна ЧЕТЫРЕ руб. съ пересылкою.

Содержаніе вышедшаго ТРЕТЬЯГО сборника гравюръ
„Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинь. — Графъ Тотлебенъ. —
Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. —
М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинь — Гр. С. Стро-
гановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдо-
кимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Ку-
кольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-
Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лер-
монтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розен-
геймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. —
Отшельникъ Федоръ. — Памятникъ и барельефъ на
общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. —
Памятникъ Славы.

Получить эту книгу можно въ редакціи «Русской Старины»,
С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7, и во всѣхъ
ея конторахъ.

Цѣна этого собранія гравюръ для подписчиковъ «Русской
Старины» 1889 года ДВА рубля съ пересылкою (вмѣсто 4 р.).

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Авг. Фод. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885, 8 д., стр. 300.

Цѣна ТРИ руб. съ перес.

Все изданіе этой книги принадлежитъ магазину Августа Фодоро-
вича Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

Первое прибавленіе

къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ
русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди и на деревѣ.

Цѣна ОДИНЪ рубль съ перес.

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА


„РУССКАЯ СТАРИНА“

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—

Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою

1867—1888.

 Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издер-
жекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для
пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ
въ С.-Петербургѣ».

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,
Императоръ всероссійскій.


Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюръ— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1888 г.

съ приложеніемъ гравюръ: ликъ св. Владимира, портреты: Готлобъ Тотлебенъ; — В. Т. Нарѣжный; — И. А. Анненковъ; — П. Е. Анненкова; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ (грав. на мѣди); — А. Н. Пфелъ (грав. на мѣди); — С. М. Макарова; — Л. Л. Леонидовъ; — И. Н. Крамной (грав. на мѣди); — М. Гр. Черняевъ (грав. на мѣди); — Генрихъ Мозеръ; — Мозафаръ-Эддингъ; — Кушгъ-Беги. Рисунки: сартская женщина; — аулъ киргизовъ; — курдская крѣпость, и др.

Содержаніе: Записки адм. П. В. Чичагова; — Разказы Пр. Ег. Анненковой, жены декабриста; — Ізвннѣ Бичуринъ въ воспом. его внука; — Записки Д. И. Ростиславова; — Посмертн. зап. проф. А. В. Никитенко; — Н. Н. Мурзакевича; — Воспом. артиста Л. Л. Леонидова; — М. С. Щепкинъ, воспом. о немъ артистки А. И. Шубертъ и очеркъ Н. В. Кукольника; — Воспоминанія художника И. Е. Рѣпина; — Воспомин. А. Н. Яхонтова о Царскосельскомъ ялѣѣ, 1833—38 гг.; — О. М. Болянский въ его дневникѣ, 1849—50 гг.; — Воспом. В. М. Сорокина о петерб. университетѣ 1860-хъ гг.; — Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г. и въ Казани въ 1862 г., воспом. бывшаго попечителя П. Д. Шестакова; — Записки моряка-художн. профес. А. П. Боголюбова, 1856—57 гг.; — А. Н. Стровъ, 1857—71 гг., воспомин. о немъ и его письма К. И. Званцева; — 8 сентября 1862 г., изъ воспомин. графа П. А. Валуева; — Воспом. о голодѣ на сѣв. Россіи 1868 г.; — Воспом. художника В. В. Верещагина: Самаркандъ въ 1868 г., — Набѣгъ русскихъ войскъ на Адрианополи въ 1877 г.; — Импер. Александръ II на звѣриныхъ охотахъ 1849—1876 гг.; — Воспом. кн. П. А. Шуткина; — Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г., замѣтки кн. В. Д. Дабіжа.

Издѣдованія, историч. и биографич. очерки: Откуда родомъ св. вел. княгиня Ольга? арх. Леонида; — Смыслныя и заточенныя въ острогѣ Соловецк. монастыря въ XVI—XIX вв., историч. очеркъ М. А. Колчина; — Карлъ XII въ 1709 г., сообщ. Я. К. Гротъ; — Гр. Готлобъ Тотлебенъ 1715—63 гг., очеркъ Г. К. Рѣпинскаго; — Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Вастиніи 1768 г., сообщ. кн. А. Б. Добановъ-Ростовскій; — Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царств. Александра I, изслѣд. Н. К. Шилъдера; — Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв., очеркъ магистра русск. исторіи В. И. Семевскаго; — Я. П. Кульневъ въ 1812 г.; — Партизанъ А. С. Фигнеръ въ 1813 г.; — Мих. Кир. Бобровскій; — Германскій принцъ Вильгельмъ въ Россіи въ 1817 г.; — Вильгельмъ I, импер. германскій, въ бытность его принцемъ прусск. 1821—33 гг.; — Импер. Николай I въ его резолюціяхъ 1827—33 гг.; — Д. В. Дубельтъ, биографич. очеркъ и письма; — П. Н. Кривцовъ, 1791—1843 гг.; — А. И. Герцевъ въ 1820—41 гг.; — П. К. Менъковъ, арестъ его въ 1848 г.; — Д. Н. Бантышъ-Каменскій; — Русско-венгерская война 1849 г.; — Гр. Н. И. Евдокимовъ 1804—73 гг., биографич. очеркъ, сост. И. И. Ореусъ; — Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1853—54 гг., изслѣд. А. Н. Петрова; — Русувскій отрядъ 1877—78 гг., истор. очеркъ М. П. Степанова; — Кн. Ва. А. Черкасскій какъ устроитель Болгаріи, ст. Д. Г. Анучина; — С. И. Зарудный; — И. Т. Осининъ, очеркъ жизни и дѣятельн., 1835—1887 гг.; — К. К. Арвгеймъ; — А. К. Пфелъ; — Н. М. Цржевальскій, его автобиографія.

Писатели въ нихъ произведеніяхъ, письмахъ и биографіяхъ: В. А. Жуковскій, — В. Т. Нарѣжный, — А. С. Пушкинъ: вновь открытыя строфы романа „Евгеній Онегинъ“, — М. Ю. Лермонтовъ, — Н. П. Огаревъ, — Д. М. Княженичъ, — К. Н. Батюшковъ, — Н. В. Гоголь, — А. О. Смирнова, — Н. И. Костомаровъ, — Ал. Ник. Майковъ, — К. К. Р—въ, — Къ литературной и обществ. исторіи 1820—1830 гг., сообщ. В. Е. Якушкинъ. Художники: Б. П. Брюловъ, — Антоныъ Гр. Рубинштейнъ, — Ф. Г. Солнцевъ, и др.

Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

дашева. Архивъ старыхъ дѣлъ до 1761 г., И. И. Шамовъ А. А. Гоздовомъ бѣевокаго. Обзорѣніе и описаніе документовъ; обзорѣніе распадается на отдѣловъ: О дѣлахъ Генеральнаго

—А. А. Востокова. Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ и ея дѣла—Я. Токарева. Расправная палата при Петрѣ—А. А. Голубева. Дополнительно опись книгамъ писцовымъ, межевымъ ерениснымъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ и—стѣла Юстиціи, и о печатныхъ, хранящихся въ Московск. архивѣ стѣла Юстиціи.—Архивъ М—стѣла Юстиціи

подъ сѣнью своею въ составѣ въ служившихъ, соединяетъ группу трудовъ во всеоружіи научныхъ знаній. Юментальный трудъ описанія—это оснѣ всего, что должетъ прежде всего ислѣнить каждый правильно устроенный архивъ—ведетъ, подъ руководствомъ директора архива, заслужен. профессора Н. А. Спѣва, превосходно; должно лишь поощрять, дабы появленіе каждой новой книжки не съ столь громадными прометами времени, ибо на двадцать лѣтъ въ выпускѣ—это маловато, но, быть

тъ, сумма на изданіе недостаточна на частое тисненіе томовъ «Описанія»¹⁾. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фотографическими портретами. Сиб., четыре тома, б. 8 д., 1886—1889 г. Цѣна 40 руб.; же, два тома, безъ портретовъ, 10 руб.

Въ 1872 г. былъ изданъ Акад. Наукъ словарь гравированныхъ портретовъ», гдѣ того же собирателя и перваго по свѣдѣніямъ знатока русской гравюры; «Словарь» заключалъ въ себѣ лишь краткій перечень портретовъ съ замѣтками о рѣдкости и цѣнности ихъ и онъ служилъ хорошую службу, явнившись водствомъ любителямъ и собирателямъ лучшихъ гравюръ; онъ оправдалъ цѣль составителя, способствуя въ возбужденію, въ нашихъ собирателяхъ, охоты русскимъ гравюрамъ. Въ 15 лѣтъ, цувшихъ съ выходомъ «Словаря»,

прибавилось множество свѣдѣній и замѣтокъ о русскихъ гравюрахъ; число портретовъ нѣкоторыхъ историческихъ русскихъ личностей, какъ объясняетъ Д. А. Ровинскій, удвоилось и утроилось, при чемъ розмыслены чрезвычайно важныя и невѣдѣныя до того времени портреты; явились сочиненія, монографіи и каталоги, внесшіе въ отечественную иконографію много свѣдѣній, были даже выставки портретовъ русскихъ людей и иноземцевъ русской службы, словомъ явилось такое значительное количество новыхъ свѣдѣній въ этой области знанія, что обобщить ихъ въ новомъ изданіи «Словаря» явилось настоятельною необходимостью. И вотъ онъ явился въ свѣтъ въ объемистомъ изданіи, вышедшемъ въ себя до 2,000 отд. лицъ, съ которыхъ было выполнено до 10,000 листовъ гравированныхъ портретовъ; добрая половина этой цифры приходится на царскіе портреты. Планъ расположенія изданія, обстоятельность сообщаемыхъ собственно о гравюрахъ и ихъ исполнителяхъ свѣдѣній, свѣдѣнія о появленіи въ Россіи первыхъ портретовъ, ходъ портретной живописи и портретнаго гравированія въ Россіи—не оставляютъ желать ничего лучшаго; это трудъ, который займетъ на всегда первое мѣсто во всей литературѣ о русской гравюрѣ, чтобы и когда либо о ней не печатали; что касается до текста біографіи тѣхъ лицъ, съ которыхъ были исполнены гравюры, то онъ представляетъ, на ряду съ необходимыми данными, нѣрѣдко весьма характерныя замѣтки человека весьма начитаннаго, при томъ не стѣсненнаго узкими цензурными условіями, въ характеристикахъ выдающихся лицъ, почему эти характеристики и вышли не шаблоннаго пошиба; можно съ ними согласиться или нѣтъ, но въ интересной своеобразности имъ никакъ нельзя отказать. Советуемъ поспѣшить, подобно намъ, приобретениемъ роскошнаго изданія (ц. 40 р.): 700 фотографическихъ снимковъ съ лучшихъ и рѣдкихъ гравюръ исполнено превосходно; между тѣмъ отпечатано этого изданія всего, кажется, 200 экз. и они уже въ большей половинѣ раскуплены; несомнѣнно, что въ близкомъ будущемъ они сдѣлаются рѣдкостью и цѣна ихъ весьма повысится. М. С.

1) Только что вышла въ свѣтъ книга составл. «Описанія» этого архива, Москва, 1869 г. Ц. 3 р.

прибавилось множество свѣдѣній и замѣтокъ о русскихъ гравюрахъ; число портретовъ нѣкоторыхъ историческихъ русскихъ личностей, какъ объясняетъ Д. А. Ровинскій, удвоилось и утроилось, при чемъ розмыслены чрезвычайно важныя и невѣдѣныя до того времени портреты; явились сочиненія, монографіи и каталоги, внесшіе въ отечественную иконографію много свѣдѣній, были даже выставки портретовъ русскихъ людей и иноземцевъ русской службы, словомъ явилось такое значительное количество новыхъ свѣдѣній въ этой области знанія, что обобщить ихъ въ новомъ изданіи «Словаря» явилось настоятельною необходимостью. И вотъ онъ явился въ свѣтъ въ объемистомъ изданіи, вышедшемъ въ себя до 2,000 отд. лицъ, съ которыхъ было выполнено до 10,000 листовъ гравированныхъ портретовъ; добрая половина этой цифры приходится на царскіе портреты. Планъ расположенія изданія, обстоятельность сообщаемыхъ собственно о гравюрахъ и ихъ исполнителяхъ свѣдѣній, свѣдѣнія о появленіи въ Россіи первыхъ портретовъ, ходъ портретной живописи и портретнаго гравированія въ Россіи—не оставляютъ желать ничего лучшаго; это трудъ, который займетъ на всегда первое мѣсто во всей литературѣ о русской гравюрѣ, чтобы и когда либо о ней не печатали; что касается до текста біографіи тѣхъ лицъ, съ которыхъ были исполнены гравюры, то онъ представляетъ, на ряду съ необходимыми данными, нѣрѣдко весьма характерныя замѣтки человека весьма начитаннаго, при томъ не стѣсненнаго узкими цензурными условіями, въ характеристикахъ выдающихся лицъ, почему эти характеристики и вышли не шаблоннаго пошиба; можно съ ними согласиться или нѣтъ, но въ интересной своеобразности имъ никакъ нельзя отказать. Советуемъ поспѣшить, подобно намъ, приобретениемъ роскошнаго изданія (ц. 40 р.): 700 фотографическихъ снимковъ съ лучшихъ и рѣдкихъ гравюръ исполнено превосходно; между тѣмъ отпечатано этого изданія всего, кажется, 200 экз. и они уже въ большей половинѣ раскуплены; несомнѣнно, что въ близкомъ будущемъ они сдѣлаются рѣдкостью и цѣна ихъ весьма повысится. М. С.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кв. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (55 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (33 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (7 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (89 экз.) съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (10 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ Мих. Ив. Семеновій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

ІЮНЬ.

1889 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

- | | |
|---|--|
| I. Графъ Готлобъ-Куртъ-Геррихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Гл. IV и V. Сообщ. Г. К. Рѣшискій 513 | IX. Книгиня Жанета (Іоанна) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича. Сообщ. П. П. Исаевичъ 707 |
| II. Жизнь Андрея Болотова; описанія имъ самимъ для своихъ потомковъ. 1799 и 1800 гг. 535 | X. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М. 717 |
| III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1828—1829 гг. 577 | XI. Всефанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его биографіи. Сообщ. проф. Н. Ѳ. Суицовъ 725 |
| IV. Михаилъ Мирилловичъ Бобровскій, 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. (Оконч.). Состав. П. О. Бобровскій. 599 | XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, автобіогр. замѣтки, письма, стихотвореніе. † 28 апрѣля 1889 г. 733 |
| V. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ. 1861 г. Сообщ. проф. Н. А. Ѳирсовъ 623 | XIII. Константинъ Ивановичъ Домитовичъ, очеркъ къ его биографіи. † 28 апрѣля 1889 г. 755 |
| VI. Графъ Николай Ивановичъ Едониновъ, 1804—1873. Гл. V. 641 | XIV. Матеріалы и стихи: Два указа 1734 г. (701). — Русскіе на Шниибергенѣ въ 1747—1748 гг. (703). — Н. П. Огаревъ (682 и 724). — Братья В. В. и К. В. Сякорскіе (696). — Князь Николай Черногорскій въ С.-Петербургѣ (773) |
| VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексѣй Ивановичъ Шадринъ, рассказъ странника-богомольца 661 | XV. Библиографическій листокъ. |
| VIII. Къ новѣйшей исторіи монастырей, записка архимандрита Игнатія Малышева, 1869 г. 683 | |

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравир. на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ (второе исправлен. тисненіе).

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкина, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.



VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1889 г.

Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городского хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабянъ и П. Конаваловъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ то время, когда дѣятельность городскихъ думъ въ столицахъ Россіи хорошо известна нашему обществу, о городскихъ управленіяхъ провинціи свѣдѣнія ограничиваются болѣе частью отрывочными сообщеніями мѣстныхъ корреспондентовъ въ газетахъ, да болѣе или менѣе талантливыми обзорными дѣятельности ихъ въ журналахъ, причѣмъ, однако, элементъ сатирическій и обличительный имѣетъ преобладающее мѣсто. Названный сборникъ даетъ свѣдѣнія положительныя, охватывающія различныя стороны какъ въ дѣятельности органовъ городского самоуправления, такъ и въ современномъ состояніи городского хозяйства. Свѣдѣнія эти вовсе не касаются столицъ, а относятся до 50 губернскихъ городовъ Россіи, какъ европейской, такъ и Сибири. Трудъ въ высокой степени полезный, вполне достигающій цѣли его составителя, уважаемаго городского головы Самары П. В. Алабяна, дать матеріалъ для сравненія положенія городского хозяйства и самодѣятельности горожанъ на Руси до введенія городского положенія 1870 г. и спустя почти 25 лѣтъ; свѣдѣнія относятся до 1886 года. Вотъ содержаніе этого весьма интереснаго сборника: личный составъ управленія въ 50 губернск. городахъ.—Почетные граждане.—Народонаселеніе.—Количество владѣемой городомъ землѣи и доходъ отъ нея.—Богослужебныя зданія.—Число домовъ и строеній.—Городской бюджетъ.—Особыя обложенія.—Торговля, промышленность, ремесла, фабрики, заводы, ярмарки.—Городскія кредитныя учрежденія.—Городская полиція.—Пожарная команда.—Страхованіе.—Квартирная воинская повинность.—Воинская повинность.—Учебныя заведенія.—Библіотеки, музеи, картинныя галлерей, ботаническій садъ, метеорологическая станція, общество любителей естествознанія, ученые архивныя коммисіи.—Печатныя органы городского управленія и городскія типографіи или литографіи.—Часть медицинская.—Общественное при-

званіе.—Станція спасанія на водахъ.—Замощеніе улицъ.—Освященіе.—Водопродовъ.—Выгоны.—Городскіе телефоны.—Ковно-железныя дороги и почта.—Садоводство и городничество.—Общественныя городскія сады.—Театры и цирки.—Общественныя памятники.

Какъ предпріятіе, произведенное энергіей и поддержками частныхъ лицъ, наданіе этого замѣчательнаго сборника, быть можетъ, и не будетъ имѣть продолженія, а потому весьма желательно, дабы хозяйственный департаментъ м-ства внутр. дѣлъ взялъ на себя это дѣло и, время отъ времени, также по самымъ повзвѣвшимъ даннымъ, у него сосредоточивающимся, издавалъ бы таковыя сборники данныхъ, до положенія городовъ нашего отечества относящихся; желательно при этомъ, дабы и узвдныя города, хотя бы на первыхъ порахъ главнѣйшіе, або нѣкоторые изъ нихъ гораздо значительнѣе губернскихъ, также введены были бы въ таковой сборникъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министрства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. Цѣна 3 р.

Въ шестой томъ этого обширнаго почтеннаго труда вошла: исторія бывшихъ московскихъ сенатскихъ архивовъ за время съ 1812 по 1843 гг.—Опись чертежей, существовавшихъ въ Разрядѣ во второй половинѣ XVII вѣка.—А. В. Магаровъ, бывший кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ: свѣдѣтв. надъ нимъ коммиссія, 1732—1734 гг.—Свѣдѣтвенныя о раскольникахъ коммисіи 1733—1739 и 1745—1757 гг.—«Указная книга помѣстнаго приказа» по рукописи XVII вѣка. Общей редакціей шестой книги этого превосходнаго сборника завѣдывалъ управляющій архивомъ Н. А. Поповъ, съумѣвшій соединить въ архивѣ, какъ видно изъ всего этого изданія, дѣльныхъ, трудолюбивыхъ и весьма свѣдущихъ сотрудниковъ.

Сдѣлаемъ два маленькія замѣчанія, чисто внѣшнихъ: хотя отдѣлы «Описанія» рѣзко разграничены, но нумерацію страницъ свѣдѣвало бы имѣть не по отдѣламъ, какъ теперь, а сплошь по каждой книгѣ; необходимо также дѣлать постраничныя указанія содержанія, т. е. колонны-титлы.



М. Сидоровъ

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

IV¹⁾.

Извѣстіе о взятіи Берлина, какъ само собою разумѣется, произвело громадное въ Петербургѣ впечатлѣніе. Въ проектѣ доклада конференція по этому поводу высказала: «что счастливо въ дѣйство произведенная экспедиція на Берлинъ есть гораздо большей важности и знатности, больше королю прусскому причинила урону, больше союзникамъ сдѣлала вспоможенія и больше побѣдоносному Вашего Величества оружію славы принесла, нежели сперва думать можно было, ибо сверхъ того, что убитыми, плѣнными и дезертирами непріятель всемирно болѣе шести тысячъ человѣкъ потерялъ, и сверхъ того, что лучшіе королевскіе литейные и оружейные и пороховые заводы въ конецъ раззорены, а арсеналы и магазины опустошены, и сверхъ того, что казна Вашего Императорскаго Величества полтора милліона талеровъ получаетъ, а армія во все то время не имѣла урону болѣе, какъ только до ста человѣкъ, конференція почитаетъ еще важными и, такъ сказать, рѣшительными приобрѣтеніями:

«1) что непріятель, который, можетъ быть, съ знатною частію Европы увѣренъ былъ, что здѣшнія войска ни скорыхъ и искус-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34.

ныхъ походовъ дѣлать, ни его атаковать не могутъ и который дѣйствительно по тому распоряжалъ свои мѣры, теперь, ко изумленію своему, видитъ совсѣмъ противное. Генералы его подъ Берлиномъ не посмѣли ожидать дѣйства тѣхъ благоразумныхъ распоряженій, кои къ нападенію на нихъ генераломъ-поручикомъ графомъ Чернышевымъ учинены были, а скоростная ихъ ночью ретирада не спасла, однако, ихъ отъ скорости войскъ Вашего Императорскаго Величества. Такимъ образомъ, всемѣрно надлежитъ, чтобъ непріятель на будущую кампанію несравненно въ большей заботѣ и крайности былъ, а союзныя войска больше облегченія и свободныхъ рукъ имѣли;

«2) что симъ предпріятіемъ вытѣщенъ король прусскій изъ Силезіи, а генералъ его Гильзенъ очистилъ совсѣмъ Саксонію. Генералъ баронъ Лаудонъ, оставаясь теперь паки съ особымъ корпусомъ и главнымъ командиромъ въ Силезіи, отъ извѣстнаго его проворства и ревности можно надѣяться, что онъ покажетъ тамъ новыя общему дѣлу заслуги. Обратился подлинно король прусскій со всею силою въ Саксонію, и можно опасаться, что сперва нѣсколько потѣснитъ имперскую армію и виртембергскія войска и можетъ быть покусится берлинское посѣщеніе отмстить надъ Дрезденомъ. Но какъ графъ Лессіи тамъ еще прежде будетъ, да, конечно, и графъ Даунъ скоро подоспѣетъ, то по меньшей мѣрѣ столько ожидать можно, что король прусскій тамъ ничего рѣшительнаго не сдѣлаетъ, но такъ же, какъ прошлую зиму, себя и австрійскую армію изнурять станеть, а все сіе столько подѣйствуетъ, что неотъемлемая у Вашего Императорскаго Величества рука Господня благословитъ вашу, теперь никакого безпокойства опасаться не имѣющую, армію сдѣлать будущю кампанією славное всей войнѣ окончаніе.

«Великодушіе Вашего Императорскаго Величества и милосердіе собою склонно награждать оказуемую ревность и заслуги. Но какъ показанныя нынѣ дѣла искусства и мужества имѣють служить для переду примѣрами, то, дабы оныя еще достопамятнѣе были, конференція ласкаетъ себя рабскою надеждою, что Ваше Величество толь охотнѣе соизволите оказать знаки монаршей милости и благоволенія, и потому пріемлетъ смѣлости все-нижайше представить:

«1) что къ генералу Фермору, который въ то время всею

армією командовавъ, отправленъ будетъ отъ конференціи похвальнѣйшій указъ;

«2) генераль-поручикъ графъ Чернышевъ командовавъ особливо сею экспедиціею и исполнилъ съ крайнею ревностію и мужествомъ; потому, не будетъ-ли угодно его полнымъ генераломъ всемилостивѣйше пожаловать. Старѣе его въ арміи тамо одинъ только графъ Румянцевъ, почему о немъ предается на высочайшее соизволеніе;

«3) генераль-поручикъ Панинъ счастливому исполненію сей экспедиціи много способствовавъ, почему и къ нему похвальнѣйшій указъ изъ конференціи отправленъ будетъ;

«4) графъ Тотлебенъ командовавъ особымъ корпусомъ и, взявъ Берлинъ, все то исполнилъ, что требовалось, и для того не будетъ ли всемилостивѣйше угодно пожаловать его въ генераль-поручики, оставляя всегда при легкихъ войскахъ»¹⁾.

Докладъ этотъ не получилъ, однако, утвержденія въ отношеніи къ главному виновнику торжества: Тотлебенъ не былъ произведенъ въ генераль-поручики и былъ награжденъ только слѣдующею грамотою отъ 23 октября, подписанною «по именному ея императорскаго величества указу» членами конференціи:

«Нашему генераль-маіору графу Тотлебену.

«Изъ полученныхъ отъ нашего генерала графа Фермора доношеній и присовокупленныхъ къ тому рапортовъ генерала-поручика графа Чернышева и вашихъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣли съ какою отличною храбростію и мужествомъ вы въ сей экспедиціи поступали и по занятіи сего города (sic) все то исполнить старались, что вамъ предписано было, и потому чрезъ сіе всемилостивѣйше восхотѣли объявить вамъ нашу монаршую милость и благоволеніе за оказанную вашу при семъ важномъ происшествіи знаменитую услугу и обнадѣжить, что оная никогда предъ нами забвенна не будетъ, увѣрены пребывая, что вы примѣрнымъ мужествомъ удостоитесь и дальнѣйшей императорской милости и благоволенія, съ которыми вамъ благосклонно пребываемъ»²⁾.

Когда же вновь назначенный командующимъ графъ А. Б. Бутурлинъ прислалъ въ Петербургъ экземпляръ напечатанной

¹⁾ Сенатскій архивъ, черновые доклады конференціи.

²⁾ Дѣло сенатскаго архива.

Тотлебеномъ реляціи о походѣ его на Берлинъ, то въ отвѣтъ получилъ рескриптъ, въ которомъ было сказано, «что реляція та сочинена крайне продерзостно, ибо онъ (Тотлебенъ) свою за-слугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генерала-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ и австрійскаго генерала графа Лессія, съ его корпусомъ, ругаетъ такимъ образомъ, какъ бы ненависть между двухъ союзныхъ войскъ и холодность между самими дворами произ-вестъ искалъ; дѣйство же нашей артиллеріи хотя и хвалить и преимущество ей предъ непріятельскою даетъ, но тѣмъ не меньше порочитъ ея состояніе ¹⁾), объявляя, что портится она сама при сильномъ дѣйствованіи; большая же продерзость еще въ томъ состоитъ, что, не подавъ главнокомандующему столь обстоятельнаго рапорта, ниже доставя его сюда, столь противно всѣмъ воинскимъ правиламъ осмѣлился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать и прегрѣшенія милосердіемъ нашимъ прикрывать обыкли, то заблагорасудили мы, объявляя ему нашъ праведный гнѣвъ и неудовольствіе, пове-лѣть, чтобъ онъ тотчасъ старался проступокъ свой загладить и паки нашу милость заслужить точнымъ всего того исполненіемъ, что ему отъ васъ приказано и впредь поручаемо будетъ, раз-умѣя, буде онъ прежде не отрекся или не отречется отъ сего сочиненія, ибо въ такомъ случаѣ сіе дѣло молчанію предано быть имѣетъ. Вамъ же, вслѣдствіе того, повелѣваемъ приказать ему: 1) чтобъ онъ у графа Чернышева просилъ прошенія въ вашемъ только присутствіи или при двухъ только свидѣтеляхъ, а по нуждѣ хоть письменно; 2) чтобъ всѣ экземпляры, сколько ихъ есть, конечно, собралъ и вамъ представилъ; 3) чтобъ формально и письменно на нѣмецкомъ языкѣ отрекся отъ сего сочиненія, при-совокупляя къ тому, что оно происходитъ, конечно, отъ его не-пріятелей и такихъ людей, которые хотятъ сдѣлать подозри-тельнымъ его усердіе къ нашей службѣ и произвести холод-ность между двумя высокими союзными дворами; 4) сіе отри-цаніе имѣетъ быть напечатано въ кенигсбергскихъ газетахъ.

¹⁾ Иными словами, Тотлебенъ оскорбилъ главнаго артиллерійскихъ дѣлъ мастера, изобрѣтателя „секретныхъ“ гаубицъ и члена конференціи графа П. И. Шувалова.

Генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ не будетъ, уповательно, доволенъ сею сатисфакціею; но вы ему объявить имѣете, что прощеніемъ въ показанной графомъ Тотлебенемъ ему обидѣ покажетъ онъ намъ новый опытъ своего безпредѣльнаго къ службѣ усердія и что это вмѣнится ему отъ насъ въ заслугу»¹⁾).

Независимо отъ этого рескрипта, и самому Тотлебену, 20-го ноября 1760 г., былъ посланъ слѣдующій указъ конференціи: «чѣмъ больше склонны мы награждать оказуемья къ службѣ нашей ревность и усердіе и чѣмъ охотнѣе признавали мы существительныя ваши заслуги во время двухъ послѣднихъ кампаній и особливо при Берлинской экспедиціи, тѣмъ натурально къ большому гнѣву и неудовольствію получили мы напечатанную вами и обнародованную о сей экспедиціи реляцію, ибо вы не подали обстоятельнаго и порядочнаго рапорта о всей экспедиціи главнокомандующему, чего ваша должность требовала, а сдѣлали такой самовольный поступокъ, который не только въ дисциплинированныхъ арміяхъ, но и въ вольныхъ земляхъ едвали позволителенъ.

«Но при разсматриваніи сей реляціи гнѣвъ нашъ тѣмъ болѣе умножился, что, во-первыхъ, вы сами, превознося вашу заслугу, не хотѣли дожидаться, чтобъ свидѣтельство въ томъ мы вамъ подали, что, однакожь, для самаго вашего самолюбія было бы гораздо сходственнѣе, и чрезъ то показали, какъ бы сами себѣ воздаяніе доставить могли. Второе, что главная ваша похвала является основана быть на храбрости подлинно нашего войска, но вы поносите болѣе всю армію, внушая такую непопозволительною піесю всему свѣту, якобы предиріятіе ваше отъ нея пріятствовано паче, нежели подкрѣпляемо было. Третіе, что, показывая чувствительную и самую наглую обиду генералу-поручику графу Чернышеву, оскорбляете вы тѣмъ всѣхъ прочихъ вышнихъ генераловъ въ такое время, когда, дѣйствительно, онъ вашимъ командиромъ былъ, когда, дѣйствительно-жъ, его приближенію и учиненнымъ приготовленіямъ къ атакѣ Гильзенова корпуса взятіе Берлина приписывать должно, и когда напротивъ показанныхъ отъ васъ ему досадъ и ослушаній онъ, превосходя себя, а единственно службу и долгъ въ виду имѣя, старался рекомендовать вашу храбрость и искусство. Четвертое, что показанную чрезъ

¹⁾ Соловьевъ, 24, стр. 319 и 320.

то союзникамъ нашимъ важную услугу и самое благодареніе обратили имъ въ такое поношеніе, что подобныхъ услугъ никто болѣе имѣть, а наименьше съ вами у дѣла быть похочетъ, такъ что изъ того заключать надлежало-бъ, якобы вы ненависти между союзными войсками и холодность между дворами возпричинствовать искали. И пятое, что хотя превосходное дѣйствіе нашей артиллеріи предъ неприятельскою вы самымъ дѣломъ свидѣтельствуете, однакожь, въ то время хитрымъ и прямой искренности весьма противнымъ образомъ стараетесь охулить свѣту ея прочность.

«Вы не можете не чувствовать, колико тѣмъ преступили вы вашъ долгъ и военныя узаконенія и колико нужно загладить толь вредительный примѣръ для воинской дисциплины, коликое сіе поправление для васъ тягостно быть имѣло-бъ, и чего наше правосудіе притомъ требуетъ.

«Но какъ всегда превозмогаетъ наше природное милосердіе и мы не хотимъ еще совѣмъ забвенію предать прежнихъ вашихъ заслугъ, которыми вы снискали нашу милость и благоволеніе, а притомъ твердо вѣримъ, что вы крайне собогѣзнуете и расказываетесь о своемъ въ скорости и безъ разсужденія учиненномъ поступкѣ, то хотимъ на сей разъ сію, инако не прощаемую, вину вамъ всемилостивѣйше отпустить и забвенію предать но вамъ надлежитъ, оную чувствуя, во первыхъ, все то безъ отрицанія исполнить, что вамъ отъ нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина приказано будетъ, а потомъ стараться новымъ усердіемъ и лучшимъ воинскихъ регулъ наблюденіемъ заслужить паки нашу императорскую милость на мѣсто бѣдственныхыхъ для васъ слѣдствій нашего гнѣва» ¹⁾.

Между тѣмъ еще 5-го ноября Тотлебенъ подалъ въ отставку, ссылаясь на то, что кампанія кончилась, ѣздить верхомъ онъ не въ состояніи, лихорадка его длится 4 мѣсяца, а при Глогау контуженъ бомбою, отъ чего правое ухо не слышитъ, и, наконецъ, не знаетъ русскаго языка ²⁾; но видно, или имъ очень дорожили, вслѣдствіе недостатка въ генералахъ, или за него заступался Воронцовъ, которому, намекая на необходимость подкрѣпить

¹⁾ Моск. архивъ, м-ва и. д., № 32, 1760 г.

²⁾ Тоже, 1761 г., № 106.

пѣхотою ввѣренный ему корпусъ легкихъ войскъ, онъ жаловался на гоненія со всѣхъ сторонъ, говоря, что не имѣеть пріятелей никого инаго, кромѣ рядоваго солдата ¹⁾, потому что 4 декабря 1760 г. послѣдовалъ на его имя рескриптъ такого содержанія:

— «Мы съ сожалѣніемъ усмотрѣли, изъ доношеній нашего генерала-фельдмаршала графа Бутурлина, что слабое состояніе вашего здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства принуждаютъ васъ просить увольненія изъ нашей службы. Мы не обыкли кого либо насильно въ оной удерживать, но какъ война приходитъ теперь почти къ окончанію, и мы въ продолженіе службы вашей болѣе, нежели когда либо имѣемъ надобность, а притомъ увольненіе ваше нынѣ воспослѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ, кои подвержены различнымъ истолкованіямъ, то въ уваженіе чести и знатности нашей службы, въ милости-вомъ напоминаніи всѣхъ вашихъ донинѣ показанныхъ ревностныхъ заслугъ, и всегда различая оныя отъ временныхъ случаевъ, не можемъ мы теперь согласиться на дозволеніе просимаго абшида; пачеже столько увѣрены пребываемъ о похвальномъ вашемъ желаніи прямой и существенной славы и о вашемъ къ намъ усердіи, что отправленнымъ нынѣ къ нашему генералу-фельдмаршалу графу Бутурлину рескриптомъ повелѣли не токмо всѣ легкія войска и назначенные имъ въ подкрѣпленіе два пѣхотные полка такимъ образомъ въ команду вашу отдать, чтобъ вы отъ него только зависимы были и повелѣнія получали, но и еще сей вашъ корпусъ столько умножить, сколько потребно будетъ для тѣхъ намѣреній, о которыхъ отъ него вамъ про-
страннѣе объявлено будетъ.

«Мы не сумнѣваемся, что толь знаменитое возвращеніе нашей милости примете вы такимъ образомъ, чтобъ еще болѣе къ вамъ умножилась наша повѣренность и благоволеніе, напротивъ чего можете твердо увѣрены быть, что въ начальникѣ вашемъ найдете вы всегда себѣ благодѣтеля и предстателя, а отъ насъ получите справедливое и достойное заслугъ вашихъ воздаяніе. Мы пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны» ²⁾.

Рескриптъ этотъ былъ полученъ Бутурлинымъ 13-го декабря

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, VII, 419, 421.

²⁾ Дѣло сенатскаго архива.

въ Мариенбургѣ и онъ того же числа послалъ Тотлебену слѣдующее письмо:

— «Хотя я думаю, что ваше сіятельство и безъ того, по данному отъ меня позволенію, и поруча уже вашу команду полковнику князю Амилахорову, для пользованія отъ вашихъ болѣзней сюда въ Мариенбургъ ѣхать изволите, но какъ я между тѣмъ съ сегодняшнимъ курьеромъ получилъ отъ ея императорскаго величества нашей августѣйшей государыни къ вамъ толикими всевысочайшими милостями наполненный особливый рескриптъ, то я за нужно нахожу вашему сіятельству о томъ чрезъ сіе знать дать, съ присовокупленіемъ, чтобъ вы пріѣздомъ сюда, елико состояніе вашего здоровья дозволить, ускорили. дабы я онъ рескриптъ вамъ персонально вручить, а притомъ и увѣрить васъ могъ о моей къ вамъ особой конзидераціи, съ которою я есмь вашего сіятельства послушный слуга ¹⁾».

Польщенный «толикими милостями», Тотлебенъ остался на службѣ и въ письмѣ къ канцлеру графу Воронцову, «своему отцу и благодѣтелю», клялся употребить остальные дни жизни для того, чтобъ показать себя достойнымъ довѣрія и милости августѣйшей монархини ²⁾. Въ письмѣ же къ императрицѣ отъ 22-го декабря ³⁾, указывая, что къ подачѣ прошенія объ увольненіи отъ службы побудили его «несказанныя въ командѣ его трудности, отъ которыхъ, какъ во время кампаніи, такъ и на зимнихъ квартирахъ, ни одной ночи спокойно проводить не могъ, но все свое здоровье потратилъ и отъ полученной при Цорндорфѣ раны въ голову, а въ послѣднюю кампанію отъ контузіи бомбою въ томъ же мѣстѣ головы, слухъ и память весьма слабы стали» ⁴⁾, онъ писалъ, что заслужить выраженные въ рескриптѣ

¹⁾ Какъ это письмо, такъ и другія, на которыя мы ссылаемся, находятся въ сенатскомъ дѣлѣ.

²⁾ Соговьевъ, 24, стр. 321.

³⁾ Моск. арх. м-ва ин. д., 1759—60 г., № 31.

⁴⁾ По свидѣтельству генеральнаго штабъ-доктора фонъ-Аша, произведенному 21 декабря 1760 г. по распоряженію Бутурлива, Тотлебенъ «дѣйствительно находился въ поврежденномъ здоровьѣ: отъ порубленнаго черепа и ганы въ правой щекѣ боль въ головѣ; отъ лошадиного удара въ грудь тяжелая одышка; четверодневная лихорадка; одышка и сухой кашель точно происходятъ отъ вѣрности въ печенкѣ, въ правомъ боку и въ томъ мѣстѣ онъ чувствительную боль имѣеть». (Московск. архивъ м-ва иностр. дѣл., 1760 г., № 13).

4 декабря обнадеживанія онъ находится не въ состояніи, «хотя бы сто жизней имѣлъ», но вѣряемую ему команду, какъ ни слабъ, съ радостію будетъ управлять и надѣется принести ея величеству честь и пользу, особенно въ виду того, что къ корпусу его придана пѣхота, и онъ будетъ находиться непосредственно подъ начальствомъ Бутурлина, «котораго, дѣйствительно, за отца и благодѣтеля своего почитаетъ».

Въ отвѣтъ на это,—какъ объявилъ Бутурлинъ 18 января 1761 г.—«всевысочайше повелѣно было, предавая все прошедшее совершенному забвенію, обнадежить его вновь монаршею милостію», не смотря на то, что на требованіе напечатать опроверженіе реляціи о взятіи Берлина Тотлебенъ, 20-го декабря, отвѣчалъ Бутурлину, что сдѣлать это не дозволяетъ ему честь, такъ какъ реляція та согласна съ истиною, и что онъ готовъ лучше умереть, или понести тягчайшее наказаніе ¹⁾.

V.

Кампанію 1761 года предположено было вести энергично и начать ее, по возможности, ранѣе, чтобы побудить Фридриха II къ заключенію честнаго и прочнаго мира, но не перемирія, о которомъ былъ поднятъ вопросъ Франціею и которое нашимъ правительствомъ считалось крайне вреднымъ, такъ какъ давало прусскому королю средства собраться съ силами и, по окончаніи его, напасть на союзниковъ съ большимъ разсчетомъ на успѣхъ. «Если нынѣшнюю кампанію не дѣйствовать со всѣхъ сторонъ съ крайнею ревностію, — сказано было въ рескриптѣ Бутурлину, — то надобно опасаться самыхъ вредныхъ слѣдствій и, напротивъ того, сильными и поспѣшными дѣйствіями всѣ опасности отвратятся и можно будетъ ожидать самыхъ полезныхъ плодовъ отъ нынѣшней войны» ²⁾.

Корпусъ Тотлебена былъ оставленъ въ Помераніи и долженъ былъ распространяться въ этой области какъ можно далѣе

¹⁾ Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, 1761 г., № 34.

²⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 24, стр. 372.

Въ началѣ января онъ возвратился изъ разрѣшенной ему въ декабрѣ истекшаго года поѣздки въ Данцигъ ¹⁾ и одержалъ даже надъ непріятелемъ «знатный авантажъ», причемъ, какъ писалъ Бутурлинъ ²⁾, основываясь на разсказахъ лицъ, посланныхъ Тотлебеномъ съ этимъ извѣстіемъ, — командиръ его находился въ великой опасности и именно, переплывая рѣку, едва не утонулъ и спасся только благодаря сильной лошади ³⁾. Присовѣтовавъ ему «впредь въ подобныя отваги не вдаваться, но паче оныхъ остерегаться», Бутурлинъ еще 13 января, основываясь на извѣстіяхъ о заключеніи австрійцами перемирія съ пруссаками, представляя императрицѣ о приостановленіи, «по австрійскому примѣру», дѣйствій корпуса Тотлебена до будущей кампаніи и войско его, «для потребнаго имъ отдохновенія и снабденія нужными вещами, изъ нынѣшнихъ мѣстъ назадъ подвинуть и хотя въ Помераніи же, но близъ Польши такимъ образомъ расположить, чтобъ имъ потребное пропитаніе доставлять можно было, а, напротивъ того, три туда марширующія пѣхотные полки (т. е. назначенные въ команду Тотлебена) и совсѣмъ назадъ взять» ⁴⁾. Въ томъ же духѣ Бутурлинъ писалъ и 2 февраля, а между тѣмъ распорядился, чтобы командиръ означенныхъ пѣхотныхъ полковъ, бригадиръ Бекетовъ, не ходилъ далѣе назначенныхъ въ Помераніи мѣстъ, и именно Шлаге и Кранге, и 14 января приказалъ Тотлебену не заходить далеко ⁵⁾. Получивъ это приказаніе, Тотлебенъ разгорячился и, указавъ на неудобства, проистекавшія для него отъ отзыва пѣхоты, 18 января написалъ Бутурлину рапортъ, въ которомъ позволилъ себѣ помѣстить слѣдующія выраженія: «изъ вашего высокографскаго сіятельства ордера я усматриваю, съ крайнею печалью, что ваше сіятельство гнѣвны; токмо, ежели ваше сіятельство приказать соизволите, то я прикажу пѣхотѣ назадъ маршировать и тогда мнѣ уже возможности не будетъ о ихъ субсистенціи стараться, почему непріятель легкія войска въ нѣсколько дней изъ Помераніи вы-

¹⁾ Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина, д. № 42.

²⁾ Ордеръ 16 января.

³⁾ Моск. арх. м-ва юстиціи, реляціи Бутурлина.

⁴⁾ То же.

⁵⁾ Реляція 13 января 1761 года.

гонитъ и всё до сихъ мѣстъ стараніе и труды вашего сіятельства безъ всякой пользы останутся» ¹⁾).

«По дружбѣ моей къ вашему сіятельству,—отвѣчалъ на это Бутурлинъ 24 января,—не могу оставить вамъ не примѣтить, что мнѣ не бездосадно было изъ рапорта вашего видѣть ваши экспрессіи, которыя вы, при всѣхъ вашихъ ревностныхъ и похвальныхъ распоряженіяхъ о возвращеніи назадъ пѣхоты, употребили; ваше сіятельство знаете, что долгъ главнаго командира требовалъ о пропитаніи и безопасности всѣхъ частей ввѣренной ему арміи попеченіе имѣть. Сему долгу надобно было и приписывать мой напоминанія, которыя я вашему сіятельству въ наставленіе о томъ дѣлалъ, и буде и въ тотъ часъ съ надлежащимъ послушаніемъ исполнялись, то главному командиру о своихъ въ томъ резонахъ безъ огорченія представлять, столь наипаче, что подобныя экспрессіи, вмѣсто уснѣха въ службѣ, общее неудовольствіе произвести могутъ. Со всѣмъ тѣмъ я единственно только о томъ примѣтить хотѣлъ, а, впрочемъ, прошу увѣрену быть, что я совершенное во всемъ на васъ надѣяніе имѣю и въ томъ отнюдь вы сумнѣваться не можете о моей неложной дружбѣ и почтеніи» ²⁾).

Когда же Тотлебенъ прислалъ письмо, на французскомъ языкѣ, съ извиненіями въ своихъ «экспрессіяхъ», оскорбившихъ Бутурлина, указывая на то, что онъ не знаетъ русскаго языка, и прося не считать его, стараго солдата, способнымъ нарушить долгъ подчиненности и почтенія къ главному начальнику арміи и къ тому, кого онъ обожаетъ и любитъ болѣе, чѣмъ отца ³⁾), то Бутурлинъ, «обнадеживая, что никакой досады не имѣетъ, но паче истинную дружбу сохраняетъ, не сомнѣваясь и во взаимной, такъ что и бывшія его изъясненія и учиненныя примѣчанія за минувшее уже дѣло поставляетъ», задавъ вмѣстѣ съ тѣмъ новую головоюлку Тотлебену въ томъ же ордерѣ отъ 4 февраля ⁴⁾). «Изъ рапортовъ вашихъ усмотря,—писалъ онъ,—строгій вашъ поступокъ съ подчиненными, обойтись не могу вновь вамъ примѣтить,

¹⁾ Московск. арх. м-ва ин. дѣлъ № 50.

²⁾ То же.

³⁾ То же.

⁴⁾ Моск. арх. м-ва ин. дѣлъ. № 49.

что хотя всемірно надобно строгость наблюдать, однакожь, въ томъ и нѣкоторую умѣренность имѣть и различіе дѣлать, какъ, на примѣръ, при наказаніи рядовыхъ казаковъ за оплошное содержаніе ихъ пикета подлежало-бъ съ старшинами нѣсколько легче поступить, которыхъ вы также шпицрутенами наказали. Отъ подобнаго неразличія неминуемо произойдетъ въ людяхъ огорченіе, уныніе и нерадѣніе къ службѣ, а персонально къ вамъ неудовольствіе. Сія справедливыя уваженія заставляютъ меня вашему сіятельству оное для переду больше менажировать. Равномѣрное обстоятельство усмотрѣлъ я и съ арестованными отъ васъ бригадиромъ Краснощокowymъ и полковникомъ Перфильевымъ. Можетъ быть, они того по своимъ винамъ заслуживаютъ, но время было напередъ о томъ мнѣ представить и довольствоваться только отказомъ имъ отъ команды, столь наипаче, что помянутый арестъ, по усмотрѣніи ихъ преступленія, и отъ меня уже учиненъ быть могъ бы и что подобное арестованіе бригадира безъ главнаго командира не только воинскимъ регуламъ противно, но не иначе бываетъ, какъ развѣ въ криминальныхъ дѣлахъ и произведеніи напередъ слѣдствія. По симъ резонамъ также оставиться не могъ вашему сіятельству, какъ пріятель, совѣтовать впредь въ такихъ дѣлахъ болѣе умѣренности употреблять. А какъ между тѣмъ намѣрены вы ихъ прислать сюда съ показаніемъ ихъ винъ, то гораздо лучше сдѣлать было, когда бы вы, имъ шпаги возвратя, сіе дѣло на мое усмотрѣніе отдали¹⁾.

Не успѣла кончиться эта переписка, какъ Тотлебенъ, которому 6 февраля было объявлено монаршее благоволеніе за попеченія его о доставленіи въ армію медикаментовъ изъ Берлина²⁾ и въ особенности за все то, что имъ до тѣхъ поръ было

¹⁾ Изъ рапорта Тотлебена отъ 28 января 1761 г. (моск. арх. м-ва ин. дѣлъ, № 49) и изъ реляціи Бутурлина отъ 2 февраля (моск. арх. м-ва юст.) видно, что бригадиръ Краснощокowy и казачій полковникъ Перфильевъ были арестованы за слабое смотрѣніе за ихъ подчиненными, за происшедшія отъ того продерзости и за неисполненіе ордеровъ Тотлебена о недопущеніи насильствъ надъ жителями.

²⁾ Въ бытность въ Берлинѣ Тотлебенъ приказалъ поставить въ Данцигъ, для арміи, „нѣкоторое число разныхъ медикаментовъ“. Реляція Бутурлина 2 января 1761 г.

сдѣлано въ Помераніи, поразилъ Бутурлина новымъ своимъ поступкомъ.

7-го февраля Бутурлинъ получилъ отъ него два, посланные въ одномъ конвертѣ, рапорта отъ одного и того же 6-го числа. Первымъ изъ нихъ онъ доносилъ: «я здѣсь и въ Ригенвальдѣ имѣю великое число провіанта и фуража, которое я хотѣлъ бы отправить въ столпенскій магазинъ. Отъ вчерашняго числа идетъ великій дождь, отъ чего дорога весьма худая сдѣлалась, и вода такъ много умножилась, что большая часть хорошаго фуража остаться или сжечь должно, когда неприятель впередъ подвинется. Пѣхота отъ такой худой дороги великій уронъ имѣть будетъ и многія государевыя лошади вовсе пропадутъ. Магазиномъ моимъ въ Столпе и въ Лауенбургѣ, кои не мало наполнены, корпусъ мой пользоваться не можетъ, понеже неприятель, который вдвое меня сильнѣе, конечно, меня въ Польшу провожать будетъ. Въ Польшѣ особливо легкимъ войскамъ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ является и притомъ отъ патрулиговъ и безпокойствъ безпрестанно въ бесиліе приведены будутъ. Пѣхотѣ недостатокъ является къ предбудущей кампаніи аммуничныхъ вещей и тягостей. Гусарскіе полки еще не обмундированы, идутъ многіе нагишемъ и нѣсколько сотъ человекъ идутъ пѣшіе. Сіи многія и прочія обстоятельства, а особливо, когда шведы и австрійцы съ неприятелемъ перемиріе заключили и чрезъ то причину подали, что такой неприятельскій сильный корпусъ ¹⁾ противъ меня наступаетъ и всѣми важными экспедиціями препятствуетъ, то на благоразсужденіе вашего высокографскаго сіятельства оставляю не соблаговолено ли будетъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ, что между російско-императорскою и неприятельскою арміею на нѣсколько недѣль или, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца перемиріе заключить и въ это время пѣхотные и гусарскій

¹⁾ Тотлебенъ доносилъ передъ тѣмъ Бутурлину, что по полученнымъ имъ извѣстіямъ принцъ Генрихъ прусскій, съ знатымъ корпусомъ войскъ, пойдетъ вскорѣ изъ Силезіи въ Померанію. Считая, что эти извѣстія, подтверждаемыя и съ другихъ сторонъ, „не гораздо вѣроятны быть кажутся“, Бутурлинъ поручалъ, однако, Тотлебену „быть въ осторожности“, но паче, въ случаѣ съ превосходною силою устремленія на него неприятеля, отступить въ назначенныя мѣста (ордера 4 и 6 февраля 1761 г.). Г. Р.

полки, изъ коихъ послѣдніе уже три года винтеръ-квартиръ не имѣли, могли бы поправиться. Я понеченіе имѣть буду, чтобы мой корпусъ до 1 апрѣля такъ же, какъ повинѣ, безъ платы изъ казны ея императорскаго величества, но изъ непріятельскихъ земель довольствовался и въ Помераніи въ покоѣ остаться могъ. И когда отъ вашего высокографскаго сіятельства повелѣнія къ перемирію я имѣть буду, то надѣюсь и до того привести, что непріятель не далѣе впередъ подвинется и мнѣ ту часть Помераніи уступить, которую теперь владѣю, отъ чего російско-императорскому корпусу авантажъ и честь воспослѣдуетъ, что она еще не отступила, но токмо съ регулярнымъ войскомъ соединилась и остальное время до открытія кампаніи на коштѣ непріятельскомъ въ покоѣ остаться и въ добромъ состояніи поправляться можетъ.

«Проектъ подъ литерою А ¹⁾, въ силѣ ордера вашего высокографскаго сіятельства, втунѣ останется при приближеніи такого сильнаго непріятеля, развѣ ваше высокографское сіятельство знатный корпусъ отправить изволите, чтобъ непріятеля разбить, къ чему я весьма безсиленъ нахожусь.

«Ваше высокографское сіятельство ордеромъ повелѣтъ соизволили, чтобъ я ретировался до Польши, того не надобно и великій походъ, и возвращеніе не потребно будетъ, ежели ваше высокографское сіятельство пропозицію апробовать соизволите.

Въ другомъ же рапортѣ Тотлебенъ писалъ, что, не зная апробуетъ ли Бутурлинъ представленіе его о перемиріи, но чтобы имѣть время перевезти большое число провіанта и фуража изъ Ригенвальда въ Столпе, безъ помѣхи со стороны непріятеля, стоявшаго лишь въ двухъ миляхъ отъ Шлаве, онъ заключилъ перемиріе на четыре дня, на пароль, съ тѣмъ, чтобы непріятель остался на прежнемъ своемъ мѣстѣ. «Я уповаю, что ваше высокографское сіятельство оное апробовать соизволите, ибо мнѣ изъ того послѣдуетъ авантажъ, что я мой магазинъ въ Столпе могу беречь, а непріятель далѣе впередъ не подвинется, и что пѣхотные полки, при нынѣшнихъ худыхъ дорогахъ, не затруднены будутъ, а притомъ и легкія войска еще большею частію фуража между мною и непріятелемъ удовольствоваться могутъ».

Въ виду такихъ донесеній, изъ которыхъ въ одномъ испра-

¹⁾ Т. е. проектъ внезапнаго захвата Кольберга; см. ниже.

шивалось разрѣшеніе на перемиріе, а другимъ сообщалось уже о послѣднемъ, какъ о совершившемся фактѣ, Бутурлину, согласно его выраженію, ничего болѣе не оставалось, какъ предписать Тотлебену: «ежели бы онъ увидѣлъ, что воды такъ сильно разлились и ретирада его, особенно же для пѣхотныхъ полковъ съ ихъ артиллеріею, весьма затруднилась, то продолжилъ бы перемиріе отъ своей персоны и своимъ именемъ до дальняго указа, только съ такою именно кондиціею, чтобъ detachmentъ его въ тѣхъ мѣстахъ, кои въ Помераніи заняты, съ покоемъ остался, а, между тѣмъ, донести: 1) съ которой стороны пропозиція о перемиріи учинена; ежели отъ генералъ-маіора Вернера, то знатно онъ не въ такой силѣ, какъ Тотлебенъ его поставлялъ? 2) Имѣется ли отъ Вернера какое нибудь на перемиріе обязательство, ибо въ рапортахъ ничего о томъ не упомянуто? 3) Какъ велики заведенные Тотлебеномъ въ Столпе и Лауенбургѣ магазины и на сколько времени провіанта и фуража на весь его detachmentъ стать можетъ, въ виду чего смѣту и размѣръ учинить, дабы постановленное перемиріе до того времени продолжать можно было; но не взирая на то, что перемиріе постановлено, непріятелю отнюдь не довѣрять и имѣть за поступками его недреманное примѣчаніе, дабы иногда оный, хитрыми своими ухватками, какую либо сѣть не употребилъ уловить и тѣмъ оружію ея величества вреда бы не причинилъ. 4) Во особенное уваженіе принять, буде Тотлебеномъ пропозиція Вернеру учинена, не заставитъ ли такой поступокъ непріятеля вознамѣряться и думать, что Тотлебенъ уже такъ ослабѣлъ и ретирада его такъ затруднена, что по крайней необходимости за сіе средство взятъя принужденъ былъ, и не помыслятъ ли, тѣмъ пользуясь, какой либо ударъ дать. По симъ толь важнымъ причинамъ наиприлежнѣйше рекомендуется заблаговременно приготовить къ порядочному выступленію изъ Помераніи и, не полагаясь на непріятельскія увѣренія, наудобовозможнѣйшую предосторожность отъ онаго имѣть».

«Впрочемъ,—прибавилъ Бутурлинь,—я благонадеженъ, что ваше сіятельство, по вашему благоразумію, ничего не пророните, что къ охраненію вѣреннаго вамъ войска при нынѣшнемъ случаѣ удобнѣйшимъ признаете»¹⁾).

¹⁾ Ордеръ 7-го февраля.

Не выждавъ отвѣта на упомянутые рапорты свои, Тотлебенъ перебрался въ Столпе и оттуда 7-го февраля донесъ, что хотя перемиріе на четыре дня прусскимъ капитаномъ Адеркасомъ было обнадежено именемъ генерала Вернера, однако, не полагаясь на эти увѣренія, онъ, для осторожности, въ тотъ же вечеръ поставилъ двѣ пушки на рѣкѣ Грабовъ у раззореннаго моста при деревнѣ Нѣмецъ, съ тѣмъ, чтобы не допустить непріятеля къ починкѣ этого моста и переправиться по немъ, что и оказалось весьма полезнымъ, такъ какъ непріятель данный свой пароль не сдержалъ: авангардъ его, состоявшій изъ шести эскадроновъ, намѣревался перебраться при томъ мостѣ, для чего и восемь баталіоновъ пришло и былъ подвозимъ лѣсъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе, въ виду сильнаго подъема воды и пальбы изъ поставленныхъ противъ него пушекъ. «Я въ той же позиціи, какъ и 5 февраля находился,—присовокупялъ Тотлебенъ,—понынѣ могъ остаться, понеже я отъ непріятеля ничего не опасался, но, видя, что рѣка Вѣпръ у мѣстечка Шлаве съ часу на часъ столь разливалась, что сообщеніе съ Столпе испортилось до того, что нельзя было проѣхать и верхомъ, а тѣмъ болѣе переправить пѣхоту и имѣвшуюся при ней артиллерію, заблагоразсудилъ отступить чрезъ Ригенсвальдъ до Столпе, дабы предупредить несчастіе».

Весьма удивительнымъ показался этотъ рапортъ Бутурлину. Какъ могъ непріятель такъ скоро нарушить свое слово, когда перемиріе было установлено до 10-го числа? «Сіи такъ часто отъ Тотлебена получаемыя перемѣны приводятъ меня утруждать ваше величество неосновательнымъ извѣстіемъ», писалъ онъ императрицѣ ¹⁾ и въ то же время послалъ Тотлебену слѣдующій отвѣтъ: «ваше сіятельство разсудите въ какой я заботѣ нахожусь, не зная на чемъ утвердиться, ибо вы меня увѣрили о перемиріи, а продолжается ли оное и основательное ли съ ихъ стороны имѣете увѣреніе, не упоминаете, о чемъ буду ожидать немедленной присылки обстоятельнаго и точнаго вашего

¹⁾ Реляція 10 февраля. Замѣчательно, для характеристики Тотлебена, постскриптумъ къ этой реляціи; въ немъ прописанъ рапортъ Тотлебена отъ 8-го февраля о томъ, что хотя непріятель сдѣлалъ нѣсколько тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ, онъ, Тотлебенъ, потерялъ только одного гусара, одного казака и одного артиллериста, который утонулъ; напротивъ, непріятель не малый уронъ претерпѣлъ.

рапорта, тѣмъ паче, что о продолженіи онаго перемирія на ваше отдалѣ разсмотрѣніе» ¹⁾).

Оправдываясь въ томъ, что за малымъ временемъ и болѣзнію не могъ изложить свои рапорты обстоятельно, Тотлебенъ объяснилъ, что предложенія о перемирії онъ не дѣлалъ, а сдѣлано было оно принцемъ Бевернскимъ, приславшимъ капитана Адеркаса, съ обнадеживаніемъ при томъ, что шведы и австрійцы заключили уже перемиріе и что это извѣстно Вернеру. Поэтому и въ виду того, что безъ разрѣшенія главнокомандующаго нельзя было принять такого предложенія, онъ согласился лишь заключить перемиріе на четыре дня, чтобы имѣть возможность перевезти пѣхоту, артиллерію и аммуницію. Намѣреніе же непріятельскаго авангарда перейти черезъ рѣку Вернеръ въ письмѣ своемъ извинялъ незнаніемъ начальника авангарда о перемирії. «Можетъ быть Вернеръ хотѣлъ обмануть, но теперь видитъ, что самъ обмануть, ибо весь русскій корпусъ, безъ малѣйшаго урона, благополучно дошелъ до Столпе». Къ этому Тотлебенъ добавилъ, что Вернеръ, въ письмѣ своемъ, снова упоминаетъ о перемирії и желаетъ прислать капитана Адеркаса, на что онъ, Тотлебенъ, пользуясь разрѣшеніемъ Бутурлина, отвѣтитъ, что хотя не получилъ еще разрѣшенія фельдмаршала на посланное ему о томъ представленіе, но заключить перемиріе самъ собою, не потому, однако, чтобы нуждался въ немъ, а единственно по челоуѣколюбію, изъ сожалѣнія къ померанскимъ жителямъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы обязательство о перемирії было подписано самимъ Вернеромъ, съ приложеніемъ его печати, а капитанъ Адеркасъ остался амманатомъ и чтобы переходъ непріятеля черезъ рѣку Вѣпръ считался нарушеніемъ мира.

Согласно этому предположенію и было заключено условіе съ Вернеромъ, причемъ было постановлено, что оно должно быть ратификовано принцемъ Бевернскимъ и Бутурлинымъ; но послѣдній отказался исполнить это, ссылаясь на неимѣніе соизволенія на то императрицы; если же съ прусской стороны будутъ домогательства по этому предмету, то, въ надеждѣ на высочайшую апробацію, онъ пришлетъ ратификацію и до получения указа ²⁾).

Домогательства, конечно, послѣдовали, какъ донесъ Тотле-

¹⁾ Ордеръ 10 февраля.

²⁾ Ордеръ 28-го февраля.

бенъ, увѣдомившій затѣмъ, 23-го марта, что Вернеръ желаетъ съ нимъ говорить и просилъ назначить день для свиданія въ Ригенсвальдѣ.

Разрѣшивъ это свиданіе, Бутурлинъ указалъ, однакоже, что такъ какъ Вернеръ самъ проситъ объ ономъ, зная притомъ о болѣзни Тотлебена ¹⁾, то и надо воспользоваться этимъ, имъ самимъ подавшимъ, поводомъ, чтобы не ѣхать въ прусскую сторону и тѣмъ себя «какому несходствію, а паче опасности и самому вреду не подвергать». Поэтому онъ рекомендовалъ отозваться Вернеру, «что хотя на то (свиданіе) моего позволенія вы еще не имѣете, однакоже, получить не сомнѣваетесь, но какъ извѣстнымъ ему образомъ болѣзнь ваша не позволяетъ вамъ куда либо въ другое мѣсто для того ѣхать и, слѣдовательно, вамъ инаго способа нѣтъ, какъ въ самомъ Столпе съ нимъ видѣться, то вы его и просите, если ему угодно, къ вамъ въ Столпе пріѣхать. А дабы онъ въ томъ какого сомнѣнія не имѣлъ, то изволилъ бы вамъ предварительно сообщить при немъ какихъ людей и эскорта будетъ, дабы и вы толикое число для приѣма его выслать и опять препроводить могли. Что потомъ, а особливо при семъ въ Столпе свиданіи произойдетъ, буду я ожидать немедленнаго съ нарочнымъ увѣдомленія, столь напирающе, что помянутое свиданіе, по бытности Вернера въ Лейпцигѣ, а можетъ быть и у самого короля, нѣчто важнаго въ себѣ содержать будетъ. Между тѣмъ я увѣренъ пребываю, что ваше

¹⁾ Еще 15-го марта Тотлебенъ просилъ освободить его отъ команды на нѣсколько времени и позволить уѣхать въ Польшу въ деревню, для поправленія въ здоровьѣ, которое со дня на день хуже становилось: „приключаются такіе припадки,—писалъ онъ,—которые пророчествуютъ ближнюю кончину моего вѣка“; но Бутурлинъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, сославшись на то, что своею властію этого сдѣлать не можетъ, и предложилъ отдохнуть на мѣстѣ, сдавъ команду бригадиру Бекетову. Тогда Тотлебенъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы (моск. арх. ин. д. №№ 49 и 50). Представляя это прошеніе и донеся, что онъ отправилъ къ Тотлебену доктора Аша, Бутурлинъ писалъ императрицѣ, что такъ какъ служба Тотлебена, „въ разсужденіи его достоинствъ, по меньшей мѣрѣ, на нынѣшнюю войну полезна и надобна, то не соизволите ли, для удержанія его въ службѣ и лучшаго ободренія, если не нынѣ пожаловать его генералъ-поручикомъ, то хотя обнадежить, что при первомъ генералитетскомъ произвожденіи, конечно, награжденъ будетъ. Также не пожалуете-ли ему маестность въ Лифляндіи, чтобы онъ къ пребыванію въ имперіи свое пристанище имѣлъ. Хотя я самъ достоинственно вѣдаю, что онъ боленъ, но статья можетъ, что и перемѣна чина сему его прошенію причиною есть, столь больше, что иногда ему обидно, что извѣстный Вернеръ въ генералъ-поручики пожалованъ“. (Реляція 27-го марта).
Г. Р.

сіятельство, по извѣстному вашему къ ея императорскому величеству усердію и по собственнымъ вашимъ благороднымъ сентиментамъ, ничего того не упустите, чего при подобномъ, иногда въ самомъ дѣлѣ важномъ свиданіи, для пользы службы и интересовъ ея величества, престерегать наблюдать надобно, и никакими съ непріятельской стороны, иногда чинимыми, хитрыми предложеніями себя уловить не допустите»¹⁾.

Должно быть, такое наставленіе не совсѣмъ понравилось Тотлебену, потому что въ отвѣтъ на его рапортъ отъ 28-го марта, котораго мы не знаемъ, Бутурлинъ счелъ нужнымъ объяснить ему, что свиданіе съ Вернеромъ весьма нужно, ибо онымъ откроется причина, для чего онъ этого желаетъ, и что порученіе стараться, чтобы онъ въ Столпе пріѣхалъ, сверхъ объясненныхъ уже причинъ, даво и для того, «чтобы въ нужномъ и важномъ иногда дѣлѣ и причинимыхъ какихъ либо новыхъ предложеніяхъ переписки мнновать и, напротивъ того, при персональномъ свиданіи ваше сіятельство лучше въ состояніи были бы, по извѣстному вашему къ службѣ усердію, интересы и пользу ея величества престеречь, такъ какъ по вашему остроумію и прямой смыслъ всѣхъ Вернеровскихъ предположеній лучше узнать и проникнуть».

Вслѣдствіе этого Бутурлинъ вновь рекомендовалъ «Вернера всемѣрно до того привести, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ и, какъ чаять надобно, что отъ него нѣкоторыя предложенія будутъ, то если эти предложенія клонятся будутъ къ миру, надобно оныя единственно взять ко мнѣ на доношеніе, а если, напротивъ того къ продолженію перемирія, точно на основаніи нынѣшняго, и съ уступкою въ нашу сторону Ремельсбурга и Нейштетина съ уѣздами, то я васъ симъ въ запасъ уполномочиваю, не токмо сіе предложеніе принять, но и подобное перемиріе до 15 (26) мая продлить и на томъ тотчасъ конвенцію заключить»²⁾.

Послѣ такого разъясненія надобно было повиноваться волѣ главнокомандующаго. Вернеръ былъ приглашенъ и 8 апрѣля пріѣхалъ къ Тотлебену, который и принялъ его, «какъ по его чину требовалось». На другой день Вернеръ предложилъ продолжить перемиріе еще на мѣсяць, на что Тотлебенъ согласился

¹⁾ Ордеръ 24 марта.

²⁾ Ордеръ 30 марта.

и донесъ Бутурлину, что, сколько онъ могъ примѣтить, непріятель весьма радъ былъ бы, еслибы, по его желанію, перемиріе было продолжено еще далѣе, и что Вернеръ «себя оказываетъ человѣкомъ честнымъ и безъ лукавства»¹⁾; но Бутурлинъ изъявилъ согласіе на заключеніе перемирія лишь до 15 мая.

Разрѣшеніе свиданія Тотлебена съ Вернеромъ было одобрено конференціею. «Вы хорошо сдѣлали,—сказано было въ рескриптѣ Бутурлину,—что позволили графу Тотлебену видѣться съ Вернеромъ. Мы почти увѣрены, что если до свиданія дойдетъ, то Вернеръ будетъ или о мирѣ предлагать, или будетъ стараться заподозрить предъ нами нашихъ союзниковъ. Надобно все выслушивать и на первое, не отвѣчая ничего рѣшительнаго, намъ доносить, а на послѣднее и тотчасъ можно отвѣчать, что мы вполнѣ увѣрены въ твердости и искренности нашихъ союзниковъ; да еслибъ и не такъ было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чѣмъ заподозрить ихъ и не устоять въ своихъ обязательствахъ; что всякое нечистосердечное покушеніе послужитъ только къ продолженію раззорительной войны, а къ достиженію мира одинъ способъ—прямо предлагать и показать дѣйствительную готовность къ удовлетворенію обиженныхъ сторонъ».

Вслѣдъ же затѣмъ, по поводу присланнаго Тотлебеномъ Бутурлину письма одного его пріятеля изъ Берлина, въ коемъ упоминалось, что миръ между Франціею и Англіею уже заключенъ, и которое было получено Тотлебеномъ во время переговоровъ съ Вернеромъ, конференціею было указано Бутурлину, что и письмо это служило только приготовленіемъ къ тому, чтобы внушенія Вернера произвели свое полное дѣйствіе. Поэтому предписывалось увѣдомить Тотлебена, чтобы онъ остерегался подобныхъ внушеній. Но, исполняя это повелѣніе, Бутурлинъ послалъ Тотлебену ордеръ отъ 12 мая въ такой формѣ, которая давала поводъ думать, что въ средѣ членовъ конференціи существуютъ какъ бы опасенія на счетъ благонадежности Тотлебена. «Хотя я не чаю,—значилось въ этомъ ордерѣ,—чтобы по нынѣшнему вашему сіятельства изъ Помераніи выступленію до какихъ либо къ вамъ отзывовъ съ непріятельской стороны дошло, однакожь, въ силу высочайшаго повелѣнія, на случай чинимыхъ вамъ иногда съ прусской стороны какихъ либо хитрыхъ, а особливо

¹⁾ Репортъ 9 апрѣля 1761 г.

о мирѣ или тому подобному внушеній, предписать нахожу нужнымъ, чтобъ вы весьма отъ того остерегались и оному отнюдь вѣры не подавали, а на чинимыя иногда вамъ персонально при случаѣ съ прусскою стороны внушенія съ твердостью и достоинствомъ отвѣтствовали, что сколько извѣстны вамъ высочайшіе ея императорскаго величества сантименты, буде чистосердечнымъ и откровеннымъ съ королевской прусскою стороны поведеніемъ можно ея величество преклонить къ снисхожденію и природному человѣколюбію, то, напротивъ того, всякое неискреннее покушеніе утвердить только ея императорское величество въ высочайше принятыхъ однажды намѣреніяхъ, а встрѣчающіяся трудности послужать новымъ побужденіемъ преодолевать оныя. Сіе вашего сіятельства изъясненіе имѣетъ только на случай отзывовъ прусскихъ быть чинено, а безъ того въ вышней тайности у васъ хранено. Да что и когда по тому произойдетъ, немедленно мнѣ рапортовано быть, и о семъ же такъ, какъ отъ себя, а не по повелѣнію объявлять»¹⁾.

Задѣтый этимъ ордеромъ за живое, Тотлебенъ сильно оскорбился имъ. «Секретнѣйшій ордеръ вашего сіятельства сего мѣсяца отъ 12 числа, — отвѣчалъ онъ 16-го мая, — я по эстафетѣ сего числа получилъ, изъ котораго, по высокому его стилю, силы и значенія его содержанія понять не могъ. Я никогда съ непріятельскими генералами корреспонденціи не имѣлъ. Что-жъ принцъ фонъ-Бевеиъ и генералъ Вернеръ до сего времени ко мнѣ писали, о томъ все вашему сіятельству рапортовалъ и какія на то повелѣнія отъ вашего сіятельства получалъ, то и имъ отвѣтствовалъ. Я ссылаюсь на всѣ мои объ ономъ рапорты, которые я къ вашему сіятельству посылалъ. Вся корреспонденція касалась перемирія и размѣна плѣнныхъ такъ, какъ ваше сіятельство приказали. Что я съ генераломъ Вернеромъ, противъ моего желанія, здѣсь говорить долженъ былъ, то по особливому вашего сіятельства приказанію чинено, но только я здѣсь никогда съ нимъ наединѣ не былъ, а всегда при томъ другіе были, и что онъ мнѣ говорилъ, я вашему сіятельству по эстафетѣ доносилъ.

«Перемиріе сего числа кончилось²⁾, а я генералу Вернеру писалъ, ежели что впредь къ надобности потребуется, чтобъ онъ

¹⁾ Ордеръ 12 мая 1761 г.

²⁾ Въ ратификаціи принца Бевеиъскаго 3 марта 1761 г. заключеннаго

ко мнѣ болѣе не адресовался, но непремѣнно къ вашему сіятельству писалъ.

«Я еще малый человѣкъ, чтобъ мнѣ въ миръ и прочія важныя дѣла мѣшаться, да и непріятеля можно бы къ посмѣянію привести, ежелибъ объ ономъ ко мнѣ адресовался. Ваше сіятельство милостиво мнѣ справедливость оказать соизволите и повѣрите, что я себя ни къ чему въ употребленіе не дамъ, какъ только о чемъ ваше сіятельство прикажете и что ея императорское величество къ службѣ востребуетъ».

Такой отзывъ нельзя было оставить безъ отвѣта и Бутурлинъ послѣшилъ успокоить обидѣвшагося, пославъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Изъ рапорта вашего сіятельства отъ 16-го числа сего мѣсяца не могъ я безъ сожалѣнія усмотрѣть, что вы секретнѣйшій мой ордеръ не совершенно поняли, а того еще больше, что оный себѣ за обиду почитаете и, можетъ быть, думаете, что оный отъ меня только происходитъ. Въ объясненіе того я вашему сіятельству объявляю, что сей ордеръ къ вамъ отправленъ точно по именному высочайшему повелѣнію и единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ вы въ состояніи были сентименты ея императорскаго величества изъяснить въ случаѣ, буде къ вамъ какіе коварные отзывы съ непріятельской стороны были, чего, по прежнимъ прусскимъ примѣрамъ, а особливо при намѣряемой нынѣ мирной негоціаціи и когда непріятель вездѣ гдѣмъ покушается, и чають причина есть. Я васъ увѣрить могу, что свиданіемъ вашимъ съ Вернеромъ и перепискою вашею какъ съ нимъ, такъ и съ принцемъ Бевернскимъ и употребленными при томъ осторожными поступками не только я, но и всевысочайшій дворъ весьма доволенъ.

«Въ разсужденіе чего я, въ надѣяніи на должную вашу осторожность, вашему сіятельству рекомендую помянутый вашъ, въ скорости учиненный, поступокъ поправить и съ Вернеромъ, и съ принцемъ Бевернскимъ по прежнему, буде случай подастся, корреспондовать, а меня только о томъ увѣдомлять»¹⁾.

Г. Е. Рѣпинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

14 (25) февраля договора Тотлебена съ Вернеромъ значитса, что перемиріе было заключено до 1-го (12-го) мая. (Московск. арх. мин. вв. дѣлъ, 1761 г., № 101).

¹⁾ Ордеръ 20 мая 1761 г.

1738 — 1833.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОПИСАНІЯ
ЖИЗНИ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННОЕ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

Часть пятая или начало 35-я.

Плоды 1799 и 1800 годовъ.



НАЧАТО 19 МАЯ 1821
КОНЧЕНО 19 МАЯ 1822
ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

Постоянные читатели «Русской Старины», без сомнѣнія, съ удовольствіемъ встрѣтятъ вновь на страницахъ этого изданія—давняго своего знакомаго Андреа Тимоеевича Болотова. Онъ памятенъ и дорогъ намъ. Дорогъ не потому только, что двадцать лѣтъ тому назадъ мы имѣли истинное удовольствіе узнать его разсказомъ первыя книги нашего историческаго сборника и затѣмъ четыре года сряду, изъ книги въ книгу, продолжали этотъ разсказъ, но потому, что предельно простодушнаго, честнаго, полной жизненной правды, сказанія Болотова о бытѣ русскаго современнаго ему дворянства XVIII-го вѣка — была въ высокой степени привлекательна.

Жизнеописаніе А. Т. Болотова издано нами въ 1870—1873 гг. въ двадцати девяти частяхъ, составившихъ четыре тома; оно охватываетъ время съ конца XVII-го по 1795 годъ, т. е. почти по конецъ XVIII-го вѣка. Этотъ историко-литературный памятникъ занялъ весьма видное мѣсто въ ряду источниковъ новѣйшей отечественной исторіи; по общему признанію нашей исторической критики, Записки Болотова составляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для исторіи быта, главнымъ образомъ, средняго, помѣстнаго великороссійскаго дворянства за время прошлаго столѣтія, почему онъ и является въ числѣ источниковъ въ монументальныхъ трудахъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ напр. историка С. М. Соловьева, а за нимъ и многихъ другихъ писателей и ученыхъ.

Представитель старой, коренной русской дворянской фамиліи—Андрей Тимоеевичъ Болотовъ — родился въ 1738-мъ году и, по существовавшему тогда закону общей служебной повинности для всего дворянства, рано поступилъ въ военную службу. Въ качествѣ офицера—онъ участвуетъ въ рядахъ русской арміи въ походахъ и сраженіяхъ семилѣтней войны съ Пруссіей; затѣмъ мы его видимъ адъютантомъ одного изъ генераловъ при дворѣ Петра III; однимъ изъ первыхъ по времени дворянъ, Болотовъ воспользовался манифестомъ 18-го февраля 1762 г., освободившимъ Россійское дворянство отъ обязательной службы; далѣе мы его видимъ — помѣщикомъ села Дворянинова въ Тульской губерніи, Алексіанскаго уѣзда, при чемъ онъ является типичнымъ представителемъ лучшихъ помѣщиковъ — хозяевъ домоводовъ и садоводовъ своего времени; мало этого, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» онъ издаетъ, первый по времени, сельско-хозяйственный журналъ «Экономическій Магазинъ», и въ виду его агрономическихъ свѣдѣній, путемъ труда и науки добытыхъ, Болотовъ приглашается въ управителя удѣла (въ той же губерніи, село Богородицкѣ, нынѣ городѣ), удѣла питомца Екатерины II — Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (род. 1762 † 1811 г.), съ 1796 года графа Бобринскаго.

Записки А. Т. Болотова — изданіе «Русской Старины», прерываются 1795 годомъ; мы имѣли предъ собою — 29 частей этого труда и напечатали все, что у насъ было; къ счастью, всѣ эти части шли непрерывно; но, извѣстно,

что Болотовъ велъ свое сказаніе далѣе 1795 года, онъ писалъ его до дней самой глубокой старости, до которой и дожилъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1833-мъ году, 96 лѣтъ отъ роду, и рассказъ его охватывалъ, въ двухъ собственной его руки редакціяхъ — «Черноваго журнала всенедельныхъ событій» и обработаннаго уже систематическаго изложенія, время до 1811 года, такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ его покойный внучъ Михаилъ Павловичъ Болотовъ, которому дѣдъ читалъ отрывки изъ записокъ, именно изъ этого времени ¹⁾).

Оставивъ, въ 1796-мъ году, мѣсто управляющаго гр. А. Г. Бобринскаго, А. Т. Болотовъ поселился окончательно въ своемъ имѣніи Дворяниновъ и прожилъ еще 37 лѣтъ — весь поглощенный литературными и агрономическими занятіями.

Труды эти выразились во множествѣ всевозможныхъ собственноручныхъ рукописей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, въ прозѣ и стихахъ; всѣхъ его сочиненій, кромѣ «Экономическаго Магазина», 40 томовъ, по показанію его внука, было до 80. Труды эти были — историческіе, агрономическіе (домоводство, садоводство, о хозяйств. постройкахъ и проч.) ²⁾, религіозные, критическіе — словомъ изъ разныхъ областей литературы, въ каковыхъ писалъ Андрей Тимофеевичъ: то былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и самыхъ образованныхъ русскихъ писателей второй половины XVIII-го вѣка. Сравнительно лишь весьма небольшая часть его рукописей была напечатана; большая же часть была развезена его внуками (онъ имѣлъ одного сына и 4 дочери), въ разные концы Россіи, куда только они разѣхались, и многія изъ этихъ рукописей были утрачены.

Лучшая часть архива А. Т. Болотова сохранилась у его достойнаго правнука В. А. Болотова, съ честью занимавшаго долгое время — постъ мирового судьи въ С.-Петербургѣ и пользующагося уваженіемъ всѣхъ лицъ, его знающихъ. Сынъ его, Александръ Владиміровичъ, праправнукъ Андрея Тимофеевича, также заботливо относится къ бібліотекѣ и архиву своего знаменитаго прапрадѣда.

Получивъ отъ В. А. и П. А. Болотовыхъ первыя 29 частей рукописи Записокъ А. Т. Болотова, которыя и напечатаны нами въ 1870—1873 гг. въ приложеніи къ «Русской Старинѣ» тѣхъ годовъ, мы въ 1886-мъ году получили найденныя ими у родныхъ еще пять книжечекъ второй обработанной А. Т. Болотовымъ редакціи его Записокъ — именно части 35, 36, и 37, заключающія въ себѣ его рассказы о 1799—1802 гг., затѣмъ особые томики, заключающіе описаніе 1802 г. съ 7-го октября и 1805 г. жизни этого писателя; такимъ образомъ, между 1795-мъ годомъ, на которомъ прерываются Записки Болотова, изд. при «Русской Старинѣ» 1870—1873 годовъ, и текстомъ теперешняго продолженія описанія жизни «Андрея Болотова» — пробѣлъ въ четыре года; къ нему относится имѣющійся у насъ отъ г. Киселева дневникъ Болотова ³⁾).

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 738—753.

²⁾ Многія изъ этого отдѣла рукописи находятся въ «Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства», въ бібліотекѣ Общества.

³⁾ «Черноваго журнала всенедельныхъ событій» А. Т. Болотова, составляющаго черновую редакцію его Записокъ и прочихъ его трудовъ, было, по показанію его внука, Михаила Павловича, болѣе 50 томиковъ; изъ нихъ 39 были проданы М. П. Болотовымъ — гг. Киселеву и Самарину, («Русская Старина 1873 г., томъ VIII, стр. 748); нѣкоторые изъ этихъ черновыхъ томиковъ, а именно четыре, переданы г. Киселевымъ въ редакцію «Русской Старины»: дневникъ 1793—1794 гг., 1797—1798 гг., 1799—1800 гг. и 1801—1802 гг. Ред.

Помянутые пять томиковъ рукописи Записокъ А. Т. Болотова,—именно 1799 — 1802 и 1805 годовъ мы представляемъ нынѣ на страницахъ «Русской Старины». Составлены они А. Т., по его черновому дневнику, въ 1821 — 1827-мъ годахъ и нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ болѣе 400 страницъ, въ небольшую 8-ю долю листа; книжечки, какъ и предыдущіе томки, переплетены А. Т. въ бумажный переплетъ; на корешкѣ ихъ надписи: «Описаніе жизни Андрея Болотова, часть 35, 36, 37».

Содержаніе этихъ частей не богато изложеніемъ крупныхъ историческихъ событій; составитель Записокъ продолжаетъ въ нихъ прежній свой рассказъ о своемъ и сосѣдей своихъ бытѣ. Рассказъ этотъ, не смотря на мелочность, весьма ярко живописуетъ бытъ среднего великорусскаго дворянства во всѣхъ подробностяхъ, касающихся воспитанія, службы по выборамъ, взаимныхъ отношеній помѣщиковъ, въ особенности здѣсь много дано мѣста весьма интереснымъ спорамъ и изложенію хода тяжбъ по размежеванію земель, — что составило въ концѣ XVIII-го вѣка важный для помѣщиковъ-дворянъ вопросъ; тутъ-же вырисовываются отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ; нравы, обычаи, свадебные, похоронные и друг., пиры, гощенія, забавы, сельско-хозяйственныя занятія и проч. и проч. Текетъ Записокъ Болотова, какъ и прочихъ въ «Русской Старинѣ», мы печатаемъ дословно точно и вѣрно.

Въ заключеніе этого предисловія не можемъ не повторить того, что мы еще въ 1873 году говорили ¹⁾ о языкѣ «Жизнеописанія А. Т. Болотова»: «Языкъ Записокъ Болотова поистинѣ образецъ чисто русскаго, разговорнаго языка прошлаго столѣтія, выражений, оборотовъ, притомъ такихъ выражений старинныхъ, которыя вполне заслуживаютъ возобновенія въ русской рѣчи, особенно теперь, когда современный нашъ языкъ засоренъ такою массою иностранныхъ словъ, въ замѣну которыхъ существуютъ не только равносильныя, но и того сильнѣйшія, весьма выразительныя, русскія слова... Въ этомъ случаѣ иностранную мѣдъ мы цѣнимъ дороже собственного золота. Своеобразный слогъ Болотова, мѣткость его выражений, ихъ картинность и точность составляютъ одну изъ лучшихъ особенностей его Записокъ».

Повторяемъ увѣренность, что давніе читатели «Русской Старины» съ удовольствіемъ встрѣтятъ въ ней, время отъ времени, продолженіе разсказа этого прекраснодушнаго и весьма умнаго русскаго человѣка; безъ преувелченія можно признать, что устами Болотова говорятъ лучшіе русскіе люди прошлаго вѣка, т. е. тѣ, которые составляли именно сердце и умъ великаго, могучаго богатыря—русскаго народа.

Мих. Семеновскій.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 1016.

Мой другъ! Сію часть исторіи моей жизни начну я описаніемъ хотя кратковременной, но по обстоятельствамъ своимъ достопамятной ѣзды моей изъ деревни своей въ Москву. Въ столицу сію призывала меня тогда крайняя нужда. Въ пребывающей въ оной межевой канцеляріи приводимо было тогда къ окончанію тамбовское наше спорное межевое дѣло съ г. Пашковымъ. Болѣе тридцати лѣтъ оно тянулось и все еще не совсѣмъ было рѣшено и кончено. Началось оно еще вскорѣ по изданіи о размежеваніи земель манифеста, черезъ покупку мною и покойнымъ дядею моимъ, изъ пустопорожней подлѣ тамбовской нашей деревни находившейся государственной и до 50 тысячъ десятинъ простиравшейся земли, нѣсколько сотъ десятинъ, отчасти завладѣнной нами, отчасти впусть еще лежащей земли, на которую получивъ владѣнные указы, мы и владѣли, хотя оная потомъ и не была намъ еще отмежевана, что въ тогдашнее время не было еще тамъ никакихъ межевщиковъ и межеванья. Черезъ короткое время послѣ того прельстился сею огромною стенью славной г. Пашковъ, имѣвшей, на оной маленькой хуторокъ и восхотѣвшей всею оною неправильнѣйшимъ образомъ обовладѣть и черезъ взятаго на свой коштъ землебѣра за собою отмежевать. Но какъ онъ по непомѣрной алчности своей не хотѣлъ удовольствоваться нѣсколькими тысячами десятинъ, а восхотѣлъ не только всею ею незаконнымъ образомъ завладѣть, но и насъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ притѣснить, то и оспорили мы ему въ томъ и, объявивъ оную казенною землею, каковою она и была, довели до того, что онъ, начавъ было межевать, по оную принужденъ былъ неоконченно бросить.

Так и осталось тогда сіе дѣло до самыхъ тѣхъ поръ, какъ г. Князевъ опредѣлился вторымъ, но важнѣйшимъ членомъ въ межевую канцелярію, и какъ тогда наступило такое время, въ которое можно было черезъ деньги все въ межевой канцеляріи выработывать и земли сколько хотѣлось покупать изъ казны не только на свое, но и на чужія имена, то и присовѣтывали господину Пашкову купить всю оную степь на чужія имена, но онъ и тутъ съ одной стороны по безпредѣльной алчности своей, а съ другой, не смотря на все свое богатство, по скупости своей, восхотѣлъ сбездѣлничать и купить на семь чужихъ имянъ одну только окружную полосу земли, а всю внутренность удержать за собою безъ покупки, и какъ въ межевой канцеляріи не было еще сей степи и плана, то и продала она ему наобумъ и по его признакамъ и не болѣе 11 тысячъ десятинъ и дала ему своекоштного землемѣра для отмежеванія сихъ узкихъ полосъ, окружающихъ всю степь сію. Тутъ случилось ему по непомѣрной алчности своей сдѣлать непростительную ошибку и при назначеніи въ просьбѣ своей урочищъ, по которымъ ему купить хотѣлось, включить между прочими одно такое урочище, которое за нѣсколько лѣтъ до того продано было мнѣ и за тройную еще цѣну. Сіе, какъ скоро дошло до моего свѣдѣнія, и побудило меня сказать въ межевую канцелярію и, показавъ ей ея ошибку, просить, чтобъ она велѣла тому же землемѣру напередъ отмежевать мнѣ проданную давно уже и мною владѣемую землю, а потомъ уже межевать Пашкову.

А между тѣмъ усмотрѣлъ я и другую Пашкову ошибку, а именно, что онъ, описывая полосамъ своимъ урочища, въ одномъ мѣстѣ не сомкнулъ ихъ между собою, а оставилъ версты на двѣ прорѣху и оное (оний?) входъ во все (всю?) внутренность степи. просилъ межевую канцелярію о продажѣ и мнѣ всей прорѣхи 1,000 десятинъ земли, которое количество мнѣ было и продано и тому же землемѣру велѣно было и отмежевать мнѣ.

Ежели бы г. Пашковъ былъ благоразуменъ и не слишкомъ жадничалъ землею, которая ему, какъ бездѣтному человеку, вовсе была ненадобна, то могъ бы онъ вмѣстѣ съ проданною ему землею овладѣть безденежно и всею достальною и до 35 тысячъ десятинъ простиравшеюся степью—все дѣло зависѣло отъ того, чтобъ ему, согласно съ повелѣніемъ межевой конторы, дозволить

межевщикъ вымежевать напередъ всѣ проданныя мнѣ земли, а послѣ уже чтобъ отмежевать проданныя себѣ, ибо тогда не кому бы было ему въ томъ полагать програвды и спорами своими всѣ плутни его выводить наружу.

Но человекъ сей не такого былъ свойства, чтобъ послѣдовать гласу благоразумія; я, ѣздивши нарочно для сего осенью въ тамбовскую свою деревню, хотя и предлагалъ ему сіе и даже просилъ о томъ, чтобы онъ меня напередъ успокоилъ и далъ мнѣ вымежеваться, обѣщавая ему не дѣлать, впрочемъ, никакого ему помѣшательства, но онъ не захотѣлъ никакъ на то согласиться, но, взявъ на свой коштъ землемѣра и обогативъ его мздою, велѣлъ ему наискорѣйшимъ образомъ и, не принимая никакихъ и ни отъ кого споровъ, отмежевывать, скачучи на лошадахъ, всѣ проданныя ему полосы, и размежевать за собою даже и самую ту прорѣху и находящуюся въ оной и мнѣ проданную землю.

Какъ сіе производилъ онъ уже весною и когда меня тамъ не было, то и чертилъ онъ какъ ему хотѣлось и размежевалъ за собою не только всю степь, но и превеликое множество пахатныхъ сосѣднихъ земель, а въ томъ числѣ и моей земли множество. Симъ растрогалъ онъ меня уже до крайности и принудилъ сказать опять въ межевую канцелярію и подать на него жалобу и объяснить всѣ его плутни и неправильное размежеваніе за собою безденежно всей степи, а сіе и произвело то, что межевая канцелярія принуждена была все тамошнее межеванье остановить и для полученія о всей этой степи и окрестныхъ дачъ понятія отправить уже нарочнаго казеннаго землемѣра и велѣтъ ему всю ее снять на планъ и принять всѣ какіе будутъ и отъ него споры. А сіе и производилось нѣсколько лѣтъ сряду и какъ планъ со всего тамошняго края былъ въ канцелярію представленъ, то и усмотрѣла она всѣ плутни, и Пашковъ сколько ни старался, но не могъ ничего сдѣлать, а сіе и побудило его все сіе дѣло перевести въ Петербургъ въ тогдашнюю межевую экспедицію; но которая нашла все сіе огромное дѣло столь запутаннымъ, что не знала сама какъ къ нему приступить и что сдѣлать, но, не смотря на всѣ просьбы, пронырства и домогательства Пашкова, рѣшилась послать все сіе дѣло обратно въ межевую канцелярію съ тѣмъ, чтобы она отправила оное въ тамбовскую

межевую контору и оной бы предписала рѣшить сіе дѣло на мѣстѣ по законамъ, когда по порядку дойдетъ до земель сіе дѣло. А посему то контора сія, какъ я прежде уже упоминалъ, и рѣшила сіе дѣло по самой справедливости, и какъ оказалось, что въ проданныхъ Пашкову и ему отмежеванныхъ полосахъ было отмежевано нѣсколько тысячъ десятинъ лишнихъ, то и назначила она отобрать ему только то число, сколько ему продано, а изъ излишковъ набрать проданную землю мнѣ, которая тогда же мнѣ была и отмежевана, достаточную же всю, простиравшуюся на нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, опредѣлила взять въ казну, а за неправильное завладѣніе и присвоеніе себѣ взыскать штрафъ въ казну, нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, съ Пашкова.

Симъ тогда и кончилось дѣло и я болѣе десяти лѣтъ и владѣлъ спокойно отмежеванною мнѣ землею и получалъ съ оной доходъ довольной.

Пашковъ же, будучи симъ конторскимъ рѣшеніемъ недоволенъ, подписалъ апелляцію и дѣло перешло опять въ межевую канцелярію, но и въ оной лежало до самаго сего времени безъ всякаго производства; а и въ сіе время принялась за дѣло, не потому что въ помянутой періодъ времени, по случаю переменъ правительства, явились еще нѣкоторые просители сей земли себѣ, и нѣсколькимъ дано было отъ государя Павла I-го по нѣскольку тысячъ десятинъ изъ отрѣзанной отъ Пашкова, и канцеляріи нельзя было сихъ удовлетворить, не рассмотрѣвъ рѣшенія конторскаго и не войдя во все дѣло сіе въ подробность. Вотъ въ какомъ положеніи находилось сіе дѣло; но какъ между тѣмъ въ межевой канцеляріи всѣ члены и присутствующіе были уже не прежніе, а совсѣмъ иные, то и опасались оба мы съ сыномъ, чтобъ сіи изъ похлебства г. Пашкову не перевертали всего конторскаго рѣшенія, и не подблали-бъ по страстию какихъ нибудь намъ пакостей и не лишили-бъ насъ намъ отмежеванной и владѣмой нами земли, а сіе всего легче могло произойти, если не предупредить и не отвратить зла сего какимъ нибудь образомъ. Для самого себя и слѣшилъ я тогда ѣхать въ Москву, съ намѣреніемъ употребить все, что только можно будетъ для удержанія за собою толико важной и необходимо нужной и надобной земли, безъ которой вся наша

тамошняя деревня очень малаго стоила, а съ нею сдѣлалась капитальною и довольно доходною.

Я отправился изъ деревни моей въ сей путь 25-го августа съ намѣреніемъ заѣхать къ родственнику тещи моей и старинному нашему знакомцу и другу Ивану Афанасьевичу Арцибывшеву, живущему въ Серпуховскомъ уѣздѣ, версть съ 15 отъ сего города. Онъ просилъ меня, чтобъ къ нему въ сей разъ на перепутьи заѣхать, и прислалъ даже человѣка, которому показать мнѣ въ селеніе его дорогу. Начало путешествія сего сопряжено было съ той непріятностью, что въ самое то время случилась ненастная дождливая погода, но какъ ни грязно было ѣхать, но я доѣхалъ до обителища нашего родственника довольно еще рано и, ѣдучи мимо церкви ихъ прихода, засталъ самого его въ оной, дослушающаго обѣдню, и такъ успѣлъ и я еще застать кончикъ оной. По окончаніи же божественной службы ходили мы съ нимъ смотрѣть вновь построенную имъ церковь, и я далъ ему совѣтъ какъ подвести подъ нее каменной цоколь. Отъ церкви до его дома было не очень близко, и я, по просьбѣ его, согласился доѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ на его дрожкахъ, но скоро раскаялся въ томъ, ибо вдругъ припустилъ на насъ пресильной дождь и измочилъ обоехъ насъ до чрезвычайности. Я обѣдалъ и достальное время дня сего препроводилъ у него, въ Воскресенкахъ, и былъ угощеніемъ его очень доволенъ. Онъ дожилъ почти до старости, будучи не женатымъ, построилъ себѣ хотя изрядной домикъ, но жизнь велъ уединенную и хлопотливую и совѣмъ почти странную. Онъ имѣлъ у себя хотя и денежки, но заботился непрерывно о приумноженіи своего достатка и вмѣсто того, что старость свою проживать въ покоѣ, проводилъ ее въ непрерывныхъ хлопотахъ и заботахъ, и то и дѣло ѣзжалъ и на чемъ же—на дрожкахъ въ Москву и тамъ строилъ постоянные дворы для отдачи ихъ въ наймы.

Я не могъ всему тому и всему образу его жизни довольно удивиться и, переночевавъ у него, хотѣлъ было по утру продолжать путь свой далѣе, но онъ убѣдилъ меня просьбою остаться у него обѣдать, на что я тѣмъ охотнѣе согласился, что продолжалось все еще ненастье,—которое продолжалось и послѣ обѣда и помочило насъ довольно въ дорогѣ, и мы, ѣдучи очень грязною дорогою, едва успѣли доѣхать ночевать до Молодей. Симъ

знаменитымъ селомъ владѣлъ тогда славный богатъ и экономъ Степанъ Егоровичъ Кроткой, — разбогатѣвшей дружно чрезъ употребленіе въ свою пользу огромнаго хлѣбнаго магазина, запасеннаго еще Пугачевымъ, въ его низовой деревнѣ и попоимкѣ овагс—у него (Кроткого) въ деревнѣ оставшаго. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на всѣ его въ семь селеніи строенія, заведенія и разныя украшенія, и наслышался жалобъ на него крестьянъ, взмученныхъ множествомъ земляныхъ и другихъ работъ. Переночевавъ въ семь селѣ и обрадовавшись, что погода переимѣнилась и возстановилась опять ясная, продолжали мы свой путь далѣе и по грязной еще дорогѣ дотащились кое какъ до Молодецъ и, выкормивъ тутъ лошадей, успѣли еще въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхать до Москвы.

Подъѣзжая къ сей древней нашей столицѣ и матери всѣхъ русскихъ городовъ и смотря на нее, говорилъ я самъ въ себѣ: о Москва! Москва! въѣзжаю я въ тебя съ безпокойнымъ и смущеннымъ духомъ! и съ какимъ то я изъ тебя выѣду! обрадуешь ли ты меня, или опечалишь!

Я и дѣйствительно озабоченъ былъ тогда множествомъ непріятныхъ обстоятельствъ. Во всей оной не было у меня никакихъ такихъ друзей и знакомцевъ, отъ которыхъ могъ я ласкаться надеждою полученіемъ какой нибудь въ дѣлѣ моемъ помощи; во всей оной не было кромѣ трехъ домовъ мнѣ сколько нибудь дружныхъ и знакомыхъ, а именно: домъ г. Крюкова, Александра Степановича, домъ тетки моей, Катерины Петровны Арсеневой, и домъ брата ея, Андрея Петровича Давыдова, но отъ нихъ всего менѣе могъ я ожидать какого нибудь себѣ пособія; что-жъ касается до межевой канцеляріи, то во всей оной не было тогда у меня ни изъ судей, ни изъ секретарей, ни изъ канцелярскихъ служителей никого знакомаго, ибо, вмѣсто всѣхъ прежнихъ, были уже совсѣмъ иные люди. Итакъ, единая и наиглавнѣйшая надежда моя была на покровительствующаго всегда мнѣ Господа Бога, съ упованіемъ на котораго я и въѣхалъ тогда въ нашу старушку Москву.

Я остановился въ присканной повѣренными нашимъ, пріѣхавшими прежде меня уже въ Москву, квартирѣ, въ задней пристройкѣ дома Якова Ивановича Басаргина въ Зарядьѣ. Я ни мало не медля приступилъ тотчасъ во всѣмъ по моему дѣлу

хлопотамъ я всѣ четыре первые дня провелъ въ непрерывномъ почти рысканьи и раз'ѣздахъ по Москвѣ и въ свиданіяхъ съ людьми для меня нужными, и какъ обо всемъ происходившемъ въ теченіи сихъ дней писалъ я 1-го сентября въ подробности къ моему сыну и въ письмѣ моемъ изобразилъ все тогдашнее мое положеніе и въ какомъ душевномъ смущеніи и разстройкѣ мыслей я находился, и куда, и куда именно ѣздилъ, то для объясненія всего того и помѣщу я письмо оное.

Изъ Москвы, сентября 1-го дня 1799 года.

„Другъ мой Павелъ Андреевичъ! Изъ послѣднихъ моихъ писемъ, посланныхъ къ тебѣ изъ Дворянинова и въ Ламби и въ Гнилое болото на-удачу, гдѣ тебя найдуть, знаешь уже ты, какое помѣшательство произошло въ производствѣ намѣренія нашего въ разсужденіи ѣзды нашей въ тамбовскую нашу деревню, а именно: то неожиданное обстоятельство, что межевое наше дѣло въ Москвѣ начали слушать, и я писалъ уже къ тебѣ о моемъ опасеніи, что не будетъ ли надобности ѣхать мнѣ въ Москву; а какъ теперь пишу къ тебѣ уже изъ сей столицы, то ты видишь, что я уже въ ней, и что обстоятельства, дѣйствительно, принудили меня, оставивъ всѣ свои нужды и надобности, ѣхать сюда. И слава Богу, что я и рѣшился сюда отправиться, дабы лично узнать обстоятельство нашего дѣла, а не положился на слова нашего повѣреннаго, который ни уха, ни рыла не смыслить и котораго здѣсь и въ пару (?) не видать, а въ межевой, не только куда далѣе, но и въ подъяческую не пускають. Итакъ, скажу тебѣ, что, отправившись изъ деревни еще 25-го августа, за сдѣлавшимся вдругъ превеликимъ ненастьемъ и испортившеюся дорогою, на-силу, на-силу на третій день къ вечеру въ Москву пріѣхалъ и, остановившись въ домѣ Я. И. Басаргина, по сіе время по Москвѣ все мычусь и раз'ѣзжаю, и на квартирѣ только что ночую, а теперь пріѣхалъ нарочно поранѣе домой, чтобъ все достальное время дня сего употребить на написаніе къ тебѣ въ оба мѣста, гдѣ я теперь тебя быть думаю, то есть въ Ламби и Паники, писемъ, къ чему теперь и приступаю.

Съ особеннымъ и чувствительнымъ прискорбіемъ скажу тебѣ, мой другъ, что дѣло наше нашель я здѣсь гораздо въ худшихъ

обстоятельствахъ, нежели я думалъ и ожидалъ. Его, дѣйствительно, начали слушать и почти все прослушали и я подоспѣлъ точь въ точь къ самому важнѣйшему пункту времени, то есть къ его рѣшенію, и очень радъ уже тому, что осталось еще столько до рѣшенія времени, что можно мнѣ было еще успѣть познакомиться нѣсколько съ межевными судьями и узнать въ какомъ оно положеніи и къ чему наклонны господа рѣшители жребія нашего. Словомъ, я никакъ не ожидалъ и не думалъ, чтобъ оно могло быть въ такомъ пакостномъ и опасномъ для насъ положеніи!

Коротко, я увидѣлъ, что великая наклонность господъ судей даже къ тому, чтобъ всю нашу покупку уничтожить и кассировать, и, оставивъ насъ при одной нашей дачной ничего незначащей земли, всюю огромною степью подарить нынѣшняго г. Пашкова (который будучи не таково скупъ, какъ покойникъ нашъ прежній соперникъ, а еще богатѣе его, для насъ несравненно опаснѣе онаго), утвердивъ, что будто все это его дачная, и что будто тутъ нѣтъ никакой дико-порожней государственной земли. А что всего удивительнѣе, то сдѣланъ такой плутовской подборъ, что легко даже можетъ сіе и стать и имъ такъ рѣшить это дѣло и можно, и все рѣшеніе конторское перевернуть и уничтожить. Они даже поднимаютъ оное на смѣхъ и надъ рѣшеніемъ симъ насмѣхаются. Вотъ каковы нынѣ у насъ дѣла, а мнѣ казалось всегда, да и нынѣ кажется, что контора разобрала все это дѣло очень основательно и рѣшила правильно и свято! Но въ глазахъ госпожи канцеляріи оно ни къ чему не годится. Она съ особливимъ тщаніемъ выискиваетъ всѣ малѣйшія ея упущенія въ рѣшеніи, и старается изъ каждой мухи дѣлать слона, дабы только, привязавшись къ тому, можно было имъ сіе дѣло перевернуть и рѣшить по своему, а какъ—того они сами еще не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ, то по всему тому легко ты можешь заключить, каково мнѣ было, при узнаніи о всѣхъ сихъ принятыхъ обстоятельствахъ. Я смутился чрезвычайно, и было отчего смутиться. Удержаніе за собою нашей покупной и уже намъ было отмежеванной земли, какъ ты самъ знаешь, для насъ превеликой важности. Что наша вся деревня безъ нея? ничего почти не будетъ значить!—почему не сомнѣваюсь, что и тебя сіе не менѣе смутитъ, какъ и меня,

а что всего хуже, то съ прискорбіемъ и огорченіемъ душевнымъ тебѣ скажу, что и теперь еще духъ мой не успокоенъ, и я нахожусь въ мучительной неизвѣстности о томъ, что воспослѣдуетъ и чѣмъ все сіе дѣло кончится. Предвижу только то, что предстоитъ намъ еще множество хлопотъ и убытковъ значительныхъ, и въ разсужденіи сихъ еще хорошо бы, еслибъ они не пропали, а пошли въ тузъ. Бѣды! когда бѣда сія и на деньги еще не пойдетъ, а когда бы пошло, то куда бы уже не шло, земля не того стоитъ, а спокойствіе на вѣкъ всего дороже!

Разсказавъ вратцѣ объ обстоятельствахъ сего проклятаго дѣла, разскажу теперь тебѣ подробнѣе обо всемъ, что успѣть я могъ по сіе время сдѣлать. Какъ пріѣхалъ я въ Москву къ праздничнымъ и неприсутственнымъ днямъ, то употребилъ я сіе время на то, чтобъ спознакомиться мнѣ съ важнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ изъ господъ судей, господиномъ Пименовымъ. Но особливому для насъ счастьемъ случилось то, что онъ шурина Барнашову, а Барнашовъ знакомъ какъ-то нашему Андрею Михайловичу, и общему нашему съ нимъ повѣренному покровительствовалъ. Итакъ, прежде всего, адресовался я къ сему г. Барнашову и повѣренный нашъ привезъ меня въ домъ къ нему. Онъ принимаетъ меня очень хорошо и ласково, человѣкъ предоброй и любезной (но помни, что онъ былъ до сего въ межевой секретаремъ, а теперь секретаремъ въ ратгаузѣ московскомъ), но какъ бы то ни было, но я прошу его, чтобъ онъ рекомендовалъ меня своему шурина, и чтобъ доставилъ мнѣ съ нимъ свиданіе. Онъ это одолженіе и сдѣлалъ, и чрезъ него назначенъ мнѣ былъ день и часъ, когда бы мнѣ къ нему пріѣхать для переговоровъ и объясненія.

Всѣ мнѣ рекомендуютъ и хвалятъ сего господина Пименова и говорятъ, что онъ доброй человѣкъ, но узналъ же я стороною и то, что онъ и хапуга, любить и взять, но свои глаза паче слуха и видѣнья! День и часъ, назначенной для свиданья, наступилъ: я ѣду къ нему, но отъ воротъ чуть было не принужденъ былъ ѣхать, удивившись, назадъ, услышавъ, что его нѣтъ дома,—но на счастье оказалась это неправда, а онъ былъ дома и изволилъ только сидючи въ креслахъ почивать! и по счастью стукъ, произведенной каретою моею предъ окномъ его, разбудилъ его, и онъ поспѣшилъ выслать звать меня къ себѣ, велѣвшаго было

каретъ оборачиваться уже назадъ. Вхожу! принимаетъ меня какъ бы давно знакомаго, ласково, пріятно, дружелюбно, словомъ, милой и любезной человѣкъ. Я, кланяясь ему, упрашиваю быть къ намъ благосклоннымъ, употребляю всевозможнѣйшее краснорѣчіе и слышу увѣренія за увѣреніями, что готовъ намъ служить душою и сердцемъ. Но я всему тому худо очень вѣрю, но пользуюсь благосклоннымъ его пріемомъ, сажусь и, мало-помалу, вхожу въ дѣло и въ объясненіе онаго. Приносится бывшій со мною планъ, сфоцированный еще въ конторѣ со всего сего спорнаго дѣла, говоримъ и разговариваемъ дѣлѣй почти часть. Я представляю всѣ свои справедливости, а онъ изъясняетъ мнѣ все противное тому, и все то, что для насъ крайне невыгодно и непріятно. И не смотря на то, какъ онъ ни знающъ въ сихъ дѣлахъ и какъ тонко ни знаетъ всѣ обстоятельства нашего дѣла и какъ ни старался умащивать и умазывать всѣ слова свои яркими красками, но я проникалъ всѣ плутовскіе ихъ замыслы, и что у нихъ есть на умѣ сдѣлать,—но какъ бы то ни было, но онъ разстался со мною съ увѣреніемъ служить мнѣ сколько можетъ, и что дѣло наше въ сію недѣлю сужденіемъ вѣрно кончится. На вопросъ же мой, могу-ль я хотя нѣсколько ласкаться надеждою, увѣрилъ онъ, что увѣдомить меня о томъ чрезъ Дмитрія Гавриловича, то есть г. Барнашова, совѣтуя при томъ, чтобъ я между тѣмъ попросилъ и другихъ судей, а именно: главнаго и перваго члена Якова Федоровича Апрелева и третьяго члена Василья Федоровича г. Григоровича. Итакъ, спознакомившись съ симъ, поѣхалъ я на другой день отъискивать тѣхъ. Тутъ надлежало мнѣ изъ одного угла Москвы скакать на другой конецъ и успѣвать утромъ заставать дома. Одного и меньшаго засталъ, а другаго и главнаго уже не засталъ,—проѣзжаю въ межевую, тутъ никто мнѣ знакомъ! никто не глядитъ, не смотритъ, ни повытчиеть, ни секретарь. Надобно было и того, и другаго задобривать и заставлятъ смотрѣть на себя ласковѣе! тому совъ, другому совъ въ руки, и стали ласковѣе и пріятнѣе. Секретарь Горчаковъ—старичишка и точно Гурковъ нашъ, и связываютъ плуть и негодай! Повытчиеть малой молодой и, кажется, лучше. Въ разсужденіи сего за данныя деньги, по крайней мѣрѣ, воспользовался я тѣмъ, что удалось мнѣ заглянуть во всѣ бумаги и матеріалы, приготовленные

для рѣшенія и разсмотрѣнія дѣла, и тутъ то я въ нѣсколько минутъ увидѣлъ все существо всѣхъ апелляцій и все, и все и всѣ ихъ плутни и закорючки и крючки дьявольскіе и ужаснулся даже, увидѣвъ ясно всю опасность нашего дѣла. Между тѣмъ въ судейской слушали наше дѣло, это было вчера, а сегодня какъ свѣтъ и гораздо поранѣ, ну-ка я опять за Сухареву башню и на конецъ Москвы въ г. Апрелеву и думаю: ну теперь вѣрно застану дома, но что-жъ, и дома, а выслалъ сказать, что нѣтъ дома, что ты изволишь? Итакъ, по сіе время я его еще не просилъ, Богъ его знаетъ, что то не пустилъ предъ себя. Однако, его сегодня и въ межевой не было, но дѣло продолжали слушать и безъ него. Я былъ опять въ межевой, и ничего нѣтъ скучнѣе какъ быть въ ней по пустывамъ. Пименовъ увѣрилъ меня, что дѣло кончится вѣрно на нынѣшней недѣлѣ сужденіемъ, секретарь увѣряетъ тоже, но недѣли сей остался одинъ только завтрашній день, а дѣло еще не все прослушано, хотя и осталось его мало. Но какъ бы то ни было, но не уповаю я, чтобъ могло оно завтра кончиться, а тамъ придетъ суббота, воскресенье и понедѣльникъ, всѣ три неприсутственные дни; вотъ какое горе! необходимо бы надобно да и хотѣлось бы мнѣ дожидаться положенія мнѣнія или самаго начальнаго рѣшенія, но теперь и Богъ знаетъ когда это будетъ! — Какъ вчера видѣлся я съ Иваномъ Афанасьевичемъ Арцибышевымъ, пріѣхавшимъ также въ Москву, и съ нимъ говорилъ о семъ дѣлѣ, то совѣтовалъ онъ мнѣ адресоваться прямо къ Пименову съ посуломъ, а безъ того дѣло не обойдется. Вижу я и самъ, что онъ говорить правду. И такъ, я сегодня нѣкоторымъ образомъ и учинилъ тому начало. Повидавшись съ Барнашовымъ, просилъ его увѣрить своего родню, что я ему, по мѣрѣ его къ намъ добродѣянія, вѣрно служить буду. Онъ и взялся это сдѣлать, Богъ знаетъ что-то будетъ! — Завтра спрошу его о томъ, и .буде услышу, что общаетъ сдѣлать, то и не для чего мнѣ будетъ долѣе здѣсь жить и проживаться по пустому, а можно будетъ мнѣ и домой ѣхать,—Барнашовъ то-же говоритъ. Завтрашній день скажетъ мнѣ, жить ли мнѣ еще здѣсь нѣсколько дней, или ѣхать на время и до рѣшенія домой, оставивъ повѣреннаго дожидаться до самаго рѣшенія и подписанія опредѣленія, что, какъ ни верти, не скоро еще воспослѣдовать можетъ.

Вотъ тебѣ реляція и реляція неприятная и такая сама собою тебѣ уже докажетъ, что по всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ намъ и мыслить о томъ не можно, чтобъ въ нынѣшнюю осень въ Тамбовъ ѣхать!—не до ѣзды теперь туда, а нужно будетъ дожидаться рѣшенія, и быть всякую минуту наготовѣ скакать опять въ Москву, для подписки удовольствія или неудовольствія, и чтобъ не упустить семидневнаго срока. Чтобъ положиться въ семь случаѣ на повѣреннаго—о томъ и мыслить не можно, не его это дѣло, чтобъ понять смыслъ будущаго рѣшенія, а онъ можетъ только служить увѣдомителемъ. И такъ, какъ намъ можно отлучиться вдаль и чрезъ то подвергнуть себя опасности проронить важнѣйшее для насъ дѣло?—А посему, мой другъ, располагайся и ты своею ѣздою и тебѣ надобно будетъ возвращаться уже домой!—Ежели мнѣ можно будетъ и не будетъ необходимой надобности дожидаться вторника или среды, то я въ субботу или воскресенье поѣду домой, и тотчасъ оттуда поспѣшу ѣхать въ Ламби, чтобъ тамъ побывать и скорѣй домой опять возвратиться, для ожиданія извѣстія изъ Москвы. И теперь я уже не знаю гдѣ мы съ тобою съѣдемся и когда увидимся, всѣ мысли мои теперь спутаны. Къ несчастью, не знаю я, что теперь и въ Ламбахъ происходитъ и все ли тамъ и дома здорово? Впрочемъ, скажу тебѣ, что мнѣ хотя и убыточно здѣсь жить, но дальней скуки я не видѣлъ—былъ въ превеликихъ разъѣздахъ, то туда, то сюда, и всѣми своими знакомцами доволенъ. Вездѣ мнѣ рады, а болѣе всѣхъ Александръ Степановичъ Крюковъ, другъ сердечный! Сегодня я обѣдалъ, и гдѣ жъ? у Андрея Петровича Давыдова, на Гороховомъ полѣ, а вчера, ѣдучи отъ Апрелева, заѣзжалъ къ знакомцу и сосѣду твоему Семеву Александровичу Неплюеву. Какой это милой и любезной человѣкъ, и достойной вельможа и бояринъ! какъ это онъ меня принималъ, какъ обласкалъ! какъ благодарилъ за твое съ нимъ знакомство, какъ тебя хвалить, и какъ просилъ, чтобъ я къ тебѣ отписалъ, что онъ тебя помнитъ, къ тебѣ изъ Москвы писалъ и хвалится твоею дружбою. Я не преминулъ довести рѣчь до межеваго нашего дѣла. Онъ и самъ вызвался и, спросивъ, обѣщалъ помочь намъ въ семь случаѣ. Однако, я не думаю, чтобъ могло изъ сего что нибудь выйти; хотѣлъ онъ поговорить бывшему директору надъ межевою, Мамонову,

чтобъ онъ призвалъ судей межевыхъ и поговорилъ; это далека пѣсня, а лучше когда-бъ онъ поговорилъ Апрелеву, который ему знакомъ, и того-бъ отъ него довольно!

Звалъ меня прїѣхать когданибудь къ нему обѣдать, и какъ спѣшилъ онъ ѣхать въ сенатъ, то и недолго продолжалось наше свиданіе и Богъ знаетъ удастся ли ему чтонибудь намъ въ пользу сдѣлать. Тамъ не просьбы, а денежки надобны! и наше особенное несчастіе, что замѣшались въ наше дѣло тузы и богачи, какъ, напримѣръ, Пашковъ, оба Архаровы, генераль Арбеневъ, Молчановъ и нѣкоторые другіе. Никто такъ недогаденъ, какъ Архаровы, по ненасытной и безстыдной алчности своей.

Будучи недовольны милостію государскою и тѣмъ, что пожаловано имъ, Богъ знаетъ за что, такое огромное казенное село, каково Разказово, въ которомъ 30 тысячъ десятинъ земли и побольше, нежели по 15 десятинъ на душу по третьей ревизіи, совѣстнѣйшимъ образомъ требуютъ и хотятъ, чтобъ имъ изъ нашей степи прибавлено было еще безденежно 9 тысячъ десятинъ и сдѣлано тѣмъ по 15 десятинъ на душу по 5 ревизіи? Не говори: какъ это можно! нынѣ все возможно и ничего невозможнаго нѣтъ.

А. Арбеневъ, узнавъ, что по конторскому рѣшенію множество земли назначено отрѣзать отъ Пашкова въ казну, выпросилъ также у раздающаго всѣмъ и всѣмъ и ни за что, ни про что казенныя земли, села и деревни государя нѣсколько тысячъ десятинъ изъ нашей степи, и требуетъ также, чтобъ оныя ему были даны, а съ такими же просьбами нѣкоторые другіе къ канцеляріи межевой приступаютъ, и она и не знаетъ что и дѣлать съ ними, а то-то самое меня и устрашаетъ и нагоняетъ страхъ и ужась; что-жъ касается до нынѣшняго Пашкова, то сей по всѣмъ отношеніямъ еще хуже П. Егоровича, и съ сямъ богачемъ, какъ съ чертомъ, не сладись. Словомъ, все и все въ такомъ критическомъ положеніи, и чудо будетъ, если обойдется дѣло безъ дальнѣйшей апелляціи, когда не отъ насъ, такъ отъ когонибудь изъ нихъ, ибо какъ ни верти, и какъ судьямъ ни хотѣлось бы всѣхъ удовольствовать, но никакъ будетъ не можно. Претензіи то противоположныя и прихоти неограниченныя и безстыднѣйшія въ свѣтъ, и все дѣло такъ запутано, что въ самомъ дѣлѣ трудно будетъ его рѣшить, не сдѣлавъ

никому неудовольствія, и Боже сохрани и спаси насъ отъ апелляціи дальнѣйшей! нынѣ онѣ всѣ со штрафами и съ заплаатою по рублю за десятину, а съ судей только по 10 копѣекъ—пропорціональность изрядная!!!

Болѣе сего писать теперь некогда и нечего, всего не переговоришь и не перескажешь, почему и окончу письмо сіе сердечнымъ пожеланіемъ.... „и прочая, и прочая.

Написавъ сіе письмо къ сыну моему, не зналъ я куда мнѣ его адресовать и съ какою почтою и по какой дорогѣ отправить, по Орловской ли въ Кромы или по Рязанской въ Донковъ для пересылки въ Паники, въ домъ тестя сына моего г. Опанина, ибо не зналъ, по какой дорогѣ предприметь сынъ мой обратную свою ѣзду ко мнѣ и прямо ли поѣдетъ ко мнѣ чрезъ Тулу, или расположится ѣхать прямою дорогою въ Паники, и застанетъ ли или уже не застанетъ письмо сіе его въ Орловской ихъ деревнѣ. Находяся въ семъ недоумѣніи и полагая почти навѣрное, что онъ находился уже въ дорогѣ и изъ дома своего выѣхалъ и, придерживаясь болѣе того мнѣнія, что поѣдетъ онъ по Тульской дорогѣ и, не доѣзжая до Тулы, заѣдетъ къ зятю моему Воронцову въ Головлино и тутъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ въ Москву, проѣдетъ въ Ламки и тамъ будетъ приѣзда моего дожидаться, рѣшилъ я адресовать письмо сіе въ Богородицкѣ, для доставленія къ зятю моему Шишкову въ Ламки, и отправить оное вмѣстѣ съ письмомъ къ женѣ моей съ воронежскою почтою. А на случай, если сынъ мой поѣхалъ прямою дорогою въ Паники, написать къ нему другое письмо, хотя таковое же, но сокращеннѣйшаго содержанія, и для скорѣйшаго его о себѣ увѣдомленія отправить оное по тамбовскому тракту чрезъ Рязань и Донковъ и въ Паники, къ чему тотчасъ и приступилъ и на утрѣ же оба сіи письма, заѣхавъ въ почтовый домъ, и отдалъ самъ, и изъ нихъ послѣднее было и счастливѣе перваго, ибо по стеченію обстоятельствъ сынъ мой получилъ оное и читалъ шесть днями прежде перваго.

А симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ происшествіяхъ письму, за симъ послѣдующему, остаюсь вашъ—и прочая.

Писано сіе 21-го мая 1821 г., въ Дворяниновѣ.

Мой другъ! Между тѣмъ какъ почта мои (письма) развозила, продолжалъ я, съ смущеннымъ и безпокойнымъ духомъ, мыкаться и разъѣзжать изъ одного края Москвы до другаго, и домогаться какой-нибудь себѣ отрады, и какъ главнѣйшая моя забота была побывать у самого перваго члена межевой канцеляріи г. Апрелева, то чтобъ застать его дома и опять за Сухареву башню не проѣздить по пустому, всталъ я, 2-го числа сентября, уже поранѣе и пустился за Сухареву башню, гдѣ находился, и въ сей разъ былъ счастливѣе прежняго. Онъ принялъ меня и я говорилъ съ нимъ много о своемъ дѣлѣ, но словами его не былъ я ни мало утѣшенъ, а приведенъ былъ еще въ пущее сомнѣніе. Онъ проболтался мнѣ въ своихъ замыслахъ, и я явно усмотрѣлъ величайшую всѣхъ ихъ наклонность къ сдѣлавію крайней несправедливости и плутовства и для Пашкова возможнѣйшихъ натяжекъ. Чтобъ доставить ему всю нашу огромную степь во владѣніе и ею его, такъ сказать, подарить, и затѣвали они уничтожить всѣ покупки изъ сей степи и утвердить несправедливѣйшимъ образомъ, что будто тутъ вовсе нѣтъ никакой дикопорожней государственной земли, а сіе меня всего болѣе утешало. Я не сомнѣвался въ томъ, что всѣ они задобрены были либо великими обѣщаніями, либо и самими уже деньгами отъ Пашкова, и отчаявался уже въ успѣхѣ своего дѣла, и тѣмъ паче, что всѣ мои небольшіе посулы за справедливое рѣшеніе моего дѣла ничего не будутъ значить противъ подарковъ или посуловъ богача Пашкова, которому и было за что многими тысячами жертвовать, ибо степь стояла, почитай, милліонъ. И такъ не получивъ отъ г. Апрелева никакой отрады, поѣхалъ я отъ него въ смущеннѣйшемъ состояніи моего духа. Заѣхавъ на почтовой дворъ для отдачи своихъ писемъ и для взятія тѣхъ, кои были ко мнѣ, проѣхалъ въ межевую и, дождавшись какъ начали дослушивать наше дѣло, которому слушанье надлежало въ сей день кончиться, и какъ продолжалось сіе и мнѣ не хотѣлось потерять всего утра, поѣхалъ я отыскивать деревенскаго моего сосѣда старика, князя Ивана Романовича Горчакова, которой женатъ былъ на сестрѣ гремящаго тогда въ свѣтѣ, героя нашего Суворова; и какъ мужъ и жена были мнѣ издавна уже знакомы, то оба они были мнѣ очень рады и посѣщеніемъ моимъ довольны, и просили меня, чтобъ я на утріе пріѣхалъ

къ нимъ обѣдать. А въ этотъ день обѣдалъ я у друга своего Александра Степановича Крюкова, котораго ласкою и пріязнію былъ я отмѣнно доволенъ и охотно обѣщалъ пріѣзжать къ нему какъ можно чаще и провождать у него все праздное мое время, а для меня сіе было и очень встати. Я былъ у нихъ въ домѣ какъ бы у родныхъ своихъ, и мнѣ не было никакъ у нихъ скучно, почему и все достальное время того дня провелъ я у нихъ въ домѣ.

Въ наступившей за симъ день, которой былъ субботней и не присутственной, поѣхавши по обѣщанію моему къ князю Горчакову обѣдать, заѣзжалъ я на минуту въ межевую, для узнанія—окончено ли слушаніе нашего дѣла, но не могъ никакого толку добиться. Князь и княгиня Горчаковы были мнѣ опять очень рады, и я угощеніемъ ихъ былъ очень доволенъ, а того болѣе тѣмъ, что послѣ обѣда случилось мнѣ тутъ видѣть самую жену Суворова, нововспеченную свѣтлѣйшую княгиню и принцессу Савойскую, а отъ нихъ заѣхалъ я опять къ другу моему Крюкову и провелъ у него все достальное время того дня съ удовольствіемъ.

Какъ послѣдующей за симъ день былъ воскресной и гулевой и никакихъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ не производилось, то на досугѣ, повидавшись съ знакомцемъ моимъ, держателемъ тогдашнимъ университетской типографіи Поповымъ, пріѣзжавшимъ нарочно ко мнѣ по утру, поѣхалъ я обѣдать къ другу моему А. С. Крюкову и имѣлъ удовольствіе получить отъ него письмо отъ сына моего, на его имя адресованное. Письмо сіе писано было имъ уже изъ Ламокъ, 30-го августа, и чрезъ оное узналъ я, что онъ, не дождавшись увѣдомленія моего о нечаянной ѣздѣ моей въ Москву, отправился съ женою своею изъ деревни ихъ по Тульской дорогѣ, и по пріѣздѣ своемъ къ сестрѣ своей Настасѣ въ Головлино, поразился, узнавъ, что меня нѣтъ въ деревнѣ и что я уѣхалъ въ Москву. Почему и не сталъ онъ слѣпить ѣздою своею къ намъ, а заѣхалъ къ другой сестрѣ своей Елисаветѣ въ Ламки, гдѣ нашелъ ее родившею дочь, но оной, въ восьмой день послѣ родовъ, и лишившеюся, что туда пріѣхали и родные его Ошанины изъ Паникъ и третья сестра его Ольга съ своимъ мужемъ и что онъ, повидавшись со всѣми ими, расположился воспользоваться тѣмъ временемъ, покуда я

возвращусь изъ Москвы, и поѣхать вмѣстѣ съ родными его Ошаниными въ Паники, въ домъ къ своему тестю, на короткое время, а оттуда, возвратившись въ Ламки, ѣхать уже въ мою деревню къ своей матери и тамъ возвращенія моего изъ Москвы дожидаться.

Возвращаясь къ повѣствованію моему, скажу, что вмѣстѣ со мною случилось тогда обѣдать у г. Крюкова Петру Дмитріевичу Хвощинскому и за обѣдомъ дошла какъ то рѣчь до моего лекарственнаго камня и удивительнаго его дѣйствія отъ каменной и многихъ другихъ болѣзней, и г. Хвощинской рассказываль, что есть у него одинъ знакомой человѣкъ, а именно богатой московской купецъ Демидъ Демидовичъ Мещаниновъ, страждущей каменною болѣзнію и находящейся отъ ней въ жалкомъ положеніи. При семъ случаѣ родилась во мнѣ мысль и желаніе услужить изъ одинаго человѣволюбія человѣку сему моимъ камнемъ.

Г. Хвощинской брался хотя оной ему доставить, но какъ порошка сего камня со мною тогда не было, а былъ онъ со мною запасной на моей квартирѣ, то посредство г. Хвощинскаго показалось мнѣ продолжительно, а располагался я самъ къ нему съ тѣмъ адресоваться и чрезъ то имѣть случай съ нимъ богатымъ домомъ познакомиться, почему, возвратясь на свою квартиру по утру, и отправилъ я повѣреннаго своего Федю отыскивать домъ г. Мещанинова и ему сказать, что какъ мнѣ случилось узнать, что онъ страдаетъ каменною болѣзнію, а у меня есть вѣрное и уже безчисленному множеству людей помогшее отъ сей болѣзни лекарство, то если ему угодно будетъ, такъ бы я ему оное доставилъ. Федя мой дѣло сіе и исправилъ, но въ отвѣтъ велѣно ему сказать, что онъ пришлетъ, когда ему будетъ надобно, а теперь де ѣдетъ онъ въ свою деревню. Отвѣтъ сей принялъ я равнодушно и, переставъ о томъ думать, поѣхалъ въ соборъ къ обѣднѣ помолиться къ Господу и попросить его о вспоможеніи мнѣ въ тогдашнихъ моихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, а послѣ обѣдни расположился я проѣхать къ теткѣ моей, г-жѣ Арсеневой, обѣдать, а по дорогѣ, ѣдучи къ ней, заѣхать въ домъ къ сыну ея, а моему внучатному брату Ивану Тарасьевичу Арсеневу, съ которымъ я до того времени еще не видался, и тутъ, во время стоянія моего противъ его дома,

случилось со мною странное и такое происшествіе, которому я не могъ довольно начудиться, и ничему иному не приписывалъ, какъ особенному дѣйствию певущаго о пользѣ моей Божественному Промыслу и явному и скорому услышанію Господомъ моего къ Нему моленія и слѣдствію единственнаго моего на Него упованія и надежды на Его помощь. О удивительномъ семъ происшествіи вотъ что писалъ я къ моимъ роднымъ въ письмѣ моемъ, посланномъ къ нимъ чрезъ два дни послѣ того, при моемъ изъ Москвы отъѣздѣ. Описавши имъ всѣ тогдашнія мои хлопоты и смутное мое положеніе, писалъ я къ нимъ слѣдующее:

„Странной и прямо удивительной случай со мною случился! Въ самое то время, когда по свиданіи со всѣми судьями отъ всѣхъ ихъ получилъ я только пустые комплименты и почти явной отказъ, и когда приведенъ я былъ въ крайнее опасеніе, чтобъ не лишиться всей купленной земли, что хорошохонько бы и послѣдовало, если-бъ я не пріѣхалъ и хотя бы нѣсколько дней опоздалъ, и когда не зналъ—что начать и дѣлать, и какъ и черезъ кого бѣ испытать и поправлять дѣло сіе денежною молитвою, ибо и то мудрено было и ненадежно. Въ самое сіе смутное для меня время случилось мнѣ ѣхать по улицѣ и остановиться противъ одного дома, и послать человѣка спрашивать дома ли хозяинъ, тутъ, гдѣ ни возьмись, одинъ человѣкъ, идущей на встрѣчу и узнавшей меня, заглянувъ въ карету, онъ останавливается позадь кареты, дожидается моего человѣка, спрашиваетъ у него подлинно ли то я и останавливаетъ меня, хотѣвшаго ѣхать далѣе, ибо хозяина того дома не случилось быть дома, сего же человѣка я вовсе и не примѣтилъ. Человѣка сего послалъ ко мнѣ истинно самъ Богъ на вспоможеніе. Я о немъ, а онъ обо мнѣ вовсе не зналъ, что оба мы въ Москвѣ, а что того удивительнѣе, то я желалъ, чтобъ онъ на ту пору случился въ Москвѣ, а онъ самого того же желалъ въ разсужденіи меня.—Ба! ба! ба! откуда ты взялся, мой другъ, воскликнулъ я, его увидѣвъ и узнавъ, и какъ ужасно я радъ тому, что тебя здѣсь вижу!—А я столько же радъ, нашедъ васъ, сказалъ онъ, и тужилъ ужасно, что васъ здѣсь нѣтъ. Словомъ, встрѣча сія была для меня крайне удивительна, а сдѣлалась и полезною, ибо случись же такъ, что этотъ человѣкъ былъ самой тотъ секретарь Морозовъ, которой ворочалъ всею тамбовскою

межевою конторою и котораго, по дружбѣ и благосклонности ко мнѣ, рѣшено было въ конторѣ въ пользу мою сіе дѣло, который самъ писалъ рѣшительное опредѣленіе и былъ мною задруженъ. Но это не все еще, но случись же такъ, что онъ отъ малолѣтства крайней другъ тому изъ здѣшнихъ судей, которой всѣхъ дѣловѣе и важнѣе и которому отъ канцеляріи поручено было писать резолюцію, и онъ у самого сего судьи и живетъ въ домѣ и до меня еще интересовался моимъ дѣломъ, а теперь съ особливою охотою взялся всѣмъ дѣломъ спроворить, сдѣлаться въ семь случаѣ моимъ маклеромъ и помочь мнѣ всего болѣе“...

Вотъ перечень изъ тогдашняго письма моего, касающейся до сего случая, а теперь продолжу повѣствованіе мое далѣе.

Переговоривъ обо всемъ, что надобно было съ Морозовымъ, обѣщавшамъ мнѣ стараться склонить пріятеля своего судью ко всему для меня хорошему, велѣлъ онъ мнѣ пріѣхать къ нему по утру въ слѣдующей день, дабы узнать болѣе, и съ тѣмъ со мною и разстался, и я тѣмъ болѣе радъ сему былъ, что въ разсужденіи Пименова взялся маклерничать и торговаться г. Барнашовъ, которому обѣщаль я и самому служить. Итакъ, съ отраднѣйшимъ сколько нибудь сердцемъ продолжалъ я свой путь къ теткѣ и, отобѣдавъ у ней вмѣстѣ съ братомъ ея А. П. Давыдовымъ, заѣхалъ опять отъ нея къ другу своему г. Крюкову и у него препроводилъ достальное время дня сего.

На утріе, въ самое то время, какъ собирался я ѣхать къ г. Григоровичу, является ко мнѣ слуга отъ г. Мещанинова и просить пріѣхать къ нему, либо въ 9, либо въ 3 часу, но какъ свиданіе съ судьей было важнѣе Мещаниновскаго, то, сказавъ: „хорошо, хорошо!“, ѣду къ г. Григоровичу, застаю его дома, говорю съ нимъ опять о своемъ дѣлѣ, пропу его, добиваюсь толку и не добьюсь, однако, дается мнѣ обѣщаніе желаніе мое исполнить. Снимъ сколько нибудь успокоившись, заѣзжаю я отъ него въ межевую, а оттуда въ ратгаусъ, отыскиваю Барнашова и спрашиваю его, говорилъ ли онъ съ г. Пименовымъ и сколько надобно имъ за благосклонное дѣло моего рѣшенія, и получаю въ отвѣтъ, что потребно къ тому полъ-тысячи, а именно: ему 200, Апрелеву 200, да 100 рублей третьему и меньшому судѣ. Сумма сія была хотя, по тогдашней цѣнѣ денегъ, и немаловажная, а особливо по обстоятельству, что со мною не было

тогда столько и денегъ и я не зналъ гдѣ мнѣ ихъ достать, но какъ удержаніе за собою земли, стоющей несравненно множайшаго, то я при всемъ неудовольствіи за таковой грабежъ и за самое правое дѣло радовался тому, что по крайней мѣрѣ пошла бѣда моя на деньги, и обѣщавши требованіе ихъ выполнить, поѣхалъ въ сенатъ для свиданія съ такимъ же покупщикомъ и тамбовскимъ своимъ сосѣдомъ, оберъ-секретаремъ Ивановымъ, съ которымъ хотѣлось мнѣ переговорить о нашемъ дѣлѣ и посовѣтываться, но не дождавшись онаго, хотѣвшаго туда пріѣхать, ѣду при проливномъ во весь тотъ день дождѣ обѣдать въ г. Крюкову, а послѣ обѣда, захватъ на квартиру и запасшись каменнымъ своимъ порошкомъ, ѣду въ г. Мещанинову.

Богатый старикъ сей принялъ меня въ просторной комнатѣ въ нижнемъ этажѣ огромныхъ каменныхъ палатъ своихъ, установленной по вупеческому обыкновенію множествомъ богатыхъ окладныхъ образцовъ, а одинъ какой-то огромной, и въ богатомъ позолоченномъ окладѣ, лежалъ наискось посреди почти комнаты, съ горящимъ предъ нимъ неугасимымъ лампадомъ. Самъ бородатой старикъ, одѣтой въ богатой штофной шлафрокъ, принялъ меня сидящимъ на богатой софѣ, ни тепло, ни холодно, просилъ меня сѣсть на стулъ, противъ его за столикомъ стоявшей. Таковымъ почти холоднымъ приемомъ будучи не совсѣмъ довольнымъ и жалѣя почти, что къ нему поѣхалъ, не сталъ я долго медлить, но сказалъ ему причину, побудившую меня къ нему ѣхать, и вынувши бумажки съ порошкомъ предложилъ ему оныя для употребленія, но какъ же удивился я, увидавъ, что онъ и хотѣлъ оныя принимать, и нѣтъ, и не смотря на всѣ увѣренія мои на полезность онаго, доказанную безчисленными опытами, властно, но какъ бы еще сомнѣвался и не довѣрялъ мнѣ, такъ что я почти съ досадою на силу, на силу преклонилъ его къ тому, что велѣлъ онъ подать стаганъ съ водою и рюмку, и онъ на силу, на силу согласился, знаменуя себя нѣсколько разъ крестомъ, одинъ приемъ тогда же выпить. Послѣ чего, оставивъ ему прочія, всталъ я и, откланявшись, пошелъ вонъ, внутренно смѣясь и досадуя, что онъ, будучи въ состояніи, а не хотѣлъ даже и пригласить съ своей богатой софы и поблагодарить меня, какъ надлежало, а разстался со мною почти равнодушно. Но едва я

только вышел в переднюю комнату, как вслед за мною вышел какой-то чиновник, либо родственник его и стал подавать мне бѣлу, но не знаю уже какой цѣны, ассигнацію, что, увидѣвъ, не могъ я удержаться отъ того, чтобъ вслухъ не захохотать и столь громко, чтобъ старикъ могъ за дверьми услышать, подавателю не сказать: „что мнѣ это совсѣмъ не надобно, что я не лекарь и не докторъ и что сожалѣю, что Демидъ Демидовичъ во мнѣни своемъ обо мнѣ ошибается и по всему видимому счелъ меня какимъ нибудь шарлатаномъ, хотѣвшимъ отъ него, какъ богатаго человѣка, чѣмъ нибудь поживиться, а я совсѣмъ не то, а благородной человѣкъ, желавшій оказать ему важную услугу, по единой добротѣ своего сердца, а отнюдь не изъ корыстолюбивыхъ какихъ видовъ, поклонитесь ему отъ меня и скажите сіе“—и выговоривъ сіе, побѣждалъ я вонъ и, сѣвъ въ карету, уѣхалъ, смѣясь и досадуя самъ на себя, что къ такому ѣздилъ и самъ себя только одурачилъ.

Возвратясь на квартиру, сталъ я дожидаться г. Морозова, хотѣвшаго во мнѣ въ сей вечеръ пріѣхать, однако, онъ, какъ видно, за проливнымъ дождемъ не бывалъ; я хотя и поогорчился тѣмъ, но на сердцѣ моемъ было сколько нибудь уже легче прежняго.

На другой день, что было уже 7-го сентября, съ самаго утра отправилъ я за Морозовымъ свою уже карету, а Федю своего послалъ на почту за письмами и за газетами. Морозовъ и не преминулъ во мнѣ пріѣхать, и спроворилъ дѣломъ такъ, что въ неизобразимому моему удовольствію и крайнему меня обрадованію поздравилъ меня, отъ судьи, пріятели своего, съ рѣшеніемъ дѣла въ мою пользу и съ тѣмъ, что положено уже мнѣніе и подписана всѣми судьями уже резолюція, что оставить меня при конторскомъ рѣшеніи, а мнѣ болѣе сего ничего было и ненадобно. А того еще болѣе обрадовалъ меня, сказавъ, что чуть ли не самому ему поручаютъ писать и самое опредѣленіе, какъ знающему досконально все сіе дѣло человѣку. За симъ совѣтывались мы съ нимъ о томъ, что дать судѣ, его пріятелю, за выгодное для меня рѣшеніе, и онъ присовѣтовалъ мнѣ дать ему 200 рублей и отослать къ нему ихъ въ тотъ же день, ибо одной сотни было очень мало. Я подарилъ самого его бездѣлкою 10-ти рублями, и будучи доволенъ его дружбою, испол-

нилъ по его совѣту и въ этотъ день отослалъ къ г. Григоровичу 200 рублей, а самому ему далъ свой простудной декохтъ, для леченія простудившагося и занемогшаго судьи, его пріятеля. Самъ же, проводивъ его и дождавшись обратно отвозившей его своей кареты, поѣхалъ сперва въ ратгаусъ, чтобъ повидаться и поговорить съ Барнашовымъ, поручивъ сему поговорить обо всемъ съ роднею его г. Пименовымъ и попросить, чтобъ, въ случаѣ недостатка у меня денегъ въ уплату обѣщанной суммы, согласился онъ обождать оныхъ нѣсколько дней, повуда я пришло оныя по почтѣ изъ деревни, заѣхалъ я въ межевую, чтобъ повидаться съ секретаремъ, но отъ сего грубаго человѣка не могъ добиться ничего. Итакъ, поѣхалъ уже къ другу моему г. Крюкову, у него обѣдалъ и, съѣздивъ съ нимъ въ ряды для покупки кой-какихъ вещей, пробылъ у него до самаго вечера.

На утріе отправилъ я опять карету свою за г. Морозовымъ и, дождавшись его къ себѣ, получилъ чрезъ него благодареніе отъ судьи Григоровича и совѣтъ, чтобъ я ѣхалъ теперь домой, ничего не опасаясь, и не оставлялъ бы даже и человѣка, чему я очень радъ, и послѣдую охотно сему совѣту, рѣшился на утріе же изъ Москвы въ деревню отправиться. Но какъ нужно было мнѣ повидаться еще съ Барнашовымъ и отдать ему, сколько мнѣ можно было, деньги, то, распрощавшись съ Морозовымъ и попросивъ его объ увѣдомленіи меня о томъ, когда мнѣ надобно будетъ опять пріѣхать въ Москву, поѣхалъ я отыскивать Барнашова, и на-силу, на-силу отыскавъ его, при вторичномъ моемъ пріѣздѣ въ ратгаусъ, опорожнилъ весь свой бумажникъ и отдалъ всѣ деньги, сколько ихъ у меня тогда ни было, и распрощавшись съ нимъ и обѣщавъ немедленно прислать къ нему изъ дома по почтѣ достальныя деньги, для врученія г. Пименову, проѣхалъ обѣдать, и такимъ же образомъ распрощаться съ любезнымъ моимъ Александромъ Степановичемъ Крюковымъ и поблагодарить его за все его и жены его ко мнѣ благопріятіе, и достальное время дня сего препроводилъ у него. А возвращаясь на квартиру, принялся за написаніе того письма къ роднымъ моимъ въ Ламкен, изъ котораго помѣстилъ я выше сего отрывокъ, но какъ не зналъ я, гдѣ находился тогда сынъ мой, и не живетъ ли еще у тестя своего въ Паникахъ, то желая скорѣй его о себѣ увѣдомить и побудить къ скорѣйшему ко мнѣ въ

деревню прїѣзду, написалъ къ нему и отправилъ съ тамбовскою почтою къ нему въ Данковъ и Паники другое письмо слѣдующаго содержанія:

Изъ Москвы, 8-го сентября 1799 г.

„Другъ мой, Павелъ Андреевичъ! Увѣдомляю тебя, что я нахожусь по милости Господней благополучно и теперь гораздо спокойнѣе духомъ, нежели былъ тогда, какъ писалъ я къ тебѣ въ послѣдней разъ. Ибо какъ ни сумнительно было наше дѣло и какихъ мнѣ трудовъ и хлопотъ ни стоило, однако, при помощи прямо Божеской, удалось мнѣ, хотя съ знаменитымъ для насъ убыткомъ, но дѣло наше наладить такъ, что оно наклонилось въ нашу пользу и вчера имѣлъ я то удовольствіе, что меня уже поздравили съ тѣмъ, что резолюція положена въ разсужденіи насъ въ твоей силѣ, чтобъ насъ оставить при рѣшеніи конторскомъ совершенно. Много тебѣ рассказывать, какъ это все происходило и какой особенный, совсѣмъ неожиданный; но прямо полезный случай для меня случился, а только коротко скажу, что никто какъ Богъ! и я въ сей разъ удостовѣрился опять въ справедливости той пословицы, что когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ. Со всѣмъ тѣмъ хлопотъ было множество, а о трудахъ я уже и не говорю. И какъ теперь начать писать опредѣленіе и сіе, какъ всѣ увѣряютъ, продлится недѣлю, двѣ, или три, или мѣсяць, то чтобъ здѣсь по пустому не жить и не проѣдаться, разсудилъ я ѣхать домой, и тѣмъ паче, что ограбленъ здѣсь господами судьями, такъ что не осталось съ чѣмъ и домой съѣхать и принужденъ былъ занять на съѣздъ деньги, но и всего того мало, а надобно и прїѣхавъ домой посылать еще тотчасъ деньги,—но пропади онѣ совсѣмъ! я уже радъ, что бѣда сія на деньгу пошла,—земля наша не того стоитъ, если мы всю ее удержимъ, дай только Богъ, чтобы совершилось — и то слава Богу, что я прїѣхалъ, а то бы ухнула и вся наша покупка. И какъ мнѣ по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и домой прїѣхавши надобно будетъ ждать увѣдомленія и опять тотчасъ либо самому ѣхать, либо тебѣ въ Москву, то врядъ ли мнѣ можно будетъ отъ дома отлучиться и потому совѣтую и тебѣ безъ дальняго отлагательства ѣхать къ намъ въ Дворяниново,

чтобъ намъ съ тобою скорѣе увидѣться и обо всемъ переговорить и посовѣтовать, и буде письмо сіе застанеть тебя еще въ Паникахъ, то не медли болѣе, а поѣзжай... Я собираюсь завтра поутру ѣхать отсюда домой, и буде что не задержать, то въ субботу къ ночи или въ воскресенье къ обѣду поспѣю домой. Болѣе сего писать теперь некогда, а посему и окончу, пожелавъ тебѣ и прочее....“.

Письмо сіе было послѣднее, писанное мною въ сей годъ къ моему сыну, и онымъ кончилась наша съ нимъ въ теченіи сего года переписка. Отославъ оное вмѣстѣ съ прочими на почту, не сталъ я долѣе въ Москвѣ медлить и, дѣйствительно, въ наступившей послѣ сего день съ утра я пустился въ обратный путь, и безъ всякихъ особливыхъ привлеченій на другой день къ вечеру домой и пріѣхалъ. Дома нашелъ я одну только жену мою съ дочерью Катериною, сына же моего еще не было, почему и заключилъ я, что онъ находится либо еще въ Паникахъ, либо въ дорогѣ и на пути къ намъ. Но какъ съ достовѣрностью ничего о томъ не знали, а намъ съ женою надлежало побывать у больной еще дочери моей Елисаветы на родинахъ и привезть отъ нея, гостившую до сего времени у нея, старушку мою тещу, то не стали мы долго медлить, а рѣшились, дни черезъ два, отправиться въ сей путь, въ надеждѣ, что мы сына нашего либо у сестры его найдемъ въ Ламкахъ, либо повстрѣчаемся съ нимъ на дорогѣ.

Между тѣмъ въ оба сіи дни занимался я кое-какими домашними дѣлами и сниманіемъ съ деревъ въ садахъ достальныхъ яблокъ, кои засталъ я еще на нихъ дозрѣвающими, также свиданіемъ съ случившимся тогда быть въ Болотовѣ сосѣдомъ нашимъ г. Огарковымъ, наглавнѣйшая же забота моя состояла въ скорѣйшемъ отправленіи, по обѣщанію моему, къ судьямъ денегъ, что и исполнилъ на другой же день по возвращеніи моемъ изъ Москвы и отправилъ 250 рублей къ Пименову и Барнашову. Итакъ, тогдашняя ѣзда моя въ Москву стоила мнѣ до 600 рублей, что, полагая, по нынѣшнему (1821 г.) курсу денегъ, составляла болѣе 2,000 рублей, и произвела нарочитую прорѣху въ моемъ капиталѣ. Въ путь свой отправились мы съ утра, сентября 13-го числа, и какъ ни дурна была дорога отъ

ненастья, но мы успѣли прїѣхать обѣдать въ Федешово, а ночевать въ село Слоботку, къ другу и знакомцу нашему Ивану Васильевичу Хомякову, но были такъ несчастны, что въ обоихъ сихъ домахъ не застали хозяевъ дома и принуждены были и обѣдать, и ночевать безъ оныхъ.

Продолжая же путь свой на утрѣ далѣе, прїѣхали мы въ Тулу еще рано и тутъ, въ крайнему обрадованію моему, съѣхались съ ѣдущимъ уже въ намъ съ сыномъ моимъ, Павломъ Андреевичемъ, съ которымъ, повидавшись и вмѣстѣ отобѣдавши, въ тотъ же день и опять разстались. Онъ съ женою своею поѣхалъ въ намъ въ Дворяниново, а мы продолжали путь свой въ Ламки и, переночевавъ въ Каменвахъ, прїѣхали въ Ламки 15-го сентября по утру. Неоправившаяся еще отъ родниъ своихъ дочь наша Елисавета была намъ очень рада. Тутъ нашли мы родственницу ихъ княгиню Кропоткину и провели съ нею у ласковыхъ нашихъ хозяевъ почти трое сутокъ съ удовольствіемъ, въ которое время успѣлъ я съѣздить въ прежнее свое и тогда еще милое для меня обиталище, городъ Богородицкъ, повидаться съ тамошними своими знакомцами и друзьями и упросить г. Дурова переписать нашъ вексель, по которому должны мы были деньгами и тогда, за московскими убытками, возвратить ихъ ему были не въ состояніи, и онъ охотно на то согласился. Изъ Ламокъ заѣхали мы въ Головинно и повидались и съ родными нашими Воронцовыми, ихъ ближними сосѣдями, и, переночевавъ у нихъ, поѣхали въ обратной путь домой, поспѣшая въ нашему сыну. Но прїѣхали туда не прежде какъ въ обѣду уже 21-го числа, ибо переломившаяся на дорогѣ подъ кибиткою ось сдѣлала намъ, выѣхавшимъ уже изъ Тулы, задержку и принудила противъ хотѣнія возвратиться назадъ въ Тулу и ночевать въ оной, а другую ночь ночевали мы уже въ Федешовѣ, домой же вмѣстѣ съ собою привезли и почтенную и милую нашу старушку тещу.

Съ сего времени начали мы жить уже вмѣстѣ съ нашимъ сыномъ и молодою его женою, бывшею тогда почти уже на сносѣхъ, и заниматься сообща всѣми своими домашними хлопотами и упражненіями. Во всемъ домѣ у насъ сдѣлалось тогда уже живѣе и не такъ уединенно и тихо, какъ было до того времени, а при томъ гораздо предъ прежнимъ и веселѣе, и пріятнѣе.

Какъ осени было тогда только начало, и сады мои имѣли еще въ себѣ довольно красоту, то вслѣдствіи старался я доставить молодой нашей семьѣнинкѣ, при прогулкахъ, возможнѣйшія удовольствія. Сосѣди наши не преминули также насъ посѣщать и дѣлать съ нами свое время, въ чемъ не чувствительно и провели мы достальныя дни сентября мѣсяца. Въ теченіе оныхъ занимался я наиболѣе тремя дѣлами: первое и наглавнѣйшее состояло въ сочиненіи и написаніи инструкціи приговоренному и нанятому въ тамбовскую нашу деревню прикащику Константину Ломакину. Ибо какъ обстоятельства тогдашнія воспретили намъ самимъ, съ сыномъ, туда въ тогдашнюю осень отправиться и самимъ ввести его въ управленіе, то рѣшились мы отправить его туда одного, но превеликая обоемъ намъ съ сыномъ была коммиссія убаять и уговорить сего глупца ѣхать туда безъ насъ. Какіе то бездѣльники наговорили ему о старикѣ моемъ Яковѣ, прежнемъ сослуживцѣ и прикащикѣ моемъ, столько всякаго вздора и нелѣпостей, что онъ совсѣмъ было тревнулся и не хотѣлъ никакъ туда ѣхать, изъ опасенія, чтобъ старикъ съ женою своею не надѣлалъ ему невѣдомо какихъ золь и бѣдствій, и намъ не малаго труда стоило увѣрить его, что все насаказано ему бездѣльниками на смѣхъ, что въ самомъ дѣлѣ ничего того нѣтъ и ему никакого опасенія имѣть не можно, и мы на силу, на силу его уломали, и сему то наемнику надлежало написать подробное наставленіе какъ ему тою деревнею управлять и что и что предпринимать и дѣлать. Второе упражненіе мое состояло въ возобновленіи и продолженіи прежняго моего труда, состоящаго въ описаніи и срисовываніи разныхъ и тѣхъ родовъ родившихся въ моихъ садахъ яблокъ и грушъ, которые въ предслѣдующіе года не были еще описаны и срисованы, и я съ такою прилежностію занимался симъ пріятнымъ для меня комнатнымъ упражненіемъ, что въ сію осень успѣлъ описать и съ красками съ природы срисовать цѣлую еще сотню разныхъ породъ яблокъ и грушъ и составить изъ того VI часть сихъ описаній, и которая книга хранится у меня еще и по нынѣ въ моей библиотекѣ. Третье и не столько пріятное, сколько скучное, трудное и долговременное занятіе доставляло мнѣ почти ежедневно новосдѣланной въ нижнемъ моемъ длинной прудовѣ или сажелке, о которой я неоднократно уже упоминалъ; каменистая

почва и косина положенія самаго мѣста производили то, что вода прокрадывалась съвозъ плотину, да и сама она все отваливалась, внизъ осѣдала и портилась. Почему принуждены мы были не одинъ разъ всю воду изъ ней спускать и дно оной утаптывать глиною, и въ соченіи препятствовать водѣ прокрадываться, и хлопотать много и до того, что она мнѣ даже наскучила, и на силу, на силу мы довели ее сколько нибудь до совершенства и до того, что и вода перестала вращаться и плотина утвердилась. Что-жь касается до моего сына, то и онъ, кромѣ комнатныхъ своихъ упражненій, выѣзжалъ иногда для осмотра нашихъ лѣсныхъ и полевыхъ угодій, а иногда разѣзжались они съ женою своею по гостямъ, въ дружескіе и сосѣдственныя намъ дворянскіе дома.

Наконецъ, наступилъ нашъ октябрь мѣсяцъ, которой называемъ обыкновенно нашимъ фамилінымъ, поелику въ теченіе онаго были многіе изъ ближайшихъ родныхъ моихъ именинниками, либо новорожденными, и первое начало тому учинили, 4 числа, именины сына моего Павла Андреевича, въ которой день была у насъ небольшая пирушка и обѣдалъ у насъ одинъ только г. Доброволонской, изъ прочихъ же сосѣдей не случилось никого дома. Онъ, съ семействомъ своимъ, пробылъ у насъ до самаго вечера и при немъ имѣлъ я удовольствіе получить изъ Москвы письма отъ Морозова, Барнашова и отъ нашего повѣреннаго Федя, увѣдомлявшихъ меня, что наше дѣло идетъ своимъ чередомъ, но опредѣленіе еще подписано не было, а оное все еще сочинялось, и что длилось оно потому, что кромѣ насъ были многіе и другіе просители и судьямъ хотѣлось всѣхъ ихъ по возможности удовлетворять и избирать такія мѣры, чтобъ всѣ сколько нибудь остались довольными.

Черезъ два дня послѣ сего наступилъ день и моего рожденія и я имѣлъ удовольствіе, по милости Господней, дожить до 62 года моей жизни и благодарить Всемогущаго за таковую Его ко мнѣ милость. Праздновать и торжествовать сей день не имѣлъ я еще тогда обыкновенія, а праздновалъ его только духовнымъ образомъ, а сынъ мой ѣздилъ въ сей день къ стареку Евграфу Яковлевичу Раевскому, съ которымъ, наконецъ, возобновили наше старинное знакомство, равно какъ и съ домомъ старинной нашей знакомки и пріятельницы Натальи Петровны Арцибышевой,

живущей въ селѣ Пущинѣ, и ея сыномъ Яковомъ Ивановичемъ, человѣкомъ молодымъ, очень хорошимъ и много о себѣ общавшемъ. Ко всѣмъ имъ ѣздили мы всѣ, 9 числа октября, и сперва были у старика Раевского, которой былъ намъ очень радъ, и видѣли чудицу его жену и дочь, а отъ него проѣхали уже въ Пущину и нашли старушку хозяйку, лежащую въ постели и очень больною, и насъ угощала уже сынъ ея и перезнобилъ было насъ въ своихъ новыхъ, каменныхъ и хорошо отдѣланныхъ палатахъ, ибо случилось быть тогда времени очень холодному, и мы, ночуя у него и спавши въ антресоляхъ, въ прахъ переязбли. Въ вечеру же сего дня видѣлъ я впервые сына и дочь покойной моей правнучатной сестры Пелагеи Васильевны Бакаевой, бывшею замужемъ за Семеномъ Андреевичемъ Раевскимъ, и достопамятно, что съ сего дня началась дружба и знакомство съ сыномъ ея Васильемъ Семеновичемъ Раевскимъ.

Засимъ все время до 17 числа октября, какъ до дня моихъ именинъ, по причинѣ наступившей уже дурной, холодной и дождливой осенней погоды, не позволявшей почти выходить на дворъ, провели мы почти все сидючи въ теплѣ и занимаясь кое какими пріятными чтеніями и другими комнатными упражненіями. А симъ и дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочее.

Писано сіе 26 мая 1821 г., въ Дворянновѣ.

Мой другъ! День именинъ моихъ и съ онымъ начало моего 62 года праздновали мы и въ сей разъ, по прежнему обыкновению, отправленіемъ въ домъ своемъ божественной службы, а потомъ угощеніемъ, обѣденнымъ столомъ, пріѣхавшихъ ко мнѣ ближнихъ моихъ сосѣдей изъ Татарскаго и изъ Сенина; кромѣ сихъ, былъ у меня и небывалой до того еще гость, молодой г. Арцибышевъ, Яковъ Ивановичъ, но всѣ они по причинѣ прескверной, бывшей въ сіе время, погоды и дурноты дорогъ просидѣли у меня только до сумерокъ и разъѣхались рано. Достопамятно, что въ самой сей день былъ у насъ первой сильной морозъ, погубившей всѣ цвѣты, украшавшіе до сего еще натуру.

Съ сего времени до самыхъ почти заговѣнь и половины ноября не случилось ничего особливаго, и мы все это время за дурнотою погодъ и холодомъ, отъ приближающейся уже зимы, принуждены были наибольшую часть сидѣть въ теплѣ и заниматься оба съ сыномъ моимъ комнатными упражненіями. Я— продолженіемъ сочиненія влюча къ своему „экономическому магазину“ или общаго алфавитнаго и очень нужнаго реестра и перебираниемъ въ ящикахъ запасенныхъ на зиму яблочь, а сынъ мой нѣсколько дней занимался перестанавливаніемъ и регулированіемъ въ комнатахъ нашихъ картинъ, также своею музыкою, а въ хорошіе, ясные и тепловатые дни выѣзжалъ прогуливаться, а иногда ѣзжали мы кой куда и въ гости, и угощали у себя къ намъ пріѣзжавшихъ, и проводжали время свое не только безъ скуки, но и довольно весело, а особливо занимаясь иногда пріятнымъ чтеніемъ книгъ и получаемыхъ журналовъ и газетъ, которые всѣ наполнены бывали неприятными извѣстіями о разбитіи нашихъ войскъ французами въ Голландіи и въ Швейцаріи и о славномъ переходѣ Суворова чрезъ Альпійскія горы. Къ симъ неприятностямъ присовокуплялась и та, что сынъ мой нерѣдко жаловался на головную у себя боль и нездоровье, съ другой стороны смущала и озабочивала всѣхъ насъ и беременность моей невѣстки, и какъ она приближалась къ своему окончанію, то старались мы о запасеніи ея къ сему случаю хорошею и искусною бабкою.

Наконецъ, 12-го числа ноября, кончилась наша осень и выпавшей снѣгъ убѣлилъ всю поверхность полей нашихъ. Въ самое сіе время услышали и отъ присланнаго человѣка къ намъ узнали мы о кончинѣ пушинской помѣщицы и старинной нашей знакомки Натальи Петровны Арцибышевой, и 14-го числа жена моя съ сыномъ ѣздила на погребеніе оной, мы же съ невѣсткою и прочими оставались дома, ибо сей не можно было уже никуда ѣздить.

Она невѣдомо какъ смущалась и озабочена была неполученіемъ себѣ хорошей бабки, за которою послана была давно уже въ Тулу коляска, но что-то долго не возвращалась, а между тѣмъ наступало уже самое критическое время, но за то и обрадована она была до чрезвычайности, когда увидѣла ѣдущую коляску и въ ней самую ту знакомую намъ и искусную бабушку,

которую ей имѣть у себя при родахъ хотѣлось и въ полученіи которой она уже отчаявалась и о томъ очень горевала.

Пріѣздъ одной, обрадовавшей и насъ всѣхъ, былъ очень благовремененъ, ибо невѣстка моя начинала уже страдать обыкновенными при родахъ муками и въ самую сію ночь подъ 19 число и обрадовано было все наше семейство благополучнымъ разрѣшеніемъ ея отъ бремени дочерью, которую угодно было ей велѣть назвать, по имени матери ея, Еватериною. Итакъ, содѣлался Павелъ мой отцомъ, а подруга его матерью, а мы съ женою своею получили родную себѣ внуку, и хотя провели всю ночь сію въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ и во всю ее почти не спали, но за то награждены были и удовольствіемъ неизъяснимымъ. Мы не преминули въ тотъ же день принести Господу Богу нашему за сіе достодолжную благодарность, а между тѣмъ отправить съ извѣстіемъ о томъ къ отцу и матери невѣстки моей и къ прочимъ роднымъ нашимъ челоуѣка, также уведомить о томъ и сосѣдей нашихъ, которымъ, однако, за крайнею тогдашнею распутицею никакъ не можно было вскорѣ пріѣхать къ невѣсткѣ моей на родину и все наше ожиданіе оныхъ было тщетное, одинъ только племянникъ мой Андрей Михайловичъ приходилъ и въ тотъ же еще день для поздравленія всѣхъ насъ съ симъ радостнымъ для насъ происшествіемъ.

Наконецъ, 24-го числа сего мѣсяца, не успѣлъ я по утру по обыкновенію моему еще до свѣта встать, какъ встревоженъ былъ извѣстіемъ, что у зятя моего Петра Ивановича Воронцова, ѣхавшаго ко мнѣ, изломалась повозка и онъ самъ, отъ самой Елкинской мельницы, пришелъ пѣшкомъ и не хотя насъ ночью всѣхъ тревожить и будить, легъ и спалъ тогда въ людской избѣ или такъ называемой черной горницѣ, и что лошади его безъ него шарахнулись и ушли и всѣ люди побѣжали искать оныхъ. Вскорѣ за симъ пришелъ и самъ зять мой, которому мы были очень рады. Какъ въ сей день было у меня въ домѣ двѣ имянинницы, дочь и малютка внука и обѣ Катерины Болотовы, то была у насъ всенощная и присылали съ поздравленіями А. Мих. Ладыженскія и Доброклонская и первыя, по приглашенію нашему, пріѣхали къ намъ обѣдать и вмѣстѣ съ нами препроводили весь сей день, а Доброклонской не бывалъ, будучи уже третьей

день болень, а на другой день послѣ сего прїѣзжали къ намъ Пановы и, пробывъ у насъ весь день, и ужинали даже у насъ.

Въ наступившей за симъ день ждали мы во весь прїѣзда дочери моей Ольги, но вмѣсто оной передъ вечеромъ прїѣхалъ къ намъ другъ нашъ Василій Ивановичъ Кислинской съ женою, а вслѣдъ за нимъ, наконецъ, и Ольга наша съ своимъ мужемъ, и такъ сдѣлалось у насъ въ домѣ очень людно. Всѣ сіи наши родные гости пробыли у насъ не только весь послѣдующей, но, за сдѣлавшеюся ужасною мятежю, и еще одинъ день, и время сіе провели наиболѣе въ играніи въ проклятой и досадной для меня бостонъ, и наши проигралися, будучи не въ состояніи играть съ практическими и такими игроками, каковы были Кислинскіе. Между тѣмъ, получили мы изъ Паникъ, отъ тестя сына моего, извѣстіе, что онъ не прежде къ намъ прїѣдетъ, какъ уже по настаніи зимняго пути.

Наконецъ, разѣхались наши гости, сперва поѣхалъ домой зять мой Воронцовъ, а за нимъ Василій Ивановичъ Кислинской въ радости, обыгравъ моего зятя и сына въ карты, а зять мой Бородинъ поѣхалъ въ Калугу въ горѣ, проигравъ Кислинскому отъ собственной шалости болѣе 40 рублей. Прїѣздъ его ко мнѣ былъ не утѣшенъ, что-то чувствовалъ я къ нему менѣе приверженности, нежели къ Петру Ивановичу Воронцову. Подражалъ онъ во всемъ старшему зятю моему Шишкову, а прока отъ него было очень мало, оба они не лучшѣли, но часть отъ часу худѣли, оба сдѣлались мотами отъ игры, питья и строенія, и оба раззорялись очевидно, и не терпѣли, чтобъ имъ кто и говорилъ о томъ. Мнѣ всего досаднѣе было, что послѣдней въ сей разъ почти неволею вплелъ и сына моего въ игру, и довелъ его до того, что и онъ рублей съ десять проигралъ.

По отѣздѣ ихъ, принявшись опять за писаніе, имѣлъ я удовольствие окончить, наконецъ, свою давно начатую трудную и скучную работу, состоявшую въ сочиненіи полнаго къ экономическому своему магазину реестра, которой сочинить я столько лѣтъ собирался и нѣсколько разъ начиналъ, но соскучивъ, опять переставалъ, но въ сей разъ насилу, насилу я его и однимъ почти пріемомъ кончилъ. Изъ него вышла претолстая книга, и какъ она сдѣлалась весьма нужною и полезною для

всѣхъ имѣющихъ у себя весь мой „Экономической магазинъ“, то хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ въ пользу ихъ былъ и напечатанъ, съ каковымъ намѣреніемъ я наиболѣе и предпріялъ сію работу, однако, всего не удалось мнѣ даже до сего времени еще исполнить, по случаю, что съ типографіями произошла великая перемѣна, число ихъ хотя размножилось, но всѣ сочиненія надлежало авторамъ печатать на свой коштъ, а сіе для меня составляло неудобность, почему и осталась книга сія и по сіе время (1821 г.) въ манускриптѣ, и служить только для собственнаго моего употребленія. Окончилъ я сію работу въ самой послѣдней день мѣсяца ноябрю и удовольствіе мое нарушилось захвораніемъ сына моего, такъ что онъ, весь тотъ день, пролежалъ въ постели, и мы опасались, чтобъ болѣзнь сія не сдѣлалась важною.

По наступленіи мѣсяца декабря, поджидали мы все еще къ себѣ вого нибудь изъ паниковскихъ, но какъ никто не бывалъ, то не стали мы долѣ медлить и на другой день сего мѣсяца окрестили нашу новорожденную малютку, въ моемъ кабинетѣ; воспріемниками были: я съ старушкою моею тещею и дочь моя Катерина съ отсутственнымъ братомъ невѣстки моею, Павломъ Федоровичемъ Опанинымъ, и какъ крестины были не сборные, то и обѣдали у насъ одни только церковные служители, съ ихъ женами, да послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ г. Ладыженской и у насъ ужиналъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ сіе время свирѣпствовала у насъ во всемъ домѣ какая-то особливая прилипчивая простудная лихорадка или катарръ, и многіе люди вдругъ занемогали. Павелъ мой Андрейчъ лежалъ даже отъ ней, а немогла даже и родильница наша. Я и самъ чувствовалъ едвали не начало оной, въ груди покалывало какъ иглами. Жаловались всѣ сперва на боль въ головѣ, за симъ послѣдовалъ ознобъ и жаръ и кашель, и съ ногъ человѣкъ сваливался, и сіе продолжалось нѣсколько дней сряду. Навезъ къ намъ сію болѣзнь Василій Ив. Клилинской, у него былъ весь домъ его боленъ, а и у насъ сдѣлалось множество больныхъ. Словомъ болѣзнь сія была повсемѣстная, и по слухамъ въ одной Москвѣ было больныхъ до 12 тысячъ человѣкъ и я насилу отпился отъ ней своимъ простуднымъ декоктомъ, и едва успѣвалъ помогать и другимъ многимъ.

На другой день послѣ крестинъ сказали намъ, что будетъ въ сей день къ намъ старшей мой зять П. Г. Шишковъ, но вмѣсто его пріѣхала только наша Елизавета Андреевна съ дѣтьми, а на утрѣ пріѣхала къ намъ на почтовыхъ и сватя наша Прасковья Алексѣевна изъ Орла на родины къ своей племянницѣ и наслѣдницѣ, а въ вечеру того же дня пріѣхалъ и зять Петръ Герасимовичъ и сдѣлалось у насъ опять очень людно и шумно, и дѣти Шишковы шумѣли и рѣзвились безъ милости, между тѣмъ болѣзни размножались и занемогла и самая моя жена, дочь Катерина и Елизавета и насилу ходили.

Какъ время тогда было постное, а сверхъ того наступалъ и нашъ сельской годовой праздникъ и намъ для угощенія гостей нашихъ нужна была рыба, а оной въ привозѣ въ городахъ никакой еще не было, то превеликая для насъ была комиссія снабдить себя нужною свѣжею рыбою, и я принужденъ былъ разослать людей искать купить ее во всѣхъ прибрежныхъ по Окѣ рѣкѣ селеніяхъ, гдѣ она жителями лавливалась, а другихъ разослалъ звать сосѣдей къ себѣ къ празднику. А какъ на ту пору стояла у насъ самая холодная и даже опасная зимняя погода, то не малая забота на насъ была и о томъ, чтобъ не замерзли разосланные и долго не возвращавшіеся люди, но къ великому обрадованію моему всѣ они, кромѣ одного, благополучно возвратились и достали намъ довольное количество рыбы.

Что касается до нашего праздника, то оной въ сей годъ достопамятенъ былъ непомѣрною и чрезвычайною стужею и жестокимъ морозомъ на западномъ вѣтрѣ, которымъ изъ подъ горы всѣ наши хоромы такъ вынесло, что не можно было никакъ быть во всей той половинѣ, которая была къ рѣкѣ, и я принужденъ былъ на сей разъ превратить кабинетъ мой и въ залъ, и въ гостиную, тутъ мы съ гостями и обѣдали, и сидѣли, и ужинали, ибо тутъ было тепло какъ въ банѣ. По счастью, гостей изъ постороннихъ было не много, и одинъ только г. Ладженской съ женою, да Доброклонской безъ жены. Со всѣмъ тѣмъ, гости мои гораздо подпили, и я не помню, когда бы было тому подобное, и всѣ мы были веселы. Зятю моему Петру Герасимовичу что то вздумалось съ Доброклонскимъ съѣздить къ Андрею Михайловичу, и тамъ оба они бросили,

такъ сказать въ печь, цѣлыхъ двадцать рублей, заставивъ бабъ плясать и давъ имъ за пляску оныя, и зятякъ мой претерпѣлъ сей убытокъ одинъ, ибо проворъ Доброклонской убѣдилъ его играть въ карты, и сыгралъ съ себя ихъ. Сыну моему было въ сей день сколько нибудь лучше, а взамѣнъ того слегла сватья Прасковья Алексѣевна.

Нивольщина наша продолжалась нѣкоторымъ образомъ и на другой день, и когда не гостей, такъ людей было довольно пьяныхъ. Мы просидѣли почти весь день подлѣ больной моей сваты, и къ намъ пріѣхалъ опять г. Ладыженской съ женою, а въ вечеру другъ Андрея Михайловича, пьяненькой Петръ Дмитриевичъ Кузьминъ, и насмѣшилъ насъ своими поступками. На другой день послѣ сего поѣхали отъ насъ наши родные, Шишковы, оставивъ у насъ дѣтей обоихъ Николинокъ учиться писать и географіи, и это было еще въ первый разъ.

Черезъ три дня послѣ сего, случилось со мною нѣчто неожиданное. Является ко мнѣ незнакомой человекъ живущаго отъ насъ не подалеку небогатаго дворянина Михаила Афанасьевича Шишкина съ письмомъ ко мнѣ отъ нашего тульского губернатора. Я удивился и не понималъ о чемъ бы такомъ писать ко мнѣ губернатору, очень мало меня знающему, а того болѣе удивился, нашедъ въ ономъ просьбу его, чтобъ я усовѣстилъ племянника и сосѣда моего Андрея Михайловича и уговорилъ его не взыскивать съ помянутаго бѣдняка Шишкина 600 руб. денегъ, которыя слѣдовало ему заплатить по рѣшенію бывшаго между ими какого то дѣла, и по которому племянникъ мой оттягалъ отъ него нѣсколько крестьянъ и чрезъ то раззорилъ почти сего добрѣйшаго человека. Я охотно желалъ помочь въ семъ случаѣ сему своему сосѣду и, съѣздивши къ племяннику моему, употреблялъ все, что могъ, къ превлоненію его къ оказанію Шишкину сего благодѣянія, но всѣ мои старанія не имѣли ни малѣйшаго успѣха и племянничекъ мой былъ не такого свойства человекъ, чтобы могъ сіе благодѣяніе сдѣлать.

Черезъ недѣлю послѣ сего, по долговременномъ и тщетномъ ожиданіи извѣстія изъ Москвы объ окончаніи все еще продолжавшагося въ межевой канцеляріи нашего дѣла, на силу, на

силу обрадованы мы были полученнымъ отъ повѣреннаго нашего Федеи увѣдомленіемъ, что дѣло наше, наконецъ, рѣшено, и чрезъ подписаніе опредѣленія кончено, и что мнѣ не было никакой надобности ѣхать самому въ Москву, ибо мы оставлены были съ покоемъ при своихъ купленныхъ и, по рѣшенію конторскому, отмежеванныхъ земляхъ. Итакъ, успокоены мы были въ разсужденіи сего не мало стоющаго намъ дѣла.

Съ сего времени по самой почти праздникъ Рождества Христова не происходило у насъ ничего особливо. Сыну моему давно уже сдѣлалось отъ болѣзни его лучше, равно какъ и теткѣ невѣстки моей, которая все еще гостила у насъ. Мы оба съ сыномъ занимались ученіемъ дѣтей географіи и выдумывали легчайшіе къ тому способы, а я ежедневно почти занимался еще однимъ новымъ дѣломъ. Охота моя къ писанію чего нибудь и нахожденіе въ томъ и въ сочиненіяхъ кое какихъ особеннаго удовольствія, тотчасъ послѣ окончанія ключа къ „Экономическому магазину“, возродила во мнѣ желаніе заняться вновь какими нибудь экономическими сочиненіями, и какъ послѣ изданія моего Экономическаго магазина случилось мнѣ многое узнать и открыть изъ экономическихъ вещей новаго и никому еще неизвѣстнаго, то по обыкновенному моему и всегдашнему желанію сдѣлать все то и соотчичамъ моимъ извѣстнымъ, и восхотѣлось мнѣ испытать не можно ли всѣ такія примѣчанія, выдумки и открытія свои сообщить публикѣ, чрезъ напечатаніе ихъ въ видѣ какаго нибудь экономическаго сочиненія и какъ наиудобнѣйшимъ къ тому казалось мнѣ названіе экономическаго корреспондента, то и вознамѣрился я всѣ свои новыя замѣчанія сочинять образомъ писемъ къ приятелю, и дѣло сіе тогда же, по нетерпѣливости, началъ, и продолжая оное во всѣ праздные и досужные часы даже до сего времени, успѣлъ не только сочинить, но и набѣло переписать довольно таки множество такихъ замѣчаній, и продолжать въ томъ же трудиться и послѣ сего времени, но всѣ сіи новыя мои труды остались тщетными, ибо, живучи въ деревнѣ и не имѣя въ Москвѣ изъ содѣлателей типографіи таково знакомаго, каковъ былъ нѣкогда Г. Новиковъ и который бы взялся печатать мои сочиненія на свой коштъ, не имѣлъ я

случая и удобства къ произведенію намѣренія моего въ дѣйство. Почему чрезъ нѣсколько времени и пересталъ я заниматься симъ дѣломъ, а все написанное хранится и донныѣ (1821 г.) въ библіотекѣ моей въ манускриптахъ, и едва ли когда нибудь будетъ напечатано.

Наконецъ, подъ самой праздникъ Рождества Христова наѣхало ко мнѣ множество гостей и все родныхъ и для насъ пріятныхъ. Сперва пріѣхалъ зять мой П. И. Воронцовъ съ дочерью моею Настасьєю и сыномъ ихъ Павлушею, а въ вечеру уже имѣли мы удовольствіе встрѣтить, давно уже ожидаемыхъ и никогда еще у насъ не бывавшихъ, новыхъ нашихъ родныхъ Опаниныхъ. Былъ то свать мой Ѳедоръ Васильевичъ Опанинъ съ женою и со всѣми дѣтьми своими, и вмѣстѣ съ ними сосѣдъ ихъ Доримидонтъ Тимофеевичъ Елчинъ и сдѣлалось у насъ людно. Легко можно заключить, что всѣ мы, а всѣхъ болѣе невестка моя, были симъ небывалымъ еще гостямъ очень рады. Они пріѣхали къ намъ въ вечеру и въ самое то время, когда у насъ служили всенощную, и какникъ, и какихъ не было при семъ случаѣ взаимныхъ съ обѣихъ сторонъ привѣтствій, ласкъ и поздравленій, и съ какимъ отиѣннымъ удовольствіемъ провели мы тогдашней и довольно уже поздней ужинъ. На утріе же и въ самой праздникъ, не смотря на всю зимнюю стужу, ѣздили мы всѣ къ обѣднѣ, и по возвращеніи изъ церкви всѣмъ многочисленнымъ, роднымъ семействомъ въ радости и съ удовольствіемъ разгавливались и потомъ вмѣстѣ съ приходившими къ намъ славить Христа нашими церковнослужителями обѣдали, а потомъ весь день провели въ пріятныхъ разговорахъ а вечеръ, при шумѣ играющей музыки,—въ играни въ карты, и были всѣ веселы и довольны. Съ такимъ же удовольствіемъ провели мы и второй день нашихъ святокъ съ гостями своими, которыхъ число умножилось еще пріѣхавшимъ къ намъ обѣдать другомъ нашимъ и любезнымъ сосѣдомъ Иваномъ Александровичемъ Ладыженскимъ съ женою, которые провели съ нами весь сей день и даже ужинали. Въ продолженіи дня между тѣмъ, какъ мы занимались съ милымъ и любезнымъ сватомъ моимъ разными пріятными разговорами, играли они въ свой бостонъ, всеружившіи всѣмъ имъ собою головы. Всѣ гости мои

продолжали гостить у насъ и во весь третей день нашихъ святокъ; въ оной занялъ я свата своего, какъ таковаго же охотника до садовъ, какъ и я, показываніемъ ему своихъ яблокъ и всѣхъ книгъ съ описаніями и рисунками всѣхъ породъ яблокъ, родящихся въ садахъ моихъ, а сынъ мой съ женою своею ѣздили въ Семеновское, къ старику Евграфу Яковлевичу Раевскому. Братъ же невѣстки моей, Дмитрій Ѳеодоровичъ, со смѣху насъ морилъ своими шутками и рѣзвостами, и мы не видали почти какъ прошелъ день сей. Такимъ же образомъ въ семейственномъ удовольствіи провели все утро и четвертаго дня нашихъ тогдашнихъ святокъ, а послѣ обѣда поѣхалъ свать мой отъ насъ одинъ въ Москву и далѣе въ Ростовъ къ роднымъ своимъ, прочіе же всѣ остались еще у насъ, съ которыми, какъ сей, такъ и весь послѣдующей пятой день нашихъ святокъ, провели мы съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прежніе; въ оной пріѣзжалъ къ намъ опять другъ нашъ г. Ладыженской съ женою, пробылъ у насъ во весь день и вечеръ, и поѣхалъ отъ насъ уже послѣ ужина. А въ шестой день послѣ обѣда всѣ наши новые родные, вмѣстѣ и съ теткою невѣстки моей, поѣхали отъ насъ во свояси и остался у насъ одинъ Петръ Ив. съ Настасьею, а вскорѣ послѣ отъѣзда Опаниныхъ, пріѣхалъ къ намъ Яковъ Ивановичъ Арцибышевъ, съ ближнею родственницею своею Катериною Яковлевною Бибиковою и просидѣли у насъ до сумерокъ. Что-жъ касается до послѣдняго дня сего года и седьмаго дня нашихъ святокъ, то провели мы оной не очень весело: во все утро раздосадованъ былъ я, невѣдомо какъ, женою моею разными дразгмами..... а у сына моего разболѣлись какъ то зубы, но какъ г. Ладыженской звалъ насъ въ сей день обѣдать, то, не смотря на все, ѣздили мы къ нему и весь сей день провели у него и довольно весело. У него случился въ сіе время быть братъ его, Гаврила Александровичъ, бывшей также моимъ крестникомъ, и сей, наследуя отъ отца своего шутливой нравъ, веселилъ все наше общество своими шутками и издѣвками, и заставлялъ неоднократно хохотать и смѣяться. Многіе изъ насъ играли въ любимую свою игру бостонъ, а я, кое съ ѣмъ, въ реверансъ. Хозяева упросили насъ у себя даже и ужинать и мы пріѣхали

домой уже поздно, съ тою неприятностью, что сынъ мой, отъ разболѣвшихся у него опять зубовъ, насилу доѣхалъ, а у зятя моего и Настасьи болѣла что то голова; всѣ мы какъ то переугорѣли тогда въ домѣ у Ладыженскаго. Сямъ окончился тогда достопамятной въ исторіи отечества нашего 1799 годъ, ознаменовавшейся и въ моей жизни многими значительными происшествіями, а кстаті къ сему окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ.... и прочее.

Писано сіе 28 мая 1821 г., въ Сенкинѣ.

—————→

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1828 г. ¹⁾.

Январь—декабрь.

Январь 7. Давно уже ничего не писалъ я на этихъ страницахъ Приготовленія къ экзамену отнимали у меня все время. Это уже послѣдній: съ окончаніемъ его окончится періодъ моего студентскаго существованія—и я гражданинъ.

Сегодня нашъ курсъ экзаменовался въ римскомъ правѣ. Мнѣ досталось говорить объ опекахъ. Профессоръ похвалилъ меня, но самъ я недоволенъ своими познаніями въ этомъ предметѣ. Да и трудно было, по правдѣ сказать, много успѣть въ сей обширной и сложной наукѣ, записки по всей выданы намъ профессоромъ всего за полторы недѣли до экзамена. Сами же мы не составляли ихъ, потому что онъ обѣщаль съ самаго начала дать намъ свои.

8. У меня чуть было не дошло до ссоры съ Булгаринимъ. По условію, онъ долженъ былъ напечатать въ мою пользу сто экземпляровъ моего сочиненія «О политической экономіи». Это было для меня очень важно, ибо я намѣревался представить оное профессорамъ, какъ диссертацию на степень кандидата. Оно уже нѣсколько дней тому назадъ появилось въ «Сѣверномъ Архивѣ», между тѣмъ для меня не оставлено ни одного экземпляра и въ типографіи уже разобраны доски.

Я изъявилъ мое сожалѣніе по этому поводу Булгарину. Онъ извинялся забывчивостью и далъ слово, что въ три дня велитъ вновь

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293.—314; мартъ, стр. 507—523.

набрать сочиненіе и напечатать. Я успокоился. Но третьяго дня прихожу въ типографію: тамъ вичего и не слышали отъ Булгарина. Это меня крайне раздосадовало, ибо уже не далеко время, назначенное для представленія диссертациі. Я опять кинулся къ Булгарину и Гречу. Теперь сочиненіе мое набираютъ и оно скоро будетъ напечатано.

26. Наконецъ, кончились экзамены. Сегодняшній былъ изъ богословія: сошелъ хорошо.

Надняхъ тоже вышло изъ печати мое сочиненіе. Профессора весьма одобряютъ его, а публика приняла какъ нельзя лучше. Изъ этого я вывожу два заключенія: первое, что публика наша, значить, еще очень мало свѣдуща въ политической экономіи, второе, что въ ней начинается развиваться вкусъ къ серьезному чтенію.

28. Слушаль лекцію изъ философіи у профессора Галича. Какъ жаль, что сей отличный профессоръ лишень своей кафедрой въ университетѣ: у насъ нѣтъ ни одного подобнаго ему, кромѣ развѣ Давыдова въ Москвѣ, у котораго тоже отняли кафедру: но я самъ о послѣднемъ не могу судить.

Къ Галичу прежде всего имѣешь довѣріе, ибо видишь, что онъ обладаетъ обширными познаніями. Изложеніе его опредѣленное: онъ выражается ясно и благородно. Его одушевляетъ чистая, высокая любовь къ истинѣ, отъ чего бесѣды его не только полезны, но и увлекательны. Это не цѣховой ученый, а человѣкъ, глубоко преданный наукѣ и жаждущій правды, столько же практической, сколько и теоретической. Я лично къ тому же много обязанъ ему. Зная, что мнѣ не подь силу заплатить ему за курсъ 300 р., какъ платятъ другіе его слушатели, онъ предложилъ мнѣ посѣщать его лекціи бесплатно.

29. Говорилъ съ попечителемъ о моей службѣ. Онъ предлагаетъ мнѣ у себя мѣсто секретаря въ 1,200 р. жалованья. Я останусь у него во всякомъ случаѣ на годъ, такъ какъ мнѣ особенно пріятно служить у человѣка, столь просвѣщеннаго и благороднаго, и которому я столько обязанъ. Да и должность секретаря при немъ не обременительна, слѣдовательно не помѣшаетъ мнѣ совершенствоваться въ наукахъ.

30. Сегодня былъ у меня Ростовцевъ. Очень пріятная бесѣда. Этотъ человѣкъ не измѣняется ни въ своихъ чувствахъ вообще, ни въ своемъ дружескомъ расположеніи ко мнѣ. Толковали о прошломъ, вспоминали о декабристахъ.

— «Но что скажетъ обо мнѣ потомство?» замѣтилъ, между прочимъ, Ростовцевъ, — «я боюсь суда его. Пойметъ ли оно и признаетъ-ли тѣ побудительныя причины, которыя руководили мною въ бѣдствен-

ные декабрьскіе дни? Не сочтеть ли оно меня доносчикомъ или трусомъ, который только о себѣ заботился?»

— «Потомство, возразилъ я,—будетъ судить о васъ не по одному этому поступку, а по характеру всей вашей будущей дѣятельности: ей предстоитъ разъяснить потомству настоящій смыслъ вашихъ чувствъ и дѣйствій въ этомъ горестномъ для всѣхъ событіи.

Онъ со слезами на глазахъ обнялъ меня.

Февраль 2. Славный день! Давно уже предлагалъ я товарищамъ, по окончаніи экзаменовъ, устроить дружескій прощальный обѣдъ, для чего каждый изъ насъ долженъ былъ пожертвовать по 20 руб. Я давно уже началъ прикапывать эту сумму. Нѣкоторые, по малодушію, отказались, но вотъ дорогія имена тѣхъ, которые съ восторгомъ отозвались на призывъ дружбы: Горловъ, Михайловъ, Армстронгъ, Дель, Гебгардъ 1-й, Гебгардъ 2-й, Клоповъ, Гедерштернъ, Владиславлевъ, Ивановъ, Лингвистъ, Крупскій, Чивилевъ, Щегловъ и Казакинъ.

Мы собрались въ четыре часа къ Горлову. Первый нашъ тостъ за обѣдомъ былъ, по обыкновенію, посвященъ отечеству и государю. За вторымъ бокаломъ шампанскаго каждый долженъ былъ избрать предметъ по сердцу и пить въ честь его. Крупскій пилъ за дружбу; Ивановъ за успѣхи драматической поэзіи; Гедерштернъ за здоровье друзей; Гебгардъ за любовь и дружбу; Дель за отечество; Армстронгъ за честь и дружбу; Михайловъ за свою возлюбленную; Горловъ за святость дружескаго союза; я за счастье и славу друзей.

Въ концѣ обѣда, выпивъ послѣдній бокалъ, всё, по общему взаимному побужденію, бросились въ объятія другъ друга. Пять часовъ пролетѣли, какъ мигъ. Какая свобода царствовала въ изліяніяхъ нашихъ чувствъ и мыслей, но какая благородная свобода: въ ней не родилось ни одного чувства, ни одной мысли, ни одного слова, оскорбительнаго для нравовъ, чести и дружбы. Право, отечество могло бы пожелать, чтобы всё грядущія поколѣнія его сыновъ были одушевлены такою же правотою сердца и такимъ же благородствомъ стремленій.

Я вернулся домой въ десять часовъ вечера, но сердцемъ и мыслью все еще оставался съ покинутыми друзьями.

5. Былъ въ концертѣ. Здѣсь учредилась Музыкальная академія, преимущественно стараніями господъ Львовыхъ, все семейство которыхъ состоитъ изъ отличнѣйшихъ музыкантовъ. Дѣйствительные (т. е. играющіе или поющіе) члены этой академіи все аматеры, въ

томъ числѣ и дѣвицы. Сегодня сія академія дала свой первый концертъ въ залѣ Кущелева-Безбородко, что въ Почтамтской. Пѣли три дѣвицы изъ знатныхъ фамилій. Прекрасные голоса! Старшій Львовъ привелъ всѣхъ въ восторгъ игрою на скрипкѣ; меньшей тоже превосходно игралъ на виолончели. Концертъ кончился почти въ десять часовъ и я вернулся домой въ каретѣ со Штеричемъ и его матерью.

9. Неприятное происшествіе! Вчера состоялось въ университетѣ факультетское собраніе, на которомъ должны были рѣшать кого изъ выпускныхъ студентовъ нашего курса произвести въ кандидаты. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ нашъ Михайловъ въ большомъ разстройствѣ и сообщаетъ, что онъ не удостоенъ званія кандидата. Признаюсь, я тоже этого не ожидалъ: ибо хотя онъ не отличался особенною усидчивостью въ занятіяхъ, однако, ничѣмъ не уступаетъ въ познаніяхъ тѣмъ студентамъ, кои получили сію степень въ прошломъ году.

Это несчастіе крайне огорчило моего товарища, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ въ противномъ. Я самъ боялся за него меньше, чѣмъ напримѣръ за Армстронга. Теперь онъ, имевемъ дружбы, заклиналъ меня спасти его ходатайствомъ передъ попечителемъ. Я и безъ его просьбы уже рѣшился на это и на переговоры съ профессорами, ибо бѣда еще не совсѣмъ неотвратима. Совѣтъ не утвердилъ еще опредѣленія факультета, хотя дѣла сего рода непосредственно принадлежать послѣднему.

Я тотчасъ одѣлся и пошелъ къ попечителю. Тронутый до глубины сердца положеніемъ моего бѣднаго товарища, я съ жаромъ просилъ Константина Матвѣича (Бороздина) оказать ему помощь. Михайловъ постоянно пользовался любовью товарищей, начальства и общества: что подумаютъ они о немъ (не говоря уже о его родителяхъ), когда узнаютъ, что онъ не съ такою честью оставилъ университетъ, какъ они надѣялись. Да и право же, это незаслуженно!

Представленія мои подѣйствовали. Благородный и добрый начальникъ обѣщался употребить въ его пользу все свое вліяніе. По моему настоянію, Михайловъ, полчаса спустя, и самъ посѣтилъ попечителя: тотъ обласкалъ его и обнадежилъ.

Причина, почему Михайлову отказываютъ въ кандидатствѣ, та, что онъ, какъ говорятъ, не имѣетъ полныхъ четырехъ балловъ въ статистикѣ, хотя во всѣхъ прочихъ предметахъ имѣетъ ихъ.

Вечеромъ былъ у Михайловыхъ. Всѣ они очень огорчены. Мишелъ въ ихъ глазахъ совершенство и они не постигаютъ, какъ профессора могутъ смотрѣть на него вначе. Надо признаться, однако,

что Мишель слишком надѣялся на свои способности и потому занимался довольно поверхностно и на экзаменахъ подѣлъ частью отдѣлялся фразами. Должно полагать, что это и было главною причиною его бѣды, а не $3\frac{1}{2}$, поставленные ему въ статистикѣ. Еще огорчило меня, что пока я ходатайствовалъ за него у попечителя, онъ уже успѣлъ побывать у всѣхъ профессоровъ факультета и возстановить ихъ противъ себя неумѣстною горячностью.

— Теперь вся наша надежда на васъ, говорили мнѣ отецъ его и мать,—все зависитъ отъ попечителя, а вы пользуетесь его доврѣемъ.

— Что до меня касается, возразилъ я, — я на все готовъ для товарища, который къ тому же и уменъ, и способенъ. Но пусть же онъ, по крайней мѣрѣ, не возстановляетъ еще больше противъ себя профессоровъ. «Мы готовы исполнить желаніе вашего превосходительства», могутъ они сказать Константину Матвѣвичу, «но позвольте вамъ замѣтить, что это будетъ несправедливо». Тогда отъ послѣдняго, конечно, нельзя и требовать, чтобы онъ не согласился съ ихъ приговоромъ. Право давать ученые степени есть священное, неприкосновенное право университета: ни попечитель, ни министръ не могутъ непосредственно мѣшаться въ это».

Я хотѣлъ этими словами доказать Михайлову, какъ неблагоугодно поступилъ онъ, оскорбивъ профессоровъ, и посоветовалъ ему завтра опять съѣздить къ нимъ и загладить сегодняшнее неблагопріятное впечатлѣніе, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не мѣшали мнѣ дѣйствовать у попечителя.

10. Попечитель уже говорилъ въ пользу Михайлова съ ректоромъ университета. Между тѣмъ, и самъ Мишель былъ опять у профессоровъ. Они всѣ укоряютъ его за то, что онъ не занимался такъ, какъ слѣдовало и какъ могъ по своимъ способностямъ. Но теперь они, по крайней мѣрѣ, нѣсколько смягчены учтивостью моего товарища.

Итакъ, сегодня ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало. Между тѣмъ, на послѣ завтра назначено собраніе университетскаго совѣта, значить, завтра надо пустить въ ходъ всѣ средства: послѣ собранія совѣта уже будетъ поздно.

11. Сегодня попечитель говорилъ мнѣ о дѣлѣ Михайлова уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ сначала. Доброе расположеніе его вдругъ точно исчезло.

— Всѣ профессора, сказала онъ мнѣ,—противъ него. Они говорятъ, что онъ на лекціяхъ былъ невнимателенъ, читалъ романы и «Сѣверную Пчелу», вмѣсто того, чтобы слушать, и на экзаменахъ не обнаружилъ твердаго знанія въ наукахъ. Скажи, что же мнѣ дѣлать?

Минута была рѣшительная и я истощилъ все мое краснорѣчiе, чтобы склонить Константина Матвѣевича къ тому, чтобы онъ поговорилъ за Михайлова съ деканомъ факультета, отъ котораго главнымъ образомъ все зависѣло. Попечитель, наконецъ, общался сегодня еще повидаться съ ректоромъ и деканомъ. Слава Богу, еще есть надежда!

12. Сейчасъ имѣлъ разговоръ съ попечителемъ, который сильно огорчилъ меня. Онъ утвердился во мнѣнiи, которое я ему внушилъ о Михайловѣ, но за то сказалъ:

— «Университетъ хочетъ въ нынѣшнемъ году произвести слишкомъ много кандидатовъ и потому вашъ факультетъ долженъ ограничиться двумя: тобою и Михайловымъ. Прочiе должны довольствоваться степенью студента».

Итакъ, подумалъ я, бѣдные мои Армстронгъ и Дель, на васъ долженъ пасть жребiй, по справедливости заслуженный Михайловымъ! Я старался, по возможности, доказать Константину Матвѣичу, что несправедливо обидѣть въ нынѣшнемъ году тѣхъ, которые въ прошломъ или будущемъ несомнѣнно получили бы отличiе, право на которое признано за ними всѣми профессорами. Онъ молчалъ. Не знаю, убѣдилъ ли я его: въ противномъ случаѣ, буду оплакивать свое рвенiе относительно Михайлова.

Михайловъ объявилъ мнѣ, что деканъ сталъ ласковѣе къ нему, попечитель тоже подалъ надежду, но дѣло пока остается не рѣшеннымъ: собранiе университетскаго совѣта сегодня не могло состояться потому, что почти всѣ члены филолого-историческаго факультета больны. Опять надо ждать недѣлю, а можетъ быть и больше. Это и мнѣ лично неудобно. Я не могу явиться къ князю А. Н. Голицыну, пока не получу официально своей степени кандидата. Да и дѣла мои по службѣ тоже отъ того терпятъ.

14. Наконецъ, сегодня состоялось собранiе университета и молебствiе, какъ всегда бываетъ при началѣ новаго курса. Но намъ еще не объявили нашихъ ученыхъ степеней.

Законъ, въ прошедшемъ году изданный о недопущенiи на службу разночинцевъ, начинаетъ уже оказывать свое дѣйствiе—и на этотъ разъ благотѣльное. Нынѣшнiй годъ въ университетѣ было втрое больше слушателей, чѣмъ въ предъидущемъ.

Вечеромъ я слушалъ лекцiю у Галича. Отъ него поѣхалъ къ Ростовцеву, а съ нимъ вмѣстѣ къ родственнику его Уварову. Въ домѣ послѣдняго я буду читать тремъ молодымъ людямъ русскую словесность и получать за сiе по 10 рублей за билетъ. Какая разница съ моимъ Острогожскимъ учительствомъ: тамъ я получалъ по

десяти рублей въ мѣсяцъ за ученика, занимаясь съ нимъ по пяти часовъ въ день.

Я экзаменовалъ моихъ будущихъ учениковъ. Они едва знаютъ русскую грамматику, хотя меньшему изъ нихъ уже пятнадцать лѣтъ. За то они превосходно изучили французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

15. Сегодня въ университетѣ торжественно объявили всѣмъ кончившимъ курсъ студентамъ ихъ ученые степени. По нашему факультету слѣдующіе произведены въ кандидаты: изъ казеннокоштныхъ Крупскій и Чивалевъ; изъ своекоштныхъ: Армстронгъ, Дель, Зенковичъ, Михайловъ и я. Михайловъ съ восторгомъ бросился тутъ же ко мнѣ на шею.

Затѣмъ мы всѣ пошли благодарить нашего почтеннаго, любимаго попечителя. Онъ принялъ насъ ласково и просилъ поддерживать честь университета тамъ, гдѣ будемъ служить.

Итакъ, слава Богу, никто не остался обиженъ!

17. Серафима Ивановна (Штеричъ) очень заботится съ нѣкотораго времени о моихъ удовольствіяхъ. Она не пропускаетъ случая, когда можетъ сдѣлать меня участникомъ концерта или какого-нибудь зрѣлища. Вчера она хотѣла взять меня съ собою, но меня не было дома. За то сегодня она отдала въ мое распоряженіе два билета въ концертъ дѣвицы Гедике. Я одинъ отвезъ Полѣнову и мы вмѣстѣ отправились въ филармоническую залу. Слушателей было довольно. Между ними встрѣтилъ я Булгарина, который, будучи обязанъ завтра дать публикѣ отчетъ о семъ концертѣ, зорко во все взгляды-вался въ залъ: прислушивался къ шопоту посѣтителей, наблюдалъ за ихъ лицами, одеждой; слѣдилъ за каждымъ движеніемъ смычка, за каждымъ прикосновеніемъ пальчиковъ артистки къ фортепіано,—однимъ словомъ, собиралъ матеріалъ для своей пчелы, которая на слѣдующій день поднесетъ однимъ медъ, а другимъ горечь.

Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Напечатано ваше сочиненіе?

— Давно, отвѣчалъ я,—за что усердно васъ благодарю.

— Впередъ прошу распоряжаться самимъ въ моей типографіи, какъ угодно. Тамъ исполнять все, что вы прикажете.

Я поблагодарилъ за сію литературную учтивость и мы разошлись.

Концертъ былъ хорошъ. Дѣвица Гедике превосходно играла на фортепіано. Но дѣвица Гебгартъ довольно слабо пѣла. Г-нъ Сусманъ съ необыкновеннымъ искусствомъ проигралъ на флейтѣ трудныя варіаціи, но въ варіаціяхъ этихъ все достоинство ихъ въ трудности. Я искалъ въ нихъ чувства и поэзіи, а нашелъ метафи-

зику, которую надо слушать умомъ, а не сердцемъ. Нынѣ прорывается странный вкусъ въ музыкѣ, особенно среди любителей: отличнымъ артистомъ почитается тотъ, кто умѣетъ быстро и отчетливо передавать массу самыхъ запутанныхъ, многосложныхъ тоновъ. Конечно, это достоинство, но не единственное же въ музыкѣ. Это одинъ механизмъ, одна форма сего божественнаго искусства, которое, само по себѣ, есть не иное что, какъ выраженіе идеальной жизни чувствомъ, такъ какъ поэзія въ тѣсномъ смыслѣ есть выраженіе оной чувствомъ и понятіемъ.

18. Былъ въ музыкальной академіи на репетиціи Моцартова «Турецкая увертюра» прекрасна; она и исполнена была превосходно. Дѣвица Ассіеръ пѣла сегодня восхитительно. Евсеевъ, одинъ изъ тенористовъ придворной пѣвческой капеллы, тоже привелъ всѣхъ въ восторгъ. Весь концертъ шелъ какъ нельзя лучше.

19. Слушалъ метафизическую лекцію у Галича. Говорено было о происхожденіи вещей. Конечно, и у Шеллинга въ этомъ отношеніи гипотезы, но крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ онъ изъясняетъ процессы и постепенности сотворенія. Тѣмъ не менѣе, никто изъ предшествующихъ философовъ, можетъ быть, кромѣ одного Платона не обнялъ такъ хорошо общаго единаго начала жизни и отношеній къ ней всѣхъ конечныхъ вещей.

24. Сегодня въ девятомъ часу утра имѣлъ я слѣдующій разговоръ съ моимъ благодѣтелемъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Объявивъ ему, что я кончилъ курсъ въ университетѣ и произведенъ въ кандидаты онаго, я началъ благодарить его за доставленіе мнѣ этого счастья.

— Не меня должны вы благодарить, возразилъ онъ,—но Бога. При всемъ моемъ желаніи для васъ сдѣлать то, что сдѣлано, я, безъ Его всемогущей помощи, могъ бы встрѣтить непреодолимые къ тому препятствія.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ продолжалъ:

— Онъ, Святою Своею милостью указалъ мнѣ средства, какъ переимѣнить ваше состояніе. Служите человѣчеству бѣ Его духѣ. Будьте распространителемъ между людьми Его святой истины, тогда вы возблагодарите Его достойнымъ образомъ, тогда Онъ возыщетъ васъ новыми благодѣянiami. Никогда не забывайте, что мудрость земная, всѣ человѣческія познанія ничто, если они заимствованы не отъ единаго свѣта истины вѣчной и непреложной. При семъ только свѣтѣ видимъ мы вещи ясно и чисто и можемъ

идти безопасно на всякомъ пути жизни и ко всякой цѣли. Но что вы теперь намѣрены дѣлать съ собою?

— Хочу остаться, отвѣчалъ я,—на нѣкоторое время при попечителѣ здѣшняго университета, Бородинѣ, который предлагаетъ мнѣ при себѣ мѣсто секретаря.

— Хорошо! Однако, желательно было бы, чтобы вы поставили главнымъ предметомъ своимъ просвѣщеніе и чтобы дѣятельность ваша вся сосредоточилась въ кругу его.

Онъ еще довольно долго говорилъ со мною очень благосклонно и въ такомъ же духѣ, какъ началъ. Въ заключеніе, смотря на меня пристально и съ нѣжною заботливостью, онъ еще сказалъ:

— Очень радъ, что вижу тебя на томъ пути, на которомъ желалъ видѣть! Ты теперь и въ лицѣ перемѣнился, то есть сталъ гораздо лучше и свѣжѣе.

Наконецъ, я ему откланялся и ушелъ отъ него глубоко растроганный.

26. Былъ на репетиціи въ музыкальной академіи. На меня произвела сильное впечатлѣніе Фантазія Бетховена, превосходно разыгранная оркестромъ. Въ ней невинность поетъ про свою жизнь, исполненную высокой простоты и тихаго, чистаго счастья: эти сладостные звуки точно вызываютъ передъ тобой дни золотаго вѣка. Какая нѣжность въ этомъ соло флажіолета подъ аккомпаниментъ фортепіано, или въ семь адажіо скрипокъ! Сколько милаго и трогательнаго въ хорѣ дишкантовъ, который довершаетъ очарованіе, сливаясь съ звуками мастерски управляемаго оркестра.

Я уѣхалъ домой, не слушая другихъ піесъ: мнѣ хотѣлось въ цѣлости унести впечатлѣніе, полученное отъ божественной «Фантазіи».

Мартъ 4. Опять на репетиціи въ такъ называемой Нарышкнской музыкальной академіи, которая учредилась почти въ одно время съ Львовскою. Последнюю составляютъ отличнѣйшіе по талантамъ аматеры столицы, безъ разбора ихъ положенія въ свѣтѣ. Первая состоитъ изъ блестящей знати, или, такъ называемаго, «бонъ-жанра». Въ ней принимаютъ также участіе артисты, тогда какъ въ Львовскую академію они не допускаются даже въ качествѣ слушателей во время концертовъ. Естественно, эти два музыкальные учрежденія соперничаютъ между собой. Львовская академія беретъ перевѣсъ талантами своихъ членовъ, особенно самихъ господъ Львовыхъ. Не мало блеска сообщаютъ ей также придворные пѣвчіе, которыми управляетъ старикъ Львовъ.

Академія Нарышкнская называется такъ потому, что даетъ свои концерты въ великолѣпной залѣ оберъ-егермейстера Димитрія

Львовича Нарышкина. Ея отличительныя черты: знатность членовъ, блестящее освѣщеніе, многочисленный оркестръ и роскошное угощеніе, которое совсѣмъ отсутствуетъ въ первой академіи.

Но и въ Нарышкинской есть нѣсколько хорошихъ пѣвцовъ, напримѣръ, господинъ Пашковъ, отличный тенористъ, дѣвѣицы Медянскія и т. д.

Мы отправились на репетицію съ камеръ-юнкеромъ Штеричемъ, захвативъ первоначально къ портному, которому я заказалъ себѣ сдѣлать новое платье къ празднику, ибо, по обстоятельствамъ, я долженъ теперь щеголять въ кургузомъ фракѣ, цвѣтномъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ съ циммермановскою шляпою въ рукахъ.

Зала академіи поразила меня размѣрами и великолѣпіемъ: вездѣ мраморъ и позолота. Оркестръ уже гремѣлъ, когда мы вошли: играли какую-то увертюру. Впереди другихъ музыкантовъ стоялъ небольшой толстячекъ: онъ весь трясся, подпрыгивалъ, размахивалъ руками и по временамъ пронзительно вскрикивалъ «пiano». Это извѣстный Кавосъ, дирижирующий въ здѣшней академіи оркестромъ.

Вышли двѣ сестры Медянскія, прекрасныя, какъ ангелы, и ангельскими голосами запѣли арію, которая, какъ тогда фантазія Бетховена, унесла меня въ свѣтлый, идеальный міръ. Голоса у этихъ прелестныхъ созданій чистые, нѣжные, проникающіе прямо въ душу. Слушая ихъ, я понялъ, какъ Улиссъ могъ забыть все, забыть самого себя, упоенный звуками пѣсенъ сирены.

Насладившись пѣніемъ, мы со Штеричемъ пошли осматривать комнаты Нарышкина. Какое богатство, какая роскошь и сколько во всемъ вкуса и изящества! Зеркала, вазы, картины, бронза, бархатъ и штофъ расположены самыми живописными группами и узорами. По маленькой, обитой роскошными коврами, лѣстницѣ мы сошли въ баню: въ ней пристало купаться граціямъ. У стѣны мягкій, обитый штофомъ диванъ или, вѣрнѣе, широкое ложе, вдоль стѣны зеркала.

На обратномъ пути въ залу музыки мы встрѣтили самого хозяина, который очень вѣжливо намъ отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Его сѣдая голова на фонѣ богатыхъ занавѣсей съ розовыми фигурами—вся эта блистательная пышность и видъ старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину: мнѣ невольно пришла въ голову мысль, что все это не больше, какъ пыль, и можетъ быть въ самомъ близкомъ будущемъ...

Между тѣмъ въ залѣ пѣли итальянскую арію: ее исполнялъ неаполитанскій посланникъ графъ Лудольфъ. И голосъ, и фигура почтеннаго лысаго графа вызвали во мнѣ далеко не поэтическое представленіе о козлѣ.

Затѣмъ было исполнено оркестромъ и спѣто разными лицами и хорошъ еще нѣсколько пѣснь и все кончилось въ пять часовъ.

11. Сегодня состоялся у Нарышкина самый концертъ, на репетиціи котораго я надняхъ присутствовалъ. Я пріѣхалъ ровно въ шесть часовъ. Нѣсколько дамъ уже расхаживало по богато убраннымъ комнатамъ. Въ первой изъ нихъ стояли, выстроясь въ два ряда, лакеи и арапы въ блестящихъ ливреяхъ. Мало по малу, комнаты наполнялись знатью Петербурга. Здѣсь были графы, князья, первые чины двора и правительственные лица, съ супругами и дочерьми. Они разсыпались по комнатамъ и жужжали, какъ рой пчель. Надо было осторожно двигаться въ толпѣ, чтобы не толкнуть какую нибудь статсъ-даму или красавицу. Послѣднихъ было не мало—по крайней мѣрѣ, многія казались такими подъ блескомъ огней и своихъ роскошныхъ нарядовъ. И надо отдать справедливость свѣтскимъ дамамъ высшаго круга: ихъ вѣншее воспитаніе такъ утончено, что весьма успѣшно скрываетъ недостатокъ въ нихъ внутренняго содержанія. Если онѣ, въ сущности, не больше, чѣмъ куклы, то все-же прелестныя куклы, которыя весьма ловко и непринужденно движутся и говорятъ по твердо заученнымъ правиламъ искусства. Наряды ихъ вообще пристойны и красивы, за исключеніемъ чепцовъ замужнихъ женщинъ, которые имѣютъ видъ мѣшка, горизонтально растянутого поверхъ головы.

Я, между прочимъ, видѣлъ здѣсь одну изъ первыхъ красавицъ столицы, графиню Солмогубъ: она, поистинѣ, очаровательна.

Часа полтора уже ходилъ я по комнатамъ, любуясь и наблюдая, а зала концерта все еще не отворялась. Наконецъ, двери ея распахнулись: изъ нихъ хлынули цѣлые потоки свѣта. Концертъ довольно долго продолжался. Я былъ опять до глубины души тронутъ пѣніемъ дѣвицъ Медянскихъ. Ребенокъ лѣтъ тринадцати, Мартыновъ, превосходно игралъ на фортепіано и возбудилъ всеобщее удивленіе.

16. Сегодня столицѣ объявлено о заключеніи мира съ персами: шестьдесятъ четыре милліона рублей и провинціи Нахичеванская и Эриванская—вотъ для Россіи плоды окончившейся войны. Милліонъ рублей и титулъ графа Эриванскаго пожалованы генералу Паскевичу. Производившій мирные переговоры Обрѣзковъ тоже получилъ триста тысячъ рублей, чинъ тайнаго совѣтника и орденъ. Щедрія награды! Государь, говорятъ, очень обрадованъ симъ событіемъ. Награждая участниковъ въ немъ, онъ хочетъ показать, что милости у него всегда также готовы, какъ и кары.

Итакъ, и безъ того обширныя владѣнія Россіи увеличились еще лоскуткомъ земли. Политики утверждаютъ, что это пріобрѣтеніе

полезно потому, что будетъ служить защитою нашимъ границамъ. Мнѣ же кажется, что оно только является новымъ доказательствомъ передъ Европою того, что мы не дадимъ себя въ обиду, но она въ этомъ и безъ того уже перестала сомѣваться. Не закотимъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, отнять у англичанъ Индію. Для этого, во всякомъ случаѣ, недостаточно еще ослабить персовъ. Да и къ тому же еще вопросъ: мы ли восторжествовали бы надъ англичанами превосходствомъ нашихъ физическихъ силъ, или они надъ нами своею политикою и образованіемъ?

25. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. У завтрашнихъ и обѣднихъ былъ вмѣстѣ съ Серафимою Ивановною (Штеричъ) и пажемъ Россети въ университетской церкви. Весь день, до четырехъ часовъ, проведенъ въ скучныхъ визитахъ. Къ счастью, ночью выпалъ такой снѣгъ, что можно было ѣздить на саняхъ.

Обычай ѣздить въ большіе праздники съ поздравленіями очень древній и существуетъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Сначала это, безъ сомнѣнія, принадлежало къ числу релігіозныхъ обрядовъ, а послѣ, съ утонченіемъ общежитія, обратилось въ житейскую формулу. Формула сія есть одна изъ тѣхъ фальшивыхъ монетъ въ свѣтѣ, фальшивость которой одинаково извѣстна и дающему, и принимающему. Сколько глупостей, которымъ слѣдуютъ и тогда, когда смѣются надъ ними!

Апрѣль 8. Каждый почти день изъ Петербурга отправляется часть гвардіи въ Турцію. Государь со всѣми генералами и дипломатическимъ корпусомъ провожаетъ солдатъ до заставы.

Итакъ, рековой часъ ударилъ для Турціи. Спросите въ Петербургѣ всѣхъ, начиная отъ поденщика до перваго государственнаго человѣка, что думаютъ они о предстоящей войнѣ?—«А то, отвѣтятъ они вамъ,—что Турція погибла!» Столь увѣрены нынѣ русскіе въ своемъ могуществѣ.

Турція, можетъ быть, и не погибнетъ, судя по политикѣ Англіи и т. д. Но то неоспоримо, кажется, что въ войнѣ съ Россіей она не найдетъ для себя ничего, кромѣ пораженій и стыда. Довѣріе къ твердости государя очень сильно въ народѣ.

Говорятъ, императоръ объявилъ Европѣ, что въ предстоящей войнѣ не будетъ искать завоеваній, но что накажетъ Турцію за оскорбленіе, которое та нанесла ему и Россіи въ своемъ первомъ гати-шерифѣ. Англія замѣтно беспокоится. Рассказываютъ, что она прислала нашему двору запросъ: какое употребленіе сдѣлаетъ Россія изъ побѣдъ своихъ въ Турціи? На это ей ничего не отвѣчали. И что отвѣчать? Она не вѣритъ тому, чтобы Николай дѣйствовалъ безко-

рытно; она не понимает, что ему нужна слава, а не владѣнія,—а въ нашъ вѣкъ еще только одинъ родъ славы удивляетъ—это слава великодушія. Англія боится за Индію. Но если Россія въ самомъ дѣлѣ имѣетъ виды на послѣднюю, то, во всякомъ случаѣ, будетъ дѣйствовать безъ шума и постепенно. Ну, тогда и ставьте ей преграды.

15. Былъ въ итальянской оперѣ. Играли Сороку-воровку. Мадамъ Шоберлехнеръ пѣла прелестно. Вся пѣса вообще шла очень хорошо, особенно послѣдняя сцена втораго акта. Я былъ въ ложѣ г-жи Штеричъ. Съ нами вмѣстѣ сидѣла г-жа Лореръ, пожилая, умная и очень пріятная дама. Театръ былъ полонъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Прелестное пѣніе Шоберлехнеръ и другихъ заставило жалѣть, что онъ пришелъ къ концу.

26. Государь уѣхалъ въ армію. Если война начнется, то это для того, чтобы усилить могущество Россіи и озарить славою царствованіе Николая. Но какой порядокъ вещей будетъ плодомъ сего? Будетъ борьба, борьба кровавая, за первое мѣсто въ ряду царствъ вселенной—борьба между новымъ Римомъ и новымъ Кароагеномъ, т. е. между Россіей и Англіей. На чью сторону склонятся вѣсы судьбы? Англія могущественна, Россія могущественна и юна.

Май 1. Обѣдалъ и вечеръ провелъ вмѣстѣ съ мнѣмъ генераломъ (Бороздинымъ) у его сестеръ. Домъ ихъ почти у самыхъ Триумфальныхъ воротъ, такъ что, не выходя изъ него, можно было видѣть изъ окошекъ всѣхъ шедшихъ и ѣхавшихъ на гулянье въ Екатерингофъ. Съ трехъ часовъ уже начали пробираться туда ремесленники, сидѣльцы и прочее. Улица постепенно наполнялась и, наконецъ, въ половинѣ шестаго часа потянулись непрерывною цѣпью и экипажи. На тротуарахъ народъ кипѣлъ, какъ волны. Я не видалъ, однако, признаковъ большаго удовольствія: на всѣхъ лицахъ лежала какія-то холодная задумчивость. Красавицы, въ своихъ розовыхъ и желтыхъ шляпкахъ, сидѣли въ экипажахъ вытянувшись чинно, точно на смотру. Я стоялъ у окна и передавалъ свои наблюденія милой моей собесѣдницѣ, дѣвицѣ Вороздиной.

9. Сегодня я перемѣнилъ квартиру. Давно уже собирался я это сдѣлать, но г-жа Штеричъ все уговаривала меня повременить. Теперь же обстоятельства заставляютъ ее отдать въ наймы почти весь свой домъ и я этимъ воспользовался, чтобы, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе. Я нанялъ двѣ небольшія, чистыя и свѣтлыя комнатки за 18 рублей въ мѣсяцъ. Это не дорого. Такая цѣна возможна только въ отдаленной части города, какъ Семеновскій полкъ, куда я уже и переселился. Прощаніе съ госпожею Штеричъ и ея сыномъ было трогательное и сопровождалось взаимными увѣреніями въ дружбѣ. Весь домъ ласково меня проводилъ.

Июнь 2. Сегодня по обыкновенію, пошелъ утромъ къ своему генералу и сидѣлъ въ особой комнатѣ, дожидаясь, пока отъ него уѣдутъ чиновники съ докладами. Вдругъ мнѣ объявляютъ, что сдѣланъ доносъ на Галича. Его обвиняютъ въ томъ, что у него на дому бывають не дозволенные философскія собранія. Изъ посѣтителей никто не поименованъ, кромѣ меня. Очевидно, хотять погубить этого благороднаго, чистаго и кроткаго мудреца учителя добродѣтели, а вмѣстѣ съ нимъ и меня.

Человѣкъ, сдѣлавшій сей доносъ, погубивъ Галича, конечно, получить имя патріота и благонамѣреннаго, а погубивъ меня, удовлетворить своей личной ненависти. За что?

Что до меня касается, онъ немного ошибся въ расчетѣ: я не дѣлалъ тайны изъ моихъ посѣщеній лекцій Галича. О нихъ знаютъ мой начальникъ Бородинъ и Блудовъ: первый, потому что я считаю себя обязаннымъ платить довѣріемъ за его довѣріе ко мнѣ, а второй, по своимъ связямъ съ первымъ. Но Галичу, вѣроятно, запретятъ чтеніе частныхъ лекцій. Я лично много отъ этого потеряю, ибо много уже обязанъ ему и его наставленіямъ, но лучшая часть ихъ еще оставалась впереди.

3. Сегодня моя квартирная хозяйка объявила мнѣ о побѣдѣ, одержанной нами надъ турками. Первую вѣсть о семъ она услышала изъ устъ сидѣльца въ мелочной лавкѣ, который съ восторгомъ ей о томъ объявилъ. Съ восторгомъ же подтвердили ей это и на рынкѣ, гдѣ всѣ торговцы восклицали: «слава Богу!»

4. Новости, рассказываемыя на рынкѣ, столь же достовѣрны, какъ и тѣ, о которыхъ толкують въ гостинныхъ. Наши войска не побѣду одержали, а только перешли черезъ Дунай.

9. Вчера вечеромъ генералъ мой мнѣ объявилъ, что мы сегодня ѣдемъ съ нимъ въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ училищъ. Онъ немедленно отправилъ меня въ канцелярію генераль-губернатора за билетомъ, который обыкновенно въ такихъ случаяхъ выдается. Я отдалъ отношеніе дежурному, но билета не получилъ потому, говорилъ онъ, что у нихъ всѣ бланки вышли. Сегодня въ семь часовъ утра поѣхалъ я къ правителю канцеляріи, г-ну Позняку. Тотъ учтиво отвѣчалъ мнѣ, что сію минуту поѣдетъ въ канцелярію самъ и прикажетъ удовлетворить меня. Наконецъ, я дѣйствительно получилъ билетъ и мы отправились на Бертовъ заводъ. Но оказалось уже поздно: мы просрочили пятью минутами, т. е. пріѣхали на пристань въ началѣ десятаго часа. Судно едва отчалило отъ берега, но пока мы хлопотали у Берта, чтобы его остановили, пароходъ, испускающая клубами густой и черной дымъ, уже, какъ стрѣла, мчался по

гладкой поверхности Невскаго устья. Пришлось вернуться домой. Мы порѣшили ѣхать сегодня же въ 5 часовъ вечера. Паровое судно только дважды въ день отходить въ Кронштадтъ: по утру въ 9 часовъ и въ пять вечеромъ.

На этотъ разъ мы пріѣхали во-время. Съ судна подали сигналъ; пассажиры толпою хлынули на палубу и минуту спустя мы уже были на серединѣ рѣки.

Изобрѣтеніе парохода одно изъ чудесъ нашего вѣка. Стоя на палубѣ, спокойно сидя въ каютѣ, вы съ невѣроятною быстротой, почти незамѣтно, переноситесь вдаль: такъ ровень ходъ судна, до такой степени двигающая его сила подавляетъ колебаніе волнъ. Одинъ только шумъ колеса, которое быстро вращается подъ дѣйствіемъ пара и, какъ плугъ, взрываетъ водную равнину, нарушаетъ тишину, среди которой судно, безъ всякихъ вѣшнихъ пособій, одною внутреннею силой совершаетъ путь свой.

Я остался на палубѣ, желая насладиться видомъ моря. Петербургъ убѣгалъ отъ нашихъ глазъ:

«Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ».

Еще только шпицы Петропавловской башни сверкали во мглѣ призрачнаго тумана, да бѣлѣли нѣкоторыя зданія. Правый берегъ залива, суровый и дикій, еще синею полоскою извивался вдали и, наконецъ, исчезъ. Лѣвый берегъ, усѣянный дачами и деревеньками, представляетъ оживленную картину. Передо мной промелькнули: Сергіевскій монастырь, Стрѣльна, Петергофъ и Ораніенбаумъ. Берегъ этотъ, сначала пологій, постепенно возвышается, тянется цѣнью холмовъ, увѣчченныхъ лѣсомъ, и въ заключеніе точно утопаетъ въ безднѣ водъ. Прямо противъ глазъ разстилалась безпредѣльная пелена моря. Въ первый разъ еще созерцалъ я эту величественную красоту мрачной и грозной стихіи и,

«Какъ очарованный, у мачты я стоялъ!»

Вѣтеръ порывисто дулъ, вздымая довольно крупныя волны. Онѣ ударили въ нашъ пароходъ и, разбиваемыя колесомъ его, убѣгали прочь, пѣнясь и дробясь въ брызгахъ. Я сошелъ въ каюту и долго смотрѣлъ на борьбу волнъ: онѣ одна другую преслѣдовали, одолевали, бѣжали въ гору и тяжело, съ плескомъ, точно съ воплемъ, обрушивались въ пучину. Мимо насъ то и дѣло проносились другія суда на всѣхъ парусахъ. Въ восемь часовъ мы приблизились къ Кронштадту и поплыли вдоль гавани, на стѣнахъ которой длинною цѣнью выстроены пушки. Гавань отъ множества корабельныхъ

мачтъ имѣеть видъ лѣса, обожженнаго молніей. Корабли стояли очень тѣсно.

Мы сошли на берегъ у самой гауптвахты и вдоль крѣпостной стѣны пошли въ городъ. Намъ отвели двѣ довольно приличныя комнаты въ Итальянскомъ трактирѣ. Но мы не захотѣли въ нихъ оставаться и пошли передъ сномъ еще посмотрѣть городъ. Онъ довольно великъ, но хорошихъ строеній въ немъ мало. Лучшія изъ нихъ всѣ казенныя зданія.

На другой день по утру мы съ генераломъ приступили къ осмотру училища. Оно здѣсь настоящая развалина. Учителя его бѣдствуютъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ въ Россіи.

Въ 9 часовъ мы пошли къ обѣднѣ. Пѣвчіе пѣли плохо, но еще больше наскучила намъ длинная и безсодержательная проповѣдь, произнесенная священникомъ послѣ литургіи.

Затѣмъ мы съ архитекторомъ Щедринымъ пошли смотрѣть вновь строящіяся укрѣпленія, которыми обводится западная часть Кронштадта. Они должны быть непреодолимы: съ одной стороны огромныя глыбы гранита, прикрытыя тесаннымъ камнемъ; съ другой стороны казематы составляютъ первую наружную стѣну. Другая такая же будетъ позади казематовъ. Мы говорили съ нѣкоторыми старыми моряками объ укрѣпленіяхъ Кронштадта вообще: они утверждаютъ, что всякая эскадра, которая вздумала бы прорваться къ Петербургу черезъ маленькій проходъ между Кронштадтомъ и Броншлотомъ, должна неминуемо обратиться въ щепы.

Генераль нашъ обѣдалъ у генераль-губернатора Рожнова, а мы въ трактирѣ. За однимъ столомъ съ нами сидѣлъ доминиканскій монахъ и еще человекъ три иностранца. Въ четыре часа мы уже опять были въ гавани, сѣли на яликъ и поплыли мимо массы кораблей къ нашему пароходу. Обратное плаваніе совершили также благополучно и пріятно.

Кронштадтъ весьма не богатый городокъ. Жители торгуютъ лѣсомъ, хлѣбомъ, печенымъ и въ мукѣ. Но торговля ихъ ограничивается собственнымъ портомъ. Капиталовъ купеческихъ считается 132.

25. Сегодня попечителемъ Демидовскаго училища въ Ярославлѣ, Безобразовымъ, было предложено мнѣ мѣсто профессора исторіи въ семь заведеній. Съ этимъ мѣстомъ сопряженъ чинъ коллежскаго ассесора, 2,000 рублей жалованья, казенная квартира — однимъ словомъ жизнь мирная, обеспеченная и независимая. Я попросилъ времени для размышленія.

28. Я отказался отъ предлагаемаго мнѣ въ Ярославлѣ мѣста. Тамъ ожидало меня спокойствіе и обеспеченность; здѣсь бури, пре-

вратности, но болѣе обширное поле дѣятельности. Я избираю послѣднее. Многие изъ моихъ знакомыхъ осуждаютъ меня за сей отказъ. Но вотъ что мнѣ сказала мой милый Константинъ Матвѣевичъ Вороздинъ, когда я совѣтовался съ нимъ объ этомъ: «если ты хочешь обыкновенной доли и спокойствія, то поѣзжай. Если же ты хочешь больше дѣла и пользы, но въ то-же время и больше труда и заботъ, то оставайся здѣсь. Первое умнѣе, второе благороднѣе».

7. Вчера утонулъ, купаясь, одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по университету, Клоповъ, выпущенный вмѣстѣ со мною кандидатомъ. Это былъ юноша двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный, нѣжный, съ жаждою къ наукамъ, единственный сынъ у родителей, страстно любившихъ его. Сегодня я бросилъ горсть земли на его гробъ.

«Минуты странники, мы ходимъ по гробамъ,
 Всѣ дни утратами считаемъ;
 На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
 И что-жь? Ихъ гробы обнимаемъ!»...

Августъ 23. Кончены мои примѣчанія къ цензурному уставу. Сие постановленіе произвело своего рода судорожное потрясеніе. Уже возникли жалобы на слишкомъ большую свободу мыслей, которая будто бы онымъ допускается. Тѣ изъ гасителей свѣта, кои потонѣ другихъ, скрываютъ свои замыслы противъ его духа и нападаютъ на неопредѣленность иныхъ изъ подробностей. Имъ хотѣлось побудить правительство къ новому пересмотру устава и къ пополненію его, то есть къ постановленію ограниченій тамъ, гдѣ оно, руководясь политической мудростью, съ намѣреніемъ ничего не сказало.

Съ цѣлью устранить вліяніе сихъ людей, попечитель поручилъ мнѣ составить защиту сего постановленія въ главныхъ его положеніяхъ и рассмотреть, какія нужны дополненія по распорядительной его части: ибо, въ самомъ дѣлѣ, въ семъ отношеніи требуются нѣкоторыя поясненія.

Послѣ трехнедѣльныхъ занятій я кончилъ это трудное дѣло. На сихъ дняхъ оно должно быть представлено министру. Признаюсь, я съ удовольствіемъ думаю объ этомъ трудѣ: это моя первая работа въ законодательномъ смыслѣ и направлена къ тому, что мнѣ всего дороже — къ распространенію просвѣщенія и къ огражденію правъ русскихъ гражданъ на самостоятельную духовную жизнь. Нѣкоторые изъ людей свѣдущихъ и друзей просвѣщенія, прочитавъ мои разъясненія и дополненія, пожелали со мной познакомиться и въ лестныхъ выраженіяхъ изъявляли мнѣ свое удовольствіе. Профессоръ К. И. Арсеньевъ очень доволенъ моимъ трудомъ; Галичъ тоже, баронъ

Розенкампфъ, предсѣдатель бывшей комиссіи составленія законовъ, тоже призывалъ меня къ себѣ и изъявилъ свое полное одобреніе.

Сентябрь 4. Всѣ эти дни занимался съ попечителемъ разсмотрѣніемъ примѣчаній моихъ къ ценсурному уставу. По совѣту компетентныхъ и заинтересованныхъ въ успѣхѣ этого дѣла лицъ пришлось кое-что смягчить, а статью относительно сатирическихъ сочиненій на пороки духовенства надо было значительно передѣлать. Теперь все кончено, и сегодня будетъ отправлено къ министру.

Многое въ этомъ уставѣ и примѣчаніяхъ къ нему не понравится кое-кому. Его одушевляетъ желаніе отечеству благоденствія съ помощью просвѣщенія, развитіе котораго невозможно безъ богоразумной свободы мыслей.

Послѣднія слова моихъ «примѣчаній» были написаны сегодня ночью. Луна свѣтила въ незабѣшенное окошко моей комнаты и озаряла мирнымъ свѣтомъ мой письменный столикъ съ бумагами, въ которыя я вложилъ часть моей души. Чистое свѣтло-голубое небо сверкало звѣздами. Вокругъ постепенно водворялась тишина; еще только изрѣдка раздавались стукъ ѣдущаго мимо экипажа, лай собаки, звонъ часоваго колокола, бьющаго четверти. За перегородкой, отдѣляющей мой крохотный кабинетикъ отъ хозяйской квартиры, разговариваютъ шопотомъ, чтобы не помѣшать моимъ занятіямъ. И на душѣ у меня ясно, спокойно.... Если вѣрить предзнаменованіямъ, усилія наши намѣтить въ русскомъ обществѣ тропу къ свѣту должны увѣнчаться успѣхомъ!...

29. Сегодня съ горестью услышалъ, что моему любезному Ростовцеву (Якову) оторвало ядромъ руку ¹⁾. Вообще носятя неприятыя слухи. Говорятъ, что подъ Варною весь лейбъ-егерскій полкъ изрубленъ: спаслось только десять или двѣнадцать человѣкъ. Въ столицѣ уныніе. Боятся не за славу отечества, которая отъ этихъ частныхъ неудачъ еще не можетъ омрачиться, но каждый трепещетъ за жизнь близкихъ ему. Негодуютъ на Дибича, приписывая ему послѣднія неудачи.

Октябрь 5. Слышалъ слѣдующій анекдотъ. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— «Можно-ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?»

«Да, ваше величество: только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ».

— «Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся»

¹⁾ Это впоследствии оказалось невѣрнымъ.

сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни!» воскликнулъ императоръ.

15. Сегодня содержатель извѣстнаго въ Петербургѣ пансіона г-нъ Курнандъ предложилъ мнѣ читать у него права. Плата 1,600 рублей въ годъ, что вмѣстѣ съ казеннымъ моимъ жалованьемъ дастъ мнѣ въ годъ до 2,600 рублей. Положено начать курсъ съ 1-го ноября.

Декабрь 1. Наконецъ, сегодня только читалъ я первую лекцію въ пансіонѣ Курнанда.

Разсказывали мнѣ, между прочимъ, вчера еще новую черту характера государя. Нѣкто Беклешовъ, служа въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ подъ начальствомъ Николая Павловича, тогда еще великаго князя (навлекъ на себя его неудовольствіе), вслѣдствіе чего долженъ былъ подать въ отставку. Нынѣ онъ обратился къ императору съ письмомъ, въ которомъ просилъ опять принять его на службу. Государь милостиво отнесся къ письму и приказалъ передать Беклешову черезъ Бенкендорфа:

— Я забываю то, чѣмъ мнѣ досаждаютъ другіе. Скажите Беклешову, чтобы онъ просилъ у меня должности, какую самъ считаетъ для себя приличною.

2. Надняхъ я видѣлся съ Ростовцевымъ, въ первый разъ послѣ кампаніи. Онъ много любопытнаго разсказывалъ о ней и читалъ мнѣ письмо изъ Константинополя отъ брата своего Александра, который взятъ турками въ плѣнъ при несчастномъ пораженіи гвардейскаго егерскаго полка. Александръ Ростовцевъ пишетъ, что турки чрезвычайно хорошо обращаются съ плѣнными русскими; описываетъ подробно сраженіе, въ которомъ взятъ въ плѣнъ. Яковъ Ивановичъ показывалъ письмо государю, который, прочитавъ его, сказалъ:

— «Благодарю тебя, что ты показалъ мнѣ это письмо. Изъ него вижу я, что егерскій полкъ не посрамилъ себя въ семъ несчастномъ дѣлѣ. Я былъ другихъ мыслей, но теперь вижу истину и чрезвычайно радъ, что сія истина въ пользу храбрыхъ воиновъ, которые вполнѣ исполнили свой долгъ».

Я очень пріятно провелъ вечеръ съ Ростовцевымъ: онъ не переиhrивался: сердце его дѣло, какъ и обѣ руки.

1829 г.

Январь 1. 12 часовъ ночи. Новый годъ встрѣчаю я съ перомъ въ рукѣ; приготавливаю юридическія лекціи. Но нынѣшній вечеръ дѣло это особенно затруднено. Квартира моя граничитъ съ обитающимъ какой-то старухи, похожей на колдунью романовъ Вальтеръ-Скотта. Тамъ до сихъ поръ не умолкаютъ буйныя пѣсни вакханокъ, которыя сдѣлали, кажется, порядочное возліаніе въ честь наступающаго года. Удивительно, какъ наши женщины низкаго сословія предавы пьянству. Весь домъ, въ которомъ я квартирую, не исключая и моея хозяйки, наполненъ сими грубыми твореніями, которыя не упускаютъ случая предаться самому безшабашному разгулу. Ссоры и формальныя побойща обыкновенно заключаютъ ихъ бесѣды и одна угроза квартальнаго заставитъ ихъ мести улицы усмирять этихъ жалкихъ дѣтей невѣжества.

Но вотъ новый годъ встрѣчаю я разсужденіями о предметахъ, весьма не изящныхъ. Впрочемъ, природу человѣческую надо наблюдать во всѣхъ ея видахъ и, къ несчастью, пороки людей представляютъ обильную жатву истинъ, конечно, горькихъ, но необходимыхъ для точнаго познанія человѣка.

Какія событія ознаменуютъ наступающій годъ? Въ прошедшемъ году у насъ на Руси произошло довольно новаго. Твердая дѣятельность Николая произвела много перемѣнъ во внутреннемъ управленіи.

Довольно упомянуть о цензурномъ уставѣ, который есть самый вѣрный отпечатокъ духа и намѣреній нашего царя. Онъ рѣшаетъ или, по крайней мѣрѣ, старается рѣшить въ немъ вопросъ, который, съ коварнымъ двумысліемъ, предлагали фанатики и поборники старыхъ предрасудковъ: полезно-ли Россіи просвѣщеніе? и рѣшаетъ это въ смыслѣ положительномъ: конечно, это въ теоріи, а какъ будетъ на практикѣ — увидимъ.

Мое личное положеніе слѣдующее: я служу секретаремъ при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Константинѣ Матвѣевичѣ Бороздинѣ. Я не знаю человѣка съ болѣе благороднымъ сердцемъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова то, что мы называемъ человѣкомъ просвѣщеннымъ. Онъ не учился систематически, но читалъ много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлялъ еще болѣе. Онъ имѣетъ обширныя познанія въ русской исторіи, которую изучалъ, какъ патриотъ и вмѣстѣ какъ философъ. Умъ его возвышенъ. Поэтическая

фантазія нерѣдко уноситъ его изъ области нашей мертвой и горестной дѣйствительности въ чистую, свѣтлую область идей и хотя онъ не любитъ нѣмецкой философіи, но это только на словахъ, ибо, самъ того не замѣчая, почти во всемъ слѣдуетъ ея могучему гению. Онъ ждетъ для Россіи лучшаго порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смиреніемъ несетъ тягости общественныя. Въ этомъ отношеніи я его называю не иначе, какъ праведнымъ гражданиномъ. Но сей человѣкъ, столь образованный и благородный, не одаренъ той силою воли, которая приспособляетъ обстоятельства и вещи къ своимъ идеямъ. Одушевленный высокими чувствами, онъ, кажется, готовъ идти противу превратностей, въ которыя всѣ мы вовлекаемся странною игрою жизни.

Но, уstraшенный пучиною страстей, въ которыхъ вращаются люди, онъ отступаетъ назадъ, не по малодушію, а по недостатку силы и присутствія духа.

Я пользуюсь его довѣріемъ и любовью и съ избыткомъ плачу ему тѣмъ же.

Февраль 13. Профессоръ Вутырскій открылъ въ залѣ высшаго училища публичный курсъ «словесности вообще и россійской въ особености».

Я получилъ отъ него билетъ. Въ залу едва-ли набралось человѣкъ шестьдесятъ и въ томъ числѣ, невѣдомо какъ, попавшія туда двѣ дамы. Да и эти немногочисленные слушатели едва-ли не попали сюда по ошибкѣ, думая, что ихъ приглашаютъ посмотрѣть на разныя заморскія штуки и диковинки, ибо дай только нашей публикѣ замѣтить, что ты хочешь говорить съ ней о чемъ нибудь полезномъ и серьезномъ, то увидишь передъ собой одно пустое пространство.

Профессоръ выказалъ въ сей лекціи обыкновенные свои качества и недостатки. Онъ говорилъ съ привлекательнымъ краснорѣчіемъ, рассуждалъ въ томъ философскомъ духѣ, цѣнилъ произведеніе словесности съ тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ, которые снискали ему репутацію перваго изъ современныхъ въ Россіи профессоровъ словесности. Но онъ, какъ и всегда, мало держался систематическаго порядка, бросался въ эпизоды и не всегда былъ точенъ въ выборѣ выраженій своихъ мыслей.

18. Я прочиталъ Шекспирова «Гамлета» въ очень хорошемъ переводѣ Вронченки, который, сказать мимоходомъ, не будучи по-этомъ самостоятельнымъ, какъ переводчикъ, одушевленъ жаромъ и силою истиннаго поэта. Шекспиръ поразилъ меня глубиною и величіемъ своего гения. Онъ, такъ сказать, сжимаетъ въ своихъ могучихъ

объятіяхъ природу и исторгаетъ у ней такія тайны, которыя, говоря его словами:

«И не снялись нашимъ мудрецамъ».

Какъ глубоко проникъ онъ въ сердце человѣческое! Какъ хорошо знаетъ онъ философію жизни, т. е. философію страстей и бѣдствій человѣческихъ! Могучій и великій духомъ, какъ просто и спокойно созидаетъ онъ эти образы, изъ коихъ каждый съ своимъ характеромъ, съ своими страстями и мыслями можетъ назваться представителемъ человѣчества.

Мартъ 21. Философско-юридическій факультетъ здѣшняго университета предложилъ мнѣ занять катедру естественнаго частнаго и публичнаго правъ, которая по болѣзни профессора Лодія остается праздною. Я согласился съ удовольствіемъ. Это прекрасное средство къ собственному моему усовершенствованію, особенно въ дикци. Весь факультетъ единогласно былъ за меня. По его мнѣнію я, владея даромъ слова и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, могъ бы принести университету большую пользу моими лекціями. Не доставало только утвержденія университетскаго совѣта. Тамъ ректоръ, который ко мнѣ недоброжелательно относится, возсталъ противъ моего назначенія и я былъ отвергнутъ. Вотъ его причины: «съ нѣкоторыхъ поръ мы безпрестанно получаемъ выговоры отъ министра и отъ попечителя. Никитенко пользуется довѣріемъ послѣдняго, слѣдовательно онъ въ этомъ виноватъ, слѣдовательно онъ не имѣетъ философскаго духа, слѣдовательно не долженъ преподавать естественное право въ университетѣ». Сильно и убѣдительно! Признаюсь, мнѣ крайне хотѣлось воспользоваться неожиданнымъ предложеніемъ факультета и потому неудача меня печалила.

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784 — 1848.

IV ¹⁾.

[ОБОНЧАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ].

Ученый богословъ-ориенталистъ не рѣдко навѣщаль своихъ друзей учениковъ въ Жировицахъ ²⁾. Здѣсь онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и всѣ, начиная отъ епископовъ, постоянно или временно здѣсь жившихъ, и до послѣдняго учителя семинаріи, оказывали протоіерею Бобровскому знаки особеннаго вниманія и почтенія. Епископъ Зубко и протопресвитеръ Тупальскій, „патріархъ жировицкой семьи“, дорожили его независимымъ, спокойнымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи. Его прямой и устойчивый характеръ, при благородствѣ его души и чувствительномъ сердцѣ, ставилъ его внѣ сферы интригъ. „Какъ человекъ, Бобровскій стоитъ выше всякихъ похвалъ. Прекрасная, благородная душа, преданное, чувствительное сердце, прямой и устойчивый характеръ ³⁾“.

Не было ни одного важнаго событія въ Жировицахъ, о которомъ не посылалась бы вѣсточка въ Шерешевскому отшельнику. Онъ присутствовалъ на экзаменахъ въ семинаріи, на совѣщаніяхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ униатскому вопросу, какъ равно на разнаго рода семейныхъ торжествахъ. Особенною

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116; т. LX, стр. 333—352; т. LXII, стр. 325—356.

²⁾ Отъ Шерешева въ 80 верстахъ.

³⁾ Изъ «воспоминаній», писанныхъ въ 1836 году. Отрывокъ изъ рукописи сообщенъ дочерью Янковскаго Теофилой Васильевой, живущею въ городѣ Варшавѣ.

П. В.

благосклонностью заслуженный профессоръ пользовался въ семействѣ Тупальскаго ¹⁾).

Извѣстный между униатами литераторъ Плавидъ Янковскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Крупісу“ (Жировицы), описывая бытъ и занятія „жировицкой семьи“, посвятилъ нѣсколько страницъ М. Бобровскому, представляя его душою жировицкаго общества. Люди, имѣвшіе близкое отношеніе къ реформамъ обрядовъ греко-униатской церкви въ обширной литовской епархіи, предшествовавшихъ воссоединенію, дорожили спокойнымъ, но никогда не лишеннымъ критики, взглядомъ на дѣло греко-униатской церкви. Поэтому и мнѣнія Бобровскаго во многихъ отношеніяхъ становились руководящими, а его дѣйствія всегда согласовались съ требованіями общаго блага.

Дочь Янковскаго, Теофила Васильева, передаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную характеристику профессора, относящуюся къ посѣщенію имъ Жировиць.

„Имя вашего достойнаго дяди и онъ самъ хорошо мнѣ знакомы; въ послѣдній разъ я его видѣла въ 1844 г. Наружность его отчетливо запечатлѣлась въ моей памяти: маленькаго роста, полненькій, со свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, подвижный и веселый. Мы, дѣти, гурьбою бѣгали за нимъ, это былъ нашъ общій любимецъ; мы, бывало, тянули жребій, которому изъ насъ достанется честь отгонять мухъ вѣточкой во время его послѣобѣденнаго сна; на мою долю чаще другихъ приходилось просиживать съ вѣточкой надъ обожаемымъ нашимъ другомъ, такъ какъ онъ, изучивъ насъ, находилъ меня менѣе другихъ шаловливою. Конечно, мы успѣвали и надобѣдать ему порядкомъ, такъ что не разъ приходилось ему спастись отъ насъ разными хитростями. Не помню гдѣ отецъ мой упоминаетъ о слѣдующемъ случаѣ: проходили мы съ нашимъ дорогимъ другомъ около церкви, вдругъ онъ становится плечами къ церковнымъ дверямъ, простираетъ руки и кричитъ: „убѣгайте, дѣти, домой, церковь рушится“! Мы стремглавъ раз-

¹⁾ Къ намъ дошла слѣдующая собственноручная записка Михаила Кирилловича, въ видѣ билетика (переводъ): «Профессоръ эмеритъ Бобровскій имѣетъ честь просить профессора Янковскаго на обѣдъ, въ домъ супруги офиціала въ 12 часовъ дня, 25 января 1834 г.».

бѣжались, онъ же въ это время скрылся отъ насъ, послѣ же со смѣхомъ упрекалъ насъ, говоря: „то-то, друзья! оставили меня одного подъ развалинами церкви и даже не оглянулись“.

Съ 1837 года дѣло воссоединенія приближалось къ развязкѣ. Необходимо было для общаго блага и споконья побудить высказаться заслуженнаго профессора, мнѣніе котораго имѣло такой вѣсъ для духовенства. Вотъ что пишетъ по этому поводу Янковскій:

„Съ понятною деликатностью въ исключительному положенію и характеру профессора Бобровскаго, поручено было протопресвитеру Тупальскому, пользовавшемуся давнею дружбою и уваженіемъ Бобровскаго, сообщить ему о вполнѣ уже тогда созрѣвшей мысли воссоединенія“.

„Опытный протопресвитеръ повелѣ было рѣчь издалека“.

— „Вы столько разъ бывали въ Римѣ и даже тамъ долго проживали, скажите же намъ, профессоръ, правда ли: что въ Римѣ есть и монополія спасенія“?

— „Не могу вамъ доложить—отвѣчалъ Бобровскій—такъ какъ на этой сдѣлкѣ, если она и существуетъ, нѣтъ моего рукопривлеченія (ja się do tego nie pisałem“).

„Далѣе того разговоръ уже не заходилъ“¹⁾.

Въ спискѣ 114 духовныхъ лицъ литовской греко-уніатской епархіи, которыя по своимъ способностямъ и нравственному достоинству составляли „самое чело греко-уніатскаго духовенства“, и обязались подписками споспѣшествовать благому дѣлу соединенія уніатовъ съ православною церковью“, подъ № 10 значится: „профессоръ эмеритъ бывшаго виленскаго университета, младшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій“²⁾.

Еще ранѣе представленія списка подписавшихся на содѣйствіе къ воссоединенію, епископъ Сѣмашко предложилъ протоіерею Бобровскому занять мѣсто въ коллегіи. „На пастырское предложеніе (отвѣчалъ онъ въ сентябрѣ 1837 г.), осмѣливаюсь доложить, что я не чувствую склонности измѣнить мою споконную жизнь на хлопотливую, не только ради исполненія

¹⁾ Холм. мѣс. на 1867 г., стр. 116.

²⁾ Записки митрополита Юсіфа, т. II, стр. 30. Списокъ должностныхъ лицамъ и проч. приложенъ къ отчету Юсіфа Сѣмашки, отъ 3 октября 1837 года, о состояніи обѣихъ уніатскихъ епархій во всѣхъ отношеніяхъ.

іерархическихъ обязанностей, къ которымъ не имѣю ни склонности, ни способности, но и ради письменныхъ занятій, которыя, въ столицѣ могущественнаго государства, требуютъ навыка и ловкости. Если же по вашему представленію меня вызовутъ въ греко-уніатскую коллегію, то я просилъ бы вмѣстѣ съ вызовомъ меня сохранить мое право на полученіе пенсіи независимо отъ жалованья засѣдателя, а также чтобы я могъ бы выѣхать въ Петербургъ около новаго года, когда установится путь и устроятся мои семейныя дѣла. Дѣлаю эту жертву на опредѣленный лишь срокъ, Богъ дастъ короткій, не ради блеска достоинствъ, потому что ничего такъ не желаю, какъ жить въ спокойномъ уголку, но для удовлетворенія желанія вашего преосвященства⁴.

По этому поводу вотъ что писалъ Бобровскому Іосифъ Сѣмашко (буквально въ переводѣ): „Итакъ, самое горячее мое желаніе, чтобы мы могли вмѣстѣ пожить и послужить, хотя нѣкоторое время (niejaki czasik), теперь исполниться не можетъ. Два раза я говорилъ уже оберъ-прокурору относительно вашей эмеритуры—онъ признаетъ совершенно справедливымъ оставленіе вамъ пенсіи и соглашается доложить объ этомъ Государю, но не ручается вполне за послѣдствія. Подобныя дѣла для министровъ чрезвычайно щекотливы, имъ крайне неприятно получить отказъ на свое представленіе. Намъ было бы еще болѣе неприятно, если бы получена была на докладѣ неблагоприятная для дѣла Высочайшая резолюція—а слово Государя не легко измѣнить. Итакъ, лучше оставить пока въ сторонѣ это дѣло, чѣмъ подвергать его случайности, тѣмъ болѣе, что переселеніе въ Петербургъ, не знаю, будетъ ли вамъ болѣе пріятно или неприятно. Вотъ я и обманулся въ надеждѣ имѣть при себѣ достойнаго товарища—для васъ, можетъ быть, только хорошо было бы увидѣть Петербургъ и я не отчаиваюсь видѣть васъ здѣсь, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ. Поручая себя вашей памяти, прошу относиться, въ случаѣ какихъ либо личныхъ дѣлъ, прямо ко мнѣ, какъ къ пріятелю, который остается къ вамъ, м. г., съ истиннымъ уваженіемъ и привязанностью, вашъ нижайшій слуга Іосифъ Сѣмашко, епископъ ¹⁾“.

⁴⁾ Переводъ съ польскаго подлиннаго письма отъ 9 октября 1837 года, приклееннаго къ л. 39. Сборникъ писемъ. Въ своемъ отвѣтѣ, 27 января 1838 г. Михаилъ Кирилловичъ благодаритъ епископа за новый знакъ къ нему вниманія.

23 февраля 1838 года умеръ митрополитъ Иосафатъ Булгакъ. Епископъ Сѣмашко назначенъ предсѣдателемъ коллегіи, а Василій Лужинскій ея членомъ и управляющимъ полоцкой епархіей. „Въ скоромъ времени надобно ожидать высочайшаго манифеста о воссоединеніи униатовъ съ господствующимъ въ Россіи вѣроисповѣданіемъ“. (Письмо къ А. Сосновскому).

Послѣ назначенія своего предсѣдателемъ коллегіи епископъ Іосифъ Сѣмашко счелъ своимъ долгомъ представить протоіерея М. К. Бобровскаго къ производству въ старшіе соборные протоіереи. Представленіе мотивируется такимъ образомъ: „Сей ученый профессоръ былъ наставникомъ всѣхъ нынѣшнихъ униатскихъ епископовъ и большей части духовныхъ сего обряда, занимающихъ важнѣйшія мѣста по управленію епархіей и училищному вѣдомству и пользуется общимъ уваженіемъ. Не занимая низаго мѣста, онъ не могъ дѣятельно участвовать въ преобразованіи греко-униатской церкви, но всегда оказывалъ полное повиновеніе и усердіе къ оному. Онъ подвергался лично оскорбленію нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ за возстановленіе обрядовъ восточной церкви; а благочиніе, въ коемъ онъ проживалъ, оказалось самымъ спокойнымъ и послушнымъ. Сверхъ того, онъ ревизовалъ по распоряженію начальства Мѣлецкое уѣздное училище и оказавшееся сомнительнымъ Лѣбешовское благочиніе, которое и успокоилъ ¹⁾“.

Подчиненіе греко-униатской церкви Святѣйшему Синоду, по видимому, способствовало усиленію въ духовенствѣ литовской епархіи готовности къ воссоединенію. Между тѣмъ волненіе униатскаго духовенства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлорусской епархіи, обнаружившееся осенью 1838 г. (послѣ поѣздки Скрипична), и въ Бѣлостоцкой области побудили предсѣдателя коллегіи Іосифа Сѣмашку подать графу Протасову записку объ окончательномъ шагѣ въ воссоединенію униатовъ съ православною церковью. Значительное большинство греко-униатскаго духовенства литовской епархіи уже дало подписки о готовности духовнаго единенія съ православными, дальнѣйшее промедленіе могло бы обострить противодѣйствіе упорствовавшихъ. Оставалось утвердить все это дѣло юридическимъ актомъ, что и испол-

¹⁾ Зап. Іосифа митрополита, т. II, стр. 73.

нено 12-го февраля 1839 года, въ недѣлю православія, въ Полоцкѣ. Для этого туда созваны были главнѣйшіе официальные представители обѣихъ епархій. Актъ воссоединенія утвержденъ Государемъ 25 марта въ праздникъ Благовѣщенія, словами: „Благодарю Бога и принимаю“.

Протоіерей Бобровскій, какъ не занимавшій официальнаго мѣста, не присутствовалъ на актѣ воссоединенія въ Полоцкѣ, въ числѣ 24 представителей. Получивъ отъ Тупальскаго извѣстіе о предстоящемъ въ Полоцкѣ торжествѣ, онъ писалъ къ нему изъ Шерешева, 18 февраля 1839 года, что „было бы весьма полезно, если бы вы какъ управлявшій епархіей около полустолѣтія и потому хорошо знакомый со всѣми обстоятельствами, передали потомству исторію начала униі, ея распространеніе, наклоненіе къ упадку и самое паденіе. Слѣдовало бы подробнѣе остановиться на современныхъ фактахъ, передать послѣдовательное преемство митрополитовъ, начиная отъ Лисовскаго, а равно епископовъ; написать о каждомъ краткую біографію; указать, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ для блага униатской церкви или же способствовалъ къ ея упадку. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базилианскій орденъ. Дѣятелей этого ордена надлежало бы указать. А чтобы работа эта, назидательная для потомства, нивого не свомпрометировала бы, разсудительность требуетъ отъ автора употребить перо Тацита“¹⁾.

Въ началѣ сентября 1839 года Михаилъ Кирилловичъ приглашенъ былъ епископомъ Іосифомъ Сѣмашкою въ Вильну, для участія въ торжествахъ по случаю воссоединенія. Изъ письма Сѣмашки (конфиденціального) къ графу Протасову отъ 4 сентября 1839 года видно, что 1-го сентября прибыли въ Вильну для совершенія торжественнаго богослуженія преосвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ литовскій, и Антоній Зубко, епископъ минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ названъ и старшій соборный протоіерей Михаилъ Бобровскій. Въ воскресенье, 3 сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базилианскомъ, монастырѣ совер-

¹⁾ Сборн. пис. М. К. Бобровскаго, л. 43. Письмо къ официалу протопресвитеру Тупальскому, 18 февраля 1839 г.

шилось торжественное богослужение трех архиереев при необыкновенно большом стечении народа: „священниковъ въ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей—Тушальскій, ректоръ Гомолицкій и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывшій по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ“¹⁾).

Итакъ, въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православіемъ, роль протоіерея М. Бобровскаго вовсе не была пассивною, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ виду того, что его имени нѣтъ въ числѣ 24 представителей греко-униатской церкви, подписавшихъ полоцкій актъ въ февралѣ 1839 года. Мы знаемъ, что онъ самъ не желалъ занимать въ іерархіи положенія достойнаго его дарованій и заслугъ²⁾, но знаемъ также и то, что онъ всегда охотно шелъ на помощь своимъ ученикамъ, то сдерживая порывы слишкомъ ретивыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то устраняя препятствія тамъ, гдѣ являлось опасное сопротивленіе. Самый важный актъ, которымъ собственно и начинается дѣло воссоединенія—введеніе богослужебныхъ книгъ московской печати—вполнѣ былъ согласенъ съ его воззрѣніемъ на этотъ вопросъ, высказаннымъ еще въ 1830 году. Но еще болѣе важную заслугу Бобровскій оказалъ въ вопросѣ по восстановленію въ униі обрядовъ греко-восточной церкви, со всѣми второстепенными дѣйствіями. Эта мысль укрѣплялась и росла по мѣрѣ развитія его ума и дарованій; она впервые выразилась рельефно въ его вступительныхъ лекціяхъ о св. писаніи въ его проповѣдяхъ, направленныхъ противъ разстѣвшаго ученія библейцевъ въ Вильнѣ; затѣмъ она осуществилась на дѣлѣ его практическими указаніями воспитанникамъ главной духовной семинаріи при совершеніи богослуженія въ св. николаевской виленской церкви съ 1827 г. Дѣло это, при его дѣйствительномъ, активномъ участіи, продолжало

¹⁾ Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37. Здѣсь кстати припомнить о событіи 1817 года, въ день св. Троицы. Невольно скажешь при этомъ, вмѣстѣ съ Янковскимъ: «Судьбы Господни не исповѣдимы».

²⁾ Михаилъ Кирилловичъ, какъ передавалъ мнѣ ннѣ почти столѣтній старецъ сваш. Левицкій, «много работалъ надъ присоединеніемъ уни къ православію и, кажется, что его руководствомъ и планами пользовался Іосифъ Сѣмашко. (Сообщено). П. В.

развиваться во всѣхъ благочиніяхъ послѣ начертанія епископами, въ 1834 году, извѣстной программы, но не ранѣе конца 1836 г. Возстановленіемъ греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ и введеніемъ книгъ московской печати сдѣлано было все то, что собственно и было необходимо сдѣлать прежде совершенія акта воссоединенія. Какъ „наставникъ архипастырей и большей части духовныхъ, занявшихъ высшее положеніе въ обѣихъ епархіяхъ“, онъ сдѣлалъ все, что могъ и считалъ обязаннымъ сдѣлать по совѣсти, не выходя изъ очерченнаго себѣ круга, но предоставляя завершать дѣло „достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ“ ученикамъ своимъ.

V.

Занятіе славистиной и послѣдніе годы жизни въ Шерешевѣ.

Филологическіе и библиографическіе труды.—Ошибочное сужденіе профессоромъ Кояловича и Кочубинскаго.—Значеніе Бобровскаго въ русской наукѣ.—Образъ жизни заслуженнаго профессора.—Поездка его въ Полоцкъ (1844 г.).—Посѣщеніе шерешевского отшельника архіепископомъ Іосифомъ Сѣмашкою (1846 г.).—Послѣднія минуты жизни и кончина 21 сентября 1848 г.—Памятникъ надъ могилою.—Крестъ во имя Кирилла и Меодія, принесенный въ даръ шерешевской церкви.—Судьба библиотекъ, рукописей и переписки.

Михаилъ Кирилловичъ, поселившись въ м. Шерешевѣ, не прекращалъ своихъ любимыхъ занятій славистиной, филологіей и археологіей. Въ библиотекѣ, перевезенной изъ Вильны въ 1834 году, находились весьма цѣнныя славянскія книги, кирилловскаго и глаголическаго шрифта, прибрѣтенныя Бобровскимъ на собственныя средства за границу, большею частію въ Венеціи. По составу своему и мысли ея обладателя библиотека шерешевская занимала тогда первое мѣсто въ западной Россіи и была единственною въ своемъ родѣ. Кромѣ книгъ, Бобровскій привезъ съ собою въ Шерешево: снимки съ древнѣйшихъ рукописей славянскихъ, тетради съ своими библиографическими записками, свои черновыя путевыя замѣтки или дневникъ и нѣсколько весьма цѣнныхъ рукописей; въ числѣ послѣднихъ отмѣтимъ: знаменитую Супрасльскую и древнюю харатейную псалтирь; первая взята была изъ Супрасли,

въ 1824 г., подъ росписку (№ 1), послѣдняя—изъ Ниволаевской виленской церкви. Были у него и другія цѣнныя вещи—памятники благочестія древнихъ славянъ. На свободѣ Михайлъ Кирилловичъ продолжалъ свои филологическія изслѣдованія и подготовлялъ матеріалы для нѣкоторыхъ изданій, о чемъ онъ писалъ въ епископу Яворовскому, сообщалъ своему другу И. Даниловичу и епископу Сѣмашкѣ.

Существуетъ мнѣніе, что заслуженный профессоръ, живя въ деревенской глуши, совершенно бросилъ литературныя занятія и поѣтому не оставилъ никакихъ работъ, достойныхъ его богатыхъ дарованій и обширныхъ свѣдѣній.

Но съ этимъ мнѣніемъ не согласуются факты, нами приведенные въ извѣстность. Въ спокойномъ уголку шерешевскомъ, Михайлъ Кирилловичъ исподволь, но постоянно накоплялъ филологическіе матеріалы въ особыхъ тетрадахъ въ формѣ библиографическихъ замѣтокъ и записокъ; кромѣ трудовъ надъ старопечатными книгами и рукописями старославянскими онъ приготовилъ въ печати: „Исторію славянскихъ книгопечатень въ Литвѣ (литовской Руси)“; наконецъ, у него же были собраны матеріалы для исторіи церкви у славянъ. О первомъ трудѣ упоминаетъ въ своемъ словарѣ Эстрейхеръ, говоря, что „эта рукопись была у Бобровскаго въ 1846 г.“.

Но главныя занятія М. Бобровскаго состояли въ работахъ по славянской филологіи и онъ долго дѣлѣалъ мысль объ изданіи имъ Супрасльской рукописи и лѣтописца Подола (извѣстнаго теперь подъ именемъ лѣтописца литовскаго). Объ эти рукописи, какъ видно изъ переписки, открыты были М. К. Бобровскимъ лѣтомъ 1823 г.

Характеристика профес. М. О. Кояловича, основанная на событіяхъ 1823 и 1824 гг. и на секретныхъ аттестаціяхъ В. Пеликана, человѣка партіи, ультрамонтана, враждебнаго въ бѣлому греко-уніатскому духовенству, ошибочна. Сужденія г. Кочубинскаго въ недавно изданной имъ книгѣ: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія—Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ“ (Одесса, 1888 г.) даютъ прервратную оцѣнку дѣятельности профессора Бобровскаго въ области славяновѣдѣнія и не согласны даже съ фактами его послужнаго списка. Все это опровергается письмами М. К. Бобровскаго

въ Тупальскому и Сѣмашевѣ. Друзей интимныхъ—ad intimis Бобровскій не имѣлъ въ лагерѣ, противномъ свѣтскому клиру въ русской униі. Имѣющаяся же въ нашемъ распоряженіи переписка М. К. Бобровскаго объясняетъ переходъ Супрасльской рукописи изъ его рукъ, помимо его желанія. Обѣ открытыя имъ рукописи онъ думалъ самъ издать русскимъ шрифтомъ и съ этою цѣлью заказалъ одной виленской типографіи славянскій шрифтъ для Супрасльской рукописи и выписалъ Софійскій Временникъ (для справки съ своимъ лѣтописцемъ). Въ 1838 году проф. Эйхвальдъ и друзья (между ними Востоковъ?) уговорили Бобровскаго послать Супрасльскую рукопись для переписки къ Колитару, а въ слѣдующемъ 1839 году у него потребовали отсылку въ литовскую консисторію лѣтописца Подола. И вотъ что Бобровскій, между прочимъ, писалъ по этому поводу Пинскому епископу Михаилу Голубовичу: „Сохранивъ у себя Лѣтописца Подола, въ изданіи котораго я самъ отчасти принималъ участіе, съ особенною радостью отсылаю теперь этотъ рѣдкій историческій памятникъ въ правительственное учрежденіе въ той надеждѣ, что онъ дойдетъ до археографической комиссіи и, наконецъ, исполнится желаніе приснопамятнаго государственнаго канцлера Румянцева и рукопись издана будетъ такимъ же способомъ, какимъ былъ изданъ Несторъ, отецъ русскихъ историковъ ¹⁾“

Слѣдовательно, Михаилъ Кирилловичъ: 1) открылъ южно-русскаго лѣтописца, извѣстнаго по польскому изданію Даниловича подъ именемъ: „Литовскаго лѣтописца и русской хроники“, 2) намѣренъ былъ самъ издать его русскимъ шрифтомъ, такимъ же, какимъ изданы были другія русскія рукописи на издженіе графа Румянцова. Но намѣренія Бобровскаго издать самому: 1) хорватскую хронику, списанную имъ въ ватиканской бібліотекѣ въ 1820 г., 2) житія святыхъ и проповѣди Іоанна Златуста, и 3) лѣтописца Подола, содержащаго литовско-русскую хронику, не были приведены въ исполненіе, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; для этого нужны были: во 1-хъ — средства, во 2-хъ мѣстныя удобства, а въ Шерешевѣ нельзя было

¹⁾ Сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго, л. 43 обор., 44, 45. Рапортъ въ литовскую консисторію 5 декабря 1839 г., № 17, рапортъ епископу Пинскому, архимандриту Вытенскому Михаилу Голубовичу, 10 декабря 1839 г., № 18.

имѣть даже и хорошаго переплетчика. Первая (хорватская) рукопись издана Куколевичемъ (за границую) спустя три года послѣ кончины Бобровскаго, вторая—Супрасльская—еще до сихъ поръ не издана; въ 1851 году въ Вѣнѣ издалъ часть ея послѣдователь Копитара—Мивлосичъ, но только не съ подлинника, а по списку Копитара. Накопленные же Бобровскимъ многолѣтнія филологическія изслѣдованія вмѣстѣ съ другими матеріалами и снимками исчезли послѣ его смерти, а куда—увидимъ ниже. Чтѣ Бобровскій былъ страстнымъ любителемъ и глубокимъ знатокомъ древностей славянскихъ и русскихъ, что онъ зналъ цѣну сдѣланымъ имъ открытіямъ и потому тщательно сохранялъ цѣнныя рукописи (не довѣряя даже монастырю) и что на эти предметы смотрѣлъ, какъ на вещи не подлежащія отчужденію, а тѣмъ менѣе какъ на средство для обогащенія; все это достаточно выяснено въ нашихъ изслѣдованіяхъ; напротивъ, какъ свидѣлствуютъ люди, въ нему близкіе, онъ и при небольшихъ своихъ средствахъ, со времени пятилѣтняго путешествія по Европѣ (особенно со времени пребыванія въ Венеціи въ 1820 году), на пріобрѣтеніе и собираніе книгъ и рукописей, въ теченіе почти четверти столѣтія, затратилъ свои собственныя и не малыя деньги. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ множество снимковъ (facsimile) и далъ каждой разсмотрѣнной имъ рукописи, гдѣ либо въ Европѣ и въ западной Россіи, библиографическую оцѣнку.

Собирая книги и рукописи, имѣвшія прямое отношеніе или къ греко-славянскому богослуженію, или къ русской народности, онъ, однаво, не повидалъ надежды важнѣйшія изъ нихъ издать самому славянскимъ или русскимъ шрифтомъ. Въ наукѣ славянской филологіи онъ былъ піонеромъ въ Россіи и, по всей справедливости, долженъ быть названъ самымъ виднымъ дѣятелемъ по сохраненію русской народности между униатами западной Россіи.

Мы, наконецъ, приближаемся въ концу жизни этого достойнѣйшаго литовско-русскаго ученаго слависта-богослова, котораго жизнь и дѣла, во многихъ отношеніяхъ поучительныя, не могутъ быть исчерпаны въ настоящемъ очеркѣ.

Наружность Михаила Кирилловича послѣ воссоединенія съ

православіемъ измѣнилась въ томъ отношеніи, что онъ сталъ носить усы и бороду. Одѣяніе въ рясѣ и мѣховой бобровой шапкѣ его особенно тѣшило: онъ доволенъ былъ восстановленіемъ обычаевъ старины, по археологическому рисунку, только не совсѣмъ доволенъ былою своею ужъ слишкомъ невзрачною бородкою; случалось подсмѣивался надъ безбородымъ своимъ викарнымъ отцемъ Савинскимъ и не безъ гордости смотрѣлъ на благообразіе своихъ двухъ дьячковъ: Ивана Шумовскаго и Юсифа Сѣмашку (однофамилца и одноименника архипастыря).

Житейская обстановка протоіерея всегда была весьма скромною. Его шерешевскій домикъ—состоялъ изъ четырехъ комнатъ, сѣней и кухни. Налѣво отъ сѣней гостинная, украшенная изображеніями четырехъ евангелистовъ, вывезенныхъ изъ Италіи, чрезвычайно изящной живописи. Надъ диваномъ былъ портретъ государя Николая Павловича, котораго протоіерей считалъ самымъ лучшимъ монархомъ своего вѣка, „самымъ лучшимъ отцомъ насъ всѣхъ“ (письма къ Тупальскому и Сосновскому). Прямо противъ входа находился письменный столъ, всегда заваленный кипкою бумагъ и текущею корреспонденціей. На каминѣ была старинная мраморная фигура, для помѣщенія цвѣтовъ, до которыхъ Михаилъ Кирилловичъ съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ. На право—входъ въ спальню и библіотеку: книгами, исключительно старинными, между которыми красовались бѣлые вороны (*albi corvi*),—установленъ былъ шкафъ во всю стѣну отъ пола до потолка. Заслуженный профессоръ, достигнувъ 64-хъ лѣтънаго возраста, читалъ безъ очковъ и сохранилъ привычку передъ сномъ читать, лежа въ постелѣ, всегда съ карандашемъ въ рукѣ. На право отъ сѣней—столовая, весьма скромная, съ нѣсколькими большими кѣлками, наполненными множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, и еще смежная со столовой комната для гостей или ночлежниковъ.

Передъ окнами гостинной лѣтомъ красовался роскошный цвѣтникъ, съ самыми затѣливыми цвѣтами. Получить цвѣтокъ изъ рукъ профессора или прелата (какъ его называли сосѣди) считалось величайшимъ вниманіемъ; за домою фруетовый садъ съ отборными сортами яблонь, грушъ, черешень и вишенъ. На противоположной сторонѣ двора помѣщались парники. Уходъ за цвѣтниками, парниками и садомъ былъ обычнымъ привилегированнымъ утреннимъ занятіемъ отца Михаила.

Обязанности приходскаго священника протоіерей Михаилъ выполнялъ съ самою строгою акуратностію и въ этомъ отноше- нии вполнѣ усвоилъ себѣ привычки своего престарѣлаго отца Кирилла: то же участіе къ ближнему, таже строгость къ самому себѣ, снисходительность къ ошибкамъ другихъ и самая горячая готовность оказать помощь нуждающимся. Навѣстити больнаго и укрѣпить причастіемъ умирающаго, во всякое время дня и ночи, въ ненастье и стужу, были естественнымъ влеченіемъ сердца любящаго и чувствительнаго къ страданію ближняго

Въ воскресные и праздничные дни въ церкви, всегда пере- полненной прихожанами, между которыми было не мало като- ликовъ, протоіерей говорилъ поученіе на червоно-русскомъ или галицкомъ языкѣ. Проповѣдникъ, прочитавъ съ разстановкою дневное евангеліе, объяснялъ евангельскій рассказъ въ выраже- ніяхъ самыхъ простыхъ, неизысканныхъ, а въ заключеніе, за- крывая книгу, произносилъ слово, относившееся къ обыденной жизни своихъ прихожанъ. Рѣчей своихъ Михаилъ Кирилловичъ не записывалъ. «При погребеніи хозяина или хозяйки всегда го- ворилъ слово, изображая похвальныя дѣла умершаго съ присово- купленіемъ назиданія, сообразуясь съ жизнію покойнаго, или видя нужду истреблять пороки при мысли о смерти. Его обли- ченія большею частію направлены были къ истребленію въ на- родѣ пороковъ, особенно пьянства и разврата». (Протоіер. Мих. Токаревскій). Рѣчи Бобровскаго, по словамъ архіепископа Фила- рета, служили образцомъ краснорѣчія для духовныхъ пастырей, какъ по мысли, такъ и по стилю; его бесѣды съ амвона, по своей искренности, полныя любви къ ближнему и заботы о его благо- состояніи, о мирѣ и спокойствіи, имѣли воспитательное значеніе для народа; въ рѣчахъ отца Михаила простолюдины всегда на- ходили, по своему, глубокіе намеки; плодovitая мысль проповѣд- ника облекалась въ естественныя и простыя формы.

Въ другомъ домѣ, бывшемъ при церкви Рождества Богоро- дицы (Пречистенской), помѣщался причтъ и богадѣльня для пре- старѣлыхъ и увѣчныхъ (на нѣсколько кроватей). Для разныхъ церковныхъ хозяйственныхъ распоряженій существовало братство.

Обычными собесѣдниками заслуженнаго профессора, по вече- рамъ, кромѣ всендза Пануфника и викарнаго священника Са- винскаго, были офицеры, квартировавшей въ м. Шерешевѣ

артиллерійской бригады. Отъ времени до времени навѣщали своего профессора бывшіе его ученики, члены «Жиговицкой семьи», особенно Янковскій и Голубовичъ. Изъ сосѣдей бывалъ чаще всѣхъ страстный библіофилъ Владиславъ Тренбицкій, который пользовался расположеніемъ слависта-ориенталиста. У него Тренбицкій, кажется, учился еврейскому языку. Нерѣдко протоіерей велъ состязанія съ еврейскими раввинами въ мѣстной синагогѣ, лучшемъ каменномъ зданіи въ мѣстечкѣ. Въ шерешевской синагогѣ можно было встрѣчать ученыхъ раввиновъ изъ Бердичева, Варшавы и т. д.

Въ 3-хъ верстахъ отъ м. Шерешева, въ имѣніи Обрубѣ, жило семейство его единственного брата Юсифа, доктора философіи, также ученаго и, притомъ, хорошо знавшаго агрономію. Братья жили между собою съ дѣтства почти неразлучно въ самой тѣсной дружбѣ. Хозяйство въ Обрубѣ процвѣтало. Тѣнистый садъ съ роскошными цвѣтниками и пчелами служилъ приманкою для Михаила Кирилловича, когда въ досужее время онъ навѣщалъ пѣшкомъ семейство своего брата. Заботливость о воспитаніи и судьбѣ своихъ малолѣтнихъ племянниковъ, послѣ того, когда они, въ 1843 году, лишились своего отца, была безпримѣрная. Случалось, онъ съ ними игралъ и забавлялся. На образованіе и устройство ихъ въ учебныя заведенія Михаилъ Кирилловичъ прилагалъ особенное попеченіе и давалъ всѣ способы. Только въ послѣдствіи мы поняли, чѣмъ обязаны своему дядѣ—наставнику и опекуну. Каждого изъ насъ онъ изучилъ и важдого старался направить, согласно со способностями и наклонностями.

Михаилъ Кирилловичъ поддерживалъ свои добрыя отношенія къ бывшимъ ученикамъ своимъ, занимавшимъ важнѣйшіе посты въ воссоединенной духовной іерархіи. Въ ноябрѣ 1844 года, пользуясь своею поѣздкою въ Полоцкъ, для доставленія меня въ корпусъ, Михаилъ Кирилловичъ навѣститъ, между прочими: епископа Михаила (въ Жиговицахъ), архіепископа Антонія (въ Минскѣ), архимандрита Филарета (бывшаго ректоромъ Полоцкой семинаріи) и архіепископа Василия—въ Витебскѣ. Встрѣтивъ въ Витебскѣ (куда онъ нарочно ѣздилъ изъ Полоцка) знакомаго ему гравера Кисличнаго (окончившаго курсъ С.-Петербургской академіи художествъ), Бобровскій пожелалъ передать ему бывшій у него крестъ св. Параскевы, „драгоценный памятникъ

славянскаго благочестія“, съ тѣмъ, чтобы Кисличный вырѣзалъ рисунокъ его на мѣди и прислалъ къ нему одинъ литографированный оттискъ. По этому поводу онъ писалъ къ Филарету въ Полоцкъ: „По присылкѣ мнѣ одного экземпляра съ мѣстными вѣдомостями, я могъ бы заняться историко-критическимъ его описаніемъ. Это служило бы дополненіемъ къ описанію креста св. Евфросиніи (Полоцкой)“.

„Благодарность учениковъ своимъ наставникамъ есть самый драгоценный небесный даръ. Кажется, еще первый разъ въ своей жизни я испыталъ это на р. Двинѣ. Радужный сердечный пріемъ отшельника изъ подъ Бѣловѣжской пуши напомнилъ мнѣ о блаженныхъ временахъ патріарховъ и о моемъ путешествіи между славянами въ Далмаціи и въ Чешской Прагѣ ¹⁾“.

Въ слѣдующемъ 1846 году шерешевскаго отшельника осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Іосифъ Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Это посѣщеніе, какъ дань благодарности великаго западно-русскаго архипастыря своему наставнику, на склонѣ его жизни, послужило доказательствомъ, что и на берегахъ р. Вилии не оскудѣвалъ тотъ даръ небесный, о которомъ Михаилъ Кирилловичъ говорить въ письмѣ къ любимѣйшему ученику своему, жившему на р. Двинѣ.

Около половины мая 1846 г. профессоръ получилъ слѣдующую записку отъ епископа Михаила Голубовича, изъ Жировиць. „Къ тебѣ, дорогой профессоръ, явятся два гриба: одинъ громадный, съ присовокупленіемъ многихъ волнушекъ, другой такъ себѣ—малозначущій, который, однако, присоединится къ истребленію вашихъ запасовъ. Объ угрожающемъ вамъ опустошеніи (*desolatii i devastacii*), архіепископъ вотъ что нишетъ (буквально): „Я думалъ было миновать Шерешево, разъ что въ сторонѣ, другой разъ, что, кажется, у нашего батьки Бобровскаго прошлымъ лѣтомъ градъ побилъ воловъ, которые онъ кормилъ къ моему пріѣзду. Но послѣ подумалъ: не заѣхать, будетъ сердиться—а воловъ не пожалѣемъ (не пожелаемъ?), вѣдь тогда будетъ Петровъ постъ. За то пусть таки похлопочетъ прокормить меня три дня со святою, да еще въ день рожденія Государа Императора,

¹⁾ Изъ письма къ архимандриту Филарету Малишевскому отъ 22 января 1845 г. Сборн., л. 47, 48.

попотчивать насъ чѣмъ либо, хотя бы съ шерешевской приправой“.

„Къ этому времени, продолжаетъ преосвященный Михаилъ, и я явлюсь въ Шерешево, вѣроятно, со стороны Янова, къ 25 іюня. Приѣду налегкѣ безъ свиты, такъ какъ и четверку лошадей не легко добыть. Искренне говорю, не хотѣлось бы быть кому либо въ тягость и былъ бы очень радъ, если бы можно было для посѣщенія церквей, лежащихъ въ сторонѣ, нанимать четверку лошадей. Буду ждать оффиціального отзыва и вашего совѣта ¹⁾“.

Посѣщеніе архипастыремъ скромнаго жилища въ Шерешевѣ и деревенскаго домика въ Обрубѣ до глубины души тронуло профессора, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ его строкъ въ письмѣ къ архіепископу. „Свободныя какъ бы родственныя отношенія въ домашнемъ кругу семейства (моего покойнаго брата) навсегда оставили благія чувства благодарности въ сердцахъ тѣхъ, которые были осчастливлены вниманіемъ столь высокихъ гостей. Столѣтняя липа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбитая молніей, садовыя деревья, склонившія свои вѣтви подъ тяжестью плодовъ, рожицы, охраняющія отъ солнечнаго припева, цвѣтистыя луга, увѣнчивающіе плодоносныя нивы—всегда напоминать будутъ жителю обрубской избушки, что тамъ было мѣсто отдохновенія, а здѣсь стопы на орлахъ уносящіяся. Присланныя вещи на память, принятыя съ величайшею благодарностію, служатъ новымъ доказательствомъ удовольствія, доставленнаго нашимъ ховяйствомъ. Ихъ раздѣлъ согласенъ съ архипастырскими намѣреніями—для сестры китайскіе плоды, а для деревенщины профессора—американскіе“ ²⁾.

Посѣщеніе Іосифомъ Сѣмашвою и Михаиломъ Голубовичемъ

¹⁾ Подлинное письмо Михаила епископа отъ 9 мая 1846 года прилежно между двумя отпусками писемъ М. К. къ архіепископу Сѣмашкѣ отъ 25 іюля и 29 августа 1846 года. Кстати приведемъ здѣсь замѣчаніе Плакида Янковскаго въ его характеристикѣ. «Отрадно было видѣть, какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ окружали заслуженнаго мужа наши возсоединенные архипастыри, всѣ до одного почитавшіе въ немъ и своего наставника». Холм. мѣсяц. на 1867 г. стр. 117.

²⁾ Изъ письма М. К. къ архіепископу Іосифу Сѣмашкѣ, отъ 25 іюля 1846 Сборн. л. 49, на об.

съ большою свитою и пѣвчими Шерешева было послѣднимъ лучемъ свѣта въ скромной деревенской жизни ученаго мужа...

Устроивъ въ слѣдующемъ 1847 году своихъ племянниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и обезпечивъ при вторичномъ замужествѣ свою сестру—вдову покойнаго брата, Михаилъ Кирилловичъ остался въ полномъ смыслѣ слова—сиротою, скучалъ, даже впадалъ въ уныніе и 21 сентября 1848 года сталъ жертвою жестокой холеры. Нивого изъ близкихъ родныхъ не было при его внезапной кончинѣ. Библіотека, рукописи, филологическіе матеріалы, записки, письма и разные документы—всѣ эти сокровища науки—исчезли. И все вдругъ опустѣло...

Очевидецъ священникъ Іоаннъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Антоній) оставилъ слѣдующее описаніе о послѣднихъ минутахъ жизни глубоко чтимаго духовенствомъ и прихожанами благочиннаго.

„Покойный профессоръ, въ началѣ второй половины сентября мѣсяца, присутствовалъ на совѣщаніи священниковъ Пружанскаго благочинія, бывшемъ въ домѣ настоятеля Сухопольской церкви священника Сильвестра Пероцкаго. Жара въ то время была необычайная и въ м. Шерешевѣ свирѣпствовала холера. Протоіерей привезъ съ собою какія-то капли, которыя употреблялъ каждый разъ передъ принятіемъ пищи. Онъ ихъ принялъ до обѣда, а послѣ обѣда заснулъ, по обыновенію, сидя въ креслѣ. Чтобы не помѣшать отдыху отца благочиннаго, присутствовавшіе на совѣщаніи священники въ это время вышли въ садъ. Проснувшись, Бобровскій къ вечеру уѣхалъ домой, повидимому, совершенно здоровый. На слѣдующій день, утромъ, священникъ Іоаннъ, оставшійся на ночлегъ въ домѣ Сухопольскаго священника, получилъ письмо изъ Шерешева. Его просили поспѣшить какъ можно скорѣе приѣздомъ, чтобы напутствовать св. дарами умирающаго благочиннаго. Отецъ Іоаннъ засталъ Михаила Кирилловича въ страшныхъ мученіяхъ... Врачи употребляли усилія, чтобы спасти страдальца (между прочимъ—сажали его въ холодную ванну), все было тщетно: холера развилась въ сильной степени и черезъ нѣсколько часовъ протоіерей скончался“.

„Во время болѣзни и смерти благочиннаго въ домѣ былъ страшный безпорядокъ. Некому было присматривать за цѣлостію его имущества. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, секретарь

протоіерея (надо полагать, такъ названъ дьячекъ Иванъ Шумовскій) сталъ прибирать разныя вещи покойнаго въ свои руки. Замѣтивши расхищеніе имущества, о. Іоаннъ пригласилъ становаго пристава (Лозинскаго), для опечатанія имущества. Викарный священникъ (о. Михаилъ Савинскій), весьма преданный своему настоятелю, былъ до крайности пораженъ его смертью, плакалъ навзрыдъ, но имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ: съ горя, тотчасъ послѣ кончины своего благодѣтеля, сталъ привлачиваться къ бутылочкѣ: „Niema tego Pralata!“ (нѣтъ моего прелата), приговаривалъ онъ съ плачемъ: „Trzeba wupic!“ (Сообщено изъ зап. Кургановича).

Михаилъ Кирилловичъ скончался на 64 году своей жизни, похороненъ у алтаря кладбищенской церкви и надъ его могилою, иждивеніемъ духовенства Пружанскаго благочинія, тогда же сооруженъ памятникъ въ видѣ пирамиды изъ громаднаго дерева Бѣловѣжской пуши.

Въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ и другихъ главнѣйшихъ пунктахъ обѣихъ епархій, вездѣ, гдѣ были ученики и почитатели Бобровскаго, отслужены торжественныя панихиды съ колокольнымъ перезвономъ во всѣхъ православныхъ храмахъ...

Безъ сомнѣнія не одна могила съ скромною деревянною пирамидою въ видѣ обелиска напоминаетъ окрестнымъ жителямъ о почившемъ въ м. Шерешевѣ ученомъ славистѣ. Скажемъ словами его ученика Янковскаго: „Судьбы Божіи неисповѣдимы. Кто знаетъ, можетъ быть, этому человѣку, не успѣвшему по волѣ обстоятельствъ, упрочить свою память на томъ высшемъ литературномъ поприщѣ, къ которому онъ такъ отлично былъ приготовленъ, именно суждено было обезсмертить эту память въ единственно интимномъ значеніи слова, среди скромной сельской паствы, унося съ собою не гласную, но и неуведаемую заслугу, и тихія слезы убогихъ людей“. Другой ученикъ его Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Нижегородскій) говоритъ яснѣе: „Профессоръ Михаилъ Бобровскій не былъ, да и не могъ быть, оцѣненъ современниками, но его не забудетъ исторія“. Вся жизнь этого человѣка была проникнута стремленіемъ къ высшему идеалу и всѣ его труды запечатлѣны беззавѣтнымъ служеніемъ наукѣ: этимъ идеаломъ было объединенное славянство съ его самобыт-

ной культурой. И мы знаемъ, какъ велики были его стремленія, какъ ласковы были его отношенія къ ученикамъ, и какъ онъ неумолимо строгъ былъ къ самому себѣ.

Въ Бозѣ почившій протоіерей Михаилъ Бобровскій принесъ въ даръ шерешевской Презистенской церкви большой напестольный серебряный крестъ, заказанный имъ въ память первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія въ Моравскомъ Веллеградѣ въ 1819 году, во время путешествія его по славянскимъ землямъ Европы съ учеными дѣлами. Крестъ шестиконечный, вышиною въ 7 вершковъ, вѣсомъ 48 лотовъ серебра; на верхней серебряной вызолоченной дощечкѣ, въ видѣ свитка пергамента, находится славянская надпись: І. Н. Ц. І. Распятіе рельефное вызолоченное греко-восточнаго изображенія. (Прибавка эта сдѣлана въ 1850-хъ годахъ гродненскимъ епископомъ Игнатіемъ Желѣзовскимъ). По раменамъ вырѣзаны: Божія мать и Іоаннъ Богословъ. Подъ распятіемъ голова Адама и его остова; въ нижней части вырѣзаны орудія страстей Господнихъ. Внутри хранится нѣсколько частей святыхъ мощей, наглухо задѣланныхъ. На другой сторонѣ, гдѣ находятся мощи, рельефно отчеканено: І. С. Х. ¹⁾).

Въ своемъ трудѣ, послѣ 35 лѣтнихъ усилій для розысканія матеріаловъ, мы желали воздать теперь только частицу благодарности своему первому воспитателю, наставнику и опекуну; со временемъ, если позволятъ обстоятельства, мы не теряемъ надежды на пользу славянской науки представить въ нашу Академію наукъ подробное изложеніе жизни замѣчательнаго ученаго. Письма, важнѣйшіе труды Бобровскаго и доставленные намъ документы, снимки и собственноручные списки частей Супрасльской рукописи мы считаемъ своимъ долгомъ передать на храненіе въ Виленскую Публичную бібліотеку. Въ Вильнѣ профессоръ Бобровскій получилъ богословское образованіе (1808—1812 г.), здѣсь развилась, окрѣпла и дала роскошные плоды его профессорская дѣятельность, созрѣлъ талантъ проповѣдника слова

¹⁾ Сообщеніе шерешевского благочиннаго протоіерея Михаила Токаревскаго 7 мая 1886 года. Кромѣ драгоценнаго креста, покойный протоіерей оставилъ на ризы кусокъ шелковой фіолетоваго цвѣта матеріи, шитой золотыми цвѣтами, прекраснаго рисунка.

Божія; здѣсь брошены имъ первыя сѣмена славянской культуры между русскими униатами и здѣсь, въ аудиторіяхъ бывшаго университета и главной духовной семинаріи, въ теченіи 18 лѣтъ (съ 1814 по 1833 годъ), раздавалось мощное слово профессора священнаго писанія и библейской археологіи, призывавшее духовное юношество въ просвѣщенію свѣтомъ истины.

Остается рассказать вератцѣ обстоятельства, объясняющія исчезновеніе нѣкоторыхъ весьма цѣнныхъ рукописей, писемъ въ моему дядѣ славянскихъ филологовъ и ученыхъ греко-униатовъ, его учениковъ, составленной имъ славянской библіографіи и его весьма цѣнной библіотеки. Обо всей этой весьма печальной исторіи можно было бы и промолчать, если бы не встрѣчалось иногда нареканій отъ людей, незнакомыхъ съ прискорбными фактами.

Разсказъ отца Іоанна Кургановича (впослѣдствіи архимандрита Антонія) обрывается вызовомъ пристава для опечатанія имущества. Мой отчетъ дорисуетъ картину крайне безпорядочныхъ дѣйствій и безцеремонныхъ отношеній мѣстной свѣтской и духовной власти къ имуществу почившаго ученаго и оставленнаго имъ ученаго скарба.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 года, для устройства предстоящаго брака своей сестры—моей матери—Михаилъ Кирилловичъ рѣшился продать свою драгоценную библіотеку помѣщику Владиславу Тренбицкому, съ правомъ пожизненнаго пользованія ею. Сдѣлка эта состоялась въ Бѣлостокскомъ судѣ, 5 августа 1847 года, и на основаніи ея Тренбицкій обязался уплатить Бобровскому, при совершеніи акта, 2000 злотыхъ (300 руб. сер.), что онъ и сдѣлалъ, а остальные деньги, въ количествѣ 18,000 злотыхъ (2,700 руб. сер.), обязался уплатить, въ теченіе девяти лѣтъ, вдовѣ покойнаго его брата, по второму браку (1847 г.) Васневской, а въ случаѣ ея смерти, племянникамъ профессора Бобровскаго (а ея сыновьямъ). На другой день послѣ кончины Михаила Кирилловича вице-благочинный Викторъ Кургановичъ (впослѣдствіи архимандритъ Викентій, настоятель Супрасльскаго монастыря), родственникъ о. Іоанна, распорядился передачею библіотеки Тренбицкому, отсылкою какихъ-то бумагъ въ грузномъ тюкѣ, въ Вильну, къ архіепископу Іосифу, и составленіемъ,

вмѣстѣ съ ассесоромъ Лозинскимъ, описи имущества. Эти дѣйствія вице-благочиннаго (безъ всякаго участія дворянской опеки) были незаконны, ибо имуществомъ наслѣдниковъ покойнаго, который былъ потомственнымъ дворяниномъ, никто не могъ распоряжаться безъ вѣдѣнія дворянской опеки. Мало того—послѣдняя вступила въ права свои не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ недѣль послѣ кончины Михаила Бобровскаго. Она приняла имущество 16 октября 1848 года по описи, составленной протоіереемъ Кургановичемъ и приставомъ Лозинскимъ. Сама же опека не сдѣлала ни одного шага для удостовѣренія въ точности составленной описи и ея оцѣнки. Въ чемъ состояли охранительныя мѣры надъ имуществомъ, какъ со стороны Кургановича (онъ же потомъ былъ и депутатомъ отъ духовенства при дворянской опекѣ), такъ и со стороны членовъ дворянской опеки (помѣщиковъ Сеньковскаго, Вредта, Протасевича)—наслѣдникамъ неизвѣстно. Возбужденная переписка по этому дѣлу открыла беспорядки и злоупотребленія со стороны членовъ Пружанской дворянской опеки и мѣстной духовной власти. Въ первоначальную опись, составленную представителемъ духовной власти, не вошло даже ни одного вѣточка бумаги: драгоценныя рукописи, масса тетрадей съ библиографическими записками, письма отъ разныхъ лицъ, какъ будто даже и не существовали! Протестъ и жалобы наслѣдниковъ остались безъ удовлетворенія, виновники растраты остались безъ должнаго законнаго возмездія! Теперь оказывается, что одна болѣе значительная часть этого въ высшей степени важнаго для науки матеріала попала въ руки обладателя библіотеки Владислава Тренбицкаго, другая же часть разобрана по рукамъ добрыми сосѣдями, пожелавшими что либо имѣть у себя для памяти о великомъ ученомъ славистѣ. Остались не при чемъ только племянники, дѣйствительные наслѣдники личныхъ трудовъ и писемъ Михаила Кирилловича.

Тренбицкій, уплативъ только десятую долю слѣдуемой суммы денегъ за библіотеку, но не давъ никакого обезпеченія въ томъ, что договоръ 5 августа имъ будетъ исполненъ, не поцеремонился перевезти ее въ свое имѣніе Линово, захвативъ кстаті чужія книги и рукописи, бывшія во временномъ пользованіи Бобровскаго (между ними—и древнюю харатейную псалтирь св. Нико-

лаевской церкви). Мало того, Тренбицкій, какъ слышно отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, присвоилъ себѣ даже частную переписку (что также подтверждено и показаніями очевидцевъ): три или четыре мѣшка съ бумагами (кромѣ библіотеки) поступили въ обладаніе Тренбицкаго. Впослѣдствіи оказалось, что часть бумагъ и переписки попала въ другія руки, чѣмъ и объясняется, по моему мнѣнію, обнаруженіе, между прочимъ, второй половины Супрасльской рукописи у какого-то г. Стрельбицкаго, отъ котораго четыре тетради попали въ Петербургъ, а прочія достались графу Замойскому ¹⁾. Какъ видно изъ хода многолѣтней переписки съ опекою, образъ дѣйствія мѣстныхъ властей, депутата отъ духовенства, дворянской опеки и пристава или ассесора,—во всемъ этомъ дѣлѣ набрасываетъ на нихъ весьма некрасивую тѣнь и даетъ понятіе объ отношеніяхъ этихъ людей къ памяти ученаго и къ собственности оставленныхъ имъ малолѣтнихъ сиротъ, ближайшихъ наслѣдниковъ его имени и имущества.

Итакъ, библіотека и многія бумаги съ письмами Бобровскаго перешли къ Тренбицкому въ 1848 году. Уплативъ до 1050 руб. матери наслѣдниковъ, умершей въ 1854 году, онъ откладывалъ уплату остальныхъ денегъ (1,650 руб. кромѣ $\frac{1}{10}$), потомъ объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ, а послѣ его смерти, въ началѣ 1860-хъ годовъ, библіотека перешла къ наслѣдникамъ Тренбицкаго, которые также неудовлетворили законныхъ претензій наслѣдниковъ Бобровскаго.

¹⁾ Дѣло по архиву литовской духовной консисторіи за № 928: «О смерти пружанскаго благочиннаго профессора Михаила Бобровскаго». Переписка наслѣдниковъ Бобровскаго съ дворянскою опекою, по поводу злоупотребленія опекуна Семьковского и проч.—Библиографія (польская) Эстрейхера, т. I, стр. 101, гдѣ сказано о сочиненіи Бобровскаго подъ заглавіемъ: «Материалы для исторіи славянскихъ книгопечатенъ въ Литвѣ», съ оговоркою: «эту рукопись Бобровскій имѣлъ въ 1846 г.» Тамъ же, подъ фамиліей Владиславъ Тренбицкій (Trenbicki) сказано, что онъ оставилъ нѣсколько десятковъ томовъ библиографическихъ записокъ.—Лит. епарх. вѣд. 1866 г. № 20, 21. «Древняя харатейная псалтырь виленской св. Николаевской церкви»—ст. П. Янковскаго. Авторъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Тренбицкимъ, какъ литераторъ, и съ мѣстнымъ духовенствомъ; въ его разсказѣ по поводу перехода рукописей отъ Бобровскаго къ Тренбицкому неточности очевидны; см.чл. мою статью «Судьба супрасльской рукописи», изд. въ 1887 г.

Бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ говорилъ мнѣ, что онъ желалъ приобрести библіотеку профессора Бобровскаго для виленскаго музея; наследники Тренбицкаго за нее спрашивали 10,000 руб. сер.; цѣна эта генералъ-губернатору Кауфману показалась слишкомъ большою и библіотека продана въ Варшаву ординату графу Замойскому. Не у графа ли Замойскаго въ Варшавѣ хранится та часть трудовъ и писемъ Бобровскаго, которые попали въ помѣщичью Тренбицкому при перевозкѣ въ Линово купленной имъ библіотеки?

Въ числѣ книгъ, попавшихъ въ руки Тренбицкаго и перешедшихъ отъ него или въ его наследникамъ, или въ графу Замойскому, находилось не мало рѣдкостей; упомяну только о двухъ мнѣ извѣстныхъ: 1) золотая медаль въ память Воздвиженія честнаго и животворящаго креста съ греческой надписью и осмиконечнымъ крестомъ, и 2) псалтирь на пергаментѣ *in folio*, написанная съ титлами замѣчательно отчетливымъ и красивымъ почеркомъ. Заглавныя буквы отдѣланы золотомъ и киноварью. На поляхъ съ большимъ искусствомъ представлено въ символическихъ изображеніяхъ, отдѣланныхъ золотомъ и красками, содержаніе каждаго псалма.

Древняя харатейная псалтирь, какъ мнѣ извѣстно, продана однимъ изъ наследниковъ Владислава Тренбицкаго, кажется за 10,000 руб., графу Шереметеву, и находится теперь въ музей Императорскаго русскаго общества древней письменности. Только благодаря заботливости и розыскамъ протоіереевъ Михаила Токаревскаго и Николая Жуковича, мнѣ удалось, въ февралѣ 1888 г., получить нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, въ числѣ которыхъ особенное значеніе для біографіи имѣетъ сборникъ писемъ М. К. Бобровскаго (съ 1830 по 1847 г.); онъ хранился у отца Владиміра, сына священника Андрея Кургановича, глубокаго почитателя профессора.

Передъ окончаніемъ печатанія настоящаго очерка мы получили отъ протоіерея Андрея Демяновича, настоятеля Замковой церкви въ Варшавѣ, коллекцію снимковъ съ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей, писанныхъ кириллицей и глаголицей, Ватиканской и Парижской библіотекъ, полный списокъ Хорватской лѣтописи, съ замѣтками, и нѣсколько другихъ цѣнныхъ для

филологіи матеріаловъ, всего до 40 предметовъ. Эти снимки приобрѣтены о. Демяновичемъ отъ какого-то помѣщика и сберегались имъ въ церковной ризницѣ. За сохраненіе и доставленіе намъ этихъ документовъ приносимъ усердную благодарность о. Андрею.

П. О. Вобровский.

15 апрѣля 1889 г.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА V ¹⁾.

Панихида по Бездннскимъ крестьянамъ, убитымъ при столкновеніи ихъ съ военной силой.—Переписка казанскаго губернатора и попечителя учебнаго округа по поводу этого событія.—Розыскъ рѣчи Аф. Пров. Шапова, произнесенной имъ на панихидѣ.—Содержаніе этой рѣчи, личность автора ея и настроеніе умовъ въ Казани, вызванное манифестомъ 19 февраля—по донесенію кн. Вяземскаго Министру Нар. Пров.—Отношеніе казанскаго архіепископа къ дѣлу.—Письменное объясненіе проф. Шапова по поводу его рѣчи на имя архіепископа Афанасія съ изложеніемъ ея содержанія.—Разслѣдованіе дѣла о панихидѣ и о рѣчи Шапова начальствомъ казанской духовной академіи.—Высылка Шапова въ С.-Петербургъ.—Заявленіе девяти студентовъ казанскаго университета академическому начальству.—Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла и рѣшеніе.

1861-й годъ.

Манифестомъ покойнаго Государя Императора отъ 19 февраля 1861 года возвѣщенъ былъ русскому народу великій социальный переворотъ. Вслѣдъ затѣмъ случилось извѣстное кровопролитіе въ селѣ Безднѣ Спасскаго уѣзда (Казанск. губерніи).

По убитымъ въ этомъ кровопролитіи крестьянамъ въ Казани была отслужена панихида въ кладбищенской церкви. Въ ней приняли участіе и студенты университета.

Слухъ о ней, а равно и о рѣчи, произнесенной во время нея преподавателемъ университета и духовной академіи Шаповымъ, распространившись по всему городу, дошелъ сейчасъ же до начальника

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXI, мартъ, стр. 557—576; т. LXII, апрѣль, стр. 85—106

губерніи. Послѣдній не замедлилъ, 17-го апрѣля 1861 г., увѣдомить о немъ попечителя князя Вяземскаго и просилъ его «для предупрежденія дальнѣйшихъ беспорядковъ не оставить распоряженіемъ о нѣкоторомъ болѣе строгомъ наблюденіи за духомъ, мнѣніями и дѣйствіями студентовъ ¹⁾». Попечитель 18-го апрѣля опредѣленно ему отвѣчаетъ, что «рѣчь преподавателя Щапова, произнесенная имъ въ церкви на панихидѣ по убитымъ крестьянамъ, какъ принадлежащаго къ духовному званію, не подлежитъ обсужденію казанскаго университета, но что вообще такой со стороны его поступокъ не одобряется университетскою корпораціею и возбудилъ въ ней неудовольствіе противъ него». Что же касается духа студентовъ, то «до сихъ поръ не замѣчено между ними ни противословнаго, ни противоправительственнаго раздраженія». Впрочемъ, за дальнѣйшее князь Вяземскій не ручается ²⁾.

Желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія о панихидѣ, онъ обращается къ инспектору Янишевскому съ просьбой сообщить ему о бывшихъ на панихидѣ студентахъ, а также и о томъ—не замѣтно ли вообще между студентами вреднаго направленія по поводу происшедшихъ событій ³⁾.

Инспекторъ отвѣчаетъ, что фамиліи всѣхъ студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, ему неизвѣстны, но число ихъ, какъ онъ послѣ слышалъ, доходить до ста или до ста двадцати ⁴⁾. Относительно «вреднаго вліянія» онъ говоритъ, что «кромѣ увлеченій молодости, заставляющихъ иногда студентовъ впадать въ ошибки», имъ «ничего до сихъ поръ замѣчено не было, что бы имѣло вредный политическій характеръ ⁵⁾».

Послѣ этихъ справокъ казанская администрація начала вникать глубже въ происшествіе. Губернаторъ Козляниновъ потребовалъ у Щапова рѣчь, произнесенную имъ на панихидѣ. Щаповъ сказалъ что кто-то изъ студентовъ у—та взялъ ее у него послѣ произнесенія ⁶⁾. Попечитель предлагаетъ инспектору разыскать эту рѣчь, «однако, безъ огласки» «и не придавая дѣлу особенной важности ⁷⁾».

Инспекторъ, получивъ это предложеніе, отвѣчаетъ, что онъ не

¹⁾ Дѣло канц. попеч., 1.

²⁾ Тамъ-же, 2.

³⁾ Тамъ-же, 5.

⁴⁾ Д. к. п. Однако, шестерыхъ онъ называетъ: Рычковъ, Смирновъ Иванъ, Егоровъ, Лебедевъ, Косьминскій, Дементьевъ и Беневитскій.

⁵⁾ Тамъ-же, 11.

⁶⁾ Тамъ-же, 7.

⁷⁾ Тамъ-же, 23.

находить «никакихъ средствъ исполнить это безъ довольно большой огласки между студентами, ибо указаніе Щапова совершенно неопредѣленное». «Огласка же, по соображенію инспектора,—«можетъ послужить къ совершенному уничтоженію рѣчи г. Щапова, если она существуетъ, и такимъ образомъ повредить общему ходу дѣла ¹⁾».

22-го апрѣля 1861 г. кн. Вяземскій обо всемъ, что онъ узналъ по дѣлу панихиды, сообщаетъ министру народнаго просвѣщенія, представивъ при этомъ какое-то подметное письмо, которое, по его словамъ, «есть явная мистификація и насмѣшка, вѣроятно, студентовъ». «Надо сказать, замѣчаетъ кн. Вяземскій, что подметныя письма и пасквили вообще здѣсь въ ходу». А о панихидѣ, о которой—«много разнородныхъ толковъ», онъ слышалъ слѣдующее: «говорятъ, что Щаповъ сказалъ, что ученіе Спасителя было демократическое; что онъ говорилъ по поводу Антона Петрова, о лжепророкахъ, являющихся между низшими слоями общества, и о вѣрѣ въ нихъ народа вслѣдствіе вѣковаго пренебреженія о его просвѣщеніи; о проліяніи крови неповинныхъ, вслѣдствіе несовершенства нашего законодательства; говорилъ будто бы о конституціи, какъ единственномъ условіи для успѣшнаго устройства новаго положенія.

«Дѣло происходило въ церкви, Щаповъ принадлежитъ къ духовному званію, въ этомъ качествѣ произнесъ рѣчь послѣ панихиды; дѣло производится въ духовномъ вѣдомствѣ и оно такъ важно, что мнѣ кажется необходимымъ имѣть положительное свѣдѣніе отъ его высокопреосвященства для правильнаго обсужденія степени его (Щапова) виновности въ отношеніи къ университету, въ который онъ приглашенъ, какъ временный преподаватель,—для ближайшаго съ нимъ ознакомленія. Профессоры университета осуждаютъ сильно его выходку и вообще его неосторожность, но многіе полагаютъ, что онъ преподаватель весьма полезный и долженъ исправиться при большемъ столкновеніи съ людьми практическими. Условія его затворническаго воспитанія и, вообще, всей его жизни объясняютъ отчасти его промахи и увлеченія; но трудолюбіе его, ученость, талантъ—несомнѣнны, и въ отсутствіи всякаго вѣроломства я также вполне убѣжденъ. По моему убѣжденію необходимо дѣйствовать примирительно,—и лица и сословія дѣйствуютъ неосторожно и не имѣютъ политическаго такта; раздражительность и выходки однихъ вызываютъ раздраженіе и выходки въ другихъ. Можетъ быть, карать иногда необходимо и за ошибки, и за проступки, но опасно увеличивать раздраженіе и осо-

¹⁾ Д. к. п., 24.

бенно заслужить упрекъ въ несправедливости потому, что много нынѣ скопилось ошибокъ и проступковъ со всѣхъ сторонъ. Неосторожныхъ выходовъ было много, и сплетни расходятся ежеминутно и мгновенно по всему городу. Члены одного и того же семейства, смотря по возрасту, негодуютъ на настоящее преобразование и стремятся возбудить кризисъ безъ ясной мысли о его исходѣ, или сочувствуютъ съ нетерпѣливымъ и неосторожнымъ увлеченіемъ ¹⁾».

Между тѣмъ и архіепископъ казанскій и свѣяжскій Аѳанасій съ своей стороны производилъ дознаніе, призвавъ Щапова. Послѣ словеснаго съ нимъ объясненія, архіепископъ Аѳанасій велѣлъ ему изложить содержаніе рѣчи его, Щапова, письменно; но Щаповъ не представилъ этого изложенія. Увѣдомля объ этомъ казанскаго военнаго губернатора, архіепископъ замѣчаетъ: «я считаю нужнымъ присовокупить, что Щаповъ служить не только въ духовной академіи бакалавромъ, но и въ у—вѣ адъюнктъ-профессоромъ, что о немъ, по прошенію его, производится въ академическомъ правленіи дѣло объ увольненіи его не только отъ духовно-училищной службы, изъ академіи, но и отъ духовнаго званія». Поэтому архіепископъ Аѳанасій думаетъ, что въ случаѣ дальнѣйшей уклончивости Щапова дать письменное объясненіе, кромѣ полицейскаго дознанія, его можно будетъ подвергнуть законному слѣдствію, которое должно быть назначено по распоряженію военнаго губернатора ²⁾. Но Щаповъ представилъ, наконецъ, преосвященному Аѳанасію письменное объясненіе ³⁾. Вотъ оно: «по требованію вашего высокопреосвященства объясняю, что я сказалъ рѣчь въ кладбищенской церкви, послѣ панихиды по убитымъ крестьянамъ Спасскаго уѣзда, села Бездны, по невольному состраданію къ несчастнымъ, согласно съ обще-христіанскимъ человѣколюбивымъ сочувствіемъ къ нимъ. Когда на кладбищѣ толпами собирались студенты у—та, я пошелъ вслѣдъ за ними и узналъ, что они хотятъ отправить панихиду по «убіеннымъ въ смятеніи». Это стеченіе съ христіанско-человѣколюбивою цѣлью возбудило во мнѣ слезы и я тутъ-же на кладбищѣ набросалъ на бумагѣ краткую рѣчь, предполагая сказать ее на какой нибудь могилѣ, гдѣ сначала думали служить панихиду. Когда панихиду рѣшились служить въ церкви, то какъ ни удерживался я, но вмѣстѣ съ слезой рѣчь моя невольно излилась изъ глубины души, когда человѣкъ 400 въ одинъ голосъ, многіе со слезами, зацѣли: «вѣчная память». Это церковное собраніе напо-

¹⁾ Д. канц. попеч., 12 и 13.

²⁾ Тамъ-же, 16 и 17.

³⁾ Тамъ-же., 18.

мнѣ извѣстныя въ древне-христіанской церкви агапы, когда всѣ пѣли и всякій, кто вдохновлялся, говорилъ какое нибудь назиданіе. Я говорилъ не возмутительныя слова, почему и не было и не могло быть на кладбищѣ никакого смятенія. Я говорилъ: Христосъ Богъ нашъ, возвѣщая истинную свободу и братство, отъ Пилатова суда умеръ на крестѣ, искупивъ Своею кровію всѣхъ насъ. Вы, други, увлеклись ложною свободою, возвѣщенной (?) вамъ вашимъ ложнымъ пророкомъ. Тутъ я вкратцѣ говорилъ объ историческомъ происхожденіи ложныхъ пророковъ въ Россіи, которые въ первой половинѣ XVIII в. являлись въ Россіи и называли себя Христами. Потому изъ этого я вывелъ, что убитые увлеклись ложною свободою, потому что мы не уяснили имъ истинной свободы, не заботясь почти нисколько о ихъ просвѣщеніи. Я заключилъ: «Вы пали по невинному вѣвѣдѣнію жертвой за то, что мы, служа просвѣщенію, не просвѣтили васъ, заблудшихъ сыновъ отечества. Простите насъ. Миръ праху вашему и вѣчная память». Когда я только что кончилъ рѣчь и весь былъ въ волненіи, кто-то изъ студентовъ у—та взялъ у меня рѣчь. Я даже не обратилъ на него никакого вниманія, потому что въ рѣчи ничего возмутительнаго не было. Рѣчь эта, говорятъ, изорвана, какъ ненужная болѣе никому¹⁾.

Дѣло о панихидѣ разбиралось и въ духовной академіи, такъ какъ ея студенты тоже въ ней участвовали. Ректоръ академіи, архимандритъ Іоаннъ, сдѣлавъ дознаніе по этому происшествію, представилъ собранію членовъ внутренняго правленія записку слѣдующаго содержания: «Немедля начавъ по сему обстоятельству дѣлать имъ (студентамъ) допросы порознь, онъ убѣдился, что присутствіе ихъ при панихидѣ было дозволено ими себѣ безъ всякаго предварительнаго или обдуманнаго намѣренія и безъ точныхъ свѣдѣній о сущности сего дѣла; между тѣмъ сами студенты, по собственному побужденію, сочли нужнымъ представить ему, ректору, письменное объясненіе по сему дѣлу. Отъ студентовъ ректору прописано: «вслѣдствіе разнесшихся въ городѣ неблагопріятныхъ толковъ объ отправленной со стороны у—та въ церкви градскаго казанскаго кладбища панихидѣ по крестыянамъ, убитымъ въ селѣ Везднѣ Спасскаго уѣзда, и замѣчнаго присутствія ихъ, студентовъ, при сей панихидѣ, и вслѣдствіе допросовъ его, ректора, дѣланныхъ имъ, студентамъ, по одиночкѣ, они считаютъ долгомъ, для опроверженія, неумѣстныхъ постороннихъ толкованій и предупрежденія дальнѣйшихъ, представить объясненіе общихъ ихъ мыслей по этому дѣлу: 1) 16-го сего апрѣля они услышали, что отъ

¹⁾ Д. к. н., 19 и 20.

у—та будетъ отправлена панихида по означеннымъ убиеннымъ. Они воспользовались «свободнымъ отъ занятій временемъ» и отправились на панихиду. «Это они сдѣлали безъ всякаго плана». Не зная самой цѣли панихиды, они присутствовали при ней безъ всякой особой цѣли, а единственно побуждаемые христіанскимъ состраданіемъ и сожалѣніемъ къ крестьянамъ». Что касается рѣчи Щапова, то они «слышали только нѣсколько отдѣльныхъ словъ» «по нераздѣльности обыкновенной его дикціи, а также и потому, что Щаповъ говорилъ рѣчь прерывающимся голосомъ». До самаго произнесенія г. Щаповымъ рѣчи они не знали ни о какой и ни о чьей рѣчи». Подъ такого рода объясненіемъ подписалось 37 человекъ. Собраніе членовъ внутренняго правленія, выслушавши это, опредѣлило: «принять къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребныхъ случаяхъ соображенію». Кроме этого, оно также опредѣлило: «строжайшимъ образомъ обязать студентовъ, чтобы впредь, во избѣжаніе подобныхъ неприятныхъ случаевъ, они, съ величайшею осмотрительностью обдумывали свои поступки и ни подъ какимъ видомъ не дозволяли себѣ присоединяться къ постороннимъ дѣламъ» ¹⁾).

Такъ разбирали это дѣло въ Казани. Но въ Петербургѣ оно обратило на себя серьезное вниманіе, такъ какъ въ немъ увидали важную политическую демонстрацію. Вслѣдствіе этого, для ея изслѣдованія въ Казань, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ генералъ-адъютантъ Вибииковъ ²⁾). Что такое онъ нашель—изъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, не видно. Можно усмотрѣть только то, что онъ имѣлъ объясненіе съ попечителемъ кн. Вяземскимъ и съ профессорами университета, которые ему представлялись, въ результатѣ же пріѣзда его въ Казань получилось его предписаніе о высылкѣ Щапова въ Петербургъ ³⁾). Это произошло 28-го апрѣля, а 29-го попечитель рекомендуетъ Щапова министру, какъ человека «трудолюбиваго, ученаго и съ особеннымъ навыкомъ, выразившаго въ послѣднее время желаніе быть командированнымъ въ С.-Петербургъ, въ надеждѣ быть причисленнымъ къ археографической комиссіи». Князь Вяземскій проситъ обратить на Щапова вниманіе ⁴⁾). Послѣдній, получивъ 200 руб. прогонныхъ денегъ, выѣхалъ ⁵⁾).

¹⁾ Д. в. п., 29 и 30.

²⁾ Тамъ-же, 8.

³⁾ Тамъ-же, 81.

⁴⁾ Тамъ-же, 38.

⁵⁾ Тамъ-же, 40. Щапова провожали очень много студентовъ и нѣсколько чиновъ полиціи съ жандармскимъ полковникомъ во главѣ. Когда пароходъ отошелъ отъ казанской пристани, Щапову было объявлено, что онъ находится подъ арестомъ.
Н. О.

Затѣмъ и духовное вѣдомство не оставило казанскую панихиду своимъ вниманіемъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго синода, «для приведенія въ должную ясность участія въ этомъ происшествіи лицъ духовнаго вѣдомства», «командировалъ въ Казань оберъ-секретаря синода коллежскаго совѣтника Олферьева вмѣстѣ съ духовнымъ лицомъ», «по назначенію митрополита московскаго» ¹⁾. Къ счастью «лицъ духовнаго вѣдомства», вдругъ, неожиданно для всѣхъ, сами студенты у—та поспѣшили ихъ оправдать ²⁾. Они, въ числѣ 9 человекъ, подали «во внутреннее правленіе» казанской духовной академіи письменное объясненіе такого содержанія: «До насъ дошли слухи, что инициатива панихиды, совершенной 16-го апрѣля, приписана преимущественно студентамъ духовной академіи. Мы же нижеподписавшіеся утверждаемъ, что она принадлежит студентамъ у—та, равно какъ и переговоры съ куртинскимъ священникомъ и всѣ распоряженія и расходы по этому случаю; вслѣдствіе чего мы считаемъ долгомъ заявить это правленію духовной академіи. Вообще, студенты духовной академіи были посторонними и случайными посѣтителями при панихидѣ и мы не знаемъ, какъ они тутъ случились». А вслѣдъ за 9-ю подписями—Postscriptum ³⁾: «Подписалось подъ этимъ объясненіемъ такъ мало потому, что большая часть студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, разъѣхались на каникулы, а нѣкоторые считаютъ излишнимъ подписываться теперь, думая, что ихъ спросятъ послѣ» ⁴⁾.

Это-то обстоятельство, кажется, и послужило поводомъ къ тому, что въ Казань для изслѣдованія дѣла о панихидѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. О томъ, какимъ образомъ онъ велъ изслѣдованіе и какихъ достигъ результатовъ—въ архивѣ университетскомъ не имѣется данныхъ: извѣстно только то, что «объ оказавшемся по сему дознанію было представлено мин. внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія». Здѣсь по «оказавшемуся» были сужденія. Государь императоръ, «разсмотрѣвъ ихъ, высочайше соизволилъ повелѣть»: 9 студентовъ, подписавшихся подъ вышеприведеннымъ

¹⁾ Д. к. п., 43.

²⁾ Сколько мнѣ извѣстно, нѣсколько человекъ изъ духовной академіи заплатили не дешево за свое участіе въ панихидѣ.

³⁾ Подписавшіеся подъ заявленіемъ: Кудавскій, Протопоповъ, Беневитскій, Умновъ В., Федяй, Ягодинскій, Николай Песковъ, Пребдстингъ, Тутолминъ.
Н. 'Ф.

⁴⁾ Д. к. п., 47.

объясненіемъ, исключить изъ у—та; «относительно-же прочихъ студентовъ оставить это дѣло безъ послѣдствій» ¹⁾).

Совѣтъ у—та выслушалъ все это въ засѣданіи 2-го декабря и постановилъ: «донести попечителю, что изъ числа студентовъ, упомянутыхъ въ этотъ предложеніи, Беневитскій, Пребстингъ и Тутолминъ утверждены въ званіи дѣйствительныхъ студентовъ и не подлежатъ болѣе вѣдѣнію у—та—объ удаленіи-же остальныхъ сообщить правленію у—та, что исполнено» ²⁾).

ГЛАВА VI.

Мѣры правительства къ предотвращенію студенческихъ беспорядковъ.—Разъясненія министра графа Путятина.—Вопросъ о выборѣ студенческихъ депутатовъ съ точки зрѣнія инспектора студентовъ казанскаго университета и съ точки зрѣнія министра народнаго проsvѣщенія.—Тревожныя вѣсти изъ Петербурга.

1861 г.

Вслѣдъ за исторіею, рассказанною въ предыдущей главѣ, правительство принимаетъ слѣдующія мѣры къ предотвращенію студенческихъ беспорядковъ въ университетахъ на будущее время.

«Государь императоръ,—пишетъ графъ Путятинъ, который, между тѣмъ, назначенъ былъ министромъ народнаго проsvѣщенія, казанскому попечителю,—признавъ необходимымъ усилить мѣры наблюденія за университетскими студентами по случаю безпрерывно возникающихъ беспорядковъ, удостоивъ внимательнаго обсужденія это дѣло въ совѣтѣ министровъ и, выслушавъ разностороннія мнѣнія по сему предмету, высочайше повелѣтъ соизволилъ ³⁾»:

¹⁾ Д. к. п., 51. Это сообщилъ министръ народ. проsvѣщ. графъ Путятинъ кн. Вяземскому.

²⁾ Тамъ-же, 54. Беневитскаго, Н. Пескова и В. Умова въ это время уже не было въ Казани, такъ какъ всѣ они были удалены изъ города за другіе беспорядки, какъ дальше узнаемъ, но исключеніи послѣднихъ двухъ изъ у—та. Кромѣ В. Умова и Протопонова, остальнымъ 4-мъ (Кулаевскій, Федяй, Ягодинскій, Н. Песковъ) тѣмъ-же высочайшимъ повелѣніемъ было разрѣшено поступить въ у—тъ или на службу (81, 105, 117). Беневитскому, Тутолмину и Пребстингу были выданы свидѣтельства на званіе дѣйств. студент. (92).

³⁾ Вслѣдъ за бумагой, въ которой министръ сообщаетъ высочайшее повелѣніе, послѣдовала отъ него другая, разъясняющая это повелѣніе. Для болѣшаго удобства, разъясненія и дополненія министромъ нѣкоторыхъ пунктовъ высочайшаго повелѣнія мы будемъ приводить въ выноскахъ. Н. О.

1) Производить прѣменные экзамены желающимъ поступить въ у—тъ въ гимназіяхъ вмѣстѣ съ учениками высшаго класса и въ присутствіи, когда окажется возможнымъ, депутатовъ отъ у—та, къ округу коего принадлежитъ гимназія.

2) Строго исполнять предписанныя правила о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ у—та, воспрещая положительно всякія сходы безъ разрѣшенія начальства, и объясненія съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищъ ¹⁾.

3) Составить для студентовъ правила относительно точнаго посѣщенія лекцій съ соблюденіемъ необходимаго порядка и тишины. На лекціяхъ не допускать, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ, шумнаго одобренія или порицанія преподаванія ²⁾.

4) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность университетскаго начальства имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ у—тѣ. Не исполняющихъ сихъ правилъ, не смотря на сдѣланныя имъ напоминанія, увольнять изъ у—та, не подвергая ихъ какимъ либо другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по законамъ ³⁾.

¹⁾ Разъясн. министра: «Но какъ между тѣмъ можетъ встрѣтиться студентамъ надобность въ дозволенныхъ уже начальствомъ совѣщаніяхъ по предметамъ, имѣющимъ учебную или благотворительную цѣль, напримѣръ, употребленіе жертвуемыхъ ими же суммъ на пособия своимъ товарищамъ, заведеніе общихъ для собственныхъ учебныхъ занятій—библіотекъ и т. п., то для распоряженія въ такихъ случаяхъ я заявленія унив. начальству о нуждахъ студентовъ, правленіе избираетъ отдѣльно по каждому факультету или разряду онаго и курсу, кромѣ перваго, по нѣскольکو студентовъ, при чемъ отъ старшаго курса, какъ болѣе зрѣлаго, выбираются до четырехъ, отъ прочихъ, кромѣ перваго, не болѣе двухъ отъ каждаго.

Собираемыя ими жертвуемыя деньги, съ изъясненною цѣлью, должны храниться въ правленіи университета и быть употребляемы по назначенію выборныхъ студентовъ, но съ согласія и одобренія ректора или инспектора».

²⁾ Разъясн. министра: «Студентъ, позволившій себѣ это, не смотря на сдѣланное ему двукратное напоминаніе, нарушеніе порядка, исключается изъ списка студентовъ, или-же, смотря по степени вины, удаляется изъ у—та. Исключенный года, по истеченіи года, можетъ быть принять вновь въ у—тъ, если представить удовлетворительное свидѣтельство объ его поведеніи за время небытности въ у—тѣ; удаленный же не только лишается вовсе права на поступленіе въ тотъ-же у—тъ, но и въ другіе у—ты допущенъ не будетъ, для чего о немъ и дается своевременно свидѣніе всѣмъ у—тамъ. Само собой разумѣется, что этимъ ограничивается взысканіе за такіе проступки, которые не подлежатъ суду по законамъ».

³⁾ Разъясн. министра: «Университетское начальство, не принимая особенныхъ мѣръ побужденія къ посѣщенію лекцій, должно съ тѣмъ болѣею

5) Допускать на лекціи вольнослушателей, соображаясь съ вмѣстимостью аудиторіи, съ предоставленіемъ при томъ профессорамъ права удалять тѣхъ вольнослушателей, которые окажутся виновными въ нарушеніи порядка.

6) Не принимать впредь студентовъ ранѣе 17 лѣтняго возраста. Отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношеніе какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности, или какихъ-либо товариществъ или обществъ. Частная одежда студентовъ должна быть приличная.

7, 8 и 9) говорятъ объ освобожденіи отъ денежнаго взноса, о назначеніи стипендій и пособій. Все это предоставляется отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Выборъ ректоровъ и проректоровъ производить на точномъ основаніи устава 1835 г.

10) Данную въ 1851 г. ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ точный смыслъ оной, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкціи.

11) О правахъ окончившихъ курсъ, которыя предписывается сохранить, какъ они были.

12) Предоставить М. Н. Пр. составить соображенія объ увеличеніи содержанія преподавателей въ у—тахъ.

13) Всѣ вышепрписанныя мѣры приводить въ исполненіе постепенно «и по мѣрѣ возможности».

Сообщая это высочайшее повелѣніе попечителямъ учебныхъ округовъ къ руководству и исполненію, графъ Путятинъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять, что добросовѣстное исполненіе университетскими преподавателями ихъ обязанностей составляетъ самое существенное условіе сохраненія университета въ спокойствіи и должномъ порядкѣ, и далѣе пишетъ: «гг. ректоры и декапы, слѣдя непрестанно за ходомъ университетскаго преподаванія, помогутъ менѣе опытнымъ своимъ совѣтомъ и указаніями, а въ случаѣ нужды и напоминаніями, дабы предотвратить то легкомысленное небреженіе, или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей». Въ заключеніе министръ говоритъ объ отвѣтственности за возрастающее молодое поколѣніе, которая поκειται на учащихся и управляющихъ, въ томъ числѣ и на немъ, министръ: «потому снисходительность къ тѣмъ, кто уклоняется отъ исполненія своего долга,

строгостью удостовѣряться на переводныхъ (курсовыхъ) экзаменахъ, въ какой мѣрѣ студентъ воспользовался преподаваніемъ. Студентъ, не выдержавшій удовлетворительнаго переводнаго испытанія, исключается изъ университета».

как противузаконная, не должна и не будет имѣть мѣста» ¹⁾). Прочитавъ вышеизложенное, инспекторъ студентовъ, профессоръ Янишевскій, почелъ нужнымъ донести, что онъ признаетъ предложенную министромъ мѣру объ избраніи студенческихъ депутатовъ черезъ правленіе университета не цѣлесообразною, и предложилъ на благоусмотрѣніе начальства свое мнѣніе по этому предмету.

«Что касается до выбора депутатовъ правленіемъ, а не студентами, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи попечителю, то я долженъ сказать, что на депутатовъ, избранныхъ правленіемъ, студенты будутъ смотрѣть недовѣрчиво и вслѣдствіе этого будутъ возникать неудовольствія, такъ что было бы гораздо удобнѣе предоставить самимъ студентамъ избирать депутатовъ, только представляя ихъ на утвержденіе правленія у—тета» ²⁾).

Попечитель это мнѣніе инспектора представилъ на благоусмотрѣніе министра и получилъ въ отвѣтъ: «имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что такой порядокъ не согласенъ съ духомъ высочайшаго повелѣнія о недозволеніи между студентами сходокъ и сборищъ, такъ какъ всякое допущеніе массы учащихся къ какому бы то ни было избранію изъ среды своей можетъ и будетъ служить всегда поводомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, къ запрещеннымъ студенческимъ сходкамъ, отклоненіе коихъ и даже самаго повода къ тому должно быть предметомъ особой заботливости начальства» ³⁾).

Это предписывалось 13-го сентября 1861 года.

Вскорѣ произошли безпорядки въ с.-петербургскомъ у—тетѣ. Начали ожидать ихъ и въ казанскомъ, почему министръ снѣшить напомнить попечителю объ обязанности его, попечителя—кн. Виземскаго, потушить безпорядки, если они случатся.

«Вслѣдствіе безпорядковъ,—увѣдомляетъ министръ телеграммой,—закрыты лекціи и входъ въ с.-петербургскій университетъ; если въ вашемъ университетѣ возникнутъ замѣшательства, требующія сильныхъ мѣръ, то обратитесь къ губернатору и съ его разрѣшенія употребите тѣ-же средства» ⁴⁾). Ожиданіе оказалось основательнымъ.

¹⁾ Высоч. пов. Д. к. п. 1 и 2; разъяснен. мин. Д. к. п. 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

²⁾ Д. к. п. 26.

³⁾ Тамъ-же, 30.

⁴⁾ 26-го сент. — Д. к. п. 14.

ГЛАВА VII.

Октябрьская студенческая исторія. — Поводъ и предлогъ къ ея произведенію. — Студенческая демонстрація противъ профессора Больцани. — Демонстрація противъ инспектора Лившевскаго въ его квартирѣ. — Закрытіе университета. — Уличная демонстрація предъ квартирой попечителя по сообщеніямъ о ней кн. П. П. Вяземскаго и казанскаго полиціймейстера.

1861 г.

Беспорядки не замедлили случиться. Поводомъ къ нимъ послужило неудовольствіе студентовъ на профессора физики Больцани, лекціи котораго студенты считали неудовлетворительными. Это они высказывали инспектору въ студенческой читальной. Болѣе другихъ горячился исключенный студентъ Олигеръ, однако, выбранный студентами въ бібліотекари этой читальной.

Такъ какъ это сдѣлалось извѣстнымъ попечителю, то онъ и поспѣшилъ сообщить объ Олигерѣ военному губернатору, прося его выслать Олигера изъ города, какъ человѣка вреднаго для спокойствія университета ¹⁾.

Это распоряженіе попечителя, въ соединеніи съ неудовольствіемъ на профессора Больцани, вызвало сейчасъ же студенческую исторію. Въ предложеніи своемъ отъ 7-го октября попечитель сообщаетъ совѣту университета: «студенты казанскаго у—тета, въ числѣ около 30 человѣкъ, явились сегодня ко мнѣ съ жалобой на неудовлетворительное преподаваніе профессора физики Больцани, при чемъ объявили, что лекцій, читанныхъ имъ въ аудиторіи, они не понимаютъ, письменныхъ же лекцій онъ не сдаетъ. Все это рѣшительно отнимаетъ у нихъ средства заниматься надлежащимъ образомъ физикой. вмѣстѣ съ тѣмъ эти же студенты просили меня о удаленіи изъ города уволеннаго въ прошедшемъ году изъ у—тета, по распоряженію начальства, студента Олигера» ²⁾. Тутъ попечитель спрашиваетъ совѣтъ у—тета: — можетъ-ли Олигеръ, подавшій, какъ онъ узналъ, прошеніе о зачисленіи его въ студенты, быть принятъ въ у—тетъ.

Еще не выслушали члены совѣта этого предложенія попечителя, какъ отъ князя Вяземскаго, 8-го октября, въ совѣтъ поступаетъ дру-

¹⁾ Дѣло канц. попеч., 2. — 5-го октября.

²⁾ Примѣчаніе: спрашивая объ этомъ, онъ получаетъ увѣдомленіе отъ полиціймейстера, что Олигеръ выѣхалъ изъ города. Н. О.

гое, въ которомъ, послѣ указанія на предложенныя министромъ мѣры, уже извѣстныя намъ, но не извѣстныя до того времени совѣту, сообщается о новыхъ безпорядкахъ, случившихся въ квартирѣ инспектора ¹⁾. А въ квартирѣ инспектора, 8-го октября, произошло вотъ что. Къ нему пришла толпа студентовъ и попросила служителя Козловскаго доложить о своемъ приходѣ. Тотъ доложилъ. «Въ это время, рассказываетъ инсп. Янишевскій, я пилъ чай въ комнатѣ, отдѣляющейся отъ залы двумя другими комнатами». Инспекторъ вышелъ къ нимъ. Они требовали объясненій. Онъ объявилъ, что не можетъ съ ними объясняться. Тогда они закричали: «Вонъ, вонъ! мы не хотимъ инспектора, намъ не надо инспектора». «Всѣ-ли приходше кричали, заключаетъ свой рассказъ Янишевскій, я рѣшительно не могу сказать; этихъ криковъ я никакъ не ожидалъ, я былъ такъ ошеломленъ, что не видѣлъ даже кто у меня былъ» ²⁾. Такъ рассказываетъ г. Янишевскій. Для бѣльшей полноты приведемъ рассказъ унтеръ-офицера Козловскаго, его служителя.

«Пришелъ студентъ Егоровъ и спрашиваетъ: можетъ-ли инспекторъ принять?

— Они кушаютъ чай, еще не одѣвшись, отвѣчаетъ Козловскій. Егоровъ ушелъ въ читальную комнату. Немного погодя пришла толпа студентовъ, и кто-то изъ нихъ попросилъ доложить инспектору объ ихъ приходѣ.

«Онъ, рассказываетъ Козловскій, сидѣлъ тогда за чаемъ въ одномъ халатѣ и тотчасъ, вставши, вышелъ къ студентамъ въ залу.

«Студенты стали ближе подвигаться къ инспектору и всѣ въ голосъ закричали: вонъ, вонъ!» ³⁾.

Обо всемъ случившемся инспекторъ немедленно донесъ попечителю ⁴⁾.

Объ этихъ-то новыхъ замѣшательствахъ попечитель увѣдомляетъ совѣтъ.

Въ тотъ-же день состоялось его засѣданіе, гдѣ было рѣшено «вопросъ о сборищѣ» «обсуждать въ цѣломъ совѣтѣ, предсѣдательство въ которомъ просить его сіятельство принять на себя»; Олигера въ студенты не принимать ⁵⁾, «прекратить на время чтеніе лекцій до восстановления спокойствія» ⁶⁾. и, наконецъ, совѣтъ, «возмущенный по-

¹⁾ Дѣло 3.

²⁾ Д. с. к. 35.

³⁾ Тамъ-же, 392.

⁴⁾ Д. к. п. 13.

⁵⁾ Тамъ-же, 5.

⁶⁾ Тамъ-же, 6.

ступками студентовъ въ квартирѣ инспектора и члена совѣта, считая себя оскорбленнымъ ими», рѣшилъ просить его сѣятельство о производствѣ «формальнаго» слѣдствія этихъ поступковъ, съ цѣлью открытія виновныхъ, которые, по мнѣнію совѣта, подлежатъ уголовному суду ¹⁾. Лишь только у—тъ былъ закрытъ, какъ въ него губернаторомъ была назначена рота батальона внутренней стражи подъ начальствомъ маіора Вержбицкаго, которому, «въ видахъ сосредоточенія власти», было поручено и полицейское управленіе въ у—тѣ, съ содѣйствіемъ со стороны университетскихъ чиновниковъ, помощниковъ инспектора. Эта стража должна была прибыть къ 6 часамъ вечера. Еще до ея прибытія въ студенческой читальной собралась большая толпа студентовъ, которая, по сообщенію помощника инспектора Зоммера, «громогласно кричала при рукоплесканіи ура и браво», когда читала объявленіе о закрытіи у—та.

Прибыла стража. Студенты вышли изъ читальной комнаты въ швейцарскую, гдѣ имъ маіоромъ Вержбицкимъ было прочтено распоряженіе о закрытіи у—та и о предписаніи занять его карауломъ. Они вышли изъ у—та.

Многіе изъ студентовъ разошлись. По крайней мѣрѣ, официальная бумага сообщаетъ: «нѣкоторые изъ нихъ оставались съ полчаса на улицѣ и дѣлали ребяческія выходки противъ кв. Вяземскаго, инспектора и караула, который они называли новыми воспитанниками у—та ²⁾».

«Новые воспитанники» вошли и расположились въ у—тѣ. Такъ кончилось 8-е октября ³⁾. Въ слѣдующее 9-е число произошли новыя студенческія волненія. Въ этотъ день, доносилъ телеграммой князь Вяземскій министру народнаго просвѣщенія, «скопище студентовъ въ теченіе двухъ часовъ толпилось около у—та, требуя моихъ объясненій. Маіоръ Вержбицкій и полковникъ Витте объявили, что я не имѣю права объясняться ни съ скопищемъ, ни съ депутатами, что объясненія излишни, дѣло идетъ законнымъ путемъ и, кромѣ указаній правительственныхъ, никакими побужденіями я руководствоваться не могу ⁴⁾. Это сообщеніе попечителя, столь краткое по той

¹⁾ Д. к. п., 6.

²⁾ Д. с. к. 20.

³⁾ Впрочемъ, вечеромъ того-же числа полиціймейстеръ сообщаетъ: «я узналъ, что студенты собираются къ товарищамъ въ домъ Темялкова, а потому, вытребовавъ квартирантовъ къ себѣ, обязалъ ихъ подпиской, чтобы они сборищъ у себя не допускали». (Д. с. к. 113 и 114). Н. О.

⁴⁾ Д. с. к. 29.

причинѣ, что оно сообщается въ телеграммѣ, дополняется сообщеніемъ полиціймейстера Витте ¹⁾. Когда баронъ Витте объявилъ студентамъ объ отказѣ попечителя входить съ ними въ какія бы то ни было объясненія, то,—такъ пишетъ въ своемъ донесеніи онъ, «выслушавши это отъ меня, они стали громко вызывать попечителя, сопровождая эти возгласы аплодированьемъ» ²⁾. Онъ, въ качествѣ оберегателя общественнаго спокойствія, естественно, началъ ихъ уговаривать о прекращеніи вызововъ и аплодисментовъ. Но они не внимали, продолжая кричать»; при этомъ «изъ толпы слышалось слово подлецъ!» Баронъ не знаетъ только къ кому оно относилось и кѣмъ было произнесено. Покричавъ и похлопавъ нѣкоторое время, студенты пришли къ убѣжденію о тщетности ихъ вызововъ. Послышались голоса: «Господа, пойдемъ!» ³⁾. И они отправились. «Они пошли, говорить бар. Витте, толпой мимо у—та и клиники и что-то запѣли».

Баронъ не знаетъ, что они запѣли, потому что онъ «не могъ вслушаться», и весьма по уважительной причинѣ: «отъ того, объясняетъ онъ,—что продолжалъ дѣлать имъ внушенія вести себя какъ слѣдуетъ образованнымъ людямъ» ⁴⁾.

Изъ дальнѣйшаго сообщенія барона Витте видно, что студенты встрѣтились съ начальникомъ губерніи и были имъ подозваны. Подозванные, «они выражали недовѣріе къ извѣщенію университетскаго начальства о закрытіи у—та; но услышавъ подтвержденіе о томъ его превосходительства, нѣкоторые изъ нихъ гласно увѣряли, что не сочувствуютъ поступкамъ своихъ товарищей, и крайне скорбятъ о закрытіи университета» ⁵⁾.

¹⁾ Донесеніе Вержбицкаго не противорѣчитъ донесенію полиціймейстера.

²⁾ Д. с. к. 112.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Тамъ-же, 113.

ГЛАВА VIII.

Предварительныя мѣры къ разслѣдованію исторіи 8 и 9 октября.—1861 г. Телеграммы попечителя казанскаго учебнаго округа и министра народнаго просвѣщенія по этому предмету.—Сообщеніе губернатора Козлянинова о заявленіи студентовъ IV и V курсовъ медицинскаго факультета, ему сдѣланномъ.—Засѣданіе совѣта университета 10-го октября 1861 г.—постановленіе его состоявшееся въ этотъ день, объ исключеніи нѣкоторыхъ студентовъ.

1861 г.

9-мъ октябремъ безпорядки, собственно говоря, на этотъ разъ кончились. Теперь начинается разбирательство дѣла. Просматривая официальные бумаги, къ нему относящіяся, мы прежде всего знакомимся съ дѣлымъ рядомъ телеграммъ между попечителемъ казан. учебн. округа и министромъ народнаго просвѣщенія, вызванныхъ этими безпорядками.

Эти телеграммы служатъ какъ-бы введеніемъ къ тѣмъ даннымъ о дѣлѣ, которыя добыты потомъ судомъ университетскимъ и слѣдствіемъ надъ студентами, участвовавшими въ безпорядкахъ. Онѣ открываются еще 8-го октября телеграммой попечителя къ министру ¹⁾, гдѣ сообщается о закрытіи у—та и о назначеніи въ него караула, и гдѣ также испрашивается позволеніе нарядить надъ виновными «формальное слѣдствіе».

9-го октября министръ отвѣчаетъ ²⁾: «разрѣшаю производить слѣдствіе чрезъ губернатора и виновныхъ предать уголовному суду». Попечитель въ тотъ-же день ставитъ министру вопросъ ³⁾: слѣдуетъ-ли приступить къ исключеніямъ, лишеніямъ стипендій, на основаніи университетскихъ правилъ, или ожидать формальнаго слѣдствія, которое по нынѣшнимъ безпорядкамъ, вѣроятно, будетъ назначено на общемъ основаніи? И получаетъ въ отвѣтъ: «если только нѣкоторые студенты производятъ безпорядки, то, исключивъ ихъ, просить губернатора объ удаленіи главныхъ зачинщиковъ изъ города, на что онъ получитъ разрѣшеніе отъ своего министра. Если волненіе только въ нѣкоторыхъ курсахъ, то закрыть эти курсы. Если оно общее по всему университету, то закрыть его» ⁴⁾.

¹⁾ Д. в. п., 26.

²⁾ Тамъ-же, 38.

³⁾ Тамъ-же, 30.

⁴⁾ Тамъ-же 37.

Попечитель не замедлил отвѣтить на нее такъ: «Медики двухъ старшихъ курсовъ не одобряютъ безпорядковъ; по соглашенію съ губернаторомъ, будутъ приняты мѣры для скорѣйшаго возобновленія практическихъ лекцій. По курсамъ участниковъ не возможно раздѣлить. Зачинщики и главные участники будутъ удалены» ¹⁾).

Дѣйствительно, 9-го числа, въ день безпорядковъ предъ квартирой попечителя, медики 4-го и 5-го курсовъ, обратившись въ зданіи клиники къ военному губернатору Козлянинову, заявили, что они не участвуютъ въ безпорядкахъ и имъ не сочувствуютъ ²⁾).

Это заявленіе Козляниновъ сообщилъ попечителю, а послѣдній совѣту, который въ своемъ засѣданіи 10-го октября постановилъ допускать къ занятіямъ въ зданіи клиники по прошеніямъ и особымъ билетамъ, выдаваемымъ тѣмъ, кого будетъ разрѣшено допустить. Рядъ телеграммъ заканчивается телеграммой министра, въ которой попечитель получаетъ отъ него слѣдующее лаконическое предложеніе ³⁾: «Можно исключать и лишать стипендій тѣхъ, кои положительно изобличены въ производствѣ безпорядковъ». Это было 10-го октября въ день засѣданія совѣта, когда онъ, подъ предѣлательствомъ князя Вяземскаго и подъ охраной военного караула, въ первый разъ долженъ былъ заняться вопросомъ о происшедшихъ безпорядкахъ и о возстановленіи спокойствія въ университетѣ. Основываясь на послѣдней телеграммѣ министра народнаго просвѣщенія, совѣтъ у—та посвѣщилъ, прежде всего, очистить университетъ отъ тѣхъ лицъ, которыхъ считалъ еще прежде неблагонадежными, и потому, не дожидаясь результатовъ формальнаго слѣдствія надъ участвовавшими въ безпорядкахъ, въ это же засѣданіе постановилъ ⁴⁾: «1) гг. студентовъ Кирилова, Виктора Умова, Конради, Елпидина, Егорова Александра и Осипова исключить изъ у—та и удалить изъ города, 2) гг. докторантовъ Петрова и Пескова, по ихъ вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города, но ходатайствовать предъ г. министромъ народн. просвѣщ. о дозволеніи имъ окончить свои экзамены въ другомъ у—тѣ, равно бывшихъ студентовъ: Олигера ⁵⁾, Маккавѣва, Линдемана и окончившаго нынѣ курсъ Беневицкаго тоже, по вредному вліянію на товарищей, удалить изъ города; объ этомъ сообщить г. губернатору съ присовокупленіемъ къ этому того, что совѣтъ

¹⁾ Д. к. п., 35.

²⁾ Тамъ-же, 41.

³⁾ Телегр. Д. к. п., 39.

⁴⁾ Д.—8.

⁵⁾ Уволеннаго уже.

считаетъ также вреднымъ присутствіе въ городѣ исключеннаго студента Христофорова, такъ какъ онъ, не смотря на официальныя запрещенія, являлся въ зданіи университета» ¹⁾).

Н. А. Ойрсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Исключеніе 4-хъ студентовъ состоялось 16-го октября, а 14-го октября начальникъ жандармовъ секретно спрашиваетъ объ именахъ исключенныхъ въ 1861 г. ²⁾ Изъ секретнаго-же ему отвѣта мы узнаемъ, что въ 1861 г. пока исключено было 10 человекъ ³⁾.

¹⁾ Д. к. п., 31.

²⁾ Тамъ-же, 67.

³⁾ Тамъ-же, 71 и 72.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

V¹⁾.

Со времени появленія русскихъ войскъ на р. Энгеликѣ (въ началѣ апрѣля 1858 г.) наибъ Малой Чечни посылалъ къ Шамилю гонца за гонцомъ съ донесеніями о нашихъ успѣхахъ и съ просьбами о немедленной помощи. Имамъ убѣдился, что дѣло, затѣянное нами, нешуточное. Не теряя времени, онъ кивкнулъ кличь ко всѣмъ подвластнымъ ему горцамъ, и вскорѣ уже стали доходить до Н. И. Евдокимова извѣстія о появленіи крупныхъ непріятельскихъ партій на предгоріяхъ и плоскости Большой Чечни. Считая себя на первое время обезпеченнымъ съ той стороны войсками, расположенными въ Аргунскомъ ущельѣ и въ аулѣ Большой Чечень, онъ продолжалъ неуклонно и самолично распорядиться замиреніемъ и выселеніемъ мало-чеченскихъ обывателей. Но около 20-го апрѣля получены были свѣдѣнія, что сборы непріятеля усилились, что самъ Шамиль принялъ надъ ними начальство, что значительное скопище появилось въ лѣсахъ близъ Воздвиженскаго и что Шалинское укрѣпленіе было даже, въ теченіи двухъ сутокъ, обстрѣливаемо изъ орудій. Всѣ эти обстоятельства понудили Н. И. Евдокимова, оставивъ часть своихъ войскъ для завершения начатаго дѣла въ Малой Чечнѣ,

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387.

подвинуться съ главными силами на Аргунъ. Вдоль по теченію этой рѣки, отъ Воздвиженскаго до Сунжи,—онъ, съ свойственною ему предусмотрительностію, расположилъ свои отряды такъ, что пробиться сквозь нихъ безнаказанно непріятелю не представлялось возможности. Попытокъ на это, однако, можно было ожидать, такъ какъ враждебныя скопища наводнили собою все нагорье Большой Чечни, отъ р. Хулхулау черезъ р. Бассъ, до Мезеней; а часть ихъ, между тѣмъ, производила работы на Даргинъ-Дукъ, гдѣ возведено было нѣсколько заваловъ и испорчена устроенная нами дорога.

Такимъ образомъ, благодаря энергической дѣятельности Шамиля, войскамъ Чеченскаго отряда, послѣ 8-ми-мѣсячной тяжелой кампаніи, пришлось, вмѣсто необходимаго для нихъ отдыха, расположиться на оборонительныхъ позиціяхъ и нести трудную сторожевую службу. Вызывалось это, очевидно, необходимостію: надо было окончателно обезпечить себя со стороны лежавшей въ нашемъ тылу Малой Чечни, прежде чѣмъ рѣшиться на какія либо новыя наступательныя предпріятія.

На счастье наше, Шамиль сначала полагалъ, что апрѣльскія дѣйствія Н. И. Евдокимова въ Малой Чечнѣ ограничатся, какъ то бывало прежде, раззореніемъ нѣсколькихъ ауловъ. Онъ не ожидалъ столь быстраго и полнаго отпаденія отъ его власти того многочисленнаго и воинственнаго населенія, которое служило сильнымъ подспорьемъ для утвержденія его могущества; когда же положительно въ этомъ убѣдился, то поправить дѣло было уже поздно. Все вниманіе его, поэтому, сосредоточилось теперь на Большой Чечнѣ, гдѣ легко могли повториться тѣ-же событія, что и въ Малой. Личное присутствіе имама, въ сопровожденіи огромныхъ скопищъ, возымѣло свое дѣйствіе на мѣстныхъ жителей: они спрятали свои семейства и свое имущество по дальнимъ лѣснымъ трупамъ, заградили дороги завалами и, повидимому, приготовились къ упорной оборонѣ. Только нѣсколько десятковъ семей, не вѣрившихъ въ возможность найти покой иначе, какъ подъ русскою властью, переселилось, пользуясь близостью нашихъ войскъ, въ Умаханъ-Юрть.

Успокоивая и возвышая духъ мѣстныхъ жителей, Шамиль, однако, не оставлялъ своего намѣренія вторгнуться въ Малую Чечню и жестоко поварать отпавшее отъ него населеніе. Вся-

кія ухищренія пущены были имъ въ ходъ для того, чтобы развлечь вниманіе стоявшихъ на Аргунѣ отрядовъ нашихъ и прорваться съвозъ ихъ цѣлы; но всѣ эти попытки были безуспѣшны, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ приказалъ начальникамъ отрядовъ держаться, временно, въ строго-оборонительномъ положеніи и не предпринимать никакихъ движеній, пока не разъяснится окончательно, куда направлены главные силы противника. Между тѣмъ, въ Малой Чечнѣ, вновь устроенные аулы дѣятельно укрѣплялись, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, переселенцы сами могли постоять за себя, не требуя тотчасъ же поддержки войскъ, которыя можно было употреблять для другихъ дѣйствій.

Такъ протанулись дѣла до конца мая; какъ вдругъ Н. И. Евдокимовъ встревоженъ былъ извѣстіями о серьезныхъ безпорядкахъ по близости отъ Владикавказа и о возстаніи назрановскаго общества, обитавшаго по верхней Сунжѣ и низовьямъ Ассы ¹⁾. Трудно было сомнѣваться въ томъ, чтобы Шамиль, повсюду имѣвшій своихъ агентовъ, не воспользовался столь благоприятнымъ для него обстоятельствомъ и не попытался ворваться въ Малую Чечню со стороны бывшаго Владикавказскаго округа, т. е. тамъ, гдѣ мы менѣе всего его ожидали—какъ онъ имѣлъ полное основаніе предполагать.

Но Н. И. Евдокимовъ и тутъ предупредилъ его. Получивъ доносеніе о назрановскихъ происшествіяхъ и понимая серьезность ихъ значенія въ данную минуту, онъ не замедлилъ принять всѣ

¹⁾ Назрановцы еще съ 1810 г. считались «мирными», но это не мѣшало имъ разбойничать не хуже другихъ чеченцевъ. Надлежащему надзору за этимъ обществомъ мѣшала его разбросанность по мелкимъ хуторамъ, среди лѣсныхъ трупобъ, гдѣ легко могли укрываться всякіе бродяги и хищники; туда же Шамиль не преминулъ высылать своихъ агентовъ, подстрекавшихъ народъ противъ русской власти. До поры до времени пламя таялось подъ пепломъ, но когда, въ 1858 г., рѣшено было соединить населеніе въ большіе аулы, подъ нашъ ближайшій надзоръ, и приказаніе это было объявлено жителямъ, они открыто возстали, послали Шамилю приглашеніе идти къ нимъ и, подкрѣпленные своими сосѣдами: галашевцами и карабулаками (тоже отъявленными разбойниками), атаковали Назрановское укрѣпленіе. Къ счастью, находившійся тогда во Владикавказѣ полковн. Зотовъ, извѣщенный о готовившемся бунтѣ, успѣлъ заблаговременно подкрѣпить находившіяся въ укрѣпленіи войска и успѣшно отразилъ нападеніе.

мѣры для противодѣйствія намѣреніямъ Шамиля, о которыхъ, очевидно, догадывался, давно изучивъ тактику своего противника. Войскамъ Чеченскаго отряда, расположеннымъ на Аргунѣ, приказано было вернуться въ Малую Чечню, для усвоенія и ободренія только что покорившихся намъ жителей, а также и для достойной встрѣчи всякихъ непріятельскихъ поушеній съ этой стороны.

Догадки Н. И. Евдокимова оправдались: находясь около поста Нестеровскаго, онъ получилъ извѣстіе, что Шамиль, рассчитывая на содѣйствіе назрановцевъ и другихъ туземцевъ бывшаго владикавказскаго округа, собралъ до 8-ми тысячъ пѣшихъ и конныхъ горцевъ, переправился черезъ верховья обихъ Аргуновъ и спустился по Кусуль-Кундуку (хребеть, отдѣляющій р. Ангеликъ отъ р. Гойты) на южныя окраины Малой Чечни. Вслѣдствіе этого отдѣльныя колонны наши были немедленно распредѣлены по разнымъ пунктамъ такъ, что вполне прикрывали плоскость, Сунженскую линію, Владикавказъ и заслоняли отъ непріятеля весь назрановскій округъ.

Появленіемъ своимъ въ ущельѣ Гойты Шамиль надѣялся снова взволновать Малую Чечню, но долженъ былъ горько разочароваться, не встрѣтивъ тамъ никакого сочувствія. При такомъ настроеніи мѣстныхъ жителей опасно было двигаться далѣе къ сѣверу, потому что ближайшіе отряды наши могли бы отрѣзать ему путь отступленія въ Черныя горы; вслѣдствіе этого, укрываясь за лѣсами, покрывающими уступы названныхъ горъ, онъ двинулся далѣе на западъ и, 9-го іюня, сдѣлалъ попытку прорваться на плоскость къ аулу Ачхой. Послѣ кровопролитной схватки съ отрядомъ полковника Алтухова (при чемъ особенно отличились нижегородскіе драгуны), горское скопище должно было отступить въ нагорные лѣса. Но Шамилю все еще не хотѣлось уходить; перейдя черезъ р. Фортангу, въ земли галашевскаго общества, онъ, 11-го іюня, занялъ аулы Алунъ и Мужичъ, а 1-го іюля двинулъ партію въ 1,500 чел., подъ начальствомъ своего сына, Кази-Магомы, въ Ави-Юртовское ущелье. Это было уже послѣднею его попыткою прорваться на плоскость, такъ какъ Н. И. Евдокимовъ быстро стянулъ къ угрожаемымъ пунктамъ всѣ имѣвшіяся подъ рукою войска, и непріятель, видя, что при дальнѣйшемъ наступленіи онъ мо-

жетъ быть окруженъ нашими отрядами, долженъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ. Между тѣмъ, оставаться долѣе среди галашевскаго общества для Шамиля тоже было затруднительно, потому что немногочисленное мѣстное населеніе не имѣло возможности продовольствовать его крупныхъ скопищъ. Вслѣдствіе этого; онъ, 15-го іюня, снова двинулся уступами Черныхъ горъ, на востокъ, къ Мереджамъ, направивъ партію Саибдуллы къ Датаху; затѣмъ, пройдя черезъ земли акинскаго и шубутовскаго обществъ, имамъ перевелъ свои скопища черезъ оба Аргуна, распустилъ часть ихъ по домамъ, а самъ удалился въ Ведень.

Эпизодъ назрановскаго возстанія и диверсія, предпринятая Шамилемъ, надѣлали не мало хлопотъ и тревогъ Н. И. Евдокимову. Только послѣ пораженія, нанесеннаго горцамъ полковникомъ Алтуховымъ, и сбора во Владикавказѣ достаточныхъ силъ у него нѣсколько отлегло на сердцѣ. „Теперь я гораздо спокойнѣе,—писалъ онъ 12-го іюня полковнику Бѣлику, находившемуся въ Малой Чечнѣ,—ибо дѣла немного поустроились. При вашей бдительности, надѣюсь, что Шамиль обмануть насъ не успѣетъ; въ горахъ же пусть дѣлаетъ, что хочетъ, это для насъ все равно. О галашевцахъ я также ничего не думаю и желалъ бы, чтобы Шамиль увелъ ихъ въ горы. Меньше останется сквернаго народа, а хуже галашевцевъ нѣтъ на горѣ....

P. S. Вотъ уже 5 сутки, какъ я не имѣю ни одной ночи и пользуюсь сномъ лишь по временамъ, когда часъ, а когда два“¹⁾).

Вышеописанныя событія въ окрестностяхъ Владикавказа не замедлили, впрочемъ, ни на одинъ день имѣвшагося въ виду лѣтняго движенія къ верховьямъ Чанты-Аргуна. По отступленіи Шамиля, Н. И. Евдокимовъ немедленно распорядился восстановленіемъ порядка въ назрановскомъ обществѣ и казнію зачинщиковъ; а какъ только убѣдился, что непріятель окончательно ушелъ за Аргунъ и что Малой Чечнѣ болѣе не угрожаетъ опасности, онъ сталъ исподоволь и незамѣтно для противника стягивать войска въ укрѣпленія Воздвиженское и Аргунское, гдѣ къ 30-му іюня они и сосредоточились.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 1-й.

„Чтобы достигнуть цѣли экспедиціи: покоренія горнаго пространства между Терекѣмъ и Аргуномъ (такъ пишетъ Н. И. Евдокимовъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій съ 1-го по 5-е іюля 1858 г.), надобно было, съ перваго же шагу, преодолѣть самое сильное изъ препятствій, которое представляетъ намъ здѣшняя война—граду крутыхъ и заросшихъ дремучимъ лѣсомъ хребтовъ, которая тянется безъ малѣйшаго перерыва изъ края въ край, черезъ все лѣвое крыло, ограждая почти непроходимымъ поясомъ высокія и голыя поляны, составляющія внутренность горъ. Обойти лѣсную граду съ тыла изъ Владикавказа черезъ Акинское общество оказалось неисполнимымъ, по тому расчету, что это движеніе потребовало бы 9-ти переходовъ поперегъ многихъ хребтовъ, при чемъ обезпеченіе сообщеній поглотило бы большую часть отряда; кромѣ того подобное направленіе заставило бы обнажить передъ непріателемъ Чечню на довольно продолжительное время. Я предпочелъ положиться на мужество и боевую опытность вѣранныхъ мнѣ войскъ и пробиться черезъ лѣсныя горы съ лица. Но полный успѣхъ подобнаго предпріятія былъ возможенъ только при томъ условіи, чтобы непріатель не былъ заранѣе готовъ встрѣтить насъ на избранномъ пути. Иначе, при невообразимыхъ препятствіяхъ, которыя мѣстность представляетъ здѣсь на каждомъ шагу, потеря съ нашей стороны могла быть не соразмѣрна даже съ важностію самаго предпріятія, какъ она ни велика“¹⁾).

Руководствуясь такими соображеніями, Н. И. Евдокимовъ началъ съ того, что отвлекъ вниманіе противника отъ Чанты-Аргуна и заставилъ его серьезно опасаться за другія мѣста. На сей конецъ онъ приказалъ начальнику штаба Чеченскаго отряда, полковнику Зотову²⁾, съ заранѣе прибывшими въ Аргунское ущелье войсками, производить демонстраціи у Даргинъ-Дука. Демонстраціи эти, производившіяся 28-го и 29-го іюня и соединенныя съ рекогносцировкой по обоимъ берегамъ Шаро-Аргуна, возымѣли желаемое дѣйствіе. Шамиль, опасаясь болѣе

¹⁾ Воен.-уч. арх., Отд. II, № 6602, в.

²⁾ Вислѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи, командовавшій русскими войсками подъ Плевною, во время штурма 30-го августа 1877 г.—Записка его см. въ «Русской Старинѣ», 1886 г., томъ XLIX.

всего за Даргинь-Дукъ, черезъ который открывался путь въ самое сердце непокорныхъ горъ, немедленно усилилъ, до 2-хъ т. человекъ, стоявшія тамъ партіи набовъ: Лабазана и Дубы. Можно было, поэтому, надѣяться, что всякое движеніе въ другую сторону принято имъ будетъ лишь за диверсію, что главныя силы имама будутъ стянуты на Даргинь-Дукъ и намъ придется имѣть дѣло съ одними обывателями Чанты-Аргунскихъ верховій.

Николай Ивановичъ любилъ ковать желѣзо пока оно горячо, и потому, прибывъ, въ ночь съ 30-го іюня на 1-е іюля, въ Аргунскому укрѣпленію, немедленно распорядился движеніемъ сосредоточенныхъ тамъ войскъ въ намѣченномъ направленіи. Передовой эшелонъ, подъ начальствомъ полк. Зотова, выступилъ въ 2 часа пополудни и на другой день овладѣлъ съ боя ауломъ Соси-Ирзау, лежащимъ въ глубинѣ Дачу-Борзойской долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Чанты-Аргунъ вырывается изъ глухой тѣснины на болѣе широкое мѣсто, въ то время еще не очищенное отъ лѣса. Узнавъ объ этомъ быстромъ успѣхѣ, Н. И. Евдокимовъ прибылъ къ передовымъ войскамъ. По его приказанію, взятый аулъ былъ укрѣпленъ и занятъ двумя баталіонами; тогда же приступлено къ восстановленію находившагося здѣсь полуразрушеннаго моста и къ вырубкѣ лѣса, покрывавшаго ложбину рѣки.

Работы эти служили какъ бы прологомъ для слѣдовавшихъ за ними необычайно трудныхъ дѣйствій. Предстояло пробиваться черезъ хребты, покрытые сплошнымъ лѣсомъ, на пространствахъ 6-ти или 7-ми верстъ, по мѣстности вполнѣ намъ неизвѣстной и не имѣвшей никакихъ путей сообщенія. Другаго исхода не оставалось, потому что наступать прямо по дорогѣ, танувшейся по ущелью, обставленному лѣсистыми утесами и прегражденному завалами,—значило подвергать войска еще большей опасности.

На эту дорогу, кромѣ того, горцы стянули всѣ свои наличныя силы, потому что менѣе всего ожидали нашего движенія цѣликомъ черезъ лѣсъ. Чтобы еще болѣе утвердить ихъ въ этомъ заблужденіи, Н. И. Евдокимовъ приказалъ, 3-го іюля, рубить просѣку отъ поляны, гдѣ стоялъ передовой отрядъ, вверхъ по ущелью. Непрiятель завязалъ перестрѣлку и, готовясь принять атаку, сталъ устраивать новые завалы въ столь близкомъ

разстояніи отъ нашей цѣпи, что можно было слышать съ его стороны шумъ падающихъ подъ топоромъ деревьевъ.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ ночи войска наши поднялись съ своего бивака и двинулись по указанному направленію, въ двухъ колоннахъ: передняя, подъ начальствомъ полковн. Зотова, задняя—полков. Баженова. Приходилось взбираться по горному откосу Мескинъ-Дукъ, поднимающемуся крутыми уступами отъ Аргуна до вершины большого хребта. Горцы, благодаря взошедшей луи, замѣтили, однако, наше движеніе, бросились изъ ущелья наперерѣзъ ему, и уже на второмъ уступѣ горы войска были встрѣчены огнемъ засѣвшего въ лѣсу непріятеля, который вслѣдъ за симъ началъ охватывать и фланги передовой колонны. Полк. Зотовъ, сознавая опасность всякой остановки при подобныхъ условіяхъ, продолжалъ безостановочно идти впередъ; стремительныя атаки шедшаго въ головѣ колонны 5-го баталіона Куринскаго полка не давали противнику опомниться ¹⁾, и горцы, выбитые послѣдовательно съ семи горныхъ уступовъ, сброшены были, наконецъ, въ чрезвычайно глубокой оврагъ Джомагинъ (Чертова балка). Во время этого горячаго дѣла колонна полковн. Баженова, обремененная выюками, только что вступала въ лѣсъ. Она прошла его безъ выстрѣла, такъ какъ всѣ усилія и все вниманіе непріятеля обратились на передовыя войска.

За оврагомъ Джомагинъ, къ которому подошли теперь войска наши, лежала окруженная обрывами и перелѣсками Барандинская поляна, за которою, черезъ рѣдкій лѣсъ, открывались другія поляны, такого же характера; вдали были видны уходившія толпы непріятеля. Самый оврагъ, въ случаѣ упорной обороны, могъ считаться непроходимымъ; но охотниковъ защищать его не оказалось, а напротивъ, мѣстные жители, стоя на другой сторонѣ оврага, громко приглашали насъ идти къ нимъ безъ опасенія. Вслѣдствіе этого, Н. И. Евдокимовъ, прибывшій къ авангарду, немедленно перевелъ черезъ Джомагинъ всю передовую колонну. Грозный Мескинъ-Дукъ остался за нами.

Въ дѣлѣ 4-го іюля противъ насъ дрались два наиба: шатоевскій—Батока и акинскій—Гамзадъ; чаберлоевскій наибъ, Лаба-

¹⁾ Только на 5-мъ уступѣ лихой баталіонъ этотъ, усталый до изнеможенія, смѣненъ былъ свѣжими частями.

занъ, прибылъ къ вышеназванному оврагу въ то время, когда дѣло еще продолжалось, и хотѣлъ выждать насъ при подъемѣ на поляну, но видя, что мѣстные жители не намѣрены съ нами драться, поспѣшно отступилъ; ичкеринскій наибъ, Адиль, пришелъ въ тотъ же день въ ауль Зуаны, но не поспѣлъ къ дѣлу ¹⁾).

„Чистосердечно долженъ донести,—писалъ Н. И. Евдокимовъ въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій—въ этотъ день испытанная войска кавказской арміи показали во всемъ блескъ. Мы вступили теперь въ страну, никогда не выдавшую русскаго съ оружіемъ въ рукахъ; лѣсной поясъ пройденъ и, вмѣстѣ съ нимъ, населеніе, воспитанное въ вѣчной войнѣ и чувствѣ кровной вражды къ намъ. Вѣроятно, также, примѣръ прошлаго и нынѣшняго годовъ, примѣръ многочисленнаго населенія, признавшаго нашу власть и устраиваемаго теперь къ своему благу русскимъ правительствомъ, начинаетъ дѣйствовать на горцевъ; по крайней мѣрѣ, въ шатоевскомъ обществѣ, куда мы теперь вступили, жители не бѣжали въ лѣсъ и не стрѣляютъ въ насъ; они остались въ своихъ домахъ и завели уже нѣкоторую торговлю съ войсками. Не рѣшаюсь еще говорить слишкомъ много объ этомъ обстоятельстве, но примѣръ этотъ можетъ распространиться далеко. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ начались кавказскіе походы, мы ведемъ войну въ населенномъ краѣ и, подходя къ горской деревнѣ, видимъ жителей, спокойно ожидающихъ насъ въ своихъ домахъ ²⁾“.

Переходъ черезъ Мескинъ-Дукъ открылъ главному Чеченскому отряду доступъ въ нѣдра горъ, занятыхъ неповоротливыми племенами; но пока не было проложено сообщеніе черезъ пространство, оставшееся въ тылу, наши войска стояли на Барандиянской полянѣ въ совершенно изолированномъ положеніи. Сзади ихъ лѣсные хребты смыкались сплошнымъ поясомъ. Впереди лежали другіе, хотя не столь густые, лѣса, черезъ которые путь открывался только по узкой полянѣ, вьющейся съ вершины на вершину, между буграми и оврагами, на 7

¹⁾ Наши потери въ дѣлѣ 4-го іюля: убиты 1 офицеръ и 6 нижн. чиновъ, ранено 5 офиц. и 24 нижн. чина.

²⁾ Воен.-уч. арх., отд. II, № 6602. в.

версть протяженія, до большаго Варандинскаго поля, за котрымъ поднимаются уже нагіе хребты. Отряду по необходимости пришлось распространиться одновременно въ обѣ стороны: назадъ, чтобы открыть сообщеніе съ аргунскимъ укрѣпленіемъ, а впередъ, — чтобы заблаговременно захватить мѣстность, на которой непріятель могъ подготовить средства къ новому упорному сопротивленію.

На основаніи этихъ соображеній, Н. И. Евдокимовъ уже 5 іюля направилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кауфмана, внизъ по Чанты-Аргуну, къ аулу Зонахъ, для рубки просѣки вдоль по ущелью; а на встрѣчу ему, для такой же работы, приказалъ идти войскамъ, оставленнымъ въ Соси-Ирзау, подъ начальствомъ полк. Наумова. На другой день остальные войска Чеченскаго отряда приступили къ рубкѣ лѣса вверхъ по Чанты-Аргуну, по направленію на аулъ Большія Варанды.

Рекогносцировка, произведенная 7 іюля Н. И. Евдокимовымъ, показала ему, что лежащій къ югу отъ нашего расположенія лѣсъ занятъ сильною непріятельскою партіею. Имѣя въ виду, что намъ предстояло наступать по этому направленію и что непріятель не преминетъ воспользоваться каждымъ днемъ, чтобы воздвигнуть намъ новыя преграды, онъ немедленно собралъ всѣ сколько нибудь свободныя отъ работъ войска и, поручивъ начальству полк. Баженова 4 баталіона, 3 стрѣлковыя роты и 4 горныя орудія, приказалъ ему очистить впереди лежащую лѣсную полосу. Приказаніе было выполнено совершенно успѣшно, и 9 іюня передовыя войска наши стояли уже на большомъ Варандинскомъ полѣ. Лѣсная полоса осталась окончательно за нами, но слѣдовало принять мѣры, чтобы безповоротно утвердиться на занятомъ пространствѣ; а потому, лишь только устранена была непосредственная близость противника; Н. И. Евдокимовъ снова налегъ, со всею энергіею, на производство необходимыхъ работъ для устройства сообщеній съ тыломъ отряда. Мелкія непріятельскія партіи хотя и не переставали при этомъ тревожить насъ, но уже серьезно помѣхою быть не могли.

Шамиль, очевидно, былъ очень встревоженъ послѣдними успѣхами нашими на верховьяхъ Чанты-Аргуна. Получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ самъ успѣшно прибылъ въ эту сто-

рону и отдалъ приказаніе набамъ всѣхъ подвластныхъ ему горскихъ обществъ вести туда своихъ людей. Въ ожиданіи подкрѣпленій, онъ собиралъ окрестныхъ обывателей, приводилъ ихъ къ присягѣ на газаватъ (священную войну); внушалъ имъ, что наше движеніе въ Шатой есть только набѣгъ, и убѣждалъ еще разъ сразиться съ русскими, предоставляя имъ затѣмъ покориться своей участи, какова она ни будетъ. Увѣщанія стараго имама и страхъ передъ нимъ произвели желаемое дѣйствіе. Въ нѣсколько дней силы стоявшаго противъ насъ непріятельскаго скопища возросли опять до 9 т. человекъ, при 3-хъ горныхъ орудіяхъ. Съ ними Шамиль занялъ весьма крѣпкую позицію, за оврагомъ Ахъкъ, перерѣзывающимъ большое Варандинское поле перпендикулярно Чанты-Аргуну; позиція эта была усилена завалами, и таковыя же, кромѣ того, были устроены и на правомъ берегу рѣки, противъ ауловъ Вашиндуръ и Цаганъ, въ защиту находившихся тамъ мостовъ, отъ которыхъ расходились дороги во всѣ мѣста прилежащаго края.

Забывая прежде всего объ обезпеченіи своего тыла и сообщеній, Н. И. Евдокимовъ до поры до времени ничего не предпринималъ противъ позиціи Шамиля, поджидая окончанія работъ, рассчитывая затѣмъ атаковать эту позицію всѣми своими силами и надѣясь, что противъ ихъ натиска не устоятъ никакія твердыни. Между тѣмъ, положеніе Шамиля становилось день ото дня затруднительнѣе: огромное скопище, имъ собранное, истребляло, какъ саранча, всѣ запасы мѣстныхъ жителей, а пользы имъ пока не приносило. Чтобы выйдти изъ этого положенія и отвлечь наше вниманіе отъ Шатоезской долины—средоточія путей и ключа всей западной части горъ,—имамъ рѣшился на отчаянное средство; и вотъ, 24 іюня, получено было у насъ извѣстіе, что онъ, оставивъ пѣхоту свою на позиціи, самъ съ 3-мя т. конницы двинулся ночью на западъ, въ землю Галашевскаго общества, гдѣ уже побывалъ въ прошломъ мѣсяцѣ.

Но Н. И. Евдокимова трудно было застать врасплохъ. Онъ предвидѣлъ возможность повторенія попытки Шамиля противъ Малой Чечни, и потому, углубляясь съ главнымъ отрядомъ въ нѣдра горъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія для охраны прочихъ частей вѣреннаго ему края. Поэтому, не тревожась диверсією своего противника, онъ, напротивъ, рѣшился воспользоваться

ею для нанесенія окончательнаго удара оставленному на верхнемъ Аргунѣ скопищу, и 30-го числа, по завершеніи всѣхъ необходимѣйшихъ работъ, приказалъ атаковать непріятельскую позицію.

Обстоятельства и на этотъ разъ сложились въ нашу пользу, такъ какъ по уходѣ Шамиля немедленно возникли несогласія между мѣстными жителями и тавлинцами. При отсутствіи единства, противники потеряли всякую энергію, такъ что одинъ огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ очистить грозную Варандинскую позицію и разсѣяться. 1 августа, по вновь устроенному тамъ мосту, двинуть былъ на правый берегъ Чанты-Аргуна особый отрядъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Кемпферта, который, разрушивъ находившіеся тамъ завалы, произвелъ рекогносцировку внизъ по ущелью, гдѣ должна была быть устроена дорога къ Зонахскому укрѣпленію. Тогда же получено было Н. И. Евдокимовымъ извѣстіе о томъ, что, въ самый день занятія нами Варандинской позиціи (30 іюня), ген.-маіоръ Мищенко на голову разбилъ скопища Шамиля, вторгнувшіяся въ назрановское общество. Такимъ образомъ, избѣгая столкновенія съ нами въ Шатоѣ (сохраненіемъ котораго онъ сильно дорожилъ), имамъ потерпѣлъ два пораженія разомъ и лишился на нѣкоторое время всѣхъ средствъ продолжать сопротивленіе.

Занятіе Шатоа, въ которомъ мы теперь стали твердою ногою, открывало доступъ во всѣ стороны, по естественнымъ путямъ, которые непріятель не могъ преградить: на западъ, черезъ акинское общество, къ Владикавказу; на югъ, черезъ Хевсурію, въ Закавказье; на востокъ, черезъ Шаро-Аргунъ, въ самое сердце неповорныхъ горъ.

„Съ открытіемъ этого послѣдняго пути—писалъ Н. И. Евдокимовъ—падаютъ сами собою укрѣпленія, воздвигнутыя горцами на Даргинъ-Дукѣ, которыми они хотѣли заградить намъ доступъ по просѣѣ, проложенной нынѣшнею весною. Много трудовъ предстоитъ еще войскамъ Чеченскаго отряда для того, чтобы исполнѣ утвердиться въ ущельѣ обоихъ Аргуновъ; но уже теперь я смѣю сказать: главное сдѣлано ¹⁾“.

¹⁾ Воен. Уч. арх., отд. II, № 6602 в., журналъ воен. дѣйствій главн. Чеченскаго отряда, съ 15 іюля по 1 августа.

Послѣднимъ успѣхомъ нашимъ, дѣйствительно, рѣшалась участь обширнаго края. Когда Чеченскій отрядъ вышелъ на шатоевскую долину, пробившись черезъ лѣсистые хребты, ограждавшіе ее сплошнымъ поясомъ дѣбрей (около 20 в. въ ширину),—тогда мѣстные жители поняли, что дѣло кончено, что дальнѣйшее сопротивленіе будетъ для нихъ гибельно, такъ какъ никакихъ затковъ успѣха не имѣеть. вмѣстѣ съ тѣмъ, затаенная вражда въ такъ долго тяготѣвшему надъ ними ученію мюридизма, насильственно поддерживаемому тавлинцами, вспыхнула вдругъ съ полною силою. Такъ, еще 7-го августа, они напали на тавлинцевъ, увидившихъ аманатовъ отъ шатоевскаго населенія; причемъ много мюридовъ было изрублено и потоплено въ рѣкѣ. Во время кратковременнаго отсутствія Н. И. Евдокимова, къ ген.-маіору Кемпфергу прибыли люди изъ ауловъ, лежащихъ на Шаро-Аргунѣ, прося избавить ихъ отъ тавлинскихъ шаекъ. Они сами провели назначенный для сего отрядъ (2½ баталіона и 5 сотенъ) къ мѣсту расположенія сконница Кази-Магомы, которое и было наголову разбито.

14-го августа явилась къ начальнику Чеченскаго отряда депутація старшинъ шатоевскаго общества съ изъясненіемъ покорности; въ слѣдующій же день прибылъ изъ дальняго аула Итумъ-кале (резиденція наиба, управлявшаго чантійцами, акинцами и обществами кистинскими) тамошній старшина Дуга, съ просьбою о помощи своимъ соплеменникамъ, готовымъ возстать противъ Шамиля. Такъ какъ вѣрность шатоевцевъ была обезпечена взятіемъ у нихъ заложниковъ, то Н. И. Евдокимовъ счелъ возможнымъ продвинуться еще далѣе, и 16-го числа послалъ по направленію на Итумъ-Кале отрядъ подъ начальствомъ полковника Баженова (2½ батал., 4 сотни, 4 горн. орудія). Съ приближеніемъ этого отряда къ названному аулу, и по сдѣланнымъ имъ двумъ сигнальнымъ пушечнымъ выстрѣламъ, жители поднялись и истребили всѣхъ находившихся у нихъ тавлинцевъ, кромѣ лишь наиба Гамзадъ-Хаджи, которому удалось спастись бѣгствомъ. По вступленіи русскихъ войскъ въ Итумъ-Кале, тамъ учреждено наше управленіе, съ жителей взяты заложники и немедленно приступлено къ разработкѣ дороги для сообщенія съ главнымъ отрядомъ, расположеннымъ въ Шатоѣ, на урочищѣ Гакео.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ событіемъ, возстаніе противъ власти имама стало быстро распространяться по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Въ аулахъ, которые были поближе къ нашимъ войскамъ и могли рассчитывать на ихъ поддержку, мѣстные жители стали убивать, безъ разбору, всѣхъ находившихся среди нихъ тавлинцевъ, такъ что многимъ изъ послѣднихъ пришлось искать спасенія у русскаго начальства. Одновременно съ симъ, разныя горскія общества прислали къ Н. И. Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности и сами приводили заложниковъ, даже изъ такихъ мѣстъ, куда оружіе наше еще далеко не проникло. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли поборилось 11 обществъ, и замиреніе Шатоя довершилось покорностію наиба его, Батока, который, наконецъ, явился въ нашъ лагерь со всѣмъ своимъ семействомъ. Николай Ивановичъ принялъ его какъ стараго знакомаго, зла не помянулъ и даже оставилъ Батока, по прежнему, наибомъ. Прибыли къ намъ и депутаты отъ полу-тавлинскаго общества Чаберлой, проживавшаго за Шаро-Аргунюмъ; но отдѣлять особую колонну за эту рѣку, при наличномъ состояніи войскъ, не представлялось возможности. Вообще, дѣйствующій отрядъ охватывалъ своимъ расположеніемъ такое обширное пространство, какое только могло быть занято; каждая изъ составляющихъ его частей или наблюдала за стоявшимъ на Шаро-Аргунѣ непріателемъ (колонна полк. Наумова), или, главнымъ образомъ, усиленно производила разныя работы, необходимыя для прочнаго занятія края. Приходилось, до времени, отказываться отъ новыхъ успѣховъ,—какъ бы они ни казались заманчивы и блистательны.

Впрочемъ, уже тѣ результаты, которые за послѣднее время были достигнуты доблестными войсками Чеченскаго отряда, являлись настолько серьезными, что можно было лишь удивляться имъ. Лучшій цѣнитель ихъ, кн. Барятинскій, въ письмѣ начальнику отряда, отъ 17-го августа, говоритъ слѣдующее:

„Вы приводите меня въ восторгъ вашими дѣлами, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Я представилъ васъ къ ордену св. Александра Невскаго и послѣшаю сообщить вамъ новую милость Государя Императора: нижнимъ чинамъ вашего отряда высочайше имъ пожаловано, за дѣла отъ 1-го до 5-го іюля, по

одному рублю серебромъ,—что доказываетъ, сколько самъ Государь цѣнитъ храбрость и труды вашихъ войскъ.

„Радуюсь впередъ, что великіе князья лично удостовѣрятъ Государя Императора въ видѣнномъ ими, столь дѣйствительномъ, успѣхѣ войскъ лѣваго крыла ¹⁾. Я, съ своей стороны, жду съ нетерпѣніемъ свиданія съ вами, чтобы обнять васъ отъ всего сердца... Еще разъ благодарю васъ и прошу вѣрить въ неизмѣнность моихъ чувствъ къ вамъ ²⁾“.

Пока шло это безкровное завоеваніе еще совсѣмъ невѣдомаго для насъ края, Кази-Магома вновь сталъ собирать свои тавлинскія скопища на верховьяхъ Шаро-Аргуна. Сознывая свое безсиліе удержать мѣстныхъ жителей отъ покорности русской власти, онъ вознамѣрился, по крайней мѣрѣ, наказать отпадшихъ и, 21-го августа, устремился на Чантійскіе аулы, но, встрѣченный обывателями, поддержанными летучимъ отрядомъ маіора Арцу-Чермоева, былъ отброшенъ. Уйдя затѣмъ, съ своими товарищами, въ аулы Шароевскаго общества, расположенные подъ самымъ снѣжнымъ хребтомъ, Кази-Магома остановился тамъ, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ удержать въ повиновеніи хотя это племя, черезъ которое начавшееся народное движеніе могло распространиться и на лезгинъ. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, онъ, 27-го августа, предпринялъ новую попытку противъ отложившагося аула Хачерой, отъ котораго войска наши были далеко; но и тутъ дѣло кончилось неудачно; хачероевцы сами, безъ посторонней помощи, отразили его нападеніе.

Безповойный сосѣдъ этотъ, наконецъ, надоѣлъ Н. И. Евдокимову, и онъ приказалъ полковн. Бѣлику, которому ввѣренъ былъ особый отрядъ, двинуться къ верховьямъ Шаро-Аргуна и отбросить непріятеля за рѣку. 30-го августа, при переходѣ черезъ высокій переваль между руслами обоихъ Аргуновъ, отрядъ полк. Бѣлика, застигнутый сильною мятежью, принужденъ былъ остановиться; но состоявшія при немъ двѣ сотни чантійскихъ всадниковъ, поддержанныя мѣстными жителями, продолжали идти впередъ, неожиданно атаковали партію Кази-Магомы и опрокинули ее за Шаро-Аргунъ.

¹⁾ Въ эту осень вел. князья Николай и Михаилъ Николаевичи посѣтили Кавказъ и проѣхались по Аргунскому ущелью.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

Послѣ этой схватки военныя дѣйствія въ Аргунскомъ ущельѣ могли считаться поконченными, и Чеченскому отряду оставалось лишь продолжать и довершать предпринятые имъ крупныя работы, въ число коихъ входило, между прочимъ, возведеніе трехъ укрѣпленій на Чанты-Аргунѣ: Зонахъ (около аула того же названія), Шатоевскаго (на урочищѣ Гаько, на послѣднемъ лагерномъ мѣстѣ нашей главной колонны) и Евдокимовскаго (близъ аула Итумъ-Кале). Работы и, вообще, замиреніе края двигались такъ быстро, что уже 5-го октября великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, посѣщавшіе въ тотъ годъ Кавказъ, могли проѣхать по всему Аргунскому ущелью вполне безопасно.

За постановкою тутъ русскаго дѣла на твердую почву, Н. И. Евдокимовъ, согласно желанію главнокомандующаго, перенесъ свою дѣятельность снова въ западную часть лѣваго крыла. Кн. Барятинскій, имѣя въ виду постоянно тревожное положеніе Военно-осетинскаго округа, приказалъ окончательно приступить въ предполагавшемся уже (какъ мы видѣли выше) поселенію въ большіе аулы, правильнымъ образомъ, туземцевъ назрановскаго, галашевскаго и карабулакскаго обществъ, а прежнія ихъ жилища, лежавшія въ глубинѣ лѣсныхъ ущелій, уничтожить. Затѣмъ, приказано было проложить удобную дорогу въ верховьяхъ р. Ассы, дабы имѣть удобное сообщеніе съ вновь покорившимися обществами, жившими между верхними частями Терека и Аргуна. Для содѣйствія всѣмъ этимъ предпріятіямъ командировано было изъ Закавказья, въ распоряженіе начальника лѣваго крыла, еще 6 баталіоновъ, первые эшелоны коихъ уже 19-го октября прибыли во Владикавказъ.

Подъ наблюденіемъ и руководствомъ Н. И. Евдокимова дѣло по устройству большихъ ауловъ повелось энергично и успѣшно. Одновременно съ симъ часть войскъ рубила просѣку по Ави-Юртовскому ущелью, въ глубь Черныхъ горъ, а наибъ Малой Чечни, Саябъ-Дула, по приказанію начальника лѣваго крыла, собралъ партію вооруженныхъ жителей и производилъ набѣги на непокорныя намъ общества, гнѣздившіяся въ лѣсныхъ трупобахъ по верховьямъ Ассы и Фортанги. Абреки, проживавшіе тамъ, принуждены были, наконецъ, покориться, выдали находившіяся у нихъ русскіе плѣнные и обязались выселиться на плоскость.

Къ концу года путь отъ Верхне-Сунженской линіи на Аргунскую былъ открытъ и отъ обитателей нагорныхъ мѣстъ, сведенныхъ на плоскость, отнята надежда на возможность возвращенія себѣ независимости. Между Тереконъ и Аргуномъ не оставалось болѣе ни одного непокорнаго общества.

Между тѣмъ Шамиль, убѣдившись, что въ Малой Чечнѣ дѣло его окончательно проиграно и что теперь русское оружіе обратится противъ Большой, еще съ половины ноября сталъ усиливать свои скопища на Шаро-Аргунѣ, а въ концѣ мѣсяца объявилъ поголовное ополченіе во всѣхъ еще подвластныхъ ему чеченскихъ, дагестанскихъ и лезгинскихъ обществахъ; одновременно съ этимъ, онъ распространялъ въ народѣ слухъ, что появившаяся въ томъ году комета служила вѣстницею гибели христіанъ и что султанъ турецкій уже выслалъ сильное войско, для поддержки угнетеннаго на Кавказѣ мусульманства. Извѣстія объ этомъ понудили Н. И. Евдокимова оставить (1-го декабря) Галашевскій отрядъ и прибыть къ предѣламъ Большой Чечни. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ приказаніе начальнику Кумыкскаго округа, флигель-адъютанту полковн. вн. Святополкъ-Мирскому, двинуться въ Аухъ, въ видахъ содѣйствія предпріятіямъ войскъ Прикаспійскаго края и для развлеченія вниманія непріятели.

Съ первыхъ же чиселъ декабря крупныя скопища противника начали спускаться на плоскость Большой Чечни. Часть ихъ расположилась около Маюртуна, а главныя силы, предводительствуемыя Кази-Магомой, остановились въ ущельи р. Басса. На Шаро-Аргунѣ остались тавлинцы, подъ начальствомъ трехъ наибовъ. Съ ихъ стороны, по приказанію Шамиля, сдѣлана была попытка овладѣть переправою черезъ Чанты-Аргунъ, у Башинъ-Кале, съ цѣлью отрѣзать Евдокимовское укрѣпленіе отъ Шатоевскаго; но начальство наше, предупрежденное о замыслахъ противника, своевременно приняло мѣры для защиты угрожаемаго пункта; да и мѣстные жители, опасаясь мести тавлинцевъ, зорко слѣдили за ними и немедленно подыали тревогу, когда тѣ, въ ночь съ 10 на 11-е декабря, поднялись на Чантійскій перевалъ. Непріатель, видя себя открытымъ, не рѣшился идти далѣе и опять отступилъ за Шаро-Аргунъ.

Такъ какъ около половины декабря работы въ западномъ раіонѣ лѣваго крыла могли считаться оконченными, то Н. И.

Евдокимовъ безотлагательно приступилъ къ распоряженіямъ по сосредоточенію своихъ силъ, для наступленія въ Большую Чечню.

Съ этою цѣлью собрано было, 20-го декабря, на правомъ берегу Аргуна, противъ укрѣпленія Бердыкель, 5¼ баталіоновъ пѣхоты, 1 дивизіонъ драгунъ, 11 сотенъ казаковъ и 3 сотни милиціи, при 18-ти орудіяхъ; а въ крѣп. Воздвиженской—6 баталіоновъ, 4 сотни и 10 орудій.

Планъ Н. И. Евдокимова, для ближайшихъ дѣйствій, состоялъ въ томъ, чтобы по возможности неожиданно и быстро занять ущелье Басса и тѣмъ отдѣлить населеніе, жившее между этою рѣкою и Аргуномъ, отъ вліянія тавлинцевъ. На сей конецъ сдѣланы имъ были слѣдующія распоряженія:

Полковнику Баженову, съ частью отряда, стоявшаго въ Воздвиженской, 21-го числа двинуться черезъ Аргунское укрѣпленіе и раззоренный аулъ Дукотень на перевалъ въ р. Бассу, дабы такимъ образомъ зайти въ тылъ чеченскимъ поселеніямъ, находящимся въ лѣсистой полосѣ между этою рѣкою и Аргуномъ, и, угрожая ичкеринскимъ ауламъ Таузенъ и Алистанжи, заставить непріятеля очистить аулы нагорной Чечни.

Полковнику Черткову, въ то-же время, съ остальными войсками, собранными у Воздвиженской, перейти на правый берегъ Аргуна и остановиться на Шалинской просѣкѣ, выжидая подкрѣпленія изъ главнаго отряда. Съ этими силами, полк. Чертковъ, составляя авангардъ главной колонны, двигавшейся вслѣдъ за нимъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Кемпферта, долженъ овладѣть урочищемъ Бассымъ-Берды и тамъ ожидать прибытія главнаго начальника Чеченскаго отряда.

Планъ этотъ былъ выполненъ какъ нельзя болѣе удачно. Непріятель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, очистилъ урочище Бассымъ-Берды, а узнавъ о появленіи колонны полк. Баженова на пути въ ичкеринскимъ ауламъ, поспѣшно ушелъ на правый берегъ Басса. Въ тотъ же вечеръ старшины ауловъ лѣваго берега стали являться въ нашъ лагерь, съ изъявленіемъ покорности, а на другой день уже началось выселеніе мѣстныхъ жителей на плоскость. Такою же покорностію встрѣчаемъ былъ и полк. Баженовъ, во время исполненнаго имъ крайне затруднительнаго перехода; ему, такъ-же, мѣстные обыватели не оказали никакого сопротивленія.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни главный отрядъ занимался вырубкою окрестнаго лѣса и проложеніемъ дороги отъ Бассымъ-Берды къ Воздвиженской. При этомъ непріятель, выставивъ орудія на правомъ берегу Басса, стрѣлялъ по нашему лагерю, но вреда не причинилъ почти никакого. 24-го числа прибыли въ Большую Чечню остальные части войскъ, находившихся на работахъ въ Галашевскомъ и Авинскомъ обществахъ; изъ нихъ 3 баталіона, 2 сотни и 2 орудія присоединены къ главной колоннѣ, а 2 баталіона къ колоннѣ полков. Баженова.

Послѣднему, который при дальнѣйшемъ движеніи своемъ долженъ былъ выдержать двукратный бой съ устремившимися противъ него полчищами Кази-Магомы, дано было приказаніе направиться къ аулу Агашты, на Бассѣ, дабы тѣмъ облегчить движеніе главной колонны.

31-го числа, оставивъ при вагенбургѣ у Бассымъ-Берды большую часть кавалеріи и 8 ротъ при 14-ти орудіяхъ, Н. И. Евдокимовъ двинулъ остальные войска далѣе, въ глубину Басскаго ущелья, при чемъ главные силы наступали лѣвымъ берегомъ, а особая колонна, подъ начальствомъ полк. Черткова—правымъ. Непріятель, повидимому, вовсе не ожидалъ этого наступленія, потому что сопротивленія намъ почти никакого не было оказано, хотя на правомъ берегу рѣки войска наткнулись на укрѣпленіе, воздвигнутое по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Тѣмъ не менѣе, въ такой лѣсной трущобѣ, какою представлялось тогда Басское ущелье, подвигаться впередъ надо было съ оглядкою. Н. И. Евдокимовъ, испытавшій всякіе сюрпризы горной войны, звалъ это лучше, чѣмъ кто либо; а потому, продвинувъ колонну генераль-маіора Кемпферта версты на 4 впередъ, остановилъ ее на новой позиціи, верстахъ въ 2-хъ отъ Агашты, и тотчасъ же приказалъ приступить къ устройству дороги и вырубкѣ окрестнаго лѣса.

Почти одновременно съ главнымъ отрядомъ приблизилась къ Агаштѣ, съ другой стороны, колонна полк. Баженова. Находившаяся тамъ непріятельская партія, видя себя отовсюду угрожаемою, зажгла аулъ и отошла къ Таузеню, а мѣстные жители, одинъ за другимъ, стали являться съ изъявленіемъ покорности. Вообще, со времени движенія нашего въ Басское ущелье и до конца года, вышло на плоскость болѣе 800 семействъ; потеря же

наша, въ обѣихъ колоннахъ, ограничивалась 5-ю офицерами и 76 нижн. чинами, выбывшими изъ строя.

Такъ завершился 1858-й годъ, представляющій по истинѣ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ жизни Н. И. Евдокимова. Русская власть прочно водворилась на всемъ протяжении недоступнаго дотолѣ Аргунскаго ущелья; Малая Чечня, прежнія экспедиціи въ которую стоили намъ столько крови—окончательно покорена; наконецъ, положено основаніе для овладѣнія главною резиденціею Шамиля—Веденемъ, откуда онъ, въ теченіи многихъ лѣтъ деспотически распоряжался имуществомъ и жизнью подвластныхъ ему племенъ. Теперь часы этой власти были уже сочтены.

За подвиги, оказанные въ продолженіе 1857-го и 1858-го годовъ, Н. И. Евдокимовъ, кромѣ четырехъ высочайшихъ благоволеній, награжденъ былъ золотою пашкою, украшенною алмазами, орденомъ Бѣлаго Ора и орденомъ св. Александра Невскаго съ мечами.

И. О.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ШАДРИНЪ

РАЗСКАЗЪ СТРАННИКА-ВОГОМОХЪЦА ¹⁾.

Родился я, знаете, въ 13 году, въ Архангельскѣ,—сынъ морскаго фейерверкера. Остался 3-хъ лѣтъ послѣ отца и 6-ти поступилъ кантонистомъ въ морской учебный полкъ. Сто десять человекъ насъ посадили, это самое, на корабль и повезли въ Кронштадтъ. Десять лѣтъ учился, побывали крѣпко, съѣли больше, знаете, за баловство. Уроки я училъ хорошо-съ; учили св. исторію, катехизисъ, арифметику, до тройнаго правила, грамматику, начало геометріи; водили, это самое, на ученье портняжить, сапожничать, вязать ковры изъ веревокъ и изъ сукна. Пяща, знаете, не важная была: щи почти что пустыя, а каша больше съ постнымъ масломъ—очень строго было-съ!

До 18 лѣтъ былъ кантонистомъ-съ, потомъ, знаете, унтеръ-офицеромъ. Въ 43-мъ году въ образцовый полкъ, въ Царскомъ Селѣ; генераль-маіоръ Полишко—очень строгій былъ; 1 годъ два мѣсяца, знаете, хлѣбы пекъ, дрова носилъ, воду; потомъ на царскомъ смотру, это на Царицыномъ лугу, императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ—произведенъ образцовымъ унтеръ-офицеромъ-съ.

Потомъ поступилъ это обратно, для показанія приемовъ взрослымъ кантонистамъ—ужь на службѣ состоятъ, знаете, это называются ранжированныя роты. Десять человекъ дадутъ на выучку—9 убей, десятый чтобы былъ выучень! Носокъ, знаете, черезъ пороги ломали! Очень трудная-съ служба была.

Нашель, знаете, старушку, которая согласилась назвать меня

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468 и 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 537—630.

сыномъ; пошли это къ военному министру Чернышеву, просьбу подали - перевели въ медико-хирургическую академію-сь, можетъ быть, изволите знать—унтеръ-офицеромъ въ фельдшерскую школу. Учили, знаете, анатомію, фармакологію-сь, рецептуру, ботанику-сь, цвѣтъ-сь, подаііе помощи мнимоумершимъ. Основанія человѣческаго тѣла-сь, значить, шкелеть; онъ висить, все основаніе его, какая кость съ какою соединяется-сь; вскрытіе тѣлъ тоже-сь.

Президентъ былъ, Шлегель-сь, въ 1842 году, тайный совѣтникъ; послѣ его президентъ Бальбаяки, тоже тайный совѣтникъ-сь. Послѣ его въ 59-мъ году Чистовичъ, бывшій прозекторъ анатоміи. По латыни тоже учился. Это самое амо—люблю, лего — читаю, авдіо—слышу, дадіо—тоже глаголь, забылъ что значить-сь; или опять номинативусъ — родительный, дативусъ — дательный, аккузативусъ—винительный, аблативусъ—творительный, вокативусъ—не знаю ужъ какой-сь, не припомню. Голова—капуть, глаза, знаете, окудусъ, зубы—дентисъ. Зубы раздѣляются на 3 части-сь, 32 зуба: пересѣкающіе, раздрающіе и расширяющіе. Лобная кость—осса фронтисъ; затылочная—осса цветтисъ; темянная—осса-асумъ-сь. Въ человѣкѣ 24 позвонка-сь и 24 ребра, а также эта подвздошная кость-сь, она показываетъ въ родѣ кивжала. Между бедрыными костями, выше, находится тазъ-сь, называется целевисъ. Въ 24 позвонкахъ находится мозгъ; когда поясница, знаете, заболить, первое средство въ лѣтнее время льду—очень уничтожаетъ.

Вотъ вы изволили слышать Пироговъ-сь операторъ, Николай Ивановичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ; три раза въ Севастополь ѣздилъ, когда у насъ была война. По высочайшему повелѣнію-сь ему приказано было вскрывать всѣхъ-сь, ни на кого не смотрѣть. Отъ великаго князя Михаила Павловича (онъ старше былъ Николая Павловича) докторъ былъ присланъ, умеръ, и велѣно было отнюдь не вскрывать-сь, а онъ, т. е. Н. И., мнѣ извѣстно доподлинно-сь, ночнымъ временемъ вскрылъ, чтобы узнать, какая болѣзнь—все практиковался-сь.

Медицинская часть—народъ хорошій. Чистовичъ былъ прозекторомъ, надворный совѣтникъ. Пришла старушка просить, знаете, не вскрывать тамъ родственника. Сиверсъ, помощникъ инспектора, сказалъ: «сейчасъ напишу записку, чтобы взять это самое тѣло изъ анатомическаго театра». Тѣло, знаете, отдали и вынесли не вскрытое въ часовню-сь. Часа черезъ два или три пришелъ Чистовичъ:

— Гдѣ тѣло?

Отвѣтъ, знаете, что, согласно приказу Сиверса, отдали это самое. Чистовичъ приходитъ въ конференцію-съ:

— Зачѣмъ же вы отдали тѣло?

— Имѣю право-съ.

— Нѣтъ! Вы можете распоряжаться пищею и дровами-съ, а не тѣлами.

— Я—графъ.

— Я графа не знаю, вы капитанъ, а я подполковникъ-съ, и велѣлъ, знаете, взять тѣло назадъ.

Я еще Чистовичу чинилъ перья. Золотую медаль они получили-съ, теперь президентъ академіи-съ. Пріѣзжалъ Енохинъ, штабъ-докторъ гвардіи, арміи и флота; 19 медалей имѣлъ-съ, тоже, знаете, тайный совѣтникъ, вмѣстѣ съ президентомъ сидѣлъ-съ.

Студенты были каверанки, особенно вольнослушатели; проживали, знаете, въ 1-й и 2-й Госпитальной улицѣ, на Выборгской сторонѣ. Когда, знаете, я ходилъ къ нимъ перья чинить, за это мнѣ платили-съ. Пошлютъ иногда къ родителямъ, это самое, съ письмомъ-съ—принесу кому 30, кому 50 цѣлковыхъ. На окошкахъ у нихъ эти черепа-съ.

Сейчасъ распоряженіе старушкѣ дадутъ на угщеніе-съ, приведутъ неблагородныхъ дѣвицъ разныхъ; прокутится—придешь, знаете, по утру, а онъ ходитъ по комнатамъ, свиститъ!

На лекцію придутъ, подполковникъ Шандрокъ-съ за безпорядки—тоже доносятъ—на недѣлю на хлѣбъ, на воду. Коли два года не выдержать, зачисляется въ фельдшера, въ Царское село-съ. Строго было.

Дежурные доктора, вмѣсто того, чтобы, знаете, дежурить, ходили-съ на практику-съ, и платили за себя тѣмъ, что побѣдише-съ, 25 рублей иногда, только чтобы дежурный докторъ былъ.

* *

Въ 58-мъ ходилъ, знаете, въ Архангельскъ въ отпускъ и шелъ дорогою-съ по 50 и 60 верстъ въ сутки, желательно было, знаете, застать родительницу—ей 83 года было. Въ іюлѣ мѣсяцѣ у насъ въ Архангельскѣ ночью такъ свѣтло, какъ днемъ. Пришелъ въ Архангельскъ въ 11 часовъ вечера; прихожу, стучу въ кольцо-съ (кольцо большое у воротъ). У сосѣдей, прежде, знаете, спросилъ-съ, такая-то въ живности-ли?—въ живности, говорятъ. Отворяетъ сводная сестра—родительница, знаете, вышла второй разъ замужъ.

— Что вамъ, кавалеръ?

— Нельзя-ли переночевать, говорю-съ.

Пустили. Взошелъ въ комнату-съ, старушка сидитъ на кровати. Я говорю:

— Здравствуй, бабушка.

«Здравствуй, кавалеръ».

— Я тебѣ принесъ письмо отъ сынка Алексѣя Иванова.

«Нѣтъ, ужъ мой сынъ два года померъ!»

— Какъ-же такъ, онъ и посейчасъ со мною черезъ кровать спалъ?

«Нѣтъ, мнѣ черезъ полицію объявлено ужъ два года, что онъ померъ».

Она, знаете, просила перевести меня въ городъ Архангельскъ, для поддержки престарѣлыхъ силъ; отвѣтили: сынъ не можетъ быть переведенъ (потому что я, знаете, нуженъ былъ-съ). Сама родительница не могла, знаете, за отвѣтомъ-то идти въ полицейское управление, была въ параличѣ, послала дочь Матрену Ефремову, та и объявила ей, что мой братецъ, а твой сыночекъ умеръ!

Встала она это на костылѣ, знаете.—я упалъ въ ноги:

— Маменька, я сынъ вашъ, вотъ, говорю, тутъ живетъ такой-то, тутъ такіе-то; сестра моя старшая пишетъ, ея письмо прочиталъ-съ, все не удостовѣряется, все смотреть, смотреть, а не признаеть-съ! Слышу разъ говорить:

— Матрена, это не сынъ мой, у меня плѣшивыхъ не было.

Тоска меня взяла-съ; подхожу, это самое, къ ней:

— Маменька, я уйду, вы меня сыномъ не называете.

— Постой-ка, говорить, нагнись, а у меня тутъ на затылкѣ бородавочка—ошупала.—Нѣтъ, ты мой! Вотъ что я тебѣ скажу, и стала, знаете, тутъ говорить: «домикъ-то нашъ вѣдь проданъ».

— Кто же это?

— Да вотъ Матрена.

Видите-съ: портъ-то въ Архангельскѣ какъ уничтожили-съ, мужа ея въ Кронштадтъ, въ портовые роты, и ей тоже надо въ Кронштадтъ ѣхать; она какъ, знаете, сказала, что я умеръ, родительница домъ-то и продала-съ, думала я больше не приду, себѣ по смерти уголь выговорила-съ!

— Какъ такъ, говорю, вѣдь куччая и духовное завѣщаніе на мое имя!

Сейчасъ я, знаете, разсердился, пришелъ въ полицейское управление; тамъ на мѣсто моего крестнаго отца полковника Ольховскаго, знаете, былъ Пупковъ, подполковникъ-съ. Я стою, знаете; тутъ мои товарищи квартальные надзиратели, одинъ офицеръ, другой чиновникъ изъ учителей-съ. Я говорю: здравствуйте!

— А! Алексѣй Ивановичъ! Здравствуйте!

— Какимъ манеромъ, говорю, сестра моя могла продать домъ?

— Это не знаемъ, это она обдѣлала, говорятъ, съ Пупковымъ.

Потомъ дожидаюсь; Пупковъ прѣзжаетъ.

— Здорово!

— Какимъ, позвольте, манеромъ моя сестра имѣла право продать домъ, который оставленъ мнѣ по духовному завѣщанію родителемъ-съ?

Онъ говоритъ:

— Много васъ шляется, черезъ 25 лѣтъ придетъ; нищій...

— Извольте удостовѣриться-съ, мои товарищи и сосѣди-съ, гг. квартальные надзиратели.

Онъ спрашиваетъ: — Развѣ знаете?

— Помилуйте, г. подполковникъ, вмѣстѣ были въ учебномъ полку, въ пѣвчихъ вмѣстѣ были. Говорю Пупкову: коли не можете по моему дѣлу, такъ и такъ-съ, подаю записку губернатору.

Онъ оробѣлъ, подзываетъ въ отдѣльную комнату:

— У васъ купилъ 9-го рабочаго экипажа отставной унтеръ-офицеръ, скажите, чтобы домъ очистилъ, или ко мнѣ чтобы явился.

Я пошелъ домой и объявилъ родительницѣ:

— Маменька, такъ и такъ; домъ бы очистилъ или самъ-бы явился къ полиціймейстеру Пупкову. Она говоритъ:

— Что хочешь, сынокъ, то и дѣлай.

Спустился внизъ, съ нимъ поздоровался, говорю:

— Кто вы такіе?

— Я, говоритъ, хозяинъ.

— Хозяинъ не ты, а я; впрочемъ, старикъ (онъ старше меня былъ), мнѣ съ тобою нечего говорить; очисти домъ или явись къ полиціймейстеру Пупкову.

Онъ надѣлъ, знаете, серягу и отправился.

Что онъ ему сказалъ—не знаю—къ вечеру же домъ мой очистилъ.

Такъ день, другой прошелъ. Родительница померла черезъ шестеро сутокъ. Сестра, знаете, и говорить-съ:

— Ты хлопоталъ, теперь какъ хочешь хорони.

— Я, говорю, знаю, что дѣлать, похороно.

Взялъ всѣ документы-съ, это знаете, пошелъ къ сосѣду Осипу Петрову, мяснику, денежному, знаю; поздоровался, онъ призналъ.

— Извольте купить домъ.

— Какъ же могу купить домъ, коли онъ проданъ.

— Вотъ тебѣ всѣ документы, и онъ мнѣ за домъ 245 цѣлковыхъ далъ. Ее похоронилъ приличнымъ образомъ; шесть недѣль старушки читали, а сестра моя въ скоромъ времени отправилась въ Кронштадтъ.

Потомъ, какъ знаете, похоронилъ ее, городъ-то не портовый сталъ, я отправился въ другое мѣсто, для присканія занятій, потому въ 60 г. въ отставку вышелъ.

* *
*

Жилъ я въ Москвѣ; опредѣлилъ меня—извольте знать, докторъ Крассовскій, лечитъ меланхолю—въ домъ умалишенныхъ, мужской и женскій; Крассовскаго зналъ, знаете; студентомъ. Тутъ еще находился, въ домѣ умалишенныхъ, Иванъ Яковлевичъ, можетъ изволили слышать; а послѣ него іеромонахъ Серафимъ—его разъ купечество увезли къ себѣ воровить, 13 дней искали, нашли въ лаптяхъ.

Былъ тутъ, знаете, еще директоръ фабрики Мазурина, Эдуардъ Саксъ, съ ума сошелъ; денегъ много прогулялъ и въ самомъ жалкомъ-съ видѣ былъ доставленъ; всѣ деревья переломалъ, со священника шляпу схватилъ, бросилъ. Кто ежели свещеть или кто, знаете, около идетъ только—дерутся! Въ шашки играютъ такъ умно, умно, а потомъ давай драться-съ!

Эдуардъ Саксъ очень трудень сдѣлался, дали знать въ Англию, что выздоровленія, знаете, не предвидится, Крассовскій самъ писалъ-съ. Приѣхалъ родной братъ и сынъ, но онъ его не могъ признать; вырвалъ у брата золотые часы и всѣ ихъ на полу растопталъ ногами-съ. Проплакали они и уѣхали обратно въ Англию-съ. Потомъ пришла бумага-съ, чего бы ни стало, какъ можно скорѣе привезти его туда по распоряженію его супруги и брата. Сдѣлали распоряженіе, былъ назначенъ-съ докторъ Ревельштейнъ изъ евреевъ, знаете, переводчикъ англичанинъ, я и еще служитель и взята была сумашедшая рубашка съ собою. Дорогою ужасное безпокойство дѣлалъ-съ! Руки, знаете, связаны, ничего не можетъ, такъ харкаетъ въ глаза, «чортъ русский» кричитъ. Только одно средство и было: я возьму ему въ спину булавку и запушу, по самую головку иногда—крови то вѣдь не даетъ, знаете—реветъ, ногами брыкается, «чортъ, чортъ русский», кричитъ-съ.

Привезли въ Англию, супруга встрѣтила, знаете, ихъ; версты за двѣ развязали сумашедшую рубашку-съ и ему это все сказали, переводчикъ уговаривалъ-съ—онъ умный, слушаетъ, присмирѣлъ, какъ-то по ихнему все говорилъ-съ.

Брудеръ—это братъ-съ, битки шкафомъ—сухарь, мелекъ дрынгомъ—молоко-съ; это ужъ я доподлинно знаю, потому много разъ слышалъ-съ; вонъ, ту, три, форъ, фэйфъ—вонъ рубль, ту рубль, фэйфъ рубль.... Это я тоже хорошо слышалъ; посѣщали англичане его-съ, брезить—подарить значить—ну т. е., знаете, подарить, что бы лучше смотрѣлъ. Денегъ у него не нашли, 2 чемо-

дана были, нашли только куклы по 20, 25 рублей, животь надорвали отъ смѣха, гдѣ онъ это, гдѣ нибудь да досталь-сь!

Только развязали—мы съ боку идемъ—какъ размахнулся, здоровый, знаете, такой-сь, товарища моего со всего размаха—тотъ изъ вагона, внизъ головой о камень, совсѣмъ лице разбилъ. Я уже остерегался, знаю, что за булавку не было-бы чего, а товарищъ прямо идетъ безъ всякой обороны! Схватили и прямо въ сумашедшій домъ. Супругу не могъ признать, никого не призналъ-сь. Въ сумашедшемъ домѣ обливають-сь, ведеръ по 10 и болѣе знаете, на голову-сь, такъ что паръ отъ него идетъ; клеенчатыя комнаты; кровати съ мѣшками-сь, его туда съ руками и завяжутъ. Въ родѣ креста есть, знаете, его привяжутъ и шагъ впередъ, шагъ назадъ ходитъ; а окошко открываютъ и зимою, чтобы холодиѣе было; иногда коли не успокоится, то и на 2, на 3 часа окошко откроютъ и случается служитель заснетъ, знаете, то и цѣлую ночь стоитъ открытое—морозы! Холодные ванны—все связанные-сь. Къ столбу привяжутъ рубашкою, кругомъ ходитъ, знаете, ногами брыкается.

Полковникъ Богдановъ, инженеръ—Исаакій достроивался, неудовольствіе отъ государя императора получилъ—былъ женатый человекъ, такъ какія забавы, знаете, дѣлалъ-сь! Какъ это самое былъ онъ по высочайшему повелѣнію—въ особой комнатѣ былъ. «Принеси, говорить, четыре палочки»,—я спроста и принесъ, а у него это пуховая подушка, сафьяновая. Тутъ была комната и въ ней шкафъ, гдѣ его обливали; онъ эти палочки воткнулъ какимъ-то манеромъ въ полъ-сь—ножикъ что ли у него былъ—простыней покрылъ и пухъ туда выбилъ подъ простыню знаете, а шкафъ поставилъ въ дверь, дверь завязалъ полотенцемъ. Щапцы отъ свѣчекъ привязалъ къ палкѣ, а свой мундиръ— въ теченіи ночи, знаете, работалъ— на гвоздь привязалъ какъ будто удавился, а самъ палкой со щипцами страшаетъ: «И васъ, говорить, кто подойдетъ.»

Я большимъ ножомъ полотенце перерѣзалъ, а тутъ служитель былъ за наказаніе изъ студентовъ (безчестіе барышнѣ большое сдѣлалъ), тотъ взялъ шкафъ, толкнулъ, шкафъ на полковника, а тотъ выскочилъ, да въ свою комнату, да этому, знаете, служителю глазъ совсѣмъ щипцами и выворотилъ-сь. Его перевели на 9 версту, въ домъ умалишенныхъ по высочайшему повелѣнію-сь. Впослѣдствіи выздоровѣлъ, въ генераль-майоры былъ произведенъ; пять рублей награжденъ я получилъ отъ него; ужасно памятный—чудеса творилъ-сь.

* *
*

Въ 73 году не захотѣлъ-сь больше служить тутъ. Ушелъ въ городъ Богородскъ, Московской губерніи, можетъ изволите знать?—

Въ Зуевѣ—Орѣховѣ была холера-съ, почти что 2 мѣсяца. Въ Шуйскѣ-Ивановѣ, тоже фельдшеромъ, знаете.

Тутъ старость постигла, вздумалъ пойти Богу молиться.

Денегъ было у меня скоплено 32 рубля-съ,—виновать, водку тогда употреблялъ-съ. Сплю и вижу знаете, что надобно это самое идти постранствовать.

Пошелъ я въ Саровскую пустынь Тамбовской губерніи-съ, къ отцу Серафиму; ничего особеннаго нѣтъ,—монашествующе-съ.

Оттуда пошелъ къ Тихону Задонскому, мощи на открытіи находятся. Потомъ въ Кіевъ-съ; тамъ любопытно. Монастырь великолѣпный это, и мощи на открытіи-же; гробы простые-съ, есть и кипарисоваго дерева-съ. Иванъ страдатель безъ гроба, пеленою покрытъ, Богу такъ угодно: 12 братьевъ-съ, которые монастырь строили; 11 братьевъ, когда Господь Богъ спросилъ, чего они желаютъ, спасенія спросили, а 12-ый братъ женатъ былъ, имѣлъ, знаете, дѣтей, тотъ пожелалъ злата и сребра. Одинадцать братьевъ на нарахъ такихъ лежать всѣ, гробовъ нѣтъ, подъ одною пеленою, а 12 братъ сперва, знаете, на бочку лежалъ за это серебро и злато, а теперь Господь Богъ простилъ, на спинкѣ, и они подвинулись къ нему.

Въ монастырѣ очень хорошо. Внизу къ мощамъ ходъ, идутъ со свѣчами, все угоднички-съ! Возлѣ этого монастыря верстахъ въ 2¹/₂, еще монастырь-съ. Игумень, до 40 человекъ содержать, выстроилъ свовми, знаете, трудами; продовольствіе, это самое, тамъ странничкамъ производить и дѣлаетъ наставленія; когда подѣ благословеніе подходятъ-съ, спрашиваютъ его: кому скажетъ «идти» благословить—иди, а нѣтъ, говорить «костямъ на мѣсто»—ужъ лучше не ходи. Очень худащавъ-съ и наставленіе и просфору-съ и деньгами знаете награждать-съ, небольшимъ количествомъ, 20, 30 копѣекъ.

Кіевъ очень, весьма хорошъ; войска много-съ; 4 дивизіи-съ; митрополитъ стоитъ; монашества много-съ; пѣвчіе по хохлацки, говорятъ тоже-съ больше по хохлацки.

Къ Почайской Божьей матери пойдутъ поляки и жида-съ; поляки добрые, чайку дадутъ-съ, или сахарку-съ; ну отъ жидовъ и просить грѣшно!

Оттуда обратнымъ образомъ, знаете, въ Софроньевской пустыни, въ Черниговской губерніи,—хорошій съ украшеніями монастырь-съ. Игумень отецъ Обросимъ предсказываетъ; келейникъ пускаетъ къ нему кто дастъ, да кто въ хорошеѣ одѣянъ-съ. Я говорю: «я прошелъ 4,000 верстъ, да что-бъ мнѣ къ благословенію не подойти, мнѣ говорю, знаете, можетъ быть никогда больше и не предвидится». — «Подожди, говорить, старичекъ»—въ скоромъ времени меня

и пустиль-сь; ну, знаете, пустиль, а онъ на полу сидить-сь, на подушечкѣ. Я согрѣшилъ, знаете, къ благословенію подошелъ, а самъ подушечку пошупаль, думаю не пуховая-ли— соломою набита-сь!

Благословиль, я ему и имя не говорю; онъ говоритъ, что братъ Алексѣй нужно-бы воздержанія, ты крѣпко пилъ; теперь одумался ужъ поздно; не употребляй, лучше 3, 4 раза чаю напейся. Богъ отъ этого избавить и благословиль идти къ Соловецкимъ угодникамъ-сь.— «Я, говоритъ, знаю, что ты изъ холодной стороны»,—все мнѣ правду истинную сказалъ-сь и имя мое ужъ какъ и не знаю узналъ-сь! Даль онъ мнѣ 60 копѣекъ, просфору и послалъ меня къ отцу Варнавѣ-сь, самый ихъ казначей, знаете, я отъ него награжденіе получилъ чаемъ и сахаромъ-сь.

Въ Киевѣ хохлы не пьютъ чаю-сь, только у евреевъ въ корчмѣ развѣ; виноградную водку пьютъ-сь, пьяны не напиваются.

Монахи хорошо живутъ; по праздникамъ, знаете, 3, 4 рюмки водки-сь и бутылка пива; 3, 4 кушанья; службы много; поведенія хорошаго-сь.

Вотъ въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ въ Ростовѣ-сь, гуляющіе монахи. Архимандрита услали за разными штуки; родственниками всѣ мѣста занялъ-сь, лавочку родственнику открылъ.

У Сергія Троицы, знаете, слабы, ой слабы!

Въ Глинской пустыни слабо тоже-сь; поминки были, настоятель померъ.

Избираютъ себѣ намѣстника, одна сторона хочетъ, другая не хочетъ, знаете,—безпорядокъ. «Я, говоритъ, на тебя прошеніе подамъ, ты мужикъ». «А ты мѣщаниншко»

Изъ хорошихъ, знаете, монастырей Вологодской губерніи Семигородской Божьей Матери—монашество хорошее-сь. Въ Соловецкой обители строго, слѣдятъ сильно, знаете; женскому полу не даютъ жить больше 3-хъ, 4-хъ, 5-ти дней.

* *
*

Шель я на Глинскую пустынь, Давыдовскую, къ Nikolѣ Грѣша, подъ Москвою, Новый Иерусалимъ, Сергія Троица; оттуда къ Спасителю-сь, потомъ въ Ярославль. Въ Соловецкой обители уже два раза былъ.

Между Ярославской и Вологодской губерніями Селиверстъ Преподобный, въ старыя времена былъ монастырь; когда Литва шла-сь, его раззорили, а мощи были русскими закопаны-сь. На этомъ мѣстѣ построена эта самая церковь, въ 1860 году. Явилась, знаете, странница къ священнику, проситься на ночлегъ; ей во снѣ является

батюшка Селиверстъ преподобный-сь: «возьми ключъ изъ-подъ подушки и объяви священнику, вмѣстѣ съ нимъ иди, дорога указана». Она встала-сь и священнику не объявляла, знаете, ничего-сь; не объявила она, думала, приснилось ей пустое, безъ всякаго вниманія-сь; умылась, Богу, знаете, по обряду христіанскому помолилась и хотѣла къ священнику подойти подъ благословеніе, проститься-сь—и сдѣлалась она, знаете, недвижимая-сь. Она говоритъ: «Господи, что это значить?» такъ все это было какъ слѣдуетъ, обояніе было-сь—и вспомнила этотъ сонъ-сь, стала кричать: «Батюшка, говоритъ,—ползкомъ къ нему подползла,—я видѣла, говоритъ, сонъ, только вамъ говоритъ не объяснила; что, говоритъ, у меня, гдѣ спала, видѣла, говоритъ, ключъ, возьмите ключъ и пойдите вмѣстѣ». Потомъ, знаете, священникъ одѣлся, думаетъ, что это вздоръ. Она ползкомъ пошла-сь—не могу, говоритъ, ходить—поползла на то мѣсто, гдѣ ночевала, открыла подушку и видѣть ключъ, беретъ его и отдаетъ священнику; священникъ взявъ и она съ нимъ ползкомъ пошла-сь. А тутъ около церкви часовенка—служили когда то—доползла, ну, говоритъ, батюшка, отворяйте: 3 раза вернули ключемъ, отворяются двери и тутъ гробъ-сь и надпись: «Батюшка Селиверстъ преподобный». Она недвижимая; батюшка, говоритъ, за мое прегрѣшеніе оставьте меня Богу молиться въ этой часовнѣ и она продолжала это молебствіе свое, знаете, 3 дня и 3 ночи, все недвижимая была-сь. Послѣ услышала голосъ: «Ты не хотѣла вѣрить, что тебѣ снилось, хотѣла тайно уйти, не хотѣла объявить духовника; я тебя хотѣлъ по смерти наказать и прощаю тебя за твое, говоритъ, поклоненіе 3 дня и три ночи—вставай!» Она встала какъ будто-бы невредима, какъ будто, знаете, ни въ чемъ не бывало-сь.

Потомъ священникъ повелъ ее къ себѣ и сталъ просить, чтобы нѣсколько времени прожить у него, и донесъ объ этомъ преосвященному владыкѣ; тотъ, какъ слѣдуетъ, знаете, быть, освидѣтельствовалъ гробъ Селиверста преподобнаго, донесъ въ высочайшій Синодъ. По разобраніи Св. Синода, какъ въ одинъ годъ было съ Тихономъ Задонскимъ-сь—два раза мощи въ одинъ годъ не открываются-сь,—монастыря не построили, одна церковь, для странниковъ 2 флигеля—множество, знаете это самое, народа ходить на поклоненіе-сь. Такъ будетъ въ мѣсу, нѣсколько чистаго мѣста будетъ-сь. И каждый день ему бывають навихиды-сь. Бываетъ много исцѣленій, даже которые безъ ногъ были, глухонѣмые; зрѣніе давалъ батюшка!

* *
*

Во всѣхъ вообще монастыряхъ-сь даровыя обители. Разныхъ пустынь до 30 прошелъ. Въ пустынь лучше, чѣмъ въ большомъ бога-

о мѣ монастырѣ-сѣ, и примуть, знаете, и накормятъ лучше; 500, 600 человекъ пройдутъ. Въ Киевѣ 6—700 человекъ разговлялось, обѣдало все даромъ-сѣ, каждому по $\frac{1}{2}$ яйца-сѣ—вѣдь надобно яицъ начистить! по куску пасхи и кулича и три дня это продолжалось.

Теперь же какъ вамъ объяснить: Троица Сергія вѣдь богаче Киева, но монастырства благочестиваго только человекъ 6—7.

* * *

Семигородской Вожьей Матери, въ Вологодской губерніи. Она матушка отъ 7 городовъ удалалась, избрала отъ большой дороги въ 9 верстахъ въ лѣсу; явилась тутъ, знаете, сотворила много чудесъ исцѣленій, старинная самая, историческая, въ 1329 году!

Въ настоящее время архимандритъ Александръ, изъ Архангельской губерніи-сѣ, годовъ ему не болѣе 55, не имѣетъ бороды и усовъ-сѣ; благочестивый человекъ, росту 2 аршина $13\frac{3}{8}$ вершка-сѣ, силы необыкновенной! При моей бытности-сѣ, когда я былъ, возьметъ подъ лѣвую мышку соли куль и несетъ; самъ трудится, работаетъ, хомуты, знаете, переправляетъ-сѣ, пашетъ вмѣстѣ съ братіею-сѣ!

Около ея Матушки Семигородской, лѣсъ, принадлежитъ ей; придутъ крестьяне, знаете-сѣ, у него просить лѣсу, на мельницу—онъ имъ велитъ, какой угодно, говорить, выбирайте, и дасть. Пища для странниковъ и странницъ весьма великолѣпная. У монашествующихъ 2 или 3 подрясника и двое или трое сапогъ—онъ, знаете, имъ нашиваетъ. Странниковъ награждаетъ по 50, 60 коп. серебромъ и чай, сахаръ дается-сѣ. Монашествующимъ зависть сдѣлалась, что раздастъ лѣсъ на мельницу, на дома, сдѣлали на него негодованіе, знаете, донесли, владыкѣ высокопреосвященному Вологодскому. Внезапно прѣбываетъ высокопреосвященнѣйшій, въ 1882 году, и пошелъ по кельямъ, а они, знаете, донесли, что находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи, что отецъ Александръ все истощилъ; онъ и прѣѣхалъ внезапно-сѣ и видитъ, что въ кельяхъ-сѣ 2, 3 подрясника, 2, 3 сапогъ; потомъ обошелъ и въ монастырѣ—встрѣчаетъ его Александръ, какъ по военному, знаете, такъ и по духовному, съ честью, съ крестомъ, отворили двери—и видитъ, что монастыръ красотою и вѣсѣмъ въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде былъ, и потомъ, выходя, знаете, изъ монастыря-сѣ и объявляетъ архимандриту Александру: «что мнѣ сдѣлано донесеніе твоими подчиненными братіями, что будто-бы ты весь монастыръ привелъ въ самую бѣдность, но какъ я вижу въ настоящее время, что какъ онъ у тебя находится въ 5 разъ лучше и какъ ты роздалъ принадлежащій къ монастырю лѣсъ, даю тебѣ въ полное распоряженіе лѣсъ и монастыръ, и монашествующихъ», и его наградилъ

крестомъ. И теперь находится въ здоровомъ положеніи-сь. Коровъ имѣть до 70, всякую лошадь самъ объѣзжаетъ. Въ какой праздникъ, знаете, въ его келейкѣ сидятъ всѣ монашествующіе, а онъ въ концѣ и ихъ поучаетъ — благочестивый человѣкъ! Подкову разгибаетъ; ни обѣди, ни утрени не проспять. Онъ строго монашествующихъ держитъ: однимъ словомъ, говорить, не позволяю по деревнѣ ходить....., а водочки рюмку дастъ, $\frac{1}{2}$ фунта сахару и $1\frac{1}{2}$ осьмушка чаю. Иконы у нихъ очень древнія-сь!

Въ Шенкурскѣ явленная икона Божіей Матери; игумень тоже весьма хорошій, монахи въ полномъ распоряженіи (послушаніи?), для странниковъ пища хорошая. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ церкви очень рѣдки-сь.

Въ Кунгурѣ было, знаете, недавно-сь, будто странники выставили окошко, а потомъ первоначально заѣзди въ келью къ архимандриту и спрашивали будто-бы денегъ, знаете, а онъ это самое говорить: «у меня денегъ нѣтъ, а деньги въ кассѣ», и билъ его будто-бы молоткомъ, а потомъ взяли да прирѣзали и взяли деньги, нашли, вышли въ окошко и ушли. Потомъ денегъ не нашлось у архимандрита, а деньги большія у него были.

* * *

Въ Черниговской губерніи въ селѣ Велойки—селеніе у нихъ, знаете, называется по большой дорогѣ—явилась икона Николая Угодника хохлушкѣ Марфѣ, которая объявила священнику; тотъ донесъ высокопреосвященному и приѣзжалъ и эту икону не тронулъ; хотѣли ее вынести, она не дается въ руки и на этомъ мѣстѣ выстроить монастырь. Она, Марфа вдова, знаете, плачетъ-сь, что «у меня, говорятъ, возьмутъ икону», но ее утѣшаютъ священникъ и проч.; говорятъ тебѣ, новый хорошій домъ построить. Много, всѣ странники и странницы въ Киевъ и изъ Клева туда заходятъ. Много исцѣленій было. Священнику того не попадаетъ, что ей всего несутъ, и куда ей, она вдова, вотъ по случаю этому и сдѣлано-сь распоряженіе-сь—священникъ извѣстно желаетъ, чтобы это въ церковь шло, но только икону взять нельзя, недвижима. Вотъ вѣдь что: 2 краски глаза перемѣняютъ! богомольцы тутъ и вочуютъ и наблюдаютъ; свѣчей до 5 т., многія могутъ дорогія въ 1 рубль, все красныя свѣчи, большія, вотъ въ этомъ удивленіе болѣе—чудотворная икона!

Я три дня почеваль, очень даже хотѣлось, только видно Богу не угодно; видятъ, знаете, кто проще, даже удостовѣряютъ-сь!

Священникъ и тотъ не видалъ. У одного глазъ болѣлъ, бѣльмо—надумался, взялъ воску отъ свѣчи и помазалъ—точно лопнуло что,

какъ тряпку снялъ бѣльмо-то-съ! Пошелъ къ священнику, тотъ говорить: молебенъ надо безпремѣнно отслужить.

У Тихвинской раза три былъ, какъ вамъ объяснить—такого ничего.

* * *

Въ Архангельскѣ есть домикъ Петра Великаго и памятникъ Ломоносову, который громъ и тучу отводилъ, и ему честь дѣлаютъ, когда парадъ, почестъ, какъ въ Петербургѣ генералиссимусу Суворову дѣлается. Во дворцѣ лодка; какъ онъ лапотъ плель, пятки не могъ доплестъ. Тутъ рѣка Двина; Петръ I ѣхалъ, знаете, на лодкѣ, на островъ; поднялся вѣтеръ и волны-съ и онъ, знаете, самъ почти что совершенно хотѣлъ погибнуть. У него тутъ была плеть; онъ ударилъ этой плетью по водѣ и вода раздѣлилась, на одну сторону бѣлая, а на другую черная—и въ настоящее время видно—такъ онъ и проѣхалъ благополучно и назадъ воротился-съ. Дворецъ деревянный и теперь стоитъ благополучно, не поправляютъ-съ. Въ этомъ дворцѣ есть деньги кожанныя, есть и серебряныя, клинчиками. Соборъ великолѣпный. Народъ добрѣйшій, только поговорка, знаете, сѣверная.

Тамъ, изволите знать, самоѣды въ оленьей шкурѣ, ни штановъ, ни рубашки, также и у женскаго пола-съ. Понять ихъ нельзя-съ. Глаза круглыя. У каждаго самоѣда на каждомъ пальцѣ 2, 3, 4 кольца; ѣдятъ сырое мясо; только, знаете, погрѣеть и ѣсть.

† Народъ еще зыряне, черемисы, по русски очень худо-съ говорить и по своему тоже говорятъ. Младенцевъ какъ крестятъ: возьмутъ его на снѣгъ и катаютъ по снѣгу—«терпи холодъ, терпи голодъ», а впоследствии ужъ, знаете, привозятъ либо въ Архангельскъ, либо въ Холмогоры крестить по христіанскому обряду. Прежде они не были крещены, это ихъ Николай Павловичъ привелъ.

Нужно имъ пища, сейчасъ: «Гесь, гесь, гесь!» Олень сейчасъ подбѣжить, зарѣжетъ и ѣсть.

У насъ все животныя, знаете, добрыя; медвѣдь никогда не тронетъ, только лягъ передъ нимъ—понюхаетъ и уйдетъ. Которую ему Егорій коровушку опредѣлялъ, ту съѣстъ, а больше не тронетъ. Часто съ коровами медвѣдь идетъ и не боится. Лосей ужасно много. Тюленей, знаете, около устья Двины много; въ тоже время на берегъ выходятъ-съ, тутъ ихъ застаютъ охотники. Волковъ очень рѣдко. Дикія свиньи и ковы есть.

На одномъ ночлегѣ ночевалъ я; ихъ тамъ два брата, такъ они въ теченіи года 17 медвѣдей убили; а 18-й,—былъ сдѣланъ у нихъ такой, знаете, шалашъ и на этомъ шалашѣ есть гдѣ имъ залѣзть, съ ружьями они; потомъ веревки привязали къ тумбѣ снизу, провизіи

самой положено. Потомъ, если медвѣдь придетъ, они его и раздражать, выстрѣль сдѣлають, онъ разсердится и хочетъ къ нимъ ползти, а они раскачаютъ тумбу, да его по лбу и еще, и еще, въ лобъ да въ лобъ, попадетъ ему разъ 7 и болѣе; когда они его умають, онъ ляжетъ, кричать станеть, они и сдѣлають выстрѣль. Одинъ соскочилъ, думалъ, убилъ, а тотъ на него, это самое, да подъ себя, знаете—хорошо, что другой братъ выстрѣлилъ въ ухо, убилъ-сь, только брату въ палець, оторвалъ-сь, а таки убилъ его. Тумбою въ лобъ надо обезсилить, умаять, а то онъ къ вамъ сейчасъ ползаетъ!

Гусей и лебедей много-сь, всѣ птицы прилетаютъ; тамъ озеръ много, такъ по 3—4,000 птицъ, знаете, сидятъ вмѣстѣ. Куропатокъ, глухарей, рябчиковъ очень много—ни почему-сь! Зайцевъ, просто, хотъ палкой бейте, у насъ не ѣдятъ. Яйцо 3 копейки и курица 3 копейки: у насъ простой народъ ни за что не станеть ѣсть курицы; въ домъ не пустать кто ѣсть, знаете, ни за что—пѣтухъ, говорятъ, курицу топчетъ. Нѣмцевъ много, они кушаютъ. Много оленей, а не ѣдятъ, лососины тоже ни за что не будутъ ѣсть-сь! Лебедей запрещено по высочайшему повелѣнію бить, такъ и называется птица царская, а бьютъ потихоньку. Тамъ два завода—перяной и пуховой—раздѣляется. Оленья шерсть идетъ въ Петербургъ въ матрасы, въ Англію идетъ тоже-сь, въ мирное время, знаете. Нынче народъ бѣднѣе, хуже стало, только и работы въ лѣтнее время, когда приходятъ англійскіе корабли. Были шведы тоже, 3 шведскіе корабли въ 1829 году; еще я небольшой былъ, такъ порохъ отъ нихъ отобрали; и обѣды, знаете, и балы, однако, дѣлалъ—когда поѣхали, выдали порохъ обратно.

Самый добрый народъ Архангельской и Вологодской губерніи и баню вытопятъ, и болѣе тебѣ помогутъ. «Мы сами, говорятъ, въ работѣ, намъ не удастся помолиться, такъ рады хотъ принять». Въ праздникъ всѣ пива, эти самыя, варять, самыя хрѣпкія; странникъ у нихъ первый гость и постель, все шерстяные тюфяки, а подушки пухъ и поль-пухъ—самая эта эссенція хорошая-сь!—еще и на вторую ночь оставляють. Народъ, знаете, нечистоплотенъ, у странниковъ насѣкомыхъ много-сь, другіе и въ баню-то не ходять. Въ монастыряхъ больницы есть.

* * *

Одинъ капитанъ 1-го ранга, по русски перевести—полковникъ, у Николая Павловича разрѣшенія, знаете, просилъ-сь, чтобы до края свѣта, конецъ моря дойти-сь. Корабль «Нидерманландъ» 196-пущечный-сь—на которое разрѣшеніе получилъ и было провізія приготовлено на 10 лѣтъ, и онъ странствовалъ три года, знаете. Теперь корабли винтовые, а прежде были мачтовые, и онъ дошелъ, знаете,

дотуда, гдѣ ужъ мачты стали за облака задѣвать-сь, жидкость пускать стало! Это описано было, книга есть объ этомъ—и сдѣлалъ обратное обращеніе-сь, назадъ; книга эта сборникъ, въ Кронштадтѣ-сь. Довесь государю императору; по разсмотрѣніи дѣла, государь императоръ произвелъ его въ адмиралы, по русски перевестъ—генераль-майоръ. У нихъ теперича: нѣманъ—прапорщикъ, капитанъ 2-го рангу—подполковникъ, а этотъ былъ перваго—полковникъ—значить, чинъ только далъ ему, одинъ. А генераль-лейтенантъ—контръ-адмиралъ называется; а генераль отъ инфантеріи—контръ-мейстръ! А потомъ ужъ графа они получаютъ-сь.

* * *

Къ Артемію Праведному, 140 верстъ не доходя Архангельска-сь, въ лѣвую сторону-сь. Переходы очень трудны-сь, такъ случается 40 и 50 верстъ и выстроены отъ монастыря, знаете, церковныя сторожки. Въ сторожку зайдешь, тутъ находится-сь пища, отъ монастыря приготовленная; треска-сь, сельди-сь, толокно-сь, хлѣба сколько угодно, знаете, 2 или 3 хлѣба-сь. Малыя очень деревни, по 12, по 9 дворовъ: народъ добрый, все больше зыряне, худо понимаютъ по русски, послѣднее слово протягиваютъ-сь. Соломата есть изъ ржаной муки, свѣжее молоко и со сметаной и масло съ этой кашей.

Дойдя до Артемія Праведнаго былъ тамъ, архимандритъ Амфилогій, знаете, очень добръющій былъ, страннику давалъ одежду, рубашку, сапоги-сь.

Все больше хожу я одинъ; отъ Артемія Праведнаго пошелъ, знаете, другою дорогою, чтобы поближе выйти; монашествующіе дали на дорогу хлѣба, палтасины, трески и сельдей и сказали:

— Можешь тутъ скорѣе выйти на большую дорогу.

Я шелъ знаете, дорогою, можетъ верстъ 13 пршелъ, вдругъ-сь мнѣ встрѣчаются 3 дороги-сь! Я самъ ужъ не знаю, которою дорогою; солнце закатывается, знаете, въ 11 часовъ вечера. Остановился въ лѣсу—звѣрей много ходять-сь. Заснулъ, опять проснулся. И вторую ночь остался; сумку эту самую снялъ, лежу, заснулъ: опять проснулся—сумки нѣтъ; а тамъ вся провизія и хлѣбушко былъ-сь, ни при чемъ остался. Поѣсть нечего, отошалъ; тамъ грибовъ много, бѣлыхъ, груздей. Какъ курю, такъ у меня огонь есть: набралъ грибовъ, да на палочкѣ сжарилъ-сь—какое, знаете, это питаніе, воздушное самое! Отошалъ до того, соли нѣтъ; 9 сутокъ продолжалось; ни строенія никакого,—только грибы жарилъ.

На десятые сутки иду, иду, знаете, вижу дорога лучше, вижу стогъ сѣна—и такъ я обрадовался! Отрылъ сѣна и туда залѣзъ, только чтобъ звѣрей не видать-сь—помилуйте, медвѣди, лоси, дикія свиньи

такъ и спуютъ! Въ стогѣ, знаете и заснулъ-съ. Поутру вставши, это самое, очень рано, осмотрѣвши, вижу сторожка, деревянная. Потому я въ эту сторожку зашелъ-съ, отошалъ, знаете, просто вотъ какъ! Думаю, не найду ли, думаю, корочки—нашелъ двѣ корочки на окошкѣ, потомъ ихъ въ ведрось-съ, пропустилъ,—какъ будто получше стало-съ; перекрестился, думаю, Господи, не придетъ ли кто, дожидался почти полчаса—нѣту-съ, никто не приходитъ.

Вышелъ, знаете, изъ сторожки, тутъ дорога; иду, иду, пройдя такъ почти что версты полторы отъ этой сторожки, вижу, знаете, двое мужчинъ и три бабы сгребаютъ сѣно-съ. Я, подойдя къ нимъ, поклонился, знаете-съ, говорю:

— Богъ на помочу!

— Здравствуй, здравствуй, старичекъ, откудава?

Такъ и такъ, объявляю, 10 дней иду безъ пищи, безъ всего, одними грибами питался.

— Да ты бы, старичекъ, и вовсе не вышелъ, напрасно тебя направили такъ, еще Богъ тебя вынесъ.

— Я, говорю, совсѣмъ отошалъ, ноги мои не ходятъ.

Они, знаете, народъ добрый, сейчасъ вынули изъ берестовъ кулебякъ съ рыбой, съ селедкой: пирогъ тамъ такой, сверху толконномъ посыпаютъ, а пекутъ на сковородкахъ, въ каждомъ семействѣ, знаете, штукъ 30, 40 сковородокъ.

И на путь меня направили: «вотъ тутъ, старичекъ, иди, все тутъ иди, никуда не сворачивай»—такъ, знаете, версть около 13 прошелъ; версты, знаете, тутъ не обозначаются, такъ по моимъ ногамъ считаю. Тутъ немного, самую бездѣлицу закусилъ. Какъ я медицинскую-то часть знаю, такъ вдругъ, знаете, знаю, не годится много ѣсть, а они мнѣ дня на три дали.

Знаете, до рѣчки дошелъ; стоятъ тамъ три лодки, никого нѣтъ перевозчиковъ. И около этой рѣчки я ходилъ почти съ часъ и болѣе—никого нѣту-съ! Думаю, я самъ умѣю грести, флотскую-то часть знаю.

Я съ однимъ весломъ переѣхалъ, а тѣ весла, должно быть, спрятали-съ; переѣхалъ, знаете, я, какъ слѣдуетъ быть, привязалъ ее и вышелъ на берегъ—вижу, самое, деревня, съ полверсты. 2 мужичка плетутъ веревки изъ пакли. Знаете, имъ говорю:

— Богъ на помочу.

— Спасибо, старикъ.

Я и прошу, нельзя-ли, говорю, нѣтъ-ли гдѣ самоварчика, у меня чай и сахаръ есть—они и послали: «иди, говорятъ, въ этотъ домъ». Зашелъ я: со старушкой и молодые люди находятся и прошу, двое,

говору, послали къ вамъ—они говорятъ: «милости просимъ, самоваръ готовъ». Накормили меня опять, кривку молока. Объ этомъ происшествіи и говорю, какъ я заблудился.

— Куда-же вы теперь?

Говорю, какъ бы выйти на Вологду. Они говорятъ:

— Зачѣмъ же вы переѣзжали, вѣдь вамъ опять надо переѣзжать назадъ.

Такъ, знаете, напившись чая, опять надавали всего, я ужъ имъ старое отдалъ, а новенькое-съ взялъ.

Я, знаете, простился и вышелъ изъ ихъ квартиры—думаю, не врутъ-ли? У этихъ, что плетутъ веревочки, спрашиваю—не перевезутъ-ли—а тучи такія нависли—и указали, говорятъ, не заходите мимо огорода, когда переѣдете, а идите прямо. А тутъ-съ лодка, я отъ дождя отъ проливнаго скорѣе подъ лодку, она опрокинута была; я подлѣзь—перекладина-то и выскочила, лодка на меня упала! Грудь стѣснила; на спинѣ перекладина, а подъ животомъ ранецъ мой—совсѣмъ задавило! Я кричу благимъ матомъ, никто не слышитъ.

Молитвы ужъ тутъ, знаете, всѣ перебралъ—лодка тяжелая, — даже, знаете, собакой лаялъ, думалъ, не придетъ-ли это кто хоть на собачій-то лай—народъ тутъ дикій! Звалъ Николая Угодника, первого его батюшку звалъ, помоги ты, говорю, батюшка! Артемій Праведный, можетъ моя молитва не дошла! избавилъ Ты меня отъ звѣря, отъ голода. Изосимъ и Саватій батюшки, помогите, говорю! Это самое, Матушка Семигородская Божья Матерь—она за Вологду будетъ — всѣхъ угодничковъ прошу, никто не приходитъ—давай опять собакой лаять, не придетъ ли кто на собаку!

Вѣдь цѣлую ночь лаялъ, мучался. И дождикъ то пересталъ-съ; промучился такъ почти что до 5 часовъ утра—съ 6 часовъ вечера маялся. Потомъ, знаете, слышу разговоръ, къ перевозу подходить, я кричу лихимъ матомъ—не знаютъ-съ, откуда кричу, да народъ дикій и на крикъ не пойдутъ. Батюшки, кричу, подойдите говорю, ради Господа Бога! Что же вы думаете? сѣли и уѣхали...

Потомъ знаете опять двое—голосъ-то у меня осипъ — «Дайте, кричу, душу мнѣ на покаянье!» — Вслушались, подходят ко мнѣ. Поднимите, говорю, лодку—такъ и такъ!

Какъ ты, говорятъ, остался живъ! совсѣмъ я, знаете, одрябъ; вытаскиваете говорю меня—вытащили, нужно почувствоваться.

«Вотъ тебѣ тутъ тропка, по этой тропкѣ версты 1¹/₂ или 2—на большую дорогу и выйдешь». Около этой лодки часа три сидѣлъ и пища-то нейдетъ, не о пищѣ думаю, только какъ бы Господь Богъ поднялъ, одрябъ совсѣмъ.

Спустя часа 3 мужичковъ четверо пришли къ перевозу, я ужъ поправился, и прошу ихъ убѣдительно: вы ужъ меня перевезите черезъ эту самую рѣку-сь. Ну, они говорятъ, садись, садись, говорятъ, старичекъ, и перевезли меня и сдѣлали мнѣ направленіе, на большую дорогу, и сказали, по этой самой дорогѣ иди версты 1¹/₂. Такъ, знаете, прохожу по этой самой тропкѣ въ лѣвой сторонѣ и вижу колокольня деревянная, знаете, низенькая колокольня, пять колоколовъ-сь и потомъ стоитъ противъ нея одинъ крестъ. Тутъ я немножко, знаете, посидѣлъ и немного пищи употребилъ и опять пошелъ въ путь по указанію.

Знаете, это самое-сь, вышелъ на большую дорогу; пройдя 7 или 8 версты, стоитъ деревня, домовъ около 13; попросился ночевать. О своемъ происшествіи — тутъ старички были и молодые были — рассказывалъ. «Какъ, говорятъ, ты живъ остался?»

Потомъ, знаете, переночевалъ, напоили, накормили; пошелъ по большому тракту. Дня 3, 4 шелъ благополучно, какъ слѣдуетъ быть.

* * *

Иду, тутъ-сь городъ Вельскъ, не доходя его опять перевозъ, паромъ, изволите знать, по веревкѣ — со мной вмѣстѣ жандармъ, не знаю откуда онъ. Мы тогда сами испужались втроемъ съ перевозчикомъ!—Богъ его знаетъ, должно быть рыба большая прошла, паромъ совсѣмъ поднялся, мы за веревку схватились, висѣли! Кабы лошадь съ телѣгой хоть одна была, упала-бы она въ рѣку. Какъ прошла рыба, паромъ такъ и леснулся назадъ объ воду, а за рыбой такая волна сильная шла! Жандармъ говорилъ должно быть бѣлужина большая это была-сь.

Такъ, знаете, шелъ я это самое потомъ дня 2. Не доходя до города Вельска версты 7-сь, попадается мнѣ одна старушка, годовъ 85 будетъ. Я съ ней поздоровался.—«Откуда, старушка?» Она говоритъ: «я, батюшка, иду изъ Кіева и проживала въ Кіевѣ 8 лѣтъ, говорить». Я говорю, знаете, «куда-же ты теперича идешь?» «Я, говорить, дальняя, Вятской губерніи-сь». Сзади у ней мѣшокъ больше пуда, а на плечахъ 2 шубы, заплатъ на заплатѣ; повѣрите Богу! копѣекъ по 6 шуба, продавать такъ 10 копѣекъ не дадутъ, а спереди 2 корзины тяжелыя, просфорокъ до 30, знаете, въ нихъ лежатъ-сь, въ корзинахъ. Я говорю: ты бы наняла подводу,—а гдѣ же, говорить, денегъ-то взять! Я какъ грѣшнымъ дѣломъ курю, такъ сижу курю, а она такъ отъ меня шагахъ въ 50 и не видитъ меня, не опасается. Вижу она что-то перебираетъ долгое время, съ поль-часа все я на нее смотрѣлъ. Потомъ, знаете, тихонько къ ней подхожу-сь (самъ въ дорогѣ люблю полюбопытствовать — вѣдь старый да малый тутъ бываетъ), я крадучись по-

дошелъ—вижу просвирокъ до 30, поминальничковъ до 13 или 15; денегъ бумажекъ 9 пятирублевыхъ, 7 бумажекъ по 1 рублю серебромъ.

Я, знаете, ее тронулъ: бабушка, говорю, какъ же ты говоришь, что у тебя нѣтъ денегъ». Она, знаете, обробѣла, такъ испугалась! Я говорю: «вѣдь ты себѣ смерть расклала, вѣдь если-бы ты въ другомъ мѣстѣ расклалась, смерть могла бы получить, обрали-бы все!»

— Батюшка, вѣдь мнѣ дома нужно, до дома надо донести, все пригодится». Такъ я съ ней поговорилъ: «ты деньги не оказывай!»

— «Да вѣдь я думала никого нѣтъ».

— «Да шубы то, говорю, брось!»

— «Нѣтъ, батюшка, все пригодится, ужъ какъ нибудь доплетусь».

* * *

Съ этой старухой я простился; иду версть 5 или 4—идеть муштина одинъ, чуть чуть ногами переступаетъ, за плечами два листа кровельнаго желѣза; шель босикомъ-съ, ему не болѣе, знаете, какъ 28, 30 лѣтъ. Я говорю: «ты что тихо идешь?»—«А, вотъ, говорить, посмотри!» Три человѣка его обыскали, обобрали, 6 р. 80 коп. нашли и сапоги сняли, а пятки палками избили почти до костей, чтобы бѣжать за ними не могъ. Онъ былъ изъ Костромы, ведерки поправлялъ, заработалъ эти деньги-то.—И я то обробѣлъ!

Версть 7 не доходя Вельска, знаете, идетъ, самое это, попался мнѣ одинъ на встрѣчу человѣкъ, и замѣтилъ я въ немъ подозрительное, только что же я могъ сдѣлать, я старикъ!

Прихожу въ городъ Вельскъ, было часовъ 8 вечеромъ, захотѣлось чаю попить, въ трактирное заведеніе зашелъ я. Меня хозяинъ послалъ кверху, потому внизу буфетъ-съ, а вверху комнаты есть-съ. Я, знаете, наверху попросилъ кипяточку, чай заварить. И приходитъ ко мнѣ одинъ человѣкъ; на немъ пальто хорошее, штаны хорошіе, босикомъ, безъ сапогъ, а штаны, знаете, запачканы въ краскѣ, и просить у меня чашечку. А онъ выпивши.—«А отъ меня, говорить, не угодно-ли рюмку?»—Я говорю: «не хочу».—«Вотъ, говорить, какое дѣло: подхожу себѣ къ дому (чай-то мой пить), жена меня, говорить, не пускаетъ».—Я говорю: что-же ты можешь сдѣлать, вѣдь ты выпивши!—«Нѣтъ, говорить, я хочу свою жену зарѣзать».—«Что-жь, говорю, вѣдь въ Сибирь пойдешь, если зарѣжешь!»—Въ такомъ случаѣ, другое могу сдѣлать, возьму да краснаго пѣтуха пуцую!—Ну знаете, это самое, это видно доля твоя, коли тебѣ надоѣло на бѣломъ свѣтѣ жить... Потомъ, знаете, я не сталъ этакіе пустяки говорить.—«Ступайте, говорю, въ свое мѣсто;» онъ пошелъ внизъ.

Я чай окончилъ, спускаюсь, знаете, и говорю буфетчику: «вотъ что хочеть сдѣлать!» Онъ говорить: «это по городу, говорить,

первый мастеръ, рѣщикъ и гармонія, и скрипки дѣлаеть и настройщикъ, до 5 цѣлковыхъ въ сутки зарабатывать можетъ».

Потомъ я, знаете, вышелъ изъ трактира, какой то старичекъ подходить: «пойдемте, говорить, ночевать ко мнѣ-съ». Я, знаете, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ-съ, въ его собственный домъ и вижу, какъ онъ сапожникъ, мастерство имѣеть, мастеровыхъ человѣкъ до 6.

Ну, знаете, самоваръ готовъ, хочеть меня чаемъ поить; я говорю: «я сейчасъ изъ трактира», и рассказываю, то и то говорю.—«Да вѣдь, говорить, вотъ его домъ, видно отсюда, двое сосѣдей черезъ него дома продали, во избѣжаніе, такъ какъ того и смотри пожаръ сдѣлаеть: стружки возьметъ, зажгеть около дома, а самъ катаеться, точно шутить-съ! Первый, говорить, первый мастеръ. 5 или 6 цѣлковыхъ заработать можетъ!»

Такъ мы, знаете, самое поужинали и улеглись спать. Около такъ 12 или 1 часу ночи вдругъ забили въ набать; я, знаете, почти что не спалъ ничего. Хозяина бужу—что это, говорю, звонять?—А это говорить, набать; вотъ, говорить, этотъ самый домъ и горить! Мы побѣжали, знаете, съ хозяиномъ-съ; хорошо, что въ эту самую ночь тихая ночь то была. Сейчасъ тутъ его схватили, въ полицію повели: а онъ ужъ безъ пальто, знаете, въ одной сорочкѣ-съ. Жена и 3 дѣтей выбѣжали въ одной же сорочкѣ изъ своего дома.

Его посадили въ полицію. Обыкновенное дѣло, въ Сибири будетъ-съ!

* * *

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ отецъ свою дочку привелъ въ монастырь, представилъ къ игуменѣ для опредѣленія въ монастырь-съ; у него для вклада въ этотъ самый монастырь не достаеть, знаете, денегъ—тутъ, знаете, вкладъ дѣлаеться. Игуменья говорить, что когда ты, старичекъ, всѣ деньги сполна доставишь, тогда, говорить, и дочку твою могу принять!» Богъ его знаетъ, какой вкладъ, можетъ быть 60 рублей, а у него, знаете, можетъ быть рублей 40. Эти деньги ужъ остаются, знаете, если она и выйдетъ.

Отецъ этотъ самый и дочка, знаете, самая пошли обратно домой-съ. Старикъ и дочкѣ вздумалось посчитать деньги, сколько молъ у насъ не достаеть. И вдругъ, знаете, прискочили три человѣка, схватили его, а она то вырвалась, убѣжала въ лѣсъ. Взяли деньги-съ, его зарѣзали, сняли съ него поддевку и сапоги. А дочка то убѣжала и объявила становому: «вотъ такъ и такъ, говорить, дорогою напали и меня поранили»—2 раны въ руку и она то получила, годовъ будетъ ей 17; «сдѣлайте, говорить, милость, гдѣ ужъ ихъ взять, хотъ приберите тѣло отца».

Тотъ сейчасъ сдѣлалъ распоряженіе, и дѣвочку взяли они съ собою съ. Пройдя такъ, знаете, 2 или 3 версты-съ, попадаются 2 челоѵѵка; она понятнымъ говорить: «да вотъ, говорить, тятеньки моего поддевка, а вотъ, говорить, ва другомъ сапоги». Понятыхъ было 9 челоѵѵкъ, и привели ихъ къ этому зарѣзанному челоѵѵку-съ, вмѣстѣ съ дочерью-съ, этою самою, — они тутъ и повинились, да какъ-же съ, вѣдь поддевка и сапоги!

* * *

Примешь холоду и голоду въ странствіи! Рязанская и Тамбовская губерніи самая нечистоплотныя, топятъ соломой и каломъ; въ избѣ тутъ-же и коровы, и свиньи, и поросята, корова гадить и у ней (у хозяйки) только одна рубаха да понева. Топятъ все еще по черному дыму—какъ-бы только уйти. На одномъ ночлегѣ ночевать выпросился, знаете, никого-съ, ни десятскаго, никого. Она меня пустила-съ, женщина молодая; ну ничего, говорить, дѣдушка, можно, у ней мужъ въ Петербургѣ живеть. Знаете, самое это, поужинали съ ней, такъ съ вечера разговариваемъ мы: что же, я говорю, у васъ?—Извини, старичекъ, молочка у меня нѣтъ, коровушка, знаете, стельная, можетъ быть она скоро отелится, у меня молочко свое, говорить, будетъ.

Хорошо, знаете, я легъ на печку, она противъ печки. Слышу кричать корова.—«Тетенька, посмотри ты, говорю, стельная корова-то!» «Вѣдь я знаю время-то», говорить. «Да, я говорю, она кричатъ!»—«Богъ съ ней, пускай кричатъ, холодно». Потомъ, знаете, часа 2. 3 прошло, опять кричатъ, лихимъ матомъ. Я опять говорю: тетка, да неужели ты Бога то не боишься, встань ты, посмотри пожалуйста.—Она говорить: да что ты, старичекъ, безпокойшься, взяла она лучину, зажгла, да теленка въ подолѣ и принесла, ужъ онъ холодный! Она его на печку отогрѣвать; я говорю: «что его отогрѣвать коли копытца ужъ бѣлыя!»—Такъ, говорить: «дѣдушка, ты никому, сосѣдямъ то въ деревнѣ не говори, будутъ, говорить, смѣяться».

Вотъ вѣдь какой народъ, лѣнивый народъ! Кому я буду говорить? Грязно ужасъ, какъ грязно-съ, что Тамбовъ, что Рязань.

И клоповъ вездѣ по монастырямъ-съ, просто обсыплютъ, знаете! Такъ цѣлую ночь и сидишь, ждешь заутрени!

Чего, чего не примешь, не натерпишься!

В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLIII ¹⁾.

Съ полуночи вѣтеръ холодный подулъ
И листь пожелтѣлый на землю свалился
И съ ропотомъ грустно по ней пропорхнулъ,
Отъ вѣтки родной далеко укатился.

* * *

Съ родимой сторонки уносить меня
Безвѣстной судьбы приговоръ неизмѣнный,
И грустно, что край оставляю тотъ я,
Гдѣ жилъ и любилъ я въ тиши отдаленной.

Августъ 1839 г. Чертрово.

XLIV

Тяжела голова моя,
Мои очи заплаканы,
Тяжело на душѣ моей,
Тяжело моя милая.
Дай склонюсь головою я
Къ тебѣ, другъ мой, на плечико,
Къ тебѣ въ сердцу прижмусь я
Моимъ сердцемъ измученнымъ.
Сердце сердцемъ влечется
И забудусь сладкимъ сномъ
У тебя я на плечикѣ,
И во снѣ стану видѣть я
Свѣтлыхъ Ангеловъ Божіихъ,
И увижу въ срединѣ ихъ
Я тебя, моя милая.

3-го августа 1839 г.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, ств. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388.

КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ

ЗАПИСКА АРХИМАНДРИТА ИГНАТІЯ

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА УСТАВА

объ учрежденіи епархіальныхъ обществъ Сестеръ Милосердія

1869 г.



КЪ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ РОССИИ.

Записка архимандрита Игнатія

1869 г.

Въ 1869 году извѣстная въ то время игуменья Митрофанія составила удостоившійся нѣкотораго вниманія проектъ устава псковской епархіальной общины сестеръ милосердія и другихъ имѣющихся открыться въ нашемъ государствѣ; проектъ этотъ едва не получилъ утвержденія, но, по разсмотрѣніи назначенною для сего правительствомъ комиссіею, былъ отвергнутъ. Воспослѣдовало это на основаніи записки, составленной и представленной однимъ изъ членовъ помянутой комиссіи, отцомъ архимандритомъ Сергіевоу пустыни, что близъ Петербурга, Игнатіемъ (Малышевымъ). Вотъ эта записка ¹⁾. Ред.

Проектъ игуменья Митрофанія не примѣнимъ къ монастырямъ и къ монашествующимъ лицамъ: это вполнѣ свѣтское учрежденіе, а монастыри и монашество вполнѣ духовныя учрежденія. Справедливость требуетъ всякому предоставить идти своимъ путемъ; желающая быть сестрой милосердія не пойдетъ въ монахини, а призванная въ монашество не пойдетъ въ сестры милосердія. Насиліе же ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено: крѣпостное право уже не существуетъ. И потому, чтобы уяснить задачу и положить грань между свѣтскими и духовными учрежденіями, мы намѣрены по возможности связать: что есть монахъ, или каковъ долженъ быть монахъ по обѣту,

¹⁾ Оттиски этой записки изъ «Русской Старины» были выпущены въ свѣтъ еще въ 1887 году, но въ журналѣ нашемъ она появляется лишь въ этой книгѣ.

Ред.

данному имъ предъ Богомъ, и насколько будетъ способствовать его духовному восхожденію или нисхожденію такого рода занятія, какія предназначаются проектомъ устава объ обращеніи монахинь въ сестеръ милосердія.

Жаль, что составительница проекта не пожелала обратить вниманіе ни на священное писаніе, ни на каноническія правила, ни на ученіе и уставы святыхъ отцовъ православной церкви; собранныя ею правила заимствованы изъ разныхъ свѣтскихъ учреждений и къ монашескому быту не приложимы.

Мы увѣрены, что если-бы составительница проекта устава воспользовалась уставомъ для монашествующихъ св. угодника Божія Нила Сорскаго, то не помыслила бы касаться монастырей, да и самой бы ей было бы трудно удалиться изъ своего монастыря.

Живо бы, живо стучали у нея на сердцѣ слова Спасителя послѣдовавшей за Нимъ: „Остави мертвыя погребсти своя мертвецы“.

А чтобы монахъ погребъ своя мертвецы, должно имѣть особенное вниманіе въ жизни, умереть для міра, а жить для Бога: „Мнѣ міръ распяся и азъ мірови“, говоритъ святой апостоль Павелъ.

Эти многознаменательныя слова требуютъ совершенной чистоты плоти и духа; на этотъ путь и выступаютъ избранники Божіи, преимущественно въ лицѣ монашествующихъ, о чемъ свидѣлствуютъ исторія и святые чудотворныя ихъ мощи. Равноангельная жизнь ихъ свидѣлствовалась Духомъ Святымъ, еще во время пребыванія ихъ на земли, почему и церковь именуетъ ихъ земными ангелами и небесными чловѣками.

Держаеми, за молитвами угодниковъ Божіихъ, сдѣлать хотя краткое извлеченіе изъ духовнаго состоянія.

Блаженный Исихій Іерусалимскій говоритъ: „Какъ невозможно пребывать въ сей жизни безъ пищи и питія, точно также невозможно душѣ, безъ храненія ума, называемаго трезвеніемъ, достигнуть чего нибудь духовнаго, хотя бы кто и понуждалъ себя страхомъ вѣчныхъ мукъ къ удаленію отъ грѣховъ“

Отцы говорятъ, что истинный исполнитель заповѣдей Божіихъ не только охраняется отъ злыхъ дѣлъ, но остерегается даже того, чтобы и умомъ не преступить заповѣданнаго. „Нѣсть паша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и властемъ и

міродержателемъ тьмы вѣва сего, въ духовомъ злобы поднебеснымъ“. (1. Къ Ефес. Гл. 6. Зач. 233. Ст. 12).

Всякій внимательный дѣлатель заповѣдей Христовыхъ долженъ вступити въ эту борьбу противъ духа тьмы.

По сказаніямъ отцевъ, что въ мысленной нашей брани побѣды и побѣжденія бывають различныхъ степеней: первая степень брани называется прилогъ, потомъ—сочетаніе, далѣе—сложеніе, за нимъ—плѣненіе и, наконецъ,—страсть. „Блаженъ иже имѣтъ и разбіетъ младенцы ¹⁾ твоя о камень“.

Блаженный Исихій полагаетъ въ семъ мысленномъ дѣланіи четыре образа дѣйствованія. „Наблюдать за прилогами, или сохранять сердце въ глубокомъ молчаніи отъ всякаго помысла, или молиться и призывать на помощь Господа Исуса Христа, или имѣть память смертную“.

Все сіе, сказалъ онъ, возбраняетъ входъ лукавымъ помысламъ. Каждое изъ сихъ дѣланій называется трезвеніемъ ума нашего, т. е. мысленнымъ дѣланіемъ.

Разсмотрѣвъ все сіе, каждый изъ насъ да подвизается приличествующимъ себѣ способомъ о Христѣ Исусѣ. Умное дѣланіе, по разуму святыхъ отцевъ, превыше всякаго тѣлеснаго дѣланія, и по преимуществу занимаютъ имъ въ монастыряхъ.

Противъ всѣхъ злыхъ помысловъ призывается Имя Божіе, потому что мы не имѣемъ силы во всякое время сопротивляться лукавымъ помысламъ, какъ сказалъ св. Исаакъ: „Нѣтъ другой таковой помощи, какъ Богъ“.

Посему должно молиться прилежно Владыкѣ Христу съ воздыханіемъ и слезами, говоритъ Нилъ Синайскій: „Помилуй мене, Господи, и не попусти мене погибнуть, помилуй мене, Господи, ибо я немощенъ! Господи, посрами борющаго мене бѣса! Упованіе мое! Осѣни надъ главою моею во время бѣсовской брани! Господи, побори борющаго мене врага, и укрѣпи, словетъ Божій, обуевающіе меня помыслы твоею тишиною!“

Мы должны строго внимать и тому, чтобы не быть самимъ причиною упорнаго нападенія на насъ лукавыхъ помысловъ, за неправильное, ложное и небрежное шествіе путемъ Божиимъ;

¹⁾ Начатки грѣховныхъ помысловъ.

ибо мы должны препровождать сіе духовное жителство съ великимъ усердіемъ и прилежаніемъ, руководствуясь во всемъ божественнымъ писаніемъ, поступая во всѣхъ случаяхъ благочестиво и смиренно. Хотящій достигнуть любви Божіей и истинно спастись всегда долженъ дѣлать дѣло Господа безъ лѣности и тщательно.

Внимай же послѣдующему со страхомъ: если твой образъ мыслей не будетъ смиренъ, то благодать оставить тебя и ты будешь впадать самымъ дѣломъ въ тѣ согрѣшенія, въ которыхъ ты искушаешься только одними помыслами. А постоянное пребываніе въ добродѣтели не отъ тебя зависитъ, но отъ благодати, она носить тебя на рукахъ своихъ, сохраняя отъ всѣхъ противныхъ обстоятельствъ.

Конечно, намъ скажутъ, что нынѣшнее монашество не такъ занимается умнымъ дѣланіемъ.

На это святой Григорій повелѣваетъ отвѣчать отъ писанія отцевъ такъ: „Не во всѣхъ все было въ совершенствѣ, по недостатку тщанія и по слабости силъ, впрочемъ, малое въ великихъ не всегда мало, великое же въ малыхъ не всегда совершенно; ибо не всѣ подвижники, какъ нынѣшніе, такъ и древніе, не всѣ сохранили до кончины своей одинъ и тотъ же образъ жизни“.

О предуслѣвшихъ же и достигшихъ просвѣщенія св. Григорій говоритъ: „Они не нуждаются въ чтеніи псалмовъ, они пребываютъ въ молчаніи, неослабной молитвѣ и созерцаніи, они соединены съ Богомъ, имъ не слѣдуетъ отвлекать отъ Бога умъ свой и ввергать его въ смущеніе. Ибо умъ таковыхъ прелюбодѣйствуетъ, когда отступить отъ памяти Божіей и займется со вниманіемъ низшими предметами“.

Святой Исаакъ Сирскій, который пишетъ о семъ еще выше, говоритъ слѣдующее: „Когда находятъ сія несказанная радость, тогда отъемлетъ и молитва отъ устъ, тогда умолкають уста, и языкъ, и сердце—хранитель помысловъ, умъ—кормчій чувствъ, мысль—быстролетающая и неудержимая птица. Тогда мысль не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластия, но управляется другою силою, а не своею собственною, содержится въ тотъ часъ въ плѣну, занимается непостижимыми предметами; гдѣ находится—не понимаетъ“. Онъ называетъ сіе ужасомъ и видѣ-

ніемъ молитвы, а не молитвою. Тогда имъ не молится, но бываетъ выше молитвы, оставляетъ молитву, достигши лучшаго, бываетъ въ изступленіи, не имѣетъ воли, „аще въ тѣлѣ или внѣ тѣла, не вѣдаетъ“, по словамъ апостола (2 Корин. Гл. 12, стихъ 2).

Святій Исаакъ называетъ молитву — сѣменемъ, а сіе взятіемъ рукоятій, когда жнуцій удивляется несказанному зрѣлищу, какъ отъ худыхъ и голыхъ зеренъ, которыя онъ сѣялъ, внезапно въ виду его выросли столь зрѣлые колосья.

Отцы называютъ сіе состояніе молитвою только потому, что оно имѣетъ начальную причину свою отъ молитвы и во время молитвы даруется святымъ сіе неизреченное дарованіе. Отцы, объясняя сіе состояніе для пользы душъ, употребляютъ произвольныя слова, а наименовать оное съ опредѣлительностію никто не можетъ. Когда душа духовнымъ дѣйствіемъ подвигнется въ сему Божественному состоянію, содѣлается непостижимымъ соединеніемъ подобно Божеству и просвѣтится лучами великаго Свѣта въ своихъ движеніяхъ; когда умъ сподобится ощутить будущее блаженство, тогда забываетъ себя и все земное и уже не будетъ имѣть никакой мысли.

Еще говоритъ святій Исаакъ въ другомъ мѣстѣ: „Умъ во время молитвы восхищается внѣ своей воли, въ мысли безплотныхъ, которыя невозможно выразить чувственнымъ языкомъ; потомъ внезапно возгарается въ тебѣ радость отъ сей, ни съ чѣмъ несравненной, пищи, умолкаетъ языкъ; изъ сердца непрестанно кипитъ какая-то сладость, и неощутительно часъ отъ часу отвлекаетъ всего человѣка отъ всего; является во всемъ тѣлѣ какое-то наслажденіе и радость, необъяснимая плотскимъ языкомъ, и земное онъ считаетъ пепломъ и прахомъ, отъ дѣйствія въ немъ памяти Божіей. Когда, сказалъ онъ, явится въ человѣкѣ сіе наслажденіе, кипящее во всемъ тѣлѣ его, тогда человѣкъ думаетъ, что Царство небесное не что иное, какъ сіе состояніе“.

Еще въ другомъ мѣстѣ тотъ же святій Исаакъ говоритъ: „Сподобившійся радости о Богѣ не только не обратитъ вниманія на страсти, но даже не помыслитъ о своей жизни: ибо любовь Божія сладостнѣе жизни и разумъ о Богѣ, отъ котораго рождается любовь, гораздо сладостнѣе меда и сота“.

Но все сіе непостижимо и невыразимо, какъ говорить Симеонъ новый Богословъ:

„Какой языкъ скажетъ! Какой умъ объяснить! Какое слово выразить! Страшно, по истиннѣ страшно и превыше всякаго слова! Сидя въ келии на одрѣ, вижу свѣтъ; котораго міръ не имѣетъ. Внутри же себя вижу Творца міра, бесѣдую съ Нимъ, люблю Его и вкушаю, питаюсь до сытости Боговидѣніемъ, соединившись съ Нимъ, превышаю небеса. Сіе знаю вѣрно и истинно, гдѣ же тогда мое тѣло? Не знаю“.

Бесѣдуя о Господѣ, онъ говоритъ: „Онъ любитъ меня, принимаетъ меня въ Себя Самого, на объятіяхъ носить. Живущій на небѣ находится въ сердцѣ моемъ, вижу Его и здѣсь, и тамъ“. И потомъ говоритъ къ Господу: „Вотъ Владыка дѣлаетъ меня равноангельнымъ, даже поставляетъ меня превыше ангеловъ, ибо Онъ для нихъ невидимъ по существу, по естеству неприступенъ; а я вижу Его всячески и Онъ своимъ существомъ соединился съ моимъ естествомъ“.

О семъ разсуждая, св. Симеонъ говоритъ: „Вижу я то, что око не видѣло, ухо не слышало и чего на плотское сердце не приходило; находясь въ семъ состояніи, не только не желаю выдти изъ келии, но хочу сокрыться въ пещерѣ, ископанной подъ землею, чтобъ, находясь тамъ внѣ всего міра, смотрѣть мнѣ на безсмертнаго Владыку моего Создателя“.

Согласно сему и святой Исаакъ сказалъ: „когда снимется съ умственныхъ очесъ челоуѣка покрывало страстей и онъ взрять на сію славу, то немедленно умъ возвышается и приходитъ въ ужасъ. Если бы Богъ не положилъ предѣла такому состоянию въ сей жизни, сколько пребывать въ немъ, то челоуѣкъ, когда бы сіе было допущено, пребылъ бы въ немъ всю жизнь, никогда бы не престалъ отъ взиранія на предметы, столь удивительные. Богъ дѣлаетъ сіе по Своей милости, умаляя на время въ святыхъ благодать, чтобъ они промышляли и неслись о братія служеніемъ слова, то есть наставляли ихъ на благочестіе“.

Святой Макарій говоритъ: „достигшіе мѣры совершенства бывають вполнѣ поглощены любовію и сладостію сихъ чудныхъ видѣній, и если бы, сказалъ онъ, челоуѣкъ имѣлъ въ себѣ дѣйствіе благодати всегда равное, то не былъ бы въ силахъ нести обязанность и тяжесть служенія слову, ни слышать что-либо,

ни говорить о чемъ-либо земномъ, ни имѣть малѣйшаго о чемъ-либо попеченія“. И объяснилъ состояніе совершенныхъ въ благодати притчею: они подобны взшедшимъ на двѣнадцать степеней; но благодать нѣсколько ослабляетъ свое дѣйствіе и они, низшедши на одиннадцатую ступень, на ней пребываютъ. Они не допущены до мѣры полного совершенства, чтобъ имѣть время заниматься съ братіею и пользоваться ихъ служеніемъ слова.

Что сказать о тѣхъ, которые, будучи еще въ семь тѣлѣ, вкусили безсмертныя пищи и, будучи въ семь маловременномъ мірѣ, отчасти сподобились радости, предуготованной въ небесномъ отечествѣ: таковыя не прельстятся ни красотою, ни сладостію сего міра, не убоятся скорбей и бѣдствій, ибо дерзають говорить съ Апостоломъ: „Ничтоже насъ разлучитъ отъ любви Божіа“ и прочее... (Римл., гл. 8, ст. 39), но сіе относится, по словамъ святаго Исаака, только въ тѣмъ, которые сами были зрителями видѣній и служителями сихъ таинствъ, или, наставившись святыми отцами и отъ устъ ихъ научившись истинѣ, провели жизнь свою въ исканіи сего блаженства.

Мы же, непотребные, повинные многимъ грѣхамъ и исполненные страстей, недостойны и слышать таковыя слова, но уповавъ на благодать Божію, дерзнулъ я отчасти привести здѣсь сіи святаго писанія духовныхъ отцовъ, чтобъ познать намъ, каково мы исполнены окаянства и какому безумію предаемся, заботясь о приобрѣтеніяхъ и преуспѣянніи сего міра, приобрѣтая тлѣнныя вещи, ради сего входя въ молвы и распри, причиняя вредъ душамъ нашимъ, думая симъ дѣлать добро и вмѣняя сіе въ похвалу себѣ.

Но горе намъ! мы не познаемъ душъ нашихъ, не разумѣемъ въ какой мы призваны жизни, какъ говоритъ Святый Исаакъ: „мы вмѣняемъ житіе сего міра, или скорби, или покоя его, какъ бы значущіе что либо“.

Отъ лѣности, міролюбія и небреженія нашего говоримъ, что сіе свойственно было только древнимъ святымъ отцамъ, а намъ невозможно.

Нѣтъ, нѣтъ!

Невозможно только тѣмъ, которые предаются страстямъ самозвольно, не хотая истинно покаяться и потрудиться въ дѣлѣ Божіемъ, которые любятъ вредныя попеченія сего міра.

Господь принимаетъ всѣхъ истинно кающихся, благодѣтельствуешь и даруешь славу всѣмъ тѣмъ, которые съ великою любовію и страхомъ ищутъ Его, взираютъ на Его единого и исполняютъ Его заповѣди. Такъ свидѣтельствуешь все божественное писаніе.

Между древними отцами было много дѣлателей и учителей сего, они назидались и укрѣплялись одинъ отъ другаго; нынѣ же хотя и умалилось число таковыхъ, но если кто съ усердіемъ потщится о дѣлѣ Божіемъ, того благодать наиболѣе вразумляетъ и тому помогаетъ отъ нынѣ и до вѣка; напротивъ, она называется прельщаемыми и прельщающими (Рим., гл. 3, ст. 18) тѣхъ, которые сами не произволяютъ подвизаться и приводятъ другихъ въ нерадѣвіе и отчаяніе, говоря: Богъ не ниспосылаетъ нынѣ древнихъ дарованій.

Нѣкоторые не хотятъ слышать, что въ нынѣшнее время есть благодать.

Таковыя омрачены великимъ нечувствіемъ, неразуміемъ и маловѣріемъ, говоритъ св. Григорій Синайскій.

Но мы, познавши все сіе изъ святыхъ писаній, если хотимъ имѣть истинное прилежаніе къ Божію дѣлу, то прежде всего удалимся какъ можно болѣе отъ суеты сего міра и постараемся умалить страсти, сохраняя сердца отъ лукавыхъ помысловъ; въ сердцѣ исполняя Божіи заповѣди, при храненіи сердца будемъ непрестанно имѣть молитву.

Это первая степень иноческаго возраста и иначе невозможно умалить страстей, говоритъ Симеонъ новый Богословъ.

Итакъ, по разуму святыхъ отецъ: „безъ совершенной чистоты плоти и духа“ невозможно привлечь благодать: „Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ“. (Мат., гл. 5, ст. 10).

Узрятъ Его въ благодатныхъ дѣйствіяхъ, которыя преизобильно изливались и изливаются на дѣлателей заповѣдей Христовыхъ.

Да не скажутъ намъ, что нынѣ нѣтъ духоносныхъ отцевъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Святой Духъ есть и будетъ, ниже начинай, ниже преставай.

Мы видѣли многихъ современныхъ намъ отцевъ и пользовались ихъ духоносными наставленіями.

Не мѣсто здѣсь исчислять ихъ подвиги и вышеестественныя дарованія; эту истину засвидѣтельствуютъ всѣ тѣ, на которыхъ падали лучи свѣта благочестивой жизни ихъ.

Кому изъ чуждыхъ отечественную святыню неизвѣстны современныя намъ подвижники и подвижницы благочестія; мы могли бы указать на многихъ, но здѣсь не мѣсто исчислять.

Эти Богомъ избранныя сосуды благодати сіяли подвигами вѣры и благочестія; надѣмся, что наши слова будутъ засвидѣтельствованы всѣми тѣми, которые внимали окомъ вѣры и не были слѣпы, чтобы видѣть, ни глухи, чтобы слышать. Пусть вознесется за нихъ молитвенное воспоминаніе всѣми, которые молитвами ихъ и любовію, растворенною жалостію, получили исцѣленіе душевной болѣзни.

Кто сознаетъ, что его жизнь сохранена отъ гибели, кому путь указанъ къ вѣчности, кто избавленъ отъ невѣренія, кому дана живая вѣра, кому тернистый путь угаженъ, въ чье сердце, изнывающее страданіями, влита была отрада! Вмѣстѣ съ ними скажемъ: это звѣзды путеводныя, это маяки, охраняющіе отъ подводныхъ скалъ, это свѣтила, вѣчно сіяющія и просвѣщающія концы земли.

Небезопасно колебать глубоко-духовныя иноческія учрежденія, засвидѣтельствованныя духомъ святымъ, освященныя вѣками и усвоенныя всею православною церковью.

Пресловутая по учрежденіямъ Англія съ завистью смотритъ на наши обители, усиливается учредить у себя подобныя, но одни человѣческія средства недостаточны безъ благодати Божіей.

Не имѣя Антоніевъ, Пахоміевъ, Пименовъ, Сисоевъ, Макаріевъ, Θεодосіевъ, не въ состояніи насадить подобный чинъ и благочестіе.

Къ несчастію, многіе изъ насъ порицаютъ безъ разбора все свое, громко возглашая противъ святыхъ обителей.

Не защищаю ихъ недостатковъ,—это иной вопросъ, требующій уясненія, кто въ этомъ болѣе виноватъ; но не слѣдуетъ забывать повелѣнія нашего Искупителя, который въ притчѣ о плевелахъ, на предложеніе исторгнуть ихъ, отвѣчалъ; „Ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы“. (Мат., гл. 13. Зач. 52).

Все очистится въ свое время, въ горнилѣ искушенія: чье дѣло сгоритъ, а чье останется по суду Божию, и мы должны быть осторожны въ сужденіяхъ и осужденіяхъ, дабы не явиться жесточайшими тѣхъ фарисеевъ, которые привели ко Христу жену грѣшницу; Господь предложилъ имъ, говоря: Иже въ васъ безъ грѣха, первый верзи камень на ню. (Іоанна, 8. Зач. 28). Никто не дерзнулъ исполнить предложеніе; обличаемые совѣстію, разошлись единъ по единому.

Неужели нынѣшніе праведники наложатъ руки на святыхъ обителѣ, и въ подражаніе инославнымъ промѣняютъ чистое золото на мѣдную монету и истинное дѣланіе на призрачное.

Если попущеніемъ Божиимъ совершится что не въ пользу обителѣ, тогда монашествующіе должны будутъ цѣть вмѣстѣ съ израильтянами: „На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плавахомъ“. (Псаломъ, 136, ст. I).

Какъ древній Израиль послѣ многихъ плѣненій былъ отвѣденъ въ плѣнъ вавилонскій, такъ и новый Израиль-Христіанинъ, послѣ многой борьбы противъ плоти и духа, изшедшій изъ міра и плѣна страстей, опять привлекается въ міръ, опять въ Вавилонъ.

Міръ, съ своей суею, именуется Вавилономъ, дѣянія его протекаютъ какъ рѣка: и сидитъ Израиль при рѣкахъ вавилонскихъ, вспоминая объ утратѣ Сіона.

Сидитъ и инокъ при рѣкахъ дѣяній, какъ зритель временъ, не безъ страха взирая на мирныя обителѣ, виновныя многихъ духовныхъ дарованій, чтобъ на мѣстѣ созерцательной духовной жизни не водворилась бы суета, молва и мятежъ, которые изгоняютъ изъ обителѣ собранные плоды благодати и не допустить заниматься дѣяніемъ духовнымъ.

Тогда подвижники благочестія опять отведутся въ плѣнъ мысленныхъ браней и рабства страстей.

Какъ древній Израиль въ плѣну вавилонскомъ обѣсилъ органы хваленія Богу, такъ и новый Израиль, возрожденный Богомъ, отложить мысли святыхъ, дерзновеніе къ Богу и дѣянія благія.

Насмѣшливо спросятъ ихъ плѣвившія страсти о пѣсняхъ сіонскихъ?

Молчаніемъ отвѣтять во узахъ грѣховныхъ сѣдѣшце, и новый Израиль, какъ древній въ тѣ горькіе дни лишь мыслію скорбною

вспомануть о пѣсняхъ сіонскихъ: „Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждой. Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего“. (Въ началѣ духовной свободы, происходящей отъ дѣланія заповѣдей Божіихъ). „Помяни, Господи, сыны Едомскіе въ день Іерусалимль“. (Въ день общаго восхожденія праведныхъ въ горніи Іерусалимъ).

„Дщи Вавилона окаянная (плоть и плотское мудрованіе), блаженъ иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ. Блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы (начатки грѣховныхъ помысловъ) твоя о камень“.

Мы боимся, чтобы не повторился плачь Израиля и въ настоящее (1869 г.) время.

Новое предположеніе проекта не есть ли посягательство на отнятіе умнаго дѣланія и созерцательной жизни, ублажаемой самимъ Господомъ.

„Марео, Марео! сказалъ Господь, печешися и молвиши о мнозѣмъ, едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, аже не отыметса отъ нея“.

Не слѣдуетъ тревожить Марію,—Марей найдутся.

Мы указали, по возможности, съ духовной точки зрѣнія, на невозможность соединить свѣтскія учрежденія съ духовными.

Архимандретъ Игнатій.

10 іюля 1869 года.

Примѣчаніе. Напечатанная здѣсь записка написана отъ архимандритомъ Игнатіемъ по поволу проекта бывшей игуменіи Митрофаніи (въ мѣрѣ баронеса Розенъ), объ обращеніи женскихъ монастырей въ епархіальныя общины сестеръ милосердія, каковая записка отъ Игнатія была повергнута на высочайшее воззрѣніе блаженной памяти государини императрицы Маріи Александровны и имѣла послѣдствіемъ то, что проектъ игуменіи Митрофаніи былъ отвергнутъ. Помѣщаемъ эту записку на страницѣхъ „Русской Старины“ какъ документъ, имѣющій имѣть исключительно интересъ историческій. Въ 1888 году Записка эта была издана намп., по просьбѣ почтеннаго отца архимандрита Игнатія, въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ.

Ред.

15-го мая 1889 г.

БРАТЪЯ В. В. и К. В. СИКОРСКІЕ,

ординарцы генерала Хрулева.

I.

Къ очерку П. В. Алабина.

Въ «Русской Старинѣ» 1889 года, т. LXI, январь, помѣщена замѣтка одного изъ участниковъ Севастопольской обороны П. В. Алабина, объ ординарцахъ генералъ-лейтенанта Хрулева, бывшаго комендантомъ лѣвой половины оборонительной линіи города Севастополя.

Всякое сообщеніе объ эпохѣ Севастопольской обороны, эпохѣ, которая составляетъ лучшую страницу русской военной исторіи, читается съ удовольствіемъ всякимъ истинно-русскимъ человѣкомъ, а еще болѣе дороги эти сообщенія тѣмъ немногимъ участникамъ этой славной обороны, которыхъ еще пощадило неумолимое время. П. В. Алабинъ, сдѣлавъ ссылку на № 5 иллюстрированнаго изданія «Пчела» за 1877 годъ, въ которой былъ помѣщенъ портретъ и краткая біографія бывшаго ординарца генерала Хрулева—Константина Викентіевича Сикорскаго, убитаго 16-го сентября 1876 г. въ Сербіи, подъ Шеллеговацемъ, говорятъ, что «не должно безмолвствовать, если въ рѣчахъ о бывшихъ боевыхъ товарищахъ встрѣчается что-либо противное истинѣ», и на этомъ основаніи исправляетъ въ «Пчелѣ» имя убитаго Сикорскаго, называя его не Константиномъ, а Василиемъ. Позволю себѣ сдѣлать замѣчаніе, что многоуважаемый П. В. Алабинъ, по давности Севастопольскихъ событій, такъ-же впалъ при этомъ въ ошибку. При бывшемъ комендантѣ корабельной стороны и начальникѣ лѣвой половины обороны г. Севастополя генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ состояли, въ числѣ другихъ безсмѣнныхъ ординарцевъ, два брата Сикорскіе—Василій и Константинъ Вивентіевичи.

Василій Сикорскій поступилъ къ генералу Хрулеву въ началѣ марта 1855 года, при самомъ назначеніи генерала начальникомъ лѣвой половины обороны, младшій же Сикорскій Константинъ—нѣсколько позже; оба брата состояли на службѣ юнкерами въ Якутскомъ пѣхотномъ полку. Оба они были юноши доброй нравственности, оба не по лѣтамъ ретивые и исполнительные служажки, поэтому-то они и пробыли при генералѣ Хрулевѣ до окончанія осады. Бывши еще юнкерами-ординарцами, они заслужили знаки военного ордена

Св. Георгія, затѣмъ оба произведены за отличіе въ прапорщики и затѣмъ въ подпоручики и получили ордена Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и 3-й степени съ бантомъ. По окончаніи же обороны, при назначеніи Хрулева на Кавказъ на мѣсто генерала Муравьева-Карскаго, Василій Сикорскій, по его просьбѣ, былъ переведенъ на Кавказъ къ генералу Хрулеву, гдѣ и произведенъ за отличіе по службѣ въ поручики; затѣмъ, по окончаніи Восточной войны, оба брата Сикорскіе вышли по домашнимъ обстоятельствамъ въ отставку. Въ 1876 году въ Сербіи подъ Шеллеговацемъ былъ убитъ младшій изъ Сикорскихъ, т. е. Константинъ Викентіевичъ, старшій же братъ Василій Викентіевичъ жилъ, въ то время, въ Киевѣ, находись въ отставкѣ, и о дальнѣйшей его судьбѣ я не имѣлъ возможности собрать никакихъ свѣдѣній.

Приведенная въ замѣткѣ П. В. Алабина интересная переписка о револьверахъ, рисующая всю мелочность военной администраціи времени (Сухозанета?). вызываетъ неполную улыбку. Затѣмъ это могли потребоваться, по окончаніи войны, револьверы, выданные офицерамъ по одному экземпляру на полкъ? Выданы они были тѣмъ лихимъ, боевымъ офицерамъ, которые что-день были лицомъ къ лицу со врагомъ, и понятно, что эти револьверы ежедневно могли быть утрачены со смертію владѣльца револьвера, или отбиты непріателемъ, а если бы они и уцѣлѣли, то какая же бѣда, если и въ мирное время хотя одинъ офицеръ въ полку будетъ владѣть порядочнымъ оружіемъ?! Нѣтъ, ужъ таковъ былъ въ то время (до назначенія военнымъ министромъ Д. А. Милютина) педантизмъ въ военномъ вѣдомствѣ, что обо всемъ и обо вся плодился переписка въ ущербъ самому дѣлу!

Я такъ-же получалъ подобный револьверъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: исполняя должность помощника, по артиллерійской части, начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи, съ 31-го мая 1855 года, я, въ славный день отбитія штурма 6-го іюня, когда троекратныя атаки на батареи 5-го отдѣленія были отражены, былъ потребованъ къ генералу Хрулеву для составленія донесенія начальнику Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанту графу Остенъ-Сакену.

Вслушавъ мой словесный докладъ, что непріятель при штурмѣ, дѣйствіемъ огня батарей, не былъ допущенъ даже до рва, усталый до изнеможенія герой этого дня (какъ названъ генералъ Хрулевъ въ приказѣ главнокомандующаго арміею) поблагодарилъ меня за труды по артиллерійской части и, подавая мнѣ револьверъ, сказалъ: «возьмите его, благодѣтель, на память славнаго нынѣшняго дня».—Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ генерала бумагу слѣдующаго содержанія:

«Помощнику начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи артилеріи подпоручику и кавалеру Вроченскому.

«Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростію. Препровождаю вамъ, господинъ подпоручикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости и распорядительности.—Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ корабельной стороны генералъ-лейтенантъ Хрулевъ. № 305. іюня 10-го дня 1855 года. Г. Севастополь».

По всей вѣроятности и ординарцы генерала — подпоручики Сикорскіе, Негребедскій и Кишельскій, получили вмѣстѣ съ револьверами предписанія въ родѣ вышеприведеннаго, и совершенно естественно, что возвратить въ штабъ

дивизіи оружіе, полученное на память отъ безгранично-уважаемаго начальника-героя, они не могли, да и требовать это оружіе никто не имѣлъ права. Револьверы были высланы одновременно, какъ въ штабы дивизій, такъ и генералу Хрулеву, а потому не было, кажется, и причины брать ему еще и у начальника 11-й пѣхотной дивизіи револьверы, предназначенные въ полки, тутъ просто вышло какое то недоразумѣніе. Ежедневно, встрѣчая на своихъ батареяхъ ординарцевъ генерала Хрулева, я никогда не слышалъ отъ нихъ ни о какихъ другихъ револьверахъ, кромѣ тѣхъ четырехъ, о которыхъ упомянуто въ предписаніи ко мнѣ за № 305. Револьверъ, полученный мною, и препроводительная грамота моего доблестнаго начальника, изложенная въ столь лестныхъ для меня выраженіяхъ, хранится у меня почетно до нынѣ и, какъ воспоминаніе славной, безпримѣрной Севастопольской защиты, вмѣстѣ съ моими офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ будутъ завѣщаны моимъ сынамъ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земля родной минавшія судьбы,
Усердныхъ слугъ отчизны вспоминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро....

М. Вроченскій.

6-го марта 1889-го года,
г. Кіевъ.

II.

К. В. Сикорскій.

Покойный братъ мой Константинъ Сикорскій, убитый въ Сербіи, въ бою съ Турками, служилъ вмѣстѣ со мной въ Якутскомъ пѣхотномъ полку и 1-го апрѣля 1855 г., бывши еще юнкеромъ, назначенъ былъ ординарцемъ къ генераль-лейтенанту Хрулеву, кажется на мѣсто умершаго отъ ранъ юнкера Чекеруль-Куша, и состоялъ ординарцемъ, вмѣстѣ со мной, до конца осады Севастополя, и въ послѣднемъ штурмѣ у горжи Малахова кургана былъ сильно контуженъ осколкомъ гранаты въ плечо.

Во время осады онъ получилъ награды: знакъ отличія военнаго ордена, чинъ прапорщика и чинъ подпоручика, а послѣдующіе чины и ордепа на Кавказѣ въ рядахъ Виленскаго пѣхотнаго полка, за дѣйствія при покореніи Чечни. П. В. Алабинъ лично зналъ моего брата Константина, но неудивительно, ежели черезъ 33 года забылъ о немъ.

Въ отношеніи же сообщеннаго свѣдѣнія о полученномъ мною отъ генераль-лейтенанта Хрулева револьверѣ дополняю, что получилъ его при слѣдующемъ предписаніи:

«Состоящему при мнѣ безсмѣннымъ ординарцемъ Якутскаго пѣхотнаго полка господину прапорщику и кавалеру Сикорскому 1-му.

Господинъ главнокомандующій прислалъ четыре револьвера, съ тѣмъ, чтобы я подарилъ ихъ офицерамъ, отличившимся своею храбростью.

Препровождая вамъ, господинъ прапорщикъ, одинъ изъ сихъ револьверовъ, прошу принять его въ знакъ моего уваженія къ отличной вашей храбрости.

Начальникъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантъ Корабельной стороны генераль-лейтенантъ Хрулевъ».

№ 308.

10 іюня 1855 года.

Г. Севастополь.

Подлинный этотъ документъ у меня сохранился.

Слѣдовательно, это былъ подарокъ лично мнѣ и возвращать его въ дивизию не было основанія и я получилъ одинъ револьверъ, а не два, какъ предполагаетъ г. Алабинъ, да Степанъ Александровичъ и не далъ бы мнѣ двухъ, такъ какъ и другіе его окружавшіе нуждались въ подобномъ оружіи.

Револьверъ этотъ оказался непрактичнымъ,—съ него надо было очень хладнокровно стрѣлять, такъ какъ послѣ каждаго выстрѣла необходимо было снимать разбитый пистонъ, что очень козотно, а явче пистонъ попадалъ подъ барабанъ и второй выстрѣлъ сдѣлать: было невозможно, что и было 27-го августа, во время послѣдняго штурма мнѣ пришлось сдѣлать только два выстрѣла, потому я былъ уже обезоруженъ. Въ этомъ дѣлѣ я былъ раненъ и получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами.

Въ отношеніи же назначенія меня ординарцемъ къ генераль-лейтенанту Хрулеву тоже вкралась неточность; по требованію Хрулева были назначены къ нему ординарцами отъ 11-й дивизіи юнкера: отъ Охотскаго полка Лукинъ, отъ Камчатскаго Негребецкій, а отъ Якутскаго юнкеръ, фамилію котораго я забылъ; я же поступилъ ординарцемъ 9-го марта при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 5-го марта нашъ Якутскій полкъ занималъ Камчатскій редутъ и траншеи впереди его, ночью непріятель сдѣлалъ нападеніе на наши траншеи и часть ихъ занялъ, но вскорѣ якутцы опрокинули французовъ и заняли траншеи обратно.

9-я рота, въ которой я состоялъ, находилась въ редутѣ и въ дѣлѣ не участвовала. Изъ траншей дали знать, что недостатокъ въ патронахъ, и требовали присылки ихъ; мой полковой командиръ,

полковникъ Бѣлый, приказалъ мнѣ взять 6 человѣкъ, отнести патроны въ траншеи и роздать ихъ по ротамъ; возвращаясь обратно, я наткнулся на кучку французовъ, оставшихъ при отступленіи изъ нашихъ траншей, которыхъ и привелъ въ Камчатскій редутъ къ полковому командиру; въ то время разговаривалъ съ нимъ какой-то генералъ, какъ оказалось Хрулевъ; я отрапортовалъ полковому командиру объ исполненіи порученія и передалъ плѣнныхъ французовъ. Генералъ Хрулевъ подробно меня спросилъ о видѣнномъ мною, потомъ обратился къ полковому командиру, прося, чтобы меня назначить къ нему ординарцемъ, а состоявшаго при немъ юнкера Якутскаго полка взять обратно въ полкъ, и я только 9-го марта былъ назначенъ ординарцемъ, въ тотъ же день явился къ генералу Хрулеву и оставался при немъ до конца осады.

В. В. Сикорскій.

Г. Дубно, Волынской губерніи.
22 марта 1889 г.

Два указа о военных наказаніяхъ въ XVIII вѣкѣ¹⁾.

I.

Указъ о наказаніи солдатъ за побѣгъ и кражу лошадей

1734 г.

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію отъ артиллеріи и еортиенкаціи сего сентября 4 дня, по Ея Императорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ поданнаго при меморіалѣ изъ оной канцеляріи экстракта изъ держаннаго Феггера и кригсбрехта приказали: еуркнейхтовъ Осипа Косырева и Максима Сушнина, которые въ прошломъ 1733 году іюня 30 дня, согласясь съ товарищи со артиллерійскими-жь фурлейты двумя человѣками, черезъ артиллерійскаго рекрута за деньги сочинили себѣ оальшіяше пашпорты, съ которыми бѣжали, и въ бѣгахъ украли четырехъ лошадей, съ которыми ихъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ при продажѣ тѣхъ лошадей переловили и приведены были въ Переяславскую воеводскую канцелярію, гдѣ по распросамъ они размскиваны трижды и огнемъ ажены, и по росамъ тѣ лошади отданы у кого были украдены, за что по кригсбрехту, по силѣ 95, 189 и 201 артикуловъ, положено было бить ихъ кнутомъ и послать на селитренныя заводы въ работу, а понеже оныя еуркнейхты за тотъ побѣгъ и кражу лошадей уже пытаны и огнемъ ажены, и затѣмъ въ прежней службѣ быть имъ невозможно, того ради отъ приговореннаго наказанія ихъ освободить и послать на вышеписанныя селитренныя заводы въ работу вѣчно, безъ наказанія, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и еортиенкаціи учинить о томъ по Ея Императорскаго величества указу, сентября 6 дня 1734 года Степанъ Игнатъевъ, канцеляристъ Андрей Васильевъ.

¹⁾ Два сенатскія в военной коллегіи.

II.

Указъ о наказаніи офицера, не объявившаго объ оставшихся у него деньгахъ отъ казенной покупки.

1734 г.

«Указъ Ея Императорскаго величества самодержицѣ (sic) всероссійской изъ государственной военной коллегіи въ канцелярію главной артиллеріи и еортиенкаціи:

Сего марта 13 дня по Ея Императорскаго величества указу государственная военная коллегія слушавъ при доношеніи генерала и кавалера графа еонъ-Вейзабаха экстракта, изъ держаннаго еергерз и кригсрехта, приказали: Ландмилицкаго коннаго Ефремовскаго полку, прапорщика Максима Домашнева, который командированъ былъ отъ онаго полку съ командою въ Саратовъ для покупки лошадей подъ ландмилицію, и дано ему было денегъ три тысячи четыреста семдесятъ четыре рубля, на которые велѣно покупать лошадей каждую по шести рублевъ, и для записокъ и росписокъ дана ему шиуровзя книга, въ которую записывать каждую лошадь покупкою по шти рублевъ; а бывшіе съ нимъ въ командѣ каптенармусъ Аеанасьевъ, вапраль Козьминъ доношеніями объявили, что оный прапорщикъ, будучи въ Саратовѣ, купилъ лошадей десять по шти рублевъ, а триста тридцать четыре лошади куплены разными цѣнами, по четыре и по пяти рублевъ, и осталось у него, прапорщика, денегъ за заплатою съ шерсти изъ денегъ пошлинъ сто семдесятъ четыре рубля тридцать двѣ копейки, о чемъ онъ, прапорщикъ, показалъ, что яко бы означенный остатокъ, по прибытіи въ полкъ, хотѣлъ объявить, токмо черезъ три дня оныхъ денегъ не объявилъ, за что по сентенціи и конфирмаціи повелѣно по силѣ 194 артикула учинить ему смертную казнь, чему-бъ весьма подлежалъ, но понеже какъ изъ дѣла видно, что прежде сего безпорочно служилъ, и изъ того вѣщаго въ интересѣ траты не приключилось, того ради отъ приговоренной смертной казни освободить, а лиша вѣхъ чиновъ, послать на каторгу на три года, а по прошествіи оныхъ лѣтъ написать въ солдаты, и о томъ къ нему генералу и кавалеру тако-жъ о публикаціи (дабы каждый о томъ вѣдалъ и вуредь отъ такихъ продерзостей воздержался) къ полевымъ и гарнизоннымъ командирамъ и къ обрѣтающимся у набору рекрутъ штабъ и оберъ-офицерамъ послать указы, которые и посланы, и въ канцеляріи отъ артиллеріи и еортиенкаціи о томъ вѣдать и чинить по Ея Императорскаго величества указу. Марта 28 дня 1734 года. Петръ Измайловъ, примеръ-мааоръ Ломовъ, канцеляристъ Андрей Васильевъ».

Сообщилъ А. И. Савельевъ.

РУСОБІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ

въ 1747—1748 гг.

Что сѣверные русскіе мореходы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ считали плаваніе къ отдаленному Шпицбергену для промысловъ дѣломъ зауряднымъ, на это имѣется въ нашей исторической литературѣ достаточно фактовъ, наглядно говорящихъ въ пользу нашей предпринимчивости и отваги. Даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія такіа плаванія почитались обыкновеннымъ на сѣверѣ явленіемъ.

Въ архивѣ Д-та Таможенныхъ Сборовъ есть, между прочимъ, дѣло коммерцъ-коллегіи, въ которомъ по поводу этихъ поѣздокъ заключаются любопытныя гигиеническія свѣдѣнія, знакомяща насъ съ охранительными средствами, употреблявшимися промышленниками во время зимованія на излюбленномъ ими Шпицбергенѣ, или, какъ тогда назывался онъ на языкѣ нашихъ молодцовъ-поморовъ, Грумантѣ, Грулантѣ, для борьбы съ его убійственнымъ, суровымъ климатомъ.

Интересно, что еще въ старину скудная флора Шпицбергена была уже тщательно изучаема нашими мореходами, не съ научною, конечно, но съ чисто-практическою цѣлью найти въ этой скудной флорѣ, такъ сказать, противоядіе отъ скорбута, уносившаго въ могилу многихъ изъ нихъ, менѣе опытныхъ.

Въ 1747 году коммерцъ-коллегія затребовала изъ Архангельской Коммерцъ-конторы справку о томъ, ходили-ли въ прошломъ и нынѣшнемъ-де году кто изъ промышленниковъ въ Шпицбергъ, лежащій въ ледяномъ морѣ, въ Груландѣ, выше называемаго острова Бриэнландъ, и если ходили, то откуда, и на какихъ судахъ, какіе предметы промысла были съ острова вывозимы, и въ какое время, и какимъ количествомъ людей ходятъ они туда для промысловъ?

Архангельская коммерцъ-контора обратилась было за справками въ мѣстную губернскую канцелярію, въ портовую таможену и въ казенное сальное управление, но въ этихъ учрежденіяхъ она не получила желаемыхъ данныхъ и поспѣшила отписать, что никакнхъ-де свѣдѣній она не могла собрать по интересующимъ коммерцъ-коллегію вопросамъ, и уже готовилась опочить на этомъ отвѣтѣ, но въ апрѣлѣ 1748 года коммерцъ-контору выручилъ изъ затрудненія явившійся выгорѣцкой раскольникъ Амосъ Корниловъ, у котораго казенная сальная компанія покупала въ прошлыхъ годахъ моржовое сало, кожи и зубье. На предъявленные конторою вопросы Корниловъ сообщилъ слѣдующее: «о вышеименованномъ-де находящемся въ ледяномъ морѣ въ Грунландіи Шпицбергѣ, который повыше называемаго острова Берн-Эландъ (а не Брэнландъ), то-де онъ, Корниловъ, признаваетъ по картѣ, и называется оной Шпицбергъ российскими промышленниками Груландъ, а признаваетъ-де потому, что на Груландѣ онъ, Корниловъ, бывалъ самъ въ 737, въ 738 и въ 739 годѣхъ, для собственныхъ своихъ моржовыхъ промысловъ, и тамо-де въ тѣхъ годѣхъ зимовалъ, а отъ 739 года и понынѣ повсягодно для оныхъ промысловъ посылаются отъ него, Корнилова, по одному судну съ промышленниками, изъ которыхъ-де тамо и зимуютъ повсягодно; а въ прошлыхъ-де 1746 и 1747 годѣхъ на оной Груландъ или Шпицбергѣ ѣздили посланные отъ него, Корнилова, для промысла моржевыхъ звѣрей промышленники: въ 1746 году двинскаго уѣзда изъ поморскихъ волостей, а въ 1747 году отъ города Архангельскаго на новоманерныхъ судахъ, на щерботѣ и на гукорѣ, изъ которыхъ де посланные въ 1746 году на щерботѣ промышленники обратно вывезли къ городу Архангельскому въ 1747 году оныхъ моржовыхъ звѣрей кожи, сало и зубье, а другихъ де никакихъ вещей въ вывозъ съ Груланда не было; а посланные-де въ 1747 году на гукорѣ промышленники и нынѣ зимуютъ тамо, которыхъ-де надлежитъ быть обратно въ нынѣшнемъ 1748 году въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, а отъѣздъ туда и пріѣздъ назадъ бываетъ обыкновенно: отъѣздъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, а пріѣздъ чрезъ годъ въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ; а людей-де послано было отъ него, Корнилова, въ 1746 году на щерботѣ десять, а въ 1747 году на гукорѣ пятнадцать человекъ, которые посылаются по корпусу судовъ; также-де на Груландѣ бываетъ ловъ песцовъ, оленей и бѣлыхъ медвѣдей, находится-жь-де и пухъ гагачій, а другихъ-де промысловъ тамо, кромѣ вышеизъявленныхъ, никакнхъ онъ Корниловъ, не знаетъ, и отъ другихъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ».

Коммерцъ-коллегія, интересуясь, видимо, этими свѣдѣніями, пожелала имѣть дальнѣйшія, и въ томъ-же 1748 году потребовала,

чтобы Архангельская коммерцъ-контора взяла отъ раскольника Корнилова извѣстіе: посылаемые отъ него промышленники какую больше для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію, и въ случаѣ оной недостатка чѣмъ тамъ довольствуются; а во время того зимованія жительство имѣютъ на берегу-ли, или на своихъ судахъ? И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ зимовье, какое жилье на берегу имѣется-ли, и какіе народы тамъ живутъ, и чѣмъ питаются; и кромѣ его, Корнилова, кто другіе туда промышленники ѣздятъ-ли, и на какихъ судахъ?

Коммерцъ-контора отвѣчала, что выгорѣлкой раскольникъ Корниловъ, въ дополненіе перваго показанія, объявилъ, «посылающіеся отъ него въ вышепоказанное мѣсто промышленники для тамошняго зимованія берутъ съ собою провизію: муку ржаную и яшную, крупу овсяную и яшную, просо, толокно и горохъ, солодъ ржаной, масло коровье и постное, молоко съ творогомъ и проч. съѣстные припасы, а за недостаткомъ провизіи довольствоваться тамъ нечѣмъ, понеже-де въ тамошнемъ мѣстѣ, кромѣ оленьяго мяса, другой провизіи ничего не имѣется; тамъ-же-де промышленники отъ тяжелаго воздуха весьма цинжаютъ и отъ того много умираетъ, а для пользованія-де себя отъ той болѣзни берутъ съ собою ягоду морожку, да сосновыя шишки; да тамо подъ горами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ, растеть трава, которая называется салата, и тою-де травкою отъ оной болѣзни промышленники пользуются-жь, чего-де для оную траву и въ зиму запасаютъ; и во время-де того зимованія промышленники имѣютъ жительство на берегу въ избахъ, а оныя избы, такожъ и дрова отсюда въ тамошнее мѣсто возятъ на своихъ судахъ, и при тѣхъ судахъ бываетъ при каждомъ суднѣ по два промышленныхъ карбаса: одинъ побольше, а другой поменьше; а тамо на берегу никакого жилья и жителей, кромѣ пріѣзжающихъ для означеннаго промысла промышленниковъ, такожъ и лѣсу не имѣется; а кромѣ-де его, Корнилова, другіе промышленники туда на лѣтніе промыслы ѣздятъ иностранные люди на корабляхъ для китоловнаго промысла, а тамо не зимуютъ; а изъ російскихъ-де напредь сего ѣздили на большихъ мореходныхъ судахъ мезенцы, токмо-де отъ великихъ тамошнихъ льдовъ, за погубленіемъ судовъ ихъ и бывшихъ на тѣхъ суднахъ людей, нынѣ уже не ѣздятъ».

Но коммерцъ-коллегія и на этихъ извѣстіяхъ еще не успокоилась. Ее заинтересовалъ самый способъ употребленія травы салаты: вареною ли салатою пользуются, или сырою, или другимъ какимъ образомъ употребляютъ, и въ чемъ именно? Этотъ рядъ вопросовъ снова полетѣлъ въ Архангельскую коммерцъ-контору, которая по допросѣ

Корнилова и сообщила, со словъ послѣдняго, въ коммерцъ-коллегію слѣдующее: «въ лѣтнее-де время свѣжую салату парять въ печи и варить на огнѣ въ водѣ и въ квасу, и какъ упрѣтеть, то оную воду и квасъ пьютъ теплое, а и свѣжую по нуждѣ, кто пожелаетъ, ѣсть можно, а въ зиму запасаютъ квашеную на подобіе капусты сѣченой, и сѣкутъ такъ, какъ капусту, и варятъ вмѣсто щей, съ мясомъ и съ рыбою и постное, и употребляютъ такъ, какъ щи, а сушеной не запасаютъ для того, что она трава сушеная быть не можетъ, но отсыриваетъ, и оттого портится. А растеть та трава вышиною въ четверть аршина и повыше, а листья у нея круглыя, величиною съ нынѣшній мѣдный грошевикъ, а стебелекъ тонкой, а берутъ ее и употребляютъ тѣ стебельки съ листьями, кромѣ коренья, а коренья не берутъ и не употребляютъ».

Любознательность коммерцъ-коллегіи была этимъ послѣднимъ сообщеніемъ исчерпана, и она сочла нужнымъ подѣлиться свѣдѣніями о свойствѣ травы салаты съ Академіей Наукъ въ 1749 году¹⁾.

С. О. Огородниковъ.

С.-Петербургъ, 1889 г.

¹⁾ Арх. Д-а Таможен. Сб. Дѣло Коммерцъ-Коллегіи № общ. описи 2221, № 529, связ. 24.

КНЯГИНЯ ЮАННА (ЖАНЕТА) АНТОНОВНА ЛОВИЧЪ,

супруга цесаревича Константина Павловича,

род. 17-го мая 1795 г. въ Позенѣ, † 17-го ноября 1831 г. въ Царскомъ Селѣ.

Княгиня Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, старшая дочь польскаго помѣщика, прусскаго подданнаго графа Антона Грудзинскаго, получила отличное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ, въ началѣ XIX вѣка, пансіоновъ въ Варшавѣ; то былъ пансіонъ французской эмигрантки дѣвицы *Vaucler*. Пансіонъ этотъ отличался, какъ рассказываетъ, со словъ своего отца К. П. Колзаковъ, превосходно нравственнымъ направленіемъ; главнымъ руководителемъ этого учебнаго заведенія былъ умный и ученый французскій аббатъ *Malherbes*.

Этому аббату обязана была княгиня Ловичъ тѣми твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи котораго создалось впоследствии все ея нравственное развитіе и образованіе ¹⁾; воспитаніе свое довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки миссъ Коллинсъ.

Превосходно образованная и блестящая красавица Жанета Грудзинская вернулась изъ Парижа въ Варшаву въ концѣ 1815 года и въ теченіи пяти лѣтъ пребывала предметомъ поклоненія многихъ и во главѣ ихъ цесаревича Константина Павловича, но держала себя съ такимъ тактомъ и достоинствомъ, что предъ нею смогло всякое злословіе и она пользовалась самою высокою репутациею. Умъ и красота ея совершенно полонили строптиваго, своенравнаго Константина Павловича,—онъ не только отдалъ ей свою руку и сердце,

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 398—400: «Княгиня Ловичъ», очеркъ К. П. Колзакова.

сочетавшись съ ней, 12-го мая 1820 г., бракомъ, но и отрекся отъ престола Россійской Имперіи ¹⁾.

Дальнѣйшее поведеніе княгини Жанеты Ловичъ (этотъ титулъ данъ былъ ей послѣ брака съ цесаревичемъ) отличалось тѣмъ же достоинствомъ и тактомъ; во время революціи 1830 года молодая женщина проявила мужество и самоотверженную преданность супругу; но глубоко потрясенная кровавыми событіями польской смуты и затѣмъ внезапною кончиною мужа, Жанета Антоновна скончалась почти вельдъ за нимъ, въ Царскомъ Селѣ, 17-го ноября 1831 года.

Портретъ Жанеты Антоновны Ловичъ, въ превосходной гравюрѣ академika Л. А. Сѣрякова, исполненный съ живописнаго ея портрета,—приложенъ при «Русской Старинѣ», изд. 1877 г., томъ XX, октябрь, стр. 252, и кромѣ того въ двухъ нами изданныхъ сборникахъ гравюръ рѣца помянутаго художника.

О княгинѣ Ловичъ сохранилось въ русской печати мало свѣдѣній, но все, что извѣстно и неложно, между прочимъ, въ обширномъ историко-біографическомъ очеркѣ о цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ, составленномъ покойнымъ Е. П. Карновичемъ («Русская Старина» изд. 1877 и 1878 гг., томы XIX, XX и XXI), все говоритъ въ пользу ума, характера и вообще нравственныхъ качествъ княгини Ловичъ ²⁾.

Судьба соединила ее съ человѣкомъ весьма строптиваго, безпредѣльно вспыльчиваго характера; в. к. Константинъ Павловичъ, что всѣмъ извѣстно, въ моменты гнѣва былъ весьма суровъ, онъ впадалъ иногда въ совершенное раздраженіе и въ эти часы причинилъ не мало огорченія его окружающимъ или подчиненнымъ (см. «Русскую Старину» изд. 1877 и 1878 гг.). Между тѣмъ, его супруга была женщина глубоко-религіозная, нѣжно любила его и дѣйствовала на него возможно умиротворяющимъ образомъ... Вліянію княгини Ловичъ приписывается та настойчивость, съ которою цесаревичъ Константинъ Павловичъ подтвердилъ отреченіе отъ престола въ ноябрѣ и декабрѣ 1825 года.

Какъ бы то ни было, но при незначительности свѣдѣній о личности княгини Ловичъ, при крайне маломъ знакомствѣ съ нею, читателямъ нашимъ, конечно, не безынтересно будетъ прочитатъ ея собственноручныя замѣтки о различныхъ религіозно-нравственныхъ правилахъ. Онѣ сохранились на шести весьма маленькихъ лоскуткахъ, исписанныхъ ею на французскомъ языкѣ, крайне мелкимъ, съ трудомъ разбираемымъ, почеркомъ. Сообщены онѣ въ ред. «Русской Старины» весьма обязательно П. П. Исавичемъ; разобраны, пере-

¹⁾ Министръ Александра I о бракосочетаніи цесаревича Константина Павловича съ княгинею Ловичъ былъ обнаруженъ въ Царствѣ Польскомъ 8-го іюля 1820 года.

²⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1878 г., XX, стр. 375—382, т. XXI, стр. 28, 242, 374—377.

писаны и переведены нашею сотрудницею В. В. Тимошукъ. Замѣтки относятся къ 1830 году; въ ноябрѣ этого года вспыхнула въ Варшавѣ революція, удалившая цесаревича Константина Павловича и его супругу изъ Варшавы. Ред.

I.

1-er de l'an 1830.

De la douceur, de la tempérance et de la résignation.

Notre accord avec les objets hors de nous, c'est à dire la manière de traiter avec les objets extérieurs, peut se réduire à ces trois points: l'art d'en jouir, l'art de s'en passer, l'art de les supporter.

Trois qualités à cet effet, me paraissent, indispensables: être doux avec ses semblables, fort contre les plaisirs, soumis aux maux nécessaires.

Il faut prendre garde, qu'aucune de ces qualités ne se détourne de son objet, car si au lieu d'être fort contre les plaisirs, on est fort contre ses semblables, on les repousse, on en est haï. Si la douceur descend jusqu'à la soumission, elle perd de son caractère, elle devient de la faiblesse. Si on est fort contre les maux nécessaires, c'est à dire, si on veut les combattre, on augmente leur action: on devient impatient et colère. Si on est doux et soumis avec les plaisirs, on devient mou et afféminé. La douceur n'est pas précisément de la bonté. La rudesse est l'opposé de la douceur. La douceur n'est pas non plus l'aménité qui appartient spécialement aux manières. Un homme du monde peut avoir de l'aménité sans être doux. La douceur est une disposition générale produite par la bonté—c'est la condescendance et la flexibilité de notre ton au ton des autres. Mais cette flexibilité doit être volontaire, elle doit être produite avec ressort. Sans ressort, l'homme n'est plus doux, il est faible. Il n'y a pas d'abandon de sa part, il n'y a point de sacrifice, il y a soumission, servitude. La raideur est la trempe dure d'un égoïste; elle est différente de la rudesse. Elle est une arme de l'homme faible pour ne pas se laisser atteindre. Sa violence est la défense de l'homme faible quand il est atteint. La douceur, mansuétude et gentleness. C'est par l'humilité qu'on aborde les hommes, c'est par l'esprit qu'on les pénètre; c'est par la bonté qu'on les gagne et qu'on les conserve. La tempérance nous conduira elle même à dominer le sentiment vif de peines. Résignation—l'orgueil de déployer de la résistance où il ne faudrait que de la soumission.

1-е число 1830 г.

О кротости, воздержаніи и покорности.

(Переводъ). Наши отношенія къ предметамъ вѣшняго міра, т. е. способъ вступать съ этими предметами въ соотношеніе, сводится къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: умѣнью пользоваться ими, умѣнью обходиться безъ нихъ и умѣнью переносить ихъ.

Для этого необходимо, миѣ кажется, имѣть три качества: быть кроткимъ съ людьми, не увлекаться удовольствіями и переносить неизбѣжныя страданія съ покорностью.

Слѣдуетъ остерегаться, чтобы эти качества не были обращены на несоотвѣтствующіе предметы, ибо если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы быть стойкимъ противъ удовольствій, будетъ твердъ со своими ближними, то онъ этимъ оттолкнетъ ихъ и возбудитъ ненависть къ себѣ. Если кротость будетъ доходить до подчиненія, то она утратитъ свой характеръ и перейдетъ въ слабость. Если человѣкъ будетъ стоекъ противъ неизбѣжныхъ страданій, т. е. если онъ надумаетъ побороть ихъ, то этимъ только усилитъ ихъ и самъ станетъ нетерпѣливъ и раздражителенъ. Если будетъ снисходителенъ и податливъ къ удовольствіямъ, то сдѣлается вялымъ и извѣженнымъ. Кротость не есть синонимъ доброты. Суровость есть противоположность кротости. Кротость не есть привѣтливость, которая относится главнымъ образомъ къ манерамъ. Человѣкъ свѣтскій можетъ быть любезенъ, не будучи кротокъ. Кротость есть общее настроеніе, вызываемое добротою. Это—уступчивость и снисходительность съ нашей стороны къ мнѣнію другихъ. Но уступчивость эта должна быть добровольная, должна быть плодомъ собственнаго побужденія. Иначе человѣкъ становится уже не кроткимъ, а слабымъ. Въ такомъ случаѣ съ его стороны не будетъ уступки или жертвы, а явится подчиненіе, рабство.

Непреклонность составляетъ отличительную черту характера эгоиста; она отличается отъ грубости. Она есть орудіе человѣка слабого, когда онъ не хочетъ подчиниться другому. Доведенная до крайности, она является защитою человѣка слабого, когда ему угрожаетъ опасность подчиненія. Кротость, тихій нравъ и мягкость. Какъ кротостью можно расположить людей въ свою пользу, умомъ можно покорить ихъ; добротою можно привлечь ихъ и сохранить ихъ расположеніе. Умѣренность даетъ намъ возможность преодолѣть живое чувство страданій. Покорность судьбѣ.

Гордость побуждаетъ насъ прибѣгать къ противодействию въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало бы проявить лишь покорность.

II.

1830.

Comment pouvoir combattre une passion dominante, qui s'est rendue la maîtresse du coeur?

Comment se mortifier et se résoudre à mourir à tout, quand on est sensuel?

Comment pratiquer cette vie intérieure, quand on a toujours aimé la dissipation?

Comment vivre dans un perpétuel renoncement à soi même quand on a toujours aimé le plaisir?

Enfin comment se déterminer à entrer dans une carrière pénible de la pénitence et la soutenir jusqu'à la mort, quand on est accoutumé à la mollesse?

N'est ce pas là votre langage? Sans faire attention, que rien n'est impossible à l'homme chrétien avec la grâce.

* *

Sensuel. Voluptueux attaché au plaisir des sens. L'homme sensuel attend toute sa félicité d'une frêle machine, qui produit plus souvent la douleur, que la volupté. Sensualisme, système de ceux qui dédaignent la métaphysique, la pensée, ne reconnaissent que les sens et leur empire.

Dissipation. Action de se dissiper partout des regrets. Dissiper, consumer, détruire, défaire, disperser une armée; le vent dissipe les nuages, la fumée, action de se dissiper, de se délasser de l'étude, ce qui l'opère, lui aide (la lecture, la conversation, le jeu, la promenade etc.) sont des dissipations, évaporations, consumations, consommptions, déperditions. Une vie passée dans la dissipation s'achève dans la langueur et dans la tristesse.

* *

Toutes les créatures que l'homme veut faire servir à ses plaisirs deviennent les instruments de ses peines.

1830.

(Переводъ). Какимъ образомъ побѣдить преобладающую страсть, овладѣвшую сердцемъ?

Какимъ образомъ умертвить себя и рѣшиться умереть для всего, когда ты отъ природы человекъ чувственный?

Какимъ образомъ поступать по правиламъ этой внутренней жизни, когда человекъ всегда любилъ разсѣянную жизнь?

Какимъ образомъ жить въ постоянномъ самоотреченіи, когда человекъ всегда любилъ удовольствія?

Наконецъ, какимъ образомъ рѣшиться вступить на трудный путь покаянія и пребывать въ немъ до смерти, когда человекъ привыкъ къ изнѣженной жизни?

Не такъ ли вы говорите? Не обращая вниманія на то, что для христіанна нѣтъ ничего невозможнаго, если его поддерживаетъ благодать Божія.

* *

Чувственный. Чувственность есть сладострастіе по отношенію къ чувственнымъ удовольствіямъ. Человекъ чувственный ждетъ выспана блаженства отъ слабой машины, причиняющей чаще страданіе, нежели ошущеніе сладост-

наго чувства. Чувственность присуща людямъ, пренебрегающимъ метафизикой, мыслью и признающимъ лишь одни чувства, подчиняясь ихъ власти.

* *

Разсѣяніе. Есть способъ искать развлеченіе отъ угрызений совѣсти. Разсѣять, истратить, уничтожить, передѣлать, разсѣять войско; вѣтеръ разсѣваетъ тучи, дымъ, развлекаться отъ занятій; то, что доставляетъ развлеченіе, что помогаетъ ему (чтеніе, разговоръ, игра, прогулка и т. д.), называется развлеченіемъ, легкомысліемъ. Жизнь, проведенная въ суетныхъ развлеченіяхъ, оканчивается въ истощеніи и скукѣ.

* *

Всѣ существа, конхъ человекъ хочетъ сдѣлать орудіемъ своихъ удовольствій, становятся источникомъ его страданій.

III.

La charité et le monde.

La justice et le monde.

Conscience.

Tôt ou tard, quand les passions sont calmées, la conscience se soulève et imprime à notre conduite le sceau de la forfaiture.

1830.

(Переводъ). Благотворительность и міръ.

Справедливость и міръ.

Совѣсть.

Рано или поздно, когда страсти улягутся, поднимается совѣсть и придаетъ нашимъ поступкамъ характеръ вѣроломства.

IV.

1830.

Les moines passaient le jour à travailler faisant des nates, des paniers et d'autres ouvrages faciles, en méditant l'Écriture Sainte. Ils jeunaient tous les jours, ne prenant leur nourriture que vers le soir, et ne vivant la plupart que de pain et d'eau. Ils s'assemblaient pour prier le soir et la nuit. Ils dormaient peu; gardaient un grand silence et s'exerçaient continuellement à toutes sortes de vertus. Leur travail suffisait non seulement pour les nourrir, mais encore pour fournir à des grandes aumônes.

1830.

(Переводъ). Монахи проводили весь день въ работѣ, дѣлая цыновки, корзины и другія легкія работы и обдумывая текстъ Священнаго Писанія. Они постились ежедневно, вкушая пищу лишь подъ вечеръ и питаясь, по большей части, лишь хлѣбомъ и водою. По вечерамъ и по ночамъ они сходились вѣтѣть на молитву; спали мало; проводили большую часть времени въ безмолвіи и изощрились постоянно во всевозможныхъ добродѣтеляхъ. Ихъ заработка хватало не только на прокормленіе ихъ, но на раздачу весьма значительной милостыни.

V.

1830.

Spiritualité de l'âme.—L'abbé James.

L'abbé James établit la spiritualité des âmes par de preuves morales et par des preuves métaphysiques.

Dans le premier point (preuves morales) par les passions et par la parole.

Dans le second (preuves métaphysiques) par la facultée que nous avons de penser, de nous mouvoir et de nous déterminer librement.

La matière ne peut se mouvoir d'elle même, ce qui renverse tout le matérialisme.

Immortalité de l'âme.

M-r le curé de St. Etienne (en France) prouve dans un traité l'immortalité de l'âme par les attributs divers de sagesse, de bonté, de justice. Par le sentiment unanime de tous les peuples et par le désir que nous avons d'un bonheur sans fin.

* *

Eau vive et surnaturelle, qui fait qu'on ne sent plus l'altération qui inquiète.

* *

Donnez moi cette eau vive de la grâce qui me désaltère pour toujours des plaisirs sensuels.

* *

La samaritaine, elle était schismatique et idolâtre, voilà la corruption de l'Esprit.

L'amour charnel était sa passion et elle était pécheresse publique. Voilà la corruption de son coeur et de toute sa personne.

* *

Ecoutez, rendez vous et travaillez avec la grâce et vous emporterez tout, ce que vous voudrez sur votre esprit et sur votre coeur.

Il faut travailler et ne pas s'effrayer de la rudesse du travail, que la grâce exige quelque affreux qu'il paraisse à la mollesse, la grâce saura bien l'adoucir!

Elle va expéer ses désordres par une confession publique.

L'eau morte de ces puits est la figure des voluptés criminelles, ou les âmes charnelles, qui en sont altérées puisent ces eaux corrompues et empoisonnées qui leur donnent la mort.

Elle les quitte et J. C. ') lui donne en leur place l'eau pure et vivifiante de la grâce et elle lui rend par sa pénitence l'eau précieuse par ses larmes.

* *

Craignez et redoutez la corruption:

de l'esprit, la pensée;
du coeur, le désir, la volonté;
et de toute la personne, action;

Mon Dieu!

* *

Jésus dans sa passion souffre pour nous, dans son esprit, dans son coeur, dans son corps.

1830.

(Переводъ). Духовность нашей души.—Аббатъ Джемсъ.

Аббатъ Джемсъ доказываетъ духовность нашей души нравственными и метафизическими доводами.

Въ первомъ случаѣ (доказательства нравственныя) нашими страстями и даромъ слова.

Во второмъ (доказательства метафизическія) нашей способностью свободно мыслить, двигаться и принимать самостоятельныя рѣшенія.

Матерія не можетъ двигаться самостоятельно, это опровергаетъ всю теорію материализма.

— —

') Jésus Christ.

Бессмертіе души.

Священникъ церкви св. Стефана (во Франціи) доказываетъ въ своемъ трактатѣ бессмертіе души присущимъ человѣку умомъ, добротомъ и чувствомъ справедливости, а также нѣкоторыми другими чувствами, общими всѣмъ народамъ и присущимъ всѣмъ намъ стремленіемъ къ вѣчному блаженству.

* * *

Живая, чудесная вода, утоляющая мучительную жажду.

* * *

Дайте мнѣ этой живой воды, которая отвратила бы меня навсегда отъ чувственныхъ удовольствій.

* * *

Самаритянка была раскольница и идолопоклонница—въ этомъ состояло извращеніе Духа.

Плотская любовь была ея страстью—она была публичной женщиной. Въ этомъ заключилось извращеніе ея сердца и всего ея существа.

* * *

Внимайте, предайтесь и дѣйствуйте съ благодатью Божіей и вы одержите какую угодно побѣду надъ вашей душою и сердцемъ.

Нужно трудиться, не бойсь суровости труда, коего требуетъ благодать Божія, какъ бы ужасенъ онъ ни казался нашей лѣтн; благодать Божія смягчитъ его.

Она искупить свои грѣхи всенароднымъ покаяніемъ.

Мертвая вода этого колодца есть прообразъ грѣховныхъ страстей, въ коихъ чувственыя души почерпаютъ ту гниющую и зараженную воду, которая причиняетъ имъ смерть.

Она отрывается отъ нихъ и І. Х. даетъ ей взамиъ чистую и живительную воду милосердія. Она же своимъ покаяніемъ и своими слезами дѣлаетъ эту воду для него драгоценною.

Бойтесь и опасайтесь извращенія:

души, мысли;
сердца, желаній, воли;
и всего существа, поступковъ.

Боже мой!

Христосъ въ своихъ страстяхъ страдалъ за насъ духомъ, сердцемъ и плотію.

VI.

Devoirs.

1830.

Si l'homme ne remplit pas ses devoirs envers Dieu, comment les remplira-t'il envers ses semblables? Que deviendront alors le respect et la soumission que les enfants doivent à leurs parents. La probité des serviteurs envers leurs maîtres. Les engagements sacrés des époux? On règneront l'équité, la tempérance, la justice, la clémence? La connaissance de Dieu et de sa loi venant à disparaître sera bientôt remplacée par les malédictions, les passions, l'hommeicide, le larcin, l'adultère et le carnage. Car tel est selon un prophète le résultat de l'oubli de Dieu et de sa religion: Revenons à Dieu et servons le avec fidélité.

Обязанности.

1830 г.

(Переводъ). Если человекъ не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ Богу, то въ состояніи ли онъ исполнить ихъ по отношенію къ своимъ ближнимъ? Во что обратятся тогда уваженіе и покорность, которыя дѣти обязаны питать къ своимъ родителямъ? Честность слугъ по отношенію къ господамъ? Священныя обязательства, существующія между супругами? Гдѣ будетъ царствовать тогда справедливость, воздержаніе, правосудіе и милосердіе? Истинное богопочитаніе и повиновеніе его закону исчезнетъ съ лица земли, уступивъ мѣсто страстямъ, проклятію, смертоубійству, воровству, прелюбодѣанію и разбою. Ибо таковы, по словамъ одного пророка, бывають послѣдствія забвенія Бога и его вѣры. Обратимся же къ Богу и будемъ служить ему вѣрою и правдою.

Сообщ. П. П. Исаевичъ.

РОССІЯ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ И ВЪ ПАЛЕСТИНѢ

въ 1856 — 1860 гг.

Въ истекшемъ 1888 году въ печати появилась весьма интересная брошюра М. И. Казы „Добровольный флотъ и Русское Общество пароходства и торговли передъ государствомъ“. (Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. 74). Въ этой брошюрѣ многое вполне вѣрно замѣчено о „важныхъ отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности Русскаго Общества пароходства и торговли“, именно той дѣятельности, каковую оно проявило въ концѣ 1870-хъ годовъ, что даже вызвало строгое порицаніе со стороны одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, именно комитета гг. министровъ (Высочайше утвержденное 19 мая 1879 г. мнѣніе комитета гг. министровъ).

Появленіе очерка г. Казы напомнило намъ о находженіи въ архивѣ «Русской Старины» другаго, значительно меньшаго, очерка, но относящагося ко времени основанія этого Общества, и той эпохѣ, когда оно, между прочимъ, много потрудилось къ укрѣпленію положенія и значенія Россіи на дальнемъ Востокѣ вообще и въ Палестинѣ въ особенности. Этотъ послѣдній очеркъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно выражаетъ тѣ высокія государственныя политическія цѣли, какія были преслѣдуемы при основаніи помянутаго общества, значительно впоследствии отъ нихъ уклонившагося.... Мы помѣщаемъ этотъ очеркъ съ особымъ удовольствіемъ на страницахъ «Русской Старины», такъ какъ онъ являетъ новый актъ государственной прозорливости Императора Александра II и одного изъ самыхъ

ближайшихъ его сподвижниковъ, имѣвшаго счастье четверть вѣка постоянно раздѣлять труды Державнаго Вождя Россіи ¹⁾.

Ред.

I.

Русское общество пароходства и торговли существуетъ нынѣ ²⁾ около 30 лѣтъ и въ мысляхъ у всѣхъ значится въ числѣ промышленныхъ предпріятій, зарабатывающихъ своимъ авціонерамъ великіе барыши. Всѣ свыклись съ мыслию, что это общество имѣетъ свою нормальную жизнь и устройство и никому и въ голову не приходитъ, что можно обойтись безъ него. Кто теперь и думаетъ о томъ, что учрежденіе общества было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, щекотливыхъ, даже однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ и знаменательныхъ дѣлъ минувшаго великаго царствованія?

Стоитъ только припомнить о томъ, что означенное общество было учреждено въ 1856 году, немедленно послѣ разрушенія всѣхъ русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, въ то время, когда Россія еще находилась подъ свѣжимъ гнетомъ Парижскаго трактата, когда всякій шагъ нашего правительства былъ заподозрѣваемъ и встрѣчалъ дружный отпоръ со стороны всѣхъ Европейскихъ державъ ³⁾.

Сколько было нужно дальновидности, вѣрнаго пониманія русскихъ интересовъ на югѣ, вѣрной оцѣнки развитія русской дѣятельности въ виду неизбежной переменны обстоятельствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько было необходимо ума, искусства и рѣшимости, чтобы тотчасъ послѣ Парижскаго трактата гласно

¹⁾ См. также свѣдѣнія по предмету настоящаго очерка въ «Обзорѣ дѣятельности морскаго управленія въ Россіи въ 25-ти лѣтіе 1855—1880 г., составленномъ подъ руководствомъ покойнаго Манна (изд. 1880 г.), и въ біографическомъ очеркѣ ген.-адъютанта адмирала Н. А. Адеркаса, составленномъ А. Н. Денисовымъ. Севастополь, 1888 г., ч. II-я, стр. 99, 101—106.

²⁾ Записка эта писана въ 1881-мъ году.

³⁾ Парижскій трактатъ подписанъ былъ 30-го марта 1856 г.,—а уставъ Русскаго Общества пар. и торг. уже высочайше утвержденъ 3-го августа 1856 г.

и открыто поставить вопросъ о возрожденіи въ Черномъ морѣ русскаго флота?

Должно припомнить, что въ то время еще не существовало ни броненосцевъ, ни даже сильныхъ желѣзныхъ военныхъ судовъ. Англія и Франція только подъ Севастополемъ начали дѣлать опыты блиндированія деревянныхъ кораблей. Понятія о новыхъ размѣрахъ и формахъ судостроенія въ 1856 г. были еще такъ мало развиты, — что выговоренные для Россіи по Парижскому трактату 6 деревянныхъ корветовъ длиною около 200 фут. считались и нами, и нашими противниками дѣйствительною, хотя не значительною военною силою.

Понятно, что теперь желѣзные наветботы, сколько бы ихъ ни было, никого не могутъ потревожить и не могутъ даже породить подозрѣнія о желаніи обратить ихъ въ равносильные противникамъ военныя суда. Въ то время смотрѣли на дѣло совершенно иначе и нельзя не сообразить, что наши противники могли съ большою опасливостью отнестись къ созданію на Черномъ морѣ цѣлой флотиліи судовъ, вооруженныхъ тѣми же моряками, которые такъ высоко держали русскій флагъ подъ командою Лазарева, Корнилова, Нахимова, Новосильскаго, Панфилова, Истомина и т. д.

Надо замѣтить, что „Русское общество пароходства и торговли“, при началѣ своей дѣятельности, вовсе даже не было стѣснено обязанностію имѣть только желѣзныя суда того облегченнаго типа, который уже тогда наблюдался при постройкѣ пакетботовъ. Общество не только могло имѣть деревянные пароходы, но ихъ и имѣло въ самые первые года: оно могло смѣло обратиться въ пакетботы пароходъ „Херсонесъ“, такъ много послужившій при оборонѣ Севастополя, и нѣкоторые другіе пароходы бывшаго славнаго Черноморскаго флота.

Государственная, великая заслуга е. и. в. великаго князя Константина Николаевича является въ той немедленной рѣшимости, съ которою онъ поставилъ вопросъ о поддержаніи нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, и въ томъ исполненномъ такта искусствѣ, съ которымъ онъ провелъ вопросъ объ учрежденіи въ Черномъ морѣ сильнаго мореходнаго предпріятія, неразрывная связь котораго съ правительственными цѣлями гласно выражалась опредѣленною значительною субсидіею.

Все это совершилось по личной инициативѣ великаго князя генералъ-адмирала, при личномъ его настояніи, гласно, открыто, безъ всякой тайны даже предъ иностранными правительствами.

Кто близко знаетъ обстоятельства того времени, тому извѣстно (и на это существуютъ самыя неоспоримыя документальныя доказательства), что при учрежденіи Русскаго общества не только не приходила никому въ голову мысль о большихъ барышахъ, но было твердое убѣжденіе, что уставъ общества не можетъ открывать надежды на вѣрныя выгоды.

Уставъ этотъ былъ построенъ преимущественно на интересахъ государственныхъ, политическихъ и именно въ виду этого рѣшено было дать обществу субсидію, безъ которой, при исполненіи первоначальнаго устава, общество не могло бы даже покрывать расходовъ на содержаніе судовъ. Субсидія была назначена въ размѣрахъ не многимъ большимъ противъ тѣхъ, которыми пользовались конкуренты общества — французскіе пароходы *Mesageries* и австрійскіе Ллойда.

Первоначальная и, конечно, правильная мысль при учрежденіи общества состояла въ томъ, чтобы при помощи субсидіи оно могло давать акціонерамъ хорошій, но умѣренный дивидендъ, а чтобы большая часть выгодъ, которыхъ удалось бы достигнуть, обращалась на развитіе морской и торговой дѣятельности въ Черномъ морѣ, т. е. на пользу общественную и государственную, а не въ карманъ акціонеровъ и биржевыхъ дѣятелей.

Барыши Русскаго общества стали поступать и рости только съ того времени, когда, въ противоположность первоначальнымъ мыслямъ вел. князя, стали допускаться послабленія въ сохраненіи устава, а затѣмъ и измѣненія.

Весьма важную роль въ первоначальныхъ основаніяхъ учрежденія Русскаго общества п. и т. играли тѣ заграничныя линіи, содержаніе которыхъ обязательно было на оное возложено.

Линіи эти были: 1) Константинопольско — Аѳоно — Смирно — Яффа — Александрійская; 2) Одессо — Галацкая; 3) условная Одесса — Редутъ-Кале — Анатолійская — Константинополь — Галацко — Одесская; 4) Одессо — Марсельская и 5) Одессо — Триестская.

На всѣхъ этихъ линіяхъ Русское общество впередъ стѣснялось на первыхъ трехъ значеніемъ срочной почтовой службы и

конкуренціею съ двумя сильными иностранными компаніями, успѣвшими издавна укрѣпиться на всѣхъ сообщеніяхъ Средиземнаго моря, а на послѣднихъ двухъ—конкуренціею тѣхъ же компаній, какъ хозяевъ конечныхъ портовъ назначенія, т. е. соперничествомъ вдвое опаснымъ, и конкуренціею всѣхъ прочихъ заграничныхъ судовъ, фрахтующихъ товары прямо въ Одессѣ.

Такой характеръ обязательныхъ заграничныхъ линій служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ мало можно было по уставу 1856 г. ожидать выгодъ отъ заграничныхъ оборотовъ общества и какъ необходима была сильная субсидія для поставленія дѣла на твердое основаніе.

Всѣ три срочныя турецкія линіи имѣли, очевидно, значеніе если не исключительно, то преимущественно политическое. Едва ли нужно кому либо доказывать какое значеніе въ русскихъ дѣлахъ на востокѣ можетъ имѣть появленіе тамъ русскаго флага и поддержаніе сношеній съ турецкими портами. Кому не извѣстно, съ какими ревнивыми чувствами относятся къ русскимъ всѣ соперники Россіи на обширномъ востокѣ и какъ важно для Россіи не упускать благопріятнаго времени для завязыванія тамъ такихъ узловъ, изъ которыхъ всегда образуются современемъ выгодныя путеводныя нити.

Великая заслуга в. к. Константина Николаевича заключается именно въ томъ, что онъ имѣлъ искусство создать Русское общество пароходства и торговли къ августу 1856 г. и дать ему возможность тотчасъ же образоваться и достаточно укрѣпиться въ теченіе тѣхъ короткихъ годовъ, пока политическій горизонтъ былъ нѣсколько ясенъ. Съ 1861 года начинается уже рядъ годовъ, среди которыхъ трудно было бы выбрать удобное время для начинанія новой дѣятельности на востокѣ и трудно было бы найти для таковаго большаго дѣла необходимыя финансовыя средства.

II.

Въ тѣ же благополучные года (съ 1856-го—по 1866 г.) задумано и совершено было другое дѣло, о которомъ сказано въ началѣ, т. е. основаніе у св. гр. Іерусалима обширныхъ русскихъ страннопримныхъ заведеній.

Въ какой степени начинаніе этого дѣла могло быть труднымъ—доказывается уже тѣмъ, что въ 1856 году всѣмъ былъ, конечно, крѣпко памятенъ тотъ фактъ, что однимъ изъ пунктовъ ультиматума князя А. С. Меншикова въ 1853 г. былъ вопросъ о разрѣшеніи учредить въ Іерусалимѣ русской страннопримный домъ.

Кто въ 1856 г. еще не памятовалъ о томъ, что весь послѣдній восточный вопросъ возгорѣлся на почвѣ Іерусалимскихъ притязаній, и кто тогда въ Европѣ не повторялъ ежедневно, что Россіи нельзя позволять и заикнуться о какихъ либо преимуществахъ въ св. землѣ, такъ какъ и изъ малой претензіи непременно выростетъ громадное право!

Не смотря на такія затрудненія, в. кн. Константинъ Николаевичъ не остановился тотчасъ послѣ заключенія трактата, въ мартѣ 1856 г., открыто связать учрежденіе Русскаго общества пар. и торговл. съ вопросомъ объ установленіи, въ видѣ первой обязательной линіи, постоянныхъ срочныхъ сообщений съ Палестиной и св. горою Аѳонскою. Въ томъ же 1856 году уже было послано въ Палестину особое довѣренное отъ великаго князя лицо для изученія на мѣстѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся русскаго паломничества ко святымъ мѣстамъ.

По полученіи отъ сего лица подробныхъ свѣдѣній, доказавшихъ, что русское паломничество находится въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ по неизмѣнно нигдѣ русскихъ страннопримныхъ учрежденій, великій князь тотчасъ приступилъ къ восполненію такого важнаго недостатка.

Въ 1857 и 1858 гг. получено уже было наглядное доказательство того, какая преимущественно политическая цѣль преслѣдовалась великимъ княземъ въ учрежденіи Русскаго общества пароходства и торговли. Тому же довѣренному отъ великаго князя лицу, по соглашенію съ Обществомъ, въ 1857 году было поручено открытіе и установленіе Яффской и Аѳонской линій, учрежденіе вездѣ агентствъ и почтовыхъ мѣстъ. Въ 1858 году

въ Иерусалимѣ, Назаретѣ, Яфѳѣ, Рамлѣ и Кайфѣ уже были открыты временныя русскія страннопріимницы, а въ 1860 году, благодаря, прежде всего, тому личному монаршему участию, которое 'приняли въ этомъ дѣлѣ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ и государыня императрица Марія Александровна, совершена была закладка тѣхъ обширныхъ русскихъ страннопріимныхъ заведеній, собора св. Троицы и госпиталя, о которыхъ всѣ иностранцы всегда такъ восторженно и съ такою завистью отзываются, а русскіе вообще такъ равнодушно молчатъ.

Въ 1863 году пунктъ ультиматума кн. А. С. Меншикова (1853 г.) оказался исполненнымъ съ тою разицею, что кн. Меншиковъ требовалъ одного незначительнаго дома вмѣстимостью въ 20 комнатъ, а предсѣдатель палестинскаго комитета великій князь Константинъ Николаевичъ сдалъ Россіи: въ самомъ св. градѣ Иерусалимѣ историческое мѣсто близъ самага храма гроба Господня,—у яфѳскихъ воротъ страннопріимныя пріюты на 600 женщинъ и 300 мужчинъ, госпиталь на 60 кроватей, благолѣпный соборъ, домъ для духовной миссіи, съ помѣщеніемъ на 80 чел. и съ зимнею церковью, и консульскій домъ; а также пріюты въ Назаретѣ, Яфѳѣ, Кайфѣ, Рамлѣ и горнемъ градѣ Иудовомъ.

Всѣ эти заведенія уже существуютъ болѣе 18 лѣтъ (писано въ 1881 году) и благоденствуютъ къ славлѣ Россіи и ко благу тысячей русскихъ поклонниковъ, ровно ничего не требуя отъ государственнаго казначейства.

На всѣ эти заведенія было пожаловано въ Бозѣ почившимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ 500,000 р., а остальныя 600 слишкомъ тысячъ были собраны отъ частныхъ пожертвованій и кружечныхъ сборовъ.

Ежегодное содержаніе заведеній вполне обеспечено кружечными копѣчными сборами, имѣется даже въ запасѣ незначительная капиталная сумма, а съ самага основанія и понынѣ государственная казна не истратила ни копѣйки кромѣ той суммы, которую покойный государь изволилъ опредѣлить на первоначальное устройство.

4-го августа 1881 г.

М.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVIII ¹⁾.

Augenblick.

Нѣтъ, право, эта жизнь скучна,
 Какъ небо сѣрое безцвѣтна,
 Тоской сжимаетъ грудь она
 И желчь вливаетъ непримѣтно,
 И какъ-то смотрится кругомъ
 На все сердитѣй понемногу
 И что-то ничему потомъ
 Уже не вѣрится, ей Богу!

1889 г.

XLIX.

За тучами чуть видима луна,
 Блѣвѣтъ снѣгъ въ туманномъ освѣщенѣ,
 Безмолвы стогны, всюду тишина,
 Затихло дня бродящее движеніе.
 Старинный кремль угрюмо задремалъ
 Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой
 И колоколь гудящій замолчалъ,
 Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлой,
 Какъ старый кремль въ полночной тишинѣ
 Является и призраченъ и страшенъ,
 Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
 И вѣя холодомъ отъ темныхъ башенъ!
 Лежитъ повсюду мертвенный покой,
 Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
 Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
 О ходѣ времени напоминаетъ.

1889 г.

Н. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ТЕОФАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ,

редакторъ журнала «Кіевская Старина», † 12-го марта 1888 г.

Въ мартѣ 1888-го года скончался одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ тружениковъ русской исторической науки, бывшій редакторъ журнала «Кіевская Старина», д. с. с. Ѳ. Г. Лебединцевъ. Краткіе газетные некрологи гласили, что «Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ получилъ образованіе въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1851 году со степенью магистра. До 1864 года онъ проходилъ должности преподавателя воронежской, потомъ кіевской семинарій и экстраординарнаго профессора той же академіи. Съ 4 декабря 1864 г. занималъ должность начальника холмской учебной дирекціи, а въ 1872 г. перемѣщенъ на такую же должность въ городъ Радомъ. По выходѣ въ отставку въ 1882 году, Ѳеофанъ Гавриловичъ предпринялъ изданіе журнала «Кіевская Старина» и продолжалъ его до 1 января 1888 г., когда разстроенное здоровье заставило его передать этотъ трудъ другому лицу».

Дѣятельность Ѳ. Г. Лебединцева въ Холмскомъ краѣ направлена была къ возрожденію греко-уніатскаго населенія въ духѣ православія и русской народности, съ соблюденіемъ уваженія къ его языку и мѣстнымъ обычаямъ. Ѳ. Г. Лебединцеву пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южнорусскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простаго народа. Энергическая и разумная дѣятельность Ѳ. Г. была оцѣнена правительствомъ и обществомъ. Въ 1886 году 14 января Ѳ. Г. писалъ мнѣ: «Я думалъ, что меня уже миновали всякія почести, а вчера получаю отъ люблинскаго епископа бумагу, что холмское братство святогородицкое, «высоко цѣня мои заслуги на пользу православія и народности русской» въ бытность мою начальникомъ

холмской и радомской учебной дирекции, единогласно избрало меня почетнымъ своимъ членомъ. Припоминаю, что тамъ я получилъ пять разъ благословеніе св. Синода».... Въ другомъ письмѣ, отъ 9 ноября 1887 г., Ѳ. Г. мимоходомъ сообщилъ еще одну черту изъ своей дѣятельности въ Холмщинѣ: «Выходитъ, что у меня глаза завидуши, что замѣтилъ мнѣ еще покойный князь В. А. Черкасскій, когда я выпрашивалъ для гимназій и школъ одно за другимъ зданія упраздненныхъ монастырей»...

Важнѣе была дѣятельность Ѳ. Г. какъ основателя и издателя «Кіевской Старины». Давно уже въ Кіевѣ чувствовалась потребность въ мѣстномъ историческомъ изданіи. Еще въ 1880 году, въ 282 № «Кіевлянина», появился фельетонъ «Кіевская старина и новина» за подписью К. Желѣзняка (повидимому, псевдонимъ) съ слѣдующимъ любопытнымъ предисловіемъ:

«Сегодня, 18 декабря, въ день рожденія приснопамятнаго кіевского митрополита Евгенія (1767 г.), мы открываемъ въ «Кіевлянинѣ» особый отдѣлъ, посвященный воспоминанію прошлаго въ кіевской землѣ. Вспоминая съ глубокимъ уваженіемъ о великомъ дѣятелѣ, мы искренно желали-бы позаимствовать у него хотя долю той любви къ родной старинѣ, той ревности и точности въ трудѣ, какими отличался митроносный трудолюбецъ. Уже нѣсколько лѣтъ занимала насъ мысль основать въ Кіевѣ особый періодическій сборникъ—«Кіевская Старина и Новина»; этой мысли оказали было полное сочувствіе почетнѣйшія лица кіевского духовенства, нѣкоторые профессора университета и академіи и покойный основатель «Кіевлянина»; были предлагаемы готовые матеріалы и даже средства на изданіе, но когда стали искать человѣка, который согласился бы принять на себя редакцію сборника, то—все начаша отрицатися... Одни отговаривались недосугомъ, другіе ссылались на тяжелое въ цензурномъ отношеніи время, третьи не вѣрили въ матеріальный успѣхъ дѣла,—и добрая мысль заглохла»...

Въ 1882 г. въ лицѣ Ѳ. Г. Лебедянцева нашелся человѣкъ, настолько любившій историческое прошлое роднаго края, что не побоялся ни матеріальныхъ, ни цензурныхъ препятствій, и «заглохшую добрую мысль» объ изданіи въ Кіевѣ историческаго сборника осуществилъ въ формѣ ежемѣсячнаго историческаго журнала подъ названіемъ «Кіевская Старина». «Когда начиналась «Кіевская Старина», писалъ мнѣ Ѳ. Г. 18 июля 1885 г., ни одного листка писавнаго не оказалось, а увѣреній, обѣщаній цѣлая горы. Есть люди, что за четыре года ни одной строчки не дали, а послушать ихъ, какъ они рассуждаютъ о «Кіев. Стар.», такъ подумать можно, что они горы написали».

Здѣсь должно еще добавить, что О. Г., настойчиво продолжая изданіе «Кіев. Старинны», имѣлъ въ виду блестящій примѣръ въ «Русской Старинѣ» и надѣялся поставить со временемъ и свое изданіе такъ же высоко, какъ поставлена «Русская Старина», что можно видѣть изъ слѣдующаго его письма ко мнѣ отъ 5 окт. 1884 г. «Кончается годъ; надо готовиться къ слѣдующему. Подписка, не смотря на стараніе многихъ добродѣтелей, осталась на цифрѣ двухъ первыхъ годовъ. Угнетаетъ долгъ, тяжесть работы, невозможность сдѣлать улучшенія, и тѣмъ не менѣе бросать дѣло не хочется. Найдя объявленіе о продолженіи «Кіевской Старинны» въ 1885 году, не удивляйтесь дерзости моей. Иначе я не могу назвать этого шага, который дѣлаю, имѣя около 750 подписчиковъ и совсѣмъ опустѣвшій портфель. Но хуже было въ прошломъ году. А вѣдь, Богъ дастъ, переживемъ кризисъ и выѣдемся на гладкую дорогу. М. И. Семевскій пять лѣтъ такъ перебивался, а теперь говорятъ, что у него матеріала на десять лѣтъ *minimum*» ¹⁾).

Мнѣ не пришлось лично познакомиться съ О. Г. Лебединцевымъ и я знаю его только по письмамъ, которыя онъ присылалъ мнѣ, по поводу печатавшихся въ «Кіевской Старинѣ» моихъ статей. Всѣ его письма полны интереса, содержательны, съ научными или литературными новостями. Въ нихъ ярко отразилась любознательная, энергичная и просвѣщенная личность автора. Въ письмахъ разбросаны меткіе и характерные отзывы о разныхъ лицахъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ «Кіевской Стариной».

Не имѣю данныхъ, чтобы судить объ общемъ характерѣ отношеній О. Г. къ сотрудникамъ; могу только здѣсь замѣтить, что ко

¹⁾ Эта истина остается таковою же и въ настоящее время (май 1889 г.). Всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній, изслѣдованій, очерковъ, замѣтокъ и цѣлыхъ серий матеріаловъ поступило, въ 1870—1889 гг. (по 1 мая), въ распоряженіе «Русской Старинны» 6,870 номеровъ; около половины этихъ сообщеній напечатано; нѣкоторыя же почему либо возвращены; затѣмъ безъ малаго половина сообщеній—привлечены нами вполне интересными и совершенно приготовленными къ печати ожидаютъ времени и мѣста къ появленію на страницахъ «Русской Старинны». Вполнѣ вѣрно то, что если бы притокъ мемуаровъ, статей и матеріаловъ внезапно прекратился бы,—а онъ продолжается ежедневно,—то, не выходя изъ кабинета нашей редакціи, мы могли бы продолжать лѣтъ двѣнадцать ежемѣсячный выпускъ книгъ «Русской Старинны» въ томъ же объемѣ и столь же интересныхъ по содержанію, какъ то ведется уже двадцать лѣтъ,—такъ богатъ архивъ нашего журнала; это не мѣшаетъ намъ, однако, и просить, и принимать новыя сообщенія, такъ какъ таковыя печатаются—не по времени поступленія оныхъ въ редакцію, а по степени интереса и тѣхъ или другихъ соображеній редакціи.

мнѣ лично по научнымъ вопросамъ онъ относился съ рѣдкою доброжелательностію, не смотря на письменное лишь знакомство со мною. Когда я не могъ достать въ Харьковѣ какого-либо спеціального сочиненія, относящагося къ южнорусской исторіи или этнографіи, я обращался къ Ѳ. Г.—у съ просьбой отыскать таковое въ Кіевѣ и выслать мнѣ для временнаго пользованія, что Ѳ. Г. исполнялъ со скоростью. Однажды Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что онъ, повидимому, попалъ на слѣдъ одной не разысканной мною старопечатной книги. «Такая книга, говоритъ Ѳ. Г., есть будто бы въ Орлѣ, въ библиотекѣ втораго духовнаго училища. Это сказалъ мнѣ вчера черниговскій архіерей Веніаминъ, бывшій тамъ когда-то смотрителемъ училища. За давностію онъ не припомнить ни полнаго заглавія, ни года изданія, ни тѣмъ болѣе содержанія; но по разнымъ сообщеннымъ имъ примѣтамъ это можетъ быть искомая вами книга. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ знакомыхъ въ Орлѣ. Нѣтъ ли кого у васъ? Впрочемъ, поразспрошу и быть можетъ самъ кому-либо напишу. Сообщите, не сохранилось ли указаній на форматъ и объемъ книги». Въ другомъ письмѣ Ѳ. Г. уклонился отъ прямого мнѣ содѣйствія, по слѣдующему благожелательному соображенію:

— «Хотя я и могъ бы вамъ найти въ Москвѣ человѣка, который сдѣлалъ бы нужныя для васъ выписки, но гораздо лучше съ этимъ подождать, чтобы вы сами туда съѣздили. Еще покойный Викторъ мнѣ писалъ: «хотя бы вы кого нибудь прислали въ Румянцевскій музей—разсмотрѣть малорусскій отдѣлъ рукописей, а то лежать безъ пользы и движенія». Тамъ же въ Москвѣ и архивъ малороссійскихъ дѣлъ, до котораго только доторкнулся Н. Н. Костомаровъ разъ пять. Самъ онъ говорилъ, что «сокровище неисчерпаемое».

Относясь вполнѣ доброжелательно ко мнѣ, при личномъ знакомствѣ со мной, Ѳ. Г. въ то же время очень серьезно относился ко всѣмъ моимъ статьямъ, печатавшимся въ «Кіевской Старинѣ», писалъ мнѣ о нихъ, критиковалъ ихъ, очевидно интересуясь ихъ содержаніемъ съ безпристрастной точки зрѣнія человѣка науки. Въ доказательство приведу двѣ выдержки изъ писемъ Ѳ. Г. Напечатавъ въ «Кіев. Стар.» мою статью о коломіякахъ, Ѳ. Г. вскорѣ сообщилъ мнѣ, что у одного изъ кіевскихъ сотрудниковъ «Старины» нашлась цѣлая тетрадь коломіекъ, записанныхъ преимущественно въ лѣвобережной Малороссіи не позже 1840 г., причемъ Ѳ. Г. высказалъ свое мнѣніе о галицкихъ коломіякахъ, какъ поэтическихъ произведеніяхъ позднѣйшей формаціи. «Если образы и чувства въ нихъ живые, говорить Ѳ. Г., то языкъ сильно искаженъ и дубоватъ. Народнаго въ

нихъ ровно настолько, насколько творцы ихъ не порвали связи съ народомъ. Народъ тамъ (т. е. въ Галиціи) гораздо больше и гораздо раньше выучился грамотѣ, и весьма многие изъ него прошли настоящую школу, просвѣтились вполне наукою, но, не въ примѣръ нашей интеллигенціи, сохранили всю непосредственность чувства, а нерѣдко и міросозерцанія. Это исключительное явленіе мыслимо только въ Галиціи, гдѣ нѣтъ ни аристократіи, ни даже буржуазіи, а есть только народъ съ своею особенною интеллигенціею, изъ него вышедшею и съ нимъ живущею. Я много лѣтъ наблюдалъ ее, списывался, говорилъ, читалъ и могу сказать, что бѣльшая часть тамошнихъ коломіекъ издѣліе книжниковъ, хотя чувствующихъ, а подѣ часъ и думающихъ по народному».

Позднѣе, по поводу одного моего замѣчанія въ сочиненіи объ апокрифахъ о народныхъ словопроизводствахъ, Ѳ. Г. писалъ: «Точъ въ точъ какъ въ лежащихъ передо мною спискахъ легенды о Кирикѣ, гдѣ слово въ Овручевскомъ повѣтѣ мѣняется въ Овруцькомъ, во Вруцькимъ, въ Обружскимъ, въ Обрубьскимъ и, наконецъ, Бобруйскимъ, или «тамъ-ки тече ричка» перешло въ «тамъ Китеча рѣчка», «тамъ ричка Китача тече». Въ дѣтствѣ въ домѣ отца моего слышала я колядниковъ, поющихъ: «Видитъ же Богъ, видитъ Творецъ, жомвиръ погибаетъ», вмѣсто «же мѣръ».

Ѳ. Г. затрачивалъ на «Кіевскую Старину» много труда. «Только что окончилъ книжку, писалъ онъ 28 февраля 1886 г., и чувствую себя какъ-бы слѣзши съ полки въ банѣ. На масляной въ субботу былъ на балу въ дворянскомъ собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корреспонденціи». Немного ранѣе, 29 марта 1885 г., Ѳ. Г. бодро еще писалъ мнѣ: «Я шесть разъ былъ за-границей, и вотъ плоды тамошней науки: ложусь въ 10—11 часовъ, встаю 5—6, послѣ обѣда никогда не сплю, ежедневно два часа на воздухѣ и въ движеніи бываю и каждый же день, вставши, обливаю голову холодною водою, а спину и поясницу мокрымъ полотенцемъ вытираю, а потомъ простыней до суха и тепла. Такъ и живу, давно забывъ о томъ, что называется гемороємъ. А ужъ я ли не сижу! Да еще съ моею комплекціею и лѣтами, которыхъ уже 57». Тяжелая болѣзнь однако уже стерегла Ѳ. Г.—ча. и вскорѣ, въ концѣ 1886 года, въ его письмахъ появляются горькія жалобы на ревматизмъ и расстройство нервовъ. Въ концѣ 1886 года Ѳ. Г. подумывалъ уже о прекращеніи «Кіевской Старины»; но высокопреосвященный митрополитъ Платонъ, прослышавъ о томъ, пригласилъ

Ө. Г. къ себѣ и, какъ мнѣ потомъ писалъ Ө. Г., «воодушевилъ» его. Глубоко тронутый вниманіемъ и поддержкой со стороны достойнаго митроп. Платона, Ө. Г. рѣшился продолжать изданіе. «Сказать откровенно, писалъ онъ по этому поводу, въ запасъ нѣтъ ни одной статьи, кромѣ повѣстей Шевченка; за годъ истощилъ все, что было; осталась дрянь, которою и рукъ марать не слѣдуетъ. Сообщите немедленно, чего можно надѣяться изъ Харькова вообще и отъ васъ въ частности... Всего болѣе заѣдаютъ меня рецензи; не добудете ли тамъ?»—«Писать мнѣ очень трудно (по болѣзни), жаловался Ө. Г. въ апрѣлѣ 1887 года. Хотѣлъ въ Ярославль поѣхать на археологическій съѣздъ, да доктора настаиваютъ, чтобы на лиманъ ѣхалъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ»... Тревожное состояніе духа, вызванное болѣзнию, обнаруживается почти во всѣхъ остальныхъ письмахъ Еврофана Гавриловича. «Всѣ эти дни, писалъ онъ осенью 1888 года, я стоналъ, кричалъ и плакалъ отъ невыносимыхъ нервныхъ страданій, повергавшихъ меня въ то «изумленіе», въ какое приходилъ человѣкъ на дыбѣ или приводится дѣйствіемъ электромагнитной машины. До такого состоянія, по единогласному мнѣнію врачей, довело меня шести лѣтнее напряженное состояніе, а потому не удивляйтесь, что я объявилъ уже пріостановку изданія, предвѣстницу совершеннаго прекращенія, если не найдутся продолжатели. Я сдѣлалъ все, что могъ, истощилъ всѣ мои силы и средства и оставляю дѣло лишь тогда, когда уже ничего дѣлать не могу». Въ это время до Ө. Г. дошелъ слухъ, что въ Харьковѣ собираются издавать историческій журналъ, слухъ вполне ложный. «Такъ ли?», спрашивалъ меня Ө. Г. «И кому это жизнь надоѣла, что ищеть ее погубить? Не на шутку готовъ предложить сему храброму воину «Киевскую Старину». Пусть назоветъ ее Южнорусскою, да и ведетъ съ Богомъ въ самомъ Харьковѣ. Программа хорошая; дѣло налажено; все отъ средствъ зависѣть будетъ. Два однородныхъ изданія идти рядомъ не могутъ, когда одно на ладанъ дышетъ».

Здоровье Ө. Г.—ча все ухудшалось, и 30 сент. 1887 г. онъ писалъ:

«Прошло лѣто, а здоровье мое не улучшилось ни на іоту. Всякое леченіе, кромѣ Мариенбадской воды, оказалось тщетнымъ. Доктора пришли къ заключенію, что у меня не ревматизмъ въ плечахъ, а нервное разстройство—какихъ-то узловъ, какого-то блуждающаго нерва. Что мнѣ дѣлать? Главное условіе леченія—свобода отъ книжныхъ занятій. Никогда я не былъ въ такомъ отчаянномъ положеніи. Невыносимая борьба въ душѣ; не знаю, что предпринять, на что рѣшиться».

Въ письмѣ 9 ноября 1887 г.: «Болѣзнь моя—болѣзнь плечевыхъ и позвоночныхъ нервовъ—самая ужасная».

Передавъ «Кіевскую Старину», въ концѣ 1887 года, А. С. Лашкевичу, Ѳ. Г. написалъ мнѣ любопытное письмо, въ которомъ сдѣлалъ общую оцѣнку журнала за первыя шесть лѣтъ его существованія. «Вы не повѣрите, говоритъ Ѳ. Г., какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу. Моя ли только лебединая пѣсня, или я ее пою надъ умершей «Стариной» въ широчайшемъ смыслѣ. Была «Основа», и съ какими великими силами! А долго ли она продержалась? Катенинъ далъ на нее 20,000 руб. сер. А гдѣ они? Потомъ «Метелики» пошли, точно пряничныя пѣтушки... Явилась «Кіевская Старина»... Въ первый годъ подписка была до 800 чел., а расходъ до 10 тысячъ рублей. Каждый годъ подписка понижалась, и каждый годъ я уменьшала расходы, особенно на объявленія, а достоинство изданія не шло въ понижающейся степени, и на мой судъ—последній годъ отнюдь не хуже перваго. Будь основной фондъ..., будь у меня помощникъ по редакціи, корректоръ, конторщикъ, будь публикацій въ четверо больше, а главное—готовыя деньги для сотрудниковъ, подписка не понижалась бы, а увеличилась бы вдвое, втрое, и изданіе не только окупало бы себя, но и возвращало затраченный капиталъ; но ex nihilo nihil fit; черезъ силу конь не попереть; сухая ложка ротъ дереть; подавяемъ сытъ не будешь и, не сдѣлавъ затратъ, и прибыли не получишь.... Кругъ подписчиковъ самый разнообразный; кромѣ учителей, чиновниковъ, военныхъ, не мало графовъ, князей, высшихъ сановниковъ, архіереевъ, и все это постоянные, даже московскій и закаспійскій генералъ-губернаторы. Въ императорской публичной бібліотекѣ за какой-то годъ самое большое число требованій было на «Кіевскую Старину». Въ печати никогда ни одного худаго отзыва, а сибирская газета поставила «Старину» нашу выше всѣхъ историческихъ журналовъ».

«Большинство статей было бесплатно, а число сотрудниковъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Изъ 50 съ лишнимъ 15 такихъ, что съ ними одними можно вести изданіе».

«Кіевская Старина» за шесть лѣтъ не получила ни одного замѣчанія... Страдала лишь буква і. Вычеркивалось только изъ моихъ статей или что добавлю».....

Феофанъ Гавриловичъ скончался 12 марта 1888 года, накануне выхода въ свѣтъ первой книжки «Кіевской Старины» подъ новой редакціей. На первой страницѣ этой книжки подъ большимъ чернымъ крестомъ было замѣчено, что «въ лицѣ покойнаго новая редакція понесла тяжелую утрату; она потеряла въ немъ дѣятельнаго,

талантливаго сотрудника и умудреннаго опытомъ благожелательнаго совѣтника». Имя О. Г. Лебединцева дорого всѣмъ любителямъ старины. О. Г. Лебединцевъ занялъ почетное мѣсто въ ряду дѣятелей русской исторической науки вообще, южнорусской въ особенности. Онъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ просвѣщенный и энергическій охранитель лучшихъ историческихъ преданій народа и выразитель лучшихъ культурныхъ стремленій роднаго края. Такие люди, какъ О. Г. Лебединцевъ, всегда оставляютъ слѣды въ исторіи развитія общественнаго самосознанія и нравственной культуры. Воспоминаніе о нихъ сохраняется многіе и многіе годы, какъ благодарность прошедшему и надежда на лучшее будущее.

Вдвойнѣ было бы грустно, если бы со смертью О. Г. Лебединцева умерла и «Кіевская Старина»; весьма утѣшительно то обстоятельство, что изданіе это перешло въ хорошія руки, новая редакція съ честью и знаніемъ дѣла ведетъ это изданіе по пути усовершенствованія, проложенному настойчивостью покойнаго его редактора.

Н. О. Сумцовъ.

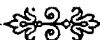
Харьковъ.
8 января 1889 г.

родился 15-го января 1826 г.
въ с. спасъ-уголь, тверской губ.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

ЩЕДРИНЪ.

I: 1, 2 и 3. Автобиографическія его замѣтки 1874 и 1887 г.—
II. Очеркъ Редактора «Русской Старины» 1887-го года:
М. Е. Салтыковъ.—III. Время начала литературной дѣятель-
ности Салтыкова.—IV. Последнее свиданіе съ М. Е. Сал-
тыковымъ.—V. Памяти М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля
1889 г.—VI. 2-е мая 1889 г.—день его погребенія—стихо-
твореніе В. Р. Щиглева.



скончался 28-го апрѣля 1889 г.
въ с.-петербургѣ.

I.

Собственноручныя автобіографическія замѣтки Салтыкова.

1.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ, род. 15-го января 1826 г., воспитывался въ императорскомъ Царскосельскомъ лицей, оттуда вышелъ въ 1844 году. Началь службу въ канцеляріи военнаго министерства, продолжалъ въ вятскомъ губернскомъ правленіи съ апрѣля 1848 г., возвратился въ Петербургъ въ январѣ 1856 г. Первая повѣсть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1847 г., № 11, „Противорѣчіе“. Умеръ... (28-го апрѣля 1889 г.) ¹⁾.

1874 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины»: «Знакомые», изд. 1888 г., стр. 73).

2.

Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ. Я родился 15-го января 1826 г., Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ с. Спасъ-Уголь. Десяти лѣтъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, а оттуда въ 1838 году былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Тамъ я началъ писать стихи, за которые былъ часто наказываемъ; тамъ же началъ и печатать ихъ. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотвореніе „Лира“ было помѣщено въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1841 или 1842 года; затѣмъ я печаталъ стихи въ „Современникѣ“ Плетнева. Послѣ выхода изъ лица (въ 1844 г.) стиховъ больше не писалъ. Затѣмъ служилъ и писалъ, писалъ и служилъ вплоть до 1848 года, когда

¹⁾ Слова въ скобкахъ нами приписаны.

Ред.

былъ сосланъ на службу въ Вятку за повѣсть „Запутанное дѣло“¹⁾. Прожилъ тамъ почти 8 лѣтъ и служилъ, но не писалъ.

Въ 1856 г. возобновилъ литературную дѣятельность „Губернскими очерками“ и вплоть до 1868 г. писалъ и служилъ, служилъ и писалъ. Въ 1868 году совсѣмъ оставилъ службу и исключительно отдался литературѣ. Написалъ 22 названія книгъ. Въ настоящее время, одержимый жестокимъ недугомъ, ожидаю смерти. М. Салтыковъ.

21-го сентября 1887 г.

(Альбомъ ред. «Русской Старины» «Знакомые, стр. 208).

3.

Въ одномъ изъ писемъ М. Е. Салтыкова къ редактору „Русской Старины“ говорится, что онъ, еще въ бытность въ Александровскомъ лицѣѣ, писалъ и печаталъ свои произведенія въ тогдашнихъ журналахъ; именно въ 1844 году относятся его стихотворенія, помѣщенные имъ въ „Современникъ“, издававшемся тогда бывшимъ другомъ Пушкина, П. А. Плетневымъ; равнымъ образомъ, М. Е. Салтыковъ помѣщалъ свои, тогда еще весьма юныя, произведенія (стихи) въ „Библиотекѣ для Чтенія“.

„Писалъ я, замѣчаетъ Салтыковъ въ одномъ изъ писемъ къ намъ, стихи и мелкія рецензіи, но съ какого именно времени, этого я и самъ опредѣлить не могу, но, вѣроятное всего, около 1841 года. М. Салтыковъ“.

1-го апрѣля 1887 г.

См. журналъ «Русская Старина», изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 244 и 562.

¹⁾ Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г.; перепечатана въ сборникѣ «Невинные рассказы».

II.

Очеркъ редактора „Русской Старины“, февраль 1887 г.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой—наиболѣе даровитые дѣятели въ ряду современныхъ русскихъ писателей. Многочисленные ихъ произведенія, въ различныхъ сферахъ литературы и различнаго направленія, увѣковѣчили уже ихъ имена въ исторіи нашей словесности.

„Русская Старина“, съ самаго основанія этого изданія, — всегда выражала чувство глубокаго уваженія къ наиболѣе виднымъ отечественнымъ дарованіямъ на поприщахъ—наукъ, словесности и художествъ.

Мы глубоко чтимъ мощный талантъ М. Е. Салтыкова.

По силѣ и глубинѣ его сатиры, нѣтъ ему равнаго за послѣдніа тридцать лѣтъ ни въ одной литературѣ.

По силѣ и глубинѣ своей сатиры, по художественной жизненности и правдѣ многихъ типовъ русскаго человѣка, выведеннаго этимъ писателемъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ русскаго народа,—Щедринъ является Гоголемъ нашего времени, но вполне своеобразнымъ, бичующимъ злобу и язвы общественныхъ пороковъ нашего чреватаго всякимъ зломъ времени.

М. Е. Салтыкову-писателю принадлежитъ слава общественнаго дѣятеля, оказавшаго громадныа заслуги отечеству.

Въ славный періодъ реформъ истинно незабвеннаго Государя-Освободителя, М. Е. Салтыковъ явился съ своими „Губернскими очерками“ и нанесъ ими рѣшительный ударъ одряхлѣвшему, насквозь проѣденному взяточничествомъ и казнокрадствомъ, міру русскаго чиновничества (мы говоримъ о чиновничествѣ до реформъ 1860-хъ годовъ).

Это было какъ разъ наканунѣ реформъ, даровавшихъ свободу отъ крѣпостныхъ узъ, новый судъ и земство.

Никто не станетъ отрицать того, что вліяніе, произведенное „Губернскими очерками“ Щедрина, было громадное и притомъ самое благотворное. Въ нихъ, точно въ зеркалѣ, отразилась вся провинціальная, дореформенная, чиновничья Россія.

Будущій историкъ славной эпохи 1856—1866 гг., пересоздавшей весь внутренній строй нашего отечества, отведеть видное мѣсто влиянію русской литературы на реформы, тогда совершенныя; а въ этой литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ, безспорно, М. Е. Салтыковъ ¹⁾.

Мы сказали: безспорно... Нѣтъ, эта истина, въ сожалѣнію, не всѣми еще усвоена: есть еще, и при томъ въ интеллигентныхъ кругахъ русскаго общества, лица, которыя не знали и не знаютъ Щедрина, которыя его не читали, не читають, а быть можетъ, — и не поймутъ, если начнутъ читать.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго.

Такъ было съ Гоголемъ при его жизни, такъ повторилось и съ Салтыковымъ.

Но умеръ Гоголь, прошли десятилѣтія, и ему созидаютъ памятники, его сочиненія сдѣлались предметомъ изученія въ учебныхъ заведеніяхъ по всему лицу русской земли, — его имя предметъ гордости русскаго, не только образованнаго, но просто грамотнаго человѣка.

Не надо быть пророкомъ: тоже повторится въ будущемъ и съ Михаиломъ Евграфовичемъ Салтыковымъ.

Грустно только, что дань уваженія, дань признательности въ лучшимъ нашимъ писателямъ воздается имъ лишь послѣ смерти.

Ө. М. Достоевскому довелось умереть въ убогой квартирѣ Кузнечнаго переулка въ С.-Петербургѣ, и только послѣ его смерти его сочиненія стали расходиться во многихъ тысячахъ экземпляровъ по Россіи и сдѣлались извѣстными по всей Европѣ, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ...

Но какъ ни заманчива посмертная слава, пожелаемъ, дабы нашъ единственный во всѣхъ смыслахъ этого слова сатирикъ-художникъ жилъ бы еще многіе, многіе годы и въ

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что Михаилъ Евграфовичъ въ тѣ годы трудился не только какъ писатель, но и какъ членъ одной правительственной комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (въ 1860—1861 гг.), въ которой, подѣ председательствомъ Н. А. Милютина и при участіи К. К. Грота, В. А. Арцимовича и другихъ государственныхъ дѣятелей, — выработана была административная реформа, отдѣлившая администрацію отъ суда и положившая основы земскихъ учрежденій.

сокровищницѣ своего мощнаго дарованія и глубокаго знанія всѣхъ словъ современнаго русскаго общества черпалъ бы новыя, высоко художественныя произведенія, прекрасно иллюстрирующія исторію русскаго общества второй половины XIX вѣка.

М. С.

8-го января 1887 г.
Висбаденъ (Германія).

Примѣчаніе: При февральской книгѣ «Русской Старины», изд. 1887 г., (стр. 529—531), въ которой напечатана выше приведенная статья, приложенъ портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравюра на мѣди, прекрасно исполненная талантливымъ художникомъ Ф. А. Мѣрвинимъ; портретъ отличается замѣчательнымъ сходствомъ.

М. С.

III.

Письмо М. Е. Салтыкова къ М. И. Семевскому.

„Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, глубоко благодарю васъ за прекрасный портретъ мой, приложенный къ февральской книгѣ „Русской Старины“ (изд. 1887 г.)¹⁾, а равно и за сочувственный обо мнѣ отзывъ, помѣщенный тамъ-же. Я вовсе не такъ высоко цѣню себя, какъ вы (меня цѣните), и отношу это лестное мнѣніе обо мнѣ исключительно вашей благосклонности.

„Что касается до начала моей литературной дѣятельности, то я самъ не могу его съ точностью опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, болѣе 40 лѣтъ, потому что я писалъ стихи еще въ лицей (вышелъ въ 1844 г.) и печаталъ ихъ въ „Современникѣ“ Плетнева и даже въ „Библиотецѣ для Чтенія“ Сенковского.

„Прошу васъ передать мой искренній привѣтъ глубоко уважаемой Елизаветѣ Михайловнѣ.

„Душевно вамъ преданный М. Салтыковъ“.

1-го февраля 1887 г.
(Альбомъ редактора „Русской Старины“ «Знакомые», стр. 338).

¹⁾ Этотъ самый портретъ, какъ вполне одобренный покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ, приложенъ при настоящей книгѣ во второмъ тисненіи, между прочимъ и потому, что «Русская Старина» 1887-го года давно разошлась по подпискѣ вся, до послѣдняго экземпляра.

М. С.

IV.

Послѣднее свиданіе съ Салтыковымъ

Послѣдніе годы мы лишь изрѣдка посѣщали Михаила Евграфовича изъ опасенія его, больнаго, тревожить; но 19-го апрѣля 1889 года, въ среду, около полудня, я къ нему заѣхалъ и былъ немедля введенъ въ небольшой его кабинетъ.

Михаилъ Евграфовичъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ халатѣ, у небольшого столика. Онъ былъ привѣтливъ, въ духѣ и вообще я нашелъ его гораздо бодрѣе, чѣмъ то ожидалъ встрѣтить; одно, что возбудило во мнѣ тревогу, это то, что лицо его очень потемнѣло; такимъ же темнымъ я его нашелъ десять дней спустя въ гробу.

Разговоръ хотя и перемежался, но былъ довольно живой. Покойникъ говорилъ объ изданіи собранія его сочиненій и выражалъ сильныя опасенія, что оно не пойдетъ достаточно скоро. Я его разубѣждалъ и ссылался на показанія книгопродавцевъ (г. Цинзерлинга и друг.) о томъ, что подписка идетъ бойко.

— „Ну, что они знаютъ, возражалъ Салтыковъ, — у нихъ подпишутся на какіе нибудь 100 экземпляровъ, они и думаютъ, что это ни вѣсть какой успѣхъ! Вѣдь изданіе-то въ большомъ количествѣ экземпляровъ напечатано, когда-то оно разойдется ¹⁾!“

Далѣе бесѣдуя, я сказалъ, что уже поспѣшилъ и для себя заказать г. Цинзерлингу подписаться и уже получилъ по городской почтѣ квитанцію въ этой подпискѣ.

Михаилъ Евграфовичъ заволновался:

— „Какъ такъ подписались?! Да вѣдь это я вамъ послать билетъ на даровой экземпляръ собранія моихъ сочиненій! Какъ это вы и не посмотрѣли на подпись мою“...

Я сердечно поблагодарилъ дорогаго и сердечно любимаго писателя и спросилъ за что такое вниманіе:

— „Да вѣдь я читаю „Русскую Старину“, она всегда предо мною и доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, — говорилъ Михаилъ Евграфовичъ своимъ нервнымъ прерывающимся голосомъ,

¹⁾ Сколько помню, М. Е. сказалъ мнѣ, что это изд. печатается въ 6000 экз.

за то и послалъ вамъ билетъ на даровой экземпляръ моихъ сочиненій... Какъ это вы и не взглянули на билетъ!"

Еще разъ поблагодарилъ я великаго писателя и навсегда сохранию въ памяти его, дорогія для меня и для труда всей моей жизни—„Русской Старинны“, слова. Разговоръ перешель на другіе предметы, но объ этомъ когда либо послѣ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, 19-го апрѣля (1889 г.), я получилъ по городской почтѣ визитную карточку Михаила Евграфовича Салтыкова и на ней его рукою написано—какъ бы въ продолженіе его словъ о подаркѣ мнѣ:

И на билетъ написано: „отъ автора“.

Взглянулъ я на билетъ, данный мнѣ на полученіе девяти томовъ сочиненій М. Е. Салтыкова, билетъ за № 17 отъ 7 апрѣля 1889,—и на немъ написано:

„Отъ автора Михаилу Ивановичу Семевскому“.

И билетъ и карточка—поступили отнынѣ въ реликвию историческаго журнала „Русская Старина“.

М. С.

V.

ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.

Салтыковъ - гражданинъ.

Въ Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ Россія потеряла не только могучаго, по таланту, писателя,—она потеряла гражданина, сослужившаго великую службу горячо любимому имъ Отечеству: въ произведеніяхъ пера Салтыкова незабвенный Государь императоръ - Освободитель Александръ II съ самаго начала реформъ, обновившихъ весь внутренній строй Россіи, т. е. съ 1856 г.,—обрѣлъ великую себѣ помощь. Бичъ сатиры Щедрина-Салтыкова, направленный на все угнетавшее, на все мертвившее жизнь старой Россіи, въ теченіе всего царствованія государя — расчищалъ поле для преобразованій, въ особенности въ области прежняго строя администраціи. Щедринъ-Салтыковъ являлъ въ поразительно яркихъ образахъ бичуемыхъ имъ типовъ паразитовъ, которые въ дореформенной старой Россіи поглощали лучшіе

жизненные соки русскаго народа и затѣмъ являлись тормазами его возрожденія къ лучшей жизни.

Такіе дѣятели, какъ Некрасовъ, Тургеневъ и Салтыковъ не только высоко даровитые, прямо сказать, гениальные писатели, — они граждане - сподвижники истинно незабвеннаго Обновителя и Освободителя Россіи, они мощью своего творчества въ области словесности русской несомнѣнно являются участниками въ преобразованіяхъ всего внутренняго строя Россіи...

Имя Салтыкова-Щедрина отнынѣ одно изъ тѣхъ именъ, которое должно быть начертано, въ ряду именъ лучшихъ русскихъ людей, на памятникѣ Александра II - Освободителя, въ ряду тѣхъ его сподвижниковъ, которые потрудились виѣстѣ съ нимъ для созданія новой, свободной Россіи.

Михаилъ Семеновскій.

Издатель-Редакторъ «Русской Старины».

Въ день погребенія М. Е. Салтыкова 2-го мая 1889 г., въ газетѣ «Новости», 1889 г., № 119, помѣщено собраніе откликовъ и впечатлѣній нѣсколькихъ нашихъ писателей, вызванныхъ съ ихъ стороны утратою всей грамотной Россіи великаго сатирика. Въ группѣ этихъ небольшихъ статей, написанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ общаго горя, помѣщенъ приведенный выше нашъ откликъ.

Воспроизводимъ его изъ летучаго листа газеты; да будутъ эти строки нашимъ вѣнкомъ на гробницу великаго писателя и славнаго гражданина нашего дорогаго отечества—М. Е. Салтыкова.

Ред.

VI.

Къ массѣ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ знаменитаго нашего писателя — былъ присоединенъ вѣнокъ отъ „Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ былъ почетнымъ членомъ этого старѣйшаго въ Россіи литературнаго Общества, основаннаго, если не ошибаемся, въ 1811 году.

1-го мая 1889 г., т. е. наканунѣ погребенія Салтыкова, по телеграммѣ, полученной нами отъ предсѣдателя помянутаго общества, профессора Н. С. Тихонова, нами переданъ роскошный

вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и съ пальмовыми вѣтвями вдовѣ покойнаго писателя и ею возложенъ таковой на гробъ ея супруга. На лентахъ вѣнка напечатано: „Московское Общество Любителей Россійской Словесности своему почетному члену Михаилу Евграфовичу Салтыкову“.

Равнымъ образомъ, нами передаза вдовѣ покойнаго слѣдующая телеграмма, полученная нами изъ Астрахани: „Сегодня (7 мая) отслужена панихида по Михаилѣ Евграфовичѣ Салтыковѣ. Редакція и присутствовавшіе просятъ васъ передать вдовѣ покойнаго чувства безпредѣльной скорби. Астраханскій Вѣстникъ“.

VII.

2-го мая 1888 г.

Опять тогда... опять могла!
 Сатиры русской цвѣтъ и соль
 Смерть безопадная сразила—
 И въ сердцѣ чувствуется боль...
 Тоска утраты сердце гложетъ!
 Упавшій бичъ — кому поднять!
 И развѣ празднымъ быть онъ можетъ?
 И развѣ нѣкого карать?
 Какъ будто... но сильнѣе слова
 Мысль страшно - ясная одна:
 Среди живыхъ — нѣтъ Салтыкова,
 Среди живыхъ — нѣтъ Щедрина!

В. Р. Щиглевъ.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

Выходъ въ свѣтъ перваго тома полнаго собранія сочиненій покойнаго немногими днями предшествовалъ его смерти. Къ ней, конечно, давно надо было готовиться, и тѣмъ не менѣе она является преждевременною. Жаръ, не остывавшій въ покойникѣ до конца, почти наканунѣ смерти придавъ силу его дрожащей рукѣ и онъ набросалъ полторы страницы новаго задуманнаго имъ сочиненія: „Позабытыя слова“. А какъ много у насъ позабытыхъ словъ, тѣхъ словъ, не помня которыхъ не сдѣлаешь никакого дѣла, а весь израсходуешься на однѣ только „мелочи“....

I.

Салтыковъ-Щедринъ—такая двойственность имени имѣеть свой особый смыслъ. Салтыковъ—это говоритъ намъ о цѣломъ родѣ, о старой дворянской фамиліи, къ тому же, какъ нерѣдко у насъ въ дворянствѣ, еще и татарскаго происхожденія; это невольно говоритъ и о дворянскихъ преданіяхъ, о пошибѣ и привычкахъ, коренящихся въ той еще столь недавней „Пошехонской старинѣ“, которая отличалась особымъ „пошехонскимъ раздольемъ“. Щедринъ—это не историкъ-риторъ, не историкъ-панегиристъ, а правдивый бытописатель своей родной старины, родной по крови, но не по духу. Щедринъ—это тотъ, кто, рисуя намъ картины „пошехонскаго раздолья“, постоянно оставался передъ „человѣкомъ, вѣющимъ лебеду“, постоянно

желалъ ему „добрыхъ щей“, постоянно вооружался своимъ сатирическимъ бичомъ противъ всего того, что даетъ и теперь возможность вырывать ихъ у него изъ рукъ новоявленному „чумазому“, какъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто злорадствуетъ наступленію этого новаго „чумазовскаго раздолья“.

М. Е. Салтыковъ, увидавъ свѣтъ въ родительскомъ имѣніи, селѣ Спасъ-Усольѣ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губ., 15-го января 1826 г., получилъ обычное дворянское воспитаніе сперва (до 10 лѣтъ) дома, потомъ въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, наконецъ въ Царскосельскомъ лицейѣ, гдѣ въ часы досуга писалъ стихи; за нихъ, правда, ему доставалось (по его же собственному свидѣтельству) ¹⁾, но это не мѣшало ему, подобно другимъ стихотворцамъ на школьной скамьѣ, печататься (въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1841 и 1842 гг. и „Современникѣ“ 1843 г. ²⁾). По выходѣ изъ лицея въ 1844 г., онъ опредѣлился на службу въ канцелярію военнаго министерства, совсѣмъ пересталъ грѣшить стихами, но вскорѣ началъ свое настоящее литературное поприще въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 г. повѣстью (почти бы можно сказать романомъ): „Противорѣчія“. Тутъ онъ выступилъ подъ псевдонимомъ М. Непанова, а подъ своею второю повѣстью, появившеюся въ томъ же журналѣ въ мартѣ слѣдующаго 1848 г., выставилъ свои инициалы (М. С.). Публика почему-то не обратила особеннаго вниманія на эти произведенія, хотя они уже были далеко не то, что его стихи ³⁾; въ нихъ уже сказывалась оригинальность, въ нихъ зарождался уже будущій Щедринъ. Зато на вторую повѣсть („Запутанное дѣло“) обращено было вниманіе въ такой сферѣ, которая имѣла возможность распорядиться дальнѣйшею участію автора. Тогда какъ разъ возникло дѣло Петрашевскаго; въ связи съ этимъ учрежденъ былъ такъ называемый Бутурлинскій комитетъ, какъ высшее цензурное вѣдомство. Задѣтый за живое строгимъ замѣчаніемъ этого новаго учрежденія (за какія-то провинности) официальной газетѣ военнаго министерства, „Русскому Инвалиду“, тогдашній военный министръ, гр. Чернышевъ, неблагоклонно

¹⁾ Въ Альбомѣ редактора «Русской Старины».

²⁾ Выходившемъ тогда подъ редакціей П. А. Плетнева.

³⁾ Довольно гладкіе и звучные, но съ очевидно навѣянными мотивами.

отнесся въ тому, что служащій у него чиновникъ пишетъ въ журналахъ. Докладъ о повѣстахъ Салтыкова, который, говоря, поручено было составить одному изъ литераторовъ, враждебныхъ въ такъ называемой „натуральной школѣ“, вышелъ до того не въ пользу юнаго автора, что его уволили изъ военнаго министерства. Вслѣдъ же затѣмъ, по поступленіи этого доклада въ III-е отдѣленіе, Салтыковъ былъ немедленно отправленъ въ Вятку. Благодаря, надо думать, связямъ своихъ родственниковъ, ему однако же была предоставлена тамъ возможность служить сначала въ штатѣ губернскаго правленія, потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія ¹⁾).

Только въ 1855 г.—когда, съ наступленіемъ новаго царствованія, наступила и поворотная точка въ государственной и общественной жизни Россіи—для Салтыкова оказалось возможнымъ вернуться въ столицу. Съ этихъ поръ и до самаго 1868 г. онъ могъ безпрепятственно совмѣщать въ себѣ Салтыкова со Щедринымъ—чиновника, подвигавшагося по ступенямъ служилой лѣстницы, съ писателемъ такъ называемаго „обличительнаго“ направленія. Онъ занималъ довольно видные посты—сперва вице-губернатора въ Рязани и въ Твери, а затѣмъ управляющаго казенною палатою въ Пензѣ, Тулѣ и Рязани. Отставка, при которой получилъ онъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалась, надо думать, необходимою для него, когда, вслѣдствіе печальныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ служилыхъ сферахъ значительно измѣнился взглядъ на писательство служащихъ лицъ, особенно же при томъ смѣломъ сатирическомъ направленіи, какимъ отличался „надворный совѣтникъ Н. Щедринъ“. Громкая извѣстность этого послѣдняго началась съ 1856 г., когда, въ тольکو что основанномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ“ покойнаго М. Н. Каткова, стали печататься его „Губернскіе Очерки“, гдѣ подъ именемъ Крутогорска является Вятка, надѣлившая прослужившаго въ ней цѣлыхъ восемь лѣтъ чиновника богатымъ запасомъ всевозможнаго рода типовъ ²⁾). Уже въ 1860 г. Щедринъ

¹⁾ Дальнѣйшія подробности обо всемъ этомъ можно найти въ статьѣ г. Скабичевскаго въ 216 № «Новостей».

²⁾ Сотрудничалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, Щедринъ появлялся и на страницахъ „Библіотеки для Чтенія“ 1857 и 1858 гг.

изъ „Русскаго Вѣстника“ перешелъ въ „Современникъ“, какъ бы чужъ то измѣненіе въ направленіи Катковскаго журнала, которое стало осязательнымъ образомъ обнаруживаться только значительно позже. Сотрудничество Щедрина въ „Современникѣ“, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ соиздателей, продолжалось до 1866 г., т. е. до закрытія Некрасовскаго журнала ¹⁾. Годъ вступленія Щедрина въ „Отечественныя Записки“, перешедшія въ аренду въ Некрасову, а именно 1868-й, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ выхода Салтыкова въ отставку. Серьезная болѣзнь, постигшая нашего писателя въ 1875 г., заставила его, не бывавшаго до тѣхъ поръ за границею, провести тамъ цѣлый годъ. Жизнь въ Германіи и Франціи, не смотря ни на какія свои преимущества, сопровождалась для него тою тоскою по родинѣ, которою болѣлъ онъ и потомъ, когда тѣ-же заботы о здоровьи заставляли его на время снова покидать Россію. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ напоминалъ Вѣлинскаго, который такъ хандрилъ въ Парижѣ, и Некрасова, жившаго въ благодатной Италіи и слагавшаго пѣсни не ея небесамъ, а своей суровой и неказистой родинѣ.

Послѣ смерти Н. А. Некрасова, Салтыковъ-Щедринъ, въ 1878 г., самъ былъ утверждёнъ отвѣтственнымъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и оставался имъ до прекращенія журнала въ 1884 г. Съ этихъ поръ, не имѣя болѣе своего собственнаго органа, онъ былъ обреченъ на участь сотрудника въ чужихъ изданіяхъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и по преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы».

Сильная, до старости юношеская, впечатлительность Щедрина не могла не поколебать его нервной системы, не разстроить мало по малу всего его организма и не развить въ немъ болѣзни сердца,—этого недуга нашего времени по преимуществу. Семейная жизнь, начавшаяся для него въ 1856 г., когда онъ женился на Е. А. Болтиной, могла, разумѣется, лишь до известной степени служить ему пристанью отъ общественныхъ тревоженій. Настоящею поддержкою для его распатааннаго организма служилъ его страстный жаръ, его непоколебимая энергія. Среди

¹⁾ Это не помѣшало Щедрину появиться и во «Времени» М. М. Достоевскаго (1862 г.). Только слѣдующій журналъ той же редакціи, «Эпоха», находился уже въ полемическихъ отношеніяхъ съ Щедринымъ.

сильнѣйшихъ страданій, весь уже, можно сказать, израненный, онъ не выпускалъ изъ рукъ своего славнаго писательскаго знамени.

II.

Конецъ 1840-хъ годовъ — вотъ то время, когда сталъ развиваться Щедринъ. На немъ сказалось тогда то же самое вѣяніе, которое производило такое сильное впечатлѣніе при чтеніи «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Самъ Щедринъ указывалъ въ разныхъ своихъ трудахъ на эту точку отправленія своей литературной дѣятельности, а въ одномъ изъ послѣднихъ: „Мелочахъ жизни“ выставилъ себя остающимся и подъ старость вѣрнымъ своимъ молодымъ убѣжденіямъ. Уже въ повѣсти 1847 г.: „Противорѣчія“ ясно сказалась социальная точка зрѣнія. Замѣчательное въ психологическомъ и даже философскомъ отношеніи, это произведеніе писателя, недавно только достигшаго совершеннолѣтія, вполне бы заслуживало и вниманія тогдашней публики, и перепечатанія его теперь—хотя бы въ видѣ приложенія къ полному собранію его сочиненій, становящемуся посмертнымъ. Вторая повѣсть Щедрина, „Запутанное Дѣло“, была включена имъ въ составъ „Невинныхъ разсказовъ“ (изд. 1863 г.)¹⁾. На нашъ взглядъ, въ ней менѣе психологической и философской глубины, но въ ней зато уже замѣтны значительныя проблески сатиризма, котораго въ „Противорѣчіяхъ“ еще почти вовсе не было. Въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ и ярче выступаетъ, притомъ въ сжатой и тѣмъ болѣе сильной формѣ, социальная идея. „Россія — государство обширное, обильное и богатое—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ“. — „Все голодные волки поѣли, мама? Да вотъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... Я ѣсть хочу, мама! — „Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты“. — „Когда же убьютъ голодныхъ волковъ?“ — Вотъ подобныя-то мѣста повѣсти, конечно, и обратили

¹⁾ Она находится и въ только что вышедшемъ 1-мъ т. полного собранія его сочиненій. Желательно, чтобы въ это собраніе, въ видѣ дополнительнаго тома, вошло и то, что не включалось въ прежніе отдѣльные сборники произведеній Щедрина.

на себя вниманіе въ 1848 г. То же направленіе и позже постоянно сказывалось у Щедрина—въ цѣломъ рядѣ произведеній, рисовавшихъ съ такою любовью бѣднаго, обездоленнаго человѣка, начиная съ нѣкоторыхъ изъ „Губернскихъ очерковъ“ и кончая „23 сказками“ и „Мелочами жизни“ съ одной стороны и типами дворовыхъ людей въ „Пошехонской старинѣ“ съ другой. „Казалось бы, спрашивалъ Щедринъ въ одномъ изъ своихъ довольно раннихъ очерковъ ¹⁾, что общаго между мною и этой случайно встрѣченной мной семьей (семьей изъ народа).... И между тѣмъ я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, приобщаетъ меня къ первоначальному и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни“. И такія теплыя строки попадаютъ намъ даже въ той безпощадной характеристикѣ „Глупова“, которая была начата еще въ „Сатирахъ въ Прозѣ“, а закончена въ „Исторіи одного города“. Даже этотъ, такъ широко понимаемый авторомъ, „Глуповъ“ вызываетъ у него сквозь, такую жолчную брань, слезы живаго участія и состраданія. Сатирикъ заходитъ, конечно, слишкомъ далеко, выставляя „головотяпами“ и самыхъ основныхъ людей „Глупова“, самый народъ „глуповскій“, но въ сущности и тутъ слышится та досада, вытекающая изъ любви, которая вызывается горячимъ желаньемъ, чтобы дорогое намъ существо не давало себя оболванивать.

Въ „Губернскихъ очеркахъ“ рисуется еще передъ нами, въ образѣ Крутогорска, старый „Глуповъ“ — самый конецъ его дореформенной поры, ознаменованный уже страхомъ „градущихъ впереди реформъ“. Но вѣдь именно то и озлобило такъ сатирика противъ Глупова, что и съ наступленіемъ новой поры въ немъ слишкомъ многое осталось по старому. Послѣ довольно кратковременнаго „конфуза“, происходившаго отъ того, что Улита, про которую говорили, что она „ѣдетъ, да когда-то будетъ“, наконецъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхала и застала всѣхъ и все врасплохъ,—наступила пора, когда „глуповскіе“ воротили—на это стало у нихъ ума—точно стакнулись въ томъ, чтобы свести пріѣздъ Улиты на нѣтъ. „Цѣлые миліоны ничтожнѣйшихъ шалопаевъ, говорилъ сатирикъ, рыскаютъ по градамъ и весямъ

¹⁾ «Развеселое житье» въ «Невинныхъ [сказкахъ]».

любезнаго отечества со спеціальною цѣлью явно и тайно уничтожать и подрывать дѣйствіе 19-го февраля“.... потому что „въ дурацкой ихъ головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной имъ этимъ ужаснымъ числомъ“ („Письма о провинціи“).

„Возродимся! возродимся!“ стали они кричать въ запуски, у нѣкоторыхъ же изъ нихъ пошли въ ходъ толки объ англійскомъ Selfgovernment и о возможности соединить его съ libre initiative des roméschiks. Другіе утѣшались тѣмъ, что очамъ ихъ вскорѣ предсталъ „Ташкентъ“, также очень широко понимаемый нашимъ сатирикомъ, какъ олицетвореніе всякаго рода „значныхъ полей“, гдѣ можно нажиться да и власть свою показать. „Ташкентцы“, по толкованію Щедрина, — это люди, которые „вообще способны воспользоваться прогонами куда бы то ни было, т. е. взяться за все, что случится“. Рядомъ съ болѣе или менѣе новымъ „ташкентствомъ“, сатирикъ выставилъ, какъ извѣстно, только въ подновленныхъ формахъ, въ сущности старое „помпадурство“ — выставилъ въ образѣ тѣхъ „шалуновъ возрождающейся Россіи“, которые отъ „фрондерства преданнаго“ вскорѣ перешли въ „фрондерство воинствующее“, выѣзжающее на той „благонамѣренности“, которая внушила имъ ихъ „подтягивательную систему“ — съ грознымъ: „разнесу!“ и веселымъ: „фюить!“

Между тѣмъ, съ другой стороны, передъ сатирикомъ выступили Деруновы съ ихъ преемниками Колупаевыми и Разуваевыми, вызывающіе негодованіе даже въ „отставномъ корнетѣ Прогорѣловѣ, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастерѣ, впоследствии оголтѣломъ землевладѣльцѣ, а нынѣ пропавшемъ человѣкѣ“. Но Прогорѣловъ хорошъ хоть тѣмъ, что не вторитъ своей собратіи, бывшимъ „крѣпостныхъ дѣлъ мастерамъ“, приговаривающимъ ехидно: „пускай, дескать, знаютъ поганцы, каково сладка хваленая ихъ свобода!“ На повѣрку, однако же, выходитъ, что и эти, когда-то слушавшіе Грановскаго, добродушные Прогорѣловы, способные и пожалѣть своихъ бывшихъ „подданныхъ“, сами же сознаются, что они, гуманные господа, „ни за кого пальцемъ не шевельнули“, хотя въ то же время умилались и восклицали: „отечество—святня!“

Но вотъ наступила и такая пора, воспроизведенная сатири-

комъ уже подь конецъ его жизни, когда такъ называемое „подтягиванье“ смѣнилось болѣе откровеннымъ: „tout est à refaire“, когда владѣльцы различныхъ Монрепо очень бы ошиблись, если бы стали таить отъ различныхъ „сердцевѣдовъ“ свою „дворянскую обиду“, такъ какъ скорѣе именно „оказательство“ этой обиды и стало своего рода аттестатомъ на „благодѣтельность“, когда явилось съ другой стороны и казовое заигрываніе съ народомъ и съ таеъ называемою „народностью“. Сатирикъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ побѣдоносно изобличаетъ эту фальшь, это принианіе всуе такихъ святыхъ словъ, какъ—народъ, старина родная! Избытокъ негодованія довелъ его въ „Современной идилліи“ и въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ до какого-то желанія позабыться, вдаваясь съ одной стороны въ своего рода шаржъ и карриватурность, съ другой—въ фантастичность, среди которыхъ тѣмъ ярче выдѣляется въ „Пошехонскихъ разсказахъ“ такой правдиво-идеальный и такъ тепло обрисованный народный типъ, какъ Андрей Курзановъ.

Въ своемъ большомъ предсмертномъ произведеніи, „Пошехонской Старинѣ“, нашъ авторъ зато становится вполне объективнымъ, какъ бы возвращаясь къ первой порѣ своей дѣятельности, когда сатиры предшествовали у него бытописательные очерки. „На склонѣ лѣтъ, поясняетъ онъ, охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ и является непреодолимое желаніе высказывать правду, одну только правду“. Но какую же убійственную оказывается она подь его перомъ, какою уликою служить она всѣмъ тѣмъ, которые не умѣютъ или не хотятъ опѣнить великой поворотной точки въ нашей жизни—19 февраля, ссылаясь на неудачи въ его послѣдствіяхъ и не доискиваясь настоящихъ причинъ такихъ неудачъ.

„Пошехонская старина“—это своего рода оправдательные документы, *pièces justificatives*, къ величайшему изъ произведеній Щедрина—„Господамъ Головлевымъ“. Внимательное изученіе этого послѣдняго даетъ ключъ къ настоящему пониманію Щедрина—и его задушевнѣйшихъ идеаловъ, и того, противъ чего направлялась самая сущность его сатиры. Передъ нами—патріархальная семья крѣпостной поры, управляемая своею государынею - матушкою (такою положительно считаетъ себя Арина Петровна). Она, повидимому, всю себя посвятила своей

Семьѣ, она только для того и живетъ, чтобы увеличивать ея матеріальныя средства, но она не видитъ въ членахъ этой семьи живыхъ людей съ свободной человѣческой душой; она никогда не говоритъ имъ о той „государынѣ совѣсти“, съ которою и сама не справляется; никто изъ нихъ, уже взрослыхъ, не смѣетъ зато даже и пискнуть передъ ней, государыней-матушкой, она держитъ ихъ всѣхъ подъ постояннымъ гнетомъ, то карая, то милуя и выбрасывая провинившемуся кусокъ, она прибѣгаетъ къ подслушиванію и наушничанію, упражняя въ этомъ того, кто представляется ей любимцемъ, на самомъ же дѣлѣ она никого изъ нихъ не любитъ, а только ея властолюбіе польщено тѣмъ изъ нихъ, который въ ней подлачивается и ей холопски подслуживается, она систематически боится любви, отъ которой будто-бы только ослабятъ вожжи въ ея рукахъ. И что же? она, наконецъ, видитъ крушеніе своей власти, она слагаетъ ее передъ своимъ «любимцемъ» и убѣждается въ томъ, каковъ этотъ ласковый теленокъ, обращающійся въ хищнаго волка цѣлой семьи. А читатель присутствуетъ и при окончательной гибели всей семьи—при ея вымираніи въ вносказательномъ и даже буквальной смыслѣ, какъ слѣдствіи того развращенія, которое вытекало изъ всей ихъ семейной системы. Стоитъ только перенести тѣ же руководящія начала въ другую сферу—болѣе широкую,—и для насъ сдѣлаются ясными причины той деморализаціи, въ силу которой и въ цѣломъ обществѣ можетъ „пропасть совѣсть“ (о чемъ говорится въ одномъ изъ очерковъ Щедрина). Этою-то давнишнею деморализаціею, слѣдствіемъ давнишней ложной системы, и объясняется возможность крушенія самыхъ лучшихъ мѣропріятій, если въ нихъ обращаются слишкомъ поздно.

III.

Какъ относилась къ Щедрину критика? Она тепло привѣтствовала его въ лицѣ Добролюбова, вмѣнившего ему, на основаніи его первыхъ произведеній, въ особенную заслугу то, что у него „выражается чрезвычайно живо сочувствіе къ неиспорченному простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи“. За то въ лицѣ Писарева критика отнеслась къ Щедрину совершенно иначе. Высказавъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній на счетъ огульнаго осужденія Глуповцевъ и чрезмѣрнаго возвеличенія передъ ними Минервы, но въ то же время не оцѣнивъ теплыхъ очерковъ Щедрина изъ народнаго быта, Писаревъ просто обозвалъ произведенія нашего сатирика „цвѣтами невиннаго юмора“ и даже посовѣтовалъ ему оставить сатиру и сдѣлаться популяризаторомъ естественныхъ наукъ. Позже, уже въ 1871 г., основательныя возраженія противъ „Исторіи одного города“ сдѣланы были въ „Вѣстникѣ Европы“, въ статьѣ: „Историческая сатира“¹⁾. Въ статьѣ этой вѣрно замѣчено, что тутъ у Щедрина не отличить сатирика отъ того архиваріуса, отъ имени котораго онъ ведетъ свою лѣтонисъ, и ведетъ „тономъ бюрократическаго презрѣнія къ народу“ (объясненіе этому дано у насъ выше). Въ общемъ статья исполнена уваженія къ сатирику и полнаго признанія его большаго таланта. Полемика, начатая противъ Щедрина въ „Эпохѣ“, отразилась и въ позднѣйшее время въ сужденіяхъ о немъ ея бывшаго сотрудника, Н. Н. Страхова, односторонность которыхъ справедливо указана К. К. Арсеньевымъ. Среди того немногаго о Щедринѣ въ нашей критикѣ, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, рѣзко выдается по своей добросовѣстной основательности именно разборъ его произведеній въ „Критическихъ этюдахъ о русской литературѣ“ К. К. Арсеньева. Мы съ своей стороны старались внимательно и вдумчиво отнестись къ Щедрину во 2-мъ томѣ нашихъ „Русскихъ писателей послѣ Гоголя“. Мы коснулись, вслѣдъ за другими, и слабыхъ сторонъ

¹⁾ Въ апрѣльской книжкѣ; подписана она не полнымъ псевдонимомъ.

„Исторіи одного города“. Мы остановились на томъ, что, налегая на неудовлетворительность результатовъ эпохи преобразованій, зависѣвшую отъ нехватанія у насъ на то наличныхъ силъ, сатирикъ невольно подавалъ поводъ не довольно цѣнить то, что было однако же ею достигнуто, такъ какъ нѣкоторыя силы все же таки нашлись. Мы указывали и на то, что досада сатирика на ту непослѣдовательность, которая заставляла насъ робѣть передъ дальнѣйшими шагами или даже дѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, заставляла его самого иногда проговариваться какъ будто бы въ пользу той эпохи, которая была уже черезъ-чуръ послѣдовательна въ иномъ смыслѣ, такъ какъ въ ту эпоху „только маршировали“. Мы старались намекнуть и на то, что сатирикъ напрасно оставлялъ въ сторонѣ пагубный взрывъ тѣхъ горючихъ матеріаловъ, которые накопились именно въ ту эпоху и достались въ видѣ тяжелого наслѣдства эпохѣ, за ней послѣдовавшей,—взрывъ, которому мы окончательно обязаны систематическимъ стремленіемъ повернуть назадъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ налегали на то, и продолжаемъ налегать и теперь, что совокупность произведеній Щедрина ясно, однако же, говорить, въ чемъ настоящій корень зла, ясно доказываетъ, что зла этого никакъ не вылѣчить тѣмъ, отъ чего оно происходитъ. Если же корень зла въ томъ, что въ итогъ всевозможныхъ запрещеній оказалось отсутствіе живой человѣческой души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „пропажа совѣсти“,—то и спасеніе въ томъ, чтобы она снова нашлась и заняла свое законное мѣсто. Только тогда, по словамъ Щедрина, „исчезнуть всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распорядиться всѣмъ сама“.

Ор. Ф. Миллеръ.

Примѣчаніе. Отиѣтимъ здѣсь, что вполне прекрасная статья о Салтыковѣ по поводу выхода въ свѣтъ 1-го тома «Полнаго собранія сочиненій» появилась въ № 128 «Новостей», 1889 г.; она принадлежитъ извѣстному критику-писателю Александру Михайловичу Скабичевскому.

Ред.

РОД. ВЪ 1820 ГОДУ
Сль

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ
ДОМОНТОВИЧЪ.

Очеркъ къ его биографіи

1820 — 1889.



† 28-ГО АПРѢЛЯ
1889.

[«Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXII июнь].

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ ДОМОНТОВИЧЪ

† 28-го апрѣля 1889 г.

I.

Въ тотъ же день, когда скончался великій писатель нашъ, М. Е. Салтыковъ, нѣсколько часовъ спустя, смерть смежила очи другому человѣку, который успѣлъ государственною дѣятельностью своею и высокими нравственными качествами стяжать общее уваженіе въ русскомъ обществѣ: умеръ первоприсутствующій 4-го департамента правительствующаго сената Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ. Въ лицѣ его сошелъ въ могилу одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей великой реформы освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года, еще одинъ изъ сподвижниковъ Государя-Освободителя Александра II. „Русская Старина“, хранительница, между прочимъ, всего, что относится къ славѣ незабвеннаго преобразователя, его дѣлъ и сподвижниковъ, съ чувствомъ глубокой скорби заноситъ на свои страницы имя почившаго вѣчнымъ сномъ смерти Константина Ивановича Домонтовича.

Покойный былъ представителемъ старинной малороссійской фамиліи Домонтовичей. Фамилія эта происходитъ отъ св. князя Довмонта, славнаго вождя земли псковской. Потомки князя переселились сперва на родину князя въ Литву, а затѣмъ въ Малороссію. Во время присоединенія Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ къ Великой Россіи, особенное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ служившій въ Черниговскомъ полку, впослѣдствіи генеральный судья войска Запорожскаго, Иванъ Михайловичъ

Домонтовичъ. Онъ былъ, между прочими, въ числѣ депутатовъ въ царю Алексѣю Михайловичу въ 1659 и 1666 годахъ, каковому царю они били челомъ о подтвержденіи и огражденіи правъ Запорожскаго войска. Иванъ Михайловичъ былъ въ числѣ подписавшихъ утвержденныя по этому предмету статьи. Подъ тѣми-же статьями мы видимъ подпись и другаго Домонтовича — Петра. По жалованной грамотѣ 1672 года, генеральный судья Иванъ Михайловичъ получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича въ награду за вѣрную службу нѣсколько помѣстій и, въ томъ числѣ, село Кудровку, Черниговской губерніи. Умеръ онъ въ преклонной старости, въ 1683 году, пожертвовавъ часть своихъ владѣній Крупицкому, близъ г. Батурина, монастырю, гдѣ онъ по временамъ проживалъ и гдѣ похороненъ. Типичная фигура Ивана Михайловича, въ костюмѣ его времени, изображена на большомъ живописномъ портретѣ, находящемся у одного изъ его потомковъ, извѣстнаго и уважаемаго гласнаго С.-Петербургской Думы (съ 1868 г.), тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Домонтовича (род. 1814 г.). Къ этой же фамиліи принадлежитъ умершій на Кавказѣ артиллеріи генераль-маіоръ Василій Васильевичъ Домонтовичъ, кавказскій воинъ-поэтъ; многія стихотворенія его имѣются въ архивѣ „Русской Старины“.

II.

Умершій нынѣ Константинъ Ивановичъ былъ младшій братъ Ивана Ивановича; родился К. И. въ 1820 г., въ С.-Петербургѣ. Образование онъ получилъ въ петербургскомъ университетѣ и затѣмъ слушалъ курсы въ гейдельбергскомъ и другихъ иностранныхъ университетахъ; учился и завершилъ онъ свое образование съ блестящимъ успѣхомъ.

Выйдя въ 1840 г. изъ университета со степенью кандидата юридическаго факультета, Константинъ Ивановичъ въ 1842 г. поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ¹⁾. Извѣстно, что въ этомъ министерствѣ и въ особенности въ его

¹⁾ Однимъ изъ товарищей К. И. по выпуску изъ университета, также кончившій курсъ со степенью кандидата, былъ кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, славный впоследствии кавказскій воинъ и нынѣ стоящій во главѣ управления этою странюю.
Ред.

департаментъ сельскаго хозяйства, подъ высшимъ просвѣщеннымъ руководствомъ графа П. Д. Киселева, одного изъ даровитѣйшихъ и умнѣйшихъ министровъ императора Николая Павловича, постоянно зрѣла и развивалась мысль объ освобожденіи крестьянъ; а такъ какъ обстоятельства далеко не благопріятствовали еще этой мысли, то заботы всей группы просвѣщенныхъ, ближайшихъ сотрудниковъ графа Киселева направляемы были на улучшеніе быта крестьянъ государственныхъ. Въ числѣ этихъ лицъ, яркой звѣздой горитъ имя незабвеннаго общественнаго дѣятеля и очень умнаго чловека Андрея Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго (впослѣдствіи статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта). Цѣлый рядъ работъ, имѣвшихъ конечнымъ результатомъ своимъ улучшеніе быта русскаго крестьянина, выпалъ на долю Константина Ивановича Домонтовича, служба котораго началась 1-го іюля 1842 года. Перечислимъ, слѣдуя показанію формулярнаго о службѣ его списка, — тѣ должности, которыя пройдены имъ: членъ Пензенской комиссіи для уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ; членъ таковой же комиссіи для предварительныхъ изслѣдованій въ Курской губерніи (1844 г.); командированъ въ Маріинскую колонію, Саратовской губерніи, для производства оцѣнки доходовъ этой колоніи (1846 г.); членъ комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ Курской же губерніи; правитель дѣлъ центральной комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ (1848, 1850 гг.); членъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ (1856 г.); исполняя прежнія свои обязанности, К. И. является членомъ центральной комиссіи по разсмотрѣнію работъ по соглашенію оцѣнокъ между губерніями и членомъ же комиссіи для соглашенія постановленій, по предмету узаконенныхъ на душу пропорцій поземельнаго надѣла (1856 и 1857 гг.); начальникъ статистическаго отдѣленія при министерствѣ госуд. имуществъ, съ оставленіемъ при прочихъ своихъ должностяхъ (январь 1858 г.) и совѣщательный членъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ; дѣятельный участникъ въ изданіи матеріаловъ для статистики Россіи (1858 г.)¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что, во время службы въ министерствѣ госуд. имуществъ, Конст. Ивановъ помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи свои по сель-

Во все время нахождения своего на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ стойкихъ сторонниковъ дѣйствительнаго улучшения быта сельскаго населенія, какъ основнаго слоя русскаго государства. Но когда на посту министра графа П. Д. Киселева явился Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, задавшійся прежде всего мыслью значительно увеличить въ пользу государства доходы съ государственныхъ крестьянъ, положеніе сторонниковъ дѣйствительнаго улучшения быта сельскаго населенія, а именно А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, директора департамента сельскаго хозяйства, и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ сдѣлалось довольно тяжело. Извѣстно, что Муравьевъ былъ въ то время пылкій противникъ выше и выше поднимавагося вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Завязалась глухая борьба между министромъ и группой тѣхъ его чиновниковъ, которые съ радостью шли на встрѣчу освободительнымъ идеямъ государя Александра II. Борьба эта кончилась тѣмъ, что для удаленія Заблоцкаго-Десятовскаго Муравьевъ прибѣгнулъ къ упраздненію департамента сельскаго хозяйства. Это упраздненіе совершено было какъ разъ на столько времени, чтобъ удалить Заблоцкаго-Десятовскаго изъ министерства. Но въ высшихъ правящихъ сферахъ и въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ въ то время былъ большой запросъ на людей, именно заваля и убѣжденных А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, К. И. Домонтовича, Я. А. Соловьева и имъ подобныхъ. Оставившій министерство государственныхъ имуществъ, Заблоцкій - Десятовскій является статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта; въ канцелярію того же совѣта и тогда же приглашенъ перейти, въ званіи помощника статсъ-секретаря, Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ (23-го мая 1859 г.) ¹⁾. То было дѣло государственнаго секре-

скому хозяйству и, при особенномъ его содѣйствіи, было предпринято и первое время снабжаемо почти исключительно его статьями ежегодникъ сего министерства: «Памятная книжка для сельскихъ хозяевъ». Этотъ ежегодникъ продолжается подъ вѣдѣніемъ мин-ства госуд. имуществъ и нынѣ; въ подражаніе ему появились потомъ подобныя же частныя изданія. Ред.

¹⁾ Достоинно, однако, вниманія, что М. Н. Муравьевъ настолько успѣлъ замѣтить замѣчательныя способности и усердіе къ службѣ К. И. Домонтовича, что никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ министерства и заявилъ К. И., что

таря В. П. Буткова, которому надо отдать полную справедливость въ томъ, что онъ былъ необыкновенный мастеръ привлекать и окружать себя людьми труда, людьми замѣчательныхъ дарованій. Довольно вспомнить, что по мудрымъ предназначеніямъ Державнаго вождя Россіи, именно при особенно дѣятельномъ участіи государственной канцеляріи, совершены были величайшія преобразованія того времени, каковы: дѣло освобожденія крестьянъ, земская и судебная реформы, питейная, при чемъ рухнули зловѣщей памяти откупа, реформы податная, воинская и многія другія, составившія славу царствования Государя-Освободителя.

Въ іюнь 1859 г. Константинъ Ивановичъ назначенъ для временнаго замѣщенія уѣхавшаго въ отпускъ члена Редакціонныхъ комиссій для составленія проектовъ положеній о крестьянахъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго; въ сентябрѣ того же 1859-го года, по возвращеніи Заблоцкаго, К. И. Домонтовичъ своими работами уже сдѣлался настолько необходимымъ, что, по всеподданнѣйшему докладу Г. И. Ростовцева, былъ назначенъ членомъ Редакціонныхъ Комиссій. Колоссальный трудъ былъ поднятъ и исполненъ этими комиссіями доброй, славной памяти, и исполненъ не болѣе, какъ въ полтора года. На Константина Ивановича выпала значительная доля этого труда.

Семнадцатилѣтняя дѣятельная служба въ министерствѣ государственныхъ имуществъ была прекрасной подготовительной школой, изъ которой во всеоружіи опыта и знанія вышелъ этотъ энергическій работникъ. Трудолюбіе и даровитость Домонтовича были такъ велики, что его товарищи, большинство которыхъ и сами были работники весьма способные, относились съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ его трудамъ. Бывало Домонтовичу одной ночи достаточно для редакціи самыхъ сложныхъ дозладовъ; при этомъ онъ трудился не только самъ, но и руководилъ еще работами ближайшихъ своихъ помощниковъ; такъ, напр., въ бытность членомъ Редакціонныхъ комиссій, онъ руководилъ обширнымъ трудомъ М. П. Щепкина по предмету составленія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; этотъ большой,

будетъ просить Государя Императора объ оставленіи Домонтовича въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; только при содѣйствіи Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича состоялся переводъ К. И. Домонтовича въ канцелярію Государственнаго Совѣта. Ред.

въ семи выпедшихъ выпускахъ, сборникъ таблицъ оказался чрезвычайно важнымъ при всѣхъ дальнѣйшихъ работахъ по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ необходимымъ справочнымъ изданіемъ для Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, когда таковой возникъ въ одинъ день съ объявленіемъ освобожденія крестьянъ, 19-го февраля 1861 года, и когда ему, между прочимъ, доводилось рѣшать многочисленныя споры о землѣ между крестьянами и помѣщиками. Кончилась работа Редакціонныхъ комиссій осенью 1860 года; труды эти были внесены въ Государственный совѣтъ, въ учрежденный при немъ, еще въ январѣ 1858 года, Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу; здѣсь тотъ же Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Степаномъ Михайловичемъ Жуковскимъ и немногими другими чиновниками, буквально зарылись въ громаднѣйшій трудъ по разсмотрѣнію проектовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Во главѣ помянутаго Комитета стоялъ тогда полный силъ, энергичн и всегда бывшій готовымъ съ самоотверженнымъ усердіемъ выполнить какъ можно лучше волю Государя, его августѣйшій братъ и ближайшій сподвижникъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Засѣданіе за засѣданіемъ слѣдовали въ Главномъ Комитетѣ, и все, что выработывалось имъ, получало изложеніе подъ перомъ Жуковскаго и Домонтовича. Общій журналъ длиннаго ряда этихъ засѣданій (съ октября 1860 г. по февраль 1861 г. включительно),— журналъ, при которомъ внесены проекты освобожденія крестьянъ изъ Главнаго Комитета въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, составилъ обширный печатный томъ in folio, и большая доля въ составленіи этого превосходнаго труда принадлежала Константину Ивановичу Домонтовичу.

III.

19-е февраля 1861 года было величайшимъ праздникомъ для всей Россіи и, разумѣется, лучшимъ днемъ жизни для непосредственныхъ участниковъ великой реформы, въ первыхъ рядахъ которой стоялъ названный нами государственный дѣятель.

Въ тотъ же день, 19-го февраля, былъ учрежденъ для упроченія, охраны и развитія дѣла освобожденія и устроенія на новыхъ началахъ быта сельскаго населенія Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія (вмѣсто бывшаго Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, 1858—1861 гг.). Помощникомъ статсъ-секретаря управляющаго дѣлами этого Комитета, Степана Михайловича Жуковскаго, назначенъ былъ К. И. Домонтовичъ. Лучшаго назначенія не могло быть: въ этихъ двухъ лицахъ Августѣйшій предсѣдатель Главнаго Комитета, Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, нашелъ вполне свѣдущихъ, самыхъ преданныхъ и безпредѣльно усердныхъ сотрудниковъ. Золотая медаль на Александровской лентѣ за труды по освобожденію крестьянъ 19 февраля 1861 г. была вещественнымъ знакомъ благодарности (23-го апрѣля 1861 года) Царя-Освободителя своимъ сотрудникамъ.

Не успѣвъ даже отдохнуть отъ громаднхъ трудовъ по крестьянской реформѣ, К. И. въ государственной канцеляріи отдается всецѣло ежедневной и неустанной работѣ; выполняетъ онъ ее съ необыкновенною добросовѣстностью; дѣло доходитъ до того, что, независимо отъ усиленныхъ занятій во время сессій Государственнаго Совѣта въ зимнее время, Константинъ Ивановичъ каждое лѣто, когда статсъ-секретари Государственнаго Совѣта отправляются на отдыхъ, заступаетъ мѣсто то того, то другого, то по отдѣленію дѣлъ государственнаго секретаря, то въ департаментѣ экономіи, то въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, то нерѣдко одновременно во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ государственной канцеляріи, и это ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, каждый разъ не менѣе какъ по четыре мѣсяца! Конечно, въ это время, какъ вакаціонное, засѣданій департаментовъ и Главнаго Комитета или не было, или бывали таковыя гораздо рѣже, чѣмъ во время зимняго сезона, тѣмъ не

менѣ текуція дѣла поступали въ изобиліи, и только при энергіи и необыкновенной быстротѣ въ работѣ Домонтовича возможно было одолѣвать всю эту груду дѣлъ, при чемъ шла подготовка къ зимнимъ трудамъ государственной канцеляріи и совѣта.

Мы лично застали К. И. Домонтовича какъ разъ среди всей этой громады дѣлъ въ 1864-мъ году, когда пишущій эти строки поспешилъ (въ январѣ 1864 г.), въ государственную канцелярію. Живо помнимъ, какъ Домонтовичъ отличался необыкновенной быстротою въ работѣ: чтобы онъ ни взялъ съ собой на домъ для обработки — на другое же утро присылалась эта работа вполне готовою, нерѣдко на многихъ листахъ написанная его связнымъ, съ трудомъ разбираемымъ писцами, почеркомъ, сколько помнится, всегда карандашемъ, и все это являлось въ такой законченной и мастерски исполненной формѣ, что статсъ-секретарямъ ничего не оставалось въ трудахъ К. И. исправлять и передѣлывать.

Понятно, что въ годы кипучей законодательной дѣятельности, каковыми были 1860-е года, такимъ человѣкомъ чрезвычайно дорожили въ правящихъ сферахъ. И въ самомъ дѣлѣ: уже 2-го марта 1861-го года, по приглашенію министра финансовъ, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ учрежденной при этомъ министерствѣ комиссіи для начертанія проекта положенія объ акцизѣ съ питей въ имперіи. Въ 1863 году мы видимъ К. И. участникомъ въ трудахъ комиссіи по пересмотру системы податей и сборовъ, а равно при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ положеній о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (1863 г.).

Въ апрѣлѣ 1863-го года Домонтовичъ получаетъ знакъ отличія въ память введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и, въ томъ же году, — медаль по поводу окончанія составленія положенія о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ имѣній государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ, каковое положеніе высочайше утверждено 26-го іюня 1863-го года. Впослѣдствіи К. И. получилъ таковой же знакъ за труды по устроенію государственныхъ крестьянъ, какъ равно медаль за труды по крестьянскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ. Мы упоминаемъ объ этихъ знакахъ и медаляхъ потому, что ими К. И. Домонтовичъ, какъ и другіе участники крестьянской реформы, всю жизнь чрезвычайно дорожили и дорожатъ.

Есть однако предѣлъ возможнаго и для самыхъ неутомимыхъ и энергическихъ труженниковъ.

Силы К. И. до того, наконецъ, оказались надорванными трудами, что, по требованію докторовъ, онъ вынужденъ былъ, въ январѣ 1865 г., поспѣшить изъ Петербурга за границу, такъ какъ былъ охваченъ тяжкимъ недугомъ—переутомленіемъ нервной системы. „Я до того тогда заработался, въ послѣдствіи рассказывалъ намъ К. И. (4-го сентября 1885 г.), что голова моя совершенно помутилась: я не могъ спать цѣлыми недѣлями, мнѣ приходили разныя грезы, всевозможныя видѣнія, галлюцинаціи; упадокъ духа былъ такъ великъ, что я постоянно думалъ о самоубійствѣ. Но вотъ выѣхалъ я изъ Россіи, доѣхалъ до дивной Италіи, и съ перваго же дня пребыванія моего въ Римѣ точно пелена какая-то свалилась съ моего мозга. Прекрасный воздухъ, отдыхъ отъ работы, новизна впечатлѣній,—все это быстро стало освѣжать и восстанавливать мои надорванные силы“

Отпускъ этотъ продлился, однако, не долго, всего лишь съ января до мая мѣсяца 1865 г.

По возвращеніи изъ за-границы, служба въ государственной канцеляріи окончилась для Домонтовича: въ іюнѣ 1865-го года онъ былъ назначенъ директоромъ департамента окладныхъ сборовъ. Только тогда, между прочимъ, онъ оставилъ должность члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, въ каковомъ министерствѣ обширныя статистическія труды навсегда остались дорогимъ памятникомъ его служебно-ученой дѣятельности. Въ 1866-мъ г. онъ является членомъ въ комиссіи о финансовыхъ расчетахъ между имперіей и Царствомъ Польскимъ; въ слѣдующемъ году — членомъ особо учрежденной комиссіи для составленія проекта правилъ о мѣрѣ участія казны въ отправленіи дорожной повинности; въ 1868-мъ году онъ трудится въ комиссіи для составленія предположеній о замѣнѣ подушной системы сборовъ болѣе правильными налогами; тогда же мы его видимъ помощникомъ предсѣдателя податной комиссіи, при исполненіи имъ же всѣхъ прочихъ обязанностей. По приглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ К. И. сдѣланъ членомъ комиссіи для пересмотра узаконеній о переселеніяхъ крестьянъ (сентябрь 1868 г.). Къ слѣдующему году относится вполнѣ успѣшное окончаніе имъ смѣты и раскладокъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе

съ 1869-го года, и если намъ не измѣняетъ память, то именно этотъ обширный трудъ былъ увѣнчанъ признательностью, выраженною К. И. Домонтовичу отъ лица всего Государственнаго Совѣта, о чемъ было занесено въ журналъ общаго собранія совѣта и испрошено выраженіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія. Даже вопросъ о постройкѣ казармъ для всѣхъ частей арміи, такъ какъ онъ являлся вопросомъ новаго обложенія сельскаго населенія, не обошелся безъ участія К. И. Домонтовича: онъ былъ назначенъ въ іюнь 1869-го года членомъ въ комиссію по сему предмету, состоявшую при военномъ министерствѣ. Опуская участіе его въ нѣкоторыхъ другихъ комиссіяхъ, мы считаемъ однако вполне необходимымъ упомянуть, что въ январѣ 1870-го года К. И. является членомъ въ комиссію по пересмотру проекта положенія о городскомъ общественномъ управленіи. Такимъ образомъ, весьма важная реформа городского самоуправления, подобно другимъ реформамъ 1860—1870 гг., не обошлась безъ участія, и при томъ весьма дѣятельнаго, Константина Ивановича Домонтовича. Кстати, отмѣтимъ здѣсь, что положительно во всѣхъ поименованныхъ комиссіяхъ Домонтовичъ былъ не номинальнымъ только членомъ, напротивъ, всегда такъ случалось, что крупная доля труда въ каждой комиссіи, куда бы только его ни назначали, именно выпадала на него, и результаты этихъ трудовъ являлись въ формѣ тѣхъ или другихъ выходящихъ затѣмъ законоположеній.

Такъ высоко цѣнились результаты его трудовъ потому, что они всегда отличались и здравымъ обсужденіемъ вопроса, и полною добросовѣстностью: онъ вкладывалъ въ дѣло свою душу. Отъ юности дней своихъ врагъ угодливости, онъ всегда готовъ былъ мужественно отстаивать свои убѣжденія и во многихъ случаяхъ своей жизни выходилъ изъ борьбы преній счастливымъ побѣдителемъ.

Одновременно съ выработкой городского положенія въ 1870 году, въ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, пересматривалось дѣло о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Домонтовичъ и сюда призванъ какъ совершенно необходимый участникъ и въ этомъ сложномъ трудѣ.

Вообще во время десятилѣтней службы въ министерствѣ финансовъ (1865—1874 гг.) Константинъ Ивановичъ былъ однимъ изъ

ближайшихъ сотрудниковъ тогдашняго министра М. Х. Рейтерна въ лучшую пору его финансоваго управленія. Вмѣстѣ съ нимъ работали тогда К. К. Гротъ, А. П. Неболсинъ, С. А. Грейгъ, князь Д. А. Оболенскій, А. И. Бутовскій, А. К. Гирсъ, Е. И. Ламанскій, Д. Ѳ. Кобеко и другіе, имена которыхъ будутъ современемъ помянуты вполне добрымъ словомъ въ исторіи русскихъ финансовъ.

Многолѣтняя труженическая жизнь вполне государственнаго чловѣка Конст. Иван. Домонтовича завершается назначеніемъ его, 31-го января 1874 года, къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

IV.

Въ сенатѣ К. И. Домонтовичъ, какъ и во всю свою жизнь, явился не сановникомъ, опочившимъ отъ дѣлъ, а труженикомъ неустаннымъ и энергическимъ, чѣмъ и объясняется, что его и здѣсь не забыли господа министры, привлекавшіе его къ трудамъ, не входившимъ въ область сенаторской дѣятельности; такъ, напримѣръ, въ 1879 году, К. И. Домонтовичъ назначенъ членомъ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, для замѣны подушныхъ сборовъ другими налогами; такимъ образомъ онъ трудился въ великомъ дѣлѣ, блистательно довершенномъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге. Въ 1882 году Константинъ Ивановичъ назначенъ первоприсутствующимъ 4-го департамента правительствующаго сената. 1-го января 1885 года, уже кавалеръ Александра Невскаго, Домонтовичъ произведенъ за отличіе по службѣ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Необходимо сказать о службѣ К. И. Домонтовича въ сенатѣ.

Дѣятельность К. И. во главѣ IV департамента сената не прошла безслѣдно и безцвѣтно. Департаментъ этотъ стоитъ особнякомъ между другими департаментами сената. Ему подчинены всѣ коммерческіе суды имперіи—и его рѣшенія направляютъ и руководятъ дѣятельность этихъ судовъ. Но суды эти, да и самый IV департаментъ,—учрежденія стараго устройства, работа которыхъ происходитъ среди выполненія ряда формальностей канце-

лярскаго производства. А дѣло торговое, коммерческое—дѣло живое, чуткое къ явленіямъ жизни, къ колебаніямъ рынка, къ вновь возникающимъ экономическимъ потребностямъ. Вводя его въ область канцелярскихъ формальностей — можно пойти въ разрѣзъ съ требованіями жизни, можно втиснуть живое содержаніе въ мертвыя формы. К. И. слишкомъ много послужилъ обновленію русской жизни, чтобы отдать формѣ преимущество предъ содержаніемъ и мы слышали, что глубокое вниманіе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ и вопросамъ торговаго права, доходившимъ до его разрѣшенія, всегда бывало обращено не на узкую формальную сторону дѣла, а на житейскую, на тѣ общіе интересы экономическаго быта, которые могли быть затронуты или такъ или иначе направлены судебнымъ рѣшеніемъ, съ каковыми интересами онъ былъ отлично знакомъ и научно и практически.

Вотъ и весь очеркъ многосложной государственной дѣятельности этого честнаго, даровитаго и полнаго величайшаго усердія сподвижника незабвеннаго государя Александра II; за все это время К. И. сумѣлъ вызвать къ себѣ высокое уваженіе и признательность тѣхъ лицъ, которыя стояли во главѣ государственныхъ труженниковъ того времени. Это всего лучше видно изъ той телеграммы, которою осчастливилъ вдову покойнаго К. И. Домонтовича бывшій предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, при первомъ же извѣстіи, полученномъ, 3-го мая 1889 г., въ Крыму, Его Высочествомъ о кончинѣ сенатора К. И. Домонтовича. Вотъ эта телеграмма:

— „Сегодня только прочиталъ въ газетахъ совершенно неожиданное для меня извѣстіе о кончинѣ вашего почтеннаго мужа. Не могу вамъ сказать, какъ это глубоко меня потрясло и опечалило; въ теченіе нашего, почти тридцатилѣтняго, знакомства я привыкъ такъ моего тезку искренно любить, цѣнить и уважать, что мнѣ невыразимо тяжело знать, что его уже больше нѣтъ. Да подкрѣпите васъ Господь. Константинъ“.

V.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не приобщили къ нему нѣсколько чертъ для характеристики нравственнаго образа Константина Ивановича. Этотъ, какъ его называли нѣкоторые— „рѣдкій человѣкъ“,—рѣдкій по уму и характеру, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и талантомъ къ самой серьезной работѣ, соединялъ замѣчательную скромность; отнюдь никогда не выставлялся онъ своими трудами, никогда не рисовался ими, что уже было бы совершенно противно его въ высшей степени сдержанной, спокойной, крайне скромной природѣ. Трудъ давалъ ему наслажденіе; на полѣ труда онъ нашелъ себѣ и друзей. Всѣ эти лица, каковы Н. А. и Д. А. Милютинъ, И. С. Тургеневъ, Ю. О. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, М. Х. Рейтернъ, Н. Х. Бунге, М. Н. Любоцинскій, П. П. Семеновъ, Н. И. Стояновскій, Д. О. Кобеко, И. П. Арапетовъ, въ особенности же А. А. Абаза, и нѣкоторые другія были лучшими, ближайшими его друзьями, и чувство дружбы къ нимъ Константинъ Ивановичъ сохранялъ во всю свою жизнь.

Усердный участникъ, въ теченіи 26 лѣтъ, обѣдовъ 19-го февраля, онъ на этихъ дружескихъ трапезахъ въ рѣчахъ умныхъ, прочувствованныхъ дѣлалъ превосходные очерки нравственныхъ качествъ и заслугъ нѣкоторыхъ изъ сошедшихъ въ могилу его товарищей, людей государственныхъ. Нѣкоторые изъ рѣчей Константина Ивановича на этихъ обѣдахъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ (см. изд. 1885—1888 гг.).

Въ 1881-мъ году К. И. сочетался бракомъ съ Англидой Константиновной Мравинской, дочерью ген.-маіора.

Прекрасный мужъ, весьма внимательный, добрый и мягкій по характеру, Константинъ Ивановичъ явился нѣжнымъ отцомъ своихъ двухъ прекрасныхъ малютокъ, сына и дочери; нѣжность и любовь его къ нимъ не имѣли предѣловъ; довольно сказать, что онъ находилъ время каждый день рассказывать имъ особо придуманные самимъ дѣтскіе рассказы, игралъ, самъ устраивалъ для нихъ игрушки и проч. Вообще въ немъ было такъ много добраго отъ

самой его природы, такъ много сердечнаго, что всё эти качества, во всей полнотѣ, особенно обнаружались въ теченіи его восьмилѣтней семейной жизни.

Еще одну черту, и весьма рельефную, отмѣтимъ въ нашемъ дорогомъ покойникѣ. Какъ ни велики были труды Константина Ивановича, но онъ во всю жизнь, а послѣднія 15 лѣтъ въ особенности, каждый день находилъ время для того, чтобы читать и слѣдить за всѣмъ, что выходило въ нашихъ лучшихъ журналахъ или отдѣльныхъ книгахъ мало-мальски замѣчательнаго. Всѣ вопросы, въ особенности внутренней политики, все, что касалось до самыхъ жизненныхъ сторонъ въ бытіи и развитіи дорогаго нашего отечества,—все увлекало и занимало К. И. Домонтовича. Фактъ чрезвычайно знаменательный: наше чиновничество, по крайней мѣрѣ громаднѣйшая его часть, гдѣ бы оно ни получило образованіе, въ училищѣ ли правовѣдѣнія, въ лицей-ли, въ университетахъ-ли, чѣмъ выше поднимается по степенямъ гражданской іерархіи, тѣмъ менѣе и менѣе находитъ времени для того, чтобы слѣдить за произведеніями отечественной, а тѣмъ болѣе иностранной серьезной печати; въ большинствѣ русскіе „дѣловые люди“ какъ-то начинаютъ считать себя выше и умнѣе книгъ.....

Домонтовичъ и въ отношеніи постояннаго, до конца дней своихъ, стремленія расширять свои знанія, свое, такъ сказать, самообразованіе, былъ въ высшей степени достойнымъ представителемъ людей поколѣнія 1840-хъ годовъ и государственныхъ дѣятелей 1860-хъ годовъ, незабвенныхъ, славныхъ годовъ въ жизни русскаго народа....

Имѣвъ удовольствіе знать К. И. Домонтовича въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (съ янв. 1864 г.), мы долгомъ своимъ признали, въ качествѣ гласнаго с.-петербургской городской Думы, почтить славную память этого государственнаго и общественнаго дѣятеля добрымъ словомъ. Выписываемъ изъ газеты „Новое Время“ № 4731, изъ отчета засѣданія Думы, нашу небольшую рѣчь и вызванное ею постановленіе общаго собранія с.-петербургской городской Думы 1-го мая 1889 г.

„Одновременно съ утратою нашего великаго писателя М. Е. Салтыкова, — сказали мы, — русское общество понесло дру- гую потерю въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи, сенатора К. И. Домонтовича. Въ на-

чалъ 1860-хъ годовъ петербургская городская дума видѣла его въ средѣ своихъ сочленовъ, гласныхъ Думы, хотя, впрочемъ, весьма короткое время. Занятый, въ сильной степени, участіемъ въ трудахъ Редакціонныхъ комиссій и, затѣмъ, Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, К. И. долженъ былъ оставить Думу, за то, въ помянутыхъ учрежденіяхъ. онъ сослужилъ великую службу дорогому нашему отечеству, какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ трудѣ по обработкѣ и рассмотрѣнію проектовъ Положеній 19-го февраля. Когда эти проекты подверглись всестороннему, въ теченіе весьма многихъ засѣданій, рассмотрѣнію въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, К. И. редактировалъ громаднѣйшій трудъ—журналъ этого комитета и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неутомимо трудился въ области того же крестьянскаго дѣла въ Главномъ комитетѣ и въ Государственномъ совѣтѣ. Далѣе мы его видимъ въ сенатѣ, гдѣ онъ и скончался, занимая высочій постъ предсѣдательствующаго 4-го департамента. Государственныя заслуги К. И. и его высоконравственныя качества, доставившія ему всеобщее уваженіе, вызываютъ меня на предложеніе нашему предсѣдателю, не признаетъ ли онъ справедливымъ обратиться къ Думѣ съ предложеніемъ выразить чувства глубокаго соболѣзнованія семейству покойнаго, а также нашему уважаемому и старѣйшему гласному И. И. Домонтовичу по поводу тяжкой потери, понесенной ими съ кончиною К. И. Домонтовича. вмѣстѣ съ симъ прошу городского голову предложить собранію выразить нынѣ же уваженіе къ памяти опочившаго обычнымъ, въ таковыхъ случаяхъ, вставаніемъ всего собранія“.

Предложенія эти приняты собраніемъ Думы единогласно.

На гробъ почившаго, въ числѣ другихъ, возложены были цѣнные вѣнки, одинъ съ надписью: „Константину Ивановичу Домонтовичу отъ чиновъ канцеляріи 4-го департамента правительствующаго сената“, а другой съ надписью:

— „Вѣрному другу отъ кружка друзей“.

Сослуживцы его по департаменту окладныхъ сборовъ, въ которомъ онъ былъ почти десять лѣтъ директоромъ (1865—1874), предположили помѣстить тамъ его портретъ. Въ этомъ же департаментѣ 2-го мая и въ церкви правит. сената 11-го мая 1889 г. почтили память покойнаго отпраздненіемъ по немъ панихидъ.

Вѣчная, добрая и славная память, въ лицѣ К. И. Домонтовича, еще одному изъ сподвижниковъ императора Александра II Освободителя. Съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ ряды этихъ труженниковъ и участниковъ великихъ реформъ, и съ каждымъ годомъ все выше и выше будутъ подниматься имена ихъ въ благодарной памяти русскаго народа, по мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться заслуги ихъ и степень участія въ исполненіи благихъ предначертаній незабвеннаго Царя-Освободителя.

Примѣчаніа. I. Въ слѣдующей книгѣ «Русской Старины» мы помѣстимъ портретъ Константина Ивановича Домонтовича, исполненный граверомъ Н. П. Матюшинымъ съ хорошаго фотографическаго снимка, относящагося ко времени 19-го февраля 1886 г., когда, по случаю 25 лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ, всѣ наличные участники въ трудахъ по этой реформѣ имѣли счастье поднести альбомъ съ своими портретами Его Императорскому Высочеству в. к. Константину Николаевичу, бывшему председателю главнаго комитета по крестьянскому дѣлу (1860—1861), а затѣмъ и главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи (1861—1882 гг.).

II. Считаемо необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ. Перечитавъ нашъ очеркъ, посвященный памяти К. И. Домонтовича, мы при всемъ томъ, что все въ немъ переданное изложено нами вполне вѣрно и самый характеръ этой благородной личности очерченъ въ самомъ почтенномъ видѣ, тѣмъ не менѣе признаемъ, что общее впечатлѣніе не удовлетворяетъ насъ и едва ли удовлетворитъ его друзей. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ является въ нашемъ очеркѣ лишь весьма способнымъ и необыкновенно усерднымъ труженникомъ; между тѣмъ онъ стоялъ гораздо выше и только скромные его приемы не всякому позволяли это видѣть. Недостатокъ матеріаловъ, однако, не позволяетъ намъ дополнить нашу задачу такъ, какъ бы это хотѣлось и какъ бы это слѣдовало... Усердно просимъ ближайшихъ друзей покойнаго сообщить намъ таковыя матеріалы въ видѣ ли документовъ, въ видѣ ли личныхъ воспоминаній и замѣтокъ по поводу настоящаго нашего бѣлаго очерка и характеристика дорогаго покойника. Будетъ-ли, однако, услышанъ нашъ призывъ? Сомнѣваемся, и имѣемъ право сомнѣваться въ виду того равнодушія, съ которымъ приобыкли у насъ относиться къ лицамъ, много потрудившимся для блага нашей великой родины. Много ли, напрямѣръ, было сказано въ русской печати друзьями и почитателями Н. А. Милюткина послѣ его кончины?—почти ничего, а ужъ онъ ли ни былъ первой величины государственный дѣятель въ исторіи новой и свободной Россіи!

Михаилъ Семевскій.

28 апрѣля 1889 г. С.-Петербургъ.
21-го мая.

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ЧЕРНОГОРСКІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ маѣ мѣсяцѣ 1889 г.

Тостъ Государя Императора.—18-го мая, послѣ парада, въ Большомъ Дворцѣ, въ Петергофѣ, былъ завтракъ, къ которому были приглашены лица свиты, командиры и офицеры лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. За завтракомъ Государь Императоръ, поднявъ бокаль, провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Пью за здоровье князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи».

— 15-го сего мая его высочество князь Черногорскій Николай I назначенъ шефомъ 15-го стрѣлковаго полка, коему Высочайше повелѣно именоваться впредь 15-мъ стрѣлковымъ его высочества Князя Черногорскаго Николая I полкомъ.

13-го мая 1889 г., въ Зимнемъ дворцѣ, имѣли счастье представляться его высочеству Николаю князю Черногорскому и его наслѣднику князю Даніилу предсѣдатель славянскаго общества графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, секретарь совѣта В. И. Аристовъ, казначей совѣта В. Г. Чубинскій, члены совѣта: М. Ѡ. Мирковичъ, А. А. Кирѣевъ и пр., А. А. Лебедевъ и члены общества: намѣстникъ Александро-Невской лавры, архимандритъ Иннокентій, М. И. Семейскій, Н. К. Шведовъ, князь Ю. Н. Гагаринъ и А. А. Цапковъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями петербургскаго купечества, съ товарищемъ старшины купеческаго общества Л. Ѡ. Абатуровымъ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ привѣтствовалъ его высочество оживленнымъ, полнымъ глубокаго чувства, словомъ п отъ имени славянскаго общества поднесъ его высочеству, для наслѣдника его престола князя Даніила, св. Евангеліе, переплетенное въ бархатъ, а архиманд-

риту Иннокентій и Л. О. Абатуровъ съ товарищами — богатые эмальпированные образа св. Николая.

Пожизненный членъ славянскаго общества М. И. Семевскій представляя экземпляръ издаваемаго имъ журнала, сказалъ:

— «Ваше высочество! Издавая въ теченіе 20 лѣтъ журналъ «Русскую Старину», всецѣло посвященный изученію отечественной исторіи, я многократно имѣлъ и, конечно, буду имѣть случаи украшать страницы его сказаніями о великой борьбѣ Россіи въ союзѣ съ славянскими ей братскими народами за независимость сихъ послѣднихъ. Въ челѣ славянскихъ братій нашихъ издревле стоитъ народъ черногорскій — по своимъ доблестямъ и самоотверженной любви къ отечеству и свободѣ. Мы, члены славянскаго общества, считаемъ себя весьма счастливыми, что привѣтствуемъ верховнаго вождя Черной Горы, олицетворяющаго въ себѣ всѣ высокія качества своего народа и соединяющаго безстрашіе воина съ мудростью законодателя и высокимъ даромъ лучшаго выразителя поэзіи своего народа».

Кромѣ своего журнала, поднесеннаго его высочеству, каковое изданіе князь Черногорскій благосклонно изволилъ принять, М. И. Семевскій представилъ его высочеству, князю Данилу, наследнику черногорскаго престола, принадлежащее «Русской Старинѣ» изданіе большой гравюры, портретъ императора Александра II Освободителя, гравюры, исполненной покойнымъ граверомъ его величества, академикомъ Сѣряковымъ. М. И. Семевскій привнесъ въ даръ черногорскимъ училищамъ 200 экземпляровъ этой превосходной гравюры.

Гг. Шведовъ и Папковъ поднесли князю свои сочиненія. Князь Черногорскій горячо благодарилъ членовъ славянскаго общества за ихъ всегдашнюю готовность идти на помощь нуждающимся черногорцамъ и затѣмъ долго бесѣдовалъ отдѣльно съ высокоуважаемымъ предсѣдателемъ славянскаго общества, графомъ Н. П. Игнатьевымъ ¹⁾.

¹⁾ Газета «Свѣтъ», 1889 г., 14-е мая.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1889 Г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

- I. Жизнь Андрея Болотова, описанная самимъ имъ для своихъ потомковъ. Часть тридцать пятая, 1799 — 1800 гг. Сообщ. В. А. и А. В. Болотовы. 535—576
- II. Записки Александра Михайловича Тургенева, 1796—1800 гг. Глава LXV 183—220
- III. Дневникъ проф. академика Александра Васильевича Никитенко, 1827—1829 гг. 107—130, 577—598
- IV. Бородинская годовщина. Изъ воспоминаній Теобальда. 1838—1839 гг. 43—58
- V. Воспоминанія стараго студента. Сообщ. В. М. Сорокинъ. (См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, декабрь, стр. 617—647).
Замѣтка по поводу Воспоминаній В. М. Сорокина. Сообщ. В. Н. Рапоповъ . 480—481
- VI. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ, 1820—1888 г. Воспоминанія Л. И. Шестаковой, рожд. Глинка 161—182

- VII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг. 389—410
- VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Алексѣй Ивановичъ Шадринъ, странникъ-богомалецъ въ его собственномъ разсказѣ. 661—681

Историческіе и біографическіе очерки. —Переписка, разказы, матеріалы.
запѣтки.

- I. О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи царствовавшихъ на Руси особъ. Сообщ. съ тремя рисунками членъ археографической комиссіи А. Н. Труворовъ. 451—457
- II. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Главы IV—V. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 513—534
- III. Генераль фельдцейхмейстеръ Минихъ: два его распоряженія по артиллерійскому вѣдомству, 1730 г. Сообщ. А. И. Савельевъ. 458
- IV. Два указа о военныхъ наказаніяхъ въ 1734 г. Сообщ. А. И. Савельевъ. 701—702
- V. Русскіе на Шпидбергенѣ въ 1747—1748 гг. Сообщ. С. Ѳ. Огородниковъ 703—706
- VI. Княгиня Іоанна (Жанета) Антоновна Ловичъ, супруга цесаревича Константина Павловича, род. 1795, † 1831 г. Сообщ. П. П. Исаевичъ 707—716
- VII. Михайлъ Шумскій, мнимый сынъ графа Аракчеева. Сообщ. М. Марксъ 473—474
- VIII. Алексѣй Ивановичъ Лакомте въ 1812—1842 гг. Сообщ. М. А. Лакомте 471—472
- IX. Михайлъ Карилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ, 1784—1848 гг. Главы III—V (окончание). Сообщ. П. О. Бобровскій 325—356, 599—622
- X. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщ. о. В. И. Жмакинъ 313—324

- XI. Братья В. В. и К. В. Сикорскіе, ординарцы генерала Хрулева. Сообщ. М. Вроченскій и В. В. Сикорскій 696—700
- XII. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, продолженіе, 1859—1861 гг. Сообщ. профессоръ Н. А. Оярсовъ. 85—106, 623—640
- XIII. Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М. 717—723
- XIV. Николай Онуфрѣевичъ Сухозанетъ въ 1860—1861 гг. Сообщ. В. Д. Философовъ. 131—133
- XV. Николай Онуфрѣевичъ Сухозанетъ въ 1861 г. Пѣсня-шутка. Сообщ. г. Агафоновъ. 477—479
- XVI. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, † 7-го декабря 1866 г. Сообщ. М. Марксъ 475—476
- XVII. Къ новѣйшей исторіи монастырей. Записка архимандрита Игнатія Малышева, по поводу проекта устава объ учрежденіи епархіальныхъ общинъ сестеръ милосердія, составлен. игуменіей Митрофаніей въ 1869 г. 683—695
- XVIII. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Историко-біографическій очеркъ по бумагамъ фамилнаго его архива и прочимъ матеріаламъ. Главы IV—V. Сост. И. И. Ореусъ 357—387, 641—660
- XIX. Болгарское ополченіе и его сформированіе въ 1875—1879 гг. Запѣтки и воспоминанія И. С. Иванова 135—159
- Поправки. Сообщ. И. С. Ивановъ 512
- XX. Послѣдній бой за Шипку. По поводу воспоминаній В. В. Верещагина. Очеркъ ген.-м. Л. Н. Соболева. 1877—1878 гг. 411—450
- XXI. Александръ Васильевичъ Головинъ въ его заботахъ о религиозно-нравственномъ просвѣщеніи въ родовомъ селѣ Гулынки. Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи. (Оковчаніе). Очеркъ состав. и сообщ. Н. Н. Куликовъ. 1—34
- XXII. Путевые очерки, запѣтки и наброски М. И. Семейскаго. Поѣздка по Россіи въ 1888 г: II. Москва. III. Троице-Сергіева лавра 221—262, 489—511
- Запѣтка къ «Пут. очеркамъ»: Домъ М. П. Погодина въ Москвѣ. Сообщ. А. Д. Погодинъ 511

- XXIII. Дворянскій полкъ. 82-я годовщина его учрежденія. 1807 г.—14-го марта—1889 г. Сообщ. Ю. С. Лось-Рожковскій. 263—272
- XXIV. Константинъ Ивановичъ Домонтовичъ, † 28-го апрѣля 1889 г. Очеркъ къ его биографіи. Сообщ. Ред. 755—772
- XXV. Князь Николай Черногорскій въ С.-Петербургѣ 13-го мая 1889 г. 773—774
-
- XXVI. Трехсотлѣтіе города Саратова. Сообщ. кн. Л. Голицынъ 512
- XXVII. Забѣтки и поправки. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 481
-

Исторія русской литературы.

- I. Матеріалы для исторіи пенауры 1809—1815 гг. 459—465
- II. Александръ Семеновичъ Шшковъ, 1824 г. Сообщ. А. В. Смирновъ 466—467
- III. Мысли и замѣчанія сельскаго жителя на стихи неизвѣстнаго сочинителя, подъ названіемъ «Домъ сумасшедшихъ», 1825 г. Сообщ. Н. П. Барсуковъ. 468—470
- IV. Осипъ Ивановичъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія о немъ и его письма. Сообщ. Е. Н. Ахматова. 273—312
- V. Сорока-воровка. Повѣсть А. И. Герцена. Подлинная рукопись автора, 1846 г. Сообщ. Т. П. Пассекъ. 59—81
- VI. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія, 1838—1839 гг. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова 134, 160, 388, 682
- VII. Поэтъ Цедлицъ. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 474
- VIII. Историко-литерат. матеріалы и письма въ 1853—1855 гг.: в. к. Константинъ Николаевичъ, Даль, Шевыревъ. 35—42
- IX. Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его биографіи. Сообщ. профессоръ Н. О. Сумцовъ. 725—732
- X. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Сообщ. П. Н. Якови. 482—484
- XI. Татьяна Петровна Пассекъ, † 24-го марта 1889 г. Рѣчь на ея могилѣ и замѣтка. Ред. 485—488
- XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, † 28 апрѣля 1889 г.
1. Биографическо-критическій очеркъ. Сообщ. профессоръ Ор. О. Миллеръ. 744—754

АПРѢЛЬ—ЮНЬ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» ИЗД. 1889 Г.	У
	стр.
2. Автобиографическія замѣтки М. Е. Салтыкова	735—736
3. Замѣтка о значеніи М. Е. Салтыкова въ отече- ственной литературѣ (1887 г.). Ред.	737—739
4. Письмо М. Е. Салтыкова къ редактору «Русской Старины», мартъ 1887 г.	739
5. Последнее свиданіе, 19 апрѣля 1888 г. Ред.	740
6. Въ день кончины М. Е. Салтыкова, 28-го апрѣля 1889 г. Ред.	741
7. День погребенія М. Е. Салтыкова 2-го мая 1889 г.: стихотвореніе. Сообщ. В. Р. Щиглевъ.	742

Портреты и рисунки.

- I. Портретъ Михаила Кирилловича Бобровскаго, греко-уніатскаго каноника, — профессора виленаго университета въ 1814 - 1832 гг. Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 345).
- II. Портретъ адмирала Ивана Алексѣевича Шестакова, гравироваль художникъ В. В. Маттэ.
(При стр. 1).
- III. Портретъ Михаила Евграфовича Салтыкова, гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ, второе тисненіе.
(При стр. 513).
- IV. Рисунки въ очерку А. Н. Труворова о саняхъ, употреблявшихся при погребеніи въ древней Руси.
(Стр. 455—457).
- V. Чертежи въ очерку Л. Н. Соболева: „Бой за Шипку“.
448—449

Библиографическій списокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Наша жизнь. Стихотворенія П. А. Кускова. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. X+250. (На оберткѣ IV-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
2. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Изданіе Тверскаго Историческаго Музея. Тверь, 1888 г., въ 8 д., стр. 74. (Тамъ-же).
3. Описаніе Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскаго. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. Москва, 1888 г. въ большую 4 д., стр. II+242+XVIII.
4. Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Части: I (XV—XVII стол.); одинъ выпускъ части II (первая половина XVII в.) и часть III (приложеніе). Составилъ завѣдующій музеемъ Н. Е. Бранденбургъ. Спб., 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).

5. С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Москва, 1889 г., въ м. 8 д., стр. 170. («Русск. Стар.» кн. VI).
6. Сергій Ал. Бѣлокуровъ. Матеріалы для русской исторіи. Москва, 1888 г., въ 8 д., стр. 574. (Тамъ-же).
7. Рейнгольдъ Гейденштейнъ. Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изд. Археографич. комиссія. Спб., 1859 г., въ 8 д., стр. I.XXXVI+309+29. (На оберткѣ V-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
8. Новые матеріалы и труды о патриархѣ Нпконѣ, ордин. проф. В. С. Иконникова. Кіевъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 78. (Тамъ-же).
9. Кубанское казачье войско 1696—1888 гг. Сборникъ свѣдѣній о войскѣ. Изд. Е. Д. Фелицинь. Воронежъ, 1888 г., въ 8 д., стр. 438, съ вкл. красками картою города Екатеринодара, портретами и политнажами. (Тамъ-же).
10. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.—Книга пятая Москва, 1888 г., въ 6. 8 д., стр. XIII+508+156. (Тамъ-же).
11. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ровинскій. Изданіе съ 700 фототипными портретами. Спб., четыре тома, въ 6. 8 д., 1886—1889 гг. (Тамъ-же).
12. Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городского хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи. Составили П. Алабинъ и П. Коноваловъ. Самара, 1889 г., въ 8 д., стр. IV+910. (На оберткѣ VI книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
13. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва, 1889 г., въ 8 д. (Тамъ-же).
14. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. 1889 годъ. Томъ II, выпускъ I. Подъ редакціей С. С. Краснодубровскаго, съ приложеніемъ трехъ картъ Саратова. 1890, въ 8 д., стр. 245. (Тамъ-же).
15. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г. и М. Д. Скобелевѣ ординарца его Петра Дукмасова. Спб., 1889 въ 8 д., стр. XXI+465, съ двумя снимками писемъ и двумя картами. (Тамъ-же).
16. Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаніямъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга по желѣзнымъ дорогамъ: Финляндскимъ и Балтійской. Составилъ и изд. Н. П. Федотовъ. Спб., 1889 г., стр. 300. (Тамъ-же).
17. Карта и 19 подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей въ районѣ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ихъ дачными окрестностями. Спб. 1889 г. Состав. и изд. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
18. Дачныя мѣстности по Финляндской желѣзной дорогѣ: Теріюки; Тюресса; Ваммельсуу; Черная рѣчка; Метякюля Съ двумя планами. Спб., 1889 г. Изд. второе. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
19. Описаніе и подробный планъ дачной мѣстности Райвахо. Спб., 1889 г., второе изд. Состав. Н. П. Федотовъ. (Тамъ-же).
20. Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. 1788—1818. Біографическій очеркъ. Состав. И. И. Божаринъ, Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. VII+87.

ВЪ МАГАЗИНѢ АВГ. ФЕД. ЦИНЗЕРЛИНГА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ
НОВЫЯ КНИГИ:

I.

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБЪЕВА (1780—1809)

російскаго дворянина и военно-служилаго человѣка.

Спб., 1888 года, изд. «Русской Старины», въ 8 долю, стр. 168.

Рукопись изъ собранія А. А. Титова.

Записки Толубѣва, при рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ русскіяго людей XVIII-го вѣка, составляютъ интересный вкладъ въ собраніе записокъ и сказаній о временахъ минувшихъ. Написаны Записки Толубѣва съ добродушнымъ юморомъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о бытѣ дворянъ-помѣщиковъ; много въ нихъ подробностей и о бытѣ крестьянъ конца XVIII-го вѣка, объ ихъ увеселеніяхъ, предрассудкахъ и повѣрьяхъ русскаго народа; о магнатахъ южной Россіи, о всѣхъ тягостяхъ военно-служилаго быта конца прошлаго и первыхъ лѣтъ текущаго столѣтій много интересныхъ данныхъ о кровавой кампаніи противъ французовъ 1806—1807-хъ годовъ, участникомъ которой былъ Толубѣвъ, и проч., и проч. Записки Толубѣва впервые являютъ въ печати.

Цѣна книги ДВА рубля съ пересылкой.

Для подписчиковъ на «Русскую Старину» цѣна книги: «Записки Толубѣва» ОДИНЪ рубль съ пересылкой.

II.

ТРЕТІЙ ТОМЪ

„ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ“,

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

Съ портретомъ автора.

Главный складъ этой книги, только что вышедшей изъ печати и составляющей посмертное изданіе извѣстной писательницы,—въ Петербургѣ, Троицкій переулокъ, книжный магазинъ Бортневскаго. Цѣна 2 р. Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

Цѣна за всѣ три тома записокъ Т. П. Пассекъ 5 р. За пересылку особо. Книгопродавцамъ уступка.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

Удостоенъ полной преміи митрополита Макарія.

Отзывъ редакціи «Русской Старины» см. октябрьскую книгу изд. 1887 года, стр. 243—244, и ноябрьскую кн. 1888 г., стр. 547—548.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемилоствѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на «Словарь». ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и другіе члены Императорской Фамиліи также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѢНОДЪ и Г. Оберъ-Прокуроръ рекомендовали «Словарь» вниманію Епархіальныхъ Архіереевъ.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности признало этотъ «Словарь» — «необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Вибліи».

ШЕСТЬ КНИГЪ (всего: 2520 печатныхъ страницъ). **ИЗДАНИЕ ОКОНЧЕНО.** ЦѢНА: на обыкновенной бумагѣ — **ПЯТНАДЦАТЬ** (15) рублей; на веленовой — **ДВАДЦАТЬ** (20) рублей; на слововой (осталось 5 экземпляровъ) 65 рублей за экземпляръ. Требования на «Словарь», вѣстѣ съ деньгами (**БЕЗЪ ДЕНЕГЪ «СЛОВАРЬ» НЕ ВЫСЫЛАЕТСЯ НИ ЛИЦАМЪ, НИ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ**), должны быть адресованы **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:**

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ГИЛЬТЕБРАНДТУ,

Петербургъ, Кабинетская, 13.

NB. Вслѣдствіе весьма значительнаго повышенія (съ апрѣля 1839 г.) платы за пересылку книгъ по почтѣ, лица, живущія за 2000 верстъ отъ Петербурга и выписывающія «Словарь», приплачиваютъ на каждую тысячу верстъ (т. е. 2001—3000 в., 3001—4000 в. и т. д.) 1 р. за одинъ экземпляръ «Словаря» на обыкновенной бумагѣ и 1 р. 50 к. на веленовой.

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:
 ТРЕТЬЕ СОБРАНИЕ
 ПОРТРЕТЫ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВИЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
 [НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна **ЧЕТЫРЕ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе вышедшаго **третьяго** сборника гравюръ
 „Русской Старины“:

Владиміръ св. — П. Еропкинъ. — Графъ Тотлебенъ. —
 Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. —
 М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинъ — Гр. С. Стро-
 гановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдо-
 кимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Ку-
 кольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-
 Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лер-
 монтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розен-
 геймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. —
 Отшельникъ Федоръ. — Памятникъ и барельефъ на
 общей могилѣ Вольнскаго, Еропкина и Хрущова. —
 Памятникъ Славы.

Получить эту книгу можно въ редакціи «Русской Старины»,
 С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7, и во всѣхъ
 ея конторахъ.

Цѣна этого собранія гравюръ для подписчиковъ «Русской
 Старины» 1889 года **ДВА** рубля съ пересылкою (вмѣсто 4 р.).

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Авг. Фед. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885, 8 д., стр. 300.

Цѣна ТРИ руб. съ перес.

Все изданіе этой книги принадлежитъ магазину Августа Федоро-
вича Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

Первое прибавленіе

къ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ
русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюры на мѣди и на деревѣ

Цѣна ОДИНЪ рубль съ перес.

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
извѣстныхъ лицъ, государ. и общественныхъ дѣятелей. —
Воспоминанія. — Стихотворенія. — Шутки. — Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою

1867 — 1888.

☞ Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издер-
жекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для
пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ
въ С.-Петербургѣ» въ распоряженіе каковаго Общества и передано
6-го февраля 1889 г. 450 экземпляровъ.

Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1889 годъ. Томъ II, выпускъ I. Подъ редакціей С. С. Краснотуровскаго, съ приложеніемъ трехъ картъ Саратова, 1889, въ 8 д., стр. 245.

Сборникъ этотъ, съ внятной мѣстной, производства, внятной, въ которую входитъ видъ Саратова 1633 г., вмѣщаетъ въ себя, кромѣ протоколовъ комиссіи: проектъ и. Д. Д. Голицына и г. Краснодубровскаго программъ обширнаго «Саратовскаго историческаго сборника»; г. Чекалина: «Саратовское поволжье въ XIV вѣкѣ», Минха «Материалы для исторіи заселенія Саратовскаго уезда»; почтенный трудъ г. Харизоменова: «Материалы по исторіи заселенія Саратовской губерніи» (продолж.); сообщенія Голомбьевскаго: о дѣлахъ московскаго архива м—ства юстиціи, до Саратов. края относящихся; Смирнова: Архивъ вольскаго нижняго зем. суда и проч. Вообще сюда вошли сообщенія двѣнадцати лицъ изъ членовъ мѣстной уч. архивной комиссіи, которая, такимъ образомъ, вполне проявляетъ свою научную дѣятельность, посвященную изученію старинъ саратовскаго края.

Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и М. Д. Скобелевъ ординарца его Петра Дукмасова. Спб., 1889, въ 8 д., стр. XXI+465, съ двумя снимками писемъ и двумя картами. Цѣна 1 р. 50 к.

Бывшій въ 1877—1878 гг. хорунжій войска Донскаго, одинъ изъ храбрѣйшихъ ординарцевъ доблестнаго М. Д. Скобелева, Петръ Архиповъ Дукмасовъ, десять лѣтъ спустя въ незабываемомъ, но бойкомъ и искреннемъ разсказѣ изложилъ свои воспоминанія о минувшихъ событіяхъ этой войны. Не мудрствуя лукаво, г. Дукмасовъ повѣствуетъ только о томъ, что видѣлъ своими глазами, и то, въ чемъ лично участвовалъ; видѣлъ же онъ многое, такъ какъ являлся въ самомъ пылу боя, былъ участникомъ перваго забалканскаго вторженія славнаго генерала Гурко, а затѣмъ неизмѣннымъ спутникомъ Скобелева. Воспоминанія г. Дукмасова, если не представляютъ крупнаго явленія въ обширной уже литературѣ военно-историческихъ сказаній и очерковъ о минувшей кампаніи, то для живописанія нашего народнаго героя М. Д. Скобелева

составляютъ положительно цѣнный матеріалъ; во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ представляетъ живую, весьма искренно написанную и весьма интересную книгу, тѣмъ болѣе, что въ ней мы видимъ Скобелева не только на поляхъ битвъ, но и послѣ войны, между прочимъ видимъ въ Скобелевѣ землевладѣльца, въ его мнѣніи.

Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаньямъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга и по желѣзнымъ дорогамъ: Финляндскимъ и Балтійской, съ указаніемъ цѣны и размѣровъ дачъ, двумя подробными картами, многими рисунками и другими приложеніями. Составилъ и издалъ Н. П. Федотовъ. Спб., 1889 г., стр. 300. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Карта и 19 подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей въ районѣ Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ ихъ дачными окрестностями. Спб. 1889 г. Состав. и изд. Н. П. Федотовъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Дачныя мѣстности по Финляндской желѣзной дорогѣ: Теря-Юви; Тюресева; Ваммельсуу; Черная рѣчка; Метикюля. Съ двумя планами. Спб. 1889 г. Изд. второе. Состав. Н. П. Федотовъ. Цѣна 25 коп.

Описаніе и подробный планъ дачной мѣстности Райвало. Спб., 1889 г., второе изд. Состав. Н. П. Федотовъ. Цѣна 15 коп.

Всѣ эти путеводители и карты составлены и изданы съ большою заботливостью, очень точны и мы рекомендуемъ ихъ обитателямъ этихъ мѣстностей и направляющимся туда туристамъ и дачникамъ какъ необходимые для нихъ книги и планы.

Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская, 1788—1818. Биографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета и автографа. Составилъ Н. Н. Вожегатовъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. VII+87. Книга посвящена его высочеству принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

Очеркъ достаточно полно, хорошо составленъ по печатнымъ источникамъ.

Ред.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Клевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (55 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (33 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (7 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (89 экз.) съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (10 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ Мих. Ив. Сомовскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

ІЮЛЬ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- | | | | |
|--|-----|--|-----|
| I. Записки архимандрита Владимира Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858. Гл. I—X. Сообщ. А. Лопатинскій | 1 | IX. Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Записка, представленная имъ ген.-адм. с. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу въ 1850 г. | 177 |
| II. Дневникъ Александръ Васильевича Нимитено, 1830—1832 гг. | 27 | X. Къ вопросу о болгарскомъ ополченіи 1877—1878 гг. Сообщ. Д. Г. Анучинъ. | 193 |
| III. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1861 г. Сообщ. проф. П. А. Фирсовъ. | 61 | XI. Археологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году | 205 |
| IV. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. Гл. VI. | 81 | XII. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства, 1800 г. | 211 |
| V. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ | 111 | XIII. Матеріалы, замѣтки и стихи.: Историч. могилы въ г. Березовѣ (133).—Огаревъ (110, 128, 162, 210).—Виліи, стихи., переводъ изъ Мицкевича (203).—В. А. Каратыгинъ (159).—В. Ф. Лауринъ (183).—Бѣлая монахиня въ Пензѣ (193).—Т. П. Пассекъ (187).—Общество Красн. Креста (190). | |
| VI. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Письма къ нему Боева, Баландовскаго и Леонтьева въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ | 129 | XIV. Библиографическій листокъ. | |
| VII. Светлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ въ 1820—1843 гг. Сообщ. С. П. Погодина | 137 | | |
| VIII. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шеврокъ. | 163 | | |

ПРЕЛОЖЕНІЕ: Портретъ Константина Ивановича Домонтовича, гравиров. художникъ И. И. Магюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.



VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1889 г.

Исторія Тверской духовной семинаріи. Ко дню 150-лѣтняго юбилея семинаріи. Сост. препод. Владимиръ Колосовъ. Изд. иждивеніемъ архіепископа Саввы. Тверь, 1889, въ б. 8 д., стр. X+464.

Празднованіе 150-лѣтняго юбилея Тверской духовной семинаріи 16-го февраля 1889 г. Состав. преподав. семинаріи, В. Колосовъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 96.

Почтенный трудъ одного изъ усердныхъ и весьма свѣдущихъ членовъ Тверской ученой архивной комиссіи «Исторія тверской семинаріи» заключаетъ въ себѣ множество интересныхъ свѣдѣній, имѣющихъ значеніе не только по отношенію къ этому только учебному заведенію, но и вообще для исторіи хода духовно-учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; книга г. Колосова по справедливости можетъ служить образцомъ для такого рода изслѣдованій.

Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Изданіе Спб. губерни. земства. Спб. 1882—1839, въ б. 8 д. Десять выпусковъ.

Превосходное изданіе Саб. губ. земства, по главѣ управы котораго изданія стоятъ И. А. Горчаковъ—высокоуважаемый земскій хозяинъ и обществ. дѣятель. Изданіе вмѣщаетъ въ себѣ массу данныхъ о крестьянскомъ и частновладельческомъ хозяйствѣ въ большинствѣ уѣздовъ этой губерніи; всѣ свѣдѣнія собраны на мѣстахъ, при личныхъ объѣздахъ земскихъ статистиковъ, и сведены въ строгую систему трудами А. В. Гизетти (завѣд. статист. работами Петерб. губ. земства), Н. Дровдова и Я. Абрамова.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Сост. В. Зелинскій. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Москва, 1887—1888 гг. Цѣна 3 р.

Русская критическая литература о произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Состав. В. Зелинскій. Три части. Москва, 1888. Цѣна 3 р.

Вполнѣ полезныя книги—въ особенности для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ хорошее пособіе при изученіи творчества этихъ великихъ русскихъ писателей и отношеній къ нимъ русской критики различныхъ періодовъ ихъ дѣятельности.

Проф. Мих. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. (Dziejje Polski w Zagrysie). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета Н. П. Карѣева. Спб., 1888 г., томъ I, въ 8 д., стр. II+292. Изд. Ф. Пантелѣева. Цѣна съ билетомъ на второй томъ 5 р.

Прекрасный переводъ очень хорошаго сочиненія, польза и необходимость котораго для читающаго русскаго общества несомнѣнна. Въ русскомъ обществѣ бранить зачастую Польшу и поляковъ, много предубѣждены противъ нихъ, а между тѣмъ исторія этого столь родственнаго намъ народа—почти намъ невѣдома. Въ первомъ томѣ названнаго изданія она изложена по отношенію къ первоначальной и средне-вѣковой Польшѣ.

Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.—Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковского. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб., 1868, въ 8 д., стр. 298+355.

Почтенный издатель-редакторъ двухъ журналовъ «Народная школа» (XXI г.) и «Наблюдатель» (VIII годъ изданія) принадлежатъ въ опытнымъ писателямъ, подвизающимся въ области серьезной литературы болѣе тридцати лѣтъ. Накѣстный педагогъ, А. П. Пятковский составилъ себѣ имя нѣсколькими замѣчательными трудами въ области исторіи русской литературы. Нѣсколько изъ лучшихъ монографій, ему принадлежащихъ, вошли въ составъ названнаго сборника, который положительно долженъ занять мѣсто въ бібліотекахъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и у каждаго интересующагося исторіей литературнаго и общественнаго развитія въ Россіи. Такъ, въ этой книгѣ мы, между прочимъ, находимъ: о жизни и сочиненіяхъ еомъ-Визина. Цезурный проектъ Магницкаго.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

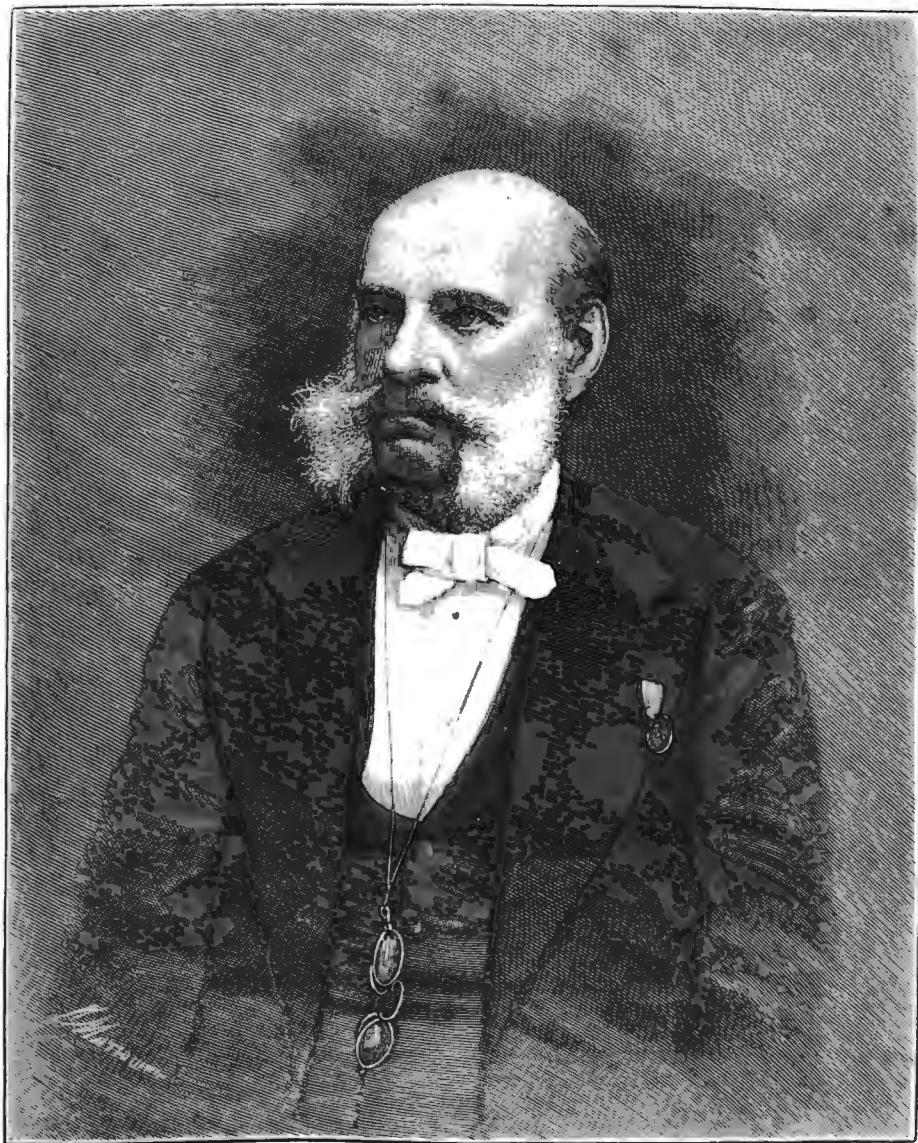
1889 г.

ИЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.



Константин Дмитриевич

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА ТЕРЛЕЦКАГО,

БЫВШАГО ГРЕКО-УНИАТСКАГО МИССИОНЕРА

1808—1858.

Предлагаемыя записки архимандрита Владимира Терлецкаго, доктора богословія и медицины, любопытны во многих отношеніяхъ. Изображая въ послѣдовательномъ разсказѣ бурную жизнь бывшаго польскаго революціонера, затѣмъ униатскаго агитатора, протекшую, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, Римѣ, въ продолжительныхъ странствованіяхъ на востокъ, въ Галичинѣ и Угорщинѣ, наконецъ, архимандрита—въ лошѣ православной церкви мирно окончившаго жизнь въ Россіи, записки Терлецкаго представляютъ грустную картину безплодныхъ попытокъ одного человѣка достигнуть того, о что тщетно разбивались, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, усилія многихъ святителей церкви,—соединенія западной и восточной церковей. Въ запискахъ этихъ разъяснена понятная только для западно-русскаго человѣка метаморфоза одного изъ дѣятелей польскаго восстанія 1831 года, врага католика, чрезъ посредствующее звено униі, въ монаха греко-россійской церкви, православнаго архимандрита и убѣжденнаго русскаго патриота. Поучительна судьба архимандрита Владимира не только для всѣхъ колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ умовъ западной и югозападной Россіи, но и для немногочисленной, правда, но все-таки заявляющей о своихъ притязаніяхъ, польской интеллигенціи въ западной окраинѣ,—этою иаростѣ на здоровомъ ядрѣ вскопи русскаго края.

Архимандритъ Владиміръ, на склонѣ своихъ лѣтъ, проживалъ на покой въ Одессѣ. Находясь съ этимъ многоиспытаннымъ старцемъ въ дружескихъ отношеніяхъ и зная съ давнихъ поръ, не только на основаніи личнаго съ нимъ общенія, но и продолжительной переписки, всё болѣе или менѣе выдающіяся обстоятельства его жизни, я рѣшился, по его просьбѣ, принять на себя трудъ редактировать записки нинѣ уже покойнаго о. Владимира и предложить ихъ на судъ русскаго публики, помѣстивъ оныя на страницахъ уважаемаго изданія «Русской Старины».

Л. Лопатинскій.

Пятигорскъ, 11 января 1889 г.

I.

Дѣтство.—Кременецкій лицей.—Виленскій университетъ.

Я родился въ 1808 году, въ селеніи Волицъ-Дубиской, Волинской губерніи, Стариоюконстантиновскаго уѣзда, отъ отца Андрея Васильевича и матери Франциски изъ Оснѣвскихъ Терлецкихъ. Фамилія Терлецкихъ принадлежитъ къ древнему червоно-русскому дворянскому роду, выводящему свое происхожденіе изъ села Терло, близъ Перемишля, стольнаго города Перемишльскаго княжества, входящаго теперь въ составъ Галиціи. Къ этой фамиліи принадлежало нѣсколько униатскихъ епископовъ, и, между прочимъ, печальной памяти Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, одинъ изъ самыхъ главныхъ поборниковъ униі, кромѣ того, Меодій Терлецкій, епископъ Холмскій и другіе. Въ настоящее время многіе представители фамиліи Терлецкихъ проживаютъ въ Галиціи; одни, придерживаясь униі, остались вѣрными русской народности, а другіе, измѣнивши родной вѣрѣ и окатоличившись вполне, превратились въ настоящихъ поляковъ. Къ разряду послѣднихъ принадлежали и мои родители, вслѣдствіе чего я получилъ св. крещеніе по римско-католическому обряду: имя мнѣ было наречено Ипполитъ. Мнѣ пошелъ 9-й годъ и уже должно было подумать о моемъ воспитаніи. Между тѣмъ, у моихъ родителей не было средствъ для того, чтобы меня отправить въ лицей. Къ счастью, въ это время родной братъ моего отца, Стефанъ Терлецкій, содержалъ въ г. Кременцѣ пансіонъ, въ которомъ воспитывались сыновья богатыхъ польскихъ помѣщиковъ; онъ взялъ меня къ себѣ, и я сталъ посѣщать тамошнюю гимназію, преобразованную впоследствии въ лицей.

Кременецкій лицей сдѣлался въ то время умственнымъ центромъ для всего юго-западнаго края. Духъ этой школы, закрытой вслѣдствіе польскаго мятежа 1831 года, былъ либерально-шляхетскій; культъ польской народности былъ на первомъ планѣ, а религіозно-нравственная сторона въ воспитаніи юношества была въ полнѣйшемъ загонѣ. По какой-то непонятной близорукости тогдашняго русскаго правительства, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Адама Чарторыйскаго, сперва министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ попечителя виленскаго учебнаго округа, вся западная Россія, край искони русскій, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, съ небольшою литовскою примѣсью въ сѣверо-западной окраинѣ, былъ отданъ въ руки польскаго шляхетства, составляющаго ничтожное меньшинство, но сильнаго богатствомъ, дарованными ему привилегіями и крупною земельною собственностью. Что же представляло изъ себя подавляющее своимъ числомъ большинство русскаго элемента? Это были чуть ли не исключительно закрѣпо-

ценные крестьяне, почитаемые польским шляхетством «быдломъ», а тогдашней русской интеллигенціей — равновидностью польскаго племени. Въ силу подобныхъ взглядовъ правительства и русскаго общества, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа всецѣло царилъ польскій языкъ, онъ былъ языкомъ преподаванія и особенное вниманіе обращалось на польскую исторію и литературу. Польша представлялась въ утѣ учениковъ земнымъ раемъ, идеаломъ свободы, просвѣщенія, всеобъемлющей любви и всеобщаго благоденствія, къ которому должны стремиться нѣгъ молодыя сердца и всѣ нѣгъ помышленія. Русскій же языкъ, съ литературой, и исторія Россіи занимали, въ числѣ преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ, если не меньшее, то во всякомъ случаѣ и не болѣе значительное положеніе, чѣмъ другіе иностраннныя языки, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что за послѣдними признавалось высокое культурное значеніе, тогда какъ Россія съ ея языкомъ считалась чѣмъ-то варварскимъ, грубымъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Вотъ какииъ направленіемъ отличался Кременецкій лицей! Подобныя взгляды были результатомъ польской исключительности и нетерпимости, но главнымъ образомъ они были привиты этой школѣ ея основателемъ Фаддеемъ Чацкимъ, однимъ изъ самыхъ главныхъ колонизаторовъ южно-русскаго края. Онъ сумѣлъ подобрать для школы учителей, вѣрно придерживающихся даннаго ей направленія. Вотъ, между прочимъ, слѣдующій прихѣръ: въ законоучители низшихъ классовъ былъ нѣгъ назначенъ униатскій священникъ Собкевичъ, человекъ честный и прямодушный, но не отличавшійся знаніями. Итакъ, когда онъ когда нибудь говорилъ или читалъ о страстяхъ Иисуса Христа. то онъ вспоминалъ, что часто случалось, и о покойной Рѣчи Посполигой. Польшѣ, и при томъ всенепрѣнно заливался горькими слезами, что, разумѣется, не могло не производить глубокаго впечатлѣнія въ сердцахъ дѣтѣй. Весь учебный годъ дѣтямъ не приходилось слышать что бы то ни было про Россію, напоминающее нѣгъ о томъ, что они живутъ въ русскомъ краѣ, — въ ушахъ и сердцахъ учащихся и учащихъ царилъ Польша; только къ концу учебнаго года, на публичномъ актѣ, во время чтенія рѣчи, нѣгъсколькими лестными словами вспоминалось о государѣ императорѣ. Такіе же или приблизительно такіе порядки господствовали и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ западной окраины Россіи, и потому не удивительно, что этотъ край высылалъ столь многочисленный контингентъ польскихъ матежниковъ. Когда же послѣ 1820-гъ годовъ въ школьномъ управленіи ненадежныя элементы были замѣнены другими, — болѣе испытанной вѣрности, то это не принесло желаемыхъ плодовъ, такъ какъ учителя остались почти тѣ же самыя, а вкоренившійся въ учащейся молодежи духъ шляхетско-польскій перешелъ по преемству отъ одного поколѣнія къ другому.

Вѣсть съ тѣмъ польско-патріотическое направленіе въ воспитаніи молодежи какъ въ Кременецкомъ лицей такъ, какъ кажется, и въ другихъ учебныхъ

заведеніяхъ западнаго края, сопровождалось другимъ еще болѣе вреднымъ направленіемъ, — религіознымъ индифферентизмомъ. Правда, ученики были обязаны ходить въ костелъ въ будни на тихую мшу, а по воскресеньямъ и праздникамъ на спѣваную, но вся окружающая ихъ, такъ сказать, атмосфера дышала непростительнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, которое незаметно проникало въ душу неопытныхъ юношей. Всѣ заботы учебнаго начальства были направлены къ умственному развитію учащейся молодежи; религіозное же воспитаніе ограничивалось въ низшихъ классахъ двумя уроками въ недѣлю, весьма недостаточно преподаваемыми о. Собкевичемъ, а въ высшихъ классахъ, называемыхъ курсами, одной лекціей для всѣхъ курсовъ виѣстѣ, читаемой по воскресеньямъ даровитымъ проповѣдникомъ лицея, іеромонахомъ ордена капуциновъ. Могла ли эта крупица, бросаемая отъ времени до времени на неблагодарную почву религіознаго индифферентизма, противоѣдствовать виѣдрившемуся глубоко въ сердцахъ юношей злу? Потому неудивительно, что какая нибудь антирелигіозная книжка, или насмѣшка надъ религіознымъ чувствомъ какого нибудь вольнодумца окончательно разрушала въ средѣ учениковъ основанную на шаткихъ убѣжденіяхъ вѣру. Это случалось съ большею частью молодежи, и, разумѣется, должно было случиться со мною. Прочтенная мною книга Вольвея (Volney) «Руины Пальмиры», любезно сообщенная мнѣ однимъ польскимъ помѣщикомъ-патріотомъ, разбила всю мою вѣру, распатанную всей антирелигіозной обстановкой, и повела меня на бездорожья, изъ которыхъ выбраться на путь, болѣе здравый и правильный, было уже очень трудно. Послѣ удаленія Чарторыйскаго отъ занимаемой имъ должности попечителя и назначенія на его мѣсто Новосильцева стали вводить болѣе цѣлесообразное преподаваніе Закона Божія, но было поздно: зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни!

Въ 1825 году я окончилъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ Кременецкомъ лицей, и, благодаря денежному пособію, которое мнѣ выдавалъ дядя Стефанъ, я отправился въ Вильну для поступленія въ тамошній университетъ. Тотъ же самый польско-патріотическій духъ, что и въ Кременцѣ, господствовалъ и въ виленскомъ университетѣ; той же ненавистью и такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому дышала большая часть преподавателей и почти вся учащаяся молодежь. Въ университетѣ поступилъ я на второй курсъ медицинскаго факультета, такъ какъ окончившіе курсъ въ Кременецкомъ лицей освобождались отъ слушанія естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ на первомъ курсѣ медиковъ. Въ университетѣ пробылъ я до конца 1830 г., въ которомъ я окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Вспынувшій въ это время польскій мятежъ воспрепятствовалъ мнѣ сдать строгія испытанія (ригороза) на полученіе степени доктора медицины.

II.

Польскій мятежъ.—Сраженіе при Боремлѣ.—Перевозка раненныхъ.—Заговоръ въ Дубнѣ.

Изъ Вильны я отправился въ Волынскую губернію не безъ тайнаго намѣренія примкнуть къ мятежу. По прибытіи на родину, я навѣстилъ въ мѣстечкѣ Радомыслѣ, Лудскаго уѣзда, богатую польскую помѣщницу Гущинскую, къ которой я ѣздилъ обыкновенно на ваканціи съ ея сыновьями еще изъ Кременца.

Излишне прибавлять, что вся шляхетскопольская стхія относилась съ полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Принимали участіе въ немъ только самыя рьяныя, приныкая къ мятежникамъ то отдѣльными единицами, то небольшие отрядами; большинство же сомнѣвалось въ успѣхѣхъ возстанія, сохраняло наружный видъ покорности русскому правительству и ограничивалось только тайной поддержкой мятежнаго движенія. Сначала власти относились къ движенію довольно индифферентно; но, наконецъ, правительство рѣшилось съ своей стороны принять нѣкоторыя мѣры: арестовано было нѣсколько болѣе горячихъ головъ и усилены вообще полицейскія строгостя. Съ первымъ проявленіемъ дѣятельности правительства польское дворянство вспомнилось: всѣ беспокоились за свою личную безопасность. Точно также и упомянутая выше помѣщница Гущинская, опасаясь за себя, збрала съ собой дочерей и младшаго сына и уѣзжала въ Галицію, предоставивъ старшихъ сыновьямъ надзоръ за хозяйствомъ. Осталась въ домѣ одна молодежь. Въ одну ночь послышался необыкновенный стукъ въ двери господскаго дома. Всѣми нами овладѣлъ какой-то необъяснимый страхъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго; но вскорѣ страхъ смѣнился неистовою радостью, когда мы увидѣли входящихъ кракусовъ. Это былъ патруль отряда генерала Дверницкаго, которому удалось пробраться на Волынь и занять позицію въ Боремлѣ, отстоящей 14 верстъ отъ Радомысла. Съ кракусами и я отправился въ Боремль и представился Дверницкому, который, узнавъ отъ находящихся уже тамъ моихъ товарищей по Вильнѣ, что я окончалъ курсъ медицины, назначилъ меня врачомъ при своемъ отрядѣ.

На слѣдующій день началось сраженіе. Польскій отрядъ былъ расположенъ въ весьма выгодной позиціи; артиллерія заняла высоты надъ рѣкой Стрыемъ какъ разъ у дворца гр. Михаила Чацкаго. Русскія же войска занимали низменный берегъ съ противоположной стороны рѣки. Весь день продолжалась пальба орудій и ружейная перестрѣлка. Тутъ и тамъ падали раненные; ихъ уносили въ дворецъ Чацкаго. Осмотромъ раненныхъ занимался

я, вмѣстѣ съ другими бывшими въ отрядѣ врачами. Вечеромъ того же дня привалъ меня къ себѣ генералъ Дверницкій и велѣлъ перевести способныхъ къ передвиженію раненыхъ въ мѣстечко Гороховъ, недалеко отъ галиційской границы, принадлежащее графу Ивану Тарновскому, куда уже раньше отправлено было нѣсколько больныхъ и раненыхъ изъ его отряда. Я назначенъ былъ врачомъ при тамошнемъ временномъ лазаретѣ.

Другой день сраженія рѣшилъ судьбу мятежниковъ. Русская конница, переправившись ночью чрезъ рѣку, ударила во флангъ мятежникамъ и нанесла имъ полное пораженіе. Дверницкій принужденъ былъ быстро отступать, придерживаясь границы Галиціи. Однако, русскія войска, наступая со всѣхъ сторонъ тѣсною цѣпью, все болѣе и болѣе сжимали желѣзное кольцо вокругъ него, и, наконецъ, заставили его искать спасенія въ предѣлахъ Галиціи.

На пути слѣдованія Дверницкаго находился уніатскій Почаевскій монастырь. Разскажу нѣсколько словъ о немъ. Въ описываемое мною время въ Почаевской лаврѣ сосредоточивалось главное управленіе греко-уніатскаго монашества чина св. Василія, — базилианъ, давно уже въ ловкихъ рукахъ іезуитовъ ополеченныхъ до мозга костей и сдѣлавшихся орудіемъ къ латинизаціи и ополеченію западно-русской окраины. Почаевскіе монахи, въ значительной части даже польскаго происхожденія, твердо вѣря, что Дверницкій съ своими ничтожными силами нанесетъ смертельный ударъ Россіи, приняли его съ большимъ радушіемъ, снабдили деньгами и всякими припасами, а многіе даже изъ болѣе молодыхъ вступили въ ряды мятежниковъ. Вскорѣ, однако, ихъ радость смѣнилась печалью: послѣ разгрома мятежа, Почаевскій монастырь былъ закрытъ, уніатскіе монахи были выдворены, а ихъ мѣста заняли православные иноки.

Возвращаясь къ прежнему разсказу о судьбѣ порученныхъ мнѣ раненыхъ. Благополучно доставилъ я ихъ въ мѣстечко Гороховъ, гдѣ нашелъ я и прежде оставленныхъ Дверницкимъ больныхъ и раненыхъ, вмѣстѣ съ которыми я помѣстилъ и вновь прибывшихъ. Всѣхъ было слишкомъ 60 человекъ. Лазаретъ содержался отчасти на средства графа Тарновскаго, прибывшаго къ Дверницкому съ снаряженнымъ имъ отрядомъ въ 30 или 40 человекъ, отчасти же на добровольныя пожертвованія жителей мѣстечка.

Въ Гороховѣ не имѣлось никакихъ извѣстій о судьбѣ Дверницкаго и его отряда. Отъ времени до времени небольшіе русскіе отряды посѣщали мѣстечко и всякій разъ осматривали лазаретъ. Наконецъ, по истеченіи трехъ съ небольшимъ недѣль, вступила туда бригада русской кавалеріи. Генералъ, фамиліи не помню, призвалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что лазаретъ долженъ быть перемѣщенъ въ Дубно. На мое возраженіе, что въ немъ есть тяжело раненые, генералъ, какъ бы сомнѣваясь въ правдивости моихъ словъ, отправилъ для осмотра лазарета своихъ врачей. Оказалось девять человекъ такихъ раненыхъ, которымъ перевозка могла бы повредить. Въ виду ихъ

немногочисленности, на слѣдующій день были приготовлены подводы и раненые были отправлены, подъ эскортой ахтырскихъ гусаръ, вмѣстѣ со мною въ качествѣ военнопльннаго, въ г. Дубно. Благополучно мы прибыли въ городъ Дубно, гдѣ было собрано изъ перевезенныхъ изъ Горохова и другихъ мѣстъ свыше 200 человекъ раненыхъ мятежниковъ, при конѣ состояло четыре фельдшера. Мнѣ велѣно было исполнять должность врача этого госпиталя, конечно, безъ жалованья и съ оставленіемъ подъ надзоромъ полиціи.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ Дубна затѣвалась новая вспышка. Помѣщики съ нѣкоторыми офиціалистами стали сговариваться съ цѣлю напасть на Дубно, овладѣть городомъ, а затѣмъ распространить мятежъ по всей Волыни. Къ этому заговору примкнули также и нѣкоторые поляки, находившіеся на русской штатской и даже военной службѣ. Объ этомъ заговорѣ я ничего не зналъ; мнѣ сказано было только не выписывать, по возможности, выздоравливающихъ. Я не могъ не слѣдовать данному мнѣ указанію, что и навлекло на меня подозрѣніе; состоялось распоряженіе осматривать почаще раненыхъ русскими врачами, и отправлять выздоравливающихъ партіями въ 20 и больше человекъ, кажется, на Кавказъ. Готовившійся мятежъ не вспыхнулъ, такъ какъ значительное большинство польскаго элемента стало уже сомнѣваться въ успѣхѣ польскаго дѣла, и поэтому во-время отшатнулось отъ рискованнаго предпріятія. Однако, болѣе скомпрометированные, всего семь человекъ, въ числѣ которыхъ было пять офицеровъ, одинъ юнкеръ и одинъ чиновникъ, рѣшились бѣжать за границу; а такъ какъ и меня увѣряли, что съ послѣднимъ транспортомъ выздорѣвшихъ раненыхъ буду и я отправленъ на Кавказъ, то и я примкнулъ къ нимъ.

III.

Бѣгство за границу.—Обратный переходъ чрезъ границу Царства Польскаго на театръ военныхъ дѣйствій.—Переправа чрезъ Вислу.

Въ назначенный для бѣгства день мы всѣ вышли подъ вечеръ изъ города. Шли мы, конечно, не толпой, но по одиночкѣ или по два вмѣстѣ. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ сосѣдній съ городомъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу ждала насъ уже повозка одного полковаго врача, на которую мы и усѣлись и отправились дальше по изправленію къ границѣ. Въ лѣсу мы встрѣтили одного помѣщика, нарочно выѣхавшаго намъ на встрѣчу. Онъ забралъ насъ всѣхъ въ свой большой возъ, запряженный четырьмя лошадьми, и отвезъ насъ въ пасѣку одного шляхтича, находящуюся въ лѣсу близъ австрійской границы. Здѣсь мы оставались цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи двинулись къ границѣ. Договоренный раньше проводникъ перевелъ насъ благо-

получно чрезъ границу. Такимъ образомъ, мы очутились на территоріи другаго государства, въ предѣлахъ Галиціи. Отдохнувши нѣкоторое время въ ближайшей корчмѣ, расположенной вдали отъ селенія, въ полѣ, мы нашли пріютъ въ домѣ мѣстнаго помѣщика, графа Комаровскаго. Здѣсь случилась довольно смѣшная исторія: въ имѣніи графа были минеральныя воды, кажется желѣзистыя. На другой или на третій день нашего пребыванія на этихъ водахъ намъ предложили принять ванны въ купальномъ заведеніи, куда мы и отправились. Не успѣли мы войти въ ванны, какъ раздался голосъ: «бѣгите, прячьтесь, васъ ищутъ австрійскіе солдаты въ домѣ графа». Мы, какъ были нагѣ, такъ и выскочили, бросившись въ огорода, чтобы скрыться въ высокой тычней фасоли. Тамъ мы наскоро одѣлись и, прикорнувши, кое какъ просидѣли до глубокой ночи. Уже ночью насъ провели заданами въ усадьбу, гдѣ мы для большей безопасности спали на сѣновалѣ. Имѣніе графа Комаровскаго хотя находилось и въ Галиціи, но входило въ черту вольноторговаго округа (порто-франко) города Бродовъ. Ввозить въ этотъ городъ можно было что угодно, но при вывозѣ приходилось уплачивать пошлины, притомъ, всѣ уѣзжающіе изъ черты города подвергались осмотру. Нужно было и намъ принять мѣры, чтобы какъ нибудь перебраться чрезъ таможенную границу. Мы прибѣгнули къ слѣдующей уловкѣ: графъ съ женой выѣхали въ каретѣ подъ предлогомъ посѣщенія сосѣдняго помѣщика, живущаго по ту сторону таможенной черты. На козлахъ сидѣлъ кучеръ, а на запяткахъ два лакея, все это были перодѣтые бѣглецы. Двухъ другихъ взялъ къ себѣ въ повозку въ качествѣ слугъ состоящій при имѣніи графа мандаторъ (вотчинный судья), а я ѣхалъ въ бричкѣ съ сосѣднимъ врачомъ, приглашеннымъ для этой цѣли наканунѣ графомъ, въ качествѣ его фельдшера. Такимъ образомъ, мы очутились внѣ этой черты. Въ какомъ-то мѣстечкѣ, названія не припомню, мы распростылись съ графомъ Комаровскимъ. Оттуда насъ отправили на подводахъ, отъ одного помѣщика къ другому, къ границѣ Царства Польскаго, гдѣ еще возстаніе было въ полномъ разгарѣ. Изъ этого видно, что два театра войны сообщались между собою чрезъ австрійскую территорію; этимъ путемъ перевозились также и бѣглецы изъ Волыни въ Конгресовку. Не задерживаемые никѣмъ, мы прибыли въ имѣніе Нароль гр. Лося. Пока было еще свѣтло, мы оставались на пасѣкѣ въ лѣсу и только вечеромъ насъ провели въ усадьбу, гдѣ мы нашли человекъ тридцать, желавшихъ, подобно намъ, присоединиться къ мятежникамъ. Всѣмъ намъ роздали ружья, снабдили всѣмъ необходимымъ, дали проводниковъ, — однимъ словомъ, снарядили въ походъ. Мы двинулись къ близкой границѣ. Пограничная австрійская стража не сдѣлала никакихъ препятствій, потому ли, что она руководилась какими нибудь секретными инструкціями, или потому, что нашъ отрядъ былъ довольно внушительный; — теперь этого вопроса рѣшать не берусь. Австрійцы ограничились только тѣмъ, что послѣ совершеннаго уже нами вполне благополучно перехода чрезъ гра-

нищу подняли крикъ, стали кричать «вѣр-да?» (кто идетъ?), а такъ какъ съ польской стороны не было никакой стражи, то мы безпрепятственно добрались до первой деревушки. Было уже далеко за полночь. Утомившись отъ продолжительнаго перехода по разнымъ бездорожьямъ, мы всё чувствовали настоятельную необходимость поддержиться чѣмъ нибудь. Съ этою цѣлью мы отирались въ ближайшую корчму, разбудили шинкаря-еврея и стали требовать чего нибудь съѣстнаго. На это еврей заявилъ намъ, что нѣтъ ни водки, ни хлѣба, ни даже молока, такъ какъ проходившій наканунѣ черезъ деревню отрядъ казаковъ истребилъ всё его припасы свѣди и напитковъ. Вѣсть о появленіи казаковъ сильно насъ всёхъ смутила. Наше смущеніе увеличилось еще извѣстіемъ, сообщеннымъ намъ евреемъ, а затѣмъ еще однимъ крестьяниномъ,—что войска мятежниковъ отгѣснены за Вислу, и что, такимъ образомъ, весь правый берегъ этой рѣки занятъ русскими. Мы находились въ недоумѣніи, какъ поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи. По совѣту знающихъ мѣстность людей мы рѣшились взять проводника и черезъ лѣса, придерживаясь австрійской границы, пробраться до Вислы. Путь этотъ мы дѣлали частью пѣшкомъ, частью же на подводахъ. На пути намъ встрѣтился небольшой польскій отрядъ, скрывавшійся въ лѣсу; въ другомъ же мѣстѣ, отдыхая недалеко отъ большой дороги въ чащѣ лѣса, въ какихъ нибудь двадцати шагахъ отъ насъ, мы имѣли случай видѣть разъѣздъ русской кавалеріи. Наконецъ, послѣ различныхъ мытарствъ и всевозможныхъ приключеній, намъ удалось добраться ночью до берега Вислы. По сю сторону этой рѣки видѣлись костры русскихъ карауловъ, а съ другой стороны, подъ Завихостомъ, стояли войска мятежниковъ. Какъ намъ ни хотѣлось перебраться скорѣе на ту сторону, но приходилось дожидаться разсвѣта. На зарѣ подали паромъ и мы стали переправляться на тотъ берегъ. Мы уже были въ срединѣ русла рѣки, когда къ намъ подскакали казаки и дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, никакого вреда.

IV.

Корпусъ генерала Шептицкаго.—Конница Ружицкаго.—Переправа русскихъ войскъ чрезъ Вислу.—Приключеніе въ Опатовѣ.

Лѣвый берегъ Вислы занималъ отрядъ мятежныхъ войскъ, принадлежавшій къ небольшому, впрочемъ, корпусу генерала Шептицкаго, котораго скорѣе смѣнилъ генералъ Самуэль Ружицкій. Весь корпусъ состоялъ изъ одного полка пѣхоты, изъ баталіона такъ называемой «легіи литовско-русской», изъ конницы (язды) подольской и коннаго полка (язды) Волянскаго. Всего насчитывалось около 5,000 человекъ.

Полкъ jazdy волынской былъ сформированъ на Волыни капитаномъ наполеоновскій войскъ Карломъ Ружицкимъ и состоялъ приблизительно изъ 300 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ; все это были малороссы, крестьяне и дворовые, которыхъ ихъ помѣщики поляки заставляли принять участіе въ возстаніи; офицерами, разумеется, были тѣ же помѣщики. Этому Ружицкому удалось пробраться, на пути изъ Волыни къ Вислѣ, чрезъ цѣпь русскихъ войскъ, сдѣлать нѣсколько удачныхъ нападеній на небольшіе русскіе отряды, и, наконецъ, проникнуть въ крѣпость Замостье. Тамъ Ружицкій рѣшился дать своему конному отряду продолжительный отдыхъ, одѣлъ его въ мундиръ и наименовалъ «яздой русской». Въ награду за это, революціонное правительство назначило его полковникомъ сформированнаго имъ полка и повелѣло ему отправиться за Вислу для пополненія небольшого корпуса генерала Шептицкаго. Между прочимъ, въ этомъ полку былъ поручикомъ шуринъ Ружицкаго Михаилъ Чайковскій, впоследствии одинъ изъ выдающихся польскихъ беллетристовъ, а затѣмъ турецкій сановникъ Садыкъ-паша, о которомъ намъ придется говорить много разъ. Въ тотъ же полкъ я былъ опредѣленъ врачомъ, какъ уроженецъ той провинціи, гдѣ онъ былъ набранъ.

Не долго спустя, русскій корпусъ, подъ начальствомъ, если не ошибаюсь, генерала Ридигера, началъ свою переправу чрезъ Вислу. Напрасно пытался отрядъ генерала Ружицкаго воспрепятствовать этой переправѣ; онъ караулилъ всю ночь на лѣвомъ берегу, но русскіе переправились въ другомъ мѣстѣ, и ему пришлось отступить безъ боя. При отступленіи въ мѣстечкѣ Опатовѣ случилось грустное приключеніе. Поздно ночью вступилъ туда отрядъ генерала Ружицкаго, мы отдохнули немного, и еще до утренней зари получили приказъ къ выступленію. Вслѣдствіе этого, Волынскій полкъ, который стоялъ за городомъ въ арьергардѣ, перешелъ чрезъ городъ и расположился въ оврагѣ, по ту сторону города. Полковникъ уѣхалъ въ мѣстечко къ генералу. Въ томъ предположеніи, что стоявшая по сю сторону города пѣхота еще не сняла карауловъ, позволено было слѣзть съ лошадей. Усталый до крайности народъ уснулъ. Тѣмъ временемъ подкрался потихоньку взводъ русской конницы, кажется, казаки и стали стрѣлять и рубить проснувшихся волынцевъ. Пошла тревога, и казаки, увидѣвши значительный отрядъ, ускакали казадъ. Погнались волынцы въ догонку за ними, но уже не успѣли нагнать русскихъ. Волынцы заплатились за свою безопасность относительно значительнымъ числомъ раненыхъ: вышло изъ строя 2 офицера, одинъ вахмистръ и нѣсколько солдатъ.

V.

Мятежъ клонится къ паденію.—Стычка подъ Илжой и Липскомъ.—Случай со мною.—Вступленіе отряда Ружицкаго въ Галицію.

Мятежъ видимо сталъ клониться къ паденію. Отрядъ Ружицкаго, тѣснимый подавляющими русскими силами, избѣгалъ большихъ сраженій. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ достигнутъ подъ мѣстечкомъ Илжой русскими отрядами. Не смотря на храбрый отпоръ, со стороны волынцевъ, атаки драгунъ, Ружицкій долженъ былъ отступить, успѣвши едва увезти съ собою своихъ раненыхъ, около 60 человекъ. Въ скоромъ времени послѣ этого сраженія пришла грустная для мятежниковъ вѣсти объ осадѣ Варшавы, бѣгствѣ Чарторыйскаго въ корпусъ Ромарина и объ отступленіи этого корпуса по направленію къ австрійской границѣ. Вслѣдствіе этого, и отрядъ Ружицкаго сталъ приближаться къ той же границѣ чрезъ краковское воеводство (нынѣ Кѣлецкая губернія). Однако, русскіе еще разъ настигли нашъ отрядъ недалеко отъ мѣстечка Липска. На пространствѣ какихъ нибудь десяти верстъ онъ отступалъ съ соблюденіемъ величайшаго порядка, прикрываясь своей конницей и отстрѣливаясь, въ каждой удобной для этого мѣстности, артиллеріей, состоявшей всего изъ шести пушекъ. Все это извѣнилось, когда мы подошли къ мѣстечку, виновать которое не было никакой возможности. Итакъ, по случаю, какъ утверждали нѣкоторые, неточной передачи приказаній генерала, въ тѣснотѣ удилъ замедлилось отступление, начатое съ такимъ порядкомъ; вслѣдствіе этого, русскій отрядъ, который былъ отъ насъ на почтительномъ разстояніи, сталъ настѣдать все болѣе и болѣе и, наконецъ, съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ принялся изъ своихъ 16 пушекъ громить картечью прикрывавшую отступление кавалерію, выстроенную въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окружавшей мѣстечко ограда. Картечныя пули такъ и сыпались, поражая людей и лошадей. Я стоялъ первымъ на правомъ крылѣ, а въ то мгновеніе, когда я хотѣлъ о чемъ-то доложить полковнику, я вдругъ повалился на землю влѣтѣ съ лошадыю. Сначала я не могъ сообразить, чтó со мной стало, но скорѣе я почувствовалъ гнущую меня тяжесть: сраженная картечною пулею лошадь привалила меня своимъ тѣломъ такъ, что я не могъ изъ-подъ нея высвободить правой ноги. Въ эту минуту раздается команда отступить, а между тѣмъ не кому было мнѣ помочь выкарабкаться изъ-подъ лошади. Послѣ продолжительныхъ усилій удалось мнѣ, наконецъ, извлечь свою ногу, но уже безъ сапога, оставшагося подъ лошадыю. Поднявшись, я увидѣлъ на не далекомъ отъ себя разстояніи русскихъ, а нашего отряда и слѣдъ простылъ. Бѣжать по дорогѣ въ мѣстечко было далеко и при томъ опасно: въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ меня я замѣтилъ высокій заборъ. Страхъ придавъ мнѣ силъ — и однимъ прыжкомъ я очутился на заборѣ; перекинувшись на ту сторону, я повисъ въ воздухѣ, такъ какъ португеза сабли зацѣпилась о гвоздь. Съ большимъ трудомъ я отстегнулъ ее и повалился всею тяжестью на землю. Въ страхѣ я быстро вскочилъ на ноги; оказалось, что я во дворѣ корчмы. Мигомъ я бросился въ отпертыя ворота и выбѣжалъ на улицу. Тутъ же бродило безъ своихъ ѣздоковъ нѣсколько лошадей: я вскочилъ на первую изъ нихъ; однако, она оказалась раненой. Я долженъ былъ соскочить съ нея и бросился бѣжать изъ всѣхъ ногъ въ поле. За мѣстечкомъ я уже нагналъ свой полкъ.

Это было послѣднее сраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіе Ружичкаго. Не тревожимый русскими, онъ двинулся къ Вислѣ, черезъ которую и переправился воиждь села Баторская Воля и вступилъ въ предѣлы Галиціи. На границѣ отрядъ былъ обезоруженъ австрійцами. Сейчасъ же отдѣлили солдатъ отъ офицеровъ; послѣднихъ оставили въ деревнѣ, а солдатамъ велѣли стать лагеремъ по близости. Въ непродолжительномъ времени ихъ отправили обратно въ Россію, а офицерамъ опредѣлили жалованье по одному цванцигеру въ день (около четвертака). Токиныя бездѣйствіемъ, офицеры предались азартной игрѣ, спустили свои деньги и австрійское жалованье: все это попало въ руки налетѣвшимъ со всѣхъ сторонъ шулерамъ по своей профессіи

VI.

Отъѣздъ въ Краковъ.— Знакомство съ домою профессора Шугта.— Дипломъ на доктора медицины.

Наше положеніе вдругъ улучшилось. Нѣкоторые офицеры получили разрѣшеніе отправиться во Францію, остальныхъ же до рѣшенія ихъ судьбы перевели въ Подгорье (Podgorze), предмѣстье Кракова по ту сторону Вислы, принадлежащее Австріи, между тѣмъ какъ Краковъ былъ свободнымъ городомъ, управляемый сенатомъ съ президентомъ во главѣ.

Посѣщая Краковъ, я познакомился въ кофейнѣ съ двумя учениками тамошней гимназіи братьями Шугтами, сыновьями профессора краковского университета. Разговорившись съ ними, я намекнулъ, что въ моемъ теперешнемъ положеніи нѣтъ другаго выхода, какъ искать убѣжища за границей, въ качествѣ эмигранта, на что я рѣшусь неохотно. «Отчего же вамъ не остаться здѣсь?» спросили они. — «Да, оттого, сказалъ я въ отвѣтъ, что у меня нѣтъ средствъ къ жизни и притомъ нѣтъ знакомыхъ въ Краковѣ». Наши родители, безъ сомнѣнія, примутъ васъ съ большимъ удовольствіемъ въ свой домъ; мы сейчасъ объ этомъ съ ними поговоримъ. — Сказавъ это, молодые люди ушли и,

спустя полчаса, возвратились съ приглашеніемъ отъ родителей, явиться въ ихъ домъ. Лишившись съ убитою лошадыю всёхъ своихъ пожитковъ, я, въ чемъ былъ, явился въ домъ Шугтовъ, гдѣ былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ.

Семейство Шугта состояло изъ старика профессора, уроженца прусскихъ провинцій, переселившагося еще въ молодые годы, вслѣдствіе французской революціи, въ Галицію. Здѣсь онъ женился на дворянкѣ, знатной польской фамиліи, Феклѣ Ромеръ, переселился въ Краковъ и получилъ катедру ринской и греческой словесности въ Ягеллонскомъ краковскомъ университетѣ, которую уже занималъ 20 лѣтъ. Кромѣ жены, у него было два сына и три дочки, изъ которыхъ старшая Анна не только отличалась красотой среди краковскихъ дѣвицъ, но и своимъ образованіемъ. Потому не удивительно, что я съ перваго знакомства почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе; въ свою очередь, я замѣтилъ, что и она не равнодушна ко мнѣ.

У Шугтовъ проживалъ въ то время польскій эмигрантъ графъ Старжинскій, человекъ уже не первой молодости, который былъ принятъ родителями Анны, польщенными графскимъ титуломъ и мнимымъ его богатствомъ, какъ женихъ, не смотря на полное нерасположеніе къ нему самой Анны. Въ числѣ польскихъ офицеровъ, находившихся еще въ Подгорьѣ, были товарищи и знакомые Старжинскаго. Она-то однажды, посѣщая древній Вавель (старинный замокъ польскихъ королей) вмѣстѣ со мною и братьями Анны, проговорилась, что Старжинскій женатъ и что онъ все свое имѣніе уже промоталъ. Объ этомъ братья Анны сообщили своимъ родителямъ и по ихъ просьбѣ я пригласилъ одного изъ этихъ офицеровъ, чтобы онъ высказалъ это ему прямо въ глаза. Старжинскій былъ изобличенъ; съ большимъ смущеніемъ онъ призналъ правдивость этихъ фактовъ и вслѣдъ затѣмъ посѣщилъ уѣхать.

Мои отношенія къ семейству Шугта стали мало по малу выясняться. Оставалось только приобрести болѣе прочное общественное положеніе и достигнуть ученой степени, которой я не успѣлъ запасть въ виленскомъ университетѣ, вслѣдствіе сообщенной раньше причины. Къ счастью, у меня завязались кое-какія связи съ краковскимъ университетомъ. Въ это время въ немъ состоялъ профессоромъ Михаилъ Вишнявскій, бывший прежде учителемъ Кременецкаго лицей, близкій другъ моего дяди. Онъ-то меня натолкнулъ на мысль держать экзаменъ на доктора медицины въ Краковѣ. Конечно, это вошло въ мои планы, но у меня не было никакого свидѣтельства объ окончаніи курса медицинскаго факультета въ Вильнѣ, а приобрести такое нормальнымъ путемъ не было возможности по понятной причинѣ. Изъ этого затрудненія меня выручило другое знакомство. Итакъ, профессоромъ анатоміи въ краковскомъ университетѣ былъ д-ръ Вирковскій, пріѣзжавшій съ дипломомъ, кажется, берлинскаго университета въ Вильну, чтобы подвергнуться тамъ повѣреннымъ испытаніямъ для полученія русскаго докторскаго диплома. Я былъ

тогда на пятомъ курсѣ и мы часто встрѣчались въ клиникахъ. Онъ сейчасъ же, при первой встрѣчѣ, узналъ меня и вызвался вмѣстѣ съ профессоромъ Вишневецкимъ поручиться предъ университетской конференціей (сенатомъ) въ томъ, что я дѣйствительно окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Этого было вполне достаточно, и меня допустили къ испытаніямъ (ригоровамъ) на приобретение степени доктора медицины. Мои занятія по приготовленію къ экзаменамъ прерваны были серьезной болѣзью—тифомъ, сопряженной съ кровоизлияніемъ, послѣ которой я выздоравливалъ весьма медленно. Такимъ образомъ, только въ началѣ 1834 года я добился докторскаго диплома.

VII.

Женитьба на Аннѣ Шугтъ.—Польская поэтесса «Анна изъ Кракова».—Преждевременная смерть жены.—Беспорядки въ вольномъ городѣ Краковѣ и прекращеніе его политическаго существованія.—Выдвореніе эмигрантовъ.—Отправка въ Триестъ.

Приобрѣтши ученую степень, съ упроченнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, я уже могъ добиваться руки Анны. Желанной цѣли я достигъ на слѣдующій годъ. Повѣнчавшись съ Анной Шугтъ, я къ зимѣ того же года уѣхалъ одинъ въ Галицію для присканія себѣ мѣста. Мѣсто нашлось въ восточной (русской) части Галиціи, гдѣ я и поселился и сталъ заниматься врачебной практикой. Весной я намѣревался перевезти жену на мѣсто моего жительства, какъ вдругъ извѣстіе объ ея внезапной болѣзни отозвало меня въ Краковъ.

Кстати будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о моей женѣ, до замужества Аннѣ Шугтъ. Это не будетъ нескромностью съ моей стороны, въ виду того, что она какъ украшающими ее нравственными качествами, такъ и своими замѣчательными умственными дарованіями пользовалась въ это время широкой извѣстностью. Итакъ, она была выдающейся польской поэтессой, извѣстной подъ псевдонимомъ «Анны изъ Кракова». Въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ появлялись ея стихотворенія и читались на расхватъ: они дышали какой-то плѣнительно-нѣжной, въ высшей степени симпатичной искренностью чувства, хватающей поневолѣ за душу и оставляющей поэтому неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ читателя. Ея поэтическое дарованіе сказывалось также и въ умѣньи шпровизировать на какую угодно тему. Въ противорѣчій въ этики богатыми сокровищами ея ума и сердца была слабость ея физическаго сложенія и какая-то нервная чуткость и напряженность всего ея организма. Между прочимъ, это проявлялось въ одномъ странномъ явленіи ея душевнаго міра, а именно въ сновидѣніяхъ. Итакъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ ея жизни, начиная съ ранняго дѣтства, ей являлась во снѣ старушка, которую она

величала «бабушкой»; она предсказывала ей все, что должно было случиться съ ней или съ близкими ей людьми. Предсказанія эти исполнялись всегда съ необыкновенною точностью. Всѣ члены семьи, не исключая и отца, вовсе верасположеннаго къ вѣрѣ во что нибудь сверхъестественное, или даже къ суевѣрію, а также и знакомые не сомнѣвались въ правдивости этихъ предсказаній. Между прочимъ, бабушка предсказала Аннѣ, въ первые дни послѣ моего прибытія въ Краковъ, что я буду ея мужемъ; она же и предсказала ей кончину. Анна записала это грустное предсказаніе, не сказавъ никому ни слова и только послѣ ея смерти нашли между ея бумагами это предсказаніе. Являясь ей во снѣ, бабушка разрѣшала ниня предсказанія сообщать другимъ, а иногда запрещала сказывать кому бы то ни было. Эти велѣнія имѣли неотразимую власть надъ душою Анны: она ихъ слушалась, да и, по восприимчивости своей впечатлительной натуры, не могла не слушаться.

Черезъ годъ послѣ женитьбы моя жена послѣ трудныхъ родовъ скончалась отъ внутренняго (кровоотеченія) кровоизліянія, едва успѣвши прижать къ груди новорожденнаго младенца. Потрясенный до глубины души, я оставилъ Краковъ, поручивъ единственнаго сына на попеченіе бабушки и дѣда. Должность я получилъ домашняго врача у князя Адама Сапѣги, принимавшаго участіе въ польскомъ мятежѣ и, вслѣдствіе этого, переселившагося изъ Россіи въ Галицію. Спустя полгода, я получилъ другое болѣе выгодное мѣсто, въ Крешовицахъ, имѣніи вдовы графа Артура Потоцкаго.

Однако, не суждено мнѣ было найти мирный пріютъ послѣ столькихъ испытанныхъ мною тревогъ. Въ это время Галиція и преимущественно вольный городъ Краковъ кишѣли польскими эмигрантами, которые съ свойственнымъ имъ народу легкомысліемъ увлекались несбыточными мечтами возстановленія Польши отъ моря до моря при помощи Франціи и Англіи. Эти мечты находили свое выраженіе въ образованіи многочисленныхъ тайныхъ обществъ массоновъ и карбонаріевъ, въ которыя вовлекли и меня, хотя моя вѣра въ плесообразность этихъ заговоровъ уже начала пошатываться. Стоять въ сторонѣ отъ этого движенія мнѣ и нельзя было: участіе въ мятежѣ палагало на меня извѣстныя обязанности. Ко мнѣ, въ Крешовицы, навѣдывались отъ времени до времени эмигранты, преимущественно демократической партіи; пользуясь нѣкоторою отдаленностью этого богатаго имѣнія Потоцкихъ отъ наблюдений иностранныхъ консуловъ, искали даже пріюта личности, болѣе скомпрометированныя. Къ тому времени страслась бѣда надъ Краковымъ. Въ 1836 году случилось политическое убійство, найденъ убитымъ комисаръ полиціи. Какъ это возмутительное преступленіе, такъ и сумасбродное поведеніе эмигрантовъ. поддерживаемыхъ жителями вольнаго города и терпимыхъ мѣстными властями. показалось покровительствующимъ державамъ опаснымъ для спокойствія смежныхъ съ Краковымъ провинцій и поэтому, послѣ предварительныхъ переговоровъ, союзныя войска вступили въ городъ, предоставивъ эмигрантамъ

отправиться въ пограничное мѣстечко Галиціи, а оттуда на свой счетъ, въ случаѣ же неимѣнія средствъ—на издержки австрійскаго правительства во Францію. Не сознавая за собою какой нибудь вины въ возникновеніи послѣднихъ смутъ и будучи далекъ отъ прямого участія въ безпорядкахъ, вызвавшихъ строгія мѣры покровительствующихъ державъ, я обратился къ австрійскому консулу съ запросомъ, не могу ли я остаться на своей должности подъ покровительствомъ австрійскаго правительства? Съ такой же просьбой обратился также къ консулу и крестьяне изъ деревень, пользовавшихся столь часто моею врачебною помощію; но все это ничего не помогло! Я долженъ былъ отправиться въ Австрію, и вмѣстѣ съ другими я былъ препровожденъ подъ военной эскортой въ г. Триестъ и водворенъ въ тамошней цитадели. Сынъ же мой, которому еще не было года, остался въ Брновѣ, на попеченіи родителей моей покойной жены.

VIII.

заключеніе въ Триестъ.—Отправка эмигрантовъ въ Марсель.—Бури на Адриатическомъ морѣ.—Прибытіе во Францію.—Перевѣздъ въ Монпелье.—Религіозныя сомнѣнія.—Новое направленіе религіозныхъ взглядовъ.—Янскій.

Изъ Триеста австрійское правительство отправило эмигрантовъ моремъ во Францію. По неизвѣстной для меня причинѣ, нѣсколько заключенныхъ, занимавшихъ высшее положеніе, какъ по образованію, такъ и по общественнымъ условіямъ, оставлены долѣе всѣхъ въ крѣпости; въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Нѣсколько разъ подвергали насъ допросамъ; наконецъ, кажется, въ началѣ августа мѣсяца того-же года, отправили насъ на тосканскомъ парусномъ суднѣ въ Марсель.

При противномъ вѣтрѣ мы отплыли въ Адриатическое море. Впередъ мы подвигались очень медленно; сильные порывы вѣтра насъ бросали то къ берегамъ Италіи, то къ Далматійскимъ островамъ. При входѣ въ Средиземное (Ионическое) море поднялся ужасный штормъ. Это было вечеромъ. Сѣверный вѣтеръ, хотя и попутный намъ, ударилъ съ такой силой и такъ неожиданно, что матросы не успѣли стаять верхняго малаго паруса: буря сорвала его и понесла въ море. Ужасное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественное зрѣлище, которое представляла буря, было для меня ново; мнѣ хотѣлось посмотрѣть опасности прямо въ глаза, и я остался на палубѣ, крѣпко прижавшись къ большой мачтѣ (флагмачтѣ). Всѣ обуревавшія меня въ эту минуту ощущенія описать трудно. Точно также не поддается описанію и картина разъяренной стихіи: скрепящая то тутъ, то тамъ молнія освѣщала вершины пѣнящихся водяныхъ горъ, на которыя нашъ корабль то поднимался, то опять погружался, точно въ преисподнюю. Насъ гнало чрезвычайно быстро, — больше

16 морских миль въ часъ. Буря стала стихать, когда мы повернули къ сивцилійскому берегу. При входѣ въ Мессинскій проливъ намъ пришлось три дня дожидаться попутнаго вѣтра. Наконецъ, оказалась возможность войти въ проливъ. Однако, все какъ будто сговорилось противъ насъ; подойдя къ Мессинѣ, мы встрѣтили полнѣйшій штель. Такимъ образомъ, намъ пришлось почти недѣлю простоять, въ обществѣ нѣсколькихъ десятковъ кораблей, въ виду Сициліи и Калабрін, наслаждаясь видомъ совершенно неподвижной, точно зеркальной поверхности моря. Послѣ 33-хъ-дневнаго плаванія, истомившись духомъ и тѣломъ, мы достигли цѣли путешествія—Марсели, столицы Средиземнаго моря. Единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ продолжительномъ и скучномъ путешествіи были мои бесѣды съ капитаномъ и матросами везшаго насъ судна. Все это были далматинцы изъ Бокки-Каторской, сосѣдней съ геройской Черногоріей. Они къ намъ, какъ къ славянамъ, относились въ высшей степени дружелюбно, а когда узнали, что я врачъ, то не отходили отъ меня съ уговорами посвятить свои силы служенію славянской странѣ и поселиться на Черной горѣ.

По прибытіи въ Марсель, мы явились къ французскимъ властямъ. Правительство опредѣляло намъ поселиться въ южной Франціи въ городѣ Валансъ на Ронѣ. Я подалъ прошеніе о разрѣшеніи мнѣ заниматься врачебной практикой. Случилось то, что я и предвидѣлъ: мнѣ вѣнчили въ обязанность отправиться въ Монпелье, чтобы въ тамошнемъ медицинскомъ факультетѣ подвергнуться вторично испытаніямъ и защитить диссертацию на степень доктора медицины. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, не признаются иностранные дипломы врачей, а для приобрѣтенія правъ на практику приходится держать экзамены въ мѣстныхъ факультетахъ. Я отправился въ Монпелье. Безбѣдное существованіе мнѣ было обезпечено: какъ бывшему польскому врачу-эмигранту правительство французское назначило пенсію въ 60 франковъ въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ можно было съ большимъ удобствомъ предаться научнымъ занятіямъ. Однако, вскорѣ меня отвлекли отъ труда мечты, волновавшія въ-это время меня и всѣхъ моихъ товарищей.

Живя на чужбинѣ, среди чуждыхъ намъ интересовъ страны, хотя дружелюбно къ намъ расположенной, но не имѣющей съ нами ничего общаго, какъ по образу жизни и привычкамъ, такъ и по азыку, мы всѣ увлекались мечтами о скоромъ осуществленіи нашего политическаго идеала, рассчитывая на ожидаемое въ близкомъ будущемъ европейское столкновеніе. Я и мои товарищи по путешествію прикнули къ демократической партіи эмиграціи. Приверженцы этой партіи составили въ Монпелье общество, въ число членовъ котораго мы и вписались. Однако, въ скоромъ времени, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, это общество распалось на два довольно враждебно относящихся другъ къ другу лагеря: одно съ отгѣнкомъ крайнихъ убѣжденій, а другое, хотя и исходящее изъ демократическихъ началъ, но съ болѣе умѣреннымъ

направленіемъ; къ послѣднему примкнулъ и я. Понятно, что, среди броженія политическихъ страстей, нельзя было сосредоточиться на научномъ трудѣ, требующемъ полного равновѣсія умственныхъ и нравственныхъ силъ. При томъ, какъ я сказалъ выше, моя душа обуреваема была религіозными сомнѣніями, зародившимися еще на школьной скамьѣ и пустившими глубокіе корни въ водоворотѣ послѣдующей жизни. Но не къ тому веду я рѣчь. Дѣло было не въ научныхъ занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что я два года спустя, все-таки достигъ своей цѣли. Я хочу, излагая всѣ эти подробности, дать заглянуть читателю въ свою душу, чтобы онъ могъ понять какимъ образомъ одно неважное съ виду обстоятельство могло дать моей жизни совсѣмъ другое направленіе. Это тѣмъ болѣе удивительно, что набавленіе отъ угнетающихъ мою душу сомнѣній я нашелъ на чужбинѣ.

Возвращаюсь къ изложенію причинъ, повліявшихъ на зарожденіе во мнѣ религіознаго индиферентизма. При томъ не боюсь повтореній, такъ какъ все это весьма важно для объясненія моей послѣдующей дѣятельности.

Кременецкій лицей, какъ я говорилъ раньше, охлаждалъ, мало по малу, вынесенное изъ родительскаго дома религіозное чувство. Чтеніе французскихъ энциклопедистовъ, а въ числѣ ихъ и Вольтера, пригѣръ равнодушныхъ и невѣрующихъ товарищей поколебалъ еще болѣе всѣ основы вѣры и подготовилъ почву для полного невѣрія. Знакомство съ упомянутымъ выше сочиненіемъ Вольнея довершило дѣло разрушенія. Но какъ странно: въ этой разрушительной работѣ, опрокидывающей стройное зданіе религіи, въ тайникахъ моей души теплился все-таки слабый огонекъ невольнаго влеченія къ поэтической сторонѣ обрядностей церкви, и это-то необъяснимое чувство вызвало къ жизни послѣдовавшую только теперь реакцію. Впрочемъ, если вѣра въ авторитетность проповѣдниковъ отрицательныхъ началъ поколеблется, то и эти начала теряютъ свою привлекательную сторону.

Расскажу сначала. За годъ или за два до окончанія курса наукъ въ Кременцѣ я отправился на ваканціи къ моей матери, овдовѣвшей уже въ это время; она арендовала небольшой участокъ земли у польскаго помѣщика, бывшаго капитаномъ польскихъ войскъ, недалеко отъ Староконстантинова; я счелъ своимъ долгомъ его посѣтить. Онъ меня принялъ весьма дружелюбно; его патриотизмъ и либерализмъ дѣйствовали на меня съ неотразимой силой, и я сталъ его ежедневнымъ гостемъ. Я пользовался книгами изъ его библіотеки, состоявшей, по большей части, изъ польско-патріотическихъ и французскихъ книгъ, антирелигіознаго направленія. Онъ далъ мнѣ въ руки «Руины Пальмиры» Вольнея. На первыхъ порахъ, не смотря на мою холодность къ религіи, я не былъ въ состояніи прочесть втораго тома этого сочиненія, отрицающаго всякую религію; но любопытство преодолѣло: я взялъ книжку опять въ руки и прочелъ ее. Помимо всякой бездоказательности и даже несостоятельности его аргументаціи, она произвела глубокое впечатлѣніе на молодой и не

окрѣпшій въ своихъ убѣжденіяхъ умъ, и, такимъ образомъ, уничтожила во мнѣ окончательно всякое религіозное чувство. Тѣмъ не менѣе, помѣщикъ-либераль палъ низко съ своего пьедестала и я потерялъ къ нему всякое уваженіе. Причина этому была слѣдующая: за какую-то пустячную провинность онъ велѣлъ нещадно бить кнутомъ своего крестьянина, весь дошъ оглашался воплями бѣднаго «хлопа», а эти вопли раздавались въ моемъ сердцѣ отголоскомъ протеста противъ явной неправды. Перехожу къ вилевской жизни.

Среди университетской молодежи господствовали матеріалистическія убѣжденія и вполнѣ равнодушное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Конечно, и я раздѣлялъ эти взгляды. Однажды я присутствовалъ на похоронахъ лучшаго друга, Лучинскаго, студента-медика. По неловкости гробовщиковъ, опускавшихъ гробъ въ могилу, тѣло покойника выпало и покатилося на дно могилы. Я вскочилъ въ яму, чтобы вложить тѣло въ гробъ, и тогда только поразила меня мысль или скорѣе недоумѣніе: можетъ-ли быть, чтобы послѣ этого столь любимаго мною человѣка не осталось ничего болѣе, кромѣ этихъ подвергшихся уже глѣнию останковъ? Неприятныя занятія и атмосфера окружающей меня среды заглушили, правда, эту мимолетную мысль, но зародышъ поворота къ лучшему сталъ все-таки шевелиться отъ времени до времени въ глубинѣ моей души. Въ Краковѣ я сталъ уже читать святое Евангеліе, и меня стала поражать высоко нравственная сила изложеннаго въ немъ ученія; но божественной стороны этого ученія я еще въ немъ не усматривалъ: мой умъ еще не прозрѣлъ! Живя въ Монпелье, какъ я сказалъ выше, въ чуждой для меня средѣ, душъ и стремленія которой мнѣ были несимпатичны, среди поляковъ, разбитыхъ на партіи и ненавидящихъ другъ друга, съ ихъ несбыточными мечтами и легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, на меня нашло уныніе и моею душою овладѣла какая-то неопредѣлимая тоска. Въ минуту такого тягостнаго настроенія я проходилъ какъ-то вечеромъ мимо костела и, услышавъ женское пѣніе, зашелъ туда. Совершалось вечернее богослуженіе. Пѣніе, довольно стройное и весьма трогательное, возбудило во мнѣ воспоминаніе чего-то знакомаго съ ранняго дѣтства и какъ будто роднаго, и навѣяло на меня какое-то раздумье, въ которое я погрузился до такой степени, что забылъ обо всемъ. Народъ уже вышелъ изъ церкви, стали тушить свѣчи, а я все продолжалъ стоять какъ-будто въ какомъ-то оцѣпенѣніи, опершись о колонну. Ко мнѣ подошелъ сторожъ и разбудилъ меня изъ моей задумчивости, сказавъ, что пора запереть церковь. Тогда я спросилъ его, нѣтъ ли въ церкви священника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился въ ризницу. Найдя тамъ священника, я попросилъ его выслушать мою исповѣдь. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ: до такой степени казалось ему страннымъ, что интеллигентный мужчина выразилъ желаніе исповѣдываться. Въ это время во Франціи только немногіе бывали у исповѣди и приобщались Святымъ Тайнамъ, предоставляя эту христіанскую обязанность только женщинамъ. Онъ попросилъ меня зайти

на слѣдующій день утромъ. Больше 16 лѣтъ не былъ я у св. исповѣди, да если и былъ предъ вѣнчаніемъ, то святотатственно и только для вида, потому что это требовалось по закону. Принявъ исповѣдь, священникъ, подвергая меня испытанію, долго не давалъ мнѣ разрѣшенія отъ грѣховъ, и только послѣ двѣнадцатаго, кажется, посѣщенія его онъ разрѣшилъ меня и я могъ причаститься Св. Тайнамъ.

Не скажу, чтобы этотъ случай сдѣлалъ меня уже вполне вѣрующимъ человѣкомъ. Не смотря на всю искренность моего обращенія, у меня не было еще той непоколебимой, твердой вѣры, не допускающей никакого сомнѣнія. Пока еще она у меня сливалась съ политикой, рисовалась въ моихъ мысляхъ какъ бы самымъ крѣпкимъ ея двигателемъ, однимъ изъ могучихъ средствъ для образованія и поднятія простаго народа. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ всѣ эти политическія партіи польской эмиграціи, съ ихъ несбыточными мечтами, казались мнѣ уже дѣтской игрушкой: я сталъ къ нимъ равнодушнымъ. Случилось, что въ это время заявилъ о себѣ еще другой сподвижникъ на томъ же религіозномъ поприщѣ. Нѣкто Янскій, человѣкъ честный и умный, поднялъ среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ знамя религіознаго движенія. Онъ не примкнулъ ни къ одной политической партіи, и, оставаясь со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, собралъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ разныхъ партій. Среди болѣе молодыхъ изъ числа своихъ приверженцевъ онъ подыскивалъ подходящихъ лицъ для образованія изъ нихъ эмиграціоннаго духовенства; съ этою цѣлью онъ выслалъ двухъ изъ нихъ въ Римъ для обученія богословію. Почти вся демократическая партія обрушилась съ ненавистью на это религіозное движеніе. Не многимъ лучше было отношеніе партіи князя Чарторыйскаго; не смотря на нѣкоторую предупредительность, она относилась къ нему съ недовѣріемъ. Я вошелъ въ сношенія съ Янскимъ и его товарищами. Съ тѣхъ поръ всѣ мои дѣйствія ознаменованы были религіознымъ характеромъ, а выказываемыя мною политическія убѣжденія носили уже христіанскую подкладку. Хотя всѣ проживающіе въ Монпелье эмигранты относились къ дѣламъ вѣры равнодушно, если не сказать, — съ пренебреженіемъ, но все таки мое выступленіе въ роли явнаго католика, смутившее сначала всѣхъ и даже поразившее, вслѣдствіе уваженія, которымъ я пользовался среди польскихъ выходцевъ, не навлекло на меня вражды съ ихъ стороны.

IX.

Французскій дипломъ на доктора медицины.—Поѣздка въ Парижъ. — Отъѣздъ въ деревню.—Рѣшеніе сдѣлаться священникомъ. — Поступленіе въ духовную академію въ Римѣ.—Конгрегація Смартвухстанцевъ.

Въ 1838 году я сдалъ всѣ экзамены на степень доктора медицины, и, защитивъ диссертацию, получилъ дипломъ, съ правомъ заниматься медицинскою практикою. Однако, всѣ мои помыслы были направлены на религиозные вопросы. Черезъ своихъ знакомыхъ я выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе отправиться въ Парижъ, куда я и уѣхалъ. По прибытіи туда, желая укрѣпиться въ вѣрѣ, я принялся за чтеніе богословскихъ сочиненій, главнымъ образомъ, догматическихъ и полемическихъ. Само собою разумѣется, что и кругъ моихъ знакомствъ значительно расширился: всѣ выдающіяся личности польской эмиграціи, а также нѣсколько представителей французскаго общества были въ числѣ моихъ знакомыхъ, какъ, напр., польскіе поэты Мицкевичъ и Богданъ Залесскій, глава польско-аристократической партіи князь Чарторыйскій и вождь французской католическо-клерикальной партіи графа Монталамберъ (Montalambert) и многіе другіе.

Хотя мои мысли получили совершенно иное направленіе и въ моемъ умѣ рисовался другой родъ дѣятельности, нежели тотъ, къ которому я приготовлялся своими научными занятіями, но все-таки я не могъ сидѣть безъ дѣла. Въ Парижѣ видовъ на медицинскую практику не было никакихъ, и поэтому я рѣшился, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поселиться въ деревнѣ, въ одномъ изъ департаментовъ средней Франціи. Тамъ я сблизился съ сельскимъ священникомъ и нашелъ въ немъ не только друга, но и весьма образованнаго человѣка. Въ его домѣ я столовался и былъ поэтому его ежедневнымъ собесѣдникомъ.

Расскажу при этомъ одинъ забавный случай, который имѣлъ весьма печальныя послѣдствія.

Однажды батюшка (кюре) отправился въ гости къ одному изъ своихъ сосѣдей. На обратномъ пути онъ нашелъ въ лѣсу множество красныхъ грибовъ и, думая, что они годятся въ пищу, чѣмъ бы могли воспользоваться бѣдные его прихожане, онъ набралъ изъ полную корзину. По возвращеніи домой, онъ велѣлъ своей сестрѣ, управлявшей домашнимъ хозяйствомъ, женщицѣ уже немолодой и болѣзненной, приготовить изъ къ ужину. Когда я вечеромъ пришелъ къ нему, то онъ меня встрѣтилъ радостнымъ возгласомъ:

— Я набралъ въ лѣсу грибовъ; сдѣлаемъ опытъ, не годятся ли они въ пищу?

На мой вопросъ, не было ли на нихъ бородавокъ или пятенъ, онъ отвѣчалъ, что нѣчто въ этомъ родѣ было, но при томъ прибавилъ:

— У тебя, вѣдь, есть рвотное; стало быть, помочъ себѣ можешь въ случаѣ надобности; когда же грибы окажутся хорошии, то подумай, сколько юльзы мы принесемъ бѣднымъ! Этими грибами лѣсъ почти усѣянъ.

Подали ужинъ; привлекательный запахъ грибовъ возбудилъ аппетитъ и мы принялись за ѣду. Сестрѣ, страдавшей желудкомъ, кюрэ далъ только съѣсть одинъ небольшой грибъ, а мы скушали таки довольно, записи хорошимъ виномъ, а затѣмъ, выпивши по чашкѣ кофе, принялись играть въ шахматы. Сыгравъ двѣ партіи, я ушелъ на свою квартиру. Вдругъ я почувствовалъ себя дурно: ошьяненіе было столь сильно, что я позабылъ о рвотномъ; едва успѣвши раздѣться, я бросился на кровать и уснулъ мертвецкимъ сномъ. Разбудилъ меня сильный стукъ въ дверь; протеревъ глаза, я услышалъ голосъ священника:

— Живъ ли ты?

Я отвѣчалъ: «кажется, живъ», и отворилъ дверь. Солнце стояло уже высоко. Кюрэ разсказалъ мнѣ, что скоро послѣ моего ухода его сестра почувствовала себя дурно, явилась рвота и она пришла въ себя. Вскорѣ послѣ этого и онъ почувствовалъ себя дурно и, вложивши палецъ въ ротъ, вызвалъ рвоту, послѣ чего дурнота прошла.

— Но что съ тобой было? продолжалъ спрашивать батюшка.

— Какъ видишь, я спалъ великолѣпно!

— Ну, сказалъ ояъ, нечего и говорить—сѣверный медвѣдь!

Грибы оказались просто мухоморами.

Селеніе, въ которомъ я проживалъ, было, правда, не богатое, но все-таки я зарабатывалъ своею практикою столько, что я могъ имѣть скромное, но вполне достаточное для одинокаго человѣка содержаніе. Однако, вскорѣ этотъ утомительный, при томъ весьма однообразный, родъ жизни мнѣ сталъ надоедать. Жизнь въ глуши, при томъ на чужбинѣ, стала терять для меня всякій смыслъ. Моя душа жаждала другой дѣятельности, имѣющей нѣкоторую связь съ интересами родины, болѣе замѣтной и плодотворной по своимъ результатамъ. Кромѣ того, принималось еще мое тщеславіе, отъ котораго я не могъ избавиться и въ болѣе поздніе періоды своей жизни. Тутъ была и частичка честолюбія, которое страннымъ образомъ мирилось во мнѣ съ религіознымъ направленіемъ моей души. Не безъ вліянія оказались и совѣты друзей. Всѣ эти обстоятельства влекли меня къ принятію духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что мнѣ казалось, что я скорѣе буду въ состояніи быть полезнымъ обществу, соединивши съ призваніемъ врача обязанности священника. Вслѣдствіе этого, я отправился въ Парижъ и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ цѣлью приготовиться къ предстоявшей мнѣ дѣятельности, въ 1839 году уѣхалъ

въ Римъ для поступленія въ духовную академію (коллегію), съ цѣлью изученія богословскихъ наукъ.

Въ Римѣ я нашелъ нѣсколько поляковъ, жившихъ тамъ для той же цѣли и учившихся богословію въ римской коллегіи, а именно Семененка, Кайсовича, Дунскаго и Казановскаго. Въ этой коллегіи всѣ профессора были іезуиты и между ними извѣстный богословъ Пэронэ. Средства къ содержанию доставлялись богачами изъ числа польской эмиграціи и заѣзжими путешественниками. Съ самаго начала нашего совмѣстнаго обученія въ академіи мы устроили между собою общезитіе съ монастырскими порядками. Когда же Семененко и Кайсовичъ были уже рукоположены въ священники, то мы занялись мыслию составить новую конгрегацію, нѣчто въ родѣ монашескаго ордена. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній мы занялись редакціей устава, написали его въ окончательной формѣ и приняли названіе для вновь создаемаго ордена «Змартвыхвстанцы». Къ тому времени прибылъ въ Римъ Янскій, но уже съ зачатками грудной болѣзни, сведшей его вскорѣ въ могилу. Настоятелемъ вновь образовавшейся конгрегаціи былъ избранъ Семененко.

Уже въ это время какое-то внутреннее, неопредѣленное чувство меня влекло къ восточному обряду. Быть можетъ, это было послѣдствіемъ воспоминаній ранняго дѣтства, когда я часто ходилъ въ деревенскую церковь, не сознавая особенной разницы между обрядностью римско-католической и греко-православной и привязавшись къ послѣдней, какъ къ незабвенному забытку дорогой родины; быть можетъ, въ этомъ сказывалась привязанность къ простому народу въ южно-русскомъ краѣ, который былъ сплошь православнаго вѣроисповѣданія; наконецъ, не безъ вліянія были и мечтанія проявить на этой почвѣ свою дѣятельность. Все это послужило мотивомъ для сдѣланнаго мною предложенія образовать въ конгрегаціи змартвыхвстанцевъ два отдѣленія: латинское и греко-уніатское; однако, мое предложеніе не было принято.

Х.

Посвященіе въ священники.—Приобрѣтеніе ученой степени доктора богословія.—Отъѣздъ въ Вѣну.—Прибытіе въ Парижъ.—Священническое служеніе.—Хлопоты по устройству пріюта.—Кончина Наполеоновскаго генерала Малаховскаго.

Въ 1842 году я окончилъ курсъ духовной академіи и былъ рукоположенъ въ священники; въ слѣдующемъ же году я достигъ ученой степени доктора богословія. Въ томъ же году съ графиней Ледоховской, матерью извѣстнаго архіепископа Познанскаго, а послѣ кардинала, привезшего въ Римъ своего сына для опредѣленія его въ духовную академію, я отправился въ Вѣну. Цѣлью моего путешествія было посѣтить Краковъ и взять съ собою

воспитывалшагося тамъ моего сына. Въ Вѣнѣ я поимѣстился въ домѣ княгини Виртембергской, родной сестры князя Адама Чарторыйскаго, гдѣ я прожилъ три недѣли. Въ то время въ Австріи господствовали большія полицейскія стѣсненія: безъ спеціального разрѣшенія полиціи нельзя было отправиться въ Краковъ. На мое прошеніе министръ полиціи сообщилъ мнѣ, что онъ не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ разрѣшить мнѣ эту поѣздку, и что я долженъ немедленно оставить Австрію. Не понятно, чѣмъ руководствовались австрійскія власти, не давая мнѣ позволенія навѣстить роднаго сына. Я даже былъ стѣсненъ въ исполненія священническихъ обязанностей. Итакъ, я, имѣя разрѣшеніе отъ вѣнскаго архіепископа служить обѣдню, не могъ имъ воспользоваться: чрезъ двѣ недѣли оно было взято назадъ. Только папскій нунцій князь Альтиери позволилъ мнѣ служить обѣдню въ своей домашней церкви. Въ концѣ концовъ, приходилось покидать Австрію, чтобы отправиться снова во Францію, а между тѣмъ у меня совершенно не было средствъ. О состояніи моихъ финансовъ зналъ только домашній священникъ княгини Виртембергской, монахъ ордена маріанитовъ, Дзевульскій. Желая помочь горю, онъ собралъ среди знакомыхъ ему поляковъ нѣсколько сотъ австрійскихъ гульденовъ. Это дало мнѣ возможность отправиться въ дальній путь. По дорогѣ я остановился на одну недѣлю въ Мюнхенѣ. Здѣсь я свелъ знакомство съ двумя выдающимися дѣятелями клерикальной партіи въ Германіи съ Гэрресономъ (Görges) и Дэллингеромъ (Döllinger), основателемъ нѣмецко-католической партіи и другими. Чрезъ Швейцарію, Базель и Страсбургъ я благополучно прибылъ въ Парижъ.

Члены конгрегации эмартвыжстанцовъ, жившіе въ Парижѣ, находились въ вѣдѣніи парижской епархіи. Имъ разрѣшалось епархіальнымъ начальствомъ служить для польской эмиграціи обѣдню и проповѣдывать по праздникамъ и воскресеньямъ въ костелѣ св. Роха, въ назначенные для этого дни. Эмигранты, по преимуществу изъ партіи Чарторыйскаго, довольно въ большомъ числѣ посѣщали эти богослуженія. Особеннымъ краснорѣчіемъ въ своихъ проповѣдяхъ отличался Кайсевичъ. И мнѣ приходилось служить въ этой церкви отъ времени до времени. Однако, меня влекло къ болѣе дѣятельной жизни. Поэтому я, съ согласія своихъ товарищей, предпринималъ лѣтомъ 1844 и 1845 годовъ миссіонерское путешествіе по разнымъ городамъ Франціи, чтобы проповѣдывать и будить религиозное чувство среди поляковъ, разбросанныхъ по всему пространству пріютившаго ихъ края. Результаты были утѣшительныя. Въ каждомъ изъ посѣщаемыхъ мною городовъ послѣ нѣсколькихъ проповѣдей являлись къ исповѣди, а затѣмъ и пріобщались святымъ тайнамъ болѣе или менѣе значительная группа вѣрующихъ, доходившая иногда до нѣсколькихъ десятковъ. Зимой же я раздѣлялъ, какъ сказано было выше, труды товарищей, совершая богослуженіе и проповѣдуя по воскресеньямъ и праздникамъ въ самомъ Парижѣ. Кругъ моихъ знакомствъ, какъ среди эмиграціи, такъ и французскаго

общества, само собою разумѣется, значительно расширился. Благотворительное общество польскихъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ княгини Чарторыйской, пригласило меня въ число своихъ членовъ; какъ кажется, мои связи съ богѣе бѣдной частью польской эмиграціи были мотивомъ моего избранія. Какъ членъ благотворительнаго общества, я сталъ собирать среди эмиграціи посильную лепту на устройство пріюта для вышедшихъ уже изъ больницы, но съ неокрѣпшимъ еще здоровьемъ и временно, до полного выздоровленія, не могущихъ заняться какииъ нибудь трудомъ. По положенію, реконвалесценты должны были заниматься какииъ нибудь легкимъ рукодѣліемъ. Мои хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: пріютъ былъ открытъ и сталъ дѣйствовать не безъ пользы для страждущаго человѣчества.

Случилось мнѣ какъ-то быть у генерала Малаховскаго, жившаго въ окрестностяхъ Парижа въ какомъ-то мѣстечкѣ, названіе котораго теперь не припомню, какъ разъ въ день его ангела. Это былъ старикъ, 84 лѣтъ, дослужившійся въ арміи Наполеона отъ простаго солдата до ранга генерала и бывший подъ конецъ мятежа 1830—31 г. главнокомандующимъ польскихъ войскъ. Я не былъ съ нимъ ближе знакомъ, но какая-то внутренняя симпатія влекла насъ другъ къ другу. Генераль страдалъ старческой чахоткой и все предвѣщало его близкій конецъ. Возвращаясь послѣ его посѣщенія въ Парижъ, я просилъ одного изъ проживающихъ тамъ поляковъ дать мнѣ знать, если болѣзнь приметъ неблагоприятный оборотъ. Спустя нѣсколько недѣль я получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни генерала и сейчасъ поспѣшная взять мѣсто въ diligencъ; желѣзной дороги еще не было. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ. Пріѣхавши въ мѣстечко въ 10 часовъ вечера, я, прежде чѣмъ направиться въ домъ генерала, зашелъ въ сосѣднюю лавочку и оттуда послалъ предупредить генеральшу о своемъ пріѣздѣ. На это чрезъ бывшаго адъютанта Малаховскаго она попросила меня отложить посѣщеніе до утра слѣдующаго дня, такъ какъ старикъ слишкомъ слабъ и она боится, чтобы мое позднее посѣщеніе не отразилось гибельно на его здоровьѣ. Не ѣвши весь день, я отправился къ одному знакомому, чтобы съѣсть чего либо, и лишь только я успѣлъ откушать стаканъ чая, какъ явился отъ генерала посланецъ съ приглашеніемъ явиться къ нему. Вотъ что случилось. Послѣ моего пріѣзда больной сказалъ своей женѣ, чтобы она напомнила ему утромъ слѣдующаго дня о какомъ-то важномъ дѣлѣ, о которомъ онъ ей хочетъ сообщить. «За чѣмъ откладывать? Сообщи сейчасъ же!» отвѣчала жена. Сначала старикъ упрямился, но спустя нѣсколько минутъ сказалъ, что чувствуетъ себя весьма слабымъ и что поэтому слѣдуетъ исполнить предсмертную обязанность. «Когда только проснешься», добавилъ старикъ, то напиши о Терлецкому (именно я пришелъ на мысль умирающему), чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе! «Онъ здѣсь; онъ только что пріѣхалъ», было отвѣтомъ жены. Послали сейчасъ за мною. Когда я вошелъ, то умирающій обратился ко мнѣ сейчасъ

съ вопросомъ, будетъ ли онъ имѣть время приготовиться достойнымъ образомъ къ смерти? Я его успокоилъ и выслушалъ его исповѣдь, къ которой онъ былъ хорошо приготовленъ. Вслѣдъ затѣмъ я поѣхалъ къ приходскому священнику, чтобы онъ явился къ умирающему съ святыми тайнами, по принятіи которыхъ я самъ совершалъ елеосвященіе. На слѣдующій день, въ полдень, генералъ Малазовскій тихо скончался.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. А. Лапатинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1830 г. ¹⁾.

ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ.

Январь 3. Университетъ предложилъ мнѣ на нынѣшній годъ каеэдру политической экономіи, которую буду занимать въ качествѣ помощника ординарнаго профессора Бутырскаго, а вчерашній день я началъ преподавать въ пансіонѣ Курнанда, сверхъ правъ и статистики, русскую словесность по два часа въ недѣлю.

15. Я получилъ первый томъ «Исторіи русскаго народа», соч. Н. А. Полеваго.

Еще до появленія въ свѣтъ этой книги, она уже была осуждаема и превозносима. Такъ называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ царедворцы, вовсе не мыслящіе или мыслящіе по заказу властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и рядить, да не достаеетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ, дѣйствительно, написалъ «Исторію русскаго народа», а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на размышленіи и доказательствахъ. Но ихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ отечество обязано Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1838 г., т. LIX, авг., стр. 305—311; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 287—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; томъ LXII, апр.; стр. 107—130; июнь.

Какъ бы то ни было, а Полевой написалъ исторію Россіи. Онъ посвятилъ ее Нибуру и тѣмъ самымъ какъ бы отказался отъ перстня. И это тоже ему ставятъ въ уголовную вину. Написалъ онъ также предисловіе къ своей исторіи — и послѣднее плохо. Въ немъ кучкою накиданы все новыя французскія и нѣмецкія мысли объ исторіи, но безъ логической связи и ясности. Впрочемъ, не время еще изрекать судъ о его сочиненіи: надо прежде видѣть его вполнѣ оконченнымъ. Очевидно, однако, что онъ смотритъ и на исторію, и на Россію съ высшей точки зрѣнія. Онъ философскимъ духомъ слѣдитъ за событіями и старается примѣтить, какъ образовали они судьбу народа. Это заслуга важная.

Я думаю даже, что недостатки его творенія, сколько бы ихъ ни было, будутъ искуплены сею заслугою предъ нелицепріятнымъ судомъ потомства.

30. Воейковъ, въ первомъ номерѣ «Славянина», нанечаталъ стихи: «Цензоръ», въ которыхъ досталось какому-то Г.... ханжѣ и невѣждѣ. Мы получили повелѣніе спросить у цензора, разсматривавшаго эти стихи, какъ онъ осмѣлился пропустить ихъ, а у Воейкова: кто именно просилъ его напечатать оныя? Я дѣлалъ день почти отыскивалъ Воейкова, чтобы отобрать отъ него показанія, но не нашелъ его. Ценсурный уставъ предписываетъ не преслѣдовать писателей: хорошо было бы не только въ теоріи, но и на практикѣ держаться этого благаго правила.

Въ заключеніе Воейковъ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, что онъ не помнитъ, кто доставилъ ему для напечатанія вышеупомянутые стихи. Цензоръ Сербиновичъ, что онъ не могъ знать, что стихи эти содержатъ въ себѣ личность, тѣмъ болѣе, что это переводъ съ французскаго.

31. Воейковъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Грець и Булгаринъ, будто-бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи. Въ Москвѣ цензоръ, Гляника, также заключенъ на двѣ недѣли. Бѣдное сословіе писателей!

У насъ жалуются на недостатокъ хорошихъ писателей. Есть люди съ дарованіями, но имъ не достаеетъ развитія. Послѣдняго и вообще немного у насъ. Отчего? Причины очевидны.

Мы можемъ быть настолько развиты и просвѣщенны, насколько то позволяютъ условія нашей жизни.

Февраль 5. Въ городѣ очень многіе радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззащитный эгоизмъ всеѣмъ надобѣлъ.

Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава.

6. Сегодня я присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ и никогда не забуду впечатлѣнія, оттуда вынесеннаго. Какое очаровательное пѣніе этихъ милыхъ созданій, одѣтыхъ въ бѣлыя платья—прощальное пѣніе, послѣдняя дань тихой обители, гдѣ они провели первые дни юности.

Я такъ былъ увлеченъ величіемъ этого зрѣлища, что не хотѣлъ ни на что смотрѣть глазами критика. Ни тѣснота, ни давка, ни духота на меня не дѣйствовали. Я даже не особенно старался протискаться побольше впередъ, довольствовался тѣмъ, что мнѣ удавалось видѣть сквозь промежутки дамскихъ шляпокъ, тянувшихся передъ нами длинной стѣной. Я весь былъ поглощенъ пѣніемъ.

Послѣ экзамена и прощальнаго пѣнія волны публики хлынули въ залу, гдѣ выставлены работы воспитанницъ. Есть отличныя произведенія каллиграфіи, рисунки, шитье и проч.

Здѣсь стройными рядами проходили мимо посѣтителей всѣ воспитанницы и въ томъ числѣ выпускныя. Какъ видѣнія поэтической фантазіи, они мелькали передо мной въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ съ лиловымъ кушакомъ.

Выходя изъ института, я претерпѣлъ жестокою давку. Съ часъ отыскивалъ человѣка, которому отдана была моя шинель. Долго не забуду я всего, что видѣлъ сегодня въ Смольномъ монастырѣ.

14. Обычный годовою праздникъ нашего выпуска изъ университета. Всѣ товарищи собрались къ ресторатѣру Андрію. Мой любезный Полѣновъ распорядился на сей разъ пиршествомъ. Шампанскаго не жалѣли. Первый тостъ, по обычаю, былъ посвященъ Государю и отечеству. Три тоста были питы за мое здоровье. Полѣновъ всѣхъ усердно угощалъ; Гебгартъ искрился не меньше шампанскаго, Сорокинъ написалъ милые стихи, которые были читаны при громкихъ рукоплесканіяхъ товарищей.

18. Сегодня читалъ первую лекцію русской словесности дѣвицѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Зиновьевой. Ей лѣтъ семнадцать. Это блѣдное, афирное, голубоокое маленькое существо.

24. Читалъ первую лекцію политической экономіи въ университетѣ. Слушателей было много. Присутствовали также два профессора философско-юридическаго факультета, Шнейдеръ и Бутырскій, и попечитель. Говорятъ, я съ честью вышелъ изъ этого перваго испытанія. Но я самъ недоволенъ. Я чувствовалъ смятеніе говорить передъ большимъ собраніемъ точь въ точь, какъ и въ прошломъ году, когда я на публичномъ университетскомъ актѣ говорилъ краткое, похвальное

слово покойному профессору Лодію (оно напечатано, кажется, въ юньскихъ листкахъ «Сѣверной Пчелы» за 1829 годъ).

Іюль 2. Вчера былъ на великолѣпномъ Петергофскомъ праздникѣ. По утру, въ семь часовъ, заѣхалъ ко мнѣ Д. В. Полѣновъ, и мы на дрожкахъ отправились съ нимъ въ Петергофъ. Вдоль всей дороги уже тянулись непрерывною цѣпью экипажи—отъ Петербурга до самаго Петергофа. Разнообразіе этихъ экипажей, лицъ, пестрота одежды представляли занимательную картину. Въ Петергофѣ мы съ трудомъ отыскали домъ училища, гдѣ намъ отведена была квартира и квартира прекрасная, какой многіе могли намъ позавидовать въ этотъ день.

Кажется, весь Петербургъ нахлынулъ въ Петергофъ и запрудилъ его маленькія улицы. Окрестныя поля были усыяны экипажами и палатками.

Вслѣдъ за нами пріѣхали дѣвицы Полѣновы, сестры моего товарища, и мы вмѣстѣ отправились въ садъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ было большое оживленіе. Пестрая толпа чинно, почти угрюмо бродила по дорожкамъ; нигдѣ веселья, а вездѣ только одно любопытство. Гуляющіе казались не живыми лицами, а тѣнями, мелькающими въ волшебномъ фонарѣ. Нѣсколько больше движенія замѣчалось у палатокъ, надъ входами въ кои видѣлись надписи: Лондонъ, Парижъ, Лиссабонъ и проч. Но и тутъ извѣстныя особы въ голубыхъ мундирахъ спѣшили приводить въ надлежащія формы каждое свободное движеніе.

Къ вечеру забрызгаль дождикъ и прогналъ насъ въ нашу квартиру. Въ праздникъ, между тѣмъ, оставалось главное: иллюминація. Мы уже отчаявались видѣть ее, ибо дождь не переставалъ.

Наконецъ, къ девяти часамъ онъ утихъ и мы поспѣшили въ садъ. Иллюминація была великолѣпна—для меня, впрочемъ, не новое зрѣлище: ибо я видѣлъ подобное же въ Петергофѣ въ 1825 году. Зрѣлище это, дѣйствительно, поражаетъ. Моя дама, недавно выпущенная смолянка, горѣла въ восторгахъ, зажженныхъ въ ея сердцѣ этими великолѣпными огнями. Подъ конецъ она мнѣ уже даже надоѣла восклицаніями на всевозможныхъ языкахъ: «какъ это божественно, прелестно, очаровательно, мило!» и т. д. Такъ продолжалось до полуночи. Въ первомъ часу мы пустились въ обратный путь, но только въ три часа выѣхали изъ заставы петергофской: такъ было трудно прорваться сквозь хаосъ экипажей. Между тѣмъ облака болѣе и болѣе сгущались; скоро сплотились въ тяжелую тучу и, наконецъ, хлынулъ проливной дождь, который сопровождалъ насъ до самаго Петербурга. Жалко было смотрѣть на бѣдныхъ пѣшеходовъ. Усталые, промокшие

до костей, покрытые грязью, возвращались они къ себѣ—и все это для удовольствія сказать: и мы тоже были на Петергофскомъ праздникѣ. Немало также встрѣтили мы по дорогѣ переломанныхъ экипажей. До дому мы добрались только въ восемь часовъ утра.

Сентябрь 5. Ужасная болѣзнь, холера-морбусъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ свирѣпствовала въ Астрахани, оттуда двинулась въ Саратовъ, Тамбовъ, Пензу и нынѣ посѣтила Вологду, какъ доносить о томъ мѣстное начальство министру внутреннихъ дѣлъ. Въ столицѣ сильно беспокоятся. Болѣзнь сія, въ самомъ дѣлѣ, всего опаснѣе въ большомъ городѣ: здѣсь настоящая ея жатва, а можетъ быть и колыбель. При томъ климатъ петербургскій и безъ того, особенно осенью, порождаетъ много болѣзней.

Между тѣмъ какъ на сѣверѣ Европы растетъ и развивается чудовище, готовое поглотить массу человѣческихъ жертвъ, на западѣ и югѣ свирѣпствуютъ болѣзни политическія. Франціи удалось оттолкнуть отъ себя руку, готовившуюся сковать ее цѣпями. Въ три дня въ ней остались однѣ развалины отъ безумнаго деспотизма, который стремился въ ней водворить Карлъ X. Примѣръ Франціи пробудилъ отъ сна южную часть Нидерландовъ. Въ Брюсселѣ происходили кровавыя схватки. Въ Испаніи также умы волнуются. Въ Португаліи начинаютъ скучать жестокостями Донъ-Мигуэля.

Что у насъ говорятъ о сихъ событіяхъ? У насъ боятся думать вслухъ, но, очевидно, про себя, думаютъ много.

9. Никита Ивановичъ Бутырскій, ординарный профессоръ политической экономіи и экстраординарный російской словесности. Изъ духовнаго званія; воспитывался въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ и, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ отправленъ для усовершенствованія за границу. У него тонкій, быстрый умъ, вѣрное эстетическое чувство и даръ слова. Его предметъ собственно эстетика и словесность; политическая экономія досталась ему по одной изъ тѣхъ прихотей судьбы, которыя насильственно навязываютъ людямъ извѣстныя роли. У него нѣтъ ни той глубины ума, ни того постоянства въ мышленіи, которыя необходимы для того, чтобы овладѣть истинами, столь перепутанными различными житейскими отношеніями. столь шаткими среди борьбы общественныхъ стихій.

Въ преподаваніи словесности онъ держится середины между строгимъ классицизмомъ и новыми требованіями вѣка, или, лучше сказать, онъ держится системы здраваго разсудка, который знаетъ, что формы въ изящныхъ искусствахъ не значатъ ничего, если онѣ не оживотворены духомъ, но знаетъ и то, что духу потребны формы и формы строгія. Бутырскій очень пріятно излагаетъ свой предметъ;

онъ говорить не сильно, но плѣнительно: его краснорѣчіе проникнуто чувствомъ и потому нравится, хотя и не можетъ вполне служить образцомъ. Его счастливая наружность, пріятная манера, голосъ гибкій и звучный всегда готовы помочь ему тамъ, гдѣ измѣняютъ ему чувство или воображеніе. Въ немъ, однако, одинъ недостатокъ, который сильно вредитъ полнотѣ его лекцій: это частое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, оборотовъ, примѣненій и проч. Но это не отъ недостатка воображенія или слишкомъ однообразнаго хода его ума, а отъ другаго недостатка, которымъ одержимъ сей любезный профессоръ—недостатка, не столь обиднаго для самолюбія, но не менѣе вреднаго, а именно лѣнью. Часто приходитъ онъ на лекціи, вовсе не приготовивъ плана, о чемъ намѣренъ читать и, по необходимости, ищетъ убѣжища въ повтореніяхъ или говорить милыя бездѣлицы, довольно пріятныя, чтобы не наскучить, но слишкомъ безсодержательныя, чтобы учить.

Въ основѣ нравственнаго характера Бутырскаго много доброты и благородства, но мало твердости, и потому въ немъ быстро совершаются переходы отъ радости къ скорби, отъ ласки къ гнѣву. Самое ничтожное подозрѣніе, какой нибудь пароксизмъ житейскаго горя способны превратить его дружбу въ ненависть...

25. Холера уже въ Москвѣ. Это извѣстно официально. Говорятъ, что она уже и въ Твери. Мы сегодня получили отъ министра предписаніе доносить ему ежедневно о больныхъ воспитанникахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ означеніемъ кто чѣмъ боленъ. Отъ полиціи предписано то-же самое всѣмъ жителямъ столицы.

Итакъ, мы не на шутку готовимся принять сію ужасную гостью. Въ церквахъ молятся о спасеніи земли русской; простой народъ, однако, охотнѣе посѣщаетъ кабаки, чѣмъ храмы Господни; онъ одинъ не унываетъ, тогда какъ въ высшихъ слояхъ общества царствуетъ скорбь. По московской дорогѣ, въ Ижорѣ, учрежденъ родъ каравана: ибо вчера пріѣхавшій туда курьеръ умеръ, говорятъ, отъ холеры. Всѣ спрыскиваются хлоромъ, запасаются дегтемъ и уксусомъ. Вездѣ движеніе; жизнь, почуявъ врага, напрягается и готовится на борьбу съ нимъ. Но что, дѣйствительно, можемъ мы противопоставить холерѣ? Бодрость духа, покорность необходимости...

29. Троицкій, изъ казенныхъ студентовъ, окончившій курсъ въ нынѣшнемъ году, молодой человекъ съ отличными дарованіями. Попечитель хотѣлъ оставить его въ Петербургѣ, чтобы онъ могъ больше усовершенствоваться. Но министръ рѣшилъ иначе: онъ посылаетъ его учителемъ въ Могилевъ. Троицкій въ отчаяніи. Все было истощено въ его пользу. Но начальство не понимаетъ, что въ Петербургѣ

рѣдкость хорошіе преподаватели русской словесности и что такими людьми надо дорожить. У бѣднаго молодого человѣка еще другое горе: онъ обрученъ съ милою, образованною, молодою дѣвушкою, которую страстно любитъ, и теперь долженъ съ нею разстаться. Мы вмѣстѣ совѣтовались, придумывали разныя мѣры, но что значать наши слабья силы противъ власти начальника, не согрѣтаго ни чувствомъ патриотизма, ни чувствомъ человѣколюбія?

31. Вотъ стихи, напечатанные въ послѣднемъ номерѣ «Литературной газеты»:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître,
Sur ce funèbre monument.
Ils ont vaincu si promptement,
Que tu fus libre avant de les connaître ¹⁾.

По поводу сихъ стиховъ мы сегодня получили отъ Бенкендорфа бумагу съ строгимъ требованіемъ увѣдомить его: какъ цензоръ осмѣлился пропустить сіи стихи и кто далъ ихъ издателю для напечатанія? Отвѣты заготовлены ужъ. Подобныя происшествія часто случаются въ нашей цензурѣ.

Декабрь 2. Меня приглашаютъ занять мѣсто преподавателя русской словесности въ высшемъ или, такъ называемомъ, бѣломъ классѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Инспекторъ заведенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Германъ, присылалъ за мной, и я вчера вечеромъ былъ у него. Онъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые были Магницкимъ и Руничемъ изгнаны изъ университета. Этотъ человѣкъ уменъ и ученъ. Говорить по русски худо, но охотно. Онъ долго меня продержалъ, былъ привѣтливъ и порѣшилъ опредѣлить меня въ институтъ.

3. Сегодня поутру я былъ въ институтѣ. Помощникъ инспектора Тимаевъ представилъ меня начальницѣ, г-жѣ Кремпяной. Мнѣ объяснили планъ преподаванія, которому я долженъ слѣдовать. Дѣвицамъ остается годъ до выпуска. Онѣ почти ничего не знаютъ изъ словесности и въ этотъ годъ надо сдѣлать то, на что обыкновенно полагается три года. Жалованье невелико: 1050 р. за девять часовъ преподаванія въ недѣлю. Впрочемъ, мѣсто это считается почетнымъ и представляетъ обширное поле для учебной практики. Сверхъ того, пріятно бесѣдовать съ милыми, цвѣтущими существами; пріятно все-

¹⁾ Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна прежде, чѣмъ успѣла ихъ узнать.

ить хоть одну изъ своихъ идей въ сердца матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества.

10. Сегодня читалъ первую лекцію въ первомъ отдѣленіи (ибо и верхній классъ, по успѣхамъ дѣвицъ, раздѣленъ на три отдѣленія, изъ коихъ первое есть высшее). Меня ввела въ классъ начальница г-жа Кремпина. Всѣ дѣвицы уже на возрастѣ. По близорукости, я не могъ видѣть сидящихъ на заднихъ скамьяхъ, но изъ тѣхъ, которыя впереди, многія прелестны. На всѣхъ отпечатокъ тихой непопечности, еще не омраченной страстями свѣта.

Я нѣкоторыхъ экзаменовалъ. Онѣ немного успѣли въ два года. Я началъ мою лекцію изложеніемъ плана, коему намѣренъ слѣдовать въ преподаваніи, потомъ приступилъ ко введенію, или общему обзорѣнію словесныхъ наукъ и изящнаго, какъ основанія оныхъ. Начальница пребыла въ классѣ до конца лекціи и въ заключеніе выразила свое полное удовольствіе. Итакъ, начало сдѣлано, кажется, успѣшно.

30. Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году: въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени.

Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности (1830 г.). Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуетъ этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть не трудно.

Внутреннія условія нашей жизни, промышленность, правосудіе и проч. тоже не улучшились за этотъ годъ... Да сохранить Господь Россію!

Конецъ лѣтописи за 1830 годъ.

1831 годъ.

Январь—декабрь.

Январь 1. Новый годъ встрѣтилъ у Деля. Собраніе было большое и всѣ, кажется, веселились. Старинный обычай являться въ маскахъ еще держится. Многие и сюда въ нихъ явились. Дамъ было мало красивыхъ. Инспектриса Екатерининскаго института, г-жа Штатникова, пышна, величава, но уже зрѣлыхъ лѣтъ. Моей позвѣй на нынѣшній вечеръ была сама хозяйка, Анна Петровна Дель. Она нехороша собой и не первой молодости: ей лѣтъ подъ тридцать. Но эта женщина меня очаровываетъ своимъ вѣжливымъ женскимъ умомъ, своею сердечною любезностью и невыразимо милымъ простодушіемъ. Все это сообщаетъ ея лицу такое выраженіе, что ее предпочтешь всякой красавицѣ.

Поутру въ новый годъ я былъ осажденъ поздравителями. Никогда еще не бывало у меня такой толпы разнородныхъ лицъ—знакъ, вѣроятно, что и меня начинаютъ считать за человѣка. Самъ я былъ съ визитами у институтскаго начальства, у князя Голицына. Вечеръ провелъ у Троицкаго, который сегодня праздновалъ обрученіе свое съ невѣстою.

6. Былъ на балу у генерала Германа, инспектора классовъ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Всѣ наши балыня собранія одинаковы. Разница только въ убранствѣ комнатъ, да въ большей или меньшей роскоши угощеній. Три рода людей обыкновенно присутствуютъ на балахъ: танцующіе, бостовисты и зрители, въ свою очередь раздѣляющіеся на зрителей игры и танцевъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ устарѣвшія дамы—матушки героинь французскаго кадрили и котильона, или мужчины, приглашаемые для счета. Меня танцы всегда плѣвняютъ. Я люблю наблюдать за игрою физиономій танцующихъ паръ.

Женщины особенно доставляютъ для того благодарный матеріалъ; что же касается мужскихъ лицъ, они очень рѣдко бываютъ выразительны. На этомъ балѣ я нашелъ не больше трехъ, четырехъ; къ нимъ, безспорно, принадлежитъ физиономія пріятели моего Ивана Карловича Гебгардта. На лицѣ его удивительно отчетливо напечатлѣны двѣ отличительныя черты его характера: легкая, граціозно лукавая тонкость ума и благородство. Лицо его кипитъ игрою жизни цвѣтущей, прекрасной. Оно свѣтло, открыто, благородно. Но бойтесь встрѣтиться съ его улыбкою: тонкая, аттическая иронія явится въ ней, какъ шипъ возлѣ розы.

Праздники миновали; въ канцеляріи масса работы. Правду сказать, я одинъ работаю. Помощникъ мой худо мнѣ помогаетъ. Начальникъ мой, частію по довѣрію ко мнѣ, а частію по неохотѣ заниматься вещами, которыя въ сущности ни чьему благу не содѣйствуютъ, оставляетъ все на мое попеченіе. Между тѣмъ меня каждый день осаждаютъ толпа просителей, изъ которыхъ есть люди, вполне достойныя помощи. Но при нашихъ порядкахъ весьма немногимъ удается помочь.

7. Сегодня опять начались мои лекціи въ институтѣ. Мои милыя слушательницы встрѣтили меня радостно.

Между ними нѣкоторыя, особенно въ первомъ отдѣленіи, съ большими дарованіями. Есть и красивыя лица. На всѣхъ институткахъ своя особенная печать. Лица ихъ выразительны не такъ, какъ у дѣвушекъ, воспитанныхъ дома, т. е. въ гостинныхъ.

16. Сегодня экзаменовали моихъ студентовъ изъ политической экономіи. Они отвѣчали, кажется, плохо, впрочемъ, не хуже, чѣмъ слушатели профессора Бутырскаго. Легко можетъ случиться, что мнѣ не дадутъ адъюнктура.

Баронъ Дельвигъ умеръ послѣ четырехдневной болѣзни. Новое доказательство ничтожества человѣческаго. Ему было 33 года. Онъ былъ, кажется, крѣпкаго, цвѣтушаго здоровья. Я не такъ давно съ нимъ познакомился и былъ имъ очарованъ. О немъ всѣ сожалѣють, какъ о чловѣкѣ благородномъ.

18. Вечеръ провелъ у Полѣнова, гдѣ дѣвица Бняжнина доставила всѣмъ живое эстетическое удовольствіе своими прелестными танцами. Какое благородство, какая грація, непринужденность во всѣхъ ея движеніяхъ! Всѣ другія барышни угасли передъ ней, какъ звѣзды передъ солнцемъ.

19. Сегодня профессоръ Бутырскій изъявилъ мнѣ свое удовольствіе за экзаменъ моихъ студентовъ въ политической экономіи. Виѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что я уже внесенъ въ списокъ преподавателей университета на нынѣшній годъ. Профессоръ Шнейдеръ тоже хорошо отзывался о моемъ экзаменѣ. Значитъ, надежда на адъюнктура не совсѣмъ еще исчезла.

20. Сегодня былъ маленькій экзаменъ моихъ ученицамъ въ институтѣ. Начальница показывала заведеніе инспектору одесскаго института, который хочетъ запасться здѣсь образцами для подражанія.

Дѣвицы спрашивалъ изъ словесности самъ инспекторъ Германъ. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо, особенно Быстроглазова, Воейкова и графиня Соллогубъ.

Вызывая дѣвицъ, я, по незнанію еще ихъ способностей, вызвалъ

нѣкоторыхъ изъ слабыхъ. Начальница замѣтила мнѣ это и посоветовала затвердить въ памяти лучшихъ, чтобы, при случаѣ, показывать ихъ чужимъ людямъ.

21. Былъ въ театрѣ и видѣлъ новую пьесу: «Кровавая рука», трагедія Кальдерона, переводъ Каратыгина. Пьеса эта по идеѣ своей ниже обычной кальдероновской высоты: она заключена въ предѣлахъ одной человѣческой страсти, раскрытой, однако, со всею геніальностью великаго писателя. Изступленія ревности, вотъ основа всей трагедіи. Наша публика довольно холодно приняла пьесу, не смотря на превосходную игру Каратыгина. Оно естественно: мы не умѣемъ любить, слѣдовательно, и ревновать. Намъ непонятна ярость испанца, честь и сердце котораго одновременно оскорблены. Увы, понятіе о чести для насъ слишкомъ рыцарское.

24. Вечеръ провелъ у Михайловыхъ. Генералъ замучилъ меня своими ультра-мистическими взглядами. Онъ вѣрить духамъ, пророчествамъ, наптіямъ, видѣніямъ и всемъ нелѣпостямъ, какія воспламененная, религіозная фантазія хотѣла въ послѣднее время превратить у насъ въ предметы народнаго вѣрованія. Чудные люди эти мистики! Они во всемъ находятъ причины утверждаться въ своемъ заблужденіи. Если вы имъ говорите о законахъ природы, явно противорѣчащихъ ихъ положеніямъ, они приписываютъ эти противорѣчія случаю. Источникъ ихъ заблужденія въ односторонности: они слишкомъ легко поддаются чувству, избѣгаютъ разума.

Михаилъ Кузьмичъ Михайловъ человѣкъ умный, а между тѣмъ рассказываетъ, какъ о святыхъ дѣлахъ, о нелѣпыхъ поступкахъ и пророчествахъ какого-то Архипа Сидоровича, вѣроятно, архи-плута, который достаетъ себѣ насущный хлѣбъ тѣмъ, что морочитъ добрыхъ, но легковѣрныхъ людей.

28. Публика въ равней кончивъ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ «Литературной газетѣ» четверостишія Казимира Делавиня назвалъ Дельвига въ глаза почти яковинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ.

За сямъ и «Литературную газету» запрещено было ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла.

Февраль 6. Обыкновенное наше годичное празднество. На сей разъ дурно было выбрано для него мѣсто—гостинница въ домѣ Балабина. Обѣдъ оказался изъ рукъ вонъ плохъ, хотя стоилъ дорого. Вина были хороши, потому что мы ихъ сами покупали. Но если вещественная сторона нашего торжества была неблистательна, за то

нравственная сіяла радостнымъ свѣтомъ. Взаимное довѣріе одушевляло всѣхъ. Жаръ чести, свойственный юности, еще не угасъ въ нашихъ сердцахъ. Никто изъ членовъ нашего братства еще не очинившился. Первый тостъ я предложилъ за успѣхи русскаго образованія. Въ слѣдующую пятницу будетъ у меня, такъ называемое, отданіе праздника.

Изъ ближайшихъ моихъ пріятелей Подѣновъ,—человѣкъ съ здоровымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ способенъ къ дѣламъ благороднымъ, но надо, чтобы онъ былъ одушевленъ песторовнимъ убѣжденіемъ. Онъ твердо пойдетъ по пути, который для него проложить, и къ цѣли, которую ему укажутъ, хотя бы успѣхъ стоилъ тяжелыхъ пожертвованій.

Армстронгъ. Онъ толстъ, но такъ легокъ, что, какъ пухъ, гонимый вѣтромъ, то и дѣло мѣняетъ направленіе своихъ мыслей.

Врядъ ли онъ когда нибудь выработаетъ въ себѣ характеръ и, должно быть, кончитъ тѣмъ, что будетъ хорошимъ начальникомъ отдѣленія и работъ своей жены. Онъ сложенъ немного неповоротливо и физически, и нравственно. Онъ смотритъ въ глаза другихъ, чтобы угадать мысль, которая освободила бы его отъ необходимости самому до чего либо домыслиться. Но у него истинно прекрасное сердце. Онъ не способенъ ни на какое добровольное зло, а если будетъ для кого нибудь вреденъ, то не иначе, какъ подобно ядру, произвольно стрѣляющему изъ пушки.

Михайловъ. Эпиграфомъ къ его биографіи могутъ служить слѣдующіе стихи:

Какъ вѣтеръ, мысль его свободна,
За то, какъ вѣтеръ, и бесплодна.

Я бы скорѣе покусился повѣсить фунтовую гиру на паутинѣ, нежели вѣрить ему надежды мои. Однако-жь, въ немъ благородныя чувства и въ минуту энтузіазма онъ можетъ насказать много мужественнаго и рѣшительнаго. Но онъ легче дыма улетитъ отъ васъ, когда одумается. Онъ и опять прилетитъ къ вамъ, съ убѣжденіемъ человѣка мыслящаго для того, чтобы убѣдиться, что надо снова оставить васъ. Онъ пріятенъ, какъ легкая, милая игра фантазій. Это мечта, сновидѣніе благороднаго, но столь легкая, что оно разлетается, лишь только вы захотите его обнять. Онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ камергеромъ или камеръ-юнкеромъ. Чего же больше?

Лингвистъ. Въ головѣ его романическія затѣи о величіи. Герой его—Наполеонъ. Онъ способенъ къ возвышеннымъ идеямъ и даже соображеніямъ. Жаль только, что онъ не понимаетъ самъ себя. Отъ

всѣхъ великихъ мужей Плутарха онъ отрываетъ по лоскутку изъ характера, взглядовъ и убѣжденій и изъ всего этого представляетъ смѣсь, въ которой недостаетъ только одного — самого Лингвиста. Однако, о немъ не такъ легко предвидѣть, какъ о другихъ, чѣмъ онъ кончитъ: онъ принадлежитъ судьбѣ; другіе—обстоятельствамъ и отношеніямъ свѣта.

9. Наконецъ, послѣ блистательнаго начала въ институтѣ, я начинаю испытывать неприятности на этомъ новомъ поприщѣ. Таковъ ходъ вещей на свѣтѣ. Вчера былъ я у Германа и тотчасъ замѣтилъ, что обращеніе его со мной перемѣнилось: онъ сдѣлался какъ-то суше и принужденнѣе. За ужиномъ, впрочемъ, онъ, какъ и всегда, посадилъ меня около себя, но это оказалось не безъ умысла. Онъ прочелъ мнѣ длинное наставленіе о томъ, что лекціи мои въ институтѣ должны быть, сколь возможно, кратче; что, читая ихъ, я не долженъ слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотой или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености и т. д. Что-же? Достопочтенный господинъ Германъ можетъ быть и правъ, но въ словахъ его противорѣчіе. И онъ, и помощникъ его, Тимаевъ, сначала требовали, чтобы въ первомъ отдѣленіи я не стѣснялся, распространялся, какъ хочу. Первая лекція, прочитанная мною въ этомъ духѣ, была одобрена и имъ, и Тимаевымъ. Изъ этого заключаю, что мнѣ не лишнее подумать объ отставкѣ.

Еще другая неприятность. Я былъ вчера у Бутырсаго. Нынѣшній годъ я, кажется, не буду представленъ къ адъюнктству.

— Надобно, сказалъ онъ, чтобы прежде были успѣхи по вашему предмету.

Въ итогѣ: я не удовлетворяю ни политико-экономовъ, ни словесниковъ.

11. Я объяснялся сегодня съ инспектрисею Штанниковой. Она объявила мнѣ, что не только въ институтѣ всѣ довольны мною, но что самъ г-нъ Вилаговъ, который три раза былъ на моихъ лекціяхъ, поздравлялъ институтъ съ пріобрѣтеніемъ меня.

— Васъ понимаютъ, продолжала она, — вы заботитесь не объ одномъ томъ, чтобы дѣвицы умѣли проболтать на экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизусть правилъ риторики и пѣтики. Но вы хотите направить ихъ вкусъ, ввести въ духъ литературы. Это-то и не нравится нашимъ здѣшнимъ ученымъ.

— Вы, какъ и господинъ Плетневъ, какъ и законоучитель нашъ, слѣдовавшіе одной методѣ съ вами, будете не разъ подвергаться неприятностямъ. Но, ради Бога, не смотрите на это: идите

своей стезей; васъ понимаютъ совершенно. Вы возбудили энтузіазмъ нашихъ ученицъ и съ этимъ и экзаменъ вамъ не страшенъ.

Слова сія заставили меня пока умолчать о намѣреніи моемъ на счетъ отставки. Однако, съ Тимаевымъ я долженъ объясниться.

Г-жа Штатникова совѣтовала мнѣ познакомиться съ Плетневымъ. Онъ былъ вѣскольکو лѣтъ въ институтѣ и можетъ сообщить мнѣ нужныя свѣдѣнія о механизмѣ здѣшнихъ дѣлъ.

Германа, очевидно, не любить женская партія и состоитъ съ нимъ въ болѣе или менѣе открытой враждѣ. Невольно и я очутился въ средѣ всѣхъ этихъ сплетенъ. Надѣюсь благоразумнымъ выполніемъ своего долга поставить себя выше этихъ мелочей. Если же нѣтъ, у меня всегда наготовѣ отставка.

15. Былъ по утру у Плетнева. Въ его обращеніи простота. Въ чувствахъ и рѣчахъ больше мягкости, чѣмъ силы. Онъ поразсказалъ мнѣ объ институтскихъ порядкахъ такую правду, что хуже всякой лжи. Свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ доставилъ, ничего, однако, не измѣнили въ системѣ моихъ дѣйствій. Одно только считаю я теперь лишнимъ, это ѣхать съ кѣмъ бы то ни было объясняться.

Говорили мы съ нимъ также и о литературѣ нашей, т. е. оплакивали ея ничтожество. Онъ просилъ меня поддерживать своими статьями «Литературную газету», въ которой видитъ наслѣдіе благороднаго барона Дельвига. Мы разстались, кажется, друзьями. Онъ просилъ меня посѣщать его по средамъ вечеромъ и, между прочимъ, обратить въ институтѣ вниманіе на племянницу Жуковскаго, Воейкову, и на графиню Соллогубъ.

16. Былъ въ театрѣ на представленіи комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Нѣкто остро и справедливо замѣтилъ, что въ этой пьесѣ осталось одно только горе: столь искажена она роковымъ ножомъ Бенкендорфской литературной управы. Игра артистовъ также нехороша. Многіе, не исключая и Каратыгина большого, вовсе не понимаютъ характеровъ и положеній, созданныхъ остроумнымъ и гениальнымъ Грибоѣдовымъ.

Эту пьесу играютъ каждую недѣлю. Театральная дирекція, говорятъ, выручаетъ отъ нея кучу денегъ. Всѣ мѣста всегда бывають заняты и уже въ два часа наканунѣ представленія нельзя достать билета ни въ ложи, ни въ кресла.

25. Надняхъ я съ удовольствіемъ прочиталъ романъ знаменитаго Бенжамена Констана: «Адольфъ». Въ немъ разобраны сплетенія чловѣческаго сердца и изображенъ чловѣкъ вывѣшняго вѣка, съ его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками. Байронъ

сказалъ въ «Донъ-Жуанѣ»: для мужчины любовь есть эпизодъ, — для женщины исторія. «Въ «Адольфѣ» эта идея развита со всѣми ея тончайшими отгѣнками.

Адольфа перевелъ князь Вяземскій: цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ — сочиненіе Бенжамена Констана! Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета, человѣку, впрочемъ, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая Россіи революціей. Вотъ подъ влияніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе.

28. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Полѣнова. Здѣсь встрѣтилъ я дѣвицу Поганато, недавно выпущенную изъ Смольнаго монастыря. Она гречанка и это доказываютъ вполне греческія формы ея лица, блѣднаго, умнаго, очень выразительнаго, украшеннаго черными, какъ вороново крыло, волосами и озареннаго лучезарнымъ блескомъ такихъ же глазъ. Она бѣдная сирота. Ее принялъ къ себѣ въ домъ священникъ иностранной коллегіи. Бѣдная дѣвушка! Какъ тяжело, должно быть, ея положеніе: съ такимъ образованіемъ и состоять въ рабствѣ у самыхъ мелкихъ житейскихъ нуждъ. Женщина, еще дѣтя, безъ покровителя, безъ помощи, она возбуждаетъ невольное участіе.

Мартъ 6. Читаю курсъ литературы Лагарпа. Какой онъ рабъ Аристотеля! Аристотель, Баттѣ, Блэзъ, Лагарпъ — всѣ эти господа разсуждаютъ о литературѣ, какъ о какомъ-то ремеслѣ. Вотъ такъ и такъ изготовляются сочиненія: трагедія, комедія, рѣчи и проч., какъ башмаки, платья, мебель. Они не смотрятъ на словесное произведеніе, какъ на проявленіе духа человѣческаго, стремящагося ко всестороннему развитію въ истинномъ, благомъ и изящномъ. Правило: подражай природѣ, относится къ самой низкой сторонѣ искусства и заключаетъ въ себѣ лишь малѣйшую часть его. Это то, что мы читаемъ въ шитикахъ и реторикахъ въ статьѣ: о правдоподобіи. Другими словами сказать: пиши для человѣка по человѣчески. Но безъ идеаловъ нѣтъ изящныхъ искусствъ. А если бы они и были безъ нихъ, то немного оказали бы услугъ человѣку. Нашему вѣку предоставлена честь возратить поэзіи права ея, т. е. показать, что она есть жизнь и лучшая жизнь человѣческаго сердца и что ея значеніе не суетная забава праздныхъ людей, но пробужденіе въ человѣкѣ всего божественнаго, положительное, прямое развитіе всего благороднаго въ его духѣ.

Читалъ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» Гюго. Этого сочиненія нельзя читать безъ содраганія, особенно главу, гдѣ несчастный прощается съ малюткой дочерью. Справедливо-ли упре-

каютъ вынѣшнихъ романистовъ за то, что они выбираютъ сюжеты столь мрачныя? Мнѣ кажется—нѣтъ, принявъ въ соображеніе воодушевляющую ихъ идею. Эти писатели заслуживаютъ, напротивъ, благодарности. Въ самыхъ мрачныхъ глубинахъ сердца человѣческаго, среди тяжкаго напряженія страстей они отыскиваютъ искры нравственной красоты и спасаютъ отъ отчаянія душу человѣческую, которая безъ сего ужаснулась бы самой себя, при видѣ нѣкоторыхъ пороковъ и злодѣяній. Это-то и есть поэтическая сторона произведеній, въ которыхъ играютъ роль убійцы и всякаго рода злодѣи и преступники. Въ этихъ произведеніяхъ, кромѣ того, обращается вниманіе читателя на причины кровавыхъ событій, гдѣ человѣкъ является такъ низко падшимъ. Они указываютъ въ сердцѣ злополучнаго свѣтлую точку, которая была зерномъ добрыхъ наклонностей, но въ заключеніе подвернулась, какъ тинюю, томленіями нищеты, равнини, незаслуженными страданіями, презрѣніемъ, которымъ свѣтъ многихъ обременяетъ при первомъ появленіи ихъ на сцену жизни. Но для чего это? спросать. Для того, чтобы содрогнулась прѣтѣснители и пробудились угнетенные.

16. Обѣдалъ вчера у отставнаго директора морскаго департамента, г-на С. На этотъ разъ и здѣсь царствовала убійственная скука, которая большею частью всегда царствуетъ въ такъ называемыхъ «хорошихъ обществахъ». Я пришелъ къ г-ну С. въ три часа. Обѣдѣ еще и не думали. Екатерина Лукьяновна была уже въ гостиной. Она встрѣтила меня съ восторгомъ. Изъ устъ ея полилась рѣка сладкихъ рѣчей съ обычными ей декламаторскими восклицаніями.

Она принадлежила къ числу тѣхъ широковошщихъ, впрочемъ, неглупыхъ дамъ, которыя болтаютъ обо всемъ: о погодѣ, шляпкахъ, философіи, французской революціи, о дѣлахъ Бельгіи, о Дибичѣ, о польской войнѣ и проч. Я достался ей на жертву почти на полчаса и въ это время вынесъ цѣлый градъ восклицаній. Наконецъ, гостинная наполнилась чающими движенія къ суповой чашкѣ. Здѣсь было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ съ рѣшительнымъ видомъ, этимъ отличительнымъ признакомъ нашихъ рыцарей гвардейскихъ и не гвардейскихъ; нѣсколько департаментскихъ чиновниковъ, съ лицами, застывшими въ покорномъ равнодушіи ко всему, что не текуція дѣла ихъ департамента. Нѣсколько дѣвицъ усѣлись на диванѣ, а возлѣ нихъ разиѣстилось нѣсколько любезниковъ въ мундирахъ и во фракахъ.

Послѣдніе усиленно работали умами: они припоминали все, когда либо читанное ими во французскихъ романахъ, или слышанное отъ французскихъ дядекъ, и изливали это въ видѣ каламбуровъ, анекдотцевъ, разныхъ возгласовъ о томъ, о семъ, а болѣе ни о чемъ. Милыя

дѣвцы очень смѣялись и казались искренно довольными своими кавалерами.

20. Вечеромъ былъ у Плетнева. Здѣсь познакомился съ издателемъ «Литературной газеты», Сомовымъ. Физиономія его неказиста. Разговоръ не обличаетъ ни пылкости, ни остроумія. Но я не нашелъ въ немъ и той заносчивости, какою отличаются нѣмнѣе изъ его журнальныхъ статей. Я поздно пріѣхалъ и недолго пробылъ у Плетнева. Разговоръ былъ общій о литературѣ: это былъ плачъ Іереміи надъ развалинами Сіона.

Апрѣль 8. Сегодня я въ первый разъ видѣлъ близко государыню императрицу Александру Ѳдоровну. Она была въ институтѣ и пришла прямо въ мой классъ. Здѣсь пробыла она болѣе сорока минутъ. Поздоровавшись съ воспитанницами, она привѣтливо поклонилась мнѣ, сказала: «продолжайте», и сѣла съ г-жею Кремпиной за столикъ, гдѣ обыкновенно сидитъ классная дама. Я, стоя, спрашивалъ дѣвицъ. Она внимательно слушала ихъ отвѣты, иногда говорила нѣсколько словъ г-жѣ Кремпиной. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо (разумѣется, спрошены были самыя лучшія). Особенно отличились Быстроглазова, Калиновская вторая, Милорадовичъ. Воейкова сконфузилась. Послѣ, ея величество, поговоривъ съ Калиновскою и Воейковой, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

- «Давно вы служите здѣсь?»
- Четыре мѣсяца, ваше императорское величество.
- «Довольны вы воспитанницами вашими?»
- Очень доволенъ, ваше имп. в-ство, онѣ весьма прилежны.

Она ласково поклонилась, раскланялась съ дѣвицами и ушла.

У императрицы стройная, величественная фигура, какихъ, я думаю, не много есть; лицо блѣдное, но также величественное съ оттѣнкомъ добродушія; въ приѣмахъ ея и обращеніи много привѣтливаго и ласковаго. Она, кажется, осталась довольна воспитанницами.

Мои милыя дѣвицы пришли въ большое смятеніе, услышавъ о пріѣздѣ государыни. Она давно уже не была въ институтѣ и теперь пріѣхала неожиданно.

— «Меня не спрашивайте, пожалуйста, меня не спрашивайте», или: «спросите вотъ то-то и то-то». Но я спрашивалъ безъ профессорскаго подлога все, что было нами пройдено изъ теоріи прозы.

22. Праздники. Какъ водится, дѣлалъ визиты въ первый и второй день. Смѣшно видѣть, какъ люди скучаютъ нѣмыми свѣтскими обязанностями и между тѣмъ съ такою суетливостью спѣшатъ исполнять ихъ — одни даже не безъ тайнаго удовольствія, другіе съ важностью, точно священнодѣйствуютъ.

У Михайлова познакомился я съ Воейковымъ, отцомъ моей институтки.

Онъ благодарилъ меня за нее и вообще наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ по поводу моихъ институтскихъ лекцій.

Сегодня же былъ подъ качелями и, между прочимъ, въ балаганѣ Лемана. Шутовскія выходки этого полу-артиста довольно забавны. Пляска на канатѣ, ходьба на рукахъ, кувырманье черезъ голову, хотя и свидѣтельствуютъ о большой гибкости тѣла и гимнастическомъ искусствѣ, мнѣ не полюбились. Тутъ человекъ какъ-то слишкомъ себя порабощаетъ — чему? самъ не знаю чему — желудку что-ли? Довольно ловко продѣлавъ слѣдующій фарсъ. Паяцъ ѣстъ яйцо. Вдругъ схватываетъ его сильная боль въ животѣ. Онъ корчится по паяцовски, стонетъ и проч. Приходитъ докторъ, дѣлаетъ ему во рту операцію и вытаскиваетъ оттуда преольшую утку, которая движется точно полу-живая.

Къ Леману нелегко пробраться. У дверей его храма удовольствій такъ тѣсно, какъ въ церкви въ большой праздникъ до проповѣди.

Я съ трудомъ досталъ билетъ, еще съ большими трудомъ пробрался къ дверямъ.

Многія дамы кричали, что имъ дурно; одинъ офицеръ, сопровождавшій молодую дѣвушку, храбро состязался съ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати. Послѣдній, стиснутый толпой, толкнулъ локтемъ въ плечо красавицу, которая глупо улыбалась, когда рыцарь ея бранился съ мальчикомъ, стараясь заугать его своимъ офицерствомъ.

Былъ я также и въ звѣринцѣ Лемана. Молодой слонъ очень милъ. Онъ съ точностью исполнялъ всѣ предписанія хозяина; щеткою чистилъ себѣ ноги, смахивалъ себѣ со спины пыль платкомъ, звонилъ въ колокольчикъ, плясалъ, т. е. передвигалъ въ тактъ переднія ноги и топтался на мѣстѣ. Не безъ любопытства разсматривалъ я также обезьянъ. Невольно вспомнилось мнѣ здѣсь, недавно прочитанное мною, замѣчаніе Гердера, который придаетъ такъ много цѣны прямому тѣлосложенію человекъ, чего лишены другія твари.

Я не могъ здѣсь не согласиться съ нимъ.

Май 22. Опять цезурное говеніе. Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана юмористическая статья Булгарина: «Станціонный смотритель», гдѣ, между прочимъ, человекъ сравнивается съ лошадыю, для которой нуженъ только хорошій хозяинъ и кучеръ, чтобы она сама была хороша. Нашъ министръ, князь Ливень, увидѣлъ въ этой статьѣ воззваніе къ бунту. Онъ сдѣлалъ докладъ государю, чтобы отрѣшить цензора (В. Н. Семенова) и наказать автора. Сегодня былъ у меня первый. Онъ очень встревоженъ. Впрочемъ, Бенкендорфъ обѣщалъ за него

заступиться. Въ городѣ удивляются и негодуютъ. Говорятъ, что министръ разсердился, полагая, что статья написана на него. Странный способъ успокаивать умы и броженіе идей! Мѣры рѣшительныя и насильственныя—какая разница! Ихъ смѣшиваютъ.

28. Дѣло о ценахъ Семеновъ рѣшено благоразумно: оно оставлено безъ уваженія. Бѣдный Семеновъ, однако, сильно натерпѣлся въ эти дни. Нынѣ не многіе могутъ похвалиться твердостью духа не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Іюнь 19. Наконецъ, холера, со всѣми своими ужасами, явилась и въ Петербургѣ. Повсюду берутся строгія мѣры предосторожности.

Городъ въ тоскѣ. Почти всѣ сообщенія прерваны. Люди выходятъ изъ домовъ только по крайней необходимости, или по должности.

20. Мы учреждаемъ для своихъ чиновниковъ лазаретъ. Сегодня я цѣлый день хлопоталъ съ попечителемъ объ этомъ. Ѣздилъ къ Кайданову просить совѣта о докторѣ.

Въ столицѣ мало докторовъ, и теперь ихъ трудно достать.

Въ городѣ недовольны распоряженіями правительства, государь уѣхалъ изъ столицы. Члены государственнаго совѣта тоже почти всѣ разѣхались. На генераль-губернатора мало надѣются. Лазареты устроены такъ, что они составляютъ только переходное мѣсто изъ дома въ могилу. Въ каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные, изъ людей слабыхъ, нерѣшительныхъ и равнодушныхъ къ общественной пользѣ. Присмотръ за больными нерадивый. Естественно, что бѣдные люди считаютъ себя погибшими, лишь только заходить рѣчь о помѣщеніи ихъ въ больницу. Между тѣмъ туда забираютъ безъ разбора больныхъ холерою и не холерою, а иногда и просто пьяныхъ изъ черни, кладутъ ихъ вмѣстѣ. Больные обыкновенными болѣзнями заражаются отъ холерныхъ и умираютъ наравнѣ съ ними. Полиція наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вмѣсто усердія и дѣятельности въ эту плачевную эпоху, только усугубила свои пороки. Нѣтъ никого, кто бы одушевилъ народъ и возбудилъ въ немъ довѣріе къ правительству. Отъ этого въ разныхъ частяхъ города уже начинаются волненія. Народъ рошчетъ и, по обыкновенію, вѣритъ разнымъ нелѣпнымъ слухамъ, какъ, напримеръ, будто доктора отравляютъ больныхъ, будто вовсе нѣтъ холеры, но ее выдумали злонамѣренныя люди для своихъ цѣлей и т. под. Кричатъ противъ нѣмцевъ, лекарей и поляковъ, грозятъ всѣхъ ихъ перебить. Правительство точно въ усыпленіи: оно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ успокоенію умовъ.

21. На Сѣнной площади произошло смятеніе. Народъ остановил карету, въ которой везли больныхъ въ лазаретъ, разбилъ ее, а ихъ

освободилъ. Народъ явно угрожаетъ бунтомъ; кричить, что здѣсь не Москва, что онъ дастъ себя знать лучше, чѣмъ тамъ, нѣмцамъ, лекарямъ и полиціи. Правительство и глухо, и слѣпо, и нѣмо.

Мы съ попечителемъ осматривали наши учебныя заведенія; благодаря судьбѣ, въ нихъ еще не появилась холера. Мы дѣятельно озабочены скорѣйшимъ окончаніемъ лазарета.

Былъ сегодня у ученаго секретаря медико-хирургической академіи, Чаруковскаго, просить его о докторѣ и о двухъ студентахъ изъ академіи для нашей больницы. Онъ отослалъ меня къ главному доктору, Реману. Здѣсь также слышался о бездѣятельности правительства. Больные отданы на жертву холеры. Все дѣлается только для виду.

22. Въ часъ ночи меня разбудили съ извѣстіемъ, что на Сѣнной площади настоящій бунтъ. Одѣвшись наскоро, я уже не засталъ своего генерала: онъ, вмѣстѣ съ Блудовымъ, пошелъ на мѣсто сматенія. Я прошелъ до Фонтанки. Тамъ спокойно. Только повсюду маленькія кучки народу. Уныніе и страхъ на всѣхъ лицахъ.

Генераль вернулся и сказалъ, что войска и артиллерія держатъ въ осадѣ Сѣнную площадь; но что народъ уже успѣлъ разнести одинъ лазаретъ и убить нѣсколькихъ лекарей.

23. Три больницы разорены народомъ до основанія. Возлѣ моей квартиры чернь остановила сегодня карету съ больными и разнесла ее въ щепы.

— Что вы тамъ дѣлаете? спросилъ я у одного мужика, который съ торжествомъ возвращался съ поля битвы.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, — народъ немного пошумѣлъ. Да не попался намъ въ руки лекарь, успѣлъ, проклятый, убѣжать.

— А что-же бы вы съ нимъ сдѣлали?

— Узналъ бы онъ насъ! Не бери въ лазаретъ здоровыхъ вмѣсто больныхъ! Впрочемъ, ему таки досталось камнями по затылку, будетъ долго помнить насъ.

Завтра Ивановъ день; его-то чернь назначила, какъ говорятъ, для рѣшительнаго дѣла.

Полиція, рассказываютъ, схватила нѣсколько поляковъ, которые подстрекали народъ къ бунту. Они были переодѣты въ мужицкое платье и давали народу деньги.

* * *

Государь пріѣхалъ. Онъ явился народу на Сѣнной площади. Нельзя добиться толку отъ вѣстовщиковъ: одни пересказываютъ слова государя такъ, другіе иначе.

Извѣстно только, что взяты мѣры къ водворенію спокойствія.

26. Вотъ и возлѣ насъ холера сразила нѣсколько жертвъ. Профессоръ физики, Щегловъ, протрадавъ около шести часовъ, умеръ. Кастелянша въ пансіонѣ сегодня занемогла и черезъ пять часовъ тоже умерла. Умеръ и профессоръ исторіи Роговъ.

27. Поутру въ семь часовъ. Тяжелъ былъ вчерашній день. Жертвы падали вокругъ меня, пораженныя невидимымъ, но ужаснымъ врагомъ. Попечитель до того растревожился, что сдѣлался боленъ: а теперь болѣзнь и смерть синонимы. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ всѣ. Въ сердцѣ моемъ начинается какое-то равнодушіе къ жизни. Изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, живущихъ теперь въ Петербургѣ, всякій стоитъ на краю гроба—сотни летятъ стремглавъ въ бездну, которая зияетъ, такъ сказать, подъ ногами cadaго.

28. Болѣзнь свирѣпствуетъ съ адскою силой. Стоять выйти на улицу, чтобы встрѣтить десятки гробовъ на пути къ кладбищу. Народъ отъ бунта перешелъ къ безмолвному, глубокому унынію. Кажется, настала минута всеобщаго разрушенія, и люди, какъ приговоренные къ смерти, бродятъ среди гробовъ, не зная, не пробилъ ли уже и ихъ послѣдній часъ.

30. Вчера умершихъ было 237 человекъ.

1 июля 1. Хотѣлось бы мнѣ узнать, что происходитъ въ институтѣ. Я просилъ Анну Петровну Дель написать къ г-жѣ Штатниковой. Она, вѣрно, увѣдомитъ ее, если холера и туда проникла. Въ Смольномъ монастырѣ, говорятъ, уже умерло три дѣвицы.

3. Вчера былъ у меня докторъ Гассингъ. Онъ говоритъ, что холера начинаетъ нѣсколько ослабѣвать. Третьяго дня умершихъ было 277 человекъ, вчера 235.

Сейчасъ получилъ записку отъ Деля, въ которой онъ извѣщаетъ меня, что въ институтѣ умерли отъ холеры четыре дѣвицы; изъ нихъ двѣ моего класса—одна Львова, другая Якубовская изъ втораго отдѣленія.

30. Давно уже не писалъ я ничего въ моемъ дневникѣ. Между тѣмъ холера почти прошла. Меня судьба пощадила—для чего? Я объ этомъ также мало знаю, какъ мало размышляла она, выдерживая наудачу имена тѣхъ, которымъ надлежало погибнуть.

Сентябрь 3. Сегодня открытъ институтъ, и я началъ снова въ немъ мои лекціи.

23. Былъ вечеромъ у Плетнева. Я думалъ найти тамъ А. С. Пушкина, однако, его тамъ не было. Вмѣсто себя онъ прислалъ ѣдкую критику на Булгарина и Греча и нѣсколько новыхъ стихотвореній для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Здѣсь въ первый разъ видѣлъ я барона Розена, автора нѣсколь-

кихъ весьма пріятныхъ стихотвореній, въ которыхъ выражается душа, страстная къ идеаламъ. Былъ неизмѣнный нашъ собесѣдникъ по средамъ, Сомовъ, который теперь очень озабоченъ, по случаю изданія «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Я обѣщала ему, по его просьбѣ, отрывокъ изъ моего «Леона».

Октябрь 21. Уже нѣсколько недѣль продолжается въ университетѣ дѣло о моемъ адъюнктствѣ. Я представилъ сочиненіе. Факультетъ разсмотрѣлъ его и сдѣлалъ заключеніе: «что сочиненіе сіе доказываетъ не только большія познанія автора, но и большія дарованія и притомъ написано краснорѣчиво».

Одинъ изъ профессоровъ, Пальминъ, возсталъ противъ общаго мнѣнія и утверждалъ, что сочиненіе написано некраснорѣчиво. Завязался споръ, и дѣло отложено до слѣдующаго засѣданія. Все это не иное что, какъ игра мелкихъ страстей. Сначала я велъ себя дурно: негодовалъ, оскорблялся, грустилъ.

Ноябрь 7. Вчера былъ на литературномъ обѣдѣ у Василя Николаевича Семенова. Тамъ были: Гречъ, Сомовъ, баронъ Розенъ, Вердеровскій; ожидали Погодина и Каратыгина, но ниъ что-то помѣшало. Гречъ блисталъ неистощимымъ остроуміемъ. Онъ чрезвычайно любезенъ въ обществѣ. Послѣ стола у всѣхъ раскрылось сердце и развязались уста. Я, между прочимъ, былъ осмыпанъ отъ всей литературной братіи преувеличенными комплиментами. Сомовъ принесъ мнѣ отъ А. С. Пушкина поклонъ и сожалѣніе, что въ послѣдній разъ у Плетнева не сошелся со мной.

Подъ конецъ нашей бесѣды пристали къ Гречу, чтобы онъ разорвалъ свою связь съ Булгаринимъ, котораго всѣ при томъ не очень-то вѣжливо называли. Гречъ соглашался только въ томъ, что онъ сумасшедшій.

10. Сегодня подалъ я въ университетъ просьбу объ увольненіи меня отъ преподаванія политической экономіи.

Задумевныя предположенія мои, святая цѣль дѣйствовать на ученое поприщѣ рушились. Мнѣ казалось, что я призванъ къ этому дѣлу; я готовился къ нему. Всѣ говорили, что я имѣю къ тому дарованія. Сочиненіе мое одобрено факультетомъ. Одинъ человекъ изъ всего университетскаго совѣта, профессоръ философін, Пальминъ, отнесся къ нему неодобрительно. Удивительно, почему онъ, въ началѣ моего студентства такъ ласкавшій меня, теперь на каждомъ шагу ставитъ мнѣ препятствія. Онъ подалъ въ университетъ возраженіе на мое сочиненіе: его осмѣяли, но уважили и меня отвергли—по крайней мѣрѣ выразили нѣкоторую склонность къ тому, чтобы отвергнуть. Мнѣ остается одно: подать въ отставку, и я это

уже сдѣлалъ. Мнѣ тяжело сегодня, очень тяжело, ибо планъ цѣлой моей жизни рушился.

26. У меня кончились экзамены въ институтѣ въ первомъ отдѣленіи. Я получилъ благодарность за успѣхи дѣвицъ отъ инспектора и начальницы.

Дѣло мое объ адъюнктствѣ было разсматриваемо въ совѣтѣ университета. Мнѣніе Пальмина отвергнуто и положено баллотировать меня въ слѣдующее засѣданіе. Профессоръ Сенковскій сильно защищалъ мое сочиненіе противъ возраженій Пальмина. Онъ своими ѣдкими замѣчаніями сдѣлалъ послѣдняго смѣшнымъ.

Декабрь 1. Вчера былъ на представленіи Кребилюновой трагедіи: «Атрей», которую перевелъ и поставилъ на сцену нашъ Сорокинъ. Эта піеса выкроена по мѣркѣ французскаго классицизма и я боялся, чтобы Сорокина не ошικάли за дурной выборъ. Для предупрежденія этого, мы, его бывшіе товарищи, составили заговоръ поддержать піесу. Во всѣхъ почти рядахъ кресель засѣдалъ кто-нибудь изъ нашихъ. Публика равнодушно отнеслась къ трагедіи, но мы захопая, закричали, увлекли другихъ и переводчикъ былъ вызванъ.

7. Сегодня Дель былъ у меня съ извѣстіемъ, что я избранъ единогласно совѣтомъ университета въ адъюнкты по кафедрѣ политической экономіи. Десять шаровъ бѣлыхъ, одинъ черный и тотъ Пальмина.

25. Совѣтъ университета призналъ меня достойнымъ адъюнктства на основаніи (какъ сказано въ его представленіи): «отличныхъ дарованій, успѣшнаго чтенія сей науки (политической экономіи) въ теченіи двухъ лѣтъ и представленной мною диссертациі, которая, по познаніямъ и по изложенію заслуживаетъ полное одобреніе». Это все и больше, чѣмъ требуетъ законъ въ такихъ случаяхъ. Попечитель, на основаніи всего этого, сдѣлалъ представленіе министру. Но сей послѣдній—чего никогда прежде не дѣлалъ—потребовалъ мою диссертацию къ себѣ. Вчера мнѣ объ этомъ сказывалъ Д. И. Языковъ. Министръ хочетъ отдать ее на разсмотрѣніе въ академію наукъ. Тутъ добра не ждаты. Академія не благопріятствуетъ русскимъ ученымъ. Министръ говорилъ попечителю, что затрудняется утвердить меня въ адъюнктствѣ потому, дабы не подумали, что мнѣ дали это званіе изъ уваженія къ моему посту при попечителѣ.

Я думалъ, что уже достигъ берега, а на дѣлѣ выходитъ, что опять брошенъ въ пучину политическаго и общественнаго хаоса. Самое адъюнктство мнѣ, наконецъ, опротивѣло. Точно оно не право мое, а милость, мнѣ оказываемая.

1832 г.

Январь 1. Что дастъ новый годъ? Въ истекшемъ судьба часто вызывала меня на бой. Адъюнкство мое все еще не утверждено. Въ Екатерининскомъ институтѣ дѣла мои за то шли успѣшно. Расположеніе моихъ ученицъ ко мнѣ не охладѣваетъ. Я успѣлъ, какъ мнѣ кажется, передать имъ нѣсколько истинъ, которыя помогутъ имъ со временемъ сдѣлаться полезными членами общества.

14. Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Министръ и безъ академіи почти открыто далъ замѣтить вчера попечителю, что обходить меня адъюнкствомъ только потому, что я не нѣмецъ. Диссертациі моихъ онъ никуда не отсылалъ: онѣ смиренно покоятся у него въ кабинетѣ. Я обязался попечителю еще нѣсколько дней не предпринимать ничего рѣшительнаго.

16. Сегодня состоялась репетиція экзамена въ институтѣ. Въѣшность доведена здѣсь до высокой степени эстетическаго совершенства. Впрочемъ, дѣвицы—разумѣется избранныя—очень хорошо отвѣчали изо всѣхъ предметовъ и изъ моего. Весь парадъ кончился въ четыре часа и я остался обѣдать у начальницы.

Бурный вечеръ. Я перечитывалъ «Макбета» Шекспира. Мнѣ кажется, что изо всѣхъ трагедій великаго поэта эта—самая быстротечная по ходу дѣйствія. Но не въ этомъ дѣло, а въ характеръ героя ея. Душа Макбета была бы совершенная бездна ада, если бы порой дикое угрызеніе совѣсти, подобно блеску молніи, не сверкало въ ея мрачной глубинѣ. Это душа сильная, героическая. Страсти непоборимыя таятся въ изгибахъ ея: это стихіи всего великаго, но и всего ужаснаго. Если бы разумъ былъ зодчимъ въ этой душѣ, могло бы произойти нѣчто великое. Что я говорю разумъ? Если-бъ другой случай, а не адское предсказаніе вѣдьмы, встрѣтился у него на пути и пробудилъ въ немъ эти страсти—Макбетъ былъ бы другимъ. Такъ грозный, всесокрушающій фатализмъ налагаетъ свою желѣзную руку на волю человека и порабощаетъ его. Имѣлъ ли Шекспиръ въ виду это, создавая Макбета? Его леди не подходитъ подъ эту категорію: въ ней видна уже свободная рѣшимость на злодѣйство. Правду кто-то сказалъ, что по Шекспировымъ твореніямъ можно учиться эмпирической психологіи. Мало того: въ нихъ содержится полный курсъ

ея. Такъ велико разнообразіе нравственныхъ образовъ, созданныхъ этимъ великимъ человѣкомъ.

25. Сегодня былъ экзаменъ въ институтѣ, въ присутствіи императрицы Александры Ѳедоровны. Дѣвцы отвѣчали очень хорошо, но я плохо дѣлалъ вопросы: былъ нездоровъ и голосъ мнѣ не повиновался. Германъ и Тимаевъ то и дѣло подходили ко мнѣ, съ увѣщаніемъ говорить по громче. Государыня, впрочемъ, благодарила меня.

Я и забылъ записать въ моемъ журналѣ, что меня, наконецъ, утвердили въ званіи адъюнкта-профессора политической экономіи. Если я его достоинъ, зачѣмъ было тормозить дѣло, а если не достоинъ, зачѣмъ дали мнѣ его теперь?

Февраль 6. Обыкновенный нашъ годичный праздникъ, по случаю выпуска изъ университета. Мы обѣдали въ трактирѣ Гейне на Васильевскомъ острову. Праздникомъ распорядился Гебгардтъ и устроилъ все прекрасно. Мы всё были одушевлены. Печеринъ написалъ къ этому дню и прочелъ прекрасные стихи. Это человѣкъ съ истинно-поэтической душою. Въ немъ всё задатки доблести, но еще нѣтъ опыта въ борьбѣ со зломъ. Выйдетъ ли онъ въ заключеніе побѣдителемъ изъ нея? Полѣновъ пѣлъ, плясалъ, шалилъ, но такъ оригинально и мило, что невольно срывалъ улыбку. Михайловъ былъ менѣе обыкновеннаго говорливъ. Тосты были питы за успѣхи русскаго образованія, за здоровье поэта, воспѣваемаго настоящимъ праздникомъ, за распорядителя пира и, какъ водится, за мое. Наконецъ, каждый пилъ за то, что ему всего дороже. Въ 12 часовъ все было кончено.

10. Сегодня въ институтѣ присутствовалъ при послѣдней репетиціи, а потомъ поѣхалъ къ Шуленикову, который просилъ учить дѣтей его словесности. Тамъ приняли меня не только любезно, но съ почетомъ. Я начинаю входить въ моду: какая нелѣпость!

Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. «Европейца» ¹⁾ запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжело, и стыдно, и грустно!

14. Два минувшіе дня, пятница и суббота, были для меня полны поэзіи. Въ институтѣ состоялся публичный экзаменъ XI выпуска дѣвцы. Я экзаменовалъ изъ своего предмета въ пятницу и получилъ горячую благодарность отъ предсѣдателя совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тутолмина. Противъ обыкновенія я даже самъ былъ доволенъ собой.

¹⁾ Журналъ, который издавалъ въ Москвѣ Ив. Вас. Кирѣевскій. Ред.

20. Вчера между моими прочими пятничными посѣтителеми былъ мой новый знакомый Шипулинскій, двоюродный братъ моей блестящей ученицы Быстроглазовой. Это весьма образованный молодой человѣкъ. Онъ и въ литературѣ извѣстенъ небольшою комедіей: «Проказы ревнивыхъ», въ которой если не много комическаго таланта, за то очень хорошій, легкій стихъ, характеры благородные и ничего изысканнаго или пошлаго. Онъ очень серьезенъ и на лицѣ его печать меланхоли.

Михайловъ (Владиміръ) смѣшилъ насъ до слезъ своими фарсами, дѣйствительно забавными и граціозными. У него необыкновенная способность передразнивать всѣхъ. Онъ совершенно воплощается въ изображаемое имъ лицо—и при томъ живо, натурально, изящно. Я самъ съ удовольствіемъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ въ немъ нѣкоторые мои любимые приемы и жесты.

25. Я утопаю въ канцелярскихъ заботахъ. Дѣлъ накопилась масса. Душа мертвѣетъ среди этого административнаго хаоса, въ сущности ничего не производящаго. Впрочемъ, какъ ничего? Вѣдь мы такъ или иначе все же поддерживаемъ государственную машину. Но это могъ бы сдѣлать всякій, у кого есть глаза, руки и желудокъ.

28. Сегодня начальница института, госпожа Кремпина, вручила мнѣ брильянтовый перстень отъ государыни за экзамены, съ весьма лестнымъ привѣтствіемъ. Но для меня готовилась лучшая награда, которой я, къ сожалѣнію, не воспользовался. Дѣвицы сговорились въ день выпуска—въ прошлый четвергъ—поднести мнѣ въ подарокъ и въ знакъ памяти разные свои рукодѣлія. Быстроглазова, между прочимъ, вышила лавровый вѣнокъ. Но за мной не послалъ тотъ, кому это было поручено, и мои милыя ученицы разъѣхались, не исполнивъ своего намѣренія.

Мартъ 2. Сегодня Пушкинъ рассказывалъ у Шлетнева весьма любопытные случаи и наблюденія свои во время путешествія своего въ Грузію и въ Малую Азію въ послѣднюю турецкую войну. Это заняло насъ очень приятно. Пушкинъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ съ непріателемъ.

21. Недавно выслушалъ я прелюбопытную лекцію опытной психологин—у квартальнаго надзирателя. Онъ пришелъ въ канцелярію по какому-то дѣлу. Я началъ съ нимъ разговоръ о предметахъ его званія. По его словамъ, величайшій развратъ царствуетъ въ классѣ низшихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купцовъ, которые позажиточнѣе. Мой квартальный наблюдатель полагаетъ этому двѣ причины: необра-

зованность и жажду роскоши. Каковъ! Не правъ ли онъ? Молодая женщина, говоритъ онъ, спокойно продаетъ себя за новую шляпку, платье или другое болѣе или менѣе цѣнное украшеніе. Мужъ ея съ своей стороны, несетъ куда не слѣдуетъ свои деньги и здоровье. Опытныя старухи стерегутъ молоденькихъ, невинныхъ дѣвушекъ, увлекаютъ ихъ и бросаютъ въ объятія тому, кто дастъ за нихъ дороже.

— Хороши у насъ такъ-же правосудіе и администрація, продолжалъ кварталный. Вотъ хоть бы у меня въ кварталѣ есть нѣсколько отъявленныхъ воровъ, которые уже раза по три оправданы уголовною палатою, куда представляла ихъ полиція. Есть нѣсколько другихъ ворюшекъ, которые исправляютъ ремесло шпионовъ. Есть нѣсколько промышленниковъ, доставляющихъ пріятное развлеченіе превосходительнымъ особамъ: промышленники сія также пользуются большими льготами.

— А какова полиція? спросилъ я.

— Какой ей и быть надлежитъ при общемъ положеніи у насъ дѣлъ. Надо удивляться искусству, съ какимъ она умѣетъ, смотря по обстоятельствамъ, изворачивать полицейскіе уставы. Мы обыкновенно начинаемъ нашу службу въ полиціи совершенными невѣждами. Но у кого есть смыслъ, тотъ въ два, три года сдѣлается отиѣннымъ чиновникомъ. Онъ отлично будетъ умѣть соблюдать собственныя выгоды и ради нихъ уклоняться отъ самыхъ прямыхъ своихъ обязанностей, или же, напротивъ, смотря по обстоятельствамъ, со всею строгостью примѣнять законы тамъ, гдѣ казалось бы они не примѣнимы. И при этомъ они не подвергаются ни малѣйшей отвѣтственности. Да и что-же прикажете намъ, полиціи, дѣлать, когда нигдѣ нѣтъ правды.

И онъ подтвердилъ все сказанное весьма и весьма краснорѣчивыми фактами.

Апрѣль 3. Сейчасъ былъ у меня Сомовъ и Якубовичъ. Сомовъ печатаетъ свои повѣсти. Онѣ очень сухи; въ нихъ нѣтъ ни поэтическаго созданія характеровъ, ни энергіи въ разсказѣ. Плавно, чисто, правильно—и все тутъ.

Читалъ Хомякова трагедію «Димитрій Самозванецъ». Нѣтъ, Хомяковъ рѣшительно не имѣетъ драматическаго таланта. Ни одинъ характеръ не созданъ, какъ должно; дѣйствія нѣтъ; одни разговоры, которые можно бы на половину сократить, безъ всякаго ущерба для цѣлости піесы. Стихи очень хороши. Но драма требуетъ не словъ, а дѣла.

20. Въ настоящее время у насъ въ Россіи есть, такъ сказать, средній родъ умовъ. Это люди образованные и патриоты. Они составляютъ родъ союза противъ иностранцевъ и преимущественно нѣмцевъ. Я называю ихъ средними потому, что они и довольно благородны, и довольно просвѣщенны: по крайней мѣрѣ, они уже вырвались изъ тѣсной сферы эгоизма. Но они сами себѣ не умѣютъ дать отчета: хорошо ли безусловное отверженіе нѣмцевъ? Они односторонни и, дѣйствуя по страсти, разумѣется, увлекаются дальше надлежащихъ границъ. Большая часть людей этихъ изъ ученаго сословія.

Нѣмцы знаютъ, что такая партія существуетъ. Поэтому они стараются, сколь возможно тѣснѣе, сплотиться, поддерживаютъ все нѣмецкое и дѣйствуютъ столь же методически, сколько неуклонно. При томъ дѣятельность ихъ не состоитъ, какъ большею частью у насъ, изъ однихъ возгласовъ и воззваній, но въ мѣрахъ. Эта борьба можетъ при случаѣ имѣть вредныя послѣдствія. Она будетъ у насъ не между сословіями и партіями, какъ во Франціи, сражающимися за идеи, а будетъ племенная, что всего хуже для Россіи многоплеменной.

По сердцу и чувствамъ мы, русскіе, богаче всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Но по твердости духа мы ниже ихъ: вотъ почему такъ много несообразности въ нашихъ страстяхъ и понятіяхъ.

22. Былъ на вечерѣ у Гоголя-Яновскаго, автора весьма пріятныхъ, особенно для малороссіянина, «Повѣстей пасечника Рудаго Панька». Это молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности. Въ фізіономіи его, однако, доля лукавства, которое возбуждаетъ къ нему недовѣріе.

У него засталъ я человѣкъ до десяти малороссіянятъ, все почти воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи. Между ними никого замѣчательнаго. Ромашевичъ, правда, не безъ дарованій, но, вспыхнувъ маленькимъ огонькомъ, онъ уже быстро гаснетъ. Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, которымъ никогда не приходится въ голову, что для того, чтобы быть поэтомъ, надо учиться, много учиться въ школѣ жизни, опыта, природы и исторіи человѣчества.

Май. У насъ новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Онъ желалъ меня видѣть; я былъ у него сегодня. Онъ долго толковалъ со мной о политической экономіи и о словесности. Мнѣ хотятъ дать кафедру послѣдней. Я самъ этого давно желаю.

Уваровъ человѣкъ образованный по европейски; онъ мыслить

благородно и какъ прилично государственному человѣку; говорить убѣдительно и пріятно. Имѣеть познанія и въ нѣкоторыхъ предметахъ даже обширныя. Физиономія его выразительна. Онъ давно слышетъ за человѣка просвѣщеннаго. Съ помощью его въ университетѣ принята и приводится въ исполненіе «система очищенія», то есть увольненія неспособныхъ профессоровъ. Толмачеву и Боголюбову уже велѣно подать въ отставку. Пальминъ отрѣшенъ.

Іюнь 6. Опять былъ у товарища министра. Разговоръ съ нимъ во многомъ вразумилъ меня относительно хода нашихъ политическихъ дѣлъ, нашего образованія и прочее. Онъ опять выразилъ намѣреніе дать мнѣ кафедру словесности, въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Конечно, мнѣ это пріятно, но я этого не искалъ. Бутырскій же разглашаетъ въ публикѣ, что я хочу лишиться его кафедры съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ. Мнѣ и въ голову не приходила такая мысль. Я сегодня впервые услышалъ отъ Уварова, что Бутырскаго дѣйствительно удаляютъ изъ университета и на его мѣсто назначаютъ Галича. Вечеромъ попечитель послалъ меня къ послѣднему съ приглашеніемъ занять кафедру русской словесности.

8. Былъ сегодня свидѣтелемъ страшнаго зрѣлища. Пожаръ, какого не запомнить Петербургъ, истребилъ почти всю Ямскую до самой Лиговки. Около двухсотъ зданий, говорятъ, сдѣлалось жертвою пламени. Всего три дома и небольшой огородъ отдѣляли сцену этой бурной драмы отъ нашего университета. Спасеніе послѣдняго зависѣло отъ того, прекратится ли нѣтъ вѣтеръ, который съ утра свирѣпствовалъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, но и величественнѣе, какъ бурный потокъ огня, охватившій обширное пространство. Я видѣлъ, какъ пожаръ зарождался все въ новыхъ центрахъ. Въ клубахъ дыма сверкнетъ молнія, другая, третья, и всѣ три сольются въ кровавый языкъ, который точно лизнетъ зданіе, другое и волны огня польются отъ одного къ другому. Толпы народа, шумъ, крикъ, трескъ разрушающихся зданій... Но я не замѣтилъ отчаянныхъ лицъ. Какая-то безпечность и равнодушіе выражались на физиономіяхъ тѣхъ даже, которые тащили на плечахъ и въ рукахъ остатки своего скуднаго имущества. Богатые вѣрно больше сокрушались.

Сейчасъ опять выходилъ посмотрѣть на пожаръ. Онъ утихаетъ. На нашей улицѣ догораютъ два дома. У Лигова канала еще пылаетъ зарево, но гораздо слабѣе. Толпы людей скитаются по улицамъ, загроможденнымъ остатками имущества. Я учредилъ стражу изъ кан-

целярскихъ служителей и самъ легъ, не раздвѣаясь: пожаръ легко можетъ опять усилиться.

17. Я рѣшился содѣлывать отдать кафедру словесности не Галичу, а Плетневу. Послѣдній гораздо для нея пригоднѣе. Совѣтъ мой уваженъ. Я бѣдилъ къ Плетневу съ предложеніемъ: онъ согласился. Я буду при немъ адъюнктомъ. Такимъ образомъ мнѣ, конечно, труднѣе будетъ достигнуть ординарнаго профессора, но дѣло отъ того выиграетъ. И потому личные виды въ сторону: всякая жертва, которую можно принести нашему бѣдному просвѣщенію, священна.

Галича же я предложилъ сдѣлать профессоромъ теории общихъ правъ. Съ этою кафедрою онъ гораздо лучше справится, чѣмъ съ русскою словесностью, къ которой не подготовленъ.

Умственная жизнь начинаетъ быстро развиваться въ нашемъ поколѣніи. Но пока это еще жизнь младенца. Все въ ней не зрѣло: только порывы къ благородному и прекрасному. Понятія о важнѣйшихъ задачахъ челоѣчества зыбки и неопредѣленны: нѣтъ еще самостоятельности въ умахъ и сердцахъ.

27. Сегодня мы получили по секрету сообщеніе отъ министра о появленіи снова холеры въ Петербургѣ. Говорятъ, нѣсколько челоѣкъ умерло въ продолженіи трехъ часовъ.

Кажется, уже рѣшено дѣло о переводѣ меня на кафедру русской словесности, въ качествѣ адъюнкта Плетнева. Конечно, это гораздо ближе къ сердцу моему, чѣмъ политическая экономія.

Іюль 5. Сегодня я простился съ Д. В. Подѣновымъ. Онъ сдѣланъ секретаремъ при нашей миссіи въ Греціи и теперь отправился въ Константинополь, откуда вскорѣ долженъ переѣхать въ Наполи-ди-Романія, столицу юнаго греческаго царства. Это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и благороднѣйшихъ посѣтителей моихъ пятницъ. Я былъ въ войнѣ съ его сердцемъ, которое готово было истощиться и погаснуть въ любви къ одной дѣвушкѣ, недостойной его. Уже онъ готовъ былъ обвиняться съ ней: это было бы его нравственной и матеріальной гибелью. Я употребилъ весь мой нравственный кредитъ, всю власть моего разсудка и сердца надъ нимъ, чтобы отвратить его отъ этого и спасти его благородную, прекрасную душу для высшей дѣятельности. Оставалось одно средство: удалить его изъ Петербурга. Это удалось. Надо отдать ему справедливость: онъ доблестно выдержалъ борьбу съ своимъ сердцемъ и не возненавидѣлъ меня за то, что я такъ сильно возставалъ противъ него.

Августъ 26. Сегодня читалъ я въ университетѣ первую лекцію

изъ русской словесности, или, лучше сказать, рѣчь, въ которой хотѣлъ изложить духъ моего преподаванія. Слушателей собралось много не однихъ студентовъ, но и постороннихъ. Въ результатѣ долженъ сказать, что я читалъ дурно. По крайней мѣрѣ я чувствую глубокое недовольство собой. Миѣ совѣтовали написать рѣчь и читать ее по тетради, но я, по обыкновенію, хотѣлъ импровизировать, а для этого я былъ слишкомъ взволнованъ и у меня не хватило присутствія духа. Вышло слабо и блѣдно и я сошелъ съ кафедръ съ весьма неприятнымъ чувствомъ.

Сентябрь 1. Новыя неприятности въ институтѣ. Вчера видѣлся съ Германомъ и опять получалъ отъ него намѣкъ, въ родѣ прежняго, что дѣвицамъ не надо учести. На другой день объяснялся съ начальницею и Тимаевымъ. И та, и другой удивлены поступкомъ Германа. Опять выражали свою благодарность за успѣхи дѣвицъ. Въ заключеніе оказалось, что я обязанъ этимъ неудовольствіемъ сплетнямъ одной классной дамы, которой я не имѣлъ счастья поправиться. Она гдѣ-то, кому-то говорила обо миѣ что-то недоброжелательное. Это дошло до Германа и тотъ счелъ нужнымъ вмѣшаться. Въ сущности вышелъ вздоръ, но инспектору слѣдовало бы быть осторожнѣе и учтивѣе.

10. Вторая лекція моя въ университетѣ была удачнѣе первой, а третья еще больше удовлетворила меня, но четвертая была опять нѣсколько слабѣе. Я выражался не совсѣмъ опредѣленно и у меня не доставало полноты идей. Главное, что я до сихъ поръ не могу преодолѣть нѣкоторой застѣнчивости при появленіи на кафедрѣ и отъ того бываю не ровень. Со временемъ, вѣроятно, это пройдетъ и я, вмѣстѣ съ равнодушіемъ, приобрѣту и развязность, отъ недостатка которой теперь страдаю.

Октябрь 8. Въ нашемъ кругу случилось очень печальное происшествіе. Былъ Петръ Поповъ, молодой человекъ 23-хъ лѣтъ, съ отличными способностями, блестящимъ умомъ и богатой фантазіей. Онъ застрѣлился. Что же могло побудить его къ такому шагу? Онъ не оставилъ никакихъ разъясненій. Въ началѣ нашего знакомства я замѣтилъ, что эта многообъемлющая душа не имѣла ни опредѣленной цѣли своихъ стремленій, ни сосредоточенности въ силахъ, чтобы положительною дѣятельностью спасти себя отъ внутренняго недовольства. Мы часто говорили съ нимъ объ этомъ. Я не терялъ надежды, что мало по-малу онъ успокоится; что какая нибудь идея возстанетъ въ немъ, какъ знамя соберетъ вокругъ себя всѣ силы его души и дастъ ему работу. Но, къ несчастью, недовольство собой все росло.

Онъ пытался искать отвлеченія во вѣйшемъ мірѣ, но былъ слишкомъ благороденъ, чтобы искать его въ грязной сторонѣ жизни и обратился—къ любви. Ему понравилась одна дѣвушка. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе; она отвергла его. Тогда онъ подумалъ, что надъ нимъ совершился актъ отверженія отъ всего человѣческаго. По подробностямъ, которыя теперь до насъ дошли, видно, что онъ въ теченіи двухъ недѣль хладнокровно обдумывалъ свое намѣреніе—и съ твердостью, достойною лучшаго дѣла.

Замѣчательно еще одно обстоятельство: его отецъ тоже лишилъ себя жизни, а именно 23-го сентября. Сынъ избралъ для себя тотъ же самый день. Бѣдлага юношу съ пятницы повсюду искали, ибо онъ не возвращался домой. Мы съ Печеринимъ томились тяжелымъ предчувствіемъ. Наконецъ, на четвертый день нашли свѣжую могилу близъ дачи Ланскаго, у самой дороги. Плащъ, фракъ и жилетъ покойнаго, тутъ же найденные, показали, кто онъ.

Поповъ застрѣлился двумя пулями въ ротъ, какъ рассказали тѣ, которые его подняли и дали ему могилу. Это происходило въ пятницу въ то самое время, когда друзья его бесѣдовали между собой у меня. Многие осведомлялись:

— Гдѣ Поповъ?

Онъ былъ самымъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ пятницъ. Въ четвергъ, то есть наканунѣ своей смерти, онъ, вмѣстѣ съ нами, пробылъ у Михайлова часу до втораго ночи и ничто не обличало въ немъ въ этотъ вечеръ даже грусти, не только отчаянія. Онъ былъ веселъ, остроуменъ, пѣлъ.

Онъ пользовался репутаціей одного изъ лучшихъ учителей Пажескаго корпуса и первой гимназіи. Въ обоихъ заведеніяхъ его очень любили. Предметъ его былъ исторія. Но онъ имѣлъ, кромѣ того, много разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ зналъ языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, датскій. На новѣйшихъ онъ говорилъ какъ на своемъ собственномъ. Кажется, не было такого литературнаго произведенія, съ которымъ бы онъ не былъ близко знакомъ. Все это взяла могила.

10. Новое печальное событіе! Умеръ отъ воспаления въ мозгу, вслѣдствіе сильной простуды, Владиміръ Козьмичъ Шипулинскій, одинъ изъ близкихъ сердцу моему, благороднѣйшихъ и высоко образованныхъ людей. И этому тоже едва минуло 26 лѣтъ. Ему и по службѣ везло: онъ былъ уже начальникомъ отдѣленія. Жизнь простирала къ нему объятія, но одно дуновеніе вѣтра унесло отъ насъ его прекрасную душу со всѣми ея благородными начинаніями.

На прошедшей недѣлѣ въ субботу я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ въ задушевной бесѣдѣ. Онъ былъ полонъ жизни и надеждъ, а духъ разрушенія уже виталъ надъ нимъ. Мы видѣлись въ послѣдній разъ. И какъ только хватаетъ у человѣка еще легкомыслия суесловить о счастіи, о величіи!

Трупъ Попова былъ найденъ возлѣ дороги, до половины съѣденный собаками и волками. Ему дали тѣсную и неглубокую могилу, полагая, что его будутъ отрывать для производства слѣдствія. Между тѣмъ кусокъ человѣческаго тѣла соблазнилъ животныхъ. Они добрались до него ночью и полиція нашла его уже вполнѣ обезображеннымъ. И это, двѣ недѣли тому назадъ, еще называлось человѣкомъ, носило въ своемъ обширномъ умѣ столько мыслей, въ сердцѣ столько страстей!..

Въ Пажескомъ корпусѣ особенно любили Попова. Пажи хотѣли сдѣлать подписку въ пользу его бѣдной матери, которая осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію—запретили.

Сегодня Быстроглазовъ, двоюродный братъ Шипулинскаго, приглашалъ меня на его погребеніе завтра. А въ воскресенье я долженъ быть шаферомъ у Бороздина, который женится на дѣвицѣ Богдановой. Высокое и смѣшное, трагедія и комедія, кровь, слезы, смѣхъ—все смѣшано, скомкано, сбито въ одну кучу—толку не доберешься. А отъ человѣка такъ много требуютъ. Посылаютъ его въ жизнь, какъ на вольность, и запираютъ въ кругъ педантическихъ обязанностей, одѣваютъ въ кандалы. Все, что онъ можетъ съ достовѣрностію—это только говорить вечеромъ: «мой день», о томъ, который прошелъ.

26. Новое гоненіе на литературу. Нашли въ сказкахъ Луганскаго какой то страшный умыселъ противъ верховной власти и т. д.

Я читалъ ихъ: это не иное что, какъ просто милая русская болтовня о томъ, о семъ. Главное достоинство ихъ въ народности разсказа. Но люди, близкіе ко двору, видятъ тутъ какой то политическій умыселъ. За преслѣдованіемъ дѣло не станетъ. Больно, истинно больно честному человѣку видѣть, какъ этими странными мѣрами шевелятъ страсти, которыя безъ этого или спокойно дремали бы, или обращались къ полезнымъ дѣламъ. Отними у души возможность раскрываться передъ согражданами, изливать передъ ними свои мысли и чувства, это заставитъ ее погружаться въ себя и питать тамъ мысли суровья, мечту о лучшемъ порядкѣ вещей. Въ смыслѣ политическомъ это опасно.

Я послалъ въ «Пчелу» краткое жизнеописаніе Шипулинскаго. Мнѣ говорятъ, что и здѣсь многое надо измѣнить; напрямѣръ: «Среди за-

нѣтъ своихъ по должности онъ не покидалъ литературы. Дѣла службы не погасили въ немъ чистой благородной любви къ литературѣ—любви, которая, возвышая душу, не только не препятствуетъ исполненію другихъ обязанностей, но, напротивъ, питаетъ въ насъ рвеніе къ подвигамъ правды и чести.—Чиновнику виѣняется въ преступленіе заниматься литературою—и этого мѣста нельзя напечатать. O tempora! O mores!

А. В. Никитенко.

Сообщ. С. А. Никитенко.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА ІХ ¹⁾.

Начало формальнаго слѣдствія надъ участниками въ безпорядкахъ. — Назначеніе университетской комиссіи для изслѣдованія этихъ безпорядковъ. — Назначеніе особой, общей комиссіи по этому дѣлу, по распоряженію казанскаго губернатора и составъ ея. — Переписка между ними и попечителемъ по этому поводу.

Но начальству нужно было, какъ уже сказано выше, изслѣдовать безпорядки. Для этой цѣли, 9-го октября 1861 г., попечитель дѣлаетъ предложеніе ректору университета объ образованіи при университетѣ комиссіи. Въ нее онъ предложилъ прикомандировать синдика В. Траубенберга и помощниковъ инспектора Зоммера и Гине: все, что этой комиссіей будетъ развѣдано, она должна сообщить въ совѣтъ «для соображенія при обсужденіи поступковъ студентовъ». Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 10-го октября, конечно, исполнилъ это предложеніе попечителя ²⁾. Университетская комиссія для изслѣдованія безпорядковъ была организована. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ признано было совѣтомъ университета необходимымъ открыть виновныхъ въ безпорядкахъ, «съ цѣлью предать ихъ уголовному суду», должна была быть образована особая комиссія, на общихъ для всѣхъ основаніяхъ. Образованіе такой комиссіи сопровождалось подробностями, не лишними интереса. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народн. просв., предложилъ казанск. военному губернатору образовать комиссію для

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 557 — 576; т. LXII, апр., стр. 85—106; июнь, 623—640.

²⁾ Дѣло канц. попеч., 10.

изслѣдованія послѣднихъ безпорядковъ, произведенныхъ студентами. Военный губернаторъ не замедлилъ составить такую комиссію, въ которую вошли: совѣтникъ губернскаго правленія Федоровъ (предсѣдателемъ), штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, губернской уголовныхъ дѣлъ стряпчій и приставъ 5-й части города. Обо всемъ этомъ военный губернаторъ увѣдомилъ попечителя, съ присовокупленіемъ, что онъ желаетъ имѣть въ составленной имъ комиссіи синдика Траубенберга, въ качествѣ депутата и члена ея отъ университета ¹⁾.

Попечитель на это отвѣчаетъ, что онъ не можетъ безъ согласія своего министра назначить депутатомъ и членомъ синдика Траубенберга въ комиссію, составленную для изслѣдованія «послѣднихъ безпорядковъ», такъ какъ неизвѣстно, «какіе именно эти безпорядки». «Я, говоритъ попечитель, согласно опредѣленію совѣта казанскаго у—та, просилъ г. министра народнаго просв. произвести чрезъ ваше превосходительство формальное слѣдствіе надъ студентами, сдѣлавшими 8-го октября шумъ въ квартирѣ инспектора студентовъ, и на основаніи полученнаго мною разрѣшенія сообщилъ объ этомъ вашему превосходительству для зависящихъ съ вашей стороны распоряженій» ²⁾.

Князь П. П. Вяземскій полагалъ, что участіе университета по разслѣдованію дѣла должно было ограничиться безпорядками, случившимися въ квартирѣ инспектора.

Что же касается послѣднихъ безпорядковъ, заключаетъ попечитель бумагу, вчерашняго (9-го) числа (на улицѣ, предъ квартирой попечителя), то они университета не касаются ³⁾.

На это военный губернаторъ, 11-го октября, пишетъ попечителю два отношенія, въ которыхъ онъ обращаетъ вниманіе князя Вяземскаго, во-первыхъ, на то, что объ комиссіи тождественны ⁴⁾, а во вторыхъ на то, что «производство отдѣльнаго слѣдствія объ одномъ отдѣльномъ безпорядкѣ не повело бы ни къ какимъ результатамъ ⁵⁾». Въ виду такихъ соображеній губернатора, князь Вяземскій поспѣшилъ назначить Траубенберга въ комиссію, образованную губернаторомъ, какъ депутата отъ университета и члена ея ⁶⁾, при чемъ весьма подробно сообщилъ ему исторію его назначенія; сообщилъ ее и совѣту университета ⁷⁾, и военному губернатору, которому она понадобилась

¹⁾ Дѣло канц. н., 47 и 48.

²⁾ Тамъ-же, 49.

³⁾ Тамъ-же, 49.

⁴⁾ Тамъ-же, 50.

⁵⁾ Тамъ-же, 51.

⁶⁾ Тамъ-же, 51.

⁷⁾ Тамъ-же, 14 и 15.

на тотъ предметъ, чтобы ему можно было донести «о причинахъ замедленія слѣдствія ¹⁾». Въ отвѣтъ на это отношеніе военный губернаторъ въ бумагѣ къ попечителю выразилъ желаніе видѣть Траубенберга присутствующимъ въ обѣихъ комиссіяхъ—въ университетской и въ образованной имъ, губернаторомъ ²⁾. Съ дѣятельностью, такимъ образомъ, образованныхъ двухъ слѣдственныхъ комиссій мы познакомились въ послѣдствіи довольно близко, главнымъ образомъ съ дѣятельностію второй—собравшей очень много данныхъ о порученномъ ей разслѣдованію дѣлъ.

Дѣятельность университетской комиссіи несложна; по крайней мѣрѣ, о ней въ нашемъ распоряженіи довольно скудныя извѣстія, каковыя мы и сообщимъ въ слѣдующей главѣ; но предварительно обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ эпизодамъ, связаннымъ со студентскимъ дѣломъ. Они необходимы намъ для болѣе яснаго пониманія главной картины студенческихъ волненій и ихъ послѣдствій.

ГЛАВА X.

Дѣятельность университетской слѣдственной комиссіи и совѣта университета, по поводу ея донесеній. — Дѣло о бывшихъ студентахъ Маккавѣевѣ и Линдеманѣ и прозекторѣ Загайновѣ. — Дѣла о докторантахъ Пегровѣ и Песковѣ. — Донесеніе университетской слѣдственной комиссіи. — Постановленіе совѣта университета 21-го октября объ исключеніи 46 студентовъ. — Отдѣльное мнѣніе профессора Вагнера. — Новый докладъ комиссіи и постановленіе совѣта университета 12-го ноября объ исключеніи участниковъ въ беспорядкахъ 8-го и 9-го октября.

Въ скопѣ, бывшемъ 7-го октября 1861 г. у попечителя, оказались замѣшанными и лица, не принадлежація уже къ числу студентовъ, именно Маккавѣевъ и Линдеманъ. Относительно ихъ было назначено особое слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя ³⁾. Эти лица, по мнѣнію университетскаго начальства, «принимали живое участіе въ демонстраціи противъ одного изъ профессоровъ». Дѣло это кончилось тѣмъ, что судебный слѣдователь, за неимѣніемъ «положительныхъ данныхъ», нашелъ необходимымъ упомянутыхъ лицъ освободить изъ подъ ареста. Оно было передано въ слѣдственную комиссію, составленную губернаторомъ, гдѣ было рѣшено въ томъ же смыслѣ ⁴⁾; эти

¹⁾ Дѣло к. п., 52.

²⁾ Тамъ-же, 57.

³⁾ Тамъ-же, 10.

⁴⁾ Тамъ-же, 93.

господа были, однако, высланы изъ города. Тутъ же мелькаетъ небольшое дѣло Загайнова, прозектора анатоміи, который допустилъ проживать въ комнатѣ нижняго этажа зданія анатомическаго театра бывшимъ студентамъ Олигеру, Линдеману и Маккавѣеву. Экзекуторъ сообщилъ объ этомъ ректору, который задалъ Загайнову вопросъ: «на какомъ основаніи?» Послѣдній отвѣчалъ ему такимъ образомъ: «Маккавѣевъ жилъ у него въ качествѣ учителя изъ математики для его сына, и не сообщилъ онъ объ этомъ экзекутору, исходя изъ предположенія, что мѣстопребываніе его, какъ студента, извѣстно университетскому начальству; Олигеръ же и Линдеманъ перешли къ нему въ послѣднее время, около двухъ недѣль. Предполагая, что г. экзекутору университета должны быть извѣстны лица, проживающія въ зданіяхъ университета, онъ объ этомъ и не увѣдомилъ его, тѣмъ болѣе, что этого прежде не было никогда; отдавались ему только виды нижнихъ чиновъ». Все это сообщаетъ ректоръ попечителю, въ заключеніе выражая мнѣніе, что не худо бы г. Загайнову сдѣлать внушеніе, «за уклоненіе его отъ принятаго законнаго порядка». Попечитель пишетъ резолюцію. Ея смыслъ—внушить г. Загайнову, а экзекутору объявить, чтобы онъ рачительнѣе слѣдилъ за живущими въ зданіи университета ¹⁾). Одновременно съ приведеннымъ дѣломъ возникло дѣло о докторантахъ Петровѣ и Песковѣ. Здѣсь также, какъ и въ предъидущихъ, для насъ интересна, главнымъ образомъ, та оффиціальная переписка, которая возникаетъ по поводу постановленія совѣта относительно этихъ лицъ. Она намъ извѣстна: совѣтъ опредѣлилъ, «по вредному вліянію ихъ на студентовъ, выслать ихъ изъ города и ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о дозволеніи имъ окончить свои экзамены на степень доктора медицины въ другомъ университетѣ». Министръ докладывалъ объ этомъ Государю Императору, которому «не благоудно было совзволить на дозволеніе докторантамъ Пескову и Петрову окончить экзаменъ на степень доктора въ другомъ университетѣ, такъ какъ нравственное направленіе ихъ не представляетъ ручательства въ томъ, что они не будутъ имѣть вреднаго вліянія въ другомъ университетѣ ²⁾». Военный губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи ихъ изъ города. Попечитель увѣдомляетъ объ этомъ министра, при чемъ прибавляетъ: Петровъ и Песковъ, «по производимому слѣдствію, не избываются въ участіи въ студенческихъ безпорядкахъ, и даже ко-

¹⁾ Дѣло к. п., 56.

²⁾ Тамъ-же, 18.

миссия не находить причинъ для привлеченія ихъ къ слѣдствію ¹⁾». Министръ спрашиваетъ: «что именно послужило основаніемъ совѣту университета для обвиненія Пескова и Петрова въ вредномъ вліяніи ихъ на нравственность студентовъ». Совѣтъ у-та объясняетъ свое постановленіе въ томъ смыслѣ, что коноводами были Петровъ и Песковъ, но, благодаря своему умѣнью скриваться за спинами другихъ, они не были пойманы на мѣстѣ. Вотъ выраженія бумаги: «Совѣтъ университета, приступивъ къ рѣшенію дѣла о прекращеніи безпорядковъ, нарушившихъ спокойствіе университета, единогласно рѣшилъ, прежде всего, удалить изъ города тѣ лица, въ которыхъ скривалась инициатива этихъ безпорядковъ. Между этими лицами докторанты Петровъ и Песковъ не могли быть не замѣчены совѣтомъ, потому что членамъ его, а также и г. исправляющему должность попечителя было извѣстно, что убѣжденія гг. Петрова и Пескова, распространяясь между ихъ товарищами, постоянно порождали тѣ волненія, слѣдствіемъ которыхъ были безпорядки, происшедшіе въ у—тѣ въ послѣднее время». И далѣе: «Что касается до того, что гг. докторанты Петровъ и Песковъ не могли быть привлечены къ слѣдствію комиссіи, то это обстоятельство прямо объясняется тѣмъ, что гг. Петровъ и Песковъ дѣйствительно не были замѣчены, какъ непосредственные участники въ безпорядкахъ, происшедшихъ 7-го, 8-го и 9-го октября сего года ²⁾». Обращаемся отъ частнаго въ общему.

Между тѣмъ университетская слѣдственная комиссія 20-го октября представляетъ въ совѣтъ результаты своего изслѣдованія студентскихъ безпорядковъ въ видѣ списка студентовъ, бывшихъ 7-го октября у попечителя съ просьбами: объ удаленіи съ кафедр профессора физики Больцани и о неудаленіи изъ города бывшего студента Олигера. Таковыхъ, по ихъ собственному признанію, оказалось 46 человекъ ³⁾.

21-го октября состоялось засѣданіе совѣта у—та подъ предсѣдательствомъ попечителя князя Вяземскаго.

На немъ выслушали рапортъ слѣдственной комиссіи, представленный Траубенбергомъ, и постановили: исключить всѣхъ лицъ, показавшихъ, что они были 7-го октября скопомъ у попечителя съ

¹⁾ Дѣло к. п., 252.

²⁾ Дѣло к. п., 267 и 268. Въ маѣ Петрову и Пескову было потомъ дозволено держать экзамены, каковыя они и выдержали.

³⁾ Дѣло—85, причѣмъ 7 челов. историко-филолог. фак.; 11 математич. разряда математ. наукъ, 8 разряда естественныхъ наукъ, 7 юридич., разряда юридич. наукъ, 3 разряда камеральныхъ наукъ, 10 медицинскаго факультета. Н. Э.

принятіемъ ихъ въ у—тъ черезъ годъ, если 1) «по слѣдствію, производимому нынѣ особой слѣдственной комиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными, и 2) если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ совѣту, ихъ поведеніе въ теченіе года не будетъ предосудительно. Затѣмъ, ни одинъ изъ поименованныхъ исключенныхъ студентовъ не можетъ пользоваться правомъ на полученіе стипендій, пособій и т.п.»¹⁾).

На этомъ-же засѣданіи слушали отдѣльное мнѣніе профессора Вагнера. Содержаніе мнѣнія слѣдующее: Профессоръ Вагнеръ, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ совѣта объ исключеніи студентовъ, желаетъ, кромѣ того, удаленія исключенныхъ изъ города на томъ основаніи, что онъ отдѣляетъ наказаніе отъ мѣры, служащей къ предотвращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ. Исключеніе—это наказаніе, удаленіе изъ города—мѣра. Видя «въ тишинѣ и мирѣ» поддержку «эрудиціи», въ «гарантіи полного спокойствія и законности»—возможность «умственного развитія», профессоръ Вагнеръ выражаетъ опасеніе, чтобы «горсть исключенныхъ», «въ минуты увлеченія способныхъ на самыя крайнія мѣры, не употребила «всѣ свои силы» помѣшать спокойному окончанію дѣла». Впрочемъ, профессоръ Вагнеръ даже соглашается и съ тѣмъ, что удаленіе изъ города не только мѣра, но и наказаніе, «ибо я готовъ», говоритъ онъ, «на всѣ жертвы, какъ-бы тяжелы онѣ ни были». Въ заключеніе онъ увѣряетъ, что его стремленія «чисты» и цѣль ихъ «возвышенна», такъ какъ, «если нѣтъ другаго пути, говоритъ профессоръ Вагнеръ, то, не боясь ничьихъ осужденій, смѣло и открыто встану на ту сторону, которая мнѣ даетъ средства достигнуть этой цѣли, которая мнѣ даетъ снова возможность служить честно и спокойно дѣлу того у—та, которому я обязанъ образованіемъ»²⁾. Выслушавши это мнѣніе, совѣтъ опредѣлилъ: записать его въ протоколъ³⁾.

Тутъ-же рѣшили и о томъ, чтобы просить Траубенберга о сообщеніи полицеймейстеру списка неявившихся въ комиссію для отвѣта, съ присовокупленіемъ, «что тѣ студенты и вольные слушатели, которые до 29 октября не явятся въ комиссію дать отвѣтъ о томъ—были они или нѣтъ участниками происшедшихъ безпорядковъ, будутъ признаны соучастниками и будутъ исключены»⁴⁾. Предъ этимъ днемъ засѣданія Совѣта, гдѣ произошло сейчасъ рассказанное, министръ черезъ телеграфъ спросилъ у попечителя: «открыты или нѣтъ

¹⁾ Дѣло 91 и 92.

²⁾ Дѣло 88, 89 и 90.

³⁾ Дѣло 92.

⁴⁾ Дѣло 93.

лекціи въ у—тѣ ¹⁾, на что того-же числа вечеромъ и получилъ въ отвѣтъ: «чрезвычайныя мѣры, принятыя для охраненія спокойствія въ у—тѣ, я нахожу необходимымъ продолжить» ²⁾). Между тѣмъ университетская комиссія продолжала доискиваться, кто участвовалъ въ беспорядкахъ 8-го и 9-го октября.

Результаты своихъ изслѣдованій она представила опять въ видѣ списка студентовъ, бывшихъ, по ихъ собственному показанію, у инспектора 8-го октября, и списка бывшихъ 9-го октября предъ квартирою попечителя. При этомъ изъ перваго списка Совѣтъ усмотрѣлъ, что въ квартирѣ инспектора были тѣ, которые, оказавшись виновными въ посѣщеніи попечителя, уже исключены въ засѣданіи 21-го октября, и что кромѣ этихъ еще четверо посѣтили только квартиру инспектора ³⁾. Изъ втораго списка ⁴⁾ мы усматриваемъ, что въ университетской комиссіи относительно 9-го октября даны показанія 13-ю студентами, изъ которыхъ только двое—Берви и Констансовъ—говорятъ о своемъ сочувствіи случившемуся въ это число. Такъ, Берви заявляетъ, что онъ обращался къ полицеймейстеру съ просьбою увидать попечителя ⁵⁾. А. Г. Констансовъ, выясняя цѣль, съ какою студенты собрались передъ зданіями у—та и которую хотѣли осуществить «криками», прибавляетъ, что онъ хотя «съ своей стороны не кричалъ, но вполне раздѣляетъ это съ тѣми, кто это дѣлалъ» ⁶⁾. Прочіе-же 11 человекъ дали показанія, смыслъ которыхъ сводится къ выраженіямъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; попалъ-же случайно: кто шелъ на почту и попалъ, кто въ университетъ для слушанія лекцій—и тоже попалъ и проч.

Для характеристики этихъ показаній мы приведемъ содержаніе тѣхъ-изъ нихъ, въ которыхъ изъ нихъ. Такъ, Бургеръ Александръ своимъ показаніемъ доказалъ, что онъ человекъ очень любопытный. Подойдя къ у—ту 8-го окт. вечеромъ, онъ увидалъ нѣчто необычайное: солдатъ, толпу народа, и очень удивился, сильно желая узнать—что это такое? Онъ спрашиваетъ у одного господина, но тотъ тоже не знаетъ—что это такое. Онъ идетъ въ корридоръ у—та, гдѣ обращается съ тѣми-же вопросомъ къ студентамъ. Ему отвѣчаютъ: у—тѣ закрытъ, по какой причинѣ—не знаютъ. Удовлетворивши отчасти любопытство, замѣчено въ показаніи, «онъ вышелъ изъ университета».

¹⁾ Д. канц. попеч. 104.

²⁾ Тамъ-же, 105.

³⁾ Тамъ-же, 96.

⁴⁾ Тамъ-же, 205, 206, 207, 208.

⁵⁾ Тамъ-же, 207.

⁶⁾ Тамъ-же.

Такъ какъ любопытство было удовлетворено только «отчасти», то на слѣдующій день (9-го октября) онъ опять отправился его удивлять; но такъ и не удовлетворилъ его вполне, ибо не слышалъ, что полицеймейст. Витте говорилъ со студентами, такъ какъ стоялъ довольно далеко...

Затѣмъ, «замѣтивши на площади противъ у—та г. губернатора, разговаривающаго съ какими-то студентами, онъ подошелъ къ нимъ», чтобы послушать ихъ разговоръ, который, впрочемъ, «онъ уже забылъ» ¹⁾.

Овсяниковъ Гавріиль показалъ, что 9-го числа октября «онъ былъ на Воскресенской улицѣ; когда уже все утихло, видѣлъ мимоходомъ губернатора, десятка два казаковъ около него и гуляющихъ по улицѣ и болѣе ничего» ²⁾.

12 ноября совѣтъ въ своемъ засѣданіи, выслушавъ оба списка, сдѣлалъ постановленіе объ исключеніи изъ университета еще пяти студентовъ, какъ сознавшихся въ участіи въ безпорядкахъ, произведенныхъ въ квартирѣ инспектора; студентовъ университета Берви и Констансова (вольноклужателя), какъ бывшихъ 8-го октября у г. инспектора и 9-го предъ квартирой г. испр. д. попеч. и подтвердившихъ о томъ, что они были, своими подписями—исключить изъ университета, съ тѣмъ, что они могутъ быть приняты черезъ годъ, если по слѣдствію, производимому особой слѣдственной комиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными и если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Совѣту, ихъ поведеніе въ теченіе года не будетъ предосудительно. Затѣмъ они уже навсегда лишаются всякихъ льготъ: стипендій, пособій и проч. ³⁾.

¹⁾ Д. к. п. 207.

²⁾ Д. к. п. 106.

³⁾ Дѣло 97.

ГЛАВА XI.

Дѣятельность общей слѣдственной комиссіи. Запросъ ея попечителю учебнаго округа. Признаніе его со стороны князя Вяземскаго неправильнымъ. Переписка его по этому случаю съ казанскимъ губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Шлавъ при изложеніи показаній, данныхъ этой комиссіи студентами.

Общая слѣдственная комиссія въ первый разъ подаетъ о себѣ голось 12-го октября, когда отъ ея имени предсѣдатель ея, совѣтникъ губернскаго правленія, Ѳедоровъ, пишетъ на имя попечителя бумагу слѣдующаго содержанія: ¹⁾

«Слѣдственная комиссія, приступивъ къ производству слѣдствія о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами, находитъ, что при дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній: кто именно изъ студентовъ приходили только 7-го окт. къ вашему сіятельству, 8-го числа къ инспектору, предъ этимъ были въ читальной комнатѣ, а 9-го числа собирались на улицѣ предъ вашею квартирою и производили манифестацію. Равнымъ образомъ, изъ дѣла не видно, гдѣ и съ какою цѣлю, предварительно этихъ происшествій, собирались свонища студентовъ, за участіе въ которыхъ уволенъ изъ у—та и удаленъ изъ города студентъ Олигеръ... Затѣмъ въ бумагѣ перечисляются опредѣленія совѣта, состоявшіяся 10-го октября: это извѣстно комиссіи, какъ сообщенное начальникомъ губерніи. Но она совершенно не знаетъ: «въ чемъ заключалось вредное вліяніе этихъ лицъ на студентовъ, какими способами и съ какого времени оно проявилось, а также лично-ли они принимали участіе въ манифестаціи, произведенной студентами въ квартирѣ инспектора, или только по уговорамъ къ тому другихъ». Такимъ образомъ: «слѣдственная комиссія совершенно не имѣетъ въ виду тѣхъ данныхъ, на которыхъ Совѣтъ у—та, опредѣлившій, по своимъ правиламъ, мѣру отвѣтственности этихъ лицъ, основалъ эти обвиненія, подлежащія, однако, за назначеніемъ по этому предмету слѣдствія, разслѣдованію со стороны слѣдственной комиссіи».

Исходя изъ всего этого, Ѳедоровъ въ заключеніе объявляетъ, что слѣдственная комиссія постановила: просить объясненій на вышепоставленные вопросы. Г. попечитель отвѣтилъ въ такомъ родѣ ²⁾.

Онъ извѣщаетъ слѣдственную комиссію, что изъ бывшихъ у него

¹⁾ Д. к. п. 60 и 61.

²⁾ Д. к. п. 63, 64, 65.

7-го октября ему извѣстны: Умновъ и бывшіе студенты Маккавѣевъ и Линдеманъ. Это онъ, однако, сообщаетъ «только для свѣдѣнія». «Что касается до 8-го октября, то я, говоритъ онъ, получилъ разрѣшеніе отъ г. министра народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству совѣта у—а, просить г. губернатора нарядить формальное слѣдствіе о демонстраціи, произведенной студентами въ квартирѣ инспектора, почему я не наряжалъ слѣдствія объ этой демонстраціи, такъ какъ случай этотъ долженъ быть обследованъ комиссіею. Манifestація, собравшаяся передъ университетскими зданіями, вовсе вѣдѣнію у—та не подлежитъ, какъ бывшая внѣ стѣнъ университета».

Затѣмъ, относительно Олигера и другихъ исключенныхъ слѣдственной комиссіею нечего и спрашивать, такъ какъ они уволены «на основаніи опредѣленія совѣта у—та, не подлежащаго контролю комиссіи». О Петровѣ и Песковѣ было сообщено только «для свѣдѣнія, единственно на случай могущей встрѣтиться въ томъ надобности, при изслѣдованіи студентскихъ беспорядковъ, буде они (Петровъ и Песковъ) окажутся прикосновенными къ дѣлу». Беневитскій удаленъ изъ города, какъ лицо, подчиненное попечителю, «съ тѣмъ, чтобы выслать ему документы, если по слѣдствію или судебному приговору не окажутся основанія къ лишенію его права на дипломъ».

Олигеръ, Маккавѣевъ и Линдеманъ уволены изъ у—та «по распоряженію начальства»; Христофоровъ «по предписанію министра народнаго просвѣщенія»; всѣхъ поименованныхъ опредѣлено удалить изъ города, какъ лицъ «вредныхъ», по мнѣнію совѣта. «Вредное ихъ вліяніе выразилось преимущественно въ томъ, что они позволяли себѣ рѣзко обсуживать достоинство профессоровъ и отзываться съ рѣзвостью о мѣрахъ, принимаемыхъ у—томъ. Участвовали-ли они лично въ манифестаціи, «это прямо подлежитъ изслѣдованію комиссіи и я, являясь попечитель, исходатайствовавъ у г. министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе просить г. начальника губерніи произвести по этому случаю формальное слѣдствіе, тѣмъ самымъ отказался отъ изслѣдованія этого факта съ моей стороны». Что-же касается «данныхъ, на основаніи коихъ совѣтъ у—та, опредѣливши мѣру отвѣтственности этихъ лицъ, основалъ свои обвиненія, то я выше выразилъ, что опредѣленія совѣта не могутъ подлежать разслѣдованію со стороны комиссіи». Въ заключеніе попечитель сообщаетъ, что онъ поручилъ Траубенбергу развѣдать административнымъ порядкомъ: кто изъ студентовъ участвовалъ въ тѣхъ или другихъ беспорядкахъ. Изъ всего приведеннаго легко можно усмотрѣть, что господинъ попечитель остался очень недоволенъ первыми шагами слѣдственной комиссіи, такъ какъ увидалъ въ нихъ намѣреніе подвергнуть «повѣркѣ

опредѣленія совѣта и распоряженія начальства у—та». Объ этомъ онъ поспѣшилъ сообщить военному губернатору, прося его возстановить комиссію въ надлежащихъ для слѣдствія границахъ ¹⁾. Генералъ Козляниновъ поспѣшилъ отвѣтить кн. Вяземскому: «я предложилъ производить слѣдствіе только о безпорядкахъ, учившихся студентами, не подвергая повѣрѣ опредѣленія совѣта и распоряженія начальства университета» ²⁾.

Дѣло въ томъ, что въ сказанной «повѣрѣ» попечитель видѣлъ попытку «нарушить принципъ авторитета совѣта»; это свое мнѣніе онъ высказывалъ министру слѣдующимъ образомъ: «я вынужденнымъ нахожусь представить благоусмотрѣнію вашего сіятельства, что при неуясненіи цѣли и предѣловъ комиссіи, составленной г. губернаторомъ, веденіе дѣла въ таковомъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится, можетъ, по моему крайнему убѣжденію, привести скорѣе къ нарушенію принципа авторитета совѣта у—та, чѣмъ служить къ желанному водворенію спокойствія въ ономъ» ³⁾.

Но того, чего боялся кн. Вяземскій, не случилось: комиссію была восстановлена въ желанныхъ для него границахъ. Затѣмъ она приступила къ своей дѣятельности. Она начала призывать исключенныхъ студентовъ и отбирать отъ нихъ показанія относительно участія ихъ въ безпорядкахъ. Теперь эти показанія представляются намъ главнымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго изложенія. До сихъ поръ мы знакомились съ изображеніемъ безпорядковъ официальными лицами, не исключая и унтеръ-офицера Козловскаго, служителя инспектора; пришло время обратиться къ студенческимъ показаніямъ и посмотреть, какъ сами студенты изображали безпорядки и разъясняли ближайшія причины ихъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ изображеній всякій будетъ въ состояніи самъ уяснить себѣ настоящее положеніе дѣла. Мы, конечно, не будемъ приводить всѣхъ показаній цѣликомъ, но возьмемъ изъ нихъ то, что существенно для характеристики случившейся студенческой исторіи. Для большаго удобства мы раздѣлимъ показанія на три категоріи; такъ, къ первой категоріи отнесемъ показанія относительно посѣщенія попечителя 7-го октября; ко 2-й относительно безпорядковъ въ квартирѣ инспектора и, наконецъ, къ 3-й относительно случившагося 9-го числа передъ квартирой попечителя.

Къ этимъ категоріямъ показаній примкнутъ различныя добавоч-

¹⁾ Д. к. п., 66.

²⁾ Д. к. п., 73.

³⁾ Д. к. п. 87.

ныя объясненія студентовъ, необходимыя намъ для вышепоставленной цѣли.

ГЛАВА XII.

F) Показанія студентовъ, данныя общей слѣдственной комиссіи. Показанія относительно посѣщенія ими 7-го октября попечителя. Показанія студентовъ относительно причинъ ихъ вторженія въ квартиру инспектора. Фактическія подробности этого событія по показаніямъ студентовъ. Показанія студентовъ о причинахъ, вызвавшихъ сходку студенческую 9 октября предъ квартирою попечителя, и о томъ, что на этой сходкѣ происходило.

Большинство студентовъ, спрошенныхъ комиссіей, что побудило ихъ явиться къ попечителю 7-го октября, дало отвѣтъ такой:

«7-го октября былъ у Ваземскаго для того, чтобы узнать отъ него объ удаленіи Олигера, и для того, чтобы передать ему о дѣлѣ Больцани ¹⁾». Такъ объясняетъ причину посѣщенія студентъ Викторъ Умновъ; такъ объясняютъ и другіе, привлеченные къ слѣдствію, съ тою только разницею, что нѣкоторые изъ нихъ, не слушавшіе Больцани, указываютъ только на дѣло Олигера. Только весьма немногіе не ограничиваются такимъ лаконизмомъ и разъясняютъ причину своего посѣщенія попечителя довольно подробно. Вотъ, напри- мѣръ, показаніе Соколова: «Г. Янишевскій обѣщался оставить этотъ разговоръ въ стѣнахъ читальной комнаты (разговоръ между студентами и Янишевскимъ о Больцани, въ который вмѣшался и Олигеръ). Къ вечеру 6-го октября Олигеру объявлено было приказаніе оставить Казань; когда его спросили о причинахъ, то онъ отвѣчалъ, что за посѣщеніе читальной комнаты. Я не вѣрилъ въ основательность такой причины, вслѣдствіе чего и отправился 7-го окт. къ г-ну попечителю ²⁾».

Студентъ Лысовъ сообщаетъ, что онъ пришелъ къ попечителю сказать о своемъ неудовольствіи на профессора Больцани, такъ какъ «вслѣдствіе незнанія имъ русскаго языка, говоритъ Лысовъ, я не могу понимать его лекціи». И продолжаетъ: «это я сдѣлалъ на томъ основаніи, что г. ректоръ, именно Бутлеровъ, выразилъ студентамъ такую мысль: каждый студентъ, недовольный чѣмъ-бы то ни было профессоромъ, можетъ изъявить это неудовольствіе г. ректору; если-же

¹⁾ Д. с. к., 40.

²⁾ Д. с. к., 71.

онъ не уважить эту просьбу, то обратиться къ самому попечителю». Онъ, Лысовъ, видя, что ректоръ каз. у—та «не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія», помимо его и отправился 7-го октября къ попечителю ¹⁾».

А у попечителя происходило слѣдующее, какъ показалъ вольный слушатель Затмиловъ: «Я заявилъ попечителю, что Больцани читаетъ неудовлетворительно». «Г. попечитель отвѣчалъ, что профессоръ Больцани пользуется европейскою славою; на это я ему сказалъ, что въ учености Больцани никто не сомнѣвается, но, къ сожалѣнію, г. профессоръ не можетъ передать свои знанія и тѣмъ лишаетъ меня возможности слушать физику ²⁾».

По показанію Соколова происходило у князя Вяземскаго такое съ нимъ объясненіе: «князь утверждалъ, сообщаетъ Соколовъ, что онъ (попечитель) прежде спросилъ Линдемана о фамиліи, а потомъ объявилъ ему, что его просьба о поступленіи въ у—тъ принята не будетъ. Между тѣмъ это было наоборотъ, что и подтвердили бывшіе здѣсь студенты». Князь на это сказалъ: «стыдно, господа, стыдно». На это ему кто-то отвѣчалъ, что не стыдно утверждать правду, а лгать въ глазахъ нѣсколькихъ студентовъ стыдно. Между прочимъ, князь сказалъ, что онъ въ первый разъ видитъ Линдемана, а слышалъ о немъ какъ о дурномъ господинѣ. Вслѣдствіе этого князя спросили: на этихъ слухахъ должно быть вы основываете собственное мнѣніе о Линдеманѣ? Отвѣтъ былъ: «да». Но какъ-же вы можете основывать свое мнѣніе только на слухахъ? Ваше мнѣніе есть мнѣніе официальное, слѣдовательно должно основываться на официальныхъ данныхъ. Князь сказалъ, что мнѣніе, выраженное г. Янишевскимъ, есть официальное данное». «Отсюда студенты заключили, — выводить Соколовъ, что Янишевскій сообщилъ о невыгодныхъ сторонахъ Линдемана Вяземскому». И привосокрушаетъ такъ: «объ этомъ, мы, т. е. кто-то одинъ сообщилъ князю». «Далѣе, продолжаетъ Соколовъ, разговоръ перешелъ къ Больцани, гдѣ, разумѣется, студенты говорили, что хотятъ избавиться отъ слушанія его лекцій, а слѣдственно и отъ его экзаменовъ».

«Князь говорилъ, что студенты не хотятъ слушать Больцани или по лѣности, или по недостаточной подготовкѣ. На это получилъ возраженіе: отчего, слушая другихъ профессоровъ, мы оказываемся и достаточно подготовленными, и прилежными? Отвѣта на это не было», ибо, по мнѣнію Соколова, «и нельзя дать его ³⁾».

¹⁾ Д. с. к., 225.

²⁾ Д. с. к., 221.

³⁾ Д. с. к., 71.

Намъ кажется, что приведенныхъ показаній совершенно достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ посѣщенія студентами попечителя 7-го октября, насколько онъ выясняется ими самими. Переходимъ къ показаніямъ второй категоріи, самымъ подробнымъ, такъ какъ, повидимому, въ отношеніяхъ студентовъ къ инспектору и наоборотъ, и желали дѣлавшіе показанія студенты найти причину произведенныхъ ими безпорядковъ.

«Основываясь на слухахъ, говоритъ студентъ Кириловъ, что въ у—тѣ студенты раздѣлились на три партіи: одну, которая рѣшилась дѣйствовать противъ инспектора, къ числу ея принадлежу и я; другую оппозиціонную и третью нейтральную». И болѣе ничего не прибавлено: періодъ не конченъ; а далѣе: «Я, дѣйствительно, ходилъ въ квартиру инспектора, въ числѣ другихъ студентовъ, мною не замѣченныхъ, съ предложеніемъ такимъ, что не желаю имѣть его инспекторомъ. Я пошелъ одинъ къ инспектору и впередъ, а за мною толпа, изъ среды которой я слышалъ голоса: «вонъ, вонъ!»¹⁾

Викторъ Умновъ объясняетъ свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: «Янишевскій давалъ намъ слово, когда мы говорили ему о дѣлѣ Болъцани, что онъ не передастъ ни одного слова Вяземскому, но потомъ передалъ, что подтвердить Вяземскій. Находя подобные поступки неприличными честному человѣку, я хотѣлъ узнать подтвержденіе (?) или отрицаніе этихъ фактовъ и многихъ другихъ, которые я теперь не могу припомнить, но инспекторъ отказался говорить со мной, то я, дѣлаю выводъ Викторъ Умновъ, принявъ молчаніе за знакъ согласія, передалъ ему мое желаніе не имѣть его инспекторомъ»²⁾. Такъ какъ Кириловъ началъ говорить о партіяхъ, то вопросъ о нихъ былъ предложенъ и Виктору Умнову, но онъ «о существованіи партій ничего не слышалъ»³⁾. И изъ другихъ показаній видно, что тоже ничего не слышали, такъ что вопросъ, отъ кого Кириловъ узналъ о нихъ, остается открытымъ. Конради пошелъ къ инспектору, «чтобы объясниться съ нимъ вотъ по какому поводу». «За день до того, рассказываетъ Конради, г. инспекторъ сказалъ, что ему инспекторская должность въ тягость, при чемъ постоянно встрѣчались противорѣчія,—истинныя или нѣтъ,—это все равно⁴⁾», между словами

¹⁾ Дѣло с. к., 30.

²⁾ Дѣло с. к., 40.

³⁾ Дѣло с. к., 41.

⁴⁾ Что онъ хочетъ сказать этимъ вводнымъ предложеніемъ—неизвѣстно.

инспектора, что ставило его въ натянутое положеніе со студентами, поэтому я хотѣлъ сообщить ему мое желаніе, чтобы онъ оставилъ такъ непріятную для него должность инспектора». Что же касается того, «кто кричалъ, не видалъ, самъ не кричалъ ¹⁾». Весьма подробно рассказываетъ о расприхъ студентовъ съ инспекторомъ вольный слушатель Золотовъ. Онъ начинаетъ съ 5-го октября, когда инспекторъ пришелъ въ студентскую читальню и началъ разговаривать со студентами относительно чтенія лекцій профессоромъ Больцани.

«При этомъ, сообщаетъ Золотовъ, г. Янишевскій говорилъ, что Больцани читаетъ понятно. На это г. Олигеръ ему замѣтилъ, что онъ назадъ тому нѣсколько времени, по выходѣ съ лекціи г. Больцани, сказалъ, что Больцани читаетъ такъ, что профессоръ съ трудомъ можетъ понять его лекцію, не говоря о студентахъ, у которыхъ нѣтъ такихъ познаній математическихъ. Этимъ замѣчаніемъ Олигера г. Янишевскій оскорбился, потому что оно выказывало противорѣчіе въ словахъ самого Янишевскаго» ²⁾. А далѣе дѣлается слѣдующій выводъ: «Узнавши, что г. Янишевскій не любитъ правду, что онъ измѣнилъ своему слову, сказанному имъ самимъ въ читальной комнатѣ, я рѣшилъ идти къ нему и сказать, что я не желаю его имѣть своимъ инспекторомъ» ³⁾. Это заключительное заявленіе, встрѣчающееся, какъ приѣвъ, почти въ каждомъ показаніи, съ очень незначительными варіаціями, послужило вступленіемъ въ показаніи Александра: «Я пошелъ къ Янишевскому, говорить онъ, объявить ему, что не желаю имѣть его инспекторомъ», а мотивы вотъ: «во первыхъ, потому, что г. Янишевскій, 6-го числа, въ читальной комнатѣ объявилъ, что чрезвычайно тяготится инспекторскою должностію и очень желаетъ ее оставить: слѣдовательно, я, заключаю Александръ, поступилъ сообразно его желанію, во вторыхъ, на основаніи тѣхъ фактовъ, которые на него имѣю, а именно: г. Янишевскій оскорбилъ студентовъ 6-го числа тѣмъ, что заставилъ замолчать Олигера, когда тотъ уличилъ его во лжи. Олигеръ, съ согласія студентовъ, былъ бібліотекаремъ читальной комнаты студентовъ, а обидѣтъ доверенное лицо, значитъ обидѣтъ доверителей; а обидѣвшій гостя, обидѣлъ и хозяина. Если онъ, Янишевскій, не хотѣлъ говорить съ Олигеромъ, какъ съ частнымъ лицомъ, не принадлежащимъ къ у—ту,

¹⁾ Дѣло с. к., 52.

²⁾ Дѣло с. к., 138.

³⁾ Дѣло с. к., 139.

то для чего же онъ въ то-же время противорѣчилъ себѣ, говоря съ Линдеманомъ и Маккавѣевымъ, съ лицами, также не принадлежащими въ у—ту. Кромѣ того, г. Янишевскій не трогалъ Олигера, зная, что онъ находится въ у—тѣ и посѣщаетъ читальную комнату, до тѣхъ поръ, пока Олигеръ не уличилъ его во лжи. Этимъ г. Янишевскій выказалъ чрезвычайно дурную и опасную для студентовъ сторону своего характера—мстительность; такимъ образомъ нельзя ручаться, что г. Янишевскій изъ личности не можетъ надѣлать много худаго для своихъ подчиненныхъ. Затѣмъ г. Янишевскій, во время посѣщенія 7-го числа, оклеветалъ Олигера». Далѣе онъ перечисляетъ разныя вины г. Янишевскаго, по отношенію къ студентамъ, откуда видно, что Александровъ считаетъ Янишевскаго человѣкомъ живымъ. И заключаетъ свое показаніе ¹⁾ слѣдующими словами: «наконецъ, безпрерывныя, непонятныя метаморфозы г. Янишевскаго изъ частнаго лица въ официальное и обратно, и часто таеъ, что частное лицо противорѣчитъ официальному—вотъ причина» того, съ чего Александровъ началъ свое показаніе: «что я не желаю имѣть его инспекторомъ». По показанію Соколова, мы можемъ наблюдать, 7-го октября, въ студенческой читальной комнатѣ слѣдующую сцену. Студенты объясняются съ Янишевскимъ. Какимъ же образомъ? А вотъ какимъ: «Г. Янишевскому, сообщаетъ Соколовъ, доказывали, что онъ лжетъ по поводу дѣла Олигера и рекомендаціи Линдемана, а г. Янишевскій доказывалъ, что онъ никогда не лжетъ» ²⁾. Только вдругъ Соколову пришли на память слова г. Янишевскаго, сказанныя имъ наканунѣ:

— «Миѣ, господа, въ тягость инспекторство, я не дорожу этою должностію».

Я подумалъ, говорятъ Соколовъ, и рѣшилъ сказать Янишевскому такую вещь:

— «Вы, г. инспекторъ, видите, что отношенія наши натянуты. Во вчерашнемъ разговорѣ, да и, какъ я слышалъ отъ старшихъ студентовъ, въ прежнихъ разговорахъ вамъ хотятъ доказать, что вы дѣйствительно недобросовѣстны, вы увѣряете въ противномъ. Отсюда ясно, что при такихъ отношеніяхъ вамъ оставаться нельзя. При томъ вы тяготитесь, какъ вы сказали вчера, должностію инспектора, такъ оставьте ее, во избѣжаніе столкновеній впослѣдствіи» ³⁾.

Составивши мысленно такую рѣчь, Соколовъ, 8-го октября, отпра-

¹⁾ Дѣло с. к., 98 и 99.

²⁾ Дѣло с. к., 72.

³⁾ Дѣло с. к., 72.

вился въ квартиру инспектора, съ намѣреніемъ тамъ ее произнести, но мы знаемъ, что ему не удалось исполнить своего намѣренія. А вотъ какимъ образомъ рассказываетъ студентъ Дмитрій Каракозовъ ¹⁾:

— «Г. Олигеръ, говоритъ онъ, замѣтилъ инспектору, что въ бытность Наслѣдника въ Казани, въ то время, какъ Больцани читалъ для него свою лекцію, г. Янишевскій самъ отозвался о Больцани, какъ о профессорѣ, который рѣшительно не способенъ для кеедры, т. е. что его лекціи рѣшительно непонятны. Г. Янишевскій не имѣлъ, слѣдовательно, никакого основанія стараться объ удаленіи г. Олигера, который высказалъ только мнѣніе самого г. Янишевскаго».

«Такимъ образомъ, заключаетъ Каракозовъ, (онъ) самъ подготовилъ себѣ то удовольствіе, которое высказали ему студенты» ²⁾. Можно было бы привести еще столько же и даже больше выдержекъ изъ студентскихъ показаній относительно ихъ поступка съ инспекторомъ; но то предпріятіе кажется намъ совершенно лишнимъ, такъ какъ, за исключеніемъ выраженій, они тождественны, тѣмъ болѣе, что мы старались привести то, что наиболѣе изъ нихъ обрисовываетъ взгляды студентовъ на ближайшую причину ихъ вторженія въ квартиру инспектора. Теперь посмотримъ, какъ сами студенты изображаютъ здѣсь случившееся. Вотъ сообщеніе Платоникова: «Они пришли и попросили доложить. Служитель доложилъ. Въ это время, говоритъ Платониковъ, вышелъ Янишевскій въ халатѣ и объявилъ, что онъ не станетъ говорить съ толпой, зажалъ уши и, не внимая словамъ впереди стоявшихъ студентовъ, вышелъ и захлопнулъ дверь; тогда нѣкоторые закричали, чтобъ онъ выходилъ въ отставку, что не хотятъ имѣть его инспекторомъ» ³⁾.

Ждановъ законичѣе:

«Г. Янишевскій, заявляетъ онъ, вышелъ въ халатѣ и тогда ему было объявлено, что мы не желаемъ его имѣть инспекторомъ» ⁴⁾.

«Янишевскій и ушелъ, со своей стороны замѣчаетъ Александровъ, захлопнувъ двери. На эту выходку раздался крикъ: «вонъ!» ⁵⁾.

Германъ говоритъ: «никогого шума я тамъ не слышалъ, кромѣ какъ въ толпѣ студентовъ былъ слышенъ крикъ: вонъ! вонъ! кто кричалъ—не знаю, самъ не кричалъ» ⁶⁾.

¹⁾ Тотъ самый, который впоследствии, 4-го апрѣля 1866 г., сдѣлалъ покушеніе на жизнь государя императора Александра II.

²⁾ Дѣло с. к., 207.

³⁾ Дѣло с. к., 123.

⁴⁾ Дѣло с. к., 99.

⁵⁾ Дѣло с. к., 116.

⁶⁾ Дѣло с. к., 87.

Что касается сего послѣдняго пункта: «самъ-то кричалъ ли?» то въ показаніяхъ вы не найдете ни одного, гдѣ было бы сказано, что и самъ кричалъ. Всѣ говорятъ: «это кричалъ, не знаю, самъ не кричалъ». Нѣкоторымъ, вѣроятно, и неудобно было кричать, если принять во вниманіе слѣдующее показаніе Некрасова, слышавшаго крикъ изъ-за дверей.

Онъ говоритъ такъ:

«Я вышелъ и уже за дверьми услышалъ крики: вонъ, кто кричалъ, разумѣется, я не могъ знать и разумѣется, что я самъ не кричалъ; потому что глупо было бы кричать «вонъ» изъ-за дверей¹⁾».

Обращаясь къ показаніямъ 3-й и послѣдней категоріи, можно заранѣе сказать, что причины ихъ необычайнаго прихода къ квартирѣ попечителя объясняются ими въ весьма общихъ выраженіяхъ: «Хотѣлъ, показываетъ большинство изъ нихъ,—отъ самого попечителя узнать причину закрытія университета».

Но были и такіе изъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ, которые не ограничились подобными краткими отвѣтами. Въ своемъ показаніи вольный слушатель Золотовъ выясняетъ причину своего посѣщенія улицы предъ квартирой попечителя такимъ образомъ: «Все видѣнное и читанное, говоритъ онъ, возбудило во мнѣ вопросъ: что подало поводъ къ закрытію университета? Неужели это—слова, сказанныя г. Янишевскому: «Я не желаю васъ имѣть своимъ инспекторомъ». «Стоило начальству изъ-за такихъ словъ поднимать скандалъ, закрывать у—тъ, наполнять его солдатами, конечно, не для слушанія лекцій, но для охраненія у—та отъ кого-то». «Странно, какъ это начальство дѣлаетъ изъ мухи слона! Оскорбительно, когда начальство считаетъ 26-ти-лѣтнихъ юношей за какихъ-то барановъ, лишенныхъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, какъ то: чувства товарищества, во имя котораго былъ защищаемъ ни въ чемъ не виноватый Олигеръ, барановъ, съ которыми будто бы нужно поступать по своему личному произволу, не сообразуясь съ законами справедливости! Непонятно, зачѣмъ это начальники, считающіе себя людьми, а не скотами, рѣшаются управлять стадомъ барановъ, неужели, молъ, въ этомъ взглядѣ на студентовъ въ 20 лѣтъ наши начальники не видятъ ничего унижительнаго для себя, если не для студентовъ!?» И вольн. слушатель Золотовъ отправляется къ попечителю, желая узнать «почему начальники, считающіе себя людьми, а не скотами, рѣшаются

¹⁾ Дѣло с. в., 130.

управлять стадомъ барановъ, или почему они закрыли у—тъ?» Дѣйствительность двукратнаго входа г. Витте въ попечителя съ вопросами: 1) можетъ ли онъ объясниться со студентами, 2) можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, принять для объясненія депутацію отъ студентовъ,—всѣ привлеченные къ слѣдствію совершенно подтверждаютъ въ своихъ показаніяхъ. Подтверждаютъ и то, что кн. Вяземскій въ обоихъ случаяхъ отказалъ исполнить это желаніе.

«Тогда, сообщаетъ Соколовъ, всѣ встали передъ домою и стали громко звать его. Князь показался въ окнѣ. Его продолжали звать и махали ему руками» ¹⁾).

А онъ, по словамъ «Умнова, смотрѣлъ на насъ очень хладнокровно, что и вызвало крикъ: «п» ²⁾).

Вызывать продолжали. И во время вызововъ Конради слышалъ, какъ нѣсколько голосовъ кричали: подлецъ ³⁾).

Вольнаго слушателя Золотова этотъ крикъ: «. Вяземскій» — очень удивилъ; «не смотря на то, говоритъ онъ, что въ продолженіе всего крика: Вяземскій, Вяземскій, Вяземскій — на разные тоны, — г. Вяземскій, кажется, съ большимъ удовольствіемъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на движущуюся толпу студентовъ, безсилную вызвать его изъ теплыхъ комнатъ на холодный воздухъ» ⁴⁾). А холодный воздухъ, вѣроятно, оказывалъ свое вліяніе. Студенты пошли прочь отъ квартиры попечителя. «Я видѣлъ какъ толпа шла въ клиникѣ», сообщаетъ Соколовъ ⁵⁾).

«Слышу, какія то пѣсни поютъ, впереди ихъ идетъ полицеймейстеръ», сообщаетъ Золотовъ ⁶⁾

Мы закончили обзоръ студентскихъ показаній о безпорядкахъ ⁷⁾,

¹⁾ Дѣло с. к., 74.

²⁾ Дѣло с. к., 41.

³⁾ Дѣло с. к., 52.—Такая дерзость по отношенію къ кн. П. П. Вяземскому, пользовавшемуся и въ обществѣ казанскомъ, и среди учащейся молодежи репутаціей просвѣщеннаго и гуманнаго администратора, вызвала всеобщее неодобреніе и негодованіе въ Казани, почему никто изъ кричавшихъ тамъ и не отважился заявить, что выкрикивалъ такую оскорбительную брань. Н. О.

⁴⁾ Дѣло с. к., 141.

⁵⁾ Дѣло с. к., 75.

⁶⁾ Д. с. к., 141.

⁷⁾ Но мы должны, въ видахъ полноты и точности, отжѣтить еще одинъ элементъ, встрѣчающійся въ двухъ, трехъ показаніяхъ и являющійся, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я на первомъ допросѣ сказалъ, что я былъ у г. попечителя и инспектора, объясняю это тѣмъ, что

имѣющій цѣлю указать, какъ сами студенты рассказывали о беспорядкахъ и какъ они ихъ объясняли. И изъ него мы также узнаемъ, въ чемъ состояло слѣдствіе: оно состояло въ отборѣ показаній, даваемыхъ на заданные вопросы.

Н. А. Фирсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

носился слухъ, чтобы подписываться всѣмъ „быль“, но такъ какъ я вижу, что подписывается только треть или еще меньше, то считаю лишнимъ наговаривать на себя, чего не было ¹⁾“.

¹⁾ Д. с. к. 117.

Н. Ф.

ГРАФЪ НИКОЛАЙЪ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VI ¹⁾.

Еще 29-го іюля 1858 г.вн. А. И. Бяратинскій, представляя на высочайшее воззрѣніе соображенія свои относительно занятій и дѣйствій войскъ Кавказской арміи съ осени 1858 г. по осень 1859 г., между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„Въ этой части края (на лѣвомъ крылѣ) совершены въ послѣдніе два года изумительные успѣхи, изъ которыхъ мы должны извлекать самые существенные результаты, подвигаясь безостановочно къ предположенной цѣли. Рѣшительныя дѣйствія, предпріятыя въ нынѣшнее лѣто, укажутъ, что останется исполнить въ теченіи предстоящей осени и зимы. По всѣмъ вѣроятіямъ, необходимо будетъ заняться окончательнымъ приведеніемъ въ покорность и порядокъ Галашевскаго и другихъ меньшихъ обществъ, которыя, можно сказать, остались нынѣ въ тылу новой нашей линіи по Аргуну, и, не смотря на то, все еще сохраняютъ свою необузданную независимость.... Затѣмъ предстоитъ сдѣлать большую рекогносцировку въ нагорную часть Большой Чечни, съ проложеніемъ просѣкъ черезъ хребетъ Черныхъ горъ въ открытымъ мѣстамъ, лежащимъ у подошвы Андійскаго хребта, при чемъ можетъ быть встрѣчена надобность построить времен-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; іюнь, стр. 641—660.

ное укрѣпленіе при подошвѣ Черныхъ горъ, или въ одномъ изъ ущелій.

Въ теченіи же будущаго лѣта (1859 г.) можно будетъ продолжать рекогносцировку безлѣснаго нагорнаго пространства между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ, дабы положительно опредѣлить пункты, какіе необходимо будетъ занять, чтобы окончательно вытѣснить непріятеля за Андійскій хребетъ и упрочить положеніе наше по сѣ сторону этихъ горъ. Предполагаемой со стороны Чечни рекогносцировкѣ будутъ содѣйствовать и войска Прикаспійскаго края наступательнымъ движеніемъ отъ Буртуная¹⁾.

Мы видѣли изъ предшествовавшей главы, что всѣ дѣйствія, предполагавшіяся на лѣвомъ крылѣ, въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ 1858-го года, исполнены были согласно видамъ кн. Барятинскаго, и нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ успѣхъ этихъ дѣйствій даже превзошелъ его ожиданія. Такия же отрадныя неожиданности суждено ему было испытать и въ наступавшемъ 1859-мъ году, такъ какъ успѣхи, достигнутые въ продолженіе онаго, еще болѣе заслуживали названіе „изумительныхъ“, нежели тѣ, которые были одержаны въ предшествовавшіе два года.

Проникнувъ, къ концу декабря, до аула Агапты, Н. И. Евдокимовъ началъ новый годъ рекогносцировкой внизъ по Басскому ущелью, а 2-го числа приступилъ къ рубкѣ просѣки назадъ, до Бассымъ-Берды. На слѣдующій день присоединился къ главнымъ силамъ отрядъ кн. Мирскаго, стоявшій дотолѣ на Мичивѣ. Рубка лѣса продолжалась и, къ 14-му января, открылась возможность для войскъ двигаться на очищенномъ участкѣ безпрепятственно.

Между тѣмъ и Шамиль не терялъ времени и, собирая вооруженныя партіи изъ всѣхъ еще покорныхъ ему обществъ, даже самыхъ отдаленныхъ, довелъ свое скопище до 12-ти тысячъ. Съ напряженною дѣятельностію трудились противники надъ устройствомъ новыхъ укрѣпленій при входѣ въ Таузенскую долину, изъ которой отрывались относительно удобные пути не только въ нагорныя общества, но и къ самому Веденю.

¹⁾ Воен. Уч. арх., отд. II, № 6606.

Простая фронтальная атака неприятельской позиции, усиленной природными и искусственными препятствиями, не только не могла обойтись без значительных потерь, но даже и за успѣхъ ея нельзя было ручаться. Вслѣдствіе этого Н. И. Евдокимовъ, который, по вырубкѣ тыловой просѣки, рѣшился немедленно идти дальше, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Командиръ Тенгинскаго полка, полк. Баженовъ, съ отрядомъ изъ 6-ти баталіоновъ и 2-хъ сотенъ, при 6-ти орудіяхъ, долженъ былъ въ полночь съ 14-го на 15-е число подняться съ бивуака, возвратиться по прорубленной просѣкѣ на хуторъ Хачерой; затѣмъ направиться горами, лѣвѣе высоту Даргенъ-Дука и, обойдя лѣвый флангъ неприятельской позиции, выйти прямо въ тылъ построенныхъ горцами укрѣпленій.

Генераль-маіору Кемпферту приказано было, оставивъ на позиціи у Агашты 2 баталіона, двинуться съ остальными силами прямо по ущелью, но не предпринимать атаки, пока не появится въ тылу у противника обходная колонна.

Не успѣли наши главные силы продвинуться и 3-хъ верстъ, какъ уже были встрѣчены выстрѣлами изъ-за передовыхъ неприятельскихъ заваловъ, и вскорѣ открылась вся линія ихъ, расположенная въ нѣсколько рядовъ, по отвѣснымъ почти скатамъ горъ и поперегъ долины Басса, образующей ущелье шириною до 60-ти сажень, открытое и изрѣзанное рукавами рѣки.

Согласно данному ему приказанію, ген.-маіоръ Кемпфертъ остановился передъ неприятельскою позиціею и сталъ обстрѣливать ее, ожидая появленія обходной колонны. Уже около двухъ часовъ продолжалась перестрѣлка, когда вдругъ по всей линіи неприятельскихъ укрѣпленій замѣчены были нами какое то необычайное смятеніе и суета. Генераль Кемпфертъ, догадываясь, что это вызвано извѣстіемъ о появленіи, въ тылу позиціи, отряда полк. Баженова, рѣшился воспользоваться смущеніемъ противника и немедленно двинулся въ атаку. Горцы не выдержали натиска и, оставивъ свои завалы—частію безъ сопротивленія—бросились бѣжать въ аулы Хатунъ и Таузенъ, куда, почти на плечахъ ихъ, ворвались и наши войска. Въ это же время появился на вершинѣ сосѣдней горы отрядъ полк. Баженова, задержанный въ движеніи своемъ необычайно глубокими снѣгами и разными мѣстными препятствіями.

Занятіе Таузена, отстоящаго не далѣе 12—14 верстъ отъ Веденя и бывшаго узломъ дорогъ, ведшихъ какъ къ послѣднему аулу, такъ въ Андію, Чарбили и Шатой, имѣло большую важность въ стратегическомъ отношеніи, и для предстоявшихъ дѣйствій Чеченскаго отряда представляло значительныя выгоды. Кромѣ того, послѣ овладѣнія нами Таузенскою поляною, непріятель принужденъ былъ бросить свои укрѣпленія на Даргенъ-Дугѣ, надъ которыми трудился такъ долго и усердно. Авторитету Шамиля нанесенъ былъ новый, сильный ударъ. Напрасно распространялъ онъ слухи, будто отступилъ лишь для того, чтобы заманить русскихъ въ глубь Ичверія, гдѣ ихъ ожидаетъ гибель, — никто уже не вѣрилъ ему съ прежнимъ, безотчетнымъ ослѣпленіемъ.

Занявъ Таузенъ, войска стали рубить просѣку назадъ, къ мѣстамъ прежнихъ позицій, и устраивать около аула укрѣпленіе, которое должно было служить промежуточнымъ этапнымъ пунктомъ при дальнѣйшемъ движеніи къ Веденю. По окончаніи этихъ работъ главныя силы отряда двинуты были къ лежащему на пути въ Веденъ аулу Алистанжи и расположились въ виду этого аула, подожденнаго непріятельскими партіями. Затѣмъ началась обычная рубка просѣвъ и устройство колеснаго сообщенія. Во время работъ этихъ, продолжавшихся съ 28-го января по 6-е февраля, непріятель не дѣлалъ противъ насъ никакихъ серьезныхъ попытокъ.

Успѣхи, одержанные за послѣднее время войсками лѣваго крыла, вызвали нѣкоторыя измѣненія въ общемъ планѣ предначертанной лѣтней экспедиціи въ Андію. Мы стали теперь въ Чечнѣ въ такое положеніе, что приобрѣли новое, обширное и выгодное основаніе для будущихъ движеній нашихъ въ долину Андійскаго Койсу. Лучшіе доступы открылись намъ туда уже не изъ Салатавіи, какъ было прежде, а отъ Веденя (овладѣніе коимъ было лишь вопросомъ времени) и изъ Аргунскаго ущелья. Соображенія свои по этому предмету Н. И. Евдокимовъ высказалъ еще 20-го января, въ нижеслѣдующемъ письмѣ начальнику главнаго штаба Кавказской арміи:

„Занятіе Таузена и рекогносцировка, произведенная мною къ Алистанжи, дали мнѣ новую мысль относительно предполагаемой лѣтомъ экспедиціи въ Андію. Таузенъ въ 30-ти верстахъ отъ

Бердыкеля и въ 25-ти отъ Воздвиженской. Превосходная колесная дорога тянется до самаго аула Алистанжи, и только оттуда до Ведена придется разработать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи 8 или 10 верстъ. Отъ Веденя въ Андію всего 25 верстъ. Если, какъ я надѣюсь, удастся мнѣ покорить и выселить народонаселеніе Чечни между Бассомъ и Хулхулау, мы получимъ тогда кратчайшую и безопасную колесную дорогу до Веденя, гдѣ могли бы образовать второй складочный пунктъ съ тѣмъ, чтобы направить войска въ Андію не по одной дорогѣ, черезъ Буртунай, а по двумъ—и черезъ Ведень. Движеніе это, отдѣливъ чеченцевъ и ичверинцевъ отъ горъ, вынудитъ покориться окончательно и тѣхъ, кои не принесутъ ея (покорности), зимою; послѣ чего мы будемъ имѣть въ тылу своемъ вновь покоренныя племена и два пути для нашихъ подвозовъ,—что безъ сомнѣнія весьма облегчитъ всѣ дѣйствія въ Андійской долинь.

„Вѣроятно, что г. главнокомандующій предпочтетъ присутствовать при войскахъ лѣваго крыла. Тогда со стороны Буртунай за глаза довольно 9-ти баталіоновъ, а здѣсь можно собрать 12 или 13.

„Все это, конечно, предположеніе; но если оно будетъ сколько нибудь согласно съ мыслями его с—ва, то я желалъ бы знать ихъ заблаговременно. Тогда, не измѣняя сдѣланныхъ уже по сему предмету распоряженій въ Приваснійскомъ краѣ, согласно первому предположенію,—мнѣ было бы необходимо принять мѣры къ заготовленію большаго запаса сухарей и овса и, вообще, всѣ зимнія дѣйствія приравливать къ тому, чтобы отвратить затрудненія для движенія на Ведень, въ случаѣ, если будетъ угодно это г. главнокомандующему“¹⁾.

Насколько сочувственно отнесся вн. Барятинскій къ этимъ предположеніямъ, видно изъ слѣдующаго письма его, отъ 26-го января 1859 г.:

„Вы не перестаете радовать меня на каждомъ шагу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Занятіе Таузена и, вѣроятно, уже и Алистанжи отерзло вамъ непреложныя соображенія, съ которыми я не только вполне соглашаюсь, но которымъ я съ радостію сочувствую и вижу въ нихъ самыя положительныя залого

¹⁾ Арх. гр. Еадковцова, № 60.

къ осуществленію нашей надежды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что все вновь предположенное можетъ только осуществиться съ занятіемъ Веденя и съ устройствомъ отъ нашей линіи туда хорошаго колеснаго сообщенія. Вотъ задача, которую слѣдуетъ рѣшить до начала апрѣля нынѣшняго года, повуда лѣса не одѣнутся листомъ. Само собою разумѣется, что я не вижу надобности давать вамъ въ исполненіи этого предпріятія указанія: ваша опытность служить мнѣ лучшимъ ручательствомъ во всякаго рода успѣхѣ; но я предлагаю вамъ, если для исполненія моего желанія вамъ недостаетъ какихъ либо средствъ, то просите, чего вамъ нужно, и я поспѣшу исполнить вашу просьбу.

„Настала та минута для васъ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Николай Ивановичъ, когда однимъ ударомъ вы дорѣшите великій вопросъ къ совершенному умиротворенію Чечни и съ тѣмъ вмѣстѣ положите начало къ покоренію Дагестана. Возвышая ваше имя, вы вмѣстѣ съ тѣмъ дадите мнѣ утѣшительный для моего сердца случай—утвердить въ мысляхъ великаго государя нашего то высокое понятіе, которое я имѣю о васъ.

„Въ ожиданіи скораго отвѣта обнимаю васъ дружески и со всею теплотою сердечнаго моего расположенія къ вамъ. Благодарю васъ на грядущія ваши побѣды и посылаю въ распоряженіе ваше 50 Георгіевскихъ крестовъ, которыми вы, по усмотрѣнію и на мѣстѣ, наградите сотрудниковъ вашихъ, когда они совершатъ ожидаемый мною подвигъ, а вожда ихъ награждать достойно царь“¹⁾.

„Содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего с—ва, отъ 26-го января—такъ отвѣчалъ Николай Ивановичъ—до того милостиво и лестно для меня, что я не умѣю выразить достойнымъ образомъ моей благодарности. Я чувствую, что вниманіе ваше награждаетъ меня гораздо выше моихъ заслугъ, и боюсь того: достанетъ ли моихъ способностей, чтобы оправдать высокое обо мнѣ мнѣніе вашего с—ва. Смѣю лишь увѣрить васъ, что употреблю всѣ мои силы доказать вамъ мою преданность полнымъ, искреннимъ усердіемъ.

„Алистанжи въ нашихъ рукахъ. Дремучій лѣсъ, отдѣлявшій его отъ Таузени, непріятель отдалъ почти безъ выстрѣла и въ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

среди́нѣ его стоять теперь главныя наши силы. Дня черезъ три или четыре лѣсъ исчезнетъ и я, съ Божьей помощью, двинусь къ Веденю, куда отступилъ Шамиль и тотчасъ же началъ отправлять всѣ свои пожитки въ Карату ¹⁾. Сборы его велики, но видимо потеряли бодростѣ, и едва ли Шамиль успѣетъ возстановить упавшій духъ, чтобы отстаивать резиденцію имама ²⁾“.

По занятіи Алистанжи, Н. И. Евдокимовъ, принимая во вниманіе чрезвычайныя труды, понесенныя его войсками въ предшествовавшее время, намѣревался дать своему отряду трехъ-дневный отдыхъ; но извѣстія, полученныя въ ночь съ 5-го на 6-е февраля, вызвали нѣкоторую перемену въ его намѣреніи. Лазутчики доносили, что Шамиль, для усиленія своего 12-ти тысячнаго скопища, вытребовалъ еще 6 тыс. человекъ, которые и должны прибыть на дняхъ. Состоявшій при Николаѣ Ивановичѣ, въ качествѣ переводчика и проводника, майоръ милиціи Бата Шамурзаевъ выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ двинуться къ Веденю безотлагательно, дабы придти туда ранѣе ожидаемыхъ непріятелемъ подкрѣпленій, и что, кромѣ того, нужно послать особый отрядъ въ обходъ Веденя съ юга, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы онъ прибылъ на назначенный ему пунктъ одновременно съ появленіемъ главныхъ силъ противъ сѣверной стороны аула.

Доводы Баты совпадали съ мыслями самого Н. И. Евдокимова. Онъ рассчитывалъ, что обходное движеніе, угрожая сообщеніямъ противника съ Андією, заставитъ его обратить туда свое главное вниманіе и очистить прямую дорогу на Ведень, по которой предстояло идти главнымъ силамъ. Рѣшившись на этотъ маневръ, онъ, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, 6-го же числа вечеромъ приказалъ полк. Баженову двинуться, съ отрядомъ изъ 5½ баталіоновъ, при сотнѣ казаковъ и 6-ти горныхъ орудіяхъ, къ Веденю, дальнимъ обходомъ черезъ горы.

Въ 8 ч. вечера полк. Баженовъ поднялся съ бивуака, а къ полуночи занялъ, безъ выстрѣла, правый берегъ Алистанжійскаго оврага, откуда сторожившіе его горцы еще заранѣе ушли въ сосѣдній лѣсъ. Дальнѣйшій путь по горамъ,

¹⁾ Карата—ауль въ Андіи.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96. Письмо кн. Барятинскому отъ 31-го января 1859-го года.

по колѣно въ снѣгу, представлялъ немовѣрныя трудности; однако, уже въ 8-ми часамъ утра 7-го февраля, головные два баталіона обходной колонны заняли вершину между двумя р-ками р. Хулхулау, надъ головами изумленныхъ защитниковъ Ведена. Непрiятельскія партіи, занимавшія прямую дорогу отъ Алистанжи къ Веденю, немедленно отступили въ послѣдній аулъ, какъ только узнали о нашемъ обходномъ движеніи.

Хотя, такимъ образомъ, путь для наступленія нашихъ главныхъ силъ ¹⁾ былъ очищенъ, но, за неимѣніемъ противника, самая мѣстность представила намъ такія препятствія, которыхъ, повидимому, и самъ Николай Ивановичъ не могъ себѣ представить и которыя заставили его пережить одинъ изъ самыхъ тревожныхъ дней его боевой жизни. Помимо частыхъ спусковъ и подъемовъ черезъ многочисленныя балки, самая дорога (одноколейная), вслѣдствіе наступившей въ утру оттепели, обратилась въ рѣку глинистой грязи, въ которую повозки обоза и орудія уходили на полъ-аршина. Колонна страшно растянулась, такъ что въ полдень ²⁾, когда передовой отрядъ нашъ поднялся на гору, въ 3-хъ в. отъ Ведена, аррьергардъ еще не трогался съ мѣста. Если бы непріятель, провѣдавъ о нашемъ затруднительномъ положеніи, воспользовался имъ и обрушился всѣми силами на отрядъ Баженова, мы не имѣли бы никакой возможности помочь ему. Мысль объ этомъ страшно тревожила Н. И. Евдокимова, и онъ, при наступленіи вечера, отправилъ къ Баженову шестерыхъ гонцевъ, одного за другимъ, съ приказаніемъ немедленно отступать. Къ счастью, опасенія его не оправдались ³⁾.

По мѣрѣ прибытія войскъ и обозовъ, они располагались на бивуакахъ, около оставленнаго аула Джантемиръ-Юртъ. Хвостъ колонны подошелъ лишь въ 2 ч. ночи. Съ сосредоточеніемъ главныхъ силъ на новой позиціи, къ сѣверу отъ Ведена, начальникъ отряда немедленно озаботился вырубкою лѣса на пройденномъ нами пространствѣ и приведеніемъ дороги въ болѣе удоб-

¹⁾ 14 баталіоновъ, 8, слышеюмъ, сотенъ казаковъ и милиціи, 8 горн. орудій.

²⁾ Войска главнаго отряда выступили съ позиціи въ 5 ч. утра (7-го числа).

³⁾ Любопытныя подробности о томъ, какъ провелъ Н. И. Евдокимовъ день 7-го февраля и ночь съ 7-го на 8-е, находятсѣ въ письмѣ графини Евдокимовой, отъ бывшаго сподвижникомъ ея покойнаго супруга, ген. майора Бѣлика, проживавшаго въ 1888 г. въ г. Грозномъ (бывшей крѣпости). (См. приложение а).

ное состояніе. Для этихъ работъ, кромѣ войскъ, оставленныхъ у Алистанжи, назначенъ былъ отрядъ Баженова, которому, по благополучномъ отступленіи съ занятой имъ позиціи, велѣно остановиться на оврагѣ Арджи-Ахъ. Кромѣ того, для лучшаго обезпеченія лагеря главныхъ силъ и для болѣе точнаго ознакомленія съ окрестною мѣстностію, Н. И. Евдокимовъ приказалъ частью войскъ занять гребень высотъ праваго берега праваго притока р. Хулхулау, на которыхъ расположились отступившія изъ Хулхулаускаго ущелья партіи Даніэль-Султана. Предпріятіе это было исполнено 8-го числа, послѣ горячей схватки съ противникомъ, стоившей намъ 3-хъ офицеровъ и 36-ти нижн. чин., выбывшихъ изъ строя. Занятіе названныхъ высотъ лишило непріятели возможности тревожить лагерь огнемъ артиллеріи и прерывало прямое сообщеніе Веденя съ дальними ичкеринскими аулами.

О томъ, какъ заинтересовано было наше высшее начальство, въ Тифлисѣ, послѣдними дѣйствіями Чеченскаго отряда и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ за ними слѣдило, свидѣлствуютъ нижеслѣдующіе документы:

Въ письмѣ отъ 10-го февраля, начальникъ главнаго штаба кавказской арміи, между прочимъ, говоритъ: „Послѣ послѣднихъ вашихъ писемъ, по занятіи Алистанжи, главнокомандующій ожидаетъ новыхъ отъ васъ извѣстій съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Ваше п—во сами можете судить, какъ занимаетъ князя Александра Ивановича мысль о настоящемъ вашемъ рѣшительномъ предпріятіи и какъ радуется онъ впередъ, надѣясь вскорѣ торжествовать громкій подвигъ, которымъ увѣнчаются ваши двухлѣтніе неимовѣрные труды ¹⁾“.

„Опять спѣшу благодарить васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за ваше успѣшное дѣйствіе (такъ пишетъ уже самъ вн. Барятинскій, 13-го февраля). Да благословитъ васъ Господь въ славномъ предпріятіи вашемъ. День и ночь буду ждать извѣстій, и мысленно постоянно, во снѣ и на яву, нахожусь съ вами. Разрѣшаю вамъ наградить храбрыхъ солдатъ, за прошедшія дѣла, посланными вамъ 50-ю крестами. Посылаю еще сегодня сто

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

крестовъ въ запасъ, для раздачи по предстоящимъ вамъ подвигамъ. Обнимаю васъ дружески ¹⁾“

Въ тотъ же день, 13 февраля, начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи отправлено было къ Н. И. Евдокимову письмо слѣдующаго содержанія:

„Адъютантъ г. главнокомандующаго, шт.-капит. кн. Орбельянъ, привезъ вчера пріятное извѣстіе о благополучномъ движеніи вашемъ до самаго Веденя. Дай вамъ Богъ докончить эту блестящую экспедицію счастливымъ и конечнымъ ударомъ; дай Богъ, чтобы не слишкомъ долго протянулась „осада“, къ которой вы готовитесь.

„Хотя главнокомандующій и не теряетъ надежды, что непріятель не будетъ долго и упорно защищаться въ Виденѣ, однако же, на всякій случай приказалъ сдѣлать два распоряженія, согласно съ вашими желаніями: 1) ген.-ад. барону Врангелю положительно предписано княземъ Александромъ Ивановичемъ немедленно собрать отрядъ въ Салатавін и оттуда произвести движеніе къ Ауху, не по собственному соображенію, но такъ, чтобы встревожить сколь можно непокорное населеніе того края и отвлечь отъ Виденя силы непріятеля. 2) Начальнику артиллеріи приказано со всею поспѣшностію отправить къ вамъ двѣ мѣдныя 2 пуд. мортиры... и т. д. (слѣдуютъ соображенія по артиллерійской части)...

„Великая минута настала для лѣваго крыла и для всего Кавказа. На васъ устремлено теперь всеобщее вниманіе. Если нужна еще въ чемъ нибудь помощь,—напишите скорѣе и все будетъ исполнено безъ замедленія.

„Барону Врангелю предписано главнокомандующимъ войти въ прамыя съ вами сношенія, чтобы содѣйствовать всѣми силами войскамъ Лѣваго крыла и не прекращать сбора отряда въ Салатавін, пока вы не нанесете окончательнаго удара ²⁾“.

Н. И. Евдокимову, конечно, не менѣе тифлискаго начальства желательно было скорѣе покончить съ Веденемъ; но ему, поставленному лицомъ къ лицу съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, приходилось вооружиться терпѣніемъ. Мы знаемъ, что онъ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

постоянно держался правила: не увлекаться впередъ, не обезпечивъ своего тыла и сообщеній. Въ настоящемъ случаѣ, принципъ этотъ являлся особенно важнымъ: операціонная линія наша значительно удлинялась, а между тѣмъ имѣлись въ виду значительные подвозы не только продовольственныхъ припасовъ, но и осаднаго матеріала; а потому, помимо всего прочаго, надо было обратить особенное вниманіе на устройство удобной дороги,—чему почва, мѣстность, да и погода постоянно мѣшали.

Еще 19-го февраля онъ, на письмо генер. Д. А. Милютина, отъ 10-го числа (см. выше), отвѣчалъ слѣдующее:

„По прибытіи къ Веденю я писалъ г. главнокомандующему, что дней черезъ 10 можно будетъ приступить къ осадѣ. Я ошибся въ этомъ: бездорожное пространство, взрытое балками и покрытое лѣсомъ, потребовало больше времени. До сей поры мы успѣли прорубить только лѣсъ и сдѣлать половину дороги. Необходима, по крайней мѣрѣ, еще недѣля, чтобы положительно упрочить наше сообщеніе, лежавшее до сего времени тяжелымъ грузомъ на нашемъ сердцѣ.

„Впрочемъ, по моему мнѣнію, намъ нѣтъ и нужды особенно торопиться. Мы заняли пунктъ, гдѣ должно утвердиться во что бы то ни стало; а непріятель дѣлаетъ большую ошибку, что, удерживая силы свои на защиту бесполезнаго уже ему мѣста, отнимаетъ у себя же средства устроить сильныя преграды для дальнѣйшихъ нашихъ наступленій, при которыхъ ему придется бѣжать отсюда неизбѣжно.

„Не лишайте меня тѣхъ средствъ, которыя имѣются въ настоящее время, а именно: оставьте въ моемъ распоряженіи баталіоны Бѣлевскаго полка, покуда подойдутъ головные баталіоны резервной дивизіи. Вы сами знаете, какъ много мнѣ предстоитъ теперь работы. Въ народной молвѣ горцевъ появились толки: принять ли Шамиля, если онъ не удержится въ Чечнѣ? Болѣе всего говорятъ объ этомъ въ Аваріи,—что, безъ сомнѣнія, и вынуждаетъ Шамиля держаться здѣсь до послѣдней крайности. Всѣ силы горцевъ здѣсь, а потому необходимо и для меня не имѣть въ нихъ недостатка.

„10-го числа депутація изъ почетныхъ горцевъ убѣдила Шамиля выѣхать изъ Веденя. Шамиль принялъ предложеніе и живетъ теперь въ Эрсенѣ; въ Веденѣ остается сынъ его, Кази-Магома.

„Наступившая оттепель сильно вредитъ нашимъ подвозамъ; грязь невыразимая; но, съ Божіею помощію, постараемся одолѣть всѣ эти препятствія ¹⁾“.

По полученіи этого письма генер. Милютинъ немедленно отвѣчалъ Н. И. Евдокимову слѣдующее:

„Получивъ сейчасъ съ курьеромъ письмо ваше отъ 19-го февраля, поспѣшаю увѣдомить ваше п—во, что г. главнокомандующій не только согласенъ оставить еще на нѣкоторое время въ распоряженіи вашемъ баталіоны Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, но поручилъ мнѣ повторить вамъ, что его с—во готовъ доставить вамъ всѣ средства, какія только могутъ быть нужны и которыя состоятъ въ его распоряженіи, о чемъ князь Александръ Ивановичъ самъ писалъ уже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ вашему п—ву. Его с—во считаетъ такъ важнымъ рѣшительный ударъ, который предстоитъ вамъ нанести въ Чечнѣ, что не будетъ жалѣть никакихъ пожертвованій для облегченія успѣха, особенно, если бы можно было надѣяться однимъ разомъ произвести сильный нравственный переворотъ въ умахъ горскаго населенія ²⁾“.

Не смотря на единодушныя старанія старшихъ и младшихъ начальниковъ, не смотря на напряженные труды солдатъ,—дѣйствіе непосредственно противъ Веденя оттанулось долѣе половины марта. Безпрерывное ненастье заставляло иногда совершенно прерывать работы по устройству колесной дороги между Алистанжи и Джантемиръ-Юртомъ, гдѣ расположенъ былъ нашъ главный лагерь; не представлялось никакой возможности подвозить необходимую для осады артиллерію; даже доставка продовольствія сдѣлалась крайне затруднительною. Кромѣ того являлись заботы по охраненію сѣверной части нашей операціонной линіи (до Шалинскаго укрѣпленія) отъ всякихъ враждебныхъ покушеній со стороны Шамиля, содѣйствовать переселенію новыхъ выходцевъ изъ Червыхъ горъ на плоскость, и т. п. Все это вызвало массу хлопотъ, требовало много времени,—и безъ всего этого, какъ безъ прочной основы для будущихъ дѣйствій, обой-

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо ген. Д. А. Милютина отъ 25-го февраля 1859 года.

тись было невозможно. Это, впрочемъ, хорошо сознавалъ и самъ кн. Барятинскій: ему было извѣстно, что начальникъ лѣваго крыла даромъ и безъ цѣли времени терять не станетъ; къ тому же, и изъ донесеній Николая Ивановича онъ могъ заключать, сколь цѣлесообразны были всѣ его мѣропріятія.

„Сообщаемыя вами извѣстія—писалъ Н. И. Евдокимову ген. Милютинъ—радуютъ князя Александра Ивановича. Каждый новый фактъ служить какъ бы новымъ, торжественнымъ подтвержденіемъ непогрѣшимости и прочности принятой вами системы движеній. Успѣхи ваши должны болѣе и болѣе укрѣплять насъ въ намѣреніи и на будущее время продолжать дѣйствовать столь же основательно и методически, не дѣлая ни одного шага на авось ¹⁾“.

Работы, производившіяся Чеченскимъ отрядомъ въ февралѣ и первой половинѣ марта, не ограничивались рубкою лѣса и устройствомъ дороги на Алистанжи. Такъ, имѣя въ виду отрѣзать прямое сообщеніе Веденя съ Чарбелоевскимъ обществомъ, отсюда начались подвозы въ эту крѣпость провіанта и фуража, Н. И. Евдокимовъ, 23-го февраля, приказалъ возвести два отдѣльные редута на высотахъ, лежащихъ къ западу отъ Веденя; кромѣ того, на гребнѣ горы Дегенъ-Дукъ устроены были нами засѣки; а 10-го марта, подъ выстрѣлами изъ непріятельскихъ редутовъ, заложено было, на правомъ берегу лѣваго притока Хулхулау, новое укрѣпленіе, верстахъ въ 1½ ниже Веденя. Въ виду безповоротной рѣшимости нашей—стать твердою ногою на занятомъ пространствѣ, укрѣпленіе это должно было служить основою для будущей штабъ-квартиры Куринскаго пѣхотнаго полка.

Непріятель, съ своей стороны, за все это время, проявлялъ весьма мало дѣятельности въ наступательномъ смыслѣ. Двукратныя покушенія его овладѣть вышеупомянутыми засѣками (въ ночи съ 10-го на 11-е и съ 12-го на 13-е марта) кончились полнымъ неуспѣхомъ.

Къ 15-му марта, дорога до Алистанжи оказалась уже настолько разработанною, что Н. И. Евдокимовъ счелъ своевременнымъ начать дѣйствія непосредственно противъ резиденціи вмама.

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо ген. Милютина отъ 7-го марта 1859 г.

Укрѣпленный аулъ Ведень, гдѣ въ послѣднія 14 лѣтъ постоянно пребывалъ Шамиль, лежитъ между двумя рукавами Хулхулау, при выходѣ этой рѣки изъ лѣсистаго, почти неприступнаго ущелья. Западная и восточная стороны аула, огражденные отвѣсными обрывами овраговъ, укрѣплены были, сверхъ того, брустверами изъ плетней и туровъ, засыпанныхъ землею,—мѣстами же устроены палисады. Сѣверная сторона, обращенная въ веденской полянѣ, была прикрыта двумя толстыми параллельными валами изъ глины, въ разстояніи 3—5 шаговъ одинъ отъ другаго; наружный валъ, одѣтый плетнемъ, увѣнчивался двумя рядами туровъ; промежутковъ между валами блиндированъ бревенчатою настилкою, устланною фашинами въ 7 рядовъ и сверху засыпанною землею. На сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ возвышались туръ-бастіоны, фланкировавшіе ровъ передняго фаса и овраги. Въ разстояніи 40—50 саж. отъ сѣвернаго фаса узкое пространство между оврагами было перерѣзано широкимъ и глубокимъ рвомъ, который фланкировался съ особаго редута. Съ юго-западной стороны аула тянется гребень высотъ, постепенно понижающійся отъ вершины горы Леня-Кортъ и отдѣленный отъ аула оврагомъ. Гребень этотъ былъ занятъ шестью отдѣльными редутами весьма сильныхъ профилей и вмѣщавшихъ, каждый, по 500—600 чел. гарнизона; редуты эти, кромѣ того, связывались между собою промежуточными постройками. Сильнѣйшимъ изъ всѣхъ редутовъ былъ нижній, лежавшій на одномъ уровнѣ съ сѣвернымъ фасомъ Веденя. Онъ занятъ былъ андійскимъ ополченіемъ (а потому и названъ нами „андійскимъ“), состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, неправильныхъ, глиняныхъ фортвовъ, окруженныхъ широкими и глубокими рвами; внутри фортвовъ были устроены блиндажи.

По самымъ умѣреннымъ показаніямъ, Кази-Магома и 14 наивовъ, защищавшихъ Ведень, имѣли въ сборѣ слишкомъ 7 тыс. чел. тавлинцевъ, изъ коихъ половина составляла гарнизонъ аула, а другая была распредѣлена по редутамъ ¹⁾.

Ключемъ непріятельской позиціи былъ Андійскій редуть, съ потерю котораго нельзя было успѣшно держаться въ аулѣ. Съ другой стороны, осаждающія войска, занявъ его, получали воз-

¹⁾ В.-уч. арх., отд. II, № 6607 д.

возможность расположиться болѣе сосредоточенно и отдѣлить особую колонну для занятія горы Лена-Кортъ, чѣмъ отрѣзывали бы непріятелю единственное, остававшееся для него свободнымъ, сообщеніе съ Андією. Въ виду такихъ соображеній, первую задачею въ предпринимаемой осадѣ, Н. И. Евдокимовъ поставилъ овладѣніе Андійскимъ редутомъ. Вообще же, для обложенія и осады Веденя, имъ назначено было 13½ баталіоновъ, раздѣленныхъ на три осадныхъ и двѣ резервныхъ колонны, подъ общимъ начальствомъ ген.-маіора Кемпфера.

Въ ночь съ 16-го на 17-е марта поручено было маіору Гейману ¹⁾, съ двумя ротами кабардинцевъ и одною 20-го стрѣльцоваго баталіона, осмотрѣть оврагъ лѣваго притока Хулхулау, противъ самаго Веденя, а также мѣстность, прилегавшую къ передовому непріятельскому редуту. Порученіе это было исполнено успѣшно и необходимыя свѣдѣнія добыты.

17-го числа, по приказанію Н. И. Евдокимова, полк. Баженовъ заложилъ редутъ на лѣвомъ берегу праваго притока Хулхулау, въ 450 саженьяхъ отъ передоваго непріятельскаго редута.

Въ ночь съ 17-го на 18-е число правая колонна (3 бат. подъ начальствомъ флигель-адъютанта полк. Черткова) была направлена для обложенія Веденя съ западной стороны, и въ ту-же ночь начала вести траншеи, приближаясь къ оврагу.

Средней колоннѣ (2½ бат., подъ начальствомъ генер.-маіора бар. Розена) велѣно было подойти на возможно близкое разстояніе къ Андійскому редуту, съ фронта, и заложить противъ него брешь-батарею.

Лѣвой колоннѣ (4 батал. и 4 ор., подъ начальствомъ ген.-маіора Ганецваго) назначено было обложить Ведынь съ восточной стороны и отрѣзать непріятелю ближайшія и лучшія дороги въ Ичкерію и Андію. Крутизна восточной поватости хребта, на которомъ были расположены непріятельскіе редуты, не позволяли съ этой стороны производить траншейныя работы и заложить батареи.

Резервы были поставлены: въ оврагѣ лѣваго притока Хулхулау (2 бат.) и на развалинахъ аула Дыхны-Ведынь (тоже 2 бат.).

¹⁾ Впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи, извѣстный своими дѣйствіями въ Аз. Турціи, въ войну 1877—78 гг., и умершій отъ тифа, подъ Эрзерумомъ.

26-го марта войска полъ. Черткова довели свои траншеи на разстояніе 50 шаговъ отъ оврага, ограждавшаго Ведень съ запада; а 27-го устроили двѣ батареи: одну на 6 орудій, а другую, позади, на 2 полупудовыя мортиры.

Въ колоннѣ бар. Розена траншейныя работы начались въ ночь съ 22-го на 23-е марта, а къ 31-му числу устроены были 4 батареи, вооруженныя 8-ю батарейными орудіями, 1-мъ единогомомъ и 6-ю мортирами разныхъ калибровъ.

Колонна ген.-маіора Ганецкаго, занявъ 22-го числа, опредѣленное ей мѣсто (при выходѣ праваго притока Хулхулау изъ Хорачаевскаго ущелья), устроила, для обезпеченія своего лагеря, нѣсколько засѣкъ и вырубилла около себя лѣсъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Непрiятельскія партіи пытались два раза напасть на нашихъ рабочихъ, но были отбиты.

Въ ночь съ 30-го на 31-е марта охотники Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ своего безстрашнаго командира, подпоручика Коленко, подползали къ самому Андійскому редуту и не только ознакомились съ расположеніемъ его построекъ, но даже успѣли измѣрить глубину и ширину рва.

Такимъ образомъ, 31-го марта, всѣ осадныя работы были окончены, всѣ батареи вооружены, оставалось приступить къ развязкѣ дѣла.

1-го апрѣля, въ 6 час. утра, открытъ былъ артилерійскій огонь противъ Андійскаго редута, а къ 1 ч. пополудни въ главной постройкѣ его пробита брешь; но Н. И. Евдокимовъ, еще не считая штурмъ достаточно подготовленнымъ, велѣлъ продолжать канонаду до 6-ти ч. вечера, дабы окончательно разгромить противника и поставить его въ невозможность защищать свое укрѣпленіе. Тутъ снова обнаружилась его нелюбовь къ напрасному пролитію крови своихъ храбрыхъ солдатъ.

Во время бомбардированія непріятельской твердыни, на вершинѣ горы Леня-Кортъ показались, около 1 ч. пополудни, толпы непріятельской конницы и пѣхоты. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ Шамиль, пріѣзжавшій изъ Эрсеноя. Въ послѣдній разъ пришлось ему взглянуть на свое гнѣздо! Съ полъ-часа наблюдалъ онъ за дѣйствіемъ нашего артилерійскаго огня; потомъ спустилъ пѣхоту въ Ведень, а самъ, съ конницею, удалился.

Въ 6 ч. вечера, по данному сигналу, всѣ батареи обратили

свой огонь противъ аула, а три баталіона, подъ начальствомъ полк. Баженова, двинулись на штурмъ Андійскаго редута; въ резервъ за ними шло еще два баталіона. Непріятельское укрѣпленіе, въ которое было брошено болѣе 1,000 ядеръ, гранатъ и бомбъ, представляло собою уже груды развалинъ; тѣмъ не менѣе, уцѣлѣвшая часть защитниковъ его, укрываясь въ полуразрушенныхъ блиндажахъ, встрѣтила штурмующія войска огнемъ и почти вся погибла подъ штыками нашихъ солдатъ.

Одновременно съ началомъ штурма, Н. И. Евдокимовъ приказалъ полк. Чертову, взявъ баталіонъ и 2 горныхъ орудія, показать видъ движенія въ ущелье лѣваго притока Хулхулау. Согласно ожиданіямъ начальника нашего, эта демонстрація произвела самое рѣшительное дѣйствіе. Защитники Веденя, опасаясь быть обойденными съ юга, подожгли ввѣренный ихъ защитѣ аулъ (начиная съ дома Шамиля) и бросились отступать по уступамъ горы Леня-Кортъ, скаты которой вскорѣ покрылись огнями множества костровъ, зажженныхъ уходившимъ непріателемъ. Въ 10 ч. вечера ни въ аулѣ, ни въ редутахъ не осталось ни одного противника. Важный успѣхъ этотъ достался намъ—благодаря выдержкѣ начальника—невѣроятно дешево: убито 2 рядовыхъ, ранено: 1 оберъ-офицеръ (флигель-адъютантъ баронъ Корфъ ¹⁾), пулею въ ногу) и 23 чел. нижнихъ чиновъ.

Съ занятіемъ Веденя окончательно утверждено было завоеваніе всего края по сѣверному склону Андійскаго хребта. Оглянувшись назадъ и возобновивъ въ своей памяти все, что было сдѣлано войсками Лѣваго крыла за послѣдніе 3 года, нельзя было не проникнуться къ нимъ полнымъ уваженіемъ. Кн. Барятинскій цѣнилъ ихъ по достоинству и, 6-го апрѣля, привѣтствовалъ ихъ слѣдующимъ приказомъ:

„Войскамъ Лѣваго крыла.

„Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою: неодолимыя доселѣ преграды пали, Ведень взяты и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя“.

¹⁾ Нинѣ (1889) генер.-адъютантъ и ген.-губернаторъ Приамурскаго края.

„Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его!“

На другой же день кн. Барятинскій написалъ виновнику торжества слѣдующее письмо:

— „Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтенный Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день былъ для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ объявилъ мнѣ о взятіи Ведена. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедротамъ котораго я повергаю достойно наградить доблести вождя и слазнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали ура! генералу Евдокимову и Чеченскому отряду. Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полк. Тромповскій передастъ вамъ мое воззваніе войскамъ Лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески ¹⁾“.

Выходящія изъ ряду вонъ заслуги Н. И. Евдокимова увѣнчаны были и особенно высокими наградами. Взятіе Ведена доставило ему орденъ св. Георгія 3-й степени, а за долговременную и доблестную боевую службу его онъ возведенъ въ графское достоинство. Императоръ Александръ II, въ самый день рожденія Своего, подписалъ слѣдующій рескриптъ на имя начальника Лѣваго крыла Кавказской линіи:

— „Графъ Николай Ивановичъ. Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ Лѣваго крыла Кавказской линіи побѣдною увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Ведена. Овладѣніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ, упрочиваетъ приобрѣтенные оружіемъ нашимъ успѣхи во вновь завоеванной странѣ,—и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, воздвигается нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе, предводительствуемыми вами войсками, предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій, къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, я

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

пожаловалъ васъ, указомъ сего числа капитулу орденовъ даннымъ, за взятіе Веденя, кавалеромъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія третьей степени, и въ воздаяніе долговременной отличной боевой службы вашей на Кавказѣ и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ, указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство, съ нисходящимъ потомствомъ. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ и искренно доброжелательнымъ.

Александръ“.

«17-го апрѣля 1859 г. С.-Петербургъ».

Такимъ-то образомъ сынъ темнаго армейскаго солдата, не имѣвшій никакихъ сильныхъ связей, достигъ одного изъ высшихъ почетныхъ званій въ государствѣ. Зависть и недоброжелательство должны были смолкнуть предъ неотразимою силою фактовъ, обратившихъ на Николая Ивановича вполне благосклонное вниманіе Государя Императора ¹⁾. Кн. А. И. Барятинскій могъ гордиться прозорливостью, выказанною имъ въ выборѣ исполнителя своихъ предначертаній. Труды всѣхъ чиновъ Чеченскаго отряда существенно способствовали къ возвеличенію славы самого главнокомандующаго, и, конечно, онъ болѣе, чѣмъ кто нибудь, былъ радъ передать имъ Царское „спасибо“ въ слѣдующемъ воззваніи:

„Кавказскія войска!

„Возвѣщаю вамъ новую радость: Государь Императоръ, въ Всемиловивѣйшемъ рескриптѣ ко мнѣ, благодаритъ васъ за взятіе Веденя. Передаю вамъ собственныя выраженія Его Величества:

¹⁾ Благосклонность эта обнаружилась еще до полученія Государемъ извѣстія о взятіи Веденя. Такъ, въ письмѣ Зотову отъ Д. А. Милютина, послѣдній, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Главнокомандующій получилъ на дняхъ письмо отъ государя, въ отвѣтъ на первое увѣдомленіе о подступѣ къ Веду. Государь пзволить отзываться въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о генералѣ Ездокимовѣ, выражаетъ большія надежды на взятіе Веденя и дѣлать вполне великія заслуги какъ самого Николая Ивановича, такъ и сотрудниковъ его и войскъ». (Арх. гр. Ездокимова, № 50. Письмо Д. А. Милютина П. Д. Зотову отъ 15 апрѣля 1859 г.).

«Скажи моимъ кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли мнѣ сдѣлать на день моего рожденія, что я ими горжусь за новый подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ».

Примите, храбрыя войска, сердечное мое поздравленіе ¹⁾».

Препровождая высочайшій рескриптъ начальнику Лѣваго крыла, кн. Барятинскій писалъ ему:

„Какъ радостно для меня, любезнѣйшій графъ Николай Ивановичъ, называть васъ титуломъ, Всемилостивѣйше пожалованнымъ милостію царскою за заслуги ваши. Не хочу лишать фельдъегеря, привезшаго вамъ рескриптъ и Георгіевскій крестъ,— вручить ихъ вамъ лично; но вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю къ вамъ сына родной сестры моей, чтобы васъ сердечно поздравить отъ меня. Онъ вручитъ вамъ и милостивыя слова государя къ войскамъ, вспомоществовавшимъ въ великомъ подвигѣ вашемъ ²⁾».

Прошелъ почти мѣсяцъ со дня взятія Веденя, пока извѣстія о милостяхъ Царскихъ дошли къ войскамъ Чеченскаго отряда и ихъ доблестному начальнику. Во все это время они не отдыхали на лаврахъ, но продолжали трудиться надъ окончательнымъ искорененіемъ враждебнаго элемента во всѣхъ уголкахъ Большой Чечни, гдѣ онъ еще гнѣздился.

Пять дней ушло на разрушеніе воздвигнутыхъ непріателемъ укрѣпленій. Затѣмъ, начальникъ отряда предполагалъ двинуться далѣе, въ глубь Ичкеріи, съ цѣлью полного умиротворенія этой страны, куда, послѣ взятія Веденя, отступили партіи тавлинцевъ. Неимѣніе въ горахъ подножнаго корма и крайняя затруднительность въ подвозѣ продовольствія заставили его, однако, отказаться отъ этого намѣренія. Онъ рѣшился, напротивъ того, спустить большую часть Чеченскаго отряда на плоскость; въ Веденѣ же и окрестностяхъ онаго оставлено было семь съ небольшимъ баталіоновъ, при 6-ти орудіяхъ. Кромѣ того, два баталіона отправлено было въ Аргунское ущелье, въ распоряженіе поля. Кауфмана, который, въ это время, долженъ былъ поддерживать разныя верхне-аргунскія общества, возставшія противъ власти Шамиля и заявившія покорность русскому пра-

¹⁾ Приказъ по Кавк. арміи, 29-го апр. 1859 г.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.—Письмо кн. Барятинскаго отъ 29 апрѣля.

вительству. Самъ Николай Ивановичъ, изнуренный чрезвычайными трудами послѣдняго времени, захворалъ, долженъ былъ временно оставить свои войска и даже не могъ прибыть въ Тифлисъ, куда приглашалъ его главнокомандующій.

Съ 11-го апрѣля по 6-е мая 1859 г. войска Чеченскаго отряда, слущенныя на плоскость Большой Чечни и ввѣренныя начальству ген.-маіора Кемпферта, частью прикрывали переселеніе мѣстныхъ жителей, частью же рубили просѣку, прокладывая дорогу отъ Хоби-Шавдона къ Веденю; на встрѣчу имъ, направляясь на аулъ Эрсеной, рубили лѣсъ войска изъ отряда, оставленнаго въ Веденѣ. Подобными же работами заняты были и войска полк. Кауфмана.

Такимъ образомъ, въ началѣ мая можно было считать, что все населеніе отъ Аргуна до р. Аксаы окончательно намъ покорилось, за исключеніемъ лишь части Ичкеріи, — дни которой, впрочемъ, тоже уже были сочтены.

9-го мая депутація отъ жителей ичкеринскихъ ауловъ: Бетли, Саясанъ, Алерой, Шуаны и Гурдали, явились въ ген. Кемпферту, съ изъявленіемъ покорности и просьбою о помощи противъ Кази-Магомы, который, появившись въ Ичкеріи съ крупною партіею тавлинцевъ, требовалъ выдачи аманатовъ. Согласно заявленной ему просьбѣ, ген. Кемпфертъ, 10-го числа, двинулся въ Гурдали и заставилъ тавлинцевъ, завязавшихъ было перестрѣлку съ мѣстными жителями, удалиться въ Дарго. Вслѣдъ затѣмъ началась рубка просѣки до горы Кетиншъ-Кортъ, которая была занята 12-го числа и куда направлены были, съ другой стороны, части войскъ, занимавшихъ Эрсеной. Теперь всѣ остальные ичкеринскіе аулы тоже успѣшили заявить покорность. Кази-Магома, съ своими тавлинцами, ушелъ въ Андю. Недоступная доселѣ Ичкерія, столь обильно политая русскою кровью, могла считаться окончательно умиротворенною, и только въ лѣсахъ, окружавшихъ аулъ Беней, рыскали кое гдѣ шайки отчаянныхъ абрековъ, не надѣявшихся на помилованіе.

Повореніе Ичкеріи и одновременное съ нимъ движеніе Дагестанскаго отряда на аулъ Алмакъ оказали благопріятное для насъ вліяніе и на остальную часть ауховскаго общества, скитавшуюся въ лѣсахъ, по верховьямъ рѣкъ Яманъ-Су и Акташъ.

Теперь она тоже заявила покорность и стала переселяться въ наши предѣлы.

Съ окончательнымъ утвержденіемъ нашимъ въ Черныхъ горахъ наступило время для дальнѣйшаго движенія въ Андію и Аварію, куда концентрически направлялись войска наши изъ Чечни, Дагестана и съ Лезгинской линіи. Самъ главнокомандующій рѣшилъ быть при Чеченскомъ отрядѣ, и 16-го іюня, находясь еще въ Петербургѣ (куда ѣздилъ послѣ взятія Веденя), писалъ гр. Евдокимову:

«19-го числа сего мѣсяца выѣзжаю я изъ Петербурга, чрезъ Таганрогъ и Ейскъ въ Грозную. Разрѣшаю вамъ встрѣтить меня тамъ, гдѣ, по обстоятельствамъ, вы найдете для себя это удобнѣйшимъ. При особенно спѣшныхъ вашихъ занятіяхъ къ приготовленію отряда не хочу отвлекать васъ слишкомъ далеко отъ центра вашей дѣятельности, слѣдовательно, находитесь тамъ, гдѣ прямая польза этого требуетъ.

«Я остался какъ нельзя болѣе доволенъ свиданіемъ моимъ съ Государемъ Императоромъ. Его величество весьма милостиво расположенъ къ вамъ и вполне цѣнитъ ваши достоинства и службу... Я на словахъ передамъ вамъ весь нашъ разговоръ и лестныя выраженія его величества на вашъ счетъ, въ надеждѣ на будущее и милостивое его вниманіе къ вамъ: Вчера утвердилъ его величество проектъ вашего герба ¹⁾, копію котораго я привезу вамъ, также и печать, которую прошу принять въ память отъ меня. Итакъ, до свиданія, любезнѣйшій графъ Николай Ивановичъ. Между 1-мъ и 5-мъ іюля я буду въ Грозной» ²⁾.

Еще до полученія этого письма оправившійся отъ болѣзни гр. Евдокимовъ, 20-го іюня, прибылъ въ Ведень и на другой же день, во главѣ 4-хъ баталіоновъ, при 4-хъ горн. орудіяхъ, двинулся вверхъ по Хорачаевскому ущелью на перевалъ черезъ Андійскій хребетъ. Сдѣлавъ рекогносцировку окрестной мѣстности, онъ оставилъ отрядъ у аула Хорочай, для разработки подъема въ гору. Остальныя части Чеченскаго отряда, сосредоточеннаго къ Веденю, усиленно занимались устройствомъ пути оттуда къ Андійскому хребту и, по мѣрѣ окончанія занятій, при-

¹⁾ Описаніе герба см. въ приложеніи № 2.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 96.

соединялись къ передовой части, остававшейся у Хорачая и подчиненной ген.-майору Кемпферту. Авангардъ этой части, ввѣренный начальству Баженова, выдвинуть былъ на вершину хребта, въ урочищу Япи-Амъ. Сюда же, 13-го іюля, перешли и остальные части Чеченскаго отряда, въ составѣ 12½ баталіоновъ, дивизіона драгунъ, 10-ти сотенъ казаковъ, 2-хъ сотенъ милиціи, 8-ми горныхъ орудій, 4-хъ полупудовыхъ мортиръ и 8-ми ракетныхъ станковъ.

14-го іюля прибылъ въ Чеченскій отрядъ главнокомандующій Кавказскою арміею. Съ его прїѣздомъ роль гр. Евдокимова, какъ самостоятельнаго дѣятеля, должна была временно превратиться, но не подлежить сомнѣнію, что и при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ его совѣты, внушенные природною практичностью, рѣдкою боевою опытностію и знаніемъ характера горцевъ, имѣли выдающееся значеніе для кн. Барятинскаго.

Въ заключеніе описанія блестящихъ дѣйствій гр. Евдокимова, въ концѣ 1850-хъ годовъ, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь отзвымы о Николаѣ Ивановичѣ двухъ лицъ, имѣвшихъ честь служить подъ его начальствомъ въ помянутую эпоху.

«О покойномъ графѣ (такъ пишетъ одинъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ) солдаты говорили, что это—генераль «незадорный, но время». Въ этихъ двухъ выраженіяхъ, дѣйствительно, заключалось все, что можно сказать о главныхъ качествахъ и особенностяхъ Николая Ивановича. Онъ употреблялъ всѣ ухищренія, чтобы обойти драгу: отвлекалъ непріятеля, обманывалъ его ложными диверсіями, надувалъ имъ самимъ распространяемыми ложными же слухами; словомъ, вводилъ въ дѣло тѣ уловки, которыя иной, такъ называемый „бонтонный“, генераль всегда бы призналъ нѣсколько унижающими его генеральское достоинство. Покойный же Евдокимовъ не считалъ униженіями и отвергалъ личныя достоинства тамъ, гдѣ дѣло шло, во первыхъ, о пользѣ государства, во вторыхъ, о спасеніи жизни десятковъ и сотенъ людей и въ третьихъ, гдѣ того и другаго, въ войнѣ съ народомъ исключительнымъ, нельзя достигнуть иначе, какъ жертвуя нѣдко не только генеральскою бонтонностію, но даже, пожалуй, и личнымъ достоинствомъ.

„Оттого-то, при многихъ недостаткахъ, свойственныхъ чело-
вѣку, не воспользовавшемуся высшими идеями вѣка, заслуги

Евдокимова, какъ воина, какъ руководителя битвъ, были достойно оцѣнены и вполне достойно награждены.

„При своей военной сноровкѣ, которая далась ему на Кавказѣ вслѣдствіе долгой и личной опытности и менѣе всего вслѣдствіе какого либо подражанія,—потому что Евдокимовъ былъ самъ представителемъ и родоначальникомъ особой школы—онъ, дѣйствительно, былъ генераль незадорный. Бывало, сколько можно и кого можно—Шамя или его намба—надуетъ и двигается потихоньку впередъ, принимая бой лишь тамъ, гдѣ его избѣжать невозможно, гдѣ ужъ „некуда податься“, по кавказскому выраженію. Справился—и сѣлъ на этомъ мѣстѣ, потому что оно ему было нужно; но, разъ усѣвшись, утверждался уже такъ прочно, что четыре Шамя съ двадцатью четырьмя Казимагомами не сдвинули бы его одной ноги съ занятой позиціи.¹⁾

Насколько мѣтокъ этотъ отзывъ—можно убѣдиться, сопоставляя его съ тѣмъ, что изложено въ предшествующихъ главахъ о дѣйствіяхъ Николая Ивановича тамъ, гдѣ дѣйствія эти могли быть имъ ведены болѣе или менѣе самостоятельно.

Другой старый кавказецъ, въ письмѣ своемъ къ вдовѣ бывшаго его начальника, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Первоначально объясню вамъ, графиня, нравственныя достоинства графа Николая Ивановича, изученныя мною за пять лѣтъ службы, изъ которыхъ четыре года неразлучно проведенныя въ войнѣ въ Большой и Малой Чечнѣ и Ичкеріи. Такъ, напр., онъ обладалъ въ высшей степени добротою души; никогда онъ не сердился, никогда не кричалъ, не махалъ руками, не топалъ ногами, какъ это дѣлали многіе изъ его предмѣстниковъ на Лѣвомъ крылѣ; былъ доступенъ одинаково какъ для бѣднаго, такъ и богатаго. Приказанія отдавалъ всегда точно, ясно и безъ всякихъ недомыслий; въ войнѣ дѣлалъ распоряженія съ невозмутимымъ спокойствіемъ души, какъ бы сидя въ палатѣ и кура трубку съ длиннаго чубука. Войну велъ по собственной инициативѣ, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ не прибѣгалъ къ чужимъ совѣтамъ. Успѣхами дѣлъ въ войнѣ никогда онъ не восторгался, а смотрѣлъ на то, какъ на дѣло обыкновенное. Донесенія дѣлалъ безъ всякихъ иллюстрацій—просто, ясно и

¹⁾ См. «Кавказскій Сборникъ», т. III, стр. 461.

коротко; замѣчательно, что во всѣхъ своихъ донесеніяхъ онъ старался избѣгать выраженія слова „я“, а всегда относилъ успѣхъ дѣла къ достоинству войскъ и ихъ начальниковъ. Графъ быстрыми успѣхами своими въ войнѣ приобрѣлъ много завистниковъ, а слѣдовательно и враговъ, которые вымышляли на графа всевозможныя небылицы, оскорблявшія достоинство графа, и эти небылицы, въ формѣ зла, доходили даже до Петербурга... Одинъ князь А. И. Барятинскій не допускалъ вѣроятія ко всѣмъ такимъ сплетнямъ, вѣрилъ графу безгранично и просилъ даже графа не возмущаться и презирать подобными сплетнями ¹⁾“.

И. И. Ореусъ.

Приложенія къ главѣ VI.

1.

Навлеченіе пѣтъ письма генер. Бѣлика графинѣ Евдокимовой, 25 марта 1888 г.

«Окончивъ постройку укрѣпленія Таузенъ, на р. Бассѣ, и вырубивъ лѣсъ, сколько было возможно, по направленію къ Веденю (14 в.), графъ намѣренъ былъ дать войскамъ трехдневный отдыхъ, а потомъ идти къ Веденю. Такъ думалъ графъ 5-го февраля, а ночью съ 5-го на 6-е явились лазутчики съ такими свѣдѣніями: Шамилъ, для усиленія своего отряда (12 т.), потребовалъ еще 6 т., которыя и ожидаютъ надняхъ. Свѣдѣніе такое ни чуть не повліяло на желаніе графа дать войскамъ отдыхъ, но состоявшій при графѣ переводчикъ, онъ же и вожакъ маіоръ Бата Шамурзаевъ ²⁾ убѣдилъ графа отложить отдыхъ и немедленно двинуться къ Веденю, дабы быть тамъ ранѣе прихода ожидаемыхъ Шамилемъ 6-ти тысячъ. Мало этого, онъ убѣдилъ графа, какъ необходимость, послать отрядъ войскъ въ тылъ Веденя, съ южной его стороны, т. е. на ту гору, у подошвы которой расположенъ Ведень, и съ такимъ расчетомъ времени, чтобы отрядъ тотъ явился на назначенномъ ему пунктѣ въ одно время съ главнымъ отрядомъ, долженствующимъ стать у Веденя съ сѣверной стороны. Теперь далѣе: имѣя въ виду, что отряду, слѣдующему въ обходъ, предстоитъ совершить путь очень трудный, на гору вереть 7, по глубокому снѣгу, чрезъ балки и овраги,—графъ послалъ тачой отрядъ съ генераломъ (полковникомъ) Баженовымъ въ 6 вечера, 6-го февраля, а самъ графъ съ главнымъ отрядомъ выступилъ 7-го февраля, въ 5 ч. утра.

¹⁾ Изъ письма ген. Бѣлика графинѣ Евдокимовой.

²⁾ Онъ былъ прежде (1842) прапорщикъ милиціи; потомъ бѣжалъ къ Шамилю, гдѣ былъ долго наобомъ, а въ 1852 году явился къ намъ обратно и получилъ прощеніе.

Дорога была однополойная и проходила между пенками порубленного лѣса; снѣгъ лежалъ глубокой; ночной морозъ былъ 3°; до 9-ти часовъ утра обозъ кое-какъ тянулся, съ 9-ти повѣяло теплымъ вѣтромъ, солнце грѣло какъ весною, снѣгъ сталъ таять и образовалась по дорогѣ грязь глинистая, вязкая и глубокая на $\frac{1}{2}$ аршина; въ 11 ч. вьюки еще тянулись кое-какъ, а колесный обозъ, пушки и лазаретныя фурн потребовали солдатской помощи, ибо лошади уже не везли. Я шелъ въ авангардѣ съ милиціею; за мною слѣдовалъ князь Д. Н. Мирскій съ двумя баталіонами кабардинцевъ и шесть пушекъ. Я поднялся на гору, изъ которой, на трехверстномъ разстояніи, красовался Ведень, расположенный на большой, чистой полянѣ между двухъ рѣчекъ, Хорошой-Хулхулау и Хулхулау; а на горѣ, надъ Веденемъ, на снѣжной бѣлизнѣ чернѣла небольшая точка—то былъ отрядъ Баженова.

Графъ подъѣхалъ ко мнѣ, слѣзъ съ лошади и, черезъ посредство зрительной трубы, долго смотрѣлъ на Ведень и всѣ окрестности его; потомъ поворотилъ трубу на укрѣпленіе Таузенъ и увидѣлъ, что арріергардъ еще и не трогался, а на часахъ было уже 12. Это обстоятельство сильно встревожило графа, который тутъ же рѣшилъ не продолжать наступленія, и послалъ объявить по всѣмъ частямъ войскъ, что ночлегъ назначается на оврагѣ Аржи-Ахкѣ; мнѣ же приказалъ остановиться на позиціи, занятой мною, до времени, пока не получу отъ него приказанія объ отступленіи; затѣмъ графъ сѣлъ на коня и уѣхалъ къ отряду, а чрезъ полчаса графъ снова подъѣхалъ ко мнѣ, съ переводчикомъ Батою, но уже сильно встревоженный. Бата говорилъ съ графомъ по татарски, и долго говорилъ. Потомъ графъ обратился ко мнѣ и въ полголоса сказалъ: «вы знаете, въ какомъ я положеніи нахожусь или, лучше сказать, въ какую западню попалъ благодаря своему довѣрію къ этому... (фамиліи не сказалъ)? Представьте себѣ такую картину: если я останусь на ночлегѣ при Арджи-Ахкѣ, то Шамилъ можетъ обрушиться всѣми своими силами на отрядъ Баженова, какому я съ этого мѣста не могу оказать никакого содѣйствія; если же я двинусь къ Веденю, то я спасу отрядъ Баженова, но за то подвергаю нападению, во время ночи, обозъ, который, судя по этой распутицѣ, долженъ слѣдовать всю ночь; прикрытія для него хотя и достаточно, но, слѣдуя ночью по однополойной дорогѣ, онъ неизбежно долженъ растянуться на много верстъ, а потому войска для прикрытія его съ обѣихъ сторонъ окажется недостаточнымъ».—Бата тутъ же стоялъ и, слыша всѣ слова графа, вновь началъ говорить съ графомъ, и долго говорилъ; послѣ чего графъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ мнѣ: «Садитесь на коня и продолжайте наступленіе».

«Садясь на коня, я посмотрѣлъ на часы, гдѣ было $\frac{1}{2}$ 2-го. Начавъ движеніе по дорогѣ, лежавшей на полугорѣ, какая шла болѣе версты, потомъ круто повернула направо, подъ гору, по лѣсистой мѣстности, гдѣ идетъ она до самой р. Хулхулау зигзагами. На переправѣ черезъ эту рѣчку ко мнѣ подъѣхалъ графъ съ сотнею казаковъ. На часахъ было 3 $\frac{1}{2}$ часа. Здѣсь, ожидая подхода князя Мирскаго съ баталіонами, графъ приказалъ мнѣ двигаться далѣе, а за мною шла пѣхота. Подойдя къ Веденю на пушечный выстрѣлъ, изъ Веденя вывели два орудія и начали стрѣлять; но кабардинскія стрѣлковыя роты мѣткими выстрѣлами прогнали тѣ пушки въ Ведень. Смерклось. Войска, по мѣрѣ прибытія, становились на мѣстахъ, указанныхъ имъ въ лагерѣ. Снѣгъ лежалъ глубокой, дровъ близко не было, а палатки находились далеко въ обозѣ; а потому солдаты ложились прямо на снѣгъ и спали крѣпкимъ сномъ. Графъ и часть отряднаго штаба помѣстились въ 4—5 сакляхъ, стоявшихъ на правомъ берегу р.

Хулхулау; въ одной изъ нихъ помѣстился графъ Николай Ивановичъ. Было уже 6 часовъ, когда графъ слѣвъ съ лошади, вошелъ въ саклю, сѣлъ на походное свое кресло и тяжело вздохнулъ. Онъ, видимо, былъ сильно утомленъ деннымъ трудомъ и тяжкими думами о положеніи отряда Важенова, къ которому, какъ только смерклося, то ту же минуту отправленъ былъ миллионеръ съ запискою о немедленномъ его отслушаніи; а въ виду той опасности, что посланный можетъ быть убитымъ, или въ плѣнъ взятымъ, то вслѣдъ за нимъ, и другимъ уже путемъ, былъ отправленъ другой нарочный съ дубликатомъ записки, черезъ 10 минутъ; потомъ—третій, четвертый, пятый и шестой. И что замѣчательно, что изъ шести посланныхъ явился только 1-й и 4-й; а всѣ прочіе были побиты. Ночь была темная, а погода была тихая. Ровно въ 7 часовъ вечера послышался необыкновенный шумъ, слѣдовавшій отъ сѣвера и сопровождавшійся трескомъ, гуломъ, даже похожимъ на стонъ и грохотъ громовой. Всѣ въ лагерѣ обратили вниманіе на такое необыкновенное явленіе и съ чувствомъ страха ожидали развязки. Шумъ этотъ съ каждою минутою дѣлался яснѣе и яснѣе, и вдругъ на лагерь налетѣлъ ураганъ; козла ружей стали валиться, кони на коновязи—биться; поднялся шумъ и крикъ въ лагерѣ, точно на пожарѣ. Графъ вышелъ изъ сакли и, увидя въ ставкѣ своей людей въ страшномъ смутеніи, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Не гнѣвъ ли Божій на меня?» ...Къ счастью, ураганъ такой продолжался не болѣе 10-ти минутъ, послѣ котораго все въ лагерѣ пришло въ спокойствіе и погода установилась тихая и теплая. Послѣ бури графъ вошелъ въ саклю и началъ пить чай; а по окончаніи его, видя графа крайне изнуреннымъ, я предложилъ ему лечь и уснуть и тѣмъ подкрѣпить свои силы. Графъ на это мнѣ сказалъ: «Нѣтъ, въ такомъ положеніи, въ какомъ я теперь нахожусь, я не могу уснуть, и вамъ не советую ложиться спать; а будемъ, съ упованіемъ на Бога, ожидать развязки этой страшной для меня ночи».

Графъ не спалъ и часто выходилъ изъ сакли, смотрѣть на выюки, проходившіе мимо его ставки. Онъ у нихъ фурштатъ спрашивалъ о положеніи слѣдовавшаго обоза и получалъ отвѣты отъ нихъ удовлетворительные, а отъ иныхъ грубые. Такъ, напр., графъ спросилъ у солдата, слѣдовавшаго съ выюкомъ: «Ты, землякъ, какого полка?»—«Ни якого»—и продолжалъ слѣдовать. Графъ улыбулся и сказалъ: «Ну, съ этимъ солдатомъ нельзя говорить, ибо, видимо, что онъ уморился до озабленія».—Я побѣжалъ къ этому солдату и, когда сталъ требовать отъ него удовлетворительнаго отвѣта, то онъ такимъ же грубымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ: «я антерелистъ, чего еще тоби треба?»

Въ $\frac{1}{2}$, 11-го графъ получилъ отъ генерала Кемпферта записку, въ которой говорилось, что весь обозъ благополучно перешелъ Аржи-Ахкѣ (глубокой оврагъ и съ труднымъ спускомъ и подъемомъ). Графъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Слава Богу! и на душѣ стало легче.»—Въ 2 ч. явился баронъ Розенъ съ докладомъ о благополучномъ прибытіи всѣхъ выюковъ и обоза, кромѣ части, оставленной, по усталости лошадей, въ засѣкѣ на Аржи-Ахкѣ. Графъ былъ чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ такого важнаго дѣла, сталъ бодро ходить по саклѣ и безпрестанно курилъ трубку; а въ $2\frac{1}{2}$ ч., даже позже, явился генер. Кемпфертъ съ докладомъ, что арріергардъ прибылъ благополучно. Графъ опять снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Благодарю тебя, Господи, за всѣ твои ко мнѣ милости!»

Не смотря на благополучный приходъ обоза и арріергарда, графъ всетаки былъ сильно озабоченъ положеніемъ отряда Важенова, въ особенности послѣ

свѣдѣній, полученныхъ въ 3 ч. черезъ лазутчика, лично павѣтнаго графу; онъ говорилъ такъ: 1) требуемые Шамилемъ 6 т. чел. изъ Дагестана уже прибыли, 2) отрядъ русской (Баженова) хотя и расположился на горѣ надъ Веденемъ, но ядра изъ пушекъ его далеко не долетаютъ до Ведена, а ближе стая къ Веденю, по крутизнамъ горы, онъ не можетъ, и 3) Кази-Магома съ шестью набами дѣлалъ совѣщаніе о нападеніи на русскій отрядъ (Баженова), но чѣмъ на совѣтѣ рѣшили—лазутчикъ не знаетъ.

Было 4 ч. ночи. Графъ, при невозмутимой ночной тишинѣ, ходилъ въ саклѣ и курилъ трубку,—когда сдѣланы были три ружейные выстрѣла: (первый въ Веденѣ, второй на р. Хорачай-Хулхулау, и третій на горѣ Харачой. Графъ призналъ эти выстрѣлы сигнальными и вслѣдствіе того онъ болѣе получаса времени оставался на дворѣ, въ томъ предположеніи, не возникнетъ ли, послѣ этихъ сигналовъ, перестрѣлка въ отрядѣ Баженова.

Вошла зари, когда я пришелъ къ графу и засталъ его сидящимъ и спящимъ, склоня голову на столъ. Я ушелъ; а въ 7 ч., когда солнце еще не всходило, графъ потребовалъ меня и сказалъ: «Полѣземъ на саклю и посмотримъ, что дѣлаетъ Шамиль».—Къ саклѣ были приставлена лѣстница; мы по ней вошли на крышу, гдѣ графъ, усѣвшись на табуретъ, началъ осматривать въ зрительную трубу Веденъ; но мракъ утренній не позволялъ видѣть ясно предметы,—что графа сильно безпокоило. Востокъ освѣтился восходящимъ солнцемъ; графъ вновь сталъ смотрѣть въ трубу и, къ великой его радости, онъ увидѣлъ слѣдующую картину: отрядъ Баженова отступалъ безъ преслѣдованія непріателемъ, а въ Веденѣ, точно въ муравейникѣ, народъ трудился надъ укрѣпленіемъ стѣнъ веденскихъ. Графъ всталъ, снялъ шапку, поднялъ глаза къ небу, перекрестился и сказалъ: «Благодарю Тебя, всевышній Творецъ, за всѣ Твои милости ко мнѣ!—Потомъ, обратясь ко мнѣ, и, съ выраженіемъ чувства радости, сказалъ: «Славу Богу, Баженовъ отступаетъ благополучно, а Шамиль думаетъ не о нападеніи, а о защитѣ; а мнѣ этого только и надо (сміхъ). Я былъ въ капканѣ, но ты не умѣлъ меня поймать; а теперь ты сидишь въ капканѣ, и я тебя доканаяю». (Слова эти относились къ Шамилю).

Въ ту минуту, когда графъ, стоя на саклѣ, обнажилъ голову и приносилъ благодарность Богу, я былъ пораженъ такимъ необыкновеннымъ явленіемъ: графъ имѣлъ на головѣ волосы темно-спазе, а теперь вся его голова была бѣлая. Я обратилъ вниманіе графа на такой странный съ нимъ случай. Графъ на это отвѣтилъ: «Я не видѣлъ себя въ зеркалѣ; но я такому явленію не удивляюсь, если принять во вниманіе всѣ тѣ душевныя мои страданія, какія я перенесъ за эту страшную для меня ночь. Можно заболѣть, можно съ ума сойти, можно даже умереть».

Я стоялъ съ отрядомъ въ Шалахъ. Графъ, послѣ вятія Ведена, 7-го апрѣля ѣхалъ въ Грозную больнымъ и, будучи у меня въ палаткѣ, и замѣтилъ на головѣ его, бѣлой, много волосъ появившихся цвѣта темнаго; а черезъ 4 мѣсяца графъ, будучи остриженъ, имѣлъ на головѣ волосы опять сизые. Пусть бы психіатры такую быструю перемѣну волосъ у графа изслѣдовали научно,—что для науки было бы очень интересно.

Писалъ бы о графѣ много, много; но я чувствую себя сильно больнымъ, а потому, заканчивая это письмо, я прошу васъ прочесть его и что найдете нужнымъ и заслуживающимъ помѣщенія въ біографію графа, то сообщите г-автору біографіи графа».

28 марта 1888 г. Г. Грозный.

2.

Описание герба гр. Евдокимова.

Щитъ увѣнчанъ графскою короною. На правой сторонѣ его, въ красномъ полѣ, полуразрушенная батарея; а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживаютъ филины, а съ правой—черкесъ въ полномъ вооруженіи, китя въ рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло: внизу же щита, на красной лентѣ, самъ государь начерталъ девизъ «съ бою» въ память того, что Н. И. Евдокимовъ съ бою получилъ графское достоинство.

Надъ щитомъ расположены три рыцарскіе шлема съ опущенными забралами; надъ среднимъ изъ нихъ паритъ двухглавый орелъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLV ¹⁾.

Ночь.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

* * *

Посмотрю-ль въ окошечко—
Все темно кругомъ,
Не видать и улицы
Въ сумракѣ nocturno.

* * *

Звѣздочки попрятались,
На небѣ темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

* * *

Вѣтеръ воеетъ жалобно
Подъ молмъ окномъ,
И мятель суровая
Все стучитъ по немъ.

* * *

Страшно мнѣ смотрѣть туда
Въ сумрачную даль,
И ложится на душу
Тайная печаль.

* * *

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

Москва, 1839 г.

Н. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

1820—1830 гг.

LIV ¹⁾.

Ф. В. Булгаринъ.

19 марта 1826 г. Спб.

М. г. Александръ ²⁾ Андреевичъ! Зная многотрудныя ваши занятія, я не смѣю васъ беспокоить моими посѣщеніями въ минуты вашего отдохновенія. Но если бы, проѣзжая по Офицерской улицѣ, заѣхали ко мнѣ на двѣ минуты, вы бы крайне меня обязали. Съ безпредѣльною преданностью и душевнымъ, истиннымъ уваженіемъ есмь на всю жизнь и проч. Ф. Булгаринъ.

LV.

Баронъ Ашъ.

29-го іюля 1826 г. Москва.

...Москва совершенно преобразовалась со дня прибытія двора императора и представляетъ необыкновенную картину всеобщей суматохи; театры, олимпическіе цирки, турниры и разныя другаго рода представленія, все это каждый день наполнено народомъ, такъ что въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LIX, октябрь, стр. 149—168; ноябрь, стр. 311—332; декабрь, стр. 523—600; изд. 1889 г., т. LXI, февраль, стр. 319—330.

²⁾ Неизвѣстно, былъ ли у Андрея Андреевича Ивановскаго братъ Александръ; повидимому, просто Булгаринъ ошибся въ имени. Письмо относится ко времени слѣдствія надъ декабристами; извѣстно, что Булгаринъ тогда сильно трусилъ за себя; вѣроятно, онъ хотѣлъ переговорить объ этомъ съ Ивановскимъ, какъ съ участвовавшимъ въ слѣдствіи, знавшимъ весь его ходъ, положеніе всего дѣла.

В. Я.

италианской оперѣ иначе нельзя имѣть билетъ, какъ надо абонироваться на 10 или 20 спектаклей, а то получишь въ 13-мъ или 14-мъ ряду.

Съ Ровинскимъ не имѣлъ случая познакомиться, но если увижу его, то исполню ваше порученіе. Творецъ «Горя отъ ума» имѣлъ на меня такое впечатлѣніе какъ и на васъ; я нашелъ въ немъ всё тѣ достоинства, которые вы ему приписываете, и потому невольно къ нему привязанъ. Я познакомлюсь со всёмъ семействомъ его при первой возможности выступить на воздухъ, но до сей поры не могъ передать ему отъ васъ поклона, ибо не видалъ его. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что также хвораетъ и было чуть-чуть не рассыпался, общая участь со мной...

27-го числа представлялось знаменитое духовенство государю и 29-го назначенъ былъ смотръ всёмъ войскамъ, находящимся въ Москвѣ, но по причинѣ дождливой погоды отиѣненъ впредь до приказанія. Вотъ всё наши новости.

Указъ о преобразованіи питейныхъ сборовъ порадуетъ прежнихъ откупщиковъ, но чѣмъ замѣнять сей главный источникъ государственнаго дохода?.. Отъ души и сердца вамъ преданный Ашъ.

LVI.

Военный министръ А. И. Татищевъ.

14-го августа 1826 г.

Г. надворному совѣтнику и кавалеру Ивановскому. По случаю отъѣзда со мною въ Москву правителя дѣлъ слѣдственной комиссіи статскаго совѣтника Боровкова и помощника его 8-го класса Карасевскаго рекомендую вашему высокобл. принять въ завѣдываніе ваше канцелярію упомянутой комиссіи со всёми находящимися при оной чиновниками и дѣлами, и въ отсутствіе мое въ особенности заняться окончаніемъ составляемаго вами алфавита, который по приготовленіи и отправить ко мнѣ. Бумаги, имѣющія поступать въ комиссію на имя мое, извольте отсылать ко мнѣ чрезъ почту въ Москву впредь до предписанія. Сверхъ того, если изъ числа чиновниковъ, при комиссіи остающихся, вы признаете кого-либо болѣе ненужнымъ, то я предоставляю вамъ отпустить таковыхъ къ своимъ командамъ и мнѣ въ то-же время довести. Военный министръ Татищевъ.

LVII.

А. П. Бочковъ.

1826 г. октября 30-го.

Письма Бестужева, мой любезнѣйшій другъ, я читалъ почти со слезами. Мысль, что онъ погибъ навсегда для насъ и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты были въ какомъ-то раздѣленіи; возникающій отъ любви къ отечественному [взглядъ] хотя изрѣдка и начиналъ уже пробиваться, но они дѣйствовали безъ всякихъ видовъ и только тѣшились сами собою. Бестужевъ первый привелъ ихъ къ одному алтарю, показалъ имъ благороднѣйшую цѣль: славу Россіи,—и средство: пламенную любовь къ родинѣ и знаніе старины. Но «Полярная Звѣзда» скоро закатилась. Бестужевы, Рыльевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ, — сколько надеждъ погибло! Безразсудные! зачѣмъ вы поставили свой жертвенникъ подъ дерево вольности?

Бѣдный Жуковскій, бѣдные наши писатели! Какъ немилосердо клюетъ васъ цензура! Святая наша инквизиція! Не могу удержаться, чтобъ не сказать тебѣ похвальное слово въ семинарскомъ вкусѣ, украшенное непрерывною метафорою, сирѣчь аллегорією.

«Когда перунъ изъ когтей двуглаваго орла грянулъ и раздробилъ древо вольности, тогда и кумиру Паллады, поставленному подъ сѣнію онаго, нанесенъ мимолетомъ страшный ударъ. Со шлема богини отломленъ огневласый, лучезарный гребень, разливавшій около главы ея благотворное сіяніе. Осталась одна сова (вамъ извѣстенъ этотъ атрибутъ Минервы). Нетерпящая свѣту, зловѣщая птица, видя себя на свободѣ и во мракѣ, распустила свои мохнатые крылья и гукнула такъ ужасно, что сама Минерва содрогнулась. Эгидъ выпалъ изъ ея рукъ и она осталась безъ защиты. Еще ударъ и¹⁾ горе намъ!!!... пророчество кн. Вяземскаго сбудется: наша словесность учинится какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія²⁾. Эта грозная сова—наша . . . не хочу осквернять устъ повтореніемъ

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ См. выше письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву, I, № XXII. Изъ словъ письма А. П. Бочкова мы видимъ, что интересное письмо кн. П. А. Вяземскаго было извѣстно въ литературныхъ кругахъ. В. Я.

ея ненавистнаго имени. Ахъ! даруй, небо, чтобы это похвальное слово сдѣлалось погребальнымъ. Амины! И вы, вѣрно, то-же скажете?

Кстати о, о, о, о цензурѣ! Слышали ли вы анекдотъ презабавный? Его рассказывалъ Булгаринъ гг. Гусеву и Говскому. Вы, я думаю, припомните, что недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана была статья о Сѣверной Америкѣ. Между прочимъ, сказано было (это переводъ), что свиньи въ Филадельфiи очищаютъ улицы, подбирая выброшенную картофельную кожу и всякій соръ ¹⁾. Сихъ животныхъ тамъ такое множество и они такъ невѣжливы, что одна изъ нихъ толкнула типографскаго наборщика, тотъ упалъ и рассыпалъ литеры цѣлой страницы журнала (кажется, что такъ). На другой день, когда журналъ появился съ ненапечатанною страницей, издатели сложили всю бѣду на свинью, извинились тѣмъ передъ своими читателями. Цензоры наши, прочитавши это, совѣтъ сотворили и, разсмотрѣвъ, нашли, что эта свинья на нихъ похожа, какъ двѣ капли воды. Шишкову сдѣлали донесенiе о поруганiи, учиненному въ лицѣ ихъ всему министерству народнаго просвѣщенiя. Но вотъ что удивительно: имъ воспослѣдовалъ отказъ и съ выговоромъ, что этого, чему я очень удивляюсь, имъ къ себѣ примѣнить нельзя и будто бы она на нихъ не похожа. Какая несправедливость! Письмо мое я началъ слезами, а теперь не могу кончить отъ смѣха. Ха, ха, ха! Ай да цензоры!

Назначьте свободную минуту, когда я могу побезпокоить васъ и вашихъ любезныхъ гостей, приѣхать къ вамъ съ вашими письмами и съ моею благодарностію. «Не засижусь, войду, всего минуты двѣ». Нельзя ли вамъ самимъ ко мнѣ пожаловать? Вашъ А. Бочковъ ²⁾.

Если письма вамъ надобны, тотчасъ пришлю.

¹⁾ «Сѣверная Пчела» 1826 года, № 92. «Американскіе нравы». Чистота, скотъ, лошади, собаки. — Съ Фр—инъ. — Послѣ цензурныхъ измѣненiй, — если только весь рассказъ не выдуманъ Булгаринимъ, — остается лишь фраза: «на улицу не выкидываютъ ничего, кромѣ картофельной кожуры; ею питается большая часть бродящихъ животныхъ».

²⁾ Свѣдѣнія объ Алексѣѣ Поликарповичѣ Бочковѣ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., № 2, стр. 395—6 (замѣтка А. А. Ивановскаго) и № 3, стр. 566, а также изд. 1889 г., книга февраль—замѣтки А. А. Чумикова.

LVIII.

А. П. Бочковъ.

Ноября 1826 г.

Вы успокоились, пишете вы, услышавъ, что здоровье моей бѣдной жены оправляется. Ахъ, мой любезнѣйшій другъ, это, вѣрно, спекуляціонныя сказочки нашего лейбъ-медика. Какъ мнѣ неприятно разувѣрять васъ. Болѣзнь часъ отъ часу становится хуже и я приѣду къ вамъ сегодня на совѣтъ съ извѣстіями самыми печальными, самыми досадными. Повѣрите ли, что я рѣшаюсь даже съ нимъ распроститься.

Очень радъ, что мои замѣчанія заслужили одобреніе ваше. Я знаю, что вы любите критику, и если моя вамъ нравится, то я сообщу еще нѣсколько на лету схваченныхъ мыслей о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ и Алекс. Бестужевѣ. Можетъ быть, лѣтъ чрезъ 50, когда, съ очками на глазахъ, вы будете перешаривать нашу корреспонденцію, скажете вы: «въ свое время мы не мимоходомъ наслаждались повзлею; не краемъ только сосуда съ усладительнымъ питьемъ касались мы; нѣтъ, выпивши его до капли, послѣ, какъ записныя лакомки, облизывали еще губы».

Я думаю, мудрено сыскать такихъ страстныхъ, какъ мы съ вами, любителей литературныхъ конфетъ, только у васъ всегда свѣжія — изъ тѣхъ, которыя иногда отъ времени дѣлаются черствыми, и самыя лучшія (т. е. самыя вѣрныя, напр., «Войнаровский») — изъ тѣхъ, которыя никогда не мокнутъ и не сохнутъ, и еще не бывавшія въ тискахъ у цензуры, этой таможни, съ позволенія сказать. У васъ больше средствъ роскошничать, но вы не любите наслаждаться одни и помните французскую поговорку: «всякое удовольствіе имѣетъ двойную цѣну, когда мы можемъ его раздѣлить». Какъ я вамъ благодаренъ за это, мой любезнѣйшій Андрей Андреевичъ!

Французскія письма я переведу еще не такъ скоро и вотъ причина: мѣю и глазу теперъ свое старое бѣлье, именно повѣсть, которую выпросилъ у меня изъ ревельской котомки бѣднякъ Измайловъ для помѣщенія въ своею глупомъ Альманахѣ. Никогда бы я ее не рѣшился напечатать (страхъ, какъ глупа!), но не могъ не сжалиться на его христарадничество. Пускай и моя черствая корка лежитъ въ его нищенской сумѣ.

Знаю, что вамъ не время писать и отвѣчать; напрасно вы извиняетесь; я же люблю до смерти писать, потому что на бумагѣ могу

изяснитья вѣрнѣе и съ меньшимъ легкомысліемъ, нежели на словахъ. Простите до вечера. Вашъ А. Бочковъ.

ЛІХ.

А. П. Бочковъ.

[1826 г.]

Повѣсти Бестужева—удивленье и заглядѣнье. Хочу представить въ иносказаніи его заслуги нашей словесности. Куча сравненій въ моей головѣ, выбираю на удачу, и мнѣ думается, что оно вѣрно.

Карамзинъ ввелъ насъ, нашу поэзію и нашу прозу, изъ густаго лѣса, который въ его время начинали уже подстригать по французски, въ садъ, имъ самимъ воздѣланный и обработанный. Гладки, ровны были его дорожки, деревца обстрижены и цвѣтки въ куртинахъ; не зная, что его окружаетъ высокая стѣна, мы за нимъ вслѣдъ. Какъ понравилось намъ гулять и отдыхать въ этомъ чистенькомъ паркѣ; мало по малу, забывши о своей отчизнѣ, мы въ немъ совсѣмъ обжились; а выбрести изъ него и не думали. Такъ прошло много лѣтъ. Старички и выходъ позабыли, а подростоющей молодежи скучно становилось жить хоть въ довольствѣ, да не на привольѣ. Стѣна была закрыта мохомъ давно принятыхъ мнѣній и сорокалѣтнею древностію. Глядь, поглядь повсюду, молодежь догадалась по сказкамъ и по преданіямъ, что есть какая-то благословенная страна, хоть не такъ гладка и ровна, да за то обширная и великолѣпная и куда съ давнихъ временъ и тропы не пролегало. Старичекъ хозяинъ (Карамзинъ) также объ этомъ зналъ и самъ хоть иногда за ограду и хаживалъ и двери за собой не затворялъ, только за нимъ худо смотрѣли, съ мѣста не трогались и нѣкоторые даже такъ приросли къ чужой землѣ, что ихъ теперь не выдернешь, развѣ съ корнемъ. Особливо подъ конецъ Карамзинъ ходилъ въ этотъ обѣтованный край для своей исторіи, тамъ былъ для него и воздухъ чище, и вѣшній вѣтерокъ такъ и грѣлъ грудь старика. Молодцы подростали и начинали въ даль заглядывать; нѣкоторые и [проложили] слѣдъ; Жуковский, вышедши изъ французскаго сада, попалъ въ англійскій паркъ и на нѣмецкую аренду и за собой многихъ сманилъ. И Пушкинъ выпрыгнулъ; зашелъ было въ свою родимую землю, сталъ ею любоваться, да побоялся совсѣмъ потерять дорогу домой, бродилъ то около своей стѣны, то около сосѣднихъ: нѣмецкой и англійской. Наконецъ, и Бестужевъ соскочилъ молодцомъ со стѣны и попалъ не на окольную, а на прямую дорогу къ нашей

милой отчизнѣ; удивился ея красотѣ, хотя еще не обработанной, но могущественно прекрасной. Долго онъ стоялъ въ онѣмѣнн; по-смотрѣлъ на звѣздочки, чтобы и ночью прямо на сѣверъ дороги не потерять. Друзья! товарищи! возопилъ онъ, я нашелъ выходъ, оставьте стариковъ сидѣть на лавочкахъ и ходить по желтенькому песку; ступайте за мною, дальше и дальше, — а самъ пошелъ напереди. Нужно ли говорить объ открытіяхъ, ими сдѣланныхъ.... Вотъ только бѣда: теперь, какъ вожатый пропалъ, чтобы, грѣхомъ, опять назадъ не воротились. Помилуй Богъ, какъ это будетъ худо.

Вотъ моя аллегорія. Прошу васъ, ради самого неба, любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, для славы родины сохранить все, что осталось отъ нашего молодца вожатаго; если бы мы и вздумали своротить опять назадъ, тогда покажите намъ этотъ маякъ, и мы кое-какъ авось опять слѣдъ найдемъ. Клянусь вамъ, имя ваше для насъ не погибнетъ. Вы такъ любите нашу словесность; ради Бога, не тушите этотъ свѣточъ, пламенѣющій въ душѣ вашей. Хотя бы вы ничего не писали, но васъ другіе, благодарные и признательные на плечахъ вынесутъ въ потомство.

Желая не въ шутку перевѣдаться съ Грибоѣдовымъ, я хочу на всякій случай (въ удачѣ и неудачѣ Богъ воленъ) исповѣдаться и васъ выбираю отцомъ духовнымъ. Вчера я сотворилъ хотя печальный, но смертный грѣхъ: похулилъ 4 прекраснѣйшихъ стиха изъ Ермака Дмитріева. Каюсь; въ тѣ самыя секунды, когда мой языкъ ихъ произносилъ и когда, слово за словомъ вылетая, представляло моему воображенію картину прекрасную, я было и хотѣлъ спятиться, да было поздно. Теперь вижу ясно (утро вечера мудренѣе), что это не такъ, что тутъ истинная поэзія; слова: крутятся, стопами землю роютъ—удивительны.

Виновать, простите, Христа ради, грѣшнаго А. Бочкова.

Р. С. Возьмите предосторожность. Надняхъ я думаю отказать своему магу, такъ приготовьте ему увѣщаніе, чтобы онъ тово воно, такъ оно не взялся бы съ горя за стаканчикъ. Скажите ему, что въ случаѣ дескать, если ты имъ опять понадобится, то ужъ сдѣрешь же съ нихъ тысячь сотни съ три, а теперь, моля, пускай ихъ хахароятся.

Боюсь, чтобы за это у меня грѣхъ на душѣ не лежалъ.

Повѣсть моя, грѣхъ моихъ ради, выпрошенная Измаиловымъ, теперь показала мнѣ противу Бестужевскихъ какъ сморчокъ противу высокаго подсолнечника. И вотъ бѣда! русскія прибаутки и

поговорки и у меня есть въ моемъ мараньѣ; вижу теперь, что, не хотя (потому что не смогá) и не думая, столкнулся съ Бестужевымъ, только отъ этого толка далеко я втюрился въ грязь.

Постараюсь перекроить ее à la Karamsine. Тѣмъ хороша. что коротенька! ¹⁾.

LX.

В. Н. Глинка.

26-го іюня 1826.

Почтенный, любезный и благодѣтельный Андрей Андреевичъ! Вотъ уже пять дней какъ я не тамъ, гдѣ пробылъ 13 недѣль. Но судьба моя не менѣе странна, не менѣе неизяснима. Со мною дѣлается что-то очень загадочное. Отъ 16-го іюня отдано въ приказѣ, что Глинка 1-й (т. е. я) переименовывается въ коллежскіе совѣтники для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Дежурный генералъ объявилъ мнѣ, что я долженъ быть отправленъ на службу въ Олонецъ немедленно. Я посему писалъ къ государю письмо, послѣ коего мнѣ сказали: «Вамъ выдадутъ прогоны, на мѣстѣ, государь будетъ давать жалованье», а съ симъ на исправленіе моихъ дѣлъ дали три дня. Въ сіи дни я переодѣлся по статскому, дѣлалъ, что могъ, чтобы изготovitъся къ отъѣзду, а ночевать ходилъ подъ арестъ. Вдругъ сегодня получаю приказъ, печатный же, отъ 16-го же іюня, въ коемъ все есть по прежнему, кромѣ статьи обо мнѣ. Въ семъ новомъ приказѣ, уничтожающемъ старый, и имени моего не помянуто; теперь, кто же я? статскій ли я или военный? отставной ли я или еще служащій? А между тѣмъ мнѣ велѣно сегодня быть уже непременно готовымъ къ отъѣзду (куда же?). По прежнему меня имѣли везти въ Олонецъ. Признаюсь, мой милый, мой благодѣтельный Андрей Андреевичъ, грустно. Противувольный отъѣздъ мой отсель есть такое событіе, которое однимъ ударомъ отсѣкаетъ меня отъ всего знакомаго, милаго, родного и привычнаго; разлучаюсь и съ вами!.. 13 недѣльное сидѣніе безъ свѣта и воздуха и снятіе двухъ чиновъ не столько огорчаетъ, какъ сей отъѣздъ.

Увы! какъ бѣдный пѣшеговецъ
Отъ васъ, по сердцу мнѣ родныхъ,

¹⁾ Въ «Календарѣ Музъ» 1827 г., изданномъ А. Измайловымъ, находимъ: «Красный яхонтъ, повѣсть XVI столѣтія», подпись: Л. С., смотри дальше письмо № XII. В. Я.

Скачу, скачу на почтовыхъ
 Въ какой-то городокъ Олоонецъ!
 Признаться, грустно! я томлюсь,
 Что съ вамъ быть лишуюсь свободы;
 Но тамъ желѣзныя есть воды,—
 Авось и я ожелѣзнуюсь...

Шутки на сторону, а я, право не знаю, кто я, что я и куда меня... Незвѣстность тошнѣе прежняго жилища. Возвращаю вашъ янтарь съ трубки: онъ распался, какъ и все мое бывшее. Я не вижу васъ лично потому, что весь тону въ суетѣ, и васъ дома, вѣрно, нѣтъ. Какъ мнѣ васъ благодарить? Ну, ужь!.. Милостивой государынѣ Александрѣ Егоровнѣ дѣлаю ручки; скажите ей о семъ, если она здѣсь. Прощайте, обнимаетъ васъ вашъ Θ . Глинка.

NB. Шпага мнѣ отдана, и комендантъ (Петропавловской крѣпости) Сукинъ расцѣловалъ и поздравилъ меня съ свободою; и я еще....

LXI.

Θ . Н. Глинка.

1827 г., августа 17-го дня, г. Петрозаводскъ.

Что сказать вамъ, мой любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, на ваше милое, ласковое письмо? При первыхъ строкахъ я вскрикнулъ отъ радости и сказалъ самъ себѣ: «вотъ землякъ, вотъ добрый человекъ: нигдѣ своихъ не забываетъ». Изъ прекраснаго письма вашего вижу, что вы всегда сохраняли меня въ своей памяти. Это для меня утѣшительно. Повѣрьте, и вы часто, часто являлись моему воображенію въ странѣ воспоминаній о бывшемъ, о невозвратномъ. Много минутъ свѣтлыхъ, романтическихъ провели мы вмѣстѣ. Я помню прелестный лѣтній вечеръ въ Смоленскѣ, когда, среди нѣги природы и юныхъ возвышенныхъ ощущеній, мы читали вмѣстѣ письмо Руссо къ Сесилии. Ахъ! такія минуты похожи на сладкія сновидѣнія, которыя одинъ только разъ могутъ присниться въ жизни. Вы, какъ я вижу изъ письма вашего, желаете узнать, какъ я провожу здѣсь мое время или мой день. Охотно опишу вамъ, если это стоитъ описанія. Я встаю въ 7 часовъ. Въ 8 уже занимаюсь (по обязанности старшаго совѣтника губернскаго правленія) чтеніемъ журнальныхъ статей или постановленій. Эта матерія вамъ знакома по прежней вашей службѣ. Въ 10 я въ правленіи. Развитіе гражданственности ознаменовывается и въ сихъ полудикихъ странахъ необычайнымъ множествомъ

бумажнаго дѣла. Въ почтовые дни (понедѣльникъ и вторникъ) мнѣ приходится подписывать большія кипы бумагъ печатныхъ и писанныхъ: нарядовъ, указовъ, меморій—и т. п. Недавно въ одно утро, для одной почты, подписалъ я ровно тысячу сто девять бумагъ! За механическимъ трудомъ подписыванія слѣдуетъ большій—трудъ прочитыванія: на каждый день, круглымъ числомъ, достается прочитывать до 100 большихъ страницъ. За недостаткомъ низшихъ чиновниковъ у насъ совѣтники работаютъ вполтора. Такъ проходятъ законные часы. Въ три часа иду обѣдать; иду, ибо у себя, по моей бѣдности и здѣшной дороговизнѣ, стола держать не могу. Часу въ 5-мъ возвращаюсь въ свою квартирку. Тутъ, чтобъ имѣть болѣе власти надъ часами ночи, немножко дремлю. Въ 6 часовъ опять считаю обязанностію заняться чтеніемъ какой-нибудь толстой журнальной статьи. Это трудно, но я услаждаюсь мыслию, что на той точкѣ земли, гдѣ поставила меня державная рука моего государя, я служу ему вѣрно, ревностно и, смѣю сказать, не безъ пользы. Къ 7-ми часамъ вечера иду на пустынные берега Онъги; къ 8-ми часамъ куда-нибудь захожу на часокъ, ибо, не играя въ бостонъ, нигдѣ не засиживаюсь. Часовъ въ 9 я уже дома, и тутъ мое время! У меня двѣ комнатки, просто, но очень чисто прибраны. Всѣ предметы и вещи разставлены и развѣшены съ мыслию, по размѣру, въ большемъ порядкѣ. Это очень способствуетъ къ успокоенію и порадованію чувствъ. Пылкость и жизнь мыслей, утоленная, заморенная холоднымъ чтеніемъ безобразной приказной прозы, начинаетъ оживать въ сіи часы глубокаго вечерняго уединенія. Тутъ виѣшній міръ мало-по-малу отсложняется, и промежутокъ между имъ и душою занимается какою-то высшею стихіею. Въ такомъ расположеніи работаю я что-нибудь въ прозѣ, иногда пишу и въ стихахъ, напр., «Іова». Сіе бдѣніе продолжается часовъ до 2-хъ и далѣе. Однако, въ 3-мъ и въ три часа я уже сплю и — странное дѣло!—чѣмъ горестнѣе положеніе и состояніе души, тѣмъ прелестнѣйшія вижу сновидѣнія: иногда снятся совсѣмъ невиданныя страны, чудесный климатъ, цвѣтущія долины, такъ что, будучи разбуженъ, очень живо чувствую услажденіе, которое ложится на горестъ бытія моего, какъ позолота на жесткій, безобразный металлъ. Вотъ вамъ мой день и ночь! Завиднаго въ судьбѣ моей нѣтъ! Три несчастья тяготѣютъ постоянно надо мною: бѣдность, политическое уничиженіе и одиночество.

Съ отъѣздомъ отсюда въ столицу здѣшняго почтеннаго губернатора Тимофея Ефремовича Фанъ-дер-Флинта, его ангельской супруги и милаго семейства я лишился послѣдней опоры, послѣдняго

утѣшенія. Но есть всевидящее око и незримая десница царя небеснаго! И земной нашъ царь, государь мудрый, правдивый, привлекаетъ все мое уваженіе, всю преданность къ особѣ своей. Его портретовъ у меня, въ моемъ мирномъ уголкѣ два; но я люблю его тройственною любовію: какъ благодѣтеля, какъ государя и какъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ превосходною душою. Его резолюціи, кои иногда получаемъ мы въ бумагахъ, истинно восхитительны по краткости и вѣрной логикѣ.

Мой милый, признаюсь, меня удивило, что «Опыты» ¹⁾ мои были чрезъ васъ приняты такъ ласково Вл. Фед. Адл. Мнѣ казалось, въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что онъ имѣлъ какъ будто какое-то враждебное противу меня чувство; радъ, восхищаюсь, если я ошибся. Но скажу вамъ, любезный А. А., что я, слава Богу, ни противъ кого не имѣю ничего, ничего, похожего на чувства злобы. И сіе состояніе совершеннаго беззлобія производить удивительное дѣйствіе. Когда скажешь себѣ: «я всѣхъ люблю!», то, кажется, какое-то солнце входитъ въ грудь и наполняетъ ее утѣшительною свѣтлостію и теплотою.

Благодарю васъ за похвалу «Гову». Это ободряетъ меня продолжать. Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ текстѣ (французск., нѣмецк., польск., итальянск. и славянскомъ) болѣе темноты и единообразія; однако, въ вѣкоторомъ расположеніи души, когда она упитана собственною скорбію, когда слезы мѣшаются съ чернилами, можно угадывать тайны скорби многострадальнаго. Я стану усиливаться выразить что можно и сколько можно проще и яснѣе, не гоняясь за питизмомъ, но за вѣрностію.

Вижу, что вы были вмѣстѣ съ И. Н. Глинкою и Ернъ-Гроссомъ, прошу усердно поклониться имъ отъ земляка, занесеннаго бурей на дикія скалы. То, что вы называете затѣею, можетъ быть очень хорошимъ литературнымъ подаркомъ. Съ вашимъ вкусомъ можно собрать прекрасный букетъ. Не знаю только, подойдутъ ли къ другимъ мои пустынные цвѣтки. Я, однако-жъ, въ скоромъ времени вышлю вамъ три, четыре изъ самыхъ миловидныхъ моихъ піесокъ и одну въ тонѣ болѣе важномъ.

Впрочемъ, желая въ семь случаевъ и всегда быть вамъ сколько можно болѣе пріятнымъ, я обязуюсь и дополнить, и замѣнить другими

¹⁾ Въ 1826 году Ф. Глинка напечаталъ два изданія, подъ названіемъ опытовъ: 1) Опыты священной поэзіи и 2) Опыты аллегорій или иносказательныхъ описаній въ стихахъ и прозѣ.

тѣ изъ пьесъ, которыя могутъ найтись не совсѣмъ годными...
Вашъ пустынный другъ Ѳ. Глинка.

[Адресъ: Андрею Андреевичу Ивановскому. Въ канцеляріи военнаго министра. Въ С.-Петербургѣ].

LXII.

Ѳ. Н. Глинка.

Ноября 27-го, года 1827-го. Въ г. Петрозаводскѣ.

Ваше письмо посѣтило меня какъ гость неожиданный. Оно принесло съ собою надежду: судите же, сколь должно быть драгоценно! Такъ, любезно-почтенный Андрей Андреевичъ, вижу, что вы добрый человѣкъ и любите любящаго васъ. Радость, навѣянная на душу отъ вашего письма, умѣрена нѣсколько случившеюся простудою, стиснувшюю мою физическую оболочку. Полученіе вѣрнаго извѣстія, что бывший здѣшній губернаторъ, мой утѣшитель, уже не возвратится, меня огорчило внутренно. Въ это время душа, занявшаяся тѣмъ, что ее трогало, не успѣла отразить вѣшняго вліянія стужи, и я простудился. И сіи строки пишу больной, поэтому извинительно написать какъ-нибудь. Что это вамъ пришло на умъ заниматься мною и до такой степени, что даже хотите передать мое письмо (я ужъ не помню, что въ немъ было писано) потомству?! Печальная повесть существованія бѣднаго человѣка для кого можетъ быть любопытна? Вы справедливо оцѣнили мои чувствованія къ государю рѣдкому, государствующему единственно. Бывшій губернаторъ оставилъ мнѣ на память очень хорошій бюстъ государя, формованный съ рахова подлинника съ пьедесталомъ. Теперь, въ моихъ глазахъ, между двумя лимонными деревьями, стоитъ сей бюстъ, и двѣ зеленыхъ вѣтви образуютъ надъ нимъ оскѣненіе вѣнца. Это эмблема моихъ желаній, чтобы и глава подлинника красовалась подъ вѣчною зеленою лучшаго изъ благъ.

Какъ я вамъ благодаренъ за разувѣреніе меня на счетъ Влад. Ѳеодор. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ въ его дому, онъ мнѣ очень понравился. Впослѣдствіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, я думалъ видѣть въ немъ то, чего, къ счастью, не было. Въ то же еще время, въ мѣстахъ и обстоятельствахъ, отъ которыхъ содрогнется мысль человѣческая, я видѣлъ, однажды, его во снѣ въ положеніи для него не безвыгодномъ, но эмблематическомъ, и тогда же, по какому-то сочувствію, я примирился съ нимъ въ душѣ.

Нельзя скорѣе исполнить порученія вашего, ибо на сей же почтѣ отпривляю и прозу, и стихи, не смотря на то, что все еще сыро, не вырѣло, не улажено, не углажено; но я боленъ и неволенъ по обязанностямъ службы, потому и посылаю что есть и какъ есть. Въ первой писѣ вы найдете слова Павла Пустынника или Павла Фиваидскаго. Ими (извлекиши ихъ изъ житія его) уже пользовался незабвенный нашъ Н. М. Карамзинъ въ своемъ «Островѣ Борнгольмѣ». Только прошу васъ усерднѣйше не цѣнить моихъ бездѣлокъ никакою вещественною оцѣнкою: это лептъ дружбы въ вашу сокровищницу. Насчетъ же комиссій я вамъ, пожалуй, дамъ цѣлыхъ три: 1) пришлите мнѣ нововышедшую главу изъ Онѣгина; 2) если не дороги, Остолопова аполони ¹⁾, и 3) когда выйдеть вашъ альманахъ, одинъ экземпляръ доставьте отъ меня, чрезъ И. С. Сибирякова, въ Пантелеймоновскій переулокъ, въ домъ Небабиной, е. п. Тимофею Ефремовичу Фанъ-деръ-Флиту, бывшему нашему губернатору. Вотъ вамъ и комиссія. Когда увидите А. С. Пушкина, скажите, что я мысленно его цѣлую съ уваженіемъ къ его таланту, съ любовію къ нему. Онъ былъ живой вулканъ, внутренняя жизнь была изъ него огненнымъ столпомъ. Теперь пріостылъ и, какъ обыкновенно водится около вулкановъ, окруженъ изобиліемъ, цвѣтомъ и плодами. Надежда Андреевна мнѣ ничего не писала о чудностяхъ, бывшихъ въ Харьковѣ. Е. п. милостивой государынѣ Александрѣ Егоровнѣ съ почтеніемъ цѣлую ручки. Вопросъ на счетъ наименованія альманаха и меня ставить въ тупикъ. Но если вы хотите назвать его Зарю какою нибудь, то почему-жъ не назвать «Сѣверною Зарюю»? Нынѣ на сѣверѣ, разумѣя царствованіе и дѣла Николая Разумнаго, точно занимается заря и заря великолѣпная... Дивъ и Пери получены и прочтены. Что сказать? Это прелестное, воздушное явленіе въ самыхъ легкихъ очертаніяхъ; много радужности, есть роскошь, много миловидности. Почти жаль, что она писана хорейми, хотя прелестными. Если стихи, какъ обертку мыслей, можно сравнить съ тканью, то въ ямбахъ сія ткань плотнѣе, гуще и потому надежнѣе удерживаетъ мысль и чувство; хорей какъ-то сквозны, сѣтчаты, и мысли въ нихъ не довольно остепенены. Скажете: «но ямбы не такъ легки»; посмотрите-ка на Пушкина: его стихи легки какъ пухъ и полновѣсны какъ золото. По стихамъ я очень полюбилъ стихотворца Подолнискаго, познакомьте меня съ нимъ заочно. Что-жъ сказать вамъ о

¹⁾ Апологическія стихотворенія Н. Остолопова съ присовокупленіемъ его же сочиненія поэмы: «Привидѣніе». Спб. 1827 г. В. Я.

себѣ? Всѣ, бывшіе здѣсь отъ высшаго правительства (фл.-ад. Лазаревъ, Масловъ и друг.), меня полюбили и обо мнѣ жалѣли. И самъ достопочтеннѣйшій сенаторъ Д. О. Барановъ изъявляетъ благоволеніе и жалость. Если несравненный Батюшковъ изъ Неаполя, изъ средоточія чудесныхъ красотъ природы, писалъ: «здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ», то что долженъ писать вамъ тотъ, кто находится въ такомъ мѣстѣ, о которомъ Дим. Осип. Барановъ сказалъ: «здѣсь (т. е. у насъ), если не имѣтъ книгъ, должно или съума сойти, или застрѣлиться»? Препровождаю вамъ аттестатъ, данный мнѣ губернаторомъ; нынѣшній же управляющій губерніею также аттестовалъ меня въ сенатъ отлично. Прощайте, милый! Весь вашъ Ѳедоръ Глинка.

LXIII.

Графъ Д. Н. Хвостовъ.

22-го декабря 1827 г.

Пользуясь лестнымъ обѣщаніемъ, даннымъ мнѣ сегодня почтеннымъ благодѣтелемъ моимъ Андреемъ Андреевичемъ Ивановскимъ, прилагаю у сего мои стихи къ Дмитрію Максимовичу Княжевичу, прося, какъ вы мнѣ то обѣщали, напечатать ихъ въ прекрасномъ Альманахѣ вашемъ, хотя на послѣднемъ листѣ. Вы симъ меня много одолжите, тѣмъ болѣе, что, признаюсь въ родительской слабости, они мнѣ нравятся и хочется видѣть ихъ напечатанными подъ покровомъ вашимъ. Долгомъ себѣ ставлю засвидѣтельствовать, о чемъ и вы заявите доброму и почтенному Константину Степановичу Сербиновичу, что они уже были имъ одобрены, но я листъ, имъ подписанный, то есть одобреніе, утратилъ. Вотъ моя просьба. За исполненіе оной много буду вамъ благодаренъ и емъ съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ ¹⁾.

(Кромѣ подписи все чужою рукой).

¹⁾ Въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» на 1828 г., изданномъ А. А. Ивановскимъ, находится только одна піеса гр. Хвостова: «Къ 30-лѣтней Эрминіи».
В. Я.

LXIV.

А. П. Бочковъ.

(1827 г.).

Отвѣтъ моему обольстителю.

Прочь! прочь, языкъ людей, безчувственный и хладный!
 Я приобъгать къ тебѣ ужъ больше не хочу.
 Я слышу голоса!... слухъ мой жадный
 Къ нему стремится.... я лечу!

[И т. д., всего 27 строкъ въ отвѣтъ на призывъ друга писать стихи, затѣмъ]:

Буду поэтомъ, если вы того желаете. Пусть вырвутся изъ груди доселѣ ее задушавшія чувства. Вашъ А. Бочковъ.

Не печатайте моего Демона, т. е. піесу, подъ названіемъ: «Тарковъ нашъ Геній»; нужно его поправить. Завтра или послѣ завтра я пришлю къ вамъ замѣчанія. Теперь у меня въ головѣ «Моя правда» я окончилъ ее ужъ начерно.

Все таки Л. С.

(Адресъ: Андрею Андреевичу г. Ивановскому).

LXV.

Ф. Н. Глинка.

[Въ началѣ 1828 г.].

Дѣйствительно, я вошелъ было въ нѣкоторое сумнѣніе, но письмо ваше (отъ 23-го января), любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, объяснило мнѣ и причину вашего молчанія, и участь нѣкоторой части посланнаго мною запаса. Странныя похождения были съ статьею прозаическою! Однако, не надлежало и не надобно тянуться за тѣмъ, что изъ рукъ уходитъ.... Впрочемъ, статья (которую прошу приберечь) заимствована мною изъ одной имѣвшейся у меня старинной рукописной книжечки. Такія книжечки здѣсь часто обращаются въ рукахъ народа, особливо у старообрядцевъ. Тамъ кратко сказано, что одинъ пустыльникъ (кажется, авва Савва) достигъ до такой святости, что могъ молиться за ангеловъ. Два путника (сказано тамъ), проходя къ святому, увидѣли мужа бѣлообразнаго, который объявилъ имъ, что

онъ ангель, наказанный за жестокий судъ надъ людьми одной деревеньки, истребленной имъ за грѣхи, и просилъ прохожихъ убѣдить пустытника помолиться за него. Пустытникъ молился, и ангель получилъ разрѣшеніе. Вотъ и все. Радуюсь, что вашъ альманахъ, наконецъ, вскорѣ покажется. Онъ выйдетъ въ свѣтъ въ такое время, когда суеты нѣсколько поулягутся, и болѣе будетъ досуга читать, т. е. въ великій постъ. Вы просите прислать что-нибудь для занятія оказавшейся пустоты; что-жъ дѣлать?... Посылаю вамъ для замѣщенія пустоты—пустоту. Сами пеняйте на себя, мой милый, что желали имѣть что нибудь еще отъ меня, ибо я посылаю недозрѣлое, не выработанное. Я теперь занятъ, по порученію сенатора, большимъ учетомъ здѣшней градской думы. Судите-жъ, сходны-ли съ поэзію сіи цифирно-прозаическія занятія?! Да какъ попалъ къ вамъ Златоустъ? Я, право, не знаю. Прошу, потрудитесь прислать мнѣ списочекъ, что вы отъ меня получили и что у васъ въ печатаніе пошло ¹⁾, дабы я могъ отмѣтить въ моихъ домашнихъ тетрадяхъ; иначе я совѣмъ потеряю счетъ своимъ писамъ. Итакъ,... вашъ «Альбомъ Сѣверныхъ музъ» скоро появится. Пожалуйте, отошлите одинъ экземпляръ бывшему нашему губернатору Фанъ-дер-Флиту, а другимъ экземплярцемъ, надѣюсь, надѣлите вашего пустынного друга. Прощайте! Обнимая васъ заочно, желаетъ вамъ всего, всего лучшаго и пр. Федоръ Глинка.

LXVI.

В. П. Андроссовъ.

Москва, сентября 12-го 1828 г.

Я невольно вѣрю турецкому року, по крайней мѣрѣ, въ перепискѣ моей съ вами. Видно, суждено мнѣ начинать мои письма къ вамъ извиненіемъ прошлаго молчанія и общаніемъ (преступнымъ, каюсь) исправиться. Для подкрѣпленія меня въ исполненіи общаннаго, я желалъ бы, чтобы вы назначили мнѣ и время, и предметъ, о чемъ я долженъ писать къ вамъ. Смѣло берусь отвѣчать на каждый вашъ вопросъ, увѣренный, что вы, зная хорошо мои силы, не положите ига неудобноносіаго. Въ ожиданіи же бремени позвольте (выражаясь складомъ письменнымъ) обременить васъ покорѣннѣею моею просьбою. Въ Петербургъ на-дняхъ пріѣхалъ одинъ молодой

¹⁾ Въ «Альбомѣ Сѣверныхъ музъ» Ивановскій напечаталъ семь стихотвореній Ѳ. Н. Глинки и, между прочими, Златоуста. В. Я.

человѣкъ, сынъ почтеннаго человѣка, хорошаго моего московскаго пріятели, профессора Петрова, для опредѣленія, кажется, въ военную службу. Добрый отецъ, часто слышавшій о васъ, просилъ меня порекомендовать сына его вамъ и побезпокоить васъ помочь ему, при случаѣ, добрымъ совѣтомъ. Зная васъ, я не затруднился просьбою. Надвяхъ онъ къ вамъ, вѣроятно, явится, и вы, если не поскучаете, найдете въ немъ молодого человѣка, хорошо учившагося (онъ кончилъ науки въ университетѣ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ), съ прекрасными правилами и совершенно дѣтской неопытностію, что особенно заставляетъ отца его о немъ заботиться.

Теперь о литературѣ. Не думаете ли чѣмъ подарить насъ? Не издаете ли чего? Если... то прошу увѣдомить меня; я хотѣлъ бы имѣть честь быть вкладчикомъ: у меня есть прекрасная основа для русской повѣсти à la Walter Scott; а къ этому и еще что либо. Нынѣшній годъ я болѣе читаю; еще осталось нѣсколько твореній, кончу,—и прощай книги—мыслей вообще немного въ оборотѣ. Если житейство позволить, то вы не упрекнете меня бездѣйствіемъ. Вы знаете очень, очень хорошо, какъ у насъ практическая жизнь враждуетъ съ литературною. До отвѣта. Вашъ навсегда Андроссовъ.

Сообщ. В. Е. Язушенинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVI ¹⁾.

Въ тюрьму я былъ брошенъ, отосланъ въ изгнанье,
 Извѣдалъ я горе, извѣдалъ страданье,
 Но все же я звалъ изъ печальной глуши
 Свободу, владычцу твердой души.
 Пришла, наконецъ, будто свѣтъ среди тьмы,
 Какъ воздухъ прохладный средь душной тюрьмы,
 И голосъ мнѣ вдругъ пробѣжалъ близъ ушей:
 «Вотъ ключъ отъ затворовъ тюремныхъ дверей,
 И дамъ его женщиѣ, тебѣ ихъ она
 Отворитъ; я буду тебѣ отдана».
 Растворены двери и что-жъ вижу я?
 О Боже! Она, то подруга моя,
 Она растворила тюремную дверь,
 И веселъ я съ ней и воленъ теперь.
 За волю, за волю тебѣ, Провидѣнье,
 Подругой мнѣ данною—благодаренье.
 Но есть еще воля!... то воля моя
 Стремиться къ добру—неизмѣненъ ей я.

Н. П. Огаревъ.

Москва. Сентябрь 1839 г.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 692.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ

Письма къ нему Боева, Баклановскаго и Леонтьева.

въ 1677 г.

1.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу холопъ твой Матюшка Боевъ челомъ бьетъ. Въ домѣ твоємъ государевѣ на Москвѣ и въ вотчинахъ іюля въ 12 д. все далъ Богъ здорово. Изъ помѣстнаго, государь, приказа князю Алексѣю Васильевичу государеву грамоту на дикое поле къ писцу Ивану Нащокину на чотыреста на пятьдесятъ четей взялъ въ Соловскомъ и Чернскомъ уѣздѣхъ на Ситовѣ Мечи, подлѣ твоихъ государевыхъ дачъ; а писецъ Иванъ Нащокинъ по се число еще съ Москвы не поѣхалъ. Да по указу великаго государя посланъ къ тебѣ со здоровьемъ и съ наказомъ стольникъ, князь Андрей, князь Андреевъ сынъ, Хилковъ; да къ тебѣ-жъ, государь, грамота: велѣно полчаномъ твоимъ, которые пріѣхали въ Путивль прежде твоего пріѣзда и которые пріѣзжали къ тебѣ въ дорогу, имъ вычесть и милостиво похвалить. Да и къ товарищу, государь, твоему къ Ивану Васильевичу Бутурлину посланъ со здоровьемъ и съ наказомъ Федоръ Павловъ сынъ Языковъ; а по се, государь, число съ Москвы они не поѣхали, выправливаются изъ розряда. Да іюля государь, въ 5 д., вверху предъ государемъ и при боярѣхъ былъ шумъ большой у Ивана Михайловича съ Иваномъ Савостьяновичемъ за будные лѣса Андрея Васильевича Толстаго. По отпискѣ, государь, твоей указалъ великій государь за безчестье твое Брянскаго воеводу Луку Зубова бить батоги и выслать его къ тебѣ въ полкъ служить; а о наказаньи и о высылкѣ государевъ указъ посланъ во Брянскъ къ

стрѣлечкому и казачѣмъ головѣмъ, къ Леонтью Шакловитому съ розряднымъ подъячимъ, и городъ велѣно вѣдать ему, а на Лукино мѣсто сказано князь Оедулу Волинскому, и вивѣ опъ отлеживается, вѣхъ не хочеть. Да іюля, государь, въ 10 д., на праздникъ Ризы Господней, сказано окольниковъ Петру Тимоѣевичу Кондыреву, Андрею Ивановичу Чырикову; у сказки стоялъ думный Дементій Башмаковъ. Да іюня, гоударь, въ 29 д., въ день роженія царевича Петра Алексѣевича, государь указалъ быть для дня того вверхъ Кириллу Полуэктовичу, а вивѣ по прежнему съ двора не съѣзжаетъ. Да того жъ дня отъ царицы государыни ходилъ къ нему истопникъ съ подачею въ Троицкія ворота Каменнымъ мостомъ и по вѣдомости великому государю за гнѣвъ учинилось: истопникъ тотъ сослапъ въ ссылку, а Троицкія ворота и по се число заперты, не пропускаютъ ни коняго, ни пѣшаго.

2.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу холопъ твой Матюшка Боевъ челомъ бьетъ. Въ домѣ твоёмъ государевѣ на Москвѣ и въ вотчинахъ августа въ 9 д. далъ Богъ здорово. Приказы стрѣлечкіе, Максимъ Лупандинъ, Матвѣй Вешняковъ къ тебѣ, государю, пошли августа въ 6 д.

Да августа-жъ въ 8 д., по государеву указу, приведенъ былъ Иванъ Кирилловъ сынъ Нарышкинъ въ городъ къ рундуку, что передъ Грановитою палатой и около его сотникъ съ стрѣльцами, и челъ вины ему думной Василій Семеновъ, а у сказки стоялъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ. А въ вивѣ ему написано: говорилъ-де ты, Иванъ, держальнику своему Ивану Орлу на Воробьевѣ и въ вивѣ мѣстѣхъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: «ты-де Орелъ старый, а молодой Орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни. царицы и великой княгини Натали Кирилловны великую милость и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ вѣтъ!» И держальникъ твой, Ивашка Орелъ, тебѣ говорилъ: «убилъ бы я, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ!» И Давыдка-де въ тѣхъ словахъ пытанъ и огнемъ и клещами сженъ многижда, и передъ государемъ, и передъ патриархомъ и передъ бояры и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія-жъ свои рѣчи, какъ ты Ивашкѣ Орлу говорилъ, чтобъ благочестиваго царя убить. И великій государь указалъ и бояре приговорили за такія твои страшныя вины и воров-

ство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертю казнить. И великій государь тебя жалуеть, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ дать животъ, а указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань въ Ряжской городъ и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего, а въ приста- вѣхъ у тебя указано быть Ивану Полуэктову, а изъ Ряжска тебя никуда и въ деревни свои безъ государева указа ѣздить не велѣно.

А вины его написаны столбцахъ будетъ на двадцати. А брату его, Аеонасью, указано съ нимъ же быть, а Федоровѣ женѣ Полуэктовича и съ сыномъ указано быть въ Алаторской ихъ старой деревнѣ, а въ приставахъ у нихъ Данило Черицовъ. Да писалъ къ тебѣ, государю: изъ Арзамасской твоей вотчины села Стикова священникъ Корнилія, іюля-де въ 15 д., волею праведною Божіею, сгорѣло въ селѣ 37 дворовъ крестьянскихъ, и таможенная изба, и квасной амбаръ и погребъ, и изба квасная, и ряды, и лавки и полки, все безъ остатка; а пишеть, чтобъ ты, государь, пожаловалъ нынѣшній годъ подымныхъ денегъ съ лавокъ и полковъ съ арзамасцевъ и съ уѣздныхъ со всѣхъ людей для строенья полковъ и лавокъ имать не велѣлъ, а тѣхъ, государь, денегъ сбиралось въ годъ по тринадцати рублей слишкомъ, и о томъ, государь, что укажешь? А какъ ты, государь, ихъ тѣми деньгами на нынѣшній годъ пожалуешь, имать не укажешь, и они-де, посадскіе люди, лавки и полки на твоей сгорѣли, что по раздѣлу досталось, хотягъ строить собою. А учинился, государь, пожаръ: прогорѣла въ печи горнушка на дворѣ крестьянина твоего, Авдюшки Федотова.

3.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу Ивашка Биклановской, Федька Левонтьевъ челомъ бьютъ. Подай Господь Богъ тебѣ, государю, многолѣтно здравствовать на многія лѣта; а про насъ, государь, изволишь вѣдать, и мы іюля по 10-е число живы.

Въ приказѣ, государь, и на пушечномъ дворѣ все далъ Богъ здорово и большая нищаль на сверлѣ ходить, а не дойдено пропильнымъ сверломъ безъ трехъ вершковъ аршинъ. А у подъемщика, государь, большой Успенской колоколь поднять былъ въ каменные своды и ушми дошелъ было до взруба, что на столбахъ и поверхъ ушей увѣши (sic); іюля въ 6 числѣ канаты подорвались и колоколь осѣлъ на срубъ аршина на три, только, государь, все цѣло и подъемщикъ канаты окрѣпилъ вновь и подъемъ будетъ іюля въ 11 числѣ.

А князь Семеновы княгини Львова дѣло вотчинное съ Ивановыми

отослалъ въ сибирскій приказъ къ боярину, къ Родіону Матвѣевичу Стрешневу. А что государь, у князь Ивана, князь Никитина сына, Засѣкина дѣло съ Петромъ Апраксинымъ, и о томъ дѣлѣ прислана память изъ посольскаго приказу; а нынѣ, государь, дѣла изъ приказовъ переносить къ тебѣ, боярину, вновь.

А пушкаремъ, государь, государево жалованье соль на нынѣшній годъ дана и изъ сибирскаго приказа мягкія рухляди треть на нынѣшній годъ на жалованье взято; а объ деньгахъ и о сукнахъ по се число указу нѣтъ. А о прutowомъ желѣзѣ великаго государя указъ на Тулу и на заводы посланъ, велѣно полтораста пудъ отпустить въ Сѣвскъ съ Тулы на ямскихъ подводахъ; а впредь, государь, что учнетъ дѣлаться, и мы вѣстно чинить станемъ.

По семь тебѣ, государю, много челомъ бьемъ.

Да писалъ ты, государь, ко мнѣ, о Давыдовѣ дѣлѣ Бахерхта, чтобъ его не отпустить въ иной приказъ; и Собакинъ, государь, подписалъ челобитную, что дѣло взять отъ тебя, боярина, къ боярину, ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову въ казанскій дворецъ, и ты, государь, учини намъ извѣстно, какъ изволишь.

Сообщ. А. Востоковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОГИЛЫ ВЪ ГОРОДѢ БЕРЕЗОВѢ

кн. Меншикова и гр. Остермана.

I.

Въ началѣ юня мѣсяца 1886 г. мнѣ случилось быть въ г. Березовѣ. Хотя это время тамъ считается весною, но было похоже больше на осень: сильный холодъ, дождь и вѣтеръ не позволяли плыть въ лодкѣ дальше на сѣверъ, а сухопутныхъ дорогъ лѣтомъ тамъ нѣтъ, поэтому, поневолѣ, пришлось просидѣть нѣсколько дней въ комнатѣ. Но какъ ни была плоха погода, все-таки быть въ Березовѣ и не видать могилъ Меншикова и Остермана, окончившихъ здѣсь свою жизнь было бы почти преступленіемъ, поэтому, разспросивши хозяина, я отправился на кладбище.

Подходя къ церкви, выстроенной на высокомъ мысу надъ р. Сосвой—здѣсь, почти внутри города, помѣщается кладбище,—еще издали я замѣтилъ простой, старый, деревянный крестъ, выкрашенный черной краской, поставленный въ головахъ могилы, обнесенной полуразвалившейся деревянной рѣшеткой. Подойдя ближе, я осмотрѣлъ его подробно. Крестъ, вышиною въ три аршина, состоитъ изъ двухъ перекладинъ, какъ у католиковъ и лютеранъ. На пересѣченіи сдѣлана надпись «20-го мая 1747 года», а подъ ней тонкими бѣлыми чертами нарисованъ осьмиконечный крестъ. На другой сторонѣ, на пересѣченіи, прибиты двѣ вырѣзанныя изъ бѣлой жести буквы: «А. О.» и надъ ними такая же, грубой работы, корона. Это и есть могила графа Андрея Ивановича Остермана.

Могила князя Александра Даниловича Меншикова находится за оградой другой церкви, гдѣ другихъ могилъ нѣтъ. Она также огорожена простой рѣшеткой, но выкрашенной черной краской, и въ головахъ поставленъ такой же крестъ, какъ у Остермана, и при-

бита буква «М», съ короной наверху, сдѣланной очень плохо. За лѣвую палочку буквы засунуть, наискось, маленькій мѣдный образокъ Божіей Матери, съ Младенцемъ Иисусомъ на рукахъ. Крестъ и рѣшетка возобновлены въ 1885 году. Говорять, что тѣло Меншикова почти сохранилось, такъ какъ на глубинѣ могилы земля не отмерзаетъ.

Глядя на эти бѣдныя могилы, поддерживаемыя какими-то добрыми людьми, невольно является мысль: отчего же не позаботятся о нихъ прямые ихъ потомки? Кто бы ни были умершіе въ отношеніи государства, ихъ судить исторія; а все-таки, безъ этихъ предковъ, потомковъ нынѣ не зналъ бы никто. Ежели они не могутъ или не хотятъ увезти ихъ гробы отсюда, то хотя на мѣстѣ поставили бы какіе-нибудь памятники.

И. Вороной.

II.

По поводу замѣтки о могилѣ князя Меншикова, этого «безроднаго баловня счастья» — напомнимъ рассказъ историка Д. Н. Бантыша-Каменскаго о вскрытіи имъ въ 1827 г. этой исторической могилы. Рассказъ этотъ находится въ его Запискахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., какового изданія давно уже нѣтъ въ продажѣ, такъ какъ оно въ томъ же году сплошь разошлось (томъ VII, июнь, стр. 744—746).

«Я пріѣхалъ въ Березовъ 6-го января 1827 г. на разсвѣтѣ и того-жъ числа обревизовалъ присутственныя мѣста, а послѣ обѣда осмотрѣлъ гробницу Меншикова, любимаца Петра Великаго, бывшаго генералиссимуса російскихъ войскъ. Мерзлая земля, принявшая останки сего знаменитаго изгнанника, сохраняла ихъ отъ порчи въ теченіи ста лѣтъ. Городничій березовскій, г. Андреевъ, при самомъ вступленіи его въ сію должность, получилъ отъ меня словесное приказаніе открьти мѣсто погребенія Меншикова, если оно неизвѣстно. Принявъ слово сіе буквально, г. Андреевъ сталъ рыть землю на косогорѣ, въ десяти саженьяхъ отъ берега рѣки Сосвы и близь фундамента сгорѣвшей, въ 1806 году, церкви, самымъ Меншиковымъ построенной; нашелъ гробницу, длиною въ сажень, совершенно сохранившуюся. По снятіи крышки оказалось, что тѣло усопшаго, покрытое на вершокъ льдомъ, не имѣло ни малѣйшаго поврежденія. Гробъ Меншикова тогда же былъ засыпанъ прежнею землею. Городничій не приказывалъ поднимать его на поверхность и я то-же сдѣлалъ 6-го

января, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли тѣло, найденное г. Андреевымъ, было Меншикова ¹⁾).

При первомъ взглядѣ, я узналъ его по фамильному портрету, бывшему у меня, съ котораго снятый рисунокъ помѣщенъ въ изданныхъ мною біографіяхъ любимцевъ Петра Великаго. На усопшемъ не было уже льда, но тѣло его, по увѣренію г. Андреева, чрезвычайно почернѣло, вѣроятно, отъ прикосновенія воздуха, между тѣмъ какъ въ 1825 году находилось въ томъ видѣ, въ какомъ погребено. Сукно, покрывавшее гробъ, позументъ, шелковое покрывало, стеганная шапочка на головѣ усопшаго, вѣничикъ, платье, башмаки съ острыми носками и высокими каблуками также пострадали отъ перваго раскрытія и частью истлѣли, частью пережѣли дѣтъ ²⁾).

При освидѣтельствованіи гробницы Меншикова не было стеченія народа и сіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на жителей Березова. Я пригласилъ тамошняго протоіерея отслужить панихиду по немъ. Та-же насыпь покрыла въ тотъ же день мѣсто, гдѣ покоятся останки одного изъ ревностѣйшихъ слугъ Петра Великаго, того любимца фортуны, который имѣлъ счастье, для славы Россіи, спасти жизнь монарха, благодѣтеля своего; строилъ вмѣстѣ съ нимъ корабли, обучалъ войско, побѣждалъ враговъ, управлялъ кормиломъ государства въ царствованіе Екатерины I; помолвилъ дочь за императора Петра; намѣревался сочетать бракомъ сына съ великою княжною, проложить потомкамъ своимъ дорогу къ престолу,—низвергнуть въ прежнее ничтожество, лишился вдругъ всѣхъ надеждъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей, болѣе ста тысячъ душъ, княжескаго достоинства, чиновъ, знаковъ отличій, жены, дочери, имъ любимой, и въ несчастіи побѣдилъ самого себя, умѣвъ сносить оное съ христіанскимъ терпѣніемъ! На могилѣ Меншикова сдѣлано возвышеніе изъ дерна въ

¹⁾ Князь А. Д. Меншиковъ скончался 22-го октября 1729 г.; гробъ его былъ открытъ чрезъ 97 лѣтъ и три мѣсяца послѣ погребенія: почти столѣтняя давность не спасла, однако-же, Бантышъ-Каменскаго отъ пересудовъ, нареканій и извѣстовъ, вызванныхъ вскрытіемъ могилы кн. Меншикова. Ред.

Въ числѣ указавшихъ Андрееву могилу Меншикова, на коѣй не имѣлось даже насыпи, былъ казакъ Иванъ Андреевъ Шаховъ, 57 лѣтъ, который узналъ объ оной отъ умершаго на 107 году, въ 1797 году, березовскаго мѣщанина Матвѣя Баженова. Сей послѣдній опускалъ въ 1729 году гробъ Меншикова въ землю. В. К.

²⁾ Въ моемъ собраніи нѣкоторыхъ достопамятныхъ вещей сохранился лоскутокъ сукна, которымъ былъ обитъ гробъ кн. А. Д. Меншикова. Лоскутокъ этотъ, оторванный отъ его гроба Андреевымъ, былъ подаренъ имъ А. Н. Креницыну, а самъ послѣднимъ отданъ мнѣ въ 1864 г. Ред.

полтора аршина; деревянная, выкрашенная рѣшетка окружаетъ сіе мѣсто».

«Альбертъ, продолжаетъ Бантышъ-Каменскій, спускался въ могилу Меншикова и, по моему порученію, снялъ крестъ съ усопшаго, бантикъ изъ ленточки, находившійся на груди его, также частицу волосъ съ брови, смѣшанную съ приставшею къ нимъ мерзлою землею. Крестъ, бантикъ, нѣсколько лоскутковъ сукна, шелкового покрывала, позумента и кусокъ гроба изъ кедроваго дерева были мною отправлены, 15-го февраля 1827 года, къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову, правнуку знаменитаго изгнанника. Волоса (положенные Альбертомъ въ стекляночку, наполненную спиртомъ, для того, чтобъ они отдѣлились отъ земли) намѣревался я лично вручить князю, но не исполнилъ сего по той причинѣ, что письмо мое осталось безъ отвѣта. Стляночка хранится доселѣ у г. Альберта (1834 г.)».

Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ

въ 1820 — 1843 гг.

Свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ род. 29-го октября 1771 года; трехъ лѣтъ отъ рожденія онъ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенской полкъ, въ 1789 году былъ уже поручикомъ л.-гв. Коннаго полка; за участіе въ штурмѣ Праги (1794 г.) получилъ орденъ св. Георгія; въ 1798 г. ген.-майоръ; участникъ великихъ войнъ съ Наполеономъ и войны со Швеціей въ эпоху Александра I. Пройдя всѣ степени военной службы до чина генераль-отъ-инфантеріи и начальника корпуса, кн. Д. В. Голицынъ въ 1820 году назначенъ военнымъ генераль-губернаторомъ Москвы, съ управленіемъ и гражданскою частью. 27-го марта 1843 г. князь (съ 1841-го года свѣтлѣйшій) Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ скончался въ Парижѣ, куда отправился изъ Москвы для поправленія здоровья; онъ оставилъ по себѣ память сановника умнаго, администратора энергическаго, человѣка, любившаго науку и ея подвижниковъ.

Печатаемая нынѣ о немъ рукопись сообщена «Русской Старинѣ» покойною вдовою М. П. Погодина—Софьей Ивановной, изъ бумагъ ея мужа. Составитель приводимыхъ разсказовъ былъ воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона и одинъ изъ лицъ, довольно долго служившихъ при кн. Д. В. Голицынѣ; фамилія этого лица на рукописи не обозначена.

Ред.

Московскій генераль-губернаторъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ представляетъ личность человѣка, воспитаннаго подъ вліяніемъ французскаго либерализма, начавшаго свои служебныя дѣйствія въ Александровское царствованіе и перенесшаго въ Николаевскую эпоху рыцарское благородство, со всѣми пороками и достоинствами вельможи Екатерининскихъ временъ; а между тѣмъ о такой личности нѣтъ полного жизнеописанія, многія обстоятельства его жизни, дѣйствія его, подвиги,

обрисовывающіе его характеръ и значеніе, не записаны въ лѣтописи; теперь они еще живутъ въ памяти многихъ, но современемъ забудутся, изгладятся, исчезнутъ и такая личность, какъ личность Дмитрія Владиміровича Голицына, достанется исторіи въ одной официальной формѣ.

Если не нашлось еще человѣка, которому были доступны семейные факты, преданія, документы, который посвятилъ бы свой трудъ на собраніе и разработку этихъ матеріаловъ, то въ виду облегченія труда будущему историку свѣтлѣйшаго князя, этого любимца Москвы и двухъ императоровъ, игравшаго двадцать три года важную административную роль въ Россіи, долгъ каждаго записать все, что этотъ каждый знаетъ изъ жизни князя, хотя бы и мелочи, и тѣмъ сохранить живой матеріалъ для его біографіи; стыдно будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ.

Съ такимъ убѣжденіемъ, при личномъ уваженіи къ памяти этого истаго вельможи и аристократа не по одному названію, но и по возвышенности чувствъ и мыслей, человѣка благороднаго въ высшемъ значеніи этого слова, пишущій эти строки накидываетъ свои воспоминанія, съ сожалѣніемъ, что не можетъ прослѣдить цѣлой жизни князя Дмитрія Владиміровича, высказать все политическое и человѣческое значеніе его для Россіи и долженъ ограничиться только нѣсколькими случаями, анекдотами, ему извѣстными, но и они могутъ современемъ послужить фактами къ очертанію высокаго характера князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Пишущій эти строки тринадцать лѣтъ служалъ при свѣтлѣйшемъ, но изъ этихъ тринадцати лѣтъ надо выкинуть первые годы начинанія службы въ младшихъ должностяхъ, — годы вѣтренности; онъ пользовался потомъ довѣріемъ и любовію князя, но только въ служебныхъ отношеніяхъ и не былъ домашнимъ человѣкомъ, не могъ звать всего, а потому и нельзя отъ него требовать чего-нибудь глубокаго, послѣдовательнаго, біографическаго.

I.

Въ Москвѣ доживалъ свой вѣкъ нѣкто статскій совѣтникъ Францъ Александровичъ Юни. Человѣкъ ученый, образованный, бывшій въ Китаѣ, іезуитъ по душѣ, если не агентъ іезуитовъ.

Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Полемъ и какъ Поль былъ домашнимъ докторомъ и приближеннымъ человѣкомъ супруги свѣтлѣйшаго князя, княгини Татьяны Васильевны (урожденной Васильчиковой), то Юни избралъ Поля проводникомъ для опредѣленія меня, воспитанника бывшаго благороднаго университетскаго пансіона, на службу въ князю. Княгиня, олицетворенное милосердіе, женщина безукоризненная, самыхъ честнѣйшихъ правилъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ порывахъ своего добраго сердца хлопотала тогда объ устройствѣ благотворительныхъ заведеній. Поль далъ перевести мнѣ съ французскаго жизнь св. Викентія Поля, это было совершенно à propos; переводъ былъ посвященъ и лично поднесенъ мною княгинѣ, въ ея кабинетѣ.

Меня поразили тонкія, благородныя черты этой старушки; онѣ обличали ея добрую душу и прежнюю красоту; она была окружена облагодѣтельствованными ею воспитанницами и пила кофе; князь пришелъ пожелать ей добраго утра, какъ онъ это всегда дѣлалъ. Княгиня приняла благосклонно мой трудъ и князь, подойдя ко мнѣ, спросилъ: чего я желаю въ благодарность? „Служить при вашемъ сіятельствѣ“. — „Очень радъ открыть вамъ дорогу, подайте завтра просьбу“. Я отблагодарилъ и откланялся. Вотъ первое мое знакомство съ ними.

II.

На другой день день былъ не приемный; я сказалъ швейцару, что мнѣ приказано, и меня впустили; въ залѣ никого почти не было; только по срединѣ стояли три господина въ карикатурныхъ мундирахъ съ красными воротниками при треугольныхъ шляпахъ и шпагахъ съ самыми кислыми физиономіями, одинъ худой, длинный, другой настоящій арбузъ на двухъ огурцахъ, третій среднепропорціональный. Около нихъ суетился и шептался чиновникъ особыхъ порученій князя Федоръ Ивановичъ Евреиновъ, добрый простой старичекъ; я его зналъ и, улучшивъ минуту, спросилъ, что это за люди? Для меня съ студенческой лавки это было новость.

— „Это члены (или секретари, не помню) Сиротскаго суда, отвѣчалъ Евреиновъ, я производилъ ревизію и открылъ много продѣлокъ, князь призвалъ ихъ распечь“.

Адъютантъ отворилъ двери и князь изъ кабинета подошелъ прямо къ нимъ очень близко, вставилъ въ глазъ лорнетъ, онъ былъ очень близорукъ, и прищурясь разсматривалъ ихъ сперва, а потомъ тихо началъ:

— „Это вы мошенники, вы грабители сиротъ“, и тому подобное; оборотясь къ длинному, онъ добавилъ: „ты честнѣе ихъ, дуракъ, я знаю, зачѣмъ же ты ихъ слушаешь?“ и началъ ругать другихъ сверными словами, которыя произносилъ по своему, неправильно. Толстый обидѣлся и напомнилъ, что онъ титулярный совѣтникъ. Нельзя было удержаться отъ смѣха, видя эту толстую, красную, неуклюжую рожу и типъ благородной фигуры князя, — когда онъ, отступивъ два шага и поднимая ногу, закричалъ: „какъ я тебѣ въ пузо-то дамъ титулярнаго совѣтника!“ онъ разразился въ ругательствахъ и угрозахъ; окончилъ тѣмъ, что, выталивая ихъ буквально въ шею, — простилъ. Онъ терпѣть не могъ предавать суду и дѣлать несчастье; вотъ фактъ этому, хотя не лично, но доподлинно мнѣ извѣстный.

III.

Во второмъ департаментѣ Московскаго уѣзднаго суда служилъ по выборамъ молодой человекъ, надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Степановъ, дѣятельный, умный, но дерзкій и рѣшительный на все.

У него въ судѣ былъ споръ двухъ значительныхъ лицъ, въ 70 тыс.; дѣло рѣшено было въ сенатѣ противъ того лица, руку котораго держалъ князь Дмитрій Владиміровичъ. Дѣло перенесено было въ комиссію прошеній; только нужно было задержать выдачу денегъ. Князь призвалъ Степанова и просилъ его отъ своего имени замедлить выдачу, такъ какъ скоро исполненіе будетъ остановлено; Степановъ обѣщалъ, но взялъ 10 тыс. и деньги выдалъ. Князь сказалъ только: „онъ не уважилъ моей просьбы, но воли это по закону, онъ правъ“.

Вскорѣ послѣ этого Степановъ, имѣя въ Святой надобность въ деньгахъ на коляску, сдѣлалъ въ судѣ фальшивую выдачу выморочныхъ денегъ, но обдѣлилъ одного засѣдателя и тотъ сдѣлалъ доносъ.

Когда это дошло официально до князя, онъ сказалъ: „если бы Степановъ не продалъ моей просьбы, я бы ему простилъ; это заблужденіе молодости, но въ немъ безнравственныя начала, пусть дѣло идетъ законнымъ порядкомъ, а засѣдатель подлець, изъ 200 погубилъ 5 человекъ; при первомъ проступкѣ предать суду“. Засѣдатель былъ скоро преданъ суду, а въ дѣлѣ Степанова князь былъ вполне безпристрастенъ. Степановъ избавился солдатства женитьбой на побочной дочери оберъ-секретаря, у котораго было его дѣло.

IV.

1830 и 1831 годы памяты Москвѣ. Это года холеры, но эти годы отмѣчаютъ блестящія страницы на поляхъ исторіи князя. Онъ явилъ себя тутъ благоразумнымъ, предусмотрительнымъ распорядителемъ; дѣйствія его извѣстны изъ газетъ того времени. При господствовавшемъ убѣжденіи, что холера заразительна какъ чума, онъ былъ въ необходимости—устроить карантинны и оцѣплять городъ подъ вліяніемъ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго. Впрочемъ, отъ этого ли, по другимъ ли причинамъ холера свирѣпствовала въ столицѣ, но не разлилась въ уѣзды.

Городъ терпѣлъ дороговизну, лишенія, строгости, но не было ропота на князя; всѣ были убѣждены въ его благоразуміи и благонамѣренности; спокойствіе не нарушалось, только чернь искала отравителей. Первою мѣрою князя была высылка изъ Москвы чернорабочихъ и фабричныхъ до 40 тыс., потомъ устройство на пожертвованія больницъ и раздачу бѣднымъ хлѣба. Что князь лично не вѣрилъ въ прилипчивость холеры, доказывается тѣмъ, что онъ безбоязненно посѣщалъ больницы. Въ этой мысли его поддерживалъ генералъ Карлъ Густафьевичъ Сталь (умершій комендантомъ въ Москвѣ); этотъ старикъ всѣми личными дѣйствіями внушалъ безбоязненность заразы. Какъ бы то ни было, безъ всякихъ крутыхъ мѣръ, князь Д. В. Голицынъ сохранилъ въ Москвѣ тишину и спокойствіе въ такое трудное критическое время; по одному его слову являлись дѣятели, помощники, жертвователи; его нравственное вліяніе на всѣ классы было безгранично. Я только что начиналъ службу и потому, въ огорченію моему, не могу сказать подробнѣе о холерѣ.

V.

Около князя группировалась вся аристократическая молодежь того времени и число чиновниковъ сверхъ штата доходило до полтора ста. Валугевы, Топильскіе, князья Урусовы и многіе другіе, воспитанные въ его школѣ, занимали послѣ важныя государственныя должности. Свою канцелярію князь считалъ разсадникомъ, изъ котораго замѣщалъ всѣ должности въ губерніи; онъ это говорилъ вслухъ, и когда одинъ уже опытный чиновникъ просился къ нему, онъ написалъ въ резолюціи: я беру къ себѣ молодежь, чтобъ училась, а г. N опытенъ, можетъ найти другое мѣсто. Князь, воспитанный въ Парижѣ, плохо зналъ рускій языкъ, писалъ мелко, не четко, не дописывалъ и съ ошибками противъ языка; повтому когда ему приходилось писать большія резолюціи, высказать идеи или дать дипломатическій отвѣтъ, въ чемъ онъ очень былъ искусенъ, онъ писалъ отлично по французски и чиновникамъ оставалось только перевести. Напрасно обвиняли его въ недостаткѣ ума, даже опытъ въ дѣлахъ въ послѣднее время былъ совершенно удовлетворителенъ; онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, особенно противу высшихъ (надѣюсь представить нѣсколько фактовъ), за то былъ снисходителенъ къ подчиненнымъ и выслушивалъ всѣ возраженія безъ горячности, и хотя дѣйствовалъ по своему убѣжденію, но послѣ добросердечно сознавался въ своихъ ошибкахъ. Былъ дѣятеленъ и никогда не задерживалъ дѣлъ.

Онъ просыпался въ 5 или 6 часовъ и лежа распечатывалъ новыя бумаги, пилъ чай, читалъ доклады; въ 9 часовъ вставалъ и одѣвался; въ 10, сходявши къ княгинѣ, принималъ правителя канцеляріи и близкихъ чиновниковъ; въ 12 въ приѣмной залѣ собиралось московское начальство и всѣ лица, имѣвшія до него надобность по службѣ; а три дня въ недѣлю принималъ просителей, впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ всегда былъ доступенъ. Передъ обѣдомъ онъ ѣздилъ съ визитами, осматривать войска, заведенія, ревизовалъ присутственныя мѣста лично, даже и въ уѣздахъ; потомъ обѣдалъ въ семействѣ, принимая своихъ приближенныхъ; послѣ обѣда немного отдыхалъ и если не вы-

ѣзжалъ, занимался подписью бумагъ, дѣлами, одинъ или по назначенію своему съ кѣмъ было нужно, занимался долго, иногда до часу, до двухъ. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ въ свой майоратъ, въ 12-ти верстахъ за Калугу, и важныя бумаги и дѣла посылали ему туда; разъ въ годъ, зимой, ѣздилъ въ Петербургъ. Вотъ общій очеркъ его времяпровожденія.

VI.

Кн. Д. В. Голицынъ былъ самостоятеленъ и не признавалъ надъ собою власти, кромѣ царской. Однажды въ мое дежурство явился чиновникъ министра внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Я доложилъ. Князь сейчасъ вышелъ и молча подошелъ, смотря на него вопросительно. Тотъ подалъ конвертъ. Князь велѣлъ мнѣ распечатать и прочесть, пока я читалъ—чиновникъ объяснилъ, что онъ присланъ министромъ обривизовать московскіе надворные суды. Князь взялъ у меня бумагу, велѣлъ позвать оберъ-полицмейстера полковника Цынскаго. Когда тотъ взошелъ, князь ему сказалъ: «наблюдайте, чтобъ этотъ господинъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Москвы, а вы скажите своему министру, пока князь Голицынъ въ Москвѣ, никто Москвы ревизовать не будетъ», и, взявъ бумагу, бросилъ ее. Чиновникъ сконфуженный пошелъ вонъ; князь не его хотѣлъ оскорбить, а дать плюху министру, поѣтому:

— «Постойте, добавилъ онъ, можетъ быть у васъ есть собственныя дѣла, родныя въ Москвѣ?—вамъ нужно здѣсь пробить?»

Есть, ваше сіятельство.

— «Долго-ли разсчитываете здѣсь остаться?»

Недѣли двѣ.

— «Мнѣ очень пріятно видѣть васъ гостемъ, можете остаться, а министру я напишу».

VII.

Князь не всегда былъ счастливъ въ выборѣ людей, но былъ очень привязчивъ. При немъ давно служилъ по особымъ порученіямъ Федоръ Михайловичъ Тургеневъ, который завѣдывалъ у него раскольниками, секретными дѣлами и конфиденціальной дипломатической перепиской князя. Онъ былъ недобросовѣстенъ съ одной стороны, угождая князю посредничествомъ по части клубнички, до которой князь страшно былъ лакомъ. Тургеневъ продавалъ его по службѣ и страшно нажился! Напрасно намекали князю; онъ не хотѣлъ вѣрить такой черной неблагодарности, со стороны человѣка, получившаго черезъ него генеральскій чинъ и груду орденовъ, не считая нажитыхъ 3-хъ тыс. душъ, но что было ждать отъ человѣка развратнаго, не пощадившаго родной дочери.

Когда устроились жандармство и тайная полиція, Тургеневъ написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, вызываясь на основаніи своей приближенности къ князю быть шпиономъ при своемъ благодѣтелѣ. Этотъ поступокъ несправедливо приписывали адъютанту Петру Петровичу Новосильцеву; Новосильцевъ не былъ способенъ на это и до конца жизни князь сохранилъ къ нему расположеніе, чего не могло быть—послѣ такого дѣйствія.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ—по благородству своей души, не смотря на холодныя свои отношенія къ князю, прислалъ ему это письмо Тургенева въ оригиналъ. У князя было въ этотъ день какое-то совѣщаніе и къ нему собрались всѣ московскія власти. Во время жаркаго разговора Тургеневъ взошелъ по обыкновенію нагло безъ доклада. Князь не обратилъ на него вниманія. Тургеневъ приближался и повторялъ поклоны.

Князь, наконецъ, оборотился и не поклонился; онъ всегда его называлъ по имени, но тутъ, вынувъ изъ подъ бронзовой собачки роковой конвертъ, сказалъ холодно: «г. Тургеневъ, прочтите это вслухъ»; тотъ схватилъ и вдругъ лицо его вытянулось, онъ узналъ свое письмо; разумѣется, языкъ не шевелился, руки дрожали; князь приказалъ бывшему тутъ чиновнику прочесть и бумагу графа, и письмо Тургенева. Послѣ чтенія взялъ, положилъ подъ собачку и не сказавъ ни слова Тургеневу—отвернулся и

заговорилъ съ членами собранія о другомъ предметѣ. Тургеневъ былъ уничтоженъ, онъ пятился, пятился и провалился въ двери, чтобы больше не являться. Презрѣнный всѣми, еще долго шатался онъ по Мясницкому бульвару, думая только о развратѣ— и умеръ забытый всѣми.

VIII.

Учрежденіе жандармства не нравилось князю Д. В. Голицыну, не потому, чтобы это былъ тайный контроль въ его управленіи и гордость его оскорблялась, но по боязни того неуправимаго вліянія, того неотразимаго зла, которое могли дѣлать въ обществѣ, въ частной жизни. члены тайной полиціи, по влеченію своихъ личныхъ отношеній; онъ не могъ составить прямой оппозиціи государственному учрежденію и требовать для себя исключенія, но сейчасъ задумалъ парализировать дѣйствія жандармовъ и ввести ихъ въ тѣсную рамку политическаго круга дѣйствія и достигъ своей цѣли.

Подъ предлогомъ размноженія дѣлъ о раскольникахъ, секретной и дипломатической переписки и необходимости имѣть въ губерніи по дѣламъ неполитическимъ тайныхъ агентовъ, князь исходатайствовалъ учрежденіе при своей канцеляріи секретнаго отдѣленія и испросилъ штрафную сумму за просрочку въ Москвѣ адресныхъ билетовъ въ безотчетное свое распоряженіе (до 70 тыс. ассигн. въ годъ) на содержаніе тайныхъ агентовъ. Управление этою канцелярією и агентами онъ ввѣрилъ служившему при немъ князю Ивану Ѳедоровичу Голицыну, человѣку жестокому, но хитрому и вполнѣ сочувствовавшему мысли дяди. Предположенія князя Дмитрія Владиміровича скоро оправдались на дѣлѣ; жандармы не только слѣдили нѣтъ ли заговоры и бунтовщиковъ, но проникали въ семейныя тайны, касались администраціи, доносили на частныхъ лицъ и присутствіе тайнаго надзора посѣяло во всѣхъ страхъ и стало отзываться въ общественной жизни, ибо изо всего могли сдѣлать поводъ къ непріятностямъ враги тайные, безответственные, но скоро обозначились и дѣйствія Ивана Ѳедоровича Голицына; едва только жандармы что нибудь доносили и графъ Бенкендорфъ сообщалъ князю

Дмитрію Владиміровичу для распорядженія или предупрежденія, князь имѣлъ уже данныя отвѣчать, что это вздоръ, если это былъ вздоръ, или что онъ уже принялъ свои мѣры къ предупрежденію зла, если была правда; при этомъ почти всегда дѣйствія жандармовъ представлялись ихъ начальству бесполезными, запоздалыми, преувеличенными и часто князь Дмитрій Владиміровичъ прямо писалъ, что они вмѣшиваются не въ свое дѣло. Это породило сильное неудовольствіе между шефомъ жандармовъ и генералъ-губернаторомъ, отстаивавшимъ спокойствіе ввѣренной ему столицы; его полиція была такъ дѣятельна, что вездѣ предупреждала жандармовъ, а онъ самъ, гдѣ только могъ, уничтожалъ или ослаблялъ ея дѣйствія. Позже помирилъ князя Дмитрія Владиміровича съ графомъ Бенкендорфомъ и военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ чиновникъ его Барышниковъ, вступившій на мѣсто умершаго князя Ивана Федоровича Голицына; они, т. е. вн. Д. В. Голицынъ, Бенкендорфъ и Чернышевъ сдѣлались истинными друзьями и единомысленниками.

IX.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, въ какомъ духѣ князь Дмитрій Владиміровичъ противодѣйствовалъ тайной полиціи.

Какъ человекъ образованный, онъ желалъ образованности, общественнаго мнѣнія, гласности и даже доходилъ до представленія проекта объ открытіи въ Москвѣ, въ видѣ опыта, публичнаго судопроизводства. Въ канцеляріи былъ чиновникъ Семень Ивановичъ Стромилловъ; онъ писалъ очень хорошо стихи, но преимущественное направленіе его таланта было сатирическое, никто не ускользалъ отъ его насмѣшекъ; когда князь Дмитрій Владиміровичъ выдалъ свою любовницу актрису Лопухину за глупаго князя Х...ва, польстившагося на камергерскій ключъ, Стромилловъ написалъ эпиграмму и князь Дмитрій Васильевичъ первый хохоталъ. Потомъ, когда сгорѣлъ въ Петербургѣ Зимній дворецъ — Стромилловъ написалъ на князя Волхонскаго басню, которая начиналась такъ:

Волъ, конской сбруею украшенный, стоялъ, и пр.

Сатира была и зло, и мѣтко написана. Черезъ нѣсколько времени графъ Бенкендорфъ сообщаетъ князю особое повелѣніе, что такъ какъ авторъ живетъ въ Москвѣ, то отыскать его и, заковавъ, доставить въ Петропавловскую крѣпость. Князь зналъ автора. Онъ призвалъ Строилова и показалъ ему бумагу, тотъ помертвѣлъ. «Вотъ, сказалъ князь, Богъ даетъ вамъ, молодымъ, таланты, а вы обращаете ихъ себѣ во вредъ! Пиши на меня, а это не тронь. Ну, что если я тебя пошлю? ты погибъ и изъ за чего? изъ за краснаго словца! ступай сейчасъ домой, у тебя вѣрно есть еще что запрещенное, уничтожь; могутъ накрыть жандармы, тогда и я не спасу, ступай скорѣй!»

Тѣмъ и кончилось; на бумагѣ онъ велѣлъ донести, что авторъ не отысканъ. Вообще онъ сердился, когда ему приходилось исполнять строгія мѣры, по доносамъ жандармовъ; онъ говорилъ: „они губятъ людей, а я отвѣчай и передъ людьми, и передъ Богомъ“.

X.

1834 годъ огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ; 8 іюня сгорѣло Лафертово; 11 августа 290 домовъ; на 11 милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько разъ въ день, команда обезсилила, лошади замучились, Цынскій нанималъ извозничьихъ по 5 и по 6 р. ас. въ день. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей и стало опасно ходить по улицамъ! Волненіе выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ. Жандармы оказались безсильны! Но князь Дмитрій Владиміровичъ является и тутъ отличнымъ администраторомъ! Чѣмъ успокоить народъ, предупредить насилія? Нужны очистительныя жертвы для спасенія жертвъ—отъ волненія черни.

Первыхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ судятъ военнымъ судомъ и подвергаютъ публичной казни безъ ясныхъ уликъ, но пожары не прекращаются, народъ волнуется—нѣсколько жертвъ безъ вины налѣ отъ его подозрительности (въ томъ числѣ полковникъ Сомовъ). Князь спрашиваетъ разрѣшеніе государя при-

нять сильнѣйшія мѣры и князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ открываетъ слѣды — шайки разбойниковъ-поджигателей, ловить 17 человекъ и находить у нихъ грабежныя съ пожаровъ вещи, но только двое изъ нихъ сознаются, остальные запираются, а съ ихъ арестомъ пожары прекратились. Сильное обвиненіе. Князь Иванъ Ѳедоровичъ прибѣгаетъ къ формальной пыткѣ и истязаніемъ вынуждаетъ сознание. Виновные наказаны, 400 тыс. жителей упокоены, но князь Дмитрій Владиміровичъ узнаетъ чѣмъ Иванъ Ѳедоровичъ достигъ этого, ѣдетъ осмотрѣть орудія пытки (въ сводѣ вдѣлано было кольцо, допрашиваемаго привязывали внизъ головой и били нагайками, или голандской бичевкой, перетягивали руки и вѣшали за веревку на гвоздь и т. п.) и, убѣдясь въ ихъ жестокости, удаляетъ князя Ивана Ѳедоровича Голицына отъ дѣлъ.

Напрасно ему доказывали, что всѣ наказанные кромѣ поджоговъ давно заслужили кнутъ. Его чистая душа не выносила насилія.

ХІ.

Но не надо думать, чтобъ князь Дмитрій Владиміровичъ потакалъ преступленіямъ и былъ слабъ; нѣтъ—онъ потачки не давалъ, но не терпѣлъ жестокости. Когда 22-го августа 1832 г. его агентами открытъ былъ заговоръ Сунгурова, Гурова и Козлова, онъ энергическими мѣрами предупредилъ исполненіе, назначенное въ кремлевскомъ саду; во время гулянья въ Кремлѣ, эзерцистъ-гаузѣ, вездѣ были войска, пушки, патрули, а народъ гулялъ себѣ и ничего не зналъ; въ ту-же ночь забраны заговорщики.

Зачинщики оказались п — ми: подъ видомъ политической цѣли они привлекли человекъ 70 пылкой молодежи, имѣя отъ нихъ тайный замыселъ, если удастся смятеніе, ограбить опекунскій совѣтъ и ускакать. Голицынскій агентъ втерся въ кругъ заговорщиковъ и только за нѣсколько часовъ до исполненія дозналъ ихъ гнусный планъ.

Князь Д. В. Голицынъ съ перваго раза отдѣлилъ зачинщиковъ отъ завлеченныхъ и первыхъ предалъ всей строгости содержанія, но когда надъ ними былъ исполненъ приговоръ, князь смягчился

и прежде отправленія ихъ на каторгу далъ имъ устроить свои семейныя дѣла, а молодежь сильно отстаивалъ у государя Николая Павловича и многимъ выпросилъ прощеніе.

XII.

Его состраданіе проявлялось вездѣ! Онъ умѣлъ разграничить строгость закона и жестокость мѣръ. Такъ, въ 1839 году (или около, не помню) черезъ Москву пересылались графомъ Паскевичемъ до 150 поляковъ, замѣшанныхъ въ какомъ-то польскомъ заговорѣ. Эти несчастные были схвачены лѣтомъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ везлись на почтовыхъ со всѣми жандармскими строгостями въ Сибирь. Бѣлье и платье, на многихъ больныхъ, истлѣли въ содержаніи, у многихъ вовсе не было верхней одежды и изъ Варшавы до Москвы они не отдыхали. Князь, узнавши это, выбранилъ Паскевича и сейчасъ велѣлъ ихъ задерживать для отдыха въ Москвѣ, снабжать бѣльемъ, платьемъ и теплою одеждою въ приличномъ видѣ изъ секретныхъ суммъ, и мало этого, онъ позволилъ имъ написать письма къ роднымъ.

Они его благословляли и было за что. Жестокость отправленія изъ Варшавы этихъ арестантовъ всего разительнѣе отразилась на двухъ графиняхъ, матери и дочери лѣтъ 20-ти, обвиненныхъ въ заговорѣ. Эти свѣтскія женщины, безъ перемѣны платья, провели 2½ мѣсяца въ казачьихъ Варшавы и прямо изъ тюрьмы, въ лѣтней одеждѣ, на почтовыхъ телегахъ, привезены въ Москву, для заключенія въ монастырь (онѣ поступили въ Новодѣвичій). Княгиня Татьяна Васильевна Голицына заплакала, услышавъ о ихъ ужасномъ положеніи, сейчасъ прислала имъ съ своими воспитанницами бѣлье, платье, все, что было нужно, и ихъ повезли въ монастырь уже вымытыми и прилично одѣтыми.

XIII.

Князь простиралъ свою доброту далѣе, особенно если видѣлъ явную несправедливость; вотъ одинъ случай его самостоятельности: какой-то иностранецъ графъ, образованный, богатый человекъ, съ австрійскимъ паспортомъ пріѣхалъ въ Москву. На дорогѣ онъ ударилъ станціоннаго смотрителя; донесли государю; его паспортъ потребовали въ Петербургъ, учредили за нимъ секретный надзоръ, и потомъ, безъ объясненія причинъ, графъ Бенкендорфъ сообщалъ повелѣніе: сослать его въ Сибирь. Князь остановился въ исполненіи такого приговора, и написалъ графу, что этотъ иностранецъ не нарушилъ русскихъ законовъ въ такой степени, чтобъ подвергнуться ссылкѣ; но между тѣмъ все таки не могъ не арестовать иностранца.

Эта мѣра, при всѣхъ деликатныхъ предосторожностяхъ, такъ поразила арестованнаго, что у него хлынула ртомъ и носомъ кровь! Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ князю, что паспортъ этого человека по сношенію съ Вѣной оказался фальшивымъ и что онъ не смѣетъ о немъ передокладывать государю. Между тѣмъ иностранецъ просилъ аудіенцію у князя. Князь его принялъ, онъ явился въ черномъ фракѣ со звѣздой, наружность, видъ, манеры являли вышшаго сановника. Князь принялъ его наединѣ въ кабинетѣ, потребовалъ опечатанный у него при арестѣ портфель, тамъ были въ нему письма царственныхъ германскихъ особъ, объяснявшихъ его личность. Кто онъ былъ, никто не зналъ, кромѣ князя, только князь проводилъ его съ почетомъ до сѣней, тотчасъ былъ написанъ всеподданнѣшій рапортъ, гдѣ рѣзко объяснялось все дурное впечатлѣніе, которое произведетъ на европейскіе дворы такая неоправданная жестокая мѣра, а для объясненія, кто это лицо, было оставлено въ бумагахъ мѣсто, которое князь пополнилъ своеручно и запечаталъ своею печатью. Последовала высочайшая воля отправить иностраннаго графа въ Одессу, откуда князь Воронцовъ сейчасъ посадилъ его на пароходъ и отвезъ въ Константинополь. Нечего говорить, что во время ареста съ этимъ лицомъ обходились съ почетомъ и, сколько можно было, смягчали его положеніе, но онъ и самъ понималъ, что большаго требовать нельзя. Кажется, это былъ одинъ изъ

высшихъ участниковъ революціи 1830 г. и чуть-ли не его имя упоминается въ запискахъ Сильвіо Пелико.

XIV

1840 годъ принесъ Москвѣ новое бѣдствіе—голодъ, запасы хлѣба истощались, цѣны возвысились до 45 р. ас. за куль, подвозу не ожидалось, ибо неурожай былъ повсемѣстный. Что было дѣлать? выслать рабочихъ и фабричныхъ, но они будутъ умирать съ голоду въ деревняхъ, надо и деревнямъ помочь. У князя зарождается великая мысль, обширная мѣра благотворительности. Онъ приглашаетъ первостатейныхъ купцовъ, капиталистовъ и оптовыхъ хлѣбныхъ торговцевъ, всѣ являются на его зовъ;

— „Господа, говоритъ князь, вы знаете бѣдствія Москвы, передъ нашими глазами люди умираютъ съ голоду; а что впереди? у насъ хлѣба только до февраля; въ такое время долгъ русскаго гражданина помочь своему городу; но я не требую отъ васъ жертвъ, вы не можете столько пожертвовать, чтобъ спасти всѣхъ отъ нужды и гибели. Вотъ что я предлагаю, господа: собрать займы капиталъ, послать сейчасъ на Волгу и скупить и привезти хлѣбъ и продавать его безъ барышей. Я всѣхъ васъ бѣднѣе, господа, у меня на лицо денегъ 70 тыс. ас.; я 60 тыс. ас. даю въ займы Москвѣ“, и онъ положилъ ихъ на столъ.

Общія восклицанія отвѣтили на такой благородный вызовъ. Куманины, любимцы князя — Рохмановы, Алексѣевы. Рахмановы спѣшили подписаться на это великое челолюбивое дѣло и въ нѣсколько минутъ на листѣ подписки цифра выросла до 1.300,000. Тутъ же былъ составленъ изъ складчиковъ комитетъ (князь страшно любилъ комитеты); выбраны повѣренныя и отправлены въ разныя мѣста для закупки хлѣба. Между тѣмъ оптовые торговцы по уменьшенной цѣнѣ и даже даромъ сами вызвались отпускать бѣднымъ хлѣбъ, а князь выпросилъ у государя займы 50 тыс. кулей, которые сплавлялись въ с.-петербургскіе магазины и были съ дороги поворочены на Шошу.

Князь постепенно сталъ понижать цѣны и скоро довелъ ихъ до 22 руб. за куль; хлѣбъ отпускался и въ деревни; губернія и столица были сыты, крестьяне въ деревняхъ не ѣли мякины,

воры и навозу, какъ въ другихъ губерніяхъ, и смертность не возвысилась надъ обыкновенной.

Великая заслуга передъ царемъ, отечествомъ и человѣчествомъ! За это князь получилъ титулъ свѣтлѣйшаго. Капиталы обернули два раза; при всей безкорыстности принесли по 10% хозяевамъ и черезъ годъ воротились къ нимъ въ цѣлости.

XV

Купечество свою привязанность, любовь и уваженіе къ князю пожелало увѣковѣчить монументомъ. Составились подписка и рисунки; избрали рисунокъ архитектора Быковскаго: на малахитовомъ съ серебряными орнаментами пьедесталѣ (работы Сазикова) грудной бюстъ князя (работы Витали) изъ бѣлаго мрамора, съ приличными надписями. Намѣревались поставить монументъ въ биржевомъ залѣ, созданномъ княземъ. Но императоръ не позволилъ воздвигнуть монументъ при жизни и разрѣшилъ поднести его князю для храненія дома въ потомствѣ. Этотъ изящный и цѣнный, въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ, памятникъ такой любви, какой не пользовался ни одинъ главнокомандующій въ Москвѣ, при жизни свѣтлѣйшаго стоялъ у него въ маленькой гостиной, на Тверской, въ казенномъ домѣ, а послѣ смерти его перенесенъ въ маіоратъ, имѣніе князей Голицыныхъ, находящееся въ 12 верстахъhalb отъ Калуги.

XVI.

Маіоратъ князей Голицыныхъ расположенъ на прекрасной мѣстности, но въ 1841 году былъ запущенъ, въ строеніяхъ не было особенной роскоши, все было прилажено для простой семейной жизни; тамъ лѣтомъ князь Дмитрій Владиміровичъ отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ патриархальной жизни; за строеніями далеко простирается паркъ; каждый владѣтель насаживаетъ двѣ или три десятины рощи, съ дорогами; въ центрѣ памятникъ и жизнеописаніе каждаго владѣльца; первая роща сосновая, строевой лѣсъ, 2-я липовая, 3-я опять хвойная, роща князя Дмитрія Владиміровича березовая и уже очень крупная.

Я пріѣхалъ съ важными бумагами и прямо явился къ князю на курьерскихъ по страшной колоти; калужская глиняная дорога засохла колеями. Князь велѣлъ мнѣ прежде отдохнуть; я остановился въ квартирѣ товарища своего В. Д. Серебрякова во флигелѣ; сейчасъ принесли кофе и закуску. Къ обѣду я одѣлся въ виць-мундиръ и по звонку пошли въ столовую въ 3 часа, гдѣ уже собралась вся семья; княгиня уже не могла ходить, ее возили въ креслахъ; тутъ были сыновья князя, воспитанницы, дочери предсѣдателя Смирнова, прокуроръ изъ чиновниковъ князя и еще кое кто. Князь встрѣтилъ меня вопросомъ:

— «Куда ты пришелъ?» — Я не понялъ вопроса.

— Къ вашему сіятельству.

— «Знаю, да куда?»

— Въ столовую.

— «А гдѣ эта столовая?»

— Въ имѣньи вашего сіятельства.

— «Въ деревнѣ?»

— Точно такъ.

— «Такъ для чего форма, развѣ нѣтъ скюртука? Поди переодѣнься».

Три дня князь отеладывалъ докладъ и когда я рѣшался напомнить, что бумаги нужны, онъ отвѣчалъ: «развѣ тебѣ у меня скучно?»

Наконецъ, разрѣшилъ вопросы; я въ ночь сочинилъ бумаги. Серебряковъ переписалъ и утромъ я подалъ князю. — «Вяшь торопится, сказалъ онъ, такъ вотъ не уѣдешь, бумаги отправь съ курьеромъ, а самъ останься». Никогда не забуду я этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ теплотѣ семейной, радушной, простой жизни князей Голицыныхъ. Мы всѣ были какъ дѣти съ отцемъ, начальника не было, князь шутилъ, ѣздилъ съ нами на прогулки, мѣшался въ игры, подставлялъ барышнямъ ногу въ горѣлакахъ и былъ очень веселъ. Пришелся храмовой праздникъ, собралось тьма народу; по привязанію княгини, были привезены воза пряниковъ, орѣховъ, которые она сама бросала въ народъ. И тутъ ясно выражалась народная любовь къ князю и его семейству: крикамъ, возгласамъ, непритворному веселью не было конца. Потомъ устроились театры, прогулки, игры и время пролетѣло незамѣтно.

XVII.

Серебряковъ былъ одинъ изъ сыновей честнѣйшаго и благороднѣйшаго генерала, начальника комитета снабженія войскъ сукнами. Когда старикъ умеръ, разумѣется, у него, какъ у честнаго человѣка, ничего не осталось; братья все отдали сестрамъ, а сами потеряли даже мѣста въ комитетѣ. Серебряковъ попалъ въ канцелярію князя, но какъ хорошій каллиграфъ обреченъ былъ на 600 р. ас. жалованья и на вѣчныя писцы. При поѣздкѣ князя въ Петербургъ его взяли какъ хорошаго писца; князь замѣтилъ его, полюбилъ и приблизилъ къ себѣ; Серебряковъ былъ скромный, даже робкій, но очень нравственный молодой человѣкъ. Онъ жилъ у князя, былъ всегда при немъ, даже ѣздилъ съ нимъ за границу и могъ бы оставить о свѣтлѣйшемъ очень интересныя подробности, онъ былъ при смерти князя въ Парижѣ и по завѣщанію получилъ 3 тыс. пенсiй.

Послѣ смерти отца, главнымъ средствомъ жизни четырехъ сестеръ Серебрякова была аренда; она кончилась въ 1841 году; князь обѣщаль выхлопотать продолженіе, но Серебряковъ не смѣлъ напомнить. Я взялся за это; за столомъ шутя сказалъ князю, что онъ забываетъ обѣщанія. Князь вспылилъ; онъ свое слово ставилъ выше всего; я шутя опять объяснилъ дѣло; князь разбранилъ Серебрякова и велѣлъ мнѣ написать письмо принцу Ольденбургскому. Аренда въ 5 тыс. дана еще на 6 лѣтъ.

Готовность князя Дмитрія Владиміровича на добро никогда не обманывала тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нему. У меня былъ братъ, молодой, семейный человѣкъ, проигравшій все состояніе; онъ былъ военный, ему хотѣлось поступить въ кадетскій корпусъ офицеромъ, но онъ не имѣлъ права по воспитанію. Я прибѣгъ къ князю, описавъ бѣдственное положеніе брата. «Я его не знаю, отвѣчалъ князь»; я ручался; князь подписалъ письмо къ великому князю Михаилу Павловичу и черезъ мѣсяць братъ былъ опредѣленъ.

Князь Д. В. былъ безукоризненной честности и взятокъ для него не существовало; никто не осмѣлится упрекнуть его въ лихоимствѣ; если онъ и бывалъ неумышленно пристрастенъ, то по вліанію близкихъ по сердцу или по службѣ людей. Но и у

его приближенныхъ не было безнравственнаго, чернаго взяточничества, тяготѣющаго надъ личностями; не скажу, чтобы правитель канцеляріи П. Ф. Степановъ, Г. М. Барышниковъ не нашли состоянія, но твердо удостовѣряю, что въ канцеляріи между секретарями и чиновниками безкорыстіе и честность были развиты въ высшей степени; одинъ чиновникъ Комаровскій взялъ 200 р.; въ тотъ же день товарищи, узнавши, заставили его выдти въ отставку; если грѣшили еще, то нѣкоторые чиновники особыхъ порученій, дѣла которыхъ были тайна. Князь Д. В. ежегодно выпрашивалъ у государя для всей канцеляріи, въ которой было много бѣдныхъ людей, годовые и полугодовые оклады и раздавалъ сверхъ того остатки суммъ. Нѣкоторымъ давалъ у себя квартиры и помогалъ отъ себя.

XVIII.

Князю много приписывали фаворитовъ; нельзя отрицать, чтобъ онъ не былъ любострастенъ, особенно когда жена захворала и состарѣлась; Москва приписывала ему связи съ П—вой.

Дѣйствительно, онъ очень любилъ эту женщину и она имѣла на него безграничное вліаніе; онъ велѣлъ ее пьянаго мужа — подвести подъ публичное изобличеніе въ развратѣ; это было сдѣлано. П—ва накрыли, какъ говорится. Жена стала просить формальнаго развода, но всѣ боялись, что князь (онъ уже овдовѣлъ въ это время) женится на П—вой и въ синодѣ зять его. графъ Протасовъ, помѣшалъ разводу; П—въ былъ отданъ въ монастырь. Но кажется достовѣрно, что это была клевета и тутъ была другая любовь—любовь отеческая. Всѣ знали, что нѣкогда князь былъ въ связи съ женой своего управляющаго А—ва; двухъ его сыновей и дочь (П—ву) называли дѣтьми князя, и это вѣроподобно, онъ о нихъ пекся, какъ отецъ. Серебряковъ свидѣтельствуетъ, что обхожденіе князя съ П—вой было отеческое, а Серебрякову можно вѣрить, онъ былъ интимный въ домѣ. Кромѣ того вотъ фактъ, опровергающій подозрѣніе на князя. Командиръ карабинернаго полка С—й былъ въ явной связи съ П—вой; князь не могъ не понять этого, но любилъ С—го и бывалъ часто у него. Разъ, получивъ экстренную

депешу, я отыскалъ князя у полковника. Князь сидѣлъ развалившись на большихъ креслахъ, П — ва и Столповской чуть не обнявшись на диванѣ. Какъ же могъ князь быть въ такой степени чуждъ ревности, чтобъ допускать это.

XIX.

Но все таки любострастная жизнь была причиною смерти князя; хотя онъ умеръ 73 лѣтъ, но эта крѣпкая натура могла существовать долѣе. При ослабленіи силъ—онъ прибѣгалъ къ разнымъ крѣпятельнымъ средствамъ и неумѣренные приемы шпанской мухи породили ракъ въ мочевомъ пузырьѣ, который доктора приняли за каменную болѣзнь. Въ 1843 году въ послѣдній разъ проводили мы князя Д. В. за границу; онъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобъ больше не возвращаться. П — ва умерла передъ этимъ отъ сильнаго приема (лекарства) на пароходѣ. Въ Парижѣ были приглашены лучшіе доктора; ихъ было пять. Орфила понялъ болѣзнь князя и возсталъ противъ операціи, но его пересилили — и сдѣлали операцію; князь умеръ чуть не подъ ножомъ. Тѣло его привезено въ 1843 году въ Москву. Не было объявлено о времени пріѣзда, но у заставы дождалась толпа народа, купцовъ и чиновниковъ; только что показались печальные дроги — всѣ безъ приготовленія, по единомысленному стремленію, выпрягли лошадей и на себѣ повезли бранные остатки нѣжно любимаго начальника; это было вечеромъ, не вѣсть откуда явились факелы. Въ грустной торжественной тишинѣ потянулась импровизированная процессія, улицы запрудились народомъ, никакой полиціи не было — но тишина была поразительная; многіе плакали; черезъ Дорогомиловскій мостъ по Арбату и бульварамъ везли на себѣ дроги и свали гробъ въ церкви Димитрія Солынского, возлѣ Страстнаго монастыря, гдѣ онъ и стоялъ до торжественныхъ похоронъ. Какого еще памятника? Три дня площадь была залита народомъ. Торжественное погребеніе испортила погода и нераспорядительность; колесница не прошла въ Иверскія ворота и должно было обвезить вокругъ.

Тѣло князя предано землѣ въ семейной церкви князей Голицыныхъ, въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ прахомъ его достойной супруги Татьяны Васильевны. Участвовавшимъ въ похоронахъ розданы золотыя кольца.

На другой день мы, чиновники его канцеляріи, сложились деньгами и въ главахъ усопшихъ поставили богатую икону, въ серебряной ризѣ — съ неугасаемой лампадой. Чѣмъ больше могли мы выразить всю вѣчную любовь свою къ такому безпримѣрному начальнику?

Сверхъ этого, остались еще деньги. Рѣшили назначить премію за лучшее біографическое сочиненіе о жизни свѣтлѣйшаго князя. Премія досталась бывшему секретарю его, а потомъ директору опекунскаго совѣта В. Н. Драшисову, но она составлена кратко, изъ однихъ официальныхъ фактовъ и можетъ только служить канвой для будущей полной біографіи.

Вотъ пока все, что врѣзалось въ моей памяти и сердце объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Прибавлю къ тому, что онъ пользовался неограниченною довѣренностью и любовью императора Николая Павловича. Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ другимъ послѣднимъ представителемъ боярства въ Москвѣ, любимцемъ Москвы — княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ Голицынымъ, также съ митрополитомъ Филаретомъ; князь Дмитрій Владиміровичъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ и слушался его. Къ этимъ лицамъ, встрѣчавшимъ государя въ Кремль, императоръ самъ дѣлалъ визиты при первомъ выѣздѣ, а сыновья ѣздили къ нимъ первые.

Между этими тремя главными лицами Москвы существовала, кромѣ личнаго уваженія и дружбы, какая то государственная тайна, кажется, относящаяся ко времени распечатанія духовнаго завѣщанія императора Александра I.

Сообщ. въ 1876 г. С. И. Погодина изъ бумагъ М. П. Погодина.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ,

I.

Первый дебютъ В. А. Каратыгина на сценѣ.

Письмо барона Вл. Ив. Штейнгейля.

С.-Петербургъ, 6-го мая 1820 г.

Съ праздникомъ! Ты ждешь описанія о новомъ дебутантѣ. Удовлетворю любопытству твоему кратко. Лишь показался, то громкія рукоплесканія раздались со всѣхъ сторонъ, и минутъ пять продержали его на половинѣ сцены, въ наклоненномъ положеніи. Голова и лицо прекрасны, станъ величественъ, ростъ больше твоего, но ноги жидки и вообще видно, что онъ не состроился. Едва началъ говорить твердымъ голосомъ—и всѣ услышали Яковлева. Удивительное сходство. Но когда горячился, то голосъ измѣнялъ ему и видно было, что говорить юноша. Послѣ cadaго акта со всѣхъ сторонъ начинались сужденія; но общій результатъ оныхъ былъ тотъ, что онъ много обѣщаетъ. Теперь еще произношеніе неправильно, жесты неловки и часто неприличны; излишнее мотаніе головою, неумѣстная горячность и пр. недостатки весьма примѣтны. Однакожь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произносилъ онъ стихи превосходно. Напр., тутъ, гдѣ онъ, описывая смерть Тоскара, говоритъ: могила храбраго отечеству священна. При концѣ трагедіи онъ зарыдалъ какъ юноша, а не какъ герой, ужаснымъ бѣдствіемъ сраженный. Его, однакожь, вызвали съ Колосовою и наградили громкимъ рукоплесканіемъ.

Потомъ мы были съ сестрицей на Маломъ театрѣ, при представленіи Роллы. Чортъ вѣдаетъ, какъ исказили эту трагедію. Вообрази, что старика слѣпаго игралъ Величкинъ—и тутъ, гдѣ надобно было бы плакать, отъ умиленія, всѣ хохотали. Борецкій не на Аталибу, а на булошника болѣе походилъ. Эльвиру—Яковлева играла бездушно:

роль совѣмъ не по ея лицу и характеру. Максимъ тарахорился и вралъ препорядочно—и тоже возбуждалъ смѣхъ, короче, во всей трагедіи одна Валберхова играла хорошо и съ чувствомъ прямымъ и еще Каменогорскій; тоже можно сказать о Толченовѣ. Вызвали Валберхову съ Максимымъ. Перегородка очень хороша, но мнѣ показось, что вѣсколько растянута. Монруа пѣла дурно и не умѣла свѣсть за арфу; поставила ее къ себѣ наоборотъ и заставила хохотать. При томъ же вмѣсто арфы мы слышали три дурныя скрипки. Хоть бы подъ качелями!

Забылъ сказать, что Тюфякинъ иначе не дозволялъ явиться Каратыгину въ бенефисъ отца его на сцену, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ четыре раза сыгралъ въ пользу дирекціи—и онъ скоро будетъ играть роль Эдипа царя, въ траг. соч. Грузинцева. Когда же обязанность свою выполнить, то на три года еще останется безъ дѣйствія, и очень благоразумно!

Сегодня гулянье на Крестовскомъ. Моемъ хочется видѣть. Не знаю, удастся ли достать билетъ. Прости. Будь здоровъ къ удовольствію любящихъ тебя, отъ нихъ же первый баронъ В. Штейнгейль

12-ть часовъ вечера. Сейчасъ пріѣхали изъ театра. Видѣли много пріятнаго для глазъ въ гуляньѣ на Крестовскомъ. Малютка Месь удивила своимъ искусствомъ. Чудо!—французскій кадризъ и казацкій танецъ насъ плѣнили. Жаль только, что, сидя въ бенуарѣ, своротили шею... Но, пора спать. Прости. Добра ночь!

В. Ш

Помѣта: Получено 8-го числа.

Сообщ. 10-го декабря 1864 г. В. Надпорожный.

II.

Послѣдніе дни жизни В. А. Каратыгина.

Письмо А. М. Каратыгиной къ директору театровъ А. М. Геденову.

12-го марта 1853 г. Спб.

Я лежу въ постели, Александръ Михайловичъ, иначе пріѣхала бы у ногъ вашихъ умолять помочь мужу моему.

Онъ умираетъ! — его лечитъ Буяльскій и я не смѣю ни дочь моя предложить ему сдѣлать скорѣе консилиумъ: позвать Пеликана, Кареля и кого онъ еще назначить.

Я знаю ваше сердце, знаю, какъ вы цѣните моего мужа и всегда любили насъ съ дочерью—и потому смѣло прошу васъ о томъ, чего не посмѣлъ бы никто другой: съѣздите къ Буяльскому, онъ живеть въ своемъ домѣ въ Итальянской, близъ Лиговки, или Петръ Андреевичъ Каратыгинъ скажетъ вамъ, въ которомъ часу Буяльскій будетъ у насъ, я еще этого не знаю—какъ онъ назначить: скажите ему, Христа ради, что вы должны доложить государю о положеніи отчаянномъ Каратыгина, и что онъ вѣрно спросить, былъ ли консиліумъ, кто, кто и кто его лечить. Васъ онъ послушаетъ, не разсердится и не бросить лечить моего мужа.

Я такъ знаю нашего ангела царя, что даже его святое имя употребляю безъ его вѣдома. Простите меня, поймите мое положеніе: я и дочь его у ногъ вашихъ и государя, помогите, спасите Каратыгина, и жена и дочь его за васъ молятъ и будутъ вѣчно молить Бога.

Буяльскаго мы ждемъ сейчасъ, ради Бога Господа пріѣзжайте скорѣе и вы его застанете у насъ.

Помѣта А. М. Геденова: Получено 12-го марта въ 6 ч. вечера.

Сообщ. Александръ Александр. Кирѣевъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVI ¹⁾.Молдаваны ²⁾.

Ночь луною озарило,
 Подъ снѣгами спитъ земля
 И бѣлѣются уныло
 Безконечныя поля.
 Ѣдемъ... тройка удалая
 Снѣгъ копытами мятеть,
 И ямщикъ, кнутомъ махая,
 Пѣсню грустную поеть.
 У дороги, средь поляны,
 Разложенныя костры,
 Кочевые молдаваны
 Здѣсь раскинули шатры.
 Собрался передъ огнями
 Отвратительной толпой
 Съ распущенными волосами
 Рядъ старухъ похунагой;
 И на палку опираясь,
 Въ хитрыхъ замыслахъ, старикъ,
 Молча, злобно улыбаясь,
 Головой на грудь поникъ;
 Дѣти въ рваномъ одѣяніи
 И съ запачканнымъ лицомъ
 Съ крикомъ просятъ подавня,
 Обступивъ меня кругомъ.
 Стала тройка удалая
 И испугана храпить;—
 Молдаванка молодая,
 Смуглолицкая стоять,
 Освѣщенная огнями,
 Освѣщенная луной,
 Съ ярко черными глазами
 И разметанной косою,
 Хочетъ смуглою рукою
 Руку взять мою она
 И связать какой судьбою
 Жизнь моя надѣлена.
 Прочь, коварная смуглянка!
 Ну, ящикъ, пошелъ живѣй!
 Страшно очи молдаванки
 Блещутъ въ сумракѣ ночей.

1839 г.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

²⁾ Кочуютъ около Москвы и по Рязанской дорогѣ.

ДРУЗЬЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

ВЪ ИХЪ КЪ НЕМУ ПИСЬМАХЪ.

Ю. Θ. Самаринъ.—Θ. В. Чижовъ.—М. П. Погодинъ.—А. В. Никитенко

въ 1836—1847 гг.

Въ своей известной книгѣ «Записки о жизни Гоголя», г. Кулишъ приводитъ изъ «Life of Cowper» Сутея не лишнее основаніе мнѣнію, что «часто характеръ человека мы можемъ узнать вѣрнѣе изъ писемъ, писанныхъ къ нему, нежели изъ его собственныхъ писемъ». Раздѣляя этотъ взглядъ, авторъ «Записокъ» даетъ въ своемъ трудѣ мѣсто небольшимъ выдержкамъ изъ писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю. Но онъ вынужденъ сознаться, что этотъ біографическій источникъ у него очень скуденъ и что развѣ современемъ могутъ найтись новые матеріалы, которые дадутъ возможность пополнить допущенный по необходимости пробѣлъ. Съ тѣхъ поръ прошло больше тридцати лѣтъ, но матеріалы отыскиваются туго и, повидимому, самая надежда сберечь угасающіе отголоски прошлаго грозитъ уступить мѣсто опасенію, чтобы они не замерли вовсе. Поэтому, кажется, не преждевременно извлечь изъ-подъ спуда то, что еще сохранилось и можетъ быть опубликовано въ настоящее время.

Намъ нѣтъ нужды говорить о самостоятельномъ интересѣ писемъ Ю. Θ. Самарина и Θ. В. Чижова къ Гоголю для ближайшаго ознакомленія съ личностями обоихъ этихъ видныхъ дѣятелей славянофильства 1840-хъ годовъ, ни о томъ, что они цѣнны также въ качествѣ матеріала для характеристичнаго вос-торженно-благоговѣйнаго отношенія къ Гоголю представителей мыслящей части общества того времени. Обратимъ лишь вниманіе на нѣкоторыя любопытныя данныя при опредѣленіи роли Гоголя, какъ нравственнаго руководителя лицъ, избравшихъ его судьей и повѣренными завѣтныхъ своихъ помысловъ.

Нравственный авторитетъ Гоголя обуславливался для его почитателей какъ исключительно высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ литературѣ, такъ и его забутами о совершенствованіи и готовностью принимать на себя отвѣтственное бремя наставничества. Но отношенія его къ жаждущимъ духовной помощи были не одинаковы. Съ увлеченіемъ бесѣдовалъ Гоголь съ Вильгорскими и особенно съ Смирновой, охотно вращался въ кругѣ Толстыхъ и Апраксиныхъ, но далеко не столь же охотно отзывался на душевные запросы

Самарина и Чижова. Разница въ степени нравственнаго сближенія была здѣсь главной, но не единственной причиною. Въ то время, какъ аристократическія поклонницы Гоголя были преимущественно воодушевлены религіозными интересами и съ чисто женскимъ увлеченіемъ возводили его на идеальную высоту непогрѣшимой мудрости и нравственнаго величія,—у Самарина и Чижова то-же благоговѣніе передъ авторитетомъ Гоголя имѣло иную окраску: они видѣли въ немъ опытнаго и умнаго наставника, совѣтами котораго дорожили, но больше въ примѣненіи къ вопросамъ практической жизни и нравственности, нежели религіи. Эта постановка дѣла, повидному, была менѣе по душѣ Гоголю.

Ю. Ѳ. Самаринъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался съ Гоголемъ въ московскомъ кружкѣ славянофиловъ въ одинъ изъ прѣбавовъ его въ Москву въ началѣ сороковыхъ годовъ. Самаринъ уже раздѣлялъ со всей интеллигентной молодежью преклоненіе передъ Гоголемъ; Юрій Ѳедоровичъ видѣлъ въ немъ первостепенное свѣтло литературн, вождя всего русскаго общества, но самъ онъ былъ для Гоголя пока только хорошимъ знакомымъ его друзей. Когда Гоголь снова уѣхалъ въ Италію въ маѣ 1842 года, онъ, вѣроятно, не помнилъ, среди совершенно иныхъ впечатлѣній и артистическаго упоенія любимой страной, многихъ, имѣвшихъ въ его глазахъ гораздо больше значенія, чѣмъ его даровитый поклонникъ-юноша. Но во всякомъ случаѣ, даже при первомъ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ Самаринымъ, онъ своимъ провицательнымъ и искушившимся въ познаніи людей взглядомъ успѣлъ замѣтить живой, блестящій умъ послѣдняго, какъ это совершенно ясно изъ письма къ К. С. Аксакову, писаннаго годъ спустя послѣ отъѣзда изъ Москвы,—не смотря на то, что въ немъ только вскользь, случайно упомянуто о Самаринѣ (Соч. Гоголя, изд. Кулша, VI, 14). Отношенія ихъ возобновились, когда А. О. Смирнова вернулась изъ-за границы въ Петербургъ и тамъ встрѣтила недавно переселившагося изъ Москвы талантливаго славянофила. Хотя первое впечатлѣніе, произведенное пиз на Александрѣ Осиповнѣ, было не безусловно благопріятное и въ его увлеченіяхъ звучало для нея что-то неубѣдительное и несочувственное, но любовь его къ Гоголю насила въ ней задушевный, родственныи откликъ. Она не устаетъ твердить Гоголю въ письмахъ: «Самаринъ ужасно васъ любитъ», «Самаринъ вашъ ужасный аматеръ». При своемъ умѣ и впечатлительномъ характерѣ, Александра Осиповна не замедлила оцѣнить и перенести свое благородное увлеченіе на Самарина, подобно тому какъ всегда и въ другихъ случаяхъ она съ пламеннымъ энтузіазмомъ своей южной природы отдавалась новымъ, сильно поразившимъ ее впечатлѣніямъ. И вотъ она уже лестно отзывалась о Самаринѣ, какъ объ «удивительной жемчужинѣ въ молодежи». Вскорѣ Самаринѣ представился случай написать небольшое письмо Гоголю при посылкѣ ему своей диссертациі,—письмо, вѣроятно, не сохраненное Гоголемъ, но о существованіи котораго узнаемъ изъ переписки (см. Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 140, и «Русск. Стар.» изд. 1888, т. X, стр. 137). Въ этомъ намѣреніи поощрила его, конечно, Смирнова,—такъ предполагалъ Гоголь. Но не совѣмъ доволенъ остался онъ началомъ новой переписки и даже сердито, хотя, конечно, вполне въ дружескомъ тонѣ, выговариваетъ Смирновой: «Миѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже некогда. Самыхъ нужныхъ вещей не успѣваю сдѣлать, а вы миѣ еще и Самарина приплаете». Гоголь, однако, соглашался вести переписку съ Самаринымъ, но на томъ условіи, чтобы не считаться письмами и чтобы онъ какъ можно подробнѣе описывалъ всѣ свои обстоятельства и излагать свои мнѣнія («чтобы я слышалъ са-

мую жизнь»—выражался онъ). Подобныя же условія предлагалъ Гоголь и Чижову (над. Кул. VI, 364) и вѣшь, кто былъ больше заинтересованъ въ перепискѣ, чѣмъ онъ; но это отнюдь не было только вынужденной данью приличіямъ, что доказывается однимъ изъ писемъ къ Смирновой, гдѣ такое же требованіе поставлено относительно третьяго лица, именно Перовскаго. (Сравни въ над. Кул., VI т., стр. 75, 140 и 361).

Послѣ того Гоголь написалъ письмо и Самарину, приложенное для передачи послѣднему въ письмѣ къ Смирновой. Было отъ него и другое письмо къ Самарину, судя по собственнымъ словамъ Гоголя, что онъ послѣ долгаго перерыва въ перепискѣ первый написалъ ему «вызовъ», не получая отъ него ни строки. Это второе письмо Гоголя къ Самарину до сихъ поръ не было въ печати и даже неизвѣстно, сохранилось ли; первое же письмо помѣщаемъ ниже.

Гоголю казалось, очевидно, что Смирнова черезчуръ хлопочетъ о Самаринѣ, тогда какъ это было совсѣмъ лишнее: «Самаринъ человекъ умный», и «ему нужны» только «покажѣть, труды, забота и совершенное отсутствіе празднаго времени». Смирнова думала, напротивъ, что Гоголь «дичится» съ Самаринымъ, неучтивъ къ нему.

Остается прибавить, что вполнѣнствіи Гоголь причислялъ Самарина къ довольно близкимъ людямъ, на что указываютъ съ его стороны неизмѣнныя приглашенія Самарина принять участіе въ празднованіи именинъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ въ саду Погодина, всякій разъ, когда Гоголь проводилъ этотъ день въ Москвѣ. (См. Соч. Гог., изд. Кул., VI, 485).

Отношенія Гоголя къ Чижову были гораздо сложнѣе и неопредѣленнѣе. Для тѣхъ читателей, которые знакомы съ статьей о Чижовѣ И. С. Аксакова, гдѣ отиѣченъ фактъ довольно продолжительнаго сожителства Гоголя въ 1843 году въ Римѣ подъ одной кровлей съ Чижовымъ (но въ разныхъ этажахъ), странными и непонятными покажутся выраженія въ его письмахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, въ родѣ: «я васъ почти не знаю», или напоминаніе въ концѣ письма своего отчества, очевидно, забытаго или перепутанаго Гоголемъ. Между тѣмъ все это было дѣйствительно такъ, и всѣ свѣдѣнія, сообщенныя И. С. Аксаковымъ, вполнѣ вѣрны. Для объясненія же этой странности довольно будетъ напомнить нѣсколько строкъ изъ воспоминаній Чижова о Гоголѣ въ «Запискахъ Кулиша»: «Видался мы съ Гоголемъ ежедневно. Съ Языковымъ мы жили совершенно побратски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ не сходились. Почему?—я себѣ опредѣлить не могъ. Я его глубоко уважалъ, и какъ художника, и какъ человека.... Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь могъ не полюбить меня, да и все тутъ. Такъ нѣтъ же: едва бывало мы раздѣдемся, не пройдетъ и двухъ недель, какъ Гоголь пишетъ ко мнѣ и довольно настойчиво проситъ сѣзжаться, чтобы поголковать со мной о многомъ. Но слѣдовъ оживленной переписки Гоголя съ Чижовымъ (разумѣя собственно письма Гоголя) не сохранилось и подтвердить это показаніе трудно. Вѣроятно же всего, признавая за Чижовымъ многія достоинства и особенно уважая его умъ (что отчасти видно изъ писемъ Гоголя къ Ивашову), Гоголь все-таки мало сравнительно интересовался его личностью и не выдѣлялъ его изъ множества людей, съ которыми приходилось ему встрѣчаться въ жизни. При частыхъ ихъ встрѣчахъ, при общей имъ благородной страсти къ Италіи и къ искусству, можно было бы ожидать болѣе тѣснаго сближенія. Говоря о Чижовѣ, было бы вопіющею несправедливостью не упомянуть признательнымъ словомъ его безкорыстной

дѣтельности по изданію сочиненій Гоголя (И. С. Аксаковъ и Чижевъ много облегчали труды и заботы наслѣдниковъ Гоголя, не отклоняя отъ себя подчасъ даже корректуры; послѣднее относится особенно къ Чижевскому)—единственно по высокому побужденію служить памяти Гоголя.

(См. о Чижевскомъ особенно статью И. С. Аксакова: «Федоръ Васильевичъ Чижевъ» въ «Русскомъ Архивѣ», 1878, I, 129—137; статью В. В. Стасова живописца «Александръ Андреевичъ Ивановъ» («Вѣстникъ Европы» 1880, I и слѣд.) также въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 326—331, и т. II, стр. 240, наконецъ, въ письмахъ Гоголя къ Иванову въ «Вѣстникѣ Европы», 1883, XII, стр. 649).

В. И. Шенрокъ.

Отвѣтъ Н. В. Гоголя на первое письмо Самарина.

Благодарю васъ много за ваше письмо. Я его читалъ съ большимъ любопытствомъ. Отвѣтъ на письмо будетъ вамъ потомъ неожиданнымъ образомъ, а до того времени мой совѣтъ (хотя и не знаю, любите-ли вы совѣты и при томъ еще такіе, которые нужно принять на вѣру, при которыхъ они сдѣланы, ниже разумныхъ логическихъ выводовъ, на которыхъ они основаны),—мой совѣтъ заняться, въ продолженіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, какимъ-нибудь дѣломъ черствымъ, положительнымъ и совершенно существеннымъ, которое ближе всего къ вамъ въ буквальномъ смыслѣ, хотя и не близко къ душѣ или къ сердцу. Займитесь вотъ чѣмъ: очертите мнѣ кругъ и занятія вашей нынѣшней должности, которою вы теперь заняты, потомъ кругъ занятій всего того отдѣленія или департамента, котораго часть составляетъ означенное отдѣленіе или департаментъ по числу восходящихъ инстанцій. Все это въ самомъ сжатомъ существѣ самаго дѣла и при томъ въ томъ именно видѣ, какъ вы сами разувѣете, а не такъ, какъ кто-нибудь другой. Потомъ объясните мнѣ, въ чемъ именно состоитъ неповоротливость и неуклюжесть всего механизма, и отчего она происходитъ, и какіе отъ этого бываютъ плоды въ нынѣшнее время, какъ вокругъ и вблизи, такъ и подалеже отъ центра. Само собой разувѣется, что по поводу этого предстоитъ множество знакомствъ съ чиновниками вашего вѣдомства, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ никакъ нельзя вамъ ускользнуть, потому что, не знаяши лично самихъ двигателей и даже ихъ собственнаго существа, вамъ будетъ открыта только одна половина. Словомъ, вотъ какого рода дѣло, вамъ непріятное, но вамъ нужно его сдѣлать. Чтобы вамъ лучше подвинуть себя на это, вы поступите вотъ какъ: прежде всего вообразите себѣ, что вы меня любите и что подвигъ этотъ дѣлаете совершенно для меня, а не для себя, и что я будто бы при этомъ плохо увѣренъ въ вашей способности на самопожертвованіе, и что это-то именно нужно доказать, а я васъ впередъ уже за это обнимаю и говорю, что не будете, вѣрно, раскапываться.

Васъ дѣйствительно любящій Гоголь.

I.

Ю. Ф. Самаринъ—Н. В. Гоголю.

1.

(1846 г.).

Хорошо, что вы первые ко мнѣ написали, ибо я, кажется, не рѣшился бы начать переписки съ вами. Я давно отъ души желалъ съ вами сблизиться, еще прежде чѣмъ, познакомился съ А. Ос. Я желалъ этого не изъ любопытства или изъ тщеславія, а потому что внутренней голосъ говорилъ мнѣ, что вы можете сдѣлать мнѣ много добра ¹⁾. Вы не могли этого не замѣтить. По нѣскольку разъ брался я за перо и бросалъ не оконченныя письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы въ началѣ вашего письма. И вы, и многие другіе считали меня ненадежнымъ, что, разумѣется, не могло отъ меня укрыться—я очень ясно видѣлъ, что на меня смотрѣли съ чувствомъ какого-то холоднаго соболѣзнованія, какъ на больнаго, осужденнаго на смерть, и котораго никто не беретъ лечить, зная, что труды пропадутъ даромъ. Хорошо ли это было съ ихъ стороны и съ вашей, не мое дѣло разбирать. Можетъ быть, для меня нужно было провести нѣсколько лѣтъ подъ бременемъ всеобщей недовѣрчивости; можетъ быть, борьба съ общимъ мнѣніемъ, находившимъ отголосокъ во мнѣ самомъ, укрѣпила меня и принесла мнѣ пользу; но она оставила во мнѣ непріязненное чувство къ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, и мнѣ нужно было все это вамъ высказать, чтобы раздѣлаться съ нимъ разъ навсегда. Какъ бы то ни было, это тяжелое для меня время прошло. Я никогда не забуду, какою радостью наполнилась душа моя при первыхъ одобрительныхъ привѣтствіяхъ; каждое слово, сказанное въ мою пользу и доходившее до меня, хранится въ моей памяти вмѣстѣ съ дорогими именами тѣхъ немногихъ, которые первые рѣшились ихъ вымолвить, наперекоръ общему мнѣнію. Наконецъ, и отъ васъ я услышалъ, что я спасенъ, что вы не боятесь за меня. Вы сами вызвали меня сказать вамъ все то, что хотѣлъ бы я сказать родному брату въ смыслѣ душевномъ.

¹⁾ Это письмо относится, вѣроятно, къ началу 1846 года и служить отвѣтомъ на то письмо Гоголя, о которомъ онъ говорилъ Смирновой, что, не получивши отъ Самарина ни строки, написалъ ему надняхъ самъ вызовъ (Соч. Гог., изд. Кул., VI, 234).

Многое хотѣлъ бы я сказать, и не знаю, съ чего начать; начну съ того, чѣмъ душа болитъ. Болѣзнь моя принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ наше время, хотя врачеваніе противъ нихъ не найдено: это одностороннее развитіе ума, погасившее чувство и подорвавшее волю; цѣльность нравственнаго бытія, согласіе душевныхъ силъ и способностей нарушены во мнѣ исключительнымъ преобладаніемъ быстро и уединенно развившейся мысли и усыпленіемъ другихъ способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словахъ одно, а на дѣлѣ покоряюсь другому; у меня есть убѣжденія, но вѣтъ ни вѣры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю отъ этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина души моей отсохла и овѣмѣла. Я знаю, какъ это случилось. Въ дѣтствѣ и въ первой молодости моей я жилъ, какъ и всѣ, цѣльною, полною жизнью. Все, что уважали и чему поклонялись въ семейномъ кругу моемъ, казалось мнѣ естественнымъ, неприкосновеннымъ и святымъ; съ каждымъ новымъ понятіемъ, приобретаемымъ мною, измѣнялась настроенность души моей; одно религіозно нравственное мѣрило служило мнѣ для повѣрки всякаго моего поступка и всякой мысли, такъ что малѣйшее отступленіе отъ него, даже невольный соблазнъ, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаяніемъ. Изъ этого первобытнаго состоянія я вышелъ не самъ собой, не вслѣдствіе внутренняго побужденія, а вслѣдствіе вѣншихъ вліяній, и потому, кажется мнѣ, вышелъ изъ него преждевременно. Случайно попались мнѣ въ руки нѣкоторыя произведенія современной французской литературы; я помню, какъ сильно они потрясли меня. Горделивое возстаніе личнаго духа противъ міроваго порядка предстало мнѣ въ идеальномъ образѣ современной поэзіи; его неотразимый соблазнъ плѣнилъ меня. Я понялъ вдругъ возможность, не нарушая отношеній, среди которыхъ я былъ поставленъ, оторваться мыслью отъ всего, чему я бессознательно покорялся, испытать одиночества и душевнаго безначалія, вкусить невѣдомыхъ высокихъ страданій, и все, что скрыто отъ другихъ. Съ этого времени обращеніе мое перемѣнилось, прежняя моя откровенность исчезла, но причины никто не угадалъ. Искусственно возбужденная мысль работала день и ночь; я умышленно убивалъ въ себѣ всѣ непосредственныя движенія души, подвергая ихъ строгому анализу и стараясь опорочить ихъ въ собственныхъ моихъ глазахъ. Это удалось мнѣ сверхъ чаянія. Въ жизни моей ничто не измѣнилось; я исполнялъ, по-прежнему, всѣ предписанныя мнѣ обязанности, но я успѣлъ откинуть отъ себя всѣ сочувствія, врожденныя и привитыя воспитаніемъ, всю покорность къ религіознымъ началамъ, къ семейнымъ обычаямъ; мало по малу,

все сдѣлалось для меня вопросомъ, предметомъ внутренняго спора; одно допущенное сомнѣніе влекло за собой другое и, разь ступивши на эту дорогу, я уже не могъ остановиться. Говорять, что сомнѣніе находить на человѣка безъ его вѣдома и произволенія, какъ болѣзнь неизбѣжная при переходѣ въ извѣстный возрастъ. Я не вѣрю этому, по крайней мѣрѣ, по собственному опыту я знаю, что бываетъ минута свободнаго сомнѣнія, въ которую человѣкъ добровольно подпускаетъ къ себѣ соглашенія и даетъ ему власть надъ собою. Въ моемъ развитіи преступное желаніе сомнѣнія и внутренняго разрыва было началомъ, а не слѣдствіемъ, или, лучше, оно было для меня желанною цѣлью. Такимъ образомъ былъ я приготовленъ, когда я встрѣтился съ нашими общими знакомыми; мысль моя, развившись односторонне на счетъ другихъ способностей, приобрѣла ту непреклонную, холодную послѣдовательность, ту безошадную строгость развитія, которая позволила мнѣ стать съ ними въ уровень и принять самостоятельное участіе въ безконечныхъ спорахъ. Я не стану подробно разсказывать вамъ, какое вліяніе они на меня имѣли, скажу вамъ только вообще, что они помогли мнѣ быстрѣе пробѣжать весь кругъ философскаго отрицанія.

Вотъ въ двухъ словахъ исторія моей мысли. Христіанство заключаетъ въ себѣ не одно ученіе, но вмѣстѣ начало жизни, творчество; мы привыкли отдѣлять эти двѣ стороны, тогда какъ онѣ нераздѣльны; ихъ единство въ Томѣ, Который ставитъ норму, даетъ законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ человѣку способность понять его и силу исполнить. Поэтому христіанство воспринимается не однимъ умомъ, а всѣмъ существомъ человѣка. Тотъ, кто хочетъ понять его логически, какъ понимаемъ мы всякое другое ученіе, никогда не пойметъ его, ибо самое требованіе ложно, ибо понять живое можетъ только тотъ, кто живетъ его жизнью. Отстранивъ живое сочувствіе и ступивъ къ Христіанству съ требованіями логическаго постиженія, я долженъ былъ дойти до того же, до чего дошла новѣйшая философія, т. е. до совершеннаго отрицанія не только христіанства, но вообще всякаго бытія первоначальнаго, независимаго отъ знанія. За этимъ крайнимъ предѣломъ отрицанія возникаетъ требованіе возсоздать разрушенное и это требованіе остается неудовлетвореннымъ: уничтоживъ бытіе, мысль оказывается несостоятельною сотворить отъ себя что-либо живое. Начало творчества вступаетъ въ свои права, какъ самобытное, отъ мышленія независимое, начало. Послѣдствія ясны. Такимъ образомъ, пройдя весь этотъ путь, я дошелъ до признанія живой истины и необходимости живаго ея постиженія, но самое это признаніе было результатомъ науки; это было только убѣжденіе, тощее твореніе мысли. Повидимому, я пришелъ къ тому же, отъ чего

я отправился, но тутъ только я понялъ всю цѣну утраченнаго или, лучше, отвергнутаго мною. Я самъ обезсилилъ въ себѣ душевный органъ живаго постиженія; я былъ равнодушенъ къ найденной истинѣ. Впрочемъ, и это я понялъ не скоро.

Сильно возбужденная дѣятельность мысли, раздражаемой безпрестаннымъ противорѣчьемъ, скрывала отъ меня мертвенное усыпленіе другихъ способностей; я могъ не чувствовать, что убѣжденіе и вѣра, что понятіе о любви и дѣйствительная любовь, что слово и дѣло—не одно и то-же. Изрѣдка пробуждалось во мнѣ темное сознаніе односторонности моего развитія при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который въ умственномъ отношеніи стоялъ ниже меня, не выговаривалъ и не отстаивалъ своихъ убѣжденій, но который не боялся моихъ возраженій, котораго мои вопросы не смущали—но все это были мимолетныя впечатлѣнія. Только съ переезда моего въ Петербургъ приобрѣло это для меня всю достовѣрность и ясность пережитаго опыта. Здѣсь все мнѣ было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, въ которомъ бы я отстаивалъ свое убѣжденіе, не могло быть. Я имѣлъ дѣло съ безмолвнымъ, неосязаемымъ врагомъ; не опроверженіями онъ подрывалъ мои убѣжденія; онъ грозилъ пересоздать меня съ ногъ до головы, приманками онъ склонялъ меня на уступки. И къ стыду своему, я понялъ, какъ много я могъ уступить и какъ легко, понялъ, какъ слабо одно холодное убѣжденіе противъ давленія свѣта. Это была самая опасная минута—спасла и поддержала меня встрѣча съ А. О. (Смирновой). Она оцѣнила во мнѣ именно то, чего свѣтъ не цѣнилъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся; ея участіе вознаградило меня за всѣ мои страданія; я сдѣлался равнодушенъ къ свѣту и ко всѣмъ его приманкамъ; я совершенно отсталъ отъ него и навсегда. Не осуждайте меня за это. Чувство нравственнаго самосохраненія склонило меня на это; можетъ быть, когда-нибудь я окрѣпну духомъ, но теперь я еще не могу безнаказанно жить въ свѣтѣ. Я не могу быть полезенъ, ибо не преподаваніе истины пробуждаетъ въ человѣкѣ усыпленныя способности души; пробудить къ жизни можетъ только живое. Я это знаю по опыту; всѣ меня слушали съ любопытствомъ, но никогда ни на кого я не имѣлъ вліянія; и какъ имѣть мнѣ вліяніе на другаго, когда во мнѣ самомъ жизнь и сознаніе въ такомъ разладѣ! Я сказалъ вамъ, въ чемъ заключается болѣзнь души моей; она такъ извѣстна, такъ распространена въ наше время, что одного указанія вамъ достаточно, чтобы понять ее. Къ несчастію, она такого рода, что трудно придумать для нея образъ леченія. Мысль развивается сама собой, безъ всякаго видимаго побужденія, и пробѣгаетъ свой путь по законамъ логической необходимости; одно убѣжденіе смѣ-

няется другимъ, имъ же условленнымъ, но никогда убѣжденіе само собою не породитъ вѣры, понятіе о любви не согрѣетъ души, знаніе не перейдетъ въ творчество. Все живое, творческое не приобретається, а падаетъ съ неба—я вѣрю, что оно падетъ на каждого, но я даже не смѣю самъ ни просить, ни желать его.

Это недописанное письмо пролежало въ моемъ столѣ болѣе мѣсяца. Различныя хлопоты развлекли меня. Я перемѣнилъ службу, перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и прикомандированъ былъ къ комитету по лифляндскимъ дѣламъ: теперь я заваленъ дѣломъ. Я снова перечиталъ то, что написалъ съ мѣсяцъ тому назадъ, многое хотѣлъ бы прибавить, но лучше отложить это до другаго раза. Это письмо объяснить вамъ главное и будетъ основою всѣхъ послѣдующаго. Теперь я буду писать къ вамъ всякій разъ, когда почувствую потребность исповѣди, не дожидаясь отвѣтовъ.

Вы сами знаете, когда будетъ нужно отвѣчать, но вы должны знать еще, что ни чьему наставленію я не послѣдую такъ охотно, какъ вашему; я готовъ слушаться васъ и къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ вамъ мой адресъ: Юрію Федоровичу Самарину, по Моховой улицѣ, въ домѣ Мелиховой. Вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или два, я поѣду въ Ригу, но во всякомъ случаѣ пишете въ Петербургъ; я распоряжусь такъ, чтобъ всѣ письма мѣя пересылались. Отъ всей души васъ благодарю. Вашъ Юрій Самаринъ.

2.

6-го іюля 1846 г. Петербургъ.

Я отправляю брата за границу и, пользуясь случаемъ, хочу вамъ кое-что написать. Мои внѣшнія отношенія, семейныя и дружескія связи запутываются и со дня на день становятся труднѣе. Отчего это такъ? Кажется, какъ будто самымъ естественнымъ, самымъ необходимымъ отношеніямъ и связямъ есть пора возрастанія, укрѣпленія и неизбежная пора паденія. Нѣтъ вины ни съ моей стороны, ни со стороны другихъ, нѣтъ даже законнаго повода, а между тѣмъ чувствуется душа какое-то отчужденіе. Вы не знаете моего отца, но такъ какъ я долженъ и хочу быть вполне откровеннымъ съ вами, я не могу не сказать вамъ о немъ хоть нѣсколько словъ. Онъ пожертвовалъ для меня своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и при дворѣ, видами честолюбія, оставилъ навсегда Петербургъ и, поселившись въ Москвѣ, занялся исключительно моимъ воспитаніемъ. Это была великая жертва и притомъ жертва выдержанная, ибо до послѣдняго дня его попечительность,

доходившая до мелочей, его ежечасныя заботы, не оскудѣвая, проводили меня чрезъ всѣ ступени ученія и воспитанія. Многимъ обязанъ я воспитанію, если не всёмъ; я обязанъ ему тѣмъ, что многія вредныя и суетныя наклонности, которыхъ сѣмя во мнѣ было, не развились во мнѣ; наконецъ, оно сдѣлало меня способнымъ принять и сродниться съ такимъ образомъ мыслей, который при другихъ обстоятельствахъ, другомъ образѣ жизни и воспитанія, вѣроятно, остался бы мнѣ чуждымъ. Сосредоточивъ на мнѣ свои надежды, свои попеченія и виды честолюбія, отъ которыхъ онъ отказался для себя, отецъ мой привыкъ смотрѣть на меня, какъ на свое созданіе; это было почти неизбѣжно во тѣмъ не менѣе вредно. Чрезмѣрною взыскательностію и строгостію онъ подавилъ во мнѣ свободу непосредственныхъ движеній сердца, откровенность, прямоту и силу воли. Къ несчастію, онъ никогда не понималъ меня и теперь понимаетъ менѣе, нежели когда-нибудь. Онъ предполагалъ во мнѣ строптивый нравъ, неукротимыя страсти и необыкновенныя способности для практической жизни, которыхъ я вовсе не имѣю. Но такимъ онъ самъ былъ въ своей молодости, и повтореніе самого себя онъ видѣлъ во мнѣ. Я ужасно много перетерпѣлъ въ дѣтствѣ. Ничто мнѣ не спускалось даромъ; малѣйшее сопротивленіе, самое робкое оправданіе вывнялось мнѣ въ вину; меня наказывали безпрестанно и заставляли каяться, вынуждали слезы и раскаяніе, когда я вовсе не былъ виноватъ. Заступаться за меня было никому; мало-по-малу безусловная покорность вошла въ привычку. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, жизнь моя была рядомъ жертвованій. (Вы понимаете, что я это говорю отнюдь не въ похвалу себѣ). Сильное желаніе влекло меня на ученое поприще; занимать кафедру казалось мнѣ тогда и кажется теперь самую лучшую долю— я отказался отъ нея и вступилъ въ службу; для этого всякое другое мѣсто казалось мнѣ лучше Петербурга — я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ, почти потерянныхъ, проведенныхъ за самыми бесплодными занятіями, я просился за-границу — и въ этомъ получилъ отказъ! Но это было бы еще ничего; моимъ образомъ жизни я всегда жертвую охотно, теперь отецъ мой ставитъ мнѣ въ вину самый мой образъ мыслей. Подозрительнымъ взоромъ смотритъ онъ на друзей моихъ и вашихъ, на Хомякова, Аксакова, Погодина и другихъ. При каждомъ удобномъ случаѣ осыпаетъ ихъ самыми несправедливыми и обидными упреками и ясно требуетъ отъ меня разрыва съ ними. Разумѣется, я этого никогда не сдѣлаю, и неудовольствие его съ каждымъ днемъ возрастаетъ, отравляетъ жизнь его, варушаетъ семейный миръ. Трудно мнѣ ладить. Приучивъ отца къ безусловной покорности съ моею сто-

роны, я не могу теперь переи́мънать нашихъ отношеній; не могу измѣнить его образа мыслей, уничтожить предубѣжденій и предрасудковъ, неразлучныхъ съ его лѣтами. Мнѣ остается по-возможности избѣгать случаевъ къ спорамъ о щекотливыхъ предметахъ и уступать, когда только можно. Но чувствую я при этомъ, что уступчивость мнѣ не вмѣняется, онъ принимаетъ ее холодно, безъ любви, ибо самъ я уступаю холодно, безъ любви, по чувству долга и по привычкѣ давнишней. Онъ самъ приучилъ меня въ дѣтствѣ заглаживать негодованіе, чувство оскорбленной справедливости, плакать и просить прощенія, когда не было вины съ моей стороны. Я не оправдываю себя, виноватъ и я, но виновато въ особенности установившееся отношеніе, котораго измѣнить нельзя.

Въ то же самое время тотъ кругъ людей, съ которыми я связанъ образомъ мыслей, ученою дѣятельностію и всѣми убѣжденіями и сочувствіями, видимо осуждаютъ меня и уклоняются отъ меня. Аксаковъ пишетъ мнѣ письма, въ которыхъ грозить разрывомъ, если я не приму его образа мыслей, запечатлѣннаго исключительностію и потому только извинительнаго, что происходитъ отъ незнанія людей и жизни. Онъ не умѣетъ вглядываться въ фізіономію человѣка; онъ видитъ въ немъ не живое цѣлое, сложенное изъ противоположныхъ свойствъ и началъ самыхъ разнообразныхъ, а строгій силлогизмъ на двухъ ногахъ, такъ что, узнавъ одно свойство, онъ выводитъ изъ него цѣлый рядъ выводовъ и безъ оглядки навязываетъ ихъ лицу. Весь родъ человѣческій для него распадается на безусловно бѣлыхъ и безусловно черныхъ. Такъ, въ послѣднее время, въ письмѣ ко мнѣ, онъ разругалъ Александру Осиповну (Смирнову) за то, что она знакома съ людьми, которыхъ онъ называетъ подлецами и подлячками. Предвижу я, что и съ нимъ я долженъ буду разойтись, и тѣмъ болѣе досадно и грустно мнѣ это, что нѣтъ законной причины къ разрыву. Какъ жаль, что васъ нѣтъ; вы одни могли бы имѣть смягчающее миротворное вліяніе на насъ всѣхъ.

3.

12-го іюля (1846 г.).

Неожиданно получилъ я ваше письмо наканунѣ отъѣзда моего брата. Не понимаю, къ чему клонится вашъ совѣтъ. Не менѣе того я его выполняю, ибо чувствую совершенную готовность слушаться васъ. Впрочемъ, сухаго, черстваго, положительнаго дѣла эти два года я имѣлъ вдоволь.

Составленіе реестровъ, записокъ въ сенатѣ, сводъ постановленій о лѣфлянскихъ крестьянахъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и проч. Довольно трудно мнѣ выполнить то, чего вы отъ меня требуете;

въ 1-мъ департаментѣ сената я пробылъ не долго, въ общемъ собраніи еще менѣе, а теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я не занимаю штатнаго мѣста. Я напишу обо всемъ, что знаю, что дѣлаю самъ и что видѣлъ. Это будетъ черство и сухо, повѣрьте. Черезъ недѣли двѣ я ѣду въ Ригу съ Ханыковымъ заниматься ревизіею городского управленія и статистикою городскихъ доходовъ—тоже сухо. Для себя я занимаюсь теперь исторіею сельскаго сословія въ Россіи. Дошелъ-ли до васъ «Московский Сборникъ»? Последняя статья о «Тарантасѣ»—моя.

Отъ Александры Осиповны я получилъ письмо вчера. Она живетъ на дачѣ подъ Калугою; была очень нездорова, жалуется на слабость головы, — но теперь ей легче; деревенскій воздухъ помогъ ей.

Рекомендую вамъ брата; онъ ѣдетъ лечиться; а больше для развлечения. Онъ нездоровъ и тѣломъ и душою. Разстройство нервовъ, происходящее отъ болѣзненной напряженности религіознаго чувства, отъ какого-то ежеминутнаго наблюденія за самимъ собой — вотъ его недугъ. Ему нужно развлеченіе, движеніе, участіе къ предметамъ вѣвшимъ, которое бы позволило ему забыть о себѣ и отвлекло бы его отъ мрачныхъ думъ.

Отъ всей души благодарю васъ за участіе и обнимаю. Ю. Самаринъ.

4.

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ, если бы я собрался слушать васъ, съ намѣреніемъ критиковать и подмѣчать недостатки, кажется, и тогда, послѣ первыхъ же строкъ, прочтенныхъ вами, я забылъ бы о своемъ намѣреніи. Я былъ такъ вполне увлеченъ тѣмъ, что слышалъ, что мысль объ оцѣнкѣ не удержалась бы въ моей головѣ. вмѣсто всякихъ похвалъ и поздравленій, скажу вамъ только, что я не могу вообразить себѣ, чтобы прочтенное вами могло быть совершеннѣе. Но вы непремѣнно требуете замѣчаній, а мнѣ хочется исполнить ваше желаніе—и потому посылаю вамъ нѣсколько приди-рокъ, касательно не художественной стороны, а исторической вѣрности. Обращаюсь къ вступленію Тентетникова въ службу и къ впечатлѣнію, которое она произвела на него.

Т—въ—человѣкъ, получившій ученое образованіе; на службу опредѣляетъ его дядя, дѣйств. стат. совѣтникъ; поэтому должно полагать, что онъ приваить былъ въ министерство на тѣхъ же правахъ, на которыхъ поступаютъ всѣ молодые люди, прошедшіе полный курсъ наукъ и не лишенные вовсе протекціи. Но отъ такихъ людей

теперь уже не требуютъ изящнаго почерка; ихъ не сажаютъ за переписываніе бумагъ. Ихъ опредѣляютъ прямо въ столоначальники, или въ помощники столоначальниковъ, а помощникъ столоначальника и столоначальникъ занимаются тѣмъ самымъ, чѣмъ занимаются начальникъ отдѣленія и директоръ.

Негѣдность настоящаго устройства всѣхъ нашихъ департаментовъ и канцелярій заключается совсѣмъ не въ томъ, что образованнымъ людямъ задаются механическія занятія, что участіе ихъ въ дѣлопроизводствѣ ограничено, а совершенно въ противномъ. Вспомните ходъ дѣла: министръ распечатываетъ пакетъ, и если бумага не касается какихъ-либо личныхъ его отношеній, почему либо для него значительныхъ, онъ передаетъ ее директору; директоръ—начальнику отдѣленія; начальникъ отдѣленія—столоначальнику. Здѣсь она останавливается и начинается надъ нею работа умственная. Столоначальникъ сочиняетъ отвѣтъ, кладетъ рѣшеніе. Онъ долженъ вникнуть въ содержаніе бумаги, задать себѣ вопросы такого рода: съ какой стороны взяты за дѣло? Какое дать ему направленіе? Приступить къ рѣшенію, или оттолкнуть отъ себя на цѣлый годъ подъ предлогомъ новыхъ справокъ, соображеній и т. п. Вообще участь дѣла въ его рукахъ; приступъ къ нему зависитъ отъ него, а этотъ первый шагъ есть самый важный. Заготовленный столоначальникомъ проектъ отвѣта идетъ на разсмотрѣніе начальника отдѣленія, который не изучаетъ сущности дѣла, а ограничивается разсмотрѣніемъ того, что сдѣлалъ столоначальникъ, т. е. нѣтъ ли въ подсунутой ему бумагѣ чего-либо противнаго закону, или такого, что бы могло не понравиться директору. Такъ какъ онъ только критикуетъ трудъ другого, то сравнительно съ столоначальникомъ (хотя и подчиненнымъ ему) дѣятельность его не такъ значительна. Далѣе, директоръ точно также смотритъ, не вкралось ли въ бумагу одно изъ тѣхъ словъ, къ которымъ не благоволитъ министръ, и пущено ли хоть одно изъ тѣхъ, которыми можно его подкупить. Итакъ, направленіе дѣла, если только постороннія обстоятельства и личныя соображенія не перебьютъ его хода,—почти всегда зависитъ отъ низшихъ чиновниковъ, т. е. столоначальниковъ. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверхъ до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряетъ постепенно характеръ, цвѣтъ, силу, иногда смыслъ; но почти никогда ничего не выигрываетъ, ничего не прибавляется къ сущности ея.

Потому мнѣ кажется, что впечатлѣніе, произведенное на Тентетникова его служебною дѣятельностію, не также совсѣмъ вѣрно, именно потому, что самая эта дѣятельность представлена у насъ слишкомъ ничтожною и ограниченою.

Я встрѣчалъ на службѣ молодыхъ людей трехъ разрядовъ (не считая приобрѣтателей). Большинство, поступаая прямо изъ училища, не имѣя яснаго понятія о практической дѣятельности, очень скоро втягивается въ служебный формализмъ и усвоиваетъ себѣ всѣ взгляды и понятія нашихъ столичныхъ учреждений, то есть они приучаются къ мысли, что всякое министерство существуетъ само по себѣ и само для себя, что всякое дѣло въ его стѣнахъ начинается и въ нихъ оканчивается и что вся задача въ томъ, чтобы провести его благополучно и не задѣвъ никого, отъ перваго стола до министра. Эти люди проникнуты сознаниемъ своей важности и отиѣнно довольны службою.

Тѣ, которые стоятъ выше ихъ, впадаютъ въ тоску. Ихъ мучить именно эта отрѣшенность отъ жизни, эта отвлеченность ихъ дѣятельности. Имъ совѣстно рѣшать дѣла по бумагамъ, изъ которыхъ ничего не видно, на бумагѣ, которая въ жизнь не перейдетъ. Чѣмъ значительнѣе обязанность, на нихъ налагаемая, тѣмъ совѣстнѣе. Ихъ сокрушаетъ не ничтожность предмета занятій, а ничтожность, ограниченность взгляда на предметъ, преступная легкость, съ которою оно обдѣлывается. Въ этомъ случаѣ страждетъ не самолюбіе, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросають службу, или—какъ Тентетниковъ—приучаются смотрѣть на нее, какъ на дѣло второстепенное.

Наконецъ, нѣкоторые, испытавъ все это, продолжаютъ, однако, служить, но смотря на службу уже не какъ на средство дѣйствовать на жизнь, приносить пользу, а какъ на предметъ достойный во всей его мерзости изученія.... какъ на одну изъ коренныхъ болѣзней нашего времени.

Вообще первое соприкосновеніе съ службою почти всегда бываетъ рѣшительною минутою въ жизни человѣка и опредѣляетъ его на долго, если не навсегда. Въ характерѣ Тентетникова эта тема, конечно, не главная и вы должны были коснуться ея слегка; поэтому все, что я сказалъ, можетъ быть, вовсе некстати; но все же мнѣ хотѣлось указать на предметъ знакомый мнѣ и который, можетъ быть, вы когда нибудь разработаете. Другихъ замѣчаній я рѣшительно сдѣлать не могу, и мнѣ остается только пожелать отъ всей души, чтобъ вы благополучно совершили дѣло, важность котораго для насъ всѣхъ болѣе и болѣе обнаруживается.

Преданный вамъ Ю. Самаринъ.

Сообщ. В. И. Шенроуъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АДМИРАЛЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ РИКОРДЪ.

Записка, представленная имъ генераль-адмиралу Е. И В Великому
князю Константину Николаевичу

въ 1850 г.

[о сношеніяхъ съ Японією].

Мысль о возможности вступить въ сношенія съ Японією и о тѣхъ выгодахъ, какія могутъ послѣдовать отъ того для нашего отечества, постоянно занимающая меня въ теченіи многихъ лѣтъ, заставляла неутомимо слѣдить за всѣми событіями, имѣющими отношеніе къ этой отдаленной отъ всѣхъ европейскихъ державъ и намъ сосѣдственной странѣ, и соображать всѣ выходившія въ свѣтъ ея описанія. Мысль эта еще болѣе усиливалась во мнѣ отъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣлали почти всѣ морскія державы въ тѣхъ видахъ и намѣреніяхъ, посредствомъ неоднократныхъ экспедицій. Попытки сія не могли быть успѣшны, что должно неоспоримо приписать совершенному незнанію обычаевъ, понятій, духа и характера жителей этой богатой и весьма многолюдной страны, о которой одни только голландцы, по продолжительнымъ своимъ съ нею сношеніямъ, имѣли возможность собрать подробныя и точныя свѣдѣнія, но таковыхъ свѣдѣній они никогда не рѣшались сообщить свѣту, опасаясь, что другія націи извлекутъ изъ нихъ выгоду въ ущербъ ихъ чисто меркантильныхъ правилъ, руководящихъ единственно всѣми ихъ дѣйствіями. Между тѣмъ дозволю себѣ сказать, что не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, едва-ли кто можетъ соперничать со мною въ свѣдѣніяхъ объ Японіи.

Съ той самой эпохи, когда Провидѣнію угодно было избрать меня орудіемъ для освобожденія изъ тяжкаго плѣна достойнаго друга моего, незабвеннаго В. М. Головнина, то есть въ продолженіе

тридцати семи лѣтъ, я не упускалъ никакого случая, чтобы дополнять и повѣрять свѣдѣнія, какія первоначально получилъ я чрезъ продолжительныя бесѣды съ бывшимъ со мною неразлучно въ теченіи цѣлаго года умнымъ, образованнымъ, свѣдущимъ и добросовѣстнымъ японцемъ Такаата-Кахи. То-же благое Провидѣніе, которое доставило мнѣ случай захватить его при самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ въ попыткахъ моихъ къ освобожденію драгоцѣннаго для флота и отечества офицера, сблизило меня съ этимъ достойнымъ человѣкомъ. Изъ дружескихъ разговоровъ съ нимъ я почерпнулъ наиболѣе свѣдѣнія объ отечествѣ его, породившія во мнѣ мысль, которую я здѣсь намѣренъ объяснить. Эта мысль есть плодъ неослабныхъ наблюденій и строгихъ соображеній, и на приведеніе ея въ исполненіе я рѣшаюсь предложить мою готовность, пользуясь назначеніемъ въ тамошній край военнаго судна. Въ этомъ случаѣ на исполненіе предпріятія не потребуются никакихъ особыхъ со стороны правительства издержекъ, потому что все касающееся до этого исполненія будетъ заключаться въ одномъ моемъ лицѣ. Теперь мнѣ остается объяснить тѣ основанія, на которыхъ я осмѣливаюсь надѣяться на совершенный, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣхъ.

Въ одномъ новѣйшемъ англійскомъ сочиненіи прочелъ я, между прочимъ, извѣстіе о преимуществѣ японцевъ предъ китайцами, какъ въ любознательности, такъ и въ моральномъ отношеніи, и нашелъ одно для меня весьма замѣчательное обстоятельство. Сочинитель, описывая попытки разныхъ націй къ заведенію сношеній съ японцами, коснулся до посольства въ ихъ страну Рѣзанова и плѣна капитана нашего Головинна. Говоря о послѣднемъ, онъ упоминаетъ, что въ числѣ попечителей, назначенныхъ для надзора за нашими плѣнниками, былъ сынъ одного изъ тамошнихъ министровъ Мура-Калитійски, который, поощряемъ будучи своею любознательностію, самъ вызвался принять на себя эту обязанность, выучился у Головинна русскому языку, и издалъ краткое сочиненіе о Россіи, почерпнувъ содержаніе его изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ посредствомъ разспросовъ своихъ собралъ у нашего капитана. Этому японца я знаю самъ. Если онъ еще находится въ живыхъ (1850 г.), то очень можно предполагать, что достигъ высокой въ тамошнемъ краю степени. Онъ тогда уже принадлежалъ къ партіи приверженцевъ къ нашему отечеству, что много содѣйствовало къ освобожденію нашего капитана. Мура-Калитійски, прощаясь со мною, съ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ, что я только въ половину достигъ успѣха въ великомъ дѣлѣ, ограничившись освобожденіемъ нашего капитана и бывшихъ съ нимъ, что онъ успѣхъ этотъ полагалъ тогда только полнымъ, когда бы сбы-

лось его предположеніе, что за этимъ освобожденіемъ послѣдуетъ и учрежденіе постоянныхъ сношеній нашихъ съ Японією.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя имѣли вліяніе на успѣхъ предпріятія для освобожденія Головинна и другихъ бывшихъ съ нимъ нашихъ соотечественниковъ, была рѣшимость моя выдать себя въ глазахъ японцевъ за военнаго губернатора Камчатки, что подѣйствовало на умы ихъ и польстило ихъ честолюбію. Къ такой рѣшимости побудила меня счастливая мысль, родившаяся въ послѣдствіе бесѣдъ моихъ съ умнымъ Таката-Бахи, и безъ этой рѣшимости нельзя было бы питать себя даже какою-либо надеждою на успѣхъ, потому что, по неизмѣннѣ у японцевъ военныхъ судовъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о важности званія начальника военнаго судна; а шкипера торговыхъ судовъ, въ глазахъ ихъ, ничего не значать.

Не смотря на то, что я объяснялъ японскому моему знакомцу съ чрезвычайнымъ даже, признаюсь, преувеличеніемъ важность настоящаго моего званія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «все этого мало, — а вотъ, если-бы пріѣхалъ сюда иркутскій губернаторъ, тогда требованія его были-бы, по важности его сана, немедленно удовлетворены безъ малѣйшаго замедленія. Но и съ тобою, какъ губернаторомъ Камчатки, непремѣнно вступать въ сношенія».

Поэтому я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что при вступленіи въ переговоры съ японцами подѣйствовало бы чрезвычайно много на умы ихъ и понятія званіе Сибирскаго военнаго генераль-губернатора—званіе начальника обширной и для нихъ не совѣмъ безызвѣстной страны.

Въ бытность мою въ Англіи я встрѣтился съ бывшимъ тогда въ Портсмутѣ консуломъ Грейгомъ, роднымъ братомъ нашего адмирала, умнымъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. Онъ спросилъ у меня, живъ ли еще Рѣзановъ, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ уже скончался, сказалъ мнѣ: «видно судьбѣ было угодно, чтобъ этотъ человѣкъ не пережилъ свою славу». При этомъ рассказалъ онъ мнѣ подробно, съ какимъ пламеннымъ желаніемъ императоръ японскій, узнавъ о прибытіи Рѣзанова, готовъ былъ склониться на вступленіе въ сношенія съ Россією, но голландцы, желая удержать за собою исключительно всѣ выгоды торговли съ Японіей, употребили всѣ возможные мѣры, чтобы тому воспрепятствовать. Англія въ то время вела войну съ Голландією: на взятомъ англичанами голландскомъ кораблѣ, между прочими бумагами, которыхъ не успѣли истребить, найдено было донесеніе голландскаго въ Японію консула къ своему начальству. Въ этомъ донесеніи, описавъ расположеніе японцевъ

къ русскимъ, которое заставляло его и всѣхъ голландцевъ опасаться, что они готовы вступить въ сношеніе съ нашими соотечественниками, говорилъ, что онъ употребилъ всѣ силы и способы, чтобы отвратить это и разстроить всякое домогательство къ тому русскихъ — и это онъ ставилъ въ высокую себѣ предъ отечествомъ заслугу. Въ успѣхѣ голландцевъ въ этомъ случаѣ не малымъ для нихъ пособіемъ было одно обстоятельство: Рѣзановъ имѣлъ неосторожность въ переговорахъ своихъ употребить переводчикомъ самого директора голландской компаніи.

Это показываетъ, какъ необходимо войти въ предварительное сношеніе съ голландцами, и убѣдить ихъ въ томъ, чтобы они не старались препятствовать видамъ нашимъ на установленіе мирныхъ сношеній съ Японією; необходимо также внушить имъ, что съ нашей стороны эти сношенія не послужатъ ни къ малѣйшему вреду въ ихъ собственныхъ сношеніяхъ; что мы будемъ дѣйствовать только на сѣверѣ, предоставивъ имъ по прежнему исключительно дѣйствовать въ другихъ частяхъ Японіи. Устранивъ такое препятствіе, можно было бы надѣяться, почти несомнѣнно, что со стороны японцевъ несогласія не будетъ.

Если бы японцы, паче чаянія, рѣшительно сдѣлали отказъ, то представляется еще одно средство: въ Японіи еще у всѣхъ сохранилось въ памяти то событіе, при которомъ они такъ неправильно поступили съ нашимъ Головиннымъ, они постигаютъ всю важность и предосудительность такого дѣла, при которомъ они вѣроломнымъ образомъ захватили начальника военного судна; они боялись отмщенія, когда я подходилъ со шлюпомъ къ берегамъ ихъ. Страхъ ихъ не прошелъ и доннынѣ, и этотъ-то самый страхъ можно употребить въ пользу. Изъ разговоровъ съ упомянутымъ выше японцемъ, однимъ изъ приставовъ при русскихъ плѣнникахъ, я узналъ о великости такого страха между его соотечественниками и о полной ихъ увѣренности въ томъ, что рано или поздно русскіе отмстятъ имъ, и что мщеніе это будетъ продолжительно, тѣмъ болѣе, что оно не сопряжено для насъ ни съ какими издержками, и даже не подвергаетъ насъ опасности. Хотя у нихъ есть артиллерія, но они вовсе не умѣютъ (1850 г.) управлять ею, а это обстоятельство немаловажное въ случаѣ необходимости сдѣлать отпоръ. Правда, что они умѣютъ отличнымъ образомъ дѣйствовать бѣлымъ оружіемъ, а потому, принявъ въ уваженіе многочисленность ихъ народонаселенія, нечего и думать о высадкѣ, ибо, не смотря ни на мужество наше, ни на знаніе военного дѣла, ни на предпочтительность нашихъ способовъ, ни на преимущество огнестрѣльнаго оружія предъ бѣлымъ, которымъ только од-

нимъ умѣютъ они владѣть, не смотря даже на всѣ возможные со стороны ихъ урны, все таки рано или поздно верхъ останется принадлежностію превосходства въ числѣ

Здѣсь нельзя упустить изъ виду, какъ мало японецъ дорожитъ жизнью: въ случаѣ пожара онъ кидается съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ въ огонь, на явную гибель: стремится къ ней, какъ на веселый ниръ, какъ на высокій военный подвигъ; при собственномъ своемъ внутреннемъ сознаніи въ какомъ бы ни было проступкѣ, лишаетъ себя жизни самымъ ужаснымъ образомъ собственнымъ своимъ оружіемъ—самъ распарываетъ себя саблею брюхо. Къ тому же народонаселеніе ихъ такъ многочисленно, что трату людей они считаютъ за ничто, а самую эту многочисленность бременемъ для имперіи. Въ бесѣдахъ моихъ съ Такатая-Кахи я узналъ, что у нихъ ежегодно смерть похищаетъ многія тысячи отъ оспы, которая тамъ свирѣпствуетъ ужаснымъ образомъ; при этомъ случаѣ сообщилъ я ему о томъ, какъ полезно было бы ввести у нихъ прививаніе коровьей оспы, и предложилъ снабдить его наставленіемъ о способѣ прививанія, но онъ, къ изумленію моему, отвѣчалъ: «Оборони Богъ! да если этотъ способъ уменьшить смертность отъ болѣзней, намъ тогда куда будетъ дѣвать народа, котораго число съ каждымъ днемъ увеличивается, совсѣмъ несоразмѣрно съ нашими способами, — спрячь свое наставленіе, и не говори о немъ никому!»

Но тутъ представляется другой способъ, не требующій ни издержекъ, ни дѣйствій прямо враждебныхъ, но вѣстѣ съ тѣмъ могущій несомнѣнно поставить японцевъ въ необходимость согласиться на дружественныя съ нами сношенія, и указать имъ сколько, въ противномъ случаѣ, отъ упорства ихъ можетъ произойти вредныхъ для нихъ послѣдствій, въ которыхъ они не будутъ имѣть права укорять насъ, имѣя въ виду свой поступокъ съ Головиннымъ, по собственнымъ ихъ понятіямъ и сознанію заслуживающій отищенія съ нашей стороны, и потому вполне оправдывающій наши дѣйствія.

Для доставленія изъ одного пункта ихъ пространной страны въ другой какъ жизненныхъ припасовъ, такъ и другихъ потребностей, въ Японіи нѣтъ сухопутныхъ дорогъ, и потому всѣ перевозки дѣлаются посредствомъ каботажныхъ судовъ (1850 г.). Достаточно будетъ пребыванія у Матцайскаго пролива нашего военнаго судна, для содержанія ихъ въ непрерывномъ страхѣ, и для того, чтобы отъ времени до времени производить въ высочайшей степени далекія отъ прямой непріязненности нападенія на ихъ каботажныя приходящія и отходящія суда съ припасами, останавливать ихъ и брать съ нихъ грузы, оставляя неприкосновенными самыя суда, и находящихся на

нихъ людей: ни суда, ни люди ихъ намъ не нужны. Тутъ будетъ для насъ и та выгода, что мы будемъ, безъ всякихъ издержекъ, приобрѣтать самыя свѣжіе и лучшей доброты припасы, которыхъ они должны лишиться единственно по причинѣ своего упорства.

Вотъ мѣра, которая, въ случаѣ крайности, по моему мнѣнію, не можетъ не имѣть успѣха въ дѣлѣ, представляющемъ большія выгоды для отечества нашего, снабженіе отдаленнаго края Камчатки и всей восточной Сибири всѣми потребностями, которое теперь сопряжено съ такими затрудненіями. Эти затрудненія, если не совсѣмъ отвратятся, то, по крайней мѣрѣ, значительно будутъ облегчены чрезъ посредство сношеній нашихъ съ Японією, не говоря уже о другихъ выгодахъ отъ торговли съ нею, которая голландцы такъ хорошо постигли и такъ высоко цѣнятъ. Адмиралъ Рикордъ.

ВАСИЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФОНЪ-ДЕРЪ ЛАУНИЦЪ

† 1863 г.

Замѣтка къ его характеристикѣ.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г., въ воспоминаніяхъ Теобальда, стр. 363, приведенъ довольно рѣзкій отзывъ объ одномъ изъ дѣятелей прошлаго времени, В. Ф. фонъ-деръ-Лауницѣ († 1863 г.).

Не берусь быть біографомъ генераль-адъютанта Василя Федоровича фонъ-деръ-Лауница, умершаго въ Харьковѣ отъ сотрясенія мозга, при паденіи съ лошади на какомъ-то смотрѣ въ 1863 году, но то, что помню изъ его жизни и служебной дѣятельности, постараюсь изложить на страницахъ уважаемой «Русской Старины» для провѣрки, по моему мнѣнію, пристрастнаго отзыва г. Теобальда о покойномъ военномъ служацкѣ и военномъ администраторѣ Василя Федоровичѣ фонъ-деръ-Лауницѣ.

В. Ф. Лауницъ былъ человѣкъ умный и образованный, личность замѣчательная своею энергіею, силою воли и настойчивостью, но выдававшаяся своею неумолимою строгостью и беспощадностью какъ къ самому себѣ, такъ и къ его окружающимъ, и тѣмъ болѣе къ подчиненнымъ, что, впрочемъ, совпадало съ духомъ и служебными требованіями того времени, въ которомъ онъ прошелъ свою службу; темперамента онъ былъ вспыльчиваго и горячаго, раздражительность въ немъ была непомѣрная, къ чему много способствовала съ годами все болѣе усиливавшаяся его глухота, вызывавшая въ немъ и подозрительность; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ проявлять себя чрезвычайно любезнымъ какъ въ обществѣ, такъ и въ отношеніяхъ къ служащимъ; способныхъ и усердныхъ по службѣ выдвигалъ и награждалъ по справедливости, безъ пристрастія, что ему удавалось,

такъ какъ онъ пользовался постоянно неограниченнымъ довѣріемъ лицъ, коимъ самъ былъ подчиненъ ¹⁾).

В. Ф. фонъ-дѣръ-Лауницъ былъ сыномъ евангелическо-лютеранскаго пробста въ г. Грабинѣ, Курляндской губерніи; изъ трехъ братьевъ его: одинъ заступилъ мѣсто отца, другой умеръ въ Петербургѣ, въ 1884 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта и третій умеръ въ 1846 г., въ чинѣ майора. В. Ф. началъ службу, если не ошибаюсь, въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ которымъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года, затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генераль-адъютанту графу Толю, съ переводомъ въ гвардію; назначеніе это послѣдовало оттого, что Лауницъ, будучи назначенъ безсѣннымъ ординарцемъ къ Толю во время польской кампаніи 1831 г., обратилъ на себя вниманіе ловкостью, пунктуальностью и хорошимъ дочеркомъ. По тогдашнимъ отзывамъ о служебной требовательности гр. Толя, быть имъ замѣченнымъ—имѣло большое значеніе; онъ былъ крутъ въ обращеніи и безцеремонность его, по слухамъ, доходила до того, что онъ требовалъ къ себѣ въ кабинетъ дежурнаго адъютанта свисткомъ, чего Лауницъ себѣ впослѣдствіи никогда не позволялъ; но весьма вѣроятно, что отъ Толя онъ невольно усвоилъ себѣ очень многое и этимъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя негодованіе и даже ненависть многихъ.

Вскорѣ послѣ польской кампаніи, Лауницъ былъ причисленъ къ образцовому кавалерійскому полку, гдѣ былъ замѣченъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и разъ особенно обратилъ на себя вниманіе на маневрахъ мастерскою разстановкою цѣпи ведетовъ; былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Одесскаго уланскаго полка, расположеннаго въ глухой мѣстности Херсонской губерніи; штабъ полка квартировалъ въ мѣстечкѣ Новая Одесса. Составъ офицеровъ полка, по словамъ Лауница, былъ «ужасный» — преобладало пьянство, при полной служебной распушенности; поэтому первою задачею Лауница было расчистить полкъ, чѣмъ онъ и приобрѣлъ славу: кто въ другихъ армейскихъ кавалерійскихъ полкахъ желалъ скорѣе схватить чинъ, просился въ переводъ въ Одесскій

¹⁾ Последнее совершенно вѣрно: графъ Д. А. Милютинъ въ личныхъ бесѣдахъ въ сентябрѣ 1888 года, сообщилъ намъ, что генераль Лауницъ, между прочимъ, явился съ самого вступленія его, Д. А., на постъ военнаго министра весьма полезнымъ сотрудникомъ въ реформахъ по военному вѣдомству, именно Лауницъ былъ чрезвычайно полезенъ своими обширными свѣдѣніями въ военномъ хозяйствѣ и своею громадною опытностью; онъ скоро снискалъ полное довѣріе военнаго министра.

уланскій полкъ, потому что Лауницъ разогналъ почти всѣхъ прежнихъ офицеровъ безопадною, крутымъ обращеніемъ; такъ, напримѣръ, рассказывали, между прочимъ, что, отославши однажды во время ученія полка, провинившагося офицера за фронтъ, онъ приказалъ трубачамъ играть «сквозь строй». Лауницъ самъ высказалъ, что онъ первое время въ отношеніи офицеровъ полка былъ въ такомъ положеніи, что принималъ ихъ у себя по службѣ не иначе, какъ имѣя на столѣ заряженные пистолеты. Но и враги его отдавали ему справедливость въ томъ, что полкъ былъ имъ доведенъ, по тогдашнимъ требованіямъ, до совершенства во всѣхъ отношеніяхъ; генералъ Герштенцвейгъ ставилъ Одесскій полкъ въ примѣръ всѣмъ другимъ полкамъ его дивизіи; содержаніе и обмундированіе людей было образцовое, такъ, напримѣръ, разъ при осмотрѣ людей, посланныхъ для пополненія гвардіи, великій князь Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, что какого-то полка люди были отлично одѣты, но, не видавъ еще одесскихъ уланъ, сказалъ: «но я увѣренъ, что—Одесскаго полка будутъ лучше», какъ и оказалось, за что Лауницъ получилъ благодарность.

Во время царскаго смотра, въ 1846 году, въ числѣ войскъ, собранныхъ подъ Елисаветградомъ, находился и Одесскій уланскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Шевичъ, а Лауницъ былъ тогда начальникомъ штаба 2-го кавалерійскаго корпуса; когда проѣхалъ церемониальнымъ маршемъ Одесскій уланскій полкъ, государь потребовалъ къ себѣ Лауница и благодарилъ его за отличное состояніе полка, приписывая заслугу эту Лауницу, а не командиру полка Шевичу.

На должность начальника штаба вообще назначались люди, выдающіеся своими способностями, и корпусный командиръ баронъ, впоследствии графъ, Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ былъ въ восхищеніи отъ Лауница, узнавъ его по должности начальника штаба. Въ короткое время Василій Фёдоровичъ вникъ въ хозяйственную часть тогдашнихъ округовъ военныхъ поселеній, искоренилъ много злоупотребленій, пересоздалъ дѣлопроизводство въ корпусномъ штабѣ и вообще обратилъ на себя вниманіе генералъ-инспектора резервной кавалеріи и начальника всѣхъ южныхъ военныхъ поселеній графа Никитина, который имъ и замѣнилъ своего начальника штаба, князя Василя Андреевича Долгорукова, при назначеніи послѣдняго на должность военнаго министра.

Послѣ упраздненія военныхъ поселеній и реформы состава резервной кавалеріи, Лауницъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, который при немъ совершенно былъ преобразованъ въ мѣстныя войска; при созданіи военныхъ округовъ,

Лауницъ участвовалъ въ комиссіяхъ, выработавшихъ означенную и многія другія военныя реформы, и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а затѣмъ командующимъ войсками харьковскаго военного округа, гдѣ скоро и послѣдовала его кончина.

Даже изъ этого краткаго очерка вполне можно вывести заключеніе, что покойный В. О. фонъ-дерь-Лауницъ оказалъ несомнѣнныя заслуги государству вообще и русской арміи въ особенности, и исключительно своимъ заслугамъ, личной энергіи и безпредѣльной преданности долгу службы и всѣмъ ея, иногда весьма суровымъ, требованіямъ, какъ повнимались они въ его время, генералъ этотъ обязанъ тѣмъ высокимъ служебнымъ положеніемъ, каковаго достигъ послѣ долготѣйшей службы.

В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ,

одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ Лауница.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАССЕКЪ.

ЗАМѢТКА КЪ ЕЯ ХАРАКТЕРИСТИКѢ.

24-го марта 1889 г. въ ночь не стало Татьяны Петровны Пассекъ. Къ этой мысли трудно и больно привыкать. Многіе узнали ее только съ тѣхъ поръ, какъ она стала писать; а тѣ, которые ее давно знали какъ русскую, широкую, даровитую натуру, въ которой не было мѣста разнымъ женскимъ мелочамъ, тѣмъ еще тяжеле эта утрата! Привѣтливая, любящая, она поражала съ перваго раза своей простотой, горячимъ, любящимъ сердцемъ. Никогда не выдавши ее, я ее знала уже по рассказамъ А. П. Герцена и Н. П. Огарева.

Въ 1860 году я была въ Гейдельбергъ съ сестрой Еленой Алексѣевной Сатиной, когда Татьяна Петровна тоже пріѣхала туда съ семействомъ. Она пришла къ намъ сама, сказала, что была съ дѣтства близка съ Огаревымъ и рада познакомиться со мной. «Мы не чужіе», говорила она мнѣ съ перваго нашего свиданья. И дѣйствительно мы сблизились и видались каждый день. Если я не бывала дня два у нея, она приходила за мной и уводила къ себѣ. Она мнѣ передавала все, что ее въ то время занимало и тревожило, много рассказывала мнѣ про покойную Наташу Герценъ, память о которой мнѣ была дорога, я слушала ее съ восторгомъ; ея гостепріимство, свѣтлый умъ дѣйствовали благотворно на все окружающее.

По возвращеніи моемъ въ Англію, я была какъ-то осенью въ Теркеѣ съ своей дочерью и дѣтьми Герцена, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ Татьяны Петровны въ Лондонъ. Герценъ поѣхалъ ей на встрѣчу; мы ожидали ее съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, она пріѣхала и провела съ нами два дня. Это были свѣтлые, безоблачные дни, она сама описываетъ свое посѣщеніе въ Теркеѣ; могу только прибавить, что намъ было всѣмъ такъ хорошо, такъ отраднo

и легко съ ней, и такъ грустно, что ей нельзя было остаться долѣе съ нами.

Когда Татьяна Петровна узнала, что я возвратилась въ Россію, она написала мнѣ сочувственное, горячее письмо и просила меня не забывать, что я ей близкая навсегда. Она рассказывала мнѣ о кончинѣ сына своего Владимира, о всемъ, что было такъ тяжело и больно, писала и о своемъ утѣшеніи: о внукѣ; рассказывала о томъ, что побудило ее начать писать: съ одной стороны необходимость придумать средства для воспитанія внука и для своей жизни, съ другой: горячая любовь, живой интересъ къ дѣтямъ, къ ихъ развитію. И вотъ главная причина успѣха «Игрушечки» — она создалась любовью къ дѣтямъ, къ юношамъ.

Мы часто стали переписываться; въ одномъ изъ своихъ писемъ Татьяна Петровна говорить: «я люблю простую жизнь деревни и сельское хозяйство, я два года сельскимъ хозяйствомъ была занята въ имѣніи дѣтей въ Малороссіи; славно: близъ ничего не видно кромѣ полей, нивъ, лѣса.... свободно. Себѣ я ничего не взяла — отказалась. Обнимаю васъ, моя милая Натали, всегда старый другъ Татьяна Пассекъ».

Воспоминанія свои она стала писать для того, чтобъ ярче запечатлѣть образы людей, слишкомъ рано сошедшихъ въ могилу, не совсѣмъ понятыхъ современниками и уже почти забытыхъ. При составленіи третьяго тома «Изъ дальнихъ лѣтъ» Татьяна Петровна спрашивала меня о многомъ, разныя подробности о семействѣ Герцена, о Тучковыхъ, я отвѣчала ей съ готовностью, переписывала для нея дорогія письма и посылала ей. Мало по малу Татьяна Петровна заставила меня набросать для нея отрывки изъ моихъ воспоминаній. Безъ нея, убитая послѣднимъ тяжкимъ ударомъ, я никогда бы не принялась за свои воспоминанія, я не была въ состояніи что либо припомнить. «Попробуй писать, писала мнѣ Татьяна Петровна, тебѣ легче будетъ, это своего рода жизнь, все воскресаетъ, порой катится слеза, порой свѣтится улыбка. Не дивись, что въ 75 лѣтъ работаю—въ работѣ жизнь—а безъ дѣла пропадешь,—такъ и стала писать». И она была права: какъ будто переживая прошлое, я стала спокойнѣе, терпѣливѣе жить въ ожиданіи конца....

Въ другомъ письмѣ она говорить: «отецъ Сатиныхъ съ 16 лѣтъ былъ однимъ изъ близкихъ друзей въ домѣ Пассекъ, и очень любилъ Вадима и меня. Многое, слишкомъ многое перешло передо мной и въ душѣ моей, съ этими, тогда едва вышедшими изъ дѣтской хризолиды, юношами, и представъ себѣ, все живо, юво; порой, особенно какъ возьму перо, они уже тутъ и просятся въ міръ, въ жизнь,

которую слишкомъ рано покинули, въ которой, пожалуй, и сдѣлать то не сумѣли, что хотѣли и могли бы».

Разъ Татьяна Петровна писала мнѣ: «какъ бы твое Яхонтово поближе было, мы бы съ Сережей (ея внукъ) непременно навѣстили тебя, мы вѣдь не избалованы, намъ былъ-бы кусокъ чернаго хлѣба да стаканъ воды, вотъ все, что намъ нужно».

Татьяна Петровна Пассекъ рѣдкое явленіе въ русской жизни: уже весьма пожилая она стала писать, талантъ ея развивался, она стала энергично трудиться, мучимая страшной болѣзнію. Только въ послѣднемъ письмѣ сорвалось у нея признаніе своихъ страданій—она диктовала: «слѣды множества несчастій, утратъ, огорченій, лишеній—вотъ онѣ и высказались на склонѣ жизни, ну да и восемьдесятъ лѣтъ не благодать, должны дать себѣ чувствовать». Она не только трудилась, но умѣла заставить трудиться и другихъ, въ ней была подталкивающая сила, вызывающая энергію другихъ. Миръ ей и да сопутствуютъ ее благословенія всѣхъ любившихъ и понимавшихъ ее.

Н. А. Огарева-Тучкова.

Когда и гдѣ положено основаніе Общества Краснаго Креста.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Въ прошломъ 1888 году исполнилось двадцатилѣтіе существованія христіанскаго международнаго Общества Краснаго Креста, главныя основанія котораго—помощь раненымъ и больнымъ, какъ своимъ, такъ и врагамъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій—были оглашены женеvской конвенціей 1868 года.

Къ этой конвенціи, въ числѣ почти всѣхъ европейскихъ державъ, присоединилась, какъ извѣстно, и Россія, вслѣдствіе чего организовалось и у насъ это высокоблагодѣтельное частное учрежденіе, принятое подъ высокое покровительство высочайшихъ особъ и не замедлившее оказывать свою братскуюблагодѣтельную помощь раненымъ и больнымъ во время бывшихъ съ тѣхъ поръ войнъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и съ тою же ревностью какъ и при севастопольской оборонѣ.

Благодаря международной савкціи этого гуманнаго учрежденія, проникнутаго идеей полнаго братскаго космополитизма въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, — благодаря официально организованному у насъ благотворительному Обществу Краснаго Креста, и прибавлю я—благодаря чисто русской скромности, точно стыдящейся напомнить о своихъ подвигахъ благотворенія и дѣятельной любви,—въ нашемъ обществѣ вкоренилось убѣжденіе, что эта христіанская идея облегчить ужасы войны, выразившаяся въ постановленіяхъ женеvской конвенціи 1868 года, зародилась на западѣ и всецѣло принадлежит ему и мы лишь присоединились къ ней.

Между тѣмъ это далеко не такъ, и я приѣмлю радостную для русскаго сердца обязанность утверждать, что это укоренившееся мнѣніе—плодъ незнанія фактовъ нашего недалекаго прошлаго.

Первообразъ Краснаго Креста и его дѣятельности, хотя, конечно, и не въ той широкой формѣ, какъ нынѣ,—возсіялъ впервые въ нашемъ отечествѣ и призывъ къ этой дѣятельности любви и милосердія раздался съ высоты русскаго престола въ незабвенную годину славной Севастопольской обороны.

Уже съ самаго начала осады его императорское высочество великій князь генераль-адмиралъ Константинъ Николаевичъ послалъ на театръ войны, въ Севастополь, особую комиссію, возложивъ на нее задачу: оказывать морскимъ чинамъ пособія, въ дополненіе къ тѣмъ небольшимъ средствамъ, которыми могло располагать морское вѣдомство, и, такимъ образомъ, благодаря высокогуманной инициативѣ генераль-адмирала Константина Николаевича, всегда заботившагося о судьбѣ столь любимыхъ имъ моряковъ,—многіе раненные, больные и нуждающіеся доблестные защитники своего роднаго города были прирѣчны и удовлетворены въ своихъ нуждахъ въ той мѣрѣ, въ какой, при всемъ желаніи, не могло бы сдѣлать морское вѣдомство безъ этого высокохристіанскаго почина его высочества.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1855 года, по инициативѣ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны, эта идея получила большое и всестороннее примѣненіе. Акты любви и милосердія распространились не на однихъ моряковъ, а и на всѣхъ воиновъ и не только своихъ, но и на плѣненныхъ враговъ.

Съ соизволенія въ Бозѣ почившаго государя императора, ея величество, въ началѣ 1855 года, тоже избрала особую комиссію, которая отпращена была въ Крымъ для оказанія помощи раненымъ, больнымъ и нуждающимся и принятія и распредѣленія пожертвованій, изобильно притекавшихъ, по призыву государыни, со всѣхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, уголковъ нашего отечества.

Я былъ осчастливленъ назначеніемъ меня въ составъ этой комиссіи (являвшейся, такъ сказать, прототипомъ будущихъ уполномоченныхъ Краснаго Креста), во главѣ коей находился графъ М. М. Вельгорскій-Матюшкинъ, павшій жертвою исполненія своего христіанскаго долга и скончавшійся, зараженный тифомъ, въ ноябрѣ 1855 г. въ Симферополѣ.

Посылая насъ на театръ войны и выражая свою волю, чтобы пожертвованія распредѣлялись въ средѣ раненыхъ, больныхъ и просто нуждающихся воинскихъ чиновъ, государыня при этомъ изволила начертать слѣдующую программу будущей нашей дѣятельности:

«Оказывать вполнѣ равномѣрныя пособія и всякую помощь всѣмъ больнымъ и раненымъ безъ различія по отношенію къ совѣсти и принадлежности къ лагерю».

Комиссія въ точности исполнила волю императрицы и при всеподданнѣйшемъ моемъ окончательномъ отчетѣ, какъ и въ ежемѣсячныхъ отчетахъ, были приложены подробные списки лицъ, получившихъ пособія, и въ этихъ спискахъ можно встрѣтить почтенное число тогдашнихъ враговъ—«союзниковъ»—французовъ, англичанъ, итальянцевъ и турокъ—которые воспользовались пособіями весьма разнообразными.

Еще ранѣе назначенія названной комиссіи, болѣе 200 лицъ женскаго персонала сердобольныхъ и сестеръ Крестовоздвиженской Общины отправились, по предложенію въ Бозѣ почившихъ императрицы Александры Θεодоровны и великой княгини Елены Павловны, на театръ военныхъ дѣйствій для ухода за ранеными и больными. Многія изъ этихъ подвижницъ были убиты, многія ранены, многія погибли отъ заразныхъ болѣзней, но все положили душу свою при исполненіи этихъ святыхъ обязанностей, которыя 13 лѣтъ спустя были регламентированы женевскою конвенціей.

Я взялся за перо съ единственной цѣлью напомнить русскому обществу это давно прошлое, и, опираясь на вышезложенные факты, снова повторить, что первообразъ Краснаго Креста впервые засіялъ на русской землѣ отъ русскаго почина.

На основаніи этого мнѣ бы казалось, что Общество Краснаго Креста исполнило бы святой долгъ и не погрѣшило бы противъ скромности, если бы, на стягъ своею, вмѣсто года 1868 поставило 1855 годъ, въ память того, что идея братской помощи во время войны и ея примѣненіе впервые явились въ Россіи.

А. О. Таборовскій.

Бѣлая монахиня въ Пензѣ

въ началѣ 1860-хъ годовъ.

Много лѣтъ тому назадъ къ пензенскому женскому монастырю подъѣхала великимъ постомъ дорожная карета, на козлахъ которой сидѣлъ жандармъ. Путешествующими были очень старая и дряхлая особа, замѣчательная тѣмъ, что, одѣтая по монашески въ куколъ и расѣ, все имѣла на себѣ изъ бѣлой материн, что, какъ извѣстно, нашимъ монашескимъ уставомъ не допускается; старушку сопровождала послушница, тоже старая, которая держала кѣтку съ попугаемъ. Вѣсть о такомъ необычайномъ посѣщеніи женскаго монастыря сію минуту облетѣла маленькій городъ и любопытство общества его еще болѣе усилилось, когда узнали, что на бѣлой монахинѣ былъ надѣтъ большой наперсный крестъ, на оборотѣ котораго значилось, будто бы, Царица Анна. Эта новость, облетѣвъ всѣ слои общества, вскорѣ дошла и до уѣздовъ, въ одномъ изъ которыхъ жили мы въ нашемъ имѣніи, и живо помню со всею свѣжестью дѣтскихъ впечатлѣній, какъ пріѣхавшій гость за обѣдомъ рассказывалъ всѣ подробности эпизода.

По водвореніи въ келіи бѣлой монахини, не замедлили къ ней пріѣхать преосвященный, вѣжета Варлаамъ, пзвѣстный суровостью жизни и обращенія и губернаторъ графъ Е. П. Толстой. Дѣло было въ началѣ 1860-хъ годовъ. Конечно, все то, что говорилось этими лицами, осталось непроницаемой тайной; многія въ то время лица, бывшія въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. Толстымъ спрашивали его наединѣ открытъ имъ кто и за кого считать бѣлую монахиню, но получали всѣ одинаковый отвѣтъ: «не знаю».

Черезъ нѣсколько дней бѣлая монахиня, призвавъ игуменью, объявила ей, что, чувствуя приближеніе смерти, проситъ положить ее въ простой дубовый гробъ, непрѣжно обитый бѣлымъ атласомъ внутри.

Въ определенное ею время скончалась: немедля опять пріѣхали вышепомянутыя лица, преосвященный и губернаторъ, собрали какіе-то документы, бывшіе при покойной, а также наперсный крестъ и всѣ эти вещи отправили, какъ о томъ тогда рассказывали, въ синодъ. Тѣло усопшей предали землѣ въ монастырской оградѣ около теплой церкви, и на чугунной доскѣ, служащей памятникомъ, написали:

«Старца Анна, скончалась въ 186.....» (не помню)

Покуда тѣло лежало въ ожиданіи погребенія, было позволено всеѣмъ желавшимъ входить въ келію и смотрѣть на покойную. Всеѣмъ приходившимъ послушница рассказывала, что ихъ привезли изъ Тамбовскаго женскаго монастыря, гдѣ онѣ жили долго, а передъ тѣмъ путешествовали по востоку и были въ Св. землѣ.

Надо сказать, что въ оградѣ Пенаэнскаго женскаго монастыря, который находится въ центрѣ города, хоронить только игумень или лицъ, платящихъ очень дорого за мѣста, сестеръ же выносить въ загородное кладбище.

Все эти обстоятельства такъ взволновали Пензу, что порѣшили единогласно считать бѣлую монахиню вдовою цесаревича Константина Павловича.

Много лѣтъ спустя случай сблизилъ меня съ одной изъ сестеръ монастыря. живущей тамъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ и, не смотря на очень большіе годы, сохранившюю отлично память и наблюдательность; эта инокиня, изъ рода Обуховыхъ, подтвердила мнѣ все слышанное мною въ моемъ дѣтствѣ.

У читающихъ этотъ рассказъ, конечно, явится желаніе узнать истину; для этого слѣдуетъ вспомнить, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ по разводѣ съ В. К. Анной Федоровной, поселившейся въ Швейцаріи и тамъ скончавшейся уже въ царствованіе Александра II, состоялся бракъ съ княгиней Ловичъ, которая скончалась и погребена въ Царскомъ Селѣ; поэтому, перебравъ въ памяти все, что могло бы быть подходящимъ къ открытію тайны, и отбросивъ мысль о высокомъ происхожденіи бѣлой монахини, можно остановиться на предположеніи, что бѣлая монахиня была или Е. Ѳ. Татарникова, сосланная въ одинъ изъ монастырей внутреннихъ губерній, или кто нибудь изъ ея ближнихъ. На эту возможность объясненія направляетъ бѣлый цвѣтъ, любимый сектою хлыстовъ; но какъ совмѣстить строгость заточенія въ монастырѣ съ повѣздами по востоку?

Александръ Александровичъ Кирѣевъ.

4 февраля 1889 г.

С. Дьячовка, Саратов губ.

КЪ ВОПРОСУ О БОЛГАРСКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ

1877—1878 г.

Въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. помѣщена интересная статья «Болгарское ополченіе и его сформированіе». Авторъ ея, И. С. Ивановъ, описывая свое участіе въ формированіи ополченія, указываетъ на неточности и ошибки, сдѣланныя мною въ помѣщенномъ въ томъ же изданіи (іюль 1888 г.) очеркѣ «Князь В. А. Черкасскій какъ устроитель Болгаріи».

Въ моемъ очеркѣ я два раза упомянулъ имя г. Иванова. Сперва, въ дословномъ приведеніи, изъ моего дневника, разсказа князя Черкаскаго о заигрываніи князя Богориди съ болгарскими ополченцами въ Плосштахъ, а потомъ, перечисляя поименно вице-губернаторовъ, назначенныхъ при князѣ Черкасскомъ. Въ первомъ случаѣ я сказалъ, что князя Богориди сопровождалъ «нѣкто Ивановъ, кишиневскій исправникъ и предсѣдатель тамошняго болгарскаго благотворительнаго комитета», а во второмъ упомянулъ, что сливенскимъ (это ошибочно, надо было сказать филиппопольскимъ) вице-губернаторомъ былъ «болгаринъ Ивановъ, служившій въ Бессарабіи». Оба упоминанія, мною сдѣланныя, были таковы, что даже не устанавливали точно, объ одномъ ли и томъ же г. Ивановѣ идетъ рѣчь, что и было сдѣлано потому, что собственно о г. Ивановѣ и его дѣятельности по болгарскому дѣлу я не намѣревался говорить, а фамилію его, разъ не исключилъ изъ цитированнаго мною разсказа князя Черкаскаго, а потому помѣстилъ въ списокъ служащихъ.

Разсказъ князя Черкаскаго, цитированный въ моей статьѣ, я вписалъ въ дневникъ не изъ вторыхъ рукъ, а прямо со словъ князя и въ немъ собственно мнѣ не принадлежитъ ни одного выраженія. Назвавъ г. Иванова исправникомъ и предсѣдателемъ благотворительнаго комитета, я назвалъ его именно такъ, какъ слѣдовало, ибо въ то время онъ дѣйствительно былъ и исправникомъ, и предсѣдателемъ. Выраженіемъ «нѣкто» я не имѣлъ желанія умалять достоинства г. Иванова, человека, какъ мнѣ извѣстно, весьма по-

чтеннаго, и очень жалѣю, что онъ далъ этому слову совершенно превратное толкованіе.

Во всякомъ случаѣ, исправлять моего дневника не требуется и самый инцидентъ слѣдуетъ считать оконченнымъ, такъ какъ по поводу моей замѣтки И. С. Ивановъ имѣлъ возможность лично и весьма обстоятельно разсказать о своей вполне почтенной дѣятельности на пользу болгарскому дѣлу.

Я бы, впрочемъ, не написалъ и вышеприведенныхъ строкъ, если бы «Замѣтки и воспоминанія» И. С. Иванова не дали мнѣ повода остановиться на нихъ по другимъ, весьма серьезнымъ основаніямъ, которыя я выскажу дальше, а теперь обращусь къ указаніямъ этихъ «замѣтокъ» на сдѣланныя мною ошибки.

1) Замѣтки говорятъ, что приведенныя мною цифры о численности болгарскихъ дружинъ неточны. Такъ, мною напечатано, что къ 16 мая 1877 г. въ шести болгарскихъ дружинахъ было на лицо: 1 генераль, 9 штабъ-офицеровъ, 72 оберъ-офицера, 7,206 строевыхъ и 238 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, между тѣмъ, какъ по свѣдѣніямъ г. Иванова даже къ 31 мая 1877 г. болгаръ было всего 5,000 чел., съ которыми ополченіе и перешло за Дунай. Кромя того, по «замѣткамъ» русскій кадръ ополченія былъ «въ числѣ не болѣе 100 чел. нижнихъ чиновъ русскихъ».

2) Г. Ивановъ говоритъ, что въ ноябрѣ 1877 г. начальникъ болгарскаго ополченія, «вслѣдствіе большихъ убылей его въ бояхъ подъ Ески-Загрой съ Сулейманомъ-пашой и на Шипкѣ, признавая необходимымъ не только пополненіе убыли, но и увеличеніе численности его до 12-ти дружинъ, т. е. до размѣра дивизіи, обратился съ рапортомъ къ начальнику полевого штаба, прося его объ исходатайствованіи разрѣшенія великаго князя главнокомандующаго о произведеніи набора молодыхъ болгаръ въ занятыхъ уже частяхъ Болгаріи, съ тѣмъ, чтобы для производства этого набора была составлена коммисія изъ подполковника Кессякова и д-ра Бонева, подъ монѣ (т. е. г. Иванова) предсѣдательствомъ». Далѣе въ «замѣткахъ» поясняется, что «исходатайство это было одобрено и разрѣшено» и начальникъ ополченія обратился къ князю Черкасскому съ письмомъ о зависящемъ съ его стороны распоряженіи къ началію набора и командированію г. Иванова въ коммиссію. Однако, ни набора, ни командированія г. Иванова князь Черкасскій не сдѣлалъ;

и 3) Князь Черкасскій, не пожелавъ разсматривать привезенный докторомъ Боневымъ проектъ «устава о привлеченіи молодыхъ болгаръ къ исполненію воинской службы въ болгарскихъ дружинахъ», — направилъ его ко мнѣ, но я «такъ его (т. е. д-ра Бонева) принялъ, что онъ сѣлъ на коня и отправился обратно, ничего не добывшись».

Отвѣчу на всѣ три замѣчанія.

По первому замѣчанію. Показанныя мною цифры о наличномъ составѣ болгарскаго ополченія къ 16 мая 1877 г. взяты изъ оффиціальнаго источ-

ника, а именно изъ напечатаннаго въ 1884 г. «Отчета полевого штаба дѣйствующей арміи 1877—1878 гг.». Тамъ, на стр. 100—101, численность болгарскаго ополченія къ 16 мая 1877 г. показана такъ:

	по штату	по списку	противу штата		
	положено	состоитъ	на лицо	недостаетъ	излишекъ.
Генераловъ	1	1	1	—	—
Штабт-офиц.	10	9	9	1	—
Оберъ-офицеровъ.	101 (sic)	72	72	28 (sic)	—
Строевыхъ нижн. ч.	6012	7206	7125	—	1194
Нестроев. нижн. ч.	204	238	237	—	33

Эти же цифры, безъ измѣненій, показаны въ «отчетѣ» къ 1 и 16 июня 1877 г. Въ нихъ замѣчательно то, что не только говорится о 7,206 нижн. ч. но и добавляется, что въ этомъ числѣ состояло лишнихъ противу штата 1,194 ч. За сими сомнѣваться въ правильности показанія численнаго состава ополченія не было оснований—число это разъ показано общей цифрой (7,206), а потому количествомъ своего излишка противу штата (1,194).

Приводя въ моей статьѣ эти цифры, я отступилъ отъ нихъ въ томъ, что списочное число назвалъ наличнымъ; сдѣлалъ же это потому, что вся разница заключалась въ 74 больныхъ и 8 командированныхъ. Ихъ я не исключилъ, ибо для меня были важны именно цифры, опредѣлявшія число нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ ополченіе при его сформированіи.

Объяснивъ, что мои цифры не выдуманы мною, а официальные, и сославшись на печатный источникъ, я могъ бы считать это достаточнымъ опроверженіемъ и этимъ окончить возраженіе по первому замѣчанію, но не дѣлаю этого. Разбираясь въ массѣ документовъ и желая кромѣ нихъ имѣть еще и личныя показанія людей близко стоявшихъ къ болгарскому ополченію, я просилъ о сообщеніи мнѣ данныхъ и замѣчаній, во первыхъ, генерала Столѣтова, перваго начальника ополченія, а во вторыхъ, генерала Корсакова формировавшаго шесть дружинъ второй серіи (№№ 7—12). Оба они, первый словесно 14 декабря 1888 г., а второй письменно 12 ноября 1888 г., т. е. гораздо ранѣе появленія замѣтокъ И. С. Иванова, сообщили мнѣ, что 7,206 нижнихъ чиновъ въ болгарскомъ ополченіи не было, и самый большой составъ, ко времени перехода черезъ Дунай, не превышалъ 5,000 чел. Итакъ, по официальнымъ даннымъ въ дружинахъ было 7,206 чел., а по частнымъ всего 5,000. Съ этою послѣднею цифрою сходится и показаніе г. Иванова. Гдѣ истина? Разъясненіе этого разногласія крайне интересно. Добавляю, что напечатанный отчетъ, на который сдѣлана мною ссылка, составленъ временною комиссіею для окончанія дѣлъ и счетовъ бывшей дѣйствующей арміи и ограничивается инспекторскою частью и порядкомъ довольствія войскъ.

Что касается до указанія г. Иванова, что русскіе кадры въ дружинахъ

ополченія состояли всего изъ 100 нижнихъ чиновъ, то это не вѣрно. Въ кадры для дружинъ назначено было и сведено въ Кишиневѣ въ три роты— 270 чел. нижнихъ чиновъ ¹⁾. Въ моментъ сформирования первыхъ шести дружинъ, къ 270 чел. кадровъ было добавлено 285 чел. для образования нестроевого состава; такъ что русскихъ чиновъ въ болгарское ополченіе (говорится о дружинахъ первой серіи) поступило всего 555 чел. ²⁾. Кроме того въ тѣ-же дружины должны были поступить всѣ нижніе чины болгарскаго происхожденія, состоявшіе въ войскахъ Одесскаго военного округа. Ихъ было 230 чел. Поступили ли они въ дружины ³⁾. Если, какъ имѣются всѣ основанія полагать, поступили, то въ шести первыхъ дружинахъ было до 785 нижн. чин., взятыхъ изъ состава нашихъ войскъ.

По второму замѣчанію. Формулируя вторую мою ошибку, И. С. Ивановъ совершенно перепуталъ факты, что и доказывается подлиннымъ представленіемъ генерала Столѣтова къ начальнику полевого штаба отъ 23 сентября 1877 г. № 4 ⁴⁾. Въ этомъ представленіи нѣтъ рѣчи о наборѣ, а говорится о вербовкѣ добровольцевъ и въ предсѣдателя комиссіи указано другое лицо, а не г. Ивановъ.

Первыя шесть дружинъ болгарскаго ополченія (№№ 1—6), переѣдя Дунай, поступили въ составъ передоваго отряда арміи и съ того времени до самаго плѣненія турецкой арміи на Шипкѣ участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ вѣстѣ съ войсками генераловъ Гурко, Радецаго и Скобелева. Отправляясь въ военный походъ, генералъ Столѣтовъ выдѣлялъ до 1,000 чел. болгаръ для формирования, въ Систовѣ, шести дружинъ второй серіи (№№ 7—12) подъ начальствомъ полковника Корсакова. Эти дружины второй серіи (въ сущности роты) разведены были по городамъ для содержанія карауловъ и мѣстной полицейской службы, въ помощь гражданскому вѣдомству. Всѣ 12 дружинъ, имѣя русскій кадръ, пополнялись исключительно болгарами-добровольцами. Гражданскія власти Систовскаго, Тырновскаго и Тульчинскаго санджаковъ всюду дѣятельно вызывали добровольцевъ и направляли ихъ въ ближайшія дружины. Начальники дружинъ, съ своей стороны, тоже приискивали охотниковъ и вербовали ихъ въ дружины въ мѣстахъ расположенія.

Вскорѣ послѣ первыхъ сраженій за Балканами и на Шипкѣ, численный составъ дружинъ первой серіи значительно уменьшился и не столько отъ потерь въ бояхъ, сколько отъ чрезвычайнаго дезертированія. Обстоятельства эти

¹⁾ Дѣло военно-ученаго комитета № 5,772. Для конныхъ болгарскихъ сотенъ кадры были отдѣльныя изъ 48 нижн. чин. отъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ. Дружины 2-й серіи получили отдѣльный русскій кадръ.

²⁾ Предписанія полевого штаба бессарабской губ. воинск. нач. отъ 6 и 7 апрѣля 1877 г. №№ 3,350 и 3,357. Дѣло инс. отд. пол. штаба № 61, часть 3.

³⁾ Дѣло в. уч. арх. № 5,772.

⁴⁾ Дѣло инср. отд. полевого штаба № 61, часть 3-я.

обратили на себя особенное вниманіе князя Черкаскаго и онъ началъ дѣятельно ходатайствовать объ упорядоченіи дѣла комплектованія дружинъ. По невозможности приступить къ правильному набору въ странѣ, нами еще не освобожденной, онъ полагалъ ограничиваться, по прежнему, зачисленіемъ въ ополченіе однихъ добровольцевъ, но требовалъ, чтобы, снособствуя приливу въ дружины новыхъ силъ, были приняты мѣры къ удержанію въ дружинахъ охотниковъ уже поступившихъ. Дружинники-добровольцы не были связаны ни срокомъ службы, ни присягой, ни, наконецъ, страхомъ наказаній за своевольное оставленіе рядовъ ополченія. Доходилъ такой братушка до своей деревни, или не хотѣлъ долѣе подчиняться строгостямъ военной службы и случайностямъ войны, или, наконецъ, просто усталъ, изголодался и обносился — онъ преспокойно уходилъ, куда хотѣлъ, оставляя ружье, аммуницію, а нерѣдко и форменную одежду. Число такихъ дезертировъ быстро увеличивалось, превосходило число вновь поступающихъ и было причиною, что дружины таяли. Указывая на эти факты, князь Черкаскій доказывалъ, что какъ бездонную бочку нельзя наполнить, такъ нельзя укомплектовать и болгарскія дружины, не остановивъ органическими мѣрами сильно развившагося дезертирства. Подобныя заявленія князя Черкаскаго вели къ самымъ горячимъ пререканіямъ съ начальникомъ полевого штаба, но практически ничѣмъ не разрѣшались.

Между тѣмъ, видя недостаточность строевой подготовки дружинъ второй серіи, состоявшихъ въ отдѣльномъ командованіи, генералъ Столѣтовъ вошелъ, 23 сентября 1877 г., съ представленіемъ къ генералъ-адъютанту Непокойчицкому, прося его разрѣшенія: уничтожить отдѣльное завѣдываніе шестью послѣдними дружинами и свести ихъ вмѣстѣ въ Габрово, гдѣ онъ надѣялся не только поднять строевое ихъ образованіе, но и укомплектовать все ополченіе до штатнаго состава, т. е. до 12 тыс. человекъ. «Въ Габровѣ и окрестностяхъ, писалъ онъ, находится множество болгаръ, спасшихся отъ турокъ; они съ радостью пойдутъ въ ополченіе и изъ нихъ въ 1—2 мѣсяца можно сдѣлать боевыхъ солдатъ. Что касается добровольцевъ въ другихъ нами занятыхъ мѣстностяхъ, то его возложить на особую комиссію, предсѣдателемъ коей я полагалъ бы назначить полковника Кесякова, родомъ болгарина, горячо сочувствующаго дѣлу; къ нему назначить еще медика и чиновника гражданскаго управленія, по выбору князя Черкаскаго. Комиссія будетъ вербовать и направлять въ Габрово людей». Такимъ образомъ и самъ начальникъ ополченія говорилъ только о вербованіи добровольцевъ и не заявлялъ о принятіи мѣръ къ прекращенію дезертирства.

3-го октября 1877 г. за № 183, состоялся приказъ по войскамъ арміи, концы дружины №№ 7—12 вливались въ первыя три бригады ополченія, поступаая въ полное завѣдываніе начальника ополченія. Предписаніемъ отъ того же числа № 10578, генералъ Непокойчицкій разрѣшилъ генералу Столѣтову свести дружины вмѣстѣ, притянувъ къ себѣ тѣ, которыя стояли

въ Систовѣ и Тырновѣ. «Что касается, наконецъ, говорилось въ № 10,578, дальнѣйшаго набора для ополченія охотниковъ-болгаръ изъ занятыхъ уже нами мѣстностей, то организація этого дѣла вполне предоставляется вашему усмотрѣнію».

Князь Черкасскій, случайно узнавъ объ этомъ, доложилъ главнокомандующему, что выводъ дружинъ изъ Систова и Тырнова, впредь до замѣны ихъ тамъ обѣщанными гражданскому управленію резервными батальонами, совершенно невозможенъ, такъ какъ губернаторы останутся безъ всякой мѣстной вооруженной силы. При этомъ случаѣ, князь Черкасскій снова высказался за принятіе давно уже предлагавшихся имъ мѣръ охраненія внутренняго въ ополченія порядка, говоря, что ѣздящая комиссія ничему не поможетъ, такъ какъ и безъ нея всѣ желающіе болгарскіе охотники немедленно сдадутся въ дружины. Все это производится гражданскими властями и впредь будетъ ими дѣлаться, но что разумѣется ничто не мѣшаетъ, по бывшимъ примѣрамъ, самими болгарскими дружинами вербовать охотниковъ въ мѣстахъ расположенія ополченія. Делегую 10 октября, приказъ о выводѣ дружинъ изъ Систова и Тырнова отмѣненъ; ихъ велѣно «оставить временно на своихъ мѣстахъ для карауловъ и полицейской службы».

Ѣздящая комиссія, никѣмъ неутвержденная, не получила осуществленія, хотя о назначеніи въ нее г. Иванова генералъ Столѣтовъ просилъ князя Черкаскаго особыми письмами.

На стр. 157 г. Ивановъ заявляетъ, что ни князь Черкасскій, ни я, «какъ говорится, и руки до этого ополченія не приложили», но подобное удостовѣреніе опровергается фактами. Въ томъ же дѣлѣ полевого штаба № 61, часть 1-ая, на стр. 94—114, имѣются представленія завѣдывающаго гражданскими дѣлами о первомъ призывѣ подъ знамена 9,000 молодыхъ болгаръ и объ упорядоченіи внутренняго устройства дружинъ. Оповѣщая, кого слѣдуетъ, о повелѣніи великаго князя главнокомандующаго: обязать болгаръ дружинниковъ срокомъ службы; приводить призываемыхъ къ присягѣ и разработать правила о наказаніяхъ для нижнихъ чиновъ болгарскаго ополченія за самовольное оставленіе ими рядовъ ополченія,—генералъ-адъютантъ Неповойчицкій увѣдомлялъ, что мѣры эти принимаются вслѣдствіе представленій исправляющаго должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами. Поздно, но всетаки было сдѣлано то, надъ чѣмъ такъ настаивалъ покойный князь Черкасскій.

Первый призывъ былъ оконченъ 11/23 мая 1878 г. и къ 16 мая, т. е. восемь дней спустя послѣ вступленія въ должность Императорскаго комиссара генер.-ад. князя Дондукова-Корсакова, въ 12 дружинъ болгарскаго ополченія, по спискамъ числилось 12,349 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а на лицо ихъ состояло 11,430.

По третьему замѣчанію. Параллельно составленію проектовъ вообще по гражданскому управленію Болгаріи, князь Черкасскій обсуждалъ общія

основанія устройства и будущей вооруженной силы Болгаріи. Въ совѣщаніяхъ по этому предмету принималъ участіе и генералъ Обручевъ, во время своего пребыванія въ Бюхтѣ. Съ какими проектомъ являлся ко мнѣ докторъ Боневъ — не знаю, такъ какъ и г. Ивановъ говоритъ, что я «не взялъ даже въ руки этого проекта». Но полагаю, что дѣло могло быть такъ: если г. Боневъ составилъ проектъ устава о пополненіи существовавшихъ уже дружинъ — то онъ не подлежалъ разсмотрѣнію гражданскаго управленія, высказавшаго уже свой взглядъ на это дѣло, и я не принялъ его правильно; если же проектъ относился до устройства будущей болгарской милиціи, о чемъ многіе говорили, става въ примѣръ швейцарскую военную систему, то тѣмъ болѣе проектъ не подлежалъ моему разсмотрѣнію, потому что и я, и князь Черкасскій считали для Болгаріи необходимымъ не милицію, а постоянную военную силу, при общеобязательной воинской повинности и съ короткими сроками службы для возможности проводить чрезъ постоянно содержимыя войска большее число молодежи. Такъ впоследствии и сдѣлано. Во всякомъ случаѣ, какъ-то странно допустить, чтобы князь Черкасскій, отказавшись разсмотрѣть проектъ г. Бонева, указалъ ему обратиться ко мнѣ. Если князь уклонился отъ личнаго разсмотрѣнія проекта, то потому, что считалъ его не нужнымъ для гражданскаго управленія и засмѣе не было никакихъ поводовъ направлять г. Бонева ко мнѣ. Впрочемъ, все это замѣчаніе не важно.

Прочитавъ написанное выше, нельзя не придти къ заключенію, что официальные данныя и частныя свѣдѣнія и рассказы о событіяхъ минувшей войны 1877—1878 г., совершавшихся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, не сходятся между собою и по самымъ существеннымъ вопросамъ. Чтобы разъяснить дѣло, невозможно ограничиваться тѣми или другими матеріалами; необходимо пользоваться источниками обоихъ родовъ, подвергать ихъ критикѣ, сопоставлять между собою и тогда уже дѣлать выводы. Чѣмъ большее число очевидцевъ приметъ участіе въ такомъ разъясненіи, тѣмъ лучше. Вообще крайне желательно, чтобы тѣ изъ очевидцевъ, которые вели дневники, журналы или просто замѣтки, напечатали ихъ или, по крайней мѣрѣ, привели въ порядокъ, дабы они, хотя бы впоследствии, могли служить общему дѣлу въ видѣ свидѣтельскихъ показаній, всегда столь драгоценныхъ для историковъ.

Занимаясь въ настоящее время описаніемъ дѣятельности гражданскаго управленія при дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг., я убѣдительно прошу всѣхъ служившихъ въ гражданскомъ управленіи или имѣющихъ о немъ какія бы то ни было данныя, будь то собственныя наблюденія, записки, дневники и замѣтки или документы официальные, дать мнѣ возможность ознакомиться съ этими свѣдѣніями и воспользоваться ими для моего труда. Особенно желательно получить сообщеніе о дѣятельности чиновъ гражданскаго управленія по сбору

въ сѣверной Болгаріи реквизиціи, храненію реквизиціоннаго зерна до передачи его нятендантству и, наконецъ, о самой этой операци.

Всѣ документы, по снятіи съ нихъ копій или сдѣланіи выписокъ, будутъ мною возвращены въ полной сохранности. Адресовать же свѣдѣнія слѣдуетъ: въ С.-Петербургъ, Дмитрію Гавриловичу Анучину, Бассейная, 25.

Д. Г. Анучинъ.

4 апрѣля 1889 г.
С.-Петербургъ.

ВИЛІЯ.

(Переводъ изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкевича).

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., томъ LXII, май, стр. 500—501, напечатанъ переводъ названнаго здѣсь стихотворенія славнаго польскаго поэта; для полнаго соответствія польскому подлиннику — необходимо переставить строфы этого перевода, именно въ томъ порядкѣ, какъ дѣлаемъ мы это въ настоящей книгѣ этого изданія. Кстати замѣтимъ, что достоинство этого перевода состоитъ въ его близости къ подлиннику съ сохраненіемъ не только мыслей, но и самыхъ выраженій онаго. Смотри переводы того же стихотворенія у Л. А. Мея и В. С. Курочкина.

Z.

Вилія, рѣкъ родныхъ царица,
Вилія славится давно;
Ликъ ея свѣтлѣй денницы,
Золотое кроетъ дно...
У литвинки лнѣ вѣянѣ,
Сердце чище и свѣтлѣе (прищѣвъ).

* *

Вилія ковенской долиной
Протекаетъ межъ цвѣтовъ.
Предъ лятвиночкой-богиней
Цвѣтъ литовскихъ молодцовъ:
Всѣ красивѣй и милѣй
Розъ, тюльпановъ и лилей.

* *

Отъ цвѣточковъ отдалилась,
Вилія къ Нѣману свѣшить,
А литвинка загордилась,
Нашихъ юношей бѣжить:
Чужеземецъ ей по сердцу,
Предалася иновѣрцу.

* *

Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Мчится съ ней черезъ скалы,
 Къ груди холодной прижимаетъ,
 Шещуть мутные валы.
 И вотъ оба мчатся дружно
 Въ море съ пѣною жемчужной.

* * *

Такъ литвинку молодую
 Чужеземецъ увлечетъ
 Въ страну дальнюю, чужую,
 Въ бедну горя и заботъ.
 И въ забвеніи, въ слезахъ
 Ты потонешь, какъ въ волнахъ.

* * *

Но грозить напрасно рокъ;
 Глухо сердце и потокъ:
 Сердце любить и страдаетъ...
 Вилья къ Нѣману спѣшитъ,
 Нѣманъ Вилью принимаетъ,
 Лаской, нѣгою поя.
 Дѣва плачетъ и страдаетъ,
 Въ кельѣ грусть свою тая.

Л. А. Кавелинъ.

(1840 г.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

въ 1888—1889 учебномъ году.

Въ воскресенье, 14-го мая 1889 г., состоялся торжественный актъ въ археологическомъ институтѣ, въ С.-Петербургѣ, по случаю новаго выпуска его питомцевъ архивистовъ-археологовъ. При значительномъ стеченіи любителей науки, между которыми было много академиковъ, профессоровъ и членовъ института, профессоръ Н. В. Покровский прочелъ отчетъ совѣта археологическаго института.

Изъ доклада видно, что къ концу отчетнаго года, 1888—1889 г., въ составъ этого учено-учебнаго учрежденія входили 87 почетныхъ, 31 дѣйствительныхъ членовъ, 11 профессоровъ и преподавателей, 14 сотрудниковъ и 57 слушателей на обоихъ курсахъ института (къ началу учебнаго 1888—1889 года, за исключеніемъ прошлаго года выпускныхъ, оставалось слушателей 21).

Во главѣ учрежденія, по прежнему, стоитъ достойнѣйшій преемникъ основателя и перваго директора института Н. В. Калачева— профессоръ, тайный совѣтникъ И. Е. Андреевскій; затѣмъ въ составѣ профессоровъ и преподавателей, независимо отъ почтеннаго директора, мы видимъ весьма авторитетныхъ въ наукѣ лицъ, каковы: академикъ А. Ѳ. Бычковъ, профессора: В. И. Сергѣевичъ, Н. В. Покровский, Д. И. Прозоровскій, А. К. Марковъ и четверо молодыхъ преподавателей изъ бывшихъ слушателей института: А. П. Ворововъ, А. Л. Смирновъ, С. М. Гольдштейнъ и графъ Н. С. Ланской.

Весьма пріятная особенность этого ученаго учрежденія состоитъ въ томъ, что не только составъ его дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ, но и преподавателей усиливается время отъ времени,

такъ сказать, изъ нѣдръ самаго института; изъ его питомцевъ, обыкновенно лицъ, окончившихъ, еще до поступления въ него, курсъ наукъ въ одномъ изъ высшихъ учреждений, каковы университетъ и т. п., и затѣмъ прекрасно прошедшихъ курсъ археологическаго института, совѣтомъ института приглашаются достойнѣйшія лица на открывающіяся вакансіи преподавателей въ это самое учрежденіе.

Совѣтъ института составляли академики А. Ѳ. Бычковъ и П. И. Савванитовъ; почетные члены А. Н. Труворовъ и Н. Н. Селяфоновъ и весь составъ профессоровъ и преподавателей, съ директоромъ во главѣ.

Дѣятельность совѣта института выражалась въ особыхъ собраніяхъ, на которыхъ обсуждались, между прочими, вопросы, касающіеся педагогической и ученой части: избранія почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ института, преподаванія наукъ въ институтѣ, лучшей постановки архивнаго дѣла въ Россіи, снаряженія археологическихъ экскурсій, сношеній по вопросамъ археологии и архивовѣдѣнія съ разными учреждениями и лицами, открытія и направленія дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и охраненія памятниковъ отечественной старины. По порученію совѣта института, директоръ И. Е. Андреевскій принималъ участіе въ специальныхъ собраніяхъ, устроенныхъ императорскою археологическою комиссіею, для обсужденія мѣръ къ охраненію памятниковъ отечественной старины. Въ отчетномъ году вышелъ 7-й выпускъ институтскаго журнала «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи» и готовится выпускъ 8-й.

Дѣятельность профессоровъ по отношенію къ институту выражалась, главнымъ образомъ, въ чтеніи лекцій. Профессоръ И. Е. Андреевскій читалъ, въ отчетномъ году, науку объ архивахъ, проф. В. И. Сергѣевичъ—юридическія древности, проф. Н. В. Покровский—церковныя древности, Д. И. Прозоровскій—славяно-русскую палеографію до XVI в. и древне-русскую метрологію, А. К. Марковъ—византійскую нумизматику, А. П. Вороновъ руководилъ практическими занятіями слушателей по описанію архивовъ, А. Л. Смирновъ преподавалъ греко-латинскую палеографію, С. М. Гольдштейнъ—польскую палеографію, графъ Н. С. Ланской обучалъ слушателей чтенію древнихъ актовъ.

Занятія слушателей института состояли въ слушаніи институтскихъ лекцій и практическомъ ознакомленіи съ разборомъ и описаніемъ архивныхъ документовъ, также въ ознакомленіи съ музеями и архивами и въ самостоятельныхъ ученыхъ упражненіяхъ, результаты которыхъ сообщаемы были въ вечернихъ собраніяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ помѣщены въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи».

Одинъ изъ слушателей института, А. В. Половцевъ, въ виду ожидавшихся чтеній по церк. археологiи, предложилъ въ институтѣ рядъ бесѣдъ для ознакомленія слушателей съ памятниками искусства. Бесѣды эти посѣщаемы были не только слушателями института, но и дѣйствительными членами, даже посторонними лицами, и возбуждали живой интересъ. Для нагляднаго ознакомленія съ наиболѣе цѣлесообразными приемами археологическихъ раскопокъ слушатели института, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ дѣйствительныхъ членовъ, въ концѣ мая прошлаго года, командированы были въ имѣнiе князя Евикѣва Боровичскаго уѣзда, гдѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго специалиста по кургановѣдѣнiю, генераль-маiора Н. Е. Бранденбурга, произвели раскопку кургановъ. Такъ какъ главнѣйшая цѣль этой экскурси состояла не въ находкахъ и открытiяхъ, но имѣла педагогическое значенiе, то изъ обширной группы кургановъ раскопаны были только три кургана—одинъ траншеей и два колодцемъ, при чемъ обращалось самое строгое вниманiе какъ на процессъ работы, такъ и на находки. Составленный слушателями подробный и точный дневникъ раскопокъ, а равно и всѣ найденные въ курганахъ предметы древности доставлены въ институтъ. Отчетъ объ этихъ образцовыхъ раскопкахъ предложенъ былъ участникомъ экскурси г. Коленскимъ, въ одномъ изъ публичныхъ собранiй института.

Въ отчетномъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили въ институтѣ публичныя и частныя вечернiя собранiя. Публичныхъ собранiй было шесть: число предложенныхъ на нихъ сообщений простиралось до 14-ти. Референтами были: И. Е. Андреевскiй, Д. Е. Чубиновъ, Н. Е. Бранденбургъ, Н. В. Покровскiй, М. И. Семевскiй, Е. Е. Замысловскiй, А. Н. Труворовъ, А. Н. Львовъ, А. А. Ильинъ и В. Н. Коленскiй. Предметами публичныхъ сообщений служили: ученая дѣятельность архивныхъ комиссiй, отчеты объ археологическихъ экскурсiяхъ, изслѣдованiя, относящiяся къ области археологiи и архивовѣдѣнiя. Въ вечернихъ собранiяхъ частныхъ, происходившихъ ежедневно, подъ предѣлательствомъ директора института, участвовали почетные члены, профессора, дѣйствит. члены, сотрудники и слушатели. Въ этихъ частныхъ собранiяхъ разсматривались труды губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссiй, обсуждались вопросы, касающiеся веденiя архивнаго дѣла, разбирались ученныя изданiя русскихъ археологическихъ обществъ, равно какъ и отдѣльныя сочиненiя и статьи современной журналистики, имѣющiя болѣе или менѣе близкое отношенiе къ спеціальнымъ занятiямъ археологическаго института. Такихъ частныхъ собранiй въ отчетномъ году было 22.

Библиотека и институтскiй архивъ въ отчетномъ году пополнены

нѣкоторыми новыми прибрѣтеніями книгъ и архивныхъ документовъ. Число книгъ въ институтской библиотекѣ въ настоящее время простирается свыше 5,000 наименованій и до 500 рукописей, кромя архивныхъ документовъ.

Въ музей института поступило вновь нѣсколько предметовъ древностей, отчасти найденныхъ слушателями института во время прошлагоднихъ археологическихъ раскопокъ, отчасти пожертвованныхъ разными лицами. Число всѣхъ предметовъ институтскаго музея простирается до 3,500.

Чтеніе отчета закончено было выдачею, по опредѣленію совѣта археологическаго института, аттестатовъ шести слушателямъ института, окончившимъ нынѣ полный курсъ институтскихъ наукъ и выдержавшимъ удовлетворительно испытанія по всѣмъ предметамъ; таковыя лица были: окончившій курсъ спб. университета г. Адамовъ; кандидатъ спб. университета г. Половцевъ; кандидатъ спб. духовной академіи г. Розинъ; окончившій курсъ наукъ во 2-й спб. военной гимназіи г. Панкратьевъ; коллежскій секретарь г. Соловскій и бывший студентъ спб. университета г. Сивидкій; сему послѣднему постановлено выдать аттестатъ, по представленіи имъ свѣдѣтельства объ окончаніи курса въ университетѣ.

Выдача каждому изъ поименованныхъ лицъ аттестатовъ сопровождалась единодушными рукоплесканіями всего собранія.

Вообще же, какъ выяснено было въ прочитанномъ отчетѣ совѣта института, отличительною чертою истекшаго года въ дѣятельности сего учрежденія было значительное расширеніе учебной дѣятельности института. Заняться о широтѣ и цѣльности преподаванія и въ то-же время не имѣя въ виду стороннихъ специалистовъ, которые бы могли восполнить пробѣлы въ этомъ преподаваніи, институтъ пришелъ къ счастливой мысли приготовить такихъ специалистовъ изъ числа бывшихъ слушателей института. Одинъ изъ слушателей, гр. Н. С. Ланской, съ этою цѣлю командированъ былъ за границу для ознакомленія съ памятниками древности и для изученія палеографіи въ вѣнскомъ университетѣ, подъ руководствомъ бывшаго профессора института, Игнатія Викентьевича Ягича; другіе—гг. Вороновъ, Гольштейнъ и Смирновъ—занялись избранными специальными предметами здѣсь; такимъ образомъ, институту удалось ввести преподаваніе по четыремъ предметамъ и тѣмъ значительно расширить учебную институтскую программу. Полагая, затѣмъ, что наглядное ознакомленіе слушателей института съ памятниками древности на мѣстахъ ихъ нахождения совершенно необходимо въ интересахъ яснѣйшаго представленія о нихъ и успѣховъ будущихъ изслѣдованій, институтъ

командировалъ одного изъ бывшихъ слушателей, г. Коленскаго, въ Полтаву, для ознакомленія съ документами оставшейся здѣсь части архива малороссійской коллегіи, другаго, г. Селиванова, на Кавказъ, для ознакомленія съ памятниками кавказской старины. Такъ какъ вещественные памятники русской старины тѣснѣйшимъ образомъ соединены съ памятниками древности византійской, и необходимо должны быть изучаемы въ связи съ ними, а между тѣмъ эти послѣдніе обследованы еще очень мало и, по большей части, хранятся въ монастырскихъ бібліотекахъ, ризницахъ и публичныхъ бібліотекахъ Европы, то одинъ изъ профессоровъ института, именно Н. В. Покровскій, извѣстный специалистъ по церковной археологіи, командированъ былъ въ Константинополь, на Афонъ, въ Солунь, Аены и другіе пункты для изученія памятниковъ византійскихъ.

Послѣ доклада отчета, при громѣ аплодисментовъ, взошелъ на кафедру высокоуважаемый директоръ археологическаго института И. Е. Андреевскій и, съ обычнымъ ему одушевленіемъ и искусствомъ, прочелъ превосходную статью: «О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія», — рефератъ, составленный г. директоромъ на основаніи архивныхъ документовъ.

Этотъ весьма интересный очеркъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Русской Старины», изд. 1889 г.

Въ пять часовъ пополудни того же дня, за дружеской трапезой, сошлись бывшіе и нынѣшніе слушатели археологическаго института, съ своимъ уважаемымъ директоромъ, профессорами, преподавателями и нѣкоторыми членами института. Обѣдъ сопровождался одушевленной бесѣдою, тостами, рѣчами и однимъ изъ питомцевъ института, г. Потѣхинымъ, прочитано было весьма прочувствованное и вполнѣ хорошее стихотвореніе, посвященное дорогому для всѣхъ собравшихся учрежденію — археологическому институту. Въ числѣ тостовъ былъ провозглашенъ и принятъ съ одушевленіемъ тостъ за упроченіе и развитіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ расадниковъ историческихъ знаній по всему лицу земли русской.

Ред.

14-го мая 1889 г.

Петербургъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVII ¹⁾.

Желаніе покоя.

Опять онѣ мои мечты
 О тишинѣ уединенья,
 Гдѣ въ сердцѣ столько теплоты
 И столько грусти и стремленья.
 О! Хороши мои поля
 Лежать спокойны и безбрежны...
 Тамъ протекала жизнь моя
 Какъ вечеръ ясный, безмятежный....
 Хорошъ мой тихій, свѣтлый прудъ!
 Въ него глядится мѣсяцъ блѣдный,
 И соловьи кругомъ поютъ,
 И робко шепчетъ куестъ прибрежный.
 Хорошъ мой скромный, бѣлый домъ!
 О сколько сладостныхъ мгновеній,
 Минуть любви я прожилъ въ немъ,
 Минуть прекрасныхъ вдохновенъя.
 Опять туда манятъ мечты,
 Все прочь отъ жизни шумной,
 Отъ этой пошлой суеты,
 Отъ этой праздности безумной.
 Опять душа тоски полна
 И проситъ прежняго покоя;
 Привыкла тамъ любить она,
 Тамъ гробъ отца, тамъ все родное.
 Опять онѣ мои мечты
 О тишинѣ уединенья,
 Гдѣ въ сердцѣ столько теплоты
 И столько грусти и стремленья.

1839.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 682; т. LXIII, стр. 128 и 162.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

1800 г. ¹⁾.

24-го августа. Артиллерій фуражмейстеръ Ракъевъ за исправный приводъ ремонту произведенъ въ обозные (№ 68).

— Вооружить немедленно изъ здѣшняго флота 25 кораблей съ пристойнымъ числомъ фрегатовъ и авизъ и вывести на рейдъ.

— Дѣвицъ Фаустиинъ Нововейской объявляется, что по присланной отъ нея на высочайшее имя просьбѣ, на французскомъ языкѣ писанной, не докладовано е. и. в. потому, что она, по совершенному незнанію языка, не объяснила чего просятъ.

— Продается книга: „Бѣдная Лица“, извѣстнѣйшее соч. г. Карамзина, прекрасное изданіе съ аллегорическимъ эстампомъ, изображающимъ памятникъ чувствительности и нѣжнаго вкуса многихъ читателей и читательницъ, на бѣлой бумагѣ 1 р.

28-го августа. По высочайшему повелѣнію статсъ-секретарь дѣйствительный камергеръ графъ Кутайсовъ объявляетъ: отставному майору Дедонскому, просившему о принятіи его паки въ службу, отказывается съ извѣщеніемъ, что есть-ли бы нужна была его служба, то-бы его не оставили. Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Воронцову прошеніе возвращено съ надраніемъ и со взмсканіемъ вѣсовыхъ денегъ (№ 69).

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190, 589—590, 787—788; т. XII, стр. 231—236, 451—452, 663—664, 830—832; т. XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., т. XXV, стр. 425—432, 653—664; изд. 1883 г., т. XL, стр. 449—456, 645—648; т. XLI, стр. 363—370, 619—626; т. XLII, стр. 279—280, т. XLIV, стр. 625—634; изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 336—345; изд. 1886 г. т. L, стр. 451—458; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 197—210; изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 593—600: Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при Академіи Наукъ, 1797—1800 г., въ IV-ю долю.

31-го августа. Продаются книги: „Струя сладостнаго источника“, соч. славнаго Герарда въ 4 част., въ пер. 1 р. 40 к. „Викторъ или дитя въ гѣсу“, соч. Дюбре-Дюминия, автора „Лалотты и Фанфана“, „Ишеньки и Жеоржетты“ и проч. Цѣль книги сей есть доказать, что добродѣтель превыше всѣхъ происшествій, добродѣтель всегда высока, всегда величественна, даже и тогда, когда по несчастію падаетъ подъ усиліями порока. Соответственно сей цѣли авторъ обработалъ сей романъ съ толковымъ искусствомъ и успѣхомъ и старался сдѣлать его столь занимательнымъ и пріятнымъ, что чтеніе его не можетъ не подавать поводу къ размышленіямъ, къ сладостной меланхолии философу-другу челоѣчества, а по всему тому и заслуживаетъ одобренія отъ публики, съ картинками, въ 4 частяхъ, въ пер. 5 р. 50 к. (№ 70).

4 сентября. Политическія обстоятельства, заставляющія е. и. вел.—во думать, что послѣдуетъ разрывъ дружбы съ Англіею, вслѣдствіе чего высочайше назначается армія подъ командою генерала отъ кавалеріи графа фонъ-дербъ-Палена, состоящая изъ 5 корпусовъ (№ 71).

— Изъ Парижа, отъ 12-го августа. Въ словахъ «*Révolution Française*», Французская революція, найдена странная анаграмма. Вотъ какъ она дѣлается: переживши первыя буквы, составляется прежде всего veto (слово, пагѣбное въ прежде бывшей Польшѣ, т. е. не позволяемъ); по уничтоженіи же онаго слова veto, составится изъ прочихъ буквъ сія рѣчь: un corse la finira—корсиканецъ окончитъ оную. NB. Бонапарте родомъ изъ Корсики.

— Отъ импер.—ой театральнѣйшей дирекціи объявляется, что, въ соответствии высочайшаго изволенія, имѣющая театральная труппа, содержимая въ Санкт-Петербургѣ Іосифомъ Маре, присоединена подъ вѣдомство сей дирекціи съ 1-го числа сентября сего 1800 года.

7-го сентября. Сентября 1-го дня подошли внутри и около Гатчина къ стоявшимъ тамъ уже кавалергардамъ, лейбъ-гусарамъ, лейбъ-казакамъ, батальону гвардіи е. и. выс.—ва вел. кн. и наследника Александра Павловича, гвардіи егерскому батальону, съ командою финляндскихъ егерскихъ батальоновъ и гренадерскимъ полкомъ Кербица, — конногвардія, е. и. выс.—ва Константина Павловича лейбъ-вирасирскій полкъ, флигель-гренадерскаго батальона, 4 батальона гвардіи е. и. вел.—ва, 2 батальона вел. кн. Александра Павловича и 3 батальона гвардіи е. и. выс.—ва Николая Павловича съ полками лейбъ-гренадерскимъ Седморадскаго и Ефимовича и съ отрядомъ артиллеріи съ 60 пушками, для произведенія маневровъ въ 2 корпусахъ подъ начальствомъ гг. генераловъ Кутузова и графа фонъ-дербъ Палена 4-го, 6-го и 7 числа.

Армія сія такимъ образомъ расположена была е. и. вел.—вомъ, что одинъ корпусъ состоялъ изъ лейбъ-гусаръ, конной гвардіи, 11 гвардейскихъ батальоновъ и гвардіи егерскаго батальона, а другой изъ лейбъ-казаковъ, лейбъ-кирасирскаго полку, финляндской егерской команды, лейбъ-гренадерскаго полку, гренадерскаго полку Кербица, мушкетерскаго полку Седморадскаго и Ефимовича, которые съ ихъ гренадерами тоже составляли 10 батальоновъ, и каждый корпусъ имѣлъ 30 артиллерійскихъ орудій и двѣ конныя пушки. Генералъ долженствовалъ, по приказанію е. и. вел.—ва, метать жребій, какимъ имъ корпусомъ управлять должно, и такимъ образомъ генералъ Кутузовъ получилъ

корпусъ, состоящій изъ генералъ гвардіи, а графъ фонъ-дербъ-Паленъ корпусъ, составленный изъ прочихъ полковъ.

Е. и. вел.—во соизволилъ расположить главный планъ сего маневра такъ, чтобы г. генералъ гр. фонъ-дербъ-Паленъ занялъ позицію у Малой Загвоздки, а генералъ Кутузовъ учинилъ бы нападеніе на оную съ той стороны лѣваго флигеля, которую только атаковать возможно. Но какъ положеніе фонъ-дербъ-Паленова корпуса было весьма выгодно и оной противу лѣваго флигеля Кутузова корпуса сдѣлалъ сильную диверсію, то принужденъ былъ сей корпусъ ретироваться, и поеліку диверсія генерала фонъ-дербъ-Палена чрезъ малой Гатчинъ препятствовала Кутузову корпусу между городомъ Гатчиномъ и малымъ Гатчиномъ, на с.-петербургской дорогѣ, съ которой началось нападеніе, отступать, то и долженъ онъ былъ пронавестъ отступление чрезъ дефилею у пріората къ сторонѣ замка, и тамъ себѣ избрать позицію, гдѣ долженъ начаться второй маневръ. Расположеніе гг. генераловъ, во исполненіе высочайшаго приказа, соединено было съ такимъ искусствомъ и порядкомъ, что каждая часть войска снискала совершенное благоволеніе е. и. вел.—ва, и всѣ тактики долженствовали признаться, что никогда и нигдѣ не видывали явшаго и соотвѣтственнѣйшаго дѣла порядка по всѣмъ частямъ войска. Явное благоволеніе и благодареніе е. и. в.—ва наіяли радость въ сердцахъ сихъ славныхъ и искусныхъ воиновъ; всѣ зрители были тронуты и всѣ благословляли всемілостивѣйшаго и великаго Павла, обращающаго повсюду внимательное око во время маневра и не оставшаго посему ни единой заслуги безъ награжденія. Каждый солдатъ одаренъ и всѣ гг. генералы и полковники воспользовались преимущественною милостію, бывъ удостоены въ вечеру къ высочайшему столу е. и. в.—ва, а равно удостоены къ императорскимъ столамъ штабъ-офицеры въ замкѣ, а офицеры въ разныхъ квартирахъ. Всѣ уже радуются о слѣдующихъ за симъ двухъ маневрахъ (№ 72).

— Арміи генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова быть въ готовности къ выступленію въ походъ въ 24 часа по полученіи повелѣнія. Провіантскому департаменту учредить магазейны на то число войскъ во Владимірѣ и близъ лежащихъ мѣстахъ (приказъ 2 сентября).

— Е. и. вел.—во объявляетъ совершенную свою благодарность всей гѣхотѣ, какъ пришедшей вчерашняго числа по утру, такъ и пополудни.

11-го сентября. Е. и. вел.—во соизволилъ объявить свою благодарность и похвалу генералу отъ инфантеріи Голенищеву-Кутузову и генералу отъ кавалеріи графу Палену и всѣмъ войскамъ, бывшимъ того дня (6-го числа) на маневръ, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка (№ 73).

— Е. и. в.—во соизволилъ объявить высочайшее свое благоволеніе бывшимъ того числа (8 сентября) войскамъ на маневрахъ и командующимъ оными: генералу отъ инф. Голенищеву-Кутузову и ген. отъ кав. графу фонъ-дербъ-Палену, также и всѣмъ баталіоннымъ командирамъ; нижнимъ же чинамъ пожаловалъ по рублю, по чаркѣ вина и по фунту говядины на человѣка; а при томъ высочайше объявить изволилъ, что весьма утѣшно для е. и. в.—ва видѣть достиженія войска такого совершенства, въ каковомъ оно себя показало во всѣхъ частяхъ подъ начальствомъ таковыхъ генераловъ, которыхъ качества и

таланты, дѣйствуя таковыми войсками и такой націи, какова россійская, не могут не утвердить и не обезпечить безопасности и цѣлости государства.

11 сентября. Е. и. вел.—во на маневрѣ 8-го сентября принужденнымъ себя нашелъ арестовать генераль-маіора Томича, лейбъ-гвардіи е. и. выс.—ва цес.—ча Константина Павловича полку полковниковъ: Янковича, Безобразова, Леонтьева, Саврасова, Саблукова и князя Вяземскаго за безразсудныя ихъ поступки во время онаго, какъ-то: 1) кавалерія шла по четыре мѣсто мимо непріятельскаго фронта подъ самымъ близкимъ картечнымъ выстрѣломъ; 2) сдѣлала атаку, наѣхавъ на непріятеля ближе, нежели повелѣно было; 3) во время ретирады былъ шумъ и 4) лейбъ-гусары фланкировали противъ повелѣнія своего начальника, подъ непріятельскими батареями на картечный выстрѣлъ и во все то время такой шумъ происходилъ, что команды не слышно было.

14-го сентября. Е. и. выс.—ву цесаревичу вел. кн. Константину Павловичу состоятъ по арміи, съ ношеніемъ облаго кавалерійскаго мундира (№ 74).

— Е. и. выс.—во цес.—чь и вел. кн. Константинъ Павловичъ назначенъ по прежнему шефомъ лейбъ-гвардіи коннаго полку.

— Генераль отъ инфантеріи Повало-Швейковскій отставленъ отъ службы.

— Е. и. выс.—во соизволилъ объявить особое свое благоволеніе лейбъ-казакамъ за ихъ расторопность, проворство и совершенное знаніе своего дѣла.

— Шестаго числа производила вторично маневры собравшаяся въ Гатчинѣ армія, и е. и. в.—во, всемилостивѣйшій государь, видѣлъ новые опыты великихъ тактическихъ познаній главнокомандующихъ гг. генераловъ и искусство ихъ войскъ.

Г. генераль графъ фонъ-дербъ-Паленъ, который съ корпусомъ своимъ въ двухъ колоннахъ шелъ вправо и влѣво, подвигался впередъ чрезъ Конетабль по приоратской дорогѣ и построился въ то самое время, какъ корпусъ генерала Кутузова заходилъ нозаводно. Во время же марша, происходившаго съ величайшею поснѣжностью, производима была искусная съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба. Потомъ лѣвый флигель фонъ-дербъ-Паленова корпуса атаковалъ сильнѣйшимъ образомъ правой флигель Кутузова корпуса и то-же самое учинилъ лѣвой Кутузова флангъ съ правымъ флигелемъ фонъ-дербъ-Палена. Кутузова правой флигель долженъ былъ, по причинѣ сильной атаки, отступить, и фонъ-дербъ-Паленовъ учинилъ то-же самое, дабы соответственно цѣли своей достигнуть Колпины, и весь фонъ-дербъ-Паленовъ корпусъ сталъ отступать къ колпинскимъ горамъ, чрезъ что и занялъ онъ тамошній мостъ. Расположеніе къ сему отступленію и занятіе колпинскихъ высотъ было славно, и маневръ Кутузова корпуса, учинившаго съ обѣими линиями совершенной оборотъ, былъ столь сообразно цѣли производимъ, что проницательному оку ясно видимо было какъ знаніе гг. генераловъ, такъ и чрезвычайное искусство импер.—кой гвардіи, и они сняли совершеннѣйшее благоволеніе его имп. вел.—ва.

Дабы дать отдохновеніе войскамъ, е. и. вел.—во соизволилъ приказать назначенный 7-го числа маневръ пропзвестъ 8-го. Во время онаго гр. фонъ-дербъ-Паленъ занялъ взятыя имъ въ первомъ сраженіи 6-го числа колпинскія высоты и выгодное положеніе позади Колпина, вторымъ сраженіемъ приобрѣтенное.

Ген. Кутузовъ равномерно занялъ прежнее свое положеніе, которое онъ имѣлъ 6-го числа, атаковалъ лежащія по правую сторону Колпина высоты, и когда оныя потомъ стоявшимъ на нихъ двумъ батальонамъ фонъ-дерт-Паменова корпуса съ величайшимъ порядкомъ и искусствомъ были оставлены, и батальоны сіи перешли черезъ мостъ, то атаковалъ и Кутузова корпуса занятыя высоты предъ мостомъ.

Здѣсь и за мостомъ отступленіе было славно; отступавшіе батальоны, взошедъ на равнину, составляли карре и заняли потомъ въ линіи свои мѣста. Кутузова корпусъ перешелъ мостъ и, прошедъ Колпину, дешировалъ вправо и влево, столь скоро и хорошо, что каждой зватокъ долженъ назвать дешировку сію славно. Худо понятый приказъ былъ причиною, что конница сего корпуса сдѣлала ошибку, чѣмъ е. и. вел.—во имѣлъ справедливую причину быть недовольнымъ, тѣмъ паче, что безъ сего ошибки всѣ 3 маневра списали бы совершенное е. и. вел.—ва благоволеніе, которое его вел.—во обоимъ командующимъ генераламъ и соизволилъ оказать самыми лестнѣйшими благодареніями, а равно и благоволеніе всѣмъ прочимъ генераламъ и командирамъ Е. и. вел.—во соизволилъ весь корпусъ одарить, гг. генераловъ и полковниковъ удостоить къ высочайшему своему столу, а штабъ и субалтернъ-офицеровъ угощать при другихъ разныхъ столахъ.

18-го сентября. Составляется армія подъ командою генераль-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го при городѣ Витебскѣ изъ полковъ (слѣдуетъ перечень ихъ, № 75).

— Новорожденный принцъ Мекленбургскій всемілостивѣйше жалуется лейбъ-гвардіи въ полкъ е. и. вел.—ва въ капитаны.

— Изъ Вѣны, отъ 27-го августа. По высочайшему повелѣнію его и. в. вел.—ва объявлено здѣшнему гарнизону, чтобъ на гауптвахтахъ отдаваемы были адмиралу Нельсону точно такіа почести, каковыя отдаются иностраннымъ посламъ.

— Лѣт. часть въ 5 кварт. на Сергіевской улицѣ, въ д. подъ № 514, продается дворовый человѣкъ, добраго поведенія, знающій портное мастерство, также и большой коверъ, длиною въ 8, а шириною въ 6 аршинъ, и подержанная 4-хъ-мѣстная карета.

21-е сентября. Барону Унгернъ фонъ-Стернбергу, представившему проектъ о способѣ къ приращенію госуд.—хъ доходовъ посредствомъ переплавки мѣдной монеты по вещественной цѣнѣ оной, объявляется, что сей проектъ его найденъ къ произведенію не удобнымъ и не выгоднымъ.

25 сентября. Е. и. вел.—во пожаловалъ всего гатчинскаго гарнизона нижнимъ чинамъ по рублю на человѣка (№ 77).

— 17-го числа сего мѣсяца государь им.—ръ всемілостивѣйше пожаловалъ соизволилъ любезнѣйшаго внука своего—новорожденного принца Мекленбургъ-Шверинскаго Павла Фридерика, кавалеромъ Россійскаго императорскаго ордена.

— Портной Думбергъ взвѣщаетъ чрезъ сіе почтенную публику, что онъ нынѣ живетъ въ Садовой улицѣ въ Покендалевомъ домѣ подъ № 29, и притомъ обѣщаетъ приготовить платье, или мундиръ въ 3 часа.

25 сентября. Литейн. части, въ 1 кварт., противъ оранжерей графа Потоцкаго, въ каменномъ придворнаго мундирока Пековского домъ подъ № 95, у отъѣзжающаго продается за 150 р. 30 лѣтъ добраго поведенія дѣвка, знающая мыть бѣлье и кушанье готовить и способная быть нянькою. Тутъ же продаются итальянскіе четверть бьющіе часы и новый розоваго сукна плащь.

28 сентября. Е. и. вел.—во высочайше повелѣтъ соизволилъ царской службы капитана-графа Денарму 1 и венеціанской службы капитана-графа Денарму 2, переименовавъ въ тип. сов.—ки, опредѣлить къ смотрѣнію за шелководствомъ, перваго въ слободско-украинскую съ сѣвѣрною частию Новороссійской, а послѣдняго—въ Киевскую и Подольскую губерніи (№ 78).

2 октября. Генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-дѣръ-Паленъ назначенъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и Лифляндской инспекціи инспекторомъ по кавалеріи и по инфантеріи (№ 79).

— Исключенные изъ списковъ, взятыми въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшими приняты въ службу съ прежнимъ старшинствомъ въ тѣ же полки: генералъ-лейтенантъ Сакенъ 1, генералъ-маіоръ Марковъ 1.

— Новороссійской губерніи городъ подъ названіемъ Григоріополь отнынѣ такъ не именоватъ, а называть его и быть ему подъ прежнимъ названіемъ того мѣста городомъ Чернымъ.

5 октября. Продается женщина 37 лѣтъ, умѣющая дѣлать сыръ и чухонское масло и которая много лѣтъ управляла скотнымъ дворомъ, послѣдняя цѣна оной 200 р.; также одна молодая корова, 3 рабочія лошади, таратайка, парныя сани, пара шоръ и хомутъ; о цѣнѣ оныхъ спросить у Владимірской подлѣ Чернышева переулка, въ д. подъ № 134, у кол.—ой ассесорни Беклемишевой (№ 80).

— Въ Пековской губерніи въ господской домъ потребны мадамъ или мамзель для обученія дѣтей французскому языку, равно и капельмейстеръ.

9 октября. Мушкетерскаго Ротгофа полку штабсъ-капитанъ Савицкій за особенное попеченіе о препорученной ему ротѣ, въ которой вовсе нѣсколько мѣсяцевъ не было больныхъ, въ примѣръ другимъ, произведенъ въ капитана (№ 81).

— 4 адмир. части, въ 5 кварталѣ, въ большой Коломнѣ, на берегу рѣки Фонтанки, въ д. подъ № 391, на лѣсномъ дворѣ продаются дворовой 18 лѣтъ человекъ, знающій грамотѣ, частию играть на гуслихъ и годный въ рекруты, и доски за сходную цѣну, о коей спросить у хозяина.

12 октября. Е. и. вел.—ва генералъ-адъютантъ Кожинъ опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ командиромъ (№ 82).

— Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, отставленныхъ 15 дня минувшаго сентября отъ службы изъ мушкетерскаго Миллера 1-го полку подпоручиковъ Ценина и Галахова никуда не опредѣлять (объявленное 19 сент. сенату генер. прок. высоч. повелѣніе).

— По полученнымъ донесеніямъ отъ тайн. сов. Калычева извѣстно стало, что римской им.—ръ, намѣренъ бывъ отправить чрезвычайное посольство къ

двору е. и. вел.—ва единственно для принесенія извиненій о происшедшемъ въ Анконѣ, назначилъ для сего посломъ генераль-лейтенанта и кавалера ордена Златаго руна князя Ауерсперга. Но е. и. вел.—во ни посольство, ни посла принять не соизволилъ, тѣмъ паче персону Ауерсперга по причинѣ грубостей, имъ оказанныхъ во время путешествія ея им. выс.—ву великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ эрцъ-герцогинѣ Австрійской, и приказалъ все оставить безъ отвѣта.

16 октября. Гатчинскій комендантъ генераль-маіоръ Сиверсъ, по совершенной неспособности къ службѣ, отставленъ отъ оной (№ 83).

— Отставному унтеръ-офицеру Боброву, просившему за 28 лѣтнюю службу о награжденіи его чиномъ, по высочайшему повелѣнію объявляется, что если ли-бъ былъ изъ дворянъ, то при отставкѣ получилъ бы сіе награжденіе.

— Молдавскому протоіерею Стрельбицкому, просившему о позволеніи выхъ изъ Могилева въ Ясы съ типографією, книгами и однимъ служителемъ, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ перечня парижскихъ извѣстій отъ 22 сентября: хлѣбопашецъ Геснѣ, 80 лѣтній старикъ, собралъ недавно передъ себя всѣхъ своихъ дѣтей, внучатъ и правнучатъ, числомъ 632 человека, и раздѣлилъ между ними свое имѣніе.

— Продаются книги: Емилиі и Софія, или благовоспитанные любовники, съ приобщеніемъ повѣсти уединенника, служашей продолженіемъ Емилиі и Софіи, соч. славнаго Ж. Ж. Руссо, въ пер. 1 р. 70 к. Желѣзная маска, или удивительныя приключенія отца и сына, въ 3-хъ частяхъ, въ пер. 2 р. 50 к.

— Тамъ же въ д. адмирала Чичагова продается пара темносѣрыхъ молодыхъ лошадей, на которыхъ можно ѣздить въ шорахъ и хомутахъ, и тутъ же отдается господскій человекъ въ кучера добраго поведенія.

19 октября. Генераль отъ кавалеріи Репинъ исключенъ изъ службъ съ отобраніемъ патентовъ за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго е. и. в-ва конфирмацію (№ 84, высочайшій приказъ и указъ сенату 13 октября).

— Генераль-маіору князю Горчакову 3-му вступить въ должность исключеннаго изъ службы генерала отъ кавалеріи Репина, и имѣть ему свое мѣстопребываніе въ Черкасскѣ, оставаясь инспекторомъ харьковской инспекціи.

— Шефъ драгунскаго полку генераль-маіоръ Пушкинъ за ложный рапортъ отставленъ отъ службы. Шефъ драгунскаго полку генераль-лейтенантъ Шрейдерсъ за неспособность къ службѣ отставленъ отъ оной.

— Скульптору Лебрюну, просившему награжденіе за 30 лѣтнюю его при покойномъ королѣ польскомъ службу, отказывается по нелѣпости просьбы его.

— Продается книга: Опасный споръ или сколько женщинъ могутъ полагаться на вѣрность своихъ мужей, забавная и остроумная повѣсть славнаго Коцебу, съ картинкою 1 р. 10 к.

23 октября. Исключенъ изъ списковъ утоншій флота лейтенантъ Мегметъ (№ 85).

26 октября. Изъ Вероны отъ 20 сентября. Всѣмъ городамъ и деревнямъ въ Цизальпиннй данъ приказъ отъ французскаго начальства, что если гдѣ жители отважатся бить въ набатъ, то у нихъ будутъ отняты тамъ всѣ колокола безъ пощады (№ 86).

30 октября. Его и. вел-во высочайше повелѣтъ соизвоилъ: мундиру московскаго университета быть: кафтану цвѣта темнозеленаго, камзолъ и spodнее платье бѣлые, воротникъ и обшлага на кафтанѣ малиновые, пуговицы бѣлыя въ одной половинѣ съ гербомъ имперіи, а въ другой съ атрибутами учености (№ 87).

— Еврею Мошкѣ Гершковичу, утруждавшему е. и. в—во всенодданнѣйшею просьбою о возвращеніи ему 8 лѣтней его дочери отъ мнишекъ доминиканскаго ордена, отказывается потому, что она уже добровольно перекрестилась въ католицкую вѣру и принуждать ее обратиться въ первобытное состояніе—нѣтъ причины.

— Титулярному совѣтнику Карташевскому, присланшему изъ Новороссійска на выс—шее имя прошеніе, объявляется, что оно, яко не дѣльное и дерзкаго содержанія, возвращается ему съ наддраніемъ чрезъ новороссійскаго гражд. губернатора съ выс—шимъ притомъ повелѣніемъ, чтобы за дерзновенный сей поступокъ посадить его на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду.

2 ноября. По дошедшему къ намъ доносу отъ однодворца Воронежской губерніи Мнкулкина повелѣваемъ: тамошняго губернатора, тайн. сов. Сонцова, отрѣша отъ должности, судить въ сенатѣ (№ 88, именной указъ сенату 20 октября).

— Рижской губернской почтовой конторы экспедитора Оренса и Валскаго почтмейстера Регенфельда, въ уваженіе долговременной и безпорочной ихъ службы безъ всякаго чина, всеми—ше жалуемъ: перваго въ коллежскаго ассессора, а послѣдняго въ титул. совѣтника.

— По сродному намъ отеческому ко всѣмъ вѣрноподаннымъ нашимъ милосердію, всемилостивѣйше дозволяемъ всѣмъ выбывшимъ изъ службы воинской въ отставку или исключеннымъ, кромѣ тѣхъ, которые по сентенціямъ военнаго суда были, или вступать въ оную съ тѣмъ, чтобы таковыя являлись въ Санктпетербургъ для личнаго представленія намъ (указъ сенату отъ 1 ноября).

— Титулярному сов. Паскалю, просившему, по знанію его шести языковъ, объ опредѣленіи его къ какой либо должности, по высочайшему повелѣнію объявляется, чтобы просилъ о семъ кого слѣдуетъ (объявленіе статсъ-секретаря графа Кутайсова).

— Отставному генералъ-лейтенанту Чемоданову, просившему о принятіи его паки въ службу, или о пожалованіи ему пропитанія, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Скульптору Эстейрейху, просившему о заплатѣ ему 6,000 р. за поднесенныя е. и. в—ву чрезъ оберъ-гофмаршала Нарышкина мраморныя его работы бареліефы, объявляется, что высочайшее дано повелѣніе возвратитъ ему оныя бареліефы.

6 ноября. Силу указа нашего, въ сей день сенату даннаго, разумѣя и о выбывшихъ отставкою и выключенныхъ изъ статской службы, повелѣваемъ распространить и на сихъ чиновниковъ (№ 89).

— Два изъ находящихся въ нарвскомъ портѣ аглинекія судна, когда прибыла на оныя воинская команда для заарестованія вслѣдствіе наложеннаго амбарго, сопротивляясь, выстрѣлили изъ пистолета и, сбросивъ одного російскаго матроса въ воду, отрѣзали якорь и ушли въ море. Почему е. и. в.—во и соизволилъ указать оставшееся аглиневое судно въ томъ портѣ сечь.

9 ноября. Продаются книги: Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ, 15 коп. Повѣсть одного російскаго дворянина, удалившагося отъ свѣта (№ 90).

— Въ Малой Подъяческой, у Харламова моста, въ бывшемъ Коранкина домѣ, продается за излишествомъ дворовой 15 лѣтъ, проворной и ко всякому дѣлу годной мальчикъ.

13 ноября. Исключенный изъ списковъ въ числѣ убитыхъ въ Голландіи гренадерскаго Данзаса полку прапорщикъ Багогевуть, которой на мѣстѣ сраженія поднять замертво обернутый въ знамя, произведенъ въ подпоручики и опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ полкъ е. и. вел.—ва (№ 91).

— Приняты въ службу: генералъ отъ кавалеріи графъ Денисовъ и генералъ отъ инфантеріи Германъ ¹⁾.

— Е. и. вел.—во объявляетъ свою совершенную благодарность всѣмъ служащимъ за усердіе и вѣрность, оказанную ими въ послѣдствіи четырехъ лѣтъ царствованія государя им.—ра (приказъ 6 ноября).

— Е. и. вел.—во жалуетъ всему санктпетербургскому гарнизону по рублю на человѣка.

— Е. и. вел.—во высочайше повелѣтъ соизволиль, находящагося въ Сибири штабъ-лекаря Шидлинга за искусное прививаніе оспы произвестъ въ слѣдующій чинъ.

— Изъ Лондона отъ 21 октября. Въ прибывшемъ теперь въ Англію обозѣ лорда Нельсона находятся также и гробъ, которой онъ приказалъ себѣ сдѣлать изъ главной мачты непріятельскаго линейнаго корабля, называемаго х'Оріаномъ, которой поднять былъ на воздухъ во время сраженія при Абукирѣ.

— Съ позволенія цензуры, я намѣренъ печатать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ будущаго 1801 г. три части моихъ драматическихкихъ сочиненій. Въ сихъ частяхъ будетъ помѣщена піеса: Возвращеніе отца, комедія въ стихахъ, сочиненная на день востества е. и. вел.—ва (объявленіе надвор. сов. и директора придворнаго иѣмецкаго театра Коцебу).

¹⁾ Начиная съ № 90 большинство высочайшихъ приказовъ состоитъ или въ приѣмъ вновь на службу выключенныхъ, исключенныхъ и отставленныхъ, или въ разрѣшеніи считать исключенныхъ изъ службы отставленными.

13 ноября. Въ Садовой улицѣ, въ Букендалевомъ домѣ, подъ № 29, у австрійскаго живописца Зеймеля, продается собраніе россійскихъ набивныхъ птицъ ¹⁾

27 ноября. Исключенному изъ службы артиллеріи генераль-лейтенанту Ламздорфу дать абшпэдъ (№ 95).

— Генераль отъ кавалеріи графу Денисову быть шефомъ лейбъ-казацкаго полку (тамъ же).

— Адмиралу Рибасу ²⁾ присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи въ помощь вице-президента при его мѣстѣ (тамъ же).

— Генераль лейтенантъ Котлубицкій назначень комендантомъ Михайловскаго замка.

— Драгунскаго Скалона полку утопшій поручикъ Головачевъ 2 выключень изъ списковъ.

— Разжалованный въ рядовые гарнизоннаго Маркловскаго 1 полку прапорщикъ Трухнинъ всемілостивѣйше прощень и опредѣленъ по прежнему въ тотъ же полкъ.

— Надворному совѣтнику Зубову, всеподданнѣйше приносившему жалобу на брата своего графа Александра и дѣтей его: князя Платона, графовъ Николая, Дмитрія и Валеріана Зубовыхъ въ причяненіи ими ему разныхъ угнѣсненій и раззореній, по высочайшему повелѣнію объявляется, что какъ проситель Зубовъ во вторично поднесенномъ е. и. вел.—ву прошеніи показалъ, что онъ, получивъ удовлетвореніе во всѣхъ претензіяхъ своихъ съ тѣми родственниками его, помирился и всеподданнѣйше просить жалобу его уничтожить, — то имѣющеся по сей матеріи дѣло, зачисля рѣшеннымъ, отдать въ архивъ.

— 30 ноября. Исключенный изъ службы генераль-лейтенантъ Тормацовъ принять пакы въ службу, коему и состоять по арміи (№ 96).

— Е. и. в. объявилъ свою благодарность вступившему вчерашняго 15-го дня лейбъ-гвардіи е. и. выс.—ва Константина Павловича полку и лейбъ-баталіону лейбъ-гусарскаго полку; нижнимъ же чинамъ пожаловать по рублю за человекъ, по чаркѣ вина и по фунту говядины.

— Выключенный съ лишеніемъ чиновъ лейбъ-гвардіи изъ коннаго его ипп. выс.—ва Константина Павловича полку штабсъ-ротмистръ Салтыковъ всемілостивѣйше прощень и оставленъ отъ службы тѣмъ-же чиномъ.

— Генераль-лейтенантъ Ламздорфъ назначень быть при е. и. выс.—вѣ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ.

— Отставной генераль-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ I принять въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначень директоромъ 1-го кадетскаго

¹⁾ Въ №№ 92, 93 и 94-мъ высочайшихъ приказовъ печатано не было.

²⁾ Раньше № 89 состоялся 30 октября слѣдующій приказъ о Рибасѣ: отставной адмираль де-Рибасъ принять по прежнему въ службу и опредѣлять въ исправленію промшадтскихъ укрѣпленій.

корпуса, коему въ помощь опредѣленъ туда генераль-маіоръ баронъ Дибичъ, а генераль-маіору Клингеру оставаться по прежнему командиромъ онаго корпуса. Отставной генералъ отъ кавалеріи графъ Зубовъ 2-й принять въ службу и назначенъ шефомъ лейбъ-кирасирскаго е. и. в.—ва полку (приказъ 23-го ноября).

— Всемилостивѣйше жалуемъ состоящихъ при строеніи Михайловскаго замка статс. сов. Литке въ дѣйств.—ные ст. совѣтники; архитектора 5-го класса Бренна въ 4-й классъ; коллежскихъ совѣтниковъ Кихельбекера, Баженова и Микулина въ статскіе совѣтники и надв. сов. Краузольда въ коллежс. совѣтники.

— Для построенія Казанской церкви по конфирмованному нами плану повелѣваемъ составить особую комиссію, въ которой присутствовать президенту академіи художествъ дѣйств. тайн. сов. графу Строганову, генералъ отъ инфантеріи и генераль-прокурору Обольянинову, тайн. сов. Карадыкину и вице-президенту помянутой академіи дѣйств. ст. сов. Чекалевскому, а производить строеніе архитектору Воронихину.

— Продается книга: Письма къ двумъ молодымъ замужнимъ женщинамъ о важныхъ предметахъ. Цѣна сей книги въ переплетѣ 1 р. 40 к.

4-го декабря. Генераль-маіоръ Балашевъ назначенъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и шефомъ гарнизоннаго полку бывшаго Маркловскаго I, а генераль-маіоръ Маркловскій I за слабое управленіе должности по полиціи отставленъ отъ службы (№ 97).

— Ушла небольшая моська сучка съ необрѣзанными ушами; доставившій оную 2 Адмир. части въ 3 кварталѣ въ д. подъ № 80 управителю получить пристойное награжденіе.

7-го декабря. Уволенъ по прошенію за болѣзнію отъ службы Балтійскаго корабельнаго флота капитанъ-лейтенантъ графъ С. Андрю по иностранству тѣмъ же чиномъ (№ 98).

— Отставной шталмейстеръ графъ Зубовъ принять въ службу генераль-лейтенантомъ и назначенъ шефомъ въ гусарскій полкъ, бывшій Глѣбова.

— Генераль-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ инспекторомъ Лифляндской инспекціи по кавалеріи подъ генераломъ отъ кавалеріи графомъ Паленомъ, вмѣсто генераль-лейтенанта князя Голицына 5.

— Умершій адмиралъ Дерибасъ выключенъ изъ списковъ.

— Отставному подпоручику Бѣльскому, просившему о позволеніи ему усыновить незаконноприжитыхъ имъ съ солдатскою дочерью дѣтей, или давъ имъ фамилію, опредѣлить въ службу куда благоугодно будетъ, — объявляется, что высочайшаго соизволенія на то не послѣдовало.

— Продается книга: Предтеча вѣчности, вѣстникъ смерти, здравымъ, бо-лѣзнью одержимымъ и умирающимъ, въ пер. 1 р. 70 к.

11-го декабря. Генералъ отъ кавалеріи графъ Зубовъ 2 опредѣленъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса (№ 99).

11 декабря. Генералъ-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ шефомъ лейбъ-вираспрскаго е. и. в. полку.

— Отставному поручику Василевскому, всеподданнѣйшими прошеніями утруждавшему покойную государыню императрицу и государя императора о возвращеніи ему, а по немъ—дѣтямъ его, незаконно яко бы упроченнаго женою его, разведенною наконецъ съ нимъ духовнымъ правительствомъ и вышедшею потомъ за другаго замужъ, собственнаго ея имѣнія прапорщику Семивскому, будто бы назвавшемуся ложно дворяниномъ и получившему чинъ обманомъ,— по высочайшему повелѣнію объявляется, что какъ бывшая жена его учиненную ею продажу имѣнія за 62,000 р. сама признала,—то будучи она въ правѣ имѣніе, ей принадлежащее, продать, а другой оное купить—ни подлогу, ни нарушенія узаконеннаго на таковой случай порядка не сдѣлала, такъ какъ и по разводѣ ея съ нимъ вышла она замужъ за другаго по позволенію, изъясненному въ опредѣленіи духовнаго правительства, почему и поднесенныя отъ него, Василевскаго, всеподданнѣйшія о томъ просьбы никакого уваженія не заслуживаютъ, коими и утруждалъ онъ покойную императрицу, равно и государя императора, не дѣяно. А есть ли онъ, Василевской, на опроверженіе дворянства и чина прапорщика Семивскаго имѣть что законное представить, то сіе предоставляется ему учинить въ томъ присутственномъ мѣстѣ, до коего сіе слѣдуетъ на основаніи законовъ. ¹⁾

— Лондонскія извѣстія отъ 24-го октября. Три змѣи, принадлежащія, какъ думаютъ, къ роду ядовитыхъ, появились на кораблѣ Ле-Мажисенъ, стоящемъ теперь въ Плимутѣ; длина ихъ около 7 футовъ, толщина же въ человѣческую руку; онѣ всё выползаютъ на палубу и тотчасъ скрываются, коль скоро кого увидятъ. Всѣ ихъ боятся, хотя онѣ по сіе время никому еще не сдѣлали ни малѣйшаго вреда. Одна изъ нихъ заползла недавно въ койку, гдѣ спалъ одинъ человѣкъ, и вышла оттуда, не тронувъ его. Полагаютъ, что онѣ вползли на корабль по канату, когда корабль сей стоялъ въ Сенегатѣ.

¹⁾ Дѣло идетъ о жалобѣ на отставнаго прапорщика Василя Ивановича Семивскаго, по поводу покупки имъ у помѣщицы Василевской имѣній въ Исковской губерніи, Великолукскаго уѣзда, селцо Федорцево и въ Торопецкомъ—Цвѣтково и Макавѣвскаго, поступившихъ потомъ къ брату его Егору Семивскому. Первое изъ этихъ имѣній находится еще и въ настоящее время во владѣніи фамиліи Семивскихъ или, какъ потомъ стали ее писать, Семеновскіе. Въ нашемъ архивѣ имѣется подлинная грамота Исковской губерніи отъ губернскаго предводителя и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, данная на пергаментѣ, за общими ихъ подписаніемъ, отъ 20 декабря 1807 г., № 101, корнету Егору Ивановичу Семивскому брату Василя Ивановича, на внесеніе этой фамиліи въ шестую часть дворянской родословной Исковской губерніи книгу.

Въ писцовой книгѣ города Торопца, изд. въ Москвѣ, 1886 г., мы нашли, что Семивскіе были въ числѣ посадскихъ людей этого города, владѣли въ ономъ домами, были между ними и бобыли, и они упоминаются въ числѣ горожанъ древняго града Торопца съ самаго начала XVII-го вѣка.

Родословіе фамиліи Семеновскихъ напечатано въ «Родословномъ сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій». Спб., 1887 г., томъ II, стр. 355—360.

Ред.

11 декабря У Рождества на Пескахъ въ домѣ придворнаго полотернаго мастера Кононова, подъ № 145, продается кучерь, знающій шить мужскую и женскую обувь, съ женою, умѣющею шить, мыть, гладить бѣлье и кушанье готовить, кои оба добраго поведенія и отъ роду 29 лѣтъ. Цѣну объявить желецъ, живушій съ хозяиномъ въ одномъ флигелѣ.

— Нѣмецкому мяснику Стрѣвскому, живущему на Вознесенской улицѣ, въ д. подъ № 165, потребны живые и битые медвѣди.

14-го декабря. Генералъ-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго е. и. выс—ва Константина Павловича полку (№ 100).

— Изъ Люневилля отъ 16-го ноября. Часть прежде бывшей адѣшней капуцинской церкви, которая со времени французской революціи превращена въ соляной магазейнъ, нанята теперь танцмейстеромъ, который будетъ давать тамъ балы.

— Изъ перечня лондонскихъ извѣстій по 7-е ноября. Робертъ Ганъ, назначенъ военнаго корабля Лепюисанъ, имѣя отъ роду 80 лѣтъ, женился на сихъ дняхъ на миссъ Фанни Пауль, коей отъ роду 13 лѣтъ.

— Разговоръ одной аглинской дамы съ торгующимъ моднымъ товаромъ купцомъ въ Лондонѣ:

— Государь мой, а сейчасъ пріѣхала изъ своего уѣзда; сдѣлай одолженіе, скажи, что мнѣ надобно дѣлать, чтобъ нарядиться по модѣ сей столицы? «Извольте обождать двѣ минуты, и вы будете одѣты въ послѣднемъ вкусѣ... Сперва извольте снять свой чепецъ».

— Охотно.

«Потомъ спустите эту юбку».

— Согласна.

«Скиньте свои карманы».

— Вотъ они.

«Сбросьте косынку».

— Съ удовольствіемъ.

«Отдайте мнѣ корсетъ вашъ и пристеганные рукава».

— Все, что угодно.

«Вотъ, милостивая государыня, вы теперь въ самомъ щегольскомъ нарядѣ».

— Какъ! раздѣться, значить по нынѣшнему быть одѣту?—Благодарна. — (Тамъ же, разныя извѣстія).

— Продается книга: Правила для желающихъ наслаждаться долголѣтнею жизнью, цѣна 50 к. Искусство узнавать человѣческія мысли, остроумная игра цѣна 50 коп.

18-го декабря. Продаются книги: Приключенія Бониквеста, сына Целестинова, обитателя счастливыхъ странъ Интри, въ бум. 80 к. Ода е. и. вел—ву Павлу I, вѣрноподданнѣйше посвященная на случай освященія храма во имя архистратига Михаила въ новоотстроенномъ Михайловскомъ замкѣ, истекшаго ноября 8-го дня, которая удостоена высокомонаршей милости, цѣна на голл. бум. 30 к., а на лучшей александровской 40 к. (№ 101).

18 декабря Въ среду, декабря 19-го дня 1800 г., нѣмецкаго театра музыкальной дирижеръ А. Каливода будетъ имѣть честь дать на каменномъ театрѣ, съ помощью наилучшихъ виртуозовъ музыки, духовной, вокальной и инструментальной концертъ, никогда еще здѣсь неслышанной, называемой: Сотвореніе (міра), соч. Іозефа Гейдена.

— У Каликина моста, по Фонтанкѣ, въ д. комиссара Нагоркова, подъ № 443, продается лягавая, хорошо выдрессированная собака, знающая ходить подъ ружьемъ и дѣлать комнатныя штуки.

21-го декабря. Составляются три арміи, одна подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа фонъ-дёръ-Шалена подъ Брестомъ-Литовскомъ, другая подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Голенничева-Кутузова, подъ Владиміромъ на Волынѣ, а послѣдняя подъ начальствомъ генераль-фельд-маршала гр. Салтыкова 2 при Витебскѣ (№ 102).

— Подъ Пинскомъ генераль отъ кавалеріи Орловъ I, съ 20 полками довскихъ казаковъ.

— Продаются: Ода на случай возвращенія е. и. выс.—на благовѣрнаго государя цесаревича великаго князя Константина Павловича изъ Италіи и Швейцаріи въ 1800 г., цѣна 25 к. Ода на день тезоименитства е. и. выс.—ва государя и вел. князя Михаила Павловича, соч. дѣвицы Ан. Волковой 1800 года, цѣна 10 коп.

— 1 Адмир. части, въ 4 кварталѣ, по Крюковому каналу продается каменной о 2-хъ этажахъ, подъ № 266, домъ и деревенская 25 лѣтъ дѣвка; цѣну всего объявить мѣдникъ.

— Въ Большой Подъяческой, въ д. подъ № 137, продается дворовый человекъ, годный въ рекруты, и новая розовая домина.

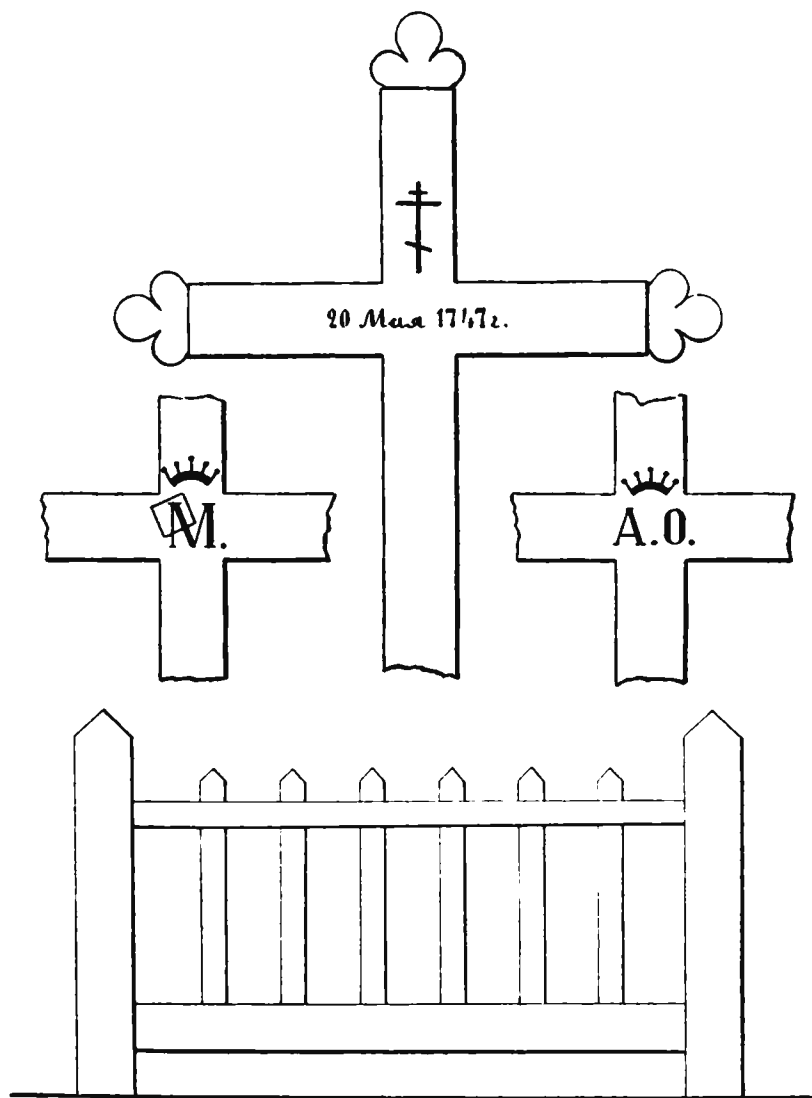
25-го декабря. Е. и. вел.—во всемілостивѣйше пожаловать соизволилъ кавалерами ордена св. апостола Андрея Первозваннаго г. оберъ-штальмейстера графу Кутайсову сего декабря 17-го дня, и господина генерала отъ инфантеріи, генераль-прокурора Обольянинова, сего-же декабря 19 дня (№ 103).

— На Невскомъ проспектѣ за Аничковымъ мостомъ, въ д. подъ № 172, гдѣ аптека, у инструментальнаго мастера Гелгрена дѣлаются новѣйшаго изобрѣтенія бандажи для совершеннаго удержанія выходящихъ грыжъ и килъ.

— Декабря 29-го дня сего 1800 г., въ субботу, дана будетъ въ Буселевомъ театрѣ, на подобіе концерта, опера: Аркадское зеркало, съ хорами Эюсмейра, ученика славнаго Моцарта и капельмейстера вѣнскаго придворнаго театра.

— На В. О., въ 8-й линіи, возлѣ Съѣзжей, въ д. подъ № 162, у музыкальнаго инструментнаго мастера Габрана продается органированное съ флейтами фортепiano, съ двумя переменными флейтъ, съ фаготомъ и кларнетомъ, имѣющее чрезвычайный гармоническій тонъ, каковаго ни на какомъ инструментѣ произвестъ не возможно.

28-го декабря. Е. и. вел.—во объявляетъ свою благодарность генералу отъ артиллеріи Корсакову, за попеченіе его о снабденіи артиллерійскихъ полковъ орудіями новаго калибра (№ 104).



Кресты и ограда на могилахъ кн. А. Д. Меншикова и графа
А. И. Остермана въ городѣ Березовѣ.

[См. «Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXIII, июль, стр. 133—136].

жизни.—О новейшем преподавании
и литературы.—Наши классики.
История изъ исторіи русской журналистики
(1803—1820 гг.),—трудъ обширный и осо-
бно хорошо составленный. Журналь-
наго триумvirата (изъ исторіи русской
журналистики 1830 годовъ). Кн. В. Ф. Одо-
евскій. О жизни и сочиненіяхъ Д. Вене-
тинова и проч.

Настоящее изданіе значительно полнѣе
прежняго, вышедшаго въ 1875 году и разо-
мнѣнаго сполна въ довольно значитель-
нѣе количествахъ взаимнаго.

Н. П. Дихачевъ. Разрядные дѣятели
XVI вѣка. Опыт историческаго изслѣ-
дованія. Спб., 1888 г., въ б. 8 д., стр.
VI+559+72+101+VI. Цѣна 5 р.

Цѣлыя эпохи въ отечественной исторіи
работаны въ нашей литературѣ во
многихъ изслѣдованіяхъ и «исторіяхъ»,
но уже настала пора разработки под-
обностей въ историческомъ складѣ,
въ разныхъ учрежденіяхъ русскаго
государства и народа; однимъ изъ тако-
выхъ серьезныхъ трудовъ является на-
званная выше книга. Вся она составлена
изъ первоисточниковъ; изслѣдователь изу-
чилъ массу архивнаго матеріала, сумѣлъ
привести его въ систему и придти къ но-
вымъ для исторической науки выводамъ.
Основная задача труда—очеркъ вѣдѣній
исторіи Разряда въ XVI столѣтіи—вполнѣ
исполнена. Составитель изслѣдованія ува-
жалъ за этого трудъ ученою степенью ма-
гистра и въ лицѣ его русская наука при-
обрѣла трудолюбиваго, полезнаго дѣятеля.

Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н.
Щедрина). Томъ первый. Губернскіе
дѣла. — Певниные рассказы. — Изданіе
второе. Спб., въ б. 8 д., стр. VI + 564.

Это первый томъ предсмертнаго на-
дѣла сочиненій гениальнаго сатирика, пред-
сказанное имъ самимъ въ десяти томахъ.
Вся за всѣ девять томовъ, по подпискѣ,
выхода въ свѣтъ послѣдняго тома, 15 руб.
съ пересылки и 20 руб. — съ пересыл-
кою. Въ вышедшій за нѣсколько дней до
смерти Михаила Евграфовича Салты-
кова настоящій томъ вошелъ въ произве-
денія, которыя съ самаго ихъ появленія въ
свѣтъ, въ 1856—1858 гг., положили осно-
ваніе славы этого писателя.—Каждому изъ
многочисленныхъ читателей и почитателей

Щедрина, конечно, будетъ особенно
пріятно подписаться на это именно изданіе
собранія произведеній его мощнаго гения:
на страницахъ, напр., этого тома—какъ бы
еще видишь его руку, такъ какъ по-
слѣднюю корректуру именно этой книги
М. Е. Салтыковъ самъ читалъ и одобрялъ
къ печати.

Систематическій каталогъ
дѣламъ сибирскаго приказа мос-
ковскаго комиссарства и другихъ
бывшихъ учрежденій по части про-
мышленности и торговли, хранящихся
въ архивѣ департамента таможенныхъ
сборовъ. Тутъ-же дополненія къ ката-
логу дѣламъ департамента вѣдѣній тор-
говли, изданному въ 1877 году.—Соста-
вилъ начальникъ сего архива Н. Кай-
дановъ, Спб., 1888 г., въ б. 4-ю долю,
стр. 10+203.

Несомнѣнно этотъ каталогъ заклю-
чаетъ указанія на множество любопыт-
ныхъ историческихъ свѣдѣній по части
торговли и промышленности Россіи, ка-
ковыя свѣдѣнія заключаются въ обшир-
номъ архивѣ департамента таможенныхъ
сборовъ. Каталогъ, однако, къ сожалѣнію
заключаетъ лишь въ себѣ заголовки дѣлъ,
притомъ весьма краткіе. Дѣло изданія
каталога ведется настолько не затѣливо,
что это простая перепечатка имѣющейся
описи съ совершенно бесполезными граф-
ми, что удорожаетъ печатаніе книги, съ бо-
льшимъ значеніемъ противъ каждаго дѣла числа
листовъ, что вовсе не нужно въ печати,
съ громадными бѣлыми четвертками, раз-
дѣляющими каждый отдѣлъ и т. п. Намъ
кажется, что департаментъ таможенныхъ
сборовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи
такого усерднаго архиваріуса, какъ г. Кай-
дановъ, и имѣя матеріальныя средства,
могъ бы описаніе своихъ архивовъ со-
ставлять и издавать по соглашенію и,
подъ высшимъ руководствомъ археологи-
ческаго института въ Спб., который и
преподавалъ бы надлежащія къ тому уха-
ванія. Во всякомъ случаѣ, однако, и то,
что дѣлается департаментомъ таможен-
ныхъ сборовъ, не можетъ быть не при-
нято съ благодарностью, въ особенности въ
виду того, что масса нашихъ департамен-
товъ и различныхъ учрежденій нисколько
не интересуются своими архивами. М. С.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Хола), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская линия). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Базани — А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзыви о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (55 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (33 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (7 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (89 экз.) съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (10 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцатый.

АВГУСТЪ.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- | | | | |
|--|-----|---|-----|
| I. Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историч. воспоминанія Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимошукъ | 225 | VII. Студенческія исторіи въ Назанскомъ университетѣ, 1857—1863 гг. (Оконч.). Сообщ. проф. Н. А. Фирсовъ. | 421 |
| II. Александръ Федоровичъ Багговутъ. Очеркъ его жизни съ 1831 по 1883 г. Состав. Г. К. Градовскій. | 241 | VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина. На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ. | 439 |
| III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1833—1834 гг. | 265 | IX. О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. Очеркъ. Сообщ. проф. И. Е. Андреевскій | 447 |
| IV. Гавриилъ Степановичъ Батенновъ. Истор.-биогр. оч., 1790—1863 гг. | 301 | X. Матеріалы, замѣтки и стихи.: Приказы и резолюціи Павла 1799—1800 гг. (457).—Н. П. Огаревъ (300, 386, 438 и 446).—Къ воспом. П. Д. Шестакова (436). | |
| V. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ. | 363 | XI. Библиографическій листокъ. | |
| VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. (Оконч.). | 387 | | |

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Гавриила Степановича Батеннова, гравиров. художникъ Г. И. Грачевъ. — II. Автографъ историка Георга Вебера.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.



VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1889 г.

П. А. Матвѣевъ.—Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб., 1887 г., стр. 327. Цѣна 2 руб.

Эта книга какъ нельзя лучше доказываетъ пользу, значеніе и тотъ живой интересъ, которые представляютъ вообще талантливо изложенные труды, посвященные, по выраженію Гизо, «позавчерашней исторіи». Современная отечественная исторія, какъ извѣстно, у насъ почти вовсе еще не существуетъ; тѣмъ пріятѣе встрѣтить въ книгѣ г. Матвѣева замѣчательно хорошо составленное обзорнѣе историческихъ судьбъ созданной Россіей юной Болгаріи, обзорнѣе за время съ 1877 г. по день соединенія Восточной Румелии (Южной Болгаріи) съ княжествомъ Болгарскимъ, т. е. до 6-го сентября 1885 года.

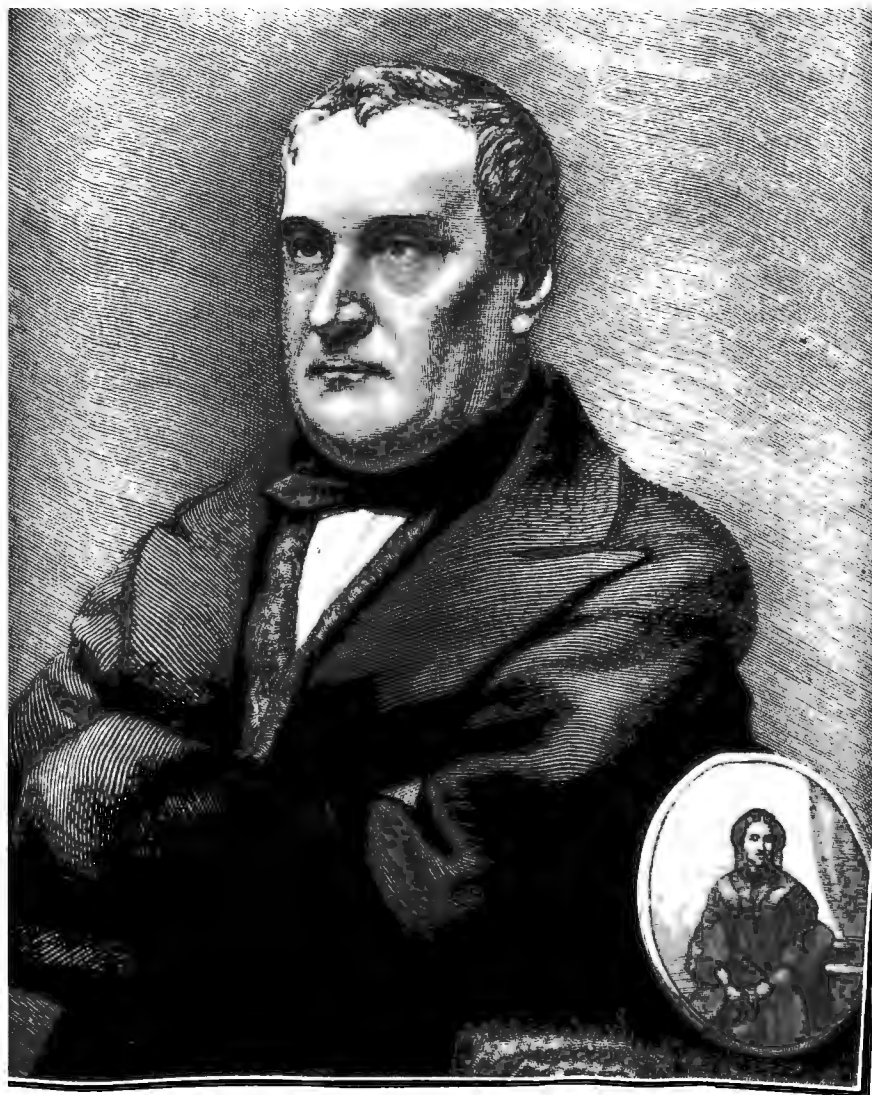
Авторъ этой книги — П. А. Матвѣевъ, — питомецъ харьковскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ въ 1865 г., затѣмъ членъ одного изъ окружныхъ судовъ, юристъ, извѣстный въ нашей литературѣ какъ исследователь юридическихъ обычаевъ русскаго народа, а сотрудникъ И. С. Аксакова въ его патристическо-публицистической дѣятельности, — г. Матвѣевъ два года провелъ въ Болгаріи, въ составѣ гражданскаго управленія Восточной Румелии, совѣтникомъ юстиціи. Въ эти два года г. Матвѣевъ хорошо изучилъ страну и въ которыхъ изъ ея политическихъ вожakovъ. Это непосредственное знакомство съ страной и людьми, а затѣмъ изученіе обширной литературы всего, что было печатано о Болгаріи на разныхъ языкахъ, дало возможность П. А. Матвѣеву составить о ней книгу, полную фактовъ, тщательно, критически имъ проверенныхъ, что онъ и выполнилъ вполне хорошо.

Ярко вырисовывается въ книгѣ г. Матвѣева образъ перваго князя Болгаріи — Александра Батенберга — бывшаго лейтенанта прусской службы, столь нежданно и, увы, какъ оказалось впоследствии, столь неудачно погвавленнаго въ члѣхъ Болгаріи; онъ является какъ живой человѣкъ на страницахъ разсматриваемой нами книги. Не менѣе рельефно очерчены въ ней, и также голословно, а въ искусной группировкѣ фактовъ, всѣ главнѣйшіе дѣльцы Болгаріи, 1877 — 1885 гг., каковы

Д. Цанковъ, Валобановы, Стопловъ, Нечевичъ, Грековъ, Сукиаровъ, Каравеловы, Славейковъ, Бурмовъ, Родославовъ, Хадженовъ и другіе. Русскіе дѣятеля съ кн. В. А. Черкасскимъ во главѣ; кн. А. М. Дюндюковъ-Корсаковъ, Эрпротъ, Хитрово, Л. Н. Соболевъ, А. С. Юонинъ и другіе очерчены вѣрно и съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Вообще книга П. А. Матвѣева, при ея правдивости и живомъ интересѣ, весьма полезна не только для общества, желающаго знать, какъ, что и почему случилось въ томъ юномъ государствѣ Болгарскомъ и Восточной Румелии, каковыми были созданы на крови и костяхъ русскихъ воиновъ, но и для правящихъ соеврѣ, для тѣхъ крупныхъ и малыхъ дипломатовъ, какіе только имѣютъ или будутъ имѣть дѣло по отношенію къ Болгаріи. Съ нетерпѣніемъ ждемъ втораго выпуска отличнаго труда П. А. Матвѣева, въ которомъ обѣщаетъ онъ изложить Румелийскій переворотъ, Болгаро-Сербскую войну, низверженіе Батенберга, его возвращеніе въ Болгарію, вторичный отъѣздъ, затѣмъ учрежденіе и управленіе регентствомъ.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1886 годъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. II + 135 + 32.

Отчеты этого книгохранилища, издавна составляющаго одинъ изъ предметовъ народной гордости, всегда заключаютъ въ себя множество интересныхъ данныхъ. Любопытно изъ этихъ отчетовъ слѣдитъ какъ увеличивается потребность въ чтеніи въ средѣ населенія столицы, — интересъ рость перваго въ Россіи книгохранилища, пользующагося вполне заслуженною славою во всемъ образованномъ мѣрѣ, но особенно любопытны приложенія къ отчету, которыя нерѣдко представляютъ цѣнныя для науки монографіи, замѣтки или описанія тѣхъ или другихъ книгъ, рукописей или цѣлыхъ собраній. При настоящемъ отчетѣ библіофила и любителя старопечатныхъ книгъ съ большимъ интересомъ прочтутъ замѣтки уважаемаго хранителя рукописнаго отдѣла, библіотекаря Ивана Леонидовича Бычкова, замѣтки о пяти въ высшей степени рѣдкихъ церковно-славянскихъ книгахъ, издашіи 1612, 1615 и 1629 годовъ; книги эти — мѣсцесловъ, часословъ, молитвы, псалтирь — напечатаны



ГАВРИИЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНКОВЪ

СОТРУДНИКЪ СПЕРАНСКАГО.

РОД. 25 МАРТА 1793 Г. 20 ОКТЯБРЯ 1863 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ПРУССІЕЙ

ВЪ БЫЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Историческія воспоминанія Георга Вебера.

[Переводъ съ нѣмецкой рукописи, написанной имъ для журнала «Русск. Стар.» въ 1887 г.].

Въ наше время, въ московской печати, неоднократно высказывалось враждебное настроеніе противъ Пруссіи и Германской имперіи вообще. Поэтому теперь кстати было бы припомнить нѣкоторые факты, отошедшіе уже въ область исторіи и свидѣтельствующіе о томъ, что было время, когда эти двѣ монархіи и ихъ властители, въ важные моменты, шли рука объ руку и заключали между собою союзы, имѣвшіе политическое и военное значеніе и которые цѣлые десятки лѣтъ оказывали самое рѣшительное вліяніе на судьбы Европы.

Трудно исчислить всѣ послѣдствія, какія повлекъ за собою, съ теченіемъ времени, союзъ этихъ двухъ государствъ, но несомнѣнно, что, благодаря ему, былъ положенъ предѣлъ деспотизму Наполеона и создано политическое равновѣсіе, опирающееся на національныхъ началахъ и обезпечившее миръ въ Европѣ на много лѣтъ.

Между тѣмъ совершилась французская революція и раздѣлъ Польши, придавшіе политикѣ того времени совершенно иной характеръ. Эти два событія находились между собою въ нѣкоторой связи и имѣли огромное вліяніе на ходъ войны въ 1790-хъ годахъ и на общественныя дѣла Европы.

Вина за раздѣлъ польской республики пала одинаково на

всѣ три великія державы континентальной Европы. Поэтому къ Австріи, Пруссіи и Россіи можно примѣнить извѣстныя слова о трехъ паркахъ: Клото вдѣваетъ, Лахезисъ придетъ, Атропосъ обрѣзаетъ нить жизни, и швейцарскій историкъ Іоганнъ Миллеръ былъ вполне правъ, сказавъ, что, допустивъ раздѣлъ Польши, Господь хотѣлъ испытать нравственныя качества монарховъ.

Одно время было основаніе думать, что событія въ Польшѣ могутъ посѣять между Россіей и Пруссіей несогласіе и вражду. Пруссія поощряла превращеніе польской республики въ конституціонную монархію, подъ управленіемъ Станислава Понятовскаго, и связанныя съ этимъ политическія реформы. Однако, несогласіе между этими двумя государствами продолжалось не долго. Когда ничѣмъ недовольные поляки заключили Тарговицкую конфедерацію, съ цѣлью сохраненія прежняго государственнаго порядка, и обратились за поддержкой къ Екатеринѣ, въ то время и въ Пруссіи совершился политическій переворотъ. Событія, происходившія во Франціи, заставили всѣхъ монарховъ Европы призадуматься надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли оказывать поддержку государству, по существу революціонному и имѣвшему такъ много общаго съ новыми французскими идеями и съ новымъ образомъ правленія, установившимся во Франціи. Поэтому полякамъ наотрѣзъ было отказано въ помощи со стороны Фридриха Вильгельма II, который въ силу своихъ монархически - рыцарскихъ взглядовъ и своихъ мистически-религіозныхъ убѣжденій считалъ въ то время борьбу съ революціей и возстановленіе законнаго престола во Франціи самымъ важнымъ дѣломъ и самой священной обязанностью всѣхъ европейскихъ монарховъ. Въ то-же время и императрица Екатерина весьма энергично и рѣшительно заявила, что борьба угнетеннаго монарха Франціи составляетъ общее дѣло всѣхъ монарховъ Европы, такъ сказать, ихъ священную обязанность. Поэтому она выказывала особенное участіе къ французской королевской фамилии, не находила словъ, чтобы выразить отвращеніе, внушаемое ей французской революціей даже въ то время, когда революціонеры еще не заклеили себя никакимъ преступленіемъ, и неустанно призывала всѣхъ монарховъ Европы къ крестовому походу противъ новой Франціи и ея пагубныхъ теорій, не вмѣняя, однако, себѣ въ обязанность принять участіе въ этомъ

крестовомъ походѣ. Ей казалось вполне справедливымъ, чтобы всѣ прочіе владетели Европы пошли съ оружіемъ въ рукахъ на защиту монархическаго принципа; такимъ образомъ ея руки были бы развязаны. Она не приняла участія въ воинственномъ союзѣ, направленномъ противъ французской революціи, но старалась внушить другимъ державамъ мысль, что, защищая консервативные интересы противъ конституціонной партіи въ Польшѣ, она служитъ тому-же дѣлу, что и тутъ приходится отстаивать законность и государственное благоустройство противъ людей, стремящихся ниспровергнуть его, и что, слѣдовательно, она также борется за консервативный принципъ. Такимъ образомъ совершился второй раздѣлъ Польши. Союзныя государства, Пруссія и Россія, двинувъ свои войска въ Польшу, заняли ее и объявили, что они вынуждены заключить ее въ болѣе тѣсныя границы, для того, чтобы подавить духъ вольнодумства, проникшій въ эту республику изъ Франціи, и тѣмъ предохранить сосѣднія государства отъ тлетворной заразы духомъ демократизма и якобинства. Второй раздѣлъ Польши состоялся лѣтомъ 1793 года, слѣдовательно въ то самое время, когда Пруссія, Австрія и нѣмецкія имперскія войска сражались на Рейнѣ и въ Голландіи съ французами, впрочемъ, безъ особеннаго успѣха, такъ какъ обѣ великія нѣмецкія державы относились другъ къ другу съ завистью и недоброжелательствомъ и не хотѣли допустить, чтобы которая нибудь изъ нихъ обогатилась хотя клочкомъ земли. Тѣмъ рѣшительнѣе была побѣда, одержанная въ Польшѣ. Въ январѣ 1795 г. три великія державы объявили, что изъ любви къ миру и къ благоденствію своихъ подданныхъ они рѣшили окончательно раздѣлить польскую республику.

Умирающій народъ вызываетъ всегда участіе и состраданіе другихъ націй; въ этомъ не было отказано и полякамъ. Всеобщее сочувствіе и симпатія сопровождали ихъ въ могилу и ихъ послѣдняя борьба за существованіе, по весьма естественному свойству человѣческаго сердца, считается доблестной борьбою противъ несправедливости и насилія, а раздѣлъ Польши считается незаслуженной и трагической судьбою, совершившейся по волѣ непріязненныхъ державъ. Только новѣйшія изслѣдованія показали, что подобная борьба страстей и партій, подобная неспособность къ національному возрожденію и къ энергичному

подъему народнаго духа, вслѣдствіе которыхъ исторія Польши представляетъ собою вѣчную арену дикихъ страстей и демоническаго самоистребленія, проявлялись почти у всѣхъ народовъ подъ конецъ ихъ политическаго существованія.

Осложненіе дѣлъ въ Польшѣ и взаимное недовѣріе были, какъ извѣстно, причиною того, что Пруссія отстала отъ вооруженнаго союза съ Австріей и заключила съ французской республикой Базельскій миръ. Демаркаціонная линія, опредѣленная этимъ мирнымъ договоромъ, раздѣлила Германію на двѣ половины, къ югу и сѣверу отъ рѣки Майна. Это было первое кесарское сѣченіе, совершенное надъ государственнымъ тѣломъ Германіи.

Вскорѣ скончались Фридрихъ Вильгельмъ II и Екатерина II, два монарха, вступившіе на берегахъ Рейна и Вислы въ борьбу съ революціоннымъ духомъ. Въ Россіи, послѣ кончины императора Павла I, вступилъ на престолъ его доблестный сынъ, Александръ I; въ Пруссіи Фридриху Вильгельму наследовалъ кроткій, миролюбивый Фридрихъ Вильгельмъ III.

Императоръ Александръ I желалъ, повидимому, вначалѣ мысль вступить съ Пруссіей и Австріей въ союзъ, съ цѣлью образовать противовѣсъ превосходнѣйшимъ силамъ западныхъ державъ, въ особенности Франціи. Переписка, которой онъ обмѣнялся по этому поводу съ королемъ прусскимъ, была предлюдіей къ личному свиданію монарховъ въ Мемелѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1802 г.; это свиданіе положило начало глубокой дружбѣ, существовавшей съ тѣхъ поръ между Фридрихомъ Вильгельмомъ III и Александромъ I, дружбѣ, которую не могло поколебать даже вліяніе Чарторыйскаго, видѣвшаго въ ней помѣху къ возстановленію Польши, что было его любимой мечтою. Мы не встрѣчаемъ во всемірной исторіи другаго примѣра подобной, чисто личной, дружбы между двумя сосѣдними монархами. Она длилась почти всю ихъ жизнь одинаково, въ дни благополучія и въ дни невзгодъ, не взирая на то, что политика не всегда позволяла обѣимъ державамъ идти рука объ руку.

Мысль явиться, при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, умиротворителемъ и посредникомъ между государствами, перестроивъ ихъ на новыхъ началахъ, однимъ вліяніемъ своего слова, запавшая въ голову молодаго царя, какъ нельзя болѣе

соотвѣтствовала его мягкому характеру и его гуманнымъ взглядамъ. Новосильцевъ, пользовавшійся его особеннымъ довѣріемъ, вступилъ въ Лондонъ въ переговоры съ Питтомъ. По мысли императора, предполагалось составить новый союзъ народовъ, имѣвшій цѣлью не только ограничить стремленіе Франціи къ захвату, но и обезпечить благоденствіе и возрожденіе европейскихъ народовъ посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія земель, устраненія существовавшихъ злоупотребленій и обезпеченія священныхъ правъ народа. Реформы, предпринятія въ духѣ времени, и участіе самого народа въ организаціи новыхъ учрежденій, должны были, по ихъ мнѣнію, положить предѣлъ всякимъ сумасбродствамъ, какъ будто французы боролись ради свободы и благоденствія другихъ націй. Питтъ, государственный мужъ Англій, обладавшій умомъ практичнымъ, выслушалъ хладнокровно предложенія Новосильцева, но, выслушавъ ихъ, замѣтилъ, что «слѣдовало бы повременить съ мечтами о благоденствіи человѣческаго рода», а покуда домогаться лишь необходимаго и возможнаго. Ему казалось несвоевременнымъ помышлять о всеобщемъ мирѣ въ то время, когда новый императоръ занялъ своими войсками Ганноверъ и мечталъ распространить владычество Франціи надъ всѣми сосѣдними государствами. Въ Берлинѣ также не были расположены примкнуть къ народному союзу, проектированному Александромъ; миролюбивый король не желалъ лишиться преимуществъ, обезпеченныхъ за нимъ Базельскимъ миромъ. Онъ находилъ, что вліяніе и могущество Пруссіи лучше всего могутъ быть обезпечены благоразумнымъ и осмотрительнымъ нейтралитетомъ, а нѣкоторое посредничество въ дѣлахъ политики со стороны Пруссіи могло, по его мнѣнію, на первыхъ порахъ, быть полезнымъ миролюбивымъ стремленіямъ дружественнаго монарха.

Когда Наполеонъ двинулъ свои войска къ Дунаю, съ намѣреніемъ сразиться съ союзными монархами Австріи и Россіи, то Пруссія сохранила нейтралитетъ, и только когда этотъ нейтралитетъ былъ нарушенъ вступленіемъ французовъ въ прусскую область «Ангальтъ-Бейреутъ», что имѣло послѣдствіемъ Ульмскую катастрофу, тогда только удалось русскому царю, отправившемуся въ Берлинъ съ однимъ изъ братьевъ австрійскаго императора, склонить короля Фридриха Вильгельма присоединиться

къ нимъ и возобновить прежній дружественный союзъ. Въ Потсдамѣ былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго рѣшено предложить императору французовъ заключить миръ, обсудивъ главныя основы его на обще-европейскомъ конгрессѣ, который будетъ созванъ для этой цѣли; въ случаѣ отказа со стороны Наполеона, прусская армія должна была присоединиться къ войскамъ коалиціи. При этомъ въ Потсдамѣ произошла извѣстная трогательная сцена, когда монархи Пруссіи и Россіи скрѣпили свой договоръ рукопожатіемъ, въ присутствіи королевы Луизы, въ полночь, надъ могилою Фридриха Великаго. Но было уже поздно. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошло сраженіе трехъ императоровъ подъ Аустерлицомъ, безъ участія Пруссіи, а за нимъ послѣдовало заключеніе Пресбургскаго мира, — перваго шага къ распаденію Германской имперіи. И когда на слѣдующій годъ Пруссія вступила въ борьбу съ императоромъ французовъ, безъ помощи со стороны Россіи и Австріи, то результатомъ было ея пораженіе подъ Іеною и паденіе монархіи Фридриха Великаго. Въ кровавыхъ битвахъ на берегахъ Вислы и въ древне-прусскихъ владѣніяхъ, русскія и прусскія войска сражались съ обычной храбростью противъ превосходнѣйшаго силами непріятеля и къ ихъ общей радости битва подъ Прейсишъ-Эйлау не увѣчалась для французовъ полной побѣдой. Въ эти роковые дни ожесточенной борьбы, происходившей на далекомъ сѣверо-западѣ и бывшей предвѣстницей возгорѣвшейся вслѣдъ за тѣмъ франко-русской войны, Наполеонъ охотно заключилъ бы съ Пруссіей отдѣльный миръ, чтобы обратить всѣ свои силы противъ Россіи, но Фридрихъ Вильгельмъ III, какъ монархъ честный и вѣрный заключенному союзу, рѣшительно отвергнувъ всѣ сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ предложенія, склонявшія его дѣйствовать отдѣльно отъ союзника. За то нѣкоторымъ изъ вельможъ, приближенныхъ къ Александру I, относившихся къ французамъ сочувственно, удалось, мало по малу, охладить восторженную дружбу царя къ Пруссіи, и когда кровопролитное сраженіе подъ Фриландомъ, происходившее въ іюнь 1807 года, склонило рѣшительно побѣду на сторону французовъ, то, судя по переговорамъ, происходившимъ въ Тильзитѣ по поводу заключенія мира, можно было ожидать, что политика петербургскаго двора приметъ впредь совершенно иное направленіе; Пруссіи пришлось испить чашу униженія до дна.

Въ Петербургѣ спокойно смотрѣли на то, что бывшій союзникъ и его народъ были принижены и обречены на гибель. Прежнія симпатіи проснулись лишь въ то время, когда дѣла приняли вновь иной оборотъ.

Послѣ свиданія Александра I и Наполеона на конгрессѣ въ Эрфуртѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1808 года, гдѣ въ полномъ блескѣ выказалась вся роскошь европейскихъ дворовъ и куда съѣхались четыре короля и 34 германскихъ владѣтельныхъ князя, чтобы изъявить свою покорность всесильному Наполеону и «увеличить его свиту», Европѣ угрожала опасность подпасть частью подъ власть Франціи, частью подъ могущество Россіи. Король Фридрихъ Вильгельмъ прибылъ также въ Эрфуртъ, съ цѣлью добиться смягченія условій мира, заключеннаго въ Тильзитѣ. Но съѣздъ могущественныхъ монарховъ разбился о могущество народовъ, чувства и страсти которыхъ не были приняты въ расчетъ. Когда въ Эрфуртѣ, передъ «партеромъ, наполненнымъ коронованными особами», была представлена французская драма, въ которой, между прочимъ, говорилось въ стихахъ: «Какое счастье имѣть другомъ великаго человѣка», то при этихъ словахъ русскій царь протянулъ руку императору французовъ, сидѣвшему возлѣ него. Эта сцена, какъ двѣ капли воды, напоминала ту, которая произошла въ Потсдамѣ, у могилы Фридриха Великаго.

Съ эрфуртскимъ конгрессомъ настала эпоха политическихъ переворотовъ, военныхъ побѣдъ и пораженій, территоріальныхъ перетасовокъ, перемѣнъ властителей и владѣній, коимъ подобныхъ не было во всемирной исторіи со временъ Александра Македонскаго. Русскій императоръ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ шведскую Финляндію, а на югѣ отодвинулъ границу Россіи до дунайскихъ княжествъ, питая втайнѣ надежду завоевать со временемъ всю европейскую Турцію съ Константинополемъ; французскій императоръ мечталъ о восстановленіи имперіи Карла Великаго, о владычествѣ надъ всѣми государствами запада. Въ это время Пруссія какъ бы была исключена изъ общей политической жизни.

Обремененная непомерной военной контрибуціей, до окончательной уплаты которой прусскія крѣпости были заняты французскими гарнизонами, лишившись третьей части своихъ владѣній, имѣя въ сосѣдствѣ новую вассальную французскую область

Вестфалію, Пруссія была не въ состояніи приниматьъ участіе въ крупныхъ политическихъ и военныхъ событіяхъ. Тѣмъ значительнѣе было возрожденіе, совершавшееся внутри самаго государства. Благодаря творческимъ способностямъ Шарнгорста, Гнейзенау и другихъ дѣятелей, военный строй Пруссіи былъ преобразованъ на болѣе широкомъ основаніи, болѣе соответствующемъ духу народа. Стараніями барона Штейна и другихъ патріотовъ совершилось полное гражданское переустройство Пруссіи, было объявлено равенство всѣхъ сословій передъ закономъ, и сознаніе собственнаго политическаго достоинства проникло во всѣ классы народа. Вновь основанный берлинскій университетъ послужилъ разсадникомъ молодыхъ людей съ идеальными стремленіями и съ основательнымъ научнымъ образованіемъ новыхъ дѣятелей для той эпохи и для будущаго, проникнутыхъ энергіей къ жизни и увѣренностью въ свои силы. Не мудрено поэтому, что когда Наполеонъ повелъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, половину Европы на востокъ, то и король прусскій былъ вынужденъ присоединиться къ союзнымъ войскамъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы сразиться съ измѣнившимъ свою политику эрфуртскимъ своимъ союзникомъ, въ его собственныхъ владѣніяхъ. Свиданіе монарховъ въ Дрезденѣ, на которомъ присутствовали также Фридрихъ Вильгельмъ III и императоръ австрійскій Францъ, бывший въ то время уже тестемъ Наполеона, превзошло блескомъ и великолѣпіемъ съѣздъ монарховъ въ Эрфуртѣ.

Никогда еще судьба не благоволила Наполеону въ такой мѣрѣ, никогда еще слава его не сіяла такимъ блескомъ, какъ въ эту весну. Но съ этой минуты счастливая звѣзда французскаго императора начала меркнуть. Русская имперія возстала изъ пепла горящей Москвы, подобно возродившемуся фениксу, и одновременно съ этимъ въ Петербургѣ проснулись прежнія симпатіи къ бывшему его берлинскому союзнику. Генералъ Йоркъ, заключивъ договоръ съ русскимъ фельдмаршаломъ Дибичемъ и устранивъ свой корпусъ отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, дѣйствовалъ въ духѣ времени и сообразно симпатіямъ прусскаго народа.

Король, по своему характеру не расположенный принимать какія либо важныя и смѣлыя рѣшенія, пришелъ послѣ нѣкотораго размышленія къ убѣжденію, что насталъ моментъ возобновить прежній дружественный союзъ. Въ февралѣ 1813 года

оба монарха заключили договоръ въ Калишѣ, съ цѣлью освободить общими силами Европу отъ власти Наполеона.

Какъ извѣстно, первыя битвы подъ Люценомъ и Бауценомъ отнюдь не были успѣшны для союзниковъ. Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ съ прежней хвастливостью могъ кичиться побѣдою, ибо Австрія и войска Рейнскаго союза были еще на его сторонѣ. Когда въ день битвы, подъ вечеръ, оба монарха, закутавшись въ свои походные плащи, выѣхали въ поле опечаленные и озабоченные, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ своему спутнику:

— Насъ можетъ спасти только помощь свыше. Если Господь, какъ я надѣюсь, благословитъ наши начинанія, то мы заявимъ передъ лицомъ всего міра, что честь этой побѣды принадлежитъ Ему одному.

Эти слова вполне гармонировали съ мистически религіознымъ настроеніемъ Александра, которое было причиною возникновенія вполнѣ священнаго союза.

Дѣйствительно, судьба Пруссіи висѣла тогда на волоскѣ. Въ большомъ сраженіи подъ Дрезденомъ, происходившемъ 26-го и 27-го августа 1813 г., слава осѣнила еще разъ французскіе орлы и Наполеонъ могъ торжествовать, видя какъ унесли на носилкахъ смертельно раненаго давнишняго соперника его, Моро, вызваннаго Александромъ изъ Америки, черезъ посредство Бернадота. Между тѣмъ попытки къ посредничеству, сдѣланныя со стороны императора Франца и его министра, Меттерниха, не увѣнчались успѣхомъ и Австрія присоединилась къ русско-прусскому союзу. Такимъ образомъ перевѣсъ военной силы оказался на сторонѣ союзныхъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и самый союзъ принялъ вслѣдствіе этого совсѣмъ иной характеръ. Порывъ энтузіазма, воодушевлявшій вначалѣ Александра и Фридриха Вильгельма, вслѣдствіе присоединенія къ союзу прозаичнаго габсбургца и его дальновиднаго, но эгоистичнаго министра, совершенно измѣнилъ свой характеръ. Стремленіе къ возвышеннымъ цѣлямъ, къ благу народовъ, къ національной свободѣ и самостоятельности, къ реорганизаціи Европы на чисто національныхъ основахъ, о чемъ говорилось съ такой надеждой и съ такой горячностью въ воззваніи, обнародованномъ въ Калишѣ, уступили мѣсто цѣлямъ эгоистичнымъ и разрозненнымъ. Возвышенныя политическія идеи, искреннія и честныя стремленія

къ реформамъ, какія вызываетъ обыкновенно въ сердцахъ властителей всякій великій моментъ во всемірной исторіи, отошли на второй планъ, уступивъ мѣсто узкимъ и эгоистичнымъ планамъ. Политика мелкихъ интригъ и дипломатическихъ ухищреній приобрѣла право гражданства въ совѣтѣ союзниковъ и внесла въ военный совѣтъ и въ дипломатію главной квартиры инертную боязнь всякихъ великихъ и энергичныхъ мѣръ, ограничивъ въ то же время стремленіе къ основательнымъ преобразованіямъ въ нѣмецкомъ государствѣ. Австрія, смотрѣвшая уже съ 1809 г. недоброжелательно на патріотическое движеніе, происходившее въ Пруссіи и въ сѣверной Германіи, съ его революціонными проявленіями, преслѣдуя лишь свои личныя цѣли, старалась воспользоваться новымъ оборотомъ дѣлъ для упроченія своего могущества. Вѣчно практичная Англія дѣйствовала точно также.

Существуетъ народное преданіе, по словамъ котораго, во время Лейпцигской битвы, когда побѣда склонилась на сторону союзниковъ, то союзные монархи, наблюдавшіе за сраженіемъ съ высоты холма, пали на колѣна, чтобы возблагодарить Бога за даруемую побѣду. Это было искренное, непритворное ликованіе по поводу побѣды, одержанной въ эту священную войну. Если рассказъ достовѣренъ, то онъ вполне соотвѣтствуетъ настроенію Александра и Фридриха Вильгельма; въ ихъ душахъ въ то время не угасли еще тѣ чувства, которыя привели ихъ къ братскому союзу и къ манифесту, обнародованному въ Калишѣ. Но въ эгоистичномъ сердцѣ императора Франца подобныя порывы едва ли могли имѣть мѣсто. Рѣзкая разница въ стремленіяхъ великихъ державъ обнаружилась уже на вѣнскомъ конгрессѣ, на которомъ политическая карта Европы должна была совершенно передѣлаться на основаніи условій парижскаго мира. Въ отношеніяхъ Александра и Фридриха Вильгельма все еще проглядывали узы прежней дружбы. Хотя въ прусской главной квартирѣ, въ Парижѣ, можетъ быть смотрѣли иногда съ неудовольствіемъ и завистью на то, что курьеры съ наиболѣе важными депешами направлялись всегда прежде въ русскій лагерь, и что императора Александра одного прославляли какъ героя и третейскаго судью, что французы и нѣмцы смотрѣли на него и превозносили его какъ единственнаго носителя гуманныхъ и свободолюбивыхъ идей и намѣреній, клонящихся ко благу народовъ, все же на

вѣнскомъ конгрессѣ эти два монарха были еще союзниками въ глазахъ другихъ народовъ. Правда, желаніе Пруссіи включить въ число своихъ владѣній королевство Саксонское встрѣтило сильный отпоръ со стороны Австріи и планъ русскаго императора создать изъ Польши конституціонное королевство, подъ управленіемъ великаго князя Константина Павловича, чуть было не породилъ распрю среди членовъ собравшагося мирнаго конгресса и грозилъ вновь возбудить войну, когда извѣстіе о высадкѣ Наполеона въ Канѣ охладило разгоряченные умы и склонило ихъ къ согласію. Войска стояли еще подъ оружіемъ и тотчасъ открылась новая кампанія. Однако, австрійскія и русскія войска не успѣли еще переступить границу Франціи, какъ 18-го іюня 1815 г. произошло рѣшительное сраженіе при Вель-Алиансѣ и Ватерло. Въ этомъ всемірномъ сраженіи, которое всѣ три въ немъ участвовавшіе народа, англичане, прусаки и французы, называютъ различно, главное участіе принимала Пруссія, завоевавъ себѣ такимъ образомъ положеніе въ европейской пентархіи. Въ это время главная квартира русскихъ и австрійскихъ войскъ находилась въ Гейдельбергѣ, гдѣ монархи выжидали исходъ сраженія вблизи отъ театра военныхъ дѣйствій. Въ этомъ городѣ неоднократно посѣтилъ своихъ высочайшихъ союзниковъ Фридрихъ Вильгельмъ, который останавливался на довольно продолжительное время во Франкфуртѣ, проѣздомъ въ армію. Въ Гейдельбергѣ до сихъ поръ живо еще воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, которые три величайшіе монарха Европы провели въ славной вѣкогда столицѣ Пфальцграфства, куда ближніе и дальніе владѣтельные князья и вельможи, дворяне и государственные люди Германіи пріѣзжали изъявить свою покорность побѣдоноснымъ монархамъ, а народъ, радуясь окончанію войны, привѣтствовалъ повсюду вѣнценосцевъ, сулившихъ ему миръ, и съ надеждою взиралъ на будущее. Но, главнымъ образомъ, всеобщее вниманіе было устремлено на великаго монарха сѣверной имперіи, который блисталъ прелестью юной красоты и своимъ ласковымъ, любезнымъ обхожденіемъ очаровывалъ всѣхъ.

Въ Гейдельбергѣ Александръ познакомился довольно близко съ г-жею Крюднеръ, которой суждено было играть большую роль въ исторіи той эпохи. Императоръ Александръ избралъ себѣ жилищемъ живописную виллу, близъ Карловыхъ воротъ (Karlstor), у подошвы горной цѣпи, между замкомъ и Вольфсбрунномъ.

Недалеко оттуда, въ крестьянской избѣ, въ деревнѣ Шліербахъ, жила г-жа Крюднеръ, на которую онъ обратилъ вниманіе вслѣдствіе переписки, происходившей между нею и одной придворной дамой.

Юліана фонъ-Фитингофъ, родившаяся въ Ригѣ въ 1764 г. и вышедшая за мужъ за барона Крюднера, богача и дипломата, много послужившаго на русской государственной службѣ, послѣ разнообразной свѣтской жизни въ большихъ городахъ Европы и юности, проведенной не вполне безупречно, искала удовлетворенія своему чувствительному сердцу, жаждавшему любви, въ мистически-религіозныхъ мечтахъ. Неудовлетворенная свѣтской жизнью, которой она предавалась всецѣло въ продолженіе многихъ лѣтъ, она думала найти исцѣленіе для своей души въ мистико-піетистическомъ образѣ мысли. Ея письма, относящіеся къ этой эпохѣ религіознаго пробужденія, экзальтированы и дышатъ страстностью, граничащею съ чувственною любовью къ Христу. Она утѣшала трудящихся и обремененныхъ, ухаживала за больными, помогала бѣднымъ и немущимъ. Послѣ Іенской битвы баронесса Крюднеръ поѣхала въ Кенигсбергъ, въ свиту прусской королевы Луизы, и ободрила ее религіозными утѣшеніями. Когда главная квартира союзниковъ находилась въ Гейдельбергѣ, она переселилась въ этотъ городъ и тутъ явилась однажды, совершенно неожиданно, къ императору, въ ночное время, въ бѣломъ одѣяніи, съ вѣнкомъ на головѣ и тономъ пророчицы возвѣстила ему, что онъ избранъ судьбою для того, чтобы положить основаніе религіозно-христіанскому государственному строю, который долженъ лечь въ основу всей политики будущаго.

Ея слова были смѣсью религіозно-политическихъ идей, напоминавшихъ мысли, высказанныя мюнхенскимъ профессоромъ Францемъ Ксавье Баадеромъ, въ его философскихъ бесѣдахъ. Пророческія слова и фантастическая наружность г-жи Крюднеръ произвели чрезвычайное впечатлѣніе на воспримчивую, мягкую натуру русскаго царя, тѣмъ болѣе, что она соответствовала его собственнымъ мыслямъ о высшемъ его предназначеніи и льстили его самолюбію, говоря о той роли, которая уготовлена ему свыше.

Когда императоръ отправился въ Парижъ, для обсужденія условій мира, то г-жа Крюднеръ послѣдовала за нимъ и сдѣла-

лась тамъ душою мистическаго кружка, имѣвшаго огромное вліяніе на настроеніе и образъ мыслей императора Александра. Ему льстили, говоря, что онъ, какъ второй Спаситель, избранъ Провидѣніемъ, чтобы основать новое христіанское государство и доставить торжество христіанской вѣрѣ, стоящей выше всѣхъ прочихъ религіозныхъ сектъ. Подобныя мысли, встрѣчавшія поддержку и въ другихъ приближенныхъ къ нему лицахъ, легли въ основу священнаго союза. Александръ I составилъ собственноручно проектъ этого союза, съ которымъ, по его убѣжденію, должна была возникнуть новая христіанско-политическая эра. Въ подражаніе священному писанію, повелѣвалось людямъ любить другъ друга, какъ братья, при этомъ въ проектѣ говорилось, что три монарха дадутъ обѣтъ считать себя связанными узами искренней и несокрушимой братской любви, быть всегда другъ другу помощниками и защитниками, управлять подданными какъ отцы своей семьей и поддерживать въ своихъ владѣніяхъ религію, миръ и правосудіе, считая себя лишь членами одной и той же христіанской семьи, которымъ провидѣніе ввѣрило управленіе разными членами ея. Далѣе въ этомъ проектѣ говорилось, что они призываютъ прочія державы признать всѣ эти принципы и примкнуть къ ихъ священному союзу.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III охотно изъявилъ согласіе сдѣлаться членомъ этого союза, задуманнаго въ томъ же духѣ, въ какомъ происходила нѣкогда ночная сцена надъ могилою Фридриха Великаго, въ гарнизонной церкви въ Потсдамѣ. Развѣ союзъ этотъ не являлся осуществленіемъ того, что было высказано монархами ночью, послѣ сраженія подъ Бауценомъ! «Если мы одержимъ побѣду, говорили они, то мы воздадимъ хвалу Господу, передъ лицомъ всего міра».

Гораздо сдержаннѣе отнесся къ этому предложенію императоръ Францъ, отнюдь не способный увлечься фантазіями и дѣйствовать съ энтузіазмомъ; онъ согласился примкнуть къ священному союзу лишь тогда, когда Меттернихъ успокоилъ его увѣреніемъ, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на самую безобидную болтовню. Австрійскій канцлеръ, какъ практичный дипломатъ, сразу оцѣнилъ значеніе этого акта, преисполненнаго столь возвышенными идеями и религіозными порывами, но въ то же время и неясными стремленіями, порож-

денными колеблющимся и нестойкимъ характеромъ императора Александра. Неопредѣленные выраженія и неясныя мысли, высказанныя въ этомъ актѣ, какъ нельзя болѣе могли послужить, со временемъ, дѣлямъ реакціонной политики, поддерживающей абсолютизмъ.

Такимъ образомъ, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, три монарха подписали актъ священнаго союза, который, по мнѣнію Александра, слѣдовало сообщить только правителямъ другихъ странъ, не оглашая его народамъ, и держать его въ тайнѣ даже отъ министровъ. Мало по малу къ этому союзу примкнули всѣ монархи Европы, за исключеніемъ англійскаго принца регента, который отнесся къ нему сочувственно, но по законамъ страны не могъ подписать государственнаго акта безъ вѣдома народа, да султана, котораго императоръ Александръ устранилъ заранѣе въ виду религіозныхъ и политическихъ цѣлей, а также папы, не желавшаго принести религіозныхъ воззрѣній католической церкви въ жертву христіанско-мистическому міровоззрѣнію.

Такимъ путемъ возникъ достопамятный союзъ, котораго первая мысль запала въ душу Александра въ ту знаменательную ночь въ Гейдельбергѣ, о которой мы говорили выше. Европа болѣе десяти лѣтъ находилась подъ вліяніемъ этого союза; но реакціонныя тенденціи и стремленіе къ абсолютизму, скрывавшіяся подъ эгидою религіозно-патріотическихъ цѣлей, стяжали ему ненависть народовъ и придали всему этому дѣлу характеръ хитросплетеній и лицемѣрія. Не подлежитъ сомнѣнію, что при самомъ возникновеніи этого союза въ основу его легли сознательная неискренность и обманъ; онъ явился продуктомъ христіанско-романтичныхъ воззрѣній того времени, доведенныхъ до крайности, и носилъ на себѣ отпечатокъ духа времени и тогдашней цивилизаціи.

Революція и военный деспотизмъ Наполеона нанесли тяжкіе удары высшимъ классамъ общества, которые при обыкновенномъ теченіи жизни мало испытываютъ на себѣ бремя житейскихъ невзгодъ. Вникая глубже въ смыслъ революціоннаго движенія, съ самаго начала его до окончательнаго подавленія революціи, мы видимъ въ немъ дѣйствіе какой то высшей силы, ниспровергающей всякое незаконное посягательство, всякую дерзкую самонадѣянность. Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе возникновенію священнаго союза, въ Европѣ совершились событія,

поразительныя по своему величію; никогда еще человѣку не удалось выразить въ столь рѣзкихъ чертахъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ это сдѣлала сама исторія, ту мысль, что личный характеръ человѣка и его поступки суть единственные содѣлатели его судьбы; никогда до тѣхъ поръ слова Геродота о Немезидѣ и зависти боговъ не подтверждались такъ ясно и опредѣленно. Поэтому вполне естественъ былъ поворотъ, совершившійся въ мысляхъ и чувствахъ общества, который вселилъ въ сердца людей богобоязнь и потребность къ религіи, вслѣдствіе чего даже въ высшихъ кругахъ прежній духъ сомнѣнія, невѣрія и свободомыслія уступилъ мѣсто набожности и религіозности.

На этой вновь освященной почвѣ возникъ романтизмъ и на ней могли развиваться столь впечатлительныя и воспріимчивыя натуры, каковыми были основатели священнаго союза. Къ сожалѣнію, все присущее человѣку и все создаваемое на землѣ подвержено вырожденію и легко можетъ быть употреблено для цѣлей неблаговидныхъ. Основатели священнаго союза, точно также какъ и представители романтизма, допустили, чтобы дѣло, само по себѣ благородное, съ идеальной подкладкой, соответствующей высшей потребности человѣческаго духа, исказилось, принявъ совершенно иной мірской образъ, и стяжало всеобщую ненависть.

Съ заключеніемъ условій Парижскаго мира, насталъ конецъ вліятельному общественному положенію г-жи Крюднеръ. Но ея беспокойному, подвижному характеру надо было отыскать новое поле дѣятельности. Она отправилась въ Швейцарію; своей религіозной пропагандою внесла она тамъ раздоръ и несогласія въ семьи и въ цѣлыя общины и была, наконецъ, вынуждена оставить эту страну. Между тѣмъ въ Европѣ, при наступившемъ затишьѣ, пронеслось вѣяніе Меттерниха, заставивъ смолкнуть возбужденные умы и не оставивъ свободаго мѣстечка для пророческихъ изліяній и религіозныхъ бредней. Восторженной мечтательницѣ былъ воспрещенъ вѣздъ въ Австрію и во Францію. и эта женщина, сдѣлавшаяся помѣхою политики, была выпровождена подъ надзоромъ полиціи въ Россію.

Но императоръ Александръ, подъ эгидою Меттерниха, вступилъ уже въ то время на путь болѣе спокойной политики. Онъ не желалъ уже имѣть дѣла съ пророчицей, которая произвела

когда то на него столь сильное впечатлѣніе въ Гейдельбергѣ.

Она отправилась прежде всего въ Ригу, мѣсто ея рожденія, а затѣмъ въ Крымъ, гдѣ поселились въ то время многіе нѣмецкіе выходцы изъ Пфальца и изъ королевства Виртембергскаго, изъ коихъ она надѣялась составить церковную общину въ своемъ духѣ. Тамъ она и скончалась 24 декабря 1824 г. Она много пережила, быть можетъ много грѣшила, но также искренно каялась въ своихъ заблужденіяхъ, поэтому къ ней можно примѣнить слова Спасителя: «ей много будетъ прощено, ибо она много любила».

Въ маленькомъ домикѣ, близъ Карловскихъ воротъ, въ Гейдельбергѣ, г-жа Крюднеръ выполнила самый важный и многознаменательный подвигъ своей миссіи.

Въ слѣдующемъ году, также на югѣ Россіи, окончилъ свою тревожную жизнь императоръ Александръ. Дружественный союзъ, заключенный между нимъ и королемъ прусскимъ, существовалъ непоколебимо до самой его кончины и перешелъ преемственно къ его брату и наслѣднику, императору Николаю, укрѣпившись еще болѣе родственными узами, существовавшими между обоими дворами. Императоръ Николай питалъ къ своему тестю глубокую преданность до самой его кончины, 7 іюня 1840 года.

Гейдельбергъ, 1887 г., май.

Георгъ фонъ-Веберъ.

Переводъ съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимошукъ.

Примѣчаніе. Знаменитый историкъ Георгъ Веберъ скончался на 81 году отъ роду, въ Гейдельбергѣ, 10-го августа нов. стила 1888 г., въ три съ четвертью часа пополудни. Съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ, именно весной 1887-го года, пишущій эти строки имѣлъ удовольствіе посѣтить старца въ его собственномъ домѣ въ Гейдельбергѣ. Веберъ былъ старикъ небольшого роста, довольно плотный, лысый, съ большими на выкатъ глазами и улыбающимся, весьма добродушнымъ и пріятливымъ лицомъ. Онъ много говорилъ съ нами объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи и вызвался написать свои историческія по сему предмету воспоминанія для „Русской Старинѣ“, о какомъ журналѣ онъ имѣлъ вполне ясныя свѣдѣнія. Не прошло и мѣсяца, какъ маститый историкъ прислалъ намъ въ Висбаденъ статью, дословный переводъ которой помѣщенъ нами выше. Первыя двѣ страницы рукописи были написаны рукою Вебера, остальныя рукою его секретаря. Переводъ статьи принадлежитъ постолиной сотрудницѣ «Русской Старинѣ» — Вѣрѣ Васильевнѣ Тимошукъ.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЬ.

Очеркъ жизни его съ 1831 по 1883 г.

I.

Отъ польской кампаніи до первой восточной войны.

Записки Александра Федоровича Багговута обрываются на полуфразѣ и доходятъ только до 1831 года ¹⁾, когда автору ихъ было 25 лѣтъ и предъ нимъ лишь открывалась блестящая военная карьера, такъ славно начатая на границахъ Персіи и на залитыхъ кровью окрестностяхъ Варшавы. Послѣ польской кампаніи, А. Ф. Багговуть прожилъ 52 года и военная лѣтопись не разъ еще упоминаетъ его имя. Желая, по возможности, восполнить то, что остается недосказаннымъ въ запискахъ А. Ф. Багговута, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., начнемъ съ воспроизведенія двухъ характеристикъ, сдѣланныхъ главнымъ военнымъ начальствомъ, по поводу отличій, оказанныхъ Багговутомъ во время персидской войны 1826—1827 гг. и въ польскую кампанію 1831 года.

Фельдмаршалъ Паскевичъ, ходатайствуя о награжденіи А. Ф. Багговута орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался о молодомъ офицерѣ: „лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ Багговуть, во все время похода отъ Карабабы въ Сердарь-Абаду и Эривани, находился

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1883 г., томъ XL, окт., стр. 111 — 136. Ген.-отъ-нав. А. Ф. Багговуть скончался 2 мая 1883 г. въ Петербургѣ.

при полковомъ командирѣ, который свидѣтельствуесть объ усердіи и рвеніи, съ коими онъ выполнялъ всѣ приказанія, весьма часто въ опасныхъ мѣстахъ. Въ особенноти офицеръ сей отличился при осадѣ Эривани, гдѣ, бывъ посланъ ко рву, для узнанія намѣреній непріятельскихъ, исполнилъ сіе приказаніе съ полнымъ хладнокровіемъ и увидѣлъ, что персіяне задѣлываютъ брешь; при коронованіи же гласиса онъ снова былъ посланъ, подъ весьма сильнымъ огнемъ, и исполнилъ приказаніе съ отличною храбростію“.

Отличныя военныя качества и доблесть, выказанныя Багговутомъ въ польскую кампанію, особенно въ сраженіи при Гроховѣ, и чрезвычайныя раны, полученныя имъ на полѣ битвы, вызвали слѣдующее представленіе графа Дибича, изложенное въ особомъ письмѣ къ управлявшему тогда главнымъ штабомъ, генералъ-адъютанту графу Чернышеву.

„По недостатку офицеровъ артиллерійскихъ, предъ сраженіемъ прошлаго февраля мѣсяца (1831 г.), прикомандированъ былъ, въ числѣ прочихъ, къ дѣйствующимъ ротамъ литовской гренадерской артиллерійской бригады, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Багговуть. Офицеръ сей, уже при дѣлѣ 7-го февраля, оказалъ примѣрную расторопность и мужество; въ сраженіи же 13 числа, при Гроховѣ, онъ снова отличился, не только совершенною твердостію духа и неустрашимостію, но и примѣрно-искуснымъ направленіемъ дѣйствій ввѣренныхъ ему орудій, коими не мало содѣйствовалъ къ разсѣянію и истребленію сильно напиравшаго непріятели. При семъ, поручикъ Багговуть получилъ тяжелья раны: одну пулею въ голову, возлѣ уха; другую въ лѣвую ногу, выше колѣна, и еще контузію въ локоть лѣвой руки. (Пропущена еще рана пулею въ плечо и не упомянуто, что лѣвая нога была повреждена картечью, съ раздробленіемъ кости, а контузія распространялась не только на руку, но и на весь бокъ. Эти неточности весьма понятны, если принять въ соображеніе, что А. Ѳ. Багговуть нѣкоторое время считался даже въ числѣ убитыхъ и самое лѣченіе его происходило въ плѣну или въ мѣстности, занятой непріателемъ). Столь примѣрная служба (сказано далѣе, въ письмѣ графа Дибича) поручика Багговута понуждаетъ меня просить ваше сіятельство представить его въ особое государя императора вниманіе, и хотя

отличіе его не подходитъ вполнѣ подь статуть св. Георгія Побѣдоносца, но я, однако, считаю долгомъ, въ уваженіе полученныхъ имъ тяжелыхъ ранъ, а въ особенности на основаніи сугубаго ходатайства какъ корпуснаго командира генераль-адъютанта барона Розена, такъ и исправляющаго должность начальника артиллеріи арміи, генераль-адъютанта князя Горчакова, просить всемилостивѣйшее соизволеніе на пожалованіе его кавалеромъ 4 класса помянутаго ордена св. Георгія, какъ исполнившаго, съ большою пользою, препорученія, не къ прямой должности его принадлежащія“.

Казалось-бы, въ виду такого ходатайства какъ главнокомандующаго, такъ и главныхъ начальниковъ арміи, а равно и въ виду полученной уже Багговутомъ высокой боевой награды (орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ), не представлялось пріятствій къ включенію израненнаго молодаго героя въ число кавалеровъ ордена св. Георгія. Но статуты этого военнаго ордена, въ то время, такъ строго соблюдались и въ присужденіи этого боеваго отличія наблюдалась такая разборчивость, что на представленіе графа Дибича послѣдовала слѣдующая резолюція императора Николая Павловича: „Поручика Багговута произвестъ въ штабсъ-капитаны, перевестъ въ гвардейскую артиллерію и дать орденъ св. Анны 2 степени“. На этомъ основаніи, приказомъ 1 апрѣля 1831 года, А. Ѳ. Багговуть былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію 2 артиллерійскую бригаду.

Пока все это происходило, Багговуть лежалъ израненный и ежеминутно боролся со смертію. Родные и знакомые считали его въ числѣ мертвыхъ и, не зная о чудесномъ спасеніи его, служили по немъ панихиды. Человѣколюбивое обращеніе непріятеля, искусство врача, молодость и здоровый организмъ Багговута возвратили его къ жизни. Родственникъ Багговута, полковникъ Гидьхенъ, служившій прежде въ польскихъ войскахъ и управлявшій въ то время казеннымъ имѣніемъ Головейскъ, неподалеку отъ города Бѣльска, узнавъ случайно о нахожденіи раненаго въ Венгровѣ, который попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки то нашихъ, то непріятельскихъ войскъ, прислалъ въ Венгровъ коляску, въ которой Багговуть и былъ бережно перевезенъ въ Головейскъ, за предѣлы Царства Польскаго. Избавленный такимъ образомъ отъ превратностей военнаго времени,

Багговуть пробылъ въ теченіи пяти недѣль въ Головейскѣ и настолько поправился, что въ первыхъ числахъ мая поѣхалъ въ гвардейскому корпусу, какъ разъ въ то время, когда гвардія сражалась съ войсками Скаржинскаго, на Наревѣ. Прибытіе Багговута въ гвардейскому корпусу служило новымъ доказательствомъ, съ какимъ рвеніемъ онъ относился къ своему служебному долгу; но слабыя еще силы и состояніе ранъ, особенно головной, не дозволили осуществиться тому рвенію, съ какимъ Багговуть стремился возобновить свое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для дальнѣйшаго лѣченія его отправили въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ до конца 1831 года. Отличія, оказанныя Багговутомъ въ эту кампанію, настолько, однако, выходили изъ ряда обыкновеннаго служебнаго долга, что вызвали новыя еще награды, вскорѣ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій. 20 декабря 1832 года Багговуть произведенъ былъ въ капитаны, а 1 іюля 1833 года, на девятомъ году службы, въ полковники артиллеріи. При этомъ онъ былъ переведенъ въ конную артиллерію, такъ какъ рана въ ногу не дозволяла ему продолжать службу въ пѣхотѣ.

Въ наступившее послѣ польской кампаніи военное затишье А. Ѳ. Багговуть находился при управленіи генераль-фельдцеймейстера и исполнялъ различныя порученія главнаго начальника всей артиллеріи, великаго князя Михаила Павловича. Великій князь зналъ А. Ѳ. Багговута еще въ Московскомъ полку и видѣлъ его въ польскую кампанію; онъ оказалъ ему самый лестный приемъ, такъ какъ подвиги Багговута служили къ новому прославленію любимой Михаиломъ Павловичемъ артиллеріи. Съ этого же времени трудно было забыть Багговута даже тому, кто хотя разъ и мимолетно имѣлъ случай его видѣть. Вслѣдствіе своей головной раны, Багговуть вынужденъ былъ носить черную повязку на головѣ, которая, въ видѣ вѣнка, служила прекраснымъ ореоломъ его замѣчательно красивому лицу и какъ нельзя болѣе шла къ его мужественной осанкѣ, высокому росту и статной фигурѣ. Эта почетная черная повязка не покидала Багговута уже во всю его жизнь, напоминая о его заслугахъ и невольно вселяя уваженіе и сочувствіе къ нему, которыя только усиливались при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ. Одинъ турецкій генераль, познакомившись съ Багговутомъ, сказалъ ему слѣду-

ющее привѣтствіе, въ чисто восточномъ вкусѣ: „Рана твоя есть роза, украшающая чело твое“. Когда А. Ѳ. Багговутъ былъ въ Италіи, то имѣлъ случай представиться бывшему сардинскому королю Виктору Эммануилу, которому Италія столько обязана въ дѣлѣ своего политическаго возрожденія. Викторъ Эммануиль такъ полюбилъ А. Ѳ. Багговута, что приглашалъ его на свои охоты. Такое же уваженіе оказывали Багговуту и другіе иностранцы, въ томъ числѣ и прусскій король.

Въ частной жизни А. Ѳ. Багговутъ отличался сердечностью, гостепріимствомъ, простотою въ обращеніи; онъ былъ всегда пріятнымъ собесѣдникомъ, обходителенъ и чуждъ всякаго искаательства и вичливости. Быть можетъ отсутствіе всякаго шарлатанства, скромность и прямота характера, напоминающая рыцарскія качества, и явились главною причиною, что военная карьера А. Ѳ. Багговута слишкомъ рано окончилась и не доставила ему того вліятельнаго положенія въ высшихъ рядахъ арміи, котораго онъ заслуживалъ. Между тѣмъ, какъ увидимъ, было время, когда новые военные подвиги А. Ѳ. Багговута сдѣлали имя его извѣстнымъ всей Россіи и Европѣ и когда портреты его красовались въ иллюстраціяхъ и распространялись въ народѣ не меньше, чѣмъ портреты современнаго намъ героя М. Д. Скобелева.

Въ 1837 году А. Ѳ. Багговутъ переведенъ былъ въ гусарскій Нарвскій великаго князя Михаила Павловича полкъ. Съ этой поры начинается кавалерійская служба А. Ѳ. Багговута, въ которой онъ стяжалъ славу замѣчательнѣйшаго кавалерійскаго генерала, точно также какъ прежде онъ являлся выдающимся пѣхотнымъ офицеромъ и отличнѣйшимъ командиромъ батареи. Всѣ три рода оружія, такимъ образомъ, близко были знакомы А. Ѳ. Багговуту и всѣ они прославлены были его подвигами, приобрѣтая ему право, какъ уже сказано, на самыя высокія назначенія въ арміи.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ жизни и дѣятельности А. Ѳ. Багговута все шло, повидимому, къ тому, чтобъ открыть ему эту военную дорогу. Такъ, въ 1839 году, на поляхъ Бородина, совершилось открытіе памятника въ ознаменованіе знаменитой Бородинской битвы. Для празднованія этого событія собраны были безсрочно-отпускные солдаты. Изъ нихъ сформированы были для смотра различныя части, подъ начальствомъ боевыхъ или

особо заслуженныхъ офицеровъ. Полковнику А. Ф. Багговуту, на этомъ почетномъ сборѣ войскъ и отечественномъ праздникѣ, поручено было командованіе 1-мъ запаснымъ кавалерійскимъ полкомъ безсрочно-отпускныхъ, состоявшимъ изъ двухъ эскадроновъ гвардейскихъ и четырехъ эскадроновъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи.

Въ февралѣ 1841 года А. Ф. Багговуть былъ назначенъ командиромъ Украинскаго уланскаго полка и на этой же должности получилъ чинъ генераль-маіора, въ 1843 году. Въ слѣдующемъ, 1844, году А. Ф. Багговуть получалъ рѣдкій въ то время заграничный отпускъ, для поправленія здоровья, и въ теченіе года пробылъ въ южной Европѣ, начавъ свое путешествіе съ Константинополя. Возвратившись въ Россію, въ маѣ 1845 года, А. Ф. Багговуть былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи, состоявшей изъ гусарскихъ полковъ: Лубенскаго, короля ГанOVERскаго, и Елисаветградскаго, великой княгини Ольги Николаевны, и входившей въ составъ дѣйствующей арміи.

На этомъ мѣстѣ застигла Багговута венгерская кампанія 1849 года. Войска наши вступили въ предѣлы Австріи двумя колоннами, изъ которыхъ лѣвая находилась подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго, фельдмаршала Паскевича, графа Эриванскаго, князя Варшавскаго. Энергичное наступленіе русскихъ войскъ, произведенное не въ томъ направленіи, на которомъ укрѣнился и ожидалъ ихъ непріятель, вынудили венгровъ къ отступленію безъ боя. Только за Еперіесомъ произошло первое столкновеніе и участіе въ этомъ дѣлѣ выпало на долю генераль-маіора Багговута, бригада котораго входила въ составъ авангарда. Около селенія Самось передовые казаки наткнулись на значительный непріятельскій отрядъ и стали отступать. На поддержку ихъ явился Багговуть, во главѣ Елисаветградскаго гусарскаго полка своей бригады и конно-легкой батареи. Удачное дѣйствіе орудій и лихая атака гусаръ не только опрокинули венгерскую кавалерію, но и вынудили къ отступленію непріятельскую пѣхоту. Только наступившая темнота прекратила преслѣдованіе.

Описывая эту первую удачную стычку, А. Ф. Багговуть говоритъ: „Лейбъ-эскадронъ показалъ чудо храбрости. Командиръ

его, ротмистръ фонъ-Раденъ, врубился, дошедъ до рукопашной, и изрубилъ начальника штаба мятежниковъ; 60 тѣлъ, съ страшными ранами, лежали вокругъ героевъ.

„Съ нашей стороны раненъ маіоръ Голштейнъ, легко, равно какъ и Раденъ, оба штыками; тяжело раненъ Микушевъ; одинъ гусарь убитъ, 22 ранены, изъ нихъ 17 тяжело; 32 лошади выбиты изъ фронта. На другой день великій князь Константинъ Николоевичъ, подѣхавъ къ полку, пожаловалъ, отъ имени Государя Императора, по червонцу раненымъ и по два червонца семи молодцамъ, отказавшимся идти въ лазаретъ, съ изрубленными головами и раненымъ штыками въ грудь и животъ. Они пожелали остаться во фронтѣ“.

Наступая далѣе, въ авангардѣ, генераль-маіоръ Багговуть участвовалъ въ другомъ гораздо болѣе значительномъ дѣлѣ, подъ Туромъ, 8 іюля, когда венгерцы пробовали перейти въ наступленіе, угрожая правому нашему флангу. Въ этомъ сраженіи находившійся подъ личнымъ начальствомъ Багговута тотъ-же Елисаветградскій гусарскій полкъ снова дѣйствовалъ блистательно, не только отразивъ, но и опрокинувъ многочисленную неприятельскую кавалерію. Объ этомъ свидѣтельствуеъ уже то обстоятельство, что семь офицеровъ и одинъ штабъ-офицеръ полка были ранены и послѣдній изъ нихъ—смертельно.

Сраженіе подъ Туромъ было послѣднимъ актомъ участія А. Ѳ. Багговута въ венгерской кампаніи. Распространившаяся въ то время холера поразила и его. Должно замѣтить, что общее состояніе здоровья А. Ѳ. Багговута было въ то время значительно потрясено и сдѣлало его отъ природы вѣрпкій организмъ воспримчивымъ къ холерной эпидеміи. Причиною этого расстройства послужилъ слѣдующій чисто романтическій случай, какъ нельзя лучше характеризующій личность Багговута, его находчивость, энергію и самоотверженность въ критическія минуты. А. Ѳ. Багговуть былъ женатъ два раза: съ 1832 по 1837 годъ, на княжнѣ М. С. Хованской, и съ 1839 года на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Ермоловой, которой суждено было пережить своего мужа. Во время похода въ Венгрію жена Багговута, по возможности, слѣдовала за арміей, съ малолѣтнимъ сыномъ. На походѣ изъ Галиціи въ Венгрію А. Ѳ. Багговуть, ѣдучи верхомъ, во главѣ своей бригады, услышалъ отчаянный крикъ. Оглянувшись, онъ

увидѣлъ, что взбѣсившіяся лошади несли прямо къ глубокому оврагу коляску, въ которой находились жена его и единственный ихъ ребенокъ. Кругомъ находились люди, но всѣ растерялись и на помощь явился одинъ Багговуть. Онъ далъ шпоры коню и поскакалъ на перерѣзъ мчавшемуся экипажу. У самаго оврага произошло столкновение, отъ котораго коляска остановилась, но лошадь Багговута и онъ самъ свалились. Его подняли безъ чувствъ. Жена и сынъ, равно какъ и кучеръ экипажа, были спасены, но А. Ѳ. Багговуть снова получилъ сильное потрясеніе всего организма и старыя раны стали опять напоминать о себѣ. Тѣмъ не менѣе, А. Ѳ. Багговуть боролся съ недугомъ и перемогалъ себя въ первое время кампаніи. Послѣ дѣла подъ Туромъ, въ которомъ онъ участвовалъ почти больной, недугъ его окончательно осилилъ и скоро осложнился еще холерою. Вслѣдствіе этого А. Ѳ. Багговуть вынужденъ былъ уѣхать въ Пешть, а оттуда возвратиться въ Варшаву.

За сраженіе подъ Туромъ А. Ѳ. Багговуть получилъ орденъ св. Станислава I-й степени, а за венгерскій походъ вообще — командорскій крестъ австрійскаго ордена Леопольда.

Послѣ венгерской кампаніи А. Ѳ. Багговуть продолжалъ свою службу въ дѣйствующей арміи и находился во главѣ той же гусарской бригады. Въ іюнѣ 1850 года, въ числѣ выдающихся русскихъ генераловъ, А. Ѳ. Багговуть сопровождалъ фельд-маршала Паскевича въ Берлинъ, гдѣ въ то время пребывали императоръ Николай Павловичъ и государь наследникъ (впоследствии императоръ Александръ II). О пребываніи своемъ въ Берлинѣ и о происходившемъ тамъ въ это время А. Ѳ. Багговуть велъ обстоятельный дневникъ; но намъ неизвѣстно, какая участь постигла эти записки, написанныя, вѣроятно, не безъ интереса.

Мирное затишье, смотры и ученья, очевидно, не удовлетворяли кипучей и жаждавшей дѣятельности натуры А. Ѳ. Багговута. По крайней мѣрѣ, въ 1852 году, подъ предлогомъ переѣзда въ болѣе теплый климатъ, А. Ѳ. Багговуть отпросился на Кавказъ. 20 февраля 1852 года онъ былъ назначенъ состоящимъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, съ зачисленіемъ по кавалеріи, и снова очутился тамъ, гдѣ за четверть вѣка передъ тѣмъ началась его боевая жизнь. Въ это время на Кавказѣ стала

выдвигаться личность князя Барятинскаго и началъ осуществляться предложенный имъ планъ покоренія воинственнаго его населенія. А. Ѳ. Багговутъ, въ отрядъ князя Барятинскаго, получилъ подъ свое начальство кавалерію лѣваго фланга кавказской линіи, состоящую изъ Гребенскаго, Моздокскаго и Донскаго № 19 казачьихъ полковъ и изъ двухъ сотенъ Дунайскаго казачьяго войска, съ шестью орудіями и двумя ракетными батареями. За удачныя дѣйствія противъ Шамиля, въ экспедицію 1852 г., А. Ѳ. Багговутъ получилъ золотую шапку съ алмазами и съ надписью: «за храбрость».

II.

Восточная война 1853—1855 гг.

На другой-же годъ послѣ вторичнаго прибытія А. Ѳ. Багговута на Кавказъ гораздо болѣе серьезныя обстоятельства, нежели венгерская кампанія или борьба съ горцами, доставили случай выказаться, въ новомъ блескѣ, военнымъ дарованіямъ этого храбраго генерала. Наступила тяжелая эпоха первой восточной войны, въ которой Россіи суждено было вынести тяжкіе уроки за ея внѣшнюю и особенно внутреннюю политику, со времени 1815 года. Дѣло шло уже не объ усмиреніи бунтовъ и не о поддержаніи стараго порядка въ Европѣ, а объ отстаиваніи политическаго могущества самой Россіи.

Какъ извѣстно, въ то время только очень немногіе умы сознавали слабость и отсталость Россіи. Напротивъ, для большинства, подъ казенною внѣшностью, среди застоя и безгласности, казалось даже, что именно у насъ все обстоитъ благополучно и что этому благоденствію можетъ только завидовать подавляемая и волнуемая внутренними „беспорядками“ Европа,—тотъ „гнилой западъ“, о разложеніи котораго высокопарно вѣщали у насъ въ то время. Само собою разумѣется, что относительно военнаго могущества Россіи не могло быть даже сомнѣнія и каждый, выразившій его, сочтенъ былъ бы за дерзновеннаго врага. Какъ извѣстно, ради этого военнаго могущества, въ теченіе долгихъ лѣтъ затрачивались главнѣйшія силы и средства страны. Эта мускульная сила представлялась надежнѣйшею опорой внѣшней

политики; она же была базисомъ и любимымъ дѣтищемъ, около котораго вращались почти все стимолы внутренней нашей политической жизни. Этой-то силѣ и былъ нанесенъ первый ударъ, въ знаменательную эпоху войны 1853—1855 гг. Какъ бы для того, чтобъ яснѣе показать, что основы могущества и благоденствія народовъ заключаются въ умственномъ, общественномъ и политическомъ ихъ ростѣ и въ непрестанномъ слѣдованіи по пути цивилизаціи, наша армія, какъ извѣстно, выказала обычныя свои доблести. Не армія была виновата въ неудачахъ и разочарованіяхъ, нанесенныхъ Россіи войною 1853—1855 годовъ. Она попрежнему выдвинула множество храбрецовъ и подвиги ея стажали уваженіе всего міра. Общія условія нашего положенія и затаенныя грѣхи нашего самообольщенія, самообманъ, боязнь свѣта и опасная борьба противъ требованій вѣка обратили въ ничто эти подвиги. Въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя совершили все зависящее отъ нихъ, чтобъ поддержать громкую славу русской арміи и не дозволить свалить на нее одну общіе грѣхи нашей умственной и политической отсталости,—одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ и А. Ѳ. Багговуту.

Какъ болѣзнь скорѣе нападаетъ на слабый или разстроенный организмъ и серьезнѣе въ немъ развивается, такъ и важность событій, наступившихъ для Россіи въ войну 1853—1855 годовъ, прежде и яснѣе всего сказалась на Кавказѣ. Цѣлые десяти лѣтъ завоеванія и умертворенія этого обширнаго края не принесли до 1853 г. никакихъ добрыхъ результатовъ. Притягательная сила оружія и полицейско-уголовныхъ мѣръ оказалась на дѣлѣ оттапливающей и разлагающей силою. Мы не сумѣли тогда привязать къ себѣ кавказское населеніе. Болѣе, нежели когда нибудь, оно пылало ненавистью и враждою. Ничего нѣтъ удивительнаго, что на турокъ горцы смотрѣли какъ на избавителей. Точно также понятно, что и врагъ старается бить противника въ самое чувствительное мѣсто и пользуется его слабыми сторонами. Турки и ихъ союзники сдѣлали все возможное, чтобъ возбудить возстаніе на Кавказѣ и въ Польшѣ. Двѣ громадныя арміи были обречены на бездѣйствіе. На Кавказѣ же, сверхъ того, пришлось подавлять возстаніе и явилось опасеніе, что непріятель вторгнется въ наши владѣнія и если не займетъ ихъ окончательно, то внесетъ смерть и раззореніе во все Закавказье, вплоть

до Кавказскаго хребта, совершивъ обычныя азіатскія нештества надъ старымъ своимъ врагомъ и естественнымъ союзникомъ нашихъ армянскимъ и грузинскимъ населеніемъ. Непріятельское вторженіе угрожало и съ моря, и съ сухопутной границы. Постъ св. Николая былъ, дѣйствительно, неожиданно занятъ турками и чрезъ прибрежную полосу горцы стали безнаказанно снабжаться оружіемъ и порохомъ. На малоазіатской же границѣ собрались значительныя силы непріятели, грозившаго занять Ахалцыхъ, Александрополь и всю Эриванскую губернію. Отвлеченныя возстаніемъ и угрожаемыя горцами, кавказскія войска могли противоставить туркамъ только самыя незначительныя отряды. Между тѣмъ, отъ исхода этого столкновенія зависѣла не только ближайшая судьба Кавказа и дальнѣйшій ростъ возстанія, но и рѣшимость явныхъ и тайныхъ союзниковъ турокъ поднять оружіе на Россію. Колеблющаяся Австрія могла скорѣе склониться къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ, если-бъ Россія не въ силахъ была бы справиться даже съ турками.

При такихъ-то обстоятельствахъ, 19 ноября 1853 года, почти одновременно съ знаменитымъ синопскимъ сраженіемъ, этой лебединою пѣснью славнаго черноморскаго флота, произошло не менѣе громкое и рѣшительное дѣло при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ.

Въ 25 верстахъ отъ Александрополя, тогдашней нашей пограничной вѣрности, турки собрали до 40,000 человекъ, въ томъ числѣ не менѣе 20,000 регулярной, правильно обученной пѣхоты, при 46 орудіяхъ. Эти силы находились подъ начальствомъ сераскира Абди-паши, который, по увѣренію многихъ, до того былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ незначительнымъ русскимъ отрядомъ, что приказалъ заготовить веревки, чтобы вязать плѣнныхъ. Съ нашей стороны, противъ этого непріятели, имѣлся отрядъ князя В. О. Бебутова: изъ 7,000 пѣхоты и 2,800 человекъ кавалеріи, при 32-хъ орудіяхъ.

На разсвѣтѣ, съ 18 на 19 ноября, поднялся нашъ лагерь и войска, отправивъ палатки и тяжести въ Александрополь, перешли пограничную рѣку Арпачай. Было свѣжее, но тихое утро. Небольшой морозъ высушилъ невылазную грязь и облегчалъ движеніе. Въ видѣ хорошаго предзнаменованія, получено было извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Андронниковымъ

надъ турками, подъ Ахалцыхомъ. Князь Бебутовъ подѣхалъ къ войскамъ и, обгоняя колонны, здоровался съ ними и поздравлялъ ихъ съ этою побѣдою. Громкое «ура» отвѣчало на привѣтствіе начальника. Начальникомъ всей кавалеріи этого отряда былъ генераль-маіоръ А. Ѧ. Багговуть.

У селенія Пирвали войска наши переправились черезъ р. Карсъ-чай и, поднявшись на возвышенность, вышли на обширное плато, со всѣхъ сторонъ замкнутое горами. Сзади ихъ бѣлѣлась снѣжная вершина Алла-геа (Божій глазъ). Лѣвѣе высился горный кражъ Аладжи, за которымъ въ утренней, прозрачной дали, за сотню верстъ, виднѣлась безконечная цѣпь горъ и на оконечности ихъ поднимался высоко къ небу ветхозавѣтный гигантъ Араратъ, съ которымъ соединено столько священныхъ для всего человѣчества преданій и столько современныхъ суевѣрныхъ легендъ. Впереди, на заднемъ планѣ картины, виднѣлись громадные, выдвинутые вулканическою силою, холмы Караяла и Кизиль-тапы, хорошо памятные теперь намъ, благодаря событіямъ войны 1877—1878 гг. Не доходя до этихъ двухъ возвышенностей, позади деревни Угузлы, съ полуразрушеннымъ, древнимъ, каменнымъ армянскимъ храмомъ, открылись густыя колонны турецкой пѣхоты и кавалеріи. Непріятель растянулся на протяженіи четырехъ верстъ и линія его представляла вогнутую дугу. Передъ самымъ фронтомъ турокъ, въ видѣ естественнаго прикрытія, тянулся довольно широкій оврагъ, съ крутыми берегами. Чтобы достигнуть неприятели, нашимъ войскамъ приходилось спуститься въ этотъ открытый для выстрѣловъ оврагъ, перейти его подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и подняться на противоположную крутизну.

Не смотря на 17 верстный переходъ, отрядъ князя Бебутова построилъ боевой порядокъ и, безъ отдыха, началъ наступленіе. Одинъ русскій приходился на четверыхъ турокъ; неприятели стояли густыми рядами и дугою огибали наши растянувшіяся линіи; но это были храбрые, закаленные въ бояхъ и опасностяхъ, кавказцы! Непріятель до того былъ увѣренъ въ своей силѣ, что молча встрѣтилъ это наступленіе и безъ выстрѣла двинулъ на встрѣчу намъ свои передовыя войска. Удивительное, рѣдкое зрѣлище представилось тогда участникамъ боя. Сраженіе завязывалось безъ грохота орудій и среди чистаго, не затянутаго

пороховымъ дымомъ, воздуха нѣкоторое время слышались только звуки музыки и барабана, какъ на мирномъ парадѣ. Можно было вообразить, что люди эти сходились для дружескихъ привѣтствій, а не для убійства и смерти. Но вотъ по каменистой почвѣ застучали колеса пушекъ и наши батареи выскакали на позицію, чтобъ поддержать передовые баталіоны. Вспыхнулъ клубъ дыма изъ крайняго орудія и одинокій, гулкій выстрѣлъ пронесся далеко по полю. Первое ядро перенеслось черезъ головы нашихъ войскъ и бухнуло впереди турокъ. Какъ-бы ожидая этого сигнала, двадцати-пушечная турецкая батарея, прикрывавшая правый флангъ и центръ непріятеля, разомъ открыла огонь, и туча осколковъ чугуна пронеслась по нашимъ рядамъ. Однимъ изъ отвѣтныхъ выстрѣловъ нашихъ взорванъ былъ турецкій зарядный ящикъ. Громвое „ура!“ привѣтствовало эту удачу, служившую какъ-бы предвозвѣстникомъ побѣды. Но до побѣды было еще далеко...

Пушечная пальба и присоединившіеся къ нимъ ружейные выстрѣлы стрѣлковъ разгорѣлись по всей линіи. Такъ какъ преимущество огня, благодаря числу орудій, было на сторонѣ турокъ, то князь Бебутовъ, не желая подвергать войска напраснымъ потерямъ, отдалъ приказаніе о безостановочномъ наступленіи. Цѣлью нападенія была избрана указанная турецкая батарея, около которой скопились главнѣйшія массы турокъ.

Но пока наши войска лѣваго фланга и центра двигались въ этомъ направленіи, турецкая пѣхота и кавалерія стали надвигаться и огибать нашъ правый флангъ. Нападеніе это было отбито; но турки ежеминутно обнаруживали готовность возобновить наступленіе съ лѣваго фланга, продолжая грозно стоять въ центрѣ и на правомъ своемъ флангѣ. Скоро стало ясно, что малѣйшая неудача нашихъ войскъ, наступавшихъ на 20-ти пушечную батарею, поведетъ къ общей потерѣ сраженія. Всѣ заботы начальниковъ устремлены были къ поддержанію и обезпеченію успѣха этой атаки. Вслѣдъ за первою, и вторая линія нашихъ войскъ ввязалась уже въ бой, не имѣя почти резервовъ. Движеніе продолжалось безостановочно, подъ самымъ жаркимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Ряды быстро таяли; не только уцѣлѣвшіе, но и раненые шли впередъ. Къ удивленію, турки стойко держались. Перемѣшавшіеся роты и баталіоны, потерявъ многихъ

офицеровъ и начальниковъ, были уже въ двадцати шагахъ отъ непріятельской батареи, скрываясь за крутизною высоты, на которой стояли турки.

Всякій разъ, когда, переводя духъ, наши войска подымались изъ-за закрытія и бросались впередъ, картечь и тысячи пуль обдавали ихъ со всѣхъ сторонъ и приостанавливали движеніе. Наступила та передышка боя, послѣ которой надо или побѣдить, или, послѣ новаго отчаяннаго усилія, отступить, уступая многочисленности и поддаваясь нравственной и физической истомѣ. Въ эту самую критическую минуту сраженія, когда пѣхота наша напругала послѣднія силы, чтобъ сбить турокъ съ ихъ позиціи и завладѣть ихъ орудіями, слѣва отъ насъ и сзади непріятельскихъ колоннъ раздается громкое, побѣдное „ура“ и топотъ кавалерійской атаки. Это былъ тотъ молодецкій валетъ Багговута, который послужилъ рѣшительнымъ толчкомъ сраженія и обратилъ его въ нашу пользу.

Еще въ началѣ сраженія, начальствуя кавалеріею нашего лѣваго фланга, Багговуть имѣлъ назначеніе поддерживать наступленіе нашей пѣхоты и обезпечивать ее отъ покушеній турецкой кавалеріи. Съ этой стороны, турки располагали нѣсколькими тысячами всадниковъ, большею частью курдовъ. Конными толпы эти неоднократно пытались наброситься на нашъ лѣвый флангъ, но всякій разъ ихъ отгоняла кавалерія Багговута (два дивизиона нижегородскихъ драгунъ и семь сотенъ линейныхъ казаковъ, съ дивизиономъ казачьей батареи). Когда наша пѣхота приблизилась къ непріятельской позиціи, генераль-маіоръ Багговуть, желая обезпечить своей кавалеріи свободу дѣйствія и поддержать это наступленіе, самъ атаковалъ турецкихъ всадниковъ. Отгнавъ ихъ далеко, нѣкоторыя части нашей кавалеріи очутились съ боку непріятельскихъ пѣхотныхъ колоннъ. Быстро оцѣнивъ выгоду этого положенія и не давая опомниться непріятелю, Багговуть привазалъ казакамъ заскакать еще болѣе въ тылъ туркамъ, а самъ съ нижегородскими драгунами ударилъ во флангъ турокъ. Хотя турецкія войска здѣсь состояли изъ низама и встрѣтили атаку стройными каре, но ничто не устояло передъ безсмертными нижегородцами. Драгуны врѣзались въ турецкіе ряды и, поддержанные казаками, проложили широкую дорогу къ непріятельской батарее съ тыла. Завидѣвъ каски и шапки драгунъ,

наша пѣхота подхватила побѣдное „ура!“ и бросилась на турецкія орудія съ фронта. Непріятель дрогнулъ и побѣжалъ въ безпорядкѣ; только одни артиллеристы оказали упорное сопротивленіе и всѣ были перебиты у захваченныхъ нами орудій. Довершая дѣло пораженія, кавалерія Багговута безостановочно гнала турокъ и завладѣла ихъ лагеремъ. Лѣвое крыло турокъ, хотя и пробовало оспаривать побѣду, но скоро вынуждено было, въ свою очередь, бѣжать передъ остальными нашими войсками, незамедлившими перейти въ общее наступленіе. Только наступившіе сумерки положили конецъ преслѣдованію.

Чтобъ выяснитъ все значеніе, которое для Башвадыкларской побѣды имѣли дѣйствія Багговута, приводимъ слѣдующую выписку изъ современнаго описанія этого славнаго для русской арміи боя. Упомянувъ, что турки держались очень стойко, очевидецъ говоритъ: „Ихъ артиллерія, съ хладноврѣіемъ выше всякихъ похвалъ, заряжала и стрѣляла въ насъ въ упоръ даже тогда, когда мы были на 25 шаговъ отъ орудій. Нѣсколько минутъ съ обѣихъ сторонъ продолжался батальный огонь. Въ этотъ мигъ пронесся черезъ рѣчку черный значекъ генерала Багговута; линейные казаки опрокинули непріятельскихъ уланъ, а 4-й драгунскій дивизіонъ, обогнувъ турецкія линія, сзади врубился въ нихъ. Крики обскакавшихъ непріятельскую пѣхоту драгунъ: „бросай оружіе!“ — громомъ раздались по полю. Взводъ донской артиллеріи, проскакавъ по камнямъ, гдѣ не было никакой дороги, ударилъ во флангъ картечью на 50 шаговъ. Гренадерская бригада, вздохнувъ отъ крутаго подъема, опять опустила штыки и врѣзалась во фронтъ непріятеля. Турецкая масса зашаталась и дрогнула. Задніе турецкіе баталіоны спѣшили построиться въ каре, съ орудіями по угламъ и, надо сказать, не смотря на критическую минуту, сдѣлала это построеніе съ удивительнымъ порядкомъ. Да только для старыхъ нижегородскихъ драгунъ не существуетъ никакой каре! Третій дивизіонъ пошелъ мѣрною рысью на фланговый баталіонъ. Турки встрѣтили его залпомъ и картечью на 25 шаговъ; вмѣстѣ съ грохотомъ выстрѣловъ раздалась команда „марш-марш!“ и въ ту же секунду лошадь дивизіонера ¹⁾ была под-

¹⁾ Надо думать, что рѣчь идетъ здѣсь о храбромъ Петровѣ, впоследствии генералѣ. здравствующемъ, сколько извѣстно, и до сихъ поръ. Г. Г.

нята на штыки и драгуны сидѣли уже въ срединѣ каре. Какъ стоялъ баталіонъ, такъ онъ и легъ четырехугольникомъ. Съ этой минуты правое турецкое крыло — 12 баталіоновъ и 6 эскадроновъ, уже и не пробовало держаться. Оно отхлынуло по направленію своего лѣваго фланга. Генераль Багговуть настѣлъ на него съ драгунами и линейными казаками и косилъ его, какъ косать въ полѣ траву“¹⁾).

Другой очевидецъ и участникъ этого боа, хорошо извѣстный читателямъ „Русской Старины“, покойный Дмитрій Романовскій (впослѣдствіи генераль и кавалеръ Георгія 3-й степени), въ слѣдующихъ словахъ передаетъ о подвигѣ Багговута: „Начальникъ кавалеріи, пользуясь тѣмъ, что непріятель обратилъ все вниманіе на атакующую его пѣхоту, стаянулъ всю оставшуюся свободную кавалерію, скрытно провелъ ее черезъ оврагъ, до того времени сильно обстрѣливаемый, и въ тотъ самый моментъ, когда непріятель, пользуясь своимъ превосходствомъ и утомленіемъ штурмовавшихъ войскъ, собирался нанести имъ рѣшительный ударъ, атаковалъ его съ тылу. Съ этой минуты дѣло здѣсь было рѣшено въ нашу пользу: скоро 20 непріятельскихъ орудій, находившіяся на его правомъ флангѣ и въ центрѣ, были въ нашихъ рукахъ, и войска его обращены въ бѣгство“²⁾).

Башкадыкларская побѣда, 19 ноября 1853 года, обезпечила успѣхъ войны и спокойствіе на Кавказѣ почти на цѣлый годъ. Она совпала съ синопскимъ разгромомъ турокъ, эскадрою Нахимова (18 ноября), и была почтена въ Россіи особымъ торжествомъ. Въ № 270 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ было напечатано слѣдующее извѣщеніе:

„С.-Петербургъ. Отъ Двора его императорскаго величества черезъ сіе объявляется господамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, фрейлинамъ, господамъ придворнымъ кавалерамъ и всѣмъ, кто ко Двору пріѣздъ имѣеть.

„По случаю блистательной побѣды, одержанной російскими войсками, 19 минувшаго ноября, подъ командою генераль-адъютанта князя Бебутова, между Александрополемъ и Карсомъ, надъ

¹⁾ «Разсказъ офицера, бывшаго подъ Кадыкларомъ», «Кавказъ», 1854 г., №№ 1 и 2.

²⁾ «Кавказъ», 1854 г. № 89.

турецкими войсками, предводительствуемыми сераскиромъ эрзерумскимъ, государь императоръ повелѣть соизволилъ: съѣзжаться всѣмъ вышенисаннымъ особамъ, а также гвардіи, арміи и флота штабъ и оберъ-офицерамъ, въ воскресенье, сего декабря 6-го числа, въ 2 часа пополудни, въ Зимній дворець, для слушанія благодарственнаго молебствія, и быть дамамъ въ русскомъ платьѣ, а кавалерамъ въ парадныхъ мундирахъ; собираться же на половинѣ государя императора“.

Такое-же торжественное молебствіе, по случаю этой побѣды, было отслужено, 8-го декабря, въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, митрополитомъ Филаретомъ, въ присутствіи тогдашняго московскаго генераль-губернатора графа А. А. Закревскаго и другихъ высшихъ чиновъ Москвы, съ провозглашеніемъ многолѣтія „побѣдоносному, христіюлюбивому Россійскому воинству“.

Императоръ Николай I написалъ особый рескриптъ на имя князя Воронцова (Михаила Семеновича), главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, пожаловалъ св. Георгія 2-й степени князю Бебутову и щедро наградилъ участниковъ башкадыкларской побѣды. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 4 декабря 1853 года, между прочимъ, было сказано: „производится: за отличіе въ сраженіи противъ турокъ, 19-го ноября сего года, изъ генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты, по кавалеріи: состоящій при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ для особыхъ порученій Багговуть 1-й“. Кромѣ этой награды, по удостоенію кавалерской думы, генераль Багговуть получилъ Георгія 3-й степени, за то же Башкадыкларское дѣло.

По условіямъ прежнихъ вооруженныхъ столкновеній между государствами, войны не оканчивались такъ быстро, какъ теперь, а длились нѣсколько лѣтъ, медленно развивая и истощая силы противниковъ. Восточной войнѣ 1853—1855 годовъ суждено было явиться послѣднимъ примѣромъ подобныхъ войнъ, благодаря тому обстоятельству, что на одной сторонѣ была такая могущественная военная держава, какъ Россія, а къ врагамъ ея постепенно, сначала тайно, а потомъ и открыто, присоединялись сильныя союзники, которымъ суждено было доказать, что на одну матеріальную силу опасно полагаться и что внутренній застой, умственная и общественная отсталость рано или поздно наказуются. Приостановившаяся на зиму и весеннюю распу-

тицу война возгорѣлась съ новою силою въ 1854 году. Хотя явный разрывъ съ Англіею и Франціею послѣдовалъ уже въ апрѣль 1854 года ¹⁾, но до осени борьба продолжалась только съ турками. Было очень важно возможно болѣе ослабить хотя этого врага, до столкновенія съ болѣе грознымъ непріателемъ. На Дунаѣ это не удалось и русская армія вынуждена была, по политическимъ и военнымъ соображеніямъ, подъ вліяніемъ угрозъ со стороны Австріи, не только снять осаду Силистріи и очистить Дунайскія княжества, но и принять борьбу на русской территоріи. На Мало-Азіатскомъ театрѣ войны обстоятельства сложились для насъ благоприятѣе. Собранныя здѣсь новыя турецкія силы опять потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ кавказской арміи, въ тотъ самый моментъ, когда турки возобновили свое наступательное движеніе на Закавказье. Этотъ благоприятный результатъ достигнутъ былъ сраженіемъ 24 іюля 1854 года, при армянскомъ селеніи Кирюкъ-Дара.

Въ этой побѣдѣ генералъ Богговуть опять принималъ видное участіе. Турки занимали укрѣпленный лагерь при сел. Хаджи-Вали, въ 18 верстахъ впереди Карса, и успѣли сосредоточить здѣсь до 60,000 человекъ. Наши силы заключались въ 18 баталіонахъ пѣхоты, 26 эскадронахъ драгунъ и 6 сотенъ казаковъ, при 56 орудіяхъ. Рано утромъ, 24-го іюля, турки вышли изъ своего лагера, предполагая неожиданно напасть на нашъ отрядъ. Во-время предупрежденія, наши войска не только приготовились къ борьбѣ, но и отвѣчали непріятелю встрѣчнымъ нападеніемъ. Сраженіе продолжалось съ 5 часовъ утра до 1 часу пополудни. Утомленные боемъ и жарою, войска не могли настойчиво преслѣдовать разбитаго непріятеля, но въ рукахъ ихъ остались 15 турецкихъ орудій, съ 16 зарядными ящиками, 4 штандарта, 20 знаменъ, множество оружія и 2,018 плѣнныхъ регулярной турецкой пѣхоты.

Уронъ турокъ простирался до 10,000 человекъ и разстроенныя силы ихъ укрылись подъ укрѣпленія Карса, не помышляя уже о наступленіи.

Не касаясь всѣхъ подробностей этого боя, ограничимся лишь

¹⁾ Манифестъ о войнѣ съ Франціею и Англіею подписанъ 11-го апрѣля 1854 года, днемъ раньше манифеста о войнѣ 1877 года.

указаніемъ, что успѣху его, какъ въ началѣ сраженія, такъ и въ концѣ его, много содѣйствовали блистательныя атаки нашей кавалеріи, сначала на лѣвомъ, а потомъ и на правомъ флангахъ. Дѣйствіями-же кавалеріи, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, непосредственно руководилъ генераль Багговуть.

Въ подробномъ описаніи этого кровопролитнаго сраженія князь Бебутовъ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ послѣднія рѣшительныя минуты боя, въ которыхъ главная роль выпала на долю Багговута:

„До конца 8 часа лѣвый флангъ турокъ былъ занятъ многочисленными массами иррегулярной кавалеріи, двумя полками уланъ, не слишкомъ опасными безъ ихъ пѣхоты, и нѣсколькими орудіями, отвѣчавшими на наши выстрѣлы. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно многочисленная иррегулярная кавалерія, двигаясь въ обходъ оконечности нашего праваго фланга, выказала намѣренія непріятеля и заставила насъ далеко растануть линію. Къ 8-ми часамъ турки отчасти выставили, отчасти скрыли въ оврагахъ на своемъ лѣвомъ флангѣ отъ 14 до 16 баталіоновъ, три батареи и нѣсколько уланскихъ полковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ баша-бузуки стали сильно напирать на казаковъ и милицію, съ очевидною цѣлью зайти намъ въ тылъ. Въ это время я двинулъ на правый флангъ шесть ротъ Ражскаго полка съ дивизиономъ артиллеріи, прикрывавшихъ фербантъ и парезъ (оставшіеся затѣмъ подъ прикрытіемъ только двухъ ротъ) и приказалъ начальнику кавалеріи, генераль-лейтенанту Багговуту, привести съ собою сколько оставалось еще свободной конницы и принять начальство надъ правымъ флангомъ¹⁾. Генераль Багговуть прибылъ на мѣсто съ дивизиономъ драгунъ его императорскаго высочества Николая Николаевича полка (тверскіе драгуны, доблестные сотоварищи нижегородцевъ), тремя донскими сотнями № 20 полка и двумя конно-ракетными командами. Дѣло было тогда въ такомъ положеніи: двѣ сильныя турецкія батареи громили фронтъ нашей кавалеріи облическа, съ двухъ сторонъ; пѣхота турецкая стояла въ нѣсколько линій на близкій пушечный выстрѣлъ; огромныя толпы баша-бузуковъ и я бедуиновъ, поддержанныя регулярной кавалеріей, полкомъ пѣхоты и батареей, и сзади еще пѣхотой, обходили и тѣснили оконечность нашего праваго фланга. Они думали безъ труда

разсѣять милицію артиллерійскимъ огнемъ; но смѣлый начальникъ ея, князь Андронниковъ, умѣлъ удержать ее въ рядахъ и, все заходя вправо, противъ обходнаго движенія непріятеля, хотя съ большимъ трудомъ, но сдерживалъ его напоръ. Лѣвѣе, три сотни линейцевъ полковника Скобелева (отца Михаила Дмитріевича), содержащія съ милиціей связь, не смотря на рѣшительность своего начальника и на самое стойкое мужество казаковъ, не могли сдѣлать шагу впередъ противъ непріятеля, вдесатеро многочисленнѣйшаго. Вполнѣ надѣясь, что драгуны полка его сіятельства генераль-фельдмаршала (Паскевича) и батарея долго еще задержатъ натискъ непріятеля, если-бъ онъ рѣшился наступать даже всей линіей, я приказалъ генералу Багговуту обратить главное вниманіе на оконечность фланга ¹⁾. Не было уже сомнѣнія, что непріятель подвелъ свои массы для того, чтобъ сбить нашъ правый флангъ и обойти насъ съ тыла. Нельзя было терять времени. 6 ротъ рязцевъ поставлены въ двухъ мѣстахъ позади нашей иррегулярной конницы, какъ опорные пункты; сводно-линейный полкъ придвинуть къ тремъ сотнямъ. Чтобъ сколько нибудь отбить непріятеля и дать себѣ просторъ, генералъ Багговуть выдвинулъ впередъ конно-ракетныя команды, подъ прикрытіемъ трехъ донскихъ сотенъ. Ракеты, взвиваясь между лошадьми огненными змѣями, сразу навели ужасъ на баши-бузуковъ—они отхлынули. Пользуясь этой минутой, генералъ Багговуть обратился къ своимъ войскамъ: „Ребята, — сказалъ онъ, — лѣвый флангъ и центръ побѣдили; очередь за одними вами; ура! царю нашему!“ Ура грянуло по полю. Три сотни полковника Скобелева, за нимъ полкъ Камкова, 3 сотни Донцовъ и конно-мусульманская бригада, поддержанные дивизиономъ драгунъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка, ринулись впередъ. Наши казаки, оплачивая туркамъ за свое вынужденное бездѣйствіе, врѣзались стремительно въ ихъ толпы, между тѣмъ какъ мусульманскіе всадники облетѣли ихъ справа. Вся масса непріятельской иррегулярной конницы, обходявшая нашъ флангъ, была опрокинута сразу и бѣжала въ рассыпную. Сотни полковника Скобелева, съ частью донскаго № 20

¹⁾ До полученія этого приказанія, генералъ Багговуть руководилъ, какъ уже сказано, блистательными дѣйствіями кавалеріи на лѣвомъ флангѣ и содѣйствовалъ пораженію лѣваго крыла турокъ.

полка, сейчасъ же заворотили правымъ плечомъ на поддерживавшій баши-бузуковъ дивизионъ конной артиллеріи, прикрываемой регулярною кавалерією, и, изрубивъ прислугу, выхватили изъ него три орудія. Уланскій турецкій полкъ, пытавшійся удержать преслѣдованіе, былъ мгновенно атакованъ съ фронта сотнями полковника Скобелева, донцами и дивизиономъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка, а съ фланга линейцами Камкова, и тутъ же опрокинуть и почти весь истребленъ. Разскакавшіеся линейцы пролетѣли вслѣдъ за нимъ сквозь интервалы турецкихъ баталіоновъ. Пѣхотный турецкій полкъ, поддерживавшій обходившую насъ кавалерію, сталъ, однако же, крѣпко. Нѣсколько ротъ рязцевъ, храбро двинувшихся на столь превосходныя силы, были удержаны батальнымъ огнемъ и турецкіе баталіоны сами пошли на нихъ въ штыки. Въ это мгновеніе дивизионъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка налетѣлъ на нихъ, не далъ имъ даже остановиться и далеко отбросилъ назадъ. Присланные изъ подъ горы эскадроны фельдмаршальскаго (Паскевича) полка, пиканерный дивизионъ того же полка, отправленный мною на подкрѣпленіе генералу Багговуту, казаки, дивизионъ 6-й донской батареи и дивизионъ линейный бросились тогда на этотъ полкъ“.

Далѣе изъ описанія князя Бебутова видно, что успѣшныя дѣйствія генерала Багговута на правомъ нашемъ крылѣ были подкрѣплены войсками центра, освободившимися въ тому времени, и турки понесли окончательное пораженіе и на лѣвомъ своего флангѣ, откуда пытались охватить нашъ отрядъ. Турки, послѣ упорнаго сопротивленія, обратились въ бѣгство. „Драгуны, казаки, мусульманскіе всадники полковника Лорисъ-Меликова (Михаила Таріеловича, въ послѣдствіи графа и генерала отъ кавалеріи) и грузинская дружина топтали и рубили эти толпы. Въ первомъ часу только прекратилось преслѣдованіе, по изнеможенію людей и лошадей“¹⁾.

Новыя боевыя отличія, оказанныя генераломъ Багговутомъ въ сраженіи при Кюрюкъ-Дарѣ, открывали, казалось, ему путь къ еще болѣе видной и успѣшной военной карьерѣ. Донося объ

¹⁾ Изъ донесенія князя Бебутова отъ 19 августа 1854 года, за № 1546, помѣщеннаго въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1854 г., №№ 206 и 207.

этой побѣдѣ, князь Бebutовъ не скрылъ заслугъ Багговута и отмѣтилъ въ своей первой же реляціи, что успѣшнымъ исходомъ этого сраженія онъ обязанъ, между прочимъ, „начальнику кавалеріи, генераль-лейтенанту Багговуту“, который „переносился съ одного фланга на другой, дабы направлять кавалерійскія атаки“, имѣвшія, какъ уже сказано, рѣшительное значеніе въ этомъ дѣлѣ и причисленные къ славнѣйшимъ подвигамъ русской кавалеріи. Не смотря на все это, по странному капризу судьбы, сраженію при Кюрюкь-Дарѣ суждено было явиться послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи боевыхъ отличій А. Ф. Багговута. Съ 24 іюля 1854 года „военное счастье“ какъ-бы оставляетъ Багговута и онъ лишается возможности развить свои военные таланты. Тѣ закулисныя обстоятельства и условія службы, которыя не попадаютъ въ реляціи и приказы, но оставляютъ часто глубокой слѣдъ на событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ личностей, побудили А. Ф. Багговута покинуть Кавказъ въ томъ-же 1854 году. По крайней мѣрѣ, вся кампанія 1855 года, происходившая уже подъ начальствомъ Муравьева (Николая Николаевича), совершилась помимо участія Багговута, да едва-ли и могла-бы доставить особенно видные случаи къ примѣненію военныхъ способностей Багговута, такъ какъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на осадѣ Карса, а не на полевыхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, Багговуть умѣлъ всегда такъ удачно опредѣлять существеннѣйшія условія побѣды и быстро, умѣло наносить рѣшительные удары противнику, не ожидая инструкцій и приказаній. Возвратившись въ Россію, Багговуть могъ разсчитывать, что услуги его потребуются и развернутся на просторѣ на южномъ и западномъ театрѣ войны, гдѣ цѣлая армія находилась въ вынужденномъ бездѣйствіи, но въ ежеминутной готовности выступить на борьбу съ новымъ врагомъ, занимавшимъ угрожающее положеніе. На это тягостное для всякаго доблестнаго воина бездѣйствіе обреченъ былъ и Багговуть, находясь въ рядахъ западной арміи (Паскевича) и оставаясь отдаленнымъ зрителемъ той кровавой бойни, которая почти цѣлый годъ длилась на севастопольскихъ бастіонахъ.

По заключеніи мира, Россія, отрезвленная и вразумленная горькимъ опытомъ Крымской войны, сосредоточила все свое

вниманіе на внутреннемъ развитіи и вступила на путь тѣхъ плодотворныхъ преобразованій, которыя обновили ея бытъ и должны были, въ концѣ концовъ, удесятерить ея силы и политическое вліяніе гораздо устойчивѣе, шире и вѣрнѣе, нежели самыя удачныя войны. Все военное и воинственное, по закону реакціи, отошло надолго на задній планъ, послѣ одностороннаго, почти безраздѣльнаго тридцатилѣтняго господства, съ которымъ развѣ соперничало только одно полицейское тяготѣніе надъ всѣми сторонами русской жизни, не исключая умственной и нравственной. Весьма понятно, что такимъ личностямъ, какъ Багговутъ, воспитаннымъ для войны и взросшимъ среди казарменныхъ и лагерныхъ условій жизни и военно-полицейскаго бюрократизма, пришлось испытать на себѣ тягостное сознаніе, что они отжившіе, лишніе и, во всякомъ случаѣ, временно не нужные люди. Благодаря своему природному развитію, правдивости и отсутствію узкаго себялюбія, Багговутъ понялъ всю законность того направленія, въ которое вступила Россія. Онъ не могъ не раздѣлять справедливости тѣхъ идей, которыя легли въ основу преобразованій, и вполне сочувствовалъ всякому шагу, предпринятому въ той цѣли, чтобъ наверстать почти полувѣковую отсталость Россіи отъ общественныхъ и политическихъ условій жизни образованнаго міра. Извѣстныя военныя реформы, встрѣченныя такою враждою со стороны огромнаго большинства истинныхъ воспитанниковъ и вскормленниковъ николаевскаго времени, не вызвали ни явной, ни затаенной вражды въ Багговутѣ. Напротивъ, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, онъ понялъ, что истинные военные интересы зависятъ отъ успѣха этихъ преобразованій. Находясь мыслью и душею на сторонѣ наступившихъ новыхъ условій жизни, Багговутъ, однако, не былъ подготовленъ къ сколько-нибудь дѣятельному въ нихъ участию. Ему оставалось играть только пассивную роль и не мѣшать, не подбрасывать камней на пути другихъ. Не будучи и не желая находиться въ рядахъ вѣрнопостниковъ и противниковъ обновленія Россіи и арміи, Багговутъ не могъ находиться и въ числѣ видныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи. Багговутъ ступежался, отошелъ въ сторону.

Событія 1863 года застали Багговута въ Кіевѣ, гдѣ онъ находился въ распоряженіи командующаго войсками. Слабое раз-

витіе возстанія въ югозападномъ краѣ хотя и вызвало на короткое время Багговута къ военной дѣятельности, но, какъ участникъ гораздо болѣе грозныхъ событій 1831 года, самъ Багговуть не могъ придавать этому дѣлу особаго значенія. На новую попытку поляковъ онъ смотрѣлъ скорѣе всего какъ на историческое, традиціонное заблужденіе, продиктованное скорѣе долго воспитаннымъ принципомъ, нежели враждою и яснымъ сознаниемъ. Онъ относился къ возстанію скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ печальному событію, а не какъ удобному случаю для служебныхъ отличій и личныхъ стяжаній.

Находясь въ невольномъ бездѣйствіи, А. Ѳ. съ радостью принималъ, въ концѣ 1860-хъ годовъ, назначеніе, которое вполне удовлетворяло его самолюбію, соответствовало боевымъ его заслугамъ, давало средства къ жизни и не требовало никакой умственной или нравственной ломки. Онъ былъ назначенъ военнымъ членомъ въ Капитулъ орденовъ. На этомъ почетномъ и спокойномъ мѣстѣ, произведенный въ генералы отъ кавалеріи, отпраздновавъ въ 1875 году свой 50-лѣтній юбилей и съ доброжелательною завистью слѣдя за событіями войны 1877 — 1878 годовъ — Александръ Ѳедоровичъ Багговуть закончилъ свою жизнь 2 мая 1883 года.

Современники, съ благодарностью вспоминая о боевыхъ заслугахъ А. Ѳ. Багговута, должны оцѣнить и то, что ни въ николаевское время, ни въ послѣдніе годы минувшаго царствованія покойный не былъ ни слугою, ни приверженцемъ застоя и вѣтхой самобытности. Остается прибавить, что въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, домъ Багговута представлялъ всегда самый радушный, непринужденный, чуждый всякой натянутости и скуки, гостепріимный пріютъ для знакомства и дружбы.

Г. К. Градъскій.

22 іюня 1884 г.
Спб.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1883 г. ¹⁾.

Январь—августъ.

Январь 1. Новый годъ встрѣчалъ у Деля и провелъ нѣсколько часовъ въ приятномъ обществѣ пепиньерокъ и классныхъ дамъ Смольнаго монастыря. Вообще онѣ очень милы и гораздо образованиѣ дѣвицы, воспитанныхъ въ гостинныхъ.

2. По утру писалъ свою университетскую рѣчь, которую готовлю къ печати. Занимался съ полковникомъ Сутгофомъ русскою словесностью. Въ канцелярiи накопилась масса дѣлъ. Объявилъ согласiе преподавать словесность въ Аудиторскомъ училищѣ. Вечеромъ былъ съ Печеринымъ въ театрѣ. Играли оперу-водевиль: «Пажы Фридриха Втораго»—пустенькую, но довольно забавную пьесу, и «Разводъ», интрига которой хорошо ведена.

Дюръ—отличный актеръ: онъ живо и непринужденно играетъ.

Сегодня Екимовъ просилъ позволенiя прочесть мнѣ переводъ свой Шекспирова «Купца». Я назначилъ ему пятницу. Былъ у меня Курторга старшiй. Онъ получилъ степень доктора медицины. Это мыслящая голова, самостоятельная. Онъ намѣренъ жить по человѣчески, а не по школьному.

7. Сегодня въ 5 часовъ утра прiѣхалъ съ балу отъ Германа. Тамъ было много монастырокъ. Онѣ всѣ такъ ласковы ко мнѣ. Дѣвицы Александра Слонецкая и Эмилиа Германъ мыслящiя и образованныя. Бесѣда съ ними очень прiятна.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60.

Старикъ Германъ оканчиваетъ Аристиповски свое земное поприще. Онъ уменъ, любезенъ по своему, хитеръ. Съ нимъ были у меня маленькія размолвки, но теперь онъ, кажется, пересталъ на меня посягать. Тимаевъ, его помощникъ, человѣкъ добрый и съ образованіемъ, но слабъ характеромъ; ему хотѣлось, чтобы я преподавалъ словесность въ Екатерининскомъ институтѣ по его неполному руководству. Я отвергъ это и долженъ сказать, что онъ не выказываетъ никакого неудовольствія.

10. Всѣ эти дни я провелъ дома, за перепиской моей вступительной лекціи въ университетѣ, которою желалъ бы нѣсколько изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное, какъ я опасаясь, произнесеніемъ ея или, лучше сказать, импровизаціей. Я читалъ ее въ воскресенье Галичу. Онъ очень доволенъ ею. Не нашелъ ни одной мысли, не соотвѣтствующей дѣлу. Горячо одобрилъ изложеніе нѣкоторыхъ частей ея, за то въ другихъ желалъ бы видѣть меньше рѣзкости и пылу.

11. Начались лекціи въ институтѣ. Классы почти пусты, потому что большая часть дѣвицъ больны.

Въ городѣ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія: боль горла, головы, непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ—вотъ признаки ея; впрочемъ, она не опасна.

Былъ у Штерича. Хотя ему теперь и лучше, но у него, кажется, начало чахотки. Я люблю его. Онъ благороденъ, добръ, постигаетъ все прекрасное и возвышенное; у него есть воображеніе и при томъ самое утонченное свѣтское образованіе. Обращеніе его исполнено мягкости и прелести, происходящихъ не отъ формъ, а отъ души. Онъ постигъ искусство нравиться въ его самомъ привлекательномъ видѣ, т. е. любовью склоняя къ себѣ сердца.

14. Былъ, между прочимъ, сегодня у инспектора классовъ Воспитательнаго дома, Александра Григорьевича Ободовскаго. Онъ просилъ меня взять на себя преподаваніе русской словесности въ классѣ гувернантокъ. Но я далъ уже слово инспектору Аудиторскаго училища и не имѣю больше времени.

Впрочемъ, какъ мои занятія въ Воспитательномъ домѣ могли бы начаться не раньше, какъ черезъ два мѣсяца, то до тѣхъ поръ еще многое можетъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что могъ бы принести больше пользы, образуя воспитательницъ будущаго поколѣнія, нежели солдатъ.

Вчерашняя пятница была у меня бѣдва посѣтителями. Эпидемическая болѣзнь, которую называютъ гриппомъ, многихъ засадила дома. Между прочимъ, былъ Кирѣевъ, авторъ трагедіи «Тассъ». Это человѣкъ съ горячею, оригинальною душою и свѣтлымъ умомъ. Рѣчи

его отзываются горькою иронією на жизнь вообще и на жизнь русскую въ особенности—жизнь солдатскую преимущественно. Онъ служить адъютантомъ у Клейнмихеля.

Ободовскій показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ. Какъ педагогъ, онъ смотритъ на вещи яснымъ окомъ, какъ человѣкъ—онъ проникнуть стремленіемъ сдѣлать, сколь возможно, болѣе добра на благородномъ поприщѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ. Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ служить.

Сегодня меня очень порадовало въ институтѣ первое отдѣленіе. Я дѣлалъ неожиданную репетицію. Дѣвицы отвѣчали превосходно. Мнѣ кажется—главное достигнуто. Души ихъ раскрылись къ принятію тѣхъ идей, которыя я желалъ бы вдохнуть въ нихъ. Между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ.

Менѣ доволенъ я сегодня своею университетскою лекціей «О пѣсни и элегій». Никакъ не могу до сихъ поръ наладить своего дѣла здѣсь, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не чувствовать сильнаго недовольства собой.

20. Наконецъ, и меня прихватилъ гриппъ. Но такъ какъ сегодня пятница, то меня, по обыкновенію, посѣтили нѣкоторые изъ пятничныхъ завсегдатаевъ. Екимовъ читалъ свой переводъ Шекспировой драмы «Венеціанскій купецъ». Онъ оставилъ у меня эту пьесу и «Лира», котораго тоже перевелъ. Послѣдній принять уже на сцену. Женщина въ злодѣяніи отлична отъ мужчины. Одна предпочитаетъ дѣйствовать ядомъ, другой кинжаломъ. Такъ и должно быть. Хотя бы женщина была самъ дьяволъ, она не можетъ любить крови.

26. Въ институтѣ у меня въ классѣ былъ Виладовъ вмѣстѣ съ Гулакомъ-Артемовскимъ, профессоромъ харьковскаго университета и членомъ совѣта тамошняго женскаго института.

Я экзаменовалъ дѣвицъ. Онѣ робѣли, но отвѣчали хорошо, только говорили немного тихо. Инспектрисса замѣтила, что я не лучшихъ вызывалъ. У насъ все дѣлается для парада и показа.

Азія посылаетъ новый бичъ на Европу.—какую-то язву. Говорятъ, она уже показала въ Оренбургѣ. Это горячка тифусъ.

29. Погода ужасная. Дождь. Снѣгъ на улицахъ почти совсѣмъ исчезъ. Въ городѣ очень много больныхъ. Много также умираетъ. Это не зараза, однако, особаго рода эпидемія. Какъ бы то ни было, люди гибнутъ, какъ мухи.

Вчера до четырехъ часовъ провелъ на балу у Германа. Когда нибудь съ бала да въ могилу. Но, говорить поэтъ, есть упоеніе на краю бездны. У Германа между чиновниками велся продолжительный

и скучный разговоръ о наградахъ, конми осыпаны трудившіеся надъ составленіемъ свода законовъ. Звѣзды, чины, аренды и деньги посыпались, какъ градъ, на этихъ людей. Чиновники въ страшномъ волненіи: «да какъ, да за что, да почему?» и проч., и проч.; толкамъ нѣтъ конца. Слушая все это, я невольно заворачивала отвороты моего вицмундира, чтобы скрыть пуговицы, символъ моего чиновничества. Эти люди, впрочемъ, правы, что желаютъ креста, чина: безъ этого кто же призналъ бы ихъ за людей? Если ты хочешь отъ общества пищи сердцу или страстямъ своимъ, то долженъ предъявить ему всѣ эти блестящія бездѣлицы. Хочешь имѣть милую, образованную подругу—справься прежде съ табелью о рангахъ и тогда только приступай къ дѣлу. Уваженіе, любовь людей, все, все надо покупать вывѣскою достоинствъ, которыхъ всего чаще не имѣешь. Но ты хочешь быть свободенъ—такъ ты въ войнѣ съ обществомъ. Счастливъ, если успѣешь спасти свое тѣло отъ холода и голода. Больше ничего не требуй.

30. Вчера былъ на великолѣпномъ обѣдѣ у прекрасной вдовы полковницы Зеландъ. Тутъ было нѣсколько военныхъ генераловъ. Разговоръ ихъ о лошадяхъ и выправкѣ солдатъ показался мнѣ крайне скучнымъ. Насъ четверо: я, два Гебгарта и Лингвистъ, составляли отдѣльный кружокъ, который занимался не столько яденіемъ, сколько сужденіемъ о яствахъ и о тѣхъ, которые ѣли. Обѣдъ былъ бы очень хорошъ, если-бъ послѣдніе сколько нибудь соответствовали первымъ. Можно бы сдѣлать вопросъ: худой человѣкъ не меньше ли хорошаго соуса. Конечно, меньше, потому что худой человѣкъ не исполняетъ своего назначенія, а хорошій соусъ исполняетъ. За то сама г-жа Зеландъ сіяла красотой и радушіемъ.

Мы встали изъ-за стола въ семь часовъ и чуть не опрометью бросились изъ столовой, чтобы застать еще спектакль: въ этотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ давали «Ричарда» въ такомъ или почти въ такомъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ творческой головы Шекспира.

Мы помчались столь быстро, сколько позволяла кляченка Ваньки, и явились въ театръ, когда первое дѣйствіе уже оканчивалось. О, Шекспиръ, Шекспиръ! Къ какимъ варварамъ попалъ ты! На перечесть восемь или девять человѣкъ во всемъ театрѣ (который былъ полонъ) изъявляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія! За то нашъ Печеринъ возвратился домой съ опухшими руками: онъ не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира. Нѣтъ, наша публика, рѣшительно, еще не вышла изъ дѣтства. Ей нужны куклы, полеты, пре-

вращенія. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. Мнѣ стало грустно. Ко мнѣ подошелъ Кирѣевъ; я сказалъ ему:

— Кажется, публика довольна.

Онъ улыбнулся печально. Я дѣлалъ глупости, однако-жъ, говорилъ вслухъ Гебгарту:

— Объясните, пожалуйста, этимъ господамъ, которые сидятъ вотъ тамъ, въ креслахъ, что Шекспиръ начальникъ отдѣленія въ департаментѣ N. N. или что онъ поручикъ гвардіи: авось они одобрятъ вызовомъ переводчика изъ уваженія къ именитости автора.

По окончаніи пьесы едва нашлось съ дюжину голосовъ, чтобы вызвать переводчика. Онъ не скоро явился. Онъ человѣкъ образованный. Это самъ актеръ, вгравшій Ричарда, Брянскій.

Февраль 11. Вчера въ пятницу былъ нашъ обыкновенный годичный пиръ. Не было Гедерштерна и Иванова, не знаю почему. Полѣновъ въ Греціи, а Поповъ въ могилѣ. Мы много вспоминали о послѣднемъ. Все было дружно по прежнему, но радость была не безъ примѣси печали.

Въ десятомъ часу мы съ Гебгардтами поѣхали на балъ къ Зеландъ. Тамъ нашли мы десятка два мушинъ и столько же дамъ. Танцевали и говорили, какъ автоматы. На балу присутствовала также женихъ прелестной г-жи Зеландъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Обрѣзковъ: это старикъ лѣтъ семидесяти. Чета, достойная кисти Жанена.

Мартъ 16. Сегодня провожалъ я въ могилу бѣднаго Штерича. Онъ умеръ отъ лютой чахотки послѣ шестимѣсячныхъ страданій. Я лишился въ немъ человѣка, котораго горячо любилъ и который былъ мнѣ искренне предавъ. Горькая потеря. Передъ гробомъ его несли пармскую звѣзду, полученную имъ отъ бывшей императрицы французской.

Онъ умеръ съ возвышенными чувствами христіанина. Священникъ, исполнявшій надъ нимъ обряды религіи, былъ глубоко тронутъ, особенно словами: «Одного не прошу себѣ, что я въ жизни мало старался узнать Бога и не понималъ его такъ, какъ понимаю теперь». Предчувствіе конца обнаружилось въ немъ недѣли за три. Сначала онъ тосковалъ, былъ мраченъ и безпокоенъ. Потомъ, мало по малу, началъ погружаться въ самого себя и спокойствіе освѣтило его страждущую душу. По временамъ только онъ ослабѣвалъ физически и нерѣдко впадалъ въ безпамятство. За три дня до кончины онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей, объявилъ имъ свободу и нѣкоторыхъ наградилъ. Спрашивалъ меня, но меня не было. Позвалъ нѣкоторыхъ изъ случившихся у него пріятелей и съ ними также простился. Въ день

кончины онъ много страдалъ физически. Къ полуночи онъ началъ тяжело дышать, сказалъ:

— Теперь я засну, скажите матушкѣ, что я засну,—оборотился на лѣвый бокъ; дыханіе становилось рѣже и рѣже; къ нему подошелъ его дядя, Симанскій; руки Штерича уже были холодны; еще вздохъ—и актъ уничтоженія совершился. Никакихъ конвульсій, только, по временамъ, онъ вздрагивалъ плечомъ.

Я уже нашелъ его въ гробу. Онъ очень былъ худъ, но лицо выражало важное спокойствіе. Мы проводили его пѣшкомъ до самаго Невскаго монастыря.

Апрѣль 4. Третьяго дня я читалъ попечителю мою вступительную лекцію «О происхожденіи и духѣ литературы», которую отдаю въ печать. Онъ совѣтовалъ мнѣ вычеркнуть нѣсколько мѣстъ, которыя, по собственному его сознанію, исполнены и нравственной, и политической благонамѣренности.

— Для чего же? спросилъ я.

— Для того, отвѣчалъ онъ,—что ихъ могутъ худо перетолковать—и бѣда цензору и вамъ.

Я, однако, оставилъ ихъ, ибо безъ нихъ сочиненіе не имѣло бы ни смысла, ни силы.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отправить за границу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей,—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины...

...Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ Свящ. писанія. Тогда Магницкіе и Руниччи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ то-же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ-то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой-нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются

съ истиной и заставляють ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь (1833 г.) требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ не механически—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ.

5. У насъ уже недѣли три какъ новый министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Сегодня ученое сословіе представлялось ему, въ томъ числѣ и я, но представленіе это имѣло строго официальный характеръ.

10. Сегодня Николай Павловичъ посѣтилъ нашу первую гимназію и (выразилъ неудовольствіе). Вотъ причины. Дѣти учились. Онъ вошелъ въ пятый классъ, гдѣ преподавалъ исторію учитель Турчаниновъ. Во время урока одинъ изъ воспитанниковъ, впрочемъ, лучший и по поведенію, и по успѣхамъ, съ вниманіемъ слушалъ учителя, но только облокотясь. Въ этомъ увидѣли нарушеніе дисциплины. . . . Повелѣно попечителю отставить отъ должности учителя Турчанинова...

Послѣ сего государь вошелъ въ классъ къ священнику—и здѣсь та-же исторія. Всѣ дѣти были въ полномъ порядкѣ, но, къ несчастію, одинъ мальчикъ опять сидѣлъ, прислонясь спиной къ заднему столу. Священнику былъ сдѣланъ выговоръ, на который онъ, однако, отвѣчалъ съ подобающимъ почтеніемъ:

— Государь, я обращаю вниманіе болѣе на то, какъ они слушаютъ мои наставленія, нежели на то, какъ они сидятъ.

Попечителю опять горе: вотъ уже третій разъ...

12. Посѣщеніе государя первой гимназій имѣло болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ сначала казалось. Попечитель, нашъ благородный, просвѣщенный начальникъ, исполненный любви къ людямъ и къ Россіи—человѣкъ, которому недоставало только воли и счастья, чтобы занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ государствѣ—однимъ словомъ, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ принужденъ подать въ отставку. Вчера онъ уже написалъ письмо къ министру.

Но вотъ черта его, лично ко мнѣ относящаяся, которая тронула меня до глубины души. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Ты знаешь, что я всегда видѣлъ въ тебѣ и, дѣйствительно, имѣлъ не чиновника, не подчиненнаго, но сына. Мнѣ жаль съ тобой разстаться. Но вотъ что я могу для тебя сдѣлать, насколько позволяютъ мои разстроенныя обстоятельства: когда и твоей ладѣ въ этомъ политическомъ морѣ придется спастись отъ мелей и камней—

спѣши ко мнѣ. Я назначилъ тебѣ изъ моего имѣнія двадцать душъ и около двусотъ десятинъ земли. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ты найдешь приютъ ¹⁾).

Я ничего не могъ сказать. Слезы покатались у меня изъ глазъ и мы горячо обнялись...

На его мѣсто хотѣтъ назначить графа Вѣльгорскаго.

16. Министръ избралъ меня въ цензоры, а государь утвердилъ въ семь званій. Я дѣлаю опасный шагъ. Сегодня министръ очень долго со мной говорилъ о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣннѣе челоуѣка государственнаго и просвѣщеннаго.

— Дѣйствуйте, между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ,—по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ за одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе.

Я хотѣлъ было попросить у него увольненія отъ должности правителя попечительской канцелярїей, но онъ изъявилъ свое рѣшительное желаніе, чтобы я остался еще въ этомъ званіи.

Май 4. Попечителемъ нашимъ назначенъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Онъ перваго мая вступилъ въ управленіе должности. Онъ, кажется, челоуѣкъ благородный и образованный.

Всѣ эти дни я измученъ канцелярскими дѣлами. Я погрязъ въ нихъ и не имѣю времени для литературныхъ занятій. Такъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ текутъ, унося съ собою лучшія силы мои...

Августъ 19. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я женатъ ²⁾).

¹⁾ Это впоследствии не состоялось.

²⁾ На этомъ обрывается 1833 годъ.

1834 г.

Январь. 1. Полночь. 1834 годъ. Я возобновляю мой дневникъ, прекратившійся, было, со времени моей женитьбы. Время мое расхищено мелочными заботами канцелярской жизни. Какъ избѣжать этого? Горе людямъ, которые осуждены жить въ такую эпоху, когда всякое развитіе душевныхъ силъ считается нарушеніемъ общественнаго порядка. Немудрено, что и мои университетскія лекціи не таковы, какими бы я хотѣлъ и могъ бы сдѣлать ихъ. Правда, я слышу со всѣхъ сторонъ, что я создаю школу, что я отбрасываю отъ себя лучи свѣта—но въ моихъ глазахъ все это какъ-то тускло, нетеплотно.

администрація жметъ меня въ своихъ когтяхъ и выжимаетъ изъ меня энергію. Часто приходится обдумывать лекціи только у порога университета.

Изъ всего этого выходитъ, что дѣятельность моя уподобляется нестройнымъ облакамъ, движущимся туда и сюда, по направленію вѣтра. Въ ней нѣтъ солнца истины, нѣтъ постояннаго животворнаго сіянія.

Я опять просилъ уволить меня отъ канцеляріи. Но министръ говорить, что я нуженъ, просить еще остаться. Будемъ биться до смерти.

3. Министръ призывалъ меня по дѣламъ цензуры. Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію. Въ немъ расточены напыщенные похвалы государю и Паскевичу. Эта книженка была мнѣ поручена на цензуру. Въ безвыходномъ положеніи оказывается цензоръ въ такихъ случаяхъ: по духу—такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Къ счастью, государь на этотъ разъ самъ разъяснилъ вопросъ. Я пропустилъ эту книжку, однако, вычеркнувъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, напимѣръ, то мѣсто, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю все-таки не понравились неумѣренные похвалы, и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускались. Спасибо ему!

Я сдѣланъ членомъ комитета, учрежденнаго для выработки правилъ надзора за частными учебными заведеніями. Предсѣдатель— князь (Дондуковъ - Корсаковъ); прочіе члены: директоръ Педагогическаго Института Миддендорфъ, профессора Фишеръ и Шнейдеръ, ректоръ университета Дегуровъ. Боюсь, однако, что вся работа опять повиснетъ на моихъ плечахъ.

5. Недавно познакомился я съ Несторомъ Кукольникомъ, авторомъ драматической фантазіи: «Торквато Тассо». Это человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но душа его пока для меня неясна. Онъ читалъ у меня на литературномъ вечерѣ свою новую драму: «Джуліо Мости». Она растянута, довольно длинна и скучна въ цѣломъ. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица не выдержанъ, но есть сцены, исполненныя истинно драматической жизни. Кукольникъ далеко пойдетъ, если полюбитъ искусство и одно искусство — если, подобно многимъ другимъ, не попробуетъ соединить въ себѣ чиновника и поэта.

7. Баронъ Розенъ принесъ мнѣ свою драму «Россія и Баторія». Государь велѣлъ ему передѣлать ее для сцены, и баронъ передѣлываетъ. Жуковский помогаетъ ему совѣтами. Отъ этой драмы хотять, чтобы она произвела хорошее впечатлѣніе на духъ народный.

Между барономъ Розеномъ и Сенковскимъ произошла недавно забавная ссора. По словамъ Сенковского, баронъ просилъ написать рецензію на его драму и напечатать въ «Библіотекѣ для Чтенія», разсчитывая, конечно, на похвалы. Сенковский обѣщалъ, но выставилъ въ своей рецензіи баронскаго «Баторія» въ такой параллели съ Кукольниковымъ «Тассо», что послѣдній совершенно затмилъ перваго. Баронъ разсердился, написалъ письмо къ критику и довелъ его до того, что тотъ рѣшился не печатать своего разбора, не преминувъ, впрочемъ, сдѣлать трагикку не слишкомъ-то лестныя замѣчанія. Оба были у меня, оба жаловались другъ на друга. Но съ Сенковскимъ, кому бы то ни было, опасно соперничать въ ядовитости.

8. «Библіотека для Чтенія», журналъ, издаваемый Смирдинымъ, порученъ на цензуру мнѣ. Это сдѣлано по особенной просьбѣ редакціи, которая льститъ мнѣ, называя «мудрѣйшимъ изъ цензоровъ».

Съ этимъ журналомъ мнѣ много заботъ. Правительство смотритъ на него во всё глаза. Ш...вы точатъ на него когти, а редакція такъ и рвется впередъ со своими нападками на всёхъ и на все. Сверхъ того наши почтенные литераторы взбѣленились, что Смирдинъ платитъ Сенковскому 15 тысячъ рублей въ годъ. Каждому изъ нихъ хочется свернуть шею Сенковскому и вотъ я уже слышу восклицанія: — «Какъ это можно? Поляку позволили направлять общественный духъ! Да онъ революціонеръ! Чуть ли не онъ, съ Лелевелемъ, и произвели польскій бунтъ». Самъ Сенковский доставляетъ мнѣ много хлопотъ своею настойчивостью. У меня съ нимъ частыя столкновенія. Однимъ словомъ, я осажденъ со всёхъ сторонъ. Надо соединить три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго

внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателей—въ сущности это и не ошибка.

9. Надо мною собиралась туча—я этого и не зналъ. Послѣ Ф. Ф. сдѣланъ членомъ Т. П., нѣкто въ родѣ нравственной гарпін, жаждущей выслужиться чѣмъ бы то ни было. Онъ въ особенности хищенъ на цензуру. Ловить каждую мысль, грызеть ее, обливаешь ядовитую слюною и открываетъ въ ней намеки, существующіе только въ его низкой душѣ. Этотъ человѣкъ уже опротивѣлъ обществу, какъ холера. При прежнемъ министрѣ въ цензурѣ не проходило недѣли безъ какой нибудь исторіи, которую онъ пускалъ въ ходъ. Нынѣ вздумалъ онъ повторить прежнее. Въ первомъ номерѣ журнала «Библиотека для Чтенія» въ повѣсти Сенковского: «Жизнь женщины въ четырехъ часахъ», онъ привязался къ какой-то выходкѣ противъ начальниковъ канцелярій, принялъ ее за эпиграмму на себя, побѣждалъ къ Б., послалъ за Смирдинымъ, нашумѣлъ, накричалъ и уже распускалъ когти и на цензора. Къ счастью, его на этотъ разъ не послушали.

10. На Сенковского поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ «Библиотеку» пришли въ ужасное волненіе.

Разнесся слухъ, будто онъ позволяеть себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по своему.

Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вѣроятно. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи.

Вотъ анекдотъ изъ нашей литературной хроники. Когда Смирдинъ выбиралъ для своего журнала редактора и не зналъ еще къ кому обратиться, является къ нему Павелъ Петровичъ Свиньинъ и, именемъ министра народнаго просвѣщенія, объявляетъ, что онъ назначенъ послѣднимъ въ редактора. На этомъ, пока, и остановилось дѣло.

Нѣсколько дней спустя, Смирдину понадобилось быть у министра.

— «Кто вашъ редакторъ?» спросилъ его тотъ.

— «Это еще не рѣшено, ваше высокопревосходительство, но Свиньинъ»...

— «Что, что», прервалъ его министръ, «неужели ты хочешь ввѣрить свой журналъ этому п... и л... Для меня все равно кого ты ни избереши; это твое дѣло. Но я думаю, что журналъ твой умретъ, не родясь, какъ только публика узнаетъ, что редакторомъ его избранъ Свиньинъ».

Смирдинъ, что называется, остолбенѣлъ. Оказалось, что почтенный литераторъ просто хотѣлъ надуть его и не даромъ торопился заключеніемъ условій послѣ того, какъ объявилъ, что посланъ министромъ. Къ счастью, контрактъ еще не былъ подписанъ.

И сколько еще таких анекдотовъ изъ исторіи нашего современнаго образованія!

16. На Сенковского, наконецъ, воздвиглась политическая буря. Я получилъ отъ министра приказаніе смотрѣть какъ можно строже за духомъ и направленіемъ «Библиотеки для Чтенія». Приказаніе это такого рода, что если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше идти куда нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ. Министръ очень рѣзко говорилъ о его «положимъ», о его «площадныхъ остротахъ» и проч. Примѣтивъ во мнѣ желаніе возражать, министръ круто повернулъ разговоръ и немедленно затѣмъ отпустилъ меня. Говоря по совѣсти, я рѣшительно не знаю, чѣмъ виноватъ Сенковский, какъ литераторъ. Безвкусіемъ? Но это не касается правительства. Онъ не хвалитъ никого, а больше бранитъ, впрочемъ, его сатира общая. Конечно, я не могу поручиться за патріотическія или ультрамонархическія чувства его. Но то вѣрно, что онъ изъ боязни-ли или изъ благоразумія никогда не выставляетъ себя либераломъ. Но чему тутъ удивляться? Вѣдь и баронъ Дельвицъ, человекъ слишкомъ лѣвый, чтобы быть дѣятельнымъ либераломъ, былъ же обвиненъ въ неблагонамѣренномъ духѣ.

Я сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности.

21. Былъ у министра благодарить его за повышение. Я былъ принятъ очень хорошо. Со мной вмѣстѣ произведенъ въ экстраординарные профессора Устряловъ. Опять тѣ-же рѣчи на счетъ Сенковского. Я говорилъ въ пользу Смирдина, стараясь отклонить бѣду отъ его журнала, который все-таки что нибудь да значить въ кругу нашего жалкаго образованія, или вѣрнѣе полуобразованія. Министръ сказалъ, что наложить тяжелую руку на Сенковского. Кажется, ему хочется, чтобы тотъ отказался отъ редакціи.

22. Я познакомился съ редакторомъ «Телескопа», профессоромъ Надеждинымъ. Мы обѣдали вмѣстѣ у Д. М. Княжевича. Въ сочиненіяхъ его много педантства, а въ наружности и обращеніи мало замѣчательнаго. Не знаю, съ чего онъ взялъ, что я сдѣланъ членомъ «Общества любителей русской словесности» при московскомъ университетѣ: мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно. Вчера онъ посѣтилъ меня. О «Телеграфѣ» онъ говоритъ довольно скромно и безъ брани, но жестоко негодуетъ на Кукольника, который написалъ бранчивый разборъ его рѣчи «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ».

26. Сенковский, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ редакціи «Библиотеки». Впрочемъ, это только для виду. По крайней мѣрѣ, онъ попрежнему завѣдуетъ всѣми дѣлами журнала, хотя и напечаталъ въ «Пчелѣ» свое отреченіе. Въ публикѣ много шуму отъ

этого. Недоброжелатели Уварова сильно порицають его. Онъ, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ поступилъ деспотически. Разнесся нелѣпый слухъ, что онъ меня назначаетъ на мѣсто Сенковского. Благодарю покорно!

27. Сенковский былъ у меня. Онъ заподозрилъ меня въ какихъ-то козняхъ противъ него и вскипѣлъ негодованіемъ. Я не оправдывался и не спорилъ, а попросилъ его переговорить съ княземъ (Дондуковымъ - Корсаковымъ). Тотъ объяснилъ ему все дѣло и приказанія, данныя министромъ.

Послѣ того онъ опять приходилъ ко мнѣ для примиренія.

Онъ хотѣлъ было даже оставить университетъ и ѣхать за границу. Князь возвратилъ ему просьбу и успокоилъ его тѣмъ, что буря, на него воздвигнутая, временная. Буря эта, однако, привела его въ ярость, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ тигръ, за которымъ гонялись, уязвляя его. Онъ весь сложенъ изъ страстей, которыя кипятъ и бушуютъ отъ малѣйшаго вѣшняго натиска.

Февраль 5. Вчера былъ я съ Кукольниковомъ на вечерѣ у вице-президента академіи художествъ, графа Фёдора Петровича Толстого. Семейство его образованно и пріятно. Тамъ встрѣтился я съ Лобановымъ, который въ патріотической ярости оплевывалъ со всѣхъ сторонъ бѣднаго Сенковского. Что это за люди эти педанты-патріоты, которые думаютъ, что, для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: «давайте, будемъ патріотами, давайте, будемъ народными!» Они забываютъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ и при томъ честнымъ. Патріотизмъ есть плодъ чести: а гдѣ у насъ эта честь...

10. Священникъ Сидонскій написалъ дѣльную философскую книгу: «Введеніе въ философію». Монахи за это отняли у него кафедру философіи, которую онъ занималъ въ Александро-Невской академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги.

Вотъ еще сказаніе о нихъ. Загоскинъ написалъ плохой романъ, подъ названіемъ «Аскольдова могилка».

Московскіе цензора нашли въ ней что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и рѣшили, что этотъ романъ подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Отправили. Она въ конецъ растерзала бѣдную книгу. Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ-то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Но я надняхъ былъ у министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, съ жалобой на богомерскій романъ Загоскина.

15. Какъ безцѣльны всѣ эти разгадыванія промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ. Мы нынѣ, между прочимъ, ломаемъ головы надъ Иоанномъ IV и Русью въ его время. Карамзинъ представляетъ его какимъ-то романтическимъ тираномъ; Полевой видитъ въ немъ великаго человѣка, «могучее орудіе» въ рукахъ Провидѣнія; Погодинъ же считаетъ его просто человѣкомъ ограниченнымъ. О Руси, ему современной, не менѣе толковъ, большею частью патріотическихъ.

Она обгаряется кровью, трепещетъ въ судорожныхъ стонахъ подъ желѣзнымъ посохомъ Иоанна и все время смиренно говоритъ: «такъ угодно батюшкѣ По дѣламъ оныѣ душить насъ, смердящихъ псовъ, грѣшниковъ».

— «Какая доблесть!» восклицаютъ наши патріоты, «удивительный, великій народ!»

Но, право, все это гораздо проще и логичнѣе. Иоаннъ—человѣкъ, рожденный съ сильной, энергической душою, испорченный дурнымъ воспитаніемъ, развращенный возможностью все дѣлать по своей волѣ, не находящій преградъ ей ни въ законѣ, ни въ общественномъ мнѣніи—и отъ всего этого звѣрь, чудовище, сумасшедшій—сумасшедшій отъ энергіи, разившейся среди страстей, которыя нигдѣ не встрѣчали себя узды. Это исторія всякаго человѣка. А Русь? Русь покорная раба, до полу-смерти забитая татарами и своими князьями, потонувшая въ фатализмѣ христіанства, духъ коего былъ подавленъ буквою. Полевой, впрочемъ, знаетъ, почему оправдываетъ Иоанна: это гроза аристократовъ.

16. Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ. Вотъ, напримѣръ, рѣчь Надеждина: «О современномъ направленіи искусства»; вотъ вступительная лекція Погодина объ исторіи, напечатанная въ первой книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Всѣ эти господа кидаются на высокія начала; имъ хочется вывести все все изъ вѣчныхъ идей первообразовъ природы. Это бы ничего, если-бъ у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, мы увидѣли бы стройную систему, въ которой, если-бы и не было больше безусловной истины, чѣмъ въ другихъ системахъ, то, по крайней мѣрѣ, была бы поэзія.

Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другаго пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почли тайны вѣковъ—первообразомъ древняго міра и проч.

Итакъ, мы безпрестанно удаляемся отъ природы и толкаемъ образованіе наше изъ общества въ школу.

Марлянский или Бестужевъ, нося въ умѣ своемъ много, очень много свѣтлыхъ мыслей, выражаетъ ихъ какимъ-то варварскимъ нарѣчіемъ и думаетъ, что онъ удивителенъ по силѣ и оригинальности.

Это эпоха броженія идей и словъ — эпоха нашего младенчества. Что изъ этого выйдетъ? По общему закону все перерабатывается въ лучшее для будущихъ поколѣній. Но когда настанетъ это будущее?

25. Былъ на вечерѣ у Смирдина. Тамъ находились также Сенковскій, Гречъ и — недавно прѣхавшій изъ Москвы — Полевой. Съ послѣднимъ я теперь только познакомился. Это изсохшій, блѣдный человѣкъ, съ физиономіей сумрачной, но и энергической. Въ наружности его есть что-то фанатическое. Говорить онъ не хорошо. Однако, въ рѣчахъ его — умъ и какая-то судорожная сила. Какъ бы ни судили объ этомъ человѣкѣ его недоброжелатели, которыхъ у него тьма, но онъ принадлежитъ къ людямъ необыкновеннымъ. Онъ себѣ одному обязанъ своимъ образованіемъ и извѣстностью — а это что нибудь да значить. При томъ онъ одаренъ сильнымъ характеромъ, который твердо держится въ своихъ правилахъ, не смотря ни на соблазны, ни на вражду сильныхъ. Его могутъ притѣснять, но онъ, кажется, мало объ этомъ заботится. — «Мнѣ могутъ», сказалъ онъ, «запретить изданіе журнала: что-же? я имѣю, слава Богу, кусокъ хлѣба и въ этомъ отношеніи нѣ отъ кого не завишу».

Онъ съ жаромъ возсталъ на Сенковского за его нападки на французскую юную словесность.

— «Что вы этимъ хотите сдѣлать?» сказалъ онъ ему — «у насъ не должно бы было бранить новую школу. Согласенъ, что въ ней много преувеличеннаго, но есть много и геніальнаго, а вы не падаете ничего. У васъ Викторъ Гюго наравнѣ съ какимъ нибудь бездарнымъ кропателемъ романовъ. Да при томъ, Осипъ Ивановичъ, не вы ли сами пользуетесь и мыслями, и даже слогомъ этихъ господъ, которыхъ такъ беспощадно браните».

Сенковскій отвѣчалъ, что ненависть его къ новой французской школѣ есть плодъ свободнаго убѣжденія; что онъ всего больше ненавидитъ французскихъ современныхъ писателей за ихъ вражду противъ семейнаго начала — единственнаго, которое дано въ удѣлъ человѣку!! Что касается до того, будто онъ подражаетъ французскимъ писателямъ, то это несправедливо. Еще юная словесность и не существовала, а онъ уже думалъ и писалъ, какъ думаетъ и пишетъ».

Послѣ этого Сенковскій сказалъ мнѣ, что онъ гораздо большаго ожидалъ отъ Полевого.

Полевой еще упрекалъ его за излишнія, преувеличенныя похвалы Букольнику. На это Сенковскій ничего не нашелся сказать.

За всемъ этимъ послѣдовалъ отличный ужинъ съ отличными винами и съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и каламбуровъ Греча.

27. Обѣдалъ у Сенковского. За столъ сѣли въ пять часовъ. Кушанье было отлѣвное, особенно вина, которыми хозяинъ много тщеславился.

Гречь, по обыкновенію, смѣшилъ насъ своими анекдотами и эпиграммами. Сенковский человѣкъ чрезвычайно раздражительный. Онъ за каждую бездѣлицу бѣсился на своихъ людей и выходилъ изъ себя, хотя они служили очень хорошо.

Мартъ. 16. Сегодня было большое собраніе литераторовъ у Греча. Здѣсь находилось, я думаю, человѣкъ семьдесятъ. Предметъ засѣданія—изданіе энциклопедіи на русскомъ языкѣ. Это предпріятіе типографщика Плюшара. Въ немъ приглашены участвовать всѣ сколько нибудь извѣстные ученые и литераторы. Гречь открылъ засѣданіе маленькою рѣчью о пользѣ этого труда и прочелъ программу энциклопедіи, которая должна состоять изъ 24-хъ томовъ и вмѣщать въ себѣ, кромѣ общихъ ученыхъ предметовъ, статьи, касающіяся до Россіи.

Засимъ, каждый подписывалъ свое имя на приготовленномъ листѣ подъ наименованіемъ той науки, по которой намѣренъ представить свои труды. Я подписался подъ статью: «Русская словесность». Но, вида, что листъ подъ заглавіемъ «Русскій языкъ» остается пустъ, я рѣшился и тутъ подписать свое имя, тѣмъ болѣе, что меня склонялъ къ этому Д. И. Языковъ, который изъявилъ свое сожалѣніе о пустотѣ этого листа.

Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и рассердила. Всѣ присутствовавшіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условіе онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту шепетильность за личное себѣ оскорбленіе.

Послѣ засѣданія пили шампанское. Здѣсь видѣлъ я многихъ изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ: Плетнева, Кукольника, Масальскаго, Устрялова, Галича, священника Сидонскаго и проч., и проч.

Сидонскій рассказывалъ мнѣ, какому гоненію подвергся онъ отъ монаховъ (разумѣется отъ Филарета) за свою книгу: «Введеніе въ философію». Отъ него услышалъ я также забавный анекдотъ о томъ,

какъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ «Онѣгинѣ», тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: «и стая галокъ на крестахъ». Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно, садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полицмейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензоръ». Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: «еже писахъ, писахъ».

У насъ на образованіе смотреть, какъ на заморское чудище: по всюду устремлены на него рогаины; немудрено, если оно взбѣсится.

Апрѣль. 5. Московскій «Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ. — «Но», сказалъ онъ потомъ министру, «мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ».

Вездѣ сильныя толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, «что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ».

— «Подѣломъ ему», говорятъ другіе: «онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либераль, якобинедъ—извѣстное дѣло» и т. д., и т. д.

9. Былъ сегодня у министра. Докладывалъ ему о нѣкоторыхъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго.

«Церковь Божьей Матери» Виктора Гюго онъ приказалъ не пропускать. Однако, отзывался съ великой похвалою объ этомъ произведеніи. Министръ полагаетъ, что намъ еще рано читать такія книги, забывая при этомъ, что Виктора Гюго и безъ того читаютъ въ подлинникъ всѣ тѣ, для кого онъ считаетъ это чтеніе опаснымъ. Нѣтъ ни одной запрещенной иностранною цензурою книги, которую нельзя было бы купить здѣсь, даже у букинистовъ. Въ самомъ началѣ появленія «Исторіи Наполеона», сочиненія Вальтеръ-Скотта, ее позволено было имѣть въ Петербургѣ всего шести, или семи государственнымъ людямъ. Но въ это же самое время мой знакомый Очкинъ вымѣнялъ его у носильщика книгъ за какіе-то глупые романы. О повѣстяхъ Бальзака, романахъ Поль-де-Кока и повѣстяхъ Нодье онъ приказалъ составить для него записку.

Я представилъ ему еще сочиненіе или переводъ Пушкина: «Анджело». Прежде государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю ли я право цензуровать ихъ. Теперь министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько сти-

ховъ были исключены. Поэма эта или отрывокъ начата, поведенному, въ минуты одушевленія, но окончена слабѣе.

Министръ долго говорилъ о Полевой, доказывая необходимость запрещенія его журнала.

— Это проводникъ революціи, говорилъ Уваровъ, — онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему официальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою—это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ: ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ или Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы; имъ стоить погрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой— я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него важны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба.

10. Званъ сегодня къ Каратыгину, чтобы выслушать конецъ трагедіи Кукольника: «Ляпуновъ». Но три первые акта этого рабскаго писанія мнѣ слишкомъ опротивѣли. Я не поѣхалъ.

11. Случилось нѣчто, разстроившее меня съ Пушкинымъ. Онъ просилъ меня рассмотреть его «Повѣсти Бѣлкина», которыя онъ хочетъ печатать вторымъ изданіемъ. Я отвѣчалъ ему слѣдующее:

— «Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда. Да благословитъ васъ геній вашъ новыми вдохновеніями, а мы готовы».—Что сказать?—обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ, рука моя не злоупотребитъ этимъ.

— «Потрудитесь мнѣ прислать все, что означено въ запискѣ вашей, и увѣдомьте, къ какому времени вы желали бы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, процензурованья» и т. д.

Между тѣмъ, къ нему дошелъ его «Анджело», съ нѣсколькими,

урѣзанными министромъ, стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платить ему за каждый стихъ по червонцу, слѣдовательно, Пушкинъ терять здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы Смирдинъ все-таки заплатилъ ему деньги и за точки!

12. Иванъ Андреевичъ Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что талантъ его старѣеть. У него былъ договоръ со Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню по 300 рублей: теперь онъ требуетъ съ него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!

14. Былъ у Плетнева. Видѣлъ тамъ Гоголя: онъ сердитъ на меня за нѣкоторыя непропущенныя мѣста въ его повѣсти, печатаемой въ «Новосельѣ». Бѣдный литераторъ! Бѣдный цензоръ!

Говорилъ съ Плетневымъ о Пушкинѣ: они друзья. Я сказалъ: — Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ неприятность не я, а самъ министръ.

Плетневъ началъ бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи его, помѣщенныя въ «Библиотеку для Чтенія», говоря, что онѣ написаны для денегъ и что Сенковский грабитъ Смирдина.

— Что касается до грабежа, возразилъ я, то могу васъ увѣрить, что ни одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ литераторовъ не уступитъ въ томъ Сенковскому.

Онъ понялъ и замолчалъ.

15. Въ странномъ положеніи находимся мы. Среди людей, которые имѣютъ претензію дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности. Всякое довѣріе къ высшему порядку вещей, къ высшимъ началамъ дѣятельности исчезло. Нѣтъ ни обществолюбія, ни человеколюбія; мелочной отвратительный эгоизмъ проповѣдуется тѣми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образованіе или двигать пружинами общественного порядка.

Нравственное безчиніе, цинизмъ обуялъ души до того, что о благородномъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкою даже въ книгахъ. Сословіе людей, сильныхъ умомъ, литераторовъ, наиболѣе погрязло въ этомъ цинизмѣ. Они въ своихъ произведеніяхъ восхваляютъ чистую красоту, а сами исполнены нравственнаго безобразія. Они говорятъ объ идеяхъ, а сами живутъ безъ всякаго сознанія высшихъ потребностей духа, выставляютъ въ жизни своей самыя позорныя стороны житейскихъ страстей.

Можетъ быть, и всегда такъ было, но отъ иныхъ причинъ. При-

чина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково. когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но (прежнее) объявило себя врагомъ всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, оно, однако, до того затруднило насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются.

Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно приметъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки.

Но, скажутъ, въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

Это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь.

Вотъ картина нашего положенія: оно незавидно. Мудрено ли теперь, что мы, воспитавъ себя для высшаго назначенія и уничтоженные въ собственныхъ глазахъ, кидаемся, какъ голодные собаки, на всякую падаль, лишь бы доставить какую нибудь пищу нашимъ силамъ.

Конечно, и у насъ есть люди, нынѣ дѣйствующіе въ другомъ духѣ, но ихъ очень мало и они слишкомъ безсильны, слишкомъ робки, слишкомъ недоувѣрчивы къ собственнымъ, чистымъ побужденіямъ, чтобы могли перетянуть вѣсы на сторону добра; есть затворники, постники, которые рѣшились пребыть до конца вѣрными своимъ идеямъ и лучше задохнуться, чѣмъ измѣнить имъ. Но эти люди исключеніе, и они несчастнѣе первыхъ, ибо не вкушаютъ сладости, даже минутнаго забвенія. Ничего удивительнаго, если иные изъ молодыхъ людей доходятъ до самоубійства, какъ то было съ нашимъ Поповымъ.

Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходить на землѣ; но она можетъ затянуться надолго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ этой глухой, дикой, каменистой Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

28. Праздники. Балаганы. Леманъ. Косморама. Бродилъ въ толпѣ съ Делемъ, Гебгардтомъ и Чижевымъ. Завтракали у Фейльета... Нигдѣ душевная пустота не ощущается такъ сильно, какъ среди праздничной толпы и суеты.

Май 7. Сегодня было собраніе энциклопедистовъ у Греча. Я избранъ редакторомъ по части словесности. Всѣ довольно согласны въ цѣли и въ мѣрахъ. Одинъ Атрѣшковъ безпрестанно требовалъ поясненій. Положено начертать первоначально русскій алфавитъ предметовъ, которые подлежатъ обработкѣ.

Въ третьемъ номерѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатана статья профессора философіи въ Страсбургѣ Ботана. Онъ говоритъ, что всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангелии.

Министръ приказалъ, чтобы профессора философіи и наукъ, съ нею соприкосновенныхъ, во всѣхъ нашихъ университетахъ руководились этою статьею въ своемъ преподаваніи.

14. Сегодня было опять у Греча собраніе литераторовъ. Состоялся выборъ остальныхъ редакторовъ «Энциклопедическаго словаря». Здѣсь встрѣтился я съ Кукольникомъ. Онъ пишетъ новую драму «Роксолана». Положено опять читать у меня «Джулію Мости», въ исправленномъ видѣ. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія о «Дялуновѣ». Что могъ я сказать? По возможности меньше огорчить его моими мыслями на счетъ поддѣльнаго патриотизма. Я совѣтовалъ ему бросить службу.

Онъ со мной согласенъ. Съ удовольствіемъ, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующій благородный поступокъ Кукольника. «Липунова» своего онъ подарилъ Каратыгину, тогда какъ, судя по тому, какъ принята его «Рука Всевышняго», онъ могъ бы получить за него отъ театральной дирекціи славныя деньги. Это прекрасно съ его стороны въ такое время, когда, такъ называемые, знаменитые наши литераторы требуютъ только денегъ, денегъ и денегъ.

29. Смирдинъ истинно честный и добрый человѣкъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ раззориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастьемъ для нашей литературы! врядъ ли ей дождаться другаго такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя. Я не разъ предостерегалъ его. Но есть рокъ, отъ котораго нельзя защититься—это наша собственная слабость.

30. Вотъ и конецъ мая, а только вчера, да сегодня небо и воздухъ похожи на майскіе. Я былъ на дачѣ у Александра Максимовича Княжевича и у Деля. Заходилъ на минуточку къ Плетневу: тамъ встрѣтилъ Пушкина и Гоголя; первый почтилъ меня холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ.

Іюнь. 10. Былъ на представленіи Александра, чревовѣщателя, мимика и актера. Удивительный человѣкъ! Онъ игралъ пьесу: «Пароходъ», гдѣ исполнялъ семь ролей и всѣ превосходно. Роли эти: влюбленнаго молодого человѣка, англичанина лорда, пьянаго кучера, старой кокетки, тацовщицы, кормилицы съ ребенкомъ и стараго горбуна, волокиты. Быстрота, съ которой онъ превращается изъ одного лица въ другое, перемѣняетъ костюмъ, фязіономію, голосъ, просто изумительна. Не вѣришь своимъ глазамъ. Едва одно дѣйствующее лицо ступило со сцены за дверь—вы слышите еще голосъ его, видите конецъ платья—а изъ другой двери уже выходитъ тотъ-же Александръ въ образѣ другаго лица. Онъ говоритъ за десятерыхъ, дѣйствуетъ за десятерыхъ; въ одно время бываетъ и здѣсь, и тамъ. Необычайное искусство!

11. Я недавно сблизился съ однимъ молодымъ писателемъ Тимоѣевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергіей и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его: «Поэтъ» и «Художникъ», двѣ пьесы, исполненныя мыслей и чувствъ. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышетъ и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстями, которыя служатъ для него источникомъ мукъ и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому

что имѣть деньги и не имѣть русскаго честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной физиономіей. Ему 23 года. Первоначально насъ свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣненій: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодованіе противъ рабства, на которое осуждена большая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэтъ: у него нѣтъ никакихъ политическихъ замысловъ. Онъ внушаетъ мнѣ большую симпатію. Цензурные споры наши не имѣли никакого вліянія на нашу дружескую связь. А между тѣмъ у насъ было такое дѣло, которое легко могло бы вызвать его неудовольствіе. Въ прошедшемъ году я пропустилъ его драму: «Счастливецъ». Пока она печаталась, направленіе нашей цензуры такъ измѣнилось, что эта пьеса не можетъ быть выпущена безъ дурныхъ послѣдствій для меня. Я не имѣю право ее остановить, ибо она уже вся напечатана. Тимофеевъ могъ бы требовать ея выпуска. Изъ этого возникъ бы шумъ, я сдѣлался бы жертвою или же долженъ былъ бы принять на себя типографскія издержки. Тимофеевъ самъ предложилъ мнѣ приостановить выпускъ его драмы. Теперь она лежитъ въ моемъ столѣ, выжидая удобной минуты выползти на свѣтъ.

12. Надняхъ я имѣлъ серьезный разговоръ съ Гебгардтомъ. Мнѣ больно видѣть, какъ этотъ благородный, богато одаренный человекъ расточаетъ свои силы на пустяки. Онъ читаетъ только или мелочи, или французскіе романы; не старается сдружиться съ кабинетной жизнью, не занимается предметами, которые развиваютъ умъ и укрѣпляютъ волю. Его стихія — политика. Но, какъ умный человекъ, онъ долженъ понять, что у насъ нѣтъ поприща для политической дѣятельности. Однако, мы можемъ и должны расширять кругъ нашей нравственной жизни.

21. Посѣтилъ меня Колмыковъ, надняхъ пріѣхавшій изъ Берлина. Онъ, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ посланъ туда для усовершенствованія въ правахъ. Черезъ него получилъ я письмо отъ Печорина.

Я о многомъ разспрашивалъ его. Онъ слушалъ, между прочимъ, Шеллинга. Послѣдній дѣйствительно перемѣнилъ свою систему и, какъ говорятъ въ Германіи, сдѣлалъ это только изъ желанія идти наперекоръ гегелистамъ. Побужденіе достойное убѣжденнаго философа. Въ Берлинѣ же теперь пользуется особеннымъ расположеніемъ учащейся молодежи профессоръ Гансъ. Пруссаки очень любятъ своего короля. Русскихъ вездѣ въ Германіи, не исключая и Берлина, ненавидятъ. Знаменитый Крейцеръ самъ сказалъ Колмыкову, послѣ

взятія Варшавы, что отнынѣ питаеть къ намъ рѣшительную ненависть. Одна дама пришла въ страшное раздраженіе, когда нашъ бѣдный студентъ разъ какъ-то вздумалъ защищать своихъ соотечественниковъ.—«Это враги свободы», кричала она, — «это гнусные рабы!»

И послѣдній мой экзамень сошелъ не дурно. По окончаніи его мы трое: Плетневъ, Шудьгинъ и я, отправились къ первому. Здѣсь составился родъ конфедераціи для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученое и нравственное отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ на высшіе курсы и при раздачѣ ученыхъ степеней; бить, сколь возможно, схоластику и т. д. Оба мои товарища сильно вооружены противъ профессора философіи Фишера, котораго поддерживаетъ министръ.

Немного спустя, мы пошли къ князю (Дондукову) и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохаго студента, брата одного изъ своихъ друзей.

29. Вышелъ скучный романъ Греча: «Черная жевщина». Не удивительно, что Гречъ написалъ плохой романъ, но удивительно, что Сенковский расхваливаетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Третьяго дня я былъ у Смирдина. Спрашиваю:

— Какъ идетъ романъ Греча?

— Плохо, отвѣчаетъ онъ, — всѣ жалуются на скуку и не покупають.

Вчера же Сенковский приносилъ ко мнѣ для процензурованія рецензію на этотъ романъ, гдѣ объявляетъ, что это новое произведеніе необычайнаго генія Николая Ивановича имѣеть успѣхъ невѣроятный; всѣ отъ него въ восторгѣ и раскупають съ такою жадностью, что скоро отъ него не останется въ продажѣ ни одного экземпляра. Провинціалы этому повѣрятъ и въ самомъ дѣлѣ бросятся покупать книгу. Авторъ и пріятель его Сенковский объявятъ, что романъ весь разошелся и будутъ выставлять это, какъ доказательство достоинствъ романа: въ толпѣ Гречъ прослыветъ великимъ романистомъ и собереть деньги.

Іюль 16. Завтра отправляюсь въ путешествіе съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Цѣль этого путешествія обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Гимназіи нашъ главный предметъ. Изъ Вологды мы направимся черезъ Ярославль въ Москву и оттуда уже обратно въ Петербургъ.

17 Въ Шлюссельбургѣ мы ночевали. Трактиръ здѣсь настоящій кабакъ, наполненный тараканами. Но это не помѣшало мнѣ, завер-

нувшись въ шинель, отлично заснуть. По утру мы пошли осматривать училище. По вѣшнему и внутреннему виду оно еще хуже трактира. Смотритель пьяный. Потомъ мы въ лодкѣ перѣехали въ крѣпость. Она занимаетъ цѣлый островокъ у самаго устья Невы. Намъ не пустили въ то отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Въ крѣпости живетъ только комендантъ съ маленькимъ гарнизономъ. Печальная жизнь. Намъ показали мѣсто заключенія императора Иоанна.

19. Мы были въ Новой Ладогѣ, гдѣ и ночевали въ училищѣ.

Новая Ладога—прескверный городишко: ничѣмъ не лучше Шлюс-сельбурга.

20. Лодейное Поле—пасквиль на городъ. Здѣсь нѣтъ никакого училища, да и не для кого было бы ему тутъ быть. Надъ самую рѣкой я встрѣтилъ, впрочемъ, нѣчто любопытное: памятникъ Петру Великому, воздвигнутый здѣшнимъ купцомъ Софроновымъ. Это пирамидка, въ родѣ той, что на Васильевскомъ острову въ Петербургѣ, которая называется Румянцевскою—только въ миниатюрѣ. На пирамидкѣ надпись: «На томъ мѣстѣ, гдѣ вѣкогда былъ дворецъ императора Петра I, да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ—усердіемъ слб. купца 2-й гильдіи, Мирона Софронова». Право, не дурно, ибо просто, безъ всякой риторики.

Нетерпѣливо желали мы поскорѣй доѣхать до Свирскаго монастыря, рассчитывая тамъ и нравственно, и физически отдохнуть отъ утомительнаго однообразія. Надежда наша не сбылась. Мы нашли тамъ архимандрита, мужиковатаго монаха, такого же казначея и нѣсколько другихъ монаховъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Мѣстоположеніе монастыря тоже обмануло наши ожиданія. Мы отслушали обѣдню, приложились къ мощамъ Александра Свирскаго, осмотрѣли ризницу, которая очень небогата, но въ большемъ порядкѣ. Показывали намъ еще гробъ, въ который былъ переложень преподобный Александръ тотчасъ послѣ того, какъ были открыты его мощи: это родъ корыта, выдолбленнаго въ толстомъ деревянномъ отрубкѣ, съ особеннымъ мѣстомъ для головы. Видѣли мы и посохъ святаго: отъ него осталась только половина—другая разнесена по кусочкамъ усердными богомольцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Олонецъ. Это не городъ по виду, а плохая деревня, раскинутая на большомъ пространствѣ по берегу рѣки. Мы остановились въ домѣ городского главы. Къ намъ явились смотритель училища, учителя, городничій и исправникъ. Хозяинъ человекъ очень гостепріимный. У него встрѣтили мы одного купца,

который держать у себя въ домѣ для дочерей гувернантку, бывшую воспитавницу Воспитательнаго дома. Этотъ купецъ, съ бородою, въ длиннополомъ сюртукѣ, а дочери его учатся лепетать по французски. Я пытался съ ними разговориться, но онѣ дико на меня смотрѣли или отворачивались.

Олонецъ крайне бѣдный городъ. Нѣкоторые изъ учениковъ училища утро проводятъ въ школѣ, а затѣмъ идутъ просить милостыню. Между жителями уже много кореловъ и немедленно за Олонцемъ начинается настоящая Корелія. Насъ предупреждали, что этотъ народъ очень грубъ и золь. Но мы до самаго Петрозаводска попадали все на людей привѣтливыхъ и услужливыхъ. Живутъ они опрятно. Въ ихъ жилищахъ чистые полы и скамьи; вездѣ самоваръ и чашки, изъ которыхъ можно безопасно пить. И таракановъ мы что-то не видѣли. Здѣшніе корелы довольно зажиточны. Они занимаются разными промыслами по воднымъ сообщеніямъ, которыми оживляется вся эта довольно пустынная страна. Но въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, говорятъ, они очень бѣдны; питаются древесною корою. У кореловъ свой собственный языкъ, но они всё довольно хорошо изъясняются по русски. Ихъ языкъ пріятенъ; въ немъ изобиліе гласныхъ буквъ.

Отъ Олонца до Петрозаводска вся мѣстность взрыта волнами океана, которыя нѣкогда покрывали ее и, удалясь, оставили на ней слѣды своихъ набѣговъ: камни и волнообразнаго вида холмы. Есть мѣста дикія, но живописныя. Безпрестанно мелькаютъ озера. Въ общемъ природа здѣсь угрюма—вездѣ лѣса, лѣса, безконечные лѣса.

22. Мы пріѣхали въ Петрозаводскъ въ три часа утра. Квартиру намъ отвели въ домѣ купца Костина. У него нашелъ я удивительный кустъ мѣсячной розы: это своего рода исполнѣнь. Онъ занимаетъ цѣлый уголъ большой и высокой комнаты, упирается въ потолокъ и весь покрытъ цвѣтами. Подъ нимъ можно найти защиту отъ солнца.

Въ этотъ день мы осмотрѣли классы, бібліотеку и всю гимназію. Обѣдали у директора Троицкаго. Это человекъ не глухой и его любятъ въ городѣ. Былъ я еще у архіерея Игнатія: онъ не старъ, образованъ и очень любезенъ. Его здѣсь всё уважаютъ: онъ строгъ къ духовенству, но не менѣе строгъ и къ самому себѣ. Между прочимъ, встрѣтилъ я Армстронга, который познакомилъ меня съ своимъ братомъ, начальникомъ здѣшняго литейнаго завода, Романомъ Адамовичемъ, отличнымъ знатокомъ своего дѣла. Вечеромъ былъ приглашенъ на балъ къ одному изъ здѣшнихъ почетныхъ чиновниковъ: дамы танцовали съ ужимками, а кавалеры всё очень необразованны; ничего не читаютъ, кромѣ «Сѣверной Пчелы», въ которую

вѣруютъ, какъ въ священное писаніе. Когда ее цитируютъ—должно умолкнуть всякое противорѣчіе. Впрочемъ, молодые люди въ обществѣ вели себя вполне пристойно.

23. Экзаменовали учениковъ гимназій. Конасовъ хорошій учитель. Здѣсь еще процвѣтаетъ система заучиванія наизусть—впрочемъ, гдѣ она у насъ еще не процвѣтаетъ? Обѣдали у вице-губернатора: онъ очень скучаетъ и рвется отсюда всѣми силами. Вечеръ я провелъ очень пріятно у милой моей ученицы Александры Алексѣевны Корибутовой, вѣстивутки прошлаго выпуска. Она до слезъ мнѣ обрадовалась: грустно живетъ ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвѣны называютъ ее въ насмѣшку «ученою» и распускаютъ на ея счетъ разныя сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними.

24. Осматривали семинарію. Намъ ее показывалъ самъ архіерей. Учениковъ не было, по причинѣ каникулярнаго времени. Зданіе бѣдно и неопрятно. Я долго говорилъ съ профессоромъ словесности. Это очень не глупый монахъ и знакомый съ новыми идеями. Осматривали также соборъ: онъ не отличается ни богатствомъ, ни благолѣпіемъ.

25. Армстронгъ показывалъ намъ литейный заводъ. При насъ отлили пушку. Мы все разсматривали до мельчайшихъ подробностей. Въ магазинѣ при заводѣ я купилъ нѣсколько галантерейныхъ мелочей, прекрасно сдѣланныхъ изъ чугуна. Мы обѣдали у бывшаго губернатора Логинова, а затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы проходили мимо дома Корибутовой, она стояла у окна, отирая слезы. Бѣдная дѣвушка: наше посѣщеніе дѣйствительно было для нея явленіемъ изъ другого лучшаго міра, изъ котораго она чуть ли не навсегда изгнана. Петрозаводскъ плохой городъ, отброшенный въ глубину лѣсовъ отъ образованнаго міра: казалось бы и близко отъ Петербурга, но какъ далеко! Мѣстоположеніе, однако, красивое. Онъ на берегу обширнаго Онежскаго озера.

Большая часть Петрозаводскаго уѣзда населена корелами, принадлежащими литейному заводу: онъ владѣетъ двадцатью двумя тысячами крестьянъ. Мнѣ пришлось говорить съ нѣкоторыми: они довольны своимъ положеніемъ и не нахвалятся Армстронгомъ. Съ любовью также вспоминаютъ объ отцѣ послѣдняго, до него управлявшемъ заводомъ: называютъ его отцомъ и благодѣтелемъ.

Въ Вытегру мы пріѣхали ночью. По утру осматривали училище и нашли его въ отличномъ порядкѣ. Вытегра порядочный городокъ. Замѣчательны здѣсь шлюзы, особенно хорошо отдѣланныя со времени посѣщенія графа Толя, дѣлавшаго обзоръ всѣмъ воднымъ сообщеніямъ.

Но вотъ и Каргополь. Завидѣвъ издали куполы его многочисленныхъ церквей, мы ожидали увидѣть порядочный городъ. На самомъ дѣлѣ онъ гораздо хуже Вытегры и очень бѣденъ: дома въ немъ осунувшіеся, полуразвалившіеся. Церквей зато двадцать двѣ и два монастыря.

Въ училищѣ мы застали только одного учителя. Онъ когда-то служилъ унтеръ-офицеромъ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, а теперь обучаетъ русской грамотѣ. Я смотрѣлъ ученическія тетради и нашелъ, что учитель, поправляя учениковъ въ анализѣ, самъ часто ошибался въ падежахъ, склоненіяхъ и т. д.

Со вѣздомъ въ Архангельскую губернію точно теряешь слѣдъ человѣческаго существованія. Проѣзжаешь безконечныя станціи и не встрѣчаешь лица человѣческаго. Въ мрачныхъ лѣсахъ обитаетъ безмолвіе. Развѣ только изрѣдка въ глубинѣ дикаго бора раздастся трескъ сучьевъ подъ ногою медвѣдя или промелькнетъ на вѣткахъ лиственницы рѣзвая бѣлка. Станціи представляютъ изъ себя группу въ три, четыре хижины, обитатели которыхъ занимаются преимущественно охотою. Но и хлѣбпашество здѣсь тоже процвѣтаетъ. Вообще по пути отъ самаго Петербурга и до Архангельска часто встрѣчаются богатая жатвы. Въ этихъ же мѣстахъ особенно хорошо родится ячмень.

Верстахъ въ шестьдесятъ отъ Холмогоръ мы заѣхали въ старинный Сійскій монастырь. Насъ очень любезно принялъ архимандритъ Веніаминъ, показавшійся мнѣ лукавымъ монахомъ. Мы здѣсь пробыли около четырехъ часовъ. Сначала осмотрѣли церковь: архитектура ея очень древняя и иконостасъ также. Потомъ архимандритъ повелъ насъ въ ризницу, гдѣ мы нашли много любопытнаго, между прочимъ, Евангеліе, до того объемистое, что его не въ силахъ поднять одинъ человѣкъ. Оно писано прекраснымъ почеркомъ и одною рукой. На поляхъ искусно иллюстрированы сухими красками всѣ главныя происшествія изъ жизни Христа. Этотъ трудъ навѣрное стоялъ большую половину одной человѣческой жизни. Преданіе приписываетъ этотъ трудъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Но чей бы онъ ни былъ—онъ въ своемъ родѣ замѣчательное произведеніе по великолѣпію и даже искусству живописи и письма и по усердію, воодушевлявшему художника. Евангеліе это не можетъ принадлежать глубокой древности: по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ, его относятъ къ 7201 году, по старому русскому лѣтосчисленію.

Въ ризницѣ также много драгоцѣнной церковной утвари, пожертвованной бояриномъ Милославскимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Не менѣе любопытна и бібліотека монастырская. Въ ней много рукописныхъ книгъ и въ томъ числѣ два Евангелія на пергаментѣ, безъ означенія года. Судя по тексту, они должны быть очень древнія: текстъ этотъ принадлежитъ къ первымъ эпохамъ славянскаго языка. Тутъ-же судебникъ Іоанна Грознаго, нѣсколько грамотъ за собственноручною подписью русскихъ царей—самая древняя Василія Іоанновича; другія: Іоанна Грознаго, его сына Феодора, Бориса Годунова, Лжедмитрія и Владислава, польскаго королевича. На этой послѣдней означено, что она дана въ Москвѣ. Всѣ онѣ касаются частныхъ дѣлъ монастыря. Одна только имѣетъ болѣе важное историческое значеніе: это грамота Бориса Годунова о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ. Годуновъ предписываетъ настоятелю монастыря смотрѣть крѣпко за симъ опальнымъ старцемъ, который «лаится» и бьетъ монаховъ—однако, повелѣваетъ не дѣлать ему никакого насилія. Грамота эта, кажется, напечатана въ «Русской Вивлюэнкѣ», но здѣсь ея подлинникъ. Показывали намъ мѣсто, гдѣ былъ постриженъ Филаретъ, и крестъ, который онъ носилъ на себѣ. Въ заключеніе архимандритъ открылъ ящикъ съ надписью: «Дѣла о немаловажныхъ колодникахъ», которые ссылаемы были въ Сійскій монастырь на покаяніе. Однако-жь, изъ «немаловажныхъ колодниковъ» мы не нашли ни одного государственнаго или замѣчательнаго лица. Поблагодаривъ архимандрита за все интересное, что онъ намъ показалъ, мы продолжали путь.

30. Ночью прѣѣхали въ Холмогоры. Отсюда начинаются тѣ роскошныя луга, на которыхъ пасутся извѣстныя холмогорскія коровы. Двина постепенно расширяется и, наконецъ, у Архангельска разливается въ настоящій морской заливъ.

31. Мы уже въ Архангельскѣ и остановились въ домѣ гражданскаго губернатора Ильи Ивановича Огарева, который принялъ насъ съ искреннимъ радушіемъ.

Замѣчанія въ Архангельскѣ.

31 мы отдыхали. Я собиралъ свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ. Губернаторъ сообщилъ мнѣ много интереснаго. Городъ раздѣляется на двѣ части: нѣмецкую и русскую. Торговля въ рукахъ иностранцевъ—сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ домѣ Бранта, состоящемъ изъ девяти братьевъ. Восемь изъ нихъ живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но зависятъ отъ старшаго брата, который здѣсь пребываетъ. Капиталъ ихъ простирается до 20 милліоновъ рублей. У нихъ масса

кораблей, на которыхъ они вывозятъ изъ Архангельска ленъ, пеньку, сало. дѣсь и привозятъ колониальные товары.

Нѣмецкая часть города отличается опрятностью и миловидностью домиковъ. Русскіе купцы живутъ въ грязи и торгуютъ, какъ плуты. Пьянство въ большомъ ходу. Губернаторъ жаловался, что у него нѣтъ ни одного чиновника, который не былъ бы воръ, или пьяница. Онъ долженъ наблюдать за ними, какъ за испорченными дѣтьми. Чтобы они по возможности меньше пили, онъ старается ихъ держать больше при себѣ, часто заставляя съ собою затракать и обѣдать. Кто не явился по приглашенію, за тѣмъ ужъ приходится посылать дрожки, чтобы привести хоть пьянаго. Надо сначала его отрезвлять, а затѣмъ уже поручать ему дѣло. Въ случаяхъ сватовства, родственники невѣсты, наводя справки о женихѣ, уже не спрашиваютъ, трезвый-ли онъ человекъ, а спрашиваютъ: «каковъ онъ во имѣлю?»—ибо первое почти немислимо. Большинство и чиновниковъ, и другихъ городскихъ обывателей косвѣютъ въ невѣжествѣ.

За обѣдомъ у губернатора былъ нѣкто Горегладъ (?), по доносу жандармовъ сосланный въ Мезень. Губернаторъ взялъ его къ себѣ для разныхъ порученій. Онъ человекъ довольно образованный. Живя въ Мезенѣ, выучился столярному и токарному ремесламъ и изготовляетъ изъ кости прелестныя, художественныя вещицы. Онъ долго жилъ съ самоѣдами и началъ было составлять азбуку ихъ языка, но мезенскій городничій запретилъ ему это.

Августъ 1. Осматривали гимназическій домъ: онъ ветхъ и гадокъ. Были въ соборѣ, гдѣ служилъ обѣдню архіерей. Намъ показывали крестъ, сдѣланный самимъ Петромъ Великимъ и водруженный имъ на берегу Бѣлаго моря. На немъ голандская надпись, гласящая, что онъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ.

Посѣтили мы и Соловецкій монастырь. Островъ Соловецкій имѣетъ семнадцать верстъ въ ширину и двадцать пять въ длину. Монастырь на немъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Монаховъ насчитывается болѣе ста. Замѣчательно при монастырѣ отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Они ссылаются сюда на безсрочное заточеніе, большею частью на всю жизнь. Нынѣ сихъ несчастныхъ сорокъ человекъ—между прочимъ два студента московскаго университета, за участіе въ заговорѣ противъ государя. Недавно одинъ изъ заключенныхъ, Горажанскій, сосланный въ монастырь за соучастіе съ декабристами, въ припадкѣ сумасшествія, убилъ сторожа. Каждый изъ заключенныхъ имѣетъ отдѣльную каморку, чуланъ—или вѣрнѣе могилу: отсюда онъ переходитъ прямо на кладбище.

Всякое сообщеніе между заключенными строго запрещено. У нихъ

ни книгъ, ни орудій для письма. Имъ не позволяютъ даже гулять на монастырскомъ дворѣ. Самоубійство и то имъ не доступно, такъ какъ при нихъ ни перочиннаго ножика, ни гвоздя. И бѣжать некуда — кругомъ вода, а зимой непомѣрная стужа и голодная смерть, прежде чѣмъ несчастный добрался бы до противоположнаго берега.

Между достопримѣчательностями монастыря—мечи Пожарскаго и Скопина-Шуйскаго, украшенные драгоценными камнями. Здѣсь погребень Авраамій Палицынъ. Въ монастырской библіотекѣ много древнихъ рукописей и грамотъ. Теперь въ монастырѣ уже болѣе шести ведѣль живетъ Бередниковъ, товарищъ Строева. Онъ занимается разборкой архива и выписками изъ находящихся въ немъ сокровищъ. Монахи на него негодуютъ, потому что онъ не показываетъ имъ своихъ выписокъ и извлеченій.

Архимандритъ по виду напоминаетъ тѣхъ канониковъ, надъ которыми любилъ смѣяться Вольтеръ. Онъ написалъ: «Исторію Соловецкаго монастыря», руководствуясь актами изъ его архива, но св. синодъ не пропускаетъ ее. Такъ какъ въ числѣ заключенныхъ много раскольниковъ, особенно скопцевъ, архимандриту удалось составить изъ ихъ показаній точное описаніе ихъ ересей. Въ вѣрованія скопцевъ слѣдующій догматъ: Спаситель вторично пришелъ на землю, чтобы научить заблудшихъ. Онъ не иной кто, какъ сынъ дѣвы Елисаветы Петровны императрицы — который былъ воспитанъ въ Голштиніи, царствовалъ подъ именемъ Петра III и теперь еще гдѣ-то живетъ.

Архангельская губернія вообще богата раскольниками. Епископъ здѣшній утверждаетъ, что изъ всего народонаселенія лишь сотая часть принадлежитъ православію. Нѣкоторыя секты въ условіяхъ своей вѣры считаютъ развратъ. Ихъ безчинія доходятъ до того, что дикіе самоѣды, недавно крещенные, гнушаются вступать съ ними въ семейныя связи. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорить архіерей здѣшній.

Вечеромъ мы гуляли на Елисаветовскомъ островѣ: пили тамъ чай, а по серединѣ Двины, въ лодкѣ, даже шампанское, которымъ насъ угощалъ директоръ гимназій Ковалевскій. Двина здѣсь великолѣпна. Наша красавица Нева должна ей уступить первенство. Ширина Двины здѣсь простирается на четырнадцать верстъ. Она усѣяна островами, на одномъ изъ которыхъ, на Соломбалѣ—часть города Архангельска и адмиралтейство.

Верстахъ въ сорока отъ города, къ западу, у моря открыты цѣлебныя воды. Многіе, говорятъ, купаясь въ нихъ, получили исцѣленіе или облегченіе отъ своихъ недуговъ.

2. Обѣдали у военнаго губернатора, адмирала Галла: это честный и добрый старикъ. Осматривали адмиралтейство. Намъ показы-

вали, какъ отдѣляются нѣкоторыя части корабля. Гигантскія ребра, гигантскія мачты! И эту громаду можетъ сокрушить, можетъ превратить въ пены одна волна! Мы заходили къ капитану надъ портомъ. Онъ старикъ, но у него молоденькая жена, очень миленькая и живая шведочка.

7. На пароходѣ. Десять часовъ утра. Прекрасный день. Мы возвращаемся изъ Новодвинской крѣпости. Она не велика, а видъ съ нея почти такой-же, какъ съ Петрозаводской. Замѣчательнъ здѣсь дворецъ Петра Великаго: это крошечный домикъ съ четырьмя комнатами. Входы такъ низки, что Петру, при его высокому росту, приходилось сгибаться въ дугу, чтобы попасть въ спальню или столовую. Насъ очень вѣжливо встрѣтилъ смотритель, который, по выраженію Ильи Ивановича, сопровождавшаго насъ губернатора—уже успѣлъ «тюкнуть».

Заглянули мы и въ церковь, тоже построенную Петромъ Великимъ. Она деревянная, но живопись въ ней недурна.

Пароходъ несется по Двинѣ, какъ чайка; мимо мелькаютъ острова и береговья извилины. На встрѣчу намъ подвигается корабль на всѣхъ парусахъ; онъ тихо, величественно проносится мимо. Я не налюбуюсь широкимъ раздольемъ рѣки и чудесной погодой. Мы теперь плывемъ въ Шурну, лѣсопильный заводъ г-на Бранта...

8. Въ двѣнадцать часовъ пополудни выѣхали мы изъ Архангельска. Насъ провожалъ до заставы Илья Ивановичъ Огаревъ. Онъ отличается оригинальнымъ характеромъ. Онъ не особенно широкаго ума, не особенно образованъ, мало начитанъ, не честолюбивъ, но исполненъ честности, прямодушія и того простаго здраваго смысла, оторый видитъ вещи въ тѣсномъ кругу, но за то видитъ ихъ ясно, прямо, какъ онъ есть. Его предшественники въ управленіи губерніей, можетъ быть, были умнѣ его, но за то и лучше умѣли соблюдать собственные выгоды. Теперь губернія, по возможности, благоденствуетъ подъ начальствомъ двухъ простодушныхъ и добрѣйшихъ людей: адмирала Галла и гражданскаго губернатора Огарева. За послѣднимъ, кромѣ того, важная заслуга: онъ объявилъ войну ворами и взяточникамъ и самъ не поддается никакимъ соблазнамъ, хотя ихъ много въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Архангельскъ. Огаревъ самъ мало образованъ, но съ величайшимъ рвеніемъ заботится о просвѣщеніи— и это въ силу какого-то непреодолимаго въ немъ влеченія. И онъ, и военный губернаторъ жаловались, что всѣ ихъ представленія объ устройствѣ и благосостояніи губерніи остаются безъ всякаго дѣйствія въ Петербургѣ. Тамъ у насъ много суетятся, но заботятся только объ очищеніи бумагъ, о быстрой циркуляціи ихъ,

до сути же вещей никто не доходитъ (1834 г.). Въ прошлый голодный годъ Огаревъ благоразумными мѣрами прокормилъ всю губернію: за это ему не сказали и спасибо. «Произвелъ какую-то быстроту въ ходѣ текущихъ дѣлъ» и получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ это съ досадою и прискорбіемъ. Зимой онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ своей губерніи—и не дождался этого счастья. Наконецъ, принужденъ былъ явиться къ нему въ департаментъ, въ числѣ просителей: тогда его выслушали уже ради стыда.

На первой станціи отъ Архангельска насъ ожидалъ директоръ гимназіи, Ковалевскій, съ шампанскимъ, которымъ онъ насъ за все время пребыванія нашего въ Архангельскѣ усердно угощалъ.

Въ Холмогоры пріѣхали мы вечеромъ, осмотрѣли училище и немедленно продолжали путь.

Отъ Холмогоръ до Шенкурска мы опять тонули въ пескахъ. Пренесносная дорога. Шенкурскъ—посмѣшище городовъ. Жителей, платящихъ податей, въ немъ тридцать два. Кучка полуразвалившихся деревянныхъ построекъ, брошенныхъ въ яму—вотъ городъ.

Смотритель училища привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой называлъ князя (Дондукова-Корсакова) Авраамомъ и солнцемъ, а себя съ учителями и учениками «недостойными рабами его».

Другой городъ на нашемъ пути въ Вологду былъ Вельскъ. Тамъ застали мы вологодскаго епископа, Стефана, который объѣзжалъ свою епархію, съ цѣлью учрежденія тюремныхъ комитетовъ. Мы нашли его за обѣдомъ и очень веселымъ. Онъ и насъ усердно подчивалъ Донскимъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Верховье. Это не городъ, но лучше многихъ городовъ. Въ немъ много зажиточныхъ купцовъ, торгующихъ съ Архангельскомъ и съ Кяхтою. Между ними нѣсколько миллионеровъ, напимѣръ, купецъ Рудаковъ, въ домѣ котораго мы были и дивились его роскоши и безвкусію. За Верховьемъ есть станція, Коморовъ-Совокъ, къ которой ведетъ бревенчатая мостовая: не дай Богъ еще когда нибудь по ней прокатиться.

13. Въ восемь часовъ утра мы прибыли въ Вологду. Осмотрѣли наскоро гимназію и отправились въ деревню Ассанову, въ трехъ верстахъ отъ города, принадлежащую Дмитрію Михайловичу Макшееву. У него приготовлена была намъ квартира.

На слѣдующій день мы опять посѣтили гимназію—и на этотъ разъ уже основательно. Я экзаменовалъ учениковъ: они отвѣчали недурно изъ исторіи и словесности.

По окончаніи экзамена ко мнѣ подошелъ жандармскій полковникъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ: не знакомъ ли я съ Константиномъ Николаевичемъ Батюшковымъ?

— Нѣтъ, лично вовсе не знакомъ.

— Странно, между тѣмъ онъ часто вспоминаетъ ваше имя.

— Мое имя? Это удивительно! Да гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь: онъ мнѣ родственникъ.

Я рѣшился навѣстить Батюшкова.

15. Заѣхалъ утромъ къ жандармскому полковнику и мы вмѣстѣ отправились къ несчастному поэту.

Когда ему объявили о моемъ прибытіи, онъ сказалъ:

— Очень хорошо: съ нимъ и Дѣва Марія придетъ ко мнѣ.

Духъ этого человѣка въ совершенномъ упадкѣ. Я прочелъ ему нѣсколько стиховъ изъ его собственнаго: «Умирающаго Тассо»: онъ ихъ не понялъ. Ихъ удивительная гармонія не отовалась въ душѣ, нѣкогда создавшей ихъ.

Онъ говорилъ страшный вздоръ о томъ, что у него заключенъ какой-то союзъ съ Англійей, Европой, Азіей и Америкой; что онъ гдѣ-то видѣлъ, какъ кто-то влачилъ въ пыли Карамзина и русскій языкъ; вспоминалъ о какой-то Екатеринѣ Карамзиной и все заключилъ неприличной выходкой противъ англичанъ. Затѣмъ онъ быстро вскочилъ и побѣжалъ въ садъ. Мы послѣдовали за нимъ, но онъ уже больше ничего не говорилъ: былъ угрюмъ и молчаливъ. Его содержать хорошо. Комнаты его меблированы отлично и самъ онъ одѣтъ опрятно и даже нарядно—въ синемъ шелковомъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ. Онъ закидывалъ конецъ халата на плечо, въ видѣ римской тоги, и все время старался принять важный, трагическій видъ.

Ужасное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: я долго не могъ отъ него оправиться.

За обѣдомъ у Макшеева я видѣлъ еще одно замѣчательное лицо—Крюковецкаго, бывшаго диктатора Польши. Ему лѣтъ около шестидесяти. Онъ высокаго роста и прекрасной наружности. Много любопытнаго рассказывалъ онъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ. Виновиномъ восстанія онъ считаетъ в. кн. Константина Павловича, который раздражалъ умы насмѣшками надъ конституціей и похвалой, что ее ничего не стоитъ уничтожить. Онъ приводилъ полякамъ въ примѣръ Карла X, говорилъ, что со всякою конституціей надо поступать, какъ тотъ поступилъ съ французскою. Когда же Карлъ за то заплатился короною, вел. кн. былъ этимъ очень недоволенъ и безпрестанно толковалъ съ приближенными поляками о томъ, что въ Польшѣ

этого не можетъ быть. Наконецъ, возстаніе разразилось и в. кн. первый удался изъ Варшавы.

16. Я забылъ записать раньше слѣдующее. Въ Сійскомъ монастырѣ видѣлъ я портретъ какого-то архіерея, написанный масляными красками, и очень недурно, самоучкою, крестьянскимъ мальчикомъ, изъ какого-то села подъ Архангельскомъ. Ему тогда было всего четырнадцать лѣтъ. Тетерь онъ учится въ академіи художествъ. Видно, родина Ломоносова не оскудѣваетъ талантами.

Кстати о Ломоносовѣ. Пріѣхавъ въ Архангельскъ, я поспѣшилъ взглянуть на памятникъ этого нашего перваго русскаго ученаго свѣтила. Я нашелъ его на засоренной площади, въ пяти шагахъ отъ полицейскаго дома. Фигура Ломоносова отлита не дурно; положеніе его величественно; лицо дышетъ вдохновеніемъ. Но геній, который подаетъ ему лиру, вовсе лишній, да и выполненъ не хорошо. Къ чему онъ здѣсь? Пусть бы Ломоносовъ просто стоялъ, какъ поставленъ, съ лирою въ рукахъ и съ возвышеннымъ челомъ. Онъ можетъ самъ за себя говорить — онъ самъ геній. Я разспрашивалъ о его родственникахъ: близкіе уже всѣ вымерли.

18. Мы пріѣхали въ Ярославль и остановились въ довольно плохомъ трактирѣ. Обѣдали у губернатора; вечеромъ гуляли по бульвару, на берегу Волги.

А. В. Никитенко.

Примѣчаніе. На этомъ прерывается дневникъ за 1834 годъ.

С. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LII ¹⁾.

Разладъ.

Есть много горестныхъ минутъ,
 Томится умъ и сердцу больно,
 Недоумѣнія растутъ
 И грудь стѣсняется неволью.
 Въ душѣ вопросовъ длинный рядъ,
 Все тайна—нѣту разрѣшенъ,
 Съ людьми, съ самимъ собой разладъ
 И душать горькія сомнѣнья.
 Но все-жъ на днѣ души больной
 Есть вѣра съ силою могучей...
 Такъ солнце бурною порой
 Спокойно свѣтитъ изъ-за тучи.

17-го апрѣля 1840 г.

LIII.

Тамъ на улицѣ холодомъ вѣетъ,
 Завываетъ мятель подъ окномъ;
 Еще ночь надъ землей тяготѣетъ
 И все спитъ безмятежно кругомъ.
 Я одинъ до разсвѣта проснулся
 И безмолвно каминъ затопилъ,
 И трескучій огонь вострепелъ,
 И блуждающій отблескъ разлилъ.
 Тяжело мнѣ и грустно мнѣ стало
 И неволью на память пришло,
 Какъ мнѣ въ дѣтскіе годы бывало
 У каминна тепло и свѣтло.

1840 г.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 351, 354, 430, 553, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128 162. и 210.

ГАВРИИЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНКОВЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

Род. 1793, † 1863 г.

Въ историческихъ журналахъ нашихъ за послѣдніе годы появилось уже довольно много сообщеній о такъ называемыхъ декабристахъ и характеристикъ наиболѣе выдающихся личностей между ними. Люди эти, какъ бы о нихъ ни судить— во всякомъ случаѣ обращаютъ на себя особое вниманіе историка, являясь ему представителями умственного движенія въ извѣстной части русскаго общества, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Въ редакціи „Русской Старины“, за двадцать лѣтъ существованія журнала, накопилось много рукописныхъ матеріаловъ о несчастныхъ событіяхъ 14 декабря 1825 года и о лицахъ, сдѣлавшихся жертвами этихъ событій. Пользуясь означенными рукописными свѣдѣніями, а равно и печатными источниками, мы представляемъ здѣсь возможно полное жизнеописаніе Гавриила Степановича Батенкова, человѣка замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, ближайшаго сотрудника знаменитаго Сперанскаго, временнаго любимца всеильнаго Аракчеева,—которые оба весьма высоко цѣнили его выдающіяся способности, честное отношеніе къ дѣлу и необыкновенное трудолюбіе.

I.

Г. С. Батенковъ (или Батеньковъ) по происхожденію сибирякъ; родился въ г. Томскѣ (а по другимъ свидѣтельствамъ въ Тобольскѣ), 25 марта 1793 г. Отецъ его отставной оберъ-офицеръ, женатый два раза, имѣлъ кучу дѣтей, изъ которыхъ послѣднимъ былъ Гавріилъ Степановичъ. Младенецъ появился на свѣтъ въ такомъ истощенномъ состояніи, что его сочли за мертворожденнаго; рассказываютъ даже, что онъ только въ гробикѣ своемъ подалъ первые признаки жизни. Если этотъ рассказъ и отзывается чѣмъ-то легендарнымъ,—тѣмъ не менѣе, о чрезмѣрной слабости своего организма въ младенчествѣ свидѣтельствовалъ потомъ самъ Гавріилъ Степановичъ. Нервная воспримчивость проявлялась въ высшей степени при всѣхъ особыхъ случаяхъ изъ эпохи его дѣтства, отчасти оставивъ слѣды и на всю остальную его жизнь, хотя физическое его здоровье, вообще, впоследствии окрѣпло до такой степени и такъ закалилось, что не могли сломить его самыя необычайныя и тяжкія испытанія.

О слабости своей нервной системы въ дѣтствѣ самъ Батенковъ рассказываетъ, что когда, однажды, нянька внесла его въ мѣстный соборный храмъ, то онъ до такой степени испугался колоссальнаго изображенія Спасителя, что лишился чувствъ; а звукъ новаго соборнаго колокола съ такой силою подѣйствовалъ на его нѣжные органы, что навсегда разстроилъ слухъ. „Можно сказать, — писалъ впоследствии самъ Батенковъ, — что колоколь и изображеніе повредили моему воспитанію, и трудно найти младенца, которому страхъ болѣе попрепятствовалъ въ тѣлесномъ развитіи и первоначальномъ обученіи. Страхъ этотъ могъ напоследокъ лишитъ разсудка. Когда нечаянно на глазахъ моихъ выбѣжалъ изъ острога человекъ, закованный въ кандалы, я рѣшительно сталъ бояться желѣза, вездѣ подозрѣвалъ, что оно несносно, и одинъ видъ вблизи острожныхъ башенъ ввергалъ меня въ безпамятство“.

Можно себѣ представить, какъ на подобную натуру долженъ былъ подѣйствовать видъ страданій и крови. Сдѣлавшись однажды случайнымъ свидѣтелемъ, какъ убивали къ столу ка-

кую-то домашнюю птицу, Батенковъ навсегда получилъ отвращеніе отъ всякой животной пищи и во всю жизнь пробавлялся овощами, молочными продуктами и т. п.

Родители Гавріила Степановича были люди весьма благочестивые, такъ что ему, кромѣ частаго хожденія въ церковнымъ службамъ, приходилось и дома нерѣдко присутствовать при бесѣдахъ о жизни разныхъ подвижниковъ. Вслушиваясь въ эти бесѣды, впечатлительный мальчикъ задался мыслью подражать святымъ угодникамъ и сталъ налагать на себя разные виды воздержанія. „Важнѣе всего,—разсказываетъ самъ Батенковъ,— что я понялъ смыслъ словъ: „не будетъ конца“, обративъ это на муки во адѣ, и уединился... Мучился подолгу, и мысль сдѣлалась неотступною. Хотѣлось спастись, чего бы ни стоило, и, услышавъ о жизни св. Даниіла Столпника, я разсудилъ, что это самое трудное, а потому рѣшительное средство. Вскраб-кался, хотя и съ боязнію, на одинъ изъ заборныхъ столбовъ въ огородѣ, съ намѣреніемъ простоять на немъ всю жизнь. Черезъ нѣсколько минутъ закружилась у меня голова и напалъ такой страхъ, что я закричалъ во все горло. Увидѣли, сняли и дивились такой небывалой во мнѣ смѣлости; стали разспрашивать и я разсказалъ все. Отецъ не смѣялся, но сильною добротою сердца успокоилъ меня, объяснивъ, что я еще младенецъ, и не понимаю нисколько, что дѣлаю. Я ему глубоко повѣрилъ и съ того времени сталъ немного рѣзвѣе и веселѣе, пересталъ задумываться“.

Глубокая и разумная религіозность оставалась, однако, до конца жизни одною изъ отличительныхъ чертъ Гавріила Степановича и служила ему важнѣйшею поддержкою при постигшихъ его впоследствии невзгодахъ. Вотъ что онъ самъ говорить объ этомъ:

„Впечатлѣніе младенчества успокоилось и не возмутило разсудка, но оставалось и крѣпло со временемъ, хотя и казалось заглушеннымъ въ волнахъ жизни; я почиталъ его добрымъ, какъ напоминаніе о смерти и будущей жизни, хотя оно чувствовалось совсѣмъ иначе, нежели естественная совѣсть. Оно возымѣло полное дѣйствіе уже въ мужескій возрастъ, когда житейское бѣдствіе обрушилось надо мною. Я полагалъ остатокъ дней провести въ крайнемъ смиреніи и непрестанной молитвѣ; стоялъ на

колѣняхъ передъ образомъ по цѣлымъ часамъ; боролся съ собою, не чувствуя желаемаго умиленія, и продолжалъ это дотолѣ, пока внезапнымъ осіаніемъ ума обнялъ какое мнѣ свойственно богопознаніе и вѣрованіе, увидѣлъ, что принятый мною путь есть только отрицаніе и не ведетъ ни къ чему, кромѣ изнуренія. Можно сказать, что съ того времени все врѣзавшееся мнѣ въ душу, какъ законъ — (это ось, подобная той, которая дѣлитъ наше чувство, симметрически, на правое и лѣвое). — обернулось къ нему свѣтлою, лицевою стороною. Я утвердился на ней. Впослѣдствіи, прочитавъ „Исповѣдь“ Гоголя и зная вполнѣ его состояніе, желалъ я изъяснить ему его; написалъ сразу два къ нему письма, одно, и лучшее, не дошло. На другое онъ отвѣчалъ, благодарилъ и обѣщалъ не почитать свои „Мертвыя души“ ни слишкомъ великимъ дѣломъ, ни грѣхомъ смертнымъ“.

Родителей своихъ Батенковъ лишился, повидимому, находясь еще въ отроческомъ возрастѣ. Кто занимался его домашнимъ воспитаніемъ, намъ неизвѣстно; что же касается до первоначальнаго обученія, то въ немъ, какъ кажется, главную роль играли врожденная любознательность и недюжинныя способности мальчика. Гражданской грамотѣ онъ выучился самоучкою, безъ всякаго усилія, по буквеннымъ карточкамъ; частое же присутствіе при богослуженіи и любовь къ церковнымъ гѣснопѣніямъ побудили его заняться славянскимъ языкомъ, съ которымъ онъ тоже самъ и безъ особеннаго труда освоился.

Обученіе у учителей началось довольно оригинальнымъ образомъ: съ ариметики и татарской грамматики. Писать Батенковъ началъ прямо, безъ приготовленія и, по собственному его свидѣтельству, — едва-ли не прежде всего татарскими буквами. Объяснить эту странность можно, какъ кажется, близкимъ знакомствомъ Батенковыхъ съ ссыльнымъ графомъ Салтыковымъ, большимъ любителемъ и знатомъ татарскаго языка, конечно, весьма полезнаго при сношеніяхъ съ инородцами юго-западной Сибири и прилегающихъ къ ней киргизскихъ земель.

Любимымъ товарищемъ Гавриила Степановича, въ отроческихъ лѣтахъ, былъ одинъ молодой живописецъ. Дружба съ нимъ тоже содѣйствовала саморазвитію Батенкова и другихъ юныхъ друзей его. „Во время продолженія работъ, — рассказываетъ онъ самъ, — мы, незанятыя, слѣдили съ любопытствомъ

и за приготовительною техникою, и за постепеннымъ проявленіемъ рисунковъ, и за красками готовящихся изображеній, и въ то же время, кто могъ, читалъ книги, а послѣ, какъ умѣли, старшіе разбирали ихъ. Живительнѣе всего были сочиненія Карамзина, Путешествіе, Аглая, Бездѣлки, иногда восторгались и парили съ Державиннымъ и находили ближе въ сердцу Дмитріево-Богдановича, Долгорукова“.

О пребываніи Батенкова въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ (о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ о немъ свѣдѣніяхъ) и въ Тобольскомъ въ Военно-сиротскомъ отдѣленіи (какъ значится въ его послужномъ спискѣ) не осталось воспоминаній; равно неизвѣстно намъ, когда и кѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда, 21 мая 1812 года, т. е. наканунѣ великой Отечественной войны, былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 13-ю артилерійскую бригаду.

Съ этою бригадою, состоявшею въ корпусѣ генераль-лейтенанта бар. Сакена, Батенковъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятельскихъ войскъ за предѣлы Россіи; въ 1813 г. былъ при занятіи Варшавы и Кракова (27 января и 1 мая); въ томъ же году, августа 7-го, находился въ дѣлѣ при г. Кренбау, гдѣ контуженъ въ лѣвое плечо; 4 октября, во время вылазки непріятеля изъ крѣпостей Витенберга и Магдебурга, спасъ и доставилъ къ нашимъ войскамъ артиллерійскіе снаряды, едва было не попавшіеся въ руки французовъ, — за что награжденъ былъ чиномъ подпоручика (по приказу 17 декабря 1813 г.). Въ 1814 г., января 7-го, въ дѣлѣ при г. Вокулерѣ, командуя двумя орудіями, дѣйствовалъ отдѣльно, со стрѣлками; 17 и 20 января участвовалъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ при Шато-Бриеннѣ и Ларотьерѣ, и за отличіе въ послѣднемъ изъ сихъ сраженій награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; 24-го того же мѣсяца былъ при пораженіи французскаго отряда у с. Содронъ, а 30-го числа участвовалъ въ несчастномъ для насъ сраженіи при Монмиралѣ, которымъ временно пріостановлена была его боевая дѣятельность. Находясь въ аріергардѣ, прикрывавшемъ отступление войскъ Сакена, Батенковъ съ своими двумя орудіями такъ упорно и долго держался на позиціи, что былъ окруженъ непріятелемъ, получилъ десять штыковыхъ ранъ

и оставленъ замертво на полѣ сраженія ¹⁾. Человѣколюбіе случайно наткнувшася на него французскаго офицера, высланнаго съ командою, для уборки труповъ, спасло Батенкова отъ неминуемой смерти; онъ былъ отнесенъ въ городской госпиталь, гдѣ и пролежалъ до занятія Монмираля русскими войсками (10 февраля).

Молодость взяла свое: Гавріилъ Степановичъ поправился и вернулся въ свою батарею, гдѣ товарищи считали его убитымъ. Марта 15-го онъ уже снова участвовалъ въ дѣлѣ при Сенъ-Міэлѣ, гдѣ командовалъ двумя орудіями, состоя при корпусѣ прусскихъ войскъ, подъ командою королевскаго генераль-маіора принца Бирона Курляндскаго. Затѣмъ, по 4-е апрѣля, находился при блокадѣ вѣрности Мецъ. При переименованіи артиллерійскихъ бригадъ (23 сентября 1814 года) Батенковъ назначенъ былъ въ легкую № 53 роту 27-й артиллерійской бригады.

Въ 1815 году войска наши были вновь двинуты за границу. Этотъ походъ Батенкову пришлось совершить подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова. Въ составѣ другихъ войскъ нашихъ, пришедшихъ во Францію, онъ, съ 22-го по 25-е іюня, участвовалъ въ блокадѣ Меца, откуда ходилъ въ г. Вертю, а осенью возвратился въ Россію.

Надо замѣтить, что, повидимому, еще во время службы въ строю (хотя неизвѣстно въ какомъ именно году), Батенковъ сдѣлался, по обычаю того времени, членомъ масонскаго общества и состоялъ въ петербургской ложѣ „Избраннаго Михаила“, въ союзѣ „Великой ложи Астрей“. Тутъ же прибавимъ, что при переходѣ на службу въ Сибирь (о чемъ скажется ниже) онъ былъ въ числѣ основателей ложи „Восточнаго Свѣтила“ въ Томскѣ, учрежденной въ 1818 году и принадлежавшей къ союзу той же Астреи.

Посѣщеніе масонскихъ собраній, конечно, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на такую воспримчивую натуру, кака была у Гавріила Степановича. Характеръ этого вліянія на людей молодаго поколѣнія (временъ Александра I) весьма удачно опредѣленъ извѣстнымъ нашимъ публицистомъ А. Н. Пыпинимъ.

¹⁾ Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ было сказано: «потеряны двѣ пушки со всею прислугою отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера».

„Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній, — говоритъ онъ, — соединеніе ихъ во имя какой-то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую-то программу, служатъ какому-то нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, способна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, особенно въ тогдашнее время. Событія двѣнадцатаго года и послѣдующаго времени волновали умы, и когда Россія впервые въ этихъ событіяхъ стала лицомъ къ лицу съ Европой, то враждебно, то въ извѣстномъ союзѣ, политическое возвышеніе Россіи подняло и уровень интересовъ общества; неясные зачатки общественной самодѣятельности обнаружались и въ масонскихъ ложахъ. Библейскіе дѣятели думали обновлять русскую жизнь евангельской пропагандой, масонскія ложи хотѣли работать для „благополучія чловѣковъ“ усовершеніемъ нравственности. Что эти первыя пробы не были совершенно бесплодны, можно судить потому, что въ ложахъ уже скоро стало сказываться броженіе, которое, не ограничиваясь отвлеченною моралью, стало искать болѣе положительныхъ началъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни. Разныя направленія, какія были въ обществѣ, проникаютъ въ ложи и находятъ здѣсь точку опоры. Въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе, — политическій либерализмъ ¹⁾“.

Къ этимъ вліяніямъ масонской ложи присоединялись другія, не менѣе, если еще не болѣе сильныя. Долговременное пребываніе нашихъ войскъ, по случаю войны съ Наполеономъ, въ западно-европейскихъ государствахъ, ознакомленіе съ тамошнимъ строемъ жизни и приравниваніе его къ нашему — все это, по свидѣтельству современниковъ и участниковъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, имѣло возбуждающее дѣйствіе на болѣе развитую часть нашей военной молодежи, заронило въ нее новыя политическіе инстинкты, и прежнія, обычныя рамки жизни для многихъ показались уже слишкомъ тѣсными. Мрачная эпоха Аракчеевщины, установившаяся почти непосредственно по возвращеніи нашихъ войскъ изъ похода, не могла, въ свою очередь, не усилить этого возбужденнаго состоянія.

¹⁾ Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пышина. Сиб., 1885 г., стр. 325.

Неудивительно, что Батенковъ, съ его пылкимъ воображеніемъ и дѣятельнымъ умомъ, вращавшійся постоянно въ кругу масоновъ и военной молодежи, охваченъ былъ волною этихъ многочисленныхъ вліяній.

По возвращеніи войскъ нашихъ въ Россію, онъ недолго оставался въ военной службѣ, и въ началѣ 1816 года (вслѣдствіе, какъ говорятъ, какихъ-то столкновеній съ начальствомъ) вышелъ въ отставку.

Замѣчательныя математическія способности помогли ему, однако, скоро найти для себя новый родъ дѣятельности: онъ поступилъ въ недавно учрежденное тогда вѣдомство инженеровъ путей сообщенія. Но и здѣсь ему сначала не повезло. Ретивое и честное отношеніе его къ дѣлу, должно быть, проявилось въ формахъ не совсѣмъ удобныхъ для нѣкоторыхъ господъ. Батенковъ былъ скорѣй ославленъ „безпокойнымъ человекомъ“ и отправленъ на службу въ Западную Сибирь, съ званіемъ управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія (еще не открытымъ).

По врожденному характеру, Батенковъ, конечно, не могъ примириться съ бездѣятельностію, на которую былъ обреченъ, попавъ опять на свою родину въ Томскъ. За отсутствіемъ служебныхъ работъ, онъ, повидимому, направилъ свою дѣятельность на учрежденіе въ Томскѣ масонской ложи (см. выше), при которой и состоялъ въ должности секретаря. Кромѣ того, онъ, при случаѣ, занимался и предметами своей прямой служебной спеціальности; но тутъ опять ухитрился оправдать свою репутацію „безпокойнаго человека“. Мѣстнымъ губернаторомъ подана была высшему начальству смѣта о стоимости постройки какого-то предполагавшагося моста. Батенковъ вызвался построить его за поль-цѣны. Подобный поступокъ, который, вѣроятно, былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ, могъ бы при тогдашнихъ сибирскихъ порядкахъ — повлечь за собою крайне грустныя послѣдствія для молодаго инженернаго капитана. На его счастье, около этого же именно времени (1819 г.), прибылъ въ Сибирь на ревизію знаменитый Сперанскій.

II.

Съ прїѣздомъ Сперанскаго въ Сибирь наступаетъ новая эра въ жизни Батенкова. При вопіющихъ злоупотребленіяхъ, царившихъ въ этой странѣ, — при крайнемъ недостаткѣ благонадежныхъ людей въ тамошней администраціи, для новаго генераль-губернатора, конечно, было счастливою находкою встрѣтить человѣка не только честнаго и образованнаго, но и хорошо знакомаго съ краемъ. Есть извѣстія, что первому сближенію обоихъ названныхъ лицъ содѣйствовало то, что и тотъ и другой принадлежали къ франкъ-масонскому союзу и что Гавріиль Степановичъ рекомендованъ былъ Сперанскому предсѣдателемъ Томской ложи, генераль-маіоромъ Трейблutomъ. Впрочемъ, уже одна записка по части путей сообщенія, которую Батенковъ, прїѣхавъ въ Тобольскъ, представилъ генераль-губернатору, должна была обратить на него вниманіе послѣдняго. Записка и ея сочинитель, въ которомъ тотчасъ можно было замѣтить пылкое воображеніе, творческія идеи и, вообще, блестящія дарованія, такъ понравились Сперанскому, что онъ оставилъ Батенкова при себѣ во время поѣздокъ по Сибири и пребыванія въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Послѣ окончанія занятій по своей части (изъ которыхъ главными были укрѣпленіе береговъ р. Ангары и предначертаніе работъ на китайской границѣ), Батенковъ призванъ былъ къ новымъ трудамъ по задуманному Сперанскимъ преобразованію всѣхъ существующихъ въ Сибири учреждений. Въ этомъ дѣлѣ, Гавріиль Степановичъ — какъ по выше указаннымъ своимъ качествамъ, такъ и по многочисленнымъ связямъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія — былъ для Сперанскаго незамѣнимымъ человекомъ. Послѣдній поручилъ ему собирать отовсюду матеріалы для мѣстной статистики, сводъ и обработка которыхъ возложены были на генераль-губернаторскаго секретаря Жуковскаго.

Во время пребыванія съ Сперанскимъ въ Иркутскѣ, Гавріиль Степановичъ представилъ ему, въ видѣ научныхъ обзорнѣй, записки о слѣдующихъ предметахъ:

- 1) О сухопутныхъ сообщеніяхъ.
- 2) Объ учрежденіи этаповъ.
- 3) О ссыльныхъ.
- 4) Объ инородцахъ.
- 5) О сибирскихъ казакахъ.
- 6) О занятіи киргизской степи Средней орды.
- 7) О приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири. (Эта записка была впослѣдствіи изъята изъ общаго хода дѣлъ, передана начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, и послужила потомъ основой производства съемокъ).

Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, Батенковъ занимался еще изысканіемъ пути около оз. Байкала, съ обзорѣніемъ мѣстности, и разсмотрѣніемъ дѣла о дорогѣ въ Восточному океану; также учрежденіемъ первой въ Сибири ланкастерской школы и составленіемъ для нея учебниковъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ геометрическій.

По возвращеніи въ Тобольскъ, довѣренные чиновники Сперанскаго, подъ личнымъ его руководствомъ, приступили къ обработкѣ собранныхъ свѣдѣній. Плодомъ ихъ занятій (продолжавшихся съ сентября 1820 по январь 1821 года) было такъ называемое: „Сибирское учрежденіе“, съ принадлежащими къ нему уставами и положеніями. Сотрудники по этому дѣлу составляли особую „рабочую“, независимую отъ канцеляріи генераль-губернатора. Въ рабочей этой занимались слѣдующія лица: Рѣпинъ (впослѣдствіи сенаторъ), Вейкартъ (служившій по генеральному штабу), Буличъ (умершій въ Казани секретаремъ при генералѣ Львовѣ), Протопоповъ (служившій потомъ въ министерствѣ финансовъ) и, лично при Батенковѣ, нѣкто Текутьевъ, находившійся на службѣ въ Сибири. Составленный Батенковымъ проектъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ въ Сибири переведенъ былъ чиновникомъ Вильде на французскій языкъ, для генерала Бетанкура, главнаго въ то время начальника этой части въ имперіи, но мало разумѣваго по русски. Все дѣло, вообще, велось въ глубокой тишинѣ и тайнѣ, какъ вообще производились дѣла сего рода при Александрѣ I-мъ.

Способности и трудолюбіе молодаго инженера были по достоинству оцѣнены Сперанскимъ, который включилъ его въ число своихъ приближенныхъ и, при отъѣздѣ въ Петербургъ, взялъ его

съ собою. Оттуда Батенковъ, изнуренный чрезмѣрною работою и страдавшій отъ прежнихъ боевыхъ ранъ, отправился въ четырехъ мѣсячный заграничный отпускъ для лѣченія германскими минеральными водами. Изъ заграницы онъ, повидимому, еще до окончания срока отпуска, былъ вызванъ снова въ Петербургъ, гдѣ Сперанскій нуждался въ его содѣйствіи при изготовленіи всеподданнѣйшаго отчета по сибирскимъ дѣламъ, такъ какъ вскорѣ ожидалось прибытіе въ Петербургъ императора Александра, съ конгресса въ Лайбахѣ (1821 г.). По возвращеніи, Батенковъ былъ зачисленъ въ резервъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. По приглашенію своего покровителя, онъ поселился у него въ домѣ, ежедневно съ нимъ видѣлся и у него обѣдалъ и, вообще, сдѣлался домашнимъ, своимъ человѣкомъ у Сперанскаго. Такая близость съ этимъ государственнымъ мужемъ, въ домѣ котораго онъ имѣлъ, кромѣ того, случай видѣться и сближаться съ цвѣтомъ тогдашней петербургской интеллигенціи (какъ, напр., съ поэтомъ Жуковскимъ, который его очень любилъ), конечно, не мало способствовала расширенію умственнаго кругозора Гавріила Степановича. Кромѣ занятій окончательною обработкою почти уже завершеннаго „Сибирскаго уложенія“, особенно по киргизскимъ дѣламъ и учрежденію Омской области, онъ печаталъ разныя статьи о Сибири въ „Сынѣ Отечества“, откуда онъ переводились и въ нѣмецкіе журналы.

По возвращеніи императора Александра I изъ заграницы, ему представленъ былъ Сперанскимъ отчетъ и доложены общія черты приготавлиаемыхъ работъ. Тогда, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ, указомъ 28 іюня 1821 года, „Сибирскій комитетъ“ изъ графовъ: Кочубея, Гурьева, Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго. Производителями дѣлъ комитета были назначены Цейеръ и Батенковъ, произведенный передъ тѣмъ, по линіи, въ майоры. Вскорѣ, однако, Гавріилу Степановичу пришлось работать одному, такъ какъ его товарищъ былъ, по болѣзни, уволенъ за границу. За труды свои Батенковъ былъ вознагражденъ пожалованіемъ 10 т. рублей ассигнаціями, единовременно.

По утвержденіи всего „Учрежденія“ (22 мая 1822 года) комитетъ продолжалъ существовать для приведенія онаго въ исполненіе. Предсѣдателемъ комитета сдѣлался всесильный графъ

Аракчеевъ. Помимо личной рекомендаціи Сперанскаго, Батенковъ, своими способностями и усидчивостью въ работѣ, не могъ не обратить на себя вниманія могучаго временщика. Аракчеевъ изъявилъ желаніе, чтобы Гаврилъ Степановичъ вступилъ на службу по военнымъ поселеніямъ и такъ какъ Сперанскій совѣтовалъ ему принять это предложеніе, то Батенковъ изъявилъ согласіе служить въ поселеніяхъ, сказавъ, что не гоняется ни за чинами, ни за знаками отличія, а хотѣлъ бы получать хорошее содержаніе; оставленный въ составѣ особой комиссіи по сибирскимъ дѣламъ, онъ былъ произведенъ въ подполковника и назначенъ членомъ совѣта военныхъ поселеній и редакторомъ постановленій по сей части, съ ежегоднымъ окладомъ жалованья въ 10 т. руб. ассигнаціями ¹⁾.

(Начала Аракчеевъ благоволилъ Батенкову, называлъ его мой математикъ; но это продолжалось недолго. Быстрые служебные успѣхи человѣка, никому дотолѣ неизвѣстнаго, не имѣвшего никакихъ связей и, не смотря на то, сдѣлавшагося близкимъ такимъ людямъ, какъ Сперанскій и, особенно, Аракчеевъ, конечно, породили во многихъ лицахъ зависть. Въ числѣ недоброжелателей Батенкова былъ начальникъ штаба военныхъ поселеній, генералъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, которому вслѣдствіе сего долженъ былъ быть на руку безымянный доносъ на Гаврила Степановича, послѣдовавшій за на-

¹⁾ Отправляя Батенкова къ Аракчееву, Сперанскій написалъ послѣднему слѣдующее письмо (отъ 20 августа 1822 г.):

«По назначенію вашего сіятельства, Батенковъ отправляется сегодня, чтобы явиться завтра въ Грузинѣ. Я ничего не сказывалъ ему опредѣлительнаго о будущей судьбѣ его, представилъ только ему случай приобрести знакомство и, если онъ успѣетъ, и милости ваши, замѣтивъ ему одно то съ достовѣрностію, что на настоящемъ его пути не можетъ встрѣтить ничего лестнаго, въ чемъ и самъ онъ кажется мнѣ убѣжденнымъ, сволъ ни великии привязанности его къ корпусу, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе. О прежней службѣ его не излишнимъ считаю приложить послужной его списокъ. Служба его хотя и не блистательна, но довольно было дѣятельна; жаль только, что увѣче предидѣщаетъ ему болѣзненную старость. Тѣмъ болѣе онъ долженъ употребить остатокъ молодости въ свою пользу, чтобъ не умереть на инвалидномъ содержаніи».

Въ другомъ письмѣ Сперанскаго Аракчееву (отъ 22 ноября 1822 г.) онъ, между прочимъ, говоритъ: «за Батенкова я смѣю ручаться, что онъ будетъ трудиться искренне и усердно». (Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I, сборникъ Н. Ф. Дубровина. Спб. 1883).

сильственной смертію пресловутой Настасьи Минкиной. Въ доносѣ этомъ, помимо сообщенія о томъ, яко-бы Батенковъ выражалъ радость по поводу означенной смерти, на него взводились обвиненія въ самыхъ гнусныхъ поступкахъ изъ видовъ корыстолюбія ¹⁾. Наговоры Клейнмихеля принесли желанный плодъ: Аракчеевъ охладѣлъ къ своему любимцу. Когда же, въ 1825 году, болѣзнь и душевное разстройство Аракчеева, послѣ смерти его возлюбленной, подали поводъ къ слухамъ, будто-бы онъ намѣревался просить увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, то Батенковъ, опасаясь, чтобы Клейнмихель не сдѣлался его главнымъ начальникомъ, подалъ въ отставку и получилъ ее.

III.

Оставшись не при чемъ послѣ весьма усердной и выдающейся дѣятельности, лишившись видовъ на дальнѣйшую служебную карьеру, самолюбивый Батенковъ, конечно, пришелъ въ состояніе нравственнаго раздраженія,—въ то состояніе, при которомъ слишкомъ часто,—хотя и не всегда основательно,—является склонность взваливать вину своихъ личныхъ неудачъ на существующій общій порядокъ вещей. Такимъ душевнымъ настроеніемъ не замедлили воспользоваться члены тайнаго общества, съ которыми Батенковъ, живя въ Петербургѣ, имѣлъ случай сблизиться. Первый поводъ къ такому сближенію подалъ Александръ Бестужевъ, заведя рѣчь о томъ, какія могли-бы быть послѣдствія, если-бы Россія имѣла представительное правленіе. На замѣчаніе Батенкова о недостаткѣ людей, которые поддерживали-бы такое правленіе, Бестужевъ возразилъ, что „есть люди, которые стремятся къ тому“. Когда же Батенковъ отвѣчалъ, что и самъ онъ съ полною готовностью желалъ бы чѣмъ нибудь тому содѣйствовать, Бестужевъ сказалъ: „стоитъ только рѣшиться, и кратчайшій тому путь—заставить сенатъ, чтобы онъ объявилъ конституцію“.

Повидимому, не ранѣе какъ мѣсяца за два до злополучнаго

¹⁾ «Рус. Старина». изд. 1882 г., книга апрѣль, стр. 182—185.

мятежа 14 декабря 1825 года, Батенковъ окончателно сблизился съ членами тайнаго общества (такъ назыв. Сѣвернаго), между которыми немедленно сталъ играть замѣтную роль. Бесѣдуя со своими сообщниками, онъ возбудилъ въ нихъ надежду устроить основаніе ихъ дѣйствій въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ было много недовольныхъ своимъ положеніемъ. По словамъ Батенкова: „Зрѣлище военныхъ поселеній и Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее нестройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія, самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ, несуществованіе истинной полиціи, все располагало съ одной стороны не любить существующій порядокъ, а съ другой—думать, что революція близка и неизбежна“. Однажды, когда Николай Бестужевъ (морякъ) сказалъ Батенкову, что по мнѣнію Рылѣва—„Кронштадтъ есть нашъ островъ Леонъ“ (т. е. резиденція либеральнаго правленія), и прибавилъ отъ себя: „а тамъ, кромѣ картъ и билліарда, ни о чемъ не думаютъ“, Батенковъ возразилъ, что „напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ“ (т. е. въ мѣстахъ расположенія военныхъ поселеній). Многие изъ членовъ тайнаго общества цѣнили Батенкова такъ высоко, что когда зашла рѣчь о назначеніи Мордвинова и Сперанскаго членами предполагаемаго временнаго правленія и возникло сомнѣніе, чтобы Сперанскій согласился принять на себя эту должность, тогда такъ называемая „верховная дума“ тайнаго общества намѣревалась избрать вмѣсто него Батенкова. Этотъ рассказъ о Батенковѣ (взятый изъ собственнаго показанія его въ слѣдственной комиссіи) помѣщенъ въ сочиненіи генерала М. И. Богдановича „Исторія царствованія императора Александра I“. Въ дополненіе къ нему приведемъ изъ донесенія „Слѣдственной комиссіи“ тѣ мѣста, которыя касаются кратковременнаго участія Батенкова въ тайномъ обществѣ. (Стр. 56) „Осенью въ семь-же 1825 году другой человекъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также какъ Якубовичъ не бывшій членомъ Сѣвернаго общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ дружескія связи съ Рылѣвымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣвъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ, напротивъ,

долго подозрѣвалъ его, и слова, согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей, почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, что бы могло быть въ Россіи при новомъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы. Батенковъ отвѣчалъ: я почелъ бы себя недостойнымъ имени русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ. Вскорѣ послѣ того Рылѣвъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! онъ нашъ. Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ; по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но на счетъ силъ и средствъ тайнаго общества, важется, успѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываеъ, сначала въ разговорахъ съ Рылѣвымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами, но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ совѣтѣ военныхъ поселеній), по печальному стеченію обстоятельствъ и неприятымъ образомъ, онъ въ волненіи оскорбленнаго самолюбія сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало по малу и планы, особливо познакомившись съ пріѣхавшимъ въ октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не зная еще Рылѣва и Бестужева, онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему тайныхъ обществъ, и находя, что къ сему оно должно употреблять другія имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ тайнаго общества противъ правительства (?) вѣроятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно присоединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему; онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣвѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ, однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ

черезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименованъ князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ ¹⁾. Я не подозрѣвалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ними. Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь уже неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщничество съ мятежниками; сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніемъ образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда указывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: можно и во дворецъ забратъся, то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: сохрани Боже! дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ будущей безопасности общей. Но часто, другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ ободрялъ ихъ къ дѣйствію, и они считали его важнымъ для себя пособникомъ, ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ“.

Повѣствуя о томъ, какое впечатлѣніе произведено было на членовъ Сѣвернаго тайнаго общества извѣстіями о кончинѣ императора Александра I-го, о манифестѣ, коимъ онъ назначалъ преемника державы, и о присягѣ, уже данной цесаревичу Константину, составитель „донесенія“ говоритъ: „Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александрю и Николаю): потерявъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣльяхъ 50 лѣтъ, если-бы въ государственномъ совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно. Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надо лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся; однако-жъ, и онъ, съ дру-

¹⁾ Онъ для сего опредѣлялъ 1-го января и поздравительныя посѣщенія.

гми главными членами, положилъ прекратить общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27 ноября, Батенковъ примолвилъ: „какъ легко въ Россіи произвести перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ сената. Только въ ней не можетъ быть другаго правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ насъ до республики. Хоть для перехода нужна монархія ограниченная“. Когда же его сообщники замѣтили, что монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченного самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно: зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? у насъ двѣ императрицы, много великихъ княгинь и княженъ“. (Стр. 61).

Отказъ цесаревича отъ престола возбудилъ новыя надежды въ заговорщикахъ, начинавшихъ было подумывать о прекращеніи существованія тайнаго общества. При вновь народившихся планахъ переворота, одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора, князь Трубецкой, въ случаѣ успѣха, долженъ былъ принять званіе диктатора. Объ участіи Батенкова въ послѣднихъ совѣщаніяхъ заговорщиковъ „Донесеніе“ гласитъ слѣдующее:

„8 декабря онъ (Трубецкой) совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ, планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ.

„Воспользоваться случаемъ, чтобы: 1) Пріостановить дѣйствія самодержавія, назначить временное правительство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ;

2) стараться, чтобы были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобы они были наслѣдственные);

3) употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать вашему величеству (императору Николаю I-му), не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только въ умноженіи числа ихъ.

„Впослѣдствіи же, для утвержденія конституціонной монархіи:

„Учредить провинціальныя палаты для мѣстнаго законодательства;

„Обратить военныя поселенія въ народную стражу;

„Отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (о коей Батенковъ потому говорилъ: вотъ Палладіумъ русскихъ вольностей); помѣстить въ ней градскую стражу и городской совѣтъ;

„Провозгласить независимость университетовъ: московскаго, дерптскаго и виленскаго.

„При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать, и его выс—во цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то переиѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявить императоромъ государя цесаревича, а другимъ показывать себя преданными вашему величеству; въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1) что ваше величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе временнаго правительства, или 2) что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отречаетесь отъ престола, провозгласятъ императоромъ наследника вашего, великаго князя Александра Николаевича.

„На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало, а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи. Такъ и думать не о чемъ, вскричалъ Батенковъ.

„Но и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для ниспроверженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначали Батенкова только правителемъ дѣлъ временнаго правленія, а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго, и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, въ надеждѣ быть лицомъ историческимъ; хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать одну духовную особу, себя и, чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкаго. Тогда, имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я говоритъ онъ, управлялъ бы государствомъ и обратилъ-бы временное правительство въ регентство малолѣтняго Александра II-го. (Изъ словъ Трубецкаго онъ полагалъ, что присяга, данная вашимъ величествомъ цесаревичу, будетъ объявлена

отреченіемъ отъ престола, а по слышанному отъ Рылѣва,— что, быть можетъ, во время замышляемаго мятежа, покусатся на жизнь вашу). Затѣмъ, продолжалъ Батенковъ, мало по малу, утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и приобрѣтенными черезъ то связями, а дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но если-бъ государь императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на его сторону, не взявъ мѣста во временномъ правительствѣ ¹⁾. Впрочемъ я все худо вѣрилъ, чтобъ было что нибудь предпринято“ (стр. 62—65).

Далѣе, въ донесеніи Слѣдственной комиссіи говорится, что на вечернемъ собраніи, 12 декабря, у Рылѣва, въ числѣ прочихъ заговорщиковъ находился и Батенковъ. Въ этотъ вечеръ умы ихъ, очевидно, были взволнованы до послѣдней степени. Наиболѣе отчаянныя головы провозглашали необходимость самыхъ ужасныхъ мѣръ, въ родѣ истребленія всей царской фамиліи.

На слѣдующій день—новое собраніе у Рылѣва, гдѣ обсуждались опять разныя мѣры на завтрашнее число (14 декабря), когда предполагалось произвести мятежъ, воспользовавшись недоумѣніемъ войскъ по случаю принесенія присяги императору Николаю. На томъ и другомъ собраніяхъ Батенковъ видной роли не игралъ, а сказалъ лишь Александру Бестужеву, что, „кажется, успѣхъ несомнителенъ“ (стр. 71).

Въ печальной памяти день 14 декабря 1825 года Батенковъ на Сенатской площади не показывался. По донесенію Слѣдственной комиссіи: „онъ проснулся съ мыслию о своемъ будущемъ величіи какъ члена верховнаго правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, чтд происходитъ; искалъ Александра Бестужева, Рылѣва, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями по городу; сія ложная вѣсть его поразила, и онъ

¹⁾ Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и великому князю Михаилу Павловичу, и императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. То же думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ баронъ Влад. Ив. Штейнгель, надѣясь, что императрица, не имѣя дѣтей, согласится даже при жизни своей установить правленіе республиканское.

также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ государствѣ, о славѣ быть въ числѣ правителей и желая только, чтобы поскорѣе переловить бунтовщиковъ. Однако же, вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду восстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: „ну! что?“ Иванъ Пуцинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, обратился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: „да вы, подполковникъ, вы-то что?“ Увидѣвъ его и барона В. И. Штейнгеля, Г. С. Батенковъ скрылся и въ теченіи двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами тайнаго общества, надѣялся избѣжать подозрѣній правительства; даже, при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія; что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ; но множество уликъ, а можетъ быть упреки совѣсти, наконецъ, превозмогли притворство; онъ полнымъ, искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельство другихъ“ (стр. 81).

Если на основаніи приведенныхъ здѣсь выписокъ изъ „Донесенія“ судить о личности Батенкова, то нельзя сказать, чтобы она являлась намъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Батенковъ выставляется тутъ человекомъ болѣзненно самолюбивымъ и честолюбивымъ до наивности; онъ, не смотря на свой 32-хъ лѣтній возрастъ,—то увлекается какими-то недозрѣлыми планами, свойственными развѣ малоопытному юношѣ; то думаетъ выдать своихъ соумышленниковъ; то снова всею душою присоединяется къ ихъ планамъ, и, наконецъ, въ самую рѣшительную минуту спѣшить присягнуть, желая лишь, чтобы поскорѣе переловили всѣхъ бунтовщиковъ. Словомъ, обнаруживаетъ полную неустойчивость въ мысляхъ и характерѣ.

Можно не безъ основанія предполагать, что, какъ всѣ идеалисты, такъ и Батенковъ въ мечтаніяхъ своихъ о неустройствѣ государства уносился слишкомъ далеко отъ условій дѣйствительной жизни и не принималъ въ расчетъ той обстановки, при которыхъ совершаются всѣ насильственные перевороты. Одно уже

предположеніе, что такая личность, какъ Николай Павловичъ, войдетъ въ соглашеніе съ заговорщиками относительно измѣненія государственныхъ установленій въ Россіи и учрежденія временнаго правленія, доказывало бы въ Батенковѣ сильную наивность. Что касается до самолюбія и честолюбія его, то очень можетъ быть, что они временно разрослись до чрезмѣрной степени, вслѣдствіе предшествовавшихъ служебныхъ успѣховъ и выдающейся дѣятельности при такихъ высоко стоявшихъ лицахъ, какъ Сперанскій и Аракчеевъ. Этою слабою стрункою Гавріила Степановича дѣйствительно могли легко воспользоваться другіе заговорщики, чтобы привлечь его въ свое сообщество.

Допуская всѣ эти соображенія, не слѣдуетъ забывать и того, при какихъ условіяхъ совершался судъ надъ преступниками и при какихъ обстоятельствахъ приходилось имъ давать свои показанія. Это были таковаго рода обстоятельства, при которыхъ смущенный или устрашенный человѣкъ легко можетъ взвести похлѣпъ на самого себя, особенно если ему приходится подтверждать или отрицать смутныя или противорѣчивыя показанія его сообщниковъ.

Замѣтимъ, кромѣ того, что по совершенно исключительнымъ условіямъ того времени, при возбужденномъ состояніи умовъ и понятномъ недоброжелательствѣ представителей консервативной партіи къ тогдашнимъ либераламъ, немудрено было и судьямъ освѣтить дѣло лишь съ одной стороны, и явленіямъ случайнымъ, попутнымъ, какъ, напр., дерзкимъ словамъ какихъ-нибудь сорвиголовъ придать первостепенное значеніе.

Какъ бы то ни было, но недѣли черезъ двѣ послѣ мятежа 14-го декабря Батенковъ былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а въ іюнь 1826 года приговоромъ верховнаго уголовного суда занесенъ въ 3-й разрядъ государственныхъ преступниковъ ¹⁾, обвиняемыхъ въ томъ, что „зналъ объ умыслѣ на царубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами“.

Декабристы третьяго разряда приговорены были верховнымъ судомъ къ ссылкѣ „вѣчно“ на каторжныя работы. Наказаніе это было смягчено государемъ и замѣнено 20-ти лѣтней каторгою.

¹⁾ Въ этотъ разрядъ попали только двое: Батенковъ и баронъ Штейнгель.

Но не въ такомъ, а гораздо въ болѣе горькомъ видѣ пришлось Батенкову испытать чашу наказанія. Въмѣсто 20-ти лѣтней каторги, гдѣ онъ все таки находился бы въ сообществѣ своихъ друзей, Гаврииль Степановичъ выдержалъ 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе въ крѣпости.

О такомъ видоизмѣненіи постигшей его кары существуютъ два разсказа. Судя по одному, Батенковъ не былъ сосланъ въ Сибирь въ виду того, что самъ былъ природный сибирякъ и обладалъ въ той странѣ большими связями. Другой же разсказъ, записанный, повидимому, со словъ самого Батенкова, гласитъ слѣдующее:

Бывши обвиненъ въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825 года, Батенковъ былъ посаженъ въ крѣпость. Впослѣдствіи оказалось, что онъ невиненъ: тогда императоръ Николай Павловичъ приказалъ выпустить его, произвестъ въ слѣдующій чинъ и дать денежное вознагражденіе. Батенковъ чрезвычайно испугался этого, думая, что заговорщики, узнавъ о царской къ нему милости, обвинятъ его въ предательствѣ, вслѣдствіе чего онъ написалъ письмо государю, въ которомъ объявлялъ, что хотя онъ и не участвовалъ въ заговорѣ 14-го декабря, но сочувствуетъ людямъ, которые замѣшаны въ немъ, и что если его выпустятъ, то онъ, Батенковъ, составитъ новый заговоръ.

Государь послалъ къ нему своего доктора Арендта, освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки; тогда Батенковъ сказалъ Арендту: «если вы скажете, что я боленъ, то пусть вы и отвѣчаете за послѣдствія моего освобожденія». — Арендтъ доложилъ Государю, что хотя пульсъ и возбужденъ, но умственной болѣзни онъ не нашелъ. Батенкова приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію въ Петропавловскую крѣпость ¹⁾. Этотъ послѣдній разсказъ нѣсколько расходится съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ окончательномъ приговорѣ Верховнаго суда, основанномъ на донесеніи слѣдственной комиссіи и показаніяхъ какъ самого Батенкова, такъ и его соучастниковъ. На основаніи этихъ показаній онъ и былъ признанъ виновнымъ и подлежащимъ вышепомянутому наказанію. О другомъ какомъ либо дополнительномъ слѣдствіи, которое обнаружило бы невинность Батенкова, намъ ничего неизвѣстно.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1881 г., т. 2-й, стр. 438.

Можно предполагать, что или рассказчикъ чтонибудь перепуталъ, или же самому Гавріилу Степановичу, за давностію лѣтъ (въ продолженіи которыхъ онъ, одно время, страдалъ психическимъ разстройствомъ), многое могло представляться не совсемъ такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Такъ или иначе, но исходомъ суда было — заключеніе въ крѣпость.

IV.

Сначала Батенковъ былъ отвезенъ въ фортъ Свартгольмъ (нынѣ уже несуществующій), находившійся на Аландскихъ островахъ въ Финляндіи. Фортъ этотъ, уже по самой окружающей его мѣстности, производилъ впечатлѣніе самое безотрадное: построенъ онъ былъ на голой скалѣ, выдавшейся изъ моря; самые крѣпостные верки были вырублены изъ гранита; изъ живыхъ существъ на островѣ этомъ находилось всего человѣкъ 150 солдатъ при комендантѣ и нѣсколькихъ офицерахъ. Здѣсь пришлось Батенкову высидѣть около полу-года. О душевномъ его настроеніи можно составить себѣ понятіе по написанному имъ въ это время слѣдующему стихотворенію:

О Д И Ч А Л Ы Й ¹⁾.

Я прежде говорилъ: прости!
 Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
 Мечты вилися на пути,
 И съ ними рядъ воздушныхъ зданій:
 Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
 Туда звала семья родная;
 Изъ полной чаши радость пилъ,
 Надежды свѣтлыя питая.

¹⁾ Печатаемъ по списку, сообщенному намъ въ 1860-мъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ покойнымъ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ. Въ 1880 г. нами полученъ другой списокъ, не столь исправный, отъ В. О. Португалова изъ Самары. Стихотвореніе это было впервые напечатано И. С. Аксаковымъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г.

Теперь прости всему на вѣкъ.
 Зачѣмъ дышу безъ наслажденій?
 Ужель еще я человѣкъ?
 Нѣтъ!... да!... для чувства лишь мученій!...
 Во мнѣ-ли отгискъ божества?
 Я-ль создавъ міра господиномъ?
 Создатель благъ!... Уже-ль ихъ два?
 Могу-ль его назваться сыномъ?

Шмели покоятся въ дуплѣ,
 Червякъ въ пыли по волѣ гнется—
 И имъ не тѣсно на землѣ:
 Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется.
 Имъ все, а мнѣ,
 Едва во снѣ,
 Живая кажется природа—
 Ищу въ безчувственной стѣнѣ
 Отзывъ подобнаго мнѣ рода.

Вотъ тамъ, туманъ густой вдали,
 И буря тучами пугаетъ,
 Вода одна и нѣтъ земли,
 Жизнь тожно факель погашаетъ.
 Вотъ тамъ, на воздухѣ виситъ,
 Какъ страшный островъ, камень голый;
 И дикъ, и пустъ, шумитъ, трещитъ
 Вокругъ трущобный лѣсъ еловый.
 Тамъ сѣрый свѣтъ,
 Пространства нѣтъ—
 И время медленно ступаетъ;
 Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ—
 Пустыня-сирота рыдаетъ.
 И тамъ уму
 Въ тюрьмѣ тюрьму
 Придумалось устроить...
 Легко ему
 Во мракъ тьму,
 Въ тѣснинахъ—тѣсноту удвоить.
 Тамъ пухекъ рядъ—
 Тамъ ихъ снарядъ.
 На вадомъ входѣ часовые.
 Кругомъ врутять,
 Кругомъ шумять,
 Морскія волны лишь сѣдня...
 Куда пойти?
 Кому придти
 Безъ вѣдома смотрящихъ?
 И какъ найти
 Къ роднымъ путн?
 Тутъ даже нѣтъ и проходящихъ.

Все это тамъ, друзья, для васъ,
 И рѣдко вамъ на мысль приходитъ—
 Все это здѣсь, друзья, для насъ.
 Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ—
 Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
 Соломы сгнившей пухъ обшитый,
 И на увлажненныхъ стѣнахъ
 Стѣды страданій позабытыхъ!
 Живой въ гробу,
 Клину судьбу,
 И день несчастнаго рожденья!
 Страстей борьбу
 И живнѣ рабу
 Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья!...

Скажите: свѣтитъ-ли луна?
 И есть ли птички хоть на волѣ?
 Имъ дышутъ-ли зефиря въ полѣ?
 По старому-ль цвѣтеть весна?...
 Уже-ль и люди веселятся?
 Уже-ли ихъ, ихъ не страшить?
 Другъ, другу смѣть повѣряться,
 И думать, и говорить?
 Не вѣрю. Все перемѣнилось:
 Земля вращается, стена,
 И солнце красное сокрылось;
 Но можетъ быть лишь для меня!

 Вотъ тамъ, весной,
 Земли пустой
 Кусокъ вода струей отмыла....
 Тамъ глушь: полнь и мохъ густой—
 И будетъ тамъ моя могила!
 Ни чьей слезой
 Прахъ бѣдный мой
 Въ гробу гниломъ не оросится;
 И на покой
 Чужой рукой
 Рѣсницъ чета соединится!
 Не урна скажетъ гдѣ лежитъ
 Души безсмертной брѣнна рана,
 Не пышный памятникъ стоитъ,
 Не холмъ цвѣтистый—влажна яма!
 Кто любить, не предеть туда,
 Родной и другъ искать не будетъ
 Ко мнѣ погибшаго слѣда:
 Его могильщикъ позабудетъ!

Здѣсь нима въ гробовую тьму!...
 Добра о немъ уже не скажутъ
 И съ удовольствіемъ къ нему
 Враги одно лишь зло привяжутъ.
 Погибли чувства в дѣла,
 Все доброе мое забыто,
 И не осмѣлится хвала
 Мнѣ приписать его открыто.
 Довольно разъ,
 Къ цѣлямъ у насъ
 Себѣ позволять отвращенье —
 Сказать... поднять чело на часъ —
 И расклопочется гоненье .

Кукушка стонетъ, амѣй шипитъ,
 Сова качается на ели,
 И кожей нетопыръ шумитъ —
 Вотъ пѣсьи кругомъ сырой постели!

Песокъ несется, иль трясется,
 Выходитъ паръ изъ мокроты,
 И ржавый мохъ въ болото ткется —
 Вотъ мнѣ привѣтные цвѣты!

Придетъ холодный финнъ порой—
 И въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
 Смуются самой тишиной,
 И скажете: «здѣсь пріютъ злодѣя—
 Уйдемъ скорѣй, ужъ скоро ночь—
 Онъ чудится и въ гробѣ смутой».
 Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
 Крестьясь пойдеть оттолѣ прочь.

О люди! знаете-ль вы сами,
 Кто васъ любилъ, кто презиралъ?
 И для чего надъ небесами,
 Одинъ стоялъ, другой упалъ?
 Пора придетъ. Нелживый свѣтъ
 Блеснетъ—всѣмъ будетъ обличенье!
 Нѣтъ; не напрасно данъ завѣтъ,
 Дано святое наставленье:
 Что Богъ любовь; и вамъ любить
 Единый къ благу путь указанъ.
 И тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
 Самъ былъ гонимъ, самъ былъ наказанъ.

Но чѣмъ же сердце будетъ здѣсь,
 Которое любить умѣло,
 И съ раннихъ лѣтъ уже презрѣло

Своекорыстіе и спѣсь,
 Что будетъ око прозорливо,
 Которое земли покровъ
 Такъ обнимало горделиво,
 И бѣги мѣрило міровъ?
 Что будетъ черепъ головной
 Разнообразныхъ думъ обитель?
 Земля смѣшаетъ все съ землей,
 Истлѣть все время-потребитель!
 Но скоро-ли? Какъ для меня
 Желателенъ конецъ дыханья!
 Тлѣнь благотворнаго огня
 Сулить покой, конецъ страданья!

Но други! въ этотъ самый часъ,
 Какъ кончу я мой вѣкъ печальный,
 Быть можетъ трепеть погребальный
 Раздастся въ сердцахъ и у васъ!...
 Или душами вѣтъ сношеній—
 И чувство чувства не пойметъ?
 Не нужный вамъ для наслажденій
 Равно—живеть иль не живеть?

Уже-ль себя
 Однихъ любя,

Во мнѣ лишь средство веселиться
 Искали вы? и не скорби,
 Могли на вѣкъ со мной проститься?

И крови гласъ
 Ужели васъ

Ко мнѣ порой не призываетъ?
 И дружбы жаръ въ «прости» погасъ—
 И стону хохотъ отвѣчаетъ?
 Пусть такъ. Забытый и гонимый,
 Я схороню въ груди своей
 Любви запасъ неистощимый
 Для жизни новой, послѣ сей!

Вкушайте, сильные, покой,
 Готовьте новыя мученья!
 Вы не удушите тюрьмой
 Надежды сладкой воскресенья.
 Безсмертіе! въ тебѣ одномъ,
 Одна несчастному отрада—
 Покой въ забвеньи гробовомъ,
 Во упованіи—награда!
 Здѣсь все, какъ сонъ, пройдетъ. Пождемъ.
 Призывный голосъ навѣваетъ.
 Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ—
 Жизнь тихо теплется—но таетъ....

Май 1827 г. Свартгольмъ въ Финляндіи.

Послѣ полугодоваго заключенія въ Свартгольмѣ Батенковъ былъ снова перемѣщенъ въ Петропавловскую крѣпость; но горькая судьба его отъ этого нисколько не облегчилась. Посажень онъ былъ въ полутемный казематъ, имѣвшій шаговъ 10 въ длину и 6 въ ширину, при 4-хъ аршинной высотѣ; одиночное заключеніе, въ началѣ, было до того строго, что караульнымъ солдатамъ запрещено было говорить съ заключеннымъ, и на самыя обыкновенныя вопросы: „какой часъ, какой день“ и т. п., если и былъ отвѣтъ, то одинъ: „не вѣдно говорить“. За то ежедневно, утромъ и вечеромъ, являлся офицеръ навѣдываться о здоровьѣ и спросить, не нужно ли чего? Разговоръ ограничивался односложнымъ вопросомъ и короткимъ отвѣтомъ. Пищу, впрочемъ, подавали всегда хорошую, а какъ Гавриилъ Степановичъ не употреблялъ ни мяса, ни рыбы, то подавали преимущественно яичницу и разныя молочныя каши, бѣлый хлѣбъ, кофе, или чай, а иногда, по желанію его, и легкія виноградныя вина..

Въ первый годъ заключенія Батенковъ былъ боленъ горячкою мѣсяца четыре, но содержался въ той же камерѣ, безъ ослабленія караула; однако, уходъ за нимъ, во время болѣзни, и лѣченіе были особенно внимательны. Ежегодно, великимъ постомъ, онъ могъ исповѣдываться и причащаться, но только въ томъ же казематѣ. Читать ему давали только книги духовно-нравственнаго содержанія; позволялось и писать, но все, имъ написанное, онъ или рвалъ самъ, или отсылалъ коменданту. Главнымъ его занятіемъ было сличеніе переводовъ въ Библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ; потребныя же для сего книги доставлялись ему черезъ коменданта, по всякому его заявленію, изъ публичной бібліотеки ¹⁾).

¹⁾ Этѣ послѣднія свѣдѣнія, о пребываніи въ крѣпости, взлечены нами изъ разказа многолѣтняго сожителя Батенкова въ Томскѣ, г. Лучшева (Сибирскій Вѣстникъ 1886 г., 27 марта, № 25), и кажутся намъ достовѣрныя помѣщеннаго въ «Рус. Архивъ» разказа, гдѣ говорится, что «А. А. Елагинъ, узнавъ о заточеніи своего пріятели, прискакалъ въ Петербургъ; не смотря на всѣ старанія, ему не удалось выпросить свиданіе съ другомъ, но ему позволили послать Батенкову библію, и Елагинъ послалъ ее на всѣхъ возможныхъ языкахъ, приложивъ даже лексиконы. Это чтеніе и изученіе языковъ было единственнымъ занятіемъ Батенкова» и т. д.

Намъ кажется весьма сомнительнымъ и даже невозможнымъ, чтобы Елагинъ, жившій въ далекой провинціи, могъ, вообще, что нибудь узнать объ

Понятно, что даже и при лучшей матеріальной обстановкѣ подобная невольная отчужденность отъ всего міра производитъ самое удручающее впечатлѣніе на всякаго человѣка, особенно же на такого, который, подобно Гавріилу Степановичу, привыкъ въ живой и усиленной умственной дѣятельности и горячо интересовался всѣми текущими событіями. Какъ ни старался онъ одолѣвать убійственную тоску одиночества чтеніемъ и писаніемъ, но эти ресурсы не могли замѣнить живаго общенія съ людьми. Умъ его сталъ по временамъ омрачаться. Онъ потерялъ счетъ времени и ему казалось иногда, что онъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ въ заключеніи, или — что нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ и въ это время не принимаетъ никакой пищи. Наконецъ, о многомъ онъ совершенно потерялъ понятіе. Даже прогулки его ограничивались корридормъ Алексѣевского рavelина,—конечно, въ одиночку, и подъ тѣмъ же строгимъ надзоромъ.

Памятникомъ умственныхъ упражненій Батенкова случайно сохранилась толстая, въ 40 писанныхъ листовъ, тетрадь, въ которую заносилъ онъ мысли, или, лучше сказать, обрывки мыслей, накопившихся у него въ головѣ. Предметомъ разсужденій являются тутъ вопросы политическіе, административные, философскіе.... но, увы! ознакомленіе съ этими записками приводитъ лишь къ убѣжденію, что 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе сдѣлало свое дѣло и что стройный ходъ мозговой работы у несчастнаго узника иногда прерывался.... да и не мудрено!

участи своего друга, который, по официальному донесенію Слѣдственной комиссіи, подлежалъ ссылкѣ въ Сибирь, на каторгу; да и въ Петропавловскую крѣпость заключенъ былъ лишь по прошествіи полу-года, проведеннаго въ Свартгольмѣ. Всѣ подобныя рѣшенія о политическихъ преступникахъ облекались такою тайною, что развѣ только самые крупныя сановники могли знать о нихъ. Изъ того же разсказа г. Лучшева видно, что, дѣйствительно, даже и въ Петербургѣ никто изъ бывшихъ друзей Батенкова ничего не зналъ о томъ, гдѣ онъ.

V.

Съ наступленіемъ, въ 1846 году, срока его заключенію, комендантъ петербургской крѣпости, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, доложилъ объ этомъ императору Николаю Павловичу, который приказалъ спросить Батенкова, въ который изъ городовъ Сибири онъ желаетъ ѣхать на поселеніе. Батенковъ назвалъ Томскъ. Передъ его отправленіемъ, Скобелевъ пригласилъ его къ обѣду, спросивъ, не желаетъ ли онъ съ кѣмъ либо, за этимъ обѣдомъ, повидаться; но оказалось, что большей части изъ названныхъ Батенковымъ лицъ уже не было въ живыхъ. При отъѣздѣ въ Сибирь ему вручены были тогдашнимъ шефомъ жандармовъ графомъ А. Ѡ. Орловымъ 500 р., выданныхъ по высочайшему повелѣнію, въ видѣ подъемныхъ.

Только въ началѣ марта 1846 г. добрался Гавріилъ Степановичъ до Томска, куда былъ препровожденъ при отношеніи къ тамошнему губернатору. Въ отношеніи этомъ было сказано только, что «по высочайшему повелѣнію препровождается Гавріилъ Батенковъ (безъ обозначенія званія) на жительство въ г. Томскъ, и что на обзаведеніе ему назначено 500 рублей, которые онъ и получить здѣсь, вскорѣ по прибытіи». Выѣхавъ онъ изъ крѣпости снабженный всѣмъ необходимымъ для зимней поѣздки, и крытая сукномъ волчья шуба, по прибытіи на мѣсто назначенія, осталась при немъ. Маршрутъ его шелъ черезъ Ярославль и Нижній-Новгородъ.

На второй станціи отъ Петербурга Батенковъ встрѣтилъ какую-то женщину и, не выдавъ въ теченіи 20 лѣтъ живаго женскаго лица, обрадовался какъ малый ребенокъ, обнялъ и расцаловалъ ее. Рассказывая объ этомъ, Гавріилъ Степановичъ прибавлялъ, что встрѣченная женщина вѣроятно подумала, что онъ или безсознательно пьянъ, или сумашедшій. О сопровождавшемъ его жандармѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ заботливомъ, услужливомъ и вѣжливомъ; ни на станціяхъ, ни въ дорогѣ жандармъ не показывалъ и вида конвоира, а по прибытіи въ Томскъ,

помѣстивъ Батенкова въ единственной, имѣвшей тогда въ городѣ, гостинницѣ, на другой день уѣхалъ въ Петербургъ ¹⁾).

Гостинница „Лондонъ“, въ которой пришлось остановиться новоприбывшему поселенцу, содержалась нѣкимъ Краулеемъ, англійскимъ подданнымъ. Условія для жительства онъ поставилъ весьма тяжелыя, въ смыслѣ денежномъ, такъ какъ конкурентовъ у него не было; но на счастье Батенкова, вѣсть о его прибытіи скоро разнеслась по городу; нашлись люди, когда-то его знавшіе или о немъ слыжавшіе; принявъ участіе въ ссыльномъ, они избавили его изъ когтей жаднаго трактирщика и нашли ему помѣщеніе въ домѣ одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по фамиліи Лучшева.

Въ семьѣ Лучшевыхъ Батенковъ обрѣлъ, наконецъ, первое тихое пристанище послѣ предшествовавшаго, многострадальнаго періода своей жизни. Первоначальная и весьма понятная растерянность его, когда онъ снова очутился среди общества, была настолько велика, что нѣкоторые считали его, сначала, помѣшаннымъ; тѣмъ болѣе, что любилъ онъ выражаться непривычнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ книжнымъ языкомъ со вставкою ученыхъ выраженій и латинскихъ фразъ. Мало по малу, однако, съ нимъ освоились и онъ со всѣми освоился и приобрѣлъ общее уваженіе. Семейству Лучшевыхъ, за ихъ гостепримство, онъ старался воздать чѣмъ могъ: училъ грамотѣ дѣтей, помогалъ старшему изъ братьевъ Лучшевыхъ въ разныхъ домашнихъ постройкахъ и перестройкахъ; съ нимъ же вмѣстѣ перевезъ старый ихъ домъ версты за 4 отъ города и устроилъ тамъ дачное помѣщеніе, названное „Соломеннымъ“. Здѣсь завели они небольшое сельское хозяйство и здѣсь же большую часть лѣта проводилъ Гавріиль Степановичъ, пріѣзжая въ Томскъ раза 2—3 въ недѣлю.

Образъ жизни Батенкова въ Томскѣ сложился слѣдующимъ образомъ: вставалъ онъ рано и затѣмъ почти цѣлый день проводилъ на ногахъ; по праздникамъ и върѣдѣ и по буднямъ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты нами изъ разсказа г. Лучшева (см. выше) и нѣсколько противурѣчатъ статьѣ, помѣщенной въ «Рус. Архивъ», гдѣ говорится что, «пріѣхавъ въ Томскъ, жандармъ снялъ съ него (Батенкова) казенный тулупъ и выпустилъ безъ гроша денегъ на улицу; Батенковъ, чтобы согрѣться, зашелъ въ трактиръ» и т. д.

ходилъ къ богослуженію, послѣ чего отправлялся дѣлать визиты, или принималъ гостей у себя. Читалъ онъ болѣе всего газеты, но о политическихъ дѣлахъ говорилъ мало; особенно же избѣгалъ всякой бесѣды, касавшейся происшествій 14-го декабря 1825 года, а также пребыванія его (Батенкова) въ крѣпости. Объ этомъ упоминалъ онъ лишь урывками и мимоходомъ. Прежній свой вегетеріанскій режимъ по части пищи онъ продолжалъ соблюдать неуклонно; водки не пилъ вовсе, а виноградное вино въ умѣренномъ количествѣ, и то изрѣдка; послѣ обѣда (подававшася въ 2 часа), закуривъ сигару, ложился онъ, съ книгою или газетою въ рукахъ, на диванъ и отдыхалъ съ полчаса, а вечеръ проводилъ или за картами, или въ бесѣдѣ среди семьи Лучшевыхъ, а изрѣдко и въ другихъ знакомыхъ домахъ. Попавъ въ общество, Батенковъ любилъ заводить горячіе споры, особенно съ дамами, разговоръ съ которыми, — какъ видно изъ одного его письма, — служилъ ему пріятнѣйшимъ развлеченіемъ. Одна изъ особенностей Гавриила Степановича представляла его страсть къ купанью. Съ перваго же года своего прибытія онъ сталъ купаться въ р. Томи каждое утро, не смотря ни на какую погоду, и продолжалъ это дѣлать до самыхъ заморозковъ. Это купанье, по словамъ Батенкова, укрѣпляло его организмъ, доставляло бодрость тѣлу и духу.

Въ Томскѣ все мѣстное лучшее общество, начиная съ губернатора и архіепископа, принимало его радушно, и у него бывало запросто; онъ хорошо знакомъ былъ съ тогдашними мѣстными денежными тузами: Асташевымъ, Гороховымъ, Поповымъ и др., особенно съ первымъ, отъ котораго получалъ французскія газеты, изъ коихъ дѣлалъ обширныя извлеченія, въ переводѣ на русскій языкъ ¹⁾).

Не смотря на радушіе, оказываемое ему томскими обывателями, Гавриилъ Степановичъ не могъ вполне удовлетворяться своимъ положеніемъ. Должно полагать, что немногіе изъ этихъ добрыхъ людей стояли на высотѣ его понятій и возрѣвній на жизнь. Мелочность провинціальной жизни не давала пищи его

¹⁾ Покойный В. И. Асташевъ, сынъ добраго друга Г. С. Батенкова, — передалъ въ редакцію «Русской Старины» большое собраніе помянутыхъ извлеченій—трудъ декабриста Батенкова. Ред.

уму, требовавшему дѣятельности въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Повидимому, особенно сильно потянуло его назадъ въ Россію, когда, послѣ восшествія на престолъ Александра II, явилась надежда на прощеніе всѣхъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ, на возможность соединиться съ когда-то близкими сердцу людьми, свидѣться съ друзьями юности—теперь, увы! такими же стариками. Являлись, можетъ быть, и мечты о какой нибудь роли въ новой общественной дѣятельности; но такія мечты, во всякомъ случаѣ, продолжались недолго.

Съ этого-же времени открылась для Батенкова возможность безцензурнаго письменнаго сообщенія, какъ съ бывшими своими товарищами по несчастію, такъ и съ позднѣйшими знакомцами. Часть переписки этой сохранилась. Приводимъ здѣсь извлеченія изъ нея, отчасти характеризующія самого Гавріила Степановича, или дающія понятіе о его житьѣ-бытьѣ послѣ освобожденія изъ тюрьмы.

Николаю Александровичу Бестужеву.

(Томскъ, 17 марта 1855 г.).

„Ты отгадалъ, что я удивился, получивъ отъ тебя письмо изъ Иркутска. Я составилъ было о тебѣ понятіе, какъ о неподвижной звѣздѣ первой величины; но вотъ пособилъ же лукавый открыть твой параллаксъ и привести тебя въ движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мой милый Николай Александровичъ, вѣрно уже прошла пора возить насъ на показъ, и ничего нѣтъ мудренаго, если опять тебя вытребуютъ въ Адмиралтейской музей; я и самъ туда—правду говорю—просился изъ Алексѣевского (равелина), и сюда прислали только для освидѣтельствованія и приложенія этикета, ибо въ самомъ дѣлѣ подъ № 5 ¹⁾ и узнать нельзя бы было, что за вещь попала въ число этнографическихъ рѣдкостей.

„Мнѣ о себѣ сказать нечего. Домашній бытъ не стоитъ описанія; лица подъ-рядъ тебѣ неизвѣстныя; вѣдется, знаетъ тебя

¹⁾ Вѣроятно, подъ этимъ номеромъ Батенковъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

зять Спафарьева по первой женѣ, маркизъ де-Траверсе, да и тотъ явился сюда черезъ четыре года на одиѣ сутки. Самъ я здѣсь типически одинъ. Дня два-три въ недѣлю живу совершеннымъ аскетомъ, на дачѣ, версты за четыре; остальные дни въ городѣ, семьяниномъ и всегда съ людьми, между которыми примѣтно составляю какую-то притчу во языцѣхъ. Дряхлѣть еще не начиналъ, и потому увиваюсь около женщинъ. Я и въ самомъ дѣлѣ ихъ люблю, даже единично кое-кого; но—*hoppy soit qui mal у pense!*—все это въ качествѣ дѣда“

Изъ писемъ къ неизвѣстнымъ лицамъ.

(25 апрѣля 1855 г.).

„Манифестъ о насъ молчить ¹⁾). Это еще нельзя признать опроверженіемъ надеждъ столичныхъ друзей на нѣчто лучшее, но я не могу предаваться равновременному увлеченію, почитая себя крѣпкимъ землѣ, продолжаю обычныя занятія и храню обычный строй мыслей. Кажется, стало, будто бы, и вверху, и вдалѣ нѣсколько прозрачнѣе, и что-то успокоительное навѣваетъ на душу, и можно думать, что такая поэзія основана на чемъ нибудь дѣйствительномъ.

„Покоряюсь и вашему замѣчанію,—безъ оглядокъ, наввно и добросовѣстно. Но простите меня еще разъ, если исповѣдуюсь, что въ чувствѣ моемъ я всегда уважаю отличіе рода, ума и заслугъ, и не думаю, чтобы это было препятствіемъ самому интимному утвержденію дружбы и искреннему изліянію чувствъ, потому что, возвышая нѣсколько тонъ, можно не выпадать изъ гармоніи.

„Могъ бы я умолчать, что съ недѣлю страдаю головою болью, простудившись въ холодной церкви; но надо чѣмъ нибудь оправдать тупость мысли и неповоротливость рукъ, не прибѣгая къ самой неприятной цитатѣ возраста и цифрѣ лѣтъ. Гласно сказалъ я, что объявлю по должной формѣ, когда удостоюсь, что сдѣлался совсѣмъ старикомъ; но такового объявленія доселѣ еще не воспослѣдовало; итакъ, можно почитать настоящей недугъ исцѣлимымъ. Рѣзкой болѣзненности у насъ нѣтъ, но не одинъ я жалуюсь на тѣсноту въ головѣ и на ка-

¹⁾ Т. е. ожидавшійся манифестъ объ окончательномъ помилованіи.

кое-то расслабленіе; а медицина вообще безотвѣтна, когда дѣло касается атмосферическихъ или топографическихъ вліяній и ничего въ нихъ не распознаетъ, предоставляя натурѣ исправить самое себя. Я къ этому искусству и не прибѣгаю. Мнѣ лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ служить веселый юморъ, беззаботность, а чаще всего тихое уединеніе, которому и намѣренъ съ сего же дня предаться до конца недѣли, за городомъ. Впрочемъ, вы и не видали Соломеннаго ¹⁾ и я не имѣю большого удобства распространяться объ этомъ моемъ любимомъ жилищѣ и о красотахъ тамошней мѣстности, видѣнныхъ вами только мимоходомъ.

Мундирная книга ²⁾ и здѣсь уже появилась, а о другихъ новостяхъ доходили только глухіе слухи. Мы даже не знаемъ, въ какой степени онѣ имѣютъ право на вѣру, и потому ни о чемъ не слышно яснаго говора, а многого и согласить не умѣемъ. Всего, кажется, вѣроятнѣе, что крупныхъ переменъ ожидать нельзя; новая воля выскажетъ себя по времени, послѣдовательно. Теперь всего желательнѣе внѣшній миръ ³⁾; о внутреннемъ и заботиться нечего. Само Провидѣніе примѣтно тушить бурю страстей и, кажется, люди начали понимать, что улучшенія не извергаются, а наступаютъ тихимъ шагомъ. Нельзя отрицать, что есть въ мірѣ и независимый отъ человѣка двигатель— нравственная необходимость, имѣющая неизмѣримую силу въ огромныхъ человѣческихъ обществахъ; но съ нею Богъ и она въ рукахъ Его; а потому и не должна (она) быть для насъ страшилищемъ, и чѣмъ менѣе мы захочемъ переломить ее по своему, тѣмъ добрѣе къ намъ будетъ, и мы можемъ даже полюбить ее⁴⁾.

25 іюня 1855 г.

„Я не могу цѣнить, изъясняетъ ли въполнѣ преобладающее въ Омскѣ воинственное стремленіе то состояніе и строй материковыхъ русскихъ силъ, которое долженствовало проявиться при нынѣшнемъ, необыкновенномъ состояніи окраинъ нашего отечества; но полагаю, что за Ураломъ вы яснѣе это почув-

¹⁾ Названіе дачи Лучшева, куда по временамъ уѣзжалъ Батенковъ.

²⁾ Описаніе новыхъ формъ обмундированія, введенныхъ въ 1855 г.

³⁾ Въ это время еще не окончилась тягостная для Россіи Восточная война 1853—1856 гг.

ствуете. На самыхъ заводахъ встрѣтите уже усиленную дѣятельность въ общемъ направленіи и можете услышать тонъ метрополіальной рѣчи, отъ которой наша, колониальная, все-же имѣетъ какое нибудь различіе, въ излишествѣ или недостаткѣ, слѣдственно—на счетъ точности.

„Тамъ живетъ исторія.

„Съ самаго наступленія весны я не пользовался полнымъ здоровьемъ. Тяжесть и, по временамъ, круженіе въ головѣ, давленіе въ груди, зудъ и боль въ зажившихъ ранахъ, ломъ въ контуженномъ плечѣ—все это дѣлаетъ изъ меня сущаго инвалида, хотя, по милости Божіей, въ послѣднее время чувствую облегченіе. Прежде хворалъ я обыкновенно осенью, теперь вышло наоборотъ. Вѣрно шестидесятилѣтній человѣкъ, подобно часамъ, къ которымъ привѣшенъ длинный маятникъ, отстаетъ отъ времени, а уйти было впередъ нѣтъ никакого основанія, какъ бы ни казалось пріятнымъ послѣднее изъясненіе“.....

18 августа 1855 г.

„У насъ одною рукою дергаютъ ветошь на корцію, а другою готовятъ пиръ и разные огни къ высокому празднику перваго тезоименитства царскаго: занятія похвальные, и сочувствіе къ торжеству и скорби всякій раздѣляетъ охотно.

„И здѣсь виденъ успѣхъ общественности: наши раны не были прирѣны отъ нѣжной руки милыхъ соотечественницъ и клочекъ собственнаго бѣлья часто служилъ на все. Правду сказать, и война была быстрая, обильная событіями и передвиженіемъ, за которымъ не могло гнаться усердіе и даже долгъ. Если идти на сравненіе, то надо признаться, что полевая, Бородинская и Лейпцигская, битвы, у которыхъ поставлены уже были Геркулесовы столбы, едва ли не уступятъ Севастопольской, убѣждающей, между прочимъ, и въ томъ, что исторія не повторяется въ явленіяхъ“...

7 октября 1855 г., на Соломенномъ.

„Бываетъ время, когда чувству человѣка предстанетъ вдругъ дурная сторона жизни во всемъ ея громадномъ безобразіи и не просіяетъ ни одинъ лучъ уму отъ благотворнаго свѣта. Душа предается справедливой скорби и негодованію, не видя ничего, кромѣ произведеній зла, организованнаго и окрѣпшаго. Отсюда

мысли о двухъ началахъ, когда сохраняется еще память добра: о сатанѣ—если ищется утѣшеніе въ религіи, и почти отчаяніе, когда нѣтъ ни того, ни другаго пособія. Кто не испыталъ подобнаго состоянія? Надобно развѣ совсѣмъ погрязнуть въ этой тьмѣ, чтобъ ея не примѣтить. Умный Гоголь не могъ вынести и потерялъ талантъ и жизнь, единожды до того воснувшись. Собственный мой опытъ въ этомъ родѣ научилъ меня выразумѣть ваше послѣднее письмо.

„Въ пылкой молодости со мною бывало это часто: тогда, обыкновенно, замыкался я въ самомъ себѣ, какъ рѣшительный эгоистъ. Но сердце всегда заставляло вспоминать, или искать что-то лучшее; итакъ, мало по малу, познаніе добра и зла стало для меня серьезною наукою и дѣятельнымъ искусствомъ, нѣкоторымъ охлажденіемъ страстнаго на нихъ взора. Но я имѣлъ большой досугъ, и не знаю, въ какой мѣрѣ методъ мой примѣнимъ къ другому. О немъ тотъ же Гоголь писалъ ко мнѣ, что онъ чувствуетъ его истину, но какъ-то не могъ ею воспользоваться на самомъ дѣлѣ.

„Человѣкъ никогда не объемлетъ всего своего знанія, всѣхъ своихъ понятій и правилъ въ одинъ нераздѣльный моментъ, умомъ и волею. Отсюда множество ошибокъ, противорѣчій самому себѣ, несообразностей и односторонняго, рутиннаго дѣйствія. А сколько еще находится (людей) въ такомъ положеніи, что нѣтъ знанія, понятій и правилъ!

„Сушая нечаянность! Вы меня вызвали на такое изъясненіе какового я и не предполагалъ; но въ письмахъ должно же быть содержаніе, и право всего лучше, когда они выражаютъ прѣсущее чувство....

„Камнемъ лежитъ на сердцѣ событіе, что мы лишились силы на Черномъ морѣ— плода вѣковыхъ трудовъ и огромныхъ жертвъ. Конечно, это не колеблетъ и не истощаетъ могучей Россіи, но съ условіемъ, чтобъ не обсчитали насъ въ торговомъ отношеніи. Чудное дѣло! Никого нѣтъ умнаго ни съ той, ни съ другой стороны въ такое чреватое будущимъ время. Можетъ быть, одной дозы согласія на новый во всемъ порядокъ, сообразно съ успѣхами жизни, было бы на все достаточно—и къ утоленію жажды народовъ, и къ покою властей.“...

На Соломенномъ, 1855 г. 15 октября.

„Странна для меня нынѣшняя война, когда сравнить ее съ нашей (1812 г.), столь быстрою въ движеніи: толкутся на одномъ мѣстѣ, и обѣ стороны только томятъ другъ друга. Какъ и думать? Ужели перевелись или переучились всѣ орлы и подъ страхомъ отвѣтственности оципали себѣ перья?—или же подъ австрійскимъ „вѣтомъ“ раздолье одному чугуну? Болѣе всего сходства съ Троянскою войной; но та нужна была для взаимнаго опознанія и передвиженія народовъ; а изъ этой что будетъ? Кажется, лбомъ ударились въ непостижимость судьбы? Старая дипломатія обнаружила все свое безсиліе, а создать вновь международное право—некому. Какъ же теперь заключать миръ? Хотятъ, чтобъ былъ онъ прочный, честный и справедливый, а до чего ни коснуться—нѣтъ ни прочнаго, ни честнаго, ни справедливаго, хотя философы недавно гордились, что понимаютъ исторію и разумѣютъ ея уроки. Вѣришь всего, что исторія, со всею ея славою, кончилась, а потребности человѣка начали сосредоточиваться въ немъ самомъ. Можно изъ предстоящихъ громадъ вывести одно заключеніе, что онѣ необъятны нашими силами и, какъ произведеніе вѣчности, въ ней и имѣютъ свое изъясненіе. Все передъ Богомъ—стоятъ онѣ, или руются, и намъ, непризваннымъ къ дѣйствию, остается только созерцать и молиться. Пусть дитя растетъ и хорошѣетъ. Оно принадлежитъ поволѣнію, которое чего нибудь дождется.

„Мнѣ, по крайней мѣрѣ, все кажется позднимъ и несвоевременнымъ, даже самая старость“....

1856 г. 7 мая.

„Прекрасно вы разобрали настоящее положеніе вещей: конецъ и начало. Отъ неосторожной игры огнемъ довелось потерпѣть обжогъ и на дѣлѣ исполнить евангельскую заповѣдь: „аще око твое соблазняетъ тя“ и пр.

„Жизнь и наука дѣлаютъ огромные шаги; географическія условія начинаютъ составлять статистическую цѣнность; города, рѣки, горы могутъ быть взвѣшены и выражены цифрою, входятъ въ формулы или занимать точки въ какомъ нибудь дѣльномъ очертаніи. Все это ведетъ къ обновленію какъ человѣка лично, въ семейномъ быту, такъ и огромную цѣлость царствъ. Когда

же будетъ ужъ свѣтло до того, что подъ густотою матеріальнаго покрова откроется Божіе бытіе, тогда дѣйствительно переправятся въ новый свѣтъ, съ жизнію, наукою и дѣлами.

„Такія, весьма недавно еще завоеванныя у мистики, мысли становятся теперь логическою потребностью.

Здѣсь виденъ возрастъ нашъ духовный,
 Какъ, отрясая вещество,
 Вставалъ изъ праха духъ свободный
 И понялъ мысли существо.
 Локтей и стопъ остава мѣры,
 Взялъ въ руки ось земныя сферы,
 Потомъ ось годовыхъ путей.
 И сей титанъ свой ростъ теряетъ....
 Такъ напоследокъ умъ взлетаетъ,
 Предѣловъ не нося цѣпей.

„Скоро, можетъ быть, мы увидимъ желѣзныя дороги изъ Москвы въ Одессу и изъ Курска въ Динабургъ — эти осязательныя гарантіи мирныхъ наклонностей народовъ, равныя почти самому земледѣлію, вѣрные компаніоны его, но различные отъ него широтою обзора. Сколько отъ этого произойдетъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ Россіи! Сколько передвиженій, переселеній, перемѣщенія капиталовъ въ состояніе уже не колеблемое, а отверденное! И въ то же время родятся географическія понятія и географическія мысли въ народѣ. Дипломатія и скрытная политика кажутся уже чѣмъ-то ветхимъ, одностороннимъ, безсильнымъ, неудовлетворительнымъ, и требуется, чего бы то ни стоило, выясненіе и выраженіе народнаго и международнаго права. Но здѣсь еще нѣтъ рельсовъ, хотя близки уже мы къ открытію, пониманію и познанію космогенической и универсально-дѣятельной силы — Бога... Безъ того, впрочемъ, и теперь никто обойтись не можетъ, хотя глубоко-несознательно... — Скажу теперь нѣсколько словъ и на вопросъ вашъ: если скольконибудь развяжутъ ноги, я намѣренъ водвориться у своихъ, въ Тульской губерніи, въ деревняхъ около Бѣлева. Иванъ Великій (Иванъ Александровичъ Анненковъ) приглашаетъ въ Нижній; но такъ мнѣ не приходится. Въ случаѣ же освобожденія болѣе обширнаго, — на что трудно надѣяться, — буду жить въ которойнибудь изъ столицъ, гдѣ много еще осталось близкихъ, дружескихъ симпатій“....

Къ барону Владиміру Ивановичу Штейнгелю.

1856 г. 15 апрѣля. Пасха.

„Въ сей лучшей день въ году я обращаюсь въ тебѣ, мой добрый другъ и братъ, съ сердечными желаніями и привѣтомъ. Въ юности читалъ я книгу, въ которой одинъ англійскій ученый стройно, научнымъ порядкомъ доказывалъ, что воскресеніе Христова имѣеть всю достовѣрность событія историческаго, и съ того времени всегда мнѣ казалось непріятнымъ, что наука ничего не основала на вѣрѣ и признаніи такого великаго факта. Теперь мнѣ уже кажется, что и на это отклоненіе науки есть также воля Божія.

„Распутица въ нынѣшнемъ году не лишила насъ радости узнать о заключеніи мира, и съ этимъ извѣстіемъ прекращено было всякое правильное полученіе почтъ. Какъ велико было въ людяхъ желаніе прекращенія кровопролитій, можетъ прекрасно выразить чудная сцена, когда, въ самый день кончины, Мих. Яков. Ядринацовъ непремѣнно требовалъ показать ему тотъ листокъ, гдѣ написано о мирѣ; съ усиленіемъ зрѣнія прочелъ и, перекрестясь, произнесъ уже послѣднюю молитву и благодарность.

„Есть много, мой милый другъ, удостовѣреній, что въ нынѣшнее лѣто располагаются отпустить насъ, и даже выражено желаніе увидѣть и разглядѣть. Поздненько, правда, и какъ-то не очень поспѣшно, хотя есть и оправдывающія причины. Впрочемъ, никакъ уже не такъ, чтобы выжидали, не умретъ ли кто еще.....

„Съ иркутскими нѣсколько разъ случалось перевинуться, однако, ничего не знаю о нихъ детально. Послѣдній къ нимъ отправился женихъ Зинаиды Трубецкой, молодой лиценстъ Свербѣевъ, котораго, вѣрно, и ты знаешь уже по слуху. Итакъ, дѣвицы наши всѣ разобраны и одной изъ нихъ довелось уже понести крестъ едва ли не въ ту же мѣру, какъ и родителямъ“...

16-го мая 1856 г., на хуторѣ.

„Нельзя не замѣтить, что мы довольно счастливы сохранившеюся къ намъ симпатією старыхъ друзей, большею частію подъявшихся высоко, и можемъ похвастать, что не ошиблись въ

ихъ выборѣ. Меня всегда удивляло только ихъ безсиліе помочь намъ, хотя по всему мы съ тобою засѣли тутъ отнюдь не глубоко. Сначала мнѣ казалось вопіющею несправедливостію; потомъ кое-какъ приподнимался въ уровень; а теперь уже смѣшно было бы отталкивать отъ себя понесенный крестъ. Чудно также, какъ не могли доселѣ разобратъ, что лозунгъ далеко не дѣло и не умыселъ. Весьма основательно смотришь ты на будущее. Лѣньность, рутина и эгоизмъ хорошо закрылись названіями охранителей и, не умѣя сами жить, вѣроятнo и другихъ не допустить. Какъ бы, кажется, получившимъ даровое счастье не почувствовать благополучія, не подѣлиться имъ съ нуждающимися и не взнести къ Богу сердечнаго благодаренія?...

„Маремьяна-старца (?) позаботилась и меня успокоить на твой счетъ. Добрая баба, умная и дѣятельная. Я бы продалъ что нибудь, если-бъ имѣлъ хоть нитку не общую и не строго потребную для обыденнаго употребленія. А знаешь ли ты, что я во всю жизнь мою ничего не продалъ? Въ старой Греціи это сдѣлало-бы меня основателемъ школы. Все купленное и не вошедшее въ употребленіе, или вышедшее изъ него—я все раздаю; вообще, покупаю не для себя, а въ общину. Такъ и мысль стоитъ: завожу, чего домъ и семья требуютъ. Даже и не кормлю себя; мяса и рыбы не ѣмъ слишкомъ 30 лѣтъ и хотя дома непрерывно столъ челоуѣкъ на пять, на шесть, но я обѣдаю всегда въ гостяхъ, а ужинать не привыкъ. Сапоги ношу дотолѣ, пока всѣ мастеровые откажутся ихъ починивать; новые часто переходятъ къ другимъ, не бывши и надѣваны. Не люблю обновъ, особливо на головѣ и на ногахъ. Прочаго платья много; нѣтъ только шинели и больно состарѣлись шубы. Бѣлье—моя главная роскошь. А домъ требуетъ сажень 150 дровъ, копенъ тысячу сѣна, пудовъ 700 овса и проч. по соразмѣрности; да одной услуги 10 челоуѣкъ на жалованьѣ и содержаніи; хотя насъ и двое, но въ прошломъ году была моя главная часть. Худо и понимаю, какъ Богъ помогалъ доселѣ“...

24 мая 1856 г. за городомъ.

„Въ апрѣльской книжкѣ „Огечественныхъ“ (Записокъ), подъ рубрикой новостей, помѣщена статья, въ которой сильный авторитетъ матеріальныхъ наукъ, знаменитый химикъ Либихъ раз-

умно, очень разумно дошелъ, наконецъ, до признанія Божія бытія и удовлетворительно выразилъ свое убѣжденіе. Хотя эта новость уже, конечно, всѣмъ извѣстна, но я желалъ бы рельефнѣе указать на нее, обрадованный чрезвычайно, ибо предметъ этотъ занимаетъ меня съ младенчества и позволяетъ теперь сказать съ Симеономъ:

Владыко, отпусти слугу
 Въ родной домъ съ миромъ по глаголу;
 Я видѣлъ свѣтъ, нисшедшій долу,
 И указать его могу,
 Языкамъ возвѣстить спасенье,
 Съ Тобой Израилю общенье.

„Конечно, это только малый зародышъ, но онъ непременно разрастется, ибо выводитъ науку на истинное направленіе...

„Въ прошломъ году я послалъ подобную, не пошло-глупую статью, въ которой критически разсматривалъ направленіе парижской академіи, космосъ Гумбольдта и приемы психологіи и физиологіи, обнявъ одною мыслью и математическія явленія въ природѣ, указывая на потребность иначе изъяснить явленія эстетическія въ ней же и изслѣдовать сущность пространствъ. Древніе не могли обойтись безъ космогоніи, а для насъ еще она просто начинается имѣющимъ на всѣхъ языкахъ и служащимъ основаніемъ вѣры словомъ—Богъ. Эту статью журналы не приняли, отозвавшись, что она слишкомъ серьезна и не согласуется съ научнымъ ходомъ. Меня огорчило только то, что увѣренія ихъ о свободной разработкѣ мысли, о способности и могуществѣ Россіи принять въ этомъ характеристическое участіе и пособствовать водворенію истины—весьма робки и не вполне искренни. „Отечественныя Записки“ опять становятся впереди всѣхъ, но имъ нужно въ залогъ прославленное въ наукѣ имя, и что бы ни сказалъ основательнаго и добытаго великимъ трудомъ человекъ, не записанный въ академическомъ спискѣ,—принимають (его слова), какъ импровизацію, не разсмотрятъ и не займутся. Такъ(овъ) ужъ ходъ науки, что всякая мысль требуетъ сффіціального воплощенія, и развѣ можно провести ее путемъ яркой поэзіи.

Когда же лиры струны коснутся,
 Проникнуть молніей сердца,
 И въ мигъ красую обовьются
 Змѣеобразнаго кольца.

„Умъ вѣрнеть: ему нельзя оставаться при прежней рутинѣ. Проходить старый и начинается новый міръ,—какъ было въ началѣ нашей эры; но истина тогда же высказана (была) уму въ евангелии. Правда реакція язычества еще сильна, особливо темною ея стороною...“

„Вотъ, мой другъ, я записалъ утреннія мои мысли для тебя собственно, и онѣ ловко обращаются въ бесѣду съ тобой и дружескую грамотку. Значить, я предчувствую, что не оскорблю твоего слуха.“

„Я гошу теперь у себя; съ недѣлю еще не загляну въ городъ. Эта мѣна уединенія и общежитія стала для меня порядкомъ; но если нужно будетъ его измѣнить, то уже, конечно, въ пользу уединенія.“

„Прощай, мой милый. Надеждами я не льщусь и тебя не льщу. Будь, что будетъ. Вѣдь и мы не монументы. По крайней мѣрѣ, пути намъ не дано высоко громоздиться: и тутъ Христосъ, научившій смиренію и знаменовавшій крестомъ Своимъ“...

4
4-го іюля 1856 г. Томскъ.

„Ты обратилъ вниманіе на слова, что насъ хотятъ видѣть. Это передали проѣзжіе, и мнѣ самому показалось что-то знакомое въ нихъ, какъ намекъ на процедуру первоначальную; однако, смыслъ подлежитъ и ограниченію. Можетъ быть, кто нибудь хотѣлъ, не опираясь слишкомъ на торжественномъ днѣ, продолжить надежду еще на неопредѣленное время, указывая на новое намѣреніе посѣтить когда нибудь Сибирь. Впрочемъ, уже ли случится такое противорѣчіе, что бѣжавшіе и подымавшіе снова оружіе получили полную амнистію, а не уклонившіеся отъ суда должны быть изъ нея исключены. Но и это до насъ прямо не относится: мы глубже въ рабствѣ, нежели иноязычницы. Что бы ни было, а я употребляю все стараніе отсюда выѣхать, по крайней мѣрѣ на Иртышъ или Тоболь. Тяжко жить здѣсь, хотя большинство и не отказываетъ въ доброй пріязни. Все разрѣшить Натальинъ день, хотя бы довелось сказать: вотъ тебѣ бабушка и Адрианъ!“

„Меня ужасно тяготитъ отдаленіе; кажется, живу на самомъ краю свѣта, а если еще вообразу Иркутскъ, то кровь леденеетъ. И за десять верстъ нестерпимо подвинуться на востокъ“...

27-го іюля 1856 г. Томскъ.

„Настойчиво увѣряютъ серьезные люди, что въ положеніи нашемъ, около 19-го августа, непременно послѣдуетъ что-то лучшее. Если нѣтъ, то упорство нашего креста, оставляя крайнюю непослѣдовательность, въ виду всѣхъ означитъ уже нынѣшнюю судьбу. Стоило только эмигрировать, чтобъ теперь же все было кончено. Бакунину, самому Бакунину,—какъ читалъ я самъ въ лейпцигской газетѣ, позволено возвратиться! Этому удивляются нѣмцы; удивляются и силѣ ходатая, кавказскаго Муравьева. Уже ли все такъ уже, что ходатайство составляетъ единственный принципъ. Узнаемъ и это...

„Востокъ былъ мнѣ и ласковъ, и тепелъ; но я все въ немъ исчерпалъ, что только было моего. Неотразимо хочется хотя приблизиться къ другой стихіи. Между прочимъ мнѣ сильно здѣсь надоѣла жадность къ деньгамъ простаго народа, оставляющаго всякое дѣло въ сторонѣ и погубившаго въ себѣ всѣ нравственныя начала. Если-бъ былъ я и богатъ, не могъ бы переносить такое состояніе; оно еще тѣмъ хуже, что гнѣздится уже на развалинахъ. Ореоль, блиставшій нѣкогда надъ сибирскимъ Сентъ-Франциско, освѣтилъ только широкій путь къ разврату и, не создавъ свѣтила, рѣзко раздѣлилъ между свѣтомъ и тьмою. Мнѣ покой нуженъ. Не разбросавъ денегъ, здѣсь нельзя ничего дѣлать. Общимъ правиломъ стало: захватить ихъ впередъ и придумывать, какъ избавиться отъ обязанности“...

Въ августѣ 1856 г. пробилъ, наконецъ, давно желанный для всѣхъ декабристовъ часъ: въ числѣ высочайшихъ милостей, объявленныхъ по случаю коронаванія императора Александра II, снята была опала съ членовъ бывшаго тайнаго общества и имъ разрѣшено выѣхать изъ Сибири. Батенковъ былъ въ числѣ воспользовавшихся этимъ разрѣшеніемъ и отправился въ Тульскую губернію, въ деревню, принадлежавшую семьѣ его умершаго друга Елагина.

Покидая Томскъ, онъ писалъ А. И. Лучшеву, находившемуся въ то время въ Барнауль:

11 сентября 1856 г.

„Вотъ, милый А. И., пишу и вамъ привѣтъ разлуки. Черезъ двѣ недѣли здѣсь уже не буду, и сложившееся изъ душевныхъ сим-

патій семейство мое должно будетъ меня отпустить и со мною проститься. Я теперь, какъ новорожденный младенецъ, чистъ отъ всего, отъ чего только можно быть чистымъ, съ правомъ на жизнь, даже привилегированную, и—что важнѣе—свободенъ. Обѣ столицы мнѣ не гостепримны, но не совсѣмъ и заперты. Со службою не мирить безчиніе; но и туда есть дверь. Словомъ, я теперь юноша, недоросль и старецъ, только что поднятый изъ-подъ креста. Есть и выгода въ такомъ положеніи,—я могу не стѣснять бывшихъ товарищей и не стѣсняться ими, какъ бы высоко они ни забрались...“

Слѣдующіе отрывки взяты изъ писемъ, писанныхъ уже съ дороги и по прибытіи на новое мѣстожителство.

Тобольскъ, 1866 г. 12 октября (къ неизвѣстному).

„Сяду у моря и жду погоды. Доѣхалъ сюда еще успѣшно, не съ большимъ въ 8 сутокъ. До Абацкой бурсировалъ меня контръ-адмиралъ Невельской и былъ превосходнымъ спутникомъ. Мы усердно смѣялись надъ топами Боробы и надъ проливнымъ дождемъ, питались преимущественно чаемъ. Я не послушался ни его, ни васъ, и выходить, что хорошо сдѣлалъ. Иванъ Великій (Анненковъ Иванъ Александровичъ ?) съ апостоломъ и евангелистомъ Матвѣемъ (Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ ?) были уже здѣсь. Одинъ только первый возвратился, и получили мы извѣстіе, что слегъ отъ боли въ ногѣ; и немудрено было при такой ужасной дорогѣ. Не знаю, долго ли здѣсь пробуду; а чтобы пуститься далѣе, надобно было бы молодость и смѣлость барона (Владимира Ивановича) Штейнгеля, который одинъ и отправился. Странны эти двѣ вещи: время и городъ Тобольскъ. Черезъ 36 лѣтъ все измѣнилось здѣсь, и прежде столь извѣстное мнѣ мѣсто кажется мнѣ совсѣмъ незнакомымъ. Исчислить нельзя, сколько здѣсь гнили, пустырей, развалинъ и нищеты; но столько же и обновленія, хотя оно древнюю столицу Сибири выказываетъ теперь небольшимъ русскимъ городкомъ, и почти сплошь въ заимствованномъ издали видѣ. Чувство мое облегчено только отсѣченіемъ значительной части несносной дали, въ которую я забирался, и хотя въ Сибири, но кажется мнѣ отовсюду близко. Благодарю васъ отъ всей души, что вы уважали мое нетерпѣніе.

Конечно, лучше бы было еще придвинуться до Казани, но это требовало уже смѣлости и большихъ усилій. Намъ рѣваюсь за-вернуть въ Ялуторовскъ и можетъ быть, найдутся тамъ мнѣ спутники; дорога еще длинна и, скува неизбѣжна.

Удивились мы, почему не попалъ въ амнистію находящійся въ Нарымѣ Выгодовскій ¹⁾. Не забыть ли онъ какъ нибудь?— а всѣмъ извѣстно, что человекъ мирный и кроткій. Слышалъ я о немъ, живя въ Томскѣ, но лично совсѣмъ незнакомъ. Добросердечіе ваше, конечно, приметъ и въ немъ возможное участіе“...

Наконецъ, повидимому уже въ самомъ концѣ 1856 года, Гаврилъ Степановичъ добрался до возжеланной цѣли своего длиннаго путешествія—до принадлежавшаго Елагинымъ села Петрищева, находящагося въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Одинъ изъ первыхъ людей, къ которымъ онъ обратился оттуда съ словомъ привѣта, былъ, конечно, старый другъ его баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, тоже возвратившійся въ Россію послѣ 30-ти лѣтней ссылки.

15 января 1857 г. (Бѣлевъ) с. Петрищево.

Что съ тобой, мой ангелъ, стало,—
Не слышать твоихъ рѣчей?

„Полагаю этотъ эпиграфъ въ наличникъ моей рѣчи, хотя, правду сказать, въ словахъ нѣтъ разницы: одно по гречески. другое по русски; но если разложить ихъ тщательнo, то въ одномъ будетъ осадка грамоты, письменности, а въ другомъ—столярной работы, и полу-плеоназмъ обратится въ полный тогда только, когда испарится все содержаніе, и новый продуктъ составитъ уже говорящій столъ.

„Вся эта галиматія весьма потребна для настоящей съ тобой бесѣды, ибо въ самомъ дѣлѣ ворожить приходится, чтобъ тебя отыскать. Я не баронъ, а умѣю фантазировать. Мнѣ представляется, что ты, положивъ обѣ руки въ карманы, разгуливаешь теперь по Невскому проспекту. И въ грошъ не ставишь никого.

„Крылатая рѣчь наша могла-бы перекидываться теперь скорѣе, нежели было въ старыя годы. Я получаю съ Невы письма, въ

¹⁾ Канцелярскій чиновникъ, тоже бывшій членъ тайнаго общества, принадлежавшій къ кружку «Соединенныхъ Славянъ».

доброе время, въ три дня и въ самое худое черезъ шесть, когда Ока ихъ перехватываетъ и бездорожица таетса отъ Малаго Ярославца до Бѣлева въ полной красотѣ.

„Но пора начать прагматическую исторію.

„Въ Тобольскѣ пробылъ я три недѣли, въ самое несносное время. Грязь и сломанная мостовая не допускали разгуляя.....

„Едва успѣлъ ты исчезнуть, явась ко мнѣ какъ тѣнь Самуила, пріѣхалъ тотчасъ Дометти (теперь у васъ онъ) и утащилъ къ себѣ обѣдать. Отсюда начался рядъ гостепріимства и привѣтовъ.....

„Черезъ Иртышъ переправлялся еще на паромѣ, черезъ Тоболъ вовсе нельзя было. Перешедши рисковую одинъ пѣшкомъ, я не рѣшился возвратиться и, оставивъ на той сторонѣ вьюкъ свой, со всѣмъ, что въ немъ было, у татаръ, уѣхалъ въ Ялуторовскъ на перекладныхъ и тамъ почти три дня дожидался.

„До Казани на вольной почтѣ проѣхалъ хорошо, кромѣ трудной переправы черезъ Каму. Далѣе долженъ былъ пересѣсть въ тарантасъ, и потому пробылъ въ бусурманской столицѣ три дня, но не скучалъ въ обществѣ университетскихъ ¹⁾). Дотащившись до Нижняго, отдыхалъ тутъ два дня, а потомъ еще во Владимірѣ почти столько же, въ домѣ бывшаго у насъ предсѣдателя Болтина, и такъ появился въ Москвѣ.

„Здѣсь мнѣ позволено было пробыть цѣлые три дня: я просилъ лично; принять былъ ²⁾) хорошо; вспоминали Швартгольмъ и всю старину; даже выражено было сожалѣніе, что ты не видался. Наконецъ, 19 ноября (1856 г.) я прибылъ на мѣсто, и только успѣлъ это—путь рѣшительно прекратился.

„Здѣсь нашель я прежнюю, уже сильно испытанную, дружбу, свой домъ, свою семью; но въ то-же время засталъ похороны и втораго сына Авдотьи Петровны ³⁾) отъ перваго мужа. Итакъ, я не засталъ уже тѣхъ, съ кѣмъ надѣялся жить; но покой мой устроился и Богъ доселѣ насъ не оставляетъ.

¹⁾ Въ Казани Г. С. Батенковъ познакомился съ молодымъ тогда профессоромъ, павѣстнымъ и уважаемымъ Н. Н. Буличемъ. Въ 1868 году Николай Никвтичъ, въ бытность нашу въ Казани, передалъ нѣсколько интересныхъ данныхъ по поводу знакомства съ Батенковымъ, оставившимъ своимъ знакомствомъ самыя пріятныя воспоминанія.

²⁾ Графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ.

³⁾ Елагиной, по второму браку—Кирѣвской.

„Вотъ тебѣ отчетъ.

„Бумаги твои и книги я разобралъ, какъ умѣлъ; часть была уложена, для отправки, въ ящикъ и если Петръ Ниволаевичъ (Свистуновъ) не затруднился, должно быть все теперь въ Нижнемъ, гдѣ онъ почему то останавливался, а можетъ быть и въ Москвѣ.

„Отъавись, сдѣлай милость, адресуя просто въ Бѣлевъ, на мое имя. Богъ да хранить тебя. Прощай“.

С. Петрицево, 1857 г. 14 января. (Неизвестному).

„Живу теперь въ селѣ и по сельски. Это кажется отдыхомъ и легкостію, ибо надобно признаться, что, при свѣтлой наружности, душа долго была подъ сильнымъ прессомъ,—чѣмъ и изъясняется поспѣшность моего отъѣзда.

„Правду сказать, прибавочныя откуда-то мѣры ¹⁾ поубавили мое удовольствіе, и предреченіе ваше безъ „крючковъ“ не вполне оправдалось. Но все можетъ переимѣниться, какъ уже переимѣнялось много разъ.

„Пробывъ три дня въ Москвѣ, я постоянно видѣлся съ Сергѣемъ Григорьевичемъ ²⁾. Какое прекрасное, благородное, точно княжеское лицо!—Во вѣкъ не забуду впечатлѣнія, которое онъ на меня сдѣлалъ.....

„По маленьку наши выбираются и собираются; хотя и двухъ вмѣстѣ жить не будетъ. За ними, впрочемъ, и прежнія колоніи ихъ потеряютъ прежнее свое значеніе“.....

4 марта 1857 г., с. Петрицево (барону В. И. Штейнхелю).

„Аукнулись и отълинулись. Вотъ все, что успѣли мы сдѣлать доселѣ, мой милый братъ. Іудеи послѣ плѣненія Вавилонскаго соединились въ стѣнахъ Іерусалимскихъ, а мы, христіане, разсѣялись во всѣ языки. Никогда пространство не было такъ поглотнымъ и разстояніе такъ безтолковымъ, какъ для насъ теперь. Уже не повернулась-ли какая нибудь ось? Здѣсь ничего не слышно ни о Кяхтѣ, ни о Нижнемъ, а бьютъ по ушамъ Одессою и Радзивиловымъ. Когда и на небо взглянешь, то нѣтъ

¹⁾ Прибавочными мѣрами Батенковъ, вѣроятно, называетъ какія нибудь стѣсненія, которымъ декабристы на первыхъ порахъ послѣ возвращенія подвергались.

²⁾ Князь Волконскій.

въ звѣздахъ ни Вознесеня, ни Абалака, а Нивола Гостунскій и Оптинская пустынь. Нарочно ѣздилъ въ Москву, чтобъ за какойнибудь крючекъ зацѣпить мысль, а то, пожалуй, она со-всѣмъ перевернется на новый румбъ.

„Тебѣ нечего рассказывать, что я живу въ доброй и милой семьѣ и легко настроилъ всѣ струны по старому контра-пунету, но это самое и сказывается совсѣмъ въ другой мелодіи, нежели сибирскій хоръ; а жизнь непременно надо складывать изъ всего, что можно было. Можно черкнуть ножичкомъ и оторваться отъ всего прежняго.... однако, сердце не перестаетъ бить свой тактъ и ни отдаленіе, ни раздробленіе не могутъ заглушить его. Отсюда слѣдуетъ, что вся перемяна со мною послѣдовала только въ топографіи и географіи; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я, кажется, уже остолбенѣлъ до гроба и буду тянуть все тотъ же цилиндръ въ нескончаемую канитель.

„Чрезъ такое поясненіе, можетъ быть, я устраняю и вопросы, и замѣчанія, довольно законные съ твоей стороны, по причинѣ долгаго ожиданія отъ меня вѣстей. Надобно прибавить къ этому, что цѣлый мѣсяцъ, и даже болѣе, былъ я въ отсутствіи изъ дому, а теперь настала такая слякоть и распутица, что рѣшительно трудно попадать и въ Бѣлевъ; далѣе же ни мостовъ, ни переправъ до самой Калуги. Надобно отдать справедливость, что въ отношеніи путей сообщенія наши срединныя области сушая тайга, только нѣтъ въ ней ни медвѣдей, ни золота.

„Читаю я все, что читаютъ добрые люди. Кое кого и вижу изъ добрыхъ людей; добрыми людьми весьма доволенъ. Чего бы вазалося лучше на старости лѣтъ? Все, однако, и на донущкѣ остающагося времени тратить безъ пользы не хотѣлось бы. Но гдѣ найти пользу, и что есть польза? Это вамъ тамъ виднѣе, какъ людямъ поляризованнымъ (sic), а мы тутъ, какъ Купидонъ съ повязкою на глазахъ, опустошаемъ только колчанъ любви, едва-ли попадая даже и въ сердце.

„Скуки, однако, до сихъ поръ не знаю. Дни сами собою смѣняются очень быстро, и трудно рѣшить, куда дѣлись длинные вечера и пресловутое „чѣмъ бы убить время“? Мы дышимъ какъ-то однимъ кислородомъ.

„Я худо умѣю вообразить настоящее твое положеніе. У адмирала и у дѣтей (?) ты удобно улаживаешься въ мой кастетъ,

но, какъ необходимый атрибутъ всѣхъ тобольскихъ ландшафтовъ, мнѣ уже ни мало не понятенъ. Писали мнѣ, что ходишь по Невскому, запустивъ руки въ карманы; да тамъ-то что у тебя такое?

„Иванъ Великій (И. А. Анненковъ) звонитъ на тебя великопостную жалобу, что ты и больнаго его не посѣщаешь. Я рѣшилъ дѣло тѣмъ, что телѣги-то у него должны быть исправнѣе.

Прости, мой дорогой другъ. Обнимаю тебя вѣршко. Батенковъ“

Перебравшись на новое мѣсто жительства, но тяготясь постояннымъ—поневолю—проживаніемъ на чужой счетъ, Гавриль Степановичъ сталъ усиленно хлопотать о возвращеніи отобраннаго у него, при арестованіи въ 1825 году, имущества, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Источникомъ высланныхъ ему денегъ служилъ, по нѣкоторымъ рассказамъ, брильянтовый перстень, который присужденъ былъ ему въ награду незадолго до 14 декабря, но котораго онъ не успѣлъ еще получить. Цѣнность этого перстня, съ наросшими на нее процентами, составляла, къ 1857 г., около 15 т. руб. серебромъ. Другіе рассказываютъ то-же самое о серебряныхъ и золотыхъ вещахъ, отобранныхъ у Батенкова при арестованіи, и опредѣляютъ ихъ цѣнность, съ наросшими къ 1857 г. процентами, въ 6 т. р. съ небольшимъ. Такъ или иначе, но частью высланныхъ ему, по высочайшему повелѣнію, денегъ Гавриль Степановичъ воспользовался для покупки себѣ небольшого домика въ Калугѣ, куда выписалъ изъ Сибири вдову одного изъ братьевъ Лучшевыхъ съ ея двумя малолѣтними сыновьями. Послѣднихъ онъ помѣстилъ въ калужскую гимназію; мать же ихъ, впоследствии, вышла замужъ за совѣтника мѣстной казенной палаты.

Объ устройствѣ своемъ въ новомъ помѣщеніи онъ, между прочимъ, писалъ А. И. Лучшеву (въ январѣ 1858 г.).

„Наконецъ, бросилъ якорь въ Калугѣ, обзавелся крошечнымъ, но чистенькимъ домикомъ въ самомъ концѣ города, на Дворянской улицѣ, и когда пріѣхала Ольга Павловна (вдова Лучшева) съ ребятишками, прибрали наше жильѣ общими силами и начали продолжать именно ту самую жизнь, какаѣ была въ Томскѣ... По завѣщанію Петра (Кирѣевского, пасынка Елагиной) досталось и на мою долю перевести 28 книгъ византий-

своей исторіи, и это мнѣ не скучно, но отнимаетъ много времени“.

Въ началѣ 1859-го года разрѣшено было бывшимъ декабристамъ проживать въ обѣихъ столицахъ. И въ той, и въ другой оказалось у Батенкова еще нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Сѣздалъ онъ нѣсколько разъ въ Москву, побывалъ въ Петербургѣ и даже въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ, въ Варшавѣ, проживалъ бывший пріятель его Василій Васильевичъ Погодинъ. Что касается Петербурга, то тамъ завелись у него и новыя сношенія съ почтеннымъ Ѳ. Н. Муратовымъ, заправлявшимъ типографіею министерства удѣловъ. Онъ приходился сродни Гавріилу Степановичу и, кажется, по поводу какихъ-то имущественныхъ вопросовъ у нихъ и завелась переписка; видѣлись же они, сколько можно судить изъ этой переписки, всего одинъ разъ, въ 1861 г., когда Батенковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Чтобы показать характеръ взаимныхъ между ними отношеній, приводимъ здѣсь выдержки изъ сохранившихся писемъ Гавріила Степановича къ покойному нынѣ Ѳедору Никифоровичу Муратову ¹⁾.

Ноября 24. 1859. Калуга.

„Благодарю васъ душевно за поданный мнѣ голосъ и привѣтъ неожиданнымъ письмомъ вашимъ отъ 17-го числа. Оно мнѣ напомнило благодатные дни юности и дѣтства, когда еще патриархальная жизнь не подвергалась разложенію и семейныя группы обнимали и притягивали къ себѣ все родство, близкое и отдаленное.

„Не могу вдругъ припомнить и разобрать самый истокъ той вѣтви, къ которой вы принадлежите. Такъ время и другой складъ жизни смѣшали преданіе, если и было оно въ младенчествѣ не упущено, но во всю, довольно долгую, жизнь уже не повторялось. Знаю, что это со стороны моей матери. Сестра ея отца,

¹⁾ Письма эти переданы намъ Ѳ. Н. Муратовымъ незадолго до его кончины; это былъ въ высшей степени добрый, честный труженикъ, прошедшій все степени типографскаго работника до положенія завѣдывающаго типографіей (фактора) включительно. Ѳедоръ Никифоровичъ Муратовъ одинъ изъ основателей кассы для вспоможенія наборщикамъ въ С.-Петербургѣ.

Ред.

кажется, была за Пятевымъ; отъ нихъ произошла Дарья Петровна, мать Анны Осиповны.

„Не говоря о чувствахъ, имѣющихъ свое собственное право,—юридическій порядокъ отводитъ все далѣе родственниковъ по женскому колѣну и даетъ рѣшительное преимущество мужскому. Вотъ почему, полагаю я, нельзя было Аннѣ Осиповнѣ имѣть успѣха въ полученіи своего наслѣдства, равно какъ и другимъ, еще далѣе поведшимъ свои настоянія. Если бы имѣлъ я родовое имѣніе матери, дошедшее въ ней отъ отца, тогда только законъ обымалъ бы Пятевыхъ. Но какъ дѣло таковымъ не было, то моими наслѣдниками долженствовали быть родственники отца, по расчету до 5-й степени.

„Я говорю это только для поясненія. Дѣло получило уже окончательное и невозвратное рѣшеніе. Во первыхъ: судебныя мѣста, за 16 уже лѣтъ прежде, не исполнили свое опредѣленіе. Не признавъ никого наслѣдниками по закону, не уваживъ даже моего собственнаго распоряженія относительно кредиторовъ, по недостатку формы,—которую я не могъ и сохранить,—а почитая самого меня умершимъ, признали имущество выморочнымъ и тогда же обратили цѣну его въ казну. Во вторыхъ: по особенной милости государя, иманнымъ указомъ, круглымъ числомъ, сколько благоугодно было, отдано мнѣ въ 1858 году, изъ суммъ высшихъ государственныхъ установленій, взамѣнъ взятаго въ казну, послѣ чего не можетъ быть уже никакого права отыскивать что либо въ прошедшемъ... Конечно, выданная мнѣ сумма далеко не покрываетъ моихъ долговъ, но, къ счастью моему, кредиторы мои такого свойства, что они меня и содержатъ, вотъ уже 13 лѣтъ, попечительно и внимательно, увеличивъ значительно свою фортуна при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Они и составляютъ мой дружескій и семейный кругъ. Мнѣ оставалось только имъ же и вручить все, чтó сталъ имѣть. Отъ нихъ имѣю и домикъ здѣсь. На возрастѣ 65 лѣтъ велика милость Божія, что чудомъ почти успокоенъ.

„Кажется, я вамъ высказалъ все. Желалъ бы имѣть и обѣщанное вами подробное свѣдѣніе о васъ самихъ. Послѣдній пунктъ стоитъ на 1815 году, когда я видѣлъ Анну Осиповну и дѣтей ея въ Нижнемъ“.

19 декабря 1859 г., Калуга.

„Вы напрасно воображаете меня гордымъ, который по нраву своему не отвѣтитъ на письмо даже родственника, ищущаго его ласки. Дѣло въ томъ, что я слишкомъ тридцать лѣтъ, т. е. въ лучшіе дни жизни, не писалъ ни къ кому и ничего. Поэтому совершенно отвѣтъ отъ такого упражненія и не могу быть въ немъ дѣятельнымъ. По своему положенію жизни и даже по требованію разсудка желалъ бы кончить жизнь такъ, чтобы не осталось послѣ меня и строки, мною написанной. Не будучи ни ученымъ, ни литераторомъ, я не могу ничего произвести достойнаго памяти. Въ другихъ же сферахъ жизни, можно сказать, не имѣю никакого значенія....

„Радуюсь, что въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ успѣли вы образовать себя и избрали занятіе, которое доставляетъ хотя весьма умѣренную выгоду, но держитъ вблизи отъ продолжающихся успѣховъ. Предоставляю себѣ болѣе удовольствія лично познакомиться съ вами, когда буду въ Петербургѣ. Въ прошлое лѣто пріѣзжалъ я туда недѣли на три и былъ, кажется, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ вы живете. Довольно чудно и то, что вы добились обо мнѣ извѣстія; но жаль, что не прежде. Что дѣлать? Не всегда совпадаютъ наши потребности съ общимъ чертежомъ всемірнаго движенія. Давно уже замѣчаю, что моя колея отстала отъ его линий и только случайно ихъ пересѣкаетъ“....

22 февраля 1860. Москва.

„Радуетъ меня направленіе ваше и степень образованія, доставшіяся, какъ и всѣмъ намъ, немущимъ, однимъ непрерывнымъ трудомъ и даннымъ природою любознаниемъ. Знаю по опыту, что это лучше многихъ другихъ выгодъ и обѣщаетъ если не славостную, по крайней мѣрѣ не скучную жизнь.

„Выраженныя вами относительно меня желанія похвальны и законны; но быть всякаго человѣка слагается по его свойствамъ, обстановкѣ и обстоятельствамъ; а я, право, не вижу ничего, чѣмъ бы изъ внутренней сокровищности слишкомъ много нужно было подѣлиться съ другими во всеуслышаніе. Въ 60 лѣтъ возраста всякое начинаніе трудно, и потому извините меня, да и не одни вы, что я останусь при своемъ мнѣніи, почитая свое поприще конченнымъ и силы на предпріятіе новаго недостаточными. Вамъ,

молодымъ людямъ, поле открыто и въ будущее двери широко распахнуты, а нашу драхлость въ нихъ могутъ зацементировать и задавить, а это, конечно, немного и неприятно.

„Словомъ, мнѣ надобно уже какое-то особенное оживленіе, чтобъ заявить о своемъ существованіи, безъ того, можетъ быть, не въ мѣру уже заявленномъ. Это послѣднее обстоятельство требуетъ уже не простой болтовни, а здороваго, неоспоримо полезнаго слова, которое простымъ ухарствомъ не дается“.

Августа 13-го 1860. Калуга.

„Не негодуйте на меня напрасно, Фѳдоръ Никифоровичъ,— на медленные вамъ отвѣты и, вообще, на неисправность переписки; тому есть множество причинъ, по которымъ я терплю упреки не отъ васъ однихъ. Чтобы удовлетворить по желанію, мнѣ бы довелось только и дѣлать, что писать и имѣть канцелярію. Друзья мои и знакомые разсѣяны повсюду, а иногда и совсѣмъ неизвѣстные мнѣ адресуются съ разными вопросами, обращая въ повинность долгую мою и сдѣлавшуюся любопытною жизнь. Между тѣмъ я совершенно отвыкъ писать, и братья за перо чувствую тяжкою работою...“

„На мѣстѣ постоянно не живу. Весною пробылъ въ Москвѣ, а все лѣто въ Польшѣ; теперь собираюсь верстѣ за сто въ деревню... Вѣроятно буду въ Петербургѣ въ концѣ осени или зимою. Тамъ я и предполагаю лично съ вами познакомиться, и прошу принять терпѣніе“....“

19 ноября 1861. Калуга.

„Не сердись на меня, мой дорогой Фѳдоръ Никифоровичъ; мы теперь уже видѣлись и столько стали знать другъ друга, чтобъ не сомнѣваться въ добрыхъ чувствахъ ...“

„Прежняя моя жизнь тамъ (въ Петербургѣ) была не совсѣмъ тѣсна; близко знакомыхъ осталось и теперь еще много, тѣхъ самыхъ или ихъ семействъ. Можно бы закружиться среди нихъ, но я, и сводя въ кучки, осенью не всѣхъ успѣлъ видѣть даже и по одному разу, а для этого единственно пріѣзжалъ уже дважды.“

„Крѣпко мнѣ хочется прикатить къ вамъ изъ Москвы, чтобъ помѣститься гдѣ нибудь въ уголку и все время оставить для

самого себя; словомъ, проявить на дѣлѣ сущую анти-тезу. Въ такомъ положеніи, конечно, я могъ бы ближе ознакомиться съ вашимъ и братнимъ бытомъ и, хотя бѣденъ я средствами, послужить къ его улучшенію; по крайней мѣрѣ, возможно и желательно приблизить его къ себѣ чувствомъ.

„Жизнь моя до старости протекла въ неволѣ. Съ отрочества отлучился я отъ родныхъ и всѣ, кого зналъ, уже давно умерли. Поэтому я призналъ своими ближними тѣхъ, у кого преклонилъ голову въ несчастіи. Много было и заботъ, многое и перенесено со мною вмѣстѣ. Такъ почти математически опредѣлилось мое настоящее положеніе и очертился кругъ, изъ котораго уже поздно и не для чего выходить мнѣ. Дай Богъ, чтобъ изъ него не выбили только нужды и шаткое время“.

21 января 1862 г. Калуга.

„Спасибо вамъ за приглашеніе раздѣлить постой, но я не могу никакъ измѣнить уже твердо, самую жизнь устроенныхъ для этого, иныхъ распоряженій. Я не понялъ, почему вы подумали, что, побхавъ по желѣзной дорогѣ, могу забыть мои письменные виды. Для насъ довольно однихъ документовъ на состояніе, но для столичныхъ управленій всегда беремъ и особые паспорта, нужные въ другихъ мѣстахъ для полученія подорожной. До состоянія, въ началѣ 1859 года, царскаго указа о снятіи ограниченія, я и не могъ жить въ столицѣ. Увлеченный большою бурей и запутанный мудренными обстоятельствами, я довольно уже, — можно сказать, — безпримѣрно, страдалъ; пора уже было дать покой. Въ настоящее же время убѣжденія и образъ мыслей не составляютъ преступленія и предмета розысковъ.

„Я распространился объ этомъ, чтобъ поставить васъ въ извѣстность о своемъ положеніи и удалить, можетъ быть, слишкомъ робкіе на него возрѣнія и толки, всегда увеличенные по мѣрѣ удаленія отъ яснаго свѣта“....

Іюля 28-го 1863 г. Калуга.

„Прожилъ я цѣлое лѣто въ деревняхъ, но здоровья не поправилъ. Грудная боль и одышка усиливаются день ото дня, и отъ того стало несбыточнымъ мое намѣреніе побывать осенью

въ Петербургѣ; да и покрыть расходы на это въ настоящее время нечѣмъ.

„Удивительно, какъ Богъ помогаетъ вамъ, при средствахъ, состоящихъ въ одномъ трудѣ, совершать столько добрыхъ дѣлъ. И выходитъ, что вѣра и послушное заповѣди Христовой сердце составляютъ лучшей капиталъ.

„Да почиетъ надъ вами небесное благословеніе.

„Обнимаю васъ родственно. Батенковъ“.

Письмо это было однимъ изъ послѣднихъ, которыя писалъ Гавриилъ Степановичъ; въ октябрѣ того же 1863 г. кончилось его необычайное и многострадальное жизненное поприще: онъ скончался отъ воспаленія легкихъ, на 71-мъ году жизни. Все состояніе свое онъ завѣщалъ вдовѣ Лучшева (по второму браку Цуриковой) и приказалъ похоронить себя въ с. Петрицевѣ, рядомъ съ своимъ другомъ и бывшимъ боевымъ товарищемъ, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинимъ,—что и было исполнено.

VI.

По воспоминаніямъ, сохранившимся въ семействѣ Елагиныхъ¹⁾, Батенковъ въ послѣдніе годы своей жизни никакъ не могъ долго сидѣть на мѣстѣ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выѣхать, хотя бы покататься. Когда сняли съ декабристовъ запрещеніе жить въ столицахъ, онъ нѣсколько разъ, какъ мы видѣли изъ его писемъ—побывалъ въ Москвѣ, Петербургѣ и даже Варшавѣ. Въ Калугѣ онъ сошелся съ нѣсколькими проживавшими тамъ декабристами, и тамъ же принималъ живое участіе въ трудахъ губернскаго комитета объ освобожденіи крестьянъ.

О происшествіяхъ 14-го декабря и о времени заключенія своего въ крѣпости Батенковъ—какъ уже выше сказано—вспоминать очень не любилъ, и когда заходила объ этомъ рѣчь, отъ него нельзя было слова добиться. Только одинъ разъ, еще проживая въ Сибири, онъ, въ годовщину декабрьской смуты, самъ заговорилъ о

¹⁾ Русскій Арх. 1881 г. кн. 3.

ней, но тотчасъ остановился и пробормоталъ себѣ подъ носъ: „ну, да случись революція тремя днями позднѣе, я уѣхалъ-бы въ Москву, и моего имени не было-бы въ этомъ дѣлѣ“.

Отъ тѣхъ-же ужасныхъ годовъ заключенія въ немъ остались нѣкоторыя странности. Привыкнувъ ограничивать свою прогулку шагaniemъ по тѣсному каземату, онъ въ первые годы по освобожденіи, прохаживаясь по комнатѣ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, внезапно останавливался и поворачивалъ назадъ, какъ-бы инстинктивно чувствуя предъ собою стѣну ¹⁾. Вслѣдствіе тѣхъ-же тюремныхъ впечатлѣній, онъ чрезвычайно тяготился тишиною. Однажды, въ Петрищевѣ, онъ сидѣлъ у камина, въ комнатѣ, гдѣ никого не было. Вдругъ слышать въ этой комнатѣ крики; всѣ побѣжали туда посмотрѣть, что случилось: оказалось, что Гавриилъ Степановичъ совершенно спокойно сидитъ на прежнемъ мѣстѣ. „Гавриилъ Степановичъ, что съ вами?“ спрашиваютъ его. — „Ничего, надо же человѣку и покричать“. — Должно полагать, что къ такому же средству прибѣгалъ онъ въ казематѣ, чтобы услышать звуки хотя собственнаго голоса.

Вопреки своей неохотѣ писать что либо о собственной особѣ, Батенковъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ, написалъ, во время пребыванія своего въ Петрищевѣ и въ Калугѣ, воспоминанія о дѣтскихъ годахъ своей жизни, дополненныя разными философскими разсужденіями и мыслями о государственномъ устройствѣ. Записки эти помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ ²⁾.

Заклучимъ нашъ очеркъ описаніемъ наружности и характера Батенкова, какъ они изображены однимъ изъ близкихъ томскихъ пріятелей его, Прядильщиковымъ.

Гавриилъ Степановичъ былъ довольно высокаго роста, хорошо сложенъ, но, отъ преклонныхъ лѣтъ, немного сутуловатъ. Черты лица имѣлъ правильныя, нѣсколько похожія на Наполеоновскія (разумію Наполеона I): тотъ же лобъ, прямой носъ и подбородокъ. Взглядъ задумчивый.

Что касается характера, то рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ умѣлъ сдерживать свои страсти.

¹⁾ Со словъ Елены Александровны Бестужевой—М. И. Семевскому, въ 1861 г.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1861 г., кн. 2.

Никогда и ни о комъ Гаврилъ Степановичъ не отзывался рѣзко, видимо со всѣми желая хранить согласіе. Бывало молодежь выводила его изъ терпѣнія выходками противъ тѣхъ порядковъ, которые Сперанскій ввелъ въ Сибири; но и тутъ Батенковъ, какъ ни былъ раздраженъ, защищался съ достоинствомъ. Въ обществѣ дамъ старикъ держалъ себя чрезвычайно любезно, хотя не отказывалъ себѣ въ удовольствіи поспорить съ прекраснымъ поломъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ Гаврилъ Степановичъ, при блестящихъ способностяхъ, обладалъ и замѣчательною усидчивостію въ трудѣ. Свидѣтельствомъ сему служить то, что, получивъ относительно скудное образованіе въ тогдашнемъ кадетскомъ корпусѣ, онъ потомъ самъ завершилъ его неустанными занятіями и не только приобрѣлъ основательныя знанія въ точныхъ наукахъ, но сверхъ того ознакомился съ древними: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками настолько, что свободно дѣлалъ съ нихъ переводы на русскій. По французски и по нѣмецки онъ тоже говорилъ и писалъ. Всѣ эти познанія сохранились въ немъ и послѣ 20-ти лѣтняго заключенія въ крѣпости.

Все это пошло прахомъ! Въ силу роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, Батенковъ за свое кратковременное и почти случайное увлеченіе поплатился болѣе, чѣмъ который либо изъ оставшихся въ живыхъ соучастниковъ несчастнаго событія 14-го декабря 1825 г.

П р и л о ж е н і е.

Характеристика графа А. А. Аракчеева и М. М. Сперанскаго ¹⁾.

[Изъ показаній Батенкова].

Ничего не было страннѣе, какъ видѣть счеты объ экономіи и сбереженіяхъ. Смысло можно взяться доказать, что истинная экономія нигдѣ не наблюдалась и что все основано было на томъ, что сметы были произвольны, что ревизія состояла въ одной повѣркѣ цифръ. Могу представить два важныя примѣра:

1) Въ военныхъ поселеніяхъ считается экономически составленныхъ свыше 20 мил. рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копѣйки, но, прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, дѣсами, работою и народомъ. Ежели сдѣлать правильную оцѣнку всѣхъ пожертвованій, то, конечно, пятипроцентнымъ доходомъ съ употребленнаго капитала на неоконченное еще водвореніе какого нибудь полка 1-й гренадерской дивизіи можно было бы на вѣки обезпечить содержаніе сего полка, во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ саман цѣль поселенія общааетъ одно продовольствіе провіантомъ. Огромный же капиталъ составитъ большею частью отъ снабженія провіантскаго и комисаріатскаго департаментовъ и другими средствами, кои въ крайнемъ результатѣ составляли налогъ на государство.

Осенью (1822) графъ Аракчеевъ пригласилъ меня въ Грузино, и я долженъ былъ поступить къ нему на службу.

Сперанскій далъ мнѣ слѣдующіе приказанія и совѣты:

1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ.
2) Ежели не хочу быть замѣшаннымъ въ хлопоты, всти себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей.

3) Никогда не дать графу замѣтить, а лучше я не думать, что я могу, кромѣ него, имѣть къ государю другіе пути.

Все сіе исполнено было мною въ точности, и я нашелся въ состояніи три года быть близкимъ къ графу. Съ Сперанскимъ мы почти разстались. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Черимговъ.

¹⁾ Статья эта въ рукописи озаглавлена такъ: «Критика внутренней администраціи и о казенномъ хозяйствѣ между прочимъ».

Какъ ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелюку сталъ онъ знати меня съ портфелью статсъ-секретаря и членомъ своего совѣта, притомъ я звалъ, что ему былъ нуженъ, то и могъ принягъ не тотъ тонъ, какой наблюдалъ съ Сперанскимъ.

Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между спми лицами:

Аракчеевъ страшень физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; Сперанскій страшень морально, ибо прогнѣвать его значитъ уже лишиться уваженія. Аракчеевъ зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ. Сперанскій холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя всеми средствами. Сперанскій любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и трудень слушать похвалы: все исполняетъ, что обѣщаетъ. Сперанскій првступенъ на всѣ просьбы о добрѣ, охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ: злорѣчя не любить, а хвалить рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей сообразно ихъ способностямъ; ни на что постороннее не смотритъ. Сперанскій нерѣдко смѣшываетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ. Сперанскій остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ. Сперанскаго характеръ сильный, можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; къ подчиненнымъ совершенно искроменъ и увлекается всеми страстями. Сперанскій всегда является въ приличіи, дорожатъ каждымъ словомъ и кажется неискреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ переимѣнить видъ свой по обстоятельствамъ. Сперанскій, при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко переимѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомоль, но слабой вѣры. Сперанскій набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные; но Сперанскаго любилъ душою.

По окончаніи главныхъ сибирскихъ дѣлъ, я остался свободнымъ, искалъ связей со всѣми людьми, кои почему нибудь извѣстны, вошелъ въ кругъ литераторовъ, ученыхъ и въ первый разъ сталъ показывать въ себѣ челоѣка свободномыслящаго. Съ масонами обходился какъ братъ, но не посѣщалъ ихъ ложъ.

Жизнь моя опять переимѣнилась съ поступленіемъ къ графу Аракчееву. Вліяніе Сперанскаго, кромѣ первыхъ наставленій, какъ должно вести себя, сдѣлалось весьма слабо; я находилъ токмо необходимымъ жить съ нимъ въ одномъ доми, чтобъ не погрязнуть въ военныхъ поселеніяхъ и не потерять себя въ мѣстнн города.

Служа при графѣ, я чувствовалъ сильное его вліяніе на мой нравъ. Оно обнаруживалось:

- 1) Рѣшительностію въ поступкахъ.
- 2) Пристрастіемъ къ формамъ.
- 3) Точностію и подробностію въ разсмотрѣніи дѣлъ.
- 4) Вспыльчивостію и нѣкоторою грубостію въ обхожденіи, чего прежде я былъ совершенно чуждъ.

Здѣсь занятія мои были совершенно энциклопедическія. Въ первый разъ сталъ я употреблять анализъ въ производствѣ и разсмотрѣніи дѣлъ.

Легко было замѣтить, что графъ Аракчеевъ желалъ совершенно отвлечь меня отъ Сперанскаго, намекалъ разговорами, частыми приглашеніями въ Грузію и тому подобнымъ. Но я далеко былъ отъ того, чтобы на сіе рѣшиться, сколько по уваженію и любви, конъ питалъ къ Сперанскому, столько же и изъ опасеній зависть во всемъ отъ графа Аракчеева.

Начальникъ штаба ¹⁾ дѣйствовалъ на мой нравъ совершенно отрицательно, т. е. какъ бы указывалъ, чего не должно дѣлать. Благородный Муравьевъ, честный Персидскій, осторожный Самбургскій и умный Погодинъ поддерживали меня примѣромъ и совѣтомъ. Вообще я былъ уваженъ, съ Аракчеевымъ обращался просто и откровенно; словомъ, не было никакихъ причинъ къ униженію моего характера, напротивъ, все его возвышало. Произведенія мои по военнымъ поселеніямъ всегда угадывали по первому взгляду, ибо они составляли нѣчто высшее. Между тѣмъ я не могъ не видѣть неустройства, которое господствовало какъ вообще въ дѣлахъ, такъ въ особенности по военнымъ поселеніямъ, и сіе склоняло опять къ новому направленію мыслей.

Такимъ образомъ я былъ извѣстенъ, уваженъ, многими любимъ, зналъ твердо дѣла, обладалъ множествомъ свѣдѣній и познаній, могъ указать нѣсколько произведеній, приведенныхъ успѣшно въ дѣйствию, былъ трудолюбивъ, все, къ чему ни прикасался, возвышалъ, а настойчивостію и дѣятельностію исправлялъ и преобразовывалъ: все, что было мнѣ вѣрнимо, почиталось уже какъ бы конченнымъ. Войдя въ кругъ зятя Сперанскаго, Багрѣва, я вошелъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ связь съ молодыми людьми первыхъ фамилій и надѣялся быстро возвышаться. Вотъ мое состояніе въ концѣ 1824 года!

Но я еще не былъ испытанъ никакимъ, даже малымъ, несчастіемъ и надѣялся на себя, такъ сказать, теоретически.

Съ наступленіемъ 1825 года мысли мои приняли опять новый оборотъ. (Тутъ Батенковъ пишетъ, что у него родилась мысль о необходимости перемѣны правленія; что сія любимая мысль господствовала надъ нимъ въ теченіи всего 1825 года и что, подѣ вліяніемъ оной, онъ предпринялъ: 1) написать цѣлое сочиненіе въ поученіе тѣмъ, конъ занимать будутъ низшія мѣста; 2) утвердить понятіе о собственности въ военныхъ поселеніяхъ, ибо предполагалъ изъ оныхъ составить національную гвардію; 3) замѣчать и сближаться съ лицами, конъ могутъ быть употреблены, отерывая сначала одну токмо цѣль—утвержденіе гражданской свободы, что можно было говорить гласно; 4) прочитывать всѣ извѣстныя либеральныя книги).

¹⁾ П. А. Клейнмихель, впоследствии графъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія.

Живя въто большею частію въ Грузинѣ, я обдумалъ множество административныхъ плановъ, какъ пригготовительныхъ, такъ и тѣхъ, (кои должны быть приведены въ дѣйство при новомъ образѣ правленія. Въ августѣ (1825 г.) я пріѣхалъ въ Петербургъ, для исправленія должности начальника штаба, что въ продолженіи мѣсяца отняло все мое время.

Происшествіе въ Грузинѣ (убійство Настасьи Минкиной) и внезапное отреченіе графа Аракчеева отъ дѣлъ имѣли два важныхъ послѣдствія на мою жизнь: 1) пресѣченіе пути, на коемъ служба мнѣ благопріятствовала; 2) богѣ нежели черезъ мѣсяць послужило поводомъ въ разговорѣ съ А. Бестужевимъ, составлявшему вступленіе мое въ тайное общество ¹⁾.

¹⁾ Н. Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1883 г. Подлинники этихъ писемъ находятся въ архивѣ канцеляріи военнаго министра.

ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

въ ихъ къ нему письмахъ.

II¹⁾.

Ф. В. Чижовъ—Н. В. Гоголю.

1.

Парижъ, 31 мая 1844 г.

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы видѣться съ вами, Николай В а сильевичъ; но какъ я не могу опредѣлительно себѣ сказать зачѣмъ, поэтому мнѣ какъ-то совѣстно предпринять путешествіе довольно значительное, при моихъ весьма незначительныхъ средствахъ. Извините, что я безъ всякаго права буду просить васъ увѣдомить меня, гдѣ вы проводите лѣто, и не будете ли случайно въ августѣ въ Кельнѣ, или его окрестностяхъ; мнѣ надобно будетъ поѣхать въ одинъ городокъ близъ Ахена, чтобъ повидаться съ Печеринымъ²⁾; можетъ быть, мы бы и съѣхались. Во всякомъ случаѣ, позвольте васъ просить написать нѣсколько строкъ, гдѣ вы и гдѣ будете въ августѣ; мои занятія удержатъ меня въ Парижѣ непременно до августа. Свиданіе съ вами могло бы, можетъ быть, прояснить мнѣ многое въ отношеніи къ нѣкоторымъ общимъ нашимъ знакомымъ, особенно

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXIII, іюль, стр. 163—176.

²⁾ Печеринъ—товарищъ юности Ф. В. Чижова, ученый и поэтъ, впоследствии профессоръ, еще позднѣ католическій священникъ въ Дублинѣ. О немъ см. «Русск. Арх.», 1878, 1136; его воспоминанія были напечатаны также въ «Русск. Арх.», 1870 г., стр. 1333, и письмо къ графу Строгонову, 1870 г., стр. 2129. В. III.

Шаповаленки¹⁾, но еще скажу вамъ правду, главная причина, заставляющая меня просить васъ сказать гдѣ вы, — просто желаніе, довольно неопредѣленное, повидаться съ вами. Буду ожидать вашего увѣдомленія. Ѳедоръ Чижевъ.

2.

29 декабря (1846 г.).

Грустнымъ вѣстникомъ надобно мнѣ быть для васъ, Николай Васильевичъ, очень грустнымъ. Вотъ вамъ слова изъ письма Свербеевой²⁾, сегодня мною полученнаго. «Грустная вѣсть, боюсь, какъ бы не достигла до васъ прежде моихъ строкъ. Языковъ боленъ нервическою горячкою и нѣтъ никакой надежды. Силы его такъ были истощены и прежде. Вамъ, конечно, очень грустно будетъ по немъ. Кому изъ друзей его не грустно! Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, отправленномъ 24 дек., я не хотѣла васъ опечалить вѣстью о болѣзни Языкова. Иноземцевъ еще не терялъ надежды тогда. Я плохо надѣялась³⁾, мнѣ сердце говорило, что угрожаетъ намъ. Петръ Михайловичъ⁴⁾ при немъ. Александръ Михайловичъ⁵⁾ прожилъ съ нимъ три недѣли, уѣхалъ, когда уже онъ занемогъ. Хомяковыхъ⁶⁾ нѣтъ здѣсь; имъ писали о немъ иномъ горѣ».

Вы знали Языкова больше другихъ, вамъ придется и грустить далеко больше другихъ. Мнѣ стыдно признаваться, какъ меня поразило это, можетъ быть, и потому, что Языковъ былъ въ глазахъ моихъ святымъ человѣкомъ.

Александръ Андреевичъ⁷⁾ груститъ со мною; онъ вамъ кланяется. Онъ даетъ мнѣ надежду здѣсь васъ увидѣть, но такъ не ясно. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ болѣе чувствую необходимость васъ видѣть. Дай вамъ Богъ здоровья, оно намъ нужно. Душевно васъ уважающій

Ѳ. Чижевъ.

¹⁾ Шаповаловъ — художникъ, жившій въ Римѣ одновременно съ Гоголемъ, Ивановымъ и Чижевымъ.

²⁾ Екатерина Александровна, жена кн. Д. Н. Свербеева, общаго знакомаго Гоголя, Языкова и Чижева.

³⁾ Здѣсь приводятся слова Свербеевой.

⁴⁾ и ⁵⁾ Старшіе братья Н. М. Языкова.

⁶⁾ Хомяковы (Алексѣй Степановичъ и Екатерина Михайловна, сестра Н. М. Языкова) были самыми близкими родственниками поэта.

⁷⁾ Ивановъ (позвѣстный художникъ, другъ Гоголя).

3.

30 дек. Простите, что докучаю вамъ свиданіями съ вами; просто бы прѣхать къ вамъ, но я не скрою, что и средства, и время у меня таковы, что во всякой поѣздѣ надобно дать строгій себѣ отчетъ. Если вы рѣшительно не будете сюда, лучше было бы поѣхать во время карнавала. И безъ настоящей неприятности, онъ мнѣ не былъ бы весель, а теперь я не знаю, успѣю ли я до него одуматься. Вчера меня поразило извѣстіе, — сегодня входитъ глубже, и чѣмъ больше вижу, что мы потеряли, тѣмъ больше тоскуется. Тѣмъ или другимъ путемъ мы теряемъ все прекрасное. Напишите, Николай Васильевичъ, нѣсколько строкъ; можетъ быть, вы вашимъ уединеніемъ укрѣпили силы, вѣру въ Провидѣніе и покорность ему, — научите, какъ снискать ихъ.

Укрѣпи Богъ ваше здоровье; чѣмъ больше теряешь, тѣмъ сильнѣе чувствуешь, какъ дорого посланное намъ Богомъ.

4.

Римъ, 26-го января 1847 г.

Письмо ваше я получилъ; оно заставляетъ меня распорядиться такъ, чтобъ непремѣнно улучшить время быть въ Неаполѣ. Настоящія занятія мои не позволяютъ этого дѣлать ранѣ половины марта; потомъ я прѣйду. Сдѣлайте одолженіе, писавши сюда, напишите вашъ адресъ, чтобъ скоро можно было найти васъ. Очень и очень хотѣлось бы снискать ваше доброе мнѣніе, чтобъ, опираясь на это, на многое попросить отвѣтовъ и совѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, мнѣній. Теперь мы нараспутіи, — большею частію идетъ такъ, какъ, кажется, должно по внутреннему голосу; но иногда этого недовольно, надобно было бы и поотчетливѣе ждать путь и ходъ. Думаешь иногда спросить совѣта, какъ-то принимаютъ такъ не радушно, такъ не по-братски, что неволью закрываешься тамъ, гдѣ нужно было бы открываться всему. Разумѣется, большею частію виноватъ самъ, — спрашиваешь не изъ искренняго желанія узнать истину, а такъ, чтобъ «себя показать и людей посмотреть».

Душевно васъ уважающій Ѡ. Чижовъ.

5.

Римъ, 15-го января 1847 г.

Моллеръ ¹⁾ и Ивановъ говорили мнѣ, что вы прїѣдете въ Римъ; сегодня они получили ваши письма и отвѣчаютъ, что не знаютъ. Желаніе и очень сильное, желаніе увидѣть васъ,—зачѣмъ? опредѣлительно сказать не умѣю,—заставляетъ меня спросить васъ самихъ— не думаете-ли вы побывать въ Римѣ до апрѣля? Удѣлите нѣсколько минутъ и отвѣтите на этотъ вопросъ. Всѣ московскіе и въ Петербургѣ Плетневъ думали, что я васъ увижу въ Римѣ, поэтому всѣ поручили мнѣ вамъ кланяться. Положительно нечего мнѣ сказать вамъ новаго. Слава Богу, все идетъ хорошо, такъ мнѣ кажется, другимъ многимъ,—что все идетъ худо. То-ли, другое-ли вѣрно, не знаю, но видно, что идетъ все впередъ и, что еще важнѣе, что ведутъ не столько люди, сколько Богъ. Если вы мнѣ напишете, потрудитесь адресовать въ *Café greco (Via condotti)*. Истинно васъ уважающій
Ө. Чижовъ.

6.

7-го февраля, Римъ (1847 г.).

Порученія вашего я не могъ исполнить такъ, какъ вы желали, и очень жаль мнѣ, что не удалось исполнить. Ваше письмо Моллеръ отдалъ мнѣ въ трактирѣ у Фальконе, подлѣ меня сидѣлъ Ивановъ; едва я распечаталъ, тотчасъ же прочелъ надпись на его письмѣ, не читая еще своего, и отдалъ ему. Но сколько ни случается отъ маза до велика, всегда само собою дѣла устраниваются лучше, нежели какъ мы предполагаемъ ихъ устроить. Письмо ваше сильно его разстроило; больше всего мучить его то, что онъ васъ заставлялъ беспокоиться сильно о его положеніи. Онъ говоритъ: «намъ гораздо лучше все оставить до личнаго свиданія». Не знаю, чтó вы писали къ нему, а знаю только то, что въ его дѣлѣ двѣ стороны, одна нравственная, заключенная въ немъ самомъ; другая вѣшняя, зависящая отъ начальства и и ихъ гадостей. Начальство скверно не отъ желанія вредить, а просто потому, что скверно; столкновения его съ Ивановымъ еще хуже, чѣмъ съ другими, потому что неопытность его въ общественной жизни

¹⁾ Моллеръ, Федоръ Антоновичъ, художникъ, жившій въ Римѣ въ одно время съ Гоголемъ.

вызываетъ много такого, что бы само никогда не вышло. Онъ тоже не виноватъ. Гораздо важнѣе этого внутреннее состояніе души его, на которую, какъ мнѣ кажется, надобно дѣйствовать успокоивающими средствами. Вамъ болѣе, я думаю, чѣмъ кому-либо знакомо то, какъ тяжело и какъ дорого намъ достается уединеніе. Искренно признаваясь и по собственному опыту, и по наблюденіямъ надъ многими, я подсмотрѣлъ одно,—что, оставаясь въ уединеніи все съ самимъ собой, невольно влюбляешься въ самого себя. Кто вынесетъ себя братомъ близняго изъ уединенія, тотъ истинно высокъ въ глазахъ монаховъ. Христось въ пустынѣ не остался безъ искусителя; гдѣ же намъ уйти отъ него? Въ два года, что я не видалъ Иванова, я нашель перемѣну: душа его осталась такъ же чиста, если не чище, но менѣе спокойствія, то есть еще менѣе, потому что немного было и прежде. По мнѣ тутъ человѣческаго врачеванія мало; молитва и дѣло,—покорность и овладѣніе собою,—такъ мнѣ кажется. Во внѣшней его жизни есть одна ужасная гадость, только она и можетъ заботить его. Говорилъ-ли онъ вамъ, что онъ далъ подписку въ годъ непремѣнно кончить картину,—я очень и очень боюсь, чтобъ по истеченіи года его не потревожили. Какъ вы думаете, не поговорить-ли съ Волконскимъ? ¹⁾ Съ Устиновымъ и другими властями я не знакомъ. Вотъ вамъ дѣло Иванова. Положеніе другихъ недавно было плоше, потому что отъ одной минуты зависѣла у нѣкоторыхъ вся будущность. Киль ²⁾ обходится съ ними, какъ съ солдатами, разумѣется, этимъ выводить изъ терпѣнія, а дальше все зависить отъ случая. Теперь Киль нѣтъ здѣсь и они пока покойны.

Вы мнѣ пишете о Моллерѣ,—сколько я слегка ни сталкивался съ нимъ, вездѣ ждалъ очень хорошаго человѣка, но крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобъ любить его безъ дѣятельныхъ сношеній. Но если я съ нимъ не близокъ, это зависить отъ того, что при настоящемъ моемъ положеніи и внутреннемъ, и внѣшнемъ я весь отданъ какой-нибудь работѣ. Въ ея, я или съ старыми искренними друзьями, или съ людьми, которыхъ столкновение облегчаетъ мой путь къ цѣли. Не вините меня, Николай Васильевичъ,—и безъ того обстоятельства много стоили и сила, и времени; пора смотрѣть на себя просто какъ на рабочаго и сближаться только съ тѣми, кто ощутительно или не ощутительно можетъ подвинуть работу. Я васъ не могу не уважать, а потому не хочу быть неискрененъ; наши склады совершенно различны. Я руссакъ, люблю Россію, потому что она—я, а я—она—не сойтись мнѣ

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ, бывшій министръ двора.

²⁾ Киль былъ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ послѣ Кривцова.

съ людьми, которые ее любят за то, или за другое и считают себя ее частію. Но не въ судъ и не въ осужденіе я говорю это, а рассказываю, какъ это дѣлается внутри насъ. Мы съ Моллеромъ встрѣчаемся хорошо,—я имѣю всѣ данныя, чтобъ чтить его какъ художника, какъ добраго человѣка, и, еще очень важное, пошедшаго по пути призванія; онъ не имѣетъ причины презирать меня. Любить онъ меня не можетъ: онъ читалъ мою статью. Повѣрьте, что я никакъ въ душѣ не имѣю противъ полу-русскихъ, Богъ съ ними! — но та-же душа тянетъ къ русскимъ. Половина не по-нутру русской природѣ. Я радъ, что письмо ваше вызвало меня сказать, что какъ есть. Вы можете бранить меня, порицать, но похвалите за то, что говорю искренно. Душевно васъ уважающій О. Чижевъ.

Отчество мое Васильевичъ.

Счастливы вы, что помирились съ разлукою; знаю я, что тутъ, въ грусти, чисто эгонистическое чувство, но когда подумаю, ихъ нѣтъ, дѣлается грустно до того, что владѣть собою не умѣю.

7.

Марта 4, Римъ (1847 г.).

Николай Васильевичъ, обстоятельства, именно отправка книгъ, плохое здоровье, неизбѣнне нисколько денегъ больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно на поѣздку и приближеніе къ Россіи, а главное какая-то апатія, въ которой не умѣю дать отчету самому себѣ, лишаютъ меня возможности быть въ Неаполѣ. Такъ видно слѣдуетъ. Виѣстѣ съ этимъ все заставляетъ меня писать къ вамъ далеко больше, чѣмъ я писалъ. Прошедшее письмо, можетъ быть, вамъ не понравилось; если такъ вы сдѣлали недоброе дѣло, что не написали: «не требують здоровья врача, но болящія». Писавши объ Ивановѣ и вообще о художникахъ, вы предполагали меня выше и сильнѣе, чѣмъ каковъ я въ самомъ дѣлѣ; въ настоящую минуту не только дѣйствовать на другихъ, а дай Богъ, чтобъ и самому сколько-нибудь съ собою управиться. Но творчество намъ не дано; самъ спокойствія не сотворишь, дано одно—просить Бога, чтобъ Онъ устроилъ спокойствіе души. Дай Богъ только, чтобъ достало вѣры и чистоты для искренней просьбы, а тамъ все придетъ, что слѣдуетъ. Иванову или я что-нибудь сдѣлалъ, или его душа въ минуту сильнаго боренія. Онъ со мной совершенно посторонній, и я увѣренъ, что если онъ недоволенъ мной, то, вѣрно, я виноватъ. Вы сдѣлали бы истинно христіанское дѣло, написавъ ему что-нибудь утѣшительное; мнѣ кажется, что

душа его нуждается въ подпорѣ. Сегодня я получилъ очерки лица покойнаго Языкова и мнѣ хочется ихъ гравировать,—только слабые очерки: не похожи. При письмѣ, въ которомъ они присланы мнѣ, Галаганъ пишетъ слѣдующее,—что я считаю недурнымъ передать вамъ: «Гоголь произвелъ здѣсь необыкновенное движеніе. Вездѣ говорить о немъ. Вся читающая публика за него; всѣ же литераторы противъ него до ожесточенія и говорятъ, что онъ доказалъ этими сочиненіями необузданное самолюбіе и гордость, и въ этомъ они видятъ вліяніе католицизма». Самаринъ писалъ только одно, что получилъ вашу книгу, что благодаритъ васъ, хотъ говоритъ: «сильно хотѣлось бы поспорить». Не знаю, читали ли вы «Сѣв. Пчелу»; если не читали и если вамъ занимательно знать ея сужденіе (очень пошлое, это я говорю безъ духа партіи), напишите, я выпишу. Вотъ вамъ все, что говорятъ; теперь позвольте же и мнѣ, какъ члену общества, говорить вамъ просто и все, что есть внутри, безъ оглядки. Не знаю, почему мысль о вашей гордости внутренней запала въ меня очень сильно, когда я былъ въ Москвѣ и читалъ предисловіе ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ». Отъ того же, что имъ сами вы вводите себя въ исключеніе, я никакъ вамъ опредѣлить не умѣю. Теперь эта мысль прошла, можетъ быть, отъ того, что въ уединеніи душъ доступнѣе стало состояніе вашего удивленія. Отрывки, помѣщенные въ «Сѣв. Пчелѣ», произвели на меня чувство грустное, именно отъ обращенія къ самому себѣ, но ихъ тамъ очень не много. Они же дали мнѣ какъ будто бы какое-то право передать вамъ и то, какъ подѣйствовало на меня ваше сочиненіе—«Мертвыя Души». Вы этого хотите отъ всѣхъ, потому не отвергнете и меня. Въ первый разъ я прочелъ его въ Дюссельдорфѣ и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадностію выставленныхъ характеровъ не могло, —я восхищался талантомъ, но какъ русскій былъ оскорбленъ до глубины сердца. Дошло дѣло до Ноздрева; отлегло отъ сердца. Выставляйте вы мнѣ печальную сторону, разумѣется, но самолюбію будетъ больно читать, да есть истинное, а какъ же вы во мнѣ выставите пошлымъ то, гдѣ пошлость въ одной виѣшности? Чувство боли началось со второй страницы, гдѣ вы бросили камень въ того, кого лѣнивый не бьетъ,—въ мужика русскаго. Правъ ли я, не правъ ли, вамъ судить, но у меня такъ почувствовалось. Съ душой вашей родится душа безпреставно; много ли, всего два-три слова, какъ дѣвченка слѣзла съ козель, а душѣ понятно это. Русскій же, то есть русакъ, невольно востаетъ противъ васъ, и когда я прочелъ, чувство русскаго, простаго русскаго до того было оскорблено, что я не могъ свободно и спокойно самъ для себя обсуживать художественность

всего сочиненія. Одинъ пріятель мой, петербургскій чиновникъ, первый своимъ неподдѣльнымъ восторгомъ сблизилъ меня съ красотою «Мертвыхъ Душъ», — я прочелъ еще разъ, послѣ читалъ еще, отчетливѣе понималъ, что восхищало меня, но болѣзненное чувство не истреблялось. Чиновникъ этотъ не изъ среды Россіи, — онъ родился и выросъ въ Петербургѣ, ему не понятны тѣ глуности, какія у насъ врощены съ дѣтства. Не браните меня, Николай Васильевичъ, или, пожалуй, браните, но не сердитесь за то, что я высказываю, какъ и что во мнѣ было, вамъ понятно, что я васъ не могу не уважать. Оставляя уже то, что я много читалъ, слѣдовательно, не могъ не оцѣнить блеска таланта, но я былъ въ послѣднее время очень близокъ съ Языковымъ, и прежде съ нимъ сошелся; давно друженъ съ Ивановымъ, поэтому уваженіе къ вамъ врощено у меня и другими побочными путями. Со всѣми вмѣстѣ прежде я нападалъ (все внутри меня и въ разговорѣ о васъ) на ошибки противъ языка; время научило понимать, что, судя о васъ, эти нападки мелочь; въ книгѣ—дѣло другое, ну да за то вѣдь никто, какъ вы, и указы принимаете. Вотъ вамъ, Николай Васильевичъ, столько искренности, сколько есть на эту минуту, было бы и больше, если бы вся голова не была занята другимъ дѣломъ, теперь тоже побуждало меня видѣться съ вами, чтобъ услышать ваше искреннее мнѣніе. Не знаю, не писали ли вамъ изъ Москвы, что мы съ покойнымъ Языковымъ хотѣли издавать журналъ, то есть я хотѣлъ, а Языковъ давалъ мнѣ свое имя и часть денегъ, весьма значительную. Теперь я одинъ буду, не буду столько непремѣнно, сколько есть этой неопредѣленности въ мѣсѣхъ распоряженіи. Читая это, никакъ пожалуйста смотрите постороннимъ взглядомъ, — то есть не думайте, что это предисловіе къ просьбѣ о вашемъ участіи. Языковъ повѣрялъ мнѣ ваши понятія объ участіи въ журналѣ, говорилъ, какъ вы упорно не хотѣли участвовать у Кирѣевскаго; послѣ этого, разумѣется, я никогда бы не сталъ и пытаться, потому что не имѣю ни малѣйшаго права. Не смотря на то, мнѣніе ваше для меня важно и очень важно. Мнѣ хочется составить журналъ изъ чисто оригинальныхъ статей, если только можно, и этимъ больше, нежели чѣмъ-нибудь, высказать его русское направленіе. Въ самомъ направленіи очень бы хотѣлось и больше бы, чѣмъ хотѣлось, чистоты и безвраждебности, не одной вѣшной, чтобъ только не браниться съ лицами, — это нечего и говорить, — но внутренней, какая неволью сказывается, какъ только начнешь писать. Въ душѣ моей я понимаю вполне, что любовь къ Россіи не требуетъ и не вызываетъ вражды съ западомъ и вообще любовь не влечетъ за собою ненависти къ чему бы то ни было, но что же хотите, когда

она вкрадывается? Разумѣется, чѣмъ больше входишь въ себя, увѣренъ я, что чѣмъ больше обратишься къ церкви, тѣмъ менѣе будетъ вражды и тѣмъ сильнѣе укрѣпится любовь въ сердцахъ, это только и надежда. Вотъ вамъ данія для сужденія,—прошу васъ не пренебрегите моею просьбою и отвѣчайте мнѣ, что вы думаете о моемъ начинаніи. Если же не хотите передать вашихъ понятій, тогда напишите, какую-нибудь напишите незначительную строку, хоть только, что вы получили письмо мое, потому что ожиданіе вашего отвѣта удержать меня въ Рязѣ и будетъ потомъ томить. Вы, какъ сами нездоровый человѣкъ, поймете, какъ это отзывается на нервахъ, которые въ настоящую минуту у меня сильно не въ порядкѣ. Повѣрьте еще, что, писавши вамъ о Моллерѣ, я не могъ писать иначе; знаю я, что, написавши иначе, я лучше бы представилъ себя въ вашихъ глазахъ, но это было бы очень неблагородно и нечестно съ моей стороны.—Душевно васъ уважающій *Θ. Чижевъ*.

8.

12 апр. Флоренція. Письмо это ¹⁾, какъ вы увидите, было совершенно приготовлено къ отсылкѣ, неслось на почту; но мнѣ пришло на мысль,—какое право имѣю я на такую искренность? однимъ словомъ—я не знаю васъ. Письмо ваше, сегодня мною полученное ²⁾, развязало мнѣ руки. Не требуйте отъ меня насильной искренности, но знайте то, что такое требованіе, какое я прочелъ въ сегодняшнемъ письмѣ, очень и очень благодѣтельно. Часто душѣ надобно бываетъ излиться. Теперь трудно было бы мнѣ писать къ вамъ, потому что я очень неспокоенъ. Изъ Москвы пишутъ безпрестанно, требуютъ моего пріѣзда наискорѣйшаго, я частію съ ними соглашаюсь. Дѣло теперь идетъ о нашемъ будущемъ журналѣ. Какимъ я его себѣ представляю,—онъ былъ бы очень и очень полезенъ. Говорить о прекрасномъ русскомъ не словомъ, а дѣломъ, показать его во всѣхъ путяхъ!.. Для этого у меня отысканы кое кто, кромѣ всѣхъ вамъ извѣстныхъ; но все страшно, не въ отношеніи ко мнѣ самому, потому что я, другой, третій, мы нужны какъ орудіе. Мнѣ страшно то, что если дѣло не удастся, тогда оно сильно потеряетъ въ глазахъ общества. Можетъ быть, и это ничего не значить, и точно ничего

¹⁾ Т. е. предыдущее письмо отъ 4 марта, которому письмо изъ Флоренціи служить продолженіемъ.

²⁾ См. Соч. Гоголя, изд. Кул., VI, 364.

не значить въ непреложномъ порядкѣ вещей, но на своемъ вѣку все кажется, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь осязательное для самого себя. Наша молодежь еще сильно не зрѣла; наши зрѣлые не исключительно писатели; есть уважаемые мною писатели, для которыхъ виѣшняя оболочка мысли важнѣе души и самой мысли. Вы знаете всѣхъ нашихъ пишущихъ; я говорю о тѣхъ, которыхъ могу считать участниками благороднаго, по крайней мѣрѣ теперь, въ предначертаніи, и очень благороднаго дѣла. Пугаетъ больше всего то, что говоришь о чистотѣ, ищешь ее и думаешь быть ея проповѣдникомъ,—а какъ заглянешь въ себя въ глубинѣ уединенія и въ встрѣчахъ съ свѣтомъ, — ужасно много червяковъ и самыхъ страшныхъ, самыхъ скверныхъ. Одна надежда на Бога; дѣлать надобно, на то Онъ сотворилъ; внутреннее побужденіе указываетъ путь. Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ ложень.

9.

14-го апрѣля, Флоренція, 1847 года.

Третьяго дня я получилъ письмо ваше и тотчасъ же мнѣ пришло на мысль послать то, что я писалъ къ вамъ прежде; оно писалось искренно. Желая отъ меня искренности и вообще писавши ко мнѣ, я какъ-то ощущаю, вы считаете меня чѣмъ-то сильнѣе и больше, нежели какъ я есмь. Это я говорю вамъ не изъ скромности, а изъ опасенія, что, можетъ быть, передавая себя въ минуты не дурныя, въ самомъ дѣлѣ являюсь тогда лучше. Въ настоящее время и душа и тѣло у меня въ странномъ состояніи: кажется, здоровъ и очень здоровъ, а между тѣмъ такая лѣнь, что не хочется ни читать, ни писать, ни даже думать. По внутреннему чувству я увѣренъ, что церковь могла бы имѣть на меня благодатное вліяніе, хотя и знаю, что я не сформировалъ себя такъ, чтобъ она дѣлалась для меня необходима просто безъ сужденій о ея необходимости, чтобъ я шелъ въ нее, какъ идутъ наши простые русскіе, потому что нельзя же не пойти. Скверное состояніе, говоришь одно, то-же и думаешь, то-же и чувствуешь, на дѣлѣ является другое, между тѣмъ какъ, положа руку на совѣсть, сознаешься, что не хочешь обманывать ни говоря, ни думая.

Знаю я, что по различію нашихъ природъ мнѣ легче высказывать о себѣ все, а потому легче писать; у меня все довольно не глубоко; поэтому я не буду сѣтовать на васъ, если и не получу вашихъ писемъ. Но знаете ли, что, можетъ быть, безъ нихъ иногда мнѣ трудно быть совершенно искреннимъ, не отъ того, чтобъ что-нибудь желало скрыться, а просто не высказывается. Напримѣръ, мнѣ

хотѣлось бы очень передать вамъ всё подробности о журналѣ, о его составѣ, о моихъ надеждахъ, о моихъ желаніяхъ, я думаю, и могъ бы принудить себя, но для этого надобно довольно большое усиліе, на которое теперь, при постоянныхъ нападкахъ, то изъ Москвы, то изъ другихъ мѣстъ,—теперь я не способенъ. Постараюсь улутить время въ Венеціи, а вы хорошо бы сдѣлали, написавши туда: вы понимаете, что ваши письма сначала просто нужны какъ свиданія людей незнакомыхъ, когда сойдешься, тамъ уже все само выскажется. Я въ Венеціи остаюсь до 1-го мая, если получу изъ Москвы непремѣнное требованіе туда пріѣхать; если же нѣтъ, тогда до 15-го, никакъ не дальше. Назадъ я не могу воротиться. Какое-то, можетъ быть, и педагогическое понятіе о томъ, что я, не оправдавши себя необходимостью, не могу тратить ни времени, ни денегъ, безпрестанно меня мучить,—а на дѣлѣ ни одна трата не оправдывается ничѣмъ. Что хотите? Положительныя науки сильно испортили цѣлость русской природы,—все одно скажу вамъ—вполнѣ русская жизнь, можетъ быть, и поправить ее.

Если можете подѣйствовать сколько-нибудь на спокойствіе души Иванова, сдѣлайте истинно доброе дѣло. Мнѣ очень грустно вспоминать о томъ, что я его оставилъ очень грустнымъ. Только, ради Бога, не говорите ему о нервномъ разстройствѣ, потому что и безъ того сильно мнительнъ. Какимъ путемъ поѣдете вы во Франкфуртъ,—нельзя ли тутъ съѣхаться! Душевно васъ уважающій. *Ө. Чижовъ.*

10.

Венеція, 1-го мая 1847 г.

Надобно писать къ вамъ, Николай Васильевичъ, хоть даже для того, чтобъ больше знакомить съ собою. Теперь въ Москвѣ всё кричать, чтобъ я скорѣе ѣхалъ, что дескать надобно лично переговорить о журналѣ¹⁾,—я не ѣду, по разнымъ важнымъ для меня причинамъ. Между прочимъ и для того не ѣду, чтобъ выгадать какъ можно болѣе уединенія. Задача журнала въ настоящую минуту такова, что когда представишь себѣ полное... куда полное! хоть даже приближительное, рѣшеніе—и тогда голова кружится. Не знаю я, какъ для кого, но для меня такъ ясно, что мы назначены занять собою слѣдующій періодъ исторіи, какъ нельзя болѣе. Это не только ясно

¹⁾ *Ө. В. Чижовъ* въ концѣ 1840-хъ годовъ лелѣялъ мысль объ изданіи журнала славянофильскаго направленія. Планъ этотъ не былъ осуществленъ.

въ общемъ выводѣ, но отчетливо представляется душѣ во всѣхъ частностяхъ. Бѣда та, что между представленіемъ души и изложеніемъ дѣлая бездна,—первое условіе ясности пониманія этого,—любовь такая, которая, сосредоточиваясь около своего, не допускала бы ненависти ни къ кому чужому. Въ понятіи все это такъ,—шагъ на дѣло и пошло все вверхъ дномъ. Изученіе исторіи дало мнѣ еще выводъ: кромѣ того, что мы должны быть представителями человѣчества въ грядущемъ періодѣ, именно, что мы вступимъ на человѣческое господство безъ битвы, безъ уничтоженія до насъ бывшаго, а только приведемъ все въ общее согласіе, водворимъ стойкій миръ и спокойствіе неизблемое. Мнѣ весьма важно передать вамъ эти убѣжденія, потому что они должны отразиться во всѣхъ подробностяхъ будущаго журнала,—а журналъ, со времени начала предпріятія нашего, можетъ совершенно захватить въ себя всю мою умственную дѣятельность. Итакъ въ немъ мнѣ хотѣлось видѣть русскую народность не на словахъ, а въ сущности. Проповѣдуя всѣмъ: и взглядомъ на вещи, понятіями, чувствами, самымъ выборомъ предметовъ, одно именно все русское (хоть множество будетъ статей о Западной Европѣ), онъ не долженъ быть врагомъ западу, потому что западъ есть точно такъ же, какъ Россія, орудіе Промысла, для исполненія его предвѣчныхъ законовъ. Тутъ я напередъ предвижу ужасную трудность. Сказать: это не хорошо намъ, не осуждая того, о чемъ говоришь,—ужасно трудно. Однимъ словомъ, судить, не приговаривая, очень и очень трудно. Трудно это намъ особенно потому, что, браня западъ, мы не бранимъ отступленія отъ Божескихъ предначертаній и высказываемъ собственное негодованіе за то, что мы ему подчинились; не подчиниться же не могли, виновато наше воспитаніе. Лично я вины этой не вижу; Богу больше, чѣмъ намъ, извѣстно, какими путями вести человѣка и человѣчество; нельзя рѣзко раздѣлить на два соприкасающіеся періода жизни,—тутъ въ этой невозможности я вижу историческую необходимость временнаго сліянія нашего съ Европою. Самостоятельность будущаго періода осталась въ самостоятельности нашей природы, которая въ самыя минуты необходимаго сліянія возстаетъ противъ него, потому что чувствуетъ себя неспособною носить чуждое яго. Все это въ общихъ выводахъ легко понять и все ясно представляется уму, но въ журналѣ нѣтъ общихъ выводовъ, тамъ надобно говорить статьями, слѣдовательно отдѣльными мнѣніями и фактами.

Мнѣ нечего вамъ говорить болѣе; вы поймете, какъ этотъ трудъ сильно лежитъ на моемъ сердцѣ. Появѣвъ, я считаю безнравственнымъ не высказывать, а начинаешь высказывать, языкъ не находитъ словъ, умъ останавливается на ходу мысленія. Разумѣется, при этомъ

чувствуешь главную причину всего; нѣтъ чистоты и искренности. Если бы Богъ далъ столько чистоты, чтобъ личности всё уничтожились въ дѣлѣ, тогда защита истины никогда не вызвала бы вражды, именно потому, что нѣтъ развращеннаго сердца, въ глубинѣ котораго ясно, или темно, не было бы чувства истины. Прошу васъ, Николай Васильевичъ, пишите ко мнѣ, что и о чемъ я не знаю, но прошу потому, что въ минуту внутренняго колебанія чрезвычайно какъ нужна опора. Она была у меня въ чистой и праведной душѣ Языкова, но Богу угодно было взять его; теперь въ Москвѣ моя душа не находитъ опоры. Я глубоко уважаю многихъ, но одного уваженія мало. Для ума,—да, пожалуй; а душа его не принимаетъ и имъ не удовлетворяется. Не стану обманывать васъ, можетъ быть, и ваше слово не дастъ мнѣ никакой опоры,—я васъ почти не знаю въ отношеніи къ себѣ, но это не мѣшаетъ искать. Не знаю, куда адресовать къ вамъ и потому пишу чрезъ Иванова... Какъ-то вы найдете его, а я оставилъ очень грустными! Прощайте, дай Богъ вамъ здоровья и душевнаго спокойствія: когда вы его приобретете—и съ нами подѣлитесь. Душевно уважающій васъ *Θ.* Чижовъ.

Иорданъ ¹⁾ дастъ вамъ портретъ Языкова, возьмите одинъ экземпляръ и для Жуковского. Мой адресъ: à Prilouki gouv. de Poltava, par Brody. *Θ. В.* Чижову. Въ Прилуки Полтавской губ., а оттуда въ село Сѣкирицы.

11.

Ромны, 16-го іюля 1847 г.

Давно надобно было бы мнѣ писать къ вамъ, но обстоятельства, именно непредвидимая поѣздка изъ Радзивилова въ Петербургъ, потому оттуда въ Ромны, вывела меня изъ моего обычнаго положенія. Правду сказать, я и радъ, что не писалъ. Писать хочется, чтобъ передать себя, а передать себя хочется не по вашей просьбѣ, но для того, что хочется сильно услышать, что и какъ дѣлать. Внутри есть сильный зовъ на дѣятельность; довольно внѣшней дѣятельности и вмѣстѣ еще слышишь внутренній голосъ, что еще рано выступать на дѣятельность общественную. Чтобъ быть искренну, надобно быть увѣрену, что искренность не объясняется дурно, — вотъ одно мое

¹⁾ Федоръ Ивановичъ, художникъ, впоследствии ректоръ Им. Ак. Художествъ. В. III.

введеніе. Теперь я читаю недавно вышедшую въ свѣтъ вашу Переписку: она болѣе, чѣмъ всѣ ваши письма ко мнѣ, даетъ мнѣ какое-то право писать къ вамъ родъ исповѣди. Самъ я не понимаю настоящаго моего внутренняго состоянія: меня мучить то, что у меня мало работается; я не лѣнивъ и очень не лѣнивъ и виѣстѣ съ тѣмъ ничего не пишется. Не только чувствую, но какъ бы осязаю внутри, что многого не достааетъ. Ваши письма дали этому неопредѣленному осязанію болѣшую ясность. Послѣ нихъ я увидѣлъ ясиѣе, что у меня нѣтъ глубины ни мысли, ни чувства, и если бы не поддерживала меня не приобрѣтенная, но просто врожденная покорность Богу, если бы я не говорилъ себѣ безпрестанно: ты избралъ себѣ поприщемъ дѣятельности—быть писателемъ, самъ ли произвольно, или это дано тебѣ, но ты уже употребилъ на приготовленіе къ тому полъ-жизни, будь имъ и служи всѣми твоими силами. Повѣрьте, если бы не это, я бросилъ-бы перо и все долгое изученіе. Научиться можно чему хотите, но откуда взять то, чтобы все привходящее извнѣ входило глубоко въ мысль и все перечувствовалось бы всею глубиною чувства. Уединеніе, которое я люблю страстно, не имѣетъ никакого дѣйствія; мнѣ пріятно оно потому, что воображеніе заноситъ Богъ знаетъ куда, тамъ живешь иногда очень и очень не безгрѣшно,—иногда живешь въ немъ христіански, но выйдешь изъ него и все пошло вверхъ дномъ. Ужъ если пошло на правду, пожалуй, и жизнь иногда идетъ порядочно, но все очень легко,—отъ всякаго вѣтерка всколыхнется чувство,—и тотчасъ уляжется снова покойно,—а дѣла все нѣтъ какъ нѣтъ. Начинанія огромныя, замашки велики и право, вѣрьте искренности, это дѣлается не вслѣдствіе отчетливаго самолюбія, а такъ дѣлается безъ собственнаго вѣдома. Теперь у меня дѣло идетъ о томъ, чтобы начать издавать журналъ: думаю я уже давнымъ давно, всѣ нападали на меня, чтобы я началъ прошлаго года, то есть съ 1-го генваря 1847 года; я отложилъ на годъ—всѣ ругали меня, зачѣмъ я поѣхалъ въ Италію; отчетливо я самъ не могъ сказать, зачѣмъ я ѣду, но чувствовалъ необходимость полнаго уединенія. Если же говорить всю правду, и къ вамъ не поѣхалъ, то есть не напрягъ всѣ силы, чтобы ѣхать къ вамъ, именно по тому же. Чтѣ я ему скажу, думалъ я, когда я самъ себѣ ничего сказать не умѣю! Пришло ли время издавать журналъ,—могу ли я вполнѣ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какимъ теперь долженъ удовлетворять журналистъ московскій—эти вопросы не даютъ мнѣ покоя. Начиналъ я говорить съ московскими—у нитъ много горячки, все виопыхахъ, все толкуютъ мнѣ о томъ, сколько можно собрать статей и насколько книжекъ достанетъ, а то, чего я ишу, и самъ не знаю чего, по крайней мѣрѣ, опредѣлительнаго

тоже я ни отъ кого не слышу. Вы жили, пережили внутри себя много, живете и переживаете еще много, поэтому вы можете легко понять, какъ жду я этого рѣшенія. Теперь, писавши къ вамъ, пишу, питаюсь одной надеждой, авось либо вы что-нибудь мнѣ скажете. Скажите, если время мнѣ услышать, а можетъ быть просто надобно всего ждать отъ времени, просто созрѣть, чтобы узнать тайну, если даже она вся будетъ состоять въ томъ, что не дано ничего, что надобно употребить на переводы или тому подобныя труды чисто вещественныя, внѣшнія. Пока съ этимъ не мирится, не скажу даже самолюбіе, а внутренній голосъ. Но постороннему виднѣе. Счастливы тотъ, кого или болѣзнь, или несчастіе привело къ истинѣ; у меня нѣтъ ни того, ни другаго. Богъ далъ мнѣ здоровье не очень сильное, однако же, такое, которое при заботахъ о немъ идетъ порядочно. Несчастій я не знаю, бѣдность моя не тяготитъ меня, слѣдовательно она не несчастіе. Откуда же мнѣ и какимъ путемъ искать истины. Молитва внѣшняя иногда минутами открываетъ что-то, но это бываетъ такъ мнѣ и такъ неудовимо, что почти не остается слѣда ея во мнѣ, и то правда, что я рѣдко прибѣгаю къ молитвѣ, а когда случай приводитъ къ ней, губы не шевелятся или произносятъ далекое отъ обычныхъ молитвенныхъ словъ.

Очень бы хотѣлось мнѣ передать вамъ состояніе души моей, но оно мнѣ самому темно, можетъ быть, я и навязываю на себя боренія, чтобы чѣмъ нибудь объяснить и оправдать апатическое свое состояніе. Если можете, скажите мнѣ что-нибудь въ письмѣ на внутренніе мои вопросы. Вѣрьте еще одному, что въ дѣятельности моей все внѣшнія отношенія рѣшительно подчиняются убѣжденію,—безъ этого нечего было бы и прибѣгать къ совѣту. Я еще мѣсяць или полтора пробуду въ Малороссіи, гдѣ адресъ мой: Ея высокоблагородію Катеринѣ Васильевнѣ Галаганъ, въ Прилуки Полтавск. губ., для передачи Чижову. Послѣ я буду въ Москвѣ; тамъ напишите мнѣ черезъ Аксакова, или черезъ Свербеову, или черезъ Шевырева. Буду ждать съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ, а здѣсь думаю пожить въ Густынскомъ монастырѣ близъ Прилукъ, а туда тянетъ надежда—не услышу ли что-нибудь появственнѣе. Вашъ Чижовъ.

12.

16-го октября (1847 г.). Стародубъ.

Я какъ будто бы ждалъ вашего письма и какъ будто бы безъ него не могъ писать къ вамъ, а правду сказать, врядъ ли собрался бы написать, если бы ваши строки не вызвали меня изъ моего

апатического состоянія. Со времени отправленія къ вамъ моего письма, то есть отъ іюня мѣсяца, по сію минуту я почти не отходя былъ при постели больной и остаюсь при ней,—вотъ причина, почему мнѣ трудно было бы собраться писать, а если бы и собрался — ничего не написалось бы. Хомяковъ писалъ, что встрѣтился съ вами въ Остенде, поэтому, вѣроятно, вы слышали о тѣхъ неприятностяхъ, какія случились со мною весной ¹⁾. Благодаря имъ, изданіе журнала не можетъ состояться до 1849 года, а при теперешнемъ моемъ положеніи и безъ нихъ оно не состоялось бы. Что касается лично до меня, я нисколько на это не ропщу, потому что я никакъ не видѣлъ необходимости спѣшить говорить во всеуслышаніе; по истинѣ говоря, самъ не знаешь, что говоришь почти обо всемъ. Это одно. Второе важнѣе этого: съ нашей стороны, по моему понятію, требуется одно, не зарывать таланта, Богомъ даннаго, какъ бы онъ малъ ни былъ, а въ остальномъ покоряться волѣ Божіей. Вышнія обстоятельства для каждаго изъ насъ стекаются не случайно, ими правитъ Провидѣніе; трудно понять связь ихъ, но когда прибѣгнешь къ вѣрѣ, тогда въ покорности найдешь объясненіе того, что лучше случившагося не придумаешь. Наконецъ, обращаясь къ самому дѣлу, я втайнѣ желаю, чтобы отложилось время изданія задуманнаго мною журнала, между прочими причинами и для большаго усиленія въ языкѣ. Журналъ не даетъ времени обдумывать и перечитывать; тамъ часто должны являться скороспѣлки, я же откровенно скажу вамъ, что и не въ скороспѣломъ никогда не вижу у себя въ языкѣ и сотою доли того, чего хотѣлось бы видѣть.

Совершенно понимаю справедливость вашихъ словъ въ отношеніи сотрудниковъ ²⁾, но согласитесь, однако-жъ, что журналъ на своихъ плечахъ не поднимешь. Весьма и весьма благодарю васъ за указаніе двухъ—Григорьева и Малиновскаго; я ихъ не знаю, но по вашему наставленію прибѣгну къ Шевыреву. Между молодыми мнѣ нравится Самаринъ Юрій; впрочемъ, надѣюсь, что, какъ найдетса дѣло, тогда и сотрудники соберутся. Переводовъ я буду избѣгать сколько возможно; сказалъ бы, что не буду вовсе помѣщать, но не скажу только потому, что пока еще на полномъ дѣлѣ не испыталъ своихъ силъ, и на буду оснуешь немного по пословицѣ: «Улита ѣдетъ, когда-то будетъ». Молодые москвичи сильно мнѣ нравятся;

¹⁾ Чижовъ намекаетъ здѣсь на доносъ на него со стороны австрійскаго правительства, когда онъ былъ въ южнославянскихъ земляхъ. См. статью о Чижовѣ И. С. Аксакова.

²⁾ Гоголь совѣтовалъ Чижову больше работать самому и не полагаться на сотрудниковъ.

одно меня отъ нихъ немного отклоняеть,—это ихъ вражда къ европейскому, и отклоняеть тѣмъ сильнѣе, что я, грѣшный, и самъ чувствую ея въ себѣ довольно. А согласитесь съ тѣмъ, что на враждѣ не выѣдешь и самая вражда ясное указаніе, что видишь одну внѣшность, одно незаконное, между тѣмъ какъ во всемъ прожитомъ людьми основа всегда законна. Такъ же законна болѣзнь, какъ законно здорověе. Душевно желалъ бы, какъ вы говорите, давать читателямъ настолько, сколько самъ понимаю, пѣть, какъ поеть буряты,—да слова ваши рецептъ, для котораго нѣтъ аптеки. Повѣрьте,— и нечего мнѣ выпрашивать у васъ, чтобъ вы вѣрили, вы это знаете, — говоришь часто выше своихъ понятій, никакъ не потому, чтобъ это говорилось умышленно, а именно потому, что не умѣешь съ собой сладить, — умъ за разумъ заходить. А для этого хорошо помолчать еще годикъ; молчаніе и удивленіе дѣла не испортятъ. Одно сильно меня утѣшаетъ, что далъ Богъ жить въ то время, когда видимо и осязательно міръ идетъ къ лучшему, и когда это лучшее ясно виднѣ въ русской природѣ. Трудно мнѣ было бы и перечестъ, сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ то, что въ минуты гордаго самодовольствія приписывалъ я своему улучшенію и считалъ исключительно своимъ собственнымъ нравственнымъ приобрѣтеніемъ, я находилъ далеко въ лучшемъ видѣ у людей, повидному, неспособныхъ ни къ чему порядочному. Стремленіе къ дѣятельному христіанству дѣлается часть отъ часу болѣе общимъ, правда, что частехонько оно остается однимъ стремленіемъ, но и то уже слава Богу. Если не дастъ Богъ ничего сдѣлать лучшаго изъ предполагаемаго мною журнала, и то принесетъ пользу, что молодымъ пишущимъ будетъ возможность работать по убѣжденію. Хоть бы трудъ взялъ свое и то было бы уже большимъ приобрѣтеніемъ. Созрѣвшее поколѣвіе (я все говорю о Москвѣ) благородно, благонамѣренно, съ чистыми побужденіями, но бѣда одна, что все это никакъ не хочетъ подчинить себя труду правильному. Кажется бы и не бѣда, но на повѣрку выходитъ много бѣдъ. Все остается въ своемъ кругу и не передается другимъ. Потомъ, такъ какъ все дѣлается по вдохновенію, или по крайней мѣрѣ по призванію, то отсюда выходитъ въ дѣятельной жизни старое зло,—всѣ люди дѣлятся на вдохновенныхъ или призванныхъ и непризванныхъ. Первые считаютъ себя въ правѣ жить на счетъ другихъ; другіе не могутъ признавать ихъ первенства, не видя отъ нихъ ничего на дѣлѣ. Но мнѣ призваніе призваніемъ, а трудъ трудомъ. Трудъ дѣло великое, когда самъ трудишься, какъ-то вмѣстѣ съ этимъ даешь цѣну и труду другаго; въ работѣ поденщика не видишь ничего унизительнаго, а только благодарить Бога, что Онъ эту работу просвѣтлilъ и возвеличилъ убѣжденіемъ.

Не знаю, извѣстны ли вамъ и сколько извѣстны настоящіе наши журналы и газеты. Первые рѣшительно сборники для чтенія, почти съ перваго до послѣдняго листа наполнены переводами французскихъ романовъ и историческихъ статей, которыя въ модѣ во Франціи. Не въ судъ имъ я говорю, но передаю вамъ какъ вижу: изъ 500 страницъ часто не выберешь десяти, чтобъ прочесть въ семейномъ кругу, образованномъ, желающемъ послушать. Большинство довольно; но и тому начинаетъ наскучивать чтеніе, въ которомъ нѣтъ ни одной живой мысли. Не знаю я только каковъ «Современникъ», перешедшій отъ Плетнева къ Панаеву, Никитенкъ и Бѣлинскому. Судя по именамъ этихъ трехъ главныхъ распорядителей, мнѣ кажется, что Петръ Александровичъ сильно погрѣшилъ, передавъ журналъ Пушкина людямъ далекимъ отъ убѣжденій покойнаго нашего поэта. Говорятъ, будто-бы въ «Современникѣ» есть стремленіе къ народности; но зная редакторовъ, я думаю, что это не задумевная любовь къ русскому, а дань настоящему требованію. Русское пошло, слава Богу, въ ходъ, потому его и стараются сбывать съ рукъ—это выгоды. Изъ газетъ, кромѣ «Сѣверной Пчелы», теперь въ ходу «Петерб. Вѣдомости». По внѣшности, они лучше «Пчелы», а повникнувъ, найдешь въ нихъ петербургскаго франта. Обо всемъ говорятъ гладко, кажется, и умно, и дѣльно, въ тои нѣтъ ничего непристойнаго, напротивъ, все очищено, вѣжливо и даже доведено до изысканной опрятности. а послушаешь—ничего не остается. Есть тутъ иногда и проповѣди Филарета и замѣтки Кобдена и провозглашенія о скотолобіи, о хорошемъ обращеніи съ животными, возгласы и похвалы благотворительности. Главное стараніе быть приличнымъ и, если можно, никого не обидѣть, то есть не заѣхать въ рыло. Только не знаю, почему-то въ итогъ видишь, что русскіе препорядочные скоты и что имъ единственное спасеніе—объевропенться.

«Московскій Городской Листокъ», говорятъ, пусть до крайности, я самъ его не видалъ.

Въ литературѣ нашей неповременной нѣтъ ничего новаго; можетъ быть, этому надо радоваться, но, признаюсь, невольно негодуешь, видя, что въ журналахъ читается все уже черезъ-чуръ не русское, начиная съ языка до понятій.

Вотъ вамъ все, что мнѣ извѣстно въ глуши,—думаю, что скоро буду въ Москвѣ, оттуда могу написать поотчетливѣе. Дай Богъ, чтобъ южный климатъ поправилъ васъ и прислалъ бы къ намъ, а намъ сильно, крѣпко вѣрующаго и твердо убѣжденнаго собрата. Буду продолжать писать къ вамъ въ Неаполь; въ случаѣ перемѣны жилища извѣстите меня чрезъ Шевырева. Чижовъ.

III.

Письма М. П. Погодина къ Н. В. Гоголю.

1.

Мая 6-го 1836 г.

Вѣдь это, братецъ, ни на что не похоже! Я писалъ къ тебѣ писемъ пять, неужели ни одно не дошло! Фу ты дьявольщина какая! И самъ ты виноватъ! Никогда не можешь прислать адреса! На имя Смирдина я не могъ писать, ибо ни ты, ни я съ нимъ не имѣемъ дѣла. Я и писалъ все съ попутчиками, а они, проклятые, видно... Я еще съ одними послѣ послалъ цѣлый каталогъ книгъ, сдѣланный для меня Шаффариномъ о славянскихъ племенахъ. Но пріѣзжай ты къ намъ и непременно. Щепкинъ плачетъ ¹⁾. Ты сдѣлалъ съ нимъ чудо. При первомъ слухѣ о твоей комедии ²⁾ на сценѣ онъ оживился, разцвѣлъ, вновь сдѣлался веселымъ, всюду ѣздилъ и рассказывалъ. Надо почтить это участіе таланта. Ставить пьесу я самъ тебѣ не совѣтую: я какъ-то съ годъ былъ знакомъ съ кулиснымъ міромъ, впрочемъ, какъ постороннее лицо, и убѣдился, что ничего не можетъ быть мучительнѣе, какъ кланяться директорамъ, инспекторамъ, спорить со всѣми этими сюжетами ³⁾ и противъ режиссера, машиниста и даже суфлера, и всѣ эти господа думаютъ еще, что они одолжаютъ бѣдлага автора, выучивая роль и ставя стулъ и проч. Нѣтъ, чортъ ихъ возьми: не ставь ни за что никакой пьесы, если не хочешь попортить себѣ кровь, но ты долженъ непременно разъ прочесть пьесу актерамъ, а тамъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

Итакъ, пріѣзжай непременно и поскорѣе. Мы всѣ просимъ тебя.

Еще говорятъ, ты сердисься на толки. Ну какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь ты самъ дѣлаешься комическимъ лицомъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укусить людей не въ бровь, а прямо въ глаза. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: «да! насъ такихъ нѣтъ!» Такъ ты долженъ бы радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли. Какихъ доказательствъ

¹⁾ См. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1839 г., IV, послѣсловное примѣчаніе къ двумъ письмамъ М. С. Щепкина къ Гоголю.

²⁾ Рѣчь идетъ о «Ревизорѣ».

³⁾ Субъектами?

яснѣ истины въ комедіи! А ты сердишься?! Ну, не смѣшонъ ли ты? Я раскохотался, читая въ «Пчелѣ», которая берется доказать, что такихъ безсовѣстныхъ и наглыхъ мошенниковъ нѣтъ на свѣтѣ. «Есть, есть они, вы такіе мошенники!»—говори ты имъ и отворачивайся съ торжествомъ. Вотъ за это мнѣ надо тебя покупать въ стисковой водѣ, которая протекаетъ по моимъ нынѣшнимъ владѣніямъ.

Еще я расскажу тебѣ о чужихъ краяхъ, и это будетъ полезно для твоего путешествія. Словомъ, ты вмѣсто отвѣта будешь самъ въ Москву, прямо ко мнѣ, на Дѣвичье Поле, близъ монастыря, на лѣвой рукѣ противъ будки, въ домъ бывшій князя Щербатова, а нынѣ твоего Погодина.

2.

1840 г., ноября 23 с. с.

Какъ я плачу! Виновать, прости меня! Признаюсь—я былъ огорченъ, я негодовалъ на тебя! Прости меня. Твоя несчастная наружность! О сердце человѣческое! Ни Шекспиръ, ни Коцебу не знаютъ тебя! И знаютъ иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаиваюсь, скорблю о тебѣ, негодую на себя, а все еще могу точно съ Петромъ воскликнуть: «Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!» «Человѣкъ есть ложь»—какъ глубоко сказалъ это Павелъ. При такихъ явленіяхъ я убѣждаюсь, что онъ искупленъ, убѣждаюсь въ первородномъ грѣхѣ. Ну какъ объяснить иначе такія чужія противныя впечатлѣнія! И это въ сторону! Успокойся, успокойся! О если-бъ ты мнѣ предсталъ, сложа ружьи крестомъ! Твои испытанія кончатся, только молись объ успокоеніи.

Я вижу, тебѣ надо путешествовать, чтобъ привести въ равность твой организмъ. Ѣзди изъ конца въ конецъ, и останавливайся по дорогѣ въ городахъ на недѣлю—на двѣ, и работай.

Надѣюсь прислать тебѣ скоро на дорогу. У меня надежды много на журналъ.

Теперь я успокою Лизу. Я послалъ къ тебѣ черезъ Крив. ¹⁾ ея подушку.

Мы всѣ здоровы и больны только твоей болѣзнію.

Больше писать теперь не могу. Цѣлую, обнимаю тебя. Успокойся, ради Бога успокойся. Все будетъ хорошо. Богъ посылаетъ испытанія. Твой М. Погодинъ.

¹⁾ Кривцовъ, Павелъ Ивановичъ, былъ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Италіи.

3.

(16—28 іюня).

Благодарю тебя за участіе ¹⁾). Ты еще не забылъ меня! Теперь мнѣ лучше, слава Богу, но восемь недѣль пролежалъ неподвижно; съ третьяго дня началъ ворочаться освобожденный отъ машины, впрочемъ, съ большою болью и неудобствами въ сочлененіяхъ ноги. Говорятъ, что это продолжится не долго. Бѣда случилась со мной среди мечтаній и самымъ страннымъ образомъ.

Я поѣхалъ въ университетъ за Шевыревымъ, который уѣзжалъ встрѣчать тѣло князя Голицына.

Бѣду спокойно на дрожкахъ и думаю: теперь я получу надвяхъ увольненіе и отправлюсь на воды, съ водъ въ Копенгагенъ или какой-нибудь уголь Варяжскаго моря писать норманскій періодъ; зиму соберу и приведу въ порядокъ всѣ изслѣдованія объ удѣльномъ періодѣ и на весну поѣду въ Кіевъ, на Днѣпръ, писать удѣльный періодъ; зимой устрою монгольское время и во вторую весну поѣду въ Сибирь, въ Монгольскія стени, какъ вдругъ дроги пополамъ, и я упалъ и переломилъ себѣ ногу въ самомъ важномъ мѣстѣ. Не загадывай далеко! Меня втащили въ сосѣднюю кондитерскую лавку (16 мая, въ 10 часу), и часа три я промучился тамъ сильно. Потомъ отвезли домой, гдѣ встрѣча была съ своими ужасная. Послѣ не чувствовалъ уже никакой сильной боли, кромѣ времени осмотра. Всѣ посѣтители были увѣрены, что перелома нѣтъ, а Иноземцевъ утверждалъ, что есть; съ нимъ согласились и Пеликанъ, Альфонскій, Севругъ. Меня положили въ тиски, въ карты и лежалъ я до сихъ поръ. Пишу и теперь лежа. Благодарю Бога, что послалъ мнѣ терпѣніе, ни скуки, ни досады ничего не чувствовалъ ни на минуту, и теперь не понимаю, какъ могло пройти время такъ непримѣтно. А подумать о суммѣ (8 недѣльно неподвиженъ на спинѣ!) такъ беретъ ужасъ. Почти уже благодарю Бога за это испытаніе: съ одра болѣзни слышатся такія вещи, какихъ не услышишь ни съ какой каеэдры. Читалъ я Оому Кемпейскаго, за котораго благодарю. Я, разумѣется, зналъ его и прежде, но теперь понялъ лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва-ли есть другая книга въ мірѣ столь елейная. Прощай! Я не отвѣчалъ на твое письмо, ожидая спокойной минуты, но все еще не получилъ, я только что кончалъ свои дѣла въ университетѣ и упалъ наканунѣ отставки. Теперь я

¹⁾ Въ 1844 г. Погодинъ неосторожнымъ прыжкомъ съ дрожекъ повредилъ себѣ ногу.

вольный казакъ, но не смѣю думать ни о чемъ дальше своей койки. Никакой мысли о будущемъ не входить въ голову. Твой М. Погодинъ.
Я журналъ сдаю, но не знаю еще какъ и кому.

4.

(Февраля 12—24 1845 г.).

Горячими слезами облилъ я письмо ¹⁾ твое, любезный другъ! благодарю, благодарю тебя за твое благодарѣніе. И всякій разъ плачу, какъ его перечитываю. Хотѣлъ отвѣчать тебѣ въ тотъ же день, хотѣлъ передать тебѣ свои ощущенія, и до сихъ поръ ничего не могу. Да, другъ мой, несчастіе поучительно. Успокоясь, сообщу тебѣ, что со мной дѣлается. Теперь прощай! Благодарю, благодарю тебя еще разъ и обнимаю крѣпко.
Твой М. Погодинъ.

Дѣти здоровы.

Моя нога вѣсколько покрѣпче ступаетъ, но безъ костылей не могу.

Что Василій Андреевичъ? Мы слышали, что онъ боленъ. Сохрани его Богъ.

Сколько доставило мнѣ сладкаго удовольствія письмо его къ государю!

IV.

Александръ Васильевичъ Никитенко—Н. В. Гоголю

(по поводу «Мертвыхъ Душъ»).

Апрѣля 1 дня 1842 г. Спб.

М. Г. Николай Васильевичъ! вы, вѣроятно, уже получили рукопись вашу «Мертвыя души», отправленную изъ здѣшняго цензурнаго комитета на имя М. П. Погодина по адресу, который доставилъ мнѣ П. А. Плетневъ. Сочиненіе это, какъ вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ея узокъ и тѣсенъ и потому не удивительно, что на немъ осталось вѣсколько царапинъ и его нѣжная и роскошная кожа кой-гдѣ поистерлась. Впрочемъ, надѣюсь, что вы отдадите также и справедливость умѣренности нашей цензуры: она всячески щадитъ прекрасное твореніе, которое исказить придирчивостію слишкомъ

¹⁾ Письмо это было отвѣтомъ на утѣшенія Гоголя—М. П. Погодина въ потерѣ первой жены Михаила Петровича Погодина.

осторожною я считалъ святотатственнымъ посягательствомъ на нашу бѣдную литературу. Совершенно невозможнымъ къ пропуску оказался эпизодъ Копейкина—ничья власть не могла защитить отъ его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мнѣ тутъ нѣчего было дѣлать. Какъ жаль, что васъ нѣтъ здѣсь! Мѣста, которыя исключила цензура, или привуждена была замѣнить своими, вы, вѣроятно, исправили бы сами такъ, что и сѣно было бы цѣло и козы сыты; я увѣренъ, что мы легко согласились бы съ вами, на основаніи великаго правила взаимной уступчивости.

Послѣ сего официального изъясненія, не могу удержаться, чтобъ не сказать вамъ нѣсколько сердечныхъ словъ—а сердечныя эти слова не иное что, какъ изъясненіе восторга къ вашему превосходному творенію. Какой глубокой взглядъ въ самыя нѣдра нашей жизни! Какая прелесть неподдѣльнаго, вамъ однимъ свойственнаго, комизма! что за юморъ! Какая мастерская, рельефная, мѣткая обрисовка характеровъ! Гдѣ ударила ваша кисть, тамъ и жизнь, и мысль, и образъ—и образъ такъ и глядитъ на васъ, вперивъ свои живыя очи, такъ и говорить съ вами, какъ будто сидя возлѣ васъ на стулѣ, какъ будто онъ сейчасъ пришелъ ко мнѣ въ 4-й этажъ прямо изъ жизни—мнѣ не надобно напрягать своего воображенія, чтобъ завести съ нимъ бесѣду—онъ живой, дышущій, нерукотворный, Божье и русское созданье. Прелесть, прелесть и прелести! и что это будетъ, когда все вы кончите; если это исполнится такъ, какъ я понимаю, какъ, кажется вы, хотите, то тутъ выйдетъ полная великая эпопея Россіи XIX вѣка. Радъ успѣхамъ истины и мысли человѣческой, радъ вашей славы. Продолжайте, Николай Васильевичъ. Я слышалъ, что васъ иногда посѣщаетъ проклятая гостья, всѣмъ, впрочемъ, намъ чадамъ вѣка сего не незнакома, — хандра, да Богъ съ ней! вамъ дано много силы, чтобъ съ нею управиться. Гоните ее могуществомъ вашего таланта—она стойтъ самой доблестной воли. Но дѣло зоветъ, почта отходить—прощайте! Да хранить васъ свѣтлый геній всего прекраснаго и высшаго—не забывайте въ вашемъ цензорѣ человѣка, всей душой вамъ преданнаго и умѣющаго понимать васъ. А. Ники-тенко.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVII ¹⁾.

Прощанье съ краемъ, откуда я уѣзжалъ.

Прощай, прощай моя Россія!
 Еще не долго—и ужъ я
 Перелечу въ страны чужія,
 Въ нѣмѣ, свѣтлыя края.
 Благодарю за день рожденья,
 За ширь степей и за зиму,
 За сердцу сладкія мгновенья,
 За горькій опытъ, за тюрьму,
 За благородныя желанья,
 За равнодушіе людей,
 За грусть души, за жажду знанья,
 И за любовь и за друзей,
 За все блаженство, всѣ страданья;
 Я все люблю, всѣ сваты мнѣ
 Твои, мой край, воспоминанья
 Въ далекой будутъ сторонѣ.
 И о тебѣ не разъ вадожну я,
 Вернусь—и съ теплою слезой
 На небо сѣрое взгляну я,
 На степь подъ снѣжной пеленой....

1840 г.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VII ¹⁾.

По сосредоточеніи, въ срединѣ іюля 1859 г. главныхъ силъ Чеченскаго отряда на Андійскій хребетъ, потребовалась усиленная перевозка туда изъ Чечни продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, и главное вниманіе гр. Евдокимова направилось, вслѣдствіе сего, на устройство удобной дороги отъ Веденя, что, при каменистой и пересѣченной мѣстности, представляло не малыя трудности; кромѣ того, на этомъ же пути требовалось сооруженіе укрѣпленныхъ этапныхъ пунктовъ, для склада запасовъ; затѣмъ, для предстоявшаго (согласно общему плану дѣйствій) движенія въ долину Андійскаго Койсу, надо было устраивать удобныя къ ней спуски, по горнымъ уступамъ, гдѣ уже нельзя было обходиться однѣми кирками да лопатами, а необходимо было прибѣгать къ пороху, для взрыва скалъ. Солдатамъ приходилось трудиться не покладывая рукъ ²⁾.

Князь Барятинскій, лично слѣдившій за работами, въ то же время производилъ рекогносцировки въ южномъ направленіи, и съ каждымъ днемъ могъ убѣждаться все болѣе и болѣе, что дѣло покоренія Восточнаго Кавказа быстро и неуклонно подвигается

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXXII, май, стр. 357—387; июнь, стр. 641—660; томъ LXIII, іюль, стр. 81—100.

²⁾ Подобными же работами заняты были части отряда, оставленныя въ Ичкеріи и Аргунскомъ ущельѣ.

впередъ. Заявленія покорности, приносимыя депутатами то того, то другаго горскаго общества, смѣнялись самыми утѣшительными извѣстіями объ успѣхахъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ со стороны Дагестана и Лезгинской линіи.

Серьезнымъ препятствіемъ на пути наступленія Чеченскаго отряда могла представляться теперь лишь рѣка Андійское Койсу, переправа черезъ которую оборонялась длиннымъ рядомъ заваловъ, воздвигнутыхъ вдоль праваго ея берега и занимаемыхъ значительными непріятельскими силами подъ начальствомъ Казимагомы. Къ счастью, предвидѣвшееся тутъ затрудненіе устранено было удачною и замѣчательною подвигами геройской смѣлости переправою войскъ Прикаспійскаго отряда у Сагрытло (на нижнемъ теченіи рѣки). Непритель, угрожаемый съ праваго фланга, бросилъ свои укрѣпленія и, разбившись на мелкія партіи, ушелъ далѣе, въ горы; такъ что, когда 4-го августа небольшая часть изъ войскъ Чеченскаго отряда спущена была къ аулу Конхидатль (противъ котораго нагромождены были самыя сильныя завалы), то препятствій къ немедленному устройству моста уже никакихъ не оказалось. Вслѣдъ засимъ, на правомъ берегу рѣки (нѣсколько выше Конхидатля) заложено было, 6-го августа, предмостное укрѣпленіе, названное „Преображенскимъ“, и съ этого дня обладаніе долиною Андійскаго Койсу могло считаться для насъ обезпеченнымъ.

10-го августа главнокомандующій, взявъ съ собою гр. Евдокимова, и въ сопровожденіи лишь небольшого отряда изъ драгунъ, казаковъ и туземной милиціи, отправился къ войскамъ, стягивавшимся около Гуниба, куда бѣжалъ Шамиль, покинутый теперь почти всѣми своими приверженцами.

Войска Чеченскаго отряда оставлены были на занятыхъ ими мѣстахъ для продолженія и довершенія работъ по устройству дорогъ и укрѣпленій. Эти труды ихъ, — хотя не блестящія, но плодотворныя, въ смыслѣ упроченія русской власти во вновь покоренномъ краѣ, — были кн. Барятинскимъ, въ послѣдніе два мѣсяца имѣвшимъ случай лично наблюдать за ними, конечно, оценены по достоинству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ всеподданнѣйшихъ письмахъ государю онъ отдавалъ должную справедливость какъ войскамъ Чеченскаго отряда, такъ и доблестному ихъ начальнику. Подтверженіемъ тому служить, что гр. Евдокимовъ,

въ самый день закладки укрѣпленія Преображенскаго, удостоенъ былъ званія генераль-адъютанта его величества ¹⁾).

Мы не станемъ описывать послѣдовавшихъ за тѣмъ громкихъ событій въ Дагестанѣ, такъ какъ гр. Николай Ивановичъ былъ лишь ихъ свидѣтелемъ, но не принималъ въ нихъ прямого участія. Послѣ покоренія Гуниба и плѣненія Шамиля, на восточномъ Кавказѣ водворилось общее затишье, и нашимъ властямъ, повидимому, оставалось лишь упрочивать мирными средствами то, что приобрѣтено было силою оружія ²⁾. Къ сожалѣнiю, дѣло пошло не такъ гладко, какъ ожидали.

По возвращенiи изъ-подъ Гуниба, начальнику Лѣваго крыла, уже сильно истомленному предшествовавшими чрезмѣрными трудами, далеко не приходилось отдыхать на лаврахъ. Новыя, многосложныя работы ожидали его, по устройству вѣреннаго ему края, переименованнаго, въ началѣ 1860 г., въ Терскую область (равно какъ Правое крыло — въ Кубанскую область): водворенiе переселенцевъ на указанныхъ имъ мѣстахъ, устройство новыхъ казачьихъ станицъ, надѣленiе тѣхъ и другихъ земельными угодьями, проложенiе колесныхъ дорогъ по разнымъ стратегическимъ направленiямъ; наконецъ, возведенiе укрѣпленныхъ опорныхъ пунктовъ, особенно на переправахъ, въ тѣснинахъ, могущихъ преградить сообщенiя, съ тѣмъ. чтобы можно было ограничить до наименьшей степени число войска въ горахъ и держать главныя силы на плоскости, гдѣ содержать ихъ было гораздо дешевле и удобнѣе. Всѣми этими работами слѣдовало торопиться, пока Кавказская армiя была еще въ усиленномъ составѣ, имѣя у себя еще 18-ю пѣхотную и резервную дивизию, возвращенiе коихъ въ Россiю предвидѣлось въ скоромъ времени.

¹⁾ Кроме того, 5-го мая, ему объявлено было высочайшее благоволенiе.

²⁾ Кн. Барятинскiй, представляя военному министру соображенiя свои на 1860-й годъ, между прочимъ, писалъ: «Я на сей разъ могу съ душевною радостью довести до свѣдѣнiя вашего прѣдѣла, что за исключенiемъ лишь Праваго крыла на всемъ остальномъ протяженiи вѣреннаго миѣ края военныхъ дѣйствiй нигдѣ уже не предвидятся. Нынѣ, съ покоренiемъ всей восточной половины Кавказа, намъ открывается здѣсь обширное поле мирной дѣятельности: уже не силою оружiя, но мѣрами административными и работами должно отнынѣ укрѣпляться и упрочиваться достигнутое нами, послѣ полулѣтней борьбы, господство надъ воинственными племенами Чечни и Дагестана. (Отношенiе кн. Барятинскаго къ военному министру, отъ 13-го ноября 1859 г., Воен. Уч. архивъ, отд. II, № 6610).

Гр. Евдокимовъ, соображаясь съ государственною необходимостію, повелъ дѣло круто. Съ чеченцами онъ, зная ихъ характеръ, не церемонился ¹⁾. Послѣдніе, будучи поставлены въ совершенно новыя условія быта, прямо противурѣчившія ихъ прежнимъ привычкамъ необузданнаго своеволия, конечно, были недовольны. Неудовольствію этому не мало способствовалъ и обнаружившійся во многихъ мѣстахъ края голодъ, котораго начальство наше, не смотря на принимаемыя имъ мѣры, не могло вполне устранить. Надѣленіе новыхъ ауловъ земельными угодьями, при массѣ другихъ текущихъ дѣлъ, тоже, повидимому, не вездѣ происходило соотвѣтственно потребностямъ жителей и, вѣроятно, при спѣшности работы, сопровождалось многими промахами. Лично усмотрѣть за всѣмъ начальнику края не представлялось возможности, а второстепенные и третьестепенные исполнители его распоряженій не всегда оказывались понимающими дѣло. Мусульманское населеніе Лѣваго крыла (или Терской области), неудовлетворенное въ своихъ ожиданіяхъ, а частію и подъ вліяніемъ фанатизма, стало, цѣлыми обществами, просить о разрѣшеніи переселиться въ Турцію. Гр. Евдокимовъ, лично, былъ очень доволенъ подобнымъ стремленіемъ, видя въ немъ средство избавиться отъ самыхъ безпокойныхъ и ненадежныхъ людей. Главнокомандующій, повидимому, тоже раздѣлялъ его взглядъ на это дѣло; но, когда эмиграція стала принимать слишкомъ крупныя размѣры и по поводу ея возникли въ Константинополѣ щекотливыя, дипломатическіе переговоры, то пришлось, по крайней мѣрѣ на время, пріостановить ее. Обманутые въ своихъ надеждахъ горцы, волею-неволею принужденные оставаться подъ властью гаура, конечно, применили въ рядахъ недовольныхъ.

Всѣ вышесказанныя и подобныя имъ обстоятельства представляли благодарную почву для сѣятелей смутъ. Бывшіе приверженцы Шамиля, особенно же тѣ, которые лишились прежней власти и сопряженныхъ съ нею выгодъ, стали втихомолку распространять въ народѣ разныя зловѣщія слухи и исподволь готовить всеобщее позстаніе. Развѣтвленія заговора простирались отъ Малой Чечни до Дагестана. Предполагалось, поднявъ весь

¹⁾ О характерѣ дѣятельности гр. Евдокимова въ покоренной Чечнѣ см. въ прилож. № I: «Извлеченіе изъ записки ген. Лорисъ-Мелъкова, управлявшаго въ 1863 г. Терскою областію».

народъ, перебить нѣкоторыхъ главныхъ начальниковъ (въ томъ числѣ и гр. Евдокимова), а другихъ захватить въ плѣнъ для взятія за нихъ крупнаго выкупа; нѣкоторыя укрѣпленія наши имѣлось въ виду взять штурмомъ, другія же принудить къ сдачѣ блокадою. ¹⁾ Всѣ эти планы были, конечно, довольно фантастичны, но легковѣрныхъ чеченцевъ не трудно было убѣдить въ томъ, что льстило ихъ врожденнымъ инстинктамъ и обнадеживало въ возвращеніи прежняго, дикаго своеволія.

На наше счастье, заговоръ еще не успѣлъ вполнѣ созрѣть, какъ затаенное неудовольствіе уже обнаружило себя отдѣльными вспышками въ разныхъ пунктахъ Чечни, заставившими наше начальство насторожиться и принять энергическія мѣры для подавленія зла въ самомъ зародышѣ.

Первый взрывъ мятежа послѣдовалъ въ самомъ глухомъ углу Ичкеріи—въ аулѣ Беной. Послѣ взятія Гуниба, большая часть беноевцевъ вынуждена была, подъ угрозою русскаго оружія, покинуть свою труднодоступную мѣстность и расселиться по окрестнымъ ауламъ; но нѣсколько семей, подъ разными предлогами, осталось на старомъ мѣстѣ. Цѣлый годъ спокойствіе здѣсь не нарушалось; но въ началѣ мая 1860 г., когда лѣса одѣлись листвою, большинство выселившихся беноевцевъ вернулись къ своему старому аулу, избрали себѣ имамомъ нѣкоего Бойсунгура и дали клятву не покоряться русской власти.

Моментъ для возстанія былъ выбранъ весьма удобный: обратиться въ это время года до Беноевскихъ тущобъ было почти невозможно; отъ таянія снѣговъ и отъ проливныхъ дождей рѣки разлились, дороги были размыты, да кромѣ того мятежники преградили ихъ завалами; переправиться черезъ Хулхулау и Аксай не представлялось средствъ; подножнаго корма для войсковыхъ лошадей еще не было. Начальство наше, волею-неволею, должно было на первое время ограничиться выжидательнымъ положеніемъ. Дерзость беноевцевъ, къ которымъ пристали и другіе ичкеринскіе аулы, вслѣдствіе этого временнаго бездѣйствія, возрасла и они стали нападать на наши небольшія команды, отбивать скотъ и т. п.

Вскорѣ послѣ этого вспыхнулъ бунтъ на верховьяхъ Аргуна.

¹⁾ Рапортъ ген.-ад. князя Орбеліани военному министру, отъ 4-го іюля 1860 г. (В. Уч. Арх., отд. II, № 6613). — Записка полк. Бѣлика (повидимому). Арх. гр. Евдокимова, № 61.

Одинъ изъ прежнихъ шамилевскихъ набобовъ, нѣкто Ума-Дзевъ съ бывшимъ кадѣемъ Атабаемъ, возмутили Аргунское общество Дзумсой, а частію и шатоевцевъ, и произвели цѣлый рядъ хищническихъ нападеній на наши транспорты и мелкія колонны, убивали людей, угоняли лошадей; наконецъ, усилясь прибывающими изъ разныхъ аргунскихъ обществъ абревами, стали открыто нападать на команды, производившія дорожныя работы, покушались даже атаковать укрѣпленія и сторожевыя башни. Распространяясь все болѣе и болѣе къ западу, волненіе охватило остатки населенія, гнѣздившагося по верховьямъ мало-чеченскихъ рѣчекъ: Мартана, Гехи, перешло на Ассу, подняло Аевинское общество, вблизи военно-грузинской дороги, и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ кровавыхъ происшествій, стоившихъ намъ нѣсколькихъ десятковъ людей.

Лѣтомъ, когда мятежники, разбившись на мелкія шабкы, всегда могли укрываться въ густыхъ лѣсахъ, преслѣдовать ихъ было весьма трудно. Въ числѣ обстоятельствъ, имѣ благопріятствовавшихъ, было и то, что значительная часть нашихъ войскъ еще въ началѣ 1860 г., переведена была въ Кубанскую область, гдѣ кн. Барятинскій имѣлъ въ виду приступить къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ ¹⁾. Теперь, оставшіяся въ Терской области войска пришлось отрывать отъ самыхъ необходимыхъ работъ, для дѣйствія противъ хищническихъ партій; съ Кубани нужно было возвратитъ 20-й стрѣлковый баталіонъ и одинъ драгунскій полкъ, кромѣ того, изъ Грузіи притянута было два полка Донскихъ казаковъ.

Благодаря цѣлесообразнымъ распоряженіямъ гр. Евдокимова и энергической дѣятельности его сподвижниковъ (въ особенности, генерала Кемпферта), мятежъ не принялъ болѣе широкихъ размѣровъ,—чего можно было опасаться, по очевидному сочувствію ему мѣстнаго населенія ²⁾. Тѣмъ не менѣе, много новыхъ тревогъ и огорченій долженъ онъ былъ принести отвѣтственному за

¹⁾ Въ Кубанскую область переведены были изъ Терской всѣ три драгунскихъ полка, 4 стрѣловыхъ баталіона и 12 сводныхъ баталіоновъ изъ стрѣловыхъ ротъ Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій. Они отправлены на Кубань въ теченіи февраля 1860 г.

²⁾ Окончательно подавленъ былъ мятежъ лишь къ концу 1861 года, когда схвачены и подвержены были наказанію главные зачинщики.

все начальнику края, который—какъ выше замѣчено—вслѣдствіе трехгодовыхъ, непомерныхъ физическихъ трудовъ и душевныхъ волненій, сильно пошатнулся здоровьемъ. Еще 5-го августа 1860 г. Евдокимовъ писалъ главнокомандующему слѣдующее:

„При проѣздѣ черезъ Владикавказъ, ваше сіятельство, удостоивъ выслушать просьбу мою объ увольненіи меня въ отпускъ, представили самому же мнѣ выбрать и время для отъѣзда. Желая устроить дѣла края, я не могъ воспользоваться милостивымъ позволеніемъ вашимъ весной; между тѣмъ начали проявляться признаки неблагонамѣреннаго направленія умовъ въ только что покоренныхъ обществахъ; затѣмъ возникли безпорядки, при которыхъ я уже не смѣлъ возобновлять своей просьбы. Безпорядки, обнаружившіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, когда мы не упрочились еще на вновь занятыхъ нами пунктахъ, грозили общимъ возстаніемъ при малѣйшемъ гдѣ либо успѣхѣ мятежниковъ; но этого, благодаря Бога, не случилось, а тѣмъ временемъ все, что дѣлало положеніе наше опаснымъ, успѣло устроиться; новыя станицы и укрѣпленія кончены, или кончаются, войска сосредоточились и, вообще, край принялъ положеніе, соответственное обстоятельствамъ, такъ что теперь смѣло и безопасно можетъ ожидать обнаженія лѣсовъ, для окончательнаго водворенія порядка. Но эти полъ-года, проведенные мною въ постоянно тревожномъ напряженіи и постоянныхъ заботахъ и трудахъ, безъ сна по нѣскольку ночей сряду, окончательно разстроили мое здоровье, приготовленное уже къ тому и годами, и ранами, и предшествовавшими походами.

„Я никогда не осмѣлился бы рапортовать себя больнымъ вашему сіятельству, если бы не чувствовалъ полного упадка силъ, требующаго довольно продолжительнаго лѣченія и отдохновенія, вдали отъ причинъ, начавшихъ разрушительно дѣйствовать на ослабленный уже организмъ. Я знаю сколько обязанъ я вашему сіятельству, и тѣмъ смѣлѣе обращаюсь къ вашему великодушію, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы милостиво меня выслушаете. Въ томъ душевномъ и тѣлесномъ разстройствѣ, въ какомъ я нынѣ нахожусь, дальнѣйшее пребываніе мое на занимаемомъ мною мѣстѣ не можетъ быть полезно. Мнѣ нуженъ отпускъ по крайней мѣрѣ на 6 или 4 мѣсяца. Позвольте мнѣ теперь подать просьбу на высочайшее имя, передать управленіе

краемъ кому вы прикажете и лично представить себя вашему сѣятельству въ Боржомѣ или Тифлисѣ“¹⁾).

Въ тотъ же день (5 августа) гр. Николай Ивановичъ писалъ начальнику главнаго штаба Кавказской арміи письмо, въ которомъ, помимо разстроеннаго здоровья, выставляетъ и другія причины, побуждающія просить его (Евдокимова) о временномъ выѣздѣ изъ Чечни.

„Основываясь на торопливомъ донесеніи начальника Ичкеринскаго округа (такъ писалъ графъ), я извѣстилъ васъ, отъ 31-го числа, о возстаніи Ичкерин. Дѣло нынѣ оказалось далеко не такъ: только Дарго, Белгатой и Тезень-Кале принялы мятежниковъ, а всѣ прочіе аулы остались спокойны; да и первые, большею частію, или вовсе не раздѣляли дѣйствій мятежниковъ, или отстали отъ нихъ вскорѣ. Не знаю, какъ будетъ дальше, теперь же во всей Чечнѣ очень довольны назначеніемъ Кундухова²⁾, и въ Большой (Чечнѣ), которую онъ объѣзжаетъ, его принимаютъ съ восторгомъ. На Бѣлика никто не жалуется, а между тѣмъ всѣ рады, и это навело меня на мысль: не произведетъ ли хорошаго впечатлѣнія, если бы и я хотя на время выѣхалъ въ отпускъ? Чеченцевъ занимаетъ всякая новизна. Это народъ совсѣмъ не похожій на другія племена Кавказа! Между тѣмъ и для меня эго было-бы большое благо, ибо я чувствую, что если мнѣ не будетъ времени отдохнуть, то я потеряю безвозвратно сильно уже разстроившееся свое здоровье“³⁾).

Отдохнуть согласно своему желанію Николаю Ивановичу, однако, не пришлось. Время для Кавказа было слишкомъ горячее. Князь Барятинскій, имѣя въ виду самыя рѣшительныя и, къ тому же, неотлагательныя дѣйствія въ западной части подчиненнаго ему края, повидимому уже намѣтилъ, для приведенія ихъ въ исполненіе, доблестнаго покорителя Чечни, въ способностямъ и энергіи котораго онъ имѣлъ всѣ основанія питать

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

²⁾ Полковникъ Муса-Кундуховъ, назначенный въ число устроителей новаго быта чеченскаго народа, былъ самъ чеченецъ родомъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ вѣрно служилъ русскому правительству, но, по окончаніи борьбы на Кавказѣ, онъ переехалъ въ Турцію и во время войны 1877—78 гг., уже въ званіи пашы, командовалъ турецко-черкескою конницею, понесшею рѣшительное пораженіе при Бегли-Ахметѣ.

³⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

полное довѣріе. Съ другой же стороны, главнокомандующій (самъ въ то время уже начавшій хворать) былъ сильно озабоченъ беспорядками, возникшими въ только что подчинившейся намъ странѣ. Безпокойство его на этотъ счетъ выразилось въ слѣдующемъ отвѣтѣ (отъ 9 августа) на вышеприведенное письмо гр. Евдокимова.

„М. г. гр. Николай Ивановичъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я изъ письма отъ 5-го августа о разстроенномъ состояніи вашего здоровья; обстоятельство это еще болѣе меня огорчаетъ потому, что вы находитесь въ необходимости отлучиться изъ Терской области въ такую минуту, когда положеніе дѣлъ грозитъ намъ опасностію. За всѣмъ тѣмъ, не желая препятствовать исполненію вашего намѣренія, я не могу, однако же, дать согласія на вашъ отпускъ прежде полученія мнѣнія вашего, кому вы полагаете поручить командованіе войсками на время вашего отсутствія. А потому прошу васъ написать мнѣ объ этомъ съ особымъ курьеромъ или, еще лучше, самимъ пріѣхать въ Боржомъ, гдѣ я намѣренъ пребыть до 20-хъ чиселъ августа и выѣхать въ Тифлисъ, самое позднее, 23-го числа.“

Должно полагать, что Николай Ивановичъ не преминулъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ кн. Барятинскаго, дабы хоть на нѣсколько дней оттохнуть отъ обременительныхъ текущихъ дѣлъ и ежечасныхъ безпокойствъ, грозившихъ въ конецъ надорвать его силы. Во всякомъ случаѣ отдыхъ его былъ чрезвычайно коротокъ, такъ какъ уже въ концѣ августа 1860 г. самъ главнокомандующій уже переѣхалъ въ г. Владикавказъ, куда, въ числѣ прочихъ старшихъ генераловъ на сѣверномъ Кавказѣ, приглашенъ былъ и гр. Евдокимовъ. Здѣсь кн. Барятинскій прожилъ около мѣсяца, для рѣшенія слѣдующихъ первостепенной важности вопросовъ: 1) покореніе западнаго Кавказа, 2) заселеніе его христіанскимъ населеніемъ, 3) новая организація Кубанской и Терской областей и 4) предположенное, въ связи съ этимъ, раздѣленіе бывшаго кавказскаго линейнаго казачьяго войска—на Кубанское и Терское ¹⁾).

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія объ этихъ совѣщаніяхъ находятся въ статьѣ И. С. Кравцова: «Кавказъ и его военноподчиненныя». «Русск. Старина», 1886 г., томъ I, стр. 585 слѣд.

Прежде всего подлежалъ обсужденію самый важный вопросъ: о покореніи западнаго Кавказа.

Тогдашній начальникъ Кубанской области, генералъ Филиппсонъ, человекъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, къ сожалѣнію слишкомъ оптимистически смотрѣлъ на заубанскихъ дикарей и, повидимому, вѣрилъ въ возможность, тѣми или другими способами, установить съ ними добрыя сосѣдскія отношенія. Графъ Евдокимовъ, всю жизнь свою вращавшійся между разными горскими племенами и отлично ихъ изучившій, смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ другими глазами. Онъ, какъ мы знаемъ, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что на массу горцевъ можно дѣйствовать лишь страхомъ, что на изыявляемую ими поборность вполне полагаться никогда нельзя, что считать ихъ безопасными можно только тогда, когда окончательно лишишь ихъ возможности чѣмъ либо вредить намъ. Онъ, безъ сомнѣнія, отлично понималъ и то, что съ горцами западнаго Кавказа у насъ никакихъ прочныхъ мирныхъ отношеній существовать не можетъ, если оставить это населеніе на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнихъ условіяхъ быта. Край этотъ, со времени восточной войны 1855—56 годовъ оставшійся совершенно открытымъ со стороны моря, грозилъ въ эту самую эпоху сдѣлаться удобною ареною для всякихъ политическихъ интригъ со стороны Турціи и другихъ нашихъ западныхъ благопріятелей¹⁾. Туда безнаказанно подвозились теперь оружіе и разные боевые припасы; туда же появлялись всякіе проходимцы-эmissары, возбуждавшіе горцевъ противъ русскихъ и распространявшіе между легковѣрнымъ населеніемъ самые несбыточные слухи.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, гр. Евдокимовъ предложилъ свой планъ дѣйствій, состоявшій въ главныхъ чертахъ въ томъ, чтобы, постепенно тѣсна западно-кавказскихъ горцевъ, припереть ихъ къ Черному морю и, при несогласіи ихъ выселиться на при-Кубанскую плоскость или въ степныя простран-

¹⁾ «Мы должны сознаться—писалъ кн. Барятинскій,—что никогда еще не производились столь дѣятельно, какъ теперь, сношенія между кавказскимъ берегомъ и Турціею». (Предположеніе о дѣйствіяхъ въ 1860 г., на Кавказѣ. В. Уч. архивъ, отд. II, № 6610).

ства Ставропольской губерніи, изгнать ихъ въ Турцію, весь этотъ обширный край заселить русскимъ народомъ ¹⁾).

Кн. Барятинскій вполне согласился съ этимъ планомъ, такъ какъ практичность и цѣлесообразность его были слишкомъ очевидны для всякаго знакомаго съ кавказскими дѣлами и съ характеромъ отношеній къ намъ горцевъ ²⁾. При иномъ образѣ дѣйствій—менѣе радикальномъ—война кавказская опять должна бы была тануться нескончаемо, тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ это было прежде. Между тѣмъ, довершить покореніе сѣверо-западнаго Кавказа и разъ навсегда покончить счеты съ тамошнимъ, неизмѣнно намъ враждебнымъ, населеніемъ сдѣлалось особенно важнымъ и необходимымъ послѣ только что оконченной Крымской войны и уничтоженія нашего могущества на Черномъ морѣ. Императоръ Александръ II горячо желалъ и требовалъ этого.

Кому же было естественнѣе поручить дѣло столь первостепенной важности, какъ не гр. Евдокимову—недавнему покорителю Чечни,—второго умъ, энергія и непреклонная воля вполне ручались за точное исполненіе имъ своего плана?

На выборѣ этомъ кн. Барятинскій, конечно, и остановился. Въ силу высочайше предоставленной ему власти, онъ назначилъ

¹⁾ О совѣтѣ во Владикавказѣ графъ рассказывалъ, что ему приходилось налагать свои соображенія передъ лицами, привыкшими читать послѣдовательное развитіе военныхъ операцій по планамъ и картамъ, почему передъ докладомъ онъ запасся всѣми нужными картами, заготовилъ условные знаки войскъ и станицъ и, по мѣрѣ объясненія послѣдовательнаго хода завоеванія и заселенія западнаго Кавказа, выставлялъ соответственные значки, отгнѣя ежегодное видоизмѣненіе обстановки, какъ въ расположеніи группировки войскъ, такъ и въ количествѣ заселяемыхъ пространствъ. Доложенный графомъ планъ покоренія западнаго Кавказа былъ одобренъ всѣми лицами, принимавшими участіе въ совѣщаніяхъ, и былъ тутъ же утвержденъ главнокомандующимъ кн. Барятинскимъ. По разсказу графа, ему былъ сдѣланъ лишь одинъ вопросъ Григоріемъ Ивановичемъ Филиппономъ о томъ, оправданы-ли онъ всѣ возведенныя укрѣпленія, на что графъ отвѣтилъ, что оправданы всѣ, кромѣ Григорьевскаго. (Изъ воспоминаній офицера ген. штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ въ Кубанской области).

²⁾ Не всѣ, однако, соглашались съ воззрѣніями гр. Евдокимова, такъ что, для подтвержденія его мысли, и по его личной просьбѣ генералъ Карцовъ (имѣвшійся въ виду для замѣщенія генералъ-адъютанта Милютина и находившійся въ то время при войскахъ въ Закубаньѣ) составилъ особую записку. (См. прилож. II).

генерала Филипсона начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи, на мѣсто генералъ-адъютанта Милютина, призываемаго на новое служеніе—въ должность управляющаго военнымъ министерствомъ; графъ же Евдокимовъ назначался начальникомъ Кубанской области, командующимъ войсками, въ ней расположенными, и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска; вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ оставлены и прежнія должности: начальника Терской области и командующаго въ ней войсками. Такимъ образомъ, ему подчиненъ былъ весь сѣверный Кавказъ и предоставлена ему была полная воля располагать всѣми военными силами и средствами, по своему усмотрѣнію.

По вопросу о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, главнокомандующій безусловно принялъ мнѣніе генерала Филипсона, предполагавшаго начать усиленные переселенія прежде всего цѣлыми казачьими полками, во второй линіи отъ р. Кубани поселенными.

По окончаніи совѣщаній, кн. Барятинскій съ генераломъ Филипсономъ уѣхали въ Тифлисъ, ген. адъютантъ Милютинъ—въ Петербургъ, а гр. Евдокимовъ, оставивъ для управленія Терскою областію своего помощника, кн. Святополка-Мирскаго, отправился въ Ставрополь.

Здѣсь ожидала его масса новыхъ и спѣшныхъ занятій по устройству администраціи ввѣреннаго ему обширнаго края. Первымъ дѣломъ графа было учрежденіе комитета изъ свѣдущихъ лицъ, для разрѣшенія вопросовъ по раздѣленію Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и образованію новыхъ войскъ: Кубанскаго и Терскаго. При этомъ нужно было составить новые штаты войсковыхъ правленій и войсковыхъ дежурствъ, раздѣлить пропорціонально населенію денежные капиталы, войсковые доходы и расходы, разныя оброчныя статьи, стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Возложенное на комитетъ важное дѣло окончено имъ было въ теченіи двухъ недѣль и, по утвержденіи гр. Евдокимовымъ его предположеній, они посланы были на усмотрѣніе главнокомандующаго, который тоже принялъ ихъ безъ всякихъ измѣненій. Вслѣдъ затѣмъ они были обнародованы въ привязѣ по Кавказской арміи, которымъ предписывалось привести ихъ въ исполненіе къ 1-му января наступавшаго 1861 года и открыть того же числа всѣ войсковыя учрежденія. Все это въ точности и было исполнено.

Порѣшивъ съ этимъ дѣломъ, до окончанія котораго нельзя было приступать къ выполненію прочихъ военныхъ и административныхъ предположеній, гр. Евдокимовъ долженъ былъ заняться разрѣшеніемъ другаго, гораздо болѣе важнаго вопроса—о переселеніи казаковъ на новыя линіи. Къ переселенію этому полагалось приступить въ томъ же 1861 году.

Пока въ Ставрополѣ шла вся эта административная работа, военныя дѣйствія въ Закубанѣ шли своимъ чередомъ. Хотя значительнѣйшее изъ тамошнихъ племенъ, абадзехи, еще въ ноябрѣ 1859 г. заявили покорность и принесли вѣрноподданническую присягу, но помимо того, что мы уже знали цѣну подобнымъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, самыя условія, которыми они въ то время обставляли свою покорность, уже не соответствовали новой системѣ дѣйствій, согласно которой рѣшено было выжить мѣстное населеніе изъ гористыхъ и лѣсистыхъ частей западнаго Кавказа и заселить ихъ христіанами. Впрочемъ, мнимо-покорныя племена не переставали тревожить наши линіи мелкими разбоями и хищничествами, сваливая затѣмъ вину на непокорныхъ, скрывали у себя нашихъ бѣглыхъ и вообще продолжали оставаться крайне ненадежными и опасными сосѣдями. Что касается до другаго сильнаго племени, шапсуговъ, жившихъ въ западной части Закубанья, то они не превращали открыто враждебныхъ къ намъ отношеній.

Характеръ мѣстности закубанскаго театра войны представлялъ много общаго съ Чечнею: то же множество горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, та же пересѣченная мѣстность (особенно—по предгоріямъ главнаго хребта), тѣ же непролазныя лѣсныя трупцы; да кромѣ того, на низовьяхъ Кубани,—обширныя болота (по тамошнему „плавни“), представлявшія серьезную препону для движенія войскъ. Сходствомъ мѣстности Закубанья съ Чечнею обуславливалось и сходство въ образѣ военныхъ дѣйствій. Что касается до горцевъ западнаго Кавказа, то они хотя и не подчинялись одному владыкѣ, въ родѣ Шамиля, но въ упорствѣ борьбы противъ насъ не уступали своимъ восточнымъ собратіямъ и были такими же неисправимыми и отважными разбойниками.

Въ описываемое время главныя военныя дѣйствія, на заку-

банскомъ театрѣ войны, шли, какъ и прежде, съ двухъ противоположныхъ сторонъ: восточной и западной—отъ р. Лабы и отъ р. Адагума. Дѣйствія восточныхъ отрядовъ ограничивались, до поры до времени, мирнымъ упроченіемъ нашей власти на рубежѣ земель, населенныхъ абадзехами, т. е. устройствомъ укрѣпленныхъ пунктовъ, станицъ для поселенцевъ и проложеніемъ между ними удобныхъ дорогъ. Отряды, дѣйствовавшіе въ западной части края, производя подобныя же работы, искрещивали по разнымъ направленіямъ землю шапсусовъ (преимущественно, между р. Адагумомъ и укрѣпленіями: Ильскимъ и Григорьевскимъ), разоряли враждебныя аулы, истребляли посѣвы и заставляли непріязненное населеніе удаляться въ горы.

Гр. Евдокимовъ, покончивъ съ первыми административными распоряженіями, вызванными новымъ раздѣленіемъ сѣвернаго Кавказа, немедленно предпринялъ объѣздъ нашихъ закубанскихъ станицъ и лагерныхъ расположеній войскъ, чтобы лично и на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ разныхъ пунктахъ и дать соотвѣтствующія указанія частнымъ начальникамъ, относительно раіона ихъ дѣйствій. При этомъ онъ высказывался иногда и относительно той системы дѣйствій, которой намѣренъ держаться. Такъ, при посѣщеніи (въ октябрѣ) Псебайскаго укрѣпленія, онъ вышелъ осмотрѣть заготовленный по предварительному приказанію шанцевый инструментъ. Указывая одному изъ сопровождавшихъ его кабардинскихъ князей на огромное количество лежавшихъ передъ домомъ топоровъ, лопать, кирокъ и т. п. инструментовъ, графъ сказалъ: „вотъ чѣмъ мы теперь будемъ воевать“¹⁾.

Въ концѣ ноября 1860 г. графу пришлось въ первый разъ лично участвовать въ большой экспедиціи, предпринятой въ землю шапсусовъ. 27 числа названнаго мѣсяца онъ прибылъ въ укрѣпленіе Григорьевское, и на другой же день произвелъ рекогносцировку отсюда, по прямому направленію, на Екатеринодаръ, а 30 числа—таковую же вверхъ по р. Шебшъ.

Главную цѣлю предстоявшей экспедиціи было: проложеніе удобной и безопасной, для движенія даже малыхъ колоннъ, дороги отъ укрѣпленія Григорьевскаго до укрѣпленія Адагумскаго,

¹⁾ Кавказскій Сборникъ, томъ V, стр. 346.

по всему протяженію земли шапсуговъ. Для этого пути гр. Евдокимовъ избралъ линію южняе такъ называвшейся Анапской дороги, у самыхъ послѣднихъ отроговъ Черныхъ горъ, чтобы отхватить у непріятели всю плоскость и совершенно лишить его возможности пользоваться земельными угодьями этого богатаго края.

Личное присутствіе Николая Ивановича при войскахъ продолжалось, на этотъ разъ, очень не долго, такъ какъ уже 4-го декабря онъ получилъ отъ главнокомандующаго приглашеніе явиться въ Тифлисъ. Кн. Барятинскій (въ это время уже сильно расхворавшійся) писалъ ему слѣдующую собственноручную „весьма секретную“ записку.

„Я получилъ третьяго дня письмо собственноручное отъ государя императора, которое измѣнило не только всѣ наши предположенія на будущее время, но, въ особенности, на нынѣшнюю зиму и предстоящее лѣто, ибо оно положительно и непрекословно уменьшаетъ наши военныя и денежныя средства. Государь требуетъ въ маю мѣсяцу возвращенія 18-й пѣх. дивизіи и приказываетъ ограничиться самыми ничтожными денежными средствами. Пишу вамъ собственноручно для того, чтобы сохранить секретъ покуда возможно, и требую немедленнаго вашего прибытія въ Тифлисъ, гдѣ вмѣстѣ обдумаемъ и порѣшимъ будущую судьбу Кавказа. Не буду вамъ описывать мое огорченіе; никто болѣе васъ не въ состояніи его понять и раздѣлять!—Съ полученія сего письма можете передать вашимъ подчиненнымъ приказанія, а сами отправляйтесь въ Тифлисъ, гдѣ я постараюсь не задержать васъ болѣе 5 или 6 дней.

„Положеніе Европейское все дѣлается грознѣе; много предстоитъ намъ съ вами вопросовъ рѣшить; надо быть на все готовымъ.

„Вамъ сердечно преданный кн. Барятинскій“.

Отбывая въ Тифлисъ, гр. Евдокимовъ распорядился предстоявшими до конца года дѣйствіями, которыя и повелись соотвѣтственно намѣченной имъ цѣли. „Вообще, пишетъ онъ,—дѣйствія нашихъ отрядовъ въ землѣ шапсуговъ, въ теченіе минувшаго декабря, имѣли результатомъ: 1) окончательное устройство просѣки и удобнаго во всякое время года пути отъ укр. Крымскаго до укр. Григорьевскаго, на разстояніи 74-хъ верстъ;

2) совершенное очищеніе всей плоскости между рѣками: Адагумомъ и Супомъ (свыше 2,000 кв. верстъ) отъ непріязненнаго намъ населенія. Потеря плоскости тѣмъ болѣе чувствительна для непріятели, что здѣсь были главныя пастбища его скота и большая половина пахатныхъ земель. Все это видимо поколебало рѣшимость шапсуговъ къ дальнѣйшему сопротивленію, такъ что на другой же день послѣ движенія нашихъ отрядовъ въ горы (14 декабря) явились къ начальникамъ отрядовъ депутаты съ принесеніемъ безусловной покорности и съ просьбою дозволить имъ снова селиться на плоскости, на мѣстахъ, которыя имъ будутъ указаны. Покорность эта, хотя и частная, изъясненная лишь небольшою частью населенія (около 2-хъ т. семействъ), но ее можно признать началомъ общаго покоренія, которое, до тѣхъ поръ, пока горы не будутъ заняты нашими поселеніями, окончательно совершиться не можетъ, потому что шапсуги, какъ и всѣ черкесскія племена, не имѣютъ почти никакой общественной связи и, слѣдовательно, не могутъ быть иначе покорены, какъ по частямъ, и только тогда, когда горы у нихъ будутъ совершенно отняты. Поэтому, хотя покорившіяся семейства и утверждаютъ, что большинство населенія готово послѣдовать ихъ примѣру, если только условія, нами предложенныя, будутъ сколько нибудь снисходительны, но, принимая въ соображеніе, что до тѣхъ поръ, пока горы не заняты, горцы будутъ соблюдать эти условія только до перваго удобнаго къ возмущенію случая, я приказалъ начальникамъ отрядовъ объявить имъ, что считаю покорность только тѣхъ, которые покорятся безусловно и выселятся въ аулы на указанныя имъ на р. Кубани мѣста⁴.

„Этимъ важнымъ результатомъ непродолжительной экспедиціи въ землѣ шапсуговъ, съ такою небольшою потерей¹⁾, я обязанъ разумной распорядительности и неутомимымъ трудамъ начальниковъ дѣйствующихъ отрядовъ: свиты его величества генералъ-маіорамъ: Карцеву и кн. Святополкъ-Мирскому и генералъ-маіору Бабычу. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны дѣла Промежуточнаго и Шапсугскаго отрядовъ, которые дѣйствовали въ

¹⁾ Съ 27 ноября по 25 декабря 1860 г. у насъ вышло изъ строя 6 офицеровъ и 50 ч. нижн. чиновъ.

странѣ еще нетронутой, посреди большого населенія и въ мѣстности трудно-доступной“¹⁾.

Административная дѣятельность гр. Евдозимовъ, по возвращеніи изъ Тифлиса, т. е. при наступленіи 1861-го года, должна была открыться переселеніемъ казаковъ на новыя передовыя линіи. Какъ мы уже знаемъ, переселеніе это—согласно проекту генерала Филиппсона—рѣшено было производить цѣлыми полками. Осуществленіе этого проекта на первыхъ же шагахъ встрѣтило крайне-серьезныя препятствія.

Переселеніе должно было начаться съ 1-го Хоперскаго полка (въ составъ коего входило 6 станицъ), и объявленіе о семъ послѣдовало въ началѣ января. Но уже въ исходѣ этого мѣсяца начали ходить темныя слухи о нежеланіи казаковъ подчиниться этому рѣшенію начальства; а въ началѣ марта явилась отъ нихъ въ гр. Евдозимову депутація, которая выставила ему на видъ какое огромное раззореніе долженъ понести весь полкъ отъ одновременнаго его переселенія въ полномъ составѣ, и просила разсрочить это дѣло на три года. Не считая себя въ правѣ соглашаться на такую разсрочку, Николай Ивановичъ разрѣшилъ, однако, депутатамъ отправиться въ Тифлисъ, чтобы представить свое ходатайство главнокомандующему. Поѣздка эта успѣхомъ не увѣнчалась. Кн. Барятинскій—въ то время уже тяжело больной и лежавшій въ постелѣ—хотя принялъ депутатовъ и выслушалъ ихъ просьбу, но объявилъ категорически, что они должны подчиниться сдѣланному о нихъ рѣшенію, такъ какъ на то есть воля Государя. Тогда депутаты, возвратившись изъ Тифлиса, потребовали отъ своего бригаднаго командира²⁾, чтобы имъ былъ предъявленъ царскій указъ, безъ чего полкъ на новыя линіи не пойдетъ, потому что, безъ верховнаго повелѣнія, начальство переселять ихъ не можетъ; если же—добавляли они—на то есть государева воля, то они готовы идти хоть на край свѣта, хотя бы пришлось черезъ это въ конецъ раззориться. Между

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 6611. б.—Журналъ воен. дѣйствій въ Кубанской области, съ 28 ноября по 30 дек. 1860 г.

²⁾ Полковникъ Алкинъ, впоследствии начальникъ Лабинскаго округа.

тѣмъ требуемаго высочайшаго указа заблаговременно исходатайствовать не догадались, и представить казакамъ нагляднаго выраженія царской воли было нельзя.

Одновременно съ протестомъ хоперцевъ присланы были гр. Евдокимову подобныя же просьбы отъ трехъ назначенныхъ къ переселенію черноморскихъ станицъ. Но еще болѣе серьезнымъ оказалось заявленіе представителей Черноморскаго дворянства, въ которомъ они, опираясь на жалованныя грамоты императрицы Екатерины II, находили подобное переселеніе вовсе несогласнымъ съ ихъ правами.

Гр. Евдокимовъ сначала рѣшился—по обыкновенію своему—вернуть дѣло круто. Оппозиціи приказаніямъ начальства онъ не признавалъ, привыкнувъ во время своей боевой службы къ безпрекословному повиновенію. Для надлежащаго внушенія хоперцамъ, онъ послалъ къ штабу ихъ полка—станицѣ Александровской, 3 баталіона пѣхоты и 4 эскадрона драгунъ, при 4-хъ орудіяхъ, самъ же поскакалъ въ Екатеринодаръ, для объясненій съ Черноморскимъ дворянствомъ. Тамъ всѣ его разъясненія и внушенія остались, однако, безуспѣшными: черноморцы упорно стояли на своемъ; такъ что, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія графъ приказалъ арестовать 10 наиболѣе вліятельныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ и отправить ихъ въ Ставропольскій тюремный замокъ. Мѣра эта произвела по всей Черноморіи весьма удручающее впечатлѣніе, но дѣла переселенія впередъ не пошло.

Высылка къ Александровской станицѣ отряда регулярныхъ войскъ тоже едва было не повела къ крайне нежелательнымъ послѣдствіямъ. Все мужское населеніе 1-го Хоперскаго полка (кромѣ офицеровъ) взялось за оружіе и приготовилось къ сопротивленію. Въ то же время пошли слухи, что и всѣ казаки, отъ Чернаго моря до Каспійскаго, всѣми этими событіями сильно возбуждены.

Положеніе дѣлъ грозило сдѣлаться критическимъ.

Графъ Евдокимовъ, которому на этотъ разъ выпала печальная доля—быть исполнителемъ чужихъ ошибочныхъ проектовъ, скоро понялъ, какъ человѣкъ умный, что, въ данныхъ обстоятельствахъ, насильственные мѣры къ добру не поведутъ, и потому рѣшился взять на себя отвѣтственность въ отнѣніи или, по

крайней, мѣрѣ отсрочкѣ всѣхъ сдѣланныхъ выше распоряженій. Онъ немедленно послалъ приказаніе высланнымъ въ Александровской станицѣ войскамъ возвратиться на свои мѣста, а хоперскимъ казакамъ велѣлъ объявить, что переселеніе цѣлымъ полкомъ вовсе отмѣняется, и чтобы они разошлись и занялись своими обычными хозяйственными дѣлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявлялъ, что на переселеніе весною 1862 года будетъ испрошено особое высочайшее повелѣніе, которое и будетъ обнародовано въ свое время. То же было сообщено и въ Екатеринодаръ, для объявленія его черноморскимъ станицамъ. Мѣра эта принесла благотворные плоды: волненіе улеглось и казаки успокоились.

Еще до совершенія описанныхъ событій, вк. Барятинскій, тяжело больной, выѣхалъ въ Петербургъ и болѣе на Кавказъ уже не возвращался, а генераль Филипсонъ, назначенный въ сенаторы, тоже выбылъ въ Россію. Временно исправляющимъ должность главнокомандующаго кавказскою арміею назначень былъ вк. Орбеліани, начальникомъ же его штаба—свиты е. в. генераль-маіоръ Карцевъ.

Отправивъ въ Тифлисъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ въ Кубанской области, за послѣднее время, гр. Евдокимовъ тотчасъ же приступилъ къ составленію новаго проекта заселенія западнаго Кавказа христіанскими жителями. Проектъ этотъ былъ сходенъ съ тою системою переселеній, которая практиковалась уже за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, при устройствѣ военно-грузинской дороги и линій: Сунженской и Лабинской; съ нею казаки были уже знакомы, и она не являлась для нихъ столь раззорительною, какъ переселеніе цѣлыми полками.

Подъ ближайшимъ надзоромъ графа новый проектъ положенія о заселеніи предгорій западнаго Кавказа былъ разработанъ генераломъ Забудскимъ ¹⁾ и подполковникомъ Кравцовымъ ²⁾ въ теченіи одной недѣли; затѣмъ отправлено въ Тифлисъ, а оттуда, съ фельдъегеремъ, въ Петербургъ.

По прошествіи полутора мѣсяца, уже въ іюлѣ того же 1861 года, присланъ былъ изъ Петербурга, прямо въ Ставрополь, на

¹⁾ Начальникъ штаба Кубанской области.

²⁾ Дежурный штабъ-офицеръ Кубанскаго казачьяго войска.

имя гр. Евдокимова, именной высочайшій рескриптъ, въ которомъ, въ главныхъ чертахъ, одобрялась представленная имъ система переселеній и повелѣвалось привести ее въ исполненіе, причѣмъ переселяемымъ пожаловано было пособіе на новое водвореніе болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго, а именно, вмѣсто 71 р. по 150 р. на каждое семейство.

Для выслушанія этого высочайшаго повелѣнія, были собраны 1 августа, въ станицу Михайловскую (близъ Ставрополя), депутаты отъ шести линейныхъ казачьихъ бригадъ; тамъ же собралось много казаковъ изъ окрестныхъ станицъ. Послѣ торжественнаго богослуженія и благодарственнаго молебствія, гр. Евдокимовъ вышелъ къ депутатамъ и лично обносилъ предъ ними высочайшій рескриптъ, приглашая грамотныхъ казаковъ удостовѣриться въ собственноручной подписи государя. Затѣмъ онъ передалъ подлинный рескриптъ помощнику своему по управленію кубанскимъ казачьимъ войскомъ, генералу Иванову, и торжество завершилось угощеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря уму и прирожденному такту Николая Ивановича, а также его внимательности къ нуждамъ и условіямъ быта мѣстнаго населенія, всѣ эти замѣшательства кончились вполне благополучно. Дѣло колонизаціи—вопреки возникшимъ по временамъ затрудненіямъ—пошло удовлетворительно; а по мѣрѣ успѣховъ войскъ и отгѣсненія черкесовъ въ горы переселеніе стало приобрѣтать все болѣе и болѣе обширные размѣры.

Одновременно съ работами по устройству колонизаціи въѣреннаго ему края, гр. Евдокимовъ долженъ былъ зорко наблюдать и затѣмъ, чтобы занятія и дѣйствія войскъ велись сообразно общему плану и служили подготовкою для прочнаго устройства новыхъ поселеній.

По прибытіи подкрѣпленій съ восточнаго Кавказа, военныя силы, сосредоточенныя въ Кубанской области, достигли весьма крупныхъ размѣровъ; онѣ раздѣлялись на нѣсколько отрядовъ, часто перемѣнявшихъ свой составъ (согласно измѣненію условій

¹⁾ Кравцовъ. «Кавказъ и его военачальники», «Русская Старина», изд. 1886 г., томи I, LI.

ихъ дѣтельности) и принимавшихъ названіе, обыкновенно, отъ той мѣстности, или отъ того племени, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать; такъ, были отряды: мало-Лабинскій, Адагумскій, Даховскій, Шапеугскій и др. Каждому изъ нихъ гр. Евдокимовъ намѣчалъ особую работу; но общность всѣхъ этихъ работъ велась гармонически, къ одной конечной цѣли—очищенію сѣверо-западныхъ горъ, предгорій и лѣсныхъ тущобъ отъ мѣстнаго населенія, которому затѣмъ предоставлялось или перебираться на открытую прикубанскую плоскость, подъ нашъ ближайшій надзоръ, или же выселаться въ Турцію. На очищенной, такимъ образомъ, мѣстности, въ пунктахъ, по возможности соединявшихъ въ себѣ стратегическія и хозяйственныя выгоды, возводились руками войскъ укрѣпленные посты и станицы постепенно занимаемая переселенцами, какъ изъ линейныхъ казаковъ, такъ и изъ крестьянъ ближайшихъ мѣстностей Россіи. Къ этой конечной цѣли гр. Евдокимовъ шелъ систематично, но неуклонно—до самаго завершенія кавказской борьбы. Съ 1861 года войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Закубань, пришлось, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, вести непрерывно кочевую походную жизнь и распротирься съ сколько нибудь продолжительными отдыхами въ штабъ-квартирахъ ¹⁾).

¹⁾ Условія быстрого покоренія западнаго Кавказа требовали присутствія войскъ въ неприятельской странѣ въ теченіи круглаго года; готовыхъ квартиръ въ странѣ не было, такъ какъ горцы, оставляя аулы, жгли обыкновенно всѣ свои постройки. Такія условія этой своеобразной горной войны заставляли держать войска въ палаткахъ круглый годъ, и въ палиціи зной, и въ зимнюю стужу. Войсковые начальники не разъ пытались упрашивать графа пускать войска въ ближайшія станицы, хотя поочередно; но графъ никогда не соглашался на такую мѣру, какъ потому, что того не позволяли условія войны; такъ, главнымъ образомъ, оттого, что люди, перемѣщенные среди зимы изъ палатокъ въ дома, повально заболѣвали тифомъ сами и заражали мѣстное населеніе. Это забытое правило не было-ли одною изъ главныхъ причинъ сильнаго развитія тифозной эпидеміи среди войскъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднюю войну на мало-азійскомъ театрѣ. Самъ графъ, возвращаясь пѣзъ зимнихъ походовъ въ Ставрополь, съ перваго ночлега подъ домовою крышею, до приѣзда въ свое ставропольское помѣщеніе, останавливался въ неотапливаемыхъ домахъ, а если таковыхъ не находилось, то, зная привычки графа, въ пунктахъ его ночлеговъ, въ приготовляемыхъ для него помѣщеніяхъ, заранѣе отрывались окна. Даже по возвращеніи въ Ставрополь изъ зимнихъ экспедицій, его половина держалась съ открытыми трубами и форточками около недѣли времени. Такое распоряженіе графомъ своими личными помѣщеніями

Военныя дѣйствія въ западной части Закубанья велись безъ всякой замаскировки; какъ уже сказано, шапсуги, обитавшіе тамъ, были открыто намъ враждебны, и съ ними стѣсняться было не для чего. Такой же системы можно было держаться и относительно мелкихъ разбойничьихъ обществъ: бесленеевцевъ, шахгиреевцевъ, визильбековцевъ и др.; но съ многочисленнымъ племенемъ абадзеховъ, которые считали себя обезпеченными предшествовавшимъ заявленіемъ покорности и нѣкотораго рода условіями, которыя заключилъ съ ними генераль Филиппсонъ, надо было держать себя, на первое время, что называется, политично. Хотя не было почти сомнѣнія въ томъ, что они принимали участіе въ хищничествахъ, производимыхъ на нашей линіи, но явнаго сопротивленія войскамъ, работавшимъ въ среднихъ частяхъ рѣкъ—Бѣлой и Лабы, они сначала не оказывали. Постепенное вдвиженіе русскихъ поселенцевъ въ ихъ край стало, однако, сильно беспокоить абадзеховъ, и все болѣе и болѣе усиливалась между ними рѣшимость противудѣйствовать этому всѣми силами и средствами. Рѣшимости этой не мало содѣйствовали происки заграничныхъ агентовъ, высаживавшихся на черноморскомъ побережьѣ, а также подстрекательства убыховъ, жившихъ по этому побережью, за главнымъ хребтомъ кавказскихъ горъ, и вѣроятно предвидѣвшихъ, что и до нихъ доберется русская рука.

Въ іюнѣ 1861 г. прибыло на восточный берегъ Чернаго моря, изъ Константинополя, тайное посольство въ составѣ трехъ лицъ: капитана турецкой службы, Смеля (родомъ убыха), Эффенди-Галана (родомъ шапсуга) и еще какаго-то англичанина. Они привезли посланіе къ народамъ „адыге“¹⁾, въ которомъ, объявляя себя уполномоченными отъ Англіи, Франціи и Турціи, увѣряли, что правительства названныхъ государствъ общаются всѣмъ черкесамъ свое покровительство отъ притѣсненій Россіи, и что они силою оружія заставятъ ее признать ихъ независи-

вызывалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, переходя быстро изъ холодныхъ къ теплымъ помѣщеніямъ, получаютъ насморки, что вызывало у графа сильныя страданія, вслѣдствіе двухъ пухлыхъ ранъ въ лицо, недалеко отъ носовой полости. (Изъ воспоминаній офицера ген. штаба, служившаго при графѣ Евдокимовѣ въ Кубанской области).

¹⁾ Этими общимъ именемъ назывались всѣ горцы сѣверо-западнаго Кавказа.

мость, если только черкесы, съ своей стороны, соединять свои усилія и составлять общій союзъ для войны съ нами. Посольство это обѣщало удостовѣрить свои полномочія письменными документами.

Горцы, вообще легковѣрные, а въ данное время находившіеся еще въ особенно возбужденномъ состояніи, конечно, съ радостію ухватились за такую приманку. Абадзехи, недавно еще заявлявшіе намъ покорность, немедленно собрали народную сходку. Старшины ихъ, послѣ долгихъ совѣщаній и пререканій со старшинами убыхскими и шапсугскими, наконецъ, успѣли, совмѣстно съ ними, учредить центральное управленіе надъ „великимъ черкесскимъ народомъ“, и хотя власть этого управленія надъ народомъ имѣла весьма неопредѣленный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, оно заявило о своемъ существованіи, сперва начальнику Абадзехскаго отряда, полковнику Лихутину, а потомъ и самому начальнику края. Отъ перваго изъ нихъ старшины дерзко и съ угрозами требовали, чтобы онъ прекратилъ разработку дорогъ, чтобы возвратилъ выселенныхъ незадолго передъ тѣмъ бесленевцевъ на прежнія мѣста и отвелъ войска, выдвинутыя за р. Ходзь. Требованіе это, конечно, было отвергнуто; но старшины не унимались, и когда пріѣхалъ въ отрядъ гр. Евдокимовъ, они нѣсколько разъ являлись къ нему, сначала съ угрозами, а потомъ съ просьбами, чтобы войска не входили въ земли покорныхъ абадзеховъ, не прокладывали тамъ дорогъ и просѣкъ, потому-де, что они только на этихъ условіяхъ принесли покорность государю.

Графъ, отлично зная съ кѣмъ имѣеть дѣло, объявилъ абадзехамъ, что они первые нарушили данныя ими обѣщанія: 1) заключеніемъ союза съ нашими врагами, шапсугами и убыхами, 2) разбоями, совершаемыми въ нашихъ предѣлахъ, и, наконецъ, 3) тѣмъ, что вопреки условіямъ покорности удерживаютъ у себя нашихъ плѣнныхъ и укрываютъ бѣглыхъ. Теперь — заключилъ онъ — вы должны принести дѣйствительную покорность и оставить самую мысль о возможности быть только нашими мирными сосѣдями; для доказательства искренней покорности вы должны принять то управленіе и то начальство, которое надъ вами будетъ поставлено, и оказывать ему полное повиновеніе; затѣмъ — выдать всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ и поселиться на тѣхъ мѣстахъ, какія будутъ вамъ указаны.

Такой ультиматумъ сильно озадачилъ абадзеховъ; однако, они и тутъ еще не потеряли всякой надежды и просили дать имъ возможность отправить своихъ депутатовъ въ Петербургъ, для удостовѣренія, что помянутыя требованія предъявлены имъ съ вѣдома государя. Если — говорили они — такова дѣйствительно его воля, то мы примемъ мѣры для того, чтобы устроить это дѣло согласно нашимъ выгодамъ: одни изъ насъ уйдутъ въ Турцію, другіе исполнять приказанія начальства, остальные, назо-нецъ, которые не захотятъ ни того, ни другаго, будутъ оружіемъ защищать свою землю.

На поѣздку депутатовъ въ Петербургъ Николай Ивановичъ согласія не далъ, но разрѣшилъ имъ отправиться въ Тифлисъ, чтобы тамъ услышать отъ кн. Орбеліани подтвержденіе своихъ требованій. Не видя другаго исхода, абадзехи помирились на поѣздкѣ въ Тифлисъ, прося лишь, чтобы до ихъ возвращенія наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ были приостановлены.

Эту просьбу гр. Евдокимовъ согласился исполнить, имѣя въ виду, что поѣздка депутатовъ отсрочитъ непріязненныя дѣйствія горцевъ, къ которымъ они уже совершенно приготовились. Такою отсрочкою онъ рассчитывалъ воспользоваться, чтобы безъ всякой помѣхи кончить только что начатую постройку станицъ: Губской и Промежуточной, до окончанія которыхъ нельзя было предпринять дальнѣйшаго наступленія къ западу отъ укрѣпленія Хамветы, гдѣ стояли главныя силы нашего Абадзехскаго отряда. Сверхъ того, можно было воспользоваться этимъ временемъ, чтобы довершить начатую уже просьбу сквозь дремучій лѣсъ на правомъ берегу р. Фарса — просьбу, по которой должно было открыться сообщеніе Нижне-Фарсской станицы съ новою Хамкетинскою линіею.

Къ 16-му іюля трое горскихъ старшинъ (по одному отъ cadaго племени) прибыли въ Тифлисъ; но тамъ услышали то же, что и отъ гр. Евдокимова. Видя, что дѣло ихъ не выгораетъ, они вздумали было увѣрять, что сожалеютъ о прошедшихъ своихъ провинностяхъ передъ нами, но что теперь, установивъ общій между собою союзъ, они желаютъ заключить и общій миръ съ русскими. Тогда кн. Орбеліани, понимая, что союзъ этотъ заключенъ вовсе не для принесенія общей намъ покорности, а для соединенныхъ противъ насъ дѣйствій, однимъ словомъ — что горцы

хотять его провести, рѣшительно объявилъ депутатамъ, что не имѣеть права перемѣнять высочайшей воли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оттянуть начало военныхъ дѣйствій до того времени, пока гр. Евдокимовъ успѣеть закончить къ нимъ всё приготовленія, а въ особенности—до отъѣзда государя, который намѣревался прибыть на Кавказъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, — кн. Орбеліани сообщилъ депутатамъ объ ожидаемомъ посѣщеніи Кубанской области самимъ монархомъ и обнадежилъ ихъ возможностью представиться ему. Депутаты съ радостію ухватились за эту надежду ¹⁾).

Обо всемъ происшедшемъ кн. Орбеліани сообщилъ въ Петербургъ, управлявшему военнымъ министерствомъ, для доклада государю императору. Такъ какъ донесеніе это уже не застало государя, уѣхавшаго въ Крымъ, то генераль-адъютантъ Милютинъ отправилъ туда всё полученныя изъ Тифлиса бумаги, присоединивъ къ нимъ собственную записку, служащую нагляднымъ указаніемъ на то, какъ истинно-государственные люди смотрѣли, въ описываемое время, на наши отношенія къ горцамъ сѣверо-западнаго Кавказа и какой системы слѣдовало относительно ихъ держаться.

Вотъ эта любопытная записка:

„Долговременный опытъ уже достаточно научилъ насъ, какъ мало существеннаго значенія могутъ имѣть всякіе переговоры и договоры съ горскими народами, и какъ отличаются ихъ понятія о заключеніи мира отъ нашихъ требованій принесенія покорности. Въ этомъ отношеніи племена западнаго Кавказа еще менѣе чѣмъ другіе могутъ подчиниться какому-либо договорамъ. Если бы даже и въ самомъ дѣлѣ составился между ними союзъ, то и въ такомъ случаѣ племена эти слишкомъ привыкли къ независимости и разрозненности, слишкомъ мало знакомы съ гражданскимъ устройствомъ и властію, чтобы можно было полагаться на дѣйствительную съ ихъ стороны покорность.

„Слѣдовательно, по моему убѣжденію, прибытіе теперь депутации отъ такъ называемыхъ черкесскихъ племенъ не можетъ имѣть никакихъ результатовъ. Фактъ этотъ имѣеть одно лишь то значеніе, что явно обнаруживаетъ безвыходное положеніе,

¹⁾ Воен. учен. архивъ, отд. 2, № 6615.

въ которое поставлены нынѣ племена западнаго Кавказа въ виду грознаго наступленія на нихъ нашихъ казачьихъ поселеній. Горцы видятъ близкій и неминуемый конецъ вѣковой борьбы; они чувствуютъ, что вскорѣ могущественное казачье населеніе совсѣмъ задавитъ ихъ. Они дѣлаютъ послѣднее усиліе соединиться противъ насъ и, прежде чѣмъ поднять еще разъ оружіе, дѣлаютъ попытку приостановить напоръ нашъ. До меня дошли свѣдѣнія, будто мысль объ образованіи союза внушена черкесамъ владѣтелемъ Абхазіи, княземъ Шервашидзе, котораго постоянная политика состояла въ томъ, чтобы отдалить развязку борьбы нашей съ горцами. Переговоры въ настоящее время не могутъ имѣть другой цѣли, какъ только задержать ходъ нашего завоеванія. Быть можетъ даже есть при этомъ тайный расчетъ—протянуть борьбу до новой Европейской войны, ожидаемой съ нетерпѣніемъ нашими врагами, внѣшними и внутренними“.

„По всѣмъ этимъ соображеніямъ смѣю думать, что прибытіе черкесской депутаціи и миролюбивыя ея завѣренія не должны имѣть ни малѣйшаго вліянія на исполненіе нашего плана дѣйствій въ западномъ Кавказѣ. Мы должны настойчиво продолжать заселеніе края казаками, ибо не могу отступить отъ своего всегдашняго убѣжденія, что только вытѣснивъ туземцевъ изъ горъ и занявъ ихъ мѣста казаками можемъ прочно утвердиться въ краѣ, водворить въ немъ спокойствіе и не опасаться уже потерять Кавказъ при первомъ разрывѣ съ морскими державами“.

На всеподданнѣйшей запискѣ этой, рукою генералъ-адъютанта гр. А. В. Адлерберга надписано: „Вполнѣ одобрено его величествомъ. Но на представленіе упоминаемой въ отношеніи ген.-ад. кн. Орбеліани депутаціи, во время предстоящаго пребыванія государя императора на Кавказѣ, его величество согласенъ.—Ливадія, 5 сентября 1861 г.“¹⁾

11-го сентября 1861 г. императоръ Александръ II, высадившись въ Тамани, посетилъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, укрѣпленіе Григорьевское, Усть-Лабу, Майкопъ и лагери отрядовъ

¹⁾ Воен. Учен. архивъ, отд. 2, № 6615.

близъ Хамкетовъ и станицы Царской, гдѣ, во время остановки на урочищѣ Мамрюкъ-очай, гр. Евдокимовъ (18-го сентября) докладывалъ ему свой планъ покоренія западнаго Кавказа. Узнавъ, что Николай Ивановичъ распредѣлилъ военныя дѣйствія на пять лѣтъ, государь замѣтилъ, что наврядъ ли западныя державы дадутъ ему столько времени для окончанія его задачи.

На замѣчаніе это графъ отвѣтилъ, что сказанный срокъ онъ назначилъ лишь въ виду могущихъ встрѣтиться препятствій; но что онъ надѣется кончить равнѣе, хотя теперь и не можетъ съ точностію опредѣлять время окончанія войны. Изложивъ затѣмъ разныя соображенія свои, онъ присовокупилъ:

„Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, что, по окончаніи войны, на войска, ее довершившія, нельзя уже будетъ разсчитывать, — потому что всѣ силы ихъ пойдутъ на завершеніе дѣла, и они окажутся неспособными къ продолженію службы“.

При этихъ словахъ государь порывисто всталъ и воскликнулъ: „Что ты говоришь, Николай Ивановичъ! Вѣдь это ужасно!“

„Государь,—отвѣтилъ гр. Евдокимовъ,—я полагаю лучшимъ и болѣе выгоднымъ потерять на это одно нынѣшнее поколѣніе, чѣмъ затанувъ медленными дѣйствіями войну, терять постепенно, — какъ это дѣлалось до послѣдняго времени, — ежегодно значительныя силы, не достигая конечной цѣли“.

„Ну, будь по твоему!“ печально сказалъ государь.

При этомъ же докладѣ государь затронулъ вопросъ о бывшихъ беспорядкахъ въ 1-мъ Хоперскомъ полку. На это графъ заявилъ, что считаетъ себя виновнымъ въ нихъ и не можетъ себѣ этого простить, ибо, будучи уроженцемъ той мѣстности и зная хорошо бытъ казаковъ, онъ все таки поддался удобному предложенію о переселеніи одновременно цѣлыми полками, не вникнувъ ближе въ интересы переселенцевъ ¹⁾.

Какъ бы ни судить о взглядахъ гр. Евдокимова, но вышеприведенныя бесѣды (подтверждавшіяся присутствовавшими при оныхъ лицами), во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что Николай Ивановичъ, въ случаѣ надобности, не стѣснялся безъ оговорокъ высказывать горькія вещи даже самому монарху, — а также

¹⁾ Кравцовъ. «Кавказъ и его военачальники». («Русская Старина» 1886 г., томы L, LI).

и то, что онъ не старался выгораживать себя тамъ, гдѣ считалъ себя виновнымъ, и не сваливалъ — какъ то дѣлаютъ многіе — вину на другихъ.

Объѣздъ государемъ Кубанской области продолжался десять дней; 21-го сентября послѣдовало отбытіе его изъ Суджукской (нынѣ Новороссійской) бухты въ Поти, на пароходъ „Тигръ“. Во время объѣзда страны ему представлены были и вышепомянутые горскіе депутаты; но отвѣтъ на ихъ представленія послѣдовалъ въ томъ же духѣ, какъ и прежніе.

Гр. Евдокимову государь выразилъ отмѣнное вниманіе и оказалъ ему новые знаки высочайшей милости. Въ виду бездѣтности Николая Ивановича, онъ повелѣлъ передать графскій титулъ и фамилію Евдокимова мужу племянницы послѣдняго, начальнику штаба войскъ Дагестанской области, полковнику Доливо-Добровольскому. Объ этой высочайшей волѣ ген. адъютантъ гр. Адлербергъ тогда же сообщилъ управлявшему министерствомъ юстиціи ¹⁾. Кромѣ того, пожаловано было графу 7 т. десятинъ земли въ Кубанской области.

Одновременно съ симъ, въ виду предстоявшихъ графу обширныхъ и многосложныхъ трудовъ въ Кубанской области, онъ освобождался отъ завѣдыванія областію Терскою, куда былъ назначенъ особый начальникъ.

По отбытіи государя, гр. Евдокимовъ первымъ долгомъ счелъ писать своему неизмѣнному покровителю, кн. Барятинскому, который хотя и оторванъ былъ отъ Кавказа жестокою болѣзнію, но не переставалъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдать за всѣмъ, происходившимъ въ странѣ, которой онъ былъ обязанъ своею громкою славою, и главнымъ правителемъ коей онъ все еще продолжалъ считаться.

25 сентября 1861 г. графъ писалъ ему:

„Долгомъ считаю доложить в. с—ву, что государь императоръ, удостоивъ посѣщеніемъ часть Кубанской области, по прилагаемому при семъ маршруту, остался вполне доволенъ какъ войсками, такъ и исполненіемъ предначертаній вашихъ касательно покоренія края. Его величество изволилъ принимать въ

¹⁾ См. Приложение III.

отрядѣ близъ Хамкетовъ депутацію отъ абадзехъ, шансуговъ и убыховъ и объявить имъ, что тѣхъ, которые, при безусловной покорности, выполнятъ требованія кавказскаго начальства, приказано надѣлать землю и обезпечить будущее благосостояніе (ихъ) наравнѣ съ другими мусульманскими подданными е. в—ва. Вообще государь былъ весьма милостивъ и благосклоненъ къ тѣмъ недостаткамъ, которые не могли не быть замѣтны въ нашихъ войскахъ и въ краѣ при внезапной встрѣчѣ совершенно неожиданнаго счастья—увидѣть государя въ отдаленной нашей странѣ. Зато же, все войско и весь народъ, видѣвшій здѣсь своего царя, торжествуетъ день свиданія съ невыразимою радостью и благоговѣніемъ.

„Его в—ву понравились мѣста, заселенныя нашими станицами.

„Моего собственнаго счастья я не умѣю выразить достойнымъ образомъ. Государь, все время своего путешествія по Кубанской области, удостоивалъ меня благосклонности, какой я не смѣлъ и ожидать: объявилъ о передачѣ графскаго достоинства моей племянницѣ и о пожалованіи 7-ми т. десятинъ мнѣ. Я знаю, кому обязанъ за всѣ эти милости, и употребляю всѣ силы быть достойнымъ оказываемаго мнѣ вниманія. Покорнѣйше прошу в. с—во вѣрить этому чувству и безграничной къ вамъ преданности“.

Письмо это, повидимому, застало кн. Барятинскаго уже въ Дрезденѣ, откуда онъ, 29 октября, отвѣчалъ слѣдующее:

„Дайте мнѣ обнять васъ, передъ отъѣздомъ моимъ на югъ, любезный графъ Николай Ивановичъ, поздравить васъ съ новыми царскими милостями, столь достойно вами заслуженными, и благодарить васъ за отличное состояніе войскъ и края, удостоившихся представленія государю императору. Вниманіе его величества обозначилось великими милостями его. Я остаюсь въ полной надеждѣ, любезный графъ, что вы съ новыми силами будете подвизаться на блистательномъ поприщѣ вашемъ и удостоитесь еще новыхъ отличій.

„Я выѣзжаю надняхъ, съ положительною увѣренностію возстановить свое здоровье нынѣшнею зимою и вернуться на Кавказъ не позже апрѣля мѣсяца. Вы къ тому времени могли бы встрѣтить меня въ Поти, прибывъ туда на пароходѣ. Въ вашемъ

лицѣ олицетворяется для меня большая часть Кавказа. Вы были героемъ Дагестана и Лѣваго крыла, — теперь предстоитъ вамъ, до совершеннаго успокоенія вашего, еще украситься лаврами окончательнаго покоренія Праваго крыла. Въ твердой надеждѣ на это остаюсь вамъ преданный кн. Барятинскій ¹⁾“.

Надежды эти гр. Евдокимову суждено было снова и блистательно оправдать.

Приложеніе № I.

Извлеченіе изъ записки, поданной Великому Князю Михаилу Николаевичу генералъ-лейтенантомъ М. Т. Лорпесъ-Меликовнмъ, о состояніи Терской Области.

«Настоящее тревожное и неопредѣленное положеніе Чеченскаго населенія, самаго значительнаго по числу изъ всѣхъ туземныхъ племенъ Терской области и самаго безпокойнаго, заставляющее опасаться новыхъ безпорядковъ и новыхъ съ нашей стороны усилій, произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе тѣхъ крайне противоположныхъ системъ управленія, которыя область испытала въ непродолжительный проежуттокъ времени.

По завоеваніи восточнаго Кавказа и взятіи Шамши, чеченское населеніе лишилось опоры противъ нашего владычества и нѣкоторое время находилось въ неопредѣленномъ положеніи. Повидному, оно покорилось навсегда, но въ сущности этой покорности не было, т. е. не было въ народѣ этотъ убѣжденія, что власть Шамши неизбѣжно должна замѣниться нашею. Это выразилось тѣмъ, что нѣкоторые аулы чеченскаго племени, даже когда покорился весь Дагестанъ, не теряли какой-то смутной надежды избѣгнуть той-же участи и сложили оружіе только тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлалось бесполезнымъ. Бывшій въ то время начальникомъ области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, отъ котораго не скрылось это настроеніе Чечни, видѣлъ ясно, что населеніе ея требуетъ всетаки многихъ энергическихъ мѣръ, безъ которыхъ трудно упрочить окончательное спокойствіе въ области. Поэтому онъ принялъ систему, которая обуславливалась самыми свойствами чеченскаго населенія.

Первобытное демократическое устройство чеченскаго племени, не ужисавшееся ни съ какимиъ понятіемъ о правѣ одной постоянной власти, стало даже Шамши въ необходимость управлять имъ только посредствомъ страха

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

и періодическихъ казней лицъ, шедшихъ противъ его вліянія. Наслѣдовать такой образъ управленія мы не могли, а потому, чтобъ поставить чеченцевъ въ то положеніе, въ которомъ должны находиться побѣжденные къ побѣдителямъ и подданные къ законной власти, графъ Евдокимовъ не видѣлъ другаго средства, кромѣ того, чтобъ дѣйствовать противу чеченцевъ, какъ бы они вовсе намъ не покорялись, т. е. онъ рѣшился, такъ сказать, завоевать Чечню во время мира. Для этого онъ счелъ необходимымъ стѣснить туземное населеніе, вывести его изъ предгорій и поселить горцевъ или на открытой мѣстности малой Кабарды, или же воспользоваться тогдашнимъ движеніемъ мусульманъ на Кавказѣ и перевести ихъ въ Турцію, чтобъ этимъ средствомъ избавить область отъ безпокойнаго населенія, съ которымъ онъ не видѣлъ иного средства справиться. Земли же, которыя должны были оставаться свободными, за уходомъ населенія, имѣлось въ виду отвести подъ поселеніе 2-го Владикавказскаго полка или оставить ихъ пустыни.

Едва предположенія эти начались приводиться въ исполненіе, какъ тотчасъ-же встрѣтили сопротивленіе со стороны народа. Чеченцы поняли къ чему клонятся эти мѣры, и сознание ожидавшей ихъ будущности побудило ихъ къ противодѣйствію всѣми силами. Большая часть горцевъ, на которыхъ рассчитывали, что они уйдутъ въ Турцію,—остались. Между тѣмъ ихъ земли были уже отданы другимъ, которые, въ свою очередь, должны были очистить мѣста для казаковъ. Это обстоятельство еще болѣе увеличло уже возникшія затрудненія. Нѣкоторые, какъ напримѣръ карабулаки, не хотѣли вовсе оставить своихъ ауловъ и были готовы къ открытому сопротивленію. Затѣмъ обнаружались безпорядки въ Аргунскомъ ущельѣ и Ичкеріи. Появились значительныя шайки, сообщенія сдѣлались не безопасными, и все чеченское населеніе стало въ положеніе, грозившее общимихъ возстаніемъ.

Когда дѣла приняли такой оборотъ, то, чтобъ достигнуть предположенной цѣли прежнимъ путемъ, нужно было сломить во что бы то ни стало сопротивленіе народа. Это повлекло бы къ новой, быть можетъ, продолжительной борьбѣ, которая, безъ сомнѣнія, кончилась бы въ нашу пользу и навсегда бы ужъ рѣшила вопросъ окончательнаго успокоенія Терской области. Мы хотя и съ пожертвованіями, но достигли бы цѣли, ослабивъ племя, которое признано было мало способнымъ войти въ составъ государства и стать въ ряды его подданныхъ.

Но восточный Кавказъ считался покорнымъ, и опасенія, чтобъ возникшіе безпорядки не были приняты за слѣдствіе нашихъ собственныхъ ошибокъ, принудили измѣнить принятую систему. Она остановилась на половинѣ дороги и графъ Евдокимовъ былъ отозванъ въ Кубанскую область, дѣла которой поглотили всю его дѣятельность. Помощникъ его, генеральъ Кемпфертъ, хотя и дѣйствовалъ въ военномъ отношеніи удачно, но не былъ въ состояніи выполнить окончательно предначертанія графа и привести туземное

населеніе въ желаемое положеніе. Къ тому же, опасеніе продолжительныхъ безпорядковъ въ части Кавказа, которая была объявлена покорной, невыгода усилить Турцію приливомъ свѣжаго населенія и иныя, что чеченцы, при гуманномъ обращеніи, могутъ измѣнить свои вѣковыя хищническія привычки и изъ полудикаго народа сдѣлаться со временемъ гражданами, восторжествовали.

Графъ Бвдокимовъ окончательно устранился отъ вмѣшательства въ дѣла Терской области и передалъ ее князю Мирскому, который, на основаніи убѣжденій въ возможности успокоить Чечню другими мѣрами, принялъ немедленно совершенно обратный образъ дѣйствій».

Описавъ затѣмъ систему дѣйствій кн. Святополкъ-Мирскаго и ея послѣдствія, ген.-лейт. Лорисъ-Меликовъ замѣчаетъ: «Если бы предположенія графа Бвдокимова не были остановлены на половинѣ ихъ исполненія и дѣю умиротворенія Чечни, начатое имъ въ извѣстномъ направленіи, не испытаю крутого переворота, въ послѣднее время, то, продолжая его образъ дѣйствій быть можетъ, пришли бы къ окончательнымъ результатамъ». (Архивъ гр. Бвдокимова, № 24).

Приложеніе № II.

Записка свиты Е. И. В. ген.-маіора Карцова.

«Покореніе восточной части Кавказа совершенно столь блестящимъ для нашего оружія образомъ и среди обстоятельствъ столь необычайныхъ, что повторенія ихъ на правомъ крылѣ ожидать невозможно. Народы восточнаго Кавказа были утомлены и доведены до крайности, какъ успѣхами оружія, такъ и деспотизмомъ имама, ими управлявшаго. Успѣхи наши, казалось, должны были бы убѣдить ихъ въ невозможности намъ противиться, а деспотическая власть Шамиля съ одной стороны приучила ихъ къ повинновенію, съ другой, казалось бы, должна была показать имъ всю выгоду перехода подъ власть правительства несравненно болѣе кроткаго, заботливаго и не требующаго отъ нихъ ничего, кромѣ жизни мирной и заботъ о собственномъ ихъ благосостояніи. Не смотря на это, край, намъ покорившійся, не можетъ быть названъ вполне мирнымъ. До совершеннаго умиротворенія его пройдутъ еще многіе годы и вѣроятно не разъ придется намъ прибѣгать къ вооруженной силѣ, къ дѣйствіямъ, которыя хотя и не будутъ требовать особенныхъ жертвъ и усилій столь напряженныхъ, какъ въ прѣжнее время, но заставятъ насъ еще долго держать тамъ войска на военной ногѣ, въ готовности къ мгновенному дѣйствию. Такое положеніе, хотя и не совсѣмъ для насъ выгодное, не можетъ быть названо опаснымъ, потому что никто изъ вѣншихъ враговъ нашихъ не можетъ подать руки помощи этимъ народамъ и возбудить ихъ къ общему единодушному противъ насъ возстанію.

Совершенно въ иномъ положеніи находится западная часть Кавказскаго населенія. Значительное число непокорнаго ея населенія еще не испытало нашихъ ударовъ, никакая власть не тяготѣла надъ нимъ и не приучила ее ни къ какому повиновенію, ни къ какому понятію объ общей верховной власти, слѣдовательно ничто не заставляетъ этихъ горцевъ желать подчиненія русскому правительству. Съ другой стороны, и такая покорность, какую мы приняли отъ народовъ восточной части, здѣсь, на западѣ, для насъ недостаточна. Тамъ, на востокѣ, мы рассчитываемъ мало по малу усилить край, дѣйствуя постепенно, мѣрами кроткими и употребляя оружіе только въ крайности, для наказанія. Здѣсь на это мы рассчитывать не должны. Допустимъ, что всѣ народы этого края принесутъ намъ теперь покорность безусловную: примутъ нашихъ начальниковъ, поселятся большими аулами. на мѣстахъ, нами указанныхъ, но останутся на земляхъ, которыя теперь занимаютъ. Можно ли надѣяться, чтобы покорность эта была продолжительна и чтобы при первой внѣшней войнѣ, съ появленіемъ непріятеля на Черномъ морѣ, особенно если въ войнѣ будетъ, хоть дипломатически, замѣшана Турція, население это не возстало противъ насъ? Помогутъ ли намъ тогда наши крѣпости, полковыя штабъ-квартиры и даже дороги, проложенныя къ важнѣйшимъ пунктамъ горнаго населенія? Конечно, нѣтъ. Горцы бросятъ свои аулы, снова разсыплются по ущельямъ (здѣсь всюду удобнымъ для заселенія) и мы не только не въ силахъ будемъ отдѣлать отъ войска Кубанской области какія либо части противъ внѣшняго непріятеля, но должны будемъ усиживать ихъ или, подобно тому, какъ было въ прошедшую войну, будемъ вынуждены бросить всѣ укрѣпленія, до войны нами построенныя, а по окончаніи войны снова начинать сомнительное покореніе. Вынудить народы западной части Кавказа къ покорности гораздо легче, нежели было, сдѣлать это въ восточной части: горы здѣсь гораздо доступнѣе, теченіе рѣкъ даетъ возможность отрѣзывать послѣдовательно одну часть края за другою и постепенно стонать все населеніе въ уголь между Чернымъ моремъ и Кубанью, а отсутствіе центральной власти лишаетъ ихъ возможности противопоставить намъ совокупныя усилія. Но такой покорности, какую принесли намъ абадзехи и даже натухайцы, намъ здѣсь недостаточно; вмѣстѣ съ принятіемъ покорности мы должны отнять у этихъ народовъ всякую возможность возстанія, не только въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но и во время войны нашей противъ внѣшнихъ непріятелей. Что же нужно сдѣлать для этого? Исполнить предположеніе, составленное графомъ Евдокимовымъ, т. е. совершенно очистить горную полосу, занять всѣ предгорія и самыя горы, гдѣ окажется выгоднымъ, населеніемъ русскимъ, а горцевъ выселить на равнину и совершенно отдѣлать ихъ отъ горъ и отъ Чернаго моря. Безъ этого какіе бы успѣхи ни одерживали наши войска, какія бы мѣры для управленія покорившимися народами мы ни приняли, еса ихъ покорность будетъ мечта, которая разсѣется при первомъ

выстрѣлъ на Черноѣ морѣ. Если же, вслѣдъ за отрядами нашими, по мѣрѣ того, какъ они начнутъ очищать горы, очищенные мѣста будутъ заселяться казачьими станицами, то покореніе всей западной части Кавказа будетъ и прочно, и столько быстро, сколько правительство дастъ средствъ для заселенія».

Рукою гр. Евдокимова приписано:

«Записка эта написана генераломъ Карцовымъ въ 1860 г., въ отрядѣ близъ с. Хабль, въ зимнюю экспедицію. Я желалъ отъ него этой записки для подкрѣпленія моей мысли о необходимости заселенія всего закубанскаго края русскими—въ чемъ тогда колебалось еще высшее начальство, а Карцовъ готовился занять мѣсто начальника главнаго штаба Кавказской арміи». (Архивъ гр. Евдокимова, № 54).

Приложеніе № III.

Отношеніе гр. Адлерберга управляющему министерствомъ юстиціи, 19 сент. 1861 г., № 765. (Изъ Усть-Лабы).

«Государь императоръ, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ генералъ-адъютанта генералъ-лейтенанта графа Евдокимова, высочайше повелѣть соизволилъ: родной племянницѣ жены его, Аннѣ Ивановнѣ, въ замужествѣ за начальникомъ штаба войскъ Дагестанской области, состоящимъ по артиллеріи полковникомъ Доливо-Добровольскимъ, съ исходящимъ отъ нихъ потомствомъ, передать нынѣ же графское Россійской имперіи достоинство и присоединить къ фамиліи Доливо-Добровольскій фамилію графа Евдокимова.

О высочайшей волѣ этой имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія къ исполненію». (Архивъ гр. Евдокимова, № 96).

И. О.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА XIII¹⁾.

Обнаруженіе комиссіей у нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ въ слѣдствію студентовъ писаній запретнаго и преступнаго содержанія.—Пасквили.—Обыскъ у вольнослушателя Золотова, результаты его и показанія Золотова относительно ихъ.—Обыски у другихъ лицъ и ихъ результаты.—Окончательное рѣшеніе правительства и университетскаго совѣта по дѣлу объ октябрьскихъ студенческихъ безпорядкахъ.

1861—1863 гг.

Одно изъ такихъ показаній, данныхъ слѣдственной комиссіи,— съ которымъ мы уже знакомы, именно показаніе вольнаго слушателя Золотова, по своей рѣзкости тона обратило особенное вниманіе комиссіи...

«Имѣя въ виду» говорится въ ея резолюціи, «что вольный слушатель Золотовъ въ отвѣтахъ своихъ рѣзко выражается о мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства относительно занятія университета военнымъ карауломъ и, вообще, наводитъ своимъ показаніемъ подозрѣніе на дѣятельное участіе въ безпорядкахъ», слѣдственная комиссія «заключила»: для прекращенія вреднаго вліянія на товарищей «подвергнуть Золотова домашнему аресту подѣ строгимъ наблюденіемъ за его дѣйствіями со стороны мѣстной полиціи»²⁾. Но Золотову «подѣ строгимъ наблюденіемъ» въ своей квартирѣ не сидѣлось. Полиціймейстеръ сообщаетъ слѣдственной комиссіи, что Золотовъ «вышелъ изъ дому, не смотря на подписку, имъ данную о невыходѣ». Въ то же

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 557—576; т. LXII, апрѣль, стр. 85—186; июнь, стр. 623—640; т. LXIII, июль, стр. 61—80.

²⁾ Д. с. в. 148.

время сидишь Траубенбергъ представлялъ въ комиссію лоскутокъ пасквиля, сорванный имъ съ фонарнаго столба. А раньше этого военный губернаторъ прислалъ въ слѣдственную комиссію пасквиля, сорванные полиціей съ фонарныхъ же столбовъ. Содержаніе пасквилей, представленныхъ губернаторомъ, оказалось тождественнымъ съ содержаніемъ лоскутка, представленнаго Траубенбергомъ. Вольный слушатель Золотовъ былъ заподозрѣвъ въ фабрикаціи этихъ пасквилей. Поэтому слѣдственная комиссія доставила его показаніе и сравнила его почеркъ съ почеркомъ пасквилей. Было найдено, что почеркъ одинъ и тотъ же. Убѣдившись въ этомъ, слѣдственная комиссія опредѣлила: арестовать Золотова при полиціи и «сдѣлать самый тщательный, при соблюденіи всѣхъ установленныхъ въ заковѣ правилъ, осмотръ бумагамъ въ квартирѣ Золотова, съ цѣлью отыскать въ нихъ все то, что можетъ служить къ обличенію составителя пасквилей и къ разъясненію обстоятельствъ производамаго слѣдствія» ¹⁾. Осмотръ былъ произведенъ 31-го октября полиц. бар. Витте представляетъ въ комиссію «рукописи и тетради, взятые въ квартирѣ вольнаго слушателя Ивана Золотова» ²⁾.

Эти «тетради и рукописи», перечисленные съ подробнымъ объясненіемъ сколько всѣхъ листовъ, сколько чистыхъ страницъ, слѣдующія:

Исторія харьковскаго кружка; Голось изъ Россіи; Стихотвореніе Гаврилада; Что нужно народу; Великоруссь; Другъ мой Саша; Колоколь; Полтора листочка исписанныхъ — mater dolorosa; Александръ Лаврентьевичъ Витберъ — тетрадка въ $\frac{1}{6}$ листа; Давно ни одна книга не производила на насъ такого впечатлѣнія—тетрадка $\frac{1}{8}$ листа на 8 листочкахъ; Названіе статей и сочиненій съ указаніемъ на автора; Церемоніаль о водвореніи на эшафотъ государственныхъ преступниковъ; Къ молодому поколѣнію. Вслѣдъ за этимъ длиннымъ спискомъ сказано: «болѣе ничего не найдено, что симъ и записываю» ³⁾.

Слѣдственная комиссія, получивъ означенныя «рукописи и тетради», привлекаетъ Золотова къ отвѣту, задавъ разные вопросы.

Напримѣръ: «не писали-ли пасквилей?» Онъ отвѣчаетъ отрицательно, потому что «оскорблять человѣка пасквилямъ безчестно». «Поэтому я, заявляеть онъ, пишущій такія (?) слова, что оскорблять человѣка пасквилямъ безчестно, не могъ составить никакого

¹⁾ Д. с. к. 257—258.

²⁾ Тамъ-же, 300.

³⁾ Тамъ-же, 301.

пасквиля». О доскутѣ отвѣтъ тоже отрицательный и въ томъ же духѣ ¹⁾. Относительно найденныхъ у него тетрадей онъ говоритъ: «изъ этихъ тетрадей нѣтъ ни одной, которую бы я самъ составлялъ». Напримѣръ: «Голосъ изъ Россіи», тетрадь въ переплетѣ съ заглавіемъ «Къ молодому поколѣнію» я купилъ на толкучемъ рынкѣ у разнощика» ²⁾. Или вотъ интересная судьба тетради подъ заглавіемъ: «Что нужно народу?» «Разъ вечеромъ, повѣствуетъ Золотовъ, я читалъ журналъ, недалеко отъ меня сидѣлъ какой-то студентъ, тоже читалъ. На его фуражкѣ лежала какая-то свернутая тетрадь, когда онъ пошелъ домой, вѣрно ее и выронилъ, забывъ ее... По уходѣ его я поднялъ съ полу и, прочитавши немного, началъ было списывать, но продолжать не сталъ, потому что она говоритъ противъ освобожденія крестьянъ, что будто крестьяне не освобождены. Начатую тетрадь я положилъ въ карманъ, а ту, съ которой списывалъ, положилъ на окно, гдѣ ее уже не было, когда я пришелъ на завтра въ читальную комнату». Золотовъ найдя тамъ изорванную бумагу, дѣлаетъ догадку: «вѣроятно ее кто нибудь разодралъ на частички»... Что касается тетради «Къ молодому поколѣнію», то Золотовъ ее «купилъ больше изъ-за бѣлой бумаги, какая тутъ есть» ³⁾.

Ему сдѣлали вопросъ: «Почему-же вы собирали тетради, трактующія противъ самодержавія и существующаго строя?» Золотовъ отвѣчалъ: «Я собиралъ эти тетради изъ любопытства». А далѣе говорить о томъ, что если-бъ ихъ позволено было распространить, то и тогда бы не стояло, «потому что онѣ безосновательны, не говорятъ на основаніи чего—то нехорошо, другое—нехорошо» ⁴⁾. Словомъ, Золотовъ о нихъ оказывается «такого мнѣнія, что они пишутся отъ совершеннаго бездѣлья, а авторы ихъ кричатъ и говорятъ потому, что ничего путнаго говорить не могутъ. Это мое искреннее мнѣніе» ⁵⁾, увѣряетъ онъ. Его спросили: не принадлежитъ ли онъ къ тайному обществу? Онъ отвѣчалъ:

— «Къ тайному обществу я не принадлежу. Я пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ, чтобы быть членомъ тайнаго общества и составлять заговоры противъ правительства, котораго благодѣтельныя дѣйствія я вполне цѣню; я пріѣхалъ сюда слушать лекціи; я пріѣхалъ учиться, я чело-
вѣкъ бѣдный, мнѣ ли составлять заговоры, мнѣ-ли, который вполне

¹⁾ Д. с. в. 305.

²⁾ Тамъ-же, 306.

³⁾ Тамъ-же, 307.

⁴⁾ Тамъ-же, 308.

⁵⁾ Тамъ-же, 309.

цѣнить наше правительство, участвовать въ тайномъ обществѣ? Это было бы съ моей стороны низко, подло, клятвопреступно»¹⁾).

Даже Золотовъ сообщаетъ, что онъ знаетъ князя Вяземскаго, «какъ человѣка благороднаго, потому я не могъ рѣшиться на пасквиль». И еще разъ желаетъ убѣдить комиссію въ своей благонамѣренности слѣдующимъ образомъ: «въ тайномъ обществѣ я не могу по убѣжденіямъ моимъ участвовать, у меня нѣтъ ничего тайнаго, нѣтъ недобольства правительствомъ». Такъ, объясняясь съ комиссіей, онъ, наконецъ, приходитъ къ такому выводу: «я теперь, говоритъ онъ, каюсь, что ходилъ къ г. Явншевскому, потому что я много потерялъ черезъ это»²⁾).

Прочитавъ эти благонамѣренныя рѣчи, слѣдственная комиссія опредѣлила заключить его подъ стражу въ тюремный замокъ³⁾).

Во время чтенія «рукописей и тетрадей», найденныхъ у Золотова, слѣдственная комиссія нашла не только то, что большая часть ихъ писана рукою Золотова, но также и то, что въ нихъ попадаются мѣста, почеркъ которыхъ, по ея мнѣнію, походитъ на почеркъ вольныхъ слушателей—Некрасова и Хитрова⁴⁾). Найдя это послѣднее, слѣдственная комиссія заключила: «сообщить казанскому полиціимейстеру, чтобы онъ немедленно распорядился произвести одновременно самый тщательный осмотръ бумагамъ какъ въ квартирахъ вольныхъ слушателей Некрасова и Хитрова, такъ и у студентовъ, квартирующихъ въ домѣ Темникова, съ цѣлью отыскать направленные противъ правительства сочиненія и какія либо въ таковомъ же духѣ воззванія, а также не встрѣтится ли чего либо при осмотрѣ указывающаго на составителей пасквили, наклеенной на уличныхъ фонарныхъ столбахъ». Обыскъ въ квартирѣ Темникова предписано сдѣлать на томъ основаніи, что «изъ показанія вольнаго слушателя Комлева видно, что у студентовъ, квартирующихъ въ домѣ Темникова, заведена читальная комната, гдѣ, какъ надо полагать, также могутъ оказаться подобныя возмутительныя воззванія»⁵⁾).

4-го ноября это новое предписаніе было исполнено: произошелъ осмотръ. Нашли у Николая Малова книгу, подъ заглавіемъ: «Сила и матерія», у дѣвушки Хавроньи Карновой, временно обязанной Слѣпцова, четыре листка «Колокола», переданные ей Слѣпцовымъ, и у бывшаго студента Петра Князинскаго въ чемоданѣ тетрадку,

1) Д. с. к., 308.

2) Тамъ-же, 311.

3) Тамъ-же, 312.

4) Тамъ-же, 317 и 31

5) Тамъ-же, 3

подъ заглавіемъ: «Вопросъ Кавелина о крѣпостномъ правѣ». Донесеніе оканчивается словами: «болѣе-же ничего подозрительнаго не найдено, что сямъ и записывается» ¹⁾. Далѣе у Θεодосія Некрасова найдено: «Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа» и тетрадка—«Сила и матерія»; у Платона Некрасова—тетрадка подъ заглавіемъ: «Всякая всячина» и «Что нужно народу» ²⁾. При обыскѣ окончившій курсъ въ семинаріи Платонъ Некрасовъ оказалъ сопротивление, за что и былъ арестованъ ³⁾.

Все забранное было тотчасъ-же представлено въ слѣдственную комиссію ⁴⁾, которая, разсмотрѣвъ «подозрительныя книги и бумаги» ⁵⁾, постановила привлечь владѣтелей всего этого къ допросу, начавъ его съ Платона Некрасова ⁶⁾. Послѣдній уличилъ брата своего Θεодосія въ томъ, что когда полиціа—ръ прибылъ къ нимъ на квартиру для обыска, Θεодосій сказалъ ему: «возьми изъ сюртука бумаги». Платонъ ихъ взялъ. Θεодосій Некрасовъ отвѣтилъ, что дѣйствительно приведенныя слова сказалъ брату, при допросѣ же не показалъ этого потому, что умолчаніемъ хотѣлъ оправдать себя ⁷⁾. Что касается тетради «Сила и матерія», то «я, говоритъ Θεодосій Некрасовъ, приобрѣлъ ее покупкой на рынкѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, у разнощика». «Что нужно народу» приобрѣтено также у разнощика ⁸⁾. Подобныя же отвѣты давали комиссіи и всѣ другія лица, которыя изобличены были въ держаніи у себя писаній предосудительнаго и преступнаго содержанія ⁹⁾.

Слѣдственная комиссія по студенческимъ безпорядкамъ, натолкнувшись неожиданно на такіе важные факты, повидимому, устранилась отъ изслѣдованія связи ихъ съ студенческой послѣдней исторіей, на нашъ взглядъ очевидной, и спѣшила окончить порученное ей

¹⁾ Д. с. к., 331.

²⁾ Тамъ-же, 332.

³⁾ Тамъ-же, 334.

⁴⁾ Сюда-же было представлено письмо Платона Некрасова къ его брату, изъ котораго видно, что въ то время, когда онъ оказывалъ сопротивление, съ нимъ былъ припадокъ. Д. с. к. 338 и 339.

⁵⁾ Д. с. к., 335.

⁶⁾ Тамъ-же, 336.

⁷⁾ Тамъ-же, 360.

⁸⁾ Тамъ-же, 358.

⁹⁾ Тамъ-же, 374, 401 и 375. Такъ Маловъ, по его словамъ, не зная, что Бюхнеръ запрещенъ, рассуждалъ такъ: «Я думалъ, что если она запрещена, тогда бы были запрещены естественныя науки, потому что въ нихъ высказывается то-же, что и въ сочиненіи Бюхнера.

Н. О.

дѣло о чисто студенческихъ дѣлахъ. Отобравъ показанія отъ 73 студентовъ и вольныхъ слушателей, а также отъ 4 лицъ, не принадлежащихъ къ вѣдѣнію ун—та, ова, 14-го ноября, прекратила свою дѣятельность, сдѣлавъ слѣдующее постановленіе: «комиссія, признавая, что обстоятельства этого дѣла достаточно изслѣдованы, заключаетъ: представить его г. начальнику губерніи чрезъ председателя комиссіи, затѣмъ, закрывъ засѣданія, дѣйствія комиссіи прекратить» ¹⁾. Къ тому же времени было получено Высочайшее повелѣніе, заключающее въ себѣ утвержденіе приговора университетскаго совѣта относительно исключенія студентовъ и вольнослушателей, съ тѣмъ, чтобы подвергнувшіеся оному и не имѣющіе въ самой Казани ни родителей, ни родственниковъ, были удалены изъ города, а имѣющіе таковыхъ отданы имъ на поруки» ²⁾.

Это было исполнено и сообщено губернаторомъ попечителю 21-го ноября. Въ то-же число состоялось открытіе ун—та, о чемъ попечитель съ своей стороны увѣдомляетъ военнаго губернатора, прося его сдѣлать распоряженіе о снятіи въ Казанскомъ ун—тѣ военнаго караула» ³⁾. Но послѣдніе счеты были сведены только въ 1862 г., потому что результаты дѣятельности общей слѣдственной комиссіи, переданные ею черезъ председателя губернатору только 23-го октября 1862 г., поступили въ совѣтъ ун—та. Означенные же результаты были представлены въ совѣтъ ун—та по той причинѣ, «что государю императору благоугодно было дѣло о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами въ 1861 году, разрѣшить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) предоста-вить совѣту ун—та обсудить во всей подробности каждое изъ показаній, данныхъ студентами относительно демонстраціи, 8-го октября, въ квартирѣ инспектора, и по мѣрѣ участія въ семь дерзкомъ поступкѣ или по степени особаго упорства въ духѣ ненавистнаго своеволія, сдѣлать окончательное постановленіе о раздѣленіи виновныхъ на три категоріи съ тѣмъ, что: а) главные виновники должны быть подвергнуты совершенному исключенію изъ ун—та, б) для менѣе упорствующихъ, но рѣзко оправдывающихъ поведеніе студентовъ 8-го октября 1861 г., продлить срокъ исключенія еще на одинъ годъ, и в) остальныхъ засимъ исключенныхъ изъ ун—та оставить подѣ дѣйствіемъ высочайшихъ повелѣній 10-го декабря 1849 г. и 9-го ноября 1861 г. съ тѣмъ, что они, а равно исключенные по предыдущему пункту, не иначе могутъ поступить въ казанскій ун—тъ, по истеченіи срока

¹⁾ Д. с. к., 445.

²⁾ Тамъ-же, 100.

³⁾ Д. к. п., 229.

исключенія, какъ по особому разрѣшенію совѣта ун—та ¹⁾. Вслѣдствіе такого Высочайшаго повелѣнія совѣтъ ун—та, собравшись 24 октября 1862 года, рассмотрѣлъ «во всей подробности» содержаніе показаній, данныхъ студентами въ слѣдственной комиссіи, и опредѣлилъ: 3 студентовъ и 1 вольнаго слушателя причислить ко второй изъ категорій, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи ²⁾; 60 студентовъ и вольнаго слушателя—къ 3-й категоріи ³⁾. Въ первую категорію попали двое, какъ дважды исключенные ⁴⁾. Сосчитавъ всѣхъ исключенныхъ, мы видимъ ихъ въ количествѣ 66-ти человекъ.

Проф. Янишевскій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности инспектора «по домашнимъ обстоятельствамъ», каковая просьба его была уважена: въ слѣдующей телеграммѣ статсъ-секретарь Мансуровъ увѣдомилъ попечителя: «министръ разрѣшилъ поручить профессору Чугунову исправленіе должности инспектора вмѣсто г. Янишевскаго» ⁵⁾. Счеты были сведены ⁶⁾.

ГЛАВА XIV.

Мѣры, принятыя совѣтомъ университета, къ предупрежденію студенческихъ безпорядковъ на будущее время и первая половина 1863 года.—Новыя правила для студентовъ и мотивы для нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Студенческая исторія въ лабораторіи профессора Соколовскаго въ февралѣ 1863 года.—Особое разслѣдованіе положенія дѣлъ въ университетѣ.—Заключеніе высочайше учрежденной комиссіи о состояніи казанскаго университета.—Пропаганда между студентами.—Аресты.

Въ то время, какъ производилось изслѣдованіе студенческихъ безпорядковъ, приведшее къ показаннымъ въ предъидущей главѣ результатамъ, начальство ун—та старалось изыскать мѣры къ предупрежденію студенческихъ безпорядковъ на будущее время: была назначена комиссія для выработки новыхъ правилъ. Въ руководство комиссіи взята: 1) постановленія для всѣхъ ун—товъ, высочайше утвержденныя, и 2) правила, постановленныя для с.-петербургскаго университета.

¹⁾ Д. к. н. 208.

²⁾ Уминова, Кириллова Александръ, Богданова Михаила и вольнослушателя Комлева.

³⁾ Д. к. н. 219.

⁴⁾ Тамъ-же, 236. Аполлонъ Матвѣевъ и Владиміръ Плотниковъ.

⁵⁾ Тамъ-же, 5 листъ.

⁶⁾ Попечитель князь П. П. Вяземскій, вскорѣ по окончаніи „исторіи“ 1861 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя каз. учебн. округа. Н. О.

«Собразуясь съ различными современными условіями здѣшняго университета, комиссія признала необходимымъ допустить въ этихъ правилахъ, кромѣ незначительныхъ измѣненій въ редакціи, нѣкоторыя существенныя переѣны, и основанія къ этимъ переѣнамъ комиссія считаетъ необходимымъ съ полною откровенностью изложить передъ вашимъ сіятельствомъ, г. м. н. пр.». Такъ попечитель начинаетъ свое сообщеніе о результатахъ дѣятельности комиссіи. Она слѣдующіе: 1) комиссія находитъ нужнымъ упразднить въ казанскомъ ун—тѣ педагогическія курсы¹⁾, потому что «самыя законныя требованія служителей въ аудиторіи ни въ какомъ случаѣ не будутъ пользоваться уваженіемъ отъ студентовъ, которые въ этихъ служителяхъ будутъ постоянно видѣть не иначе, какъ оскорбительный для нихъ намекъ на подчиненіе грубой, матеріальной силѣ». «Кромѣ того, присутствіе педагогическихъ курсовъ въ аудиторіи во время чтенія лекцій можетъ считаться оскорбительнымъ и для самого профессора, который полагаетъ нравственное вліяніе своей личности лучшей охраной тишины и порядка въ его аудиторіи. Въ случаяхъ же, когда расчетъ этотъ оказывается ошибочнымъ, педагогическія курсы ни своими напоминаніями, ни физическою силой не возстановятъ нарушенное спокойствіе, а наоборотъ—увеличатъ только смутеніе и безпорядокъ».

«Такіе случаи были и будутъ относительно рѣдкими исключеніями, а при введеніи нынѣ составленныхъ правилъ поводы къ такимъ случаямъ сами собой устраниваются»: во-1-хъ, точнымъ и неуклоннымъ наблюденіемъ за преподаваніемъ со стороны ректора, декановъ и совѣта, во-2-хъ, возможностью заявлять студентамъ свои желанія относительно учебной части и жалобы на личныя оскорбленія со стороны профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ; чтобы еще болѣе облегчить эту возможность и обезопасить ее отъ произвола декановъ или ректора, комиссія сочла необходимымъ: а) допускать въ такихъ случаяхъ только письменныя прошенія, которыя деканъ обязанъ передавать факультету, и б) предоставить студентамъ право переносить жалобы къ попечителю даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда прошеніе ихъ возвращено ректоромъ безъ всякаго объясненія и подписи». 2) Введеніе матрикουλъ въ казанскомъ ун—тѣ комиссія признала единогласно совершенно излишнимъ и даже вреднымъ въ настоящемъ случаѣ для водворенія порядка. Принужденіе взять матрикουλы бесполезно раздражило-бы студентовъ и противъ начальства и противъ преподавателей ун—та, что крайне бы повредило ихъ нравственному

¹⁾ Педагогическихъ курсовъ въ казанскомъ университетѣ въ то время не было, а только они проектировались.

влиявію на своихъ слушателей. вмѣсто матрикулъ, комиссія думаетъ ввести книгу, куда будутъ записываться проступки студентовъ послѣ предварительныхъ предостереженій: такой способъ «устраняетъ поводъ къ неприятымъ столкновениямъ студентовъ съ проректоромъ».

3) Что касается сходовъ, то комиссія, признавая необходимымъ «строгое исполненіе» прежнихъ правилъ, «вмѣстѣ съ тѣмъ» считаетъ нужнымъ «допустить собраніе студентовъ-распорядителей отъ каждаго факультета для совѣщанія по дѣламъ благотворительнымъ»¹⁾. Наконецъ, комиссія не соглашается съ цѣлесообразностью того постановленія, которое исключаетъ изъ ун—та не выдержавшихъ переходнаго экзамена. Вотъ главные пункты правилъ, цѣль которыхъ совершенно устранить поводъ къ беспорядкамъ. Высказавъ основанія, которыми руководилась комиссія при измѣненіи правилъ, установленныхъ для с.-петербургскаго университета, «она подумала и о планѣ введенія составленныхъ правилъ», и постановила: «1) дождаться утвержденія попечителя, 2) опубликовать ихъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, 3) принимать вновь студентовъ и вольныхъ слушателей не иначе, какъ по прошеніямъ, въ которыхъ будетъ заявлено обѣщаніе подчиниться и исполнять всѣ постановленныя правила. 4) вмѣстѣ съ правилами опубликовать тѣ мотивы и основанія, которыя руководили комиссіею при составленіи ея правилъ и выразить эту публикацію въ формѣ слѣдующаго объявленія отъ лица всѣхъ членовъ комиссіи преподавателю казанскаго ун—та».

«Всѣ преподаватели императ. казанскаго ун—та убѣждены, что если не исключительнымъ, то главнымъ поводомъ къ замѣшательствамъ и беспорядкамъ, нарушавшимъ неоднократно спокойствіе университетскаго преподаванія и доходившимъ въ послѣднее время до крайнихъ предѣловъ, были невыясненныя и неустановленныя отношенія студентовъ и, вообще, слушателей университетскихъ лекцій къ цѣлямъ и порядку университет. преподаванія, а также къ самой корпораціи преподавателей ун—та. Желая выяснить эти отношенія и формулировать ихъ въ постановленіяхъ, комиссія, составленная изъ всѣхъ преподавателей ун—та, подъ предсѣдательствомъ господина исправляющаго должность попеч. к. у. о., приступила къ установленію правилъ, равно обязательныхъ для каждаго желающаго получить университетское образованіе. При составленіи этихъ правилъ, преподаватели казанскаго университета постоянно имѣли въ виду слѣдующія основанія

¹⁾ Далѣе рѣчь идетъ о судѣ университета, куда комиссія считаетъ нужнымъ прикомандировать скинника ун—та, о взносѣ платы, стипендіяхъ и проч.

Ун—тъ ежегодно доставляетъ обществу извѣстное число дѣятелей—юристовъ, техниковъ, педагоговъ и вообще людей развитыхъ умственно и нравственно. Въ этомъ заключается единственная задача, цѣль и святая обязанность каждаго ун—та и только за ея неисполненіе ун—тъ отвѣчаетъ предъ судомъ исторіи, потому что это неисполненіе прямо ведетъ къ пониженію уровня общаго образованія и упадку цивилизаціи въ цѣломъ краѣ. Всѣ другія цѣли, какъ мѣшающія достиженію собственной цѣли ун—та, не могутъ быть въ немъ терпимы; для этого достиженія должны быть употребляемы всѣ мѣры и старанія, какъ со стороны преподавателей, такъ и со стороны молодыхъ людей, вступающихъ въ ун—тъ съ желаніемъ получить въ немъ силы и средства къ служенію дѣлу общества, которое въ замѣнъ дастъ этимъ дѣятелямъ «матеріальныя средства къ жизни».

Далѣе въ «объявленіи» предлагаются совѣты для успѣшнаго достиженія постановленной цѣли, какъ преподавателямъ, обязанность которыхъ «слѣдить за развитіемъ науки и употреблять всѣ старанія для удобной передачи ея слушателямъ», такъ и «молодымъ людямъ», которые обязаны цѣнить и уважать науку и прилагать всѣ свои силы къ изученію факультетскихъ предметовъ.

Наконецъ, бумага еще разъ указываетъ на правила, которыя составлены для разъясненія отношеній студентовъ къ университетскимъ преподавателямъ, и такимъ образомъ являются гарантіей спокойствія въ стѣнахъ ун—та. Все это подписано княземъ Вяземскимъ и 30 преподавателями ¹⁾.

Гарантія имѣла силу цѣлый 1862 годъ. Въ ун—тѣ было тихо: въ этотъ годъ производилось еще разбирательство послѣднихъ безпорядковъ ²⁾.

Наступилъ 1863 годъ.

Въ началѣ 1863 года, 16-го февраля, передъ началомъ экспериментальной лекціи профессора Соколовскаго, когда многіе изъ студентовъ 4-го и 3-го курсовъ собрались въ аудиторію, въ темныя сѣни зданія фармацевтической лабораторіи и фیزیологическаго кабинета ворвалась толпа около 30-ти неизвѣстныхъ людей, замаскированныхъ париками и крестьянскимъ платьемъ. Толпа отбросила дверь передней лабораторіи. На перваго, вторгнувшагося въ нее, служитель закричалъ: «куда ты лѣзешь, мужикъ?» Ему отвѣчали, чтобы онъ

¹⁾ Дѣло к. п., 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44. Это все посылается м. и. пр. съ правилами для студ. 21 окт. 1861 г.

²⁾ См. выше.

вызвалъ профессора Соколовскаго. Послѣдній вышелъ. «Едва,—сообщаетъ тотъ ректору Бутлерову,—я показался изъ дальней комнаты лабораторіи, тотчасъ издали встрѣченъ былъ безсмысленными криками, самыми непріличными, черными названіями и свистомъ. При приближеніи моемъ къ толпѣ, для узнанія лицъ, передовые закрылись воротниками, и масса быстро двинулась назадъ, такъ что бывшіе въ лабораторіи въ то же время г. помощникъ инспектора Бондыревъ и экзекуторъ Дыховъ, растерявшіеся, не могли разузнать и предпринять мѣръ къ преслѣдованію бѣглецовъ. Принявши такое буйство за весьма нерѣдкое, къ прискорбію, явленіе въ стѣнахъ нашего ун—та, послѣ перваго естественнаго удивленія дерзости и невѣжеству, я отправился на лекцію, и по окончаніи послѣдней обратился уже словесно къ вашему высокородію и потомъ къ его превосходительству господину попечителю округа»¹⁾.

Началось «дѣло», приведшее къ пререканіямъ между членами совѣта, опускаемымъ нами здѣсь, какъ не относящимся прямо къ нашей задачѣ. Замѣтимъ только, что, осложнившись, дѣло совершенно запуталось. Въ Казань для распутыванья его было прислано изъ Петербурга одно изъ лицъ м—ства нар. просвѣщенія. Виновныхъ въ происшествіи и онъ не открылъ, но за то привезъ въ Петербургъ нѣкоторыя данныя о членахъ совѣта. Государю императору «благоугодно было повелѣть обсудить» вѣсти о состояніи казанскаго ун—та въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря барона Николаи. Разсмотрѣвъ ихъ, комиссія «обратила вниманіе на настоящее состояніе казанскаго ун—та, состояніе весьма грустное, ибо оно представляетъ, съ одной стороны, разладъ между профессорами, съ другой—своеволие и разладъ между студентами».

«Не доискиваясь причинъ пререканій между профессорами, какъ мелочей, порожденныхъ лично непріязнью отдѣльныхъ членовъ факультетовъ, комиссія обсудила эти пререканія съ ихъ вѣшной стороны, т. е. формы, въ которой они проявлялись, и нашла въ ихъ проявленіи рядъ незаконностей, заслуживающихъ самаго строгаго порицанія». За «незаконности» получаютъ «строгое замѣчаніе» ректоръ ун—та Бутлеровъ, деканъ медицинскаго факультета Соколовскій, профессоръ Яновичъ и Вагнеръ и весь совѣтъ. «Что касается студентовъ, то находя, что проступки и распушенность ихъ происходятъ отъ отсутствія въ нихъ всякой привязанности къ труду, отчасти прямого послѣдствія слабости и небрежности, съ которыми производятся испытанія какъ на право поступленія въ ун—тъ, такъ и на

¹⁾ Дѣло к. п., 9 и 10.

званія, даруемая окончившимъ курсъ, комиссія признала необходимымъ: а) внушить экзаменаторамъ все зло, которое порождаетъ ихъ равнодушіе къ этому дѣлу и излишняя снисходительность къ экзаменуемымъ, и б) усилить, какъ возможно болѣе, надзоръ, чтобы означенныя испытанія производились съ законною строгостью и справедливостью. Вскорѣ засимъ профессоръ Бутлеровъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета объ увольненіи его отъ должности ректора университета, и, согласно этому прошенію, высочайшимъ приказомъ отъ 5-го іюля былъ уволенъ отъ этой должности ¹⁾. Между тѣмъ студенческія исторіи продолжались, принявъ только иное направленіе. Съ этого же 1863 г. отчетливо наблюдается явленіе, раньше едва замѣтное ²⁾: студенты казанскаго ун—та подвергаются взысканіямъ по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Вотъ рядъ фактовъ. Въ 1863 г. 18-го апрѣля, въ курильной для студентовъ комнатѣ было вывѣшено объявленіе анонимное, порицавшее тѣхъ студентовъ, которые были 17-го числа на балѣ въ дворянскомъ собраніи, и заключавшее въ себѣ выраженія, направленныя противъ правительства. По почерку заподозрили студента 1-го к. юридическаго факультета Красовскаго. Онъ былъ арестованъ и признался, что авторъ объявленія—онъ. Сообщая объ этомъ министру, попечитель Стендеръ прибавляетъ, что имъ предложено объявить студентамъ о закрытіи курильной, если въ ней вновь появится какое бы то ни было объявленіе отъ студентовъ ³⁾. Судьба арестованнаго Красовскаго, по распоряженію мин. вн. дѣлъ, была представлена казанскимъ военнымъ губернаторомъ на усмотрѣніе главнаго начальника III отдѣленія ⁴⁾. Было опредѣлено: «исключить его изъ ун—та и выслать въ Вологодскую губернію ⁵⁾. Затѣмъ, военный губернаторъ Козляниновъ сообщаетъ попечителю, что въ городѣ Вяткѣ «при осмотрѣ вещей и бумагъ вольнослушателя казанскаго ун—та Красноперова найдена прокламація отъ русскаго центрального народнаго комитета: «Земля и Воля». Красноперовъ показалъ, что найденный у него экземпляръ прокламаціи этой онъ списалъ съ писаннаго экземпляра въ студентской курильной комнатѣ и что, какъ

¹⁾ Д. к. л., 18.

²⁾ За исключеніемъ Вѣдинской панихиды, на которую взглянули, какъ на политическую демонстрацію, и случаевъ обнаруженія у нѣкоторыхъ студентовъ изданій и статей запретнаго и даже революціоннаго характера, —случаевъ, указанныхъ нами въ главѣ 13-й.

³⁾ Дѣло к. л., 5.

⁴⁾ Тамъ-же, 7.

⁵⁾ Тамъ-же, 8.

онъ слышалъ, былъ въ Казани и печатный экземпляръ этой прокламаціи. Онъ былъ арестованъ» ¹⁾).

1-го мая тотъ же губернаторъ увѣдомляетъ, что «студентъ здѣшняго ун—та Жемановъ былъ арестованъ при городской полиціи и 29-го апрѣля отправленъ въ С.-Петербургъ въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи» ²⁾).

30-го мая онъ же сообщаетъ, что «вслѣдствіе требованія слѣдователя по вятскому политическому дѣлу, адъютанта тамошняго губернскаго штабъ-офицера корпуса жандармовъ, сего числа арестованъ по моему распоряженію и отправленъ въ гор. Вятку студентъ здѣшняго ун—та Владиміръ Полюновскій» ³⁾).

3-го іюня исправляющій должность попечителя увѣдомляетъ ректора ун—та, что г. казанскій военный губернаторъ разсказалъ ему слѣдующее: «изъ сообщенныхъ ему слѣдственною комиссіею въ Вяткѣ свѣдѣній оказывается, что многіе студенты просятъ взять отпускные билеты тѣхъ студентовъ, которые во весь вакачъ не будутъ выѣзжать изъ Казани, съ цѣлью передать ихъ лицамъ, имѣющимъ преступныя намеренія—производить безпорядки между крестьянами, и даже надѣялись скрасть изъ канцеляріи инспектора студентовъ печатные бланки для билетовъ, а печать заказать мастерамъ въ Казани». Сообщая объ этомъ ректору, онъ предлагаетъ ему внушить инспектору студентовъ объ осторожности, съ каковою онъ долженъ выдавать билеты» ⁴⁾

7-го іюля военный губернаторъ увѣдомляетъ попечителя, что арестованъ и отправленъ въ Вятку студентъ здѣшняго ун—та Александръ Сергѣевъ» ⁵⁾).

17-го іюля «къ производящемуся въ Вяткѣ секретному дознанію оказываются прикосновенными въ нѣкоторой степени студенты Павелъ Орловъ, Вирюковъ, Алѣевъ и Лаврскій, а потому слѣдователи находятъ до времени необходимымъ имѣть за ними самый строгій и незамѣтный полицейскій надзоръ, такъ, чтобы они не могли догадаться объ этомъ; а въ случаѣ, если кто изъ нихъ вздумалъ куда-либо выѣхать изъ Казани, то принять мѣры къ задержанію» ⁶⁾).

Приведенные факты изъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, въ подробностяхъ не выясняются; но не подлежатъ сомнѣнію то, что они находились въ связи съ открытой тогда противоправи-

¹⁾ Д. к. п., 3.

²⁾ Тамъ-же, 6.

³⁾ Тамъ-же, 11.

⁴⁾ Тамъ-же, 14.

⁵⁾ Тамъ-же, 16.

⁶⁾ Тамъ-же, 17.

тельственной пропагандой, главными дѣятелями которой были агенты польскаго революціоннаго комитета и, подъ ихъ вліяніемъ, нарождавшіеся нигилисты изъ русскихъ людей,—пропагандой, которая тогда усиленно дѣйствуя въ Поволжьи, стремилась сдѣлать своими орудіями молодыхъ людей изъ университета. Эта пропаганда, между прочими увлекшая нѣсколько студентовъ и изъ казанскаго университета и вызвавшая со стороны правительства особая, экстренныя мѣры по отношенію къ Поволжью, обозначилась явственно уже послѣ того, когда былъ высочайше утвержденъ новый уставъ російскихъ университетовъ 1863 года.

Примѣчаніе. Въ приведенный сводъ матеріаловъ вошли свѣдѣнія, заключающіеся въ слѣдующихъ «дѣлахъ»:

- 1) Объ исключеніи студентовъ изъ ун—та за дурное поведеніе въ 1855 г. (№ 215).
- 2) Объ исключеніи изъ числа студентовъ Милованова и проч. 1856 г. (№ 66).
- 3) По канцеляріи инспектора студентовъ: о неприличныхъ поступкахъ студентовъ п окончившихъ курсъ, 1856 г. (№ 41).
- 4) О правилахъ для пресѣченія произвольнаго непосѣщенія лекцій (№ 215).
- 5) О неудовольствіяхъ, возникшихъ между студентами медицинскаго факультета и профессоромъ Берви (№ 37—по канц. попеч.).
- 6) Объ увольненіи Берви отъ службы (№ 150—канц. попеч.).
- 7) Объ исключеніи студентовъ за дурное поведеніе, 1858 г. (№ 47—канц. попеч.).
- 8) О ссорѣ студентовъ со служителями въ загородной гостинницѣ, содержимой купцомъ Меркуловымъ (№ 144—канц. попеч.).
- 9) По собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами (№ 12).
- 10) По собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами (№ 10).
- 11) По собранію бумагъ о нанесеніи студенту Колпакову полицейскими служителями побой 1859 г. (№ 20).
- 12) О происшествіяхъ, случившихся въ аудиторіи профессора Струве (канц. попеч. № 39).
- 13) О поступкахъ студентовъ казанск. ун.—та, 1859 г. (канц. попеч. № 298).
- 14) Объ исключеніи студентовъ изъ казанск. ун—та за дурное поведеніе 1859 г. (канц. поп. № 84).
- 15) О поступкахъ студентовъ казан. ун—та 1859 г. (канц. попеч. № 81).
- 16) О передачѣ попечителемъ должности помощнику попечителя Ѳ. Веселаго (канц. попеч. № 97).
- 17) О порученіи должности инспектора студентовъ, за болѣзнію Ланге, профессору Пахиану (канц. попеч. № 72).
- 18) Объ усиленіи мѣръ наблюденія за унив. студентами (канц. поп. № 205).
- 19) Объ увольненіи профессора Бутлерова отъ должности ректора (канц. попеч. № 61).
- 20) О бездвинской лавицидѣ (канц. попеч. № 152).

- 21) О принятіи Умова вновь въ число студентовъ (канц. попеч. № 163).
- 22) Канц. попеч. о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами 7, 8 и 9-го октября 1861 года (№ 310).
- 23) Совѣта у—та, о тѣхъ же безпорядкахъ (№ 79).
- 24) Слѣдственной комиссіи о тѣхъ же безпорядкахъ (№ 4).
- 25) Канц. попеч. объ увольненіи профессора Ляшевскаго отъ исправленія должности инспектора студентовъ (№ 68).
- 26) Объ исключеніи Темникова, Христофорова, Павла Аристова и пр. (№ 5).
- 27) По возникшимъ несприятнымъ отношеніямъ между професс. (нѣкотор.) меднц. и физико-математич. факультета, по демонстраціи, произведенной неизвестными людьми (вѣроятно студентами) въ фармацевтической лабораторіи противъ профессора и декана меднц. факульт. Соколовскаго (№ 46).
- 28) Объ открытомъ въ гор. Казани въ Старой Горшечной улицѣ студенческомъ клубѣ (№ 60).
- 29) Канц. попеч. по розысканію о вывѣшенномъ въ курительной студентской комнатѣ анонимнаго объявленія (№ 124).
- 30) По собранію отношеній г. казанскаго военнаго губернатора, касательно студентовъ ун—та и другихъ лицъ (№ 113).
- 31) По канцеляріи инспектора студентовъ, со списками чиновниковъ инспектора и студентовъ всѣхъ исповѣданій для отиѣтки о бытности ихъ у исповѣди и св. причащенія (№ 17).

Сообщ. профессоръ Н. А. Эмровъ.

Къ воспоминаніямъ П. Д. Шестакова

о волненіяхъ студентовъ въ Казани.

Въ «Воспоминаніяхъ П. Дм. Шестакова о студенческихъ волненіяхъ въ Казани», въ примѣчаніи къ стр. 124 «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXI, январь, было описано почти невѣроятное событіе, касающееся одного изъ декановъ казанскаго университета; хотя личность эта не названа, но дѣло касается меня, бывшаго тогда деканомъ медицинскаго факультета, въ описываемое П. Дм. Шестаковымъ время.

Во имя истины, которая всегда дорога редакціи «Русской Старины», я прошу ее выслушать *et altera pars*, т. е. помѣстить на страницахъ этого журнала самое существенное возстановленіе касающагося меня факта. Я вполнѣ убѣжденъ, что правдивое возстановленіе всякаго факта находить въ издаваемомъ М. И. Семеvскимъ историческомъ журналѣ всегда теплое убѣжище.

Суть этого событія состояла въ слѣдующемъ: въ описываемое П. Дм. Шестаковымъ время я, дѣйствительно, былъ деканомъ, а г. С. доцентомъ на медицинскомъ факультетѣ; мы читали лекціи одному и тому-же курсу; студенты этого курса, какъ жаловался мнѣ упомянутый доцентъ С., не желали посѣщать его лекціи, о чемъ я тотчасъ же заявилъ студентамъ и указалъ имъ, что они обязаны посѣщать лекціи, и въ случаѣ непосѣщенія ими лекцій всякій преподаватель обязанъ увѣдомить объ этомъ кого слѣдуетъ; повторенная жалоба г. С. о непосѣщеніи студентами его лекцій прямо заставила меня сказать студентамъ, что они останутся еще на годъ на томъ же курсѣ.

Подобнаго рода съ моей стороны заявленіе сдѣлало то, что наши общіе съ г. С. слушатели, собравшись, около полудня, въ той аудиторіи, въ которой я обыкновенно читаю лекціи, попросили меня,

какъ декана, переговорить съ ними относительно посѣщенія ими лекцій упомянутого доцента. Я пришелъ и нашелъ почти весь знакомый мнѣ курсъ. Нѣкоторые изъ собравшихся студентовъ заговорили въ моемъ присутствіи о выборѣ предсѣдателя сходки, на что я тотчасъ же заявилъ, что я предсѣдатель факультета, а потому говорить при мнѣ о выборѣ предсѣдателя составить полнѣйшій абсурдъ и если они будутъ упорствовать на выборѣ, то я сію-же минуту ихъ оставляю. Студенты зашумѣли и въ тотъ моментъ, когда я подошелъ къ двери, чтобы выйти изъ аудиторіи—услышалъ ударъ кулакомъ о столъ и крикъ: молчать! и студенты замолкли. Удивленный этимъ ударомъ и крикомъ, я невольно остановился и высказалъ студентамъ о дикости такого способа возстановленія тишины. Студенты стали просить меня выслушать ихъ письменное заявленіе о недоразумѣніяхъ, какъ они говорили, между ними и доцентомъ С. Во время чтенія этого заявленія я иногда останавливался чтета, особенно при употребленіи неприличныхъ словъ, въ родѣ «распузыривать» и пр., и по окончаніи чтенія я рѣшительно сказалъ студентамъ, что заявленіе это, по неприличности и оскорбительности своей, не можетъ имѣть дальнѣйшаго теченія, и оставилъ аудиторію.

О всемъ вышеописанномъ я не получалъ никакихъ официальныхъ запросовъ и не имѣлъ ни съ кѣмъ, кромѣ доцента С., никакихъ по этому поводу официальныхъ объясненій; въ кругу-же товарищей-профессоровъ, для характеристки студенческихъ сходокъ вообще, тогда говорилъ и теперь говорю о вышеописанныхъ курьезахъ и упомянутой сходкѣ; съ Петромъ же Дмитриевичемъ Шестаковымъ объ этой сходкѣ даже и словомъ не имѣлъ возможности перемолвиться, а потому, въ случаѣ моей или его смерти, все описанное въ примѣчаніи къ стр. 124, въ т. LXI, безъ надлежащаго разъясненія, такъ таки цѣликомъ и падеть на меня.

Ив. Мих. Гвоздевъ,

ординарный профессоръ судебной медицины казанскаго университета.

1889 г. мая 16-го дня.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLIX ¹⁾.

Зимняя ночь.

Ночь темна, вѣтеръ въ улицѣ дуетъ широкой,
Тускло свѣтитъ фонарь, снѣгъ мѣшаетъ идти,
Я усталъ! а до дому еще такъ далеко...
Дай къ столбу прислонюсь, отдохну на пути.

Что за домикъ печально стоитъ предо мною!
Полунощники люди въ немъ видно не спать;
Есть огонь, заболтался знать поадней порою!..
Вонъ двѣ свѣчки на столикѣ дружно горять.

А за столикомъ сидя старушка гадаетъ,
И объ чемъ бы гадать ей на старости дней?...
Возлѣ женщина тихо младенца качаетъ;
Видно мать! Сколько нѣжности въ взорѣ у ней.

И какъ миль этотъ ангель, малютка прелестный!
Онъ съ улыбкой заснулъ у нем на рукахъ,
Можетъ сонъ ему снится веселый, чудесный,
Можетъ любо ему въ его дѣтскихъ мечтахъ.

Но старушка встаетъ, на часы заглянула,
Съ удивленьемъ потомъ потрясла головой,
Вотъ цѣлуется, крестить и будто вздохнула...
И пошла шагъ за шагомъ дрожащей стопой.

Свѣчки гасятъ, и въ домѣ темно уже стало,
И фонарь на столбѣ догорѣлъ и погасъ....
Видно въ путь ужъ пора, ночь глухая настала,
Какъ на улицѣ страшно въ полуночный часъ!

А старушка не долго побудетъ на свѣтѣ!
И для матери будетъ сѣдинъ череда,
Развернется младенецъ въ плачнительномъ свѣтѣ,
Ахъ, Богъ вѣсть я и самъ живъ ли буду тогда.

1840.

Н. П. Огаревъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1883 и 1889 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА ¹⁾.

На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ.

У насъ и вообще на востокѣ національность тѣснѣе связана съ религіею, чѣмъ на западѣ; въ виду этого, фактъ повсемѣстнаго усиленія теперь католической пропаганды весьма интересенъ для Россіи. Въ южно-славянскихъ государствахъ и въ Румыніи случаи перехода изъ католичества въ православіе очень рѣдки, тогда какъ случаи обратнаго бывають довольно часто—католичество вездѣ, кромѣ Россіи, побѣдоносно наступаетъ на православіе. Но гдѣ паденіе православія замѣтно особенно сильно, такъ это въ Палестинѣ.

Я имѣлъ случай лично прослѣдить этотъ фактъ и сообщить о немъ покойному К., бывшему генеральному консулу нашему въ Іерусалимѣ, а также іерусалимскому патриарху Никодиму.

Первый не повѣрилъ, второй совершенно согласился, но прибавилъ обычную фразу:

— Денегъ мало, дайте больше денегъ, черезъ 10 лѣтъ я всю Палестину обращу въ православіе.

Какъ ни странно, по меньшей мѣрѣ, послѣднія слова, въ нихъ есть доля правды; дѣло пропаганды въ Палестинѣ въ значительной мѣрѣ свелось теперь на деньги; есть овѣ—есть и прозелиты; нѣтъ ихъ—нѣтъ и цаствы, такъ какъ отъ постоянного переманиванія въ разныя вѣры и толки арабы крайне испортились нравственно и переходять въ лоно католичества или протестантства, смотря по тому, гдѣ больше даютъ. Кромѣ денегъ, церковной пышности и проповѣди

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389—410, июнь стр. 661—681.

дѣйствуютъ еще много школы и пріюты, и вотъ на этихъ-то послѣднихъ учрежденіяхъ сказывается несостоятельность грековъ, съ ихъ духомъ исключительности и нетерпимости ко всѣмъ другимъ православнымъ, т. е. не грекамъ. Деньги они принимаютъ отъ всѣхъ, хотя отъ сербовъ, болгаръ, румынъ и др. перепадаетъ мало—за все отдываются русскіе кошельки—но чьихъ либо совѣтовъ или церковнослужителей, не эллиновъ, ни за что не допускаютъ.

Въ то время, какъ у католиковъ, напримѣръ, въ церквахъ и школахъ работаютъ люди всевозможныхъ національностей, включая и арабовъ, греки не допускаютъ не только русскихъ священниковъ, но даже и туземцевъ—не знаю, есть ли на всю Палестину 2—3 чело-вѣка арабовъ священнослужителей.

Католики дѣйствуютъ дружно: впереди французы, заправляющіе пропагандою нравственно и матеріально—такъ какъ отъ нихъ, кромѣ политическаго покровительства, идутъ и значительнѣйшія пожертвованія,—затѣмъ австрійцы, итальянцы, испанцы и проч., даже нѣмцы—всѣ работаютъ дружно, деньгамъ не даютъ прилипать къ рукамъ почтенныхъ отцовъ, а на нихъ учатъ, воспитываютъ, лечатъ, строятъ, пропагандируютъ.

Греки дѣйствуютъ иначе.

— Давайте денегъ, больше денегъ, говорятъ они всѣмъ православнымъ, и не заботьтесь ни о чемъ; въ совѣтахъ, а главное въ контролѣ нашемъ, мы не нуждаемся и одинъ отстоймъ дѣло православія.

Хотя они и дѣйствительно отставляютъ его разными средствами, до борьбы въ рукопашную включительно, но результатъ далеко не оправдываетъ ихъ самонадѣянности,—уже есть обширныя мѣстности, въ которыхъ осталось всего по нѣскольکو чело-вѣкъ православныхъ, такъ что пастыри, т. е. митрополиты этихъ мѣстностей, никогда не заглядываютъ въ свои паствы, а спокойно, безъ труда, на хорошемъ содержаніи, проживаютъ въ Іерусалимѣ.

За послѣднее время католики стали очень много строить церквей, школъ, пріютовъ, больницъ. Строятъ, напримѣръ, церковь. Является бѣднякъ арабъ, съ двумя, тремя подростками просить работы. Первый вопросъ ему:

— Ты католикъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ работы.

Всякія возраженія излишни. При слѣдующей постройкѣ школы тотъ-же отвѣтъ, и многіе, чтобы заплатить подати и хоть какъ нибудь пробиться съ хлѣбомъ, выкрещиваются; болѣе стойкіе бросаются

еще за помощью предварительною къ грекамъ, но всегда безуспѣшно, а затѣмъ и къ нашему архимандриту Антонину, почтенному, много трудящемуся человѣку, не имѣющему никакихъ средствъ, но буквально заваленному такими просьбами о помощи.

— Мы издавна православные, говорятъ ему эти люди, не хотимъ мѣнять вѣры, но хотъ въ петлю лѣзть съ семейю: хлѣба мало, работы нѣтъ, ребятъ учить негдѣ,—какъ быть?

Кромѣ добрыхъ совѣтовъ и пары своихъ кровныхъ меджидіе, архимандритъ, разумѣется, ничего не можетъ дать, и эти дѣйствительно забытые и загнанные люди долго-ли, коротко-ли побьются, да и перейдутъ въ католичество или протестанство, гдѣ сейчасъ же найдется всяческое участіе: работишка для взрослыхъ, помощь старикамъ, школа дѣтямъ.

Видеешь, напр., еще сравнительно недавно бывшій православнымъ, теперь сплошь почти католическій; въ деревняхъ, въ которыхъ еще 20 лѣтъ тому назадъ были лишь одни православные, теперь 25—30% католиковъ. Подъ Назаретомъ, въ огромной деревнѣ Р, жители умоляли о заступничествѣ, и просто силою втиснули мнѣ просьбу, въ которой говорили, что «они извѣрились въ грековъ, надѣются только на русскихъ, просятъ построить имъ церковь и школу»...

Вся эта процедура переманиванія въ свою вѣру деньгами и матеріальною помощью, очевидно, безнравственна, и лучше всего было бы вовсе «умыть руки» отъ такихъ дѣлъ. Но тутъ представляется такой вопросъ: пожертвованія, и очень значительныя, которыя шли, идутъ и неудержимо будутъ идти изъ Россіи въ Св. Землю, могутъ ли быть оставлены на произволъ судьбы и всецѣло довѣрены греческимъ рукамъ? Есть-ли надежда на то, чтобы греки исправились и развязали кошельки съ получаемыми изъ Россіи деньгами на дѣло школъ и приютовъ? Нѣтъ. Значитъ, необходимо вступиться хоть тому-же Палестинскому обществу и добиться на первыхъ порахъ хоть того, чтобы 400 тысячъ рублей, посылаемые ежегодно въ патриархію съ бессарабскихъ имѣній, выдавались условно, на извѣстную, заранѣе оговоренную цѣль, подъ строгимъ контролемъ Общества. Затѣмъ надобно взять на себя трудъ широкаго оповѣщенія благочестивыхъ жертвователей Русской земли, что огромныя суммы, посылаемыя ими въ частныя руки, по большей части не достигаютъ цѣли и идутъ, главнымъ образомъ, на частныя надобности, на богатое житіе греческихъ монаховъ, не брезгающихъ мірскими благами.

Для подтвержденія сказаннаго, приведу, хоть бы всему Іерусалиму извѣстный, фактъ: въ то время, какъ патриархъ, въ рукахъ

котораго пожертвованія подвергаются нѣкоторому контролю, получаетъ на свое имя изъ Россіи лишь небольшую сумму въ нѣсколько тысячъ рублей,—настоятели отдѣльныхъ святынь получаютъ не столько по почтѣ, сколько изъ рукъ въ руки, такія большія деньги, что бывшій ключарь Гроба Господня, отошедшій на покой, нашелъ возможнымъ положить въ банкъ свою экономію въ 30,000 золотыхъ, т. е. 300 т. рублей.

Патріархъ Никодимъ, для начала своего управленія пожелавшій показать примѣръ строгости, не посмѣлъ вовсе отобрать эти деньги, а только заставилъ перевести ихъ въ другое мѣсто и исправно выплачиваетъ проценты запасливому отцу, должно быть, пропустившему черезъ свои липкіе пальцы не мало пожертвованій нашихъ легко-вѣрныхъ ревнителей церковнаго благолѣвія въ св. мѣстахъ.

Добро бы не было въ Палестинѣ русскихъ церквей для украшенія! Такъ вѣдь нѣтъ, ихъ нѣсколько: въ Іерусалимѣ есть церковь при миссіи и недавно трудами нашего достойнаго архимандрита Антонина возведена прекрасная церковь на Елеонской горѣ, но туда наши жертвователи или ничего не даютъ, или даютъ самую малость, а все несутъ грекамъ. За то же и надобно отдать справедливость этимъ послѣднимъ,—они ловко выманиваютъ деньги у нашихъ поклонниковъ и поклонницъ, особенно у послѣднихъ!

Придетъ поклонница на Елеонскую гору, гдѣ нашъ отецъ архимандритъ пріютитъ и угоститъ—оставляетъ 10—20 коп., такъ такъ больше у нея нѣтъ; она, вишь, издержалась и осталось у нея только на самое необходимое. Но приходитъ она же для прощальнаго поклоненія въ греческій монастырь: откуда деньги находятся! Послѣ угощенія и ласковаго разговора, ведетъ ее извѣстный отецъ Спиридонъ въ свой садъ, засаженный молодыми маслинками.

— Вотъ, моя голубушка, тебѣ передъ отъѣздомъ надобно выбрать дерево,—любое выбирай; оно 1000 лѣтъ будетъ расти, за тебя Бога славить, а деньгами не затрудняйся, я знаю, ты, вѣрно, пониздержалась, такъ дашь, что можешь!

1000 лѣтъ негласной молитвы къ Богу отъ маслины, вѣроятно, еще родственной одной изъ тѣхъ, мимо которыхъ ходилъ самъ Спаситель, какъ тутъ устоять!

— А чего она стоитъ, отецъ? спрашиваетъ на половину уже сдающаяся женщина.

— Что съ тебя брать дорого, сказалъ, давай, что можешь, клади хоть 5 рублей.

— Ой, родной, нѣту, нѣту! всего и денегъ-то осталось 3 рубля.

— Ну, съ товаркой сговорись, пополамъ деньги, пополамъ и Божья благодать!

И вносить поклонницы ласковому красивому греку по 2¹/₂ руб., изъ прибереженныхъ на крайность денегъ. Отрѣзаетъ онъ каждой по вѣткѣ, передаетъ съ церемоніею:

— Владѣй, говорить, она теперь твоя, твоихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ—за всѣхъ васъ -денно и ночью будемъ Бога молить.

Когда за эту поклоницею приходитъ чередъ выбирать слѣдующей соотечественницѣ нашей—слошь и рядомъ выборъ ея падаетъ на ту же маслинку; опять отъ нея отрѣзывается вѣтвь, опять торжественно передается и проч., и проч.

— Набожны русскіе, слова нѣтъ, говорилъ мнѣ мой знакомый настоятель одного греческаго монастыря, но ужъ и просты-же, ой, какъ просты!

Одинъ изъ образчиковъ этой простоты живъ въ моей памяти.

Я рисовалъ, помню, на Сорокадневной горѣ, когда монахъ настоятель, бросившійся разсматривать въ бинокль пыль, поднимающуюся на дорогѣ, объявилъ, что «гонять русскихъ», и сталъ готовить водку, закуску, ставить самоваръ. Дѣйствительно, черезъ часъ времени, поднялись сначала кавасы нашего консульства въ Іерусалимѣ, усатый, расшитый арабъ, а за нимъ наши запыленные, запотѣлые, измученные богомольцы.

— Гдѣ здѣсь записываются? спрашиваютъ они впопыхахъ и направляются по указанію въ пещеру, изъ которой сейчасъ-же спускаются назадъ, такъ какъ имъ данъ всего часъ времени и на всходъ на гору, и на поклоненіе. Но лучше всего то, что визитъ-то каваса былъ не проста: онъ объявилъ монаху-настоятелю, что если тотъ не согласится дать ему половину выручки съ богомольцевъ, то ни одинъ изъ нихъ не переступить порога пещеры. Конечно, почтенный отецъ долженъ былъ покориться и изъ 15 руб., полученныхъ за записи «на вѣчное поминовеніе», долженъ былъ удѣлить кавасу 7 руб., да еще дать цвѣтной платокъ въ придачу. За то же, впрочемъ, и «записи» валялись потомъ по всѣмъ угламъ пещеры!

Я написалъ объ этомъ случаѣ открытаго и нахальнаго грабежа консулу; сдѣлано было разслѣдованіе: все оказалось справедливымъ, такъ какъ грекъ о. Алексѣй не счелъ возможнымъ скрыть правды—каваса хотѣли прогнать, но потомъ простыли, въ виду его раскаянія (?). Надобно сказать, что кавасы консульства получаютъ еще и съ богомольцевъ; когда же этихъ послѣднихъ идетъ большая партія, то съ ними отправляется уже одинъ изъ драгомановъ, потому что получка съ монастыремъ пахнетъ тогда сотнями рублей.

Въ виду постоянно существовавшей вражды между настоятелемъ нашей миссіи и консуломъ, дѣло отправки поклонниковъ по разнымъ святынямъ велось, а можетъ быть и теперь ведется, спустя рукава. Встрѣчаю, помню, большую партію, выступающую за городъ.

— Куда вы, братцы, идете?

Къ дубу!

— Куда?

— Къ дубу!!!

Видно, что очень не велико у нихъ понятіе объ этомъ дубѣ.

Во время масляницы и вообще по праздникамъ уже не простота, а разгулъ нашихъ богомольцевъ скандализируетъ туземцевъ: съ бутылками водки въ рукахъ, пошатываясь и ругаясь, они пристають къ прохожимъ, даже къ нищимъ:

— Пей, пей, такой-сякой...

Что наши переплачиваютъ грекамъ за такъ называемыя «очистительныя обѣдни»—и сказать трудно.

— Твержу, твержу имъ, говорилъ о. Антонинъ, что нѣтъ никакихъ очистительныхъ, а только заупокойныя обѣдни—ничего не беретъ: очистительныя да очистительныя.

Въ русскую церковь для этихъ очистительныхъ обѣдней, разумѣется, не идутъ; тамъ поминъ души не такъ угоденъ Богу, надо непременно либо ко Гробу Господню, либо въ Виелеемъ, гдѣ священнодѣйствуютъ греки, а они за спѣхомъ и по небрежности день-ги-то берутъ, а поминать-то забываютъ.

— Вѣдь изловила я, батюшка, моего, изловила! рассказывала мнѣ одна почтенная богомолица. Намедни прислали мнѣ изъ Россіи отъ сродственниковъ нашихъ 80 руб. на «очистительную обѣдню» за 20 душъ—сложились, вишь, по 4 рубля, да и послали мнѣ; смотри, пишутъ, чтобы безпремѣнно у Гроба Господня! Ну, я и передала: помяни, говорю, батюшка, порачительнѣе; да, грѣшнымъ дѣломъ, знаю, что они торопятся—приложила ему рублевку, какъ списокъ-то именъ клала въ книжку ему, все, думаю, больше постарается!

— Помянулъ? спрашиваю потомъ.

— Помянулъ, помянулъ, какъ-же, матушка, какъ слѣдуетъ, возьми свой списокъ.

Я глядь, анъ рублевка-то тамъ все и лежитъ! должно, онъ туда и не заглядывалъ.

— А что же ты, говорю, рублевку-то не взялъ?

— Какую рублевку!?

Вѣрите-ли, покраснѣлъ весь; и вижу, что не то ему досадно, что попался, а что рублевку-то упустилъ!

Впрочемъ, главный способъ вымоганія денегъ, вымоганія въ широкихъ размѣрахъ, практикуется черезъ корреспонденцію съ Россією: каждый настоятель имѣетъ своихъ благотворителей и жертвователей, которыхъ и извѣщаетъ о неотложныхъ нуждахъ обитателей. Кроме того, при духовныхъ лицахъ, завѣдующихъ главными мѣстами христіанскихъ святынь, есть цѣлыя добровольные штаты женщинъ-секретарей, изъ русскихъ поклонницъ, которыя тамъ поселяются (не смотря на формальное запрещеніе) и онѣ цвѣтистымъ жалостнымъ слогомъ своихъ увѣщаній направляютъ пожертвованія русскихъ богатыхъ людей въ греческія руки. Тутъ подаванія льются щедро, десятками тысячъ, и, какъ я сказалъ, лишь малую часть по почтѣ, а больше изъ рукъ въ руки поступаютъ мимо вѣдѣнія патріарха, людямя, распоряжающимся ими совершенно безконтрольно. Куда уходитъ добрая часть денегъ—можно только догадываться по извѣстнымъ всему Иерусалиму исторіямъ высылки патріархомъ то одной, то и сразу двухъ пріятельницъ того или другаго изъ греческихъ духовныхъ особъ.

Рискуя навлечь на себя неудовольствіе весьма любезнаго, ведущаго правильную жизнь, теперешняго патріарха Никодима, я говорилъ ему о необходимости хоть какого-нибудь контроля со стороны русскаго общества ежегодно жертвуемыхъ имъ суммъ, а также и о несправедливости систематическаго отстраненія русскихъ священниковъ отъ служенія при всѣхъ святыняхъ Палестины (ни одного русскаго!). Въ отвѣтъ я получилъ откровенное признаніе его блаженства, что «если онъ допустить ко Гробу Господню хоть одного русскаго священника, то вызоветъ этимъ открытое возмущеніе грековъ, и пастырей, и пасомыхъ». Сами-же греки еще краснорѣчивѣе добавляютъ: «да и самому-то патріарху въ этомъ случаѣ не миновать чашки худаго кофея!»

В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLX ¹⁾.

Водопадъ.

(Изъ Мюллера).

Не одну слезу изъ глазъ я
 Въ снѣгъ холодный уронилъ,
 И видалъ уже не разъ я,
 Какъ тоску мою онъ пилъ.

Хочетъ травка выйти въ погѣ-
 Вѣтеръ теплый зашумитъ,
 Таетъ лёдъ и снѣгъ по волѣ
 Шумной рѣчкой побѣжитъ.

Знаетъ снѣгъ мое стремленье
 И куда же ты потѣкъ?...
 За слезой направь теченье:
 Съ ней вольешься въ ручейкъ.

Въ городъ онъ тебя потянетъ,
 Съ нимъ ты въ улицы войдешь,—
 Гдѣ слеза теплѣе станетъ—
 Домикъ милой ты найдешь.

Н. П. Огаревъ.

1840 г.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

О первых шагах дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія.

[На основаніи архивныхъ документовъ].

Читано на торжественномъ актѣ археологическаго института
14-го мая 1889 г.

Созданіемъ, въ ряду губернскихъ установленій, учрежденіемъ губерній 7-го ноября 1775 г., Приказомъ общественнаго призрѣнія русское правительство вторично встрѣтилось съ областью пауперизма, внося новыя приемы, новыя средства, новый методъ, такъ какъ создававшееся при первой встрѣчѣ оказалось въ жизни неосуществившимъ. Не говоря о слабыхъ попыткахъ при Федорѣ Алексѣевичѣ, я разумію подъ первую встрѣчку широкое и въ высшей степени замѣчательное по идеѣ законодательство Петра В., заключающееся въ его регламентѣ главному магистрату и въ его инструкціи земскимъ комиссарамъ. Какъ и во многихъ своихъ законоположеніяхъ, въ этихъ начертаніяхъ относительно области пауперизма Петръ В. пошелъ гораздо далѣе того, до чего додумалась Западная Европа. Именно здѣсь онъ указалъ, и весьма разумно, устремить всѣ силы на предупрежденіе бѣдности, а не ограничиваться дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ, мало достигающимъ цѣли, если нѣтъ энергическихъ мѣропріятій по предупрежденію бѣдности. Но законы Петра не осуществились и не могли осуществиться: магистраты вовсе не создались, какъ мечталъ Петръ, а на должности земскихъ комиссаровъ вовсе не нашлось подходящихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, и въ городѣ, и въ уѣздѣ дѣло пауперизма оставалось безъ почина административнаго.

Вторично съ этой областью пауперизма встрѣчается законодательство при императрицѣ Екатеринѣ II. Учрежденіемъ губерній 7-го ноября

1775 г. въ каждой губерніи создается приказъ общественнаго призрѣнія, а XXV глава учрежденія посвящена величественному изображенію многочисленныхъ функцій приказа. Теперь приказы обществ. призрѣнія во всѣхъ губерніяхъ, съ введеніемъ земскихъ учреждений, закрыты и сдѣлались предметомъ исторіи. И историческій анализъ, воздавая, конечно, должное и стремленіямъ законодательницы и стараніямъ дѣятелей, работавшихъ въ приказахъ, изъ разсмотрѣнія почти столѣтней дѣятельности этихъ любопытныхъ установленій, придетъ несомнѣнно къ выводу, что самая идея созданія приказовъ и весь ихъ складъ не могутъ быть признаны удачными по слѣдующимъ причинамъ: 1) они сдѣланы установленіями, которыя должны распоряжаться по цѣлой губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно завѣдывать многочисленными установленіями губернскаго города; 2) составъ ихъ не самостоятельный: подъ предсѣдательствомъ губернатора они первоначально (до позднѣйшихъ измѣненій) состояли изъ отдѣляемыхъ въ нихъ засѣданіе приказа двухъ засѣдателей верхняго земскаго суда, двухъ засѣдателей губернскаго магистрата и двухъ засѣдателей верхней расправы; 3) такому, мало удовлетворительному для административной дѣятельности, составу были поручены громадной важности дѣла — попеченіе и надзира-ніе объ установленіи и прочномъ основаніи: народныхъ школъ, сиротскихъ домовъ, больницъ, богадѣленъ, домовъ для призрѣнія неизлечимыхъ больныхъ, домовъ для сумасшедшихъ, работныхъ домовъ, сми-рительныхъ домовъ; 4) для всѣхъ этихъ важныхъ дѣлъ каждому приказу выдано изъ казначейства по 15 тыс. р., дозволено принимать пожертвованія, и для увеличенія его средствъ производить банковыя операціи на основаніи двор. банка, но съ ограниченіемъ выдавать ссуды не болѣе какъ на годъ и въ однѣ руки не болѣе 1,000 р. и не менѣе 500 рублей (1-е П. С. № 14,392).

Большой интересъ представляется въ томъ, какъ начали дѣйствовать эти новыя установленія, какіе методы и приемы стали они создавать, чтобы не потеряться въ этой обширной, трудной и новой области. На этотъ вопросъ могутъ отвѣчать только ихъ архивы, если въ нихъ уцѣлѣли протоколы этихъ установленій. Къ сожалѣнію, научная любознательность въ этомъ отношеніи должна быть очень скромная, такъ какъ мы не сумѣли уберечь нашихъ архивовъ, да и теперь не заботимся о сохраненіи уцѣлѣвшаго.

Такъ мнѣ хотѣлось, по архиву сиб. приказа обществ. призрѣнія, прослѣдить его дѣятельность за первые годы, но пришлось ограничиться изученіемъ только первыхъ шаговъ его дѣятельности, такъ какъ въ архивѣ сохранились только первыя двѣ книги его протоколовъ, обнимающія первое полугодіе дѣятельности приказа. Слѣдующая

затѣмъ книга уже относится къ 1783 г. Драгоцѣнныя же, для меня конечно, протокольныя книги за 1781 г. и 1782 г. истлѣли, сдѣлавшись достояніемъ крысъ и наводненій.

Изъ сохранившихся же протокольныхъ книгъ за первое полугодіе слѣдуетъ, что приказъ открылся 31-го мая 1780 г. и дѣйствовалъ постоянно все полугодіе, между тѣмъ въ учрежденіи о приказахъ, именно въ ст. 393, говорится: «приказъ общественнаго призрѣнія имѣеть одинъ срокъ засѣданія въ году, а именно отъ 8-го января до Страстной недѣли».

I.

Открытие приказа послѣдовало 31-го мая 1780 г. съ большою пышностью: всѣмъ распоряжался бывший тогда губернаторомъ Петербургской губерніи или управляющимъ губерніею, извѣстный въ исторіи сенаторъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ (онъ оставался губернаторомъ только до 8-го августа 1780 г., его смѣнилъ назначенный губернаторомъ поручикъ губерніи Устинъ Сергѣевичъ Потановъ). Почетныхъ гостей, генераль-фельдмаршала князя Голицына и многочисленное собраніе знатныхъ обоего пола особъ встрѣтили игрою на трубахъ и литаврахъ. Членомъ св. синода архимандритомъ Іоасафомъ съ прочими духовными персонами совершено молебствіе съ окропленіемъ св. водою помѣщенія. Затѣмъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, состоялось первое засѣданіе приказа, подъ предсѣдательствомъ губернатора Волкова, изъ двухъ засѣдателей Верхняго земскаго суда—графа Христофора Миниха, с. с. Николая Леонтьева, двухъ засѣдателей губернскаго магистрата—Степана Струговщика и Ивана Зимина, и двухъ засѣдателей Верхней расправы, Семена Волкова и Ивана Поспѣлова. Засѣданіе открылось прочтеніемъ обширной XXV главы учрежденія губерній, послѣ чего предсѣдатель, губернаторъ Волковъ, сказалъ весьма интересную рѣчь, въ которой, остановившись на разсмотрѣніи многочисленныхъ функций, возлагаемыхъ на приказъ 380-ю статью XXV главы, ораторъ замѣтилъ: «предметы вышеозначенные суть весьма важны и представляются первому взору въ превеликой обширности, и превеликихъ трудовъ, предусмотрѣнія и соображенія требующими..... потребно тутъ и всецѣлое отъ насъ вниманіе и прилежаніе; но впрочемъ все удобно, все легко и самый трудъ пріятенъ и радостенъ..... щедрая рука императрицы одарила сія богоугодныя начинанія и установленія съ презобиліемъ; великій примѣръ великой Екатерины подвинулъ такое соревновительное во всѣхъ состояніяхъ въ обихъ

полах подражаніе, что мы паче обременены избытками, нежели можемъ опасаться недостатка, какъ бы далеко ни простиралось къ общей пользѣ наше усердіе». Рѣчь должна была произвести впечатлѣніе; очевидно, опытный предсѣдатель и опытный ораторъ сначала напугалъ, а потомъ успокоилъ, обнадежилъ, поощрилъ.

Затѣмъ архимандритъ сказалъ слово собраннымъ во дворѣ бѣднымъ старикамъ, вдовамъ и сиротамъ, управляющій губерніею роздалъ сиротамъ пожертвованныя одѣянія, и призрѣваемые были угощены въ особыхъ покояхъ пищею (что обошлось приказу, какъ видно изъ уплаченнаго поставщику крестьянину Нестерову, въ 40 р.; кн. II, стр. 29), а гостямъ предложенъ былъ отъ управляющаго губерніею завтракъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и за этотъ завтракъ приказу потомъ пришлось изъ своихъ суммъ уплатить за кушанья 160 р. трактирщику Хюгету и за напитки 85 р. погребщику Радышевскому (кн. I, стр. 106).

Управляющій губерніею сенаторъ Волковъ совершенно справедливо указалъ на жертвованія, которыя потекли въ приказъ:

1) Императрица, кромѣ 15 тыс. по общему положенію, повелѣла передать въ приказъ на его дѣла 52,659 р., собранныхъ петербургскимъ дворянствомъ и гражданствомъ на сооруженіе памятника императрицѣ (это прелестная историческая революція, составляющая эстетическій памятникъ, воздвигнутый себѣ Екатериною) и кромѣ того повелѣла коллегіи экономіи продолжить ежегодный отпускъ 15,417 р. на содержаніе уже бывшихъ въ Петербургѣ городскихъ богадѣленъ ¹⁾.

2) Примѣръ государыни повліялъ на окружающихъ. Приглашенные на торжественное открытіе Приказа явились съ жертвованіями, конхъ всего въ этотъ день было внесено 32,337 р. (Кн. Прот. I, стр. 82).

Между жертвованіями были весьма крупныя: депутаты иностраннаго купечества внесли 5 тыс. р., такую же сумму коллежскій ассессоръ Яковлевъ, тульскій купецъ Володиміровъ 4,000 р., членъ Приказа Струговщиковъ 1,000 р., членъ губ. магистрата Роговичъ съ братомъ 500 р., духовникъ императрицы, Благовѣщенскаго собора протоіерей Іоаннъ—100 р., архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій изъявилъ желаніе ежегодно доставлять 120 р. какъ проценты съ жертвуемаго имъ капитала въ 2000 р., И. И. Бецкій внесъ въ Слб. отдѣленіе Воспитательнаго Дома капиталъ, съ котораго ежегодные проценты,

¹⁾ Ср. мою статью: «Историческій очеркъ городскихъ богадѣленъ въ С.-Петербургѣ», пом. въ 2 части изд. городскимъ общественнымъ управленіемъ «Охраненіе общественнаго здравія въ Петербургѣ» 1889 г. И. А.

въ размѣрѣ 250 рублей, должны быть выдаваемы Приказу, и объ этомъ пожертвованіи извѣстилъ предсѣдателя Приказа, управлявшаго губерніею Волкова, слѣдующимъ письмомъ:

«Доброжелательствуя успѣхамъ челоѣколюбивыхъ намѣреній, съ каковыми учрежденъ Приказъ общественнаго призрѣнія, при семъ провождаю съ моею стороны помощь челоѣчеству, о коемъ стараніи поручено сему благотворительному Приказу, гдѣ ваше превосходительство достойно предсѣдательствуете; сдѣланная при открытіи онаго толь нечаянно въ вашемъ поразительномъ словѣ мнѣ честь не есть причина. побудившая къ сему меня, желающаго быть всегда полезнымъ обществу единственно для пользы общества, а не для звуковъ славы; чистое удовольствіе, происходящее отъ благотворенія, какъ безъ сомнѣнія вы сами съ вашими сочленами сего благодѣтельнаго Приказа то чувствуете, есть столь сладостно, что никакое брѣнное утѣшеніе славы съ нимъ сравниться не можетъ и вотъ моя единая награда, которую я себѣ за всѣ мои попеченія полагаю и въ семъ случаѣ полагаю, уповаю, чтобъ быть полезнымъ благодѣтельнымъ упражненіямъ Приказа общественнаго призрѣнія я всегда должностью моею почту».

Добрыя и хорошія мысли русскаго дѣятеля XVIII вѣка! Русскіе государственные люди этого столѣтія плѣнялись идеалами. Иванъ Ивановичъ Бедкій! Сколько въ этомъ историческомъ имени историческаго добра! Онъ жилъ и энергично дѣйствовалъ во многихъ государственныхъ предпріятіяхъ, всегда вдохновляясь плѣнительнымъ идеаломъ добра, стремленіемъ доставить возможно болѣе счастье возможно большому числу людей. Спасибо ему.

И не только въ день открытія Приказа, но и потомъ поступали пожертвованія. Между прочимъ, дворяне, по подпискѣ, собрали 3 тыс. рублей. О всѣхъ принятыхъ пожертвованіяхъ Приказъ положилъ печатать въ Академическихъ Спбургскихъ Вѣдомостяхъ. Для сбора же пожертвованій устроилъ 50 кружекъ, препроводивъ ихъ преосвящ. Гавріилу, прося приказать поставить въ надлежащихъ мѣстахъ. (Кн. прот. I, 48).

II.

Храненіе полученныхъ капиталовъ представило не мало затрудненій для Приказа. Но переведенный секретаремъ Приказа опытный секретарь ревизіонъ-коллегіи Петръ Арбузовъ разрѣшилъ довольно удачно эти затрудненія: первоначально всѣ суммы были отправлены въ уѣздное казначейство, а потомъ заказали желѣзный сундукъ, создали своего казначея и начали дѣйствовать въ области предоставленныхъ Приказу банковыхъ операцій. Возможность полученія изъ Приказа ссудъ, въ которыхъ, не смотря на дѣятельность Дворянскаго Банка, весьма многіе нуждались, доставила приказу весьма скоро популярность: занять всегда было много охотниковъ. Выдача ссудъ началась уже 9 іюля: первую заемщицею (на 1000 р.) явилась жена ротмистра л.-гв. Коннаго полка княгиня Елисавета Волконская, и съ ея легкой руки операціи ссудъ пошли довольно скоро. Занимали не только постороннія лица, но въ сентябрѣ уже занявъ 1000 р. и членъ Приказа гр Минихъ. Скоро встрѣтилась и коллегія банковыхъ учрежденій, представившая затрудненія по причинѣ отсутствовавшей тогда правильной ипотечной системы, которой, впрочемъ, и теперь еще у насъ нѣтъ. Именно, поручикъ Штегельманъ взялъ въ Приказѣ ссуду въ 1,000 рублей подъ залогъ своего имѣнія, но чрезъ 2 мѣсяца убѣдился, что такой ссуды ему недостаточно, и обратился въ Ссудную казну Воспитательнаго Дома (начавшую уже дѣйствовать) съ просьбою заложить это же самое имѣніе за 3,500 рублей, выдавъ ему на руки 2,500 р., а 1,000 р. Приказу для погашенія взятой у него ссуды. На послѣдовавшее предложеніе Ссудной казны Приказъ согласился (кн. II, стр. 68).

III.

Въ область открытія и завѣдыванія цѣлою обширною серіею установленій, означенныхъ въ ст. 380, председатель Приказа Волковъ вступилъ весьма энергично. По его предложенію, уже 9-го іюня, Приказъ опредѣлилъ послать запросы, какъ петерб. оберъ-полиціймейстеру, такъ и командующимъ во всѣхъ городахъ Петербургской губерніи, чтобы немедленно доставили вѣдомости, какія изъ означенныхъ въ 380 ст. установленій имѣются въ каждомъ городѣ и уѣздѣ. Отъ оберъ-полиціймейстера петербургскаго Петра Вас. Лопухина скоро представлена была вѣдомость объ имѣющихся въ столицѣ частныхъ школахъ и богадѣльняхъ, подъ именемъ градскихъ; изъ другихъ

городовъ стали поступать донесенія, что никакихъ такихъ установленій не имѣется, за исключеніемъ г. Нарвы, магистратъ котораго увѣдомилъ (24 іюля), что въ г. Нарвѣ имѣется богадѣльня и домъ для умалишенныхъ, и съ капитала 2 тыс. рублей (образовавшагося изъ тысячи рублей, пожалованной Императрицею, и тысячи рублей, доставленныхъ ратманами) проценты идутъ на поддержку сиротъ (кн. прот. I, стр. 70).

Получивъ немногія данныя, Приказъ представилъ Правительствующему Сенату о передачѣ въ его вѣдѣніе установленій, перечисленныхъ въ ст. 380. Правительствующій Сенатъ сталъ удовлетворять частями это представленіе: уже въ іюлѣ предписалъ коллегіи экономіи передать Приказу петербургскую богадѣльню. (I, стр. 34).

Въ засѣданіи 4-го іюля Приказъ поручилъ своему члену Зимину: 1) принять въ вѣдомство Приказа пансіоны, въ столицѣ имѣвшіеся, позаботиться о поправленіи ихъ и объ употребленіи приличныхъ мѣръ по сношенію съ господами профессорами, къ чему и о приѣмѣ экзамена, назначаемаго отъ господина директора Академіи; 2) о немедленномъ заведеніи въ уѣздныхъ городахъ градскихъ школъ на точномъ основаніи ст. 384 гл. XXV; 3) объ учрежденіи также богадѣленъ; 4) объ открытіи изготовленной въ Петербургѣ больницы (Обуховской) и дачѣ ей наставленія; 5) о немедленномъ учрежденіи въ здѣшней столицѣ госпиталя для леченія венерическихъ болѣзней и о приѣмѣ для того дома или за Калинкинымъ мостомъ или на Васильевскомъ островѣ, призвавъ для совѣта лейбъ-хирурга Кельхена, и 6) о скорѣйшемъ учрежденіи Смирительнаго дома и дома сумасшедшихъ. (Кн. I, 33).

Нелегкія порученія возложались, такимъ образомъ, на трудолюбивѣйшаго изъ членовъ Приказа Зимина. Принятіе богадѣльни и заботы объ ея устройствѣ возложены были на другаго члена Струговщикова.

Зиминъ занялся, прежде всего, Обуховскою больницею и устройствомъ Смирительнаго дома.

Обуховская больница была уже совершенно готова, онъ ее принялъ, представилъ о всемъ Приказу, который и сдѣлалъ распоряженіе объ открытіи ея 16 августа, о чемъ и распубликовалъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Устройство Смирительнаго дома не мало хлопотъ и огорченій доставило Зимину. Устроивъ домъ для заключенія въ немъ смиренныхъ, онъ устроилъ для нихъ работы по сооруженію городского вала (стр. 114). Затрудненія для него являлись въ томъ, что оберъ-полицеймейстеръ и по его представленію Нижній Надворный Судъ весьма старательно начали смирять людей и ставили Зимина въ затрудненіе,

принимать-ли всѣхъ, присылаемыхъ для смиренія, въ виду неопредѣленности закона, кто кого и какъ смирять долженъ. Отъ 5 августа 1780 г., въ 1-й книгѣ записанъ очень любопытный протоколъ Приказа.

Нижній Надворный Судъ препроводилъ въ Приказъ для безсрочнаго заключенія въ Смирительномъ домѣ взятую въ пьянствѣ и безъ паспорта солдатку Васильеву, которая показала, что она паспортъ утеряла, а подлинную личность ея удостовѣрилъ ея свойственникъ, медицинской коллегіи копіистъ Завалюнинъ. Приказъ, перечисливъ, на основаніи ст. 391 гл. XXV, всѣхъ лицъ, заключаемыхъ въ Смирительный домъ, опредѣлилъ: сообщить Нижнему Надворному Суду, «что его приговоръ о ссылкѣ въ Смирительный домъ долженъ быть основанъ по точному начертанію означенной статьи, и для того имѣеть впредь объяснять о таковыхъ подробно презрительные поступки, и коликое время усмиреніе долженствуетъ продолжаться. А потому Приказъ и не оставить сдѣлать надлежащее исполненіе — а безъ означеннаго объясненія впредь таковыхъ присылаемыхъ на смиреніе принимать не будетъ» (стр. 91).

IV.

Не менѣе хлопотъ на первыхъ порахъ доставила Приказу и богадѣльня. Принявъ въ свое вѣдѣніе Василеостровскую богадѣльню, Приказъ нашелъ въ ней: 2-хъ неизлечимобольныхъ, 3-хъ дряхлыхъ, 4-хъ престарѣлыхъ, 6 отроковъ, 5 младенцевъ и богадѣленныхъ 1,694. Такъ какъ многіе изъ помѣщенныхъ въ богадѣльню объявляли желаніе быть освобожденными на свое пропитаніе, при чемъ общали представить росписки благотворительныхъ людей, что не допустить ихъ до нищенства, то Приказъ начерталъ правила о такихъ поручителяхъ, подъ росписки которыхъ могутъ быть освобождаемы богадѣленные (Кн. II, стр. 59). Но такъ какъ полиція чрезвычайно усердно захватывала нищихъ, представляя ихъ для приарбнїя, то Приказъ весьма былъ затрудненъ на первыхъ порахъ въ этой области богадѣленнаго дѣла. Любопытно при этомъ, что явились охотники эксплуатировать богадѣленныхъ нищихъ, подавлявшихъ своимъ количествомъ средства Приказа.

Въ засѣданіи его 30 октября 1780 г. слушалось прошеніе Шлисельбургской ситцевой фабрики содержателя Лимана, представленное его прикащикомъ, сб. купцомъ Яковомъ Москвиннымъ, о томъ, «что извѣстившись онъ, господинъ Лиманъ, объ имѣющихся въ вѣдомствѣ

Приказа такихъ женщинъ, кои по состоянію и лѣтамъ должны будутъ имѣть прокормленіе работою, приличною женщинамъ, чего ради и просить объ отдачѣ на означенную фабрику женщинъ — съ такимъ предувѣреніемъ, что имѣютъ быть прилично содержимы и какъ пищею, такъ и одеждою снабждать не оставить» (о заработной платѣ, по скромности, умалчивается), «а притомъ не будутъ допущены до мірскаго подаванія, и ежели обратно потребуются, то представлены будутъ во всякое время». Это предложеніе показалось Приказу очень заманчивымъ. Разсуждая, что въ Василеостровской богадѣльнѣ, за вычетомъ отданныхъ подъ росписки поручителямъ, остается еще обоего пола 1,800 человекъ, и по спискамъ члена Приказа Струговщикова, «Приказъ извѣстивъ, что немалое число оказалось женщинъ презрительнаго поведенія, каковыя для удержанія прочихъ отъ соблазна особо отобраны», и основываясь на ст. 387 XXV главы, счелъ себя въ правѣ распорядиться этими женщинами, согласно прошенію фабриканта, и приказалъ смотрителю богадѣльни комисару Шураеву отобрать такихъ женщинъ и списокъ ихъ представить въ Приказъ. (Кн. II, стр. 70).

V.

Въ области вѣдѣнія народнаго образованія и школьнаго дѣла Приказъ, конечно, не могъ быть во всеоружіи. Дѣло это было еще тогда въ пренебреженіи, почему Приказы и призваны къ командованію школами. Еще только чрезъ два года (7 сент. 1782 г.) состоялся указъ объ учрежденіи Комиссіи народныхъ училищъ. (1-е П. С. Зак. № 16,507). Приказъ же, получивъ отъ оберъ-полицеймейстера списокъ всѣхъ училищъ и ввѣривъ ихъ своему сочлену Зимину, дѣлаетъ первое распоряженіе о всѣхъ школахъ по поводу одного частнаго прошенія. Именно, по поводу поданнаго доношенія французской націи отъ мадамъ де-Нолтиеръ съ дочерью о дозволеніи открыть въ Петербургѣ пансіонъ на 15 дѣвицъ, при чемъ просительница подробно объяснила основанія сего пансіона и приложила свидѣтельство о своей педагогической дѣятельности отъ графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго, въ домѣ котораго она была учительницею въ теченіе 20 лѣтъ, Приказъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: «С.-Петербургской Императорской Академіи въ комиссію послать сообщеніе, съ тѣмъ, чтобы она благоволила чрезъ кого надлежитъ экзаменовать въ предписанныхъ наукахъ—довольно-ли онѣ знанія имѣютъ быть учитель-

ницами; касательно-жъ до прочихъ публичныхъ училищъ, здѣсь находящихся, какъ объ оныхъ въ Приказѣ имѣется реестръ, полученный отъ г. оберъ-полиціймейстера, то послать къ нему предложеніе, дабы онъ приказалъ всѣмъ повѣстить, чтобы явились въ Приказъ будущаго 7-го числа декабря и когда явятся, то имъ въ присутствіи объявить, чтобы представили о знаніи своемъ аттестаты, а также приложили реестры ученикамъ своимъ съ показаніемъ коликихъ лѣтъ и въ какихъ наукахъ упражняются». (Кн. II, 79).

Послѣдующую дѣятельность Приказа до 1783 г. можно разобрать уже не по протоколамъ, а только по отдѣльнымъ сохранившимся дѣламъ.

VI.

Представивъ, на основаніи архивнаго матеріала, эти коротенькія указанія о первыхъ шагахъ дѣятельности спб. приказа общественнаго призрѣнія, я думалъ сдѣлать эти указанія напутственными для оставляющихъ сегодня институтъ его слушателей и вступившихъ опять въ него сегодня же въ качествѣ его дѣйствительныхъ членовъ. Если первые шаги дѣятельности Приказа спб. обществ. призрѣнія возбуждаютъ хотя нѣкоторый интересъ, то у меня рождается надежда, если мнѣ удастся по дѣламъ архива разобрать дальнѣйшую дѣятельность этого приказа и представить ее въ новыхъ чтеніяхъ, то и на этихъ чтеніяхъ мы опять увидимъ нашихъ слушателей въ стѣнахъ института. А для насъ всегда въ высшей степени отрадно, когда скромный институтскій залъ принимаетъ на своихъ чтеніяхъ почетныхъ гостей и бывшихъ слушателей института, какъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

И. Е. Андреевскій.

14-го мая 1889 г.

Приказы и резолюции императора Павла

1799 и 1800 гг. ¹⁾.

1.

Въ имянномъ е. и. вел.—ва высочайшемъ указѣ, данномъ сенату 19-го декабря 1799 г., изображено: е. и. вел.—во, по прошенію умершаго генераль-лейтенанта Смородина, отъ 8-го сего декабря, высочайше указать соизволил: зятю его гарнизоннаго Демидова полку штабъ-капитану Володимерову принять фамилію Смородинныхъ, на которую наготовивъ надлежащую грамоту, поднести е. и. вел.—ву къ высочайшему утвержденію.

2.

Въ имянномъ е. и. вел.—ва высочайшемъ указѣ, объявленномъ сенату 1799 г. ноября въ 16 день генераломъ отъ инфантерій, бывшимъ генераль-прокуроромъ и кавалеромъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ, изображено: е. и. вел.—во, всемилостивѣйше позволявъ воспитаннику умершаго бригадира Горича порутчику Оричу принять гербъ и фамилію его воспитателя, высочайше указать соизволил поднести на дворянство его грамоту къ высочайшему подписанію.

Марта 19-го (1800 г.). По слѣдственному дѣлу о генераль отъ инфантерій Штрандманѣ и прикосновенныхъ къ оному по сентенціи военнаго суда, послѣдовала высочайшая конфирмація: «а дѣло вздорное, и Штрандманъ и Юргендъ уже не въ службѣ».

Марта 23-го. Е. и. в. усматриваетъ по прислаемымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ оны имѣютъ позитуру болѣе сходную для кулашнаго боя, нежели приличную для солдата, что и сегодня было особенно замѣчено съ людьми изъ полку ген.-маіора Хитрово, которые были такъ задерганы, что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ замѣчанію всей арміи.

¹⁾ Въ дополненіе къ многочисленному собранію высочайшихъ указовъ, приказовъ и резолюцій, состоявшихся въ 1796—1801 гг. и напечатанныхъ разновременно въ «Русск. Стар.», сообщается здѣсь еще нѣсколько за 1799 и 1800 гг.

Апрѣля 29-го. Е. и. в. дѣлаетъ выговоръ свитѣ своей по квартирмейстерской части за вѣтренность и невѣдѣніе дорогъ своего государства.

Мая 12-го. Гарнизоннаго князя Гика полку штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ, по сентенціи военного суда, лишается чиновъ и дворянства и наказывается вѣчно въ рядовые, съ прогнаніемъ шпицрутеномъ сквозь 1000 человекъ.

— Въ примѣръ другимъ, дѣляется выговоръ отставленному отъ службы генералъ-лейтенанту Свѣчкину 2 за выдумки, совсѣмъ несходственныя съ апробованными образцами въ обмундированіи драгунскаго полку его имени.

Іюня 11-го. Драгунскаго Обрѣзкова полку подпоручикъ Викторовъ, за посылку изъ вѣренной ему команды трехъ человекъ драгунъ—красть у обывателей барановъ и муки, кои, не смѣя ослушаться, исполнили его желаніе, а онъ раздѣлилъ съ ними украденную муку, по представленію шефа, исключается изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, и отсылается, какъ воръ, къ гражданскому суду.

Сообщ. Г. И. С.

Автографъ историка Георга Вебера.

(первая страница его статьи смотри выше).

Wassfall zu diesem großen Frankreich
im Replauden für seine Kaiser.
Zürichische Commission von
Georg Weber.

In unsern Tagen gibt es in den
Moscowdifferenzen Kräfte, welche
im Familienkreis stehen gegen
Frankreich und das russische Reich kommt
aber zunächst als Zeitgenosse sein,
mit dem Bezugswort eine
verantwortliche Sorge in Erinnerung zu bringen,
so die beiden Kräfte in ihrer
von ersten Oberjüngern
führt in einigen Monaten.
Zweit in fünf Jahren ist jede -
Licht - mit ihrem Wissen
geschlossen, die Inzestehung
für die Geschichte Europa von
unserer Zeit und Bedeutung werden

Die französische Revolution ist
die Erklärung Kolonien gegen gleich -
zeitig auch ist geben das Ps -
Licht der Inzestehung von
einem Sprecher, beide von

sind ferner

Durch die...
durch die...
durch die...

Die

aus dieser...
mit...
Einigkeit...
auf die...
offenbar...
durch...
An dem...
Anzahl...
die...
mit...
Ihren...
von...
trübselig...
aussehen...
ge...
wollte...
die...
be...
be...

ВЪ МАГАЗИНЪ АВГ. ФЕД. ЦИНЗЕРЛИНГА МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

ЗАПИСКИ НИКИТЫ ИВАНОВИЧА ТОЛУБЪЕВА

(1780—1809)

россійскаго дворянина и военно-служилаго человека.

Спб., 1888 года, изд. "Русской Старины", въ 8 долю, стр. 168.

Рукопись изъ собранія А. А. Титова.

Записки Толубѣева, при рѣдкости вообще у насъ межуаровъ русскихъ людей XVIII-го вѣка, составляютъ интересный вкладъ въ собраніе записокъ и сказаній о временахъ минувшихъ. Написаны Записки Толубѣева съ добродушнымъ юморомъ и заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о бытѣ дворянъ-помѣщиковъ; много въ нихъ подробностей и о бытѣ крестьянъ конца XVIII-го вѣка, объ ихъ увеселеніяхъ, предрасудкахъ и повѣрьяхъ русскаго народа; о магнатахъ южной Россіи, о всѣхъ тягостяхъ военно-служилаго быта конца прошлаго и первыхъ лѣтъ текущаго столѣтій, много интересныхъ данныхъ о кровавой кампаніи противъ французовъ 1806—1807-хъ годовъ, участникомъ которой былъ Толубѣевъ, и проч., и проч. Записки Толубѣева впервые являются въ печати.

Цѣна книги ДВА рубля съ пересылкой.

Для подписчиковъ на «Русскую Старину» цѣна книги: «Записки Толубѣева» ОДИНЪ рубль съ пересылкой.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Служебныя и личныя воспоминанія ген.-лейт. П. П. Карцова съ 1830 по 1879 годъ.

Двѣ части (800 стр. убористой печати).

Кромѣ событій описываемаго періода, какъ-то: бунта въ военныхъ поселеніяхъ, Польской смуты и жизни въ Варшавѣ въ 1863 году, очерковъ кадетской жизни, службы въ гвардіи и арміи и эпизодовъ войны, 1877—1878 гг.,—читатели встрѣтятъ въ этой книгѣ черты изъ жизни императоровъ: Николая I, Александра II, Вильгельма I, великаго князя Михаила Павловича, принцевъ Фридриха-Карла и Гумберта, фельдмаршала Врангеля и графа Берга, генераловъ Аракчеева, Я. И. Ростовцева, Н. П. Пущина и другихъ.

Цѣна 5 руб., для подписчиковъ „Русской старины“ 3 руб.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются нижеслѣдующія изданія ред. «Русск. Старинны»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первыя пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами.

Цѣна ТРИ рубля съ пересылкою.

II. Первое прибавленіе къ этой Росписи 1885—1887 гг. съ 12-ю гравюрами. Цѣна ОДИНЬ руб.

III. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

IV. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. съ пересылкою.

V. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за ДВА рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 л.

VI. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна ОДИНЬ руб. съ пересылкою.

VII. Русскіе достопамятные дѣятели въ гравированныхъ лучшими художниками портретахъ, третье собраніе. Спб., 1889 г., въ 8 д. Цѣна для подписчиковъ «Русской Старины» — ДВА рубля съ пересылкою.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,
Императоръ всероссійскій.


Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за семь семи-копѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ горожане, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Авг. Фед. Цинзерлинга
(Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЕТСЯ СЛѢДУЮЩАЯ КНИГА:

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850
извѣстныхъ лицъ, государ. и общественныхъ дѣятелей. —
Воспоминанія. — Стихотворенія. — Шутки. — Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна ДВА руб. съ пересылкою.

1867 — 1888.

Въ этомъ «Альбомѣ», между многими другими, напечатаны собственноручно
вписанныя въ него автобіографическія и разныя замѣтки слѣдующихъ лицъ:
Агреньевъ-Славянской, гр. А. В. Адлербергъ, И. К. Айвазовскій, И. Е. Андре-
евскій, Н. М. Анничковъ, В. А. Арцимовичъ, К. Ф. Багговутъ, М. А. Балази-
ревъ, Е. И. Барановскій, Барсовы, Барсуковы, П. И. Бартевель, кн. Барятин-
скій, А. Н. Бекетовъ, А. П. Берже, Н. В. и Ф. Н. Берги, К. Н. Бестужевъ-
Рюминъ, В. А. Вильбасовъ, гр. Вобриискіе, А. Н. Боголюбовъ, Боденштедтъ,
Н. Х. Бунге, А. Ф. Бычковъ, бар. Вюлеръ, Н. А. Вагановъ, гр. П. А. Валу-
евъ (стихи), Васильчиковъ, Георгъ Веберъ, Вейнбергъ (стихи), М. И. Венюковъ,
Водовозовы, И. А. Вышнеградскій, П. А. Гайдебуровъ, Галаховы, А. А. Гер-
пель, кн. Голицыны, А. В. Головинъ, И. Ф. Гончаровъ, И. Ф. Горбуновъ (поса-
данія, шутки, рассказы), А. Д. и Г. К. Градовскіе, К. К. и Л. К. Гроты, Г. Г.
Даниловичъ, Ф. М. Дмитриевъ, кн. В. А. Долгоруковъ, Домонтовичи, Н. Ф.
Дубровинъ, П. П. Дурново, П. А. Ефремовъ, Жемчужниковы, Жуковскіе, М. А.
Зичи, графы А. П. и Н. П. Игнатьевы, В. С. Ивонниковъ, Д. И. Иловайскій,
К. Д. Кавелинъ, П. А. Каратыгинъ (стихи), М. С. Кахановъ, Д. Ф. Кобеко,
Н. И. Кокшаровъ, А. Ф. Коня, И. П. и Ф. П. Корниловы, Н. И. Костомаровъ,
А. А. Краевскій, В. В. Крестовскій, Ламанскіе, Левинскіе, Н. А. Лейкинъ, кн.
А. Б. Лобановъ-Ростовскій, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, А. Н. и Л. Н. Май-
ковъ, И. А. и П. И. Мельниковы, гр. Меренбергъ, М. О. Микѣшинъ, О. Ф.
Миллеръ, А. П. Милюковъ (стихи), гр. Д. А. Милютинъ, М. П. Митковъ, Д. Л.
Михаловскій (стихи), В. О. Михневичъ, Д. Л. Морозьянъ, Н. А. Некрасовъ,
И. И. Ореусъ, А. Н. Островскій (рассказъ изъ его жизни), Т. П. Пасе-
секъ, Я. П. Половскій, Потѣхины, Н. М. Пржевальскій, А. Н. Пшынъ, А. Г.
Рубинштейнъ, Г. К. Рѣпинскій, В. И. Сергѣевичъ, А. А. Скальковскій, К. Б.
Случевскій (стихи), Ф. Г. Солнцевъ, Е. П. Старинскій, В. Я. Стожанинъ, Н. И.
Столяновскій, графиня Е. В. Салиасъ, Л. А. Сѣряковъ, И. М. Сѣченовъ, гр.
Д. А. Толстой, гр. Л. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ, Н. Н. Фигнеръ, В. Д. Фи-
лософовъ, Э. Я. Фуксъ, А. В. Цимсень, Н. А. Шторхъ, А. Д. Шумахеръ, В. Р.
Щеглевъ (стихи), Г. А. Эзовъ, А. Н. Яхонтовъ (стихи) и мног. другихъ.

Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издер-
жекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для
пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ
въ С.-Петербургѣ», въ распоряженіе каковаго Общества и передано,
6-го февраля 1889 г., 450 экземпляровъ.

въ Острога, Евью и Вильнѣ, и до сихъ поръ почти не были въдомы въ библиографіи. Весьма желательно видѣть и впредь замѣтки Д. А. Бычкова о рѣдкихъ книгахъ, такъ какъ онѣ особенно умѣстны въ приложеніи къ «Отчетамъ» этого превосходнаго книгохранилища. Въ ряду множества приобретенной библиотеки въ 1886-мъ году — мы замѣтили обширное собраніе автографовъ, принесенное въ даръ И. П. Корниловымъ; богатѣйшее собраніе гравюръ, брошюръ, рукописей — относящихся до Италіи, съ 1882-го года почти ежегодно пополняемое, въ видѣ новыхъ поступленій, отъ почетнаго члена императорской публичной библиотеки И. Е. Бедкаго, давняго жителя Флоренціи. Въ отдѣлѣ рукописей библиотеки поступаютъ, между прочими, и такіе манускрипты, которые появились уже въ печати, но таковыя поступленія дорогіи тѣмъ, что въ печати нерѣдко они являются съ пропусками — здѣсь же, въ библиотекѣ, рукописи эти дождутся времени, когда найдутъ возможнымъ напечатать ихъ вновь; напр., въ 1886 году, поступила въ библиотечку рукопись записокъ Л. И. Греча, какъ извѣстно явившихся въ печати съ весьма значительными пропусками. Весьма пріятно узнать изъ отчета, что въ библиотечку поступилъ Альбомъ каррикатуръ — талантливейшаго русскаго каррикатуриста Н. А. Степамова, исполненныхъ имъ анварелью до 1853 года по поводу М. П. Глинки, его жизни, занятій и друзей; всѣхъ каррикатуръ этихъ; сюда же, въ библиотечку, поступили и мажнъ кн. Г. А. Потемкина изъ собранія покойнаго историка Висковатова и проч. Изъ вѣдомости о количествѣ журналовъ и газетъ, выданныхъ въ чтеніе въ 1886 году, мы замѣтили, что «Русская Старина», — въ ряду 488 повременныхъ изданій, — занимаетъ пятое мѣсто по количеству требованій на этотъ журналъ изданіе 1886 года, и третье по числу требованій въ прежніе годы этого историческаго еженесячнаго журнала.

Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Томъ III, съ портретомъ автора. Сиб., 1889 г., въ 8 д., стр. 13. Цѣна 2 руб.

Это послѣдній выпускъ «Воспоминаній» вѣстной русской писательницы, недавно

сошедшей въ могилу. Большая часть главъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, была напечатана въ «Русской Старинѣ», но покойная Татьяна Петровна, группируя ихъ въ III-й томъ своихъ воспоминаній, — во многомъ ихъ дополнила (см., напр., новыя подробности въ рассказѣ о кончинѣ А. И. Герцена-Искандера); здѣсь же напечатаны и некоторые новыя очерки ея о выдающихся въ русской общественной жизни современникахъ — какъ, напр., о М. Н. Катковѣ и проч. Живость и мѣстами поэтичность изложенія, искренность и сердечная теплота, разлитая во всеяъ рассказѣ, вотъ отличительныя достоинства этихъ воспоминаній женщины замѣчательно умной, сохранившей энергію и любовь къ труду даже и тогда, когда Providѣніе поразило ее рядомъ величайшихъ потерь — отнявъ у нея просвѣщенныхъ и прекрасныхъ, по душевнымъ качествамъ, мужа и двухъ взрослыхъ сыновей. Главнѣйшія лица воспоминаній Т. П. Пассекъ — А. И. Герценъ, его семья и его друзья — всѣ они были дороги и близки Татьянѣ Петровнѣ, за которой останется заслуга — первой изъ русскихъ, послѣ смерти Герцена, остановившей въ русской печати вниманіе общества на заслугахъ знаменитаго писателя и публициста и съумѣвшей осветить его нравственную личность со всеяъ достоинствами и недостатками. Воспоминанія Т. П. Пассекъ чрезвычайно интересны.

Очерки, наброски, воспоминанія В. В. Верещагина. Съ рисунками. Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 155. Цѣна 1 р. 75 к.

Шесть лѣтъ тому назадъ книга эта вышла; нынѣ, найдя ее въ своей библиотекѣ, мы прочитали ее съ большимъ удовольствіемъ. Живость, искренность и образность разсказа, разнообразіе и интересъ содержанія — вотъ достоинства этой изящно изданной книжки. Сюда вошли: Изъ разсказовъ крестьянина охотника. — Изъ путешествія по Закавказскому краю. — Изъ путешествія по Средней Азіи. — Дунай, 1877 г. — Н. С. Тургеневъ, 1879—1883. — По Сибири. — Воспоминанія дѣтства 1848—1849 гг. — Политическій въ этой книгѣ много и они вполнѣ Верещагинскіе, т. е. говорятъ еще живѣе, еще выразительнѣе, чѣмъ текстъ его разсказа, который также я живъ, и интересенъ.

М. С.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГЪ.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), Н. Печковской (Петровская улица). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина.

Гг. Изюгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторической русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословныя.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (55 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (33 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (7 экз.), съ 17 портрет., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, (89 экз.) съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (10 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

